NARODY ROSSII (ZHIVOPISNYI AL'BOM)

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BUILDING USE ONLY

DK33
.N36
1880

a 00003 403980

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 1 7 1988			
	OCT 29 '87		

Form No. 513,
Rev. 1/84

35°

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ

Zhivopisnyĭ al'bom

Лазарь Борисовичъ Гу

НАРОДЫ РОССІИ

NARODY ROSSII

Содержаніе.

Великоруссы.— Малороссы.— Бѣлоруссы.— Поляки.— Латыши.— Литовцы.— Финны.— Эсты. Ливы.— Мордва.— Черемисы.— Зыряне.— Вотяки.— Евреи.— Молдаване.— Цыгане.— Болгары.— Казанскіе и крымскіе татары.— Башкиры.— Киргизы.— Кавказскіе жители.— Кочующіе народы. Сибирскіе инородцы.— Средне-азіатскіе народы.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA PROPERTY OF LIBRARY AT CHAPEL HILL

Цѣна 9 руб., съ пересылкою 10 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина, на углу Екатерингофскаго просп. и Б. Мастерской, д. № 11/43.
1880.

По географіи:

ой географія ... частей свѣта, ... изъ 10-ти
... а въ перепл. 4 р. 50 к., вѣс. за 6 фунт. Новый учебн.
... полн. гимназ. курса. Печатанъ съ оборотомъ, въ 38
... перепл. 1 р. 85 к., вѣс. за 2 ф. Новый учебн. географич.
... классовъ. Печатанъ съ оборотомъ, въ 16 картъ. Ц. 60 к., въ
... ф. Полнаго гимназ. курса, въ 24 карты. Ц. 1 р. 50 к., въ
... за 2 ф. Для духовныхъ училищъ, въ 17 картъ. Ц. 1 р., въ
... с. за 2 ф. Для первыхъ классовъ гимназій, въ 9 картъ.
... къ перепл. 80 к., вѣс. за 1 ф. Малый учеб. географ. атл., подъ редакціею
...цкаго. Сост. изъ 18 картъ. Ч. I. Обзоръ всѣхъ частей свѣта и внѣ-европейскія
... 1 ф. Пяти частей свѣта, 8 больш. хром.
... 2 ф. Для народныхъ училищъ, въ 9
... Подроб. атл. Рос. Имперіи, въ 12 кар.
... Россійской Имперіи, въ 9 кар. Ц. 1 р.,
... и Россіи, въ 5 кар. Ц. 50 к., въ перепл.
... ія картъ, сост. А Пуликовскимъ. Ч. II.
... р. 50 к., вѣс. за 2 ф. Дополненіе ко II-й
... 2 ф. Для клас. черченія картъ, ч. III.
... 2 ф. Учеб. географ. атл., вып. I, въ
... томъ). Сост. Н. Б. Медеръ. Ц. 2 р. 50 к.,
... окъ для клас. черченія картъ. Ц. 1 р., въ
... кихъ сѣтей на 8 лист., съ контурами
... за 1 ф. Географическихъ сѣтей, безъ
... 1 ф. Физической географіи по Реклю,
... вѣс. за 2 ф.

...оріи:

... Ц. 60 к., въ перепл. 90 к., вѣс за 1 ф.
... конспектомъ. Ц. 1 р. 20 к., въ перепл.
... средней, новой, новѣйшей и ру ской
... за 2 ф. Рисунки памятниковъ искус-
... с. за 1 ф. Русскіе историческіе памятники,
... вѣс. за 1 ф.

...ѣнны ... карты, ...ѣмыя

1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф. ... накл. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.
Европ. Россія на 4 ... Европ. Россія для народ-
ныхъ школъ, съ надп., ... 0 к., вѣс. за 2 ф. Палестина
на 1 л., съ надп. Ц. 50 к., ... ческая Европейская Россія
на 4 лист. Ц. 2 р., накл. ... Россія на 4 лист., съ надп.
Ц. 2 р., накл. 3 р. 50 ... Африка, С. и Ю. Америка
и Австралія, Св...
Отдѣльн...

Большія стѣнныя карты по русской исторіи, сост. Добряковымъ.

Восточная Европа въ половинѣ IX вѣка и Русь въ удѣльный періодъ по 1240 г. Русь Московская и Литовская до 1689 г. и Россійская Имперія отъ Петра Великаго до нашего времени. Цѣна за всѣ три карты 5 р., накл. 9 р. 50 к., вѣс. за 5 и 8 ф.

Отдѣльно каждой картѣ цѣна 2 р., накл. 3 р. 50 к., вѣс. за 2 и 3 ф.

2. Книги.

Жизнь растеній, Л. Фигье, съ 412 рис. Ц. 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к., перес. за 5 ф.
Земля, Элизе Реклю, **Т. I. Суша**, ц. 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.
Т. II. Океанъ, атмосфера и жизнь, его же, ц. 4 р., въ пер. 4 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.
Человѣкъ и животныя, А. Манжена, ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р., вѣс. за 4 ф.
Физическая географія, Кледена, больш. томъ, 1500 стр. съ 450 рис. и хромолитогр., ц. 9 р., въ перепл. 11 р., перес. за 6 ф.
Земля и ея народы, Фр. Гельвальда, **Т. I. Живоп. Америка**, съ 100 больш рис., ц. 4 р., перес. за 6 ф.
Т. II. Живописная Африка Съ рис., ц 2 р., перес. за 6 ф.
Т. III. Живописная Европа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 6 ф.
Т. IV. Живописная Азія и Австралія. Ц. 2. р. 50 к., вѣс. за 6 ф.
Всѣ четыре тома 10 р., пер. за 15 ф.
Колонизація у новѣйшихъ народовъ, Леруа Болье, ц. 2 р., перес. за 2 ф.
Современные Соединенные Штаты, ц. 1 р 50 к., въ перепл. 2 р , перес. за 2 ф.

Путешествія и описанія странъ.

А. С. Норова. I. Іерусалимъ и Синай. Записки втораго путешествія на Востокъ. Подъ редакціею В. Н. Хитрово. Ц. 1 р. 80 к., въ перепл. 2 р. 30 к., вѣс. за 2 ф.
II. Палестина и Синай. Альбомъ вид въ 16 хром. рисунковъ, ц. 4 р., въ перепл.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ

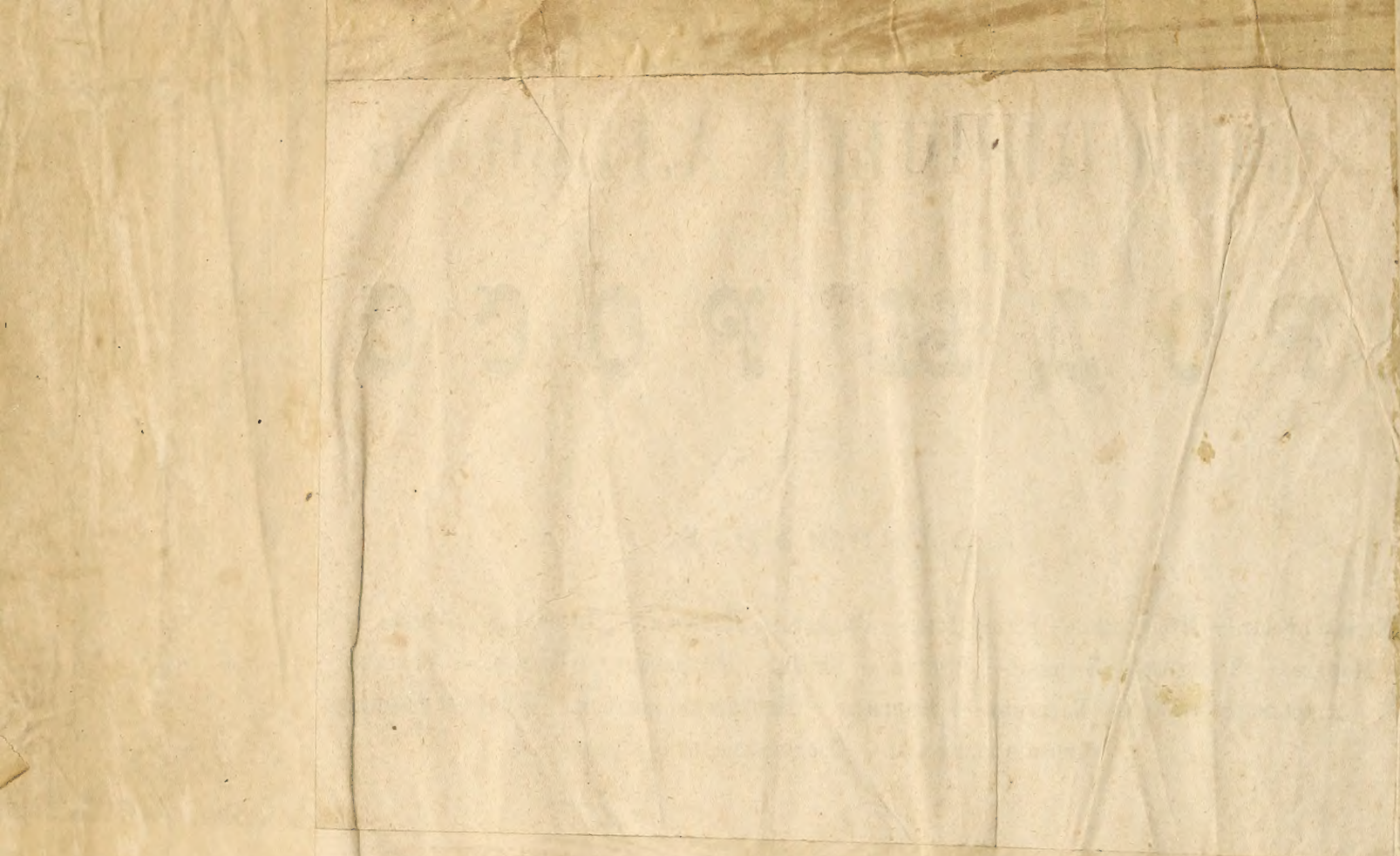
НАРОДЫ РОССІИ.

Содержаніе.

Великоруссы.— Малороссы.— Бѣлоруссы.— Поляки.— Латыши.— Литовцы.— Финны.— Эсты. Ливы.— Мордва.— Черемисы.— Зыряне.— Вотяки.— Евреи.— Молдаване.— Цыгане.— Болгары.— Казанскіе и крымскіе татары.— Башкиры.— Киргизы.— Кавказскіе жители.— Кочующіе народы. Сибирскіе инородцы.— Средне-азіатскіе народы.

Цѣна 9 руб., съ пересылкою 10 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина, на углу Екатерингофскаго просп. и Б. Мастерской, д. № 11/43.
1880.



Народы, населяющіе Россію, столь разнообразны по своимъ типамъ, костюмамъ, нравамъ и обычаямъ, что описаніе ихъ и наглядное изображеніе всегда возбуждало интересъ, и въ началѣ настоящаго вѣка было нѣсколько заграничныхъ изданій, которыя, по тогдашнему состоянію художественной техники, были весьма несовершенны, а кромѣ того во многихъ случаяхъ и фантастичны. Къ тысячелѣтію Россіи было въ первый разъ сдѣлано великолѣпнѣйшее изданіе «Les Peuples de la Russie» Паули съ роскошными хромолитографіями, и при томъ сдѣланными на основаніи болѣе вѣрныхъ этнографическихъ данныхъ. Но изданіе это, даже и въ первое время его появленія, по цѣнѣ своей и роскоши, было недоступно для публики; нынѣ же, когда цѣна нѣсколькихъ экземпляровъ, оставшихся въ продажѣ, дошла едва не до 200 руб. за экземпляръ, можно сказать, что оно совершенно недоступно. Дѣлать вновь подобное изданіе въ Россіи невозможно; но составить альбомъ въ меньшихъ размѣрахъ, исполненный однако хорошо, и издать его не такъ роскошно съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтеніе его сдѣлать вполнѣ доступнымъ для публики, приняло на себя Картографическое Заведеніе Ильина.

Въ альбомѣ «НАРОДЫ РОССІИ» будутъ хромолитографированы слѣдующіе типы русскихъ народовъ:

1) Великоруссы. 2) Малороссы. 3) Бѣлоруссы. 4) Поляки. 5) Латыши. 6) Литовцы. 7) Вотяки. 8) Зыряне. 9) Финны. 10) Мордва. 11) Черемиссы. 12) Евреи. 13) Цыгане. 14) Молдаване (Румыны). 15) Крымскіе татары. 16) Казанскіе, симбирскіе и сибирскіе татары. 17) Башкиры. 18) Киргизы. 19) Осетины. 20) Армяне. 21) Грузины. 22) Имеретинцы. 23) Мингрельцы. 24) Гурійцы. 25) Чеченцы. 26) Лезгины. 27) Кабардинцы. 28) Курды. 29) Якуты. 30) Тунгузы. 31) Гиляки. 32) Айно. 33) Бурята. 34) Калмыки. 35) Самоѣды. 36) Юраки. 37) Остяки. 38) Чукчи. 39) Кряки. 40) Камчадалы. 41) Бухарцы. 42) Хивинцы. 43) Туркмены. 44) Сарты и 45) Узбеки.

Къ этимъ хромолитографіямъ приложенъ и текстъ съ описаніемъ нравовъ, образа жизни и обычаевъ поименованныхъ народностей. Въ текстѣ кромѣ того гравюры, изображающія типы, сцены, замѣчательные города Россіи и другія заслуживающія вниманія мѣста.

Приступая къ изданію, Картографическое Заведеніе считаетъ долгомъ заявить, что оно слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было притязаній на научный характеръ «Живописнаго Альбома». Уже самое названіе показываетъ, что главная цѣль состоитъ въ живописномъ воспроизведеніи народныхъ типовъ Россіи; текстъ же не болѣе какъ дополненіе къ рисункамъ и написанъ въ самой популярной формѣ съ цѣлью ознакомить съ наиболѣе характерными этнографическими чертами различныхъ племенъ. Объемъ описаній и степень интереса ихъ должны быть, конечно, весьма различны и зависѣть отъ тѣхъ этнографическихъ особенностей, которыя присущи каждому племени. Чѣмъ племя наиболѣе отличается отъ славянскаго, тѣмъ описаніе его можетъ показаться интереснѣе; для племенъ же славянскихъ, этнографическій бытъ которыхъ болѣе или менѣе извѣстенъ каждому изъ русскихъ, для заинтересованія читателя потребовался бы цѣлый научный трактатъ, который не подходилъ бы уже подъ предпринятый трудъ. Этимъ объясняются тѣ рамки, въ которыя включенъ текстъ «Живописнаго Альбома».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Этнографическіе очёрки	1
СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
I. Великоруссы	2
II. Малороссы	18
III. Бѣлоруссы	43
IV. Поляки	58
ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.	
V. Литовцы и Жмудины	77
VI. Латыши	90
ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
VII. Финны	100
VIII. Эсты или эстонцы	114
IX. Ливы	118
X. Кареллы	120
XI. Мордва	121
XII. Вотяки	141
XIII. Зыряне	153
XIV. Черемисы	181
XV. Пермяки	187
XVI. Вогулы	190
XVII. Евреи	192
XVIII. Молдоване (румыны)	217
XIX. Цыгане	227
XX. Болгары	237
XXI. Греки	250
ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.	
XXII. Казанскіе татары	252
XXIII. Сибирскіе татары	264
XXIV. Крымскіе татары	277
XXV. Башкиры	303
XXVI. Мещеряки	310
XXVII. Тептяри	314
XXVIII. Чуваши	317
XXIX. Киргизы	323
КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.	
XXX. Черкесы или адыге	354
XXXI. Абхазцы или азега	364
XXXII. Ногайцы	374
XXXIII. Сванеты или Шаны	379
КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
XXXIV. Грузины	387
XXXV. Имеретины Мингрельцы и Гурійцы	298
XXXVI. Тушины, Пшавы и Хевсуры	410

стран.

XXXVII. Армяне 415
XXXVIII. Осетины. 421
XXXIX. Курды. 433
XL. Чеченцы. 435
XLI. Лезгины 446

КОЧУЮЩІЕ НАРОДЫ.

XLII. Лопари. 457
XLIII. Калмыки 470

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

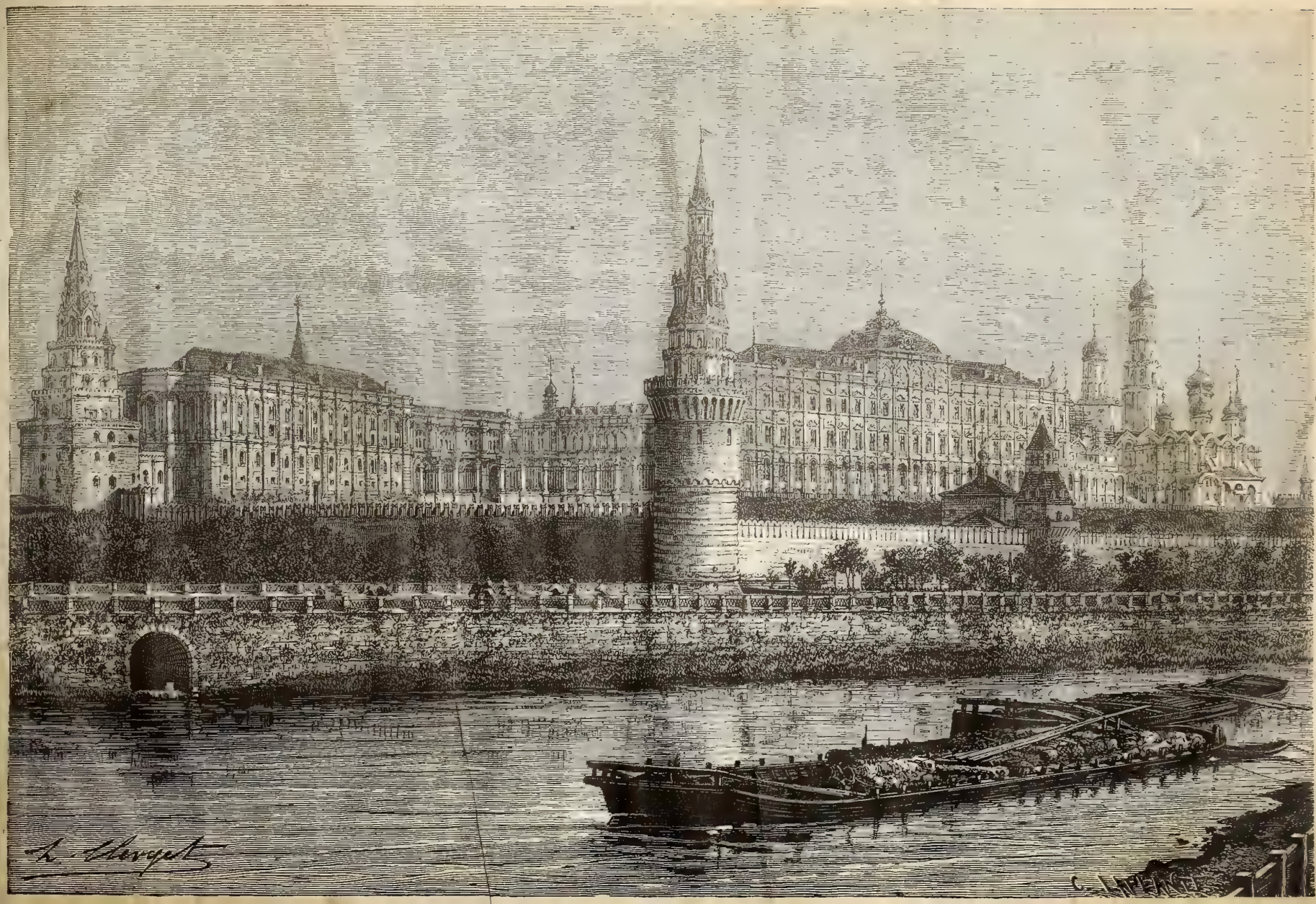
XLIV. Остяки 485
XLV. Буряты 493

стран.

XLVI. Якуты. 504
XLVII. Тунгусы и Юкагиры. 517
XLVIII. Камчадалы 527
XLIX. Чукчи. 531
L. Коряки 538
LI. Курильцы или Айносы 544
LII. Гиляки . . . . . —
LIII. Амурскіе тунгузы 546

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

LIV. Таджики. 552
LV. Узбеки. 566



ВИДЪ МОСКОВСКАГО КРЕМЛЯ.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Государство русское, начавшее свою жизнь въ 862 году соединеніемъ нѣсколькихъ славянскихъ племенъ подъ управленіемъ князей, превратилось нынѣ, чрезъ тысячу лѣтъ, въ огромную русскую имперію. Россія занимаетъ теперь одну шестую часть всей суши и $^1/_{25}$ часть всей поверхности земнаго шара. Русская земля раскинулась въ двухъ частяхъ свѣта: въ Европѣ и въ Азіи; въ одной только Европѣ русской земли болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Все пространство Россіи доходитъ до 390,000 квадратныхъ миль и распредѣляется такимъ образомъ:

Въ Европѣ	98,481	кв. миля.
На Кавказѣ.	7,897	» миль.
Въ Сибири.	227,339	» »
Въ Средней Азіи	49,741	» миля.
Каспійское и Азовское моря. . .	8,680	» миль.
Всего	390,138	кв. миль.

Но одно пространство само по себѣ еще ничего не значитъ. Земля имѣетъ значеніе только тогда, когда она богата и когда ее населяетъ умный, образованный и трудолюбивый народъ, и при томъ въ такомъ числѣ, что не остается большихъ пространствъ необработанныхъ совершенно. Въ Россіи есть очень много мѣстъ, которыя вовсе не могутъ быть обработываемы, ибо лежатъ далеко на сѣверѣ, имѣютъ продолжительную зиму и значительную часть года покрыты снѣгомъ. Другія земли не воздѣлываются потому, что земли слишкомъ много, а рабочихъ рукъ мало, ибо населеніе Россіи, хотя и велико само по себѣ, но мало для того огромнаго пространства, на которомъ раскинулась Россія.

И дѣйствительно, на всемъ протяженіи Россіи живетъ болѣе $81^1/_2$ милліона человѣкъ; эти жители распредѣляются такимъ образомъ:

Въ Европейской Россіи	71.207,790 ч.
На Кавказѣ.	4.583,640 »
Въ Сибири	3.327,620 »
Въ Средней Азіи	2.626,240 »
Всего	81.745,290 ч.

Это населеніе разбросано весьма неравномѣрно, такъ что есть губерніи весьма густо населенныя, какъ напримѣръ Калужская, а другія почти совершенно пустынныя, какъ напримѣръ Архангельская.

Всѣ жители русскаго царства принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, изъ которыхъ славянское племя какъ по всему нравственному вліянію, такъ и по числу, есть главное. Оно состоитъ изъ русскихъ и поляковъ; русскіе же подраздѣляются на три группы: бѣлоруссовъ, малоруссовъ и, наконецъ, великоруссовъ, а всѣ три группы вмѣстѣ составляютъ около 54 милліоновъ. Изъ этого числа бѣлоруссы, въ числѣ около 3-хъ милліоновъ, живутъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Волынской, Подольской, Черниговской, Смоленской и Орловской, и въ весьма небольшомъ числѣ въ Херсонской и Пензенской.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Государство русское, начавшее свою жизнь въ 862 году соединеніемъ нѣсколькихъ славянскихъ племенъ подъ управленіемъ князей, превратилось нынѣ, чрезъ тысячу лѣтъ, въ огромную русскую имперію. Россія занимаетъ теперь одну шестую часть всей суши и $^1/_{25}$ часть всей поверхности земнаго шара. Русская земля раскинулась въ двухъ частяхъ свѣта: въ Европѣ и въ Азіи; въ одной только Европѣ русской земли болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Все пространство Россіи доходитъ до 390,000 квадратныхъ миль и распредѣляется такимъ образомъ:

Въ Европѣ	98,481	кв. миля.
На Кавказѣ	7,897	» миль.
Въ Сибири	227,339	» »
Въ Средней Азіи	49,741	» миля.
Каспійское и Азовское моря. . .	8,680	» миль.
Всего	390,138	кв. миль.

Но одно пространство само по себѣ ещеничего не значитъ. Земля имѣетъ значеніе только тогда, когда она богата и когда ее населяетъ умный, образованный и трудолюбивый народъ, и при томъ въ такомъ числѣ, что не остается большихъ пространствъ необработанныхъ совершенно. Въ Россіи есть очень много мѣстъ, которыя вовсе не могутъ быть обрабатываемы, ибо лежатъ далеко на сѣверѣ, имѣютъ продолжительную зиму и значительную часть года покрыты снѣгомъ. Другія земли не воздѣлываются потому, что земли слишкомъ много, а рабочихъ рукъ мало, ибо населеніе Россіи, хотя и велико само по себѣ, но мало для того огромнаго пространства, на которомъ раскинулась Россія.

И дѣйствительно, на всемъ протяженіи Россіи живетъ болѣе $81^1/_2$ милліона человѣкъ; эти жители распредѣляются такимъ образомъ:

Въ Европейской Россіи	71.207,790 ч.
На Кавказѣ.	4.583,640 »
Въ Сибири	3.327,620 »
Въ Средней Азіи	2.626,240 »
Всего	81.745,290 ч.

Это населеніе разбросано весьма неравномѣрно, такъ что есть губерніи весьма густо населенныя, какъ напримѣръ Калужская, а другія почти совершенно пустынныя, какъ напримѣръ Архангельская.

Всѣ жители русскаго царства принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, изъ которыхъ славянское племя какъ по всему нравственному вліянію, такъ и по числу, есть главное. Оно состоитъ изъ русскихъ и поляковъ; русскіе же подраздѣляются на три группы: бѣлоруссовъ, малоруссовъ и, наконецъ, великоруссовъ, а всѣ три группы вмѣстѣ составляютъ около 54 милліоновъ. Изъ этого числа бѣлоруссы, въ числѣ около 3-хъ милліоновъ, живутъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Волынской, Подольской, Черниговской, Смоленской и Орловской, и въ весьма небольшомъ числѣ въ Херсонской и Пензенской.

Малоруссы, въ числѣ около 11-ти милліоновъ, занимаютъ губерніи Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую, а также частью живутъ въ Воронежской, Орловской, Курской, Могилевской, Бессарабской и въ Донской области.

Великоруссы, въ числѣ около 40 милліоновъ, занимаютъ всѣ губерніи средней Россіи, и кромѣ того живутъ во всѣхъ другихъ губерніяхъ какъ Европейской, такъ и Азіятской Россіи.

Другая отрасль славянскаго племени—польская народность, населяетъ главнымъ образомъ Царство Польское и разныя другія мѣста имперіи. Всѣхъ поляковъ считается въ Россіи 4.500,000.

За славянскимъ племенемъ, по многочисленности своей, слѣдуетъ финское, въ которомъ считается болѣе 4.500,000.

Далѣе, уже въ значительно меньшемъ числѣ, слѣдуютъ: литовцы, евреи, татары, башкиры и киргизы.

Вообще названныя племена и народности распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Русскихъ	около	54.000,000
Финновъ		4.500,000
Поляковъ		4.400,000
Литовцевъ		2.620,000
Евреевъ		2.330,000
Татаръ		1,472,000
Киргизовъ		1.245,000
Башкировъ		1.037,000

Остальныя принадлежатъ къ разнымъ европейскимъ и азіятскимъ народностямъ и даже къ бродячимъ инородцамъ, живущимъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи и въ Азіи. Обо всѣхъ ихъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь опишемъ жизнь главнаго племени, славянскаго, начиная съ русской вѣтви.

СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.

I. ВЕЛИКОРУССЫ.

Характеръ, жилища, одежда и пища.

Красивыя черты лица, средній ростъ и хорошее сложеніе, удаль и сметливость, находчивость и беззаботность, покорность судьбѣ и привязанность къ родному углу составляютъ характеристику великорусскаго крестьянина. Уживчивость съ людьми, способность приміняться ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни, откровенность, доходящая до болтливости, радушіе, а гдѣ нужно то и хитрость, также свойственны великорусскому крестьянину, Въ мѣстахъ, обильныхъ землею, онъ земледѣлецъ; гдѣ земля даетъ скудные урожаи, великоруссъ отходитъ на сторону для разныхъ промысловъ и, если только не запьетъ, то съ одинаковымъ умѣньемъ и удобствомъ пристроится къ чему угодно. Понятливость великорусса даетъ ему возможность легко изучить всякое мастерство, а смѣтливость и находчивость, при счастьѣ, дѣлаютъ изъ него толковаго торговца или промышленника. Однимъ словомъ, добрый великорусскій парень, какъ говорится, «молодецъ на всѣ руки».

Такъ какъ великоруссы разбросаны по всѣмъ губерніямъ средней Россіи, гдѣ почва и разныя другія условія жизни не одинаковы, то естественно, что и характеръ великорусса не вездѣ бываетъ одинаковъ. Въ мѣстахъ небогатыхъ и глухихъ, обремененный иногда

нуждою вслѣдствіе скудости почвы и отсутствія другихъ заработковъ, онъ кажется диковатымъ, неповоротливымъ и безтолковымъ; но тотъ же великоруссъ въ бойкихъ мѣстахъ, на плодородной почвѣ, вблизи хорошихъ путей, связывающихъ деревню съ городскимъ населеніемъ, является смѣтливымъ, удалымъ и даже разбитнымъ.

Но если близость къ городамъ способствуетъ развитію крестьянина, то въ то же время эта близость нерѣдко портитъ великорусса, который легко поддается всякому соблазну и искушенію. Отправляясь вслѣдствіе близости города на промыселъ, крестьянинъ приходитъ въ столкновеніе со всякимъ народомъ и заимствуетъ новыя привычки, наклонности и пороки, которые въ глуши ему были неизвѣстны. Находясь въ разлукѣ съ своимъ семействомъ, котораго не видитъ иногда по цѣлымъ годамъ, онъ отвыкаетъ отъ него, а часто и вовсе не помогаетъ своей семьѣ. Равнодушный къ своему семейству, онъ становится равнодушнымъ и ко всему остальному, беззаботность укореняется въ немъ до высшей степени, удаль обращается въ буйный разгулъ, а смѣтливость, ловкость и смѣлость принимаютъ часто безнравственное направленіе.

Если нельзя по правдѣ сказать, чтобы русскій крестьянинъ вполнѣ хорошо и сознательно понималъ всѣ религіозные догматы, то все-таки страхъ Божій, сильный и постоянный, сопровождаетъ его вездѣ и въ большей части случаевъ удерживаетъ его отъ дурныхъ намѣреній, а надежда на Божій Промыслъ служитъ часто большимъ утѣшеніемъ въ жизненныхъ невзгодахъ.

Къ старинѣ, къ обычаямъ своихъ предковъ, къ обрядамъ и вѣрованіямъ крестьянинъ весьма приверженъ и питаетъ къ нимъ большое уваженіе.

Если между коренными качествами великорусса можно встрѣтить множество недостатковъ и пороковъ, то причины этого заключаются въ маломъ образованіи нашего народа вообще и въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя держали русскаго крестьянина въ крѣпостной зависимости, отъ которой онъ нынѣ избавленъ Императоромъ Александромъ II.

Опишемъ теперь жизнь великорусскаго крестьянина въ его деревнѣ.

Нельзя сказать, чтобы русская деревня имѣла привлекательный видъ. Если, подъѣзжая къ ней, издали она кажется живописною, то при ближайшемъ осмотрѣ она тотчасъ же теряетъ всю свою прелесть. Разумѣется, мы говоримъ не о тѣхъ немногихъ деревняхъ, гдѣ бываютъ двухъ-этажные деревянные, а иногда и каменные дома, а о большинствѣ, которое встрѣчается на каждомъ шагу. Чаще всего русская деревня представляетъ множество всякаго рода деревянныхъ построекъ, расположенныхъ въ безобразной кучѣ, съ разными закоулками. Избы нерѣдко бываютъ крыты соломою, покрывшейся на бокъ, а улицы полны непроходимой грязи.

Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба обыкновенно теплая, назначается для жилья, а другая есть клѣть, въ которой хранятся посуда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней и живутъ. Но чаще встрѣчаются дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. Главная принадлежность избы—русская печь; однако есть не мало мѣстностей, гдѣ донынѣ еще сохранились курныя избы, въ которыхъ, за неимѣніемъ трубы, дымъ идетъ по избѣ и выходитъ черезъ дверь. Нерѣдко въ одной избѣ съ крестьянскою семьею живетъ и крестьянская скотина. Описывать внутренность избы мы считаемъ совершенно излишнимъ, ибо это безполезно для тѣхъ, кто видѣлъ и недостаточно для невидавшихъ избы.

Въ особенности дурны бываютъ крестьянскія помѣщенія для скота: конюшни и сараи для лошадей, хлѣва для коровъ, овецъ и свиней часто бываютъ открытые, съ дырявыми стѣнами въ видѣ навѣсовъ, забранныхъ съ одной только стороны плетнемъ. Зимою подоб-

ный хлѣвъ не защищаетъ скотину отъ холода, весною же въ немъ вѣчно стоятъ лужи навозной жидкости и дождевой воды.

Не смотря на то, что русскій крестьянинъ очень любитъ баню, тѣмъ не менѣе она однако въ русскихъ деревняхъ представляетъ большое безобразіе; чаще всего она представляетъ какое-то закоптѣлое логовище и скорѣе пачкаетъ, нежели моетъ тѣло. Крестьяне, у которыхъ нѣтъ бани, парятся въ печахъ, и случается иногда, что въ такой банѣ человѣкъ задыхается до смерти.

Причина, почему крестьянскія постройки представляютъ такой безобразный видъ, заключается отчасти въ бѣдности, а отчасти также и въ томъ, что крестьяне не чувствуютъ потребности улучшить свое жилье и пользоваться всякаго рода удобствами. Въ мѣстностяхъ бойкихъ и у крестьянъ зажиточныхъ деревень встрѣчаются, какъ уже было сказано, и двухъ-этажные дома.

Зимняя одежда крестьянина состоитъ изъ армяка, сшитаго изъ толстаго сукна, обыкновенно сѣраго цвѣта, овчинной длинной нагольной шубы, теплой шапки и кожаныхъ рукавицъ. Рѣдко, да и то развѣ въ сильный морозъ, обвязываетъ онъ свою шею платкомъ. Лѣтняя одежда состоитъ изъ понитковаго армяка (ткань изъ шерсти и льняной или посконной пряжи пополамъ), полукафтана и шляпы, которая въ разныхъ губерніяхъ бываетъ разной формы. Обыкновенно же лѣтомъ ходятъ въ рубахахъ и портахъ.

Для обуви, по большей части, служатъ лапти, плетенные изъ лыкъ, и только болѣе зажиточные крестьяне промышленныхъ великорусскихъ селъ носятъ кожаные сапоги.

Крестьянки особой теплой одежды не имѣютъ; ихъ одежда состоитъ изъ синей понитковой юбки (поневы) и верхней, довольно широкой, но недлинной одежды съ широкими короткими рукавами, которую въ разныхъ мѣстахъ называютъ различно: сарафанъ, шушпанъ, сермяга, армякъ и пр.

Головной уборъ въ прежнее время отличался большимъ разнообразіемъ. Во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ онъ былъ очень красивъ и богато убранъ разными украшеніями. Теперь онъ встрѣчается все рѣже и рѣже и во многихъ мѣстахъ уже вовсе вышелъ изъ употребленія и замѣненъ простымъ платкомъ яркаго цвѣта.

Сохранившіеся донынѣ разные женскіе головные уборы, извѣстные подъ названіемъ кичекъ, повойниковъ и пр., лишенные нынѣ своихъ прежнихъ украшеній, въ разныхъ мѣстностяхъ бываютъ весьма разнообразны и нерѣдко не только не составляютъ красы, но даже безобразятъ. Обувь та же, что у мужчинъ: лапти и онучи, а зимою валенки. Вообще же женская одежда весьма недостаточна и много отзывается на здоровьѣ женщинъ.

Одежда дѣтей еще недостаточнѣе женской. Ребенка, кромѣ грубой рубашки, окутываютъ въ пеленку изъ какой нибудь старой одежды; когда же онъ начнетъ ходить, то одѣваютъ также, какъ и взрослаго, и то не всегда; часто даже въ зимнее время онъ довольствуется одною рубашкою, и потому, чтобы укрыться отъ холода, дѣти почти все холодное время проводятъ на печкѣ. Множество дѣтей умираетъ отъ такого небрежнаго къ нимъ отношенія.

Какъ въ образѣ жизни, такъ и въ одеждѣ замѣчается большая разница между глухими деревнями и деревнями, лежащими на большихъ путяхъ и вблизи городовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть выгодные промыслы, всякій, сколько нибудь исправный парень тянется изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть себѣ порядочное праздничное платье; иной, находясь на заработкахъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ, заводитъ себѣ щеголеватый костюмъ: суконный казакинъ, зипунъ, плисовые штаны, красную рубаху, высокіе сапоги, и тащитъ все это къ себѣ въ деревню. Тогда и женщины такихъ деревень также начинаютъ одѣваться чище, опрятнѣе и съ большимъ вкусомъ.

Обыкновенная пища крестьянъ очень проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ повседневный обѣденный и

ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что каши весьма часто и вовсе не бываетъ; что же касается мясной пищи, то это большая рѣдкость для крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Ржаной хлѣбъ въ великорусскихъ деревняхъ по большей части бываетъ хорошъ; въ праздники къ ржаной мукѣ подмѣшиваютъ пшеничной и пекутъ изъ этой смѣси такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни, варятъ изъ квашенной капусты безъ всего, съ тѣмъ только различіемъ, что въ скоромные дни прибавляютъ иногда сала или сметаны, или просто молока. О заправѣ щей мукою, масломъ и крупою не многіе имѣютъ понятіе, почему щи бываютъ жидки и невкусны. Рыба вдали отъ рѣкъ употребляется также очень рѣдко и всегда соленая; овощи, по причинѣ отсутствія хорошихъ огородовъ, употребляются также мало; картофель, который могъ бы служить хорошею и питательною пищею, далеко еще не въ общемъ употребленіи: его не вездѣ разводятъ и при томъ не въ достаточномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне даже вовсе не употребляютъ картофель въ пищу, и ѣсть его считаютъ за величайшій грѣхъ, потому что растеніе это, будучи не природнымъ русскимъ, а вывезеннымъ изъ земли бусурманской, шло чрезъ невѣрныя руки. Есть мѣстности, гдѣ предполагаютъ, что картофель имѣетъ голову, руки и ноги и что по вынутіи его изъ земли остается одно туловище, прочія же части его не видны для православныхъ. Кромѣ того, утверждаютъ, что въ этомъ растеніи есть кровь, принимая за кровь красноту разрѣзаннаго краснаго картофеля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужской губерніи было еще недавно, а можетъ быть есть и теперь, убѣжденіе, что покойника, ѣвшаго при жизни картофель, слѣдуетъ выносить на кладбище не въ ворота, а чрезъ разобранное звено избы. Еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька, въ особенности въ постные дни. Грибы также въ большомъ употребленіи.

Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана болѣе служатъ для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который, также какъ и яичница, подается къ столу чаще по праздникамъ. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной количество съѣдаемой пищи удвоивается, отчего являются заболѣванія. Но есть время въ году, когда, напротивъ, даже исправный по хозяйству крестьянинъ голодаетъ, и самое голодное для народа время есть Петровъ постъ. Въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ это время года бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Ко всему этому надо еще прибавить, что въ это же время недостаетъ даже хлѣба, и крестьянинъ прибѣгаетъ или къ займамъ для пропитанія себя и семьи, или молотитъ рожъ еще незрѣлую.

Вообще, пища крестьянина мало питательна, ибо состоитъ главнымъ образомъ изъ продуктовъ растительнаго царства, что служитъ причиною сильнаго развитія золотушныхъ болѣзней. Крупную и мелкую скотину и птицу, если все это находится у крестьянина даже въ избыткѣ, онъ не употребитъ для пищи, ибо она нужна ему или для хозяйства, или для продажи.

Употребленіе въ большомъ количествѣ мясной пищи болѣе бы соотвѣтствовало сѣверному климату, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ и для человѣка не въ полнѣ еще сложившагося, но дѣтскій возрастъ, вслѣдствіе недостаточности родителей, не принимается во вниманіе относительно пищи, и какъ только дитя отнимутъ отъ груди, его начинаютъ кормить тѣмъ же, что ѣдятъ и взрослые, а во время поста не даютъ ребенку и молочной пищи.

Квасъ не всегда бываетъ хорошаго качества, а въ праздничные дни варятъ изъ густаго отвара солода, ржаной муки и хмѣля — брагу — напитокъ питательный, пріятный на вкусъ и полезный для здоровья. Но по дороговизнѣ это бываетъ очень рѣдко. Водка, не смо-

тря на дороговизну, всегда въ употребленіи, особенно во время базарныхъ дней, когда всякая продажа и покупка сопровождаются угощеніемъ. Пристрастіе къ водкѣ и распространеніе употребленія ея даже между женщинами составляетъ одну изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заботиться объ уничтоженія которой есть обязанность всякаго, желающаго добра русскому крестьянину.

Предразсудки и повѣрья.

Одна изъ причинъ недостатковъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ личномъ характерѣ русскаго человѣка—это малое образованіе и соединенное съ нимъ множество предразсудковъ и повѣрій. Необразованность часто доходитъ до крайняго невѣжества. Много примѣтъ и вѣрованій удерживается еще до сихъ поръ между простымъ народомъ и останавливаетъ успѣхи сельскаго хозяйства и отчасти улучшеніе крестьянскаго быта. Напримѣръ, дни счастливые и дни, въ которые работать считается грѣхомъ, строго соблюдаются народомъ и бываютъ очень часто причиною, что удобнѣйшее время для полевыхъ работъ упускается. Время начала полевыхъ работъ, посѣвъ и уборка хлѣба, время сѣнокоса — все распредѣлено по извѣстнымъ днямъ календаря или, лучше сказать, по святцамъ; кошеніе луговъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ начинается съ троицына дня, но такъ какъ день этотъ бываетъ и 10 мая, и 15 іюня, то уборка сѣна часто бываетъ несвоевременна.

Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя изъ заблужденій русскаго народа.

Почти повсюду между простымъ народомъ держится вѣра въ знахарей и колдуновъ. Колдунамъ приписываютъ возможность портить людей, конечно, при содѣйствіи нечистой силы; эти же колдуны, по мнѣнію народа, могутъ и снять съ человѣка порчу. Въ служители нечистаго попадаетъ обыкновенно, по народному убѣжденію, какой нибудь умный, но и хитрый старикъ или, чаще, злая, хитрая и молчаливая старуха. Такихъ людей по наружности уважаютъ, но тайно боятся и ненавидятъ; ихъ недоброе вліяніе на сосѣдей и знакомыхъ проявляется въ семейныхъ раздорахъ, разныхъ несчастіяхъ и въ особенности въ болѣзняхъ, припадки которыхъ непонятны для крестьянъ. Всѣ эти страшныя проявленія могущества колдуновъ слывутъ у крестьянъ подъ общимъ названіемъ порчи.

Есть еще другой разрядъ людей, которыхъ считаютъ посвященными въ разныя знанія, посредствомъ которыхъ они могутъ предотвратить разныя бѣды — это знахари. Къ нимъ въ особенности любятъ обращаться въ несчастіяхъ, болѣзняхъ и другихъ бѣлахъ бабы. Знахарь—это обыновенно ловкій и находчивый плутъ, который никогда за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Онъ успокоиваетъ глупую бабу разными двусмысленными или, еще чаще, совершенно безсмысленными рѣчами, утверждая вѣру въ ней разными таинственными обрядами, нашептываніемъ на воду и проч. Вредныя послѣдствія отъ вѣры въ искусство знахарей обнаруживаются болѣе всего въ болѣзняхъ. Крестьянинъ обыкновенно не считаетъ себя больнымъ до тѣхъ поръ, пока можетъ ходить; пренебрегая болѣзнью въ самомъ началѣ, когда бы можетъ быть при нѣкоторомъ воздержаніи и покоѣ болѣзнь могла бы и пройти, онъ продолжаетъ прежній трудъ, разстроивается еще болѣе и обращается къ знахарю или знахаркѣ, которые пользуются простотою мужика, берутъ съ него больше и лечатъ иногда такими средствами, отъ которыхъ, если не слѣдуетъ смерть, то дѣлается крестьянину еще хуже.

Истерическіе припадки и падучую болѣзнь обыкновенно приписываютъ дѣйствію нечистой силы. Сами страдающіе этими болѣзнями утверждаютъ, что они испорчены колдуномъ или, какъ называютъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, порчельниками. Эти припадки сопровождаются криками и воплями въ особенности во время обѣдни

при чтеніи Евангелія и при пѣніи херувимской пѣсни. Эти клики до сихъ поръ встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ, хотя и значительно рѣже, чѣмъ это было прежде. Простой народъ увѣряетъ, что клики одержимы бѣсомъ, котораго напустилъ порчельникъ.

Къ колдуну обращаются не рѣдко и вслѣдствіе семейныхъ дѣлъ. Такъ, для прекращенія несогласія между мужемъ и женой, происшедшаго вслѣдствіе порчи, даетъ колдунъ одному изъ супруговъ наговоренную воду, съ которою тотъ долженъ обойти противъ солнечнаго движенія три раза домъ свой и, входя въ ворота, сдѣлать на нихъ крестъ заблаговременно приготовленнымъ вѣникомъ изъ трехъ сучковъ березы, потомъ начертить кресты на всѣхъ окнахъ дома, на всѣхъ дверяхъ, столахъ, скамейкахъ, палатяхъ, печахъ и проч. Оставшуюся же воду долженъ выпить. При леченіи такою водою не должно подавать милостыни и даже давать кому бы то ни было что нибудь изъ съѣстнаго; въ противномъ случаѣ леченіе будетъ недѣйствительно.

Въ числѣ золъ, которыя можетъ сдѣлать порчельникъ, считается заломъ. Когда нѣсколько колосьевъ, иногда цѣлый снопъ, сведены такимъ образомъ, что всѣ они какъ будто переплетены между собою, на подобіе того, какъ переплетаютъ верхушки деревьевъ, чтобы устроить бесѣдку, то это называется заломъ. Если женщины встрѣтятъ во время работы такой заломъ, то ни за что не будутъ продолжать жатвы до тѣхъ поръ, пока человѣкъ, знающій заговоръ отъ залома, не уничтожитъ его силы и не разведетъ колосьевъ. По мнѣнію народа, колдунъ, желая сдѣлать зло, заламываетъ съ извѣстными ему заклятіями растеніе, отчего оно хотя и приноситъ плодъ, но вредный для здоровья хозяина и для его семейства или для скота. Суевѣрные старики разсказываютъ молодежи, что заламывающій колосья колдунъ вынимаетъ спорину изъ хлѣба, и увѣряютъ, что сами видѣли колдуновъ, заламывающихъ рожь, которая во время залома колышется какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Поймать такого колдуна нѣтъ возможности, потому что его охраняетъ злой духъ.

Противъ залома крестьяне употребляютъ такое средство. Три раза обходится заломъ съ востока и на четырехъ сторонахъ, ставъ спиною къ солнечному пути, распускаютъ ладонь, произнося слѣдующія слова: «если ты спроста, и я спроста, если ты съ хитрости, и я съ хитрости». Сдѣлавъ это, вырываютъ каждый снопъ и сжигаютъ его на мѣстѣ. Хлѣбъ же, собранный съ десятины, на которой находился заломъ, сами хозяева не употребляютъ въ пищу ни для себя, ни для скота, а продаютъ его.

Колдунъ, по мнѣнію народа, сглазомъ злаго духа можетъ превращать враговъ своихъ въ разныхъ животныхъ. Такихъ обращенныхъ людей называютъ оборотнями. Этого превращенія и вообще всѣхъ золъ колдуна крестьяне боятся до такой степени, что оказываютъ имъ всякое почтеніе, приглашаютъ ихъ на пиры и свадьбы, гдѣ даютъ имъ самыя почетныя мѣста.

По мнѣнію крестьянъ, ни одинъ колдунъ и колдунья не могутъ умереть до тѣхъ поръ, пока не передадутъ своего чародѣйства другому; смерть же ихъ всегда бываетъ страшна и люта, и они въ теченіи нѣсколькихъ часовъ претерпѣваютъ страшныя адскія мученія. Злой духъ, съ которымъ они при жизни были въ стачкѣ, дѣлается при смерти ихъ тираномъ и мучителемъ; онъ раздираетъ тѣло колдуна и помѣщается въ его внутренности. При смерти колдуна вынимаютъ одну доску изъ потолка для того, чтобы душа его могла скорѣе улетѣть.

Народъ думаетъ, что послѣ смерти своей колдунъ ежедневно въ полночь посѣщаетъ свой домъ, и родственники, ожидая его прихода, оставляютъ на столѣ одинъ приборъ. Пришедши домой, колдунъ отыскиваетъ въ печи приготовленное для него кушанье, а поѣвши, идетъ осматривать дворъ, лошадей, коровъ и прочихъ животныхъ. Но лишь только прокричитъ пѣтухъ, онъ опрометью бросается въ

свою могилу и лежитъ тамъ ничкомъ до слѣдующей ночи. Чтобы избавиться отъ ночнаго посѣщенія колдуна, вбиваютъ въ могилу его осиновый колъ или оставляютъ въ печи жареную кашу, при видѣ которой мертвецъ навсегда оставитъ свое бывшее жилище.

Въ числѣ разныхъ повѣрій есть еще одно — это опахиваніе. Когда свирѣпствуетъ какая нибудь болѣзнь или падежъ скота, то поздно ночью, когда всѣ спятъ, непорочныя вдовы и дѣвицы, заранѣе согласясь, собираются гдѣ-нибудь въ деревнѣ, одѣтыя всѣ въ бѣлыя рубашки, съ распущенными волосами, ничѣмъ неподпоясанныя и съ сохою. Собравшись, онѣ идутъ слѣдующею процессіею вокругъ деревни. Впереди идетъ одна изъ дѣвушекъ съ небольшою иконою, съ прикрѣпленною къ ней восковою свѣчею; за нею другая впрягается въ оглобли и тащитъ соху, при чемъ всѣ другія, подхватя эту соху съ боковъ, помогаютъ ей тащить ее. Возлѣ сохи, съ противуположной стороны отъ деревни, идетъ третья дѣвушка съ кнутомъ и, безпрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ нечистаго духа, противъ котораго и всѣ другія вооружены кто кочергой, кто ухватомъ, хворостиной или кнутомъ. Всѣ въ полголоса на распѣвъ читаютъ разныя молитвы, и, проходя близъ жилья, молятся шепотомъ, чтобы не быть открытыми. Случайный свидѣтель этого обряда или какой-нибудь любопытный долженъ быть очень остороженъ, ибо если его замѣтятъ, то изобьютъ не на животъ, а на смерть. При встрѣчѣ какого-нибудь препятствія, преграждающаго путь процессіи, какъ-то канавы и проч., всѣ начинаютъ колотить по немъ своимъ оружіемъ и въ изступленіи кричатъ: «что это за урядъ, кровью смерти не унять». За тѣмъ преграду уничтожаютъ и идутъ далѣе. Случаи опахиванія предупредить почти невозможно, потому что затѣвающіе опахиваніе деревни хранятъ затѣю свою въ глубокой тайнѣ.

Всѣ эти грубые и нелѣпые предразсудки, оставшіеся еще съ того времени, когда русскіе были язычниками, держатся вслѣдствіе невѣжества народа и весьма часто приносятъ большой вредъ. Надо, впрочемъ, сказать, что нѣкоторые изъ нихъ при распространеніи образованія, улучшеніи нравственности и самаго быта крестьянъ, наконецъ, при содѣйствіи религіи уже теряютъ свою силу, а современемъ вѣроятно и вовсе уничтожатся. Уже и теперь вѣра въ колдуновъ и въ нѣкоторые суевѣрные обряды болѣе въ ходу между женщинами; мужчины же меньше придаютъ значенія всѣмъ этимъ бреднямъ и нерѣдко подсмѣиваются надъ простотою бабъ, которыя позволяютъ знахарямъ морочить себя самымъ глупымъ образомъ.

Кромѣ вѣры въ колдуновъ, наши крестьяне вѣрятъ еще въ злаго духа, который носитъ различныя названія, смотря потому, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ: такъ бываютъ: домовой, водяной, лѣшій или лѣсовикъ. Кромѣ этихъ духовъ, обитающихъ на земной поверхности, по мнѣнію народа, существуютъ еще духи, летающіе по воздуху, которые извѣстны подъ общимъ названіемъ летающихъ змѣй. Всѣ эти породы злыхъ духовъ называются нечистой силой и вражьей. Къ послѣднимъ принадлежатъ вѣдьмы и русалки.

Первое мѣсто между злыми духами занимаетъ домовой, который очень прихотливъ, и всякій крестьянинъ старается исполнять всѣ его прихоти, чтобы не навлечь на себя его гнѣва. Такъ, покупая корову или какую другую скотину, крестьянинъ принимаетъ въ разсчетъ какая шерсть ему *ко двору*, то есть какой шерсти скотъ любитъ домовой; а шерсть эта всегда бываетъ та же, что и у домоваго. Подобравъ такимъ образомъ животныхъ, крестьянинъ можетъ быть спокоенъ насчетъ отношеній къ нимъ домоваго, который въ такомъ случаѣ будетъ холить скотину, беречь ее, чистить, и скотина будетъ всегда здорова. Животныя же не ко двору обыкновенно будутъ тощи и хилы, ибо домовой гоняетъ ихъ, бьетъ, воруетъ у нихъ кормъ и отдаетъ его своимъ любимымъ животнымъ.

Если кто хочетъ пріобрѣсти себѣ расположеніе домоваго, тотъ долженъ въ полночь выйти на дворъ и, ставъ лицомъ къ лунѣ, сказать: «стань передо мной, какъ листъ передъ травой, не черенъ, не

ГАЛИЧСКАЯ КРЕСТЬЯНКА.

ГАЛИЧСКАЯ КУПЧИХА

зеленъ, но такимъ, каковъ и я; я принесъ тебѣ яичко». Услышавъ такой зовъ, домовой является въ человѣческомъ видѣ и, получивъ яйцо, соглашается на желаніе крестьянина и становится покойнымъ.

Крестьяне имѣютъ обыкновеніе вѣшать въ курятникахъ, подъ застрѣхою, подъ самой насѣстью, горло отъ кувшина для того, чтобы домовой не дѣлалъ курамъ никакого вреда. Есть повѣрье, что если этого не дѣлать, то ежедневно будетъ недочетъ въ курахъ.

Разсказываютъ въ Калужской губерніи, что женщина можетъ перехитрить домоваго. Такъ, одна дѣвушка-невѣста гадала о своемъ суженомъ въ банѣ, для чего, поставивъ тамъ два прибора, сѣла и стала звать его. Въ полночь является женихъ; поужинавъ съ невѣстой, онъ приглашаетъ ее ѣхать къ вѣнцу. Это былъ злой духъ. Дѣвушка, понявъ съ кѣмъ имѣла дѣло, сказала, что у нея нѣтъ подвѣнечнаго платья. Женихъ въ одну секунду принесъ его. Тогда невѣста находитъ другія препятствія и безпрестанно посылала жениха то за тѣмъ, то за другимъ, пока не насталъ часъ, въ который запѣлъ пѣтухъ, заранѣе уже принесенный невѣстою въ баню. Женихъ исчезъ, а платья и другія принесенныя имъ вещи остались у невѣсты. На другой день она разсказала все это своей пріятельницѣ, которая также захотѣла выманить у нечистаго подарки; однако поплатилась за это жизнью.

Прочіе злые духи: водяные и лѣшіе или лѣсовики также часто дѣлаютъ непріятности человѣку, а иногда и шутятъ. Лѣшіе, по народному сказанію, ходятъ по лѣсу наравнѣ съ деревьями или съ травою, по ночамъ же свищутъ и кричатъ. Если лѣшій встрѣтится съ человѣкомъ, то сперва схватитъ его руками, потомъ шутитъ надъ нимъ, щекочетъ его и, наконецъ, замучиваетъ до смерти. Кто заблудится въ лѣсу, то говоритъ, что его обошелъ лѣшій, и въ такомъ случаѣ надо надѣть все платье на изнанку.

Самыя естественныя вещи, которыя разумный человѣкъ легко можетъ объяснить, толкуются простымъ народомъ какъ продѣлки лѣшаго. Такъ, лѣтъ тридцать съ небольшимъ назадъ, въ лѣсахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Костромской губерніи вдругъ появилось огромное количество бѣлокъ, которыя, какъ всякому извѣстно, всегда перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое большими стадами. Ясно, что животныя изъ голоднаго мѣста перебѣгали въ другое, гдѣ было больше корму. Однако это простое явленіе народъ объяснилъ тѣмъ, что бѣлокъ гналъ лѣшій изъ Вятской губерніи въ Вологодскую; другіе прибавляли еще къ этому, что одинъ лѣшій проигралъ своихъ бѣлокъ другому лѣшему въ карты, а потому и перегоняетъ ихъ изъ своихъ владѣній въ чужое.

Водяные живутъ въ водѣ, часто выходятъ на берегъ съ растрепанными волосами и чешутъ голову гребнемъ; иногда схватываютъ купающихся и утаскиваютъ ихъ въ свое жилище, гдѣ замучиваютъ до смерти. Кромѣ того, они разрушаютъ часто на мельницахъ плотины и мосты, а въ водополье уносятъ и строенія. Во многихъ великорусскихъ губерніяхъ существуетъ убѣжденіе, что водяной никогда не можетъ утащить къ себѣ солдата или служащаго человѣка, потому что люди эти принадлежатъ казнѣ. Вообще говорятъ, что водяной не любитъ «ни военныхъ забіякъ, ни приказныхъ строкъ, ни ученыхъ изувѣровъ».

Къ водянымъ же относятъ и русалокъ, въ которыя попадаютъ, по крестьянскому убѣжденію, всѣ женщины, наложившія на себя руки. Получивъ въ свое владѣніе такую грѣшную душу, злой духъ варитъ ее въ котлѣ съ разными снадобьями и зельями, отчего женщина дѣлается необыкновенною красавицею и вѣчно молодою. По вѣрованію народа, русалки живутъ обыкновенно въ рѣкахъ, а съ Троицына дня до Петрова странствуютъ по землѣ, летаютъ въ лѣсахъ, избирая себѣ пріютомъ старыя деревья, особенно дубы; качаются на древесныхъ сучьяхъ или разматываютъ пряжу, похищая ее у тѣхъ крестьянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. Русалки ненавидятъ женщинъ и мучаютъ мужчинъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ

шестая недѣля послѣ Пасхи, то есть недѣля передъ Троицынымъ днемъ, извѣстна подъ именемъ русальской. По преданію, она получила это названіе потому, что русалки посвящаютъ ее своимъ забавамъ и увеселеніямъ, празднуютъ свои свадьбы, качаются на деревьяхъ, плаваютъ, кружатся и поютъ пѣсни. Только въ продолженіи этой недѣли русалки бываютъ видимы для человѣка.

Кромѣ этихъ суевѣрій, есть еще въ каждой почти губерніи особыя примѣты для всякаго дѣла и начинанія. Такъ крестьянинъ видитъ дурное предзнаменованіе, когда прокричитъ воронъ или филинъ, завоетъ собака, уйдетъ изъ горшка каша, вѣригъ въ дурную встрѣчу и въ дурной глазъ.

Особенное значеніе имѣютъ конечно тѣ повѣрья и примѣты, которыя прямо касаются матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ случаѣ крестьянинъ, безъ соблюденія извѣстныхъ принятыхъ обычаевъ, не предпринимаетъ ни одного важнаго дѣла. Нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ имѣютъ, впрочемъ, и религіозное значеніе. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отправляясь на посѣвъ яроваго, крестьянинъ, помолившись Богу, съѣдаетъ ржаную просфору, которая освящается въ день Благовѣщенія и до времени посѣва сохраняется въ закромѣ съ овсомъ. Во многихъ селеніяхъ во всякомъ домѣ можно найти такую просфору. Многіе сберегаютъ для посѣва тотъ овесъ, на которомъ во время Пасхи, когда священникъ былъ въ селѣ съ иконами, стоялъ образъ Божіей Матери.

Когда наступаетъ время жатвы, тогда одна изъ деревенскихъ старухъ, вдова или замужняя, извѣстная крестьянамъ по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле и жнетъ одинъ снопъ, который, связавъ, ставитъ на землю до трехъ разъ, молясь Прасковьѣ Пятницѣ, чтобы она помогла рабамъ Божьимъ (при чемъ произноситъ почти всѣ женскія имена цѣлой деревни), безъ скорби и болѣзни окончить жатву и чтобы была имъ заступницей отъ злонамѣренныхъ людей. По произнесеніи молитвы, старуха, взявши снопъ, старается пройти до дому никѣмъ незамѣченною, почитая всякую встрѣчу недобрымъ предзнаменованіемъ.

Для того, чтобы узнать—хорошъ ли будетъ урожай или дуренъ—бросаютъ на застрѣху (нижняя часть крыши) полотенце, на которомъ хозяйка дома подносила пирогъ священнику, бывшему въ праздникъ Пасхи съ образами. Если брошенное полотенце не скатится на землю, то надо ожидать хорошаго урожая.

Желая оградить скотъ свой отъ моровой язвы, пригоняютъ 18 августа (въ день святыхъ Флора и Лавра) лошадей къ церкви, гдѣ, по окончаніи обѣдни и молебна, окропляютъ лошадей святою водою. Лошади въ этотъ день не употребляются ни въ какую работу. Точно также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне не работаютъ и 18 апрѣля, чтобы предохранить свой скотъ отъ падежа. Въ день св. Никиты въ другихъ мѣстахъ служатъ молебны о домашнихъ птицахъ и преимущественно о гусяхъ.

Есть примѣты для узнанія впередъ погоды. Такъ, если синичка съ утра начнетъ пищать, то ожидаютъ къ ночи морозу; когда ворона начнетъ каркать, то на другой день будетъ дождь. Свинья, бѣгущая изъ стада съ визгомъ, предвѣщаетъ грозу.

Крестьянинъ пчеловодъ замѣчаетъ перемѣну погоды по движенію пчелъ. Если пчелы начинаютъ съ утра играть, то есть быстро летать взадъ и впередъ, то въ тотъ же день будетъ дождь; если съ вечера опѣ кучкой сидятъ около отверстія въ улей, то на утро предвѣщаютъ ненастье, а если прячутся на ночлегъ въ улей, то ожидаютъ ясной погоды.

Таковы разныя примѣты и суевѣрія нашего великорусскаго крестьянина. Конечно, мы не могли и сотой доли разсказать того, что существуетъ еще по разнымъ губерніямъ, гдѣ живутъ великорусы. Но и этого достаточно, чтобы видѣть какъ много есть еще такихъ вещей, которыя скорѣе ухудшаютъ домашній бытъ крестьянина, нежели улучшаютъ его положеніе. Обвинять во всемъ простолюдина

нельзя, ибо многое изъ того, что онъ наслѣдовалъ еще со временъ язычества на Руси, укоренилось въ немъ вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, которыя измѣнились къ лучшему только въ нынѣшнее царствованіе. Невѣжество же и дурныя привычки исчезаютъ не скоро; для крестьянина же все это тѣмъ простительнѣе, что живущіе въ городахъ мѣщане и купцы, имѣющіе несравненно больше достатка и средствъ для образованія, мало чѣмъ отличаются отъ деревенскаго жителя и почти также невѣжественны, какъ и крестьяне.

Свадебные обряды.

Самые замѣчательные и интересные обряды сопровождаютъ въ крестьянскомъ быту три важнѣйшія событія жизни, а именно: свадьбу, крестины и похороны.

Когда молодой человѣкъ достигаетъ узаконеннихъ лѣтъ, то его стараются какъ можно скорѣе женить. Женихъ съ невѣстою рѣдко сочетаются по собственному желанію, но почти всегда по волѣ родителей, которые устроиваютъ дѣло помимо молодыхъ. Родители хорошаго жениха бываютъ весьма разборчивы, и когда прослышатъ на сторонѣ о дѣвушкѣ, которая подъ пару ихъ сыну, то или сами ѣдутъ, или посылаютъ сваху осмотрѣть невѣсту. При этомъ осмотрѣ не только оглядываютъ дѣвушку съ ногъ до головы, но велятъ ей даже пройтись; смотрятъ: твердо ли держится она. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, чистота и свѣжесть лица, а главное здоровье, цѣнятся болѣе всего. Всякое семейство желаетъ имѣть бабу, способную нести хозяйственные труды въ домѣ и въ полѣ, и здоровье которой ручалось бы за будущее поколѣніе.

Свадебные обряды хотя и имѣютъ нѣкоторый общій характеръ, но въ разныхъ мелкихъ подробностяхъ различаются не только въ разныхъ губерніяхъ Великороссіи, но даже въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Поэтому, при описаніи свадебныхъ обрядовъ, мы возьмемъ уѣздъ Калужской губерніи и уѣздъ Костромской. Въ Мещовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ Калужской губерніи, свадьба играется слѣдующимъ образомъ.

Отецъ, желающій женить сына, засылаетъ въ извѣстный ему домъ, гдѣ есть невѣста, сваху. Сваха, пришедши въ этотъ домъ и помолившись у порога избы, заводитъ съ матерью невѣсты рѣчь издалека и мало по малу переходитъ наконецъ къ цѣли своего посѣщенія. Тогда мать невѣсты, если женихъ ей по душѣ, объявляетъ свахѣ, что она посовѣтуется съ своими родственниками и знакомыми и не замедлитъ увѣдомить ее о послѣдствіяхъ. Но если матери невѣсты женихъ не нравится, то она говоритъ свахѣ, что дочь ея еще молода и пр.

Если женихъ нравится, то мать невѣсты, отпустивъ сваху, устраиваетъ домашнее совѣщаніе, на которомъ и рѣшается участь невѣсты.

Въ назначенный для помолвки день, въ домъ невѣсты съѣзжаются гости обѣихъ сторонъ, а со стороны жениха родители его, сваха и одинъ холостой парень. Посадивъ гостей, родители невѣсты просятъ у жениха выговоръ, то есть женихъ долженъ дать на приданое деньги; такое приданое бываетъ отъ 35 до 70 рублей, смотря по состоянію жениха. Сверхъ того, женихъ обязанъ купить невѣстѣ сапоги или коты. По заключеніи этого договора и по полученіи родителями невѣсты условленной суммы сполна, или задатка, выводятъ невѣсту, благословляютъ обоихъ и, по пожеланіи имъ счастья въ предстоящемъ супружествѣ, начинается пиръ. Женихъ и невѣста угощаются отдѣльно отъ прочихъ, а иногда и въ особой горницѣ. Парень, пріѣхавшій съ женихомъ, распоряжается при угощеніи и подноситъ вино. Такъ оканчивается помолвка, извѣстная здѣсь подъ названіемъ ладовъ.

Послѣ помолвки женихъ ежедневно посѣщаетъ свою невѣсту и приводитъ съ собою товарищей. Такимъ образомъ каждый день со-

ставляются вечерники, на которыхъ затѣваются разныя игры, поются величанья жениху и невѣстѣ, а иногда водятся хороводы. За похвалы, которыя поются въ пѣсняхъ, женихъ обязанъ не только отъ себя, но и за невѣсту благодарить дѣвушекъ, давая имъ мелкія монеты; въ противномъ случаѣ дѣвушки начнутъ его порицать въ пѣсняхъ. Жениха порицаютъ и тогда еще, когда онъ даритъ менѣе, нежели сколько можетъ. По требованію родныхъ своихъ, женихъ и невѣста съ разными церемоніями подносятъ гостямъ вина, при чемъ гости заставляютъ жениха и невѣсту цѣловаться.

Наканунѣ свадьбы бываетъ курникъ — круглый разрисованный разными узорами пирогъ, приготовленный матерью жениха. Женихъ, съ своей стороны, присылаетъ въ домъ невѣсты съ свахой также пирогъ, водку и мясо, а иногда и живаго пѣтуха; невѣста же для жениха завертываетъ въ ручникъ пару пряниковъ. Въ день передъ свадьбой не бываетъ никакихъ увеселеній и женихъ не посѣщаетъ невѣсты. Съ наступленіемъ же слѣдующаго дня онъ извѣщаетъ невѣсту, чтобы она готовилась къ вѣнцу. Получивъ это извѣщеніе, родители невѣсты раскладываютъ на скамьѣ вывороченную нагольную шубу, на которую сажаютъ невѣсту и начинаютъ одѣвать ее къ вѣнцу. При одѣваніи соблюдаются нѣкоторыя примѣты; такъ, въ сапоги или башмаки кладутъ подъ пятку серебряныя или мѣдныя деньги, для того чтобы невѣста не знала нужды и бѣдности замужемъ. Обувь на правую ногу невѣсты надѣваетъ шапочникъ, то есть шаферъ—въ знакъ взаимной любви будущихъ супруговъ. Для пожеланія счастья своей дочери, родители невѣсты приглашаютъ какую-нибудь женщину, любимую и уважаемую своимъ мужемъ, и просятъ вложить серьги въ уши невѣсты; по примѣтѣ, невѣста будетъ въ такомъ случаѣ наслаждаться такою же тихою и пріятною семейною жизнію, какъ и женщина, надѣвающая ей серьги. Та же женщина снабжаетъ навѣсту и своимъ подвѣнечнымъ платьемъ— также въ знакъ будущаго благополучія невѣсты. Во все время одѣванія невѣста должна оплакивать свою дѣвическую жизнь.

Когда невѣста одѣта, шапочникъ ѣдетъ извѣстить о томъ жениха, который, помолившись Богу и получивъ родительское благословеніе, отправляется къ невѣстѣ звать ее въ церковь. Его сопровождаетъ цѣлый поѣздъ, въ которомъ участвуютъ дружка, дядька, то есть посаженый отецъ, два поддружка и сваха. Послѣдняя, съ повязаннымъ на головѣ полотенцемъ и съ чернымъ платкомъ на шеѣ, сидитъ на особой лошади съ семилѣтнимъ мальчикомъ, называемымъ блюдникомъ. Поѣздъ на двухъ или трехъ саняхъ или телѣгахъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Дружка стучитъ въ ворота и вызываетъ хозяина слѣдующими словами:

— Хозяинъ, а хозяинъ! у тебя, слышь, фатера наймается; пусти, слышь, накормить лошадей.

— Что ты стучишь тамъ, какъ угорѣлый, отвѣчаетъ хозяинъ; у меня харчевня что ль, или постоялый дворъ? Говорятъ тебѣ, что фатера здѣсь не нанимается; отваливай скорѣе отъ двора, а то худо тебѣ будетъ.

Послѣ такого отказа, поѣздъ катается по деревнѣ и, сдѣлавъ два оборота, снова подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, но и на этотъ разъ отецъ ея непремѣнно откажетъ пріѣхавшимъ. По пріѣздѣ въ третій разъ, дружка, стуча въ ворота, говоритъ:

— Сватъ, а сватъ! пусти охотниковъ на задворокъ, заяцъ, слышь, слѣдъ оставилъ около твоихъ воротъ и махнулъ къ тебѣ въ сарай; пустишь что ли поймать его, аль нѣтъ?

— Ну, ступай, говоритъ отецъ невѣсты, какой тамъ тебѣ заяцъ нуженъ.

Подъ зайцемъ разумѣется невѣста, которую женихъ долженъ найти, потому что въ это время она бываетъ спрятана.

По заплетеніи косы накладываютъ на невѣсту полотенце, съ которымъ она и должна вѣнчаться; потомъ родители благословляютъ

свою дочь, при чемъ послѣдняя говоритъ: «родимый батюшка и родимая матушка, не прошу у васъ ни злата, ни серебра, но прошу Божія и вашего благословенія на вѣки нерушимаго. Послѣ благословенія сажаютъ невѣсту въ сани или телѣгу свахи и поѣздъ отправляется въ церковь. Если невѣста прежде жениха взялась за скобку двери на паперти, а потомъ первая стала на подножье, то это считается вѣрнымъ знакомъ, что мужъ будетъ у нея въ повиновеніи. Послѣ вѣнчанія молодые отправляются каждый въ домъ своихъ родителей.

Въ домѣ молодаго сваха, послѣ нѣкоторыхъ припѣваній, говоритъ: «пиръ вамъ, добрые люди, благословите насъ ѣхать, по суженую ѣхать, суженую домой брать». Тогда отправляются за молодой; въ поѣздѣ участвуютъ тѣ же лица, которыя были со стороны жениха въ церкви при бракосочетаніи. По пріѣздѣ новобрачнаго и всѣхъ сопровождавшихъ его лицъ въ домъ молодой, дѣвушки начинаютъ пѣть величанія сперва новобрачнымъ, а потомъ и прочимъ гостямъ, начиная со свахъ.

Послѣ величанья связываютъ молодыхъ подпояской въ знакъ того, что они должны любить другъ друга и жить дружно. Теща, положивъ грошъ передъ своимъ затемъ, говоритъ: вотъ тебѣ, дитя, рубь: поставь клѣть, купи плеть и учи свою женку не для людей, а для себя». Затѣмъ, накрывъ кружку полотенцемъ, подаютъ ему хлѣбъ, который онъ разрѣзываетъ пополамъ.

Потомъ сваха выходитъ на улицу и, возвратившись, развязываетъ молодыхъ и сама перевязывается подпояской съ праваго плеча на лѣвое. Между тѣмъ новобрачный подноситъ дружкѣ рюмку вина, а новобрачная даритъ ему полотенце; дружка завертываетъ въ полотенце разрѣзанный молодымъ хлѣбъ, въ замѣнъ котораго оставляетъ привезенный съ собою. Затѣмъ онъ выводитъ молодыхъ и, остановясь на крыльцѣ, поетъ, попеременно со свахою, одну изъ свадебныхъ пѣсенъ, пока всѣ усядутся въ сани или въ телѣгу. Съ этою пѣсенею поѣздъ катается по деревнѣ, а когда подъѣзжаетъ къ дому, то сваха встрѣчаетъ молодыхъ пѣсенею.

Въ избѣ встрѣчаетъ молодыхъ отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются въ ноги родителямъ, которые ихъ благословляютъ, а потомъ садятся за столъ, чтобы дождаться раннихъ. Такъ называются родственники молодой, пріѣхавше на свадьбу. Пока молодые дожидаются раннихъ, дѣвушки, заблаговременно приглашенныя, поютъ пѣсни.

По пріѣздѣ раннихъ начинается пиръ, во время котораго чаша съ виномъ безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки.

На другой день послѣ свадьбы пріѣзжаютъ провѣдать молодыхъ родственники и знакомые, при чемъ молодой раздаетъ подарки пріѣзжающимъ. Опять начинается пиръ. Молодые должны исполнить послѣдній свадебный обычай, а именно: они отправляются доставать изъ колодезя на улицу воду. Въ это время къ колодезю сбѣгаются холостые и женатые, дѣвушки и женщины и выливаютъ изъ бадьи воду до тѣхъ поръ, пока не угостятъ ихъ виномъ.

Въ Костромскомъ уѣздѣ свадьба празднуется нѣсколько иначе. Сватовство совершается, какъ и вездѣ, или между самими родителями или посредствомъ свахи. Когда между родителями состоится согласіе, то они распиваютъ между собою водку.

Этотъ обычай называется пропиваніемъ невѣсты. Во время этого пира между родителями идутъ разнаго рода условія и назначается день брака, наканунѣ котораго бываетъ дѣвичникъ.

На дѣвичникъ, который считается торжественнымъ днемъ крестьянской дѣвушки, собираются подруги невѣсты, даже подростки, и до прихода жениха вмѣстѣ проводятъ время въ бесѣдѣ, пѣсняхъ и играхъ. Къ концу же дня начинаютъ одѣвать и убирать невѣсту.

Къ тому времени, когда нужно пріѣхать жениху съ гостями, дѣвушки всѣ вмѣстѣ собираютъ большую куклу, прячутъ въ нее подарки и, до пріѣзда гостей, кладутъ ее на палати или на другое мѣсто.

Когда же гости съѣдутся, дѣвушки выбираютъ самую меньшую, даютъ ей въ руки подносъ, бережно усаживаютъ на него сдѣланную куклу съ подаркомъ и велятъ ей поднести это свату жениха въ подарокъ отъ невѣсты, а сами въ это время поютъ слѣдующія пѣсни:

Ужъ какъ свату-то бы ворогу,
Сломать бы ему голову;
Онъ самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами
Рожа пряслицею,
Глаза пуговицей,
Носъ какъ луковица;
На запяткахъ-то грибы растутъ,
На горбу-то сухари толкутъ,
Въ головѣ-то мыши гнѣзда вьютъ.

Сватъ долженъ выслушать эту пѣсню съ улыбкою и благодарить.

Отдѣлавши такимъ образомъ свата, дѣвушки поютъ пѣсню другаго содержанія тысяцкому, то есть крестному отцу жениха. Во-время этой пѣсни женихъ начинаетъ угощать гостей съ невѣстиной стороны виномъ и пивомъ, привезеннымъ имъ изъ своего дома. Окончивъ пѣть, дѣвушки начинаютъ собирать на столъ къ ужину, а одна изъ нихъ беретъ блюдо и, подойдя къ жениху, говоритъ: «у насъ на потолкѣ-то земля, а вы намъ пожалуйте серебра». Женихъ даетъ серебряную монету, послѣ чего дѣвушка обходитъ другихъ гостей, которые и кладутъ ей мѣдныя монеты.

Когда сядутъ за столъ и надо подавать горячее, то раздаются голоса гостей: «печка не отворяется». Это значитъ, что нужно подарить стряпуху, которая съ оловяннымъ блюдомъ обходитъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ сколько можетъ. Послѣ ужина дѣвушки дарятъ жениха; подарокъ заключается въ платкѣ, въ который насыпаютъ гороху; за женихомъ сваха съ невѣстиной стороны дарить отца и мать жениха бумажнымъ платкомъ, а послѣ родителей жениха дарятъ всѣхъ поѣзжанъ съ его стороны. Послѣ подарковъ невѣста беретъ подносъ съ рюмками и, наливъ вина, подноситъ его гостямъ. Кто выпьетъ, тотъ долженъ положить на подносъ сколько нибудь денегъ, которыя отдаются невѣстѣ.

Затѣмъ гости поднимаются, прощаются съ хозяиномъ и расходятся. Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ гостей, возвращается женихъ, который, уходя изъ избы, нарочно оставляетъ въ ней рукавицы и шапку; эти вещи прячутся дѣвушками.

— Гдѣ же моя шапочка съ рукавицами? спрашиваетъ женихъ невѣсту.

— Рукавички на спичкѣ, а шапочка на палочкѣ, отвѣчаетъ невѣста.

Рукавички дѣйствительно находятся, но шапочку найти не можетъ, и ищетъ ее среди смѣха. Наконецъ, онъ находитъ шапку гдѣ нибудь въ углу, на какой-нибудь дальней полкѣ.

— А что ты посылаешь изъ дому въ домъ? спрашиваетъ женихъ свою невѣсту.

— Посылаю я изъ дому въ домъ низкій поклонъ, а твоей матушкѣ пшеничный пирогъ, отвѣчаетъ невѣста.

Тогда женихъ три раза цѣлуется съ своею невѣстою и прощается съ нею. Дѣвушки же остаются въ домѣ невѣсты, которую раздѣваютъ, готовятъ для нея постель и вмѣстѣ съ нею ложатся спать.

Такъ оканчивается дѣвичникъ.

Въ день свадьбы родные жениха собираются въ домъ его отца, а оттуда уже веселымъ поѣздомъ отправляются къ дому невѣсты. Немного не доѣзжая до дому, поѣздъ останавливается, и только одинъ дружка подъѣзжаетъ къ воротамъ дома и говоритъ, между прочимъ, что нельзя ли ему поднести рюмочку винца, да стаканчикъ

пивца. Выпивъ рюмку, дружка подходитъ къ невѣстѣ и даритъ ее отъ имени жениха какимъ-нибудь подаркомъ. Его также отдариваютъ. Дружка даритъ также родителямъ невѣсты бѣлила, румяна, платокъ, зеркало и шубу, говоря:

Вотъ вамъ, сватушка и свахонька,
Бѣлила ростовскія,
Румяна московскія,
Покровъ (шаль) да зеркальце.
Вотъ вамъ, сватушка и свахонька,
Шубу овечью,
А вы намъ пожалуйте
Душу человѣчью.

Затѣмъ спрашивается у родителей невѣсты, желаютъ ли они у себя видѣть новобрачнаго князя. Тѣ отвѣчаютъ: желаемъ. Тогда дружка возвращается къ поѣзду и передаетъ жениху желаніе родителей невѣсты. Невѣста же, какъ только дружка выйдетъ изъ дому, сейчасъ же надѣваетъ подаренную ей шаль. Затѣмъ, ее, совершенно готовую уже къ вѣнцу, выводятъ и сажаютъ за столъ. Узнавъ о пріѣздѣ жениха съ поѣздомъ, невѣста начинаетъ плакать и причитать. Женихъ входитъ въ избу вмѣстѣ съ священникомъ, а вслѣдъ за ними и гости. Въ это же время свахи начинаютъ расплетать у невѣсты косу. Какъ только пріѣхалъ женихъ, дружка начинаетъ подчивать всѣхъ находящихся въ избѣ орѣхами, а гдѣ ихъ нѣтъ—баранками. Сперва потчуютъ стариковъ и старухъ, потомъ молодыхъ женщинъ, пѣвицъ и наконецъ ребятъ. Поднося орѣхи или баранки старикамъ, приговаривается: «старые старички, подпалатные жители, бабьи служители—извольте принять, поздраствовать новобрачнаго князя съ княгинею». Поднося старухамъ, говорится: старыя старушки, совьи брови, медвѣжьи взгляды—извольте принять и проч. Когда же подносятъ молодымъ женщинамъ, то приговариваютъ: «молодыя молодки, широкія лопасти, ворота браные, запястья шитыя—извольте и пр. Дѣвицамъ говорятъ: «красныя дѣвицы, крыночныя блудницы, горшечныя пагубницы, ваше дѣло лобъ лощить, да домъ тащить; извольте и пр. Наконецъ, ребятишкамъ говорятъ такъ: «малыя ребятишки, толстыя запятки, косыя заплатки, гороховые пупки, рѣпные желудки, ваше дѣло переломи ковригa, извольте и проч.».

Когда послѣ угощенія настаетъ время благословить невѣсту, то всѣ встаютъ; отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ солью становятся посреди избы. Невѣста, вся въ слезахъ, дѣлаетъ три земные поклона передъ иконою, потомъ съ отчаяннымъ видомъ падаетъ передъ родителями на колѣни, прося ихъ благословенія. Послѣ того дружки подходятъ къ невѣстѣ и уводятъ ее за руки; она же проситъ ихъ дать ей послѣдній разъ взглянуть на своихъ родителей. Дружки напоминаютъ ей, что уже пора уходить изъ родительскаго дома, чтобы не возвращаться въ него по прежнему веселою и беззаботною дѣвушкою. Наконецъ она выходитъ и садится въ сани или телѣгу. Поѣздъ трогается, но сейчасъ же останавливается опять. Дружки съ образомъ три раза обходятъ весь поѣздъ для того, чтобы надъ поѣзжанами была недѣйствительна злоба недобрыхъ, колдовство лиходѣя и разныя другія воображаемыя дѣйствія колдуновъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, дружки идутъ къ родителямъ невѣсты, просятъ ихъ кушать хлѣба-соли къ новобрачному князю, при чемъ приговаривается: «пожалуйте, сватушка и свахонька, къ новобрачному князю хлѣба кушать; у насъ дворъ подъ окошкомъ, а изба-то у воротъ; у насъ рогатыя-то скотины — тараканъ да жужилица, а мѣдныя-то посуды—крестъ да пуговица, а хлѣба-то у насъ про васъ три сусѣка: въ первомъ сусѣкѣ макъ, въ другомъ точно такъ, а въ третьемъ растянись, да и лягъ. А пива-то у насъ про васъ наварено три пива: пиво киснетъ, а другое на крюкѣ виснетъ, третье пьемъ, ковшикъ поднесемъ, да за волосы потрясемъ, объ полъ грянемъ, да топкомъ

придавимъ, да объ лавку лбомъ. Только, сватъ, съ этого пива у насъ по трое сутки съ похмѣлья лежатъ».

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ родителя жениха. Священникъ съ крестомъ въ рукахъ входитъ въ домъ первымъ; затѣмъ на разстояніи двухъ шаговъ сзади идутъ рука объ руку новобрачные. Сваха, взявъ заранѣе приготовленный вѣникъ, даетъ пройти священнику и бросаетъ вѣникъ подъ ноги молодымъ. Это дѣлается для того, чтобы отвести отъ молодыхъ порчу. Когда всѣ войдутъ въ избу, то начинается поздравленіе молодыхъ съ питьемъ вина за ихъ здоровье. Всѣ присутвующіе берутъ подносимую имъ рюмку вина и, отвѣдавъ его, говорятъ: «горько». Молодые при этомъ цѣлуются.

По окончаніи поздравленія молодыхъ, сваха подходитъ къ новобрачной и говоритъ ей:

— Посмотри-ка на тараканов-то, сколько набилось на полати.

Лишь только молодая, сидящая въ углу подъ иконою съ понуренною головою, посмотритъ кверху, какъ сваха, обратясь къ холостымъ парнямъ и ребятамъ, заранѣе уже влѣзшимъ на полати, спрашиваетъ ихъ: хороша-ли? Всѣ въ голосъ кричатъ, что есть мочи: хороша! Если хозяева мало угощали виномъ и пивомъ, то парни во всю глотку кричатъ: не хороша! Это однако случается рѣдко. Выпивъ водки, посторонніе уходятъ и остаются только молодые да гости.

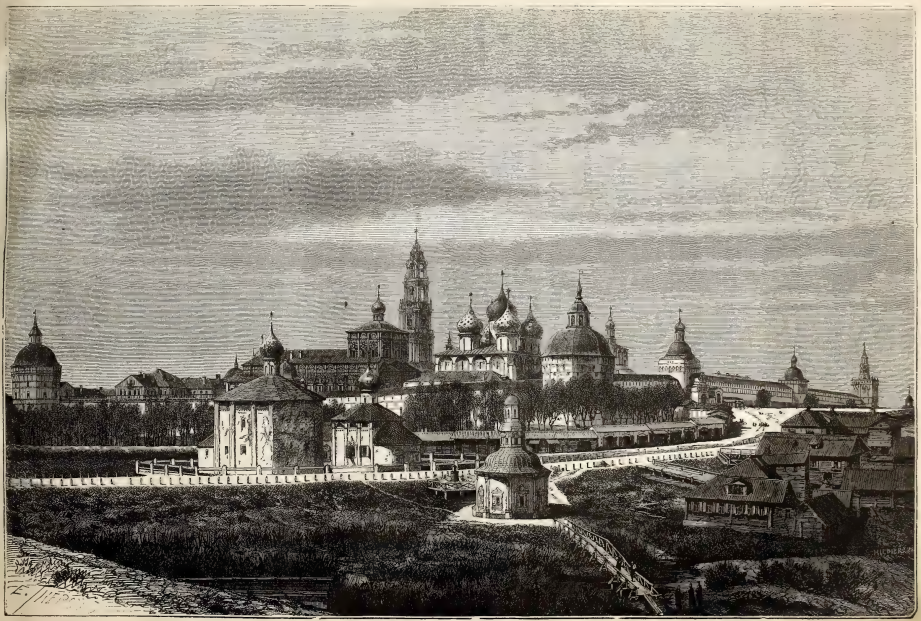
Для гостей накрываютъ столъ, но молодые за столомъ не присутствуютъ, а уходятъ къ себѣ, гдѣ и остаются до слѣдующаго утра; гости же пируютъ всю ночь.

Въ другихъ мѣстахъ той же Костромской губерніи послѣ ужина молодой садится на постель, а передъ нимъ съ покорностью стоитъ его жена въ ожиданіи отъ него приказаній. Мужъ протягиваетъ ноги, а жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго сапога выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка. Этимъ намекается, что отъ мужа жена должна ожидать награды и наказанія, смотря по тому, какъ будетъ себя вести. Вообще это одинъ изъ тѣхъ многихъ обычаевъ, которые остались въ народѣ отъ того времени, когда на женщину смотрѣли не какъ на подругу мужа, а какъ на рабыню.

Кромѣ семейныхъ праздниковъ, какъ-то свадебъ, крестинъ и т. п. и общихъ всѣхъ большихъ годовыхъ праздниковъ, въ каждомъ приходѣ сельскомъ большую роль играютъ праздники храмовые. Они обыкновенно почти всегда сопровождаются базарами, то есть торгомъ, на который съѣзжается множество торговцевъ изъ окрестныхъ селъ и деревень съ разными товарами и деревенскими лакомствами. Самое же празднество заключается обыкновенно въ изобильной пищѣ, неумѣренномъ питьѣ, въ нѣкоторыхъ бояхъ и вообще всякаго рода увеселеніяхъ.

Къ числу праздниковъ, кромѣ обыкновенныхъ: масляницы, святокъ и пасхи, въ великорусскихъ деревняхъ съ большою торжественностью празднуется четвергъ передъ Троицынымъ днемъ. Это такъ называемый семикъ. Въ этотъ день женщины, надѣвъ свои лучшія платья, вмѣстѣ съ разодѣтыми парнями, украшаютъ лентами срубленную березку и съ пѣснями несутъ ее на лугъ. Затѣмъ, разсыпавшись въ разныя стороны, изъ наломанныхъ вѣтокъ плетутъ вѣнки, въ средину его вѣшаютъ крестъ и два человѣка въ одинъ и тотъ же мигъ цѣлуютъ этотъ крестъ съ двухъ сторонъ, каждый съ своей. Поцѣловавшіе такимъ образомъ крестъ, размѣниваются между собою крестами и дружатся на вѣки. Всякая ссора между ними считается послѣ этого великимъ грѣхомъ.

Послѣ завивки вѣнковъ, садятся кругомъ березы, ѣдятъ яичницу, и потомъ поютъ пѣсни и водятъ хороводы. Съ закатомъ солнца березу съ пѣснями несутъ въ деревню, а участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ отправляются къ озеру, рѣкѣ или пруду, гдѣ, снявъ съ себя вѣнки, опускаютъ ихъ въ воду около берега и, почерпнувъ сквозь вѣнокъ воды, умываются. По совершеніи этого обряда, снова бросаютъ вѣнокъ далеко въ воду и наблюдаютъ за нимъ. Если вѣ-



ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКАЯ ЛАВРА БЛИЗЪ МОСКВЫ.

покъ поплаветъ, то бросившій будетъ жить долго; если же потонетъ то скоро умретъ.

Такова въ главныхъ чертахъ жизнь великорусскаго крестьянина. Мы видѣли, что великоруссы надѣлены и хорошимъ характеромъ, и достаточнымъ умомъ для того, чтобы улучшать свой бытъ и устроивать наилучшимъ образомъ свою жизнь. Однако многое еще остается нашему крестьянину для того, чтобы онъ могъ выйти изъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится въ настоящее время. Описавъ выше хорошія качества и недостатки великорусскаго характера, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, что еще нужно ему.

Въ семейной жизни русскаго крестьянина есть много такого, что напоминаетъ еще времена отдаленныя и что постепенно выводится у народовъ болѣе образованныхъ. Такъ, самый важный шагъ въ каждомъ семейномъ домѣ—бракъ, рѣдко совершается между женихомъ и невѣстою полюбовно. Обыкновенно это дѣло берутъ на себя родители, часто вовсе не обращая вниманія на то—нравятся ли другъ другу женихъ и невѣста. Естественнымъ слѣдствіемъ такого брака весьма часто бываютъ семейные раздоры между мужемъ и женою, ненависть другъ къ другу, побои, а нерѣдко и преступленія, влекущія за собою смерть жены или мужа.

Излишнее употребленіе водки влечетъ за собою также домашнія несогласія, обѣдненіе цѣлыхъ семей и множество преступленій, которыя безъ водки уменьшились бы по числу своему вдвое противъ нынѣшняго.

Множество вредныхъ повѣрій и предразсудковъ, мѣшающихъ отчасти и сельскому хозяйству, опутываютъ нашего крестьянина, препятствуютъ его образованію и вредятъ здоровью.

Всѣ эти недостатки, надо правду сказать, не составляютъ принадлежности исключительно только нашего крестьянина. Они встрѣчаютъ среди всякаго простаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, но нельзя не сказать, что у русскаго народа эти качества встрѣчаются чаще, чѣмъ у другихъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, многое начинаетъ измѣняться въ жизни русскаго человѣка. Теперь уже во многихъ мѣстахъ созналъ народъ вредъ отъ пьянства и невѣжества, и нерѣдко приходится слышать о закрытіи въ деревняхъ, по приговору самихъ крестьянскихъ обществъ, кабаковъ и объ открытіи взамѣнъ ихъ сельскихъ школъ для обученія крестьянскихъ дѣтей.

Главное средоточіе всего великорусскаго народа есть городъ Москва—древняя столица русскихъ царей и сердце Россіи. Она основана семьсотъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ, принадлежавшемъ боярину Кучкѣ, почему долгое время называлась въ народѣ Кучковымъ. Сначала это былъ небольшой городокъ, потомъ туда стали стекаться торговые люди, а черезъ 200 лѣтъ послѣ своего основанія Москва образовала уже цѣлое княжество. До Петра русскіе князья и цари украшали Москву, и только Петръ Великій перенесъ свою столицу въ новый городъ, построенный имъ на берегу Невы и Финскаго залива—въ Петербургъ.

Вся Москва, за исключеніемъ ея предмѣстій, занимаетъ площадь въ 64 квадратныя версты. Населеніе Москвы доходитъ до 400,000 человѣкъ, которые живутъ въ 15,600 домахъ.

Православныхъ церквей въ Москвѣ болѣе 300, въ томъ числѣ 7 соборовъ и 18 монастырей.

II. МАЛОРОССЫ.

Характеръ, жилища, одежда и пища.

Малороссы, въ числѣ около 11.000,000 душъ, составляютъ главную массу населенія въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Кромѣ того, они живутъ въ значительномъ числѣ въ губерніяхъ: Воронежской, Орловской, Курской, Могилевской, въ Бессарабской и въ Донской области и попадаются въ губерніяхъ: Саратовской и Самарской.

При словахъ малороссъ и Малороссія, воображенію рисуются веселыя картины щедрой природы и тихой, привольной земледѣльческой жизни. Рисуются раздольныя степи, обширныя пашни, волы, медленно волочащіе плугъ, бѣлыя, уютныя хаты, красиво обрамленныя зеленью, бакчи, на которыхъ зрѣютъ арбузы и другіе плоды; рисуется чудно-синее небо, веселыя, довольныя своею судьбою лица молодежи и звучитъ серебристая мелодія пѣсень, которыя лѣтомъ раздаются здѣсь во всѣхъ селеніяхъ отъ зари и почти до зари.

Какъ всѣ земледѣльческіе народы, малороссъ нрава добраго и тихаго. Онъ сильно привязанъ къ своей прекрасной родинѣ, любитъ осѣдлую жизнь, свою благодатную землю, своихъ воловъ, свой домашній очагъ, свой благодарный трудъ и гордится положеніемъ земледѣльца.

Вообще, народъ этотъ стоитъ на высокомъ нравственномъ уровнѣ. Между малороссами мало встрѣчается пороковъ. Честность ихъ напоминаетъ патріархальныя времена, а кражи случаются весьма рѣдко, и на малороссійскомъ языкѣ нѣтъ даже слова воръ, которое замѣняется словомъ *злодій*.

Вмѣстѣ съ обезпеченною жизнью, малороссъ наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ равнодушіе къ наживѣ: коренной малороссъ не понимаетъ стремленія къ обогащенію. Для него не существуетъ промышленности. Онъ смотритъ на промыслы съ высока, почти съ презрѣніемъ. Единственный его старинный и излюбленный промыселъ—чумачество, о которомъ мы поговоримъ ниже. Малороссъ непрактиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, и за эту непрактичность о малороссахъ часто отзываются какъ о простакахъ, но такіе отзывы несправедливы. Напротивъ, народъ этотъ одаренъ умомъ проницательнымъ, тонкимъ, часто глубокимъ и способнымъ къ продолжительному и упорному труду. Если умъ малоросса не всегда способенъ дѣйствовать быстро, за то онъ отчетливо и ясно понимаетъ усвоенный предметъ. Правда, что при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, малороссъ не засыплетъ его словами, не поторопится выставить на показъ весь свой умственный запасъ, а будетъ вести себя сдержанно. Но иногда два, три меткія слова, докажутъ меткій юморъ или блестящее остроуміе. Вообще насмѣшливость свойственна этому племени; она замѣтна даже въ дѣтяхъ, особенно во время ихъ игръ.

Малороссовъ сильно упрекаютъ въ лѣни. О ней разсказываютъ много анекдотовъ, такъ что она пріобрѣла даже своего рода знаменитость.

Не въ оправданіе, но въ поясненіе этой лѣни, слѣдуетъ замѣ-

тить, что малороссъ обработываетъ свои поля подъ сильнымъ зноемъ, почти съ апрѣля и до половины сентября, а такъ какъ посѣвовъ много и все здѣсь зрѣетъ и поспѣваетъ быстро, — то полевыя работы слѣдуютъ одна за другою, безъ перемежки. Крестьянину никогда отдохнуть въ рабочее время; онъ встаетъ съ зарею и трудится безъ устали цѣлый день. Понятно, послѣ того, что онъ любитъ насладиться удовольствіемъ бездѣйствія.

Малороссъ вообще добръ и гостепріименъ. Но гостепріимство это происходитъ отчасти и отъ того, что онъ самъ любитъ попировать. Осенью и зимою, въ великорусскихъ губерніяхъ, крестьяне часто отправляются на заработки, но украинцу нѣтъ этой необходимости. Слѣдовательно, времени у него свободнаго много, и пирушки случаются часто. Онъ считаетъ святою обязанностью справлять всѣ имянины, крестины, поминки и пр. и обыкновенно при такихъ случаяхъ слишкомъ много пьетъ горѣлки. Вообще, какъ ни грустно, но справедливость требуетъ сказать, что пьянство сильно распространено въ Малороссіи; ему подвержены не только мужчины, но даже женщины и дѣвушки. Не смотря на то, къ пьянымъ относятся съ презрѣніемъ.

Малороссы очень набожны. Они свято чтятъ всѣ предписанія религіи и въ особенности строго соблюдаютъ посты. Даже дѣтямъ, отнятымъ отъ груди, не даютъ молока по средамъ и пятницамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ малороссы чрезвычайно суевѣрны. Нигдѣ слѣды древнихъ языческихъ обычаевъ не уцѣлѣли такъ, какъ между малороссами, тѣмъ болѣе, что близкія отношенія къ природѣ щедро одарили это племя фантазіею и поэтическимъ чувствомъ. Послѣднее выражается также въ музыкальности малороссовъ. Между ними очень много хорошихъ голосовъ и они чрезвычайно любятъ пѣньe, что доказываетъ и богатый запасъ ихъ пѣсень, равнаго которому нѣтъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ.

Одну изъ отличительныхъ чертъ малороссійскаго характера составляетъ также привязанность къ старинѣ, доходящая до закоснѣлости. Малороссъ не любитъ никакихъ нововведеній, а вмѣстѣ съ ними и грамотности. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что племя это, при своемъ проницательномъ, часто глубокомъ умѣ, было бы очень способно къ развитію, если бы ничто не мѣшало ему сознать его пользу.

Наружность малороса больше подходитъ къ азіатскому типу. Онъ худощавъ, окладъ лица продолговатый, волосы и глаза темные, цвѣтъ тѣла смуглый. Въ движеніяхъ своихъ онъ медленъ и неповоротливъ, что происходитъ отчасти отъ дѣйствія климата, отчасти отъ занятій хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, которые неспособны расшевелить человѣка. Онъ немногорѣчивъ, особенно съ чужими людьми, часто даже угрюмъ и смотритъ изъ подлобья. Старики держатъ себя иногда съ какою-то свойственною имъ важностью и достоинствомъ. Совсѣмъ не таковъ малороссъ въ дружескомъ кругу, особенно на пирушкахъ; здѣсь онъ развертывается, и шутки его исполнены юмора и остроумія.

Исторія Малороссіи, представляющая упорную борьбу съ поляками и другими сосѣдями, выработала въ характерѣ племени духъ независимости и глубокое сознаніе человѣческаго достоинства. Малороссъ гордъ: онъ не любитъ льстить и низкопоклонничать, не выноситъ несправедливости, нахальства, грубости, и съ упрямствомъ готовъ отстаивать свои права даже и тогда, когда знаетъ, что отъ этого не будетъ никакой пользы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ глубоко вкоренено чувство законности, которому онъ обязанъ казачеству, распространившемуся по всему краю.

Казаки рѣшали всегда свои дѣла приговоромъ *громады*, т. е. мірскаго суда, и не подчиниться этому суду или закону немыслимо для малороса.

Тревожныя времена заронили также въ душу украинца, вѣчно принужденнаго опасаться и часто молча глотать обиды, — духъ не-

довѣрчивости и мстительности. Спросите малоросса о самой простой вещи — онъ всегда отвѣтитъ вамъ уклончиво и вмѣсто *да*, скажетъ только *можетъ быть*.

Къ людямъ не одного съ нимъ племени онъ относится не только еще недовѣрчивѣе, чѣмъ къ соплеменникамъ, но даже непріязненно. Евреевъ и нѣмцевъ-колонистовъ малороссы не терпятъ. Въ отношеніи евреевъ это объясняется тѣмъ, что евреи забрали въ свои руки всю торговлю страны — и такимъ образомъ держатъ часто жителей въ угнетеніи. Нѣмцевъ же они не любятъ вѣроятно за то, что тѣ живутъ замкнутою жизнью и не сообщаются съ ними; въ отношеніи русскихъ, называемыхъ здѣсь москалями, и особенно къ солдатамъ, малороссы крайне недовѣрчивы, что доказывается поговорками:

«Мутыть, якъ у сели москаль» *).

«Колы москаль каже: сухо, то пиднимайсь по ухо; бо вінъ бреше» **). «Зъ москалями знайся, а камень у пазухи держи». «Видъ москаля полы врижъ, та втикай».

Также недовѣрчиво малороссы относятся и къ чиновникамъ.

«Ангельскій голосокъ, да чертова думка», говорятъ они про нихъ.

Если же какая нибудь слышанная новость сильно заинтересуетъ ихъ, то они обращаются за объясненіями и совѣтами къ дьячку, а тотъ къ священнику.

Что же касается до мстительности малороссовъ — то эта черта вовсе не похожа у нихъ на мстительность, напр. корсиканцевъ или кавказскихъ горцевъ. Она не ведетъ къ озлобленному, продолжительному мщенью, а ограничивается тѣмъ, что малороссъ, какъ всѣ люди, одаренные умомъ и самолюбіемъ, не скоро забываетъ оскорбленія. Его глубокое и сильное чувство разгорается медленно, но за то переходитъ въ пламенную страсть и часто остается на всю жизнь.

Отчасти врожденная независимость характера, а отчасти смутныя, историческія времена, когда, вслѣдствіе войнъ, семьи часто дробились и переселялись въ другія мѣстности, развили въ здѣшнемъ народѣ особенность быта, которою онъ рѣзко отличается отъ великоруссовъ. Въ великорусскихъ деревняхъ женатые сыновья всегда живутъ вмѣстѣ съ отцомъ и ведутъ хозяйство сообща. Въ Малороссіи же, напротивъ, какъ скоро сынъ женится — сейчасъ заводится своимъ домомъ и отдѣльнымъ хозяйствомъ. Обычай этотъ хорошъ въ частной жизни, такъ какъ избавляетъ отъ пустыхъ ссоръ и домашнихъ дрязгъ, но въ общемъ отъ него страдаетъ хозяйство. У отдѣлившагося сына нѣтъ иногда всего необходимаго для отдѣльнаго хозяйства, а отецъ между тѣмъ лишается работника; такимъ образомъ у обоихъ пропадаетъ безъ пользы много времени. Молодой хозяинъ привыкаетъ къ праздности, и когда обзаведется полнымъ хозяйствомъ не увеличиваетъ уже размѣровъ пашенъ.

Впрочемъ, встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ женатыя сыновья живутъ вмѣстѣ подъ надзоромъ отца и работаютъ сообща, хотя такіе примѣры чрезвычайно рѣдки и не въ духѣ народа.

Малороссійскія села и деревни не похожи на великорусскія. Мѣстоположеніе ихъ большею частью живописно. Обыкновенно онѣ расположены на возвышенностяхъ, на холмистыхъ берегахъ рѣкъ или на склонахъ балокъ *). Селеніе не образуетъ прямой улицы, обстроенной съ обѣихъ сторонъ домами, а разбросано безо всякой симметріи. Хаты расползаются во всѣхъ направленіяхъ, и въ длину, и въ ширину. Между ними находятся огороды, конопляники, сады

*) Балямутитъ, какъ москаль въ селѣ.

**) Если москаль скажетъ: сухо, то поднимай одежду повыше, потому что онъ лжетъ.

*) Балки—отлогіе овраги, составляющіе характеристическую, географическую особенность Малороссіи и Новороссіи.

и выгоны, такъ что все селеніе какъ будто купается въ зелени. Если оно лѣпится по склону балки, то среди нея вырытъ прудъ.

Въ срединѣ села или гдѣ нибудь на бугрѣ, возвышается церковь, а близъ нея обыкновенно волостное правленіе или сельская расправа. Вокругъ села на холмахъ идетъ рядъ вѣтряныхъ мельницъ. Почти передъ каждою хатою есть палисадникъ, огороженный плетнемъ. Въ немъ пестрѣютъ гвоздика, барвенокъ, зоря, штокъ-роза, роза обыкновенная и другіе цвѣты, а иногда растетъ сирень.

Дворъ обнесенъ также плетнемъ; ворота сквозныя, сколоченныя изъ жердей. Хозяйственныя постройки то идутъ рядомъ съ хатою, то разбросаны по двору, часто между группами деревьевъ. При этомъ выказывается иногда вполнѣ любовь малоросса къ природѣ. Если, напр., ему надо построить сарай или навѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ какое нибудь дерево,—онъ ни за что не срубитъ его, а обнесетъ стѣнами и пропуститъ чрезъ крышу, такъ что оно очутится внутри сарая. Точно также поступаютъ фellахи*) съ финиковыми пальмами. Но плодъ финиковой пальмы для феллаха то же, что хлѣбъ для европейца, тогда какъ малороссъ щадитъ какой нибудь тополь, липу или какое нибудь неплодовое дерево—слѣдовательно, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно.

На дворѣ стоитъ обыкновенно кладовая, сарай для телѣгъ, сарай для овецъ, открытый сарай для скота и лошадей, нѣсколько хлѣвовъ и птичникъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ также крытое гумно.

Хата имѣетъ обыкновенно отъ 9-ти до 12 аршинъ въ длину и отъ 7-ми до 8-ми въ ширину. Полъ въ комнатѣ дѣлаютъ изъ битой глины. Такая хата состоитъ изъ избы, сѣней и кладовой. Только зажиточные хозяева имѣютъ по двѣ комнаты. Въ сѣнихъ ставится плетеная дымовая труба, называемая *дымарь*, которая идетъ до верха крыши. Въ степныхъ хуторахъ, гдѣ часто бываютъ такія сильныя вьюги, что снѣжные сугробы заваливаютъ хаты въ уровень съ крышею—эти трубы служатъ тогда единственнымъ отверстіемъ для выхода. Подъ трубою устроивается родъ широкой полки, на которой лѣтомъ готовятъ пищу.

Внутренность хатъ содержится всегда очень опрятно, такъ какъ малороссіянки, въ противуположность своимъ мужьямъ, очень дѣятельны. Чистота составляетъ щегольство здѣшнихъ хозяекъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что постройка жилищъ въ Малороссіи вообще очень разнообразна, смотря по тому, богатъ ли край строительными матеріалами и по степени зажиточности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить просторные каменные дома, похожіе на дома тамошнихъ колонистовъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ страна богата лѣсомъ, строятъ деревянныя хаты и уже не обмазываютъ снаружи глиною. Въ безлѣсныхъ же, но богатыхъ хорошею глиною мѣстностяхъ, строятъ мазанки, стѣны которыхъ выбѣливаютъ какъ снаружи, такъ и внутри. Тамъ же, наконецъ, гдѣ нѣтъ даже годной для строенія глины, какъ напр. въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, крестьяне живутъ въ опрятныхъ, но тѣсныхъ и сырыхъ нездоровыхъ земляпкахъ. *Хуторомъ* называется выселокъ, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ.

Одежда малороссовъ, какъ мужская, такъ и женская, нисколько не похожа на великорусскую. Даже обувь иного покроя. Малороссъ не любитъ стѣсненія въ одеждѣ, что понятно при малороссійскомъ климатѣ, а потому она вообще отличается широкими, обширными размѣрами. Онъ носитъ бѣлую рубашку изъ грубаго холста, съ прорѣзкой на груди, а не съ боку, съ узенькимъ, стоячимъ воротникомъ, часто вышитымъ, который завязывается шнуркомъ или лентой. Рубашку надѣваютъ подъ шаровары. Шаровары дѣлаютъ чрезвычайно широкіе и непремѣнно съ карманами. У болѣе зажиточныхъ они бываютъ шерстяные, а у иныхъ выбойчатые, а по зимамъ носятъ суконные. Они стягиваются *очкуромъ*, надѣваемымъ изнутри и всегда

*) Египетскіе крестьяне, живущіе по берегамъ Нила.

запущены въ голенища. Вообще ширина шароваровъ считается щегольствомъ и иногда доходитъ до безобразія. Верхнихъ одеждъ нѣсколько. Самая легкая называется *юбка* родъ пальто изъ сѣраго или бѣлаго сукна, съ цвѣтными выпушками, которая застегивается кожаными пуговками. Парубки (парни) и молодые женатые малороссы носятъ суконные полукафтаны, а зимою кожухъ, т. е. коротенькій полушубокъ. У бѣдныхъ одинъ кожухъ служитъ для всего семейства. Сверхъ *юбки, кафтана* или *кожуха* надѣвается *свита*, родъ армяка, стянутаго въ тальѣ кожанымъ поясомъ. Носятъ также *кирею*, т. е. длинную свиту съ капюшономъ, защищающимъ отъ непогоды голову и шею. Вотъ эти различные роды одеждъ въ употребленіи у малороссовъ; все различіе между ними состоитъ единственно въ украшеніяхъ. Только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской губерніи крестьяне одѣваются по бѣлорусски. Зажиточные носятъ иногда очень дорогіе по ихъ состоянію кожухи, сдѣланные изъ сѣрыхъ ягнячьихъ мерлушекъ. Во всѣ времена года, малороссъ носитъ шапку изъ черныхъ, сѣрыхъ и даже бѣлыхъ мерлушекъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шапки эти дѣлаютъ очень высокія. Впрочемъ, есть селенія, особенно степныя, гдѣ лѣтомъ носятъ круглую шляпу съ широкими полями, называемую *бриль*. Встрѣчаются иногда соломенныя брили туземнаго мастерства, сплетенныя довольно искусно. Обувь состоитъ изъ чоботовъ (сапоговъ). У богатыхъ они бываютъ сафьянные или изъ хорошей юфти, а у менѣе зажиточныхъ изъ воловьей и даже лошадиной кожи. Лаптей такихъ, какъ въ Великороссіи, здѣсь не носятъ, кромѣ тѣхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, гдѣ народъ одѣвается по бѣлорусски. Эту обувь замѣняютъ въ Малороссіи *постолы*, состоящіе изъ четыреугольнаго куска кожи, загнутаго и скрѣпленнаго напереди, который привязывается къ ногѣ ременными или веревочными завязками.

Одежда молодежи, какъ покроемъ, такъ и украшеньями, щеголеватѣе, чѣмъ у стариковъ. Мужчины, кромѣ стариковъ, стригутъ волосы и брѣютъ бороду.

Малороссійскій женскій нарядъ совершенно своеобразенъ.

Рубашки обыкновенно носятъ холстинныя. Дѣвушки и молодицы (молодыя замужнія женщины) красиво вышиваютъ ихъ на рукавахъ и на подолѣ красною бумагою. Вышитый подолъ называется *ляховка*.

Вышивка рубашекъ составляетъ большое щегольство, и надъ иною рубашкою дѣвушка просидитъ полгода. Вмѣсто великорусскаго сарафана, малороссіянки носятъ плахту и запаску. Одежды эти состоятъ изъ двухъ кусковъ матеріи, которые просто обертываютъ вокругъ таліи; сверху надѣваютъ поясъ. Плахты и запаски дѣлаютъ изъ шерстяной одноцвѣтной матеріи, изъ шерстяной клѣтчатой или съ разводами, а иногда парчевыя. Пояса носятъ шерстяные, особенно красные шелковые и очень дорогіе парчевые. Этотъ костюмъ малороссіянка носитъ лѣтомъ и въ особенности дома; въ другія же времена года и на выходъ, у нея есть другія наряды. Лѣтомъ, дѣвушки и молодыя женщины носятъ *гирсетъ*, коротенкое пальто безъ рукавовъ; зимою свитку, только гораздо короче мужской и сшитую со сборками. Богатыя носятъ байковыя свитки, зеленыя съ красными мушками и суконныя. Кромѣ того, носятъ и длинныя свиты, расшитыя по краямъ полъ синими или красными шнурками, и шубы съ круглымъ, откиднымъ воротникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился еще старинный нарядъ, *кунтушъ*, который надѣваютъ при торжественныхъ случаяхъ или въ большіе праздники. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу или въ нѣсколько мелкихъ косъ, которыя связываютъ по срединѣ. Вокругъ головы повязываютъ ленты, концы которыхъ падаютъ назадъ вмѣстѣ съ косою. Исключительную особенность малороссійскаго женскаго наряда доказывающую врожденный вкусъ малороссіянокъ къ изящному, составляютъ цвѣты. Въ великорусскихъ губерніяхъ никогда не увидишь цвѣтовъ на головѣ крестьянки, тогда какъ въ Малороссіи дѣвушки не только лѣтомъ

убираютъ голову цвѣтами, но даже и въ другія времена года носятъ искуственные. Цвѣты или просто втыкаются за ленту, или надѣваются на голову вѣнки. На шеѣ дѣвушки носятъ множество монисто *) и образковъ.

Женская обувь состоитъ изъ черевиковъ и сапоговъ, которые у богатыхъ бываютъ сафьянные. Впрочемъ, малороссіянки вообще любятъ ходить босыя, и часто даже, идя въ церковь, несутъ сапоги въ рукахъ. Ходить босой по снѣгу считается здѣсь чѣмъ-то въ родѣ достоинства, и про такую женщину обыкновенно говорятъ: какая чепуриха, т. е. щеголиха.

Дѣти въ Малороссіи всегда одѣты точно въ чужое платье, потому что дѣтскую одежду обыкновенно припускаютъ на ростъ и въ длину, и въ ширину.

Въ отношеніи пищи, малороссъ гораздо прихотливѣе великорусскаго крестьянина. Обиліе и разнообразіе припасовъ развили въ немъ вкусъ и онъ не удовлетворяется количествомъ, но обращаетъ вниманіе и на качество пищи. Свѣжую пищу готовятъ не только на обѣдъ, но и на ужинъ. Вообще малороссы любятъ все жирное. Извѣстное малороссійское сало составляетъ для нихъ такую же насущную потребность, какъ и хлѣбъ. Національныя малороссійскія кушанья: борщъ, галушки, пампушки, вареники, сырники и пр. Кушанья эти приготовлются изъ творогу и пшеничной муки и приправляются масломъ и сметаною. Говядину ѣдятъ рѣдко; больше употребляютъ баранину, поросятъ и иногда птицъ; также творогъ, молоко и простоквашу. Для питья употребляютъ иногда татарскій напитокъ бузу, приготовляемый изъ просяной муки. Обыкновенно же пьютъ яблочный квасъ или воду.

*) Бусы съ монетами и медальонами, костяными, стеклянными, мѣдными, а иногда серебряными и золотыми.

Въ хозяйствѣ малоросса не достаетъ только косъ и важной насущной потребности — соли.

Косы покупаютъ у пріѣзжихъ торговцевъ, а соль привозятъ изъ Крыма и Бессарабіи малороссійскіе извозчики, называемые чумаками.

Суевѣрія предразсудки и повѣрья.

Малороссы, какъ мы уже сказали, крайне суевѣрны. Причина этого кроется какъ въ недостаткѣ образованія, такъ и въ склонности къ фантастическому. Преданья языческой старины, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, достигли до нынѣшняго малоросса въ видѣ смутныхъ повѣрій о какихъ-то грозныхъ существахъ, таинственность которыхъ нравится его поэтически настроенному воображенію. Оттого-то остатки языческихъ вѣрованій нигдѣ не сохранились въ такой силѣ, какъ именно въ этой странѣ, бывшей колыбелью христіанства въ Россіи. Въ понятіяхъ малоросса весь міръ населенъ таинственными существами, имѣющими роковое вліяніе на участь всего живущаго, и онъ старается всѣми силами ладить съ ними, чтобы избѣжать ихъ мстительности.

Для малоросса ничто не дѣлается просто, въ силу естественнаго порядка вещей; въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни видитъ онъ участіе какой-то сверхъестественной силы.

Начнемъ съ собственной его хаты, гдѣ, какъ и въ домѣ великорусскаго крестьянина, хозяйничаетъ дѣдушка-домовой, называемый малороссами *дидкою*. Вѣрованіе въ этого духа слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и мы не станемъ входить въ подробности о немъ, тѣмъ болѣе, что дидкѣ приписывается все то, что въ Великороссіи — домовому. Живетъ дидко обыкновенно за печкой; отъ этого вѣрованья происходитъ отчасти заботливость малороссійскихъ хозяекъ о печ-

кахъ, которыя онѣ стараются держать какъ можно опрятнѣе и часто бѣлятъ. Невѣста во время сватанья непремѣнно обязана колупать печку, т. е. отламывать отъ нея маленькіе кусочки глины, какъ бы испрашивая себѣ этимъ счастья въ супружествѣ. Оборони Боже, дать кому нибудь огня изъ печки, потому что въ такомъ случаѣ собственноручно отдаешь всякую благостыню и благодать изъ дома.

Въ каждомъ полѣ есть также свой хозяинъ, *полевикъ*, который живетъ въ растущемъ хлѣбѣ, и чтобы пріобрѣсти покровительство этого духа, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, передъ началомъ посѣва, поютъ въ честь его хвалебныя пѣсни. Когда-же снимутъ жатву, то изъ благодарности къ полевику, а отчасти также для того, чтобы и впредь не оставлялъ своими милостями, въ какомъ нибудь мѣстѣ нивы оставляютъ для него «бороду». Борода эта состоитъ изъ нѣсколькихъ несжатыхъ колосьевъ, вокругъ которыхъ выжигаютъ траву. Колосья перевязываютъ красною ниткою и украшаютъ цвѣтами, а въ середину ихъ кладутъ краюшку хлѣба съ солью, при чемъ поютъ: «Оце тоби борода, хлѣбъ, соль и вода».

Въ лѣсу живетъ *лисунъ* или *полисунъ*. Онъ также бываетъ различнаго роста, смотря по вышинѣ деревьевъ въ его владѣніяхъ. Въ языческія времена онъ считался также богомъ торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ волковъ, покровителемъ стадъ.

Полисунъ еще и донынѣ сохранилъ отчасти свое значеніе, какъ покровитель торговли, и разгуливаетъ по ярмаркамъ въ видѣ обыкновеннаго человѣка. Если малороссъ, желающій выгодно сбыть или пріобрѣсти какой нибудь товаръ, встрѣтитъ на ярмаркѣ, или на какомъ бы то ни было торгу, человѣка, который запахиваетъ свитку не правою полою, а лѣвою, онъ очень радъ этой встрѣчѣ. Онъ знаетъ, что всѣ крещеные запахиваютъ свитку правою полою и только одинъ полисунъ имѣетъ привычку запахивать ее лѣвою. Если же полисунъ появился на ярмаркѣ, то торгъ пойдетъ отлично, къ обоюдной выгодѣ какъ продавцевъ, такъ и покупателей.

Такъ какъ мы уже заговорили о полисунѣ и о волкахъ, то разскажемъ кстати какую важную роль играютъ волки въ малороссійскихъ преданіяхъ и повѣрьяхъ. Они дѣлятся по уѣздамъ, и волкъ одного уѣзда не смѣетъ перебраться въ другой, потому что этого не позволяетъ имъ св. Юрій, который со временъ христіанства считается пастыремъ волковъ. «Св. Юръ звіря пасе», говоритъ малороссійское изреченіе. Онъ даетъ имъ и пропитаніе.

Слѣды языческаго вѣрованья въ роковое предопредѣленіе замѣтны и въ этомъ случаѣ. Малороссъ твердо убѣжденъ, что отъ волчьихъ зубовъ невозможно спастись никому—ни звѣрю, ни человѣку. «Что у волковъ въ зубахъ, говоритъ малороссійская поговорка, то Егорій далъ»; или ловитъ волкъ «роковую овечку». Волки, однако же, чтобы получить себѣ пропитаніе, должны вымаливать его у св. Юрія, въ теченіе двѣнадцати дней. Когда волки воютъ, это значитъ, что они просятъ у св. Юрія пищу для себя.

Животное, обреченное святымъ на съѣденіе волку, ни подъ какимъ видомъ не укроется отъ него. Отъ этого произошли молитвы къ этому святому, въ которыхъ малороссы просятъ его покровительства, какъ для себя, такъ и для стадъ своихъ.

Когда родится ягненокъ, хозяинъ произноситъ надъ нимъ слѣдующее заклинаніе:

«Здорова знеси, відъ вовка втечи, рунце принеси». (Будь здоровъ, убѣги отъ волка и принеси руно).

Когда скотъ выгоняютъ въ первый разъ на пастбище, то для предохраненія его отъ всего дурнаго, произносятъ надъ нимъ такъ называемое *замовляньe*. Такихъ замовляній множество.

На улицѣ, въ дорогѣ ли, на веселой ли пирушкѣ, малороссъ всегда долженъ опасаться таинственныхъ духовъ. Почудится ли ему ночью, что его кто нибудь называетъ по имени подъ окномъ — бѣда, если онъ откликнется. Непремѣнно захвораетъ, потому что его выкликаетъ *Мара*, фантастическое существо, неопредѣленнаго свойства. Извѣ-

БѢЛОРУССЫ.

ВЕЛИКОРУССЫ.

Лаз... ...ичъ

стно только, что Мара одѣвается въ сѣрую свитку и носитъ голову подъ мышкою. А попробуй какой нибудь парубокъ дурно отозваться о *Ховалы*! Плохо ему придется. *Ховала* бросится на него и закроетъ его своимъ тѣломъ, такъ что парубокъ станетъ невидимъ. Духъ же, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, безнаказанно околотитъ его такъ, что у того на долго останутся синяки на тѣлѣ. У Ховалы двѣнадцать глазъ, и когда онъ идетъ гдѣ нибудь, то освѣщаетъ ими всю окрестность, какъ заревомъ пожара.

Существуетъ еще въ воображеніи малоросса упыри. *Упырь*— злое существо съ родни вѣдьмѣ и нечистому. Тѣло у него длинное, худощавое, лицо испитое, характера онъ несообщительнаго. Днемъ онъ сидитъ на печи, предсказываетъ будущее и помогаетъ отыскивать пропажи, а по ночамъ ходитъ на кладбище и сосетъ изъ труповъ кровь. Когда онъ умираетъ, то не гніетъ въ гробу, а выходитъ изъ него по ночамъ затѣмъ, чтобы сосать кровь уже у живыхъ спящихъ людей. Иногда онъ засасываетъ ихъ до смерти.

Выдаетъ ли малороссъ зумужъ дочь или женитъ сына, и тутъ смотри, чтобъ угодить чародѣйскимъ силамъ, а то если обидится на него или на жену его, какой нибудь знахарь или *вѣдокъ*, то обратитъ дружку или подружку въ волка. Иногда же и весь свадебный поѣздъ обращается въ волковъ, которые разбѣгаются по лѣсамъ. Такихъ оборотней называютъ вовкулаками. Малороссы говорятъ, что охотникамъ случалось даже, застрѣливъ волка, найти въ тѣлѣ его свадебные ручники. *Вовкулаки* всегда живутъ по близости селеній, они не безпокоятъ людей, а напротивъ приносятъ ту пользу, что охраняютъ стада отъ настоящихъ волковъ, которые ихъ очень боятся.

Вѣдьмы знакомы и великороссамъ, но нигдѣ вѣрованіе въ нихъ не распространено такъ сильно, какъ въ Малороссіи. Главное мѣстопребываніе ихъ на Лысой горѣ, близъ Кіева. Здѣсь засѣдаетъ ихъ старшая, и сюда, наканунѣ Иванова дня, собираются на шабашъ всѣ подвластныя ей вѣдьмы. Отправляясь въ такое путешествіе, вѣдьма мажетъ себѣ подъ мышками волшебною жидкостью и отлетаетъ въ трубу, верхомъ на помелѣ или въ ступѣ.

Вѣдьмы раздѣляются на природныхъ и ученыхъ. Учеными считаютъ злыхъ бабъ, большею частью безобразныхъ старухъ, которыя, будто бы изъ желанія вредить людямъ, познакомились съ нечистымъ. Отличительный признакъ вѣдьмъ—хвостъ. Ученыя вѣдьмы гораздо злѣе природныхъ и дѣлаютъ надъ людьми разныя недобрыя проказы.

Вѣдьма любитъ прохаживаться по чужимъ хлѣбамъ, обыкновенно въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами. Когда вѣдьма зла на какого нибудь сосѣда или односельчанина, то дѣлаетъ на его нивѣ *закрутку*: захвативъ въ горсть, стоящія на корню колосья ржи или пшеницы, надломаетъ и закрутитъ во всѣ стороны съ заговоромъ; иногда еще и красною ниткою перевяжетъ.

Встрѣтивъ такую закрутку во время жнитвы, жницы приходятъ въ ужасъ, потому что хозяину нивы грозитъ болѣзнь или смерть. Никто, ни за что на свѣтѣ, не согласится дотронуться до заколдованныхъ колосьевъ.

Чтобы сбыть бѣду, огораживаютъ закрутку осиновыми кольями и выжигаютъ осиновыми дровами. Никакое другое дерево не поможетъ кромѣ осиноваго, такъ какъ это считается по народному повѣрью проклятымъ, потому что на немъ повѣсился Іуда. Когда начнетъ горѣть закрутка, злую колдунью также начнетъ жечь внутренній огонь, и чѣмъ ярче пылаютъ дрова, тѣмъ больше она мучится. Послѣ этого призываютъ священника и онъ читаетъ на нивѣ молитву, чтобы уничтожить силу чародѣйства. Иногда же вмѣсто священника зовутъ знахаря затѣмъ, чтобы онъ разрушилъ чары своими чародѣйскими же средствами.

Иногда двѣ вѣдьмы состязаются между собою, защищая другъ у друга кого нибудь изъ людей. Такихъ вѣдьмъ народъ называетъ

зла мичина. Малороссы говорятъ, что нынче вѣдьмы значительно уже перевелись, но все таки ихъ удѣлѣло еще на столько, что почти въ каждой деревнѣ есть какая нибудь несчастная старуха, слывущая за вѣдьму.

Въдокъ тоже, что вѣдьма, только мужескаго пола. Онъ также золъ и безобразенъ и имѣетъ ту же способность превращаться въ различныхъ животныхъ. По ночамъ любитъ пугать прохожихъ, кидаясь имъ подъ ноги.

Малороссы также вѣрятъ въ русалокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространено вѣрованье въ русалокъ двухъ видовъ. Одинѣ — молодыя, красивыя дѣвушки, другія же безобразныя старухи. Послѣднія не терпятъ дѣтей и подростковъ, которые безъ спроса родителей бѣгаютъ по пашнямъ, лугамъ, зарослямъ, купаются въ глубокихъ рѣкахъ и т. п. Когда они попадаются русалкамъ, тѣ тотчасъ убиваютъ ихъ. Поэтому рѣдко случается, чтобы дѣти выходили изъ дома безъ позволенія родителей, и въ хлѣбъ ни зачто не пойдутъ.

Троицынъ день считается «русальчинымъ праздникомъ». Въ этотъ день для безопасности отъ русалокъ и вѣдьмъ ставятъ у дверей каждой хаты срубленныя деревца клена или осины, а на окна крапиву. Въ этотъ же день дѣвушки вьютъ вѣнки и приносятъ въ церковь къ обѣднѣ цвѣты и душистыя травы, которыя священникъ, во время крестнаго хода вокругъ церкви, окропляетъ святою водою.

Есть еще у малороссіянъ такіе духи, которые подбрасываютъ людямъ какія нибудь вещи, какъ напр. ленты, монисты, поясъ и т. п., и горе тому, кто подниметъ подкинутую вещь. На него непремѣнно нападетъ сухотка или какая другая болѣзнь. Такъ, одна дѣвушка разсказывала, что увидѣла одинъ разъ на землѣ великолѣпное монисто съ массивною застежкою. Она хотѣла было поднять, но, вспомнивъ, что это были штуки нечистаго, три раза произнесла извѣстныя слова — и монисто, звеня цѣпью, ушло въ землю.

Малороссы даже самыя болѣзни представляютъ себѣ въ видѣ живыхъ, таинственныхъ существъ.

Впрочемъ, фантастическій міръ малоросса не ограничивается одними безобразными, злыми чудищами, искаженными выродками мстительныхъ языческихъ божествъ. Въ его таинственныхъ повѣрьяхъ замѣтны также слѣды кроткаго вліянія христіанской религіи. Такъ, въ Волынской губерніи существуютъ исполненныя поэзіи вѣрованья въ добрыхъ духовъ покровителей, которые принимаютъ на себя видъ коноплянки, ласточки или какой другой нѣжной птички и поютъ на деревьяхъ подлѣ дома. Малороссы говорятъ, что это души маленькихъ дѣтей, которыя слетаютъ съ неба затѣмъ, чтобы утѣшить скучающихъ о нихъ родителей. Здѣсь есть цѣлый невидимый, поднебесный міръ, который любитъ теплые, солнечные лучи, чистое небо, зелень деревьевъ, цвѣты и добрыхъ людей. До злыхъ же людей этимъ духамъ нѣтъ никакого дѣла.

Въ случаѣ болѣзни, малороссъ обращается къ помощи знахаря, называемаго также шептуромъ, или знахарки, роли которыхъ тѣ же, что и у великоруссовъ.

У малороссовъ въ ходу множество примѣтъ и предразсудковъ; нѣкоторые изъ нихъ очень оригинальны. Такъ малороссъ вѣритъ, что нельзя оставлять ступу не закрытою, потому что передъ смертью не закроешь рта. — Нельзя утираться скатертью, чтобы люди не судачили. — Если будешь класть ключи на столъ — не будетъ памяти. Когда идешь въ гости, то посиди передъ тѣмъ нѣсколько минутъ какъ гость, затѣмъ чтобы въ гостяхъ хорошо принимали. — Если спускается паукъ или котъ облизывается — значитъ будутъ гости. — Когда надѣваешь въ первый разъ новую сорочку, то надо три раза черезъ нее ножикъ пропустить. — Если идутъ на встрѣчу тебѣ два человѣка, то хоть бы они и нарочно разступились для тебя — никогда не проходи между ними, а всегда обойди съ боку котораго нибудь. — Не подавай воды черезъ порогъ, потому что иначе не женишься или не выйдешь замужъ.

На свѣтлое Христово Воскресенье, называемое въ Малороссіи *великдень*, слѣдуетъ прежде пасхи съѣсть хрѣну, затѣмъ чтобы быть крѣпкимъ и здоровымъ.

Малороссы очень недружелюбно относятся къ новѣйшему дешевому способу освѣщенія—керосину и уже успѣли составить о немъ повѣрье. Они говорятъ, что это начинаетъ выступать изъ ада чертова огненная вода. Прежде, когда люди были благочестивѣе, то вода эта не смѣла выступать на поверхность земли, теперь же она, по грѣховности міра, все болѣе и болѣе распространяется. Придетъ время, когда она покроетъ всю землю и тогда настанетъ страшный судъ.

Въ Малороссіи, также какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, безпрестанно приводится слышать разсказы и преданія о кладахъ. Обыкновенно говорятъ, будто клады показываются ночью на свѣтлое Христово Воскресенье. Идущіе къ заутрени въ эту ночь, видятъ какъ подъ землею горятъ деньги.

Свадебные обряды.

Въ Малороссіи браки заключаются не по выбору родителей, но по обоюдной склонности жениха и невѣсты, согласіе же родителей только подтверждаетъ выборъ. Впрочемъ и здѣсь, какъ въ Великороссіи, родительское благословленіе имѣетъ очень важное значеніе, и если почему либо родители не одобряютъ выбора сына или дочери, для послѣднихъ немыслимо вступить въ бракъ помимо ихъ воли и безъ ихъ благословенія.

Женится малоросъ обыкновенно восьмнадцати или девятнадцати лѣтъ. Свадьбы справляются осенью и весною, но чаще весною, такъ какъ всякому хозяину нужнѣе работникъ на весну, чѣмъ на осень.

Мать жениха, узнавъ отъ сына, на комъ онъ задумалъ жениться, отправляется съ нимъ въ домъ невѣсты, захвативъ съ собою хлѣбъ. Вообще хлѣбъ, какъ символъ благодати Божіей, играетъ важную роль почти при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ.

Если родители невѣсты согласны на предложеніе жениха, то начинается оффиціальное сватовство. Отецъ жениха выбираетъ двухъ сватовъ, обыкновенно изъ самыхъ почетныхъ крестьянъ, хорошо знающихъ трудную обязанность свата и умѣющихъ выражаться краснорѣчиво. Имъ даютъ названье старостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выбираютъ трехъ или четырехъ сватовъ. Затѣмъ, родители благословляютъ жениха образомъ и хлѣбомъ. Старосты берутъ этотъ хлѣбъ и отправляются вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невѣсты.

Тамъ давно уже знаютъ, когда должны придти женихъ и сваты, и съ ранняго утра все уже готово для ихъ пріема. Дѣвушка выглядываетъ украдкою изъ окна. Вдругъ раздается возгласъ: «идутъ, идутъ!» Въ хатѣ поднимается суматоха. Отецъ съ матерью усаживаются подъ образа, невѣста охорашивается передъ зеркаломъ.

На улицѣ показывается женихъ посреди сватовъ, выступающихъ важною, торжественною поступью, опираясь на палку. Вскорѣ затѣмъ раздается стукъ въ дверь хаты. Родители невѣсты спрашиваютъ, что за люди, зачѣмъ пришли? Сваты отвѣчаютъ заученными фразами. Войдя въ хату и помолясь передъ образами, сваты кланяются хозяину съ хозяйкой и, положивъ хлѣбъ-соль, говорятъ:

— Добрій вечоръ, пане хозяину, или добрій день.

— Здоровы булы, панове громодяне, отвѣчаетъ хозяинъ, а что вы намъ добре скажете?

— Просимъ покорно хлібъ-соль принимать и насъ за сватовъ почитать.

— Просымъ милости, отвѣчаетъ хозяинъ и усаживаетъ гостей въ передній уголъ.

— У насъ е жинихъ, а у васъ нівиста, продолжаетъ одинъ изъ сватовъ, откашлявшись. Мы пришли отъ такого-то, отдай свою дочку за його сына.

Иногда же старосты на вопросъ хозяина, что скажутъ добраго, отвѣчаютъ каламбуромъ, въ родѣ слѣдующаго:

— А що ми вамъ скажемъ? Ми до вашего двора слидъ нашли. Слидали лисицю, да не выслидали лисици, а выслидали куницю, а съ тiей куници да зробылась красная дѣвица. А теперь хоть iе отдайте, хоть насъ вымайте, т. е. угостите.

Чѣмъ краснорѣчивѣе и замысловатѣе выражаются старосты, тѣмъ болѣе имъ чести. Затѣмъ старосты закуриваютъ трубки и наступаетъ торжественное молчаніе.

Если родители согласны на предложеніе, то первымъ дѣломъ ставятъ фляжку горѣлки, а на закуску сметаны или пряженаго сала. Если же дѣвушка не хочетъ выйти за предлагаемаго жениха, подаютъ на закуску, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, соленаго сыра, въ другихъ же гарбузъ (тыкву); хлѣбъ же возвращается старостамъ, лица которыхъ, конечно, вытягиваются. Родители дѣвушки начинаютъ упрашивать ее, она все отказывается. Затѣмъ выходитъ въ сѣни, женихъ идетъ за нею и случается иногда, что когда они переговорятъ наединѣ, дѣло принимаетъ другой оборотъ, и невѣста принимаетъ хлѣбъ-соль, отъ котораго прежде отказывалась.

Въ случаѣ если дѣло идетъ хорошо, родители невѣсты при прощаньѣ также даютъ сватамъ хлѣбъ, который тѣ, возвратясь въ домъ женихова отца, передаютъ ему, говоря:

— Дило иде на ладъ, вони согласились.

На радости снова выпивается горѣлки.

На слѣдующій день вся женихова родня собирается въ домѣ его отца и, снова взявъ хлѣбъ, отправляется всѣмъ обществомъ въ сопровожденіи музыкантовъ въ домъ родителей невѣсты. Здѣсь хата уже полна гостей, также родныхъ. Хозяева выходятъ навстрѣчу къ новоприбывшимъ, кланяются имъ и усаживаютъ ихъ на почетныя мѣста. Женихъ же, на просьбу садиться, обыкновенно отвѣчаетъ:

— Спасиби, я постою, щобъ бильшому выросты.

Послѣ угощенія горѣлкой, отецъ жениха говоритъ:

— Ну, мы женыха прывелы, покажить же намъ дiвку: чи понравлются одинъ другому?

Является невѣста и, поклонившись гостямъ, останавливается у порога.

— Що, дочка, чи нравится женыхъ, чи ни? воны прышлы тебе сватать, спрашиваетъ отецъ у дочери безъ дальнѣйшихъ околичностей.

— Мыни нравится, тихо отвѣчаетъ дѣвушка, потупивъ глаза и будто въ замѣшательствѣ усердно колупая глину съ печки; якъ вамъ тату? Я желаю за iого.

— Добре, дочку, отвѣчаетъ отецъ. Нехай, Богъ помога. Съ Божою помощью за весiля *).

Затѣмъ, подведя дочь къ жениху, становитъ ихъ рядомъ на разостланный рушникъ, беретъ въ руки икону и благословляетъ ею помолвленныхъ. Мать благословляетъ дочь и жениха ея хлѣбомъ. Послѣ того еще разъ угощаютъ общество водкой. Затѣмъ невѣста беретъ заранѣе приготовленные рушники, расшитые по концамъ красною бумагою и перевязываетъ ими старость черезъ плечо, женщинъ же также черезъ плечо кусками миткаля, а жениху, въ знакъ особаго рода почета, перевязываетъ правую руку по выше локтя, хусткою (платкомъ).

Обрядъ этотъ называется *братъ рушныки*. По совершенiи его, гости и хозяева садятся обѣдать, при чемъ, конечно, женихъ садится рядомъ съ невѣстою. Послѣ обѣда молодежь заводитъ пѣсни и пляску. Подъ вечеръ всѣ отправляются съ музыкою и пѣснями въ домъ жениха смотрѣть его хозяйство и тамъ продолжается угощеніе иногда до разсвѣта. Отецъ же жениха остается въ домѣ родителей невѣсты и возвращается домой довольно поздно. Заглянувъ въ хату,

*) Весiль—свадьба.

гдѣ пируетъ его сынъ съ молодыми людьми, онъ говоритъ: — гуляйте, дѣти, я вже піймавъ чыжа.

Въ Кіевской губерніи обрядъ рушниковъ совершается въ первый день сватовства, а на другой день вся родня невѣсты отправляется пировать въ домъ жениха. Невѣста остается дома. Къ ней приходятъ подруги дѣтства и начинаютъ пѣть самыя заунывныя пѣсни, въ которыхъ говорится или о счастливыхъ дняхъ молодости, или о радостяхъ, которыя подруги дѣлили вмѣстѣ съ нею, или, наконецъ, напоминается о предстоящей перемѣнѣ ея участи.

Начиная со дня помолвки, невѣста ходитъ и въ будни въ вѣнкѣ, сплетенномъ изъ различныхъ цвѣтовъ, чѣмъ отличается отъ другихъ дѣвушекъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, отцы нареченныхъ условливаются между собою о подробностяхъ свадьбы, въ какой день быть вѣнчанью, кому какіе приготовить подарки, какой задать пиръ и т. п. Невѣста же приглашаетъ къ себѣ подругъ помогать ей шить приданое. По вечерамъ, обыкновенно, приходитъ женихъ съ угощеньемъ: пряниками, орѣхами, подсолнечными сѣмечками и т. п. Невѣста въ эти вечера много плачетъ, чего требуетъ приличіе, и пѣнье въ хатѣ не умолкаетъ. Чтобы развеселить невѣсту поютъ веселыя пѣсни.

За два дня до свадьбы, въ домѣ невѣсты собираются родственницы, и пекутъ шишки; такъ называютъ маленькіе пшеничные хлѣбцы, состоящіе изъ нѣсколькихъ паръ голубцовъ, сложенныхъ одинъ на другой и связанныхъ вмѣстѣ однимъ цѣльнымъ поясомъ. Пока приготовляютъ эти шишки, поются пѣсни. Кромѣ того, пекутъ еще одну шишку больше другихъ, называемую лежень. Начиная съ пятницы, лежень этотъ лежитъ на столѣ у невѣсты и на немъ двѣ ложечки, связанныя красною ленточкою. Когда хлѣбцы готовы, невѣста наряжается въ лучшее платье, подпоясывается вышитымъ поясомъ и, набравъ шишекъ, отправляется съ ними по знакомымъ, приглашая ихъ на каравай.

Каравай этотъ круглый или четыреугольный хлѣбъ, усаженный позолоченными птичками изъ пряничнаго тѣста. Онъ составляетъ необходимую принадлежность каждой свадьбы и имѣетъ большое значеніе въ глазахъ малороссіянъ. Печенье его сопровождается многими обрядами.

Прежде чѣмъ приняться за дѣло, молодицы, называемыя каравайницами, усаживаютъ на лавку свата, и одна изъ нихъ обращается къ нему съ слѣдующими словами:

— Староста, пане, підстароста!

Староста отвѣчаетъ:

— Рады слухать.

— Благословыть для такой то (имя невѣсты) коровай злипыть!

— Богъ благословыть, отвѣчаетъ староста.

Это повторяется три раза.

Затѣмъ каравайницы начинаютъ мѣсить каравай; при чемъ поютъ:

Благослови, Боже,	Нихто невгадае
Пресвятая Госпоже,	Хто въ насъ каравай бгае,
Отецъ и мать	Бгаютъ молодицы
Своему дитяти	(Имя невѣсты) сыстрицы.
Каравай злипыть,	Несите воду зъ крынцы
Сей домъ звеселить.	Бгайте каравай, сыстрицы.

Эти двѣ пѣсни непремѣнно поютъ, когда валяютъ свадебный каравай. Къ квашнѣ же между тѣмъ прилѣпляютъ двѣ восковыя свѣчи одну противъ другой и зажигаютъ ихъ. Когда каравай готовъ, его кладутъ на крышку отъ квашни и вокругъ него зажигаютъ четыре свѣчки. Затѣмъ валяютъ двѣ шишки, одну по больше, а другую по меньше, въ которыя послѣ вставляютъ образа жениха и невѣсты. Наконецъ, каравайницы выбираютъ красиваго парня, которому даютъ названье *кучеряваго*, для того чтобъ онъ вымелъ печь. Парень, взявъ помело въ руки, обращается сперва за благословленіемъ къ старостѣ:

— Староста, пане підстароста, благослови печь выметать.

— Богъ благословитъ, отвѣчаетъ староста.

Послѣ того парень принимается мести печь, а каравайницы тѣмъ временемъ поютъ:

Кучерявый пичь вымитае
Пичь наша рогоче (сильно смѣется)
Караваю хоче,—
А приничокъ залывается (заливается смѣхомъ)
Караваю сподивается (дивится).

Когда печь готова, кучерявый сажаетъ въ нее хлѣбъ. Послѣ того каравайницы подхватываютъ пустую квашню и обходятъ съ нею нѣсколько разъ вокругъ хаты; другія слѣдуютъ за ними, образуя родъ цѣпи. При каждомъ кругѣ, каравайницы ударяютъ квашнею въ потолокъ. Другія молодыя женщины и дѣвушки должны успѣть въ это время поцѣловаться другъ съ другомъ, каждая съ тою, которая стоитъ противъ нея. Случается при этомъ, что иная, неловкая, подвернется подъ квашню и ударится о нее лбомъ, причемъ хата оглашается громкимъ веселымъ хохотомъ.

Но вотъ каравай готовъ. Его вынимаютъ изъ печи и несутъ съ торжествомъ на столъ, стоящій подъ образами, убранный рушниками и лентами. Здѣсь надъ караваемъ утверждаютъ крестообразно двѣ дуги иногда въ аршинъ вышиною, обвиваютъ ихъ красными лентами, листьями барвинка, колосьями и т. п. Послѣ того вырѣзываютъ изъ верхней корки каравая кругъ, натыкаютъ его на остріе сабли, обвиваютъ всю саблю лентами и ягодами калины и также ставятъ на столъ подъ образами. Въ заключеніе, гостей подчуютъ послѣ трудовъ водкою, а онѣ поютъ.

Наконецъ, садятся обѣдать, и обрядъ печенья каравая заканчивается послѣ обѣда танцами.

Въ самый день свадьбы, который обыкновенно бываетъ въ воскресенье, женихъ выбираетъ себѣ цѣлый штатъ: двухъ *старостъ* изъ пожилыхъ людей; *дружку* и *подружнаго* изъ молодыхъ людей, близкихъ родственниковъ; *свашку*, роль которой обыкновенно исполняетъ его замужняя сестра, если есть таковая; *свитылку*, молодую дѣвушку, также изъ сестеръ или родственницъ, и *боярь*, изъ молодыхъ парней, родственниковъ или товарищей. Одинъ изъ нихъ называется старшимъ бояриномъ и держитъ вѣнецъ надъ женихомъ во время вѣнчанья.

Невѣста также выбираетъ себѣ *дружекъ* изъ молодыхъ дѣвушекъ, близкихъ родственницъ. Одна изъ нихъ также называется старшею и держитъ во время вѣнчанья вѣнецъ надъ невѣстою.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, женихъ, въ сопровожденіи всего своего свадебнаго штата, является въ домъ невѣсты, гдѣ дружки ея встрѣчаютъ его съ пѣснями.

Отецъ невѣсты подходитъ къ нареченнымъ и, поставивъ ихъ рядомъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ прочитавъ вслухъ краткую молитву, благословляетъ ихъ иконою. Затѣмъ вся свадебная процессія направляется въ церковь. Послѣ вѣнчанья всѣ возвращаются въ домъ новобрачной. Молодыхъ поздравляютъ и затѣмъ старики расходятся по домамъ, молодежь же устраиваетъ катанье. Запрягаютъ въ телѣги тройками лошадей, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, и разсаживаются на нихъ; на послѣдней телѣгѣ садятся музыканты. Тройки выѣзжаютъ за ворота. Громкія пѣсни, звонъ колокольчиковъ, звуки инструментовъ—все сливается въ оглушительный шумъ. Катанье продолжается до вечера. Иногда заѣзжаютъ къ старшему боярину или къ старшей дружкѣ и здѣсь угощаютъ ихъ водкою. Подъ вечеръ новобрачный отвозитъ жену съ ея подружками въ домъ ея родителей, а самъ съ остальной компаніей ѣдетъ въ домъ къ своему отцу. Здѣсь уже ожидаютъ его всѣ родственники и тотчасъ по пріѣздѣ его садятся закусить. Послѣ закуски, отецъ молодаго даетъ дружкѣ и старостамъ по хлѣбу. Они отправляются впередъ

въ домъ родителей молодой и вручаютъ имъ эти хлѣбы. Послѣ того отецъ молодаго благословляетъ сына иконою и онъ ѣдетъ со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ въ домъ родителей жены. Свитилка держитъ при этомъ саблю, перевязанную платкомъ и утыканную калиною. Поѣздъ непремѣнно состоитъ изъ двѣнадцати человѣкъ, а свитилка должна быть тринадцатою. Подъѣхавъ къ дому новобрачной, молодой стучитъ въ ворота. На этотъ стукъ гости выходятъ изъ хаты во дворъ и начинается слѣдующій разговоръ:

— Що тамъ за люди? спрашиваютъ родственники молодой.

— Пріишли кунци, отвѣчаютъ бояре, пустить переночувать.

— А видкиль вы?

— А ажъ зъ Кіева.

— Куда жъ вы идете?

— Да у Москву.

— Ну пустить ихъ; це люде добрые.

Послѣ того растворяютъ ворота, поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ. Въ сѣняхъ встрѣчаетъ пріѣхавшихъ свашка молодаго съ хлѣбомъ солью; свашка же молодой становится у двери въ хату. Обѣ держатъ въ рукахъ по зажженой восковой свѣчѣ и три раза передаютъ другъ другу черезъ порогъ хлѣбъ-соль. Послѣ третьяго раза цѣлуются. Затѣмъ, дружка молодаго, переступивъ порогъ правою ногою, произноситъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Старосты новобрачной отвѣчаютъ ему въ голосъ:

— Аминь.

Послѣ этого дружка со всею компаніей входитъ въ хату. Здѣсь, въ ожиданіи гостей, сидитъ за столомъ молодая съ дружками. При появленіи молодаго съ его свитою, дружки начинаютъ пѣть:

Сдвинулысь лавки—
Силы свашки-панянки;
Ище не такъ сдвинутся—
Явъ пыва напьются.

Когда же всѣ усядутся по мѣстамъ, дружки поютъ:

Братику, намистничку,
Сядь же ты на крылѣчку,
Не продавай сестры
За рубъ, за четыре,
За два золотыи
Грошики—якъ панова
Сестричка—черноброва.

Пѣсня эта состоитъ такъ сказать прелюдіею къ обряду *продажи косы*. Когда ее пропоютъ, на лавку рядомъ съ молодой сажаютъ ея меньшаго брата, вооруженнаго кочергою или какимъ-либо другимъ орудіемъ изъ хозяйственной утвари; иногда же просто палкою. Къ нему подходитъ дружка или подружкій, низко кланяются, подчуютъ виномъ или квасомъ и убѣдительно упрашиваютъ уступить мѣсто подлѣ молодой ея мужу. Мальчикъ отказывается и приводитъ доводы, почему не уступаетъ мѣсто. Обыкновенно доводы эти состоятъ изъ побасенокъ въ родѣ слѣдующей, напр.: что онъ лазилъ за сестрою на дубъ, рвалъ желуди, разорвалъ одежду и т. п. Ему даютъ деньги, но онъ отказывается и отъ нихъ, и чѣмъ больше упрашиваютъ его, тѣмъ онъ больше ломается. Комедія эта все-таки кончается тѣмъ, что онъ беретъ деньги, выпиваетъ рюмку вина и встаетъ съ лавки. Тогда на него накидываются *бояре* и очень нецеремонно выпроваживаютъ изъ хаты. Тѣмъ временемъ дружки молодой поютъ:

Ой, татарынъ, братикъ, татаринъ
Продавъ сестрицю за таларъ.
А русу косу за пятакъ;
А биле лычке пійшло такъ.

Между тѣмъ молодой садится на свободное мѣсто подлѣ жены. Тогда къ нему подходитъ сестра его жены, или какая-нибудь другая дѣвушка изъ близкихъ ея родственницъ, и, взявъ у молодаго шапку, надѣваетъ на себя. Послѣ того она подаетъ одну руку молодаго

его женѣ, за другую беретъ его сама и, обведя ихъ три раза вокругъ стола, съ востока на западъ, усаживаетъ въ уголъ подъ образами. Затѣмъ снимаетъ съ себя шапку, а съ головы молодой квитку изъ лентъ и пришиваетъ ее къ шапкѣ, причемъ поетъ:

Уси квиточки зъ барвиночку.
Якъ я була шпачка,
Якъ я була крамарочка;
У Кіевы була,
Шовки куповала,
Квитки пришивала,
Квитки пришивала,
По талару брала.

Надѣвъ опять на себя шапку, она начинаетъ приплясывать и подсвистывать. Дружки упрашиваютъ ее возвратить молодому шапку, но она не отдаетъ. Тогда ее подчуютъ виномъ и подносятъ на подносѣ деньги. Если цѣна, которою молодой выкупаетъ свою шапку, покажется ей дешевою, то она, нисколько не стѣсняясь, заявляетъ о томъ, что недовольна, слѣдующею пѣснею:

А казалы люде: зять богатый.
А казалы люде: винъ тороватый.
А казалы: въ его грошей мнохъ,
А положивъ полушку, якъ на смихъ.

Ей еще подносятъ денегъ, она беретъ ихъ и возвращаетъ молодому шапку, причемъ цѣлуетъ его.

Потомъ всѣ усаживаются за столъ въ ожиданіи раздачи подарковъ и дружки поютъ пѣсни.

Затѣмъ, дружки и подружній начинаютъ разносить на тарелкѣ или на подносѣ подарки родственникамъ молодой. Мужчинамъ дарятъ большею частью сапоги, женщинамъ же и дѣвушкамъ ситецъ, каленкоръ, ленты и т. п. Разнеся подарки, дружка спрашиваетъ тѣхъ, которые получили ихъ: довольны ли они хлѣбомъ-солью. Отвѣтъ конечно бываетъ утвердительный. Послѣ того молодая, а иногда и мать ея перевязываетъ черезъ плечо рушниками мужчинъ, составлявшихъ свадебный штатъ молодаго. Тѣмъ временемъ дружка съ подружнимъ снимаютъ съ каравая рушники и другія украшенія. Золоченныхъ птичекъ разбираютъ дѣвушки. Дружка, вынувъ изъ кармана ножъ, кладетъ его на тарелку и произноситъ, обращаясь къ присутствующимъ:

— Старосты, паны старосты и честная бесѣда! благословите хлѣбъ подилыть.

— Богъ благословыть, отвѣчаютъ всѣ въ голосъ.

— Благословыте у другій разъ!

— Богъ благословыть!

— У третій разъ?

— Богъ благословыть!

— Уси три разы!

— Богъ благословыть!

Послѣ того дружка разрѣзываетъ каравай на куски, а подружній подчуетъ ими гостей, причемъ дѣвушки поютъ. Если же дружка подѣлитъ каравай несправедливо, такъ что женѣ его или какой-нибудь родственницѣ достанется кусокъ по больше, нежели другимъ, ему придется выслушать слѣдующую пѣсню.

Дружко боровай крае,
Лихую думку мае;
Сзади его жинка стоить
Семеро дитей держить,
Да уси съ кошелями:
Увесь каровай забрали.

Не заслужитъ онъ одобренія общества и въ такомъ случаѣ, если, по несообразительности его или по неразсчетливости, кому-нибудь изъ гостей не достанется каравая. Тогда красныя дѣвицы пропоютъ ему:

Да тоби жъ, дружко, було не дружковаты,
Да тоби жъ було свиней пасты
И зъ давгою ломакою
И зъ спрою собакою.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ТИПЫ.

Послѣ того садятся ужинать. Послѣ ужина всѣ выходятъ изъ хаты во дворъ. Музыканты играютъ плясовыя пѣсни и молодые парни танцуютъ съ молодой, чтобы удостовѣриться, какъ говорятъ, *не хрома ли она*. Иногда и старики, подгулявши, также пускаются плясать съ молодою. Дружка беретъ съ каждаго за эту честь деньги, которыя отдаетъ молодой.

Наконецъ запрягаютъ телегу и выносятъ на нее изъ хаты приданое молодой: сундукъ, подушки и пр. Затѣмъ родители начинаютъ прощаться съ дочерью, которую отпускаютъ въ домъ ея мужа. Прощаніе это бываетъ обыкновенно такъ торжественно и трогательно, что, по словамъ лицъ, видѣвшихъ такія сцены, никто, глядя на нихъ, не можетъ удержаться отъ слезъ. Отецъ и мать заливаются слезами и поперемѣнно обнимаютъ дочь. Особенно, говорятъ, жаль смотрѣть на мать, которая то плачетъ сама, то принимается утѣшать плачущую дочь, сулитъ ей счастья и всякія радости въ новой ея жизни, и наконецъ, не справясь сама съ собою, переходитъ отъ утѣшенія опять къ слезамъ и воплямъ. Передъ отъѣздомъ отецъ благословляетъ молодыхъ иконою.

— Дай Богъ пожить благополучно! Почитайте батько и матерь. Не забывайте и насъ, говоритъ онъ на прощанье.

Присутствующіе между тѣмъ поютъ: *Царю небесный, Днесь благодать* и *Нынѣ отпущаеши*. Затѣмъ отецъ вручаетъ дочери и зятю по иконѣ, а дружкѣ, старостамъ и пр. по хлѣбу.

Въ заключеніе, дружка проситъ старостъ, чтобы благословили въ путь.

— Богъ благословитъ, отвѣчаютъ старосты.

Молодые, распрощавшись въ послѣдній разъ съ родителями, садятся въ повозку и кони увозятъ навсегда молодую изъ родительскаго дома.

Когда повозка выѣдетъ за ворота, женщины начинаютъ пѣть:

Ой кони, кони вороные!
Чы надiетесь на силу,
Чы довезете нашу княгиню и пр.

Въ домѣ молодаго, новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ, его мать и всѣ гости. Мать въ сѣняхъ благословляетъ ихъ образомъ. Здѣсь также происходитъ дѣлежъ каравая, съ такими-же церемоніями и пѣснями, какъ и въ домѣ молодой, послѣ чего гости, попировавъ немного, отправляются доканчивать вечеръ къ родителямъ молодой.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, начинается настоящее веселье. По утру всѣ родственники и гости собираются въ домѣ молодыхъ, гдѣ ихъ сперва угощаютъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются гулять съ музыкой и пѣснями, *чтобы показаться народу*. Передъ вечерней, всѣ перевязываются платками и рушниками, и молодые со всѣми дружками, боярами идутъ въ церковь. Священникъ вводитъ ихъ въ храмъ, читаетъ молитву, даетъ имъ приложиться къ кресту и накрываетъ молодую платкомъ, а сверхъ него кускомъ миткаля. Возвратясь отъ вечерни, молодые садятся за столъ. Отецъ снимаетъ ухватомъ съ головы молодой платокъ, а мать, также ухватомъ, покрываетъ; при этомъ молодая въ послѣдній разъ перевязываетъ всѣхъ гостей платками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день подчуютъ гостей караваемъ съ прежними-же обрядами, но только каждый кусокъ каравая помазываютъ медомъ и даютъ при томъ гостямъ по немногу калины.

Пообѣдавъ, всѣ опять отправляются гулять съ музыкою и пѣснями. Возвратясь-же домой, молодые усаживаютъ своихъ родителей на покуть и подчуютъ сперва ихъ, а потомъ и всѣхъ гостей водкою. Гости дарятъ молодаго деньгами, а молодую полотномъ. Подъ вечеръ, когда всѣ развеселятся, начинается настоящая гульба. Всякій старается

отличиться и выкинуть какую-нибудь замысловатую штуку. Иногда переряжаются и бѣгаютъ по улицамъ съ пѣснями. Вечеръ заканчивается шумнымъ весельемъ.

Такъ обыкновенно справляютъ малороссійскія свадьбы, но конечно подробности свадебныхъ обрядовъ измѣняются иногда, смотря по мѣстностямъ.

Празднества и обычаи.

Малороссы вообще любятъ повеселиться и въ особенности, конечно, молодежь; но веселье ихъ чуждо буйнаго или задорнаго характера.

Весна и лѣто здѣсь такъ хороши, что сами по себѣ располагаютъ къ веселости. Они представляютъ рядъ прелестныхъ картинъ, о которыхъ говоритъ съ восторгомъ всякій, кто живалъ въ Малороссіи.

Весна начинается рано, почти всегда въ половинѣ марта, и снѣга таютъ быстро. Крестьяне принимаются за полевыя работы иногда еще до Благовѣщанья и оканчиваютъ ихъ къ ноябрю, когда уже пойдутъ заморозки.

Растительность развивается такъ быстро, какъ будто листья и цвѣты являются по мановенію волшебнаго жезла, и въ нѣсколько дней деревья одѣваются густою листвою, въ которой неумолчно раздается веселое щебетанье и пѣнье птицъ. Въ особенности заливаются соловьи. Въ половинѣ мая, фруктовыя деревья покрыты уже бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ. Надъ ними вьются и жужжатъ пчелы; воздухъ напоенъ ароматомъ. Никто не усидитъ въ душной хатѣ; и старый, и малый всѣ рвутся подъ открытое небо, на которомъ ярко сіяетъ теплое весеннее солнышко. Во всемъ чувствуется избытокъ жизни, и какое-то безотчетное довольство охватываетъ сердце. Оно выливается наружу въ веселыхъ пѣсняхъ, мѣтко охарактеризованныхъ названьемъ «веснянокъ», которыя звонко раздаются въ эту пору года во всѣхъ малороссійскихъ селеніяхъ.

Святую недѣлю можно назвать настоящимъ весеннимъ праздникомъ, такъ какъ обыкновенно въ это время земля уже бываетъ одѣта зеленью. Малороссіяне справляютъ этотъ торжественный праздникъ съ большимъ благоговѣніемъ тихо и чинно, но въ концѣ его, на кладбищахъ, происходятъ поминки по усопшимъ родственникамъ, напоминающія своимъ шумнымъ характеромъ языческую тризну. Церковная ограда на кладбищахъ, называемая по малороссійски *цвинтарь*, составляетъ въ это время любимое мѣсто гулянья.

Все населеніе разгуливаетъ здѣсь въ лучшихъ нарядахъ. Старики сидятъ или стоятъ, опершись на палку, и съ удовольствіемъ смотрятъ на веселящуюся молодежь. А у молодежи идетъ бѣготня, смѣхъ, игры.

Каждому большому празднику присвоены особыя игры, неодинаковыя, впрочемъ, въ различныхъ губерніяхъ.

Въ семикъ передъ Троицынымъ днемъ, завиваютъ березки, водятъ хороводы, выкликаютъ кукушку, играютъ въ лѣсу въ горѣлки и пр. Наканунѣ Иванова дня (Иваны Купалы), 23 іюня, дѣвушки убираютъ головы вѣнками, и каждая, взявшись за руку съ парнемъ, прыгаетъ черезъ зажженный костеръ, причемъ поется множество обрядовыхъ пѣсенъ.

Скучная осень, съ ея холодными дождями и длинными вечерами, загоняетъ всѣхъ въ хаты, и тогда начинаются увеселенія иного рода. Дѣвушкамъ скучно сидѣть за работою въ одиночку и по вечерамъ онѣ отправляются къ которой нибудь изъ подругъ, захвативъ веретена или какую нибудь другую работу. Въ обществѣ работается веселѣе, да и самая работа лучше спорится. Но работать молча не весело, а предметовъ для разговора мало и молодежь часто прибѣгаетъ въ такихъ случаяхъ къ сказкѣ, развлеченію, замѣняющему для неграмотнаго простолюдина книги и чрезвычайно любимому въ Малороссіи. Ихъ разсказываютъ не только на веселыхъ вечернихъ собраніяхъ, но даже и тамъ, гдѣ есть покойникъ. Здѣшній

обычай требуетъ, чтобы надъ умершимъ бодрствовали всю ночь, а потому друзья и сосѣди собираются въ его хату провести съ нимъ послѣднюю ночь, закусываютъ, пьютъ, бесѣдуютъ между собой о разныхъ разностяхъ, и, истощивъ всѣ предметы разговора, начинаютъ наконецъ разсказывать сказки.

Но возвратимся къ нашей вечеринкѣ или *вечерницѣ*. Веретена стучатъ по полу и жужжатъ, а дѣвушки съ полнымъ вниманіемъ и замираніемъ сердца слушаютъ разсказъ о томъ, какъ бѣдовалъ какой-нибудь фантастическій герой... покачиваютъ головами, сообдѣ-нуютъ, у иной даже слезы на глазахъ навернутся.... или о томъ, какъ мачиха-вѣдьма всячески мучила и истязала падчерицу и какъ эту падчерицу хранила отъ всѣхъ бѣдъ какая-нибудь волшебная сила, такъ что преслѣдуемая дѣвушка проходила невредимо, какъ говорится, сквозь огонь и воду, или о томъ, какъ какой-нибудь парубокъ, въ наказаніе за какое-нибудь недоброе дѣло, превратился въ упыря и т. п.

Вдругъ дверь отворяется, входятъ парни, и начинаются шутки балагурство и смѣхъ. Парнямъ хочется поплясать и они мѣшаютъ дѣвушкамъ работать. Сначала ихъ колотятъ за это по рукамъ веретенами, *гребнями*, чѣмъ попало, но наконецъ появляется какой-нибудь лихачъ съ балалайкой или скрипкой. Раздаются звуки *Горлицы*, *Метелицы* или какой-нибудь другой плясовой пѣсни. Тутъ ужъ, конечно, работа летитъ въ сторону и вечеръ заканчивается плиской.

Кромѣ того ходятъ дѣвушки на *досвѣтки*. Каждая изъ нихъ запасается, чѣмъ можетъ, изъ провизіи, и, забравъ работу и провизію, отправляется съ вечера въ избранную избу. Тамъ всѣ вмѣстѣ работаютъ и ночуютъ. На слѣдующее утро встаютъ чрезвычайно рано и опять принимаются за работу, распѣвая пѣсни.

Во время праздниковъ устраиваются такъ называемыя *грища*. Избираютъ домъ, гдѣ должно происходить собраніе, нанимаютъ музыку и сообща припасаютъ угощеніе. На эти праздничныя собранія ходятъ уже, конечно, безъ работы.

Рождественскіе праздники въ особенности сопровождаются мистеріями обрядами, употребительными только у малороссовъ. Праздники эти называются Раздвяны святки и канунъ Рождества, Святій вечеръ.

Великая малороссійская хозяйка начинаетъ приготовляться къ нимъ заблаговременно и заводитъ такую чистоту и порядокъ въ хатѣ, что, какъ говорится, переворачиваетъ въ ней все вверхъ дномъ.

Прежде всего выносятся изъ хаты всѣ рабочія принадлежности: *веретена, мотовилы, ткацкіе станки*, и т. п., словомъ, все напоминающее о работѣ и все излишнее. Убирается даже лишняя одежда, затѣмъ начинается мазанье хаты, и производятся въ ней разныя поправки и починки: перекладываютъ подъ печки, если это надобно, бѣлятъ мѣломъ или бѣлою глиною стѣны, потолокъ и печь, выводятъ красною или желтою глиною украшенія вокругъ оконъ, дверей, печныхъ отверстій, подлѣ образовъ, а иногда и подъ лавками и полками, и выравниваютъ заступомъ полъ, если онъ глиняный.

Покончивъ съ мазаньемъ, принимается ретивая хозяйка за мытье. Моется тутъ рѣшительно все, что только можно вымыть: лавки, полы, если они деревянные, и вся домашняя утварь. И все это не просто горячею водою, но *хвощанками*, т. е. пучками растенія, называемаго хвощомъ, или пучками соломы. Хорошая малороссійская хозяйка увлекается въ такіе дни чистотою и порядкомъ нисколько не меньше любой голландки. Хуже всего приходится въ это время мужьямъ.

Обыкновенно малороссіянка относится къ своему мужу, какъ къ старшему, но когда идетъ предпраздничная уборка, то старше ее нѣтъ уже никого въ хатѣ, и она безъ церемоніи гонитъ изъ нея всѣхъ вонъ. Мужъ ворчитъ иногда, но только ради шутки, такъ какъ въ сущности любитъ чистоту и порядокъ не меньше своей хозяйки и обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что убирается изъ хаты.

Безпріютная бѣднята бродитъ по огороду или по улицѣ. Послѣ убранства хаты начинается стирка: стирается все, кромѣ надѣтаго бѣлья. Съѣстными припасами запасаются хозяйки гораздо раньше. Въ послѣднее-же время, толкутъ изъ пшеницы крупу для кутьи, необходимой принадлежности рождественскихъ праздниковъ. Обновки для семьи и вообще все, что нужно изъ одежды, шьется и покупается также передъ этими праздниками.

Но вотъ уборка окончилась; все чисто и прибрано. Наступилъ и канунъ Рождества, называемый *Богатою кутьею*.

Въ это утро, часовъ до двѣнадцати, ни надъ одною трубою въ селеніи не вьется дымъ, такъ какъ ни одна хозяйка не стряпаетъ въ этотъ день обѣда. Всѣ постятся, и обѣдъ замѣняется ужиномъ или, лучше сказать, по здѣшнему выраженію, вмѣсто него *ідятъ кутю* или *ідятъ вечерю*.

Трудолюбивая хозяйка посвящаетъ это утро на разныя хозяйственныя мелочи: вымажетъ напр. мужу и себѣ сапоги саломъ или дегтемъ, поможетъ дочери нанизать новую монисту, насучитъ восковыхъ свѣчей для вечера и. т. п.

Въ полдень начинается стряпня. Но вотъ на дворѣ уже стемнѣло и на небѣ показались звѣзды. Съ первою звѣздою вся семья собирается въ хату. Переодѣваются во все чистое, затѣмъ приглашаютъ родныхъ или бѣдныхъ знакомыхъ и торжественно накрываютъ на столъ. Передъ образами затепляютъ свѣчу и какой-нибудь мальчикъ изъ семьи приступаетъ къ обряду, называемому «ставить *кутю* на *покутя*». Прежде всего приноситъ онъ изъ сарая свѣжаго сѣна, стараясь захватить какъ можно болѣе желтыхъ цвѣтовъ и разстилаетъ его на покути. Затѣмъ беретъ съ припечки два обрядныя блюда: *кутю* и узваръ *) и переноситъ на покуть, при чемъ кто нибудь приговариваетъ: *цобъ кутя на покуть, а узваръ на базаръ*. Мальчикъ же, несущій кутю, долженъ при этомъ клохтать какъ курица. Клохчутъ и другіе мальчики, находящіеся въ хатѣ.

Хозяинъ, между тѣмъ, или кто нибудь изъ старшихъ членовъ семейства, хватаетъ легонько мальчиковъ за чуприны. Дѣлаютъ это затѣмъ, чтобъ куры лучше неслись. Наконецъ, мальчикъ, играющій главную роль при этомъ обрядѣ, приноситъ горшокъ съ сотами и также устанавливаетъ на столѣ подлѣ обрядныхъ блюдъ. Затѣмъ, перекрестясь, кладетъ передъ образами три земные поклона.

Когда все готово, хозяинъ беретъ курильницу съ ладономъ, кадитъ ею и, прочитавъ въ слухъ «Богородицу и Отче нашъ», садится за столъ; за нимъ всѣ домашніе, приглашенные родственники и работники или, какъ называютъ ихъ здѣсь, *наймиты*, если они есть въ домѣ.

Столъ уставленъ постными кушаньями, между которыми красуются горы пироговъ. Стоитъ также, по старинному обычаю, и лишній приборъ для нежданаго гостя. Водворяется молчаніе. Наливъ чарку вина, хозяинъ, перекрестясь, поминаетъ отсутствующихъ членовъ семьи, слѣдующими словами:

«Нехай же легóнько згадается такому-то, да винъ здоровъ повертается.»

При этомъ въ хатѣ часто раздается плачъ и рыданіе.

Малороссъ—семьянинъ по преимуществу, и для малороссійской семьи отсутствіе кого нибудь изъ ея членовъ въ такой торжественный вечеръ составляетъ не только лишеніе, но сердечное горе.

За хозяиномъ всѣ до малаго ребенка выпиваютъ по чаркѣ, поминаютъ также усопшихъ, а затѣмъ принимаются за ѣду. Начинаютъ со взвара, за нимъ слѣдуетъ кутья, которую ѣдятъ съ медовой сытою. Какъ скоро ужинающіе поднесутъ ко рту по первой ложкѣ кутьи, хозяинъ отворяетъ дверь изъ сѣней во дворъ или окно и приговариваетъ:

«Морозе, морозе, иди до насъ куті істи, та не морозь нашой гречки».

Вообще, весь обрядъ этого ужина сопровождается торжествен-

*) Взваръ изъ яблоковъ, грушъ и другихъ фруктовъ.

нымъ благоговѣніемъ и живо напоминаетъ тѣ отдаленныя отъ насъ времена, когда глава семьи или родоначальникъ какого нибудь поколѣнія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ патріархомъ и жрецомъ.

Мы описали богатую кутю въ достаточномъ семействѣ. У бѣднаго, конечно, ужинъ этотъ бываетъ вовсе не обиленъ. Иногда даже, за неимѣніемъ пшеничной крупы, бѣдныя хозяйки варятъ обрядное блюдо изъ перловой, а соты замѣняются жижицею отъ взвара или маковымъ молокомъ. Но обычай этотъ съ его обрядами такъ укоренился въ Малороссіи, что не ѣсть кути наканунѣ Рождества положительно немыслимо для малоросса.

Тотчасъ послѣ вечери хозяйки впускаютъ телятъ къ матерямъ, чтобы они вдоволь насосались молока и оставляютъ вмѣстѣ до утра четвертаго дня праздника. Происхожденіе этого обычая неизвѣстно.

Въ самый день Рождества всѣ ходятъ къ заутрени и къ обѣднѣ; дома только остается которая нибудь изъ женщинъ, чтобы истопить печку. Впрочемъ, страшни въ этотъ день бываетъ немного, ибо все приготовлено заранѣе. Въ первый день Рождества, вообще, стараются на сколько возможно избѣгать работы, такъ какъ работать считается большимъ грѣхомъ. Въ особенности же грѣшно что нибудь рубить, рѣзать или крошить ножемъ.

За Рождественскимъ обѣдомъ, какъ и за богатою кутею, курятъ ладономъ, читаютъ вслухъ молитвы, а передъ образами теплится восковая свѣча.

Обѣдъ начинается купаньми, оставшимся отъ Богатой Кути.

Но характеристическія блюда Рождественскаго обѣда: колбаса и борщъ или скорѣе щи изъ капусты со свининою. Колбаса въ особенности радуетъ дѣтей и они ждутъ ее съ нетерпѣніемъ. Кромѣ того что она составляетъ розговѣнье послѣ продолжительнаго Филиповскаго поста, появленіе ея сопряжено въ понятіяхъ дѣтей съ чѣмъ-то чудеснымъ: когда они, утомясь постомъ, спрашиваютъ скоро ли можно ѣсть скоромное, взрослые обыкновенно утѣшаютъ ихъ тѣмъ, что вотъ скоро уже настанетъ Рождество и тогда въ печку прямо на сковороду спустится колбаса, которою они и разговѣются. Дѣти ожидаютъ этого момента съ нетерпѣніемъ. Понятно, что они приходятъ въ восторгъ, когда чудо совершилось, т. е. когда на сковородѣ дѣйствительно зашипитъ горячая колбаса, одно изъ кушаньевъ особенно любимыхъ малороссами.

Послѣ обѣда старики ложатся отдохнуть, а молодые и дѣти забавляются играми. Когда же въ хатахъ зажгутся огни, подъ окнами вдругъ раздается пѣнье. Это колядники. Колядками называются обрядовыя пѣсни. Духовенство вначалѣ старалось искоренить этотъ обычай, оставшійся отъ язычества, но, убѣдясь въ томъ, что это невозможно, сочинило многія колядки въ христіанскомъ духѣ. Напѣвъ этихъ пѣсень оригинальный, но монотонный. Колядки раздѣляются на мужскія, женскія и дѣтскія. Каждый куплетъ оканчивается припѣвомъ *«Святой вечеръ»*.

Хозяинъ хаты даетъ колядникамъ что-нибудь изъ съѣстнаго, кусокъ сала, колбасу или что-нибудь подобное.

Ужинъ наканунѣ новаго года называется *Богатій вечоръ*. За нимъ подаютъ также кутю и взваръ, только прочія кушанья бываютъ скоромныя. Передъ ужиномъ дѣти, молодежь и даже женатые ходятъ также пѣть подъ окнами обрядныя пѣсни, называемыя *щедривками*. За каждымъ куплетомъ слѣдуетъ припѣвъ: *щедрый вечоръ добрый вечоръ, добрiмъ людямъ на здоровье*.

Въ Черниговской губерніи и въ сѣверныхъ уѣздахъ Харьковской существуетъ кромѣ того обычай водить козу.

Собирается компанія парней; одинъ изъ нихъ одѣвается козой. Онъ надѣваетъ на себя тулупъ, вывороченный на изнанку, придѣлываетъ хвостъ и рожки и привѣшиваетъ къ рожкамъ колокольчикъ. Съ этою козою отправляются по хатамъ. Коза пляшетъ, а подъ музыку поютъ особыя пѣсни. Въ самый новый годъ ходятъ по хатамъ мальчики и, посыпая хлѣбныя зерна, набранныя въ рукава, пригова-

ривають: «На счастѣ, на здоровье, роди Боже жито, пшеницю и усякую пашницю. Будьте здоровы зъ новымъ годомъ, съ Василямъ!

Наканунѣ Крещенья въ послѣдній разъ подаютъ за ужиномъ кутью, называемую *голодною*. Вѣроятно названіе это происходитъ оттого, что народъ цѣлый день постится. Послѣ ужина хозяинъ выходитъ на дворъ и *прогоняетъ кутью*. Въ старину это дѣлалось ружейными выстрѣлами, нынѣче же просто ударяютъ полѣномъ объ уголъ хаты, причемъ приговариваютъ, «зима отъ насъ, а лѣто до насъ»

Народная поэзія и народный промыселъ

Малороссы одарены музыкальнымъ чувствомъ и многіе изъ нихъ обладаютъ прекрасными голосами. Страсть къ пѣнью сильно распространена между ними, что доказывается и богатымъ запасомъ ихъ пѣсенъ, равнаго которому нѣтъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ. Различныя времена года, различные праздники, занятія и пр. имѣютъ свои особые отдѣлы пѣсень, которыя поются предпочтительно въ это время. Такъ, есть пѣсни веснянки, жажвинныя, косарскія, петривочки, обрядовыя, чумацкія и пр. Въ особенности любопытенъ отдѣлъ историческихъ пѣсенъ, называемыхъ думами. Онѣ сложены народомъ въ старинныя времена и уцѣлѣли отъ забвенія, благодаря странствующимъ пѣвцамъ, называемымъ кобзарями или бандуристами. Пѣвцы эти, обыкновенно слѣпые нищіе; но ихъ нельзя ставить на одинъ уровень съ тѣми попрошайками и тунеядцами, которыхъ привыкли мы подразумѣвать подъ словомъ нищій. Малороссы, какъ мы уже видѣли, не любятъ попрошайничать; не тунеядство и страсть къ бродяжничеству, а только слѣпота, не дозволяющая списывать пропитаніе инымъ способомъ, можетъ заставить малоросса взяться за бандуру, съ тѣмъ чтобъ промышлять ею насущный хлѣбъ.

Притомъ же онъ прибѣгаетъ къ этому ремеслу столько же изъ крайности, сколько и потому, что, по врожденной всему племени склонности къ поэзіи и музыкѣ, оно доставляетъ ему отраду въ его горькой долѣ. Эти бандуристы напоминаютъ греческихъ рапсодовъ, которые въ древности странствовали по городамъ и деревнямъ Греціи и воспѣвали въ отдѣльныхъ пѣсняхъ легенды о Троянской войнѣ, собранныя впослѣдствіи Гомеромъ въ одну великую эпопею.

Кобзари также ходятъ по городамъ и селеніямъ, въ сопровожденіи вожатаго, обыкновенно какого нибудь мальчика, и, подъигрывая на бандурѣ или кобзѣ *), поютъ преданія объ историческихъ событіяхъ ихъ родины. Конечно, преданія эти перепутаны и искажены; въ нихъ встрѣчаются имена и героевъ, и разбойниковъ, но по нимъ можно прослѣдить почти всю исторію страны и они важны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ сказывается духъ народа.

Въ отношеніи же самаго народа кобзари имѣютъ громадное значеніе. Малороссійскому крестьянину, какъ и всякому трудящемуся простолюдину, некогда отрываться отъ насущныхъ заботъ. Думы его не выходятъ изъ тѣсной рамки обыденныхъ, житейскихъ интересовъ и душа его мало по малу черствѣетъ въ этомъ заколдованномъ кругу. Пѣсни кобзаря, въ которыхъ упоминается о жестокихъ битвахъ, обагрившихъ кровью почву его родины, о страданіяхъ, вынесенныхъ его дѣдами и прадѣдами, объ ихъ стремленіяхъ къ лучшей долѣ, о религіозномъ чувствѣ, поддерживавшемъ ихъ въ тяжкую годину и т. п. уносятъ его думы далеко отъ тѣсной хаты въ болѣе обширную среду и пробуждаютъ въ немъ мысль о болѣе высокихъ интересахъ.

Самый народный инструментъ этихъ пѣвцовъ,—бандура—имѣетъ не такое значеніе, какъ великороссійская балалайка.

*) Струнный инструментъ въ родѣ балалайки, но число струнъ доходитъ отъ 8 до 24-хъ.

Въ старину бандура составляла необходимую принадлежность не только нищихъ пѣвцовъ, но и всякаго казака какъ дома, такъ и во время походовъ его. Она была его вѣрнымъ другомъ, которому повѣрялъ онъ всѣ свои думы. Подъ гармонію ея звуковъ буйный запорожецъ слагалъ унылыя пѣсни въ тѣ тихія минуты, когда душа его, недовольная разгуломъ его обыденной жизни, стремилась къ чему-то высшему и лучшему.

Во многихъ мѣщанскихъ и казацкихъ домахъ еще и нынѣ можно встрѣтить на стѣнахъ картинки, изображающія запорожца съ бандурой: обыкновенно онъ сидитъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ подъ тѣнью и играетъ на бандурѣ. Подъ нею пасется его конь, а на деревѣ виситъ жидъ или ляхъ.

Въ старинной думѣ *о смерти казака бандуриста*, казакъ, возвращаясь съ битвы и чувствуя приближеніе смерти, — прощается со своею бандурою, какъ съ живымъ существомъ. Дума начинается такъ:

«На татарскихъ поляхъ, на казацкихъ дорогахъ, не сѣрые волки воютъ, не черноврылые орли клохчутъ и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый казакъ, сѣдой какъ голубь; онъ играетъ на кобзѣ, онъ громко поетъ....

Поддѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны безъ булатной сабли и ни одного заряда въ лядункѣ.

Только и осталось у него дорожная бандура, да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да полнапуши табаку»....

Далѣе, слѣдуютъ жалобы казака. Дума заканчивается слѣдующими словами:

«О кобза, подруга моя вѣрная, бандура ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепелъ по вѣтру или положить на курганѣ. Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть задѣваетъ твои струны и грустно жалобно изъ нихъ напрываетъ. Можетъ быть проѣзжіе казаки будутъ скакать близко, можетъ быть услышатъ твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану».

Вообще, бандура—инструментъ,—издающій тихіе звуки, а потому скорѣе способный для аккомпанемента заунывныхъ пѣсень, чѣмъ для плясовой или просто веселой музыки.

Поэзія историческихъ думъ запечатлѣна образностью выраженій и силою чувства, такъ какъ думы слагались большею частью самими дѣйствующими лицами воспѣваемыхъ событій, нерѣдко вскорѣ послѣ совершившагося факта, когда душа поэта находилась подъ его потрясающимъ впечатлѣніемъ. Съ теченіемъ времени, многія изъ этихъ стихотворныхъ думъ превратились просто въ прозаическія легенды, которыя малороссійскія старухи разсказываютъ по вечерамъ вмѣсто сказокъ своимъ внучатамъ.

Обыкновенно нищіе-бандуристы беруть къ себѣ въ науку какого нибудь безроднаго мальчика, который водитъ ихъ, и передаютъ ему свое искуство.

Въ старину, они имѣли даже школы пѣвцовъ, и многіе изъ этихъ учителей пользовались такою знаменитостью, что ихъ даже называли старичными королями. Но духъ времени измѣняется. Нынче историческія думы все меньше и меньше нравятся народу, забывшему среди спокойной, домашней жизни о прежнихъ тревожныхъ временахъ, и пѣвцы, поющіе ихъ, встрѣчаются все рѣже, такъ что любителямъ народной малороссійской поэзіи приходится уже отыскивать ихъ. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и очень вѣроятно, что во всей Малороссіи нельзя уже будетъ отыскать ни одного подобнаго пѣвца.

Малороссія богата хлѣбомъ, но въ ней вовсе нѣтъ соли. Недостатокъ этого продукта породилъ съ изстари промыселъ, называемый чумачествомъ. Чумаки—извозчики, которые ѣздятъ за солью къ соляннымъ озерамъ въ Крымъ и въ Бессарабію.

Съ началомъ весны, начинаются чумацкія ярмарки, на которыхъ чумаки покупаютъ и продаютъ воловъ. Отправляясь въ путь, они нагружаютъ возы сухими грушами, яблоками и другими фруктами, а

также деревянными издѣліями, какъ напр. колесами, ведрами и пр., въ чемъ крайне нуждаются всѣ безлѣсныя мѣстности, въ херсонскихъ и таврическихъ степяхъ, въ области войска Донскаго и по Азовскому прибрежью. Также отправляютъ съ ними изъ окрестностей города Изюма на Донъ и далѣе глиняную посуду. Изъ сѣверныхъ уѣздовъ Малороссіи везутъ они, въ огромномъ количествѣ, къ южнымъ портамъ хлѣбъ, пшеницу и льняное сѣмя.

Прежде, во времена гетмановъ, бывали села и очень многолюдныя, въ которыхъ жили исключительно чумаки. Въ такихъ селеніяхъ не водилось ни одного плуга, такъ какъ чумаки считали за стыдъ обрабатывать землю. Они позволяли себѣ только косить сѣно, потому что оно было необходимо для ихъ воловъ, всякое же другое занятіе считали зазорнымъ для своего ремесла, которымъ очень гордились. Теперь эти понятія отчасти уже вывелись. Духъ промышленности начинаетъ проникать въ чумацкія селенія, и нынче тѣ изъ чумаковъ, которые позажиточнѣе, держатъ воловъ и работниковъ, которымъ поручаютъ обозы, сами же остаются дома и занимаются хозяйствомъ.

Обозы отправляются въ путь три раза въ лѣто. Хозяинъ—чумакъ, имѣя въ своемъ распоряженіи много воловъ и рабочихъ рукъ, пользуется ими, чтобы вспахать и засѣять пашни, послѣ чего работники отправляются въ первый путь. Они возвращаются домой къ сѣнокосной порѣ. Послѣ сѣнокосовъ идутъ во второй путь и возвращаются къ уборкѣ хлѣба. Наконецъ, послѣ Семенова дня, идутъ въ третій путь и возвращаются уже къ Покрову.

Отправляясь въ путь, чумаки берутъ съ собою мальчиковъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы пасти воловъ какъ днемъ, такъ и ночью. Они обращаются очень хорошо съ этими мальчиками и не заставляютъ ихъ исполнять трудныхъ работъ.

Въ чумацкомъ обозѣ или валкѣ бываетъ отъ 16 до 25 фуръ. На возъ кладется отъ 50 и до 60 пудовъ клади. Говорятъ, въ старину, когда скотъ былъ крупнѣе, на возъ клали до 70 и даже до 80 пудовъ.

Прощаніе отъѣзжающихъ чумаковъ съ родными и пріятелями всегда бываетъ грустное: путь предстоитъ дальній и къ тому же по степи. Часто приходится чумакамъ выносить въ дорогѣ и зной, и жажду, и холодъ, и бури.

Передъ отъѣздомъ служатъ молебенъ. Но вотъ сборы окончены, волы стоятъ уже запряженные, а на переднемъ возѣ, по старинному обычаю, сидитъ, привязанный за ногу, пѣтухъ. Этотъ пернатый спутникъ замѣняетъ чумакамъ въ дорогѣ часы; кромѣ того, крикъ его напоминаетъ имъ родное село и родной домъ. Существуетъ также между ними повѣрье, что онъ предохраняетъ огъ дорожнаго бѣса.

Чумаки въ рубахахъ, пропитанныхъ дегтемъ, въ предохраненіе отъ насѣкомыхъ, въ смазныхъ чеботахъ и порыжѣвшихъ поярковыхъ шляпахъ, вооружась длинными бичами, похаживаютъ около возовъ и прощаются съ родными и пріятелями. Около нихъ вьются, также собираясь въ путь, собаки, неразлучные спутники каждой валки.

Наконецъ настала минута послѣдняго прощанья. Передовой чумакъ ободрительно крикнулъ на воловъ, и тѣ медленно, будто не хотя, двинулись съ мѣста; за ними послѣдовали и другіе. Колеса скрипятъ. Чумаки, понуривъ головы, идутъ за возами. Остающіеся провожаютъ ихъ до окраины села, женщины отираютъ слезы. Вотъ, обозъ своротилъ за окраину и передъ чумаками раскинулась хорошо имъ знакомая раздольная степь.

Мало по малу къ обозу пристаетъ другой, затѣмъ третій и т. д., такъ что подъ конецъ по степи тянется одинъ нескончаемый поѣздъ, обозовъ въ пятьдесятъ и болѣе, про который говорится, что когда голова его уже просыпается и трогается въ путь, хвостъ только еще спать ложится.

Ночлеги чумаковъ въ степи чрезвычайно картинны. Обыкновен-

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

но они располагаются на травѣ около костра, на которомъ варится въ котлѣ кушанье, а въ нѣкоторомъ разстояніи пасутся волы.

Пища чумаковъ незатѣйлива, а водки дорогою не пьютъ, потому что въ противномъ случаѣ иной обозъ, запировавъ въ степи, пожалуй, никогда бы не доѣхалъ до мѣста назначенья. Чумаки ѣздятъ почти всегда одними и тѣми же путями, проложенными еще ихъ прадѣдами. Одинъ изъ нихъ идетъ на Донъ и Азовскія прибрежья, гдѣ обозы нагружаютъ соленой и вяленой рыбою; другой въ Крымъ, къ озерамъ, гдѣ нагружаются солью. Живущіе близъ Днѣпра чумаки ѣздятъ еще съ разнымъ грузомъ въ Одессу, въ Польшу и въ Бессарабію.

По статистическимъ даннымъ, въ одной Кіевской губерніи до 17,500 чумаковъ и у нихъ до 70,000 паръ воловъ. Изъ этого числа 30,000 паръ воловъ возятъ въ Одессу почти непрерывно отъ апрѣля до сентября пшеницу изъ окрестныхъ уѣздовъ, ходятъ на Донъ, въ Бессарабію, въ Крымъ.

Такимъ образомъ вся степь, заключающая въ себѣ 15 тысячъ квадратныхъ миль, отъ ранней весны до поздней осени, искрещивается странствующими чумаками.

Закупивъ соль, иные чумаки везутъ ее прямо въ Малороссію, гдѣ она расходится по множеству селеній и мѣстечекъ, другіе же отвозятъ въ складочныя мѣста на Днѣпрѣ, оттуда уже отправляютъ водою въ западныя губерніи и въ Польшу.

Одинъ изъ главныхъ соляныхъ складовъ на Днѣпрѣ,—такъ называемый Крюковъ посадъ, въ предмѣстьяхъ Кременчуга. Въ іюнѣ и въ іюлѣ съѣзжается сюда бездна чумаковъ. Продавъ соль, они отправляются обратно на родину съ другимъ товаромъ.

Малороссы или южно-руссы составляютъ южно-русскую вѣтвь славянскаго племени. Съ самаго начала русской исторіи, судьба, казалось, назначила Южной Руси блестящую роль. Съ перенесеніемъ столицы въ Кіевъ, княжество Кіевское стало центромъ развитія политической жизни народа и цивилизаціи, перешедшей изъ Греціи. Но во время нашествія татаръ, оно подпало, какъ и вся Русь, подъ ихъ иго, и съ той поры исторія Южной Руси пошла отдѣльнымъ путемъ отъ исторіи остальной земли русской. Освободясь изъ подъ ига татаръ черезъ 70 л., съ помощью литовцевъ, Южная Русь присоединилась къ Литвѣ на равныхъ правахъ, но дорого заплатила впослѣдствіи за это присоединеніе. Когда Литовскій князь Ягелло женился на польской королевѣ Ядвигѣ, литовцы, поляки и малороссы составили одно государство.

Вскорѣ полякамъ захотѣлось первенствовать, и Южная Русь подверглась страшнымъ притѣсненіямъ. Поляки преслѣдовали православіе, мучили народъ страшнымъ образомъ и обирали его. Начался рядъ ожесточенныхъ войнъ, которыя окончились съ присоединеніемъ Южной Руси или Малороссіи къ Русскому государству при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ.

Въ настоящее время, какъ уже сказано было въ началѣ, малороссы или южно-руссы живутъ въ Россіи сплошною массою въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской, Подольской и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, а также въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, въ Курской отъ рѣки Сейма и во всемъ Судженскомъ уѣздѣ, и въ Воронежской губерніи къ западу отъ рѣки Дона. Въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ они составляютъ главную массу населенія. Кромѣ того встрѣчаются и въ смежныхъ мѣстностяхъ.

По происхожденію, быту и языку, они представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства имѣютъ различныя названія; такъ жителей Черниговской губерніи называютъ *гетманцами*, Полтавской и Екатеринославской — *степовиками*, жителей Кіевской губерніи, называемой Украйной — *украйнцами*, — а Подольской *польщиками*.

Главный городъ Малороссіи Кіевъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи. Есть преданіе, что апостолъ Андрей Первозванный, на пути изъ Херсонеса въ Римъ, проходя

по Кіевскимъ горамъ, водрузилъ на одномъ изъ холмовъ крестъ и предсказалъ ученикамъ своимъ основаніе города и будущее его величіе.

Въ княженіе св. Владиміра, исполнилось предсказаніе апостола Андрея Первозваннаго. Владиміръ принялъ христіанскую вѣру и повелѣлъ всему своему народу принять св. крещеніе. Такимъ образомъ Кіевъ сталъ колыбелью христіанства въ Россіи. Но самая блестящая эпоха процвѣтанія его настала при сынѣ Владиміра, Ярославѣ. Кіевъ, по словамъ лѣтописцевъ, сталъ тогда «градомъ великимъ», въ которомъ явились «церкви многи». Со смертью Ярослава начались войны между его сыновьями и потомками ихъ за право обладанія столицею Кіевскаго княжества, причемъ городъ не разъ былъ страшно опустошаемъ. Такъ, въ 1169 году былъ онъ разграбленъ войскомъ князя Суздальскаго, Андрея Боголюбскаго, причемъ воины не пощадили даже церквей и монастырей. Еще большее бѣдствіе постигло Кіевъ въ 1204 году. Рюрикъ Ростиславичъ, враждуя на князя Галицкаго, Романа, подчинившаго Кіевъ своей власти, соединился съ князьями Черниговскими и толпами половцевъ и зажегъ городъ. Дни величія Кіева миновали. Два раза опустошенный и ограбленный, онъ поперемѣнно переходилъ подъ власть князей Галицкихъ, Черниговскихъ и Суздальскихъ, причемъ утратилъ свое первоначальное значеніе и снизошелъ на степень удѣльнаго городка. Въ 1240 году, монголы, подъ предводительствомъ Батыя, послѣ продолжительнаго приступа и отчаяннаго сопротивленія жителей, захватили Кіевъ и превратили его въ груду развалинъ. Древній Кіевъ погибъ навсегда. Почти 80 лѣтъ послѣ того Кіевъ безпрестанно грабили то монголы, то литовцы. Въ 1320 году онъ достался литовскому князю Гедемину, а въ 1569 году былъ присоединенъ къ Польшѣ, которая владѣла имъ почти около ста лѣтъ. Наконецъ, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Русскому государству въ 1686 году, перешелъ подъ власть русскихъ царей и отдохнулъ отъ всѣхъ вынесенныхъ имъ бѣдствій.

Кіевъ богатъ древностями, церквами и монастырями. Самая замѣчательная изъ его святынь—знаменитая Кіево-Печерская лавра.

Но кромѣ того въ Кіевѣ много другихъ монастырей. Тамъ почиваютъ въ пещерахъ мощи св. угодниковъ.

Въ Успенскомъ соборѣ лавры сохраняется въ ковчегѣ голова св. равноапостольнаго князя Владиміра; также покоятся мощи св. Михаила, перваго митрополита Кіевскаго и всей Россіи, и мощи преподобнаго Ѳеодосія. Въ пещерахъ покоятся мощи преподобнаго Антонія, основателя обители, тѣло лѣтописца Нестора, бывшаго инокомъ въ Лаврѣ и многихъ другихъ святыхъ. Также погребены здѣсь многіе князья кіевскіе. Монастырь Печерскій очень богатъ, такъ какъ всѣ русскіе государи жертвовали въ него много драгоцѣнностей.

Кіевъ—одинъ изъ красивѣйшихъ, европейскихъ городовъ. Преданіе говоритъ, что даже одинъ изъ монгольскихъ воеводъ, посланный для осмотра его, долго любовался красотою его и величіемъ.

Подъѣзжая къ Кіеву, прежде всего видимъ высокую колокольню Печерской Лавры а за нею открывается и вся Лавра. На синевѣ воздуха, во всѣхъ направленіяхъ блестятъ золотые кресты и куполы церквей и монастырей.

Кіевъ построенъ на горѣ, у подошвы которой струится широкій, свѣтлый Днѣпръ. Часть города, лежащая внизу, называется Подоломъ. Съ горы представляется великолѣпный видъ на Подолъ, простирающійся почти до самыхъ береговъ Днѣпра и на обширное Заднѣпровье, съ его озерами, лугами и синѣющимъ вдали лѣсомъ. Ежедневно со всѣхъ концовъ Россіи стекаются въ Кіевъ толпы богомольцевъ для поклоненія его святынямъ.

Населеніе его состоитъ изъ 80,000 жителей.

III. БѢЛОРУССЫ.

Природа Бѣлорусскаго края.

Бѣлоруссіей съ издавна зовется пространство, лежащее по среднему теченію Днѣпра и западной Двины и раздѣляющееся въ настоящее время на три губерніи: Витебскую, Могилевскую и Минскую. Откуда произошло это названіе—толкуютъ различно: одни говорятъ что эта область была названа такъ потому, что во время подчиненія прочихъ областей русскихъ татарамъ она не платила имъ дани, а всѣ, не платящіе податей, встарину назывались *бѣлыми, обѣленными*, въ отличіе отъ податныхъ людей, называвшихся *черными;* другіе-же толкуютъ, что названіе Бѣлоруссіи произошло отъ того, что русскіе люди, населяющіе этотъ край издари, носили, какъ и теперь носятъ, одежду преимущественно бѣлаго цвѣта. Уже самая природа Бѣлоруссіи во многомъ различается отъ прочихъ, даже смежныхъ съ нею, областей русскихъ. Наибольшая часть пространства бѣлорусскихъ губерній представляетъ низменность, изобильно покрытую преимущественно лиственными лѣсами, среди которыхъ разсѣяно множество болотъ и озеръ, окруженныхъ топкими лугами. Почва здѣсь по большей части песчаная, глинистая или иловатая, климатъ умѣренный: ни большихъ морозовъ, ни сильныхъ жаровъ и засухъ не бываетъ; но за то дождей много и погода чрезвычайно перемѣнчива. Въ одинъ годъ снѣгъ стаетъ въ мартѣ, въ другой простоитъ и до апрѣля; послѣ морозовъ вдругъ настанетъ оттепель, пойдетъ дождь, а потомъ опять ударитъ морозъ, сдѣлается гололедица и т. д.

Но природа губерній Витебской и Могилевской, при своей лѣсистости, изобиліи болотъ и озеръ, еще не представляетъ такихъ рѣзкихъ перемѣнъ, какими отличается природа губерніи Минской. Большую часть этой губерніи занимаетъ такъ называемое Бѣлорусское Полѣсье *) распространяющееся и въ смежные уѣзды губерній Гродненской, Могилевской и Волынской. Это самая любопытная часть бѣлорусскаго края.

Бѣлорусское Полѣсье едва-ли не самая низменная и изобильная водою часть нашего материка. Одни ученые полагаютъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ это мѣсто было дномъ исчезнувшаго съ лица земли океана, и говорятъ, въ топкихъ болотахъ Полѣсья случалось находить обломки судовъ, *якоря*, части морскихъ животныхъ и т. д. Другіе ученые это отрицаютъ и говорятъ, что многоводіе Полѣсья зависитъ отъ того, что сюда стекаетъ слишкомъ много воды съ окружающихъ возвышенностей, которая, при низкихъ берегахъ полѣсскихъ рѣкъ, не вмѣщается въ нихъ и разливается по окрестнымъ равнинамъ. Но какъ бы то ни было, Полѣсье такъ обильно водою, что весною почти третья часть его представляетъ настоящую водную поверхность. Кромѣ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ Припети, Пины, Березины, Днѣпра и другихъ—Полѣсье все изборождено маленькими рѣками и рѣчками, все изрыто заливами, протоками,

*) Сѣверная окраина Полѣсья, начинаясь у Бреста, тянется до верховьевъ Березины, Студянки и Друца, мимо Кобрина, Слонима и Слуцка; южная-же мимо Владавы, Ковеля, Клевани до Родомысла, идя далѣе по Днѣпру до владенія Тетерева. Въ срединѣ этого пространства расположены города Пинскъ и Мозырь.

озерами и озерками, бродами, особенно болотами. Болота, то длинныя какъ рѣки, то широкія какъ озера, часто стелятся на огромное пространство и исчезаютъ въ дальней синевѣ.

Среди этой обширной низменности разсѣяны, подобно морскимъ островамъ, возвышенные клочки земли, также называемые въ Полѣсьѣ *островами*. Острова эти по большей части покрыты хорошимъ лѣсомъ, густою травою и имѣютъ плодородную почву. На нихъ-то, уединенныя отъ немногочисленныхъ городовъ и другъ отъ друга, расположены небольшія и рѣдкія деревни Полѣсья.

Кромѣ такихъ обитаемыхъ острововъ, въ Полѣсьѣ есть много такихъ, на которыхъ, можетъ быть, никогда не бывала человѣческая нога. Болота, окружающія эти острова, покрыты сплошною растительностью, но едва дѣлаетъ человѣкъ по ней шагъ, какъ вдругъ коверъ, образовавшійся на болотѣ изъ переплетшихся корешковъ разныхъ растеній, разверзается, и ноги вязнутъ въ зыбкой почвѣ, которая волнуется около человѣка саженей на двадцать вокругъ,—и горе путнику, если онъ во время не воротится, такъ какъ тонкая растительная ткань, покрывающая болота, скоро разъединится и бездонная пучина неминуемо поглотитъ смѣльчака.

Этотъ глухой и пустынный край оживляется только зимою, такъ какъ лѣтомъ проселочные пути сообщенія въ немъ такъ неудобны, что въ иномъ мѣстѣ нельзя проѣхать между сосѣдними островами и двадцати верстъ одинаковымъ способомъ. Часто случается верстъ пять сдѣлать на лошадяхъ, столько-же на лодкѣ, а остальное пространство пройти пѣшкомъ. На лѣсныхъ дорожкахъ Полѣсья поэтому чуть-чуть замѣтны слѣды рѣдкой ѣзды бѣдныхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ прокатилось нѣсколько телѣгъ, только трава немного помята, пожелтѣла; на остальныхъ же мѣстахъ дорожки ростутъ грибы да молоденькіе побѣги сосѣднихъ деревьевъ. Но всего неудобнѣе и непріятнѣе эти дорожки отъ попадающихся довольно часто лужъ или бродовъ, изъ коихъ иные бываютъ длиною съ версту и болѣе. Чѣмъ мѣстность болотистѣе, тѣмъ чаще такіе броды затрудняютъ путника. Къ тому же несмѣтныя полчища насѣкомыхъ, носящіяся всегда вблизи этихъ бродовъ, окружаютъ путника: мухи, комары, слѣпни жужжатъ невыносимо, съ бѣшенствомъ кидаются въ глаза, въ ротъ и носъ человѣка и животныхъ и провожаютъ до слѣдующаго брода. За бродами нерѣдко тянутся сыпучіе пески: колеса телѣги утопаютъ въ нихъ по ступицы и прыгаютъ по скрытымъ въ пескѣ и торчащимъ на поверхности древеснымъ корнямъ. Ѣзда по такимъ дорожкамъ возможна не иначе, какъ на волахъ, которые здѣсь такъ-же незамѣнимы, какъ верблюдъ въ песчаныхъ и безводныхъ степяхъ. Не рѣдко путнику встрѣчаются по дорогѣ рѣки, чрезъ которыя не существуетъ ни мостовъ, ни переправъ. Чтобы перебраться черезъ такую рѣку, употребляютъ самый простой способъ: становятся на ноги въ телѣгу, въ которой зачастую нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, подмащиваютъ повыше кладь, какая случится, и пускаютъ воловъ вплавь: привычныя животныя благополучно вывозятъ путника на берегъ.

Такіе неудобные сухопутные пути сообщенія могли бы замѣнить многочисленныя рѣки и рѣчки Полѣсья, но, къ сожалѣнію, онѣ текутъ по большей части въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ, поросшихъ осокою, камышемъ и вербозомъ, за которыми на большомъ разстояніи отъ рѣкъ тянутся лѣса. Весною и осенью вода этихъ рѣкъ выходитъ изъ береговъ и затопляетъ на нѣсколько верстъ окрестныя болота. Наносный песокъ и илъ, съ остатками сгнившихъ растеній, образуютъ толстый слой чрезвычайно рыхлой земли, высыхающей во время лѣтнихъ жаровъ и обращающейся въ торфъ. Такимъ образомъ берега полѣсскихъ рѣкъ мало доступны, а по причинѣ неудобства для поселенія, большею частію пустынны.

Обильная водами и лѣсами Бѣлоруссія богата и всѣми дарами, коими можетъ служить человѣку водная и лѣсная природа. Въ глубинѣ водъ ея многочисленныхъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ плаваютъ во

АНТОНІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КІЕВѢ.

множествѣ различныхъ породъ рыбы, изъ коихъ особенно распространена мелкая порода вьюновъ, которыми буквально кишатъ нѣкоторыя озера и рѣки. Поверхность-же этихъ водъ и окружающія ихъ болота покрыты несмѣтными стадами ликихъ утокъ и гусей и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ. Не въ примѣръ другимъ мѣстностямъ, перелетныя птицы, каковы: утки, гуси и т. д., даже остаются здѣсь круглый годъ. Многія бѣлорусскія озера, особенно въ Полѣсьѣ, не замерзаютъ зимой, и птицы такъ привыкаютъ къ этой обильной всякимъ кормомъ мѣстности, что не перелетаютъ въ теплыя страны, гдѣ имъ не будетъ ни привольнѣе, ни безопаснѣе.

Въ рѣкахъ и рѣчкахъ Бѣлоруссіи, кромѣ множества рыбъ и птицъ, водятся и болѣе дорогія животныя—выдра и бобръ, а въ чащѣ ея лѣсовъ бродятъ медвѣди, кабаны, лоси и разные другіе крупные и мелкіе звѣри. А тетеревовъ, рябковъ и другихъ лѣсныхъ птицъ мѣстами такъ много, что хорошій охотникъ за день набиваетъ ихъ цѣлые мѣшки. Невообразимое же обиліе разныхъ породъ грибовъ и ягодъ служитъ, такъ сказать, добавленіемъ къ тѣмъ благамъ, которыя приноситъ человѣку лѣсистая и многоводная природа бѣлорусскаго края.

Наружность бѣлоруссовъ, одежда, жилище и хозяйственный бытъ.

Среди такой непріютной, но богатой разными дарами, природы съ давнихъ поръ живетъ, во многомъ отличающійся отъ остальныхъ русскихъ, русскій-же народъ—бѣлоруссы, потомки древнихъ славянскихъ народовъ—кривичей и дреговичей. Эти славянскія племена, подобно другимъ племенамъ, отъ которыхъ произошли великоруссы и малороссы, съ давнихъ поръ заняли эти мѣста, приняли христіанскую вѣру и въ первыя времена послѣ основанія русскаго государства составляли часть его и управлялись вѣчами (народными сходками) и князьями. Но когда постигло Русь великое бѣдствіе—нашествіе татарское, и вся нынѣшняя средняя и южная Русь подпала власти хановъ татарскихъ, Русь западная или Бѣлая не испытала этой невзгоды. Хотя нѣкоторыя области ея и были разорены татарскими полчищами, но все таки она осталась независимою и такъ прожила еще почти цѣлое столѣтіе. Но, уцѣлѣвши отъ ига татарскаго, Бѣлая Русь все таки не могла сохранить свою самостоятельность. Въ сосѣдствѣ съ нею было сильное государство Литовское, и Бѣлая Русь мало по малу подчинилась ему. Потомъ же, когда Литва соединилась съ Польшею, Бѣлая Русь сдѣлалась частью королевства Польскаго. Только въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія бѣлорусскія области были вновь присоединены къ единоплеменному и единовѣрному русскому государству, и бѣлоруссы снова сдѣлались членами великой общерусской семьи.

Долгое время разъединенные съ остальными членами русской семьи, претерпѣвшіе много бѣдствій во время подчиненія чужеземному господству, запертые среди болотъ и лѣсовъ своихъ, отъ природы склонные къ жизни особнякомъ, бѣлоруссы какъ въ домашнемъ хозяйственномъ быту, такъ и веденіи мірскаго дѣла характеромъ и обычаемъ много теперь отличаются отъ родныхъ братьевъ своихъ малороссовъ, особенно-же великоруссовъ, хотя, какъ дѣти одной семьи, имѣютъ съ ними и много сходнаго. Съ одной стороны, у бѣлоруссовъ сохранилось много такого, что давно оставлено или замѣнено другимъ у великоруссовъ; съ другой же, у нихъ есть и много такого, чего нѣтъ и не было у обоихъ послѣднихъ.

Даже по самой наружности своей бѣлоруссы во многомъ отличаются отъ великоруссовъ и малороссовъ. Бѣлоруссы по большей части средняго роста, часто и того менѣе, приземисты, одутловаты съ лица, которое всегда кругло,—часто безъ бороды, вообще-же жидкобороды и имѣютъ обыкновенно глаза сѣрые и волосы русые

Въ 40 много 50 лѣтъ, бѣлорусcъ выглядываетъ совершеннымъ старикомъ, особенно женщины, которыя старѣются весьма рано, хотя въ молодости многія изъ нихъ отличаются и свѣжестію, и красотою. Между взрослыми мужчинами, кромѣ развѣ горожанъ, рѣдко, почти невозможно, встрѣтить ту осанистость, русскую крѣпость и красоту, про которую говорятъ: «кровь съ молокомъ» и которую вовсе не рѣдкость встрѣтить среди населенія великороссійскихъ губерній, или ту, какъ бы желѣзную, крѣпость, которая отличаетъ сухаго и смуглаго малоросса.

Такую малорослость и происходящую отъ того малосильность, а равно и раннюю старость, главнымъ образомъ, должно приписать бѣдности и неопрятности обстановки, среди которой живетъ бѣлорусcъ, а также дурной пищѣ, питью болотной стоячей воды и гнилостнымъ болотнымъ испареніямъ, дѣлающимъ воздухъ влажнымъ и вреднымъ. Отъ этихъ же причинъ зависитъ и сильно распространенная въ Бѣлоруссіи и невѣдомая въ Великой и Малой Руси болѣзнь-*колтунъ*. Эта рѣдкостная болѣзнь начинается обыкновенно томленіемъ, головными болями, потомъ волоса на головѣ больнаго наполняются гнойною матеріею, превращаются какъ бы въ войлокъ и остаются въ такомъ положеніи часто въ теченіи многихъ лѣтъ. Колтунъ проходитъ самъ собою, оставляя послѣ себя лишь общее истощеніе тѣла, слабость; но если его чѣмъ нибудь потревожить раньше времени, то онъ исковеркаетъ и замучитъ человѣка. Впрочемъ, сами бѣлорусcы считаютъ колтунъ не только не вреднымъ, а даже полезнымъ, потому что, по ихъ мнѣнію, онъ вытягиваетъ изъ тѣла дурные соки и предохраняетъ тѣмъ отъ другихъ болѣзней. «Колтунъ хвороба потребна, говорятъ они. Пахаруе, пахаруе, дай выздоровѣе». Но это конечно заблужденіе. На самомъ-же дѣлѣ болѣзнь эта настоящій бичъ бѣлорусcовъ, истощающій ихъ тѣлесныя и умственныя силы; отъ этой болѣзни бѣлорусcы хилѣютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Подобно наружности, и рѣчью бѣлорусcъ отличается отъ великорусcовъ и малорусcовъ. Бѣлорусcы говорятъ старорусскимъ языкомъ, въ которомъ однако же есть много словъ польскихъ. Самый выговоръ ихъ мягче великорусскаго и малорусскаго и нѣкоторые звуки они произносятъ иначе: такъ напримѣръ, вмѣсто звука *л* они произносятъ звукъ средній между *у* и *в* (волкъ—воукъ), буквы *т* и *д* замѣняютъ звуками, похожими на *ц* и *дз* (дѣти-дзѣци). Даже въ одеждѣ, и въ той, если не покроемъ, то цвѣтомъ, отличается бѣлорусcъ. Любимый цвѣтъ его бѣлый: бѣлый кожухъ, бѣлая рубаха и штаны, бѣлый полотняный поясъ, бѣлая юбка у женщинъ, бѣлый головной платокъ, бѣлыя онучи къ его всегдашней обуви—лаптямъ—все это обыкновенныя и любимыя принадлежности лѣтней и зимней, праздничной и будничной одежды бѣлорусcовъ.

Что же касается покроя одежды, то въ этомъ отношеніи бѣлорусcы сродны и съ великорусcами, и съ малорусcами. Такъ, женщины наслѣдовали сарафаны, употребляющіеся и въ остальной Россіи, или малороссійскія *плахту и запаску*, т. е. два куска какой нибудь матеріи, обвязываемые около тальи. Матерялъ для одежды: сукно, холстъ и другія ткани у бѣлорусcовъ всегда употребляется домашняго приготовленія и грубой выдѣлки. Только въ отношеніи головнаго убора какъ мужчины, такъ и женщины нѣсколько прихотливы. Мужчины носятъ суконныя или даже кожаныя фуражки съ козырькомъ, другіе поярковыя высокія шляпы безъ полей или съ полями, отвороченными кверху, третьи круглую суконную, войлочную или баранью шапку даже и лѣтомъ. Головные уборы женщинъ бываютъ также различны, особенно относительно цвѣта и украшенія. Они формой напоминаютъ и великорусскіе *кокошники*, и малороссійскіе *очипки*. Собственно бѣлорусскимъ женщинамъ принадлежитъ употребляющійся въ Полѣсьѣ уборъ, называемый *головой* и напоминающій формой киверъ уланъ, который обвивается сверху весьма затѣйливо *сарпанкой*, т. е. тонкимъ гладкимъ кускомъ полотна.

Но не одною наружностью, рѣчью и одеждою, какъ мы выше ска-

зали, отличается бѣлоруссъ отъ родственныхъ ему великоруссовъ и малороссовъ; разница между ними и послѣдними прошла дальше и въ бытъ, и въ характеръ, и въ нравы, и обычаи.

Взять хотя, напримѣръ, хозяйственный бытъ и обстановку бѣлоруссовъ. Есть на Руси не мало мѣстъ холодныхъ и голодныхъ, но мало найдется обширныхъ краевъ такихъ скорбныхъ и бѣдныхъ какова Бѣлоруссія. «Кепско коло Витебска, говорятъ сами бѣлоруссы, у города Орши—горше, у Минску—по свинску». Здѣсь рѣдко, даже невозможно, встрѣтить такую зажиточность, какой достигаютъ великорусскіе крестьяне въ среднихъ промышленныхъ губерніяхъ или земледѣльческихъ черноземныхъ.

Очень бѣдно, но еще лучше другихъ, живутъ могилевцы; населеніе же Витебской и большей части Минской поражаетъ особымъ, какъ бы повальнымъ убожествомъ своей обстановки. Тѣсныя, курныя, низкія, какъ бы вросшія въ землю, хаты, крытыя иногда соломой, иногда болотнымъ камышемъ, иногда дранью безъ гвоздей, съ окнами кой-какъ заставленными кусочками стекла или затянутыми бычачьимъ пузыремъ, имѣютъ уже снаружи такой сирый, убогій видъ, что вчужѣ становится жалко тѣхъ, которые должны жить въ этихъ лачугахъ, скорѣе похожихъ на жилище первобытныхъ людей, чѣмъ русскаго крещенаго человѣка. Не лучше и внутри хаты: грязь отъ сыраго землянаго пола, нечистота отъ неопрятности, зловоніе, скудный скарбъ, полуголые ребята, взрослые обвѣшанные колтунами — все это производитъ тяжелое впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, если онъ съ непривычки заглянетъ въ бѣлорусскую хату.

Бѣдно и хозяйственное обзаведеніе бѣлоруссовъ: скота мало, такъ что иной бѣднякъ и въ плугъ запрягаетъ парою корову да лошадь; да и тотъ скотъ, что держится, такъ выродился отъ дурнаго ухода, что только одна слава что скотъ; такъ онъ малорослъ, захудалъ и малосиленъ. Упряжь на немъ всегда мочальная, съ примѣсью лыка, экипажъ для ѣзды—лѣтомъ колеса, т. е. что-то въ родѣ телѣги съ колесами безъ шинъ и съ четырьмя лозовыми дужками, а зимой полозки.

Плугъ, деревянная борона, коса, серпъ, да цѣпъ на прибавку—вотъ и все хозяйственное обзаведеніе бѣлорусскаго крестьянина.

Не лучше и кормится бѣлоруссъ: молоко, творогъ осенью и зимой, картофель, капуста, бураки, бобы, горохъ, а лѣтомъ щавель, ботвинья и т. п. при черномъ хлѣбѣ, дурно выпеченномъ изъ непросѣянной муки, смолотой изъ плохо отвѣяннаго зерна на домашнихъ ручныхъ жерновахъ—вотъ обыкновенная пища и то въ хорошій годъ и при томъ у зажиточнаго, сравнительно, крестьянина. Только рыболовы да охотники прибавляютъ къ этому отъ трудовъ своихъ рыбы и мяса; но и это они часто должны ѣсть безъ хлѣба и соли.

А между тѣмъ условія природы бѣлорусскаго края не такъ еще дурны, чтобы уже вовсе нельзя было жить и среди ея въ довольствѣ: надо только умѣючи воспользоваться тѣмъ, чѣмъ можетъ служить она человѣку на пользу. Правда, почва бѣлорусскаго края, кромѣ большинства полѣсскихъ острововъ, малоплодородна, но при хорошей обработкѣ, тучномъ удобреніи, мѣстами осушеніи отъ излишней влаги посредствомъ проведенія канавъ, она могла бы даже съ избыткомъ вознаградить трудъ земледѣльца. Садоводство могло бы быть ведено здѣсь успѣшно и послужило бы большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Скотъ держать здѣсь также удобно, ибо обиліе луговъ и травъ доставитъ скоту самую обильную пищу зимой и самую привольную жизнь лѣтомъ. Обиліе же чернаго, а мѣстами и дубоваго лѣса и, слѣдовательно, желудей, благопріятствуетъ разведенію свиней. Обширныя водныя пространства, наполненныя множествомъ питательныхъ веществъ, дозволяютъ держать цѣлыя стада домашнихъ птицъ—гусей и утокъ; обиліе-же лиственныхъ лѣсовъ и травъ представляетъ большія удобства къ занятію пчеловодствомъ. Тотъ же лѣсъ, наконецъ, можетъ служить матеріаломъ для разныхъ подѣлокъ, а изъ дичи и рыбы, при умѣньѣ изготовить ее и продать,

можно, кромѣ подспорья въ пищѣ, также получить немалыя денежныя выгоды.

Нельзя сказать, чтобы всѣмъ этимъ и не пользовался бѣлоруссъ: онъ и землю усердно пашетъ, и хоть съ грѣхомъ пополамъ, подмѣшивая мякины, а годами и разныя травы, кормится своимъ хлѣбомъ и даже ухитряется еще продать на сторону, да вдобавокъ сѣетъ ленъ и коноплю. И скотъ онъ держитъ, и птицу водитъ, и дичь стрѣляетъ, и рыбу ловитъ, и пчелъ разводитъ, да только все это такъ, лишь бы на себя хватило, промысломъ не ведется, а если и случается у бѣлоруса избытокъ хозяйства, то самъ онъ отъ него мало пользуется, а все идетъ въ пользу его лихоѣя — еврея.

Не на богатыхъ земляхъ сидятъ и великоруссы сѣверныхъ и среднихъ губерній, но живутъ далеко исправнѣе: не питаетъ кормилица земля,—великоруссъ хватится за ремесло, а то и ходитъ на дальнюю сторону, чтобы зашибить лишнюю копѣйку. Не то бѣлоруссъ: онъ только и знаетъ промысловъ, что суда да плоты гонять по рѣкамъ, да еще землю копать; на послѣднюю работу онъ особенно горазднъ, потому, должно быть, что грязи и сырости онъ не боится, къ нимъ ему не привыкать стать. Рѣдко, мѣстами, гонитъ иной смолу и деготь, тнетъ полозья и дуги, дѣлаетъ кадки и другія деревянныя подѣлки. Но всѣ эти промыслы водутся въ небольшихъ размѣрахъ: здѣсь нельзя встрѣтить, какъ въ великой Россіи, что одна деревня или цѣлая волость изготовляетъ ложки, другая дѣлаетъ чашки, третья ткетъ рогожи или мастеритъ мебель, куетъ гвозди и т. д. и все это въ сотняхъ тысячъ штукъ, на десятки тысячъ рублей, и цѣлыми обозами и караванами отправляетъ свои издѣлія иногда за тысячи верстъ, да вдобавокъ и матеріалъ для нихъ достаетъ изъ далека. Бѣлоруссъ о такихъ порядкахъ и понятія не имѣетъ: вялъ и безпеченъ сталъ, притерпѣлся къ нуждѣ и о лучшей долѣ мало помышляетъ... «Такъ бацьки наши жили, да и намъ такъ жить заказали“ говоритъ онъ, А то и на Божью волю сошлется: „Его святая воля, скажетъ, не мы одни.“

Недостатокъ предпріимчивости обнаруживается и въ томъ, что бѣлорусскіе крестьяне рѣдко отправляются на заработки по одиночкѣ. На отхожія промысла отправляются артели, составляемыя не самими крестьянами, а подрядчиками.

Не радостна жизнь бѣлоруса въ настоящее время и не такъ-бы могъ онъ жить среди своей, хота и не совсѣмъ пріятной, но щедро надѣленной различными дарами, природы. Нельзя, впрочемъ, и винить въ этомъ самого бѣлоруса; отъ природы онъ смышленъ и не боится труда, могъ-бы онъ и промыслы разводить и жить далеко исправнѣе, не хуже другихъ, да сломили его лихія невзгоды —панская неволя, да еврейская корысть.

Всякому извѣстно, что были прежде и въ Великой и Малой Руси и помѣщики дурные, и крѣпостные крестьяне бѣдны, но всего хуже было въ Бѣлоруссіи. Мы говорили уже, что Бѣлоруссія была подчинена Польшѣ, и въ Польшѣ сѣздавна велось дѣло такъ, что большая часть населенныхъ земель была раздѣлена между панами, т. е. дворянами, а жившіе на тѣхъ земляхъ крестьяне находились въ полной отъ нихъ зависимости. При томъ польскіе дворяне, даже не въ примѣръ другимъ, страшно обременяли ихъ различными поборами. Кромѣ оброка за землю, не было промысла, за который брался бѣдный крестьянинъ, не было такой статьи въ хозяйствѣ, которыхъ бы не обложилъ панъ оброкомъ въ свою пользу. Со всего имущества: съ коровъ, лошадей, свиней и т. д. бралась *десятина*, т. е. десятая, а часто и пятая часть; съ пчелъ бралась *восковая пошлина*, а съ рабочихъ воловъ—*роговая*; за право ловить рыбу платили *ставщину*, а за помолъ муки *сухомельщину*. Даже рожденіе дѣтей и заключеніе брака было обложено податью. Крестьянинъ, у котораго родился ребенокъ, платилъ особую пошлину, называемую *дудекъ*; а за пра-

во обвѣнчать сына или дочь онъ платилъ *поемщизну*. Вдобавокъ ко всему, онъ долженъ былъ работать на панскихъ работахъ до кроваваго пота. Еще хуже было, когда паны отдавали свои помѣстья въ аренду евреямъ: тутъ крестьяне должны были платить не только панское, а дабавлять и жадному до денегъ арендатору-жиду.

Не многимъ улучшилось положеніе бѣлорусскихъ крестьянъ и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Русскому государству, такъ какъ власть пановъ надъ своими крѣпостными хлопами осталась по прежнему, и только въ настоящее царствованіе окончательно уничтожена. Хотя русское правительство и старалось защитить крестьянъ отъ произвола пановъ и съ этою цѣлію было издано даже особое *инвентарное* положеніе, въ которомъ опредѣлялось, сколько могъ требовать панъ отъ крестьянина и что самъ для него обязанъ былъ дѣлать, но положеніе это къ дѣлу мало примѣнялось и не облегчала тяжелую судьбу бѣлорусскаго населенія. Для бѣлорусскихъ крестьянъ, можно сказать, не существовало никакой защиты; имъ на мысль не приходило приносить кому слѣдуетъ жалобы, а о существованіи помянутаго положенія они даже и не подозрѣвали. «Воля Божья и паньска» говорили они, терпѣливо перенося всѣ гнетущія ихъ невзгоды, по прежному изнурялись на панской работѣ, по прежнему отдавали почти всѣ плоды трудовъ своихъ пану, который вносилъ только за нихъ казенный оброкъ. Вотъ какъ описываетъ бѣлорусскій народъ это тяжелое время въ одной изъ своихъ пѣсень:

Цеперь же намъ, пане браце, Содома, Содома!
Бо нема въ насъ снопа жита ни въ поли, ни дома,
Было въ мене трохи жита зелена, зелена,
Да пожали вражьи ляхи безъ мене, безъ мене!
. . . . . .
Пославъ на насъ Богъ правдзивый цяжкую работу,
Увесь тыдзень на панщизнѣ, шарварокъ въ субботу.
А въ недзѣлю пораненько во всѣ звоны звоняць,
Асоулы зъ козаками на панщизну гоняць;
Старыхъ людзей молоцици, жонокъ, дзѣвокъ пряцци
Малыхъ дзѣтокъ до цюцюну у папуши класци.!

Это значитъ: „теперъ намъ, сударь братъ мой, также худо, какъ было худо жителямъ города Содома (который провалился, какъ разсказывается въ священномъ писаніи, сквозь землю), потому что нѣтъ у насъ снопа хлѣба ни въ полѣ, ни дома. Было у меня малость зеленаго хлѣба, да пожали вражьи т. е. злые поляки безъ меня. Послалъ на насъ праведный Богъ тяжелую работу: всю недѣлю на барщинѣ, господская же работа и въ субботу; а въ воскресенье, когда къ заутрени звонятъ, эсаулы съ казаками на барщину гонятъ: старыхъ людей молотить, женщинъ и дѣвокъ прясть, а малыхъ ребятъ—вязать въ пучки табакъ.“

Понятно будетъ послѣ этого, что некогда тутъ было бѣлоруссу и промыслы разводить, и заботиться о порядкѣ въ своемъ хозяйствѣ когда отъ одной господской работы да жизни вѣчно впроголодь у него надрывались силы, опускались руки.

Долгія и тяжкія страданія, пріучивши бѣлорусса къ терпѣнію и какой-то простодушной безпечности, вдобавокъ пріучили его искать утѣшенія въ своей недолѣ въ винѣ. Бѣдняку прежде не для чего было стараться пріобрѣсти побольше, такъ какъ все равно:—рано или поздно, его избытки переходили къ пану. Поэтому, если заводились у него деньги, или случался избытокъ въ хозяйствѣ, онъ предпочиталъ пропить его въ корчмѣ. Хотя теперь настали и другія времена, но бѣлоруссу трудно скоро отстать отъ вкоренившейся глубоко привычки, тѣмъ болѣе, что отъ природы онъ любитъ повеселиться, развернуться, какъ говорится, «душа на распашку». Не далъ Богъ бѣлоруссу никакой роскоши избыточной; не далъ плода безъ труда, да за то щедро надѣлилъ его душу весельемъ. Хлебнетъ онъ зелена

вина, да загудитъ *дуда*, грянетъ лихая пѣсня, и бѣлоруссъ забываетъ все:

Хадзи ты, хадзи я.
Хадзи печка, хадзи усе!

И пойдетъ у него такое веселье, словно онъ такъ и родился для однѣхъ пѣсенъ да плясокъ, и нужды никакой не знаетъ. Вотъ почему онъ и называется: «голый да вострый.»

Впрочемъ, не мало поддерживаютъ эту слабость бѣлорусскаго народа евреи, разсѣянные по всѣмъ угламъ Бѣлоруссіи. Евреи земли не пашутъ, ремесломъ заниматься тоже не любятъ, да за то торговать большіе охотники и мастера на это первой руки. Подобравши полы своихъ халатовъ, съ сдвинутой на затылокъ шапкой, изъ подъ которой торчитъ кончикъ ермолки и развѣваются длинные пейсы — пряди волосъ на вискахъ, носятся они во всякую погоду по мѣстечкамъ и деревнямъ, отыскивая гдѣ пахнетъ „ганделемъ“ т. е. торгомъ, будь онъ самый грошевый. Но какая тутъ торговля среди такого бѣднаго народа: на табакѣ, да на соли, да на «цилядкахъ», да на торговыхъ оборотахъ въ родѣ перекупки мѣрки муки или десятка яицъ, наживешь не много, а между тѣмъ и жена, и многочисленное потомство просятъ пить — ѣсть. Вотъ они и торгуютъ водкой, благо есть такой ходкій товаръ. Послѣ уборки хлѣба, да и въ прочее время, особенно предъ праздникомъ, цѣлые десятки возовъ, нагруженныхъ боченками и бутылками съ водкой и различными настойками, съ неизмѣннымъ евреемъ на облучкѣ, разъѣзжаются изъ городовъ и мѣстечекъ. При помощи этой водки, часто съ примѣсью одурѣющихъ веществъ, разсказовъ разныхъ новостей, до которыхъ падки бѣлоруссы, какъ и всѣ жители глухихъ мѣстностей, мнимой угодливости, а подъ часъ и подарка какой нибудь бездѣлушки: пачки табаку и т. п., ловкій еврей такъ одуряетъ довѣрчивыхъ бѣлоруссовъ, что тутъ же за полцѣны покупаетъ у нихъ разныя произведенія домашняго хозяйства: хлѣбъ, холстъ, нитки, кожи, яйца, воскъ, домашнюю птицу и т. п., обмѣривая, обвѣшивая и обсчитывая простодушныхъ продавцевъ, и чрезъ нѣсколько дней путешествія возвращается домой съ возомъ, нагруженнымъ всякимъ добромъ, снова запасается водкой и опять отправляется на добычу.

Если и уцѣлѣетъ что отъ такого нашествія, то пропивается въ корчмѣ. Здѣсь бѣлоруссъ снова встрѣчается съ евреемъ содержателемъ корчмы, который ничѣмъ не брезгуетъ, принимаетъ все, чтобы ни принесъ ему крестьянинъ и взамѣнъ угощаетъ водкой. Жидовская корчма въ Бѣлоруссіи — мѣсто общаго собранія людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, мѣсто отдыха послѣ работъ, сборища для совѣта, суда и праздничныхъ развлеченій; въ ней рѣшаются споры, заключаются условія, мировыя сдѣлки; въ ней же, въ праздничные дни, собираются парни и дѣвицами и танцуютъ подъ скрипку, а чаще подъ свой народный инструментъ — *дуду*, въ родѣ волынки.

Но не однимъ виномъ донимаютъ евреи бѣдный бѣлорусскій народъ. Они захватили въ свои руки все, что мало-мальски приноситъ выгоду; всюду, куда ни поверинсь, вездѣ встрѣтишь еврея. Уже не говоря о томъ, что ни купить, ни продать ничего нельзя безъ еврея, всѣ промыслы въ ихъ рукахъ: бѣжитъ-ли барка по рѣкѣ евреи — хозяинъ или прикащикъ, бѣлоруссы работники; плыветъ ли плотъ — тоже самое; на рыбномъ промыслѣ, на почтовой станціи, на перевозѣ — вездѣ и вездѣ еврей хозяинъ и распорядитель, бѣлоруссы работники, обсчитываемые имъ и обманываемые. Да и не перечесть всѣхъ способовъ, какіе можетъ изобрѣсть изворотливый еврейскій умъ, чтобы выжать лишнюю копейку. То, пользуясь честностью бѣлоруссса, навяжетъ онъ ему, часто насильно, въ долгъ какую-нибудь сумму денегъ и потомъ вытянетъ отъ него въ десять разъ больше подъ предлогомъ уплаты процентовъ, всячески стараясь оттянуть уплату самаго долга; то, пользуясь простотою крестьянина, убѣдитъ его продать ему осенью корову или лошадь,

для того чтобы по веснѣ перепродать ее ему въ три дорога и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, благодаря вину и своему простодушію и, кстати сказать, невѣжеству, бѣлорусъ живетъ вѣчнымъ данникомъ еврея и самъ того не замѣчая.

Но не въ одной бѣдности, безпечности и страсти къ вину оставили послѣ себя слѣды тяжкія невзгоды, которыя переносилъ въ былыя годы бѣлорусскій народъ. Они испортили его нравъ, забили, принизили его. Привышки въ теченіе долгаго времени терпѣть гнетъ со всѣхъ сторонъ, изгибаться, колѣнопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только предъ паномъ помѣщикомъ, но и подпанкомъ —экономомъ (управляющимъ) и паномъ арендаремъ (евреемъ, арендующимъ корчму), бѣлоруссъ и до сихъ поръ остается лукавымъ, двоедушнымъ, недовѣрчивымъ, скрытнымъ со всякимъ, кто сколько нибудь похожъ на пана, будетъ-ли то чиновникъ, писарь или совсѣмъ посторонній человѣкъ. Раболѣпство же его и униженіе предъ всѣми, кто выше его, подъ часъ преступаютъ всякую мѣру.

Но такова крѣпость русской души, что и эти долгія невыносимыя бѣдствія и тяжелая жизнь до сихъ поръ не убили въ конецъ въ бѣлоруссахъ многихъ хорошихъ качествъ. Подобно своимъ предкамъ — кривичамъ и дреговичамъ,—бѣлоруссы весьма гостепріимны, добры, незлобивы, цѣломудренны. Они всегда готовы подѣлиться съ неимущимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба и рѣдко когда скажутъ просящему: «Богъ подастъ», какъ это дѣлается за частую въ другихъ мѣстахъ. Рѣдко они наносятъ обиду, еще рѣже помнятъ ее. Всякому, кто ласково, дружелюбно обратится къ нимъ съ просьбою объ услугѣ, если окажется возможность исполнить ее, они не откажутъ. Въ то же время они сами никогда не забываютъ оказаннаго благодѣянія и стараются, по мѣрѣ силъ, отблагодарить благодѣтеля.

Разбои, святотатства, грабежи, воровство, столь распространенные въ другихъ мѣстностяхъ, очень рѣдки между бѣлорусскимъ населеніемъ. Въ рабочее время въ бѣлорусскихъ деревняхъ не запираютъ ни дворы, ни клѣти, хотя деревни остаются въ это время совершенно безлюдными. Въ полѣ оставляются телѣги, земледѣльческія орудія; лошади и всякій скотъ бродитъ безъ всякаго караула въ самыхъ отдаленныхъ отъ усадебъ мѣстахъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ бѣлоруссы очень набожны, твердо держатся православной вѣры и стараются строго соблюдать, предписываемые ея уставами, обряды. Въ дни важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, а особенно въ храмовые праздники, рѣдкій поселянинъ бѣлорусскій явится въ свой, всегда бѣдный и украшеніемъ, и утварью, храмъ Божій безъ посильнаго приношенія. Одинъ несетъ воскъ, другой ленъ, третій кусокъ холста и т. д. Люди пожилые, особенно женщины, говѣютъ по нѣсколько разъ въ годъ. Не только взрослые, даже дѣти, знаютъ употребительныя молитвы. Въ бѣдѣ-ли, въ болѣзни ли, бѣлоруссъ прежде всего обращается къ священнику, конечно если онъ хорошъ и заслужилъ уваженіе; всякое хозяйственное дѣло начинается съ его благословленія.

Но такая набожность не мѣшаетъ, однако, держаться среди бѣлоруссовъ многимъ обычаямъ, вовсе несовмѣстнымъ съ ученіемъ христіанскимъ. Такъ напримѣръ, рыболовы окуриваютъ свои сѣти, сожигая кусочки сгнившаго гроба и одежды утопленика, будучи убѣждены, что въ такія сѣти лучше пойдетъ рыба; покойнику кладутъ въ гробъ штофъ водки, трубку (ее курятъ въ Бѣлоруссіи даже женщины и дѣти) и другіе, любимые имъ при жизни предметы и т. под. Кромѣ того, дикость окружающей бѣлорусса природы, мракъ и таинственность лѣсовъ, длина и ширина ея болотъ, разнообразный говоръ двуногихъ и четвероногихъ животныхъ, населяющихъ ея лѣса и воды, даетъ неразумной его мечтательности и суевѣрію богатую пищу, пугаетъ его воображеніе призраками небывалыхъ лѣшихъ, русалокъ и т. п. Не умѣя объяснить себѣ окружающихъ его тайнъ изъ законовъ природы, бѣлоруссъ слышитъ въ крикѣ совы то вой лѣшаго, то хохотъ русалки, то плачь *упыря*, сосущаго

кровь спящаго человѣка. Пронесется-ли вихрь — это, по мнѣнію бѣлоруссa, нечистая сила; пробѣжитъ-ли волкъ — это *вовкуланъ* т. е. оборотень и т. д.

Бѣлорусскій крестьянинъ суевѣренъ болѣе великорусса. Хотя послѣдній тоже вѣритъ всему, но не придаетъ своимъ вѣрованіямъ большаго значенія, между тѣмъ какъ бѣлорусскій крестьянинъ безусловно подчиняется всему.

Въ праздникъ бѣлорусскій крестьянинъ никому не даетъ огня.

Пятница пользуется у бѣлоруссовъ большимъ уваженіемъ, и работать въ этотъ день считается за большой грѣхъ. Есть у нихъ преданіе, что одна дѣвушка, по приказанію своей госпожи, работала въ этотъ день. Тогда къ ней пришла пятница и въ наказаніе приказала спрясть сорокъ мичекъ и занять сорокъ веретенъ. Дѣвушка испугалась и, не зная что дѣлать, обратилась за совѣтомъ къ старухѣ. Старуха посовѣтовала ей напрясть на каждое веретено по ниткѣ, и когда пятница пришла за работою, то сказала дѣвушкѣ: «догадалась». Въ этотъ день крестьяне на своихъ поляхъ не пашутъ, не боронятъ.

Бѣлоруссы соблюдаютъ новолуніе, полнолуніе и ущербъ мѣсяца; во время ущерба они не начинаютъ посѣва.

Лихорадка и горячка суть особыя существа, разгуливающія по свѣту. Выбранную жертву они, во время сна, называютъ по имени, и бѣда, если кто, проснувшись, откликнется на этотъ зовъ: — онъ непремѣнно заболѣетъ.

По бѣлорусскому сказанію сотвореніе міра представляется въ видѣ драматической борьбы добраго верховнаго существа съ злымъ. Сущность этого повѣрья состоитъ въ томъ, что доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое, но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало Доброе существо хотѣло сдѣлать одинъ только черноземъ, но злое примѣшало къ чернозему глину и песокъ. Доброе существо хотѣло сдѣлать землю ровною, но злое, гдѣ только могло, изборозднло ее оврагами и набросало горы. Понятіе о сотвореніи перваго человѣка и первобытномъ блаженномъ его состояніи и о грѣхопаденіи составляютъ смѣсь священной исторіи съ вымысломъ. Замѣчательно то, что, по мнѣнію бѣлоруссовъ, первый человѣкъ былъ созданъ съ твердою кожею, на подобіе скорлупы, которой онъ лишился вслѣдствіе ухищренія злого существа.

При устройствѣ новаго жилья, огонь приносится непремѣнно съ стараго очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища этого сдѣлать нельзя, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ или что нибудь другое. При свадьбахъ, когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны въѣхать въ домъ черезъ огонь, который разводится передъ воротами.

Конечно, такія суевѣрія и предразсудки зависятъ не отъ чего иного, какъ отъ чрезвычайнаго невѣжества, въ которомъ до послѣдняго времени живутъ бѣлоруссы. Запертые окружающими ихъ болотами и лѣсами, часто лишенные по полугоду и болѣе возможности сообщенія даже съ окрестными мѣстами, бѣлоруссы живутъ уединенно, мало видятъ людей, мало могутъ узнать и научиться. Многіе изъ нихъ, особенно женщины, ростутъ, старѣются и умираютъ, не побывавъ дальше сосѣдняго мѣстечка на ярмарку, или погоста для службы церковной. Даже въ своемъ краѣ они стараются какъ можно больше разбрестись врозь. Поселки бѣлорусскіе малы, особенно же въ Витебской губерніи: домовъ пять, восемь, рѣдко десять и еще рѣже двадцать. Такихъ многолюдныхъ селъ, что насчитываютъ сотни, даже тысячи жителей, какія встрѣчаются въ Великой Россіи, въ Бѣлоруссіи нѣтъ.

Такая привычка брести врозь, унаслѣдованная можетъ быть бѣлоруссами отъ ихъ предковъ — кривичей и дреговичей, а можетъ быть и укрѣпившаяся отъ недостатка большихъ мѣстъ, удобныхъ для поселеній, разрушила среди бѣлоруссовъ мірскую, общинную связь: бѣлоруссъ не знаетъ общины-міра, землею владѣетъ не сообща, какъ вели-

коруссъ, а каждый своимъ участкомъ, въ чемъ онъ сходенъ съ малороссомъ; мало знакомъ онъ и съ артельнымъ дѣломъ. Семьей бѣлоруссъ, въ отличіе отъ великорусса и также сходно съ малороссомъ, не любитъ держаться большою; чуть выросъ парень, женился, онъ старается обзавестись своею, какою ни на есть, хатой и своимъ не мудрымъ хозяйствомъ. Впрочемъ, старшихъ онъ сильно почитаетъ и родни держится крѣпко.

Также крѣпко держится бѣлоруссъ стародавнихъ, прадѣдовскихъ обычаевъ, давно уже забытыхъ великоруссами и оставляемыхъ мало по малу малороссами. Многое, конечно, сохранилось и у великоруссовъ, но все не такъ какъ у бѣлоруссовъ. Игры-ли святочныя, семицкія и т. п., обряды ли свадебные—все у бѣлорусса выполняется радивѣе, веселье идетъ задушевнѣе. То, что для великорусса уже малопонятный остатокъ старины, пустой обрядъ, то для бѣлорусса еще полно смысла, близко его сердцу, онъ крѣпко дорожитъ имъ. Большая половина Великой Россіи, напримѣръ, давно уже позабыла древнерусскій весенній праздникъ Ивана Купала (въ ночь на 23 іюня) и знаетъ о немъ только, и то по наслышкѣ больше, что будто цвѣтетъ тогда папоротникъ, и кто достанетъ цвѣтъ его, тому легко даются клады. Не то въ Бѣлоруссіи: тамъ это повсемѣстный и самый веселый праздникъ.

На обширной полянѣ, поросшей травой и папортникомъ, расположенной гдѣ нибудь въ лѣсу на берегу ручья или озера, раскладываются пылающіе костры. Около этихъ костровъ располагается кучка мужчинъ или женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ цвѣточными и зелеными вѣнками на головахъ. Но вотъ потухла вечерняя заря, поднялась одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, вся убранная полевыми цвѣтами, подошла къ берегу, бросила въ воду цвѣточный вѣнокъ и звонкимъ, грустнымъ голосомъ запѣла купальную пѣсню:

Ахъ, купало, щобъ ты знау,
Якъ мнѣ цяжко жицъ!
Ты, бачь, добрый, тыбъ сказау
Грицю маму, Грицю.

Бачь, кругомъ вода и лѣсъ,
Бачь, купало милый!
Маю хатку вѣцеръ знесъ
Мене пакинуу милый и т. д.

Но вотъ вспыхнули на небѣ звѣзды, близится время полуночи—время купальскихъ игръ. У костровъ зашевелились, грянула лихая пѣсня: «Ахъ, Купалочко Купався», закружились пары и пошло веселье, а потомъ прыганье черезъ огонь въ честь того-же Купалы—бога плодородія древнихъ славянъ. Смѣхъ, пѣсни и веселье не покидаютъ празднующихъ Купалѣ во всю ночь до восхода солнца.

Замѣчателенъ также праздникъ свѣта, или, по бѣлорусскому выраженію «свѣча». Хозяинъ, устраивающій этотъ праздникъ, жертвуетъ въ пользу церкви извѣстное количество воска, изъ котораго дѣлается свѣча, сзываетъ родныхъ и знакомыхъ, которые также приносятъ съ собою воскъ и прилѣпляютъ его къ свѣчѣ хозяина. Когда свѣчей дойдетъ до пуда и болѣе, то призывается священникъ, который благословляетъ свѣчу и тогда она отправляется въ церковь. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, и чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ продолжительнѣе и хмѣльнѣе бываетъ праздникъ.

Особенно многими, всегда неуклонно соблюдаемыми, обрядами сопровождается заключеніе брака. Бракъ у бѣлоруссовъ, какъ впрочемъ и у простонародья Великороссіи, большею частію устраивается родителями жениха и невѣсты, а на то, по душѣ ли приходятся другъ другу они—мало обращаютъ вниманія. «Якъ бацька захоцетъ», говорятъ обыкновенно женихъ и невѣста. Женятся вообще рано; едва «дзѣцюкъ» (мальчикъ, юноша, парень) начнетъ подростать, какъ лѣтъ съ 12—15 уже родители начинаютъ подъискивать ему невѣсту. Лишь только выйдутъ годы, т. е. достигнетъ парень брачнаго возраста — засылаютъ сватовъ. Сватъ, пріѣхавши къ родите-

лямъ невѣсты и видя, что сватовство идетъ на ладъ, говоритъ: «я присланъ какъ бы у стоу застланъ» и застилаетъ столъ скатертью, на которую ставитъ заранѣе приготовленную водку. Начинается подчиванье, при чемъ въ особенности пристаютъ къ невѣстѣ, которая въ знакъ согласія должна немного отпить. Въ это время поютъ и пѣсни:

Ѣхали сваты мимо гай (лѣсъ) зелены.
Мимо гай зелены, мимо садъ вишневы.
Садъ поломали, сокола согнали
У красной панночки прауды пытали:
Красна панночка, чи будешь наша?..... и т. д.

Въ заключеніе мать невѣсты обвязываетъ бутылку, въ которой была водка, поясомъ: это служитъ знакомъ, что сватовство принято благосклонно. Но это первое сватовство имѣетъ, такъ сказать, домашній характеръ. Черезъ нѣсколько дней назначается торжественное объявленіе состоявшагося сговора, — это день *запоинъ* или *закручинъ*, на которыя уже приглашаются родные и пріятели. Въ этотъ день женихъ, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, непремѣнно долженъ застать ее на печкѣ и если навѣста, по просьбѣ *зарады* или *маршалка* (свата), слѣзетъ съ печи — это значитъ, что она принимаетъ предложеніе жениха—и дѣло можно считать поконченнымъ.

На послѣдней недѣлѣ передъ свадьбой женихъ и невѣста ходятъ каждый по своей деревнѣ, если они изъ разныхъ мѣстъ, имѣя при себѣ нѣсколько кусковъ хлѣба. Пришедши въ хату, они кладутъ на столъ кусокъ хлѣба и просятъ хозяина на свадьбу: «прошу Бога и васъ, будьце ласковы, придзице на веселе до насъ». На это имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «Дзякуй (благодарю) табѣ голубка (или голубокъ) за добрыя слова. Прыйдземъ на веселе». Вѣнчанье обыкновенно стараются устроить въ воскресенье, въ субботу же, наканунѣ, снова женихъ и невѣста ходятъ по хатамъ, кланяются въ поясъ старому и малому, прося благословенія. Имъ отвѣчаетъ: «пехай цебѣ Богъ благословицъ счасцемъ и долей.»

Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты собираются родные, и невѣста среди пѣсень обязана плакать. Передъ отъѣздомъ всѣ садятся и послѣ извѣстной пѣсни и благословенія родителей женихъ отправляется за невѣстою имѣетъ съ поѣзжанами. Когда поѣздъ жениха приближается къ деревнѣ невѣсты, дружка жениха, который долженъ быть краснобаемъ, отправляется въ избу и проситъ у невѣстина отца обогрѣться и переночевать. «Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ гости». Такъ дѣлается до трехъ разъ, при чемъ въ послѣдній разъ дружка истощаетъ все свое краснорѣчіе, разсказываетъ о своемъ путешествіи съ товаромъ по разнымъ городамъ, далекимъ странамъ, гдѣ онъ искалъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, но не нашелъ, убѣдительно проситъ сжалиться надъ нимъ и обѣщаетъ заплатить за ночлегъ. Наконецъ, его впускаютъ въ избу, а свашки начинаютъ пѣть подходящія пѣсни. Во все это время женихъ и его свашки стоятъ на дворѣ и поютъ пѣсни.

По окончаніи пѣсни, дружко выходитъ изъ избы, вводитъ жениха и поѣзжанъ въ избу, гдѣ невѣста сидитъ за накрытымъ столомъ подъ иконами, окруженная своими родными и гостями. Въ это время начинаютъ играть музыканты, а на столѣ между тѣмъ поставлено разное угощеніе. Дружко обращается къ сидящимъ за столомъ съ просьбою пустить жениха и гостей за столъ и подноситъ имъ водку. Выпившіе выходятъ, а не пившіе входятъ въ избу. Только когда будетъ поднесено всѣмъ гостямъ, женихъ и его гости допускаются къ столу. Затѣмъ обѣими сторонами дѣлаются взаимные подарки, а потомъ принимаются за пиръ. Вставъ изъ за стола, всѣ выходятъ на дворъ, гдѣ *сводятъ* жениха и невѣсту, причемъ послѣдняя старается, какъ бы нечаянно, наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ власть. Послѣ этого женихъ и невѣста берутся за руки и всѣ съ пѣснями возвращаются въ избу.

Въ день вѣнчанія братъ или кто нибудь изъ родныхъ расплетаетъ невѣстѣ косу, держа въ рукѣ ножъ и показывая намѣреніе от-

рѣзать ее. Дружка жениха вступается за невѣсту и сначала расплетающему грозитъ палкою, потомъ переходитъ къ просьбамъ и успѣваетъ наконецъ умилостивить его деньгами. Передъ отправленіемъ къ вѣнцу каждый долженъ что нибудь подарить невѣстѣ.

Присѣвъ на нѣсколько минутъ, всѣ встаютъ, молятся; отецъ и мать благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью и затѣмъ ѣдутъ въ церковь, причемъ поѣздъ жениха слѣдуетъ впереди невѣстина.

По пріѣздѣ молодыхъ отъ вѣнца, отецъ и мать молодой встрѣчаютъ ихъ хлѣбомъ, при чемъ мать одѣваетъ на выворотъ кожухъ и шапку. Женихъ даритъ свекрови денегъ, и за деньги же покупаетъ у брата невѣсты мѣсто за столомъ. При этомъ поется пѣсня:

Убралася цеща въ овчину,
Хацѣла зятя злекаци (испугать),
Не хацѣла дочки отдаци.
Ой, братъ не братъ—татаринъ
Продалъ сестроньку за талеръ,
А русу косыньку за шостакъ (3 к. с.),
Бѣло личко отдау такъ.
Зажги, матко, свѣчку,
Выйдзи къ намъ на стрѣчку.
Прими двопхъ дзѣтокъ,
Двопхъ однолѣтокъ.... и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ пиръ.

Во время крестинъ или *хрезбинъ* непремѣнно варятъ кашу. Въ день крестинъ, во время обѣда, дѣти подходятъ къ дому родильницы съ пѣтухомъ—если новорожденный мальчикъ, и съ курицею—если дѣвочка, и царапаютъ подъ окномъ до тѣхъ поръ, пока получатъ кашу и кусокъ пирога. Если новорожденный—дѣвочка, то по окончаніи обѣда кума бѣжитъ изъ избы и берется или за ведро, или за коромысла, или за какой либо предметъ, составляющій принадлежность женской работы. Если же мальчикъ, то изъ избы, въ свою очередь, бѣжитъ кумъ и хватается за топоръ или какой нибудь другой предметъ мужской работы. Новорожденному, прежде чѣмъ дать груди, мажутъ губы—мальчику бурачнымъ сокомъ, а дѣвочки—морковнымъ.

Было бы слишкомъ долго описывать всѣ какъ свадебные, такъ и другіе обряды бѣлоруссовъ, какъ то святочные, пасхальные семицкіе и т. п., въ которыхъ, впрочемъ, бѣлоруссы сходны съ великоруссами, особенно же съ малороссами. Но нельзя не упомянуть о празднованіи памяти умершихъ. Этотъ праздникъ называется «дзяды» (предки) и совершается нѣсколько разъ въ годъ. Онъ заключается въ томъ, что въ извѣстные дни крестьяне торжественно вызываютъ тѣни своихъ отцовъ и прадѣдовъ, воображая, что они живутъ и присутствуютъ нераздѣльно съ ними. Особенно торжественно празднуются «дзяды» осенью, въ субботу на третьей недѣлю послѣ Покрова Богородицы, такъ называемые «димитровки». Всякій хозяинъ старается къ этому дню прибрать почище свой дворъ, а хозяйки хату и приготовить обильную пищу. Чистота и хорошія явства, по повѣрью бѣлоруссовъ, приманиваютъ души усопшихъ и доставляютъ пріятность и радость. Кто позажиточнѣе—старается собрать къ себѣ родныхъ и знакомыхъ. Лишь только настанетъ вечеръ, старшій глава семейства зажигаетъ восковую свѣчу, прикрѣпляетъ ее въ углу покутя и начинаетъ молитву. По совершеніи ея, свѣча тушится и всѣ разсаживаются около стола съ кушаньями, среди которыхъ поставлены пиво и вино. Тотъ, кто читалъ молитву, при всеобщемъ благоговѣніи, говоритъ слѣдующія слова:

Святы дзяды завіомъ васъ,
Хадзице до насъ!
Іосць тутъ усіо, што Богъ дау,
Што я для васъ ахвпровау (приготовилъ),
Чимъ только хата
Богата!
Святы дзяды! просимъ васъ,
Хадзице ляпице до насъ.

Затѣмъ наливаетъ рюмку водки такъ, чтобы изъ нея пролилось нѣсколько капель на столъ (это для дѣдовъ) и выпиваетъ; всѣ старшіе и взрослые пьютъ также, проливая немного. Ѣсть не начинаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ каждаго кушанья не отольютъ по ложкѣ и не отложатъ по кусочку въ особый сосудъ, который потомъ ставятъ на окошко или даже за окошкомъ, если есть удобное для этого мѣсто. Приготовивъ такимъ образомъ для дѣдовъ, начинаютъ ѣсть, пить, но бесѣда ведется серьезно, веселье не допускается. По окончаніи ужина встаютъ изъ за стола и прощаются съ своими незримыми гостями:

Святые дзяды! вы сюда прыляцѣли,
Полицѣли.
Лиците жъ цяперь до сябѣ,
Скажите, чаго ящо вамъ треба
А лѣпій (лучше) ляците до неба.

Подобное же празднество совершается на Ѳоминой недѣлѣ (послѣ Пасхи) въ такъ называемую *радаунiцу*. Оно отличается тѣмъ только, что печальное торжество совершается на кладбищѣ и съ большею чувствительностью. Родственники собираются послѣ полудня, окружаютъ могилу почетнѣйшаго изъ умершихъ, покрываютъ ее бѣлою скатертью, уставляютъ кушаньями, пивомъ и виномъ и садятся. Наливъ немного вина на могилу, старшій изъ присутствующихъ восклицаетъ:

Святые радзицели,
Што одъ насъ палицѣли,
Хадзяце къ намъ,
Будзимъ ясци, што Богъ дау.....

Послѣ угощенья, болѣе близкіе родственники начинаютъ «галашенья», въ которыхъ оплакиваютъ умершихъ, другіе катаютъ яица, бесѣдуютъ, снова угощаются и такъ часто до поздней ночи. Уходя, оставляютъ на могилахъ кушанья и напитки въ увѣренности, что умершіе будутъ ѣсть ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти и многіе подобные имъ обычаи бѣлоруссовъ есть не что иное, какъ остатки древняго, еще дохристіанскаго быта.

Самые же похороны совершаются тѣмъ же порядкомъ, какъ и у великоруссовъ. При этомъ замѣчаютъ трупъ покойника. Если онъ мягокъ и всѣ суставы его свободно двигаются, то изъ семейства умершаго надо ожидать въ скоромъ времени другаго покойника. Того же самого слѣдуетъ ожидать, если человѣкъ умираетъ съ открытыми глазами. Родные покойника, въ теченіе девяти дней по его смерти, кладутъ на окошкахъ хлѣбъ, соль и воду, полагая, что душа въ это время еще находится на землѣ и каждую ночь прилетаетъ ѣсть и пить.

Въ дни кончины родителей и родственниковъ совершаются поминки, при чемъ кромѣ кутьи, лепешокъ и блиновъ, пекутъ, варятъ и жарятъ все, что любилъ покойникъ. Когда кушанья готовы, то прежде всего кладутъ на столъ, покрытый чистою скатертью, хлѣбъ и на него лепешку, которую, по убѣжденію крестьянъ, покойникъ будетъ ѣсть. Затѣмъ ставятъ остальныя кушанья, зажигаютъ предъ иконами восковыя свѣчи и лампаду, курятъ ладаномъ, а старшій въ семействѣ читаетъ молитву и совершаетъ поминовеніе. Послѣ этого садятся за обѣдъ. Достаточные крестьяне для поминовенія приглашаютъ нищихъ, которые, стоя на улицѣ, поютъ слѣдующее:

Кто свой родъ поминаецъ,
Тотъ счастливъ у Бога бываецъ.
Отецкія молитвы со дна моря вынимаюцъ,
Отъ пекельныхъ *) мукъ избавляюцъ.
Подарите насъ царскимъ имячкомъ,
Или своимъ рукодѣльнымъ полоценецкомъ

*) Адскихъ.

ПОЛЯКИ.

МАЛОРОССЫ.

Лазарь Борисов

По окончаніи этой пѣсни, къ нищимъ выходитъ хозяинъ дома, называетъ имена умершихъ, которымъ нищіе, угощенные по возможности, поютъ вѣчную память.

Такимъ образомъ хозяйственный бытъ, характеръ, вѣрованія, обычаи бѣлорусссзъ почти тѣ же самые, каковы были бытъ, характеръ, вѣрованія и обычаи древнихъ славянъ въ первое время основанія русскаго государства. Вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ бѣлоруссы образовали отдѣльный народъ, а между тѣмъ и въ веденіи домашняго хозяйства, и въ устройствѣ жилищъ и въ одеждѣ, и въ языкѣ все у нихъ обстоитъ такъ, какъ обстояло во времена стародавнія. Великоруссы построили города, развели промыслы, завели фабрики и заводы, или разбрелись по далекимъ краямъ, отыскивая лучшей доли, а бѣлоруссы сидятъ на насиженныхъ мѣстахъ, пашутъ скудную землю, какъ пахали ее ихъ предки за десять вѣковъ назадъ, или ловятъ птицъ, звѣря и рыбу, изрѣдка отлучаясь изъ дому на сплавъ, да на земляныя работы и мало помышляютъ, что много на свѣтѣ людей, что живутъ лучше ихъ и что не худо бы и имъ получше устроиться дома.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что за послѣдніе годы въ жизнь бѣлоруссовъ, хотя и слишкомъ еще мало, начинаютъ проникать новые порядки. Освобожденіе отъ власти панской, надѣленіе крестьянъ землею послужили основой улучшенія хозяйственнаго быта бѣлоруссовъ. Теперь у крестьянина есть время и за своимъ хозяйствомъ блюсти, и промыслы разводить. Дѣйствительно, начинаютъ изрѣдка появляться по мѣстамъ хотя и курныя, но все таки новыя избы, лишняя корова и лошадь въ хозяйствѣ, даже въ торжественныхъ случаяхъ сапоги на ногахъ, вмѣсто измызганныхъ лаптей. Четыре желѣзнодорожныя линіи пересѣкли глухой бѣлорусскій край. Начинаютъ въ Бѣлоруссію заглядывать великоруссы и другіе заѣзжіе люди, и сами бѣлоруссы мало по малу почаще привыкаютъ выглядывать изъ своихъ болотъ и лѣсовъ. Заводятся по селамъ школы скоро можетъ быть введется тамъ и земство и предпринимаются правительствомъ мѣры къ осушенію бѣлорусскихъ болотъ. Можно надѣяться, что мало по малу хозяйственный бытъ бѣлоруссовъ улучшится: теперь они еще мало заботятся объ его улучшеніи потому, что и то, что теперь у нихъ есть, уже кажется имъ богатствомъ сравнительно съ прежнимъ. Съ развитіемъ образованія, приглядѣвшись къ жизни и промысламъ въ другихъ мѣстахъ, съумѣютъ со временемъ бѣлоруссы лучше пользоваться дарами своей природы, возьмутъ въ свои руки хозяйское дѣло своего края и выйдутъ изъ кабалы своихъ притѣснителей—евреевъ. Просвѣтятся тогда и тѣ темныя стороны, которыя замѣтны въ ихъ характерѣ и бытѣ, каковы: раболѣпство, безпечность, страсть къ вину, суевѣрія и т. п., и сдѣлаются бѣлоруссы во всемъ равными членами общерусской великой семьи.

IV. ПОЛЯКИ.

Характеръ, одежда, жилища.

Поляки существенно отличаются наружностью отъ великоруссовъ. Они не такъ высоки ростомъ, голова у нихъ меньше, руки и ноги изящнѣе и лицо круглѣе. У поляковъ низшихъ классовъ, обыкновенно, глаза голубые или сѣрые, не особенно выразительные, и русые волосы. У женщинъ, живущихъ въ южныхъ мѣстностяхъ Польши, глаза большіе голубые, привздернутый носъ, полное лицо и маленькіе ноги.

Краковяки—отрасль польскаго народа, населяющая южные предѣлы Радомской губерніи—самое красивое изъ польскихъ племенъ. У нихъ темные волосы и свѣжія, бѣлыя лица.

Польское дворянство рѣзко отличается отъ массы народа. У дворянъ, большею частью, выразительная физіономія, волосы и глаза темные и часто орлиный носъ. У женщинъ высшихъ классовъ красивыя и интересныя лица. Онѣ высоки ростомъ, стройны, волосы у нихъ очень темные, цвѣтъ лица нѣжный; вся ихъ наружность и осанка дышетъ благородною гордостью.

Характеристическія черты поляковъ: горячая, страстная любовь къ отечеству, къ родимому пепелищу, къ своему народу и фанатическая преданность католической церкви. Они одарены живымъ, блестящимъ умомъ и способностями къ наукамъ и искусствамъ. Духъ воинственности свойственъ всѣмъ полякамъ. Они всегда и вездѣ отличаются, какъ превосходные солдаты, особенно въ кавалеріи.

Полякъ съ дѣтства охотится по полямъ верхомъ на лошади, безъ сѣдла и такимъ же образомъ сопровождаетъ стада на пастбища. Даже на торгъ на рынкѣ, бывающій разъ въ недѣлю, мужчины охотнѣе ѣдутъ верхомъ, чѣмъ въ телѣжкахъ.

Поляки вообще народъ веселый, общежительный и гостепріимный; чувство приличія развито даже въ самомъ бѣдномъ крестьянинѣ. Польскіе крестьяне любятъ трудъ и сознательно относятся къ выполненію своихъ обязанностей, но они не чувствуютъ потребности къ чистотѣ и порядку и любятъ выпить.

Темпераментъ поляковъ отличается страстностью, подвижностью и живостью.

Полякъ такого гибкаго характера, что никогда не унываетъ. Тщеславіе играетъ важную роль въ его жизни. За мимолетныя удовольствія, доставляемыя удовлетвореніемъ этого чувства, онъ нерѣдко жертвуетъ своимъ состояніемъ. Упрекаютъ также поляковъ въ легкомыслiи, въ недостаткѣ практичности въ житейскихъ дѣлахъ и въ склонности къ неправильной жизни.

Поляки образованныхъ классовъ и аристократы отличаются ловкостью пріемовъ и изящнымъ, любезнымъ обращеніемъ, отчего общество ихъ очень пріятно.

Мелкіе, обѣднѣвшіе дворяне (шляхта) рѣдко выдѣляются изъ общей массы народа. Шляхтичъ часто также необразованъ, какъ и крестьянинъ, также бѣденъ и грубъ, но гордъ и мужественъ. Глубокое, національное чувство, одушевляющее его еще сильнѣе чѣмъ офранцузившуюся аристократію, дѣлаетъ его представителемъ настоящаго польскаго типа. Это замѣтно даже въ его наружности и осанкѣ, выражающей какое-то достоинство, что-то воинственное

и аристократическое, даже тогда, когда онъ идетъ босой за плугомъ обработывая свою землю или участокъ, который арендуетъ съ названьемъ фермера.

Братство съ высшимъ дворянствомъ,—по оружію и по воинственнымъ предпріятіямъ—позже, право подавать голосъ въ пользу избранія короля, вѣроятно, также отчасти происхожденіе (сарматское), не одинаковое съ происхожденіемъ простаго селянина, запечатлѣли наружность, осанку и чувства шляхтича тѣми особыми чертами, которыми онъ разнится отъ массы простолюдиновъ. Кавалерійскіе полки, которые, во время войнъ Наполеона, оказали ему такія важныя услуги и пріобрѣли такое почетное право на его благодарность, состояли большею частью изъ мелкой шляхты, всегда отличавшейся въ первыхъ рядахъ. Благодаря чрезмѣрно развитому самолюбію, шляхтичи не могутъ еще забыть вполнѣ прежнихъ правъ своихъ и прежняго положенія.

Шляхтянки любятъ выказываться и заражены претензіями; онѣ требуютъ уваженія и почета, что какъ-то не вяжется съ ихъ матерьяльнымъ положеніемъ и необразованостью.

Страсть къ музыкѣ и въ особенности къ танцамъ свойственна всѣмъ полякамъ. Въ каждой деревнѣ или мѣстечкѣ, трудовой народъ собирается подъ вечеръ въ шинкѣ или въ корчмѣ, и здѣсь, подъ звуки скрипки, пляшутъ національные танцы. Полякъ пляшетъ ото всей души съ такимъ увлеченіемъ, которое ясно доказываетъ, что пляска для него истинное наслажденіе, заставляющее его забывать всѣ невзгоды.

Въ каждомъ панскомъ и даже шляхетскомъ домѣ непремѣнно есть гитара. Дѣвицы разыгрываютъ на ней сантиментальные, а молодые шляхтичи страстные романсы, съ тою восторженностью и аффектаціею выраженія, которыя часто встрѣчаются въ полякахъ. Паненки весело танцуютъ подъ аккомпаниментъ скрипки или фортепьяно, которое называютъ *пантелеонъ*, кадрили, вальсы и мазурку. Шляхтянское общество представляетъ особый кругъ, въ которомъ бѣдность рѣзко противорѣчитъ съ барскими замашками. Въ кругу этомъ сохранились слѣды высшихъ интересовъ и отпечатокъ нѣкогда блестящаго образа жизни.

Коренное польское населеніе, *мазуры*, или *мазовшане*, славятся веселымъ характеромъ; они любятъ погулять и покутить, и отличаются чертами, свойственными всѣмъ полякамъ: откровенностью и храбростью и беззаботностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно настойчивы и мстительны. Вообще, въ характерѣ ихъ есть какое-то удальство, проглядывающее даже въ ихъ національномъ танцѣ—мазуркѣ. Въ польскихъ поговоркахъ мѣтко выражается характеръ мазуровъ: *«Конь турекъ* (турецкій), *хлопъ мазурекъ*, *шинка майнерка, сабля венгерка»*, говорятъ поляки, подразумѣвая подъ этимъ лучшіе изъ названныхъ предметовъ. *Мазуръ* выставляется здѣсь какъ лихой малый и отличный наѣздникъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко говорятъ *«упрямый мазуръ*, *слѣпой мазуръ»*, намекая въ этомъ случаѣ на упрямство и настойчивость мазуровъ. Мазуры очень набожны, но между ними сильно развиты суевѣрія и предразсудки, оставшіеся отъ языческихъ временъ и поддерживаемые полнымъ невѣжествомъ и необразованностью. Они не особенно трудолюбивы, но и потребности ихъ очень ограниченны. Страсть къ пиву и водкѣ распространены между ними.

Кракусы, или краковяки, народъ веселый, здоровый и трезвый. Въ страшную непогоду, слякоть, вѣтеръ и морозъ, краковякъ, легко одѣтый, идетъ такъ спокойно, что невольно удивляешься на него. Распѣвая, пашетъ онъ землю и, распѣвая, сражается за нее. Пѣсни ихъ отличаются характерическимъ напѣвомъ, похожимъ на мотивъ краковяка.

Нерѣдко танцоры импровизируютъ во время танца веселые куплеты,—цѣль которыхъ разсмѣшить общество.

Въ несчастіи, краковякъ никогда не теряетъ присутствія духа

и съумѣетъ вывернуться изъ бѣды. Вообще, это народъ смышленый, способный и трудолюбивый. Конечно, этому много способствуетъ то, что населенная ими мѣстность Польши отличается плодородіемъ, хорошимъ климатомъ и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Краковяки охотно поддаются просвѣщенію, и между ними меньше предразсудковъ и суевѣрій, чѣмъ между остальными поляками. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они мстительны. Они любятъ, какъ и всѣ поляки, чтобы съ ними обращались ласково и вѣжливо; на грубость же всегда готовы отвѣчать грубостью.

Говорятъ они громко и медленно.

Ближайшіе родичи краковяковъ, *сандомѣржцы* (сандомірцы), отличаются отъ краковяковъ многими рѣзкими чертами. Они рослѣе и сильнѣе краковяковъ. Характеръ ихъ серьезный, даже отчасти мрачный. Слово свое держатъ твердо, отчего произошла польская поговорка: «Надѣйся на него, какъ на сандомѣржца». Вообще же, сандомѣржцы, по быту своему, напоминаютъ малороссовъ.

Курпики, или, какъ ихъ многіе называютъ, просто поляки, въ прежнія времена славились необыкновеннымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ и воинственностью, что обусловилось бытомъ этого народа, жившаго въ обширныхъ и непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ. Въ настоящее время они значительно утратили свою воинственность, но и до сихъ поръ дремучій лѣсъ, хорошее ружье и охотничья сумка составляютъ драгоцѣннѣйшіе предметы для каждаго курпика. Бытъ ихъ бѣденъ, въ чемъ много виновата страсть ихъ къ водкѣ. Названіе ихъ происходитъ отъ слова *курпе*—лапти. Они вообще похожи на литовцевъ, такъ какъ представляютъ смѣсь мазуровъ съ остатками ятвяговъ, родственныхъ литовскому племени.

Подляхи—племя, происходящее, какъ полагаютъ, отъ смѣси бѣлоруссовъ съ поляками—смуглы, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, медленны, неповоротливы, съ угрюмымъ выраженіемъ лица. Музыка и пѣсни ихъ отличаются заунывнымъ характеромъ.

Высшее дворянство одѣвается въ Польшѣ совершенно по европейски. Оно сохранило отъ стариннаго національнаго костюма только короткіе казакины, вышитые шнурками, которые еще видны иногда. Шляхтичи носятъ или такіе казакины, или длинный сюртукъ, расшитый по краямъ шнурками, — шапку изъ сѣрыхъ барашковъ, цилиндрической формы съ украшеніями сзади изъ узкой тесьмы, или также сѣрую баранью шапку пониже, дно которой состоитъ изъ четыреугольнаго куска матеріи, и широкіе панталоны, запущенные въ сапоги. На сюртукѣ находятся сзади два кармана, расшитые шнурками или опушенные мѣхомъ; цвѣтной галстухъ, отложные бѣлые воротнички отъ рубашки дополняютъ костюмъ. Все шляхетство брѣетъ бороду и бакенбарды, и отпускаетъ усы.

Польскія дамы очень любятъ въ своемъ нарядѣ что нибудь оригинальное, бросающееся въ глаза. Иногда, въ деревняхъ онѣ любятъ одѣваться по мужски. Шляхтянки одѣваются просто, но по модѣ; если онѣ не принадлежатъ къ числу домашней прислуги, что часто случается въ большихъ селеніяхъ, то ихъ тотчасъ же можно отличить по одеждѣ отъ крестьянокъ.

Крестьяне одѣваются различно, смотря по мѣстностямъ, но вообще костюмъ ихъ похожъ на шляхетскій. Разница только въ томъ, что ткани, употребляемыя крестьянами, грубѣе, мѣшковатѣе. Всѣ поляки носятъ бѣлую, холщевую рубашку, съ прорѣшкою на груди и отложнымъ воротничкомъ, связаннымъ спереди узкою, цвѣтною ленточкою. Сапоги они носятъ такіе же, какъ и дворяне, но лѣтомъ обыкновенно ходятъ босые. Панталоны у нихъ широкіе, запущенные въ сапоги. Верхняя одежда различнаго покроя и цвѣта, смотря по мѣстностямъ. Крестьяне, какъ и шляхтичи, брѣютъ бороду, но отпускаютъ усы.

Костюмъ крестьянокъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубашки съ длинными рукавами, застегнутыми у кисти, и широкой юбки съ малочисленными складками, чаще всего полосатой; сверхъ юбки повязы-

ваютъ передникъ; кромѣ того носятъ онѣ курточку, зашнурованную напереди, и родъ короткаго кафтана. Ноги обуваютъ въ чулки и башмаки. Замужнія женщины носятъ чепецъ, вокругъ котораго повязываютъ платокъ; въ нѣтоторыхъ мѣстностяхъ голову повязываютъ платкомъ, одинъ конецъ котораго спускается на затылокъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя ниспадаютъ по плечамъ; концы косъ украшены лентами. Зимою, мужчины и женщины носятъ овчинные полушубки.

Мазуры, или *мазовшане* (Плоцкой губерніи), носятъ кафтанъ, называемый сукманою, черный, сѣрый или бѣлый, обшитый по швамъ разноцвѣтною тесьмою. Они подпоясываются ремнемъ или краснымъ шерстянымъ поясомъ; лѣтомъ носятъ обыкновенно низкую шляпу съ широкими полями, часто украшенную павлиньимъ перомъ. Въ праздники ходятъ въ сапогахъ, а въ будни на босую ногу.

Близъ Калиша очень употребительны короткіе кафтаны безъ рукавовъ, перехваченные краснымъ поясомъ. Сверхъ нихъ надѣваютъ длинный, широкій плащъ.

Праздничный костюмъ краковяковъ чрезвычайно своеобразенъ. Они носятъ темную или красную шапку, четыреугольной формы, называемую конфедераткою; зимою шапка эта опушена барашкомъ, лѣтомъ же—убирается лентами и перьями. Сверхъ бѣлой рубашки, завязанной у ворота ленточками, надѣваютъ сукману, преимущественно синюю, коричневаго или бѣлаго цвѣта, со стоячимъ воротникомъ и откиднымъ *краганомъ*, въ видѣ пелеринки, ниспадающей до половины спины. Сукмана и краганъ обшиваются по краямъ шнурками—красными, желтыми и другихъ цвѣтовъ. Подпоясываются краковяки ремнями, украшенными мѣдными гвоздиками и колечками разнообразной формы; часто ими украшается и самая сукмана. Сапоги подбиваютъ желѣзными подковками, съ помощью которыхъ очень ловко взбираться на горы.

Женщины носятъ спенсеры, сшитые очень граціозно съ выемками на бокахъ, такъ что они превосходно обрисовываютъ станъ. Изъ подъ спенсера видна рубашка, завязанная лентами; воротничекъ, наплечники и рукава рубашки вышиваютъ красною бумагою; юбки довольно коротки, немного ниже колѣнъ. Женщины повязываютъ голову платками или же одѣваютъ чепчики и сѣтки. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ косы, украшенныя лентами, а въ праздникъ надѣваютъ повязки въ родѣ малороссійскихъ. Обувь состоитъ изъ полусапожекъ, съ высокими каблучками, обитыми жестью.

Сандомѣржцы носятъ сукманы безъ перелинокъ и безъ бляхъ и высокія бараньи шапки. У женщинъ рубашки другаго покроя.

Курпики носятъ бѣлыя рубашки, бѣлые жилеты и полотняные или суконные панталоны въ обтяжку, небольшія круглыя шляпы, коричневые кафтаны и лапти.

Подляхи носятъ низенькія шапки съ околышемъ изъ барашка, темнокоричневую сукману, подпоясанную шерстянымъ поясомъ, и холщевые панталоны, заправленные въ высокіе сапоги, съ огромными каблуками, подбитыми подковами. Въ будни носятъ лапти изъ липовой коры, а иногда изъ кожи, поверхъ онучъ, перевязанныхъ бичевками.

Женщины также носятъ лапти, сукману и короткую шерстяную юбку. На голову надѣваютъ особаго рода чепецъ, обвитый *платомъ*, т. е. кускомъ бѣлаго полотна, концы котораго спускаются на плечи, ниже пояса.

Польскіе простолюдины, живущіе въ губерніяхъ Могилевской, Витебской и Минской, частью въ Гродненской и Виленской, носятъ рубаху съ прорѣшкой на груди, застегнутую у ворота на пуговицу, и литовское полукафтанье, называемое *литевкою*, съ прямымъ воротникомъ и цвѣтными отворотами. Такъ какъ поляки, живущіе въ этихъ губерніяхъ, держатъ только бѣлыхъ барановъ и овецъ, то грубое сукно для этихъ *литевокъ* ткется всегда изъ бѣлой или свѣтло-сѣрой шерсти. Покрой *литевки*, какъ и бараньей шубы, очень

некрасивъ. Поверхъ какъ той, такъ и другой, надѣваютъ широкій, кожаный поясъ, застегивающійся пряжкою изъ луженаго желѣза.

Женщины носятъ чепчикъ, сверхъ котораго также повязываютъ платокъ съ концами, вышитыми красною бумагою. Верхняя одежда, родъ кофты, обыкновенно яркаго цвѣта. Въ праздничные дни, сверхъ нея, надѣваютъ еще корсажъ безъ рукавовъ, а сверхъ корсажа еще родъ холстиннаго платка, концы котораго также вышиты красною бумагою. Молодыя дѣвушки не носятъ чепца; онѣ заплетаютъ волосы въ косы, ниспадающія по плечамъ.

Въ Польшѣ и въ западныхъ русскихъ губерніяхъ относительно больше городовъ, чѣмъ собственно въ Россіи, но города эти не обширны и немноголюдны. Они не представляютъ уже, какъ прежде, пунктовъ централизаціи и имѣютъ значеніе только въ торговомъ отношеніи. Собственно городовъ въ Польшѣ 115; если же прибавить къ нимъ значительныя мѣстечки, пользующіяся такими же правами какъ и города, то число это увеличится до 453, изъ которыхъ 228 принадлежатъ отдѣльнымъ владѣльцамъ. Польскіе города и большая часть мѣстечекъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ поляковъ и на-половину изъ евреевъ, нисколько не похожи на русскіе. Дома въ нихъ, большею частью, примыкаютъ одинъ къ другому. Они каменные или изъ бревенъ и кирпича, крыши черепичныя. Внутри они, вообще, тѣсны. Въ каждомъ городѣ есть церковь, больше въ готическомъ стилѣ, монастырь (klachtor) и четырехсторонняя площадь, на которой помѣщается ратуша. Четвертая часть населенія живетъ въ городахъ; пропорція эта совершенно противуположна пропорціи распредѣленія жителей въ Европейской Россіи и доказываетъ совершенно иную степень цивилизаціи и иное соціальное положеніе. Изъ 22,613 польскихъ деревень 17,837 принадлежатъ частнымъ лицамъ; онѣ вообще меньше русскихъ деревень; нѣкоторыя даже очень невелики. Обыкновенно, онѣ примыкаютъ къ господскому двору или образуютъ группы домовъ (фольварки), стоящія отдѣльно отъ главнаго помѣстья; фольваркомъ завѣдуетъ управляющій, собирающій отдѣльно доходы съ него. Деревенскіе дома большею частью малы и плохой постройки, но очень хорошо крыты гонтомъ, чаще же соломою. Стѣны ихъ изъ тонкихъ бревенъ или просто глиняныя. Полы также изъ битой глины часто даже въ шляхтянскихъ домахъ. Окна очень малы, и внутренность жилища не радуетъ взгляда видомъ комфорта и чистоты.

Впрочемъ, краковяки живутъ въ хорошихъ, чистыхъ домахъ большею частью деревянныхъ, также въ плетневыхъ мазанкахъ, выбѣленныхъ снаружи и внутри и крытыхъ соломою. При домикахъ есть палисадники съ цвѣтниками и фруктовые сады, напоминающіе бытъ украинскихъ крестьянъ. Вообще отпечатокъ болѣе обезпеченной жизни проглядываетъ какъ въ обстановкѣ, такъ и во всемъ существѣ краковяка.

Праздники, суевѣрія, предразсудки и обычаи.

24-го декабря, въ канунъ Рождества, поляки ѣдятъ только разъ въ день, и то вечеромъ, когда взойдетъ звѣзда. Хозяйки дѣлаютъ большія приготовленія къ этому вечернему, постному пиру; на немъ обязаны быть всѣ домашніе, родные и друзья, которые не справляютъ праздника у себя. Гдѣ семейство многочисленно и взрослыя дѣти живутъ отдѣльно,—тамъ все семейство собирается къ главѣ. Тогда зажигаютъ огонь; хозяйка, взявъ *оплатекъ* (хлѣбъ, употребляющійся при причастіи), преломляетъ его съ каждымъ поочередно, наблюдая, чтобы не обойти никого изъ присутствующихъ; она выражаетъ этимъ, что готова весь годъ дѣлиться хлѣбомъ съ людьми, близкими ея сердцу. Примѣру ея слѣдуетъ все собраніе: каждый изъ гостей и домашнихъ беретъ у другаго и самъ даетъ ему часть *оплатка*, чѣмъ даютъ взаимное увѣреніе, что весь годъ готовы по-

могать другъ другу. *Оплатковъ* хозяйка не покупаетъ, но получаетъ ихъ въ подарокъ отъ церковнаго сторожа или отъ монаховъ, ѣздящихъ за сборомъ пожертвованій. Послѣ преломленія хлѣба, всѣ желаютъ другъ другу долгой и счастливой жизни. Столъ устилаютъ сѣномъ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ яслѣхъ съ сѣномъ, а въ каждомъ углу избы стоятъ снопы жита. За столъ садится непремѣнно четное число. Ужинъ состоитъ, разумѣется у богатыхъ, изъ девяти блюдъ (преимущественно рыбныхъ). Во время ужина, молодежь вытаскиваетъ изъ сноповъ колосья и по ихъ длинѣ и запаху гадаетъ о будущемъ; бросаютъ также горохъ въ стѣну, приговаривая: «волкъ, волкъ, иди въ горохъ, а не придешь, то не ходи до этого дня въ будущемъ году!» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ ужина, къ одной изъ потолочныхъ балокъ прикрѣпляютъ верхушку сосны или ели, которую убираютъ яблоками, орѣхами и пряниками; это называется *садъ*. Садъ этотъ виситъ до вечера втораго дня праздника, когда его предаютъ на разграбленіе какъ своимъ дѣтямъ, такъ и чужимъ, приходящимъ колядовать. Сѣно, которымъ былъ покрытъ столъ и которое лежитъ на немъ до новаго года, даютъ скотинѣ, и изъ сноповъ жита, стоящихъ по угламъ избы, дѣлаютъ маленькія копны, которыя ставятъ на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, чтобы онъ хорошо родился. Въ солому, которая была постлана подъ столомъ, завертываютъ плодовыя деревья, чтобы они были плодовитѣе и не мерзли. При этомъ, хозяинъ, подходя къ деревьямъ, дающимъ плохіе плоды, замахивается на нихъ топоромъ, какъ будто хочетъ рубить ихъ; а жена и прочіе члены семейства упрашиваютъ пощадить ихъ, ручаясь за ихъ плодородіе въ будущемъ году; этимъ обрядомъ думаютъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать деревья плодородными. Наканунѣ Рождества происходятъ также гаданья. Дѣвушки передъ ужиномъ, а иногда и послѣ него, выходятъ во дворъ и слушаютъ—съ которой стороны раздается собачій лай: съ той стороны долженъ прибыть ихъ суженый. Смотрятъ также на небо, и если оно звѣздно, значитъ—куры будутъ хорошо нестись; если же покрыто тучами, то коровы будутъ давать много молока. Есть повѣрье, что какъ посчастливится въ канунъ Рождества, такъ будетъ счастливиться и цѣлый годъ; поэтому въ этотъ день пробуютъ счастья, стараясь, напр., что нибудь ловко украсть. Гаданья продолжаются и на святкахъ. Дѣлаютъ изо льна двѣ фигуры и разомъ зажигаютъ ихъ: если оба пламени сходятся — это означаетъ свадьбу; льютъ воскъ, олово, бросаютъ кольца въ воду, слушаютъ подъ окнами и т. п.

Въ первый день Рождества начинаются колядки—по польски, коленды, а также хожденіе съ *яселками*, т. е. небольшими кукольными шатрами, на которыхъ разыгрывается исторія Рождества Христова, а также разныя комическія сцены, напр., какъ дьяволъ уноситъ царя Ирода въ адъ и т. п. Колядки состоятъ въ различныхъ пѣсняхъ полурелигіознаго содержанія, которыя поютъ подъ окнами какъ дѣти, такъ и взрослые парни, получая за это что нибудь изъ съѣстнаго. На второй день празднуется память первомученика Стефана; этотъ день называется по польски *свенты Щепанъ*. Въ этотъ день святятъ овесъ, потому что *свенты Щепанъ* считается покровителемъ коней. Священникъ, проходя посрединѣ церкви, кропитъ людей и овесъ св. водою, а народъ, въ воспоминаніе побіенія камнями св. Стефана, бросаетъ въ священника овсомъ. Заключеніемъ рождественскихъ праздниковъ является день *Трехъ царей* (6-го января). Въ воспоминаніе даровъ, принесенныхъ царями волхвами новорожденному Спасителю, хозяинъ дома несетъ въ церковь для освященія золото, мирру и янтарь; богатые приносятъ, какъ золото, польскіе или венгерскіе дукаты, съ изображеніемъ Богородицы; бѣдные покупаютъ сусальное золото, которое, вмѣстѣ съ миррою и янтаремъ, продается обыкновенно у входа въ церковь. Къ этимъ дарамъ присовокупляется еще кусокъ мѣлу, которымъ, по возвращеніи домой, на всѣхъ дверяхъ пишутъ годъ и начальныя буквы именъ трехъ царей (Д, М, В); эти буквы обыкновенно вставляются между цифръ года, напр.

1 Д 8 М 7 В 7. Освященные дукаты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отцы имѣютъ обычай давать дѣтямъ, начинающимъ жить своимъ домомъ, какъ основаніе ихъ будущаго богатства. Съ кануна «Трехъ царей», пробощъ (благочинный) объѣзжаетъ свою парафію (мѣстность, состоящую подъ его духовнымъ начальствомъ), испытываетъ познанія дѣтей въ катехизисѣ, даетъ совѣты, раздаетъ образки святыхъ тѣмъ, кто хорошо знаетъ катехизисъ. За это его благодарятъ, кто чѣмъ можетъ. Такъ какъ съ 7-го января начинаются свадьбы, то, по отъѣздѣ пробоща, дѣвушки въ запуски спѣшатъ сѣсть на то мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ въ избѣ во время своего посѣщенія, полагая, что которая изъ нихъ первая сядетъ на это мѣсто, та раньше другихъ выйдетъ замужъ.

Въ время этого объѣзда, пробощъ освящаетъ также новопостроенные дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — преимущественно въ Краковѣ и его окрестностяхъ, въ день «Трехъ царей» послѣ обѣда разносятъ куски тѣста; въ одномъ изъ такихъ кусковъ находится миндаль, и кому попадется этотъ именно кусокъ, того привѣтствуютъ, какъ «миндальнаго короля». Король выбираетъ себѣ даму и съ нею принимаетъ начальство надъ всѣмъ обществомъ, распоряжается танцами и всѣмъ пиромъ. Около дня «Трехъ царей» начинается хожденіе со звѣздою. Впереди идетъ музыка, за нею звѣзда, т. е. деревянный кругъ, въ который вставлена промасленная бумага съ нарисованною на ней звѣдою; позади круга, носимаго на палкѣ, прикрѣпляютъ фонарь для освѣщенія звѣзды; около звѣзды идутъ люди съ фонарями и поютъ колядки. Позади того, кто несетъ звѣзду, идетъ *торунь*, человѣкъ, наряженный звѣремъ съ прикрѣпленнымъ сзади конскимъ хвостомъ, а спереди съ деревяннымъ рыломъ, въ родѣ ослинаго или коровьяго; это рыло имѣетъ особый снарядъ для открыванія и закрыванія рта, что производится съ громкимъ стукомъ; торунь ходитъ на четверенькахъ. Онъ бросается неожиданно на тѣхъ, кто слишкомъ засмотрится на звѣзду, особенно нападаетъ на дѣвушекъ. Со звѣздой ходятъ по домамъ. Придя въ домъ, начинаютъ быстро вертѣть звѣзду и поютъ пѣсни, въ которыхъ описывается поклоненіе царей-волхвовъ; затѣмъ, торунь начинаетъ потѣшать присутствующихъ разными забавными выходками.

Послѣдняя недѣля передъ великимъ постомъ называется *запустами*; ее можно приравнять къ нашей масляницѣ; впрочемъ, такъ какъ у католиковъ постъ начинается со среды первой недѣли нашего поста, то *запусты* оказываются нѣсколько длиннѣе масляницы. *Запусты*—дни самаго неудержимаго веселья; всякій спѣшитъ какъ можно больше нагуляться передъ предстоящимъ постомъ. Въ деревняхъ въ эти дни то у того, то у другаго, устраиваются пирушки, а чаще всего собираются въ корчмѣ, гдѣ пьютъ, поютъ и пляшутъ до упаду. Еще больше веселья въ домахъ шляхетскихъ. Главный день веселья—послѣдній день *запустовъ*, вторникъ. Въ этотъ день рядятся во всевозможные костюмы: стариками, жидами, цыганами. По улицѣ деревни ходитъ *коза*. Парень, ее представляющій, одѣваетъ на себя вывороченный шерстью вверхъ тулупъ, прицѣпляетъ сзади конскій хвостъ, а къ головѣ—рога; на правый рогъ прицѣпляетъ колокольчикъ. Козу ведутъ четыре человѣка и ходятъ съ ней при звукахъ музыки изъ дома въ домъ. Войдя въ домъ, коза начинаетъ продѣлывать разныя штуки: катается по полу, пляшетъ, говоритъ человѣческимъ языкомъ, что ей ѣсть хочется и т. п. Въ другихъ мѣстностяхъ ходитъ *запустъ*. *Запустъ*, какъ и коза, одѣвается въ тулупъ шерстью вверхъ, подпоясывается веревкой, а на голову одѣваетъ высокую шапку, убранную лентами и цвѣтною бумагою; въ рукахъ онъ держитъ маленькій, деревянный топоръ съ колокольчикомъ. Съ *запустомъ* обыкновенно ходитъ другой человѣкъ, наряженный старикомъ, съ корзиною въ рукахъ, въ которую складываютъ получаемые подарки. Они обходятъ каждую избу въ деревнѣ, смѣша чудной одеждою и шутками старшихъ, пугая дѣтей. Нерѣдко съ *запустомъ* ходитъ цѣлая толпа парней, переряженныхъ

въ разные, удивительные наряды. При входѣ въ домъ *запустъ* говоритъ: «Я *запустъ*, герцогъ мантуанскій, иду изъ своей земли, гдѣ собаки хвостами лаютъ». Потомъ, подобнымъ же образомъ, большею частью въ стихахъ, представляетъ хозяину всѣхъ своихъ спутниковъ и затѣмъ, послѣ разныхъ шутокъ, говоритъ: «Дайте намъ, что можете дать, не заставляйте насъ долго ждать, потому что тамъ герцогиня ходитъ по полю, во всѣ стороны поглядываетъ: гдѣ, молъ, это герцогъ мантуанскій патается?» Послѣ этого приглашенія хозяева угощаютъ гостей пивомъ, медомъ, даютъ хлѣба, колбасы и т. п.

Въ среду, съ которой собственно начинается постъ, бабы берутъ возъ, украшаютъ его платками, плахтами и объѣзжаютъ всѣхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ въ этому году. Передъ возомъ танцуютъ или скачутъ двѣ бабы. Подъѣхавъ къ тому или другому дому, вызываютъ вновь вышедшую замужъ особою пѣснею, сажаютъ ее на возъ и везутъ къ корчмѣ, а передъ корчмою грозятъ ее опрокинуть вмѣстѣ съ возомъ, и требуютъ выкупа. Послѣ этой поѣздки, бабы собираются въ корчму и тамъ прыгаютъ, стараясь прыгнуть какъ можно выше, въ томъ убѣжденіи, что ленъ у нихъ выростетъ такъ высоко, какъ высоко онѣ прыгнутъ. Въ шляхетскихъ домахъ, въ послѣдній день запустовъ, устраиваютъ иной разъ такъ называемый *кулигъ*. Забава эта состоитъ въ томъ, что всѣ участвующія лица наряжаются по крестьянски и, подъ видомъ свадебнаго поѣзда, пріѣзжаютъ къ кому либо изъ сосѣдей; между ряжеными непремѣнно бываютъ староста и старостиха, органистъ и его жена, мельникъ и мельничиха, жидъ-арендаторъ, иногда одинъ, иногда съ женою, молодые, дружки и друхны, т. е. подруги невѣсты. Переодѣванье происходитъ къ вечеру, въ условленномъ мѣстѣ, по большей части, въ корчмѣ того имѣнія, къ владѣльцу котораго ѣдетъ кулигъ. Напередъ отправляютъ къ хозяину посланца, который долженъ вручить ему листъ бумаги, на которомъ въ стихахъ, съ разными шутками, заявляется о предстоящемъ прибытіи кулига. Затѣмъ, съ шумомъ и крикомъ пріѣзжаютъ и ряженые. Въ домѣ обыкновенно темно и глухо, потому что хозяинъ, удалившись въ глубину дома, умышленно приказалъ не зажигать еще огня. Наряженный старостою входитъ въ домъ и ищетъ хозяина. Хозяинъ, какъ бы случайно, услыхавъ чьи-то голоса, выходитъ къ старостѣ и спрашиваетъ у него, кто онъ и чего хочетъ. Староста отвѣчаетъ, что странствуетъ по свѣту съ веселой компаніей и что, услышавъ о старопольскомъ гостепріимствѣ здѣшняго дома, завернулъ въ эти страны и надѣется на благосклонный пріемъ. На эти слова хозяинъ отвѣчаетъ: «А, ну, коли такъ, дѣло другое, расположитесь же у меня свободно, какъ въ собственномъ домѣ». Иной разъ, впрочемъ, онъ напередъ торгуется со старостою и говоритъ, что не имѣетъ запасовъ, что не могъ бы пристойно принять ихъ и т. д. Староста успокоиваетъ его, что при добромъ желаніи все найдется и т. д. Наконецъ, вся толпа ряженыхъ вваливается въ покои, зажигаются по всему дому свѣчи, и начинается шумное веселье. Сначала говоритъ рѣчь староста, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, а главнымъ образомъ къ хозяевамъ, представляя имъ въ стихахъ по очереди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ свадебной комедіи. Затѣмъ, начинается комическая сцена между органистомъ и жидомъ-арендаторомъ, въ которой первый говоритъ рѣчь молодымъ, а жидъ мѣшаетъ ему разными замѣчаніями и остротами. Иногда случается, что во время этого представленія врывается въ домъ другой кулигъ, раньше пріѣхавшій и спрятанный гдѣ нибудь въ заднихъ комнатахъ. Тогда начинается — разумѣется, въ шутку — ссора между участниками того и другаго кулига; каждая сторона старается вытѣснить другую изъ дома. Главная роль въ этой ссорѣ достается на долю жидовъ, такъ какъ и въ той, и въ другой компаніи есть лицо, переряженное жидомъ: жиды бранятся между собою на жидовскомъ жаргонѣ, даже дерутся. Наконецъ, хозяинъ улаживаетъ ссору и начинается общее веселье: пѣсни, танцы

и пр. Послѣ полуночи, одинъ изъ присутствующихъ рядится наступающей постной *середой*, т. е. надѣваетъ на себя колпакъ изъ сахарной бумаги, береть въ одну руку палку съ привязанной къ ней селедочной головкою, въ другую—кнутъ, и начинаетъ разгонять веселящихся; его нѣсколько разъ выгоняютъ; наконецъ, *среда* одерживаетъ верхъ, и хозяинъ приглашаетъ гостей къ ужину, за которымъ подаются уже постныя блюда.

Передъ Пасхой, начиная съ великаго четверга или даже со среды, начинаются въ каждомъ домѣ приготовленія къ празднику. Хозяйки заготовляютъ *свенціоне*, т. е. пасхальный столъ. При гостепріимствѣ поляковъ, столъ этотъ отличается обиліемъ различныхъ яствъ, въ особенности бабъ, т. е. печеній, замѣняющихъ, какъ кажется, наши куличи. У богатыхъ польскихъ магнатовъ прежнихъ временъ *свенціоне* поражали баснословнымъ великолѣпіемъ и громадностью размѣровъ.

Самый убогій крестьянинъ, самый бѣдный шляхтичъ, копитъ деньгу къ празднику Пасхи, чтобы сдѣлать хотя маленькое *свенціоне* и разговѣться съ семьею, какъ требуетъ того польскій обычай.

Въ великій четвергъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ великую субботу, справляется обрядъ *уничтоженія жура. Журъ*—постный борщъ, приправленный овсяною мукою, служащій обычною пищею во время поста. Въ великій четвергъ, горшокъ, въ которомъ варился журъ, выносятъ на дворъ и разбиваютъ, бросая въ него камни, а черепки выбрасываютъ на дорогу. Иногда мальчишки устраиваютъ изъ этого обряда потѣху: черезъ улицу, отъ одной избы до противуположной, протягиваютъ веревку и къ ней привѣшиваютъ горшокъ съ журомъ, иногда же съ золою или сажею; если кто проходитъ подъ горшкомъ, горшокъ разбиваютъ палками и прохожій обливается журомъ или осыпается сажею; чтобъ избавиться отъ этой церемоніи, надо дать мальчишкамъ какую нибудь мелочь. Въ день Пасхи, послѣ церковной службы, святятъ всѣ пасхальные припасы; впрочемъ, освященіе припасовъ происходитъ и вечеромъ въ субботу. Разставляясь, наблюдаютъ, чтобы не падало на полъ крошекъ, а особенно — чтобы ихъ не съѣли куры, потому что тогда онѣ не будутъ нестись; косточки отъ освященнаго мяса зарываютъ въ полѣ въ томъ убѣжденіи, что эти косточки оханяютъ поле отъ кротовъ и мышей.

На второй день праздника начинается такъ называемый *дынгусъ*. Еще въ воскресенье вечеромъ, парни, захвативъ мѣдный шаръ или что нибудь подобное, отправляются къ корчмѣ. Одинъ изъ нихъ взлѣзаетъ на кровлю, и, ударя въ шаръ какъ въ бубенъ, провозглашаетъ имена дѣвушекъ, которымъ предстоитъ на завтра быть облитыми, что и приводится въ исполненіе въ понедѣльникъ: съ ранняго утра, парни ходятъ по деревнѣ съ ведрами и корытами и обливаютъ дѣвушекъ, которыя, разумѣется, прячутся и убѣгаютъ куда и какъ могутъ. Чтобы избавиться отъ этого обливанія, надо отлить парнямъ кварту водки; тогда, при провозглашеніи именъ съ кровли корчмы, объ этой дѣвушкѣ заявляютъ, что ее слѣдуетъ облить водкой. Провозглашеніе это производится, обыкновенно, съ разными прибаутками и не слишкомъ лестными отзывами о той или другой дѣвушкѣ; тѣмъ не менѣе дѣвушка, имя которой вовсе не будетъ упомянуто при этомъ, сочтетъ себя сильно оскорбленною. Во вторникъ роли мѣняются; теперь дѣвушки начинаютъ обливать парней которые стараются ускользнуть отъ нихъ или спрятаться. Вся эта потѣха сопровождается общимъ смѣхомъ и шутками, и на этомъ кончается *дынгусъ*.

На второй день праздника, мальчики ходятъ по деревнѣ съ *баранкомъ*, т. е. агнцемъ. Баранокъ этотъ деревянный и держитъ въ переднихъ лапкахъ пилу, которая, посредствомъ особаго снаряда, приводится въ движеніе, будто агнецъ пилитъ; фигура эта означаетъ Христа, а пила должна напоминать о томъ, какъ онъ,

живя у Іосифа, помогалъ ему въ работѣ. Мальчики, сопровождающіе агнца, звонятъ въ колокольчики и, входя въ каждую избу, поютъ особыя пѣсни, въ которыхъ отчасти описываются страданія Іисуса Христа, отчасти содержатся разныя шутки, а въ концѣ концовъ просятъ дать имъ яичекъ, колбаски и т. п., въ чемъ имъ, разумѣется, никогда не отказываютъ.

Наканунѣ дня Іоанна Крестителя, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., подъ Краковымъ, въ день такъ называемыхъ зеленыхъ святокъ, черезъ 10 дней послѣ Вознесенія, справляютъ въ Польшѣ особый народный праздникъ, называемый *собуткою*. По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей славянской старины, праздникъ этотъ языческаго происхожденія и принадлежатъ къ древнѣйшимъ обрядамъ, совершавшимся въ честь солнца не только у славянъ, но и у другихъ народовъ Европы и Азіи.

Въ ночь на 24-ое іюня, дѣвушки собираются на полѣ и разводятъ тамъ большой костеръ. Взявшись за руки, онѣ пляшутъ около этого костра и поютъ пѣсни, въ которыхъ выражается общее мнѣніе о той или другой дѣвушкѣ, а также и о томъ, котораго изъ парней предпочитаетъ она другимъ; нерѣдко, въ насмѣшку, поютъ, что такая-то дѣвушка непремѣнно выйдетъ замужъ за такого-то, нищаго или калѣку. Поются тутъ также пѣсни, въ которыхъ дѣвушкамъ распредѣляются вѣнки изъ разныхъ растеній, подходящихъ почему либо къ ихъ достоинствамъ или недостаткамъ. Поютъ напр.: «Этой вѣнокъ изъ капусты, пойдетъ замужъ въ мясопустъ» (т. е. никогда, слишкомъ разборчива), или: «Этой ленту широкую, потому что сама она дюжая, высокая», и т. п. Насмѣшки, встрѣчающіяся въ этихъ пѣсняхъ, возбуждаются въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣвушки часто раздѣляются на враждебныя партіи, которыя стараются такъ или иначе уколоть другъ друга. По окончаніи пѣсень дѣвушки начинаютъ прыгать черезъ костеръ, вѣря, что которая легко перескочитъ, та скоро выйдетъ замужъ. Послѣ этого обряда,

ПОЛЬСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ПОДЪ КРАКОВА.

къ дѣвушкамъ присоединяются парни и начинаются общія пѣсни и пляска, продолжающаяся до утра. Въ эту же ночь, какъ и у насъ, ходятъ искать папоротника, и также гадаютъ по вѣнкамъ. Дѣвушки выплываютъ на лодкѣ на средину рѣки и пускаютъ на воду вѣнки, съ прикрѣпленными къ нимъ горящими свѣчами. Если такой вѣнокъ быстро поплыветъ по теченію,—то дѣвушка выйдетъ замужъ въ этотъ же годъ; если же онъ долго стоитъ на мѣстѣ,—то выйдетъ замужъ не скоро. Въ эту ночь дѣвушки также смотрятъ въ зеркало, чтобы увидѣть въ немъ суженаго.

Кромѣ обычныхъ всѣмъ славянамъ вѣрованій въ домовыхъ, русалокъ и т. п., у поляковъ существуетъ еще вѣрованіе въ *подземокъ* и *кросналковъ*. *Подземки*—женщины, живущія подъ землею; эти существа крадутъ грудныхъ дѣтей, а на мѣсто ихъ подкладываютъ своихъ, сдѣланныхъ изъ соломы.

Кросналками называются маленькіе человѣчки, живущіе въ щеляхъ стѣнъ. Существа эти выходятъ въ лунную ночь изъ своихъ щелей и, рѣзвясь, бѣгаютъ по избѣ. Людямъ они не дѣлаютъ никакого вреда; но если кто станетъ гнать ихъ, то они мгновенно превращаются въ страшныхъ великановъ.

Повѣрье въ колдуній очень распространено въ Польшѣ. Колдунья можетъ причинить человѣку разныя болѣзни, заклявъ извѣстное мѣсто, напримѣръ, порогъ дома, часть избы, какое нибудь мѣсто поля, дороги; проходя черезъ это мѣсто, человѣкъ непремѣнно захвораетъ. Чтобы поразить колтуномъ ребенка, колдуньѣ стоитъ только сказать или даже подумать: «чтобъ тебя взялъ колтунъ!» Вѣрятъ также, что колдунья можетъ испортить человѣка (wrokzaklác) посредствомъ пищи или питья, надъ которыми произнесетъ заклинаніе. Впрочемъ, пищу или питье можетъ околдовать и не колдунья, а всякій женатый мужчина или замужняя женщина, если въ ту минуту, когда они подаютъ пищу или питье, у нихъ бродятъ въ головѣ дурныя мысли. Поэтому принято, прежде чѣмъ выпить поднесенную рюмку водки, крестить ее, въ томъ убѣжденіи, что если напитокъ околдованъ, то рюмка отъ креста разобьется въ дребезги.

Противъ порчи существуютъ разныя средства. Чтобы узнать, кто виновенъ въ порчѣ, мужчина или женщина, кладутъ въ стаканъ воды кусочекъ хлѣба и уголь; если хлѣбъ пойдетъ ко дну, то испортилъ человѣка мужчина, если же уголь—то женщина. Всего легче подвергаются порчѣ дѣти. Поэтому принято, чтобы, видя первый разъ новорожденнаго ребенка, не смотрѣть на него прямо, а сначала взглянуть на свои ногти; если же кто забудетъ объ этомъ и взглянетъ прямо на ребенка, тотъ долженъ плюнуть въ сторону и сказать: «на собаку порча!» Чтобы уничтожить порчу въ ребенкѣ, должно взять девять кусочковъ хлѣба и девять угольковъ и положить все это въ стаканъ воды; потомъ, помочивъ руку въ этой водѣ, провести ею по лицу ребенка ото лба внизъ, затѣмъ слѣдуетъ дать ему выпить этой воды; оставшуюся же вылить въ два угла и въ печь. Колдуньи могутъ, набравъ подъ мышки листьевъ, превращать листья въ мышей и нетопырей; мыши поѣдятъ все на гумнѣ и въ погребѣ, если на дверяхъ нѣтъ начертаннаго мѣломъ креста. Колдуньи могутъ также лишать коровъ молока или превращать его въ кровь и въ воду. Чтобы уберечь корову отъ чаръ, привязываютъ ей къ рогамъ извѣстныя сушеныя травы, какъ напримѣръ, мяту; это дѣлаютъ въ особенности наканунѣ зеленыхъ святокъ (10-й день послѣ Вознесенья), потому что въ это время колдуньи особенно злы. Онѣ могутъ также наводить на край разныя бѣдствія, какъ напримѣръ, войну, неурожай и т. п. Для этого колдунья превращается въ гусыню и садится на гнѣздо дикаго гуся; изъ высиженныхъ ею яицъ выходятъ всѣ бѣдствія, которыя она желаетъ нагнать на людей. Колдунью можно узнать потому, что у ней въ зрач-

кѣ не отражается стоящій передъ нею человѣкъ. Колдунья можетъ вселить въ человѣка злаго духа, который проявляется различнымъ образомъ: иные черезъ него становятся лекарями, и лечатъ съ успѣхомъ, если только больной во время леченія не произнесетъ имени Божія; другихъ бѣсъ заставляетъ плясать, пьянствовать и т. п. Одержимый злымъ духомъ человѣкъ, увидя колдунью, непремѣнно бросается на нее и начинаетъ бить ее, потому что бѣсы страшно ненавидятъ ту, которая закляла ихъ, т. е. принудила поселиться въ человѣкѣ.

Между народомъ особенно распространено повѣрье о томъ, какъ одинъ шляхтичъ, Твардовскій, продалъ себя чорту. Захотѣлось ему быть умнѣе другихъ людей и найти лекарство отъ смерти, которой онъ очень боялся. Вычиталъ онъ одинъ разъ въ какой-то старой книгѣ о томъ, какъ вызвать дьявола. Ровно въ полночь, вышелъ онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и придя на Подгорье (часть города), началъ выкликать бѣса. Тотъ немедленно явился, и Твардовскій заключилъ съ нимъ договоръ, который подписалъ собственною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Въ числѣ условій было одно главное: что бѣсъ не будетъ имѣть никакого права на душу Твардовскаго до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ его въ Римѣ. Твардовскій прежде всего велѣлъ бѣсу снести въ Олькушъ серебро со всей Польши и хорошенько засыпать его пескомъ. Отъ этого-то серебра произошли главные серебряные рудники въ Олькушѣ. Бѣсъ исполнялъ мгновенно всѣ желанія Твардовскаго, а тотъ, пользуясь случаемъ, продѣлывалъ разныя штуки, ѣздилъ на рисованномъ конѣ, леталъ безъ крыльевъ по воздуху, ѣзжалъ верхомъ на пѣтухѣ въ далекія путешествія и еще гораздо скорѣе чѣмъ на лошади; плавалъ противъ воды безъ веселъ и паруса и зажигалъ стекломъ деревни на разстояніи ста миль. Золота у него было бездна, потому что дьяволъ носилъ ему сколько душѣ угодно. Разъ какъ-то, Твардовскій зашелъ въ темный лѣсъ, позабывъ захватить свои чернокнижничьи снаряды. Вдругъ, откуда не возьмись, появился передъ нимъ бѣсъ и сталъ требовать, чтобъ онъ сейчасъ же отправился съ нимъ въ Римъ. Твардовскій, силою своихъ заклятій, принудилъ бѣса бѣжать, но тотъ со злости выдернулъ съ корнемъ сосну и такъ ударилъ ею Твардовскаго по ногамъ, что разбилъ одну ногу въ дребезги. Съ тѣхъ поръ сталъ Твардовскій хромать и его прозвали колченогимъ. Соскучась долго ждать душу шляхтича, дьяволъ ухитрился: принялъ на себя видъ дворецкаго и пришелъ звать Твардовскаго на помощь къ больному. Твардовскій согласился и пошелъ за посланнымъ въ сосѣднюю деревню, вовсе не зная, что господскій домъ въ ней назывался Римомъ. Лишь только онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ множество вороновъ, совъ и филиновъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ, сѣли на кровлю дома и начали наполнять воздухъ своими зловѣщими криками. Увидѣлъ Твардовскій, что дѣло плохо и поскорѣе взялъ на руки изъ колыбели только что окрещеннаго младенца. Въ эту минуту появился дьяволъ въ собственномъ своемъ видѣ; не смотря на модный костюмъ, всѣ его тотчасъ узнали, потому что изъ подъ шляпы торчали рога, сквозь башмаки съ пряжками и бантами пробились когти, а сзади, изъ подъ фрака, виднѣлся хвостъ. Увидѣвъ въ рукахъ Твардовскаго младенца, онъ было-отшатнулся, но тотчасъ же нашелся и, подойдя къ нему, сказалъ: «ты честный шляхтичъ, а потому verbum nobile, debet esse stabile, что соотвѣтствуетъ русской пословицѣ: «не давши слова крѣпись, а давши слово держись». Видя, что нельзя измѣнить честному слову шляхтича, Твардовскій положилъ дитя и, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ вылетѣлъ черезъ трубу изъ дома. Поднялся онъ такъ высоко, что большіе города казались уже ему мухами; сжалось у него сердце. Собравъ послѣднія силы, запѣлъ онъ церковную пѣснь. Пропѣвъ, онъ замѣчаетъ, что уже не летитъ выше, а повисъ на мѣстѣ. Оглянулся кругомъ — дьявола нѣтъ, а изъ синей тучи прогремѣлъ громкій голосъ: «Будешь висѣть такъ до самаго суднаго дня».

Изъ польскихъ обычаевъ, мы упомянемъ о тѣхъ, которые употребляются при полевыхъ работахъ.

Такъ, при концѣ жатвы, совершается у нихъ обрядъ *сжинанія пемпка*. Въ послѣдній день жатвы, тотъ изъ работниковъ — чаще всего дѣвушка — кто былъ замѣченъ, какъ самый лѣнивый, долженъ непремѣнно дожать послѣдній пучекъ колосьевъ. Этотъ-то пучекъ и называется *пемпекъ*. Жнутъ обыкновенно загонами, т. е. каждый изъ жнецовъ получаетъ извѣстный участокъ, который долженъ сжать; при этомъ тѣ, которые раньше кончили свой участокъ, обыкновенно помогаютъ другимъ въ работѣ. Но тому, кого присудили сжать *пемпекъ*, никто уже не помогаетъ, и, если онъ хочетъ уклониться отъ этого обряда и оставить послѣдній пучекъ несжатымъ, ему силою вкладываютъ въ руку серпъ, и, водя ею, заставляютъ волей-неволей срѣзать *пемпекъ*. Изъ колосьевъ этого пучка дѣлаютъ букетъ, прибавляя къ нимъ полевыхъ цвѣтовъ, и лѣнивый жнецъ, сопровождаемый веселою толпою товарищей, громко провозглашающихъ его имя, относитъ этотъ букетъ на помѣщичій дворъ, гдѣ вручаетъ помѣщику.

Послѣ совершеннаго окончанія жатвы, когда сжато яровое, справляются такъ называемые *вѣнцы* или *дожинки*. Двѣ избранныя дѣвушки приносятъ помѣщику на головахъ два вѣнка, сплетенные изъ колосьевъ, а въ передникахъ яблоки и орѣхи, и все это складываютъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ, за что получаютъ денежное вознагражденіе; сверхъ того, помѣщикъ приказываетъ обыкновенно выставить на дворѣ угощеніе жницамъ.

У косарей также есть свои обычаи. Молодой косарь, въ первой годъ работы, долженъ уплатить старымъ косцамъ *фрицовое*, т. е. поставить имъ извѣстное количество водки. Если онъ не хочетъ покориться этому обычаю, то, во время работы, ставятъ позади него самаго лучшаго косца, который бросаетъ свою скошенную траву на нескошенную еще траву молодаго косаря, такъ что послѣдній долженъ во время косьбы, отбрасывать въ сторону два покоса; это его, конечно, утомляетъ и принуждаетъ покориться *фрицовкѣ*. *Фрицовка* эта начинается съ того, что новому косцу плетутъ соломенный вѣнокъ, къ которому прикрѣпляютъ нѣсколько прутьевъ, сходящихся кверху и увѣнчиваютъ все это клочкомъ сѣна.

Приготовивъ вѣнокъ, косцы выбираютъ изъ своей среды такъ называемаго *маршалка*, которому даютъ въ руки толстый, соломенный жгутъ. Маршалокъ наблюдаетъ за новымъ косцомъ, и чуть замѣтитъ какую неисправность въ его работѣ, даетъ ему нѣсколько ударовъ этимъ жгутомъ. По окончаніи работы, на молодаго косца надѣваютъ вышеописанный вѣнокъ и двое старыхъ косцовъ ведутъ его подъ руки на помѣщичій дворъ. Впереди скачутъ верхомъ на палкахъ два *казака*, держа въ рукахъ по другой палкѣ, съ привязаннымъ къ ней платкомъ; кафтаны на нихъ, обыкновенно, выворочены на изнанку а на головахъ вмѣсто шапокъ мѣшки. Казаки гонятъ съ дороги всѣхъ встрѣчныхъ, причемъ кричатъ, что ведутъ волка. Позади молодаго косца, идетъ *маршалокъ* съ перевѣшаннымъ черезъ плечо жгутомъ. Вся толпа, звеня косами, съ крикомъ и шумомъ приходитъ на помѣщичій дворъ, гдѣ помѣщикъ угощаетъ ее водкой. Послѣ того отправляются въ корчму, гдѣ новый косецъ и уплачиваетъ старымъ фрицовое, то есть выставляетъ условленное количество водки.

Свадебные обряды.

Свадьба у поляковъ сопровождается нѣкоторыми особыми обрядами, ведущими свое начало вѣроятно еще изъ языческой древности. Обряды эти, разумѣется, въ разныхъ мѣстностяхъ, сопровождаются различными подробностями, но въ общихъ чертахъ, они слѣдующіе. Свадьбѣ предшествуетъ, какъ и у насъ, сватовство. Формаль-

нымъ актомъ сватовства являются такъ называемые *звяды*. Мать парня, или которая нибудь изъ его родственницъ, приходитъ къ родителямъ дѣвушки съ водкою. Если родители дѣвушки станутъ пить водку, то это означаетъ согласіе; если же не станутъ—это значитъ отказъ. Впрочемъ, послѣднее рѣдко случается, потому что по большей части обо всемъ уже переговорено заранѣе, такъ что *звяды* не болѣе какъ обрядовая формальность, но отъ исполненія которой ни одинъ крестьянинъ не позволитъ себѣ уклониться. Обрядъ этотъ практикуется преимущественно въ окрестностяхъ Сандомира.

У куявовъ — племени, населяющаго сѣверо - восточную часть Варшавской губерніи, *звяды* происходятъ при слѣдующей обстановкѣ. Парень, задумавшій жениться, приходитъ со свахою—по польски *свашкою*—къ родителямъ дѣвушки въ полночь. Сваха стучитъ въ двери и когда отворятъ, входитъ съ вопросомъ: «А не забрелъ ли сюда гусь». «Нѣтъ», отвѣчаютъ хозяева. Тогда за дверями слышится откашливанье; сваха отворяетъ дверь и говоритъ: «А, вотъ онъ, гусекъ; войди сюда». Парень входитъ, падаетъ въ ноги родителямъ и объясняетъ имъ свои намѣренія. Дѣвушка въ то время прячется за печь. Родители вызываютъ ее, спрашиваютъ, согласна ли выйти за парня и, если согласна, благословляютъ жениха съ невѣстою, и потомъ уже принимаются за водку, принесенную свахою. Впрочемъ, обрядъ сватовства исполняется съ этими подробностями далеко не повсемѣстно, даже въ Куявіи. У мазуровъ женихъ въ присутствіи какого нибудь почетнаго, уважаемаго въ деревнѣ, лица поетъ подъ окномъ той, на которой хочетъ жениться, пѣсню, намекающую на его чувства и желанія. По окончаніи пѣсни, его любезно приглашаютъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, войти въ домъ. Молодой человѣкъ вынимаетъ тогда изъ кафтана принесенную бутылку, пьетъ за здоровье родителей молодой дѣвушки и подчуетъ также ее. Если дѣвушка приметъ поднесенную ей рюмку—это означаетъ, что она согласна вступить въ бракъ, если же нѣтъ—это служитъ знакомъ отказа.

Вскорѣ послѣ *звядовъ*, бываютъ *заренчины*—обрученье. Въ день *заренчинъ*, женихъ съ невѣстою идутъ утромъ по деревнѣ приглашать гостей. У родителей невѣсты приготовляютъ пиръ. Гости собираются вечеромъ и садятся за столъ обыкновенно послѣ полуночи, когда пропоетъ первый пѣтухъ. Во время стола, отецъ невѣсты приноситъ двѣ миски, ставитъ ихъ вверхъ дномъ предъ женихомъ и невѣстою; мать невѣсты и сватъ оборачиваютъ миски внизъ дномъ и женихъ съ невѣстою кладутъ въ нихъ свои кольца. Сваха кропитъ св. водою сначала кольца, а потомъ и всѣхъ присутствующихъ; затѣмъ старшій возрастомъ или пользующійся наибольшимъ уваженіемъ изъ числа присутствующихъ, мѣняетъ кольца жениху и невѣстѣ. Послѣ этого пиръ идетъ до самаго утра. Черезъ нѣсколько дней послѣ обрученья бываетъ дѣвичникъ, по польски *разплецины*. Въ этотъ вечеръ дѣвушки, подруги невѣсты, заплетаютъ ей косу; это сопровождается приличными случаю пѣснями. Косу расплетаетъ потомъ старшій жениха дружка, а затѣмъ женщины подрѣзываютъ ее. Разплецины оканчиваются танцами. Впрочемъ, поляки справляютъ это не во всѣхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ онъ не въ обычаяхъ, невѣстѣ обрѣзываютъ косу уже послѣ свадьбы.

Передъ днемъ свадьбы невѣста отправляется звать гостей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ окрестностяхъ Сандоміра, приглашая кого либо на свадьбу къ себѣ, она должна стать передъ нимъ на колѣни и обнять его ноги. Наканунѣ свадьбы, женихъ съ невѣстою, въ нарядномъ платьѣ, а невѣста притомъ съ головою, убранною множествомъ лентъ и цвѣтовъ, идутъ въ церковь на исповѣдь. Передъ вѣнцомъ, невѣсту сажаютъ на квашню, расчесываютъ ей волосы, убирая въ цвѣты и ленты. Все время, пока одѣвается невѣста, чтобы ѣхать въ церковь, дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни. Когда она одѣнется, родители благословляютъ ее; затѣмъ она обходитъ всѣхъ присутствующихъ, кланяется имъ въ ноги, проситъ благословенія и, наконецъ, рыдая, прощается со всѣми родными и знакомы-

ми. Послѣ этого пріѣзжаетъ женихъ со свитою, его благословляютъ, и свадебный поѣздъ отправляется въ костелъ. Шествіе открываютъ трубачи и другіе музыканты. Музыка составляетъ такую необходимую принадлежность свадьбы, что безъ нея никогда не обходятся; бѣдные занимаютъ деньги для того, чтобы заплатить музыкантамъ. За музыкантами ѣдутъ повозки, наполненныя гостями; жениховы дружки скачутъ верхами по бокамъ; каждый изъ нихъ держитъ въ одной рукѣ кнутъ, а въ другой флагъ. Невѣста ѣдетъ въ передней повозкѣ со свахою и подругами; женихъ сидитъ на козлахъ вмѣстѣ съ кучеромъ или ѣдетъ верхомъ. Обычай требуетъ, чтобы поѣздъ ѣхалъ какъ можно шумнѣе, а потому музыка, пѣсни и крики не умолкаютъ всю дорогу. Иногда молодежь зажигаетъ по дорогѣ костры изъ хвороста и на коняхъ перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Въ церковь входятъ въ извѣстномъ порядкѣ. Невѣста идетъ между подругами, которыя держатъ передъ нею за углы платокъ; точно также женихъ идетъ за нею между дружками, которые и передъ нимъ держатъ платокъ. По окончаніи церковнаго обряда, возвращаются обыкновенно другимъ путемъ, «чтобы смерть ошиблась дорогою». И на этотъ разъ, свадебный поѣздъ ѣдетъ съ пѣснями и крикомъ, причемъ продѣлываются разныя штуки, такъ напримѣръ, кучеръ повозки, въ которой ѣдутъ новобрачные, роняетъ кнутъ и заявляетъ, что дальше ѣхать не можетъ, пока дружки не откупятся; скрипачъ обрываетъ струну на скрипкѣ и требуетъ отъ дружекъ денегъ на покупку новой и т. п. По большей части свадебный поѣздъ направляется не прямо въ домъ родителей, а въ корчму и тамъ пируетъ нѣсколько времени, чтобы домашніе успѣли приготовиться къ пріему гостей.

По прибытіи въ домъ родителей, садятся за обѣдъ. Гости составляютъ двѣ категоріи: къ одной принадлежатъ почетные люди деревни, а именно: священникъ, лицо, находящееся въ штатѣ помѣщика, управляющій и ревизоръ. Ихъ сажаютъ за особый столъ, накрытый бѣлою скатертью. Прежде всего пьютъ за здоровье молодой четы; за свадебнымъ обѣдомъ подаютъ куличи пшеничные и ржаные, масло, сыръ, гусей, поросятъ, жаркое, солонину, орѣхи, яблоки, пиво и водку. У бѣдныхъ же почетнымъ лицамъ бываетъ особое угощеніе, состоящее изъ супа, мяса, сладкаго кушанья и плодовъ. Другіе же гости должны довольствоваться, по большей части, пшенною кашею, клецками и супомъ, который подаютъ послѣ всего. Гости приносятъ свои деревянныя чашки и ложки. Вино играетъ важную роль при брачномъ обѣдѣ, и вокругъ стола то и дѣло ходятъ полные стаканы. Дружки прислуживаютъ и забавляютъ компанію разными шутками. Но пока присутствуютъ почетные люди, никто не выступаетъ изъ границъ приличія. Послѣ обѣда начинаются танцы, причемъ тѣ дѣвушки, которыя явились на свадьбу не босыя, снимаютъ башмаки, чтобы удобнѣе предаться веселью. Только одна молодая остается до конца вечера въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бантами. Сперва старики протанцуютъ польскій. Затѣмъ, раздаются звуки мазурки и никто уже не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ. Въ продолженіе танцевъ также продѣлываются разныя шутки. Такъ напримѣръ, дѣвушки прячутъ молодую, а свахи должны ее розыскать и отнять у дѣвушекъ, или происходитъ цѣлая сцена продаванія молодой мужу подъ видомъ коровы. Веселье длится всю ночь напролетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ не справляютъ дѣвичника, въ заключеніе пира происходитъ обрядъ обрѣзанія косы у молодой, совершаемый старшею изъ присутствующихъ женщинъ. Иногда свадебный пиръ продолжается не только на другой и на третій день, но цѣлую недѣлю. Если пиръ происходитъ не въ домѣ молодаго, а у родителей молодой, то на слѣдующее утро подъѣзжаютъ къ дому двѣ телѣги: на одной изъ нихъ сидятъ музыканты, на другой молодой, явившійся за женою. Собравшіяся у молодой подруги поютъ грустныя пѣсни, въ которыхъ говорится о горечи разлуки, о счастливыхъ дняхъ дѣвической жизни и тому по-

добное, а музыканты аккомпанируютъ имъ на трубахъ и дудкахъ.

Наконецъ выносятъ на телѣгу приданое молодой, которая между тѣмъ съ громкимъ плачемъ прощается съ родителями и затѣмъ уѣзжаетъ съ мужемъ въ новое жилище.

Погребальные обряды.

Когда кто умретъ, передъ домомъ ставятъ въ знакъ того траурную хоругвь, взятую изъ церкви. Положивъ тѣло покойника на столъ и сжегши на полѣ солому, на которой онъ лежалъ, идутъ или посылаютъ кого изъ родственниковъ къ священнику съ просьбою о благовѣстѣ, за что платятъ злотъ (15 коп.) или больше. Покойника, и мужчину и женщину, одѣваютъ въ рубашку, завязанную шнуркомъ; мужчинѣ одѣваютъ брюки. На рубашку одѣваютъ *зго*, родъ тюники или рубахи изъ бѣлаго полотна, длиною до пятъ; это *зго* опоясываютъ черною лентою или завязываютъ черною тесемкою у шеи, у рукавовъ и въ поясѣ. Молодымъ расчесываютъ волосы и оставляютъ голову не покрытою. Старымъ прикрываютъ голову *духенкой*, т. е. полотняною бѣлою шапкою (въ старину этимъ словомъ. означались шапка или колпакъ, одѣвавшіеся на ночь). На ноги обуваютъ бѣлые, сшитые изъ полотна чулки или носки; но сапоговъ или башмаковъ не надѣваютъ. Дѣтей хоронятъ даже совсѣмъ босыхъ. Если покойникъ былъ старъ или женатъ, гробъ красятъ черною краскою или подъ орѣхъ; если молодъ—красною или голубою; если бѣднякъ—гробъ сколачиваютъ изъ простыхъ досокъ. У тѣла стоятъ на столикѣ водка и хлѣбъ. Каждый изъ посѣтителей, войдя, становится на колѣно передъ гробомъ; окончивъ молитву, встаетъ и привѣтствуетъ, кого застанетъ, словами: «Да будетъ благословленъ Іисусъ Христосъ!» Кто нибудь изъ домашнихъ подчуетъ его водкою, разсказываетъ обыкновенно подробности болѣзни и смерти покойнаго, и оба вмѣстѣ сокрушаются надъ нимъ и оставшимися сиротами. Однако, посѣтитель хотя и говоритъ: «горе»! а все-таки жадно посматриваетъ на стоящую подлѣ фляжку съ водкою. Иные поютъ надъ тѣломъ священные гимны. *Пустая ночь* (pusta noc) называется вторая, въ которую собираются люди на молитву въ домъ, гдѣ лежитъ тѣло умершаго, котораго утромъ должно хоронить. Названіе это происходитъ отъ того, что пусто будетъ въ домѣ, въ немъ не будетъ хозяина или хозяйки. На третій день по смерти, заколотивъ гробъ, везутъ его на телѣгѣ или, если близко, несутъ на кладбище. При провожаніи тѣла, самый старый или вообще желающій изъ домашнихъ говоритъ иногда короткую, прощальную рѣчь, въ которой поручаетъ душу умершаго, равно какъ и живыхъ, покровительству Божію, прощаясь съ оставшимися отъ его имени; эту рѣчь онъ иногда повторяетъ у какой нибудь *фигуры* (креста, который въ Польшѣ ставятъ на перекресткахъ), гдѣ останавливаются. Провожая тѣло до могилы, поютъ гимнъ: «Радуйся, царица небесная» (Salve, Regina) или какой либо другой. Ксендзъ въ комжѣ (риза) провожаетъ гробъ до встрѣчнаго креста, а иногда и до самой могилы и, окропивъ гробъ св. водой и, прочитавъ молитву, уходитъ. По опущеніи тѣла въ могилу, нѣкоторые изъ братьевъ и пріятелей идутъ въ корчму и за рюмкою вспоминаютъ о добродѣтеляхъ или недостаткахъ покойнаго. А въ его домѣ вдова, или кто нибудь изъ оставшихся родныхъ, устраиваетъ *похувекъ*, т. е. поминки, на которыя приглашаетъ близкихъ родныхъ.

Историческій очеркъ.

Въ первые вѣка по Р. Х. страны, лежащія между Одеромъ и Вислою, были населены славянскими племенами, занимавшимися зе-

младѣліемъ и извѣстными подъ названіемъ ляховъ или лехитовъ Эти мирныя племена были покорены воинственнымъ, аристократическимъ народомъ—сарматами, которые слились въ одинъ народъ съ побѣжденными, такъ что не оставили ему даже своего имени. Тѣмъ не менѣе слѣды вліянія сарматскаго элемента сохранились даже донынѣ въ польскомъ народѣ, преимущественно въ высшихъ классахъ и воинственномъ дворянствѣ, владѣющемъ поземельною собственностью. Въ IX столѣтіи, сынъ Пяста соединилъ эти племена въ одинъ народъ, получившій названіе поляковъ.

Мечиславъ (955—992), правнукъ Пяста, принявшій христіанскую вѣру, ввелъ въ эту страну, вмѣстѣ съ католицизмомъ, начала латино-германской религіозной и политической системы. Онъ соединилъ въ одно государство Мазовію (на нижней Вислѣ), Нижнюю Силезію, Куявію (на лѣвомъ берегу Вислы на сѣверо-западъ отъ Варшавы) и Великую Польшу (между Варшавою и Позеномъ). Но настоящимъ основателемъ, если не государства польскаго, то его могущества, былъ первый король польскій, Болеславъ Храбрый, современникъ св. Владиміра.

По смерти Болеслава, сыновья его раздѣлили Польшу на четыре княжества. Отсюда начинается гибельная система дробленія, оставившая надолго роковые слѣды. Потомки сыновей Болеслава, въ свою очередь, дѣлили свои владѣнія между своими сыновьями, такъ что образовалось множество небольшихъ отдѣльныхъ княжествъ. Такой порядокъ продолжался до XIV столѣтія. Близость Германіи и частыя сношенія съ этою страною распространили между могущественными вельможами духъ феодализма.

Средній классъ состоялъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, эмигрировавшихъ изъ своего отечества, которые пользовались большими привиллегіями и монополизировали торговлю.

Около XIV столѣтія, евреи, въ очень большомъ числѣ, нахлынули на Польшу, которая съ тѣхъ поръ стала для нихъ вторымъ отечествомъ. Они вскорѣ завладѣли всею ея торговлею, предоставивъ нѣмцамъ только ремесла и искусства.

Самое важное событіе этого періода,—было основаніе и быстрое распространеніе власти Тевтонскаго ордена на берегахъ Нижней Вислы.

Въ эпоху нашествія татаръ, Польша счастливо выдержала нѣсколько битвъ съ ними и избѣгла ихъ владычества.

Въ 1333 году, былъ избранъ на польскій престолъ Казиміръ Ш, прозванный Великимъ, который успѣшно воевалъ съ сосѣдними государствами и въ 1340 году присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Червонную Русь. Царствованіе его было блестящее и возвело Польшу на ту степень благоденствія, которою она пользовалась въ теченіе двухъ вѣковъ и которая достигла своего апогея при Стефанѣ Баторіѣ.

Вскорѣ польскій престолъ достался Литовскому князю Ягелло, женившемуся на польской принцессѣ Ядвигѣ, и послѣдовало чрезвычайно важное политическое событіе—присоединеніе къ Польшѣ Литвы,—власть которой простиралась на всю Волынь, Бѣлоруссію и Украйну. Слѣдовательно, присоединеніе къ Польшѣ Литовскаго княжества открыло ей обширное поле дѣятельности въ отношеніи Западной Руси, и съ этой эпохи Польша стала неутомимо стремиться къ ополяченію русскихъ западныхъ областей и распространенію въ нихъ католицизма. Началась борьба за преобладаніе греческой или римской церкви и русскаго или польскаго элемента. Но народъ русскій сильно былъ приверженъ къ своей религіи, своимъ нравамъ и языку, и только спустя два столѣтія удалось польскому духовенству насильственно ввести въ Малороссію и въ Бѣлоруссію Унію. Въ началѣ XVI вѣка вступилъ на польской престолъ Сигизмундъ I. Онъ велъ войну съ Московскимъ государемъ Василіемъ III, которая окончилась потерею Смоленска, отошедшаго къ Москвѣ. Гораздо счастливѣе была война его съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи, вслѣдствіе которой Пруссія превратилась въ ленное владѣніе Польши.

При Сигизмундѣ II Августѣ (1569) произошло полное присоединеніе литовской Руси къ Польшѣ. На государственномъ сеймѣ въ городѣ Люблинѣ, изданъ былъ актъ соединенія, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Люблинской Уніи. Въ 1561 году, съ уничтоженіемъ Ливонскаго ордена меченосцовъ, Курляндія была превращена въ ленное герцогство польской короны.

Могущество Польши достигло высшей степени въ царствованіе Стефана Баторія (1576—1586). Но по смерти его, Польша, лишенная однородной національности и королевской власти, опирающейся на прочныя начала, стала быстро клониться къ упадку.

Съ пресѣченіемъ династіи Ягеллоновъ (1572), правленіе въ Польшѣ стало чисто избирательное. Это обстоятельство было главною причиною ея паденія. Въ правленіе слабаго Сигизмунда III, король шведскій Густавъ-Адольфъ отнялъ у него Лифляндію и тѣмъ лишилъ Польшу преобладанія въ восточной Европѣ, которое перешло теперь къ Швеціи. Надъ Россіею же, вслѣдствіе внутреннихъ въ ней раздоровъ, Польша еще удержала на нѣкоторое время превосходство. Когда въ Россіи прекратилась династія Рюрика, явился въ Польшѣ самозванецъ, выдавшій себя за Димитрія, сына царя Іоанна IV. Съ помощью польскаго войска, онъ вступилъ на Московскій престолъ. Послѣ его сверженія, поляки привели другаго Лжедимитрія и, пользуясь тяжелымъ положеніемъ Россіи, грабили и разоряли ее. Сигизмундъ самъ вторгнулся въ московское государство, завоевалъ Смоленскъ и хотѣлъ соединить Россію съ Польшею. Если бы это ему удалось, то Россія стала бы несомнѣнно добычею католицизма и польскаго элемента, но, по счастью, Пожарскій и Мининъ освободили Москву отъ польскаго гарнизона, и, когда на престолъ выбрали Михаила Ѳеодоровича Романова, поляковъ изгнали изъ Москвы.

На югѣ малороссы, выведенные изъ терпѣнья притѣсненіями поляковъ, послѣ цѣлаго ряда казацкихъ возстаній и кровопролитныхъ войнъ отложились отъ Польши, подъ предводительствомъ своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго и присоединились къ Россіи, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Турки, захвативъ польскую Украйну (Подолъ), стали также опасными врагами поляковъ. Янъ Собіесскій (1674—1696), второй король, избранный поляками, отнялъ у турокъ завоеванную ими страну только послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ; онъ освободилъ также отъ турокъ Вѣну, разбивъ ихъ подъ стѣнами этого города въ 1683 году.

При короляхъ саксонскаго дома, Августѣ II и Августѣ III, Польша дошла до полнаго упадка, а начиная съ царствованія въ Россіи Петра Великаго, судьба Польши стала зависѣть отъ русскихъ императоровъ.

Со вступленіемъ на престолъ королей саксонскаго дома, вмѣстѣ съ усиленіемъ роскоши и безнравственности между дворянами, усилилось и вліяніе евреевъ. Право избранія короля, предоставленное дворянству вполнѣ, подвергло Польшу вліянію иностранныхъ державъ. По смерти Августа III (1763), поляки пожелали имѣть королемъ природнаго поляка изъ потомковъ Пяста, къ которымъ причисляли себя многіе польскіе вельможи. Образовались двѣ партіи: одна искала помощи Россіи, другая—Франціи. Екатерина II и Фридрихъ II указали на Станислава Понятовскаго. Съ помощью иностраннаго золота и русскихъ войскъ его избрали королемъ Польши. Тогда, часть шляхты, недовольная иноземнымъ вліяніемъ, образовала въ городѣ Барѣ сильную конфедерацію и вступила въ войну съ Россіею, длившуюся четыре года. Война эта довела Польшу до крайняго истощенія.

Три сосѣднія державы: Россія, Австрія и Пруссія произвели въ 1772 году первый раздѣлъ Польши. Россія получила собственно Бѣлоруссію (Витебскую и Могилевскую губерніи), Австрія—Галицію, Пруссія—Восточную Померанію безъ Данцига и часть Великой Польши, лежащую на лѣвомъ берегу Нетце.

Въ 1793 г., послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому

Россіи достались губерніи: Минская, Подольская и Волынская, а въ 1794 году третій, по которому Россія получила губерніи Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.

Въ 1807 и 1809 годахъ императоръ Наполеонъ I снова соединилъ нѣкоторыя части прежняго Польскаго королевства, подъ названіемъ великаго герцогства Варшавскаго, которое, въ числѣ другихъ государствъ рейнскаго союза, участвовало въ войнѣ Наполеона противъ Россіи въ 1812 году. Послѣ паденія Наполеона, державы, принимавшія участіе въ борьбѣ съ нимъ, получили значительное вознагражденіе. Къ Россіи отошла большая часть Варшавскаго герцогства. Изъ него составлено «царство Польское» подъ властью русскаго императора. Императоръ Александръ I оставилъ Польшѣ ея собственное управленіе, національный сеймъ и даже войско. Но поляки, недовольные зависимостью отъ Россіи, въ 1830 году опять возстали и вступили въ упорную войну съ Россіею. Возстаніе это было усмирено въ 1831 году. Польша лишилась своего сейма и войска, и превратилась въ русскую провинцію, управляемую сначала намѣстникомъ, а нынѣ генералъ-губернаторомъ.

Общее число жителей царства Польскаго состоитъ изъ 4.840,466 человѣкъ обоего пола. Главный городъ Царства-Польскаго, Варшава, основанъ въ XI столѣтіи. Онъ построенъ среди живописнаго мѣстоположенія на высокомъ берегу Вислы и раздѣляется на новый и старый городъ.

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.

V. ЛИТОВЦЫ И ЖМУДИНЫ.

Историческая судьба литовскаго народа.

Въ краѣ, прилегающемъ къ отлогому берегу Балтійскаго моря, издревле обитаетъ литовское племя. Съ давнихъ поръ оно принуждено было бороться съ сосѣднимъ нѣмецкимъ племенемъ, безпощадно его истреблявшимъ и уничтожавшимъ, само тѣснило прилегающія къ нему съ сѣвера финскія племена (эстовъ, куровъ и ливовъ), подвергалось болѣе мирному вліянію окружающихъ его съ востока и юга народовъ славянскихъ (поляковъ и русскихъ), но до сихъ поръ успѣло сохранить свою самобытность.

Происхожденіе и время появленія литовскаго племени въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно неизвѣстно. Положительно извѣстно только то, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ народовъ, ближе всѣхъ изъ нихъ сродно съ славянскимъ племенемъ и говоритъ языкомъ, который изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ имѣетъ болѣе сходства съ санскритскимъ, изъ котораго, какъ извѣстно, произошло большинство языковъ народовъ, населяющихъ въ настоящее время Европу. Есть, впрочемъ, много основаній предполагать, что литовцы составляли нѣкогда единое съ нашими предками славянами племя, изъ котораго развились потомъ двѣ самостоятельныя вѣтви—славянская и литовская.

Литовское племя уже въ IX столѣтіи занимало страну, въ которой обитаетъ нынѣ. Оно всегда являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ, образа жизни. Главные, долѣе другихъ сохранившіеся между этими отдѣльными народцами были пруссы (борусы), собственно литовцы и латыши. Не будучи соединены подъ одною верховною властью, окруженные многочисленными и сильными племенами, литовцы не могли удержать на долго своей самостоятельности. Пруссы, обитавшіе между Нѣманомъ и Вислою, были покорены нѣмцами и скоро безслѣдно исчезли изъ исторіи оставивъ только свое имя странѣ ими обитаемой и возникшему тамъ нѣмецкому государству—Пруссіи. Можно сказать—чудомъ сохранились и латыши, также подвергшіеся вліянію и истребленію нѣмцевъ, въ лицѣ рыцарей—крестоносцевъ. Только собственно литовцы сомкнулись въ XII вѣкѣ въ единодержавное княжество, которое вошло въ тѣсную связь съ сосѣдними русскими княжествами, часть которыхъ подчинилась потомъ власти князей, развившагося, такимъ образомъ, на литовско-русскихъ земляхъ, Литовско-Русскаго государства. Но скоро оно, соединившись съ сосѣднею Польшею, въ концѣ XV вѣка, утратило свою самостоятельность. При этомъ литовцы увлекли съ собою и связанное съ ними историческими судьбами и искони съ ними сроднившееся бѣлорусское племя, и возвратились вмѣстѣ съ нимъ Русскому государству только въ концѣ прошлаго вѣка, послѣ трехъ раздѣловъ Польши. Въ настоящее время литовское племя состоитъ изъ двухъ главныхъ народностей: латышей и собственно литовцевъ, которые еще подраздѣляются на жмудиновъ, отличающихся отъ литовцевъ только нарѣчіемъ, подобно тому какъ малороссы тѣмъ же отличаются отъ великороссіянъ. Литовцы

и жмудины населяютъ теперь губерніи Ковенскую, сѣверо-западныя части Виленской и сѣверную половину Сувалкской и пограничныя къ послѣдней части Пруссіи. Насчитывается ихъ болѣе полутора милліона.

Характеръ страны.—Занятія, хозяйственный бытъ, жилища, пища и одежда.—Околичная шляхта.

Пространство, населяемое въ настоящее время литовскимъ племенемъ, принадлежитъ къ западному отдѣлу такъ называемой сѣверной полосы постояннаго хлѣбопашества. По близости къ Балтійскому морю, обилію озеръ и мѣстами болотъ, воздухъ здѣсь наполняется влажностію. Правда, влажность эта, хотя и благотворна для края по причинѣ его глинистой и песчаной почвы, тѣмъ не менѣе, при холодѣ и вредныхъ испареніяхъ изъ болотъ и во многихъ мѣстахъ изъ лѣсовъ, имѣетъ дурное вліяніе на здоровье жителей. Нерѣдко встрѣчается между литовцами болѣзнь *колтунъ* — прямое слѣдствіе болотныхъ испареній и сырости климата. Впрочемъ, сильные вѣтры, преимущественно господствующіе въ западной части Ковенской губерніи, умѣряютъ вредное вліяніе климата. Въ особенности же вѣтры эти бываютъ сильны въ мѣстахъ ближайшихъ къ морю. Тамъ, дѣйствіемъ вѣтра поднимаются огромныя массы песку и образуются изъ него холмы. Самая лучшая и теплая погода бываетъ въ концѣ іюля и началѣ августа. Самые сильные морозы бываютъ въ январѣ. Впрочемъ, состояніе температуры края непостоянно: послѣ сильныхъ морозовъ, при западномъ морскомъ вѣтрѣ, бываетъ иногда дождь. Это непостоянство климата вредно отзывается на земледѣліи. Часто поздніе утренніе морозы весною и ранніе осенью губятъ растенія. Но всего болѣе вредитъ хлѣбному производству недостатокъ снѣговъ. Не менѣе холода и морозовъ имѣетъ неблагопріятное вліяніе на растительность и теплая погода, продолжающаяся иногда до поздней осени, потому что тогда появляются на озимыхъ всходахъ черви, которые совершенно ихъ истребляютъ. Вообще же теплая погода начинается весною здѣсь въ апрѣлѣ, осень же съ сентября продолжается до половины декабря.

Литовцы и жмудины издавна были земледѣльческимъ народомъ, какимъ остались и до послѣднихъ дней. Основу ихъ благосостоянія, особенно населяющихъ Ковенскую губернію, составляетъ воздѣлываніе льна. Впрочемъ и другія отрасли сельско-хозяйственной промышленности, тѣсно связанныя съ земледѣліемъ, находятся въ хорошемъ состояніи и вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Почва глинистая и песчаная, но съ значительною примѣсью растительной земли, составляя какъ-бы особый видъ чернозема, достаточно плодородна и, не смотря на не особенно совершенные способы обработки, окупаетъ съ избыткомъ трудъ земледѣльца. Садоводство, хотя и не особенно развито,—также составляетъ не малое подспорье въ хозяйствѣ поселянъ. Здѣсь, на открытомъ воздухѣ, произрастаютъ яблоки и груши различныхъ родовъ, бергамоты, дули, вишни, сливы, черешни, дыни и арбузы. Обиліе лиственныхъ лѣсовъ (особенно липъ) на Литвѣ и Жмуди способствуетъ развитію пчеловодства. Ни въ одной странѣ не получается меду лучше литовскаго, потому что въ немъ очень мало воску и притомъ медъ высокаго качества. Почти въ каждомъ селеніи можно встрѣтить пчеловодовъ; пчелы здѣсь въ большомъ уваженіи, и у простого народа убить пчелу—считается весьма предосудительнымъ проступкомъ.

Литовцы, а въ особенности жмудины, до такой степени привязаны къ домашней жизни, что никогда почти не пускаются въ отдаленныя мѣста, посѣщая только близь лежащіе города: Вильну, Либаву, Ригу, Тильзитъ, Кенигсбергъ и Ковну, куда они отправляются для продажи хлѣба и льна. Эта привязанность къ домашнему быту служитъ съ одной стороны причиною малаго развитія торговли въ краѣ (тор-

говля находится въ рукахъ евреевъ), а съ другой—придаетъ особенный характеръ торговымъ сдѣлкамъ, отличающійся недовѣрчивостію и уклончивостію.

Съ открытіемъ весны, до окончанія уборки хлѣба, главное занятіе литовскихъ поселянъ составляютъ полевыя работы, а свободное время посвящается исправленію сбруи, орудій и надворнаго строенія. Осенью и зимою занятіе крестьянъ составляютъ: обработка льна, молотьба хлѣба, отвозъ его на продажу, ухаживанье за скотомъ, приготовленіе дровъ на топливо. Весенніе и зимніе вечера они занимаются витьемъ веревокъ и починкою разныхъ хозяйственныхъ вещей. Между крестьянами встрѣчаются довольно искусные столяры, слесаря и кузнецы. Женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ ухаживаютъ за огородами и помогаютъ въ полезныхъ работахъ. Зимою онѣ прядутъ ленъ, пеньку, овечью шерсть и приготовляютъ изъ пряжи разныя ткани: полотна, скатерти, *милась* (крестьянское сукно). Здѣшнія полотна отличаются своею тонкостію и добротою. Во многихъ мѣстностяхъ женщины довольно искусно ткутъ и красятъ шерстяныя матеріи, употребляемыя ими въ домашнемъ быту, и даже ткутъ ковры. Вмѣсто гаруса, употребляютъ хорошо выкрашенныя нитки изъ тонкой шерсти. Въ прибрежныхъ мѣстахъ вяжутъ рыболовныя сѣти.

Общій характеръ страны представляетъ довольно часто расположенныя небольшія мѣстечки, деревни, и отдѣльные поселки. Довольно часто можно видѣть предъ домами поселянъ небольшіе сады или цвѣтники, въ которыхъ растутъ фруктовыя деревья, разноцвѣтный шиповникъ, а иногда розы, маргаритки, настурціи, желтыя лиліи, макъ, ароматическій горошекъ, рута, а также въ значительномъ количествѣ хмѣль, который разводитъ почти каждый хозяинъ. Все это обнесено плетнемъ и представляетъ издали довольно пріятный видъ. Но по внутреннему устройству дома литовцевъ бѣдны, нечисты и часто устраиваются безъ трубъ. По обилію лѣса они большею частію прочной постройки. Окна весьма узкія, продолговатыя, прорубаются при соединеніи двухъ бревенъ; только зажиточные поселяне имѣютъ въ своихъ домахъ окна средней величины. Крыши соломенныя. Изба въ Ковенскомъ уѣздѣ и сопредѣльныхъ частяхъ другихъ уѣздовъ называется по литовски *гивѐне*, въ Шавельскомъ уѣздѣ, Поневѣжскомъ и части Новоалександровскаго—*гричой*, — на Жмуди — *трòаба*. Она разграничивается сѣнями на двѣ части: въ одной помѣщается семейство хозяевъ и работники, въ другой — кладовыя. У богатыхъ поселянъ есть особая пріемная для гостей, называемая *секлѝча*, или *секличà за*. Предъ домомъ находится небольшой квадратный дворъ, по сторонамъ котораго расположены амбары и сараи. *Свѝрни* (небольшой амбаръ) — необходимая принадлежность каждаго хозяйскаго двора; въ ней хранится хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, крупа и разныя огородныя овощи.

Жмудины въ отношеніи красоты постройки домовъ и опрятности далеко превосходятъ литовцевъ. Особенно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Пруссіей, дома жмудиновъ вообще красивы и довольно высоки, имѣютъ большія окна и выведенныя въ крышу трубы. Всѣ строенія, составляющія дворъ, называются *нума;* собственно изба—*троаба;* послѣдняя состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: для хозяевъ, работниковъ, склада вещей и продуктовъ. У зажиточныхъ поселянъ имѣется особая комната для гостей, называемая *алькерисъ. Троаба* съ высокою соломенною крышею. Порогъ въ домѣ жмудина, какъ передній уголъ у литовца, играетъ весьма важную роль. При заложеніи новаго дома жмудины закапываютъ подъ порогомъ деревянный крестикъ и какую либо малую вещь изъ домашняго скарба, какъ завѣтный, выше всего почитаемый памятникъ своихъ предковъ. Злѣйшій врагъ, переступившій черезъ порогъ дома, принимается какъ пріятель хозяина, и никто безнаказанно не можетъ обидѣть принятаго. Предваренный о прибытіи человѣка ненавидимаго, жмудинъ всячески старается не допустить его въ свой домъ, опасаясь, чтобы

нога врага его не осквернила порога, черезъ который, по народному повѣрью, самъ Богъ входитъ въ избу.

Комнаты въ домѣ жмудиновъ всегда опрятно убраны, имѣютъ полъ вымытый, потолки украшены воткнутыми за перекладину цвѣтами и душистою травою; полы посыпаны ельникомъ. По стѣнамъ висятъ образа работы деревенскихъ живописцевъ. На другой половинѣ, гдѣ помѣщается челядь, въ зимнюю пору находится и животныя: овца или коза, новорожденный теленокъ, а иногда и свинья съ поросятами.

Подобно расположенію литовскихъ строеній, у каждаго жмудина при домѣ находится *свирня*, гдѣ сложены въ большомъ порядкѣ хлѣбъ, ленъ, мука, крупа и отличный бѣлизны полотна, главнѣйшее издѣліе и нарядъ жмудянокъ. Въ прежнее время въ свирняхъ хранили военную сбрую; въ рѣдкой жмудинской пѣсни не упоминается о ней. Въ свиронкѣ плачетъ невѣста, когда ее выдаютъ замужъ; въ свиронкѣ кроитъ она полотна для несносныхъ сватовъ, въ свиронкѣ она обѣщается отцу и матери, сестрамъ и братьямъ, что черезъ недѣлю послѣ свадьбы она воротится переодѣтая въ цвѣтной повойникъ къ своимъ роднымъ и т. п.

У жмудиновъ постель составляетъ важную принадлежность въ домашнемъ быту и служитъ доказательствомъ достатка и порядка въ хозяйствѣ. Перины и подушки — необходимая принадлежность каждаго хозяина. Жмудины обыкновенно спятъ въ амбарахъ, и здѣсь, для предохраненія себя отъ холода, покрываются тонко набитыми перинами. Приданое невѣсты непремѣнно должно составлять нѣсколько перинъ и по крайней мѣрѣ двѣнадцать подушекъ. У литовцевъ, напротивъ, постель не составляетъ предмета особенной важности. Худо сколоченная кровать, постланная сѣномъ или соломою и покрытая простынею, съ подушкою или безъ нея, служитъ для хозяевъ мѣстомъ отдохновенія. Челядь и младшіе члены семьи спятъ на лавкахъ или устроенныхъ, поближе къ печкѣ, нарахъ. Въ Литвѣ для освѣщенія употребляютъ большею частію лучину, а по Жмуди сальныя свѣчи домашняго издѣлія. Впрочемъ, въ послѣднее время сталъ входитъ во всеобщее употребленіе керосинъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *петрулъ* (петролеумъ).

Хозяйственныя принадлежности литовцевъ и жмудиновъ удовлетворяютъ только необходимымъ нуждамъ. Кухонный приборъ ихъ составляютъ большой мѣдный котелъ, нѣсколько глиняныхъ горшковъ, желѣзная сковорода, большая глиняная эллиптической формы миска, употребляемая для жареной баранины, телятины или свинины. Столовой приборъ состоитъ изъ глиняныхъ, деревянныхъ и оловянныхъ мисъ и тарелокъ; вилки и ножи употребляются только въ домахъ зажиточныхъ поселянъ, и то при посѣщеніи гостей. Складные ножи составляютъ постоянную принадлежность мужчинъ и женщинъ въ дорогѣ, при полевыхъ работахъ и въ лѣсу.

Литовцы и жмудины ѣдятъ три раза въ день: рано утромъ одно или два кушанья прѣсныхъ, и въ обѣдъ и на ужинъ кислыя и мясныя блюда. Кромѣ обыкновеннаго кушанья, у нихъ въ употребленіи еще нѣкоторыя, исключительно имъ принадлежащія, блюда. Таковы напримѣръ: *хлодникъ*, приготовляемый на уксусѣ и водѣ изъ мелко искрошенныхъ корней красной свеклы, сметаны, укропа, свѣжихъ огурцовъ, круто сваренныхъ яицъ, раковъ или телятины, употребляемый лѣтомъ и всегда съ примѣсью льда. *Ботвинки* — кислый супъ изъ свеклы и ветчины, забѣленный сметаною; *верещаки* — жареное на маслѣ свиное сало, приправленное соусомъ и лукомъ; *сошникъ* — кисловатый супъ, приготовляемый изъ гусиной и поросячьей крови и потроховъ этихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ супъ подается жениху, ищущему руки дочери хозяина, какъ знакъ несогласія на бракъ. *Шупеня* — ячменная каша съ горохомъ и свѣжимъ свинымъ саломъ, — подаваемая жениху, служитъ знакомъ, что онъ хорошо принятъ въ домѣ. Поросячій хвостъ, воткнутый въ эту кашу посрединѣ миски, означаетъ у жмудиновъ,

что родители согласны выдать свою дочь за того, кто за нее сватается. *Пенсакъ*—постное кушанье, приготовляемое изъ толченыхъ въ ступѣ ячменныхъ зеренъ и гороха. *Конопляники*, или конопляные пироги, пекутся изъ ячменной муки, смѣшанной на-половину съ толчеными и конопляными зернами. *Скабепутра*,— приготовляемая слѣдующимъ образомъ: берутъ очищенный жареный картофель, свеклу, лѣсныя груши, ячную и гречневую крупу, посыпается все это перцемъ и другими пряностями, потомъ варятъ и заливаютъ все это кислымъ молокомъ. Затѣмъ кушанье это, слитое въ особую посуду, стоитъ нѣсколько дней для того, чтобы лучше скисло. Лѣтомъ крестьяне носятъ скабепутру въ поле въ пузыряхъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Поселяне въ лѣтнее время носятъ *кумала* — кафтанъ, сшитый изъ толстаго холста—*дробе* или изъ ткани льняной, смѣшанной съ шерстью и нерѣдко подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ; обыкновенный же костюмъ ихъ *сърменга*, кафтанъ изъ сѣраго домашняго сукна, называемаго *миласъ*. Зимою подъ кафтанъ надѣваютъ баранью шубу. Покрой платья отличается болѣе удобствомъ, чѣмъ изящностію формы. Одежда эта, обыкновенно, напереди застегивается желѣзными или мѣдными крючками и опоясывается, по большей части, зеленымъ или пестрымъ поясомъ и даже платкомъ. Молодые парни носятъ яркихъ цвѣтовъ пояса и фуражки или шапки съ козырьками и различной формы мѣховыя шапки, крытыя сукномъ. На Жмуди употребительны еще шляпы валеныя изъ черной шерсти, и въ Литвѣ соломенныя изъ домашняго издѣлія. Обувь составляютъ сапоги и кожаные «ходаки» въ родѣ употребительныхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ котовъ, которые привязываются къ ногамъ шнурками, охватывающими вмѣстѣ и онучи; но въ восточной части Ковенской губерніи, собственно у литовцевъ, употребляются и лапти. Сапоги же, хотя ихъ имѣютъ почти всѣ поселяне, надѣваются очень рѣдко, по большей части только въ праздничные дни, исключая крестьянъ особенно зажиточныхъ, которые всегда носятъ сапоги. Волосы въ Литвѣ и на Жмуди стригутъ обыкновенно въ кружокъ, а бороду брѣютъ, оставляя одни усы.

Женщины покрываютъ головы бѣлыми или другаго цвѣта платками, а иногда и чепцами. Дѣвушки обыкновенно не покрываютъ головы, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы, украшая концы ихъ лентами яркихъ цвѣтовъ. На шею надѣваютъ множество бисерныхъ, а дочери зажиточныхъ хозяевъ и коралловыхъ ожерельевъ. Платьемъ для женщинъ вообще служитъ рубашка, короткія юпки и разноцвѣтные фартуки; кафтаны похожи на мужскіе, но гораздо короче. Обувь замужнихъ женщинъ составляетъ родъ «ходокая», а дѣвушка носитъ башмаки, особенно по праздникамъ. Нужно замѣтить, что жмудины вообще, а преимущественно жители уѣздовъ, прилегающихъ къ Пруссіи и Курляндіи, будучи болѣе зажиточны, чѣмъ литовцы, также далеко превосходятъ ихъ и опрятностію одежды. Особеннымъ богатствомъ одежды отличаются приходы Свѣдотскій и Купишскій Вилькомірскаго уѣзда и нѣкоторые—Новоалександровскаго. Здѣсь, даже въ будни, женщины носятъ юпки изъ тонкой, голубаго цвѣта, шерстяной матеріи, а въ праздники и шелковыя съ множествомъ складокъ назади. Онѣ надѣваютъ также атласныя и бархатныя «шнуровки» (корсеты), безъ рукавовъ, обложенныя галунами. Шнуровки эти застегиваются серебряною цѣпочкою или такими же крючками. Всѣ носятъ башмаки. Въ Вилькомірскомъ уѣздѣ замужнія женщины покрываютъ головы большими платками, свернутыми на подобіе чалмы. Дѣвицы убираютъ голову множествомъ ленточекъ и натуральныхъ цвѣтовъ. Старухи сверхъ платковъ надѣваютъ бархатныя шапочки, составляющія также и необходимую принадлежность свахи.

Относительно степени благосостоянія, вообще нужно сказать, что оно распредѣлено между литовскими и жмудскими поселянами далеко неравномѣрно. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и вообще въ за-

падномъ краѣ Россіи, большинство крестьянъ были крѣпостные. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по закону 19 февраля 1861 года («Положеніе о крестьянахъ»), предоставлено право на землю только тѣмъ изъ нихъ, которые къ этому времени пользовались землею; крестьяне же, не владѣвшіе въ это время поземельными участками, оставлены безъ земли. Хотя въ послѣдствіи и были приняты мѣры къ обезпеченію участи этихъ безземельныхъ, но число ихъ до настоящаго времени еще очень велико. Такъ, изъ общаго числа крестьянскаго населенія Ковенской губерніи—318,800 душъ мужскаго пола — третья часть, а именно 110,800 душъ, не имѣетъ земли и представляетъ массу батраковъ кутниковъ и бобылей, не имѣющихъ никакой собственности и изыскивающихъ средства къ существованію наемнымъ трудомъ у помѣщиковъ и крестьянъ, владѣющихъ землею и ведущихъ самостоятельное хозяйство. Кутники еще имѣютъ собственные дома, но такъ какъ они построены не на собственной землѣ, то за наемъ ея приходится платить. Вслѣдствіе значительнаго числа бѣдныхъ и безземельныхъ крестьянъ, заработная плата очень низка. Такъ какъ землею литовскіе крестьяне владѣютъ не сообща, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а подворными участками, то и среди самыхъ надѣленныхъ землею крестьянъ встрѣчается рѣзкое различіе: одни имѣютъ 3 десятины, иные 10 и 15, между тѣмъ какъ другіе 50 и даже 100. Само собою разумѣется, что и степень ихъ благосостоянія также различна.

Въ Ковенской губерніи находится весьма много селеній, называемыхъ *«околицами»*, въ которыхъ живутъ мелкопомѣстные дворяне (шляхта), вмѣстѣ съ своими бывшими крестьянами, и однодворцы, т. е. тоже дворяне, имѣющіе небольшой земельный участокъ. Каждый изъ нихъ живетъ про себя и весьма рѣдко видитъ своихъ сосѣдей, исключая случайной встрѣчи при полевыхъ работахъ. Дома шляхтичей мало чѣмъ лучше крестьянскихъ избъ: они отличаются величиною, большими окнами и особенно фруктовымъ садомъ, въ которомъ между яблонными, грушевыми и вишневыми деревьями расположены часто пчелиные ульи. Сараи для скота, сѣнникъ, овинъ, свирня и складъ дерева и дровъ принадлежитъ также къ отличительнымъ признакамъ панскаго дома. Дворы, хотя обнесены плетнями для защиты луговъ и огородовъ отъ домашнихъ животныхъ, но воротъ нигдѣ не видно. Въѣздъ на дворъ есть продолженіе кривой грязной улицы и едва доступенъ за грязью въ дождливую погоду даже лѣтомъ, не говоря уже о веснѣ и осени. Домы пановъ состоятъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, и кухни—съ очагомъ. Одна половина—свѣтелка для пановъ—съ печью и трубою; другая—курная хата— для работниковъ. Здѣсь, какъ и въ крестьянскихъ избахъ, держатъ животныхъ: гусей, куръ, телятъ, кроликовъ и т. п. Здѣсь же во время жатвы накрывается столъ для рабочихъ, которые обыкновенно собираются разъ въ день для ужина, такъ какъ обѣдъ берутъ съ собою въ поле.

Бытъ околичной шляхты имѣетъ большое сходство съ житьемъ-бытьемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Малороссіи. Простота нравовъ такая же, какъ тамъ. Паненки (барышни), нерѣдко совсѣмъ босыя и почти всегда безъ чулокъ, выходятъ на лугъ въ росу и на грязный дворъ и даже до хлѣвовъ, неприступныхъ за грязью въ самую лучшую сухую пору года. Встаютъ по околицамъ рано, съ восходомъ солнца, часа въ три лѣтомъ, завтракаютъ около 9 часовъ утра и послѣ или даже предъ обѣдомъ отдыхаютъ. Ужинъ у старыхъ пановъ не въ обычаѣ. Чай съ хлѣбомъ и сыромъ замѣняютъ его по большей части, и только для рѣдкихъ гостей дѣлаютъ исключеніе.

Наружный видъ литовскаго народа не представляетъ никакихъ отличительныхъ особенностей отъ обычнаго арійскаго типа, къ которому принадлежитъ большинство народовъ средней и западной Европы. Цвѣтъ кожи литовца ничѣмъ не отличается отъ бѣлаго

цвѣта европейца. На продолговатомъ лицѣ, подобномъ малороссійскому, бросается въ глаза величина рта, часто несоразмѣрная, особенно у женскаго пола. Глаза большею частію голубые, волосы бѣлокурые, у малолѣтнихъ на подобіе льна. Вообще можно сказать, что литвинки, хотя въ молодости свѣжія и румяныя, не отличаются красотою, и правильныя черты лица почти не встрѣчаются между ними. Онѣ рано старѣютъ и уже въ среднемъ возрастѣ являются блѣдными, истощенными, морщиноватыми. Впрочемъ, простолюдины тѣлосложенія крѣпкаго, сильны, здоровы и способны переносить непогоды и неудобства деревенскаго быта. По всѣмъ этомъ примѣтамъ, литовцы занимаютъ, такъ сказать, средину, между славянами и своими сѣверными сосѣдями—скандинавами.

Привязанность къ своей родинѣ и вѣрѣ, гостепріимство, бывшее въ языческія времена подъ покровительствомъ особыхъ боговъ, простодушіе, мужество и у жмудиновъ—хитрость составляютъ главныя черты въ характерѣ литовца. Миролюбіе и добродушіе литовскаго поселянина обнаруживается въ его домашней и общественной жизни. Довѣріе его къ честности другихъ, проистекающее изъ собственной совѣстливости, простирается до того, что крестьянскія жилья, одинако разсѣянныя по лѣсамъ и рощамъ, не только ничѣмъ не огорожены, но даже въ отсутствіе хозяина остаются незапертыми. Цѣломудріе и чистота нравовъ литовскаго народа и его набожность можетъ быть поставлена въ примѣръ другимъ племенамъ. Деревянный крестъ, какъ выраженіе народной набожности, находится на Жмуди почти предъ каждымъ домомъ. Такіе же кресты и столбы съ рѣзнымъ изображеніемъ Іоанна Крестителя, какъ покровителя страны, столь часто ставятся по дорогамъ, что иногда отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ шаговъ. Набожный жмудинъ предъ каждомъ изъ нихъ снимаетъ шапку и прочитываетъ «Отче нашъ». Но эта набожность не мѣшаетъ, впрочемъ, литовцамъ сохранять вѣру въ колдовство, наговоры и имѣть много суевѣрій, отъ которыхъ не совсѣмъ свободны, впрочемъ, и другіе, болѣе развитые народы.

Одинъ авторъ (Юцевичъ) такъ характеризуетъ жмудиновъ: «Крестьянинъ жмудскій живъ, веселъ и дѣятеленъ какъ на полѣ, гдѣ онъ охотно и безъ принужденія занимается своею работою, такъ и въ дорогѣ, когда, запрягши четыре лошади въ огромную брику, нагруженную льномъ или льнянымъ сѣменемъ, ѣдетъ въ Ригу, Митаву или Либаву. Рѣдко можно видѣть его грустнымъ; съ бодрымъ видомъ, напѣвая деревенскую пѣсню, онъ встрѣчаетъ счастіе и несчастіе».

По народному литовскому понятію, трудолюбіе есть главное достоинство мужчины и женщины; дѣвушка не должна выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажетъ работу своего рукодѣлья. Такъ въ одной литовской пѣснѣ выхваляется дѣвица за то, что хорошо шьетъ, прядетъ, бѣлье моетъ. «Отчего ты, дѣвица, не ходишь въ хороводъ»? —«Сидѣла дѣвица за столикомъ ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила». «Хорошая дѣвица, говорится въ другой пѣснѣ, въ хороводъ идетъ изъ за станка, а изъ хоровода придетъ,—за красно берется». Точно также и молодцу честь и хвала за трудъ: «Хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ, плугъ припарядивши, а изъ хоровода придетъ—землю пашетъ». Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому станку. То и есть дѣвицѣ, что она пряха, да ткетъ хорошо, да сѣно грести умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ!

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа, говоритъ одинъ изслѣдователь (Н. И Костоморовъ), отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію: въ нихъ не воспѣваются преступленія или злодѣянія, и нѣтъ ничего соблазнительнаго, развращеннаго. Въ этой поэзіи не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то

таинственность развита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, только что воскресшей изъ-подъ снѣга природы; чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть».

Нѣкоторые мотивы этихъ пѣсенъ поразительно напоминаютъ мотивы русскихъ пѣсенъ. Мы приведемъ здѣсь одну изъ литовскихъ пѣсенъ въ подлинникѣ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятіе объ языкѣ литовцецъ:

О пер Дунајели,
О пер ванденели,
Атплауніа лајвями.

Там лаивя бивнялис
Аксяліо шукялем
Гальвяля шукаво,
Гелтонус плаукелјус
Дунајели лејидо.
Мергужеля мано,
Балта лелијеля!
Иш уаво ширдялес
Угняля сукуре.
Иш тово ширдялес
Угняля сукуре,
Лигаус леменеліо
Стрѣлбяля шидраже́....

По русски это будетъ такъ:

Вотъ по Дунаю,
Вотъ по водицѣ,
Приплываетъ челночекъ.
Въ этомъ челнѣ молодецъ
Золотымъ гребнемъ
Голубушку чесалъ,
Русые волосы
На Дунай опускалъ.
Дѣвушка, моя
Бѣлая лилеюшка!
Изъ твоего сердечка
Огонекъ зажгли.
Изъ твоего сердечка.
Огонекъ зажгли,
Изъ ровнаго стана
Лукъ выстрогали...

Хотя отличительною чертою большинства литовскихъ пѣсень должно признать унылость мотивовъ, такъ что даже знатоку литовскаго языка трудно отличить напѣвъ свадебный отъ похороннаго, но, по содержанію своему, въ числѣ ихъ немало есть, такъ сказать игриваго, веселаго характера. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Эй, что говоритъ хмѣль,
Изъ земли выростая,
Тромъ-тадъ, рататадъ,
Изъ земли вырастая:
«Если вы меня не подопрете
Я по земелькѣ поползу
Тромъ-тадъ, рататадъ
По земелькѣ поползу...
Говоритъ ячмень,
На горѣ находясь:
«Я зерно
Очень крѣпкое».
Говоритъ хмѣль,
Въ саду находясь:
«Я мудръ, очень добръ» и т. п.

Иногда пѣсни эти сопровождаются пляскою; но пляска эта не отличается ни особенною живостію, ни рѣзвостію, ни игривостію. Нѣкоторыя отъ этихъ плясокъ носятъ на себѣ явный слѣдъ древности, дней давно минувшихъ, времени язычества. Такова напримѣръ, пляска *кирвасъ* (топоръ), происходящая обыкновенно въ открытомъ полѣ. Она состоитъ въ томъ, что всѣ танцующіе располагаются въ кругъ, который составляется поперемѣнно изъ мужчинъ и дѣвицъ. Въ срединѣ круга становится дѣвушка съ топоромъ въ рукахъ и тогда всѣ участвующіе начинаютъ кружиться при пѣніи слѣдующей пѣсни:

Пляшите, пляшите—
Сегодня время.

Кто пляшетъ, кто веселится,
Тотъ наше дитя.

Богинь
Попросите—о, о!

И богини намъ помогутъ,
Если не сегодня, то завтра!

Сегодня пьемъ, гуляемъ,
Ибо наше время.

Кто можетъ знать,
Что завтра будетъ?

Смѣло ребята съ дѣвицею выскочить,
Прижать къ сердцу сердечку

И расцѣловать.
Ты, красная дѣвица,
Одного изъ насъ выберп!
Кто смѣлѣе всѣхъ—
Къ тому топоръ брось,
Го, го, къ тому топоръ брось!

При послѣднихъ словахъ дѣвушка подбрасываетъ топоръ вверхъ, а мужчины стараются поймать его на воздухѣ, и тотъ кто поймаетъ топоръ, выходитъ въ средину круга и пляшетъ съ дѣвушкою. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, цѣлуетъ ее и уступаетъ мѣсто другой дѣвушкѣ, и пѣсня начинается снова.

Это пѣсня съ призываніемъ богинь веселья, это хватаніе топора живо напоминаютъ древнія воинственныя пляски литовцевъ около жертвеннаго алтаря и есть, безъ сомнѣнія, такой же остатокъ сѣдой древности, какъ и многое другое въ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ литовскаго народа.

Древняя религія литовцевъ.—Ея слѣды въ обрядахъ и повѣрьяхъ настоящаго времени.

Географическое положеніе страны, занимаемой литовцами, имѣло большое вліяніе на бытъ ихъ и характеръ. Литва—это плоская равнина, склоняющаяся къ Балтійскому морю, покрытая мрачными лиственными лѣсами и изрѣдка малыми холмами, обильно орошенная рѣками, рѣчками, озерами и болотами, съ постоянно почти облачнымъ небомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, разсѣянные среди обширныхъ лѣсовъ, литовцы долѣе другихъ племенъ удержали слѣды глубокой старины, и ни у одного изъ народовъ, живущихъ въ Европѣ, не сохранилось въ современномъ быту такъ много остатковъ стараго, первобытнаго времени. Въ характерѣ литовскаго народа есть много самозаключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувшаго, много какъ-бы таинственнаго. Не даромъ въ западной Россіи названіе литовца равносильно названію колдуна. Позже всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ принявшіе христіанство, литовцы, дольше, даже до нашего времени, сохранили явные слѣды своихъ языческихъ вѣрованій. Въ своихъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, преданіяхъ они до сихъ поръ обращаются къ своимъ древнимъ богамъ, а въ ихъ обрядахъ—повторяются стародавніе обряды языческихъ временъ. У литовцевъ не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ древности, по которымъ можно-бы было составить себѣ понятіе объ ихъ древнемъ бытѣ, но ихъ вполнѣ замѣняютъ для насъ пѣсни; въ нихъ вся ихъ исторія, ихъ миѳологія, ихъ бытъ.

Какъ и всѣ другіе народы, литовцы въ древнее время были язычниками. Главнымъ божествомъ у нихъ считался Перкунасъ (славянскій Перунъ), громовержецъ, кромѣ котораго признавалось еще множество другихъ божествъ лѣсныхъ, водяныхъ и воздушныхъ. Кромѣ доб-

рыхъ боговъ, были у литовцевъ и злые, и между ними главный Пикулусъ, богъ ада. Жертвы богамъ приносили въ видѣ растеній и животныхъ, изъ числа которыхъ болѣе другихъ предпочитался козелъ. Есть также свидѣтельства о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній: люди увѣчные, больные, которымъ жизнь надоѣла, приносили себя въ жертву; отцы приносили богамъ своихъ больныхъ дѣтей. Въ городѣ Рошовѣ обиталъ верховный жрецъ литовцевъ — Криве. Онъ избирался изъ числа жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя на сожженіе на кострѣ изъ священныхъ деревъ. Его особа окружена была чрезвычайною таинственностію; онъ показывался чрезвычайно рѣдко и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же. Святость мѣста Рошова въ народѣ поддерживалась уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ жрецовъ (называвшихся у литовцевъ *войцелотами*) и поддерживался дубовыми деревьями изъ священной рощи. Не только въ мѣстахъ, назначенныхъ для богослуженія, но и въ каждомъ домѣ былъ свой священный огонь, поддерживаемый какъ предохранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. Трупы умершихъ также предавались огню. Язычники литовцы вѣрили въ безсмертіе душъ, и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что каковъ бы кто ни былъ на землѣ, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ,— таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. До сихъ поръ литовцы вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе, отъ кладбища къ кладбищу. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ.

Изъ всѣхъ миѳологическихъ вѣрованій въ литовскихъ пѣсняхъ уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ, что объясняется тѣмъ, что въ земледѣльческомъ быту и жизнь, и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологическимъ перемѣнамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола и называется божьей дочерью. Оно существо благое для человѣка, справедливое и сострадательное къ несчастію. «Гдѣ ты пребываешь Сивнита, дочь божія, говорится въ одной пѣснѣ. Сивнита отвѣчаетъ: «За морями, за горами, я призрѣвала сиротъ, согрѣвала пастуховъ, всѣмъ раздавала блага»! Солнцу прислуживаютъ утреннія и вечернія звѣзды; утренняя — зажигаетъ ей огонь,— вечерняя приготовляетъ на ночь постель. Луна представляется существомъ мужскаго пола и супругомъ Сивниты. Въ одной пѣснѣ разсказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу со своей супругой, и всходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ вмѣстѣ возвращались. Но однажды, когда, по обычаю, Менесъ (мѣсяцъ) повелъ Сивниту домой и уложилъ спать, самъ ушелъ отъ нея погулять и влюбился въ Аушрину (утренницу). Солнце, проснувшись, пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкунасъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный.

Въ настоящее время болѣе всего сохранилось остатковъ древнихъ вѣрованій и обычаевъ въ различныхъ обрядахъ литовскаго народа при рожденіи, крещеніи, при свадьбѣ и погребеніи, и также при нѣкоторыхъ праздникахъ.

Такъ, новорожденнаго младенца бабка обмываетъ въ холодной водѣ, что называется купать «въ потѣ Лаумы» (богини). Крестины справляются болѣе или менѣе торжественно, причемъ каждый приходящій гость приноситъ водку, а женщины кушанье. Не женатые должны давать по нѣсколько грошей повивальной бабкѣ. Въ этотъ же день кумъ и кума даютъ гостямъ обѣдъ «обѣдъ кумовывъ», для котораго первый обязанъ доставить водку, а послѣдняя закуску. Все это сопровождается различными припѣвами. Такъ, если не достанетъ водки, кума беретъ пирогъ и съ нимъ подходитъ къ куму, припѣвая:

«Куме ты, ты, ты!
Чтобы водка была
И сладкая и вкусная,—
Вотъ пирогъ на закуску!»

Родильницу и дитя первое время послѣ родовъ стараются скрыть, полагая, что первая можетъ еще болѣе страдать отъ взоровъ постороннихъ, а дитя подвергается сглазу. До году ребенка держатъ безъ рубашки, говоря, что будетъ еще время свой вѣкъ сносить. Когда у ребенка прорѣжется первый зубъ, родственники дѣлаютъ пирушку, во время которой поютъ особыя пѣсни, въ которыхъ прославляютъ и благодарятъ Бога, что сократилъ страданія ребенка и далъ міру трудолюбиваго человѣка.

Браки у литовцевъ совершаются рѣдко по влеченію сердца, но болѣе по хозяйственнымъ разсчетамъ. Бываютъ случаи, что до вступленія въ бракъ женихъ и невѣста совершенно не знаютъ другъ друга. У жмудиновъ, напротивъ, браки основываются на взаимной склонности.

Когда родители жениха порѣшатъ начинать свадьбу, они засылаютъ свата. Для этого избирается обыкновенно лицо, близкое къ дому избираемой. Сватъ беретъ за-пазуху бутылку водки и отправляется для переговоровъ. Войдя въ домъ, сватъ встрѣчаетъ хозяевъ обычнымъ привѣтствіемъ: «Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ»! потомъ здоровается со всѣми, вынимаетъ бутылку, спрашиваетъ рюмку и, получивъ ее, выпиваетъ прежде самъ, потомъ приглашаетъ присутствующихъ. Родители уже знаютъ обыкновенно въ чемъ дѣло, но сватъ не обращаетъ на это вниманія и начинаетъ разговоръ издалека:

«У стараго Жирблиса съ Бученева, говоритъ онъ, напримѣръ, есть молодой голубь какъ луна; бѣда, что нѣтъ ему голубицы. Ахъ какой голубь, какой голубь!.... За горами мы слышали, что у васъ есть голубица. Нельзя ли соединить этихъ голубей? Сколько было бы птенчиковъ бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ»...

Родители, если согласны, отвѣчаютъ: «Герай, благослови Деве» (хорошо, благослови Богъ); если-же не согласны на бракъ, то говорятъ: «Нѣтъ у насъ голубицы». Въ случаѣ согласія допиваютъ всю водку; если же нѣтъ, то обязаны поставить столько, сколько выпито.

Если сватовство состоится, то назначается день для дальнѣйшихъ переговоровъ и обрученія, которое сопровождается также угощеніемъ.

Послѣ обрученія женихъ даетъ невѣстѣ подарки, деньги на кольца и т. п. и подаетъ объявленіе въ костелѣ. При этомъ ксендзъ дѣлаетъ жениху и невѣстѣ экзаменъ, требуя знанія главнѣйшихъ молитвъ и заповѣдей. За три дня до бракосочетанія невѣста ходитъ ежедневно по всѣмъ домохозяевамъ своего села и приглашаетъ ихъ на свадьбу, кланяясь и цѣлуя каждаго изъ приглашенныхъ. Бракосочетаніе совершается всегда во вторникъ. Празднованіе свадьбы начинается съ понедѣльника въ домѣ родителей жениха и продолжается цѣлую недѣлю. Съ вечера брачнаго дня идетъ пированіе съ танцами какъ у жениха, такъ и у невѣсты, при чемъ поются различныя пѣсни.

Свадебныя пѣсни литовцевъ большею частью грустнаго содержанія, не отъ страха тягости супружеской жизни, а болѣе по причинѣ сожалѣнія о лѣтахъ дѣтства, разлуки съ родной семьею. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ пѣсень «за море». Сама мать груститъ съ нею: «Пойди моя доченька, моя молодая, говоритъ мать, — пойди во рутовый садочекъ! Что то твоя рута, твоя зеленая, твоя пышная. Наклонились твои вѣточки до земли. Сорви моя доченька, моя молодая, цвѣточки въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей; засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь, моя доченька, моя молодая, съ гостьми въ чужую сторону, не услышишь какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родимая матушка; не увидишь, какъ будутъ танцовать твои сестрицы, только услышишь, какъ станетъ куковать кукушка, да синее море будетъ шумѣть у берега»!.... «Помостила-бы я мосты, поетъ невѣста,

изъ чистаго серебра, чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости моей никогда не увижу. Какъ вы хотите, чтобы я весела была? обращается невѣста къ сестрамъ: я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мои руки-ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ. Свекоръ согрѣетъ руки и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ»...

Въ день свадьбы, рано поутру, женихъ отправляется къ невѣстѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ товарищей (друзей), одѣтыхъ въ лучшіе кафтаны, опоясанныхъ красивымъ поясомъ, въ фуражкахъ, обвязанныхъ ленточкою, за которою заложена вѣтка изъ руты. При этомъ головы лошадей, находящихся въ упряжи, украшаются павлиньими перьями, дуга цвѣтами, а къ уздечкамъ привѣшивается множество мелкихъ колокольчиковъ.

Невѣста встрѣчаетъ жениха въ сопровожденіи подругъ, которыя одѣты въ суконныя куртки съ разноцвѣтными фартуками; головы ихъ украшены цвѣтами, а шея коралловыми ожерельями. Обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты составляетъ шелковая юбка съ оборками и синій суконный кафтанъ съ простыми отворотами. На голову надѣваютъ рутяный вѣнокъ, который привозитъ женихъ. Въ домѣ невѣсты завтракаютъ, танцуютъ подъ скрипку и потомъ отправляются въ костелъ. Жители деревень, лежащихъ на пути свадебнаго поѣзда, запираютъ на околицѣ ворота, не пропуская проѣзжающихъ, пока невѣста не броситъ имъ свадебныхъ пироговъ. Во время поѣздки въ костелъ поютъ разныя пѣсни.

По совершеніи обряда, свитѣ дѣлаютъ обѣдъ, послѣ котораго возвращаются въ домъ невѣсты, гдѣ ея родители встрѣчаютъ молодыхъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и стаканомъ пива на тарелкѣ. Тутъ гуляютъ до вечера, по наступленіи котораго, во время танцевъ, сваты платкомъ покрываютъ голову молодой, которая начинаетъ плакать; ее ведутъ къ вечернему столу, а дружки поютъ пѣсни о потерѣ вѣнка. Въ полночь гости отправляются въ домъ молодаго, гдѣ гуляютъ до утра.

На утро дружки проводятъ изъ амбара (гдѣ спятъ обыкновенно новобрачные) къ жилому дому соломенную веревку, запрягаютъ шесть лошадей, всю упряжь завертываютъ въ солому, кучера обвязываютъ также съ головы до ногъ соломой. Устроивъ такой маскарадъ, ѣдутъ за свахами. По пріѣздѣ послѣднихъ, идутъ торжественно къ молодымъ съ музыкою, съ пѣснями, снимаютъ вѣнокъ съ головы невѣсты и надѣваютъ чепчикъ или повойникъ. Бабка приноситъ блюдо съ водою мыться, въ которое сваты бросаютъ по рублю, а прочіе дружки по полтинѣ, чтобы молодые были бѣлѣе серебра. Затѣмъ молодыхъ приводятъ въ жилой домъ, гдѣ опять начинается пированье и танцы, во время которыхъ вѣшаютъ соломенное чучело подъ именемъ свата, какъ виновника свадьбы. Въ этотъ день невѣста сама приготовляетъ кушанье и угощаетъ гостей, почему это пированье и называется «обѣдъ невѣсты». Родители жениха не участвуютъ въ свадьбѣ.

Замѣчательны также нѣкоторые обычаи и повѣрья при кончинѣ и погребеніи литовцевъ. Такъ, при долгихъ страданіяхъ умирающаго, дѣлаютъ отверстіе въ крышѣ дома надъ его головою, чтобы душа скорѣе отлетѣла на небо; умершему поспѣшаютъ закрыть глаза, чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ. Жмудины кладутъ въ гробъ молодаго человѣка съ кнутомъ за поясомъ, дѣвицу—съ вѣнкомъ на головѣ, а дѣтей—осыпаютъ цвѣтами. Кнутъ, по мнѣнію ихъ, нуженъ для путешествій на томъ свѣтѣ и во время поѣздокъ для посѣщенія мертвецовъ.

Родственники, оплакивая покойника, вычисляютъ его добродѣтели. Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ сестры-сироты плачутъ на материной могилкѣ и ведутъ съ матерью разговоръ

«Ахъ вы мои дѣточки, мои сироточки, говоритъ имъ изъ могилы матушка: что вы тутъ сидите, вы ѣсть пить хотите»!—«Будемъ ѣсть зеленую траву, а пить будемъ утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери,—лишь бы намъ провѣдать нашу матушку».

Оплакиваніе покойника не обходится безъ водки, которою обыкновенно подчуютъ до излишества приходящихъ въ домъ покойника для пѣнія молитвъ, а въ особенности послѣ погребенія.

Еще болѣе остатковъ древняго языческаго быта можно замѣтить въ обрядахъ и вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ различными христіанскими праздниками, къ которымъ какъ бы приноровлены древніе языческіе праздники. Такъ, напримѣръ, св. Георгій считается покровителемъ домашняго скота, и поэтому въ день его памяти (23-го апрѣля) литовцы приносятъ въ костелъ, какъ жертву, различныхъ домашнихъ животныхъ, особенно молодыхъ козловъ. Духовенство, впрочемъ, не старается искоренить этотъ явный остатокъ язычества, а даже его поддерживаетъ. Чтобы и бѣдные могли участвовать въ приношеніяхъ въ день св. Георгія, нѣкоторыя настоятели костеловъ заказываютъ восковыя фигуры лошадей, козловъ, овецъ и т. п., которыхъ церковные сторожа продаютъ у входа въ костелъ. Каждый, купившій такую фигуру обноситъ ее сначала нѣсколько разъ около костела съ молитвами и потомъ кладетъ на алтарь.

У жмудиновъ особенное чествованіе воздается св. Агаѳіи, также очевидно замѣнившей въ понятіи народа одну изъ языческихъ богинь. Нѣтъ почти ни одного селенія, въ которомъ бы не было ея деревяннаго изображенія. Св. Агаѳія преимущественно спасаетъ отъ огня. Въ день празднованія ея памяти освящается въ костелахъ хлѣбъ, который хозяева тщательно сохраняютъ. Во время пожара кусокъ такого хлѣба обносятъ вокругъ горящаго строенія, послѣ чего пожаръ, по народному повѣрью, долженъ прекратиться. Св. Агаѳія изображается обыкновенно съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Въ день Св. Іоанна крестителя (Ивановъ день, 24-го іюня) литовцы, подобно малороссамъ и бѣлоруссамъ, полагаютъ, что вѣдьмы собираются въ одно мѣсто для пляски. Мѣстомъ сбора считается гора Шатрія въ $2^3/_4$ верстахъ отъ мѣстечка Лукники въ Шавельскомъ уѣздѣ. Въ предостереженіе себя отъ вѣдьмъ употребляютъ различныя травы и святую воду. Въ ночь на тотъ же день, для очищенія себя отъ грѣховъ, перепрыгиваютъ чрезъ разложенный костеръ или купаются въ рѣкѣ. Св. Матѳей считается также покровителемъ Литвы и Жмуди, и день его памяти (21-го сентября) сопровождается празднествомъ, для котораго существуютъ особыя пѣсни.

VI. ЛАТЫШИ.

Народный характеръ. Историческая судьба и современный бытъ.

Латыши составляютъ одну изъ отраслей литовскаго племени и населяютъ въ настоящее время южную часть губерніи Лифляндской, западную часть Витебской и всю площадь губерніи Курляндской. Считается ихъ всего болѣе милліона душъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ латыши представляются народомъ несамостоятельнымъ и никогда не составляли они, подобно литовцамъ, отдѣльнаго независимаго государства или общества, съ своимъ управленіемъ, законами и учрежденіями. Когда, въ началѣ XIII столѣтія, на Балтійское побережье явились нѣмецкіе рыцари крестоносцы, они застали латышей во враждѣ съ сосѣдними финскими племенами—ливами и эстами, и воспользовались этимъ. Латыши приняли сторону новыхъ пришельцевъ и усердно помогали нѣмцамъ въ истребленіи своихъ сосѣдей. Только тогда, когда утомленные постоянною борьбою ливы и эсты погибли подъ гнетомъ чужеземнаго порабощенія, и латыши увидѣли опасность, и пробовали отстоять свою самостоятельность, но уже было поздно. Имъ суждено было подпасть той же участи порабощенія, какую они приготовили своимъ врагамъ. Впрочемъ латыши достигли полнаго торжества надъ ливами; послѣдніе исчезли, и латышская народность заняла ихъ мѣсто, хотя и подъ властью нѣмцевъ. Остатки ливовъ, недобитыхъ старыми и новыми врагами своими, были такъ немногочисленны, что съ теченіемъ вѣковъ передѣлались въ латышей, оставя на нихъ слѣды финской подмѣси. Впрочемъ не одни ливы слились съ латышами: куры, литовцы, русскіе и скандинавы, въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ вошли съ теченіемъ столѣтій въ составъ латышскаго племени и оставили на немъ замѣтные слѣды. Поэтому латышское населеніе различныхъ мѣстностей Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ не успѣли еще сгладиться черты народной жизни, представляетъ замѣтныя особенности то въ обычаяхъ и нравахъ, то въ мѣстномъ нарѣчіи, то въ живыхъ еще вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ самомъ языкѣ латышей можно отыскать слѣды языковъ многихъ народностей, но болѣе всего онъ и по составу словъ, и грамматическому строенію, сходенъ съ языкомъ славянскимъ *), что объясняется впрочемъ тѣмъ, что латыши, какъ отрасль литовскаго племени, составляли въ глубокой древности одно славяно-литовское племя. И до сихъ поръ латыши сознаютъ свое близкое родство съ литовцами и русскими, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ, охотно вступаютъ въ бракъ съ ними и отдаютъ своихъ дѣтей за нихъ.

Изъ крестовъ скована Русская земля,

поется въ одной латышской пѣснѣ:

А латышская обитель господами;
Черезъ крестъ восходитъ солнце,
А чрезъ господъ заходитъ.
Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ беру себѣ литвинку.
Хожу я къ русскимъ, хожу я къ литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятья—родня.

---

*) Изъ 4,500 первообразныхъ словъ около 1,000 насчитывается имѣющихъ сходство съ славянскими. Напримѣръ, *граммата*, громота, книги; *свеэте* святой, *блюада*—блюдо; *ваарит*—варить; *гаспожа* госпожа; *драугс*—другъ, *земе*—земля; *купчиса* купецъ; *свецце*—свѣча и т. д.

За то глубокое, неискоренимое чувство непріязни чуствуютъ и латыши къ своимъ поработителямъ. Въ теченіе шестивѣковаго своего подчиненія власти нѣмцевъ латышскому народу пришлось вынести столько утѣсненій и бѣдствій, что не могутъ загладить ихъ долгіе годы болѣе благопріятныхъ отношеній. До начала настоящаго столѣтія латышскіе крестьяне находились въ полной зависимости отъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, и не только ихъ имущество, но и самая жизнь находилась въ рукахъ послѣднихъ. Не меньшія тягости приходилось выносить и другой части латышскаго народа, подпавшей власти польскихъ пановъ (въ нынѣшней Витебской губерніи). До самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости латыши были полными рабами своихъ помѣщиковъ, и терпѣли чрезвычайную нужду. Немудрено, что латышскіе крестьяне вспоминаютъ объ этихъ временахъ какъ о періодѣ тяжкаго рабства, какъ это ясно выражается въ латышскихъ пѣсняхъ, описывающихъ ихъ бытъ во время крѣпостнаго состоянія.

О, Боже, куда мнѣ дѣваться!

поется въ одной пѣснѣ:

Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Лѣса наполнены, волками да медвѣдями,
Поля наполнены господами....

*
* *

Боже, накажи отца,
Накажи и мать мою,
Которая дала мнѣ вырости
Въ этой невольничьей землѣ.....

Въ настоящее время бытъ латышскихъ крестьянъ конечно измѣнился къ лучшему, но слѣды прошлаго еще не совсѣмъ исчезли.

Шестивѣковое рабство латышей оказало невыгодное вліяніе не только на ихъ экономическій бытъ, но и развитіе ихъ характера: отъ природы мягкій, добродушный и чувствительный, ихъ характеръ замѣнился безхарактерностію и отсутствіемъ воли. Они ласковы, гостепріимны и откровенны съ тѣмъ, кому удастся внушить къ себѣ довѣріе; но вмѣстѣ скрытны и, вслѣдствіе долгаго угнетенія, недовѣрчивы ко всему чужому. Пріобрѣсти ихъ довѣріе трудно; но разъ получившій его будетъ пользоваться имъ всегда. Самые строгіе порицатели латышей признаютъ въ нихъ бойкія умственныя способности и находчивость, которую ихъ изворотливый умъ примѣняетъ ко всѣмъ обстоятельствамъ. Повидимому имъ недостаетъ только одного—предпріимчивости, которою въ столь высокой степени одаренъ русскій народъ, но это—слѣдствіе долгаго стѣсненія свободы и относится только къ отживающимъ свой вѣкъ поколѣніямъ. Латышъ легко и безропотно покоряется всему и даже въ иныхъ обстоятельствахъ показываетъ какую-то непринужденность, веселость, покорность и легкость въ перенесеніи такого положенія; обиду или наказаніе латышъ готовъ простить при первомъ ласковомъ словѣ. Будучи вообще миролюбивъ и добродушенъ, онъ въ самомъ разгоряченномъ состояніи довольствуется тѣмъ, что осыпаетъ противника бранью, не трогая его кулакомъ и не вставая даже съ мѣста. Въ характерѣ латыша замѣтно упрямство, и разъ онъ считаетъ себя правымъ—ни за что не уступитъ другому.

Латыши вообще честны. Покражи между ними встрѣчаются рѣдко, въ особенности болѣе цѣнныхъ и значительныхъ вещей, такъ что почти въ поговорку обратилось замѣчаніе, что латышъ изъ ларчика съ золотыми и мѣдными монетами возьметъ только послѣднія. Величайшимъ преступленіемъ считается кража чего нибудь принадлежащаго къ крестьянскому хозяйству, и подобные случаи въ общемъ мнѣніи преслѣдуются строго. Нравственность латышей находится также на довольно высокой степени, особенно въ послѣдее время. Развратъ и пьянство, особенно послѣднее, сильно развитое въ прежнее крѣпостное время, нынѣ совершенно исчезли и замѣнились умѣрен-

нымъ употребленіемъ пива. Религіозность ихъ, особенно принадлежащихъ къ сектѣ гернгутеровъ, и исповѣдующихъ католическую вѣру, также высока. Католики любятъ религіозное пѣніе и потому всѣ лѣтнія полевыя работы ихъ оканчиваются хоровою духовною пѣсней предъ первымъ попавшимся на пути близъ околицы крестомъ. Безграмотныхъ между латышами можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко; самые бѣдные хотя кое-какъ разбираютъ книги. Религіозность не препятствуетъ впрочемъ сохраненію среди латышей многихъ вѣрованій, остатковъ язычества. И до сихъ поръ латышскій крестьянинъ на каждомъ шагу соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ предохраняетъ свои дома, свое имущество и всѣ свои предпріятія отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ или способствуетъ благопріятному вліянію добрыхъ. Въ особенности у латышекъ много держится обрядовъ и вѣрованій старины. Въ латышскомъ краѣ и теперь еще, почти повсемѣстно, можно слышать веселыя, невинныя пѣсни въ честь Лиги, древне-латышскаго божества радости и земныхъ наслажденій.

Трудолюбіе считается у латышей главнымъ достоинствомъ какъ мужчины, такъ и женщины. Будучи вообще не особенно крѣпки и сильны, они способны однако къ самому упорному и продолжительному труду. Латышъ обыкновенно высокаго роста, строенъ, спину и грудь имѣетъ плоскія, плечи не широкія, шею длинную, глаза сѣрые. Длинные, большею частію свѣтлые, волосы, не закрываютъ ушей. Женщины латышскія обладаютъ здоровымъ сложеніемъ и довольно стройны. Лицо у латышской женщины продолговатое, черты лица довольно крупныя, глаза открытые, носъ прямой, зубы нѣсколько выдающіеся, подбородокъ широкій, шея длинная, голова нѣсколько сжатая, грудь не высокая.

Латыши, мужчины, въ Лифляндіи и Курляндіи не носятъ ни усовъ, ни бороды. Только латыши католики Витебской губерніи любятъ носить бороду, но и они должны брить ее, когда идутъ въ церковь, такъ какъ ксендзы сильно преслѣдуютъ ношеніе бородъ которая считается ими за признакъ симпатіи къ русскимъ. Той же причиною должно объяснить и бритье бородъ у латышей-лютеранъ Лифляндіи и Курляндіи, такъ какъ нѣмецкіе бароны требовали его отъ своихъ подчиненныхъ. Нынѣ, впрочемъ, понемногу начинаетъ входить въ обычай и здѣсь отпускать бороду и усы.

Старики пользуются у латышей большимъ уваженіемъ. Дѣло, пользу котораго латышъ не совсѣмъ понимаетъ, едвали удастся понудить его исполнить даже самыми строгими мѣрами. Но сказалъ какой нибудь старикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, что слѣдуетъ сдѣлать то-то и то-то—и тогда безъ всякихъ возраженій будетъ сдѣлано по его словамъ. Нынѣ, впрочемъ, и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, замѣтна перемѣна, и молодежь обнаруживаетъ болѣе самостоятельности.

Балтійскіе латыши Курляндіи и Лифляндіи живутъ разсѣянно въ отдѣльныхъ усадьбахъ, хуторахъ. По мѣрѣ приближенія съ Лифляндской стороны къ Витебской губерніи замѣчается склонность латышей селиться деревнями. Отдѣльныя, разсѣянныя усадьбы начинаютъ группироваться по двѣ, по три, такъ что на самой границѣ Лифляндіи и почти по всей Витебской губерніи латышская народная жизнь уже сосредоточивается въ деревняхъ.

Латыши, въ особенности глухихъ, удаленныхъ отъ городовъ мѣстностей, отличаются значительною привязанностію къ старинѣ, хотя и уступаютъ въ этомъ русскимъ крестьянамъ. Преданія прежнихъ вѣковъ живутъ не только въ разныхъ, вѣрованіяхъ и различныхъ видахъ повѣрій, но и во всемъ быту латышскаго народа. Дома строются какъ строили предки, старинные обычаи хозяйства свято соблюдаются, и только съ большими усиліями прививаются улучшенія и нововведенія, и легче всего въ одеждѣ.

Крестьянскій дворъ состоитъ у латышей изъ слѣдующихъ строеній: жилаго дома, конюшни, хлѣва для скотины, бани, риги и клейты (клѣти), или домашняго магазина для склада всего запаснаго иму-

щества. Все это обыкновенно сложено изъ сосновыхъ бревенъ, крыто соломою, или, что еще чаще, — гонтомъ и расположено кругомъ небольшаго двора. Отдѣльно отъ прочихъ строеній, для безопасности отъ огня, располагаются только риги, иногда баня, когда имѣется возможность построить ее возлѣ рѣки. Частоколъ, деревянный заборъ или земляной валикъ отдѣляютъ дворъ отъ окружающихъ его полей и соединяютъ въ одну группу всѣ строенія; ворота оставляются только съ одной стороны.

Главное строеніе назначается для жилья и состоитъ большею частію изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, по устройству въ нихъ очага, составляютъ кухню. Въ крышѣ надъ сѣнями оставляется отверстіе для дыма или устраивается деревянная или кирпичная труба. Вправо отъ сѣней находится помѣщеніе, состоящее изъ одной или двухъ комнатъ—для хозяина и его семьи; сложенная изъ кирпичей или изразцовая печь отапливается снаружи, со стороны сѣней; вокругъ избы устроены скамьи, а сверху лежанка; окна большею частію находятся со стороны двора. Работники и хозяйская прислуга имѣютъ помѣщеніе на противуположной стороны отъ сѣней, состоящее почти всегда изъ одной комнаты, раздѣленной иногда перегородкой для устройства особыхъ помѣщеній для мужчинъ и женщинъ. Къ хозяйской половинѣ примыкаютъ обыкновенно двѣ коморки для храненія припасовъ; подъ одною крышею съ домомъ находится иногда клейта и сарай. Прочія принадлежности къ хутору и хозяйственныя строенія очень малы и двери въ нихъ къ сторонѣ двора. Каждый родъ домашнихъ животныхъ имѣетъ особый хлѣвъ или отгороженное помѣщеніе. Баня, обыкновенно тѣсная и низкая, составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей каждаго хутора. Латыши, такъ же какъ и русскіе, до употребленія бани большіе охотники и считаютъ непремѣнною обязанностію посѣщать ее еженедѣльно по субботамъ.

Все это относится къ жилищу болѣе или менѣе зажиточнаго «хозяина» собственника или арендатора. Но они составляютъ меньшинство, а болѣе значительная часть населенія далеко не пользуется достаткомъ. Какъ въ Лифляндіи и Курляндіи такъ особенно въ Витебской губерніи есть немало поселянъ, жилище которыхъ составляетъ курная изба съ бревенчатымъ потолкомъ и землянымъ поломъ. Въ такой избѣ большею частію два небольшія окна и насупротивъ печи имѣется небольшое отверстіе для выхода дыма и пропуска въ избу внѣшняго воздуха. Латышская хата не имѣетъ никакихъ религіозныхъ украшеній, и только деревянное, совершенно почернѣвшее отъ дыма распятіе, даетъ знать посѣтителю, что онъ находится въ христіанскомъ жилищѣ. Сѣни, равняющіяся четвертой части всего жилища, отдѣляютъ избу отъ кладовой или клѣти. Внутри изба отличается тѣснотой, крайнею мрачностію, неопрятностію и дурнымъ воздухомъ. Все украшеніе ея составляютъ двѣ лавки у стѣнъ, скамья и кровать. Полокъ и шкафовъ нѣтъ; вмѣсто нихъ служитъ простой плетеный изъ сосновыхъ драниченъ ящикъ, подвѣшиваемый къ столбу или стѣнѣ; въ этотъ ящикъ складывается убогая посуда латышей, двѣ-три глиняныя миски и потребное число деревянныхъ ложекъ.

Въ домашнемъ быту латышъ отличается умѣренностію, бережливостію и предусмотрительностію, и въ теченіе года ведетъ ровную жизнь. Обыкновенную его пищу составляютъ огородныя растенія, капуста, горохъ; въ болѣе или менѣе зажиточныхъ хозяйствахъ въ большомъ количествѣ употребляется пища молочная. Изъ кушаньевъ латышскаго стола особеннымъ предпочтеніемъ пользуется путра, или скабепутеръ — супъ, приготовляемый изъ ячменной крупы съ примѣсью кислаго молока. Мясо вообще въ маломъ употребленіи и то только въ праздничные дни осенью. Селедки, покупаемыя въ портовыхъ городахъ, находятся въ общемъ употребленіи; прочіе же виды рыбъ употребительны только въ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Сыръ, до котораго латыши большіе охотники, изготовляется въ большомъ количествѣ отчасти для продажи, но болѣе для собственнаго упо-

требленія. Куреніе табаку составляетъ общую потребность, и рѣдко можно видѣть латыша, который не имѣлъ бы во рту короткаго чубука съ фаянсовой трубкою. Въ окрестностяхъ городовъ, гдѣ вообще латыши зажиточнѣе и болѣе уклоняются отъ быта своихъ предковъ, многіе курятъ нисшихъ сортовъ сигары.

У латышей Витебской губерніи и среди большей части населенія Лифляндской и Курляндской приготовленіе хлѣба отличается характеристическими особенностями, доказывающими бѣдность крестьянъ. Вымолоченную рожь, нисколько не отдѣляя просѣвкой отъ пыли и половы, а въ неурожайные годы даже примѣшивая послѣдней, сушатъ въ печахъ, толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, мелютъ на ручныхъ жерновахъ, а за тѣмъ, отдѣливъ просѣвкою на довольно рѣдкихъ рѣшетахъ отъ большихъ лишь соломинокъ и неразмельченыхъ зеренъ, употребляютъ для печенія хлѣба. Приготовляемый такимъ образомъ хлѣбъ отличается непріятнымъ видомъ; онъ вообще бываетъ цвѣта изъ желта чернаго, слишкомъ тяжелъ, водянистъ, легко разламывается на части, въ коихъ ясно виднѣется: мякина, части соломы, несовсѣмъ размолотыя зерна. Во время большихъ неурожаевъ, въ муку для печенія хлѣба прибавляютъ еще папоротникъ и мохъ.

Для одежды употребляется грубое сукно *вадмалъ*, выдѣлываемое двухъ сортовъ: одно—болѣе толстое и плотное—для зимняго платья, а другое—болѣе легкое—для лѣтней одежды. Національный цвѣтъ одежды, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ,—есть бѣлый и свѣтлосѣрый, но въ послѣднее время сталъ предпочитаться темнобурый. Покрой платья весьма различенъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ Лифляндіи и Курляндіи все болѣе и болѣе приближается къ городскому или такъ называемому нѣмецкому. Наиболѣе костюмъ сохранился въ первобытномъ видѣ въ Витебской губерніи и Виндавскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ губерніи Курляндской. Въ послѣднихъ верхнее платье состоитъ у мужчинъ—изъ бѣлыхъ кафтановъ съ длинною таліею и съ многими складками. Кафтанъ безъ ворстника и края полъ и рукавовъ въ Гольдингенскомъ уѣздѣ обшиваются шнурками. Верхнее платье застегивается не пуговицами, но прикрѣпляется посредствомъ петель, шнурковъ и пояса, причемъ остается открытою верхняя часть груди, подъ которою виднѣется рубашка съ узорчатымъ воротникомъ, съ мѣдными или серебряными застежками. Нижнее платье доходитъ только до колѣнъ или икръ, которыя обертываются платкомъ или портянками. Вмѣсто сапогъ нерѣдко употребляются лапти изъ мягкой березовой и липовой коры и пасталы (пасталогъ)—обувь, состоящая изъ куска кожи, обертывающаго ногу и собраннаго складками около ступни. Женщины носятъ лѣтомъ черныя холщевыя платья съ короткою и узкою таліей и юбкою, достигающей только до икръ. Платье не имѣетъ рукавовъ, замѣняемыхъ бѣлыми рукавами рубашекъ, и спереди прикрѣпляется шнурками и петлями. Талія опоясывается поясомъ изъ мѣдныхъ колецъ. Икры, какъ у мужчинъ, обертываются голубыми платками, а на ноги надѣваютъ лапти или пасталы, впрочемъ только зимою, а лѣтомъ женщины большею частію ходятъ босыя. Волосы спереди причесываются гладко, а сзади подбираются въ одну косу. На голову надѣвается мѣдное кольцо, у дѣвушекъ замѣняемое вѣнкомъ—вайнягсъ. Основаніемъ ему служитъ то же кольцо металлическое или изъ болѣе мягкаго матеріала, а украшеніями служатъ бисеръ, камни и т. п. Кромѣ того, изъ вѣночка торчатъ прикрѣпленныя къ нему щетинки, на которыхъ нанизаны кусочки разноцвѣтныхъ блестокъ. Сзади отъ него виситъ пара цвѣтныхъ красныхъ лентъ. Иногда эти украшенія замѣняются цвѣтами и разнообразно завитыми лентами. Любовь латышей къ украшеніямъ, къ цвѣтамъ,—замѣчательна. При каждомъ, несовсѣмъ бѣдномъ, хуторѣ замѣтно стараніе дѣвицъ развести кое-какіе цвѣты. Дѣвицы въ вѣнкахъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а парни съ шляпами, украшенными, цвѣтами встрѣчаются нерѣдко лѣтомъ. Замужнія, вмѣсто вѣнка и кольца, носятъ также особаго рода шапочки (чепцы).

Бѣлый передникъ съ узорами дополняетъ описанную одежду лѣтомъ.

Зимою женщины надѣваютъ на талію родъ спенсера или камзола изъ шерстяной матеріи, краснаго и зеленаго цвѣта. Для защиты отъ непогоды, поверхъ платья надѣваютъ большой платокъ—зимою изъ шерстяной, а лѣтомъ — изъ льняной матеріи. Платокъ этотъ, называемый *вилайнесъ*, большею частью собственнаго издѣлія, въ видѣ покрывала закрываетъ значительную часть стана латышки. Въ различныхъ мѣстностяхъ вилайнесъ бываетъ различнаго цвѣта и съ различными узорами; они встрѣчаются то полосатые по одному направленію, то по двумъ, то бываютъ одноцвѣтные безъ полосъ. Преимущественно цѣнится вилайнесъ чисто бѣлаго цвѣта, почитающійся украшеніемъ дѣвицъ. По краямъ бѣлыхъ вилайнесъ часто виситъ бахрома. Вилайнесъ застегивается на груди большою брошкою, держащею платокъ на тѣлѣ безъ помощи рукъ. Въ Виндавскомъ уѣздѣ эти платки бываютъ чернаго или голубаго цвѣта и по краямъ обшиваются погремушками.

Въ окрестностьяхъ Либавы одежда латышей походитъ на жмудскую и эстонскую. Мужчины носятъ верхнее платье, сшитое болѣе покроемъ сюртука, изъ шерстяной матеріи темно-коричневаго цвѣта; которое застегивается не петлями и пряжками, а посредствомъ металлическихъ пуговицъ. Женщины носятъ юбки и темно коричневые комзолы съ рукавами, а голову прикрываютъ платкомъ.

У латышей Витебской губерніи одежда также не прихотлива, груба и проста какъ и жилища, и пища. Мужчины и женщины носятъ рубахи изъ бѣлаго толстаго льняного холста, безъ всякихъ украшеній, какія встрѣчаются у великороссовъ и въ особенности у малороссовъ. Покрой ихъ, у мужчинъ и женщинъ, совершенно одинаковъ; женская только нѣсколько длиннѣе мужской, и нижняя часть ея (отъ пояса) дѣлается изъ самого грубаго холста, изъ котораго мужчины лѣтомъ носятъ пантолоны—*ивзесъ*. Къ небольшому числу домашней рабочей одежды латышей принадлежитъ здѣсь камзолъ—родъ куртки съ отложнымъ воротникомъ и лацканами, какъ у сюртука, съ двумя большими карманами и крючками, вмѣсто пуговицъ. Камзолъ носятъ какъ мужчины, такъ и женщины; онъ шьется изъ синей шерстяной матеріи или же изъ сукна домашняго приготовленія. Верхнюю и вмѣстѣ праздничную одежду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ въ лѣтнюю пору составляетъ свита, или *свэйти*, изъ сѣраго сукна, а зимою тулупъ или кожухъ. Мужская суконная шапка съ козырькомъ покрываетъ голову мужчинъ, а головной платокъ, большею частію бумажный или же шерстяной, и рѣдко шелковый, оканчиваетъ нарядъ женщины. Кромѣ того, мужчины имѣютъ зимнія сѣрыя *ивзесъ*, а женщины праздничныя льно-шерстяной полосатой матеріи юбки и собственнаго издѣлія сѣробѣлые съ разноцвѣтными коймами платки.

Въ окрестностяхъ Митавы, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ латышскіе крестьяне зажиточнѣе, они замѣняютъ свою національную одежду платьемъ нѣмецкаго покроя. Верхнее платье состоитъ изъ нѣмецкаго сюртука, обыкновенно синяго, или куртки темно-коричневаго цвѣта, а нижнее платье изъ обыкновенныхъ панталонъ суконныхъ или другой шерстяной матеріи. Подъ сюртукомъ носится пестрый, преимущественно красный жилетъ. Лапти и пасталы надѣваются только на полевыхъ работахъ, въ городъ же или въ праздникъ въ кирку латышъ является обыкновенно въ сапогахъ. Зимою латыши носятъ, вмѣсто бѣлыхъ тулуповъ, длинныя шубы изъ черныхъ барашковъ, обтянутыя темнокоричневою шерстяною матеріею, и опоясываются кожанымъ поясомъ. Женскій полъ имѣетъ еще большую наклонность къ чужеземнымъ нарядамъ и часто можно встрѣтить латышскихъ крестьянокъ, которыя въ своей одеждѣ нисколько не отличаются отъ нѣмокъ-горожанокъ, носятъ обыкновенныя женскія шляпки, бумажныя, шерстяныя или шелковыя платья, имѣютъ разныя серебряныя и золотыя украшенія, и вообще стараются не

только въ одеждѣ, но и въ манерахъ и во всемъ своемъ бытѣ подражать городскимъ женщинамъ.

Важное мѣсто въ одеждѣ латышей занимаютъ перчатки, безъ которыхъ латышъ не принимается ни за какую работу. Перчатками невѣста даритъ своихъ гостей въ день свадьбы, и задолго до этого времени изготовляетъ ихъ въ большомъ количествѣ; опредѣленное число перчатокъ отпускается каждому изъ работниковъ въ число платы.

Хотя латышъ характера невеселаго вообще, но увеселенія онъ любитъ, и каждый пиръ латышскій бываетъ очень шумный. Мужчины поютъ пѣсни рѣдко, только въ хмѣльномъ состояніи, но тихо; между женщинами пѣніе развито чрезвычайно сильно; безъ него онѣ рѣдко производятъ работы какъ въ полѣ, такъ и у себя дома. Это можетъ быть объясняется тѣмъ, что на латышкахъ не съ такою силою лежало бремя шести-сотъ лѣтняго рабства, какъ на латышахъ, и, благодаря своему веселому праву, онѣ могли подъ часъ забыть свое горе. Большею частію эти пѣсни состоятъ всего изъ четырехъ стиховъ и относятся къ обыкновеннымъ случаямъ жизни. Весьма не многія заключаютъ воспоминанія временъ языческихъ. Замѣчательно, что ни одна изъ латышскихъ пѣсенъ не воспѣваетъ подвиговъ прежнихъ народныхъ героевъ.

Въ весеннее время, съ наступленіемъ вечера и окончаніемъ полевыхъ работъ, изъ селъ, мызъ и деревень латышскаго края со всѣхъ сторонъ несутся пѣсни. По всей окрестности, украшенной дарами природы, господствуетъ весенняя тишина. Среди этой жизни, полной тишины и прохлады, воздухъ вдругъ поражается мелодическими звуками, которые съ возрастающею силою раздаются съ холма не вдали отъ крестьянской усадьбы. Это пѣсни латышскихъ дѣвушекъ, которыя послѣ тяжелой дневной работы, тѣшатся веселымъ хоровымъ пѣніемъ, жертвуя этой забавѣ часть времени, остающуюся имъ для ночнаго отдыха. «Вечёромъ, дѣвушки, такъ прекрасно, вечеромъ весело намъ ликовать; вечеромъ пѣсня далеко раздается; вечеромъ примемся весело пѣть» ... слышится изъ хоровода.

Но вотъ раздается новая пѣсня. Въ тактъ, но быстро и возвышеннымъ голосомъ, начальница хора или, собственно, вѣщательница — *тэйцея*, провозглашаетъ нараспѣвъ первыя двѣ строки или первую половину четверостишія, а хоръ подхватываетъ протяжно и полногласно послѣдніе стихи. Такимъ образомъ на-перерывъ съ эхомъ раздаются пѣсни изъ веселаго круга дѣвицъ, въ серединѣ котораго стоитъ вѣщательница. Вскорѣ въ окрестностяхъ слышатся два-три другіе хора, и каждый изъ нихъ какъ бы соперничаетъ съ другими превосходствомъ пѣнія. Подобно тому, какъ пѣніе птичекъ прерывается отъ усталости, такъ и вечернее пѣніе латышекъ оканчивается вслѣдствіе физическаго утомленія, а не по недостатку пѣсенъ, ибо, какъ поется въ одной изъ нихъ:

Кто можетъ пропѣть всѣ пѣсни?
Кто можетъ проговорить всѣ рѣчи?
Нельзя же перейти чрезъ быстрый ручей
Не перекинувъ перекладины.

Но не въ одни только весенніе и лѣтніе вечера раздаются пѣсни латышекъ. Вѣшая колыбель своему новорожденному младенцу, мать-латышка поетъ заунывную пѣсню, выражающую глубоко-сердечныя заботы и опасенія о будущности малютки. Пѣснями же сопровождаются и различные случаи жизни, начиная съ крещенія младенца и кончая свадьбою и похоронами.

Свадьба латышская очень похожа на русскую свадьбу. Молодой латышъ, выбравши себѣ невѣсту, отправляетъ къ ней и ея родителямъ своихъ по крайней мѣрѣ двухъ свахъ. Придя въ домъ избранной, свахи обращаются къ ея отцу съ цвѣтистою рѣчью, смыслъ которой заключается въ томъ, что въ домѣ скрывается что-то живое, которое пришли искать. Затѣмъ свахѣ онъ представляетъ всѣхъ имѣю-

щихся въ домѣ дѣвушекъ, за исключеніемъ невѣсты, которая обыкновенно скрывается. Наконецъ появляется и она, и если дастъ свое согласіе, то вскорѣ за этимъ первымъ сватовствомъ слѣдуетъ второе, для котораго, въ сопровожденіи всѣхъ первыхъ и другихъ новыхъ лицъ, отправляется и самъ женихъ, и лично повторяетъ невѣстѣ свое предложеніе. Женихъ обыкновенно ѣдетъ верхомъ и главное его украшеніе составляетъ *гуртъ*—поясъ, который долженъ имѣть каждый женихъ, хотя бы онъ не носилъ его прежде. Всѣ провожающіе жениха носятъ названіе свахъ и должны имѣть съ собою одну или нѣсколько бутылокъ водки, смотря по состоянію. Ѣдутъ они съ колокольчиками и украшенными дугами. Прибывъ на мѣсто, угощаютъ родителей невѣсты и другихъ гостей, приглашенныхъ туда. Родители невѣсты ни за что не станутъ угощать этихъ свахъ первые; но, получивъ угощеніе, они отвѣчаютъ тѣмъ же — и обрученіе совершилось.

До свадьбы, часто за недѣлю, приглашаютъ гостей чрезъ особыхъ посланцовъ, умѣющихъ изложить приглашаніе въ цвѣтистыхъ оборотахъ. По окончаніи вѣнчанія приглашенные гости, имѣя во главѣ свадебнаго маршала, отправляются къ родителямъ невѣсты. Родственники и приглашенные жениха называются увозчики, а родственники невѣсты догонщики; они составляютъ во все продолженіе пированія двѣ какъ бы враждующія партіи, изъ коихъ каждая въ пѣсняхъ и шуткахъ старается уязвить противную сторону. Это безъ сомнѣнія остатокъ древняго обычая увоза или похищенія невѣсты. Родственники невѣсты должны первые оставить свадьбу и уѣзжаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ При этомъ они строго должны караулить свои экипажи и лошадей, ибо родственники жениха всѣми силами стараются подшутить надъ ними, испортить телѣги и упряжь, пугать лошадей при отъѣздѣ и т. п. Часто случается, что латышъ сядетъ съ своей женой въ телѣгу и пуститъ, ничего не опасаясь, лошадь; лошадь убѣжитъ, а телѣга останется на мѣстѣ. Подобная шутка развеселяетъ всѣхъ.

Всѣхъ свадебныхъ гостей невѣста должна одарить перчатками или полотенцами, изъ которыхъ послѣднія, въ видѣ шарфа, обвязываются черезъ плечи мужчинъ и служатъ украшеніемъ во время свадебнаго поѣзда. Поэтому то-перчатки и полотенца вмѣстѣ съ полотнами и тканями для хозяйки составляютъ главную часть приданаго (пура) латышской дѣвушки. Одна или двѣ овцы и нѣкоторое количество ежегодно засѣваемаго льна доставляютъ ей главнымъ образомъ матеріалъ для изготовленія пуры. Для превращенія этого матеріала въ перчатки, чулки, полотенца и т. п. дѣвушки употребляютъ все свободное отъ хозяйственныхъ работъ время. Иногда безъ всякаго освѣщенія бѣдная дѣвица вяжетъ и вышиваетъ по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, не смотря на то, что въ слѣдующее утро ей придется рано вставать на работу. Нетрудолюбивая дѣвица, дѣвица съ пустымъ пуромъ не можетъ надѣяться выйти за мужъ за хорошаго «батюшкина сынка».

Смерть латышъ встрѣчаетъ съ большимъ спокойствіемъ, и только женщины въ своихъ похоронныхъ пѣсняхъ оплакиваютъ покойниковъ. Память умершихъ латышъ справляетъ особымъ днемъ, въ вечеръ котораго не работаетъ и въ тишинѣ проводитъ съ своими друзьями, и если услышитъ при этомъ шумъ, то приписываетъ его умершимъ духамъ, для которыхъ устраиваетъ особое пиршество, при чемъ даже днемъ зажигаетъ свѣчи.

Спокойный и мирный и нѣсколько застѣнчивый характеръ латыша отражается и въ народныхъ его пляскахъ. У нихъ все тихо, медленно и безъ малѣйшаго признака страстнаго увлеченія, встрѣчаемаго при этомъ у другихъ народовъ. У танцующаго латыша двигаются только ноги; вся остальная часть тѣла остается почти неподвижна и слегка только покачивается голова, при чемъ глаза постоянно устремлены внизъ. Важнѣйшая изъ народныхъ плясокъ называется *сиго* и пляшется двумя парами. Изъ хоровыхъ плясокъ любимѣйшая *кикехтъ*, для которой мужчины становятся съ одной сто-

роны, а дѣвушки—съ другой, образуя улицу, въ которую вступаютъ для пляски пары по очереди; пляска сопровождается пѣніемъ пляшущихъ. Народные музыкальные инструменты, сохранившіеся нынѣ въ Виндавскомъ уѣздѣ, состоятъ изъ волынки и особаго рода балалайки (когкле) о шести струнахъ, изъ которыхъ звукъ извлекается гусинымъ перомъ. Попадается также большая деревянная труба—*toupe*.

Національный праздникъ латышей, празднуемый особенно весело и торжественно,—есть Ивановъ день (24-го іюня).

Въ древности у латышей-язычниковъ самымъ важнымъ и торжественнымъ праздникомъ въ году былъ праздникъ Лиго, бога любви и земныхъ радостей, совершавшійся въ теченіе цѣлой лѣтней ночи. Этотъ древній праздникъ у латышей-христіанъ обратился въ праздникъ Иванова дня (т. е. собственно ночь на 24-ое іюня). Празднуется онъ такимъ образомъ.

Вечеромъ, съ солнечнымъ закатомъ наканунѣ Иванова дня, когда кончаются домашнія работы и домъ приберется и украсится къ празднику, дѣвушки и женщины группами выходятъ изъ всѣхъ усадебъ и дворовъ на всю лѣтнюю ночь. Они ходятъ по садамъ и полямъ съ пѣснями, выбирая самыя красивые и самыя душистые травы и цвѣты. Собранные въ эту ночь травы, по народному вѣрованію, имѣютъ цѣлебную силу, и особенно полезны домашнимъ животнымъ. Самый обходъ полей имѣетъ цѣлію привлечь на нихъ благоволеніе добрыхъ силъ. Пѣсня приглашаетъ самого Ивана обойти поля и посмотрѣть что пьютъ, что ѣдятъ, чѣмъ засѣваютъ поля его дѣтки:

Черезъ годъ приходитъ Иванъ
Навѣстить своихъ дѣтушекъ.
Что они ѣдятъ, что пьютъ,
Чѣмъ засѣваютъ поля.

* *
*

Возьми, Иванъ, воронаго коня,
Объѣзжай мою ниву,
Вытопчи плевелы и куколь,
Пускай растетъ чистая рожь.

Съ пѣснями о хлѣбѣ и цвѣтахъ, обойдя сады и поля, отдѣльныя группы сходятся вмѣстѣ гдѣ нибудь на возвышенности у горящей смоляной бочки или костра, и тутъ раздается музыка и идутъ пляска и игры. Съ большими связками травы и цвѣтовъ женщины и дѣвушки расходятся по домамъ, и здѣсь нерѣдко гадаютъ о своей судьбѣ. Такъ дѣвушка умываетъ лицо и не утираетъ его: кто во снѣ подастъ ей полотенце, тотъ ея суженый. Ходятъ также двѣушки въ Ивановъ вечеръ смотрѣть въ воду, и юноша, изображеніе котораго увидитъ кто нибудь изъ нихъ, и есть суженый.

Многіе рвутъ цвѣты и втыкаютъ гдѣ нибудь въ стѣнѣ, и если цвѣтокъ увянетъ въ теченіе ночи, тотъ въ томъ году умретъ.

По возвращеніи домой домочадцевъ, каждая хозяйка обязана угостить ихъ масломъ, сыромъ и пивомъ. Поэтому, подходя ко двору, они поютъ:

Добрый вечеръ, Иванова матушка,
Ждала ли ты насъ?
Сладкаго пива наварила-ли?
Мягкаго сыра приготовила-ли?

А по окончаніи угощенія, благодарятъ хозяевъ припѣвомъ:

Съ Богомъ приходимъ,
Съ Богомъ уходимъ,
Съ Богомъ пусть пребываетъ
Благословеніе на этой избѣ!
Осѣни, Боже, то мѣсто,
Гдѣ мы пили, гдѣ ѣли;
Уроди, Боже, два колоса
На одномъ стеблѣ.

ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Финское племя суть наиболѣе многочисленное въ Россіи послѣ русскаго; оно разбросано на огромномъ протяженіи отъ запада на востокъ, отъ Финляндіи до Сибири, и считаетъ въ себѣ болѣе 3.882,000 душъ обоего пола. Кромѣ Финляндіи, оно составляетъ 87% населенія въ губерніи Эстляндской, 46% въ Лифляндской, 32% въ Олонецкой, 26% въ Казанской, 22% въ Симбирской и 15% въ Вятской.

За исключеніемъ Финляндіи, Эстляндской и Лифляндской губерній, гдѣ финны составляютъ сплошное населеніе, въ другихъ мѣстахъ они сливаются болѣе или менѣе съ русскимъ населеніемъ. Финновъ дѣлятъ на двѣ группы: западную и восточную. Къ западной группѣ принадлежатъ слѣдующія отрасли финскаго племени:

1) Собственно финны — живущіе въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ и отчасти въ Петербургской губерніи; ихъ всѣхъ считается нѣсколько болѣе 1.539,000 душъ обоего пола.

2) Эсты, населяющіе губерніи Эстляндскую и Лифляндскую, въ числѣ 700,000 душъ.

3) Карелы — въ числѣ 336,000 душъ — населяютъ губерніи: Олонецкую, Архангельскую, Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и отчасти Ярославскую.

4) Лопари — въ числѣ 3,000 душъ, живущіе въ Архангельской губерніи.

5) Ливы — въ числѣ 2,000, живущіе въ Курляндской губерніи.

Такимъ образомъ, общее число финновъ западной группы доходитъ до 2.580,000 душъ обоего пола.

Къ восточной группѣ относятся слѣдующія отрасли:

1) Мордва — въ числѣ 700,000 душъ обоего пола — живетъ въ губерніяхъ: Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Казанской, Нижегородской, Пензенской и Тамбовской.

2) Вотяки — въ числѣ 235,000 душъ живутъ въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Оренбургской и Казанской.

3) Черемисы — 210,000 душъ — живутъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Мермской и Оренбургской.

4) Зыряне — въ числѣ 90,000 душъ — живутъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ.

5) Пермяки — 60,000 душъ — въ Пермской и Вятской губерніяхъ.

6) Вогулы — въ числѣ 3,000 душъ — живутъ въ Пермской губерніи; кромѣ того, до 4,000 изъ нихъ живетъ въ Сибири.

Такимъ образомъ, всего финновъ восточной группы насчитывается 1.302,000 душъ.

Переходя къ этнографическимъ очеркамъ разныхъ отраслей финскаго племени, мы начнемъ съ западной группы, и притомъ съ многочисленнѣйшей отрасли — съ собственно финновъ, населяющихъ великое княжество Финляндское.

I. ФИННЫ.

Историческій очеркъ финскаго племени.

Финны составляютъ главную массу населенія великаго княжества Финляндскаго и пограничныхъ съ нимъ мѣстъ губерніи С.-Петербургской. Незначительная часть финскаго племени—кареллы живутъ въ губерніяхъ Архангельской, Петербургской и Олонецкой.

Финны съ давнихъ поръ занимаютъ мѣсто настоящаго ихъ поселенія. Еще первый лѣтописецъ русскій, перечисляя различные сосѣдніе славянамъ народы, упоминаетъ, между прочимъ, о финскихъ племенахъ ямп или еми и карелахъ. Ямь жили въ нынѣшней южной Финляндіи, а карелы вокругъ Ладожскаго озера, откуда они потомъ и были оттѣснены славянами въ глубь Финляндіи. Въ настоящее время финны по главнымъ нарѣчіямъ языка раздѣляются на два поколѣнія: тавастландцевъ—жителей западной Финляндіи и кареловъ—жителей восточной Финляндіи. Русскіе называли ихъ прежде чудью, а иныхъ зовутъ чухонцами; сами же себя финны называютъ суомалайнъ, т. е. житель Суоміи, такъ называется на финскомъ языкѣ Финляндія; названіе же финнъ — нѣмецкаго происхожденія и означаетъ жителя болотистой мѣстности.

Уже изъ разсказа перваго русскаго лѣтописца видно, что въ его время (въ IX и X вѣкахъ) финны были народомъ совершенно осѣдлымъ, имѣли города, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею и т. д., вели мирную жизнь и никогда не отличались воинственностію. Не смотря на свою относительную многочисленность, финны никогда не славились побѣдами или завоеваніями, а напротивъ сами время отъ времени должны были подчиняться то шведамъ, то славянамъ. Изъ старинныхъ лѣтописей и хроникъ извѣстно, что изъ двухъ финскихъ племенъ, населявшихъ то время Финляндію, карелы всегда находились въ тѣсныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними новгородскими славянами и вмѣстѣ съ ними сражались съ своими единоплеменниками—емью. Впослѣдствіи, когда шведы, подъ предлогомъ просвѣщенія финновъ христіанскою вѣрою, вступили въ Финляндію съ цѣлію покорить себѣ ее, новгородцы выступили на защиту кареловъ, которые съ ихъ помощію долго отбивались отъ шведовъ, легко покорившихъ себѣ ямь. Вообще въ это время не проходило десятка лѣтъ, чтобы не опустошали кареловъ шведы, а ямь — новгородцы. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ постоянно встрѣчаются извѣстія въ родѣ слѣдующаго: въ такомъ-то году «новгородцы ходили войною въ ямь; села пожгли, скотъ побили, людей побрали въ плѣнъ, пришли домой всѣ здоровы». Подобнымъ же образомъ и шведамъ часто удавалось опустошать подвластную новгородцамъ Карелію. Такимъ образомъ, продолжалось дѣло до монгольскаго ига, когда новгородцамъ уже было не до того, чтобы защищать карелъ отъ шведовъ. Дѣйствительно, съ половины двѣнадцатаго до половины тринадцатаго вѣка шведамъ удалось-таки покорить своей власти всю Финляндію. Въ 1156 — 57 г.г. король шведскій Эрикъ Святой силою огня и меча обратилъ финновъ въ христіанскую вѣру; а для упроченія христіанства и, главное, своей власти, шведское правительство переселило въ Финляндію многихъ шведовъ, которые вообще образовали высшія сословія: духовенство, дворянство, помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ; собственно же

ВОТЯКИ. ЗЫРЯНЕ.

ЛИТОВЦЫ. ЛАТЫШИ.

Лазарь Борисович Гуревич

финны составляютъ главную массу крестьянства. Финны приняли отъ шведовъ католическую вѣру, но съ возникновеніемъ протестанства — послѣднее сдѣлалось господствующимъ, и въ настоящее время финны самые ревностные приверженцы его. Около 50,000 душъ въ Карелiи исповѣдуютъ православную вѣру.

Хотя новгородцы и потеряли свою власть надъ Карелiею, но они никогда не перестали считать ее своею собственностью. Послѣ уничтоженія самостоятельности Новгорода, Карелія вмѣстѣ съ Ингерманландiею (нынѣ С.-Петербургская губернія) вошла въ составъ Московскаго государства. Отъ этого, послѣ уничтоженія монгольскаго ига, московскіе государи, подобно новгородцамъ прежняго времени, должны были вести постоянныя войны за обладаніе этими землями. Во время этихъ войнъ неоднократно Карелія и Ингрiя были опустошаемы шведами, а южная Финляндія — русскими, и финскіе города переходили изъ рукъ въ руки, пока наконецъ, ослабленное во времена самозванцевъ, Русское царство должно было уступить всю Финляндію и Ингрiю шведамъ по договору, заключенному въ 1617 году. Петръ Первый успѣлъ захватить часть Карелiи и часть Финляндіи, а затѣмъ по Абоскому миру (въ 1743 г.) и наконецъ по договору 1809 г. (въ Фридрихсгамѣ) Финляндія, подъ именемъ великаго княжества Финляндскаго, отошла отъ шведовъ и вошла въ составъ Россійской имперіи.

Выйдя изъ подъ власти шведовъ, Финляндія не освободилась до сихъ поръ окончательно отъ ихъ вліянія. Принявъ отъ шведовъ умственное образованіе, систему земледѣлія, общественное и государственное устройство, финляндцы до сихъ поръ неизмѣнно сохраняютъ ихъ. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что, какъ мы выше сказали, господствующіе классы въ Финляндіи шведскаго происхожденія, шведскій языкъ считается языкомъ официальнымъ и только въ настоящее царствованіе допущено употребленіе въ судахъ языка финскаго и т. п. Въ послѣднее время (съ половины текущаго столѣтія) обнаруживается среди финновъ стремленіе поднять свою національность и освободиться изъ подъ вліянія шведовъ, проявляющееся въ возникновеніи финской литературы. Но и до сихъ поръ національныя стремленія финновъ не получили должнаго удовлетворенія, и идетъ глухая, хотя и мирная борьба между языками шведскимъ и финскимъ.

Природа страны, характеръ населенія, пища, одежда и жилище.

Природа, исторія и религія, какъ и вездѣ, имѣли огромное вліяніе на образованіе характера финновъ, на складъ ихъ жизни.

Что касается природы Финляндіи, то она не обладаетъ благопріятными условіями для жизни и успѣшной дѣятельности человѣка. Правда, трудолюбивое финское племя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ занимающее это мѣсто, успѣло одержать много побѣдъ надъ суровою природою и добиться возможности сравнительно сносно существовать среди нея; но побѣды эти дались ему не легко и многое еще остается сдѣлать въ будущемъ.

Огромныя пространства, занятыя болотами, озерами, лѣсами, и ничтожное количество земель, способныхъ къ обработкѣ,— вотъ характеристическія черты природы Финляндіи. По сдѣланнымъ въ послѣднее время вычисленіямъ оказывается, что въ Финляндіи лѣса занимаютъ *половину* всей поверхности, лѣса и болота вмѣстѣ — *три четверти* ея, — а лѣса, болота и озера почти *девять десятыхъ* общей поверхности; обработанныя же земли едва составляютъ *одну двадцатую* часть.

Большая часть Финляндіи имѣетъ характеръ горной страны, хотя высокихъ вершинъ здѣсь очень мало. Большія пространства земли вовсе не имѣютъ земляного покрова и представляютъ сплошную ка-

менную массу, на которой дико разбросаны обломки гранита, и другихъ породъ. Небольшія горныя группы изъ красноватаго и сѣраго гранита безъ всякой связи между собою разбросаны по всей странѣ и среди нихъ лежатъ безчисленныя озера.

Совершенно открытыя болота покрываютъ четвертую часть всей Финляндіи. Финляндскія болота простираются иногда десятки верстъ въ длину и въ ширину. Они имѣютъ совершенно ровную поверхность, поросшую мхомъ и желтоватыми травами, имѣя видъ зеленоватыхъ озеръ, изъ которыхъ кое-гдѣ выдаются островки темнаго песчанаго бора. Весною, послѣ таянія снѣговъ, всѣ болота обращаются въ озера. Только въ началѣ іюня они принимаютъ видъ настоящихъ болотъ, проходимыхъ лишь мѣстами вдоль узкихъ песчаныхъ косъ или островковъ. Существованіе болотъ составляетъ одну изъ причинъ, замедляющихъ развитіе земледѣлія. Разсчитано, что болота Финляндіи при испареніи поглощаютъ столь огромное количество теплоты изъ окружающаго воздуха, что въ продолженіе одной ночи въ состояніи охладить до 0° температуру дня —+ 12° тепла. Отсюда ранніе морозы, губительно дѣйствующіе на посѣвы. Вообще Финляндія обладаетъ довольно суровымъ климатомъ, потому что принадлежитъ къ сѣверному арктическому и сѣверному холодному поясамъ. Холодная и продолжительная зима, жаркое и короткое лѣто и быстрые переходы отъ тепла къ холоду — суть главныя характеристическія черты финляндскаго климата. Но, впрочемъ, наблюденія показываютъ, что эти крайности какъ будто начали сглаживаться, такъ что различіе между большими холодами и жарами становится незначительнѣе и климатъ постоянно дѣлается ровнѣе и умѣреннѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что годъ отъ года увеличиваются обработанныя пространства земли, высушиваются многія болота и уменьшаются лѣса. Замѣчательна также разница между климатомъ прибрежнымъ и внутренней части края. Согрѣтое лѣтнимъ солнцемъ, море не такъ скоро охлаждается какъ материкъ, и поэтому зима наступаетъ раньше во внутренности края, чѣмъ на прибрежьяхъ. Напротивъ того, весною холодныя морскіе вѣтры охлаждаютъ береговую часть страны и замедляютъ тамъ развитіе растительной жизни, въ то время какъ оно уже началось во внутренности края.

Болѣе счастливыми климатическими условіями обладаетъ юго-западный уголъ Финляндіи, гдѣ, благодаря вліянію моря, климатъ умѣренъ, и хотя лѣтніе ночные заморозки изрѣдка вредятъ урожаю, земледѣліе здѣсь совершенно обезпечено. Менѣе благопріятными условіями обладаетъ средняя Финляндія, обильно покрытая озерами и болотами, гдѣ земледѣліе, хотя и составляетъ главный промыселъ жителей, подвергается многимъ случайностямъ, особенно морозамъ, и не можетъ служить обезпеченіемъ народонаселенія. Наконецъ сѣверная и сѣверовосточная часть Финляндіи — страна великихъ холодовъ и продолжительныхъ дней и ночей, съ растительностію весьма скудною.

Но, представляя не мало препятствій успѣшному развитію земледѣлія, природа Финляндіи даетъ возможность съ выгодою заниматься скотоводствомъ, на развитіе котораго въ послѣднее время обращается особое вниманіе финляндскаго населенія, равно и другими промыслами. Такъ многочисленные лѣса даютъ возможность къ различнымъ промысламъ по обработкѣ дерева: смолокуренію, изготовленію угля, разныхъ подѣлокъ и т. п. Омывающее берега Финляндіи море и многочисленныя внутреннія озера даютъ возможность заняться рыболовствомъ, которое во многихъ мѣстахъ доставляетъ значительныя выгоды. Наконецъ судостроеніе и судоходство даютъ пропитаніе десяткамъ тысячъ народа. Вообще финляндцы отличные моряки, и финляндскія суда можно встрѣтить почти во всѣхъ моряхъ міра. Фабричная дѣятельность развита въ Финляндіи слабо; только рудокопство и каменныя ломки доставляютъ жителямъ немаловажныя выгоды.

Само собою разумѣется, что различіе природныхъ условій, зависящихъ отъ нихъ занятій и промысловъ ведетъ къ различію въ бытѣ

населенія: бытъ приморскаго жителя или жителя судоходной рѣки во многомъ отличается отъ быта обитателей глухихъ мѣстностей внутренней Финляндіи; различіе быта отражается и на особенностяхъ характера. Но, не смотря на различія въ частностяхъ, природа и исторія создали нѣкоторыя общія черты въ характерѣ финновъ. Такъ всѣ изслѣдователи приписываютъ финнамъ трудолюбіе, твердость и настойчивость въ достиженіи цѣли. Не трудно объяснить эти черты вліяніемъ окружающей финновъ природы и историческихъ условій, среди которыхъ они поставлены были долгое время. Въ самомъ дѣлѣ, занявши страну, покрытою лѣсами, болотами, голыми каменными массами, кое-гдѣ только присыпанными землею, съ холоднымъ и суровымъ климатомъ, финнъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія, терпѣніе и тяжкіе труды, чтобы сдѣлать свою страну способною къ осѣдлой, земледѣльческой жизни. Соотвѣтственно природѣ, какая-то угрюмая важность и задумчивость выражается въ его лицѣ, походкѣ, словахъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно и съ такою же медленностію исполняетъ свою работу; но за то работа его добросовѣстна, прочна и надежна. Съ другой стороны, многочисленныя и опустошительныя войны, иногда въ конецъ разорявшія его отечество, лѣтніе морозы, въ одну ночь уничтожающіе всѣ надежды на хорошую жатву, пріучили его спокойно выносить несчастіе и покоряться судьбѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ шведовъ довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій (крестьяне въ Финляндіи имѣютъ своихъ представителей въ сеймѣ), финскій крестьянинъ не раболѣпствуетъ предъ болѣе его образованнымъ господиномъ, но въ то же время безпрекословно повинуется законнымъ требованіямъ правительства. Тѣмъ не менѣе, историческими условіями объясняется и раздѣленіе финскихъ поселянъ на два многочисленные класса—крестьянъ-собственниковъ земли и крестьянъ-арендаторовъ чужой земли и вообще безземельныхъ батраковъ. Это раздѣленіе, переходящее изъ рода въ родъ, положило также рѣзкое различіе въ характерѣ и бытѣ того и другаго класса. На сколько зажиточность и матеріальное довольство крестьянъ-землевладѣльцевъ способствовало образованію изъ нихъ самостоятельныхъ энергичныхъ и предпріимчивыхъ людей, какихъ рѣдко можно встрѣтить между поселянами другихъ странъ, на столько же часто встрѣчающаяся бѣдность между безземельными, особенно во внутренней Финляндіи, создала изъ нихъ вялыхъ какъ бы равнодушныхъ къ своей судьбѣ, людей.

Наконецъ историческими-же условіями должно объяснить и замѣтное различіе въ отношеніи наружныхъ свойствъ между карелами — жителями береговъ Ладожскаго озера, и собственно финнами (въ древности ямь и емь), населяющими остальную часть Финляндіи. Первые, съиздавна находясь въ сношеніяхъ съ русскими, носятъ на себѣ слѣдъ русскаго вліянія, вторые— шведскаго. Такъ, многіе изъ кареловъ исповѣдуютъ православную вѣру, одѣваются по русски, высокаго роста и имѣютъ черты лица, сильно напоминающія великорусса; въ самомъ языкѣ кареловъ можно узнать множество испорченныхъ русскихъ словъ. Собственно финны, напротивъ, говорятъ на своемъ языкѣ, всѣ исповѣдуютъ протестантскую вѣру, средняго роста, сухощавы, но крѣпко сложены, цвѣтъ лица имѣютъ смугложелтоватой, глаза довольно узкіе, волосы бѣлые, желтые или русые; бороду и усы носятъ не многіе, а большею частію брѣютъ.

Одежда финновъ также заимствована отъ шведовъ и напоминаетъ костюмъ нѣмецкихъ крестьянъ, и состоитъ изъ сюртука (у болѣе зажиточныхъ), куртки въ родѣ пиджака, жилета съ мѣдными пуговицами и штановъ при башмакахъ съ пряжками и чулками. Сюртукъ и штаны обыкновенно темносиняго цвѣта, куртка и кафтанъ сѣраго, а жилетъ преимущественно краснаго цвѣта; на головѣ фуражка или круглая шляпа съ большими полями. Женщины носятъ такъ называемое нѣмецкое платье, а также и свой національной костюмъ, въ коемъ наиболѣе характернымъ представляется головной уборъ,

сдѣланный въ видѣ роговъ, и множество металлическихъ украшеній на головѣ, шеѣ, груди, поясѣ. Юбка синяя, полосатая или красная. Вообще красный цвѣтъ, самый любимый въ Финдляндіи, употребляется вездѣ, гдѣ можно. Одежда какъ зимою, такъ и лѣтомъ одинакова не только по покрою, но часто служитъ въ теченіи цѣлаго года одна и таже: тѣ же куртки и кафтаны зимою, и рѣдкіе, больше старики, употребляютъ шубы. Самый трескучій морозъ какъ-бы не имѣетъ для финна значенія.

Поселяне землевладѣльцы, особенно въ окрестностяхъ городовъ и по большимъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ живутъ такъ опрятно, такъ хорошо, что нельзя не восхищаться ихъ бытомъ. Большихъ селъ въ Финляндіи нѣтъ, такъ какъ финны живутъ уединенно, отдѣльными семьями. Дома ихъ деревянные, на каменномъ фундаментѣ, изъ тесанныхъ бревенъ или даже каменные, по большей части окрашены красною краской, съ большими свѣтлыми окнами, крыты драницами, тесомъ или гонтомъ. Внутри этихъ домовъ, кромѣ черной рабочей комнаты, служащей вмѣстѣ и кухнею, находится обыкновенно одна большая комната, а во многихъ и по одной и по двѣ малыхъ комнатки, служащихъ спальнею для хозяевъ и дѣтей ихъ, для рабочихъ и для храненія одежды и т. д. Всѣ эти комнаты выбѣлены и убраны мебелью домашней, хотя и незамысловатой, но прочной работы. Полы усыпаны обыкновенно можевельникомъ. Въ кухнѣ съ чрезвычайною аккуратностію разставлены по полкамъ блюда, тарелки и прочія принадлежности; вездѣ господствуетъ порядокъ и чистота. Въ главной (передней) комнатѣ каждаго поселянина стоитъ шкафъ; въ немъ, на полкахъ подъ стекломъ, хранится чайный и кофейный приборы и серебряныя ложки. У нѣкоторыхъ поселянъ есть богатые серебряные кубки, изъ которыхъ въ торжественные дни пьютъ вино, водящееся у каждаго изъ нихъ, и не только простое, но и виноградное. Въ спальнѣ стоитъ широкая раздвижная кровать съ чистымъ бѣльемъ и пологомъ. Занавѣски на окнахъ составляютъ также необходимую принадлежность финскаго жилища; ихъ можно встрѣтить повсюду— и въ селахъ, и въ городахъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ; у другаго нѣтъ порядочнаго стула, но есть занавѣски. Это можно назвать народною страстью, первою потребностію. Кромѣ того, у каждаго порядочнаго поселянина, равно какъ и у всѣхъ городскихъ жителей, непремѣнную домашнюю утварь составляетъ нѣсколько пенковыхъ трубокъ въ серебряной оправѣ, красиво разставленныхъ въ углу комнаты. Въ Финляндіи всѣ курятъ, и эта страсть въ особенности развита въ молодомъ поколѣніи. Даже десятилѣтнія дѣти курятъ изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ. Куреніе финновъ непріятно, потому-что они безпрестанно поплевываютъ во время куренія. Коренные Финляндцы строго соблюдаютъ чинопочитаніе по трубкамъ; въ этомъ отношеніи часто гостей подраздѣляютъ на три класса: гостямъ перваго класса, самымъ почетнымъ, хозяинъ самъ набиваетъ трубку и подаетъ огонь; втораго класса — онъ указываетъ на трубку и подаетъ огонь; третьяго класса — онъ просто указываетъ на трубку, говоря: «а вотъ огонь». Распространено также жеваніе табаку.

Къ числу домашнихъ принадлежностей финскаго жилища должно причислить также качающееся кресло съ высокимъ задомъ, ножки котораго вставлены въ два изогнутые въ видѣ дуги бруска, такъ что, сидя на немъ, при малѣйшемъ усиліи, происходитъ безконечное качаніе. Поселянинъ усаживается на эту качалку въ воскресный день и проводитъ время за чтеніемъ какой нибудь религіозной книги или газеты.

Большую часть рабочей половины финскаго жилища занимаетъ огромная печь съ очагомъ, надъ которымъ виситъ большой мѣдный котелъ. Въ этомъ котлѣ приготовляютъ кушанья. Возлѣ него стоитъ шкафъ съ посудою. Кругомъ стѣнъ разставлены бѣлыя, деревянныя лавки, служащія также кроватями для работниковъ и домашней прислуги; передъ лавками чисто вымытые столы, на одномъ изъ которыхъ всегда можно найти евангеліе.

Кромѣ жилаго дома, необходимую принадлежность финскаго двора составляетъ: рига, житница и баня, до которой финны такіе же охотники, какъ и русскіе. Баня эта обыкновенно имѣетъ видъ небольшаго, отдѣльно стоящаго домика съ каменною печкой безъ трубы, съ небольшимъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькою дверью. Вмѣстѣ съ банею нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянскихъ дворахъ и небольшую кузницу, которая служитъ остаткомъ обычая финскихъ крѣстьянъ своими руками приготовлять всѣ предметы домашняго обихода. Вообще финскіе дворы отличаются домовитостію и прочностію постройки. Финны имѣютъ большую склонность къ постройкамъ и стараются въ нихъ перещеголять другъ друга. Всѣ лишнія деньги, часто въ ущербъ достоинству пищи, финнъ охотнѣе всего употребляетъ на постройки.

Пища финновъ, даже и зажиточныхъ, отчасти вслѣдствіе бѣдности собственныхъ произведеній страны, отчасти по унаслѣдованной съ давнихъ поръ привычкѣ, самая неприхотливая. Мягкій ржаной хлѣбъ у финновъ — роскошь. Обыкновенно-же они пекутъ хлѣбъ два раза въ годъ, въ видѣ сухихъ круглыхъ лепешекъ. Въ срединѣ каждой лепешки дѣлается отверстіе, посредствомъ котораго лепешки нанизываются на шесты. Шесты эти протягиваются подъ потолкомъ кухни и, по мѣрѣ надобности, съ нихъ снимаютъ лепешки. Кромѣ хлѣба, любимую пищу финновъ составляютъ: масло, кортофель, рыба (большею частью соленая) и овощи, изъ которыхъ болѣе другихъ распространены рѣпа и картофель. Молоко, особенно кислое, также составляетъ у финновъ предметъ первой потребности. Его ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоитъ особый чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока и тамъ оно, перекиснувшее, служитъ запасомъ на всю зиму. Пахтанье изъ масла, вкусный и хорошій напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать вездѣ въ Финляндіи. Часто употребляется оно смѣшанное съ водою. Вода и прѣсное молоко составляютъ общій напитокъ въ Финляндіи, и у зажиточныхъ ставятся въ графинахъ. Но безпрестанное употребленіе молока развиваетъ между финнами разныя желудочныя болѣзни. На молокѣ-же, смѣшанномъ съ водою приготовляется національное кушанье финновъ—супъ изъ ржаныхъ крупъ и рѣпы. Любимое питье,—кофе у женщинъ и водка у мужчинъ. Хотя финны большіе охотники до водки и употребляютъ ее часто (разумѣется, если имѣютъ средство), но пьянство между ними не замѣтно. Финляндцы еще не такъ любятъ кофе, какъ финляндки, которыя безъ него рѣшительно не могутъ жить. Кофе ихъ вторая натура. Многіе по бѣдности, за неимѣніемъ чего другаго, питаются кофе и онъ ихъ насыщаетъ. Финляндки запиваютъ кофеемъ и радость, и горе; у иной хозяйки въ коморкѣ бѣдность, недостатокъ, а ужь кофейникъ есть навѣрное.

Вообще о финнахъ надобно сказать, что, кажется, нѣтъ народа болѣе неприхотливаго на пищу: простой финнъ довольствуется твердою какъ камень хлѣбною лепешкою, кислымъ молокомъ, картофелемъ и нѣсколькими салакушками (маленькими рыбками); онъ этимъ сытъ и доволенъ и не желаетъ ничего лучшаго. Финны не имѣютъ понятія о щахъ, о супѣ; даже и городскіе жители не всѣ употребляютъ горячее мясное, и это не отъ бѣдности, а просто по укоренившейся привычкѣ. Но, разумѣется, такая привычка къ умѣренности развилась не отъ чего другаго, какъ отъ бѣдности, вслѣдствіе скудости даровъ природы и общественныхъ условій. Ибо, какъ мы выше сказали, если часть финновъ, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и пользуется достаткомъ, рѣдкимъ въ другихъ странахъ, то другая, и гораздо большая часть, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ внутренней Финляндіи, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и путей сообщенія, до сихъ поръ находится въ бѣдности. Особенно это должно сказать о безземельныхъ, живущихъ наемнымъ трудомъ и *торпаряхъ*—т. е. арендаторахъ небольшихъ участковъ; по мѣрѣ улучшенія состоянія торпарей, увеличиваются и

требованія собственниковъ земли, и, разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, имъ трудно достигнуть достатка.

Между тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особенно по южной, деревня за деревнею и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о достаткѣ населенія края, во внутреннихъ областяхъ Финляндіи можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ горы или ютится въ рощѣ гдѣ-нибудь по берегу озера.

Простъ и безъискуственъ бытъ здѣшняго поселянина. Изба его немного просторнѣе бани, но по виду и обстановкѣ совершенно подобна ей. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину: стѣны и полъ, сколоченные изъ неотесанныхъ бревенъ и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь, первыя—отъ дыму, а послѣдній—отъ всякой, никогда не смывающейся, грязи. Оконъ нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску по произволу можно отодвигать и задвигать. «Чтобы лучше понять всю особенность такого жилища, говоритъ знаменитый финскій поэтъ Руненбергъ въ своемъ описаніи внутренней Финляндіи, надобно видѣть ее въ зимній вечеръ. Печь, святилище жилища, стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣну, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется или чаще покоится множество людей. Женщины сидятъ за прялкою или горшкомъ, а то занимаются другою работою; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и т. п., нищіе и нахлѣбники *) лежатъ предъ огнемъ для постоянной статьи домашней работы—щипанія лучины—которая исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, спокойно дѣлящимъ тоненькіе дранки еще на болѣе тончайшія. Въ это время толпа ребятишекъ обыкновенно валяется на печи. Надъ длиннымъ корытомъ, возлѣ двери, лошадь лакомится сѣчкою, наслаждаясь теплomъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ съ небольшими измѣненіями всякая финская изба».

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями нѣкоторыхъ мѣстностей внутренней Финляндіи. Скудная, часто противная природѣ, пища дѣйствуетъ гибельно на ихъ тѣлесныя силы, а отъ незнакомства съ инымі наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются доставить себѣ другія. Рѣдко мысли ихъ простираются далѣе заботы о нѣсколькихъ дняхъ. Промышленность вообще слабо здѣсь развита, да и удаленность отъ городовъ затрудняетъ сбытъ произведеній. Земледѣлію препятствуетъ жестокій врагъ — морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже засѣвать полей своихъ. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ убрать свой хлѣбъ прежде, нежели зерно разовьется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ горъ, кормится въ проголодь за недостаткомъ соломы и часто въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Небольшое количество жидкаго молока, получаемаго въ это время, употребляется на смачиваніе жесткаго хлѣба изъ древесной коры, которая большею частью составляетъ единственную пищу крестьянъ. «Онъ ѣстъ круглый годъ жесткій хлѣбъ» и «онъ неимовѣрно богатъ»—значатъ здѣсь одно и то же. «Однажды, говоритъ Руненбергъ, случилось зайти мнѣ на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшаны были котомки рабочаго люда, и я полюбопытствовалъ заглянуть во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашелъ я

*) О нихъ будетъ сказано ниже.

лепешки, слѣпленные изъ еловой коры: онѣ были чернехоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленій, жесткой корюшки, въ другихъ нѣсколько зеренъ соли».

Въ составѣ обитателей финской избы названы были выше нищіе и нахлѣбники. «Нахлѣбникъ, по словамъ того-же поэта Руненберга, вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, они подъ крестьянскою кровлею требуютъ мѣста для себя и для своихъ. Подобно ей, никогда не получаютъ въ томъ отказа и какъ она, живутъ тѣмъ, что Богъ послалъ. Плата за его постой обыкновенно состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова въ волоковое окно. Остальной трудъ въ вознагражденіе хозяевъ зависитъ отъ его доброй воли. Такой человѣкъ, если онъ не знаетъ накакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлею, охотою и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета, тою выгодою, что пускаетъ по ихъ землѣ палу (сожигаетъ лѣсъ и кустарникъ) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровою, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а по безграничной добротѣ хозяина обязанности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ болѣе всякаго другаго слѣдуетъ врожденной склонности финновъ къ безпечности и лѣни. Потому-то и видишь его всегда отдыхающимъ: зимою — передъ печькою на лавкѣ, лѣтомъ — на голой землѣ, на солнцѣ.

Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищіе. Правда, они остаются не навсегда: но приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который-бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколькихъ такихъ посѣтителей. «Нищаго у финновъ вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, по ихъ мнѣнію, сопутствуетъ Богъ; нищій часто странствуетъ съ женою и дѣтьми, съ одного двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живущаго милостынею; въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ; всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими нибудь остатками; онъ вмѣстѣ съ домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, т. е. единственное; онъ разсказываетъ, если у него найдется что-нибудь для разсказа; шутитъ, если вздумается шутить; дѣти его, ежели они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ сыщетъ спокойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ незавидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; тотъ на него не сердится, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захочетъ онъ уйти,—уходитъ и будь онъ самъ или кто-нибудь другой изъ его семьи слишкомъ слабъ и хворъ, въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ своего сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближайшаго двора. Такъ живетъ нищій между финнами. Онъ ѣстъ кору, потому-что и крестьянинъ, его принимающій, ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ—и у нищаго была-бы та-же пища».

По обращенію финновъ съ нищими уже можно судить вообще объ ихъ гостепріимствѣ. Дѣйствительно, едва-ли есть народъ, который-бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнить всякое требованіе. Чужому всегда даютъ лучшее, что только удается достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такимъ гостепріимствомъ отличаются всѣ классы населенія и изъ высшихъ особенно—пасторы. Всякій путешественникъ смѣло можетъ заѣзжать въ попиллу (такъ называется усадьба пастора) и найдетъ тамъ привѣтъ и обильное угощеніе.

Вмѣстѣ съ гостепріимствомъ отличительною чертою финновъ служитъ честность. Не смотря на бѣдность массы, кражи случаются

между финнами очень рѣдко и считаются столь тяжкимъ проступкомъ, что до сихъ поръ, по финскимъ законамъ, наказываются смертною казнію *). Что бы ни запродалъ финнъ въ долгъ, на какую-бы сумму ни ссудилъ деньгами, онъ готовъ довольствоваться однимъ честнымъ словомъ, не требуя росписокъ и документовъ, разумѣется, если лицо заслужило его довѣріе.

Финны услужливы и привѣтливы, когда замѣчаютъ тоже самое со стороны другихъ; въ противномъ-же случаѣ они упрямы и дерзки. При встрѣчѣ съ высшими, каждый финнъ желаетъ счастливаго пути, выражая свое привѣтствіе наклоненіемъ головы и приподнимая фуражку. Это дѣлаетъ онъ съ какою-то важностію, безъ всякаго подобострастія и низкопоклонничества, какъ равный равному.

Къ сожалѣнію, бѣдность и неблагопріятныя условія окружающей природы неблаготворно повліяли на характеръ неимущей массы населенія. Крестьянинъ-бѣднякъ нѣсколько лѣнивъ, безстрастенъ и вообще скупъ на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненія, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ-что онѣ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа, его окружающая, никогда не доставляла ему удовольствія покорить ее: она всегда являлась предъ нимъ гордою и непреодолимою; тогда какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ преклоняется предъ нею, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Но это безсиліе предъ природою, съ другой стороны, отражается на религіозности финновъ, въ которой они какъ-бы ищутъ защиты противъ внѣшнихъ бѣдъ.

Финны чрезвычайно богомольны и строго соблюдаютъ всѣ предписанные церковью обряды, они не пропускаютъ ни одной обѣдни, и хотя иной живетъ далеко отъ кирки, за то отправляется ранѣе и ужь навѣрное не пропуститъ службы; поэтому финскія кирки полны всегда молящимися. Благодаря заботливости духовенства, религіозныя вѣрованія финновъ чисты и очищены отъ многихъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ.

Вообще вѣра въ Финляндіи имѣетъ большое значеніе не только въ нравственномъ отношеніи, но она оказываетъ огромное вліяніе и на распространеніе въ народѣ грамотности. Такъ, по закону, никто не допускается къ пріобщенію святыхъ таинъ, не пользуется гражданскими правами, не имѣетъ права вступить въ бракъ, кто не знаетъ читать катехизиса и священнаго писанія и кто не умѣетъ объяснить главные догматы вѣры. Поэтому всѣ родители стараются учить дѣтей своихъ грамотѣ, а духовенство, съ своей стороны, обязано имѣть главное наблюденіе за обученіемъ прихожанъ. Для этого пасторы, отъ времени до времени, разъѣзжаютъ по своему приходу и экзаменуютъ дѣтей, а кромѣ того, предъ допущеніемъ къ причастію, всѣ молодые люди собираются на нѣкоторое время къ пастору, который объясняетъ имъ главные догматы вѣры и затѣмъ производитъ экзаменъ. Пасторъ въ Финляндіи пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ. Онъ проповѣдникъ, учитель, докторъ, авдокатъ, судья. Пасторъ проповѣдуетъ на народномъ языкѣ слово Божіе; онъ сѣетъ въ народѣ первыя сѣмена образованія, къ нему обращается народъ за совѣтомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, за медицинскою помощью въ болѣзни; если крестьяне не поладятъ въ чемъ-нибудь между собою, они идутъ на судъ къ пастору, и его слово — законъ; пасторъ собираетъ подати съ народа и онъ-же ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ о нуждахъ своихъ прихожанъ.

Финны чрезвычайно любятъ свое отечество, свой языкъ и гордятся имъ. Даже въ тѣхъ деревняхъ и городахъ, въ которыхъ они находятся въ постоянномъ сношеніи съ русскими, они говорятъ не

*) Надобно впрочемъ сказать, что хотя смертные приговоры и произносятся судами, но не исполняются, а замѣняются тюремнымъ заключеніемъ.

иначе какъ по фински. Языкъ финновъ отличается обиліемъ гласныхъ звуковъ. Много усилій стоило финнамъ завоевать себѣ уваженіе къ своему языку, совершенно вытѣсненному - было шведскимъ языкомъ изъ употребленія. Только при нынѣ царствующемъ Государѣ финскій языкъ повелѣно было допускать въ судахъ и училищахъ, но и до сихъ поръ между финскимъ и шведскимъ языками (защитникомъ употребленія котораго являются высшіе классы и правительственныя лица) идетъ борьба.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ народный финскій поэтъ (Лютинепъ) это забитое положеніе финскаго языка въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

«Горюетъ финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хотя, по мыслямъ народа, и надобно-бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать Евангеліе.

«Сперва младенецъ ростетъ въ пеленкахъ, но наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или и совсѣмъ погибнетъ; а бѣдный финскій языкъ все держатъ въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать о своемъ горѣ, по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ, что все ему приходится стоять за дверью и стучаться по-напрасну...

«Довольно уже въ селахъ Финляндіи поклонялись шведскому языку; чрезъ мѣру большія деньги выдавали за него, даже и въ самыхъ низкихъ лачужкахъ. Довольно уже финскій языкъ стоялъ и кланялся смиренно, чтобы ему въ приговорѣ суда растолковали самое простое выраженіе, или сочинили бумагу, въ которой потомъ счету нѣтъ ошибкамъ!

«Вѣдь финскій-то языкъ ясенъ и понятенъ; станетъ его на все, что ни говорится; все на немъ можно выразить, всякую науку объяснить, по фински можно растолковывать всякое ученье, изъ нѣмецкой-ли оно земли или изъ другихъ краевъ. А при томъ, въ финскомъ языкѣ много пріятности и для пѣнія.

Народныя празднества финновъ.

Заботы о пропитаніи, безпрерывно тяготѣющія надъ финнами, не позволяютъ имъ предаваться той живой радости, которую во многихъ другихъ мѣстахъ порождаютъ народныя празднества и игры. Только на святкахъ и на Ивановъ день замѣтно нѣкоторое расположеніе къ веселью. На святкахъ молодежь собирается къ плискѣ и другимъ забавамъ; въ это время непремѣнно долженъ быть, даже въ хижинѣ самаго бѣднаго, накрытый столъ, который въ теченіе многихъ дней стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ собрано все, что въ состояніи доставить хозяйство зажиточнаго финна, что удалось сберечь отъ весенняго голода бѣдняку; все это идетъ на то, чтобы угостить и распотѣшить святочныхъ гостей. Кто-бы ни вошелъ въ жилище финна, онъ каждаго старается угостить.

Ночь на Ивановъ день празднуется чуть-ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Канунъ Иванова дня считается у финновъ чернымъ днемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ ночь на Ивановъ день открываются всѣ клады; на томъ мѣстѣ, гдѣ находится кладъ, по ихъ повѣрью, видиѣется въ эту ночь синее пламя; но пламя это можно видѣть не иначе, какъ съ крыши такого строенія, которое перенесено было на третье мѣсто. Иные финны, вслѣдствіе подобныхъ толковъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто одно и то-же строеніе (амбаръ, баню, даже избу), чтобы только видѣть кладъ; они также вѣрятъ, что кладъ не дается тому, кто произнесетъ бранное слово. Иные простые финны наканунѣ Иванова дня топятъ баню и приготовляютъ все, что нужно для мытья: воду, вѣники, мыло и проч., и оставляютъ все это на цѣлую ночь для невидимаго хозяина дома—

«домоваго», который за это вниманіе будетъ снисходительнѣе. Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, финская молодежь пускаетъ по озерамъ и рѣкамъ зажженные смоляныя бочки и кадки, и жжетъ *кокко* (костры) и стрѣляетъ изъ ружей въ честь празднества. Для устроенія кокко избираютъ обыкновенно высокую, полуобгорѣлую сосну, на песчаной горѣ, которая-бы господствовала надъ окрестностью. Сухое дерево обставляютъ смолистыми, легкосгорающими вещами, громоздятъ ихъ какъ можно выше, а въ полночь зажигаютъ всю груду: она пылаетъ при звукѣ скрипокъ, гулѣ выстрѣловъ и крикахъ веселящейся кругомъ толпы. Болѣе зажиточные, особенно вблизи городовъ, всю ночь проводятъ въ танцахъ, гуляньяхъ на лодкахъ и прогулкахъ.

Довольно веселый также праздникъ совершается и по случаю счастливаго окончанія жатвы. Три дня сряду въ это время молодежь финскихъ деревень празднуетъ и веселится. Обыкновенно празднество это бываетъ въ домѣ болѣе зажиточнаго. Крестьяне и крестьянки наряжаются какъ можно лучше, и цѣлыя ночи танцуютъ шведскую кадриль и вальсъ, подъ музыку скрипокъ, вообще довольно употребительныхъ у финновъ.

Брачные обряды финновъ весьма разнообразны въ разныхъ мѣстностяхъ и подробное описаніе ихъ было бы утомительно. Празднованіе свадьбы продолжается нѣсколько дней сряду безпрерывно, иногда пять или шесть дней.

Похороны совершаются гораздо проще. Трупъ одѣвается въ бѣлое полотно и съ пѣніемъ переносится въ церковь. Гробъ почти всегда бываетъ чернаго цвѣта, и хотя дѣлается иногда желтый, бѣлый, голубой, но иногда красный.

Поэзія финновъ.

Главнымъ и почти единственнымъ памятникомъ древней самобытной образованности финновъ остаются ихъ пѣсни. Они носятъ на себѣ рѣзкую печать той національности, которой не могла изгладить въ народѣ ни утрата политической независимости, ни время. Главнымъ божествомъ языческихъ финновъ былъ пѣвецъ Вайнемейненъ, котораго они прозвали своимъ геніемъ покровителемъ, богомъ, даровавшимъ имъ поэзію; слѣдовательно они прозвали пѣсни даромъ божественнымъ.

Поэтическая способность была нѣкогда общею принадлежностію народа. Въ прежнія времена народные пѣвцы были чрезвычайно многочисленны въ Финляндіи. Почти на всякой пирушкѣ, на всякомъ праздничномъ собраніи раздавались пѣсни, которыя тутъ-же и сочинялись безъ всякаго приготовленія. Веселье и горе, какое нибудь выдающееся событіе однообразной сельской жизни, чей нибудь подвигъ, общее благо или бѣдствіе, смерть друга или насмѣшки надъ недругомъ — все это поперемѣнно служило предметомъ такихъ импровизацій. Даже женщины во время работы сочиняли и пѣли пѣсни. Нынѣ это народное поэтическое творчество угасаетъ въ Финляндіи отчасти по общему для всѣхъ народовъ закону, по которому съ развитіемъ образованности ослабѣваютъ поэтическія способности націи, отчасти же по излишнему усердію пасторовъ, которые, считая народную поэзію между финнами остаткомъ язычества, всячески старались ее истреблять. Однако-же мѣстами, особенно-же въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Финдляндіи, въ Саволаксѣ и Кареліи еще и нынѣ встрѣчаются пѣвцы между поселянами. Они поютъ пѣсни безъ всякаго приготовленія и наиболѣе удачныя изъ нихъ заучиваются,

въ стихахъ распространяются въ народѣ и распѣваются имъ. Въ финской литературѣ можно найти не мало сборниковъ произведеній такихъ народныхъ поэтовъ. Обыкновенно, на какой нибудь веселой пирушкѣ, выдѣляются изъ толпы два пѣвца: одинъ сочиняетъ, другой повторяетъ слова его такимъ образомъ, что когда первый приближается къ концу строфы, другой начинаетъ ее и повторяетъ всю, въ другой разъ. Первый между тѣмъ придумываетъ новую строфу, которую и принимается пѣть, когда повторяющій останавливается. Оба пѣвца сидятъ другъ противъ друга, колѣни о колѣни и рука съ рукою; во все время, пока продолжается пѣніе, они слегка качаются взадъ и впередъ и на лицѣ ихъ видны важность и раздумье. Конечно тутъ-же поются и старыя пѣсни; однимъ словомъ всякій поетъ то, что знаетъ.

Общій характеръ финскихъ пѣсень есть важность и мрачная тоска, свойства, отличающія впрочемъ вообще пѣсни сѣверныхъ народовъ, но у финновъ свойства эти еще усилены вліяніемъ сѣверной, бѣдной дарами, природы, бѣдностію и тяжестію ихъ судьбы, такъ долго тяготѣвшей надъ ними. Отъ того меланхолическій характеръ преобладаетъ особенно въ старинныхъ пѣсняхъ. Въ ихъ содержаніи очень часто бываетъ плачевное, онѣ наполнены скорбію объ утратахъ и бѣдствіяхъ общественныхъ и семейныхъ. Напротивъ, въ новѣйшее время финскія пѣсни чаще и чаще становятся выраженіемъ сердечной веселости и шутливой насмѣшки; въ нихъ выставляются съ смѣшной стороны то явленія повседневной жизни, то недостатки ближняго. Тоскливость большинства финскихъ пѣсень выражается и въ напѣвахъ; они по большой части утомительно однообразны и неизмѣнны отъ начала до конца пѣсни; только пастушескія и шутливыя пѣсни представляютъ болѣе разнообразія.

Поэтическія наклонности финновъ отражаются очень явственно и въ ихъ обыкновенномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляемыя сравненія, иносказанія, особенно олицетворенія неодушевленныхъ или одушевленныхъ предметовъ составляютъ постоянное свойство рѣчи финна, разумѣется когда онъ разсуждаетъ о какихъ нибудь болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ. Другой предметъ, сильно поражающій иностранца въ разговорѣ съ финномъ, есть необычайное обиліе пословицъ, существующихъ въ ихъ языкѣ почти на всѣ житейскіе случаи и по большей части превосходныхъ, не только по своему глубокому смыслу, но и по способу выраженія. Онѣ обыкновенно кратки, замысловаты и картинны и нерѣдко выражаются въ стихотворной формѣ. Ихъ такъ много, что нерѣдко изъ нихъ составляется цѣлый разговоръ. Вмѣстѣ съ пословицами финны очень любятъ и загадки, составленіе которыхъ и ихъ угадываніе издавна составляетъ одну изъ любимыхъ общественныхъ забавъ.

Наиболѣе интересный разрядъ пѣсень — суть древнія пѣсни, въ которыхъ выражается міросозерцаніе финновъ, ихъ вѣрованія въ періоды до принятія ими христіанства. Наибольшее число этихъ пѣсень принадлежитъ къ числу заклинаній, которыми, по вѣрованію древнихъ финновъ, удалялись отъ человѣка различныя бѣды и напасти. При поэтическомъ взглядѣ на міръ, финны всякое зло считали существомъ живымъ, слѣдовательно врагомъ своимъ, и притомъ врагомъ коварнымъ, скрытнымъ, но которой упорствуетъ до тѣхъ только поръ, пока человѣкъ не узнаетъ, не проникнетъ въ его замыслы. Какъ скоро это будетъ сдѣлано и выражено, онъ непремѣнно долженъ устыдиться и бѣжать. Такъ произошли заклинанія, которыя приняли форму пѣсень. Въ нихъ описывается сперва происхожденіе зла, потомъ вредъ, причиняемый имъ, и средство противъ него и наконецъ произносится самое заклинаніе. Эти заклинанія въ прежнія времена производились особыми лицами — финскими колдунами. Нынѣ колдуны почти совершенно исчезли въ Финляндіи; но еще въ концѣ истекшаго столѣтія ихъ было тамъ очень много. Они сами твердо вѣрили въ свое искусство и обыкновенно передавали своимъ дѣтямъ, почему оно считалось достояніемъ цѣлыхъ родовъ. Теперь

слѣды колдовства народъ хранитъ только въ заклинательныхъ пѣсняхъ, какъ наслѣдіе, оставшееся отъ предковъ.

Такія заклинательныя пѣсни составляютъ главную часть наиболѣе замѣчательнаго произведенія финскаго народнаго творчества — поэмы «Калевала», происхожденіе которой относится къ весьма древнимъ временамъ. Сущность содержанія «Калевалы» заключается въ сношеніяхъ, частію враждебныхъ, частію дружественныхъ, между двумя народами, изъ которыхъ одинъ живетъ въ странѣ Колевы, а другой въ Похіэлѣ. Колевъ есть имя родоначальниковъ героевъ или боговъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, почему край, въ которомъ происходила ихъ дѣятельность — Финляндія — называется Калевалою. Что касается до Похіэлы, то, по мнѣнію большинства изслѣдователей, подъ этимъ именемъ должно разумѣть Лапландію — страну сѣвера. Поводомъ къ враждѣ между двумя народами служило сватовство финскихъ героевъ за прекрасную невѣсту на сѣверѣ и предложенная женихамъ задача — достать какое-то сокровище, называемое въ пѣсняхъ «Сампо». Что это за сокровище — точно неизвѣстно, но въ пѣсняхъ ему приписывается чрезвычайная благодѣтельная сила, ибо съ помощію его получается хлѣбъ въ удивительномъ изобиліи; вотъ почему оба народа и оспариваютъ другъ у друга таинственную драгоцѣнность, которая сначала находится во владѣніи Похіолы, а потомъ возвращается финнами въ ихъ отечество. Главными лицами со стороны финновъ являются въ поэмѣ пѣвецъ Вейнемейненъ его братъ ковель (кузнецъ) Ильмаринен и веселый искатель приключеній Лемликейненъ, и со стороны лапландцевъ старуха Лоухи съ дочерью, за которую сватаются финскіе герои. Вейнемейненъ представляется мудрымъ старцемъ и искуснѣйшимъ колдуномъ, которому слово и пѣніе служатъ всесильнымъ средствомъ чарованій.

Наряду съ заклинаніями, въ которыхъ много таинственнаго дикаго и малозанимательнаго, въ поэмѣ встрѣчаются самые очаровательные образы и картины, дышащіе всею простотою природы, всею свѣжестію младенческаго народа.

Интересна послѣдняя руна (пѣснь) Калевалы, въ которой разсказывается, что одна изъ дѣвъ стороны Калевалы, Маріатта, скушавъ какую-то необыкновенную ягоду, сдѣлалась беременною. Приближаясь къ разрѣшенію, она посылаетъ просить у жены Руотуса позволенія сходить съ нею въ баню, но получаетъ суровый отказъ. Тогда она беретъ вѣникъ и идетъ въ конюшню, на гору Таніо: тамъ дыханіе лошади служитъ ей вмѣсто бани, и она родитъ сына, котораго кладетъ въ ясли на сѣно. При крещеніи святитель спрашиваетъ объ отцѣ его и когда оказывается, что отца нѣтъ, то Вейнемейнену предоставляютъ рѣшить участь ребенка. Онъ предлагаетъ умертвить дитя; но мать вдругъ начинаетъ говорить и объявляетъ этотъ приговоръ не законнымъ. Крещеніе совершается; но разгнѣваемой Вейнемейненъ на вѣки покидаетъ Финляндію, оставляя ей только свою арфу и пѣсни.

Кромѣ этихъ древнихъ пѣсень у финновъ существуетъ множество пѣсень новѣйшаго времени, изъ которыхъ особенно высокими достоинствами отличаются пѣсни лирическія, въ которыхъ, по выраженію одного финлянскаго писателя, выражается довѣрчивая покорность судьбѣ и сознаніе внутренняго значенія жизни. Чтобы дать о нихъ хотя нѣкоторое понятіе, мы приведемъ здѣсь два отрывка въ прозаическомъ переводѣ.

Пѣсня матери, качающей въ колыбели своего сына.

«Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская, но чище мой малютка, мое дитятко. Сонъ стоитъ за дверью и спрашиваетъ; сонъ дремлетъ, шепчетъ въ сѣняхъ и приговариваетъ: «есть ли тутъ малюточка въ пеленочкахъ, есть ли милый младенецъ въ постелькѣ. Нѣжный сонъ приди къ постелькѣ, сынъ дремлетъ, приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся ягодка черемха! Колыхайся, колыхайся, лег-

кій листокъ. Вотъ я качаю моего сыночка, вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, невѣдаетъ родившая, качаетъ-ли себѣ будущую опору, баюкаетъ-ли защиту своей старости? Никогда, бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютки въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда неизвѣстному. Легко упадаетъ дитятко въ зѣвъ смерти, или уводится на войну, въ толпу сражающихся, попадаетъ подъ огненную пасть пушки или въ неволю».

Или вотъ другая пѣсня, въ которой молодая крестьянка, выданная замужъ на чужую сторону, тоскуетъ по родинѣ:

«Нѣкогда обѣщала я пѣть, когда приду сюда, радостно пѣть какъ весенняя птичка, когда буду гулять по рощѣ и ходить по густому лѣсу. Неся воду изъ колодца, слышу пѣніе двухъ веселыхъ птицъ; ахъ, если-бы я была птицей, еслибъ бѣдная, могла пѣть, я бы пѣла на каждой ели, веселила-бы каждое дерево. И я пѣла бы громче, когда-бы увидѣла, что мимо идетъ печальный. Какъ-же узнаешь печальнаго? О, легко узнать его: тихо идетъ угнетенный и беззаботный, веселится громко.

«Что люди подумали обо мнѣ, что-то за странные слухи разнеслись, когда меня взялъ за мужъ не сосѣдъ, когда я вышла за мужъ не на родинѣ; тамъ я теперь бы слышала домашняго пѣтуха, видѣла бы родимыя пашни, жила бы у нашей горы. Или я слишкомъ много пѣла? Или пила я не въ мѣру, или спала слишкомъ долго? Меня выдали за мужъ за чужаго, меня увезли въ незнакомую сторону. Ахъ лучше бы дома было пить воду, изъ коры березовой, нежели на чужбинѣ пиво изъ кружки серебряной! Ахъ, еслибъ у меня какъ у другихъ, была лошадь и къ ней были-бы сани съ двумя полозьями! Я бы легко достала себѣ дугу, отыскала оглобли; есть въ лѣсу для дуги черемуха, для оглоблей рябина. И я не стала-бы медлить, не оглянулась-бы ни разу, не остановилась-бы до тѣхъ поръ, пока въ Саволаксѣ не увидѣла-бы дыма надъ отцовской избой, пока не увидѣла-бы, что топятся родимыя бани.....»

VIII. ЭСТЫ ИЛИ ЭСТОНЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Эстонцы суть древнѣйшіе обитатели поморья, занятаго Эстляндскою губерніею; въ древнія времена они захватывали пространство еще далѣе къ югу. Хотя они жестоко воевали съ скандинавами, съ Новгородомъ и Псковомъ, однако не чуждались сношеній съ русскими, принимали ихъ нравы и обычаи и даже вступали въ родственныя связи. Въ землѣ эстовъ были даже русскіе города. Названный нѣмцами нынѣшній городъ Дерптъ, есть просто русскій городъ Юрьевъ, основанный русскимъ великимъ княземъ Ярославомъ.

Страна эстовъ въ то время была не богата, почва земли не плодородна, а суровый и непостоянный климатъ, прерывавшій естественный ходъ занятій и необходимую дѣятельность, порождалъ лѣность. Такимъ образомъ, когда у сосѣднихъ народовъ начали проявляться зародыши будущей цивилизаціи, своеволіе эстовъ и отсутствіе общихъ интересовъ не допускали никакого организованнаго управленія, а тѣмъ менѣе сосредоточенія власти. Въ такомъ положеніи они столкнулись съ нѣмецкими выходцами.

Долгое время они отстаивали свою языческую религію, но, наконецъ, съ появленіемъ въ ихъ странѣ нѣмецкаго ордена меченосцевъ, здѣсь начало водворяться христіанство. Сдѣлавшись подвластными нѣмцамъ, эстонцы вмѣстѣ съ ними приняли ученіе Лютера и сдѣлались крѣпостными. Историческая-же судьба ихъ всегда была въ зависимости отъ сосѣднихъ государствъ: Швеціи, Даніи, Польши, Россіи и Германіи. Въ 1721 году, послѣ побѣдъ Петра I надъ шведами, эстонцы окончательно перешли подъ власть Россіи. Ихъ нынѣ считается нѣсколько болѣе 700,000 душъ, изъ числа которыхъ болѣе 400,000 населяютъ сѣверъ Лифляндской губерніи, 260,000 — Эстляндскую губернію, а остальные живутъ въ небольшомъ числѣ въ губерніяхъ Петербургской, Псковской и Витебской.

Наружность эстонцевъ, также какъ и языкъ ихъ, показываютъ явно финское происхожденіе. Ростъ ихъ не высокъ, глазныя орбиты угловаты, скулы широкія, бедры узкія, а волосы мягкіе, свѣтлаго цвѣта и съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Эсты, живущіе по морскому берегу и на сосѣднихъ островахъ, отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ, что и объясняется примѣсью скандинавской крови. Языкъ ихъ не болѣе какъ отрасль древняго финскаго и подраздѣляется на два говора: ревельскій—у эстовъ, занимающихъ сѣверъ и западъ территоріи, и дерптскій — у эстовъ, живущихъ на югѣ.

Костюмъ эстовъ отличается многими особенностями, при чемъ темные цвѣта преобладаютъ вообще, и въ особенности на островѣ Эзелѣ. Черный цвѣтъ есть любимый цвѣтъ эстовъ; кромѣ рубахи и лѣтняго платья, почти вся одежда эстонцевъ чернаго цвѣта. Почти всѣ эсты ходятъ въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ изъ грубаго сукна; подъ кафтаномъ надѣвается фуфайка изъ голубаго или зеленаго сукна, короткіе кожаные или полотняные панталоны и шерстяные чулки. На головѣ лѣтомъ носится круглая шляпа, а зимою шапка изъ лисьяго мѣха и овечья шуба безъ покрышки. Въ женскомъ костюмѣ замѣчается болѣе разнообразія, въ особенности въ головныхъ женскихъ уборахъ, которыми дѣвушки отличаются

отъ замужнихъ женщинъ. Также разнообразна и женская обувь. По воскресеньямъ эсты носятъ башмаки, на подобіе сандалій, сдѣланныхъ изъ одного куска кожи; островитяне-же носятъ обыкновенные кожаные сапоги.

Почти повсемѣстно, за малымъ исключеніемъ, женская юбка дѣлается изъ полосатаго сукна; на шею навѣшиваются серебряныя цѣпи, унизанныя разными искуственными камнями и серебряными монетами. Къ числу украшеній относится особый рядъ пряжекъ или застежекъ для рубахъ. На головѣ женщины носятъ особый головной уборъ, состоящій изъ бумажнаго картона, который надѣвается на голову, а сверху обвязывается легкою матеріею, украшенною лентами. Ни мужчины, ни женщины не стригутъ волосъ, а женщины даже и не заплетаютъ ихъ, оставляя распущенными по плечамъ. Бородъ мужчины не носятъ. Вообще костюмъ эстовъ весьма скроменъ, и по характеру и цвѣту своему весьма близко подходитъ къ серьезному характеру жителей.

Жилища эстовъ состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, рѣдко на каменныхъ устояхъ. Внутри помѣщеніе не очень просторно, печь обыкновенно состоитъ изъ кучи камней, расположенныхъ въ углу, и на ней-то, при помощи тагановъ, готовятся кушанья. Единственное небольшое окошечко въ избѣ расположено очень низко. Крыши избъ по большей части соломенныя, а внутри избы неопрятно и грязно. Бѣлые деревянные столы, сундуки и скамейки, покрытые грязью и копотью, корыто для корма скота—вотъ вся внутренняя обстановка хаты эстонскаго крестьянина. Весьма нерѣдко въ одномъ помѣщеніи съ хозяиномъ живутъ и домашнія животныя.

Пища весьма непривлекательна и состоитъ обыкновенно изъ чернаго хлѣба съ отрубями и копченой или соленой рыбы. Сельди и свинина составляютъ лакомство для достаточныхъ. Чаще-же всего на столѣ эстонскаго крестьянина является картофель и кислая капуста. Любимый напитокъ приготовляется изъ ячменя съ примѣсью хмѣля, и называется *тааръ*.

По характеру своему эсты вообще мрачны и не сообщительны съ посторонними. Вмѣстѣ съ тѣмъ они мстительны и коварны. Женщины также не расположены ни къ веселости, ни къ развлеченіямъ. Упорные и терпѣливые, эсты очень флегматичны и не легко увлекаются; но обида способна возбудить въ нихъ глубокую ненависть и мщеніе. Такъ эстонецъ глубоко ненавидитъ пришельцевъ—нѣмцевъ и даже именемъ этимъ онъ пугаетъ своихъ дѣтей. Не будучи воинственны по природѣ, они однако храбры, и храбрость ихъ въ соединеніи съ упорствомъ заставляетъ ихъ презирать и самую смерть.

Если эсты угрюмы и не сообщительны вообще, то нельзя сказать того же про ихъ семейную жизнь. Напротивъ, на сколько они не любятъ общественности, на столько же они привязаны къ семьѣ. Можно сказать, что для эстовъ только и существуютъ что семейныя отношенія. Время года оказываетъ большое вліяніе на образъ жизни эстонцевъ. Лѣтомъ они работаютъ много; зимою-же больше спятъ. Въ прежнія времена они жили большими селеніями; нынѣ же отдѣльными фермами.

Островные жители весьма неустрашимые моряки. Будучи безкорыстны, эсты въ то же время отличаются честностью, и воровство между ними встрѣчается довольно рѣдко. Къ числу-же недостатковъ ихъ характера слѣдуетъ отнести лѣность, безпечность и пьянство, которое впрочемъ въ послѣднее время замѣтно уменьшается. Что касается до ихъ умственныхъ способностей, то хотя нельзя сказать, чтобы они отличались быстрымъ умомъ или большою смышленностью, но все же они далеко не такъ ограничены въ умственныхъ способностяхъ, какъ о томъ говорятъ нѣмецкіе помѣщики Эстляндіи.

Болотистая неплодородная почва, непостоянство погоды, кратковременность лѣта и ранніе заморозки значительно затрудняютъ развитіе сельскаго хозяйства; не смотря однако-же на эти неблагопріят-

ныя климатическія и почвенныя условія, земледѣліе составляетъ главное занятіе эстовъ. Множество болотъ превращено ими въ плодородныя поля; поля, въ свою очередь, искусственно орошены, такъ что вообще эстонское сельское хозяйство стоитъ на значительно высшей степени нежели русское.

Занимаясь земледѣліемъ, эсты обращаютъ вниманіе и на скотоводство и особенно овцеводство. Отъ здѣшнихъ табуновъ происходятъ наши лошади *обвинки* и *вятки*.

Самый веселый праздникъ для эстовъ — это время жатвы. Что касается вообще до ихъ веселья, то надо замѣтить, что танцы распространены только между островными жителями; но страсть къ качелямъ повсемѣстна. Пѣсни эстонскія воспѣваютъ чистую любовь и красоту природы.

Языкъ эстовъ составляетъ одно изъ самыхъ чистыхъ и мягкихъ финскихъ нарѣчій, безъ всякой примѣси иностранныхъ словъ. Онъ раздѣляется на два нарѣчія: ревельское и дерптское.

Техническія способности эстовъ еще мало развиты; тѣмъ не менѣе однако мѣстами встрѣчаются искусные мастеровые, въ особенности слесаря; на фабрикахъ эстляндскіе рабочіе также отличаются способностями.

Склонность эстовъ къ повѣрьямъ, предсказаніямъ и колдовству сохранилась въ народѣ донынѣ и выражается въ различныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Изъ преданій, живущихъ между эстами, можно упомянуть о богѣ пѣнія *Ваннемуне*.

«У всѣхъ людей и звѣрей былъ одинъ языкъ, на которомъ они говорили и который служилъ имъ для повседневной жизни. Но это былъ языкъ будничный; онъ давалъ только возможность понимать людямъ языкъ звѣрей, но не было праздничнаго языка, не было пѣсенъ въ отраду людямъ и въ прославленіе боговъ. Однажды всѣ твари были созваны на общій соборъ, чтобы научить ихъ праздничному языку, то есть пѣснямъ. Собрались всѣ у Дерпта, гдѣ была священная роща. Вдругъ въ воздухѣ раздалось вѣяніе и на землю спустился *Ваннемуне* — богъ пѣнія. Сначала онъ съигралъ на своемъ инструментѣ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Рѣка Эмбахъ остановила свое теченіе, вѣтеръ пересталъ дуть, а звѣри и птицы напрягли свой слухъ. Но не всѣ слушавшіе одинаково поняли пѣніе: деревья поняли только шелестъ одежды бога Ваннемуне; вѣтеръ — самые рѣзкіе звуки его пѣнія; звѣри — кто скрипъ, кто звонъ струнъ; пѣвчія птицы, и въ особенности соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; рыбы же видѣли только движеніе губъ Ваннемуне и научились подражать только этому движенію, но остались такими-же нѣмыми, какими были и прежде. Изъ всѣхъ слушателей только одинъ человѣкъ понялъ все, отчего пѣсни его и доходятъ до глубины души и до жилища боговъ».

Изъ суевѣрій можно указать на то, что эстонцы не любятъ умирать на постели; умирающаго обыкновенно кладутъ на полъ. Въ гробъ-же умершаго кладется головная щетка, кусокъ мыла, мелкія монеты и стаканъ съ водкою.

Свадебные обряды эстовъ сохранили въ себѣ очень много языческихъ началъ. Напрасно духовенство старается уничтожить эти обычаи частью смѣшныя, частью вредныя; паства остается глухою къ увѣщаніямъ своихъ священниковъ, и весьма нерѣдко, вслѣдствіе укоренившихся обычаевъ, крестьянинъ въ нѣсколько дней расточаетъ сбереженія, сдѣланныя долгимъ трудомъ и потомъ и изъ зажиточнаго превращается въ нуждающагося.

Обыкновенно свадьбы устраиваются въ августѣ и сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, или за три, четыре недѣли до Рождества. Это время самое веселое для эстонскаго крестьянина. Старики и молодые — всѣ въ это время предаются танцамъ, веселью и попойкамъ. Нѣсколько старыхъ мужчинъ и женщинъ пріѣзжаютъ прежде всего въ телѣгѣ въ домъ невѣсты, куда привозятъ съ собою нѣсколь-

ко штофовъ водки, а иногда и въ боченкѣ. Предлагая эту водку родителямъ невѣсты, обыкновенно говорятъ: «у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ, желающій пріобрѣсти этотъ товаръ». Невѣста между тѣмъ спрятана. Но едва только родители выпьютъ водки, что означаетъ согласіе ихъ, какъ сваты тотчасъ-же отыскиваютъ молодую, подводятъ ее къ родителямъ и также заставляютъ ее выпить стаканъ водки.

Здѣсь также, какъ и у великороссовъ и у другихъ племенъ, рѣдко браки совершаются по взаимной склонности между женихомъ и невѣстой. Ясно, что и результаты бываютъ тѣ же: ссоры, разладъ и всякаго рода непріятности, а часто и взаимная ненависть между мужемъ и женою.

Иногда самъ парень является прямо въ домъ родителей невѣсты и предлагаетъ подарки родителямъ и невѣстѣ. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ мелочей, а отцу изъ денегъ. По полученіи согласія, объявляется о свадьбѣ, и невѣста на другой же день получаетъ отъ своего жениха головной уборъ, который носятъ замужнія женщины, и разныя бездѣлушки. По окончаніи свадьбы молодая покрываетъ голову платкомъ, а слѣдующіе за тѣмъ дни носитъ головной уборъ, подаренный мужемъ, когда она была еще его невѣстою.

Чрезъ три недѣли послѣ совершенія брака совершаются чудовищныя пиршества, начинающіяся въ домѣ родителей бывшей невѣсты и оканчивающіяся въ родительскомъ домѣ бывшаго жениха. Пиршества эти продолжаются нѣсколько дней и состоятъ въ ѣдѣ и попойкѣ съ утра до вечера.

Обыкновенно пиршество начинается такъ. Рано утромъ молодая уходитъ въ родительскій домъ, куда около полудня начинаютъ собираться родные и друзья. Вечеромъ пускается туда-же въ путь молодой, въ сопровожденіи цѣлаго кортежа, въ которомъ главныя роли играютъ *иссамеесъ*, въ родѣ посаженаго отца, и *пейе-поисъ*, обыкновенно холостой. Какъ они, такъ и молодой, вооружены обнаженными саблями и одѣты въ бѣлое платье съ красными кушаками. Впереди всѣхъ ѣдетъ верхомъ *пейе-поисъ*, а позади него въ телѣжкѣ, запряженной рѣзвыми лошадьми, *иесамеесъ* и молодой. За ними всѣ остальные въ сопровожденіи музыканта, играющаго на волынкѣ. По приближеніи къ дому родителей молодой, начинается стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. Затѣмъ *пейе-поисъ* три раза объѣзжаетъ вокругъ хаты, ударяя саблею по крышѣ. Кортежъ на порогѣ хаты встрѣчаютъ мать молодой и нѣсколько старухъ съ пѣніемъ. Тутъ начинается невыносимый концертъ разбитыхъ старческихъ голосовъ, сама-же молодая убѣгаетъ и прячется, между тѣмъ какъ всѣ начинаютъ ее преслѣдовать, и вслѣдъ за тѣмъ начинаются танцы. Столы въ это время уже накрыты и уставлены хлѣбомъ, пирогами, мясомъ, яйцами, сыромъ и проч. Когда достаточно напляшутся, то приступаютъ къ ѣдѣ. Это продолжается къ ряду три или четыре дня, при чемъ молодой каждый вечеръ, прежде чѣмъ идти спать, ломаетъ ложку свою и своей жены. Когда здѣсь все уже поѣдятъ, и выпьютъ, тогда отправляются пировать къ молодому.

Прежде чѣмъ отправиться туда, на голову молодой надѣвается покрывало, въ которомъ она остается въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ. Затѣмъ всѣ поднимаются и отправляются въ путь опять тѣмъ же порядкомъ съ музыкою. За музыкантомъ ѣдетъ невѣста, у которой кучеромъ сидитъ братъ, а если его нѣтъ, то ближайшій родственникъ. Позади всѣхъ ѣдетъ съ своими друзьями молодой съ боченками водки и пива.

По прибытіи въ домъ, молодая садится на колѣни къ своему брату или родственнику, между тѣмъ какъ молодой, *иссамеесъ* и *пейе-поисъ* съ обнаженными саблями въ рукахъ пляшутъ какъ сумасшедшіе. Затѣмъ сажаютъ на колѣни молодой ребенка, которая его цѣлуетъ и даритъ ему связанные ею чулки.

Затѣмъ начинается пляска. Немного спустя съ одной стороны подходитъ къ молодой одинъ изъ парней, надѣваетъ на нее перед-

никъ и даетъ немного серебряныхъ денегъ; съ другой же стороны подходитъ старуха, снимаетъ съ нее брачный головной уборъ, надѣваетъ вмѣсто него другой болѣе простой, подвязываетъ вокругъ шеи и груди платокъ и въ заключеніе даетъ пощечину.

Въ это время старухи, которыя встрѣчали молодаго пѣніемъ въ домѣ родителей молодой, подаютъ гостямъ пиво и медъ и поютъ: «попробуйте; это не горько, а сладко». Каждый изъ гостей даетъ деньги, которыя отдаются молодой. Мужъ между тѣмъ вноситъ корзину съ подарками, которые роздаются гостямъ. Подарки обыкновенно состоятъ изъ чулокъ, рубахъ, поясовъ, рукавицъ и пр. Взамѣнъ этихъ подарковъ каждый изъ гостей обѣщаетъ отдарить молодую жену чѣмъ нибудь цѣннымъ; такъ одинъ обѣщаетъ какую нибудь скотину, другой—улей, меблировать домъ и пр. И хотя иногда обѣщанія эти бываютъ очень тяжелы и не въ моготу обѣщавшему, тѣмъ не менѣе однако онѣ свято исполняются.

Пиръ у молодыхъ продолжается также нѣсколько дней. По окончаніи его молодая на другой день выметаетъ печку и принимается за хозяйство.

IX. ЛИВЫ.

Ливы, которыхъ нынѣ осталось не болѣе 2000 душъ, суть ближайшее родственное эстонцамъ племя. Оно сгрупировано въ узкомъ пространствѣ, прилежащемъ къ Балтійскому морю и отдѣленномъ отъ остальной части Курляндской губерніи болотами и лѣсами. Они поселены въ четырнадцати приморскихъ деревняхъ.

Ливы въ древнее время занимали всю Курляндію и большую часть Лифляндіи, но съ переселеніемъ сюда латышей, ливы отчасти были изгнаны, отчасти смѣшались съ пришельцами, принявъ ихъ языкъ, нравы и обычаи. Въ нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ жительства они занимаютъ узкую приморскую полосу въ 68 верстъ длиною, при чемъ пустошами и болотами между дюнами, часто совершенно непроходимыми, отдѣлены отъ латышей. Только этому обстоятельству они и обязаны сохраненіемъ своего языка и своей народности. Въ остальныхъ мѣстахъ Лифляндской и Курляндской губерній ливы не имѣли возможности скрыться за подобными естественными рубежами и, преслѣдуемые насмѣшками со стороны латышей за свой языкъ, они во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ латышами должны были употреблять языкъ латышскій, знать который обязывала также и религія.

Жилища, одежда и образъ жизни ливовъ весьма сходны съ ла-

тышскими и все различіе ограничивается мелочными подробностями. Между тѣмъ внутреннія національныя качества ливовъ рѣзко отличаются отъ латышскихъ, и народъ по характеру своему гораздо ближе подходитъ къ эстамъ. Съ издавна знакомые съ моремъ и съ дѣтства привыкающіе къ морской стихіи, ливы хорошіе и предпріимчивые моряки. Будучи болѣе эстонцевъ склонны къ общительности, ливы въ тоже время проявляютъ въ своемъ характерѣ болѣе склонности къ порокамъ, проявляя упрямство, гнѣвъ и склонность къ мстительности. Пьянство, воровство, а въ особенности грабежъ судовъ, потерпѣвшихъ у береговъ крушеніе составляютъ весьма частые пороки ливонцевъ.

Ихъ женщины и дѣвушки одинаково храбры и рѣшительны какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, и въ частной жизни отличаются хорошею нравственностью. Въ бракъ онѣ вступаютъ поздно, и хотя подобно мужчинамъ отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, грубыми формами и цвѣтущимъ здоровьемъ, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать некрасивыми. Будучи ловки и общительны между собою, ливы весьма угрюмы съ чужими.

Также какъ и эсты, ливы живутъ въ дымныхъ и смрадныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ зимою сосновой лучиной и живутъ бѣдно. Большая часть ихъ вовсе не имѣютъ земли, и нанимается работниками къ болѣе зажиточнымъ.

Національная одежда у мужчинъ состоитъ изъ куртки съ стоячимъ воротникомъ и длиннаго кафтана, сшитаго по образцу эстонскаго, изъ свѣтлосѣрой шерстяной матеріи. Женщины носятъ длинныя таліи и полосатыя юбки. Въ послѣднее время ливы, какъ и окрестные латыши, стали одѣваться въ темно-сѣрые цвѣта.

Въ сельскихъ работахъ они употребляютъ воловъ, а не лошадей. Исповѣданія они лютеранскаго, религіозны и набожны по наружи, хотя рѣдко можно встрѣтить между ними признаки искренней глубокой религіозности.

Всѣ свои религіозные обряды ливы выполняютъ на латышскомъ языкѣ, которому, вмѣстѣ съ катехизисомъ, обучаются въ дѣтствѣ въ церковныхъ школахъ, но употребляютъ его съ особымъ произношеніемъ. На своемъ языкѣ они не имѣютъ ни одной молитвы. Женщины говорятъ по латышски хуже чѣмъ мужчины, а нѣкоторыя, не умѣющія читать, понимаютъ его весьма немного; дѣти до девятилѣтняго возраста говорятъ только на своемъ природномъ языкѣ, въ который, вслѣдствіе сношеній съ латышами, вошли многіе латышскіе обороты и слова, измѣненные сообразно съ духомъ языка. Самый-же языкъ ливовъ есть особенный, въ который хотя и вошло много словъ финскихъ и эстскихъ, ревельскаго и дерптскаго нарѣчій, но который въ то-же время заключаетъ въ себѣ еще бо́льшее число словъ самобытныхъ ливскихъ, не принадлежащихъ ни къ одному изъ означенныхъ языковъ, и притомъ слова сихъ послѣднихъ имѣютъ на ливонскомъ языкѣ совершенно другое значеніе.

Ливы отличаются особою привязанностью къ старинѣ и стараются во всемъ сохранить древній бытъ своихъ предковъ, удерживаясь отъ смѣшенія съ сосѣдними латышами, надъ которыми имѣютъ преимущество въ большей предпріимчивости, энергіи и настойчивости. Съ малолѣтства привыкшіе къ опасностямъ моря, они на построенныхъ ими небольшихъ одномачтовыхъ судахъ предпринимаютъ дальніе разъѣзды, доходя съ рыбою до Петербурга. Нѣкоторые подобные моряки умѣютъ даже обращаться съ картою и кампасомъ. Главное ихъ занятіе состоитъ въ рыбной ловлѣ, на которую отправляются даже женщины. Поселенные на песчаныхъ и безплодныхъ мѣстахъ, они сельскимъ хозяйствомъ занимаются весьма неохотно и въ этой отрасли занятій имѣютъ весьма мало свѣдѣній.

Въ умственномъ отношеніи ливы стоятъ несравненно выше латышей и почти всѣ безъ исключенія умѣютъ читать.

X. КАРЕЛЛЫ.

Наружный видъ кареллъ напоминаетъ ихъ финское происхожденіе. Общее число ихъ до 360,000 разбросано по разнымъ мѣстамъ Россіи, а именно: въ Финдляндіи, въ Новгородской, Тверской, Петербургской губерніяхъ; а также въ Ярославской, Олонецкой и Архангельской.

Нынѣ кареллы въ Россіи совершенно обрусѣли, почти всѣ, за исключеніемъ стариковъ, забыли свой родной языкъ и только наружнымъ видомъ и главнымъ образомъ цвѣтомъ волосъ напоминаютъ своихъ родичей — финновъ.

Въ нравственномъ отношеніи они отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей упрямствомъ, скрытностью, недовѣрчивостью и мстительностью. Въ описаніи природнаго ума весьма замѣтно уступаютъ русскимъ.

Въ частной жизни сохранились многіе древніе обычаи, отражающіеся на одеждѣ, устройствѣ лыжъ и въ наружной отдѣлкѣ винтовки.

Главное занятіе ихъ состоитъ въ звѣриной и птичьей охотѣ и рыбной ловлѣ. Разнаго рода занятія и промыслы у нихъ раздѣлены между разными деревнями. Такъ есть цѣлыя деревни каменотесовъ, столяровъ, стекольщиковъ и др. Почти отовсюду ходятъ они на промыслы въ столицы, откуда приносятъ на родину иной образъ жизни, значительныя деньги, цвѣтную одежду, чай и кофе, особенно распространившіеся между простымъ народомъ въ послѣдніе годы. Кромѣ того кареллы занимаются выдѣлкою мѣховъ, судостроеніемъ и льяной промышленностью. Карелльскія лодки очень оригинальны; отличаясь необыкновенною прочностью, онѣ сдѣланы безъ желѣзныхъ гвоздей, а скрѣплены вмѣсто нихъ древесными корнями.

Большинство карелловъ исповѣдуютъ православную вѣру, кромѣ живущихъ въ Петербургской губерніи, которые суть протестанты. Между православными карелами встрѣчаются также и раскольники.

XI. МОРДВА.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Многочисленное мордовское племя (около 700,000 душъ въ настоящее время) разсѣяно на обширномъ пространствѣ восьми восточныхъ губерній: Нижегородской, Казанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской. Преимущественно мордва разселилась по берегамъ рѣкъ: Оки, Волги, Суры, Цны, и Мокши; центромъ же мордовскаго населенія можно считать Пензенскую губернію.

Ученые причисляютъ мордву къ такъ называемому «Чудскому» или финскому племени. Самое же названіе «Мордва»—происходитъ отъ слова «Мöри», что на мордовскомъ и на другихъ чудскихъ языкахъ значитъ — «человѣкъ». Оттуда и произошли названія многихъ чудскихъ племенъ: *Меря, Мори* (такъ называютъ сами себя черемисы), *Мортъ-Коми* (зыряне), *Мортъ-Удъ* (вотяки), *Мортъ-ва*, и *Муро-ма* (исчезнувшее племя).

Собственно мордва дѣлится также на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ самыя многочисленныя: *мокша* и *эрзя;* остальныя же мордовскія племена, какъ-то: *терюхане* (въ Нижегородской губ.) и *каратаи* (въ Казанской губ.) отчасти смѣшались съ русскими, а отчасти представляютъ лишь слабые остатки когда-то сильныхъ и многочисленныхъ народцевъ.

Различія между *мокшей* и *эрзею*—маловажны, хотя эти два племени до сихъ поръ не смѣшиваются другъ съ другомъ и живутъ отдѣльными деревнями. Главное отличіе между ними заключается въ языкѣ: мокшанинъ часто не понимаетъ, что говоритъ эрзянинъ; впрочемъ, у тѣхъ и у другихъ есть много словъ или совершенно сходныхъ, или имѣющихъ общій корень. Нѣкоторое различіе между ними заключается также въ одеждѣ и даже въ наружности. Мокша, вѣроятно, часто входитъ въ сношенія съ русскими и потому наружностью своею напоминаетъ отчасти русскихъ; эрзя же ближе подходитъ къ финскому типу. Эрзяне отличаются свѣтлыми, почти красноватыми волосами; имѣютъ лица широкія, носъ—небольшой, тупой, глаза маленькіе полузакрытые. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, напримѣръ въ различныхъ обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ и. т. под. мокшане и эрзяне совершенно сходны между собой.

Встарину мордовское племя населяло преимущественно мѣстность, окружающую устья рѣки Оки. Еще Несторъ замѣчаетъ въ своей лѣтописи: «а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, сѣдить Мурома—языкъ свой, Мещера—свой, Мордва—свой языкъ». Извѣстный *Нижегородскій лѣтописецъ* говоритъ также: «Великій князь Юрій Всеволодовичь заложивъ градъ на устьѣ Оки рѣки и нарече имя ему Новградъ Нижній . . . .а владѣли тою землею погании мордва».

Мордовскія земли дѣлились въ то время на волости и каждая изъ нихъ управлялась независимымъ мордовскимъ княземъ. У мордвы сохранились даже преданія о какой-то княжнѣ Нарчаткѣ, изображеніе которой и понынѣ попадается на монетахъ, которыми любятъ украшать себя мордовки. Жизнь они изстари вели осѣдлую. Обитая въ плодородныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, изрѣзанныхъ рѣками и испещренныхъ озерами, мордва съ незапамятныхъ временъ прилежно

занималась хлѣбопашествомъ, бортевымъ пчеловодствомъ, а также охотою на звѣрей и рыбною ловлею.

Разнобразныя выгоды, получаемыя этимъ мирнымъ и трудолюбивымъ племенемъ, постояно соблазняли ихъ сосѣдей—русскихъ, которые имѣли съ мордвою частыя столкновенія и нерѣдко въ конецъ разоряли ихъ хозяйства. Впрочемъ, набѣги на мордовскія земли невсегда удавались. Такъ отъ 1103 года въ лѣтописяхъ говорится: «бися Ярославъ съ Мордвою, мѣсяца Марта въ 4 день, и побѣжденъ бысть Ярославь» (сынъ Святослава Черниговскаго). А въ 1229 году, мордовскій князь Пургасъ, память о которомъ до сихъ поръ еще живетъ въ народѣ, успѣлъ даже подступить къ стѣнамъ Нижняго-Новгорода съ несмѣтными толпами мордвы и сталъ разорять его. Но Юрій Всеволодовичъ (Владимірскій) отбилъ Пургаса и совершенно разгромилъ мордву.

Не одни русскіе пытались покорить мордву; она долгое время находилась также подъ владычествомъ приволжскихъ болгаръ. А вскорѣ послѣ покоренія мордвы Юріемъ Всеволодовичемъ, она вмѣстѣ съ русскими, подпала подъ власть татаръ, которымъ стала платить дань звѣриными шкурами и которымъ нерѣдко помогала одолѣвать русскихъ. Къ этому времени относится слѣдующая легенда: «Было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, не зависѣло отъ нихъ; но пришла пора—и русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить у народнаго вождя, или князя мордовскаго, чтобы онъ, по старой дружбѣ и по сосѣдству, уступилъ нѣсколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньковою ниткою, обмотанной нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій князь согласился на просьбу своего сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени, что ни на есть дюжаго парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно длинную нить, что голова стала цѣлою горою, и нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спохватился князь, да уже поздно, и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю».

Окончательно покорена была мордва только Иваномъ Грознымъ, вслѣдъ за паденіемъ Казани. Но и послѣ того она долго еще не унималась. Такъ во время самозванщины и бунта Стеньки Разина, мордва не разъ поднималась и пробовала даже осаждать по прежнему Нижній-Новгородъ, хотя этого уже неудавалось привести въ исполненіе.

Съ окончательнымъ покореніемъ мордвы при Иванѣ Грозномъ, началось и обращеніе ея въ христіанскую вѣру. Но гораздо больше сдѣлано въ этомъ отношеніи при патріархѣ Никонѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Никонъ самъ былъ мордовскаго происхожденія. Отецъ его, говорятъ, былъ обрусѣвшій мордвинъ, крестьянинъ села Вельдяминова, Княгининскаго уѣзда (Нижегородск. губ). Судя по современному портрету Никона, въ чертахъ лица его дѣйствительно проглядываетъ мордовскій типъ; упорство же, вспыльчивость и нѣкоторыя другія черты характера еще болѣе напоминаютъ его родичей. Немудрено, поэтому, что Никонъ обращалъ особенное вниманіе на мордву. Онъ поручилъ рязанскому архіерею Мисаилу обратить все мордовское племя въ православіе. Послѣдній, дѣйствительно, многихъ обратилъ въ христіанство; но уполномоченный, вѣроятно самимъ Никономъ, на слишкомъ крутыя мѣры, Мисаилъ вскорѣ раздражилъ мордву и былъ убитъ стрѣлами.

Крещеніе всей мордвы послѣдовало только въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Но конечно и послѣ того язычество долго еще не было совсѣмъ чуждо мордовскому племени. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія мордва, будучи уже христіанами, продолжала исполнять всѣ свои языческіе обряды. Въ 1809 году между ними явился даже особенный ревнитель язычества, старавшійся отчасти возстановить прежнюю мордовскую вѣру. Это былъ крестьянинъ деревни Большаго Сескина, Нижегородскаго уѣзда, Кузьма Алексѣ-

евъ, извѣстный у мордвы подъ именемъ «Кузьки-бога». Да и до сихъ поръ слѣды язычества, какъ мы увидимъ ниже, проглядываютъ еще очень замѣтно почти во всѣхъ ихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Мордвины обладаютъ отъ природы здравымъ смысломъ и хорошею памятью; но они до сихъ поръ неграмотны и грубы. Мордвинъ крѣпко преданъ старинѣ и недовѣрчивъ ко всякаго рода нововведеніямъ. Умственная неподвижность, грубые обычаи и разныя суевѣрія и понынѣ составляютъ отличительныя свойства его племени.

Не смотря на это, нужно сознаться, что изъ всѣхъ народовъ финскаго племени, обитающихъ въ Россіи, ни одинъ такъ не обрусѣлъ въ настоящее время какъ мордва. Сліяніе ихъ съ русскою народностью за послѣдніе годы шло весьма быстро. Мордвинъ, еще за 20 лѣтъ передъ этимъ смотрѣвшій совершеннымъ язычникомъ, теперь уже во многомъ походитъ на русскаго крестьянина. Этому способствовало отчасти то положеніе, какое теперь занимаетъ мордва, живя среди густо населенныхъ и чисто земледѣльческихъ нашихъ восточныхъ губерній. А что главнымъ образомъ ускоряло обрусеніе мордовскаго племени—это изстари осѣдлый, мирный и земледѣльческій бытъ самихъ ихъ. Подготовленная, такъ сказать, своимъ собственнымъ образомъ жизни къ воспріятію началъ русской гражданственности, мордва легко и какъ бы незамѣтно для самой себя поддается теперь вліянію этой гражданственности,—вліянію за послѣдніе годы, особенно усилившемуся вслѣдствіе нѣкотораго оживленія, обнаружившагося за это время во всей нашей народной жизни.

Вообще, не смотря на упорно-неподвижный характеръ мордвы, она все-таки легко входитъ въ сношенія съ посторонними людьми. Какъ и всякій младенчествующей народъ, мордвины сколько вспыльчивы и мстительны, столько же простудушны и кротки. Если мордвинъ не замѣчаетъ со стороны своего сосѣда — русскаго—явнаго намѣренія притѣснить или оскорбить его, а напротивъ видитъ въ немъ нѣкоторое участіе къ себѣ, то легко сближается съ нимъ. Иногда достаточно двухъ словъ: «комъ-малятъ?» (куда идешь), сказанныхъ ласковымъ задушевнымъ тономъ, чтобы окончательно расположить въ свою пользу перваго встрѣчнаго мордвина. При этомъ, мордвины, никогда первые не рѣшатся нанести обиду, или притѣснить, обмануть кого нибудь. Напротивъ, они славятся въ этомъ отношеніи добродушіемъ и патріархальною честностью. Насколько эти качества присущи мордвинамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ при подрядахъ и покупкахъ руководствуются такимъ правиломъ съ подгородными крестьянами и мѣщанами дѣла не имѣть; татаръ обязывать строгими условіями на законныхъ основаніяхъ, а мордвину-*вѣрить на слово.*

Но чтобы составить себѣ полное понятіе о характерѣ мордвина, нужно видѣть его еще на работѣ. Невозмутимое спокойствіе, поразительное терпѣніе и крайняя заботливость не покидаютъ его при этомъ ни на минуту. Выйдя на свою пашню, среди жаркаго знойнаго лѣта, часто въ овчинномъ полушубкѣ, мордвинъ принимается безъ устали косить, жать или пахать, цѣлый день обливаясь потомъ, отъ усиленныхъ движеній подъ знойнымъ палящимъ солнцемъ.

Еще типичнѣе поведеніе мордвина на охотѣ. Къ различнаго рода звѣринымъ или лѣснымъ промысламъ мордвины до сихъ поръ сохранили особенную страсть. Съ собакою, ружьемъ, тенетами и съ кускомъ чернаго хлѣба, мордвинъ ходитъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу или по берегамъ рѣкъ и озеръ, отыскивая зайцевъ, волковъ, лисицъ и разную дичь. Смѣшонъ мордвинъ на охотѣ; иногда онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ въ кустахъ или чащѣ камышей, почти по поясъ въ водѣ, ожидая приближенія дичи на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; въ случаѣ неисполненія ожиданій, переходитъ на другое мѣсто и опять принимается за то же самое, никогда не рѣшаясь рискнуть

хоть однимъ напраснымъ выстрѣломъ. Въ зимнее же время мордвинъ охотится на лыжахъ и мастерски управ. летъ ими.

Мордвины рѣдко отыскиваютъ промыслы на чужой сторонѣ. Напротивъ, въ своемъ родномъ селеніи, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, они занимаются плотничествомъ, распилкою лѣса, приготовленіемъ различныхъ издѣлій, охотою, а въ особенности—разведеніемъ пчелъ. Какъ пчеловоды—мордвины незамѣнимы по своей неутомимой заботливости въ этомъ дѣлѣ и по крайней внимательности къ самымъ ничтожнымъ мелочамъ пчелинаго хозяйства.

Привязанность къ родному селенію, уваженіе къ лѣсу и довольство вообще составляютъ отличительныя черты ихъ характера. Обитая въ мѣстностяхъ плодородныхъ, щедро надѣленныхъ дарами природы, защищенныхъ густыми лѣсами и богатыхъ водою,—мордва, при своемъ упорномъ трудолюбіи, успѣваетъ извлекать изъ нихъ немалыя выгоды, насколько это, разумѣется, позволяютъ имъ ихъ грубыя младенческія понятія и подчасъ первобытные пріемы.

Живетъ мордва большими деревнями, расположенными по большей части неправильно, съ кривыми улицами и разными закоулками. Но это не мѣшаетъ имъ жить въ полномъ мирѣ и согласіи между собою Безъ общаго обсужденія, безъ сельской сходки у нихъ необходятся даже такія дѣла, какъ выборъ мѣста для отправленія «моляна», или другаго какого нибудь мордовскаго обряда.

Жилище ихъ—избу также съ перваго взгляда можно отличить отъ русской, хотя она и построена по образцу послѣдней. Мордовская изба выходитъ на улицу обыкновенно однимъ окномъ, маленькимъ и невзрачнымъ, прорѣзаннымъ ближе къ переднему углу. Такой видъ имѣетъ, обыкновенно, та сторона русской избы, которая обращена на дворъ. Соломенныя крыши мордовскихъ избъ, покатыми своими сторонами обращены также вдоль улицъ, такъ что при въѣздѣ въ мордовскую деревню проѣзжему кажется, что всѣ избы въ ней стоятъ къ нему бокомъ.

По внутреннему устройству и убранству, мордовское жилище ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной курной русской избы: тѣ же въ ней скамейки, лавки и полки, тѣ же полати и волоковыя окна, та же печка, налѣво отъ входа, обыкновенно, курная, безъ трубы. Впрочемъ, встарину, въ мордовской избѣ печка ставилась въ переднемъ углу, и отверстіемъ обращалась прямо ко входу. Въ то время они не держали также другой посуды, кромѣ чугуна и мѣднаго котла; но теперь всѣ уже обзавелись обыкновенною русскою посудою.

Опрятностью или чистотою жилища мордвы далеко не отличаются. Въ избѣ мордовской вмѣстѣ съ людьми помѣщаются обыкновенно куры, гуси, овцы съ ягнятами, свиньи съ поросятами, а подчасъ и корова съ теленкомъ; если есть въ домѣ собака, то она непремѣнно поселяется тутъ же. Оттого воздухъ въ избѣ всегда затхлый, сырой и нестерпимый для непривычнаго человѣка.

Къ избѣ прилегаютъ довольно узкія сѣни, по другую сторону которыхъ ставится обыкновенно горница или вышка. Это-чаще всего тоже изба, только пустая, нежилая и безъ печки. Въ ней хранятся разныя вещи: одежда, посуда, молоко яйца и проч. Подъ вышкою устраивается нижнее отдѣленіе, «подклѣть», куда помѣщаютъ на зиму овецъ, свиней, или ставятъ пчелъ. Различныхъ клѣтей и пристроекъ у богатыхъ бываетъ вообще много, и именно столько, сколько снохъ въ семействѣ. Каждая сноха имѣетъ свою клѣть и въ ней помѣщаетъ все свое имущество.

Земледѣльческія орудія и другіе хозяйственные предметы у мордвы совершенно одинаковые съ русскими.

Относительно пищи мордвины нѣсколько болѣе разборчивы, чѣмъ относительно жилища. Обыкновенную ихъ пищу составляютъ: ржаной хлѣбъ (*киш*), по большей части хорошо пропеченный и мягкій; щи русскія; блины изъ гречневой муки (*пача*); ржаной пирогъ съ начинкою (*перяка*); *чукург* — маленькій пирогъ изъ того же тѣста, съ тремя острыми углами и начиненный молочною пшенною кашею. Въ

ФИННЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ФИННЫ.

особенно торжественные дни мордвины ѣдятъ также *шапарямъ* — пшенную кашу съ положенными въ нее кусочками хлѣба, говядины, курицы и яицъ. Мясо зайца мордвины охотно употребляетъ въ пищу и лакомятся имъ тайкомъ даже въ посты. Но особенно любимая пища ихъ—это гречневая каша и медъ (*мядь*).

Изъ напитковъ мордва употребляетъ обыкновенный кислый квасъ и квасъ медовый (*пуряй*). Самый же любимый ихъ напитокъ составляетъ *пуре*—медовая брага. Пуре́ приготовляется изъ меду, который нѣсколько времени *томятъ* или *морятъ*, т. е. даютъ ему перебродить. Хотя въ мореный медъ и не кладутъ хмѣля, но онъ очень пьянъ. Если непривычному человѣку выпить стаканъ этого напитка, очень пріятнаго на вкусъ, голова у него останется свѣжею, но за то ноги какъ будто отнимутся, ножныя мышцы совершенно не повинуются волѣ человѣка. Послѣ сна бываетъ страшная головная боль, продолжающаяся по суткамъ и болѣе. Но мордвины пьютъ свое пуре́ ковшами и бываютъ только веселы.

Относительно достоинства своей пищи и напитковъ сами мордвины держатся вообще высокаго мнѣнія. Въ одной пѣснѣ, распѣваемой обрусѣлыми мордвинами, они влагаютъ въ уста посланцевъ какого-то русскаго «Мурзы» слѣдующія похвалы своимъ кушаньямъ:

«Угостили насъ, напоили сусломъ сладкимъ,
»Накормили насъ хлѣбомъ мягкимъ»....

Вообще мирные трудолюбивые мордвины не совсѣмъ равнодушны къ какой-бы то ни было пищѣ. Можетъ быть, даже они ни къ чему не питаютъ такого пристрастія, какъ къ ѣдѣ. Правда, мордвинъ и пить охотникъ; но пьетъ онъ все-таки съ толкомъ; онъ старается, напримѣръ, напиться съ субботы на воскресенье, чтобы къ понедѣльнику, къ рабочему дню, быть уже вполнѣ трезвымъ и бодрымъ. Ѣдятъ же мордвины иногда совсѣмъ безъ толку, забывая при этомъ даже всякіе расчеты и всю свою бережливость, доходящую въ другихъ случаяхъ до скупости. Случалось, напримѣръ, что мордвинъ, нанявшійся въ извозъ за довольно высокую цѣну, и разчитывавшій заранѣе на значительное сбереженіе отъ провозной платы, не привозилъ домой ни копѣйки—все проѣдалъ дорогою. Доберется до постоялаго двора, и незамѣтно для себя проѣстъ на кашѣ, на медѣ, на бѣломъ хлѣбѣ, на лещахъ—сразу полтинникъ или болѣе, и какъ ни сокрушается послѣ этого, но непремѣнно повторитъ то же самое и на слѣдующемъ постояломъ дворѣ. Слабость свою мордвины сами хорошо подмѣтили; на этотъ счетъ у нихъ сохранилось даже нѣсколько преданій, по одному изъ которыхъ пристрастіе къ ѣдѣ было причиною даже потери ихъ независимости и подчиненія русскимъ. Вотъ какъ поется объ этомъ въ вышеупомянутой пѣснѣ про московскаго «мурзу», посылавшаго пословъ въ Мордву съ подарками:

«.... Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ молина судили, рядили:
Что намъ мурзѣ въ даръ дать,
Что московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взяли,
Блюда могучія поклали,
Съ молодыми ребятами послали....
Молодые ребята, пріуставши сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли,—
Говорятъ: «старики не узнаютъ!»
Земли и желта песку въ блюда поклали,
Наклавши пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю *) и песокъ честно принимаетъ,
Крестится, Бога благословляетъ:
«Слава Тебѣ, Боже царю!
Что отдалъ въ мои руки Мордовску землю!»

По другому старинному и довольно темному мордовскому преда-

*) Приношеніе въ даръ земли считалось у мордвы знакомъ покорности и подчиненія.

нію, многимъ изъ нихъ пришлось разъ навсегда лишиться ожидавшей ихъ впереди счастливой и свѣтлой будущности изъ за любви къ кашѣ. Праотцы мордвы, гласитъ это преданіе, жили въ мѣстахъ дикихъ и скудныхъ и сильно желали перемѣнить свое мѣстожительство. Разъ мордвины встрѣтили на полѣ мужика, который сталъ увѣрять ихъ что онъ князь. Желая подтвердить достовѣрность своихъ словъ, мужикъ воткнулъ въ землю сухую палку, и она тотчасъ же начала покрываться листьями и цвѣтами. Убѣжденные этимъ чудомъ, мордвины сдѣлали мужика своимъ княземъ и предводителемъ. Князь этотъ, по имени *Тюмтянь*, повелъ мордву отыскивать землю удобную для селитьбы и самую плодородную. Отправилась мордва въ путь, захвативши съ собою множество съѣстныхъ припасовъ, и наконецъ достигла берега моря. Здѣсь князь Тюмтянь расположился на ночлегъ и велѣлъ приготовить каши болѣе обыкновеннаго. На другой день, рано утромъ, Тюмтянь приказалъ народу слѣдовать за нимъ далѣе; но нѣкоторые изъ особенныхъ любителей каши, которой еще много оставалось отъ предъидущаго дня, не могли удержаться отъ соблазна, не послушались князя и принялись за кашу, вознамѣрившись во чтобы то ни стало покончить съ нею. Князь, съ вѣрными ему спутниками, не сталъ дожидаться ихъ и немедленно отправился дальше по морю и пошелъ по немъ, какъ по-суху; видя это, ослушники начали снова умолять его взять и ихъ съ собою; но раздраженный жадностью мордвы, Тюмтянь былъ уже неумолимъ, и, удалившись самъ за море, оставилъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

Любя поѣсть вдоволь, сытно и сладко, трудолюбивый и мирный мордвинъ столько же любитъ и спокойную домашнюю жизнь среди многочисленнаго семейства, которое бы могло обезпечить ему полное довольство и достатокъ во всемъ. Дѣйствительно, можно встрѣтить мордовское семейство въ 20 и болѣе человѣкъ, живущихъ нераздѣльно, въ полномъ мирѣ и согласіи, и только вслѣдствіе крайней тѣсноты помѣщающихся въ разныхъ избахъ, но всегда на одномъ и томъ же дворѣ, подъ управленіемъ дѣда, или прадѣда, которому всѣ члены семьи оказываютъ полное повиновеніе. Безъ сомнѣнія, настоящій мордовскій семейный бытъ, сильно еще напоминаетъ ихъ прежній родовой бытъ, существованіе слѣдовъ котораго продолжаетъ и по настоящее время обусловливаться чисто экономическими соображеніями. Не даромъ во многихъ, кстати замѣтить — крайне безъискусственныхъ мордовскихъ молитвахъ — встрѣчаются такія мѣста: «и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай также такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, и побольше дѣтей». На основаніи подобныхъ соображеній, бездѣтность мордовки въ замужествѣ считается у нихъ семейнымъ бѣдствіемъ.

По тому же самому во время язычества мордва съ особеннымъ стараніемъ заботилась объ умилостивленіи безчисленными жертвами и молитвами своей богини плодородія — *Анге-Патяй*. Нынѣ же мордва обращается съ подобными просьбами ко всякому святому, а преимущественно къ Св. Николаю Чудотворцу: «благослови насъ множиться, — молится мордва, — уроди хлѣба, были бы большія копны, умножь скотъ, дай семьѣ жить легко, здорово». Впрочемъ, отношенія мордвы къ семьѣ, за послѣднее время, стали нѣсколько измѣняться, приближаясь постепенно къ русскимъ взглядамъ и понятіямъ.

Вліяніе русскихъ сильно отразилось и на одеждѣ мордвы. Зимняя верхняя одежда, какъ у мордвина, такъ и у мордовки, одинаковая и почти вся заимствована отъ русскихъ, какъ-то: зипунъ или армякъ, кафтанъ и полушубокъ, съ которымъ иной мордвинъ не разстается даже среди лѣта. Развѣ то еще отличіе въ зимней одеждѣ мордвы, что онѣ надѣваютъ лапти всегда поверхъ бѣлыхъ и чистыхъ суконныхъ онучъ.

Лѣтомъ, мордвинъ носитъ бѣлую рубаху, съ пестрымъ, особо вытканнымъ воротникомъ, съ прорѣхою къ лѣвому плечу и съ красны-

ми, вытканными въ полотнѣ рубахи, коймами на рукавахъ, подолѣ и на плечахъ.

Волосы мордвины стригутъ въ кружало, а надъ лбомъ подрѣзываютъ ихъ нѣсколько выше.

Встарину они носили еще позерхъ рубахъ длинные бѣлые балахоны. Цвѣтъ этой одежды, вѣроятно, и послужилъ основаніемъ слѣдующему мѣсту въ вышеупомянутой пѣснѣ о «Мурзѣ», гдѣ онъ говоритъ окружающей его дружинѣ:

«Слуги вы мои вѣрные,
Слуги вѣрные, неизмѣнные,
Поглядите-ка, посмотрите-ка,
Вы на тѣ ли на горы на Дятловы,
Что это за березнякъ мотается,
Мотается-шатается,
Къ землѣ матушкѣ преклоняется?
Отвѣчаетъ ему дружина:
«То не березнякъ мотается,
Мотается-шатается
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется —
То мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется!...

Бѣлый цвѣтъ одежды — вообще любимый цвѣтъ мордвы. Объ этомъ уже можно судить по современному костюму мордовки. Женская мордовская одежда до сихъ поръ сохранила чисто національный покрой и отличается при этомъ крайнею своеобразностью, и сверхъ того нѣкоторою сложностью или, лучше сказать, — дробностью. Вотъ изъ какихъ частей состоитъ женская одежда:

На голову мордовка надѣваетъ *платку*, или «сороку», называемую русскими «рогами». Это плоская высокая изъ бѣлаго полотна кичка, имѣющая форму гребня, съ двумя острыми углами по сторонамъ, съ вертикальнымъ разрѣзомъ посрединѣ и съ широкою лопастью на затылкѣ. Спереди кичка вышивается разноцвѣтными шерстяными, мишурными нитками и блестками въ видѣ маленькихъ, симметрично расположенныхъ, трехугольничковъ и четырехугольничковъ, а въ томъ мѣстѣ, которое нѣсколько прикрываетъ лобъ, унизывается въ рядъ разными фигурками изъ прошивокъ, шелковыхъ ленточекъ, узкаго позумента и косичекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Задняя же сторона кички, или лопасть, покрывающая часть темени и затылокъ, обтягивается сверху лоскутомъ ситца, а по бокамъ подшивается краснымъ кумачемъ, который образуетъ въ серединѣ ничѣмъ неубранный параллелограмъ; края кумача и параллелограма вышиваются разноцвѣтною шерстью, мишурными нитками, бисеромъ, рядами мѣдныхъ пуговичекъ и маленькихъ бѣлыхъ раковинъ, называемыхъ «ужовками». Круги эти идутъ надъ затылкомъ, постепенно увеличиваясь по всей лопасти, края которой надъ ушами убираются сплошными рядами разноцвѣтнаго стекляруса, пересѣченнаго накрестъ мѣдными цѣпочками. Ниже кички, на лобъ, надѣвается убранный разноцвѣтнымъ бисеромъ вѣнокъ, который обхватываетъ также уши и затылокъ. Къ вѣнку надъ ушами прикрѣпляется — *сякыня*, т. е. длинныя кисти изъ мишурныхъ нитокъ, унизанныя сверху бѣлыми раковинами въ два ряда, а къ низу убранныя десятью нитками изъ мѣдныхъ тенекъ *) и разноцвѣтнаго стекляруса; кисти эти болтаются надъ ушами какъ конская грива. — Въ ушахъ мордовки носятъ *пильксъ*, оловянныя серьги съ продолговатыми стеклянными подвѣсками, а также съ привѣсками изъ завитыхъ проволокъ и съ шариками изъ гусинаго пуха, растертаго въ мукѣ съ бѣлою краскою. При этомъ мордовки подстригаютъ волосы на вискахъ въ видѣ бахромы.

Дѣвушки мордовскія, вмѣсто «платки» или кички, надѣваютъ на голову *пархую-рую*, — это высокій кокошникъ, верхніе края котораго нѣсколько покаты къ заду, но безъ крышки, которая замѣняется

*) Теньками называются тонкія круглыя пластинки, выбитыя изъ мѣди въ формѣ монетъ.

краснымъ шелковымъ платкомъ, перевѣшаннымъ изнутри черезъ край къ затылку. Убранство *пархци-руци* состоитъ изъ нашитыхъ вокругъ нея рядами разноцвѣтныхъ лентъ, узкаго позумента, мишурныхъ нитокъ, мелкаго бисера и косичекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Изъ подъ *пархци-руци* дѣвушка выпускаетъ на спину косу, унизанную широкими мѣдными бляхами.

Самая существенная часть костюма мордовки — это *паанаръ* — бѣлая, узкая и длинная рубаха, надѣваемая прямо на голое тѣло, съ прорѣхою противъ груди, безъ обшивки на шеѣ, но окаймленная по краямъ прорѣхи и вокругъ шеи широкою полоскою, вышитою разноцвѣтной бумагой: красной, зеленой и синей. Точно такія же полосы вышиты на плечахъ, по швамъ рукавовъ, по краямъ ихъ и отъ плечъ до подола—три полосы спереди и три—сзади. Такая рубаха называется «шестиполосною» и считается самою щегольской. Вокругъ подола ея вышивается тою же бумагою широкая кайма.

Застежкою рубашечной прорѣхи на груди служитъ *кирмижъ-карчиня* — родъ мѣдной круглой брошки; «кирмижъ-карчиня» вся перевита проволоками и убрана пуговицами, висячими нитками изъ и упнаго бисера и мѣдными цѣпочками съ теньками; къ внутренней сторонѣ ея прикрѣплена длинная булавка, при помощи которой и застегивается рубашечная прорѣха.

Сверхъ рубахи, надѣвается *каштазынь-цивксъ* — наплечникъ, передняя часть котораго, надѣвается на грудь, имѣетъ форму широкой подковообразной полосы, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ бисерныхъ нитокъ; отъ концовъ этой бисерной дуги идетъ длинный еревалъ на спину, убранный продольными рядами мишурн ыхъ нитокъ, пересѣченныхъ по мѣстамъ проволоками съ мѣдными бляхами, унизанный, между рядами мишуры, бѣлыми крупными раковинами и обрамленный на концѣ, вдоль нижняго края, висячими нитками изъ мелкаго бисера. *Каштазынь-цивксъ* накидывается на плечи и разстилается по всей груди подъ брошкою, и по всей верхней части спины. Поверхъ наплечника, на грудь надѣвается еще *ярмакынь-пилкстъ*. Это двѣ продолговатыя полотняныя лопасти, съ закругленными концами; унизанныя съ боковъ нѣсколькими рядами разноцвѣтнаго бисера, а въ серединѣ — мелкимъ серебрянымъ битьемъ, и обложенныя въ нижнихъ концахъ мѣдными пуговками, держащими по три нитки изъ крупнаго бисера съ наглухо перевитыми поперегъ проволоками и съ разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ. Лопасти эти надѣваются на шею посредствомъ ремня, пришитаго къ верхнимъ концамъ ихъ, и служатъ украшающимъ покрываломъ грудей мордовки. Кромѣ того, мордовка надѣваетъ на шею еще *ошокрестъ седьме* — широкій гайтанъ изъ сшивнаго холста, шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, весь одинаково узорчато унизанный разноцвѣтнымъ мелкимъ бисеромъ, и увѣшанный разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ, какъ то: теньками, старинными копѣйками, крестиками, сросшимися орѣхами, медвѣжьими когтями, пучками человѣчьихъ волосъ, позвонками, клыками и всякой всячиной. Концы этого гайтана соединены между собой наглухо нѣсколькими бисерными нитками, такъ что онъ надѣвается на шею подобно хомуту, поверхъ всѣхъ означенныхъ нарядовъ.

Опоясывается рубаха низко подъ животомъ, узкимъ поясомъ изъ разноцвѣтной шерсти, съ кистями на концахъ, унизанными стеклярусомъ. Поясъ этотъ называется *карксомъ*. Онъ обвивается вокругъ тѣла два раза, кистями назадъ, и такъ обхватываетъ рубаху, что она сзади плотно облегаетъ тѣло, а спереди собирается сумою и выпускается нѣсколько изъ-за пояса. Къ карксу со стороны бедеръ прикрѣпляются длинныя шерстяныя кисти, внизу раздвоенныя, и унизанныя сперва кольцами и бляхами, потомъ—бѣлыми раковинами въ два ряда и затѣмъ — нитками изъ мелкаго разноцвѣтнаго бисера. Сверхъ каркса, также низко подъ животомъ, надѣвается красный шерстяной кушакъ — *стамедна*. Онъ отчасти придерживаетъ вышеупомянутыя длинныя кисти, прицѣпленныя къ поясу, за

него же заткнуты такъ называемые *мазы-руця*—хорошія полотенца. Этихъ полотенецъ за «стамедной» у истой щеголихи должно быть двѣнадцать.

Всѣ мордовки носятъ также *понгсыть* — холщевыя порты, съ двумя завязками по бокамъ.

Ногами своими мордовки особенно щеголяютъ, для чего и стараются повыше поддергивать спереди рубаху. Условіе красоты ногъ заключается въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Для этого онѣ наматываютъ на нихъ вмѣсто онучъ по нѣсколько аршинъ льняного, хорошо выбѣленнаго холста, и стараются, чтобы онъ лежалъ, какъ можно глаже, отчего ноги кажутся прямыми и толстыми какъ бревна. Сверхъ этихъ холщевыхъ онучъ надѣваютъ прямыя, съ маленькой головкой, лапти, которыя прикрѣпляются къ ступнямъ ременными оборами, перевитыми крестообразно вокругъ ногъ. Кромѣ того ноги обертываются еще такъ называемымъ *серге*, т. е. полосатымъ кушакомъ, вытканнымъ изъ разноцвѣтной шерсти.

Мордовки отличаются бодрою походкою; онѣ всегда держатъ голову прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю и ступаютъ сильною ровною поступью, отъ которой длинныя кисти на кичкѣ колышатся какъ лошадиныя гривы, а теньки, бисеръ, стеклярусъ и разныя украшенія на груди и спинѣ производятъ легкій звонъ и шумъ, концы же полотенецъ и кистей на поясѣ хлопаютъ какъ оружіе на галопирующемъ кавалеристѣ. Идеалъ женской граціи восхищается слѣдующимъ образомъ въ одной мордовской пѣснѣ, приводимой здѣсь въ русскомъ переводѣ:

«Софья Разинова! какъ облупленная липа — бѣло ея тѣло; какъ скатанный льняной холстъ—на ногахъ ея обувь; а походка ея какъ у дѣтища лучшей лошади»!

Мордовки очень рѣдко носятъ лѣтомъ верхнее платье. Только особенныя щеголихи надѣваютъ иногда сверхъ рубахи — «шушпунъ»—короткій кафтанъ изъ бѣлаго холста, обшитый, по краямъ подола и рукавовъ, сплошными рядами красной бумаги, цвѣтныхъ шелковыхъ лентъ и позумента. На груди у шушпуна дѣлается широкая вырѣзка, для того, чтобы видны были разныя украшенія на груди мордовки. Старухи иногда повязываютъ и на кичку такъ называемую *ширинку*,—т. е. продолговатый бѣлый холщевый платокъ съ двумя красными койнами на концахъ.

Слѣдующая сказка показываетъ положеніе мордовской женщины: жилъ былъ собака демонъ; у него было тридцать друзей разбойниковъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ-демонъ ударилъ въ ворота ногой и ворота въ лучину изщепалъ. Вбѣжалъ собака-демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызъ съ женою въ бани парился. Вышелъ Абызъ изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызъ началъ ихъ просить жалобно: подождите, братцы, жену мою, она вамъ отдастъ золотую казну. Вошла въ избу Абызова жена, поклонилась на всѣ три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣнахъ просить, чтобы она ихъ отпустила, потому что день начинается и ихъ поймаютъ; ихъ выпустили изъ избы, а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ, обѣщали дать ей половину своего добра. Она ихъ отпустила со двора, а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они нали передъ Абызиной женой внизъ лицемъ и отдали ей все свое добро.

Изъ приведеннаго описанія мужскаго и женскаго мордовскаго костюма, можно видѣть, что женщины – мордовки, сравнительно съ мужчинами, являются наиболѣе строгими блюстительницами національныхъ мордовскихъ преданій. Тоже самое можно сказать и относительно старинныхъ мордовскихъ вѣрованій, главными охранительницами которыхъ до сихъ поръ служили также—мордовки. Въ дѣлахъ вѣры женщины вообще играютъ у мордвы какую-то непонят-

ную, но очевидно важную роль, которой всѣ подчиняются безпрекословно и какъ-то безсознательно. Мордвинъ, въ этомъ отношеніи, такъ преданъ своей женѣ, что если мордовка захочетъ послать своего мужа, въ какихъ нибудь религіозныхъ видахъ, прямо въ воду и во всемъ, что только—есть на немъ—въ зипунѣ или полушубкѣ, то мордвинъ никогда не откажется отъ этого. Онъ убѣжденъ, что если откажетъ женѣ въ исполненіи того, что дѣлали отцы и дѣды, то поплатится за это большимъ несчастіемъ въ жизни. Немудрено, поэтому, что старинныя мордовскія вѣрованія, не смотря на принятіе всѣми поголовно христіанства, до сихъ поръ еще имѣютъ мѣсто, какъ въ жизни, такъ и въ понятіяхъ народа.

Вѣрованія и обряды.

Встарину мордва были язычниками; ихъ религія была дуалистическая: она признавала два враждебныхъ начала — начало добра и зла. Сообразно съ этимъ, и ихъ боги, олицетворяющіе эти начала, дѣлились также на два враждебныхъ лагеря.

Главное божество называлось у эрзянъ *Пасъ*, а у мокшанъ — *Шкай*. Это богъ — добра и свѣта, невидимый духъ, всемогущій, творецъ видимаго и невидимаго міровъ и обитающій на небесахъ. Онъ назывался еще *Трякамкой* — господомъ-кормильцемъ. Мокшане молились ему такъ: «Шкай, оцю шкай, верду шкай, ваны мыстъ!» т. е. Боже, Боже верховный, Боже начальный, помилуй насъ. А эрзяне обращались къ нему съ такою молитвою: «Чамъ Пасъ, вель Пасъ, помилуй насъ»! т. е. Верховный Боже, Боже мірской (въ смыслѣ общественномъ), помилуй насъ!

Главное-же божество, олицетворявшее начало зла — это шайтанъ — также духъ невидимый, бывшій прежде товарищемъ Чамъ-Пасу, но за свое непослушаніе заточенный имъ въ бездну, въ преисподнюю. Желая какъ можно чаще и сильнѣе вредить людямъ и самому Шкаю шайтанъ создалъ множество мелкихъ боговъ, такихъ-же злыхъ, какъ и онъ самъ, и приставилъ каждаго изъ нихъ къ какому нибудь одному опредѣленному дѣлу, всякаго къ его спеціальному занятію. Во главѣ этихъ злыхъ духовъ стоитъ Кереметь или — Мастырь-пасъ.

Чтобы парализировать вредъ, наносимый людямъ злыми спеціалистами шайтана, Чамъ-Пасъ, съ своей стороны, создалъ также множество мелкихъ добрыхъ боговъ и каждому изъ нихъ поручилъ охраненіе извѣстнаго, опредѣленнаго предмета. Во главѣ этихъ добрыхъ духовъ стоитъ Анге-Патяй—богиня жизни, охраняющая рожденіе человѣка, мать всего живущаго на землѣ и главная противница Кереметю или Мастырь-Пасу. Ее называютъ иначе «Буламань-Патяй», т. е. богиня-повитуха, такъ какъ она, изъ любви къ охраненію жизни и здоровья людей, покровительствуетъ также повивальнымъ бабкамъ и сама подчасъ не прочь отъ исправленія подобныхъ обязанностей. — За нею слѣдуетъ *Нишки-Пасъ*, богъ свѣта, живущій на небѣ, гдѣ онъ имѣетъ пчельникъ, населенный душами умершихъ. Какъ пчелы вьются вокругъ матки, такъ души добрыхъ людей вьются вокругъ Нишки-Паса. Далѣе слѣдуетъ *Верешки-Пасъ*, богъ земнаго общества людей, устроеннаго по образу небеснаго пчельника. Затѣмъ идетъ *Нишкинде-Тевтярь* — дѣвица Нишки, покровительница уже настоящихъ пчелъ, у которой есть свой пчельникъ на землѣ. Потомъ слѣдуютъ болѣе мелкіе безчисленные боги, какъ-то: *Кардо-сярко* — богъ скота, *Вирясь* — богъ лѣса, *Юртозсь*—богъ домашній и проч., а за ними слѣдуютъ еще болѣе мелкіе добрые духи — *оскзы*.

Всѣмъ этимъ богамъ, и добрымъ и злымъ, и главнымъ и мелкимъ, мордвины совершали моленія и приносили жертвы, добрымъ—на открытыхъ поляхъ или дома, а злымъ — въ глухихъ мѣстахъ лѣсовъ, называемыхъ *Керметями*.

Всѣхъ своихъ боговъ Мордва представляла въ видѣ незримыхъ и неизобразимыхъ духовъ, поэтому у нихъ не было ни истукановъ, ни идоловъ. Не смотря на это, по ихъ понятію, Чамъ-Пасъ, живущій на небесахъ, постоянно ходитъ въ баню мыться и обтирается тамъ особеннымъ чудодѣйственнымъ полотенцемъ. Точно также всѣ второстепенные боги имѣютъ способность дѣторожденія и часто похищаютъ къ себѣ на небо хорошенькихъ мордовокъ. Вотъ какой былъ случай по одному старинному мордовскому преданію въ семействѣ одного мордвина.

Жила въ этомъ семействѣ дѣвка Сыржа. И красива была изъ себя, и работящая, и ноги толстыя какъ бревна, да какъ-то все не удавалось ей выйдти замужъ. Не то чтобы жениха не находилось, или родители не хотѣли отпустить отъ себя такую красавицу, а такъ ужь, видно судьба ея была такая! Разъ приходитъ къ нимъ въ избу невѣдомый человѣкъ, съ лицомъ чернымъ, какъ уголь и съ глазами, сверкающими какъ горящія свѣчи. Послѣ оказалось, что это былъ *Пургине-Пасъ* — богъ грома. Хозяева приняли ласково неизвѣстнаго гостя и помѣстили его у себя въ избѣ. Тутъ скоро понравилась гостю дѣвка Сыржа, и онъ посватался за нее. Родители согласились что, дескать, засиживаться ей въ дѣвкахъ! Стали праздновать свадьбу. Вначалѣ незнакомецъ-женихъ сидѣлъ смирно. Потомъ, вмѣстѣ съ прочими, подкутилъ, и пошелъ плясать: по лавкамъ, по столамъ, по скамьямъ, по палицамъ, по чашкамъ и по ложкамъ,— ужасъ овладѣлъ присутствующими и всѣ омертвѣли. Очнулись только тогда, когда ни Пургине-Паса, ни Сыржи уже не было въ домѣ— они унеслись на небо. Вотъ почему, когда случается гроза, мордва думаетъ, что это Пургине-Пасъ пляшетъ на небѣ по чашкамъ, по ложкамъ, по скамьямъ, по палицамъ, какъ онъ плясалъ на своей свадьбѣ предъ похищеніемъ Сыржи на небо, у ея родителей въ избѣ. Во время грозы, нѣкоторые изъ мордвиновъ и теперь еще выходятъ изъ домовъ на улицу, и, глядя на небо, поднимаютъ руки вверхъ и кричатъ: «легцы легцы, ты цай нашъ!» т. е. легче, легче, ты, чай нашъ!

Моленія и жертвоприношенія богамъ у мордвы совершались общественныя и частныя. Общественныя моленія сопровождались варенiемъ медовой браги — пурѣ, приготовляемой на счетъ всей деревни, каждый разъ нѣсколькими дворами по очереди. Поэтому брага эта называлась *великъ-бова*—мірское пиво. Въ жертву приносились разныя животныя и каша, покупаемыя также на общій счетъ.

Жрецовъ наслѣдственныхъ не было. Они выбирались обыкновенно изъ среды стариковъ. Главный жрецъ назывался *возятъ*. Къ нему выбирались разные помощники: *яябеды* — мясовщики, *кашанороды* — кашевары и проч.

Жертвоприношенія ихъ, кромѣ заклинанія животныхъ и варенія въ котлахъ, состояли также въ предложеніи богамъ разныхъ готовыхъ съѣстныхъ припасовъ. Напримѣръ, нальетъ «возятъ» ковшъ браги, или наложитъ чашку каши, поднимаетъ это кверху, и всѣ кричатъ за нимъ: «Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Мастырь-Пасъ, гляди-бери! Анге-Патай, гляди-бери!» и т. д. При этомъ возносились къ богамъ и разныя просьбы, въ родѣ слѣдующихъ: «Чамъ-Пасъ, помилуй насъ! Анге-Патай-Пасъ, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ; Вирява-кормилецъ, спаси, сохрани насъ отъ лютыхъ звѣрей и злыхъ людей» и т. д.

Особенную роль играли при этихъ моленіяхъ — *штатовы* — восковыя свѣчи, согнутыя спиралью, и полотенца, которыми обматывались концы этихъ свѣчъ.

Нужно еще замѣтить, что каждому богу посвящалось для моленій свое время въ году; а такъ какъ боги эти, по ихъ спеціальностямъ и свойствамъ, были весьма различны, то и обряды ихъ на моленіяхъ также нѣсколько различались между собою. Такъ, при моленіяхъ богамъ женскаго пола жрецами и помощниками ихъ выбирались изъ

старухъ и даже дѣвицъ, да и вообще весь женскій полъ выдвигался въ этихъ случаяхъ на передній планъ.

Вотъ какъ изображается общая картина мордовскихъ моленій въ извѣстной пѣснѣ о «мурзѣ» московскомъ:

На горахъ то было, на горахъ, на Дятловыхъ,
Мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется....
Стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія,
Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,
Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
Завѣтные ковши, больши набольшіе,
Хлѣбъ да соль на землѣ стоятъ,
Каша да ячница на рычагахъ висятъ.
Вода въ чанахъ кипитъ,
Въ ней говядину янберъ варитъ.

То, что оставалось отъ боговъ, т. е. всѣ приготовленные для нихъ припасы, частью дѣлились между всѣми присутствующими поровну, а частью, по окончаніи моленій, истреблялись самими молящимися, которые наѣдались тутъ до сыта и напивались до пьяна.

Домашнія моленія совершались гораздо проще; жертва приносилась на шесткѣ, печкѣ или на загнеткѣ; она состояла большею частью изъ одной каши. — Изъ домашнихъ моленій особенными обрядами отличались только жертвоприношенія Кардось-сярко — богу скота. Если жертва ему приносилась на загнеткѣ печки, то хозяева дома растворяли настежъ двери изъ избы на дворъ, и, варя или жаря что нибудь на шесткѣ, обращались лицомъ къ растворенной двери и низко кланялись по направленію къ двору. Но для этого бога устраивался и особенный жертвенникъ. Посреди всякаго двора постоянно держали большой камень, называвшійся также *«кардось-сярко»*. Когда рѣзали домашнюю скотину, то сливали кровь ея подъ этотъ камень, при чемъ молились о здоровьѣ скота. Совершались также домашнія моленія и на гумнахъ, и на пчельникахъ, и т. д., смотря по спеціальностямъ боговъ.

Мордва молилась также солнцу и лунѣ, но жертвъ имъ не приносили.

Наконецъ, мордва поклонялась предкамъ — «атятъ». Вѣря въ загробную жизнь, мордвины думали, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили на землѣ, то есть: пьютъ и ѣдятъ, работаютъ, заботятся о родственникахъ и проч. Поэтому мордва приносила на могилы своихъ родственниковъ разныя жертвы, стараясь тѣмъ умилостивить загробныхъ своихъ покровителей.

Принявши христіанство, мордва не отрѣшилась совсѣмъ отъ своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованій, и частью перепутала ихъ съ новыми христіанскими понятіями, а христіанскихъ святыхъ перепутала съ языческими богами. Такъ, въ настоящее время, мордва молится слѣдующимъ образомъ: «Анге - Патяй, матерь Пресвятая Богородица, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ» и проч. Точно также въ день памяти Василія Великаго, совпадающій съ днемъ празднества ихъ старинному богу Таунсяго, мордва молится святителю: «Вельки Васяй Таунсяй, давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ какихъ самъ любишь.

Особеннымъ уваженіемъ у мордвы, какъ и у многихъ другихъ новокрещенныхъ инородцевъ, пользуются Св. Николай Чудотворецъ. Мордва приноситъ ему жертвы и называетъ «Николай-пасъ, т. е. Николай-богъ. Въ день праздника Св. Николая Чудотворца, 6 декабря, мордвинъ собираетъ всю свою семью, зажигаетъ свѣчку, и кланяется передъ его иконой, съ хлѣбомъ и солью на рукахъ, и говоритъ: «Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши, сколько крупинокъ,столько подай добра; — солоница соли, рыбья голова, брага и вино: все на твое имя варили и жарили, больно отъ усердія съ чистымъ сердцемъ,—кланяемся тебѣ!»

Такимъ образомъ, мордва обоготворяетъ многихъ святыхъ, пере-

мѣшавъ ихъ отчасти съ своими языческими богами. Даже нѣкоторые изъ христіанскихъ дней, какъ напр. сочельникъ и великій четвертокъ олицетворяются ими и чествуются какъ святые угодники.

Слѣды самыхъ моленій и жертвоприношеній языческихъ также до сихъ поръ сохранились у мордвы. Моленія эти и теперь совершаются ими, но лишь подъ русскимъ названіемъ *молянь*. «Молияны» мордовскіе совершаются нѣсколько разъ въ году, въ извѣстные, опредѣленные дни, каждое по своимъ обрядамъ и съ своими цѣлями. Вся разница нынѣшнихъ «молянъ» отъ старинныхъ языческихъ моленій заключается только въ томъ, что теперь молятся уже истинному Богу и православнымъ святымъ. Самые же обряды языческихъ моленій удержались на «молянахъ», хотя въ одномъ мѣстѣ—больше, въ другомъ — меньше. Вотъ образцы нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ мордовскихъ «молянъ».

Въ четвергъ, на Пасху, мордва съ блинами, яйцами, мясомъ, брагой и водкой выходятъ на гумна или въ овины, молится Богу о сохраненіи овиновъ отъ огня и о хлѣбородіи, при чемъ бросаютъ вверхъ яйца, обозначая этимъ, какой-бы высоты они желали своимъ хлѣбамъ. Въ заключеніе съѣдаютъ на мѣстѣ все принесенное.

Передъ Троицей, приготовляютъ на общій счетъ медовую брагу, —«велимъ-бова», которую варятъ нѣсколько дворовъ по очереди каждый годъ. Въ самый же день праздника рѣжутъ и варятъ гдѣ нибудь за селомъ быка или овцу, пріобрѣтенныхъ на общій счетъ. Сюда же привозятъ и часть медовой браги. Послѣ обѣдни выходятъ туда отъ каждаго дома по одному человѣку, всякій съ своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Послѣ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, произнесенной кѣмъ нибудь изъ стариковъ объ урожаѣ, о здоровьѣ скота, о сохраненіи отъ пожаровъ, присутствующіе раздѣляютъ между собою моленое мясо и уходятъ. Къ вечеру мужчины и женщины сходятся въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ пивовары угощаютъ всѣхъ приготовленною ими брагою. Праздникъ оканчивается пѣснями, пляскою и различными играми.

На Петровъ день совершаютъ «молянъ» —*петро-оскэ* (Петръ-маленькій богъ) или *бабанъ-каша*. Въ этотъ день, на избранномъ мѣстѣ сходятся съ горшками каши. Ихъ ставятъ рядомъ и затѣмъ изъ каждаго берутъ по ложкѣ каши, которую всякій складываетъ въ корзину, сплетенную изъ прутьевъ. Наполнивъ корзину, поднимаютъ ее на дерево для того, чтобы хлѣба родились высоки, при чемъ молятъ также: «тихаго дождя, теплаго воздуха, хлѣба рожденія, скота умноженія». Затѣмъ, оставшаяся каша съѣдается на мѣстѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ новолуніе, молятся о здоровьѣ лошадей; при этомъ закалываютъ козла, а лошадей прогоняютъ чрезъ нарочно вырытый ровъ, въ которомъ раскладывается огонь, добытый чрезъ треніе двухъ деревъ и называющійся *живымъ огнемъ*.

15 сентября совершается «молянъ» — *озимъ-пуре*. Въ этотъ день сходятся около завѣтныхъ деревьевъ, устанавливаютъ бочку съ медовой брагой, прилѣпляютъ по краямъ ея зажженныя восковыя свѣчи и произносятъ благодарственную молитву за благополучно оконченную уборку хлѣбовъ.

Въ Дмитріевскую субботу, передъ 26 октября, у мордвы бываетъ праздникъ «Кереметь». Тогда среди деревни ставятъ небольшой столбикъ, вблизи котораго устраивается часовня. Здѣсь, наканунѣ «молянъ», варятъ медовую брагу, а въ самый день «молянъ» въ той же часовнѣ рѣжутъ и варятъ гуся. Затѣмъ начинается самый «молянъ». На столбъ ставятъ икону, зажигаютъ передъ нею свѣчу и просятъ Бога, *по своему обычаю*, о различныхъ милостяхъ, при чемъ поминаютъ усопшихъ родственниковъ. Послѣ молитвы входятъ въ часовню и, собравши тамъ со всѣхъ присутствующихъ деньги, употребленныя на покупку меда и гуся, съѣдаютъ и выпиваютъ все приготовленное.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, около Казанской, справляютъ «молянъ» —

колдазъ-оскзъ, за здоровье скота, при чемъ привѣшиваютъ куда нибудь кверху корзинки, наполненныя «чукурами» — трехугольными пирогами съ начинкою изъ молочной каши и съ другими съѣстными припасами.

Справляются «моляны» и на пчельникахъ, и на дворахъ, и въ избахъ, въ особенности «кардась-сярко» — богу домашняго скота, почти совсѣмъ обратившемуся теперь въ русскаго «сусѣдко». Нужно также замѣтить, что совершеніе всѣхъ «молянъ» сопровождается пьянствомъ, пѣснями, криками, ссорами и драками. Нѣсколько тише справляются православные русскіе праздники, изъ которыхъ также ни одинъ не проходитъ у мордвы безъ надлежащаго чествованія.

Помимо моленій мордва сохранила также множество другихъ старинныхъ языческихъ обрядовъ, которыми сопровождается у нихъ всякій случай въ жизни, начиная отъ рожденія человѣка и кончая его смертью. У мордвы и теперь, что ни случай, то особый обычай, и что ни обычай, то своего рода обрядъ, — и, кажется, нѣтъ суевѣрнѣе этого народа, до сихъ поръ еще любящаго жить вблизи лѣсовъ, уединенно отъ прочихъ племенъ. Недаромъ, почти всѣ мордовскіе обряды совершаются преимущественно женщинами.

Прежде всего особенные обычаи они соблюдаютъ при рожденіи человѣка. Такъ, мало обрусѣвшіе изъ мордвы, имѣютъ оригинальное обыкновеніе давать новорожденному имя, кромѣ христіанскаго, и свое мордовское, смотря, напримѣръ, по мѣсту, на которомъ находится во время нареченія младенца отецъ его. Если онъ ѣдетъ съ базара, то новорожденнаго называютъ «базаръ-гя», т. е. базарная дорога; если онъ на гумнѣ, молотитъ хлѣбъ, то младенцу давали имя, «Тингай» или гумно, и т. д. Кромѣ того, по старинному обыкновенію, нѣкоторые даютъ новорожденнымъ имена птицъ, напримѣръ: «тыръ-пыръ» (дикій голубь), и «тарай» (гусь) и т. д.

Но какое бы имя ни давалось младенцу, при этомъ непремѣнно присутствуютъ въ полномъ сборѣ близкіе родные и знакомые, являющіеся въ избу родильницы съ хлѣбомъ и солью.

Какъ только новорожденный получилъ имя, повивальная бабка, или старшая въ семействѣ женщина, беретъ ножъ и большой обрядовый хлѣбъ, нарочно на этотъ случай испеченный и называющійся *паба-киш* (бабій хлѣбъ). Хлѣбъ она кладетъ на столъ, а ножемъ обводитъ вокругъ младенца; потомъ такими же кругами обводитъ окна, двери, трубы и всѣ другія отверстія, находящіяся въ домѣ. Этимъ мордва думаетъ устранить новорожденнаго отъ вреднаго вліянія колдуна, летающаго въ воздухѣ. Затѣмъ бабка беретъ со стола хлѣбъ и отправляется съ нимъ подъ кожухъ просить Бога о ниспосланіи здоровья, силы, долголѣтія и счастія новорожденному, послѣ чего разрѣзываетъ хлѣбъ на ломти, одѣляетъ ими посѣтителей, а на родильницу замахивается топоромъ, для отогнанія родильныхъ болѣзней.

При крещеніи, особенныхъ обрядовъ, собственно мордовскихъ, не совершается.

За то свадьбы мордовскія сопровождаются крайне-оригинальными обрядами и обычаями. Языческая мордва допускала многоженство. Такъ, по одному преданію, встарину жилъ въ нынѣшней Нижегородской губерніи знатный мордвинъ, носившій, по мордовскому обыкновенію, птичье имя — Скворецъ. Онъ занимался скотоводствомъ и имѣлъ семнадцать женъ и семьдесятъ сыновей. Но большею частью имѣли по двѣ и по три жены. Точно также допускались у мордвы браки между родственниками, исключая ближайшихъ. Овдовѣвшій супругъ могъ, напримѣръ, требовать свояченицу свою въ замужество. Вотъ какъ происходило дѣло въ такомъ случаѣ: зять, пришедши къ тестю, спрашивалъ: «отдашь ли за меня *эной*» (свояченицу)? Если тесть не соглашался и отвѣчалъ: «ашай», т. е. нѣтъ, то зять старался положить на столъ тайно принесенный имъ хлѣбъ, и если удавалось ему сдѣлать это и сказать: «вотъ ашалъ (вотъ хлѣбъ

соль), войкъ» (береги мою эной), тогда онъ немедленно обращался въ бѣгство изъ дому тестя; за нимъ гнались и, если догоняли, начинали бить, если же онъ убѣгалъ благополучно, то тесть былъ уже обязанъ отдать за него вторую дочь свою. — Кромѣ того, имѣли право продавать своихъ женъ съ прижитыми дѣтьми и брать другихъ.

Браки между молодежью заключались или съ вѣдома родителей, или по ихъ инициативѣ по почину самой молодежи, безъ вѣдома родителей. Послѣдній родъ браковъ практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по настоящее время подъ названіемъ «самохотокъ» и «кражи невѣстъ», *Самохотки*, или самокрутство, состоятъ въ томъ, что дѣвушка сама покидаетъ родительскій домъ и тайно обвѣнчивается съ возлюбленнымъ. Кража невѣсты болѣе сложный обычай. Онъ состоитъ въ томъ, что мордвинъ, потерявшій надежду выгодно жениться въ своей деревнѣ, подговариваетъ близкихъ товарищей отправиться съ нимъ на поиски невѣсты въ отдаленныя мордовскія селенія. Обыкновенно, рано утромъ, когда дѣвушки идутъ гурьбою на полевыя работы, молодцы подъѣзжаютъ къ избранному селенію. Поровнявшись съ дѣвушками, женихъ начинаетъ вглядываться въ нихъ, и заприметивъ красотку, указываетъ на нее товарищамъ. Молодцы тотчасъ схватываютъ ее и увозятъ по окольнымъ дорогамъ въ густой сосѣдній лѣсъ.—Толпа тантся въ лѣсу сутокъ двое или трое, уговариваютъ похищенную невѣсту полюбить жениха и получивъ, обыкновенно крайне дерзко, вынужденное согласіе, просятъ священника ближайшей деревни совершить брачный обрядъ. За похитителями снаряжаются иногда погони изъ деревенской молодежи и происходятъ боевыя схватки, но дѣло, большею частью, оканчивается попойкой и согласіемъ на бракъ. Вообще, тихіе трудолюбивые мордвины болѣе склонны къ мирному рѣшенію дѣлъ и потому гораздо чаще заключали браки по первому способу, т. е. съ вѣдома родителей и по обоюдному согласію сторонъ.

Самый обрядъ вѣнчанія у языческой мордвы совершался гдѣ нибудь въ глуши на берегу рѣки, или ручья, при чемъ произносились соотвѣтствующія случаю молитвы. Но, чтобы судить вообще о старинныхъ свадебныхъ мордовскихъ обрядахъ, для этого достаточно указать на тѣ обычаи, которые до сихъ поръ соблюдаются на мордовскихъ свадьбахъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ теперь все дѣло, начиная отъ сватовства и кончая свадебнымъ пиромъ.

Выборъ невѣсты зависитъ теперь, большею частью, отъ родителей жениха, и послѣдній никогда не противорѣчитъ ихъ волѣ. Женихъ долженъ внести за невѣсту калымъ или выкупъ, иногда до 100 рублей.

Засватанная дѣвица должна оставаться невѣстой годъ или болѣе и чѣмъ дольше, тѣмъ больше ей почета и уваженія со стороны знакомыхъ. Женихъ же во весь этотъ промежутокъ времени, обязанъ навѣщать невѣсту въ недѣлю разъ, или въ двѣ недѣли разъ, или по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, и каждый разъ привозить ей различные продукты, преимущественно меду, до одного пуда каждый разъ.

Дня за три до свадьбы, къ невѣстѣ пріѣзжаетъ ближайшій родственникъ жениха и объявляетъ ей о днѣ пріѣзда поѣзжанъ. Съ этой минуты мордовска начинаетъ плакать, прощаясь съ своею дѣвичьей жизнью, а поѣзжане начинаютъ приготовлять съѣстные припаса къ свадебному торжеству.

Наканунѣ свадьбы поѣзжане отправляются къ невѣстѣ, но не входятъ въ домъ ея, а занимаютъ зимою нанятую для этого квартиру, а лѣтомъ останавливаются у околицы.—На другой день, рано утромъ они стучатся въ дверь избы, гдѣ живетъ невѣста; хозяинъ дома, и съ нимъ всѣ родственники невѣсты, отворяютъ имъ дверь и впускаютъ въ избу, въ которой все уже приготовлено къ пиру: столъ уставленъ яствами и бутылями вина и медовой браги. Невѣста во

время закуски сидитъ покрытая краснымъ платкомъ. По данному знаку, отца или старшаго въ семействѣ, она встаетъ и уходитъ въ сѣни проститься въ послѣдній разъ съ своими подругами. Послѣ этого, лишь только покажется она снова въ дверяхъ комнаты, поѣзжане схватываютъ ее внезапно за руки, выносятъ изъ избы и сажаютъ на телѣгу.

Выѣхавъ со двора, поѣздъ, отправляющій невѣсту въ церковь для вѣнчанія, останавливается у воротъ, гдѣ дружка, съ посоленнымъ ломтемъ хлѣба, съ ножемъ и кнутомъ, взятыми изъ дома жениха, обходитъ дворъ кругомъ три раза, начертывая ножемъ на землѣ кресты и размахивая кнутомъ въ воздухѣ, для отраженія вражескихъ козней.—Въ церкви дружка иногда стоитъ также съ кнутомъ, какъ бы охраняя безопасность невѣсты.

Послѣ церковнаго обряда, ведутъ невѣсту на рѣку, гдѣ она, поднявъ руки кверху, кланяется водѣ троекратно, а одинъ изъ мужчинъ держитъ на блюдѣ хлѣбъ, и отламывая отъ него кусочки, бросаетъ ихъ въ воду; въ это время всѣ присутствующіе становятся на колѣни и кланяются трижды на сѣверную сторону. Потомъ, изъ дома жениха приносятъ ушатъ немного налитый водою, дополняютъ его изъ рѣки, ставятъ тутъ же—на берегу,—и начинаютъ плясать вокругъ ушата, послѣ чего отсылаютъ его обратно въ домъ жениха, вмѣстѣ въ водою, которую употребляютъ въ послѣдствіи для варенія всякой пищи.

По окончаніи брачныхъ обрядовъ на рѣкѣ, молодую везутъ въ домъ мужа, и телѣгу, въ которой она пріѣхала, снимаютъ съ передковъ и осыпаютъ хмѣлемъ.—Молодыхъ встрѣчаютъ родственники съ хлѣбомъ и солью, усаживаютъ въ передній уголъ, и начинается угощеніе.

На другой день послѣ брака, молодыхъ выводятъ въ сѣни или на дворъ, гдѣ всѣ гости съ пѣснями и пляскою обходятъ вокругъ двухъ ведеръ, наполненныхъ водою. Затѣмъ молодая вноситъ эти ведра на коромыслѣ въ избу. Здѣсь дружка, или какая нибудь старуха встрѣчаетъ молодую и ударяетъ ее по головѣ караваемъ хлѣба, приговаривая: «да будешь ты *мазай*, или *тезяй*, или *тетяй*» и. т. под. Эти названія служатъ ей собственно мордовскимъ именемъ, которымъ съ того времени называютъ ее всѣ младшіе члены семьи; старшіе же продолжаютъ и послѣ того называть молодую *рзеня* (невѣста). Именъ, даваемыхъ дружками новобрачнымъ, множество, и всѣ эти имена намекаютъ обыкновенно на нравственныя качества молодой.

Брачныя узы у мордвы весьма крѣпки и чисты. Нравственность дѣвушекъ также можно назвать высоко-развитою.

Всего больше старинныхъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ мордва удержала при погребеніи своихъ умершихъ и при поминовеніи ихъ. Въ этомъ случаѣ довольно полно сохранились даже самыя понятія ихъ о загробной жизни. Вѣрованія эти, какъ упомянуто было выше, состоятъ въ томъ, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили и на землѣ, съ тою лишь разницею, что сами умершіе не могутъ добывать себѣ ни пищи, ни питья, ни одежды, поэтому на потомкахъ ихъ лежитъ обязанность позаботится о доставленіи всяческихъ удобствъ къ жизни своимъ покойникамъ. Къ тому же приводило ихъ и то убѣжденіе, что умершіе, съ своей стороны, продолжаютъ также заботиться о своихъ живыхъ родственникахъ и въ особенности щедро платятъ тѣмъ, кто заботится о нихъ. Такимъ образомъ, услуги здѣсь обоюдныя. На этихъ вѣрованіяхъ и основываются всѣ обряды и обычаи мордвы при погребеніи и поминовеніи умершихъ. Обычаи эти состоятъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего, въ знакъ того, что смерть сразила въ домѣ человѣка, мордвины рѣжутъ курицу, которую послѣ варятъ и съѣдаютъ.

Услыхавъ о смерти мордвина или мордовки, приходятъ и посторонніе посѣтители, которые также приносятъ съ собою разные съѣст-

ные припасы. Войдя въ избу, гдѣ лежитъ покойникъ, они отвѣшиваютъ ему три поклона, пищу кладутъ на брусъ, и затѣмъ высказываютъ пожеланіе царства небеснаго умершему. Вслѣдъ за этимъ женщины поднимаютъ дикій вопль, обгалживая усопшаго съ головы до ногъ своими руками. Въ избуткѣ скорби, осиротѣлыя дочери, даже замужнія, имѣютъ обыкновеніе царапать щеки свои ногтями.

Покойника мужчину одѣваютъ по верхъ нижняго бѣлья въ зипунъ, а на женщинъ надѣваютъ только рубахи, даже не опоясывая ее поясомъ, который вкладывается въ руки покойницъ.

На окнѣ, ближайшемъ къ покойнику, выставляютъ любимые предметы послѣдняго: водку, трубку, или табакерку съ табакомъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ. По ученію мордвы, деньги нужны покойнику на табакъ, на водку, а также на переправу черезъ рѣку, протекающую на пути къ раю. Если кто нибудь изъ постороннихъ приноситъ для покойника монету, то старуха мордовка скоблитъ ее ножемъ, приговаривая умершему: «вотъ тебѣ (такой-то) принесъ денегъ, чтобы тебѣ на томъ свѣтѣ отъ смерти откупиться, по базарамъ ходить, все нужное купить и знакомыхъ не забывать, а вмѣстѣ съ ними тамъ пить и гулять».

Прежде чѣмъ положить покойника въ гробъ, одна изъ женщинъ три раза обводитъ (*по солнцу*) внутри гроба заженною свѣчею, съ желаніемъ умершему вѣчнаго свѣта и теплоты, безконечной радости и веселья. Нѣкоторые же настилаютъ въ гробъ шерсти и окуриваютъ его ладономъ, вѣрятъ, что отъ этого покойнику будетъ мягко и тепло, весело и пріятно.

Въ гробу прорѣзываютъ отверстія или окна, съ одной стороны для того, чтобы было умершему посвѣтлѣе и не такъ душно, а съ другой стороны для того, чтобы онъ могъ черезъ эти окна имѣть сношенія съ живыми родственниками.—Вмѣстѣ съ умершимъ кладутъ въ гробъ трубку, сосудъ съ водкою (до которой мордва охотники), что нибудь изъ съѣстнаго, — рабочіе инструменты и какую нибудь монету. На голову покойнику надѣваютъ шапку, чтобы въ будущей жизни онъ не озябъ отъ холода или не заболѣлъ отъ зноя; а въ руки ему даютъ платокъ или кусокъ холста, какъ запасъ для смѣны одежды. Если умершій былъ старикъ, то вмѣстѣ съ нимъ, сверхъ всего сказаннаго, кладутъ въ гробъ еще яица, лепешки и орѣхи; это гостинецъ, посылаемый съ нимъ прежде умершимъ дѣтямъ и внучатамъ его.

По выносѣ гроба, оставшіяся въ избѣ женщины убираютъ подстилку, лежавшую подъ умершимъ, и, вымывъ лавку, кладутъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, косарь или топоръ. Этимъ орудіемъ мордвины думаютъ устрашить смерть, чтобы, видя это, она не смѣла на будущее время войти въ осиротѣлое семейство. Затѣмъ, женщины выметаютъ соръ, накопившійся въ избѣ со времени кончины усопшаго, поспѣшно складываютъ его въ корзины, берутъ затѣмъ немного блиновъ, яицъ и пирожковъ,—и со всѣмъ этимъ выходятъ на улицу, по дальше отъ двора; здѣсь бросаютъ соръ, закусываютъ, а потомъ молятся и кланяются въ слѣдъ покойнику, желая ему благъ въ будущей жизни, послѣ чего возвращаются домой.

Щепы отъ гроба считаются заразительными, и потому также складываются въ корзины и относятся далеко за деревню. Оттого вокругъ мордовскихъ деревень можно встрѣтить иногда кучи корзинъ съ щепами.

Хоронятъ мордвины своихъ покойниковъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ, верстахъ въ двухъ или болѣе, для того, чтобы пѣтухъ въ ночное время своимъ пѣніемъ не нарушалъ ихъ спокойствія.—По зарытіи умершаго въ землю, одна изъ почетныхъ старухъ кладетъ на могилу по кусочку разныхъ съѣстныхъ припасовъ, прося покойника поѣсть, и льетъ туда нѣсколько браги для утоленія его жажды.

Похороны кончаются пиромъ, пѣснями, а подчасъ и пляскою. Но покойника все таки не забываютъ. Спустя нѣсколько времени лѣтомъ, при уборкѣ хлѣбовъ, мордвины оставляютъ на полѣ неболь-

шой лоскутокъ несжатаго хлѣба: это опять для продовольствія умершаго.

Вообще поминовеніе умершихъ совершается у мордвы очень часто. Но особенными обрядами и обычаями сопровождается у нихъ поминовеніе въ сороковой день. Вотъ какъ это происходитъ.

Всю ночь, предшествующую поминкамъ, мордовки занимаются чисткою и уборкою избы, постоянно приговаривая: «аляй сай, сюци саманъ» (отецъ придетъ, побранитъ насъ). — На слѣдующій день, рано утромъ, одинъ изъ родныхъ, обыкновенно сверстникъ умершаго, уходитъ на кладбище. . .. Остальные же домашніе отправляются всѣ на дворъ, гдѣ ожидаетъ своей печальной участи — быкъ, обреченный для поминокъ. Животному дѣлаютъ поясной поклонъ, а женщины, сверхъ того, набрасываютъ на рога платокъ или холстъ, затѣмъ поднимаютъ плачъ, кланяясь быку въ ноги. Быкъ, приведенный на закланіе, служитъ у нихъ образомъ умирающаго человѣка. Оплаканный такимъ образомъ быкъ, закалывается ближайшимъ родственникомъ покойника и варится въ котлѣ съ простою водою. Кожа, снятая съ быка, послѣ поминокъ продается и на вырученныя деньги покупается котелъ для браги; котелъ этотъ называется *стариковымъ*.

Послѣ закалыванія быка, идутъ въ избу, гдѣ одни принимаются готовить обѣдъ ожидаемому дорогому гостю, а другіе разстилаютъ на лавкѣ, въ переднемъ углу, верхнюю и нижнюю одежду, оставшуюся отъ поминаемаго умершаго. Одежду располагаютъ такъ, чтобы она, по возможности, напоминала человѣческую фигуру. Въ часть одежды, соотвѣтствующую груди, вставляютъ восковую свѣчу, свернутую спирально, зажженную съ одного конца и обернутую съ другаго — полотенцемъ. Около описаннаго изображенія покойника, поближе къ иконамъ, кладутъ рубашку, лапти и балахонъ. Все это назначается для мѣны платья покойнику. На окнѣ стоитъ штофъ водки, лежитъ блинъ, трубка, или табакерка съ табакомъ и нѣсколько монетъ; на столѣ — чашка съ мясомъ, пироги, котелъ медовой браги. Приготовивъ все это, какъ слѣдуетъ, вдоволь наплакавшись надъ изображеніемъ покойника, сынъ или близкій родственникъ послѣдняго подноситъ всѣмъ присутствующимъ по стакану водки или браги, и уговариваетъ ихъ сходить за самимъ умершимъ. Гости низко кланяются, забираютъ обрядовыя одежды, и съ воплемъ и плачемъ выступаютъ въ походъ.

Добравшись до могилы, всѣ падаютъ на нее, цѣлуютъ землю и выкликаютъ умершаго. Подосланный сюда съ ранняго утра мордвинъ не долго заставляетъ ждать себя, и на первый же призывъ появляется между плачущими родственниками. Все общество съ шумомъ и крикомъ бросается къ нему, одѣваютъ его въ принесенную одежду, и, взявши его подъ руки, приводятъ въ деревню.

Гостя вводятъ въ сѣни и тамъ вручаютъ ему зажженую свѣчу. Затѣмъ растворяются двери избы, всѣ кланяются порогу, и мнимоумершаго съ почетомъ ведутъ въ избу, гдѣ и усаживаютъ его въ передній уголъ.

Хозяинъ или хозяйка подноситъ мнимому покойнику по стакану водки и браги, и пока онъ пьетъ, всѣ стоятъ передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, наклонивъ головы и опираясь рукою о полъ. Угостивъ мнимаго загробнаго гостя, хозяева угощаютъ тѣми же напитками и всѣхъ присутствующихъ при церемоніи.

Во время этого угощенія, гости по очереди подходятъ къ *живому покойнику*, подобострастно раскланиваются передъ нимъ и начинаютъ разспрашивать о житьѣ-бытьѣ на томъ свѣтѣ. Воображаемый пришлецъ съ того свѣта подноситъ каждому по стакану вина и передаетъ вѣсти о родныхъ и знакомыхъ его, въ родѣ слѣдующаго: «вашъ промотался, вашъ разводитъ пчелъ, вашъ пьянствуетъ, а вашъ пошелъ на поправку», и т. под.

Послѣ сытнаго обѣда, слѣдуетъ оплакиваніе мнимаго покойника. Зажигаютъ и ставятъ на свѣтецъ свѣчу, передъ нею становятся

женщины и начинаютъ плакать о гостѣ, съ желаніемъ ему такого свѣта, какой распространяется въ избѣ отъ горящей свѣчи. По окончаніи этой церемоніи, общество провожаетъ гостя во сколи.

Придя на кладбище, съ него снимаютъ одежду, послѣ чего мимо-умершій уже лишается своего званія и наряда, и съ прочими усаживается тутъ за принесенныя яства. Здѣсь часть съѣстныхъ припасовъ снова откладывается на могилу, для угощенія уже настоящаго покойника; въ подарокъ ему же одна изъ женщинъ скоблитъ ножемъ мѣдную монету, кланяясь и приговаривая, что «дарить покойника ста рублями и серебромъ». Мужчины-же, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, кладутъ на нѣсколько минутъ свои трубки и табакерки на могилу покойника, также для угощенія его.

Затѣмъ слѣдуетъ прощаніе съ умершимъ. Отошедши на нѣсколько сажень отъ могилы покойника, поминающіе останавливаются и льютъ на землю немного водки и браги. Это значитъ, что покойникъ, провожая своихъ гостей, какъ бы расписаетъ съ ними на этомъ мѣстѣ послѣдній стаканъ вина или браги. Послѣ этого обращаются къ покойнику съ слѣдующими словами: «теперь болѣе уже къ намъ не ходи: твой пиръ конченъ! Ступай, живи въ своемъ мѣстѣ; но когда придетъ праздникъ, опять милости просимъ,— ну прощай!» Вслѣдъ за этими словами, всѣ присутствующіе опрометью бросаются въ деревню. Около избы происходитъ толкотня и давка въ полномъ смыслѣ, въ силу слѣдующаго мордовскаго повѣрья: кто съ проводовъ покойника возвратится прежде, тотъ проживетъ долго, а кто — послѣ, тотъ скоро самъ умретъ.

По возвращеніи съ кладбища, начинается повальная попойка, продолжающаяся до утра слѣдующаго дня.

Повѣрьями и разными примѣтами мордва также весьма богата. Мордвины не дѣлаютъ почти ни одного шага безъ того, чтобы не посовѣтоваться предварительно съ какою нибудь примѣтою. Родится ли ребенокъ, вступаетъ ли въ бракъ дочь или сынъ, заболѣлъ ли кто и проч., на всякій случай въ жизни у нихъ есть своя особенная примѣта. Такъ, если родится ребенокъ съ круглою плѣшиною на темени, то это означаетъ, что онъ проживетъ долго; если упадетъ одна изъ свѣчей, которыя мордовка палѣпляетъ на лопату, сажая въ печку особенный брачный хлѣбъ, то это будетъ означать, что одинъ изъ супруговъ скоро умретъ; если опахать ночью всю деревню сохою, то прекратится падежъ скота, и т. д. и т. д.

Мордвины лечатся отъ болѣзней преимущественно у колдуновъ и ворожей, которыхъ бываетъ у нихъ множество. Въ особенности славятся своимъ искусствомъ и магическою силою мордовки ворожеи и мордва — пчелицы, къ которымъ и русскіе пріѣзжаютъ за совѣтами и иногда за десятки верстъ. Все ихъ искусство состоитъ, обыкновенно, изъ различныхъ умываній и наговоровъ на пивѣ, на водкѣ и проч.

Но особенно замѣчателенъ ихъ *заговоръ ружья*. Мордвины вѣрятъ, что колдуны могутъ заговаривать ружья такъ, что сколько ни стрѣляй — ружье не выстрѣлитъ. Для того, чтобы оно выстрѣлило, нужно взять пять дробинъ и пять волосковъ щетины, раскусить дробины и вправить въ нихъ щетину. Если зарядить ружье такими дробинами, то ужь никто не можетъ заговорить выстрѣла.

Изъ другихъ суевѣрій можно упомянуть еще о слѣдующихъ. Солнечное и лунное затмѣніе приписываютъ дѣйствію злаго духа, чтобы въ темнотѣ удобнѣе ловить въ свои сѣти христіанъ. Падающія звѣзды считаются за огненныхъ змѣй и демоновъ, которые будто бы вселяются въ людей и дѣлаютъ ихъ бѣснующимися и кликушами. Кто родится въ пасмурный день тотъ будетъ богатъ. Во время предсмертныхъ конвульсій ставится на окно сосудъ съ водою, предполагая, что душа, выйдя изъ тѣла, непремѣнно должна обмыться.

При лихорадкѣ подъ подушку больнаго кладутъ лошадиную голову или носятъ на шеѣ кожу змѣи, ужа и летучей мыши. Чесотку

лечатъ высѣкая огонь изъ кремня передъ рапами или намазываютъ тѣло сѣрой съ кислою сметаной.

Игры мордва справляетъ почти тѣже, что и русскіе. Такъ, зимою устраиваютъ въ избахъ *посидѣлки*, на которыхъ дѣвицы прядутъ ленъ, а парни пляшутъ и играютъ на балалайкахъ или гармоніяхъ. На *святкахъ* наряжаются, ворожатъ, гадаютъ и проч., какъ и русскіе.

Весною по вечерамъ молодежь устраиваетъ на площадяхъ деревень хороводы, съ пѣснями, а старики въ это время выходятъ на заваленки и оттуда любуются на забавы молодаго поколѣнія. Послѣ Троицы дѣвицы провожаютъ русалку. По всей вѣроятности, этотъ обычай есть остатокъ отъ стариннаго мордовскаго празднества въ честь богини Анге-Патяй. Мордовки наряжаютъ тутъ кого нибудь лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика и ведутъ лошадь подъ уздцы въ поле. Сзади слѣдуетъ хороводъ съ пѣснями. Въ полѣ, наряженная лошадь разоблачается также съ разными пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Тевтярь іонось татьянась,
Мéздя паро сонъ?
Пáлининза мазынить,
Ожанянза кувакать.
Сéльми нанза рáужать.

т. е. «Дѣвка хорошая Татьяна, — а почему она хороша? Потому что рубашечка на ней красивенькая, рукавчики у ней долгенькіе, глазки у ней черненькіе».

Веселость одна изъ отличительныхъ чертъ мордвы. И въ радости, и въ горѣ, и возвращаясь съ полевыхъ работъ, мордовки почти постоянно ходятъ съ пѣснями. — Всѣ пѣсни ихъ, обыкновенно риѳмованныя, но напѣвы — заунывные, монотонные, даже непріятные. Вообще мордва, хотя и страстно любитъ пѣть, — племя все-таки не пѣвучее.

Смыслъ ихъ пѣсень весьма различенъ. Выше было уже приведено содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ этихъ извѣстныхъ намъ пѣсень, у мордвы есть еще нѣсколько про рекрутчину, про любовь матери, разстающейся *съ сердечнымъ сыномъ*, есть и плясовыя и колыбельныя; а въ особенности много у нихъ пѣсенъ про старыхъ злыхъ женъ, вѣчно замышляющихъ душегубство и изводящихъ отравою своихъ мужей. Значеніе послѣднихъ до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ.

Въ заключеніе можно сказать, что мордва надѣлена отъ природы хорошими умственными способностями, имѣетъ острую память и довольно здраво судитъ о предметахъ серьезныхъ, но всѣ способности еще находятся въ младенчествѣ и требуютъ развитія, будучи подавлены различными заблужденіями и предразсудками.

XII. ВОТЯКИ.

Характеръ и бытъ.

Лучшую, полуденную, хлѣбородную и лѣсную часть Вятской губерніи занимаетъ самобытное и многочисленное племя *вотяки*, или, какъ ихъ называли наши предки-славяне «Чудь бѣлоглазая,» иначе «Вотъ.»

Кромѣ юговосточной части Вятской губерніи, племя это встрѣчается еще, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской и Казанской губерній; такъ что общее читло вотяковъ достигаетъ цифры—235,000 душъ.

Откуда пришли вотяки на рѣку Вятку и какъ произошло самое названіе ихъ—до сихъ поръ неизвѣстно съ достовѣрностью. «Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея», замѣчаетъ историкъ Костомаровъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Несомѣнно только то, что вотяки принадлежатъ къ финскому племени и вмѣстѣ съ зырянами и пермяками составляютъ особую, такъ называемую пермскую вѣтвь его.

Что же касается до происхожденія вотяковъ, то одни ученые указываютъ на Алтай и при-енисейскую страну, какъ на первоначальную родину вотяковъ, гдѣ будто бы еще въ прошломъ столѣтіи встрѣчались остатки этого племени, называвшагося тамъ также «вотью», или по татарски «Ари», что значитъ—пчелы. Другіе же ученые видятъ родину вотяковъ въ нынѣшней Петербургской губерніи, гдѣ, во времена новгородской независимости, дѣйствительно существовало племя «вотъ», подчинявшееся Новгороду. Но, во всякомъ случаѣ, остаются неизвѣстными, какъ причины, такъ и время переселенія вотяковъ на р. Вятку. Только съ конца XII вѣка начинаютъ встрѣчаться въ нашихъ лѣтописяхъ болѣе или менѣе опредѣленныя указанія на вотяковъ. Къ этому времени относится первое появленіе на р. Вяткѣ новгородскихъ «ушкуйниковъ», встрѣтившихъ тамъ уже многочисленное вотское племя. Занимаясь въ то время преимущественно звѣроловствомъ и живя въ городкахъ, обнесенныхъ земляными насыпями и валами, вотяки дали сильный отпоръ смѣлымъ новгородскимъ завоевателямъ и долго сопротивлялись ихъ власти. Но въ концѣ концевъ, утративши воинственный духъ, вотяки должны были уступить мѣсто новгородскимъ пришельцамъ и малу по малу отошли въ глухіе вятскіе лѣса.

Съ распространеніемъ по р. Вяткѣ русской культуры, вотяки постепенно освоивались съ ея началами и впослѣдствіи приняли много русскихъ обычаевъ, воззрѣній и вѣрованій. Но и до сихъ поръ вотяки сохранили много чисто самобытныхъ чертъ, весьма характеристичныхъ и крайне устойчивыхъ, съ которыми еще и по сіе время приходится считаться русскому вліянію.

Одна изъ этихъ самобытныхъ чертъ до сихъ поръ сохраняется въ наружности вотяка. Между всѣми вотяками существуетъ удивительное сходство; нѣкоторые находятъ даже, что одинъ вотякъ походитъ на другаго, какъ двѣ капли воды.

Почти всѣ вотяки росту средняго, даже малаго, въ сравненіи съ

русскими. Цвѣтъ лица ихъ смугло-красноватый; волосы большею частью рыжіе, или совсѣмъ бѣлые, курчавые, или стоящіе снопомъ и почти никогда нечесанные. Голова круглая или угловатая. Глаза голубые или свѣтло-сѣрые, подслѣповатые; носъ небольшой, курносый. Скулы выдавшіяся, щеки впалыя; лобъ небольшой и сильно опрокинутый назадъ; борода маленькая, рѣдкая, рыжеватая. Станъ вотяка приземистый, на тощихъ ногахъ.

Одежда вотяковъ гораздо проще вышеописанныхъ другихъ народовъ. Мужчины носятъ родъ сѣраго армяка до колѣнъ, подпоясанный ремнемъ или шерстянымъ кушакомъ. Къ ремню прикрѣпляются ножны для ножа въ 6 вершковъ длины и желѣзная скобка для вкладыванія топора. Исподнее платье: холщевая бѣлая рубашка и шаравары. На ногахъ сапоги, а обыкновенно онучи и лапти, съ заостренными носками. Послѣднее довольно характеристично, какъ и вообще особенное обращеніе ими вниманія на содержаніе въ чистомъ видѣ исключительно ногъ и обуви, въ противуположность тѣлу и одеждѣ. На головѣ они носятъ разныя шапки: войлочную, какъ татары, или отороченную мѣхомъ, или наконецъ какой-то отрѣзокъ отъ рукава, надѣтый на голову и сверху зашитый, безъ козырька и околыша.

Зимою они носятъ подъ армякомъ овчинный полушубокъ и обертываютъ шею короткимъ чернымъ полотенцемъ.

Женщины одѣваются въ родѣ лѣсныхъ, луговыхъ черемисокъ, обшивая зипунъ по подолу и на концѣ рукавовъ красною лентою. Непремѣнная принадлежность ихъ наряда — передникъ ярко-краснаго цвѣта съ разными болѣе или менѣе прихотливыми рисунками. На шею онѣ надѣваютъ ожерелье изъ крупныхъ монетъ; серьги подобныя черемисскимъ. Вообще же у вотяковъ менѣе металлическихъ, украшеній, нежели у другихъ финскихъ народовъ. На головѣ, вотяки носятъ, что-то въ родѣ тохьи или тюбетейки, либо платокъ, повязанный передними и задними концами назадъ, или наконецъ надѣваютъ родъ шишака подъ названіемъ айшонъ, вышиною $^3/_4$ аршина, унизанный спереди и сзади мелкою серебряною монетою, либо оловянными бляхами. Еще замѣчательно, что онѣ волосы на вискахъ завиваютъ буклями, спуская ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ.

Вообразите себѣ такого человѣка, вѣчно съ короткою, въ вершокъ, трубкою въ зубахъ — и вы будете имѣть предъ собою истаго вотяка, неповоротливаго, съ нѣкоторою угловатостью въ движеніяхъ, нѣсколько простодушнаго и въ то-же время наивно-лукаваго, крайне недовѣрчиваго и любящаго селиться уединенно, въ глуши лѣсовъ и вдали отъ людныхъ селеній.

Всѣ они очень нечистоплотны, а умственное ихъ развитіе стоитъ ниже черемисъ и чувашъ. Ихъ однообразная жизнь, скудныя физическія силы, отсутствіе всякаго стремленія, ихъ робость, соединенная съ нѣкоторою хитростію и упорствомъ, отпечатываютъ вотяка съ точки зрѣнія самаго низкаго развитія, на измѣненіе чего и христіанство не имѣло ни малѣйшаго вліянія; но нельзя отвергнуть, чтобы они лишены были способности перенимать отъ другихъ. Вотяки, проживая постоянно въ сосѣдствѣ черемисъ, переняли отъ нихъ способъ построенія избъ и многое изъ ихъ жизни. Народомъ этимъ никто не занимался, онъ вѣчно былъ въ угнетеніи, и потому неудивительно, что не подвинулся впередъ ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться. Разъ установившіяся понятія переходили отъ отца къ сыну безъ всякихъ усовершенствованій, и потому жизнь ихъ вращается въ еще болѣе узкой рамкѣ, сравнительно съ другими народами. Нѣкоторыя изъ уголовныхъ дѣлъ весьма хорошо обрисовываютъ характеръ и нравъ вотяковъ. Такъ, лѣтъ 30 тому назадъ, было такое дѣло, гдѣ нѣсколько татаръ Агрызской волости Вятской губерніи, ограбили среди бѣлаго дня вотскую деревню, въ присутствіи населенія въ нѣсколько сотъ душъ. Когда уже и слѣдъ воровъ простылъ, деревня сознала, что ее обокрали. Поѣхала погоня, но уже было поздно. Другія дѣла возникали, когда вотякъ, съ досады на сосѣда,

распарывалъ себѣ брюхо, у него на дворѣ. Такое дѣйствіе называется тащить сухую бѣду и встрѣчается донынѣ.

Живутъ вотяки деревнями, дворовъ въ 15 или 30. Вотяцкую деревню можно съ перваго взгляда отличить по чрезвычайно безтолковому расположенію домовъ. Избы стоятъ въ такомъ безпорядкѣ, что одна изба упирается часто заднимъ угломъ въ переднюю стѣну сосѣдней избы, или-же одна стоитъ бокомъ къ задней стѣнѣ другой, а то такъ — двѣ сосѣднія избы смотрятъ лицомъ совсѣмъ въ противуположныя стороны и, обыкновенно, разными задворками и закоулками можно проѣхать всю вотяцкую деревню.

Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины, съ сѣнями по срединѣ. Въ одной изъ половинъ они проводятъ зиму. Въ домахъ большею частію по одному окну со стеклами; другія, если есть, то волоковыя, т. е. закрывающіяся подвижною внутреннею ставнею, или же они затянуты пузыремъ. Въ теплой половинѣ избы устроены нары аршина два съ половиною въ поперечникѣ, и на нихъ лежатъ подушки, перины, войлокъ и прочая постельная и всегда грязная принадлежность. Кругомъ по стѣнамъ лавки. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ столъ, на немъ лежитъ всегда хлѣбъ завернутый въ грязную скатерть и жбанъ съ ковшомъ. Каждый приходящій можетъ ѣсть и пить, сколько кому угодно. Зимою всѣ спятъ въ повалку на полу, при самой удушливой атмосферѣ, среди телятъ, козлятъ, птицъ и всякой твари. Грязь, нечистота, смрадъ поразительны, въ особенности если все это помѣщается, кромѣ того, въ курныхъ избахъ, но не въ бѣлыхъ, которыхъ весьма мало. Съ другой стороны сѣней находится подобная же комната, холодная половина, для храненія разнаго скарба. Дворъ обнесенъ заборомъ подъ названіемъ озборъ. Внутри него ставятся, по мѣрѣ необходимости, шалаши подъ названіемъ чумъ; число ихъ, по потребности семейства, увеличивается до тѣхъ поръ, пока есть мѣсто внутри, и потому такой дворъ, озборъ, представляетъ одинаковый безпорядокъ расположенія построекъ, какъ и самая деревня.

Но все это не мѣшаетъ вотякамъ-односельчанамъ жить въ полнѣйшемъ согласіи между собою. Они тѣсно жмутся другъ къ другу, и общественность у нихъ сильно развита. Почти всякое, хотя-бы совсѣмъ пустяшное дѣло, но мало-мальски касающееся всей деревни, они любятъ обсудить сообща, вслѣдствіе чего «кенешъ» (т. е. сходки) бываютъ у нихъ постоянно: даже по поводу опредѣленія времени, когда приниматься за посѣвъ яроваго, или когда начинать косить траву, а то такъ просто — по случаю устройства какого-нибудь праздника и выбора мѣста, гдѣ должно происходить назначенное торжество.

Такое тѣсное общеніе между вотяками есть, безъ сомнѣнія, слѣдъ прежняго родоваго ихъ быта. И до сихъ поръ еще почти въ каждой вотяцкой деревнѣ всѣ сельчане находятся другъ съ другомъ въ родствѣ, хотя-бы и въ дальнемъ.

Эта-же замкнутость въ самихъ себѣ можетъ быть и служитъ причиною недовѣрчивости вотяковъ ко всякому постороннему лицу и ихъ скрытности. Вотяки никогда не выдадутъ своего односельчанина, хотя-бы совершенный имъ проступокъ касался совершенно частнаго лица. На всѣ допросы въ этомъ случаѣ всѣ вотяки будутъ въ одинъ голосъ отвѣчать: «наша ничаво нѣтъ», и больше не добьетесь отъ нихъ ничего. Болтливыхъ-же на этотъ счетъ людей они называютъ «кушъ-тонъ», т. е. бросовыми, негодными для жизни въ обществѣ. Впрочемъ, недовѣрчивость ихъ значительно смягчается мягкостью характера; иногда достаточно одного ласково сказаннаго словечка, въ родѣ напримѣръ: «уромушка», чтобы расположить къ себѣ вотяка совершенно.

Любовь вотяковъ къ общенію между собою обнаруживается въ особенности въ ихъ семейномъ быту. У нихъ очень рѣдки примѣры раздѣловъ; у нихъ одна только тѣснота избы заставляетъ се-

мейство расходиться по разнымъ избамъ, но никакъ не дѣлиться. Когда въ одной избѣ нѣтъ возможности жить всему семейству, тогда на одномъ-же дворѣ вотяки ставятъ другую избу, куда и уходитъ одна половина семьи; но все-таки у нея остается одинъ главный хозяинъ. Хозяиномъ этимъ бываетъ: или старшій членъ семейства, или тотъ изъ младшихъ членовъ, которому, по общему согласію всей семьи, ввѣряется главное управленіе домомъ. И пусть это будетъ племянникъ, внукъ, даже пріемышъ родоначальника — распоряженіямъ его подчиняются всѣ безпрекословно.

Такимъ образомъ, у вотяковъ вовсе не рѣдкость встрѣтить въ домѣ семью человѣкъ въ 20 или 30. За исключеніемъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, семья такая выходитъ въ поле на работы въ числѣ 15 или 20 человѣкъ. Оттого они и не могутъ сказать, чтобы мало заработывали.

Вотяки весьма трудолюбивы, хотя при этомъ не могутъ похвастаться ни проворствомъ, ни особенною сообразительностью въ работѣ. Вотякъ медленно и, можетъ быть, подчасъ безтолково, но неутомимо и прилежно копошится на пашнѣ или нивѣ, — и при своей бережливости, доходящей до скупости, успѣваетъ обставить свое гумно огромными «кабанами», т. е. (скирдами хлѣба), изъ которыхъ многія лѣтъ по 10-ти и болѣе стоятъ совершенно непочатыми.

Кромѣ хлѣбопашества, вотяки питаютъ еще нѣкоторую страсть къ пчеловодству, а въ особенности къ охотѣ. Ружье, собака и трубка во рту—это обыкновенно неразлучные предметы, съ которыми можно встрѣтить подъ осень любаго вотяка, въ лѣсу, гдѣ онъ бьетъ бѣлокъ, рябчиковъ, зайцевъ, тетеревей и проч. Сверхъ того, приготовленіе лыка, мочалъ и рогожъ занимаетъ также не малое количество вотяцкихъ рукъ.

Казалось-бы, при такомъ разнообразіи занятій и при большомъ трудолюбіи и бережливости вотяковъ, они могли-бы благоденствовать и жить въ довольствѣ. Однако этого далеко нѣтъ, что зависитъ отчасти отъ крайней неразвитости ихъ.

Прежде всего вотякъ изумительно неразборчивъ на пищу и охотно ѣстъ всякую мерзость, даже въ то время, когда есть возможность имѣть не только сносную, но и вкусную пищу. Обыкновенныя его кушанья: хлѣбъ неквашенный, невыпеченный, съ отвратительнымъ зольнымъ запахомъ; рѣдька, молоко квашенное, нечистое, нецѣженное; векша, или конина и «сюкясь»—водянистый и до крайности соленый квасъ.

При этомъ, все, что вотяки носятъ на себѣ, все, что они имѣютъ: жилище, сани, телѣги, упряжь,—все это собственнаго издѣлья и все образцово-грубо. Вмѣсто желѣзныхъ гвоздей, они употребляютъ деревянные; замки, ключи, даже петли у дверей — все почти деревянное.

Обыкновенно многочисленная вотяцкая семья спитъ зимою вповалку: на полу, на нарахъ, на лавкахъ и на палатяхъ. На полу-же лежатъ съ ними телята, ягнята, козлята, а подъ лавками, за деревянною рѣшеткою, живутъ куры, гуси, утки. Воздухъ въ избѣ, занятой семьею, — нестерпимъ, вѣроятно отъ нечистоты и зайчины, почти постоянно валяющейся передъ печкою, около которой расхаживаютъ ихъ любимыя животныя—собаки. Въ избѣ всегда бываетъ неприбрано и до-нельзя неопрятно. Гдѣ-нибудь на полу стоитъ незакрытая крынка козьяго молока, на поверхности котораго плаваютъ четвероногіе прусаки; сюда-же подходитъ кошка или собака и, налокавшись до-сыта, преспокойно уходитъ подъ лавку, а вотяку до этого и горя мало: то-же молоко онъ ѣстъ самъ и даетъ своимъ дѣтямъ.

Лѣтомъ вотяки въ избахъ не живутъ, а выходятъ въ свои чумы т. е. просто въ холодныя строенія, поставленныя на дворѣ прямо на землю и безъ моху. Посреди этого чума всегда есть мѣсто для огня, надъ которымъ вотяки, когда приготовляютъ свой обѣдъ или

ужинъ, вѣшаютъ котелъ. Для дыма сдѣлано отверстіе въ крышѣ. Прочая обстановка въ чумѣ та же, что и въ избѣ: столъ, лавки и полки; недостаетъ только печки да палатей. Чумъ развѣ еще немного поменьше избы. Спятъ вотяки лѣтомъ тоже въ особыхъ строеніяхъ: въ клѣтяхъ или амбарахъ.

Крайняя неопрятность вотяковъ служитъ причиною развитія между ними многихъ болѣзней, въ особенности глазныхъ. Если эта неопрятность не влечетъ за собою всѣхъ гибельныхъ послѣдствій для вотяковъ, то развѣ потому лишь, что вотяки питаютъ особенную страсть къ банямъ. Какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время они парятся въ баняхъ по крайней-мѣрѣ по два раза въ недѣлю, что дѣлаютъ, разумѣется, далеко не изъ желанія подражать нѣмецкой чистоплотности, а просто изъ любви къ тому пріятному физическому ощущенію, какое доставляетъ имъ процессъ паренья. Но, не смотря на такое частое посѣщеніе бани вотяками, они при этомъ никогда не мѣняютъ бѣлья. Женщины, изъ любви къ своимъ дѣтямъ, стараются, конечно, доставить и имъ это удовольствіе; онѣ имѣютъ привычку парить даже своихъ грудныхъ дѣтей, въ особенности свѣжими вѣниками. Вѣники поэтому имѣютъ въ быту вотяковъ довольно важное значеніе; они заготовляютъ ихъ помногу, и до тѣхъ поръ, пока не кончатъ вязать, не вытаскиваютъ даже косить. Окончивъ вязку вѣниковъ, вотяки, обыкновенно, день или два пируютъ.

Любовь вотяковъ къ удовольствіямъ выражается въ особенности въ какой-то непонятной привязанности ихъ къ «кумышкѣ». Кумышка—это та же водка, только очень слабая, и притомъ собственнаго вотяцкаго издѣлія, съ сильнымъ запахомъ дыма и сивушнаго масла и вдобавокъ прескверная на вкусъ. Курятъ кумышку чрезъ мѣдныя трубы, но неопрятности вотяковъ, сплошь да рядомъ покрытыя зеленью и грязью, отчего знаменитая кумышка, помимо своего отвратительнаго вкуса, становится еще вредною для здоровья.

Но не это мѣшаетъ вотякамъ пить кумышку съ наслажденіемъ. Пьютъ ее не только мужчины, но и женщины вотяцкія и даже дѣти. Родители охотно даютъ кумышку даже груднымъ своимъ дѣтямъ.

Вообще кумышка играла не маловажную роль, какъ въ частномъ быту вотяковъ, такъ и въ судьбѣ всего ихъ племени. Курятъ ее, по обычаю, въ каждомъ вотяцкомъ семействѣ, и исключительно однѣ лишь женщины и дѣвушки, такъ какъ для самаго вотяка занятіе это слишкомъ хлопотливое. Куреніе кумышки и по закону разрѣшалось вотякамъ, но лишь до извѣстной степени крѣпости, до 60°, въ видѣ легкаго пива. Но, желая часто приготовить кумышку покрѣпче, въ особенности къ какому нибудь большому празднику, вотяки обыкновенно удалялись для того въ глухія мѣста вятскихъ лѣсовъ, чтобы скрыть недозволенное куреніе отъ преслѣдованія корчемныхъ сыщиковъ. И тутъ-то для вотяковъ начинается цѣлая эпопея приключеній изъ-за кумышки. Обыкновенно, робкій и до скупости бережливый, вотякъ становился тутъ отчаянно храбрымъ, непокорнымъ и вдобавокъ расточительнымъ до безразсудства. Изъ за кумышки онъ ополчался всею деревнею, чтобы отнять у корчемныхъ сыщиковъ найденную у него завѣтную флягу; готовъ открыто напасть на своего заклятаго врага — корчемнаго сыщика и до смерти избить его; готовъ свою голову положить въ этой борьбѣ. Изъ за нея же онъ разорился, платя штрафы за противузаконную выкурку. Подвергается наказанію, попадаетъ въ тюрьму, лишается потомъ навсегда права курить кумышку; но все-таки выкуриваетъ ее снова и снова разоряется....

И все это претерпѣвается изъ за кумышки, о которой сами же вотяки говорятъ: «чоргъ ево знаетъ, уваритца што-ли она такой—и немного пьешь ево, а се бидто сердца давитъ»!...

И дѣйствительно, послѣ праздниковъ вотяки часто приглашаютъ священниковъ на исповѣдь къ больнымъ отъ похмѣлья.

Но, не смотря ни на что, вотякъ такъ привязанъ къ своей род-

ной кумышкѣ, что готовъ пить ее постоянно, и, кажется, будто она ему дороже всего въ жизни. Недаромъ вотяцкое племя, вообще весьма бѣдное преданіями, относительно кумышки имѣетъ ихъ все-таки нѣсколько. Такъ одно преданіе гласитъ, что у нѣкоей царицы корабль потонулъ и повелѣла она всѣмъ народамъ молиться о спасенія его; стали и вотяки молиться по своимъ обрядамъ и, къ счастію, тутъ же догадались плеснуть на огонь чудодѣйственную кумышку,—и вотъ, по мѣрѣ того, какъ паръ отъ нея поднимался къ верху, началъ подниматься и корабль изъ воды.... Тогда-то царица и издала указъ о дозволеніи вотякамъ курить кумышку.

Особенное уваженіе ихъ къ кумышкѣ проглядываетъ также и въ тѣхъ многочисленныхъ обрядахъ, которые свято соблюдаются вотяками при угощеніи кумышкою своихъ гостей. Вотякъ или вотячка наливаетъ всѣмъ гостямъ по маленькой чашечкѣ кумышки, и, униженно кланяясь передъ каждымъ гостемъ, подноситъ ему эту чашечку,—и какъ только разъ прихлебнетъ изъ нея гость, прихлебнетъ разъ изъ той же чашечки и хозяинъ, постоянно при этомъ приговаривая: «ю-ю-ю»! между тѣмъ, какъ гость, отдавая обратно чашечку послѣ каждаго глотка, говоритъ: «ме-ме-ме»!... Эта церемонія повторяется предъ каждымъ гостемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выпита вся кумышка, послѣ чего идутъ въ сосѣднюю избу, для продолженія того же. Сколько такимъ образомъ подчиваніе кумышкой займетъ времени у вотяка,—можно сообразить уже по тому, что въ большой праздникъ въ избѣ у него въ одинъ день перебываетъ до 200 человѣкъ...

Иногда церемонія угощенія усложняется еще, такъ сказать, побочными обрядами: угощая какого нибудъ гостя кумышкою и желая при этомъ выказать передъ нимъ свое особенное расположеніе, хозяинъ дома объявляетъ, что его жена и сноха хотятъ, по ихъ вотяцкому обыкновенію, сдѣлать ему подарки. Послѣ этого сажаютъ гостя за столъ, и каждая изъ женщинъ, по старшинству ихъ въ семьѣ, подходитъ къ нему поочереди, подноситъ кумышку и, прихлебнувъ немного изъ чашечки отвратительнаго напитка, говоритъ: «сябось» (т. е. на здоровье, пей до дна)! Гость пьетъ и возвращаетъ чашечку женщинѣ, а та вѣшаетъ ему на шею своей работы полотенце, обыкновенно вышитое по концамъ красною бумагою и желтымъ шелкомъ.

Обряды и религіозныя вѣрованія.

Случаевъ попить кумышки и вообще разныхъ праздниковъ у вотяковъ очень много. Кромѣ всѣхъ христіанскихъ праздниковъ, они справляютъ еще русскія національныя гульбища и вдобавокъ отдаютъ должную дань и своимъ собственнымъ вотяцкимъ праздникамъ, сохранившимся еще отъ временъ ихъ идолопоклонства. Такъ послѣ масляницы, когда кончатъ пировать мужчины, наступаетъ день вотяцкаго бабьяго праздника. Въ этотъ день бабы ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями, и въ каждомъ домѣ пьютъ кумышку. При этомъ, ради забавы, выбираютъ изъ мужчинъ бабьяго голову, который обязанъ смотрѣть за цѣлостью рядовъ пирующихъ женщинъ, въ противномъ случаѣ отвѣчаетъ своею спиною, подставляемой подъ удары лутошками. — Послѣ Пасхи, вотяки празднуютъ день выгона шайтана. Мужчины съ утра садятся верхами на лошадей и съ дубинами въ рукахъ выгоняютъ шайтана, съ громкими криками, изъ своей деревни, послѣ чего празднуютъ свою побѣду роспиваніемъ кумышки.—Почти вслѣдъ за выгономъ шайтана, наступаетъ «праздникъ вотяцкихъ окаяшекъ». Обыкновенно, день этотъ опредѣляется на сходѣ, съ общаго согласія, и долженъ предшествовать посѣву яроваго. Въ этотъ день всѣ мужчины выѣзжаютъ въ поле съ сохами, проходятъ съ ними по пашнѣ раза два или три, и тотчасъ же возвращаются домой и угощаются неизбѣжною кумышкою.

У вотяковъ вообще много такихъ праздниковъ и торжествъ, которые носятъ на себѣ явные слѣды язычества. Но понять смыслъ и значеніе ихъ теперь трудно, такъ какъ вотяки чрезвычайно скрытны въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а, можетъ быть, и для нихъ самихъ давно уже утратился первоначальный смыслъ вотяцкихъ обрядовъ, такъ что хотя многіе вотяки продолжаютъ и въ настоящее время придерживаться своей языческой религіи, но узнать отъ нихъ болѣе или менѣе существенныя подробности объ ихъ религіи—до сихъ поръ еще никому не удавалось. Вотякъ ни молитвы своей не скажетъ никому, ни обряда не объяснитъ. Извѣстно только, что они признаютъ «Инмара» — бога неба, олицетворяющаго доброе начало, и «Кереметя»—брата Инмара, исконнаго врага людей, олицетворяющаго зло, и наконецъ признаютъ «Шайтана» — злаго духа, живущаго въ водѣ.

Инмару вотяки совершаютъ моленія и приносятъ жертвы, обыкновенно у себя дома, въ лѣтнихъ чумахъ («куало»), которые держатъ поэтому въ болѣе опрятномъ видѣ чѣмъ жилыя избы, и даже неохотно пускаютъ туда посторонніхъ лицъ.

Доброе начало у вотяковъ называется Инмаръ, которое живетъ на солнцѣ, вмѣстѣ съ своею матерью Мумукольциною. Злое начало Шайтанъ, или Вумортъ (водяной человѣкъ) живетъ на днѣ воды. Первый человѣкъ, по понятіямъ вотяковъ, сотворенъ изъ красной глины и потому у нихъ повѣріе, что покойника непремѣнно слѣдуетъ хоронить въ красной глинѣ, а за неимѣніемъ ея они считаютъ обязанностію ее отыскать и привести хотя бы малое количество. Кереметь у нихъ—также младшій братъ Инмара, который не столько причиняетъ зло, сколько мучитъ человѣка. По ихъ понятіямъ, *Уромъ*, первый человѣкъ, другъ бога, по сотвореніи былъ очень скученъ, не смотря на то, что постоянно пилъ кумышку, о чемъ каждодневно доносилъ Кереметь Инмару. Послѣдній не повѣрилъ и разсердился на Кереметя, и съ этихъ поръ началась ихъ вражда, которая обнаруживается въ Кереметѣ всегда тѣмъ, что онъ постоянно смѣется надъ Инмаромъ. Такимъ образомъ, когда Инмаръ узналъ причину грусти Урома, что нѣтъ у него жены, то тотчасъ же сотворилъ ее, но Кереметь испортилъ женщину, сдѣлавъ ее любопытною и прозорливою. Это послѣднее свойство женщины поставило ее въ глазахъ семьи очень высоко, и ни одно важное дѣло не рѣшается безъ ея приговора.

Изгнаніе изъ рая и самую смерть вотяки приписываютъ также Кереметю слѣдующимъ образомъ: Инмаръ не приказалъ Урому и его женѣ открывать нарочно поставленную чашку съ кумышкою, но они не послушали его и выпили кумышку, которая была осквернена Кереметемъ. Съ тѣхъ поръ Урома изгнали изъ рая, и люди начали умирать.

Охраненіе людей, сотворенныхъ во второй разъ, было довѣрено черному псу, что похоже на черемисское повѣрье. Съ этихъ поръ собака составляетъ непремѣнную принадлежность вотяцкаго двора, для его охраненія и спокойствія. Также они полагаютъ, что послѣ этого у нихъ уже нѣтъ грѣховъ, а если и бываютъ, то Инмаръ по добротѣ своей не обращаетъ на это вниманіе. Впрочемъ среди такой неприхотливой жизни, вѣчныхъ трудовъ и занятій, и черезъ чуръ ограниченныхъ желаній, вотяки на столько же грѣшны, какъ каждая безсознательно дѣйствующая тварь, и это подходитъ къ ихъ понятіямъ о безгрѣшности.

Но главныя заботы вотяковъ обращены преимущественно на умилостивленіе злаго «Кереметя», почитаемаго ими виновникомъ всякихъ бѣдствій, какія только могутъ постигнуть вотяка, или все вотяцкое племя. Моленія Кереметю бываютъ у нихъ общественныя и частныя, и состоятъ главнымъ образомъ изъ приношенія въ жертву разныхъ животныхъ. Время этого моленія и самый родъ жертвы, обыкновенно, произвольно опредѣляетъ вотяцкій знахарь или предсказатель—«Туно».

Мѣстомъ же моленія Кереметю у вотяковъ бываютъ преимущественно рощи, въ особенности дубовыя, такъ какъ, по убѣжденію ихъ, Кереметь любитъ понѣжиться подъ сѣнью вѣтвистаго дуба. Съ этою цѣлью вотяки часто оставляютъ на своихъ поляхъ небольшія группы деревьевъ, которыя и слывутъ подъ именемъ — «кереметей».

Жертвы Кереметю иногда бываютъ разорительны для вотяковъ, такъ какъ вотяцкіе «туно» не всегда умѣренно пользуются своимъ правомъ объявлять о гнѣвѣ Кереметя и о необходимости умилостивленія его. Къ счастію вотяковъ, у нихъ считается позволительнымъ нецеремониться особенно съ коварнымъ Кереметемъ и, по возможности, обманывать его. Такъ, иной разъ «туно» назначитъ вотяку принести въ жертву барана, а вотякъ тащитъ поросенка, и чтобы Кереметь, по визгу этого крикливаго животнаго, не догадался о совершаемомъ обманѣ, вотякъ еще дома прирѣзываетъ визгуна.

Въ загробную жизнь вотяки вѣрятъ также по своему. По ихъ понятіямъ, человѣкъ по смерти продолжаетъ не только жить, но и ѣсть и работать. Поэтому они считаютъ своею священною обязанностью почаще класть на могилу своихъ родственниковъ разныхъ яствъ и напитковъ, какъ-то: хлѣба, конины, рябчиковъ, векши, сюкясь, трубку съ табакомъ, а въ особенности—кумышку. Кладутъ на могилу и тѣ инструменты, которыми покойникъ работалъ при жизни: кочедыкъ для плетенія лаптей, топоръ, какой нибудь силокъ для ловли куропатокъ, и т. п. Поминки совершаются исключительно вслѣдствіе сновидѣнья. Для поминокъ приготовляютъ кумышку и блины. Послѣ молитвы, въ которой просятъ объ успокоеніи умершаго, старшій въ семействѣ беретъ блины, обмакиваетъ въ кумышку и подаетъ собакѣ. Если она ихъ съѣстъ, то значитъ покойнику хорошо; въ противномъ случаѣ жизнь его на томъ свѣтѣ тяжела.

Къ особенностямъ ихъ обычаевъ слѣдуетъ отнести тотъ, который установился при прощаніяхъ. Уѣзжающій или уходящій въ солдаты, простившись со всѣми, вколачиваетъ въ знакъ памяти, по четыремъ угламъ стола, четыре мѣдныя монеты, въ воспоминаніе о себѣ, во время трапезы домашнихъ. Присяги совершались еще очень недавно особымъ способомъ. Нарѣзывали кусочки хлѣба, посыпали солью и подавали ихъ остріемъ ножа черезъ лукошко присягавшему, который въ это время стоялъ на колѣняхъ. Показанія подъ такою присягою всегда были вѣрны и обстоятельны. При переправѣ вотяка чрезъ рѣку, онъ непремѣнно бросаетъ горсть травы шайтану, приговаривая: «не держи меня».

У вотяковъ, какъ и у другихъ подобныхъ имъ народовъ, есть свои жрецы, которые играютъ весьма важную роль. За нѣсколько дней до моленія собирается сходка, чтобы рѣшить—какое животное принести въ жертву. Вопросъ этотъ разрѣшается всегда жрецомъ, который уходитъ въ лѣсъ узнать желаніе Инмара или Кереметя. Возвратившись оттуда, сходка узнаетъ волю своего бога отъ жреца. Назначенное для жертвоприношенія животное, извѣстной шерсти, возможно купить исключительно у жреца, который такимъ образомъ, кромѣ подаянія и платы за службу, получаетъ еще большое вознагражденіе за покупаемое у него животное безъ всякаго торга и уступки.

Весьма интересны ихъ молитвы, при разныхъ случаяхъ, такъ напр. *предъ посѣвомъ хлѣба*: «Господи, благослови и утверди корень, чтобы отъ одного зерна было семдесятъ семь колосьевъ; чтобы на семь составовъ они дѣлились; чтобы солома была толста, какъ камышъ. Дай Господи, чтобы зерно уродилось столько же велико, какъ куриное яйцо».

При выходѣ на сѣнокосъ: «Дай Господи, чтобы трава, когда я три раза ударю косою, собиралась пластами; чтобы между копнами были копны и между зародами стояли бы зароды». Вотяки начинаютъ эту работу очень поздно и потому ихъ трава, какъ у чувашей, жестка и не вкусна.

ЭСТЫ ИЛИ ЭСТОНЦЫ.

При выходѣ на жатву: «Дай Господи, чтобы между снопами стояли сноны; между суслонами стояли суслоны».

Предъ кладкою хлѣба: «Дай Господи, чтобы кладуха была также велика, какъ велико небо».

Когда приносятъ въ жертву быка: «Господи, отпущенный въ поле скотъ, да будетъ въ большой прибыли, мы отдаемъ его тебѣ въ жертву съ золотою шерстью».

На случай звѣроловства: «Когда нападетъ снѣгъ, дай, Господи, хорошей погоды. Помоги въ лѣсъ зайти и обратно выйти. Чтобы звѣрь показался лицемъ и шерстью. Ежели пойдемъ на рѣку, то пусть въ рѣкѣ будетъ рыба. Пусть попадаются бобры и ловятся выдры. Когда случится идти мимо берлоги, то увидѣть бы медвѣдя, а при первомъ выстрѣлѣ изъ ружья, текла бы изъ него кровь и былъ бы шерсти хорошъ. По возвращеніи домой, дай Господи похвалиться удачею; съ покупателями также дай счастья быть знакомымъ и торговаться. Великому Государю, пособи Господи, подать заплатить.

Крещеные вотяки очень оригинальны по исполненію церковныхъ обрядовъ. Такъ, они постоянно переставляютъ свѣчи отъ одного образа къ другому и недозволяютъ вынимать огарки, а уносятъ ихъ съ собою для другаго раза.

Во время праздниковъ, вотяки, возвращаясь изъ церкви или съ моленья, ѣдятъ семейно и потомъ отправляются въ гости, отъ одного сосѣда къ другому, въ полупьяномъ видѣ, вовсе забывая свой домъ, который остается безъ присмотра иногда цѣлую недѣлю.

При семейной ѣдѣ, въ праздникъ соблюдаются также нѣкоторые обряды. На столѣ стоитъ каравай хлѣба, пиво и кумышка. Хозяинъ садится на завѣтный стулъ, единственный въ домѣ, изготовленный имъ для себя до бракосочетанія. Затѣмъ онъ отрѣзываетъ верхушку каравая себѣ, а всѣмъ остальнымъ изъ семьи по тоненькому кружечку. Также отливаетъ въ каждую деревянную чашку кумышку. Послѣ того хозяинъ беретъ любимаго члена семейства подъ руку и съ хлѣбомъ и съ чашкою выходитъ изъ избы помолиться Инмару. По возвращеніи его назадъ, онъ снова садится, и тогда всѣ имѣютъ право ѣсть и пить. Угощая друзей, послѣдніе пьютъ не раньше какъ послѣ того, какъ хозяинъ нѣсколько отопьетъ. Тоже затѣмъ дѣлаетъ гость, и такъ помаленьку, какъ бы пробуя вкусъ, допивается чашка съ той и съ другой стороны до конца и снова наполняется. Тоже повторяетъ хозяинъ со всякимъ гостемъ, и потому подъ конецъ угощенія не слѣдуетъ удивляться его безобразію и безпамятству.

Не смотря, однакоже на всю простоту и неразвитость религіи вотяковъ, нравы ихъ все-таки отличались всегда большою строгостью. Честность и трудолюбіе, напримѣръ, всегда были присущими имъ качествами.

Нельзя только сказать того же развѣ о нравахъ вотяцкихъ дѣвушекъ, которымъ до замужества ихъ предоставлена полная свобода, и которыя большую часть своего времени проводятъ въ играхъ и забавахъ съ вотяцкой молодежью. Такъ, время бѣленія холстовъ, для вотяцкихъ парней и дѣвушекъ есть время забавъ и игрищъ, потому-то бѣленіемъ холстовъ и занимаются преимущественно незамужнія вотячки. Онѣ выбираютъ для этого болѣе обширный лужокъ, около рѣчки или ручья, и сходятся сюда со всей почти деревни. Днемъ на лужкѣ бываетъ тихо: тогда можно увидать чуть 5 или 6 дѣвушекъ, лѣниво намачивающихъ или разстилающихъ по травѣ холсты, между тѣмъ какъ прочія дѣвушки спятъ, потому что вся ночь прошла у нихъ въ играхъ и забавахъ. Съ закатомъ солнца лужокъ начинаетъ оживляться: сюда приходятъ парни, дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни и играть въ хороводы, а иногда и въ горѣлки. Здѣсь можно увидѣть ту свободу нравовъ, какой нельзя встрѣтить нигдѣ. Только предъ восходомъ солнца парни расходятся по домамъ, а дѣвушки ложатся спать. И такъ, пока бѣлятся у нихъ холсты, онѣ постоянно ночуютъ на лужкѣ. Осенью, по окончаніи

уже всѣхъ полевыхъ работъ, вотяцкія дѣвушки принимаются прясть и сходятся для этого въ бани. Въ каждую баню набивается по стольку парней и дѣвушекъ, сколько ихъ можетъ помѣститься безъ тѣсноты. Сходбища эти бываютъ вечеромъ. Сначала дѣвушки прядутъ и поютъ пѣсни, а парни или играютъ на гармоніи, или валяются на полкѣ. Когда же наступаетъ пора расходиться, одинъ изъ парней неожиданно гаситъ горящую лучину между рукавицами и вся компанія расходится по парно.

Замужнія же вотячки, напротивъ, отличаются большою строгостью нравовъ. На нихъ и у мужчинъ вотяковъ совсѣмъ иной взглядъ, чѣмъ на незамужнихъ.—Вотякъ самъ охотнѣе женитъ сына на той дѣвушкѣ, у которой уже есть дѣти, въ особенности мальчики, и всякій мужъ любитъ этихъ дѣтей, какъ своихъ собственныхъ. Вотяки философствуютъ объ этомъ по своему: «что, говорятъ они, жонитца на такой дѣпко, у куторова рибято нѣтъ; мы беромъ жону не для забавки, а семья штобы больше была. Безъ семья худо бываетъ житья».

Вотяки часто принимаютъ къ себѣ въ дѣти даже совсѣмъ посторонихъ мальчиковъ, чьихъ нибудь сиротъ и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о своихъ кровныхъ. «Ево ошшо больше надо жалѣть», говоритъ вотякъ о пріемышѣ, — матери нѣтъ, «такъ кто ево пожалѣетъ?»

Въ жены себѣ вотяки рѣдко берутъ изъ одной съ собою деревни, а по большой части верстъ за 10 и даже болѣе. Почему у нихъ такъ дѣлается, они и сами не знаютъ, а говорятъ только, что старики ихъ такъ дѣлали.

Невѣсту сватаетъ, обыкновенно, кто нибудь изъ родныхъ жениха—отецъ или дядя. Случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ, какая будетъ у него жена.

Какъ свадьба, такъ и самый бракъ вотяковъ, имѣютъ свой особый оттѣнокъ и достойны полнѣйшаго вниманія по характеристичности взгляда вотяковъ на этотъ предметъ. Выдавая за мужъ дочь, либо вводя въ домъ невѣстку, та и другая причиняютъ вотяку и горе, и радость. На приданое дочери и на угощеніе нужны расходы, въ наименьшемъ размѣрѣ до 20 р. с. Если сынъ женится, то это стоитъ еще дороже, такъ какъ калымъ доходитъ до 60 р. с. Тутъ однако же та выгода, что въ семью вступаетъ лишняя работница, чему нельзя не радоваться вотяку; но скудныя средства не всегда дозволяютъ копить столько, сколько потребно для совершенія брака. Кромѣ того, вотяки слишкомъ дорожатъ исключительно такими женщинами, которыя способны къ дѣторожденію, мало уважая бездѣтныхъ. Такъ какъ они такую способность почитаютъ за главную въ женѣ, то не рѣдко живутъ съ дѣвицами до брака и женятся лишь тогда, когда она дѣлается беременною. Разумѣется, что этому препятствуютъ какъ духовныя, такъ и полицейскія власти, но вотяки того убѣжденія, что гораздо было бы выгоднѣе лучше и проще, украсть жену безъ калыма и жить съ нею безъ всякаго брака. Способная къ дѣторожденію женщина почитается у вотяковъ одинаково какъ у чувашъ. Она имѣетъ голосъ, помогаетъ мужу во всѣхъ работахъ, смотритъ за скотиною и воспитываетъ дѣтей. На послѣднее обстоятельство мужья обращаютъ особенное вниманіе, обвиняя во всемъ мать, если дѣти къ работѣ лѣнивы. Уже съ пяти лѣтъ ихъ заставляютъ помогать отцу. Бывали случаи, что вотяки бросали своихъ женъ изъ за лѣности дѣтей. Такое практическое направленіе вотяка ясно обрисовываетъ все, къ чему онъ стремится, чего онъ желаетъ, что думаетъ и какъ смотритъ вообще на человѣка и свое семейство.

Свадьба совершается похищеніемъ или сговоромъ, Въ первомъ случаѣ женихъ, сговорившись заранѣе съ невѣстою, назначаетъ день-часъ и мѣсто. Въ этотъ день, угостивъ всю свою родню до пьяна кумышкою, онъ въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ мужчинъ отправляется верхомъ за невѣстою. Пріѣхавъ, сажаетъ ее, какъ у чувашъ,

верхомъ и ведетъ подъ поводья къ себѣ домой. Невѣста во время дороги весела и спокойна, но, подъѣзжая къ дому своего будущаго мужа, начинаетъ плакать, выть, просить отпустить ее, обращаясь то къ жениху, то къ поѣзжанамъ. Войдя въ избу, повторяется то же самое: она кидается во всѣ стороны, умоляетъ защитить ее, пока, угомонившись нѣсколько и угостившись кумышкою, ее не запрутъ въ амбаръ или чумъ. Родители ея, узнавъ о похищеніи, верхами пріѣзжаютъ въ деревню, вламываются съ шумомъ и съ полнѣйшимъ неудовольствіемъ въ избу, причемъ начинается общій переполохъ, кончающійся тѣмъ, что родня невѣсты узнаетъ, гдѣ она сидитъ. Тогда отецъ ея подходитъ къ двери чума и спрашиваетъ, желаетъ ли она остаться тутъ и хорошо ли ей жить. Невѣста отвѣчаетъ, хотя и не совсѣмъ хорошо, но для милаго она готова остаться. Тогда начинается мировая, угощеніе кумышкою, стоворъ о калымѣ и приданомъ.

Если сватовство дѣлается не насильственно, то сватъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и уже возвращается не раньше, какъ сосоставъ невѣсту. Когда всѣ уговоры кончены, то невѣста подаетъ кумышку и двѣ чашки, которыя выпиваются отцомъ и сватомъ до половины. Потомъ обѣ оставшіяся половины кумышки въ чашкахъ сливаются въ одну и все подносится невѣстѣ, которая въ знакъ согласія выпиваетъ ее залпомъ. Сосватавъ, женихъ ѣздитъ каждый день къ невѣстѣ и привозитъ ей подарки въ родѣ полотенца, рубашки, краснаго платка.

Свадьбы бываютъ въ свободное отъ занятій время, большею частью за недѣлю до масляницы, одна за другою. Въ этотъ день собираются всѣ поѣзжане въ домъ жениха, разукрасивъ своихъ лошадей лентами, привѣсивъ бубенчики и шаркуны. Чтобы лошади во время свадьбы не дремали, что почитается за дурной знакъ, ихъ въ этотъ день не кормятъ. Верхами, въ кибиткахъ и въ другихъ повозкахъ, отправляются всѣ къ невѣстѣ. Но при этомъ вся послѣдующая церемонія только въ такомъ случаѣ бываетъ при женихѣ, если невѣста не украдена, иначе ее привозятъ къ жениху, въ сопровожденіи свахи и дружки. Подъѣзжая ко двору невѣсты, дружка спрашиваетъ дома ли она, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, отъѣзжаетъ со всѣми обратно. Не доѣзжая до деревни жениха, поворачиваютъ назадъ въ предположеніи, что невѣста гдѣ нибудь спряталась. Въѣхавъ на дворъ невѣсты, всѣ начинаютъ ее искать и наконецъ выводятъ посреди двора, гдѣ начинается нескончаемый плачъ и вой. Тогда подходитъ къ ней женихъ, даритъ чѣмъ нибудь, либо обѣщаетъ купить на передникъ, головной уборъ и т. п. Но невѣста не успокоивается и на всѣ доводы отвѣчаетъ однимъ плачемъ. Потомъ она начинаетъ прощаться со всякою вещью, со всякимъ предметомъ, который увидитъ или вспомнитъ, благодаритъ отцовскихъ лошадей за хорошую ѣзду, корову за молоко и т. д. Если это прощанье и завываніе продолжается слишкомъ долго, то женихъ вмѣстѣ съ дружкою кладутъ невѣсту лицемъ къ землѣ покриваютъ ее подушкою и стягаютъ по ней возками, что и укрощаетъ эту печально-смѣшную сцену. Послѣ того она входитъ въ избу, женихъ наливаетъ въ чашку кумышку и подаетъ ей, вмѣстѣ съ подарками, которые принимаетъ невѣста на колѣняхъ. За тѣмъ запрягается тройка, и женихъ съ невѣстою въ сопровожденіи поѣзжанъ, объѣзжаютъ всю деревню. На другой день, а большею частію вечеромъ, бываетъ свадьба. Передъ отправленіемъ въ церковь, либо въ деревню жениха, у дѣвицъ вотячекъ обыкновеніе дарить невѣсту разными предметами. Иногда послѣ этого слѣдуетъ вколачиваніе монетъ по четыремъ угламъ стола. У крещеныхъ благословеніе родителей сопровождается иконою, а у некрещеныхъ мать кладетъ руки на голову и воетъ надъ дочерью нестерпимо долго. Потомъ дочь садится на лавку, поплачетъ, поклонится всѣмъ, выходя изъ избы садится на порогъ, также плачетъ, тоже повторяется на крыльцѣ, послѣ чего, снова перецѣловавъ всѣхъ и простившись со всѣми, усаживается на повозку и ѣдетъ къ жениху.

По пріѣздѣ въ домъ жениха начинается пиръ, состоящій въ угощеніи главнымъ образомъ пивомъ и кумышкой и въ сопровожденіи доморощенной музыки: гармоніи, балалайки и пузыря. Въ это время поютъ разныя нескладныя пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Мы взяли красную манишку,
А сами оставили черную.
Мы отдали со шляпу,
А взяли въ цѣлый сундукъ.
Мы отдали съ сундукъ,
А взяли съ цѣлый амбаръ.
Мы пріѣхали по рябчиковой дудочкѣ,
Мы прибыли по тропинкѣ векшей.
Мы прибыли сюда по такованью глухаря,
Мы внизъ спустились на маленькой лодкѣ,
А къ верху поднялись на большой.
Войной пришли и взяли!
Цѣлыхъ десять недѣль ѣздили;
Ѣздили да свое взяли!
Весь городъ тамъ былъ,
Весь базаръ тамъ стоялъ,
А мы только семеро, пришли и взяли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ танцуютъ по своему, кружась, прищелкивая и шумя до буйства и драки.

На третій день молодые ѣздятъ къ родителямъ невѣсты, привозятъ имъ подарки въ видѣ холста или лаптей, если бѣдны, причемъ установлено обычаемъ, чтобы молодая была какъ можно развязнѣе и бойчѣе.

Послѣ замужества вотячки нѣсколько измѣняютъ и свой костюмъ.

Нынѣ вотяками перенято уже многое изъ русской культуры, и всего больше, кажется, изъ русской пѣсни. Національныхъ пѣсенъ они почти совсѣмъ не имѣютъ, а поютъ постоянно русскія, хотя, конечно, въ сильно исковерканномъ видѣ. Собственная же вотяцкая пѣсня состоитъ обыкновенно изъ однихъ только заунывныхъ и крайне однообразныхъ припѣвовъ, въ родѣ слѣдующаго: «ай—дай», «до—шу», «ай—ай» и т. п.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что общественный и частный бытъ вотяковъ носитъ еще на себѣ слѣды самобытности, и какъ ни упорно держатся въ самомъ характерѣ ихъ нѣкоторыя своеобразныя черты,— но и на нихъ успѣло уже сильно отразиться вліяніе русской образованности, и отъ какихъ бы причинъ ни зависѣла нѣкоторая неподатливость вотяковъ къ сближенію съ господствующею народностью, во всякомъ случаѣ надалеко то время, когда и вотяцкое племя окончательно сольется съ великою русскою семьею.

XIII. ЗЫРЯНЕ.

Природа страны, характеръ народа и его бытъ.

Обширный сѣверовосточный край Русской земли изстари населенъ былъ инородцами, извѣстными у русскихъ подъ именемъ — «Зырянъ», «Пермяковъ» и «Вотяковъ»,— которыхъ ученые включаютъ въ составъ многочисленныхъ финскихъ племенъ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ зыряне вмѣстѣ съ вотяками и пермяками (послѣдніе почти уже исчезнувшее теперь племя) составляютъ особую группу, извѣстную между учеными подъ названіемъ «Біармской» или «Пермской». Наши предки — славяне давали всѣмъ этимъ тремъ племенамъ также общее названіе «Пермь» или «Чудь заблудящая». Послѣдній эпитетъ объясняется бродячимъ образомъ жизни, какой вели эти инородцы, скитаясь по лѣсамъ и занимаясь звѣроловнымъ и рыболовнымъ промыслами; сами же зыряне, вотяки и пермяки до сихъ поръ называютъ себя общимъ именемъ «коми».

Изъ всѣхъ трехъ пермскихъ народовъ, особенно выдающимся племенемъ всегда были зыряне, населяющіе сѣверовосточную часть Вологодской губерніи и смежныя съ нею части Архангельской и Вятской губерній. Правда, племя это не многочисленно всего около — 90,000 душъ, но оно занимаетъ огромную страну, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Край зырянскій холоденъ и непріютенъ, но богатъ своеобразными произведеніями природы: лѣсомъ, дичью, пушнымъ звѣремъ и рыбою, и по своему географическому положенію находится на рубежѣ Европы и Азіи, между европейскими и сибирскими народами. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія, занятаго издавна зырянами, изъ нихъ и выработалось также во многихъ отношеніяхъ замѣчательное племя.

Слово «зыряне» русское. До сихъ поръ еще между чисто русскими обитателями Вологодской губерніи употребляется слово «зыря». Зырей тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго; «все вызырилъ», говорятъ вологжане; мнѣ не оставилъ — экой зыря. Поэтому, надобно полагать, что слово «зыряне» произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго имъ русскимъ, все равно, какъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершебдами», устюжанъ — «красноязыкими», вологжанъ — «телятниками» и т. под. Очень можетъ быть даже, что названіе «зыряне» дано имъ вслѣдствіе особеннаго пристрастія ихъ къ своему любимому напитку: «сурь» (зырянское пиво).

Сами себя зыряне называютъ «коми-мортъ», когда говорятъ объ одномъ человѣкѣ, и «коми-войтыръ», когда рѣчь идетъ о цѣломъ зырянскомъ народѣ. «Коми-мортъ» значитъ по русски — «зырянинъ человѣкъ», а «коми-войтыръ» — «зырянскій народъ», населяющій сѣверную, полунощную страну.

Время появленія зырянъ на сѣверовостокѣ Россіи, равно какъ и первоначальная родина ихъ, до сихъ поръ остаются невыясненными. Извѣстно только, что назадъ тому около X вѣковъ племя это уже населяло обширныя прикамскія земли и отдаленный Печерскій край. Отважные норманскіе мореходцы, часто посѣщавшіе берега Бѣлаго моря и сосѣднія съ нимъ страны, встрѣчались уже съ этимъ племе-

немъ, съ предками нынѣшнихъ зырянъ, и даже заводили съ ними торговлю пушнымъ товаромъ. Страну, населяемую ими, норманы прозвали «Біарміей», что, по толкованію ученыхъ, значитъ по русски, «страна огненной бѣлки». Изъ слова «Біармія» образовалось впослѣдствіи и русское слово «пермь».

За норманами появляются въ Біарміи смѣлые новгородскіе промышленники, имѣвшіе такое огромное вліяніе на весь сѣверъ и сѣверовостокъ Россіи.

Во времена Нестора новгородцы—Улѣбъ и Гюряти Роговичъ заходили даже въ пермскую страну къ Уральскимъ горамъ, о которыхъ они разсказывали дома много разныхъ диковинокъ. Между прочимъ Гюряти Роговичъ утверждалъ, что горы эти такъ высоки, что своими каменными вершинами разрываютъ проходящія надъ ними облака, и что за этими горами живетъ странное племя «югра», которое имѣетъ «языкъ нѣмъ», и которое прорубило въ горахъ «малое оконце» и оттуда даетъ знакъ руками, прося желѣза и предлагая въ обмѣнъ пушныхъ звѣрей.

Разсказъ этотъ, записанный Несторомъ, отчасти намекаетъ уже на ту знаменательную роль, какую встарину призвано было играть на сѣверовостокѣ Россіи зырянское племя.

Изъ приведеннаго разсказа Гюряти Роговича само собою вытекаетъ, что прикамскіе и печерскіе обитатели вели дѣятельныя торговыя сношенія съ зауральскими дикарями, и что зыряне, какъ племя наиболѣе отличающееся до сихъ поръ торговою предпріимчивостью, играло первенствующую роль въ этихъ сношеніяхъ съ сибиряками, и они-то вѣроятно прорубили то окно изъ Сибири въ Европу, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ. Значеніе этого факта намъ вполнѣ будетъ понятно, если мы припомнимъ, что по слѣдамъ прикамскихъ обитателей новгородцы успѣли проникнуть въ Сибирь, а съ ними вмѣстѣ проникла въ эту глухую страну и русская образованность.

Занимая выгодное положеніе посредниковъ между богатою Сибирью и предпріимчивыми европейцами и поставленные среди своеобразныхъ богатствъ собственнаго края, зыряне тѣмъ самымъ и привлекли къ себѣ чуткихъ до торговыхъ интересовъ норманъ и новгородцевъ.

Разсчетъ заставилъ послѣднихъ перейдти вскорѣ къ болѣе опредѣленнымъ видамъ на богатый зырянскій край. Въ продолженіи XII и XIII вѣковъ на Камѣ стали появляться одни за другими смѣлые новгородскіе «ушкуйники», стремясь уже подчинить себѣ въ политическомъ отношеніи прикамскихъ обитателей. Есть указанія на то, что зыряне въ числѣ прочихъ пермскихъ народовъ, долго оказывали упорное сопротивленіе домогательствамъ новгородцевъ; но въ концѣ концовъ должны были уступить, обязавшись передъ ними платою дани, состоявшей изъ пушнаго товара.

Съ переходомъ новгородскихъ земель къ Московскому княжеству, зырянскій край подпалъ окончательному вліянію Москвы и ея культорно-христіанскихъ стремленій. Въ 1376 году изъ Москвы прибылъ въ Печерскую страну св. Стефанъ, и началъ здѣсь проповѣдывать христіанство между зырянами, поклонявшимся въ то время каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, между которыми главнымъ считался «Саръ-ань» (золотая баба). Не смотря на упорное сопротивленіе зырянскихъ жрецовъ, св. Стефанъ въ продолженіе 30 лѣтъ успѣлъ навсегда утвердить между зырянами православную христіанскую вѣру и тѣмъ способствовалъ наибольшему сближенію съ русскими этого способнаго племени, полнѣе всѣхъ прочихъ пермскихъ народовъ воспринявшаго русскую образованность.

Но и до настоящаго времени бытъ и занятія зырянъ отличаются большою оригинальностью и продолжаютъ носить на себѣ еще слѣды нѣкоторой самобытности, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ вліянія той крайне-своеобразной природы, среди которой принуждено вращаться зырянское племя.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь

зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ — невысокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ—густымъ и достигающимъ огромныхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, и только кое-гдѣ мелькаютъ зырянскія деревеньки съ окружающими ихъ полями. Страшный холодъ—зимою и нестерпимый жаръ—лѣтомъ, болота и комары составляютъ главныя неудобства жизни въ этой непріютной странѣ, а въ обиліи лѣсовъ, луговъ, дичи, пушныхъ звѣрей и рыбы заключаются главныя богатства зырянскаго края.

Занятія зырянъ и сосредоточены преимущественно на охотѣ и рыбной ловлѣ. Зырянинъ —охотникъ по природѣ. Въ охотѣ заключаются главныя средства къ его существованію и въ ней же его—поэзія. Даже зырянскія дѣти уже съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ употребленію ружья, и мальчикъ—зырянинъ не скажетъ отцу, когда тотъ оберется въ городъ, «купи гостинцу», а говоритъ «купи ружье». Получивъ этотъ подарокъ, онъ обѣгаетъ съ нимъ еще лѣтомъ всѣ окрестные лѣса. Взрослый же зырянинъ, подъ осень, беретъ съ собою винтовку, замѣчательно грубой работы, собаку крупной, некрасивой породы, «нарты», т. е. легкія длинныя санки и маленькій компасикъ «матку», становится на лыжи и надолго отправляется рыскать по несконченымъ хвойнымъ лѣсамъ. Ходятъ зыряне на охоту, обыкновенно, небольшими партіями отъ 2 до 5 человѣкъ, иногда верстъ за 500 отъ своей деревни.... И нужно видѣть тѣ безчисленные хитро-прилаженные приборы, съ помощью которыхъ они добываютъ разныхъ бѣлокъ оленей, лисицъ, песцовъ, волковъ, медвѣдей, рябчиковъ, тетеревей, утокъ, куропатокъ, лебедей и проч., чтобы имѣть понятіе объ остроуміи и изобрѣтательности зырянъ!

Но нужно знать также о богатствѣ ихъ края пушными звѣрями, а въ особенности бѣлками и разною дичью, чтобы попять всю страсть зырянъ къ охотѣ.

Немудрено, что зыряне, съ колыбели окруженные подобною природою, всѣ свои заботы сосредоточиваютъ, главнымъ образомъ, на охотѣ, а также на рыбной ловлѣ. Земледѣліемъ же они мало занимаются, тѣмъ болѣе, что край ихъ далеко неблагодарный въ этомъ отношеніи. Недаромъ у нихъ сложилась пословица: «Дышь, да агзася»—«лѣнь, да борона».

Ижемскіе, или печерскіе зыряне занимаются, кромѣ того, оленеводствомъ. Между ижемцами есть хозяева, которые имѣютъ стада оленей, въ 2 и 3 тысячи головъ. Но, хитрые и предпріимчивые, ижемцы часто эксплуатируютъ при этомъ простодушіе печерскихъ самоѣдовъ, перекупая за безцѣнокъ ихъ безчисленныхъ оленей и закабаливая иногда ихъ самихъ въ пастухи къ собственнымъ стадамъ.

Впрочемъ, между зырянами далеко не всѣ отличаются подобными наклонностями. Отъ соприкосновенія съ русскими и ихъ культурою, многіе изъ зырянъ нѣсколько измѣнились не только по характеру, но и по наружности. Только обитатели такихъ глухихъ мѣстностей, какъ Печерскій и Удорскій край, болѣе или менѣе сохранили въ чистотѣ первоначальный зырянскій типъ. Въ наружности истаго зырянина—какого нибудь удорца или ижемца—проглядываютъ чистоплеменныя черты: средній ростъ, черный цвѣтъ жесткихъ и необыкновенно густыхъ волосъ, смуглость кожи, орлиный носъ, нѣсколько выдавшіяся скулы и узкіе черные или каріе глаза, смотрящіе робко и обличающіе смѣтку и энергію въ ихъ обладателѣ. Зыряне же, живущіе вблизи большихъ людныхъ дорогъ и смѣшавшіеся съ русскими, имѣютъ волосы, большею частію, русые, глаза свѣтлые, ростъ средній, тѣло бѣлое и ровный, живой, открытый нравъ.

Но умственныя способности вообще у всѣхъ зырянъ болѣе или менѣе одинаковы и, нужно замѣтить, весьма замѣчательныя. Они остроумны, находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Зырянскіе мальчики, при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и

письму, а особенно бойкому счисленію и разговорной русской рѣчи. Многіе изъ зырянъ славятся также, какъ искусные рабочіе на петербургскихъ и московскихъ фабрикахъ. Но главнымъ образомъ ихъ способности и дарованія направлены, какъ мы уже упоминали выше, на охотничьи и рыболовные промыслы, въ умѣньи вести которые зырянинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Къ занятію охотою, лѣсованьемъ, чрезвычайно остроумно приспособленъ даже костюмъ зырянина. Зырянскій охотникъ одѣвается въ короткій, по колѣно кафтанъ изъ бѣлаго грубаго сукна, съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ оленьей кожи; на плечи надѣваетъ «лузанъ» — родъ кофты безъ рукавовъ — изъ полосатаго зырянскаго сукна, съ наплечниками и карманами. На широкомъ ремнѣ надѣтомъ поверхъ кафтана, виситъ длинный охотничій ножъ; къ спинѣ, къ лузану, особою скобкою прикрѣпленъ топоръ; въ рукахъ: въ одной—винтовка, въ другой—лопатка съ загнутымъ концомъ, съ помощью которой онъ обиваетъ въ лѣсу снѣгъ съ вѣтвей и спускается съ кручей овраговъ. На головѣ носитъ четыреугольную шапку изъ бѣлаго же сукна, прикрѣпленную къ воротнику лузана, чтобы она не могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лыжахъ по снѣжной равнинѣ... У него и чулки и портянки приноровлены къ этому способу передвиженія; на ноги надѣваетъ онъ легкіе башмаки «*чутъ-комъ*», изъ невыдѣланной кожи, съ заостренными носками, прикрѣпленные къ ступнѣ снурками.

Зырянскіе же крестьяне носятъ бѣлую холщевую рубаху съ большимъ воротникомъ, застегнутымъ иногда на мѣдную пуговицу. Рубаха опоясывается узкимъ шерстянымъ поясомъ, къ которому спереди привѣшивается маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный мѣшечекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія огнива, трута, сѣрныхъ спичекъ, иголки съ нитками. Принадлежность эта (*«бив авотлукъ»*) необходима для предусмотрительнаго зырянина.—Штаны носитъ онъ холщевые, какъ и у русскихъ; на ногахъ—коты изъ телячьей шкуры, шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою. Сверху надѣваютъ лѣтомъ холщевый же кафтанъ, подпоясываемый кожанымъ поясомъ, а зимою—овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ.

Нѣкоторые изъ зырянъ носятъ зимою поверхъ всего еще «малицу»—длинную мѣшкообразную одежду, сшитую изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, съ прикрѣпленными къ рукавамъ ея рукавицами, а къ воротнику—шапкою. Зырянина, одѣтаго въ эту «малицу», не можетъ пробрать никакой холодъ.

Женскій зырянскій костюмъ почти весь русскій: холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами, ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго спущены ниже стана.

Живутъ зыряне также какъ и русскіе—деревнями. Селенья ихъ очень рѣдкія, но большія и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Дома расположены почти всегда неправильно.

Избы зырянскія (*«керки»*),—обыкновенно большія и строятся всегда изъ сосноваго лѣсу. Къ лицевой сторонѣ «керки» пристраивается крыльцо, которое ведетъ въ сѣни, раздѣляющія «керку» на двѣ половины — черную и чистую. Черная половина по своему устройству и внутреннему убранству почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной русской курной избы и назначается всегда для житья семейства. Другая половина устраивается нѣсколько иначе и назначается преимущественно для пріема гостей и для справленія праздниковъ. Въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Но нужно замѣтить, что «керки» вообще не отличаются опрятностью.

Къ «керкѣ» прилегаетъ, обыкновенно, дворъ и разныя хозяйственныя пристройки.

Пища зырянъ также не особенно прихотлива. Хлѣбъ у нихъ всегда ячный, каша ячная, щи (*азяшидъ*) съ ячневымъ же, но не-

много толченымъ зерномъ, со свининой, или дичью — въ скоромные дни, и съ рыбою — въ постные. Рыба любимая пища зырянъ, а также ячный пирогъ съ рыбою (*черинянь*). До хлѣба же они небольшіе охотники, и въ неурожайные годы довольно равнодушно замѣняютъ его пихтовой корой, молодыми отростками ели или просто — мохомъ. Любимый же напитокъ ихъ — пиво (*сурэ*), котораго они могутъ выпивать огромное количество.

Зыряне отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Они растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяина нашелъ въ домѣ и пріютъ и пищу. Зырянинъ не отпуститъ его, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, и никогда не возьметъ за это платы.

Вообще зыряне далеко не лишены и чувства человѣколюбія и нѣкотораго добродушія. Многіе приводятъ примѣръ, что если сгоритъ у зырянина домъ, то владѣлецъ его не будетъ отчаиваться выстроить новый, будучи вполнѣ увѣренъ, что сосѣди помогутъ ему обзавестись новымъ. При этомъ зыряне отличаются еще честностію, по истинѣ патріархальною. Въ глухихъ мѣстахъ зырянскаго края до сихъ поръ совсѣмъ и не знаютъ что такое замки. Если хозяинъ дома почему либо не пожелаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей «пасъ», т. е. коромысло, или просто палку наискось — и это служитъ лучше всякаго замка.

Подобная патріархальность нравовъ можетъ быть зависитъ отчасти отъ религіозности зырянъ, которые весьма набожны. Во всякомъ, сколько нибудь значительномъ зырянскомъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда по праздникамъ и старый, и малый собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. На перекресткахъ дорогъ повсюду виднѣются деревянные кресты. Первую убитую утку зырянинъ жертвуетъ обыкновенно священнику, а послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, извѣстная часть добычи отдается въ церковь. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола св. Стефана доказываютъ также воспріимчивость ихъ чувства вѣры. Но, разумѣется, зыряне далеко еще не освободились отъ нѣкоторой грубости въ своихъ вѣрованіяхъ и въ способахъ ихъ выраженія.

Совсѣмъ оригинальный нечистый духъ, вполнѣ уже принадлежащій зырянскому вымыслу, это — «*Ортъ*» — духъ, обитающій въ воздухѣ. Зыряне думаютъ, что у каждаго человѣка есть свой собственный «ортъ». Какъ только родится человѣкъ, сейчасъ же къ нему приставляется спеціальный «ортъ». Предъ смертью своего бреннаго компаньона «ортъ» самъ принимаетъ видимый образъ и является тому, кого ждетъ смерть, обыкновенно за которой нибудь изъ его работъ. Если долженъ умереть, напр., мужчина, то «ортъ» является за ружьемъ, за силками съ капканомъ, или за бороною и проч.; а если ждетъ смерть женщину, то онъ берется за веретено, сковородникъ, за горшки и. т. д. Кромѣ обязанности предсказывать смерть, онъ долженъ еще обойти всѣ мѣста, которыя при жизни посѣтилъ умершій. Поэтому зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины, возвратясь домой, говоритъ: «Ортъ» туй то тали-жо»! т. е. ну сдѣлалъ же я дорогу «Орту»! — «Ортъ» считается, впрочемъ добрымъ духомъ.

Сверхъ того, зырянамъ знакомы въ точности и такіе вымыслы русской фантазіи, какъ «порча», «оборотни», «вѣдьмы» и «колдуны». Въ особенности много въ зырянскихъ деревняхъ «колдуновъ», или, какъ говорятъ, зыряне, «еретниковъ», которыхъ они сильно побаиваются, особено при справленіи свадебъ. Зыряне думаютъ при этомъ, что мертвые колдуны гораздо хуже живыхъ. Они постоянно, по ихъ мнѣнію, покидаютъ могилы и надоѣдаютъ всѣмъ просьбами, чтобы о нихъ почаще служили панихиды, а въ Великой Четвертокъ «еретники» эти встаютъ изъ могилъ и грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей.

Предразсудковъ между зырянами ходитъ множество и они

почти всѣ заимствованы отъ русскихъ. Нѣкоторою оригинальностью отличается у нихъ слѣдующій предразсудокъ: чтобы хозяйственныя дѣла въ теченіе года шли успѣшнѣе, зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всѣ работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чешутъ ленъ и т. д., а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги.

Множество русскихъ семейныхъ обрядовъ и обычаевъ также цѣликомъ перешло къ удивительно переимчивымъ зырянамъ. Подъ осень у нихъ бываютъ посидѣлки—«кайтаны», на которыхъ дѣвицы прядутъ въ кругу молодежи. Святки у зырянъ сопровождаются тѣми же гаданіями и вечерами, какъ и у русскихъ.

Свадьбы свои зыряне справляютъ рѣшительно по русскимъ обычаямъ. Только на каждую свадьбу они считаютъ непремѣнною обязанностью приглашать одного или двухъ колдуновъ, чтобы предотвратить обращеніе всего свадебнаго поѣзда въ волковъ.

Похороны зырянскія проходятъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. Нужно только замѣтить, что зыряне до крайности боятся мертвыхъ и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе. Никто изъ нихъ не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ же послѣ смерти увозятъ въ церковь, при которой оставляютъ даже дровни, на которыхъ привезли гробъ.

Зырянинъ любитъ повеселиться, оттого-то можетъ быть такъ и противна ему смерть. Чтобы видѣть, какъ беззавѣтно способенъ онъ предаваться веселью, для этого нужно заглянуть въ какую нибудь зырянскую деревню въ день храмоваго праздника. Шумъ, пѣсни и драки—необходимыя принадлежности зырянскихъ праздниковъ;—такъ что даже небезопасно проѣзжать въ эти дни разгула по зырянскимъ деревнямъ. Впрочемъ, утро праздничнаго дня зыряне проводятъ чинно, за обѣдней.

Подгулявшій зырянинъ всегда бываетъ нѣсколько опасенъ вслѣдствіе вспыльчивости, подозрительности и мстительности — чертъ, вообще свойственныхъ его характеру и составляющихъ, можетъ быть, еще неуспѣвшее изгладиться въ немъ наслѣдіе полудикой жизни прадѣдовъ. Впрочемъ, наслѣдіе это начинаетъ уже принимать иныя, болѣе мягкія формы, и прежняя подозрительность и мстительность проявляются теперь больше всего въ страсти зырянъ—судиться. Дѣйствительно, въ рѣдкой странѣ сутяжничество достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то— правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его чрезъ всѣ возможныя инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжему чиновнику, и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не разорится.

Вышеупомянутая-же наклонность зырянъ къ употребленію вина объясняется столько-же стремленіемъ ихъ къ веселью, сколько и суровостью и непріютностью той природы, среди которой они проводятъ всю свою жизнь. Большую часть времени года зырянина окружаютъ длинныя зимы съ длинными ночами, снѣга, холодъ и морозы, страшныя вьюги и мятели, среди которыхъ онъ проводитъ время часто на одиночной охотѣ, въ глуши лѣсовъ, оставаясь тутъ иногда по нѣскольку недѣль безъ теплаго угла и вдали отъ своей семьи. При такихъ условіяхъ жизни легко, конечно, поддаться вліянію какого-нибудь возбуждающаго или согрѣвающаго напитка, какъ это и случается съ зырянами. Но тутъ-то и высказывается снова умъ и смѣтливость этихъ сѣверянъ, не столько полагающихся въ упомянутыхъ случаяхъ на силу вина, всегда разрушительнаго, сколько на такія простыя средства, какъ баня и вѣникъ.

Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, то значеніе, какое имѣютъ эти бани въ быту зырянъ, чтобы вполнѣ оцѣнить умѣнье ихъ приноравливаться къ суровой и грозной природѣ своего края. Баня (*пывзянъ*) это насущная потребность каждаго зырянина и главное средство у него отъ всѣхъ болѣзней, въ особенности отъ «*перекрѣпу*», т. е. отъ

того состоянія, когда человѣкъ прозябнетъ отъ мороза, что называется, до костей. Бани зырянскія топятся рѣшительно каждый день, не исключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные крики: «пывзянь! пивзянь!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются въ бани, но не мыться, а только париться.

Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые, хотя-бы на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, и всегда въ однѣхъ рубахахъ, которыя снимаются у входа въ баню.

Бани, величиною отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саженей въ квадратѣ, устраиваются почти такъ-же, какъ и русскія, съ тою лишь разницею, что здѣсь полокъ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, четверти на три отъ полу. Горячей воды вовсе не приготовляется, да и холодной лишь столько —сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человѣкъ десять. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которою стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ: кто на полу поближе къ каменкѣ, кто на полкѣ, кто на лавкахъ, и то и дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается минутъ 8 или 10. Стариковъ, любящихъ такое удовольствіе, выводятъ изъ бани силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать со встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ идутъ въ баню женщины, и тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ.

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ зыряне не могутъ обходиться безъ бани. У нихъ и по лѣсамъ вездѣ поставлены «охотничьи избушки», которыя на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ тѣ-же бани и называются «пывзянями»-же. Печерскіе зыряне, застигнутые ночью въ лѣсу вдали отъ «пывзянъ», парятся на открытомъ воздухѣ, часто на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и приготовляютъ деревянныя круглыя на длинныхъ рукоятяхъ скребницы; раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницею очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла,—и затѣмъ уже ложатся спать.

Устройство подобнаго ночлега въ лѣсу, на снѣгу, подъ морознымъ небомъ, вдобавокъ послѣ горячей ванны, возможно только при изобрѣтательности зырянина же. Съ этою цѣлью устраиваетъ онъ шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей, открытый съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Затѣмъ вырубаетъ два дерева, которыя съ одной стороны выдалбливаетъ, въ видѣ корыта, и кладетъ одно на другое краями такъ, что между ними образуется пустое пространство. Полую внутренность наполняетъ раскаленными углями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только тлѣетъ, и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіе ночи,—и зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому согрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утоптанномъ и устланномъ хвоею снѣгу, между тѣмъ, какъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшанныя надъ тлѣющими бревнами.

Вотъ къ какимъ все-таки сложнымъ средствамъ иногда приходится прибѣгать зырянину, чтобы устроить себѣ какую нибудь постель, можетъ быть, всего лишь на одну ночь. На эту борьбу съ суровою природою, хотя и искусную, но безплодную, и уходитъ у него почти все время. Немудрено, послѣ этого, что зыряне, вообще отличающіеся по природѣ своей веселымъ нравомъ и успѣвшіе изобрѣсти столько остроумныхъ средствъ и способовъ для борьбы съ холодомъ и непогодою, не успѣли до сихъ поръ сложить почти ни одной пѣсни, не смотря на свою любовь къ нея. За то русскія пѣсни, наряду съ русскими же обычаями и вѣрованіями, — зыряне быстро перенимаютъ, какъ бы радуясь тому, что ихъ избавляютъ отъ лишняго труда и даютъ готовое.

Почти всѣ пѣсни, какія поются зырянами, чисто русскаго про-

исхожденія, хотя и значительно исковерканы. Это все-таки не мѣшаетъ зырянину пѣть ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. За смысломъ пѣсни, онъ, кажется, и не гонится особенно. Существуетъ, напримѣръ, нѣсколько пѣсенъ чисто зырянскаго происхожденія, но зыряне успѣли затерять смыслъ и этихъ послѣднихъ.

Поэтическое чувство у зырянъ вообще сильно развито. Это въ особенности ярко высказывается въ томъ интересѣ, съ какимъ они относятся къ русскимъ сказкамъ и загадкамъ. Зыряне слушаютъ сказку, обыкновенно стоя и всегда съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто отъ конца сказки зависитъ, по крайней мѣрѣ, ихъ судьба.

Въ дѣлѣ торговли зыряне весьма смышленный народъ; они очень хорошіе купцы, ведущіе торговлю съ мѣстами весьма далекими отъ ихъ постояннаго мѣста жительства. Въ этомъ отношеніи они очень далеко ушли впередъ отъ своихъ сосѣдей того же финскаго происхожденія какъ и они сами. При этомъ они не пренебрегаютъ никакими средствами и пользуются слабостью своихъ сосѣдей, чтобы съ выгодою обдѣлывать свои собственныя дѣла. Лучше всего это испытали на себѣ самоѣды, обитающіе на сосѣдней тундрѣ и занимающіеся оленеводствомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ эти самоѣды имѣли огромныя стада оленей и были полными хозяевами своей собственности. Нынѣ же дѣла совершенно измѣнились, и самоѣды обнищали, а зыряне, на оборотъ, обогатились на счетъ самоѣдовъ. Зыряне воспользовались тѣмъ, что самоѣды страстно любятъ водку и употребляютъ ее неумѣренно. Увидя это, зыряне начали возить на тундру крѣпкіе напитки и, пользуясь слабостью самоѣдовъ, спаивали ихъ водкою и заключали торговыя сдѣлки самые невыгодные для самоѣдовъ. За какой нибудь полуштофъ водки, да притомъ еще скверной, они скупали у самоѣдовъ хорошихъ лисицъ, песцовъ и оленей. Прошло такимъ образомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—и всѣ олени перешли къ зырянамъ, а прежній хозяинъ оленей вдругъ очутился наемнымъ пастухомъ у стада, когда-то ему принадлежавшаго, а нынѣ перешедшаго за водку къ хитрому зырянину.

Это впрочемъ относится до зырянъ, живущихъ въ Архангельской губерніи, у которыхъ жилища чисты, а въ деревняхъ каменныя церкви.

Вообще, многое въ зырянахъ доказываетъ ихъ даровитость и способность къ воспріятію высшей культуры и образованности. Но грозная природа зырянскаго края и разрозненность ихъ племени, надолго задержали умственное развитіе зырянъ. Слабые по численности и разсѣянные по громадной площади сурового сѣверовосточнаго края Русской земли, зыряне долго и безплодно убивали свои разрозненныя силы въ борьбѣ съ природою, — пока, наконецъ, не появились среди ихъ русскіе, значительно увеличившіе собою населеніе тамошней страны и внесшіе свѣжія силы въ ряды мужественныхъ борцовъ съ сѣверною природою. Безъ сомнѣнія, зыряне скоро окончательно сольются съ русскимъ народомъ и воспримутъ всю его образованность — и тогда, нужно думать, возможно будетъ окончательно побороть и суровую природу богатой печерской страны какъ нѣкогда поборолъ русскій столь же грозную природу на всей великой и обширной русской равнинѣ.

XIV. ЧЕРЕМИСЫ.

Бытъ и религіозныя вѣровзнія.

Черемисы занимаютъ, въ настоящее время, обширную часть Казанской губерніи и нѣкоторые уѣзды губерній Нижегородской, Вятской и Пермской. Племя это довольно многочисленно и доходитъ въ общей сложности до 200,000 душъ.

Черемисы, равно какъ и сосѣди ихъ — вотяки и мордва, принадлежатъ къ финскому племени. Они говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ, который по филологическому составу имѣетъ близкое родство съ прочими финскими языками, хотя и подвергся значительной порчѣ еще въ отдаленныя времена вслѣдствіе нѣкоторыхъ заимствованій изъ языковъ старинныхъ сосѣдей ихъ — болгаръ и татаръ.

Самое названіе — «черемисъ» — есть слово татарское и означаетъ — «негодный». Сами же себя черемисы называютъ, подобно многимъ другимъ финскимъ народомъ, словомъ мори или мари, т. е. «человѣкъ» или «люди».

По сказанію лѣтописцевъ, племя это обитало въ древнія времена по теченію рѣки Волги, отъ устья р. Суры до р. Камы, слѣдовательно въ нынѣшней Казанской губерніи, въ сосѣдствѣ съ древними болгарами. Черемисы того времени были народъ буйный, непокорный. Они постоянно производили набѣги на своихъ сосѣдей, въ особенности на вотяковъ; но вскорѣ, впрочемъ, сами были подчинены болгарами.

Съ конца XIII столѣтія стали появляться среди сѣверо-восточныхъ финскихъ народовъ новгородскіе выходцы «ушкуйники», которымъ удалось вскорѣ овладѣть между прочимъ черемисскимъ городкомъ *Кокшаровомъ* — нынѣ г. Котельничъ Вятской губерніи. Впрочемъ, черемисы уступили «ушкуйникамъ» только послѣ сильнаго сопротивленія, вполнѣ обнаружившаго присущее имъ чувство собственной независимости и сознанія своего народнаго бытія. Сосѣдство русскихъ послужило даже еще къ большему сплоченію черемисъ подъ властью своихъ старшинъ или князей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли мѣстопребываніе въ г. Уржумѣ, какъ объ этомъ говоритъ черемисское преданіе. Впрочемъ, имена этихъ князей и время ихъ управленія остались неизвѣстными.

Съ покореніемъ болгаръ татарами, подчинились послѣднимъ и черемисы. Ихъ зависимость отъ хановъ татарскихъ была гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вотяковъ, которые успѣли укрыться въ сѣверныхъ лѣсахъ и огородиться съ своей стороны валами и оврагами.

Въ семью русскаго народа черемисы вступили лишь со времени покоренія Казанскаго царства. При завоеваніи Казани, послѣдній черемисскій князь Балтушъ былъ убитъ ядромъ въ битвѣ съ войскомъ царя Іоанна Грознаго, и похороненъ на горѣ, которая съ того времени называется *Балтушева гора*, что въ г. Малмыжѣ.

Но и послѣ того черемисы долго не успокоились. Они принимали живѣйшее участіе въ бунтѣ казанскихъ татаръ и причинили много вреда въ особенности торговымъ людямъ, проникшимъ до пермскихъ укрѣпленій. По поводу ихъ отчаянной обороны, стойкости и неожи-

данности нападеній сложилась даже пословица: «съ одной стороны черемисъ, а съ другой—берегись».

И дѣйствительно, для укрощенія ихъ воинственныхъ порывовъ, правительство вынуждено было возвести цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городковъ, какъ-то: Уржумъ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ, Кокшайскъ, Царевококшайскъ и нѣкоторые другіе. Но и это, конечно, не могло усмирить ихъ окончательно. Въ эпоху междуцарствія черемисы хотѣли завладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но, разбитые подъ Свіягою, бросились къ Вяткѣ и навели на всѣхъ ужасъ своимъ грабежомъ и разбойничествомъ. За тѣмъ, въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, они не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ, подступая къ разнымъ городамъ и проникая до Арзамаса и Мурома. Въ бунтѣ Стеньки Разина, взволновавшаго многихъ инородцевъ, черемисы также принимали участіе. Воинственность отражается на нихъ и донынѣ въ ихъ смѣлой охотѣ, беззавѣтной, а нерѣдко и безсознательной храбрости.

Впрочемъ, въ настоящее время, не только характеръ, но и самый бытъ и даже наружность черемисскаго племени замѣтно уже измѣнились подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства русскихъ.

Черемисы дѣлятся въ настоящее время на *горныхъ (курукъ-мари* — горные люди), т. е. живущихъ на правомъ берегу Волги, и на *луговыхъ*, населяющихъ низменности по лѣвой сторонѣ этой рѣки.

Горные черемисы, окруженные почти со всѣхъ сторонъ русскими переселенцами, обрусѣли въ сильной степени и пріобрѣли наружность, не имѣющую почти ничего общаго съ національнымъ черемисскимъ типомъ. Роста они, по большей части, выше средняго; лицо индоевропейскаго очертанія, глаза каріе, волосы черные, иногда круто завивающіеся; носы тонкіе, вздернутые нѣсколько у кончика, скулы мало выдаются; зубы бѣлые, цвѣтъ лица смуглѣе, чѣмъ у русскихъ. Вообще наружность горныхъ черемисъ напоминаетъ нѣсколько цыганскій типъ. Женская фигура съ болѣе правильными очертаніями, чѣмъ у луговыхъ черемисъ. Горные черемисы разумны, воспріимчивы и работящи и не лишены русской смѣтливости, удали и прилежанія. По одеждѣ и образу жизни они также мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ.

Что же касается до луговыхъ черемисъ, то они во многомъ отличаются отъ горныхъ, не говоря уже о русскихъ, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ особенностей лѣсистой мѣстности, населяемой ими, среди которой почти отсутствуетъ русскій элементъ. По наружности эти луговые черемисы роста средняго, съ виду сухіе, тощіе, блѣдные, цвѣтъ кожи грязно-желтоватый и вообще непривлекательный; глаза узкіе, полуоткрытые, носы то сильно вздернутые, какъ у всѣхъ финновъ, то совсѣмъ приплюснутые, какъ у киргизъ; уши длинныя, скулы у многихъ сильно выдаются, щеки осунувшіяся, безжизненныя; волосы на головѣ черные и вѣчно всклокоченные; борода небольшая и рѣдкая. Они кажутся сонными и неповоротливыми; понятія ихъ очень ограниченны и тупы. Вѣчно угрюмый нравъ, равнодушіе къ опасностямъ лѣсной и бродячей жизни, наклонность къ трубкѣ и горячимъ напиткамъ, особенная привычка къ лишеніямъ въ пищѣ и теплотѣ и скупость, доходящая до отвращенія,— суть отличительныя черты характера луговаго черемиса.

Изъ всѣхъ финскихъ племенъ едва ли есть женщины болѣе непривлекательныя, чѣмъ луговыя черемиски. Цвѣтъ лица ихъ немногимъ бѣлѣе мужскаго и отчасти рыжеватый; волосы на головѣ болѣе русые, чѣмъ черные, глаза совсѣмъ подслѣповатые отъ постояннаго пребыванія у огня; очертанія фигуры грубы и угловаты.

Черемисы между собою честны, а по отношенію къ русскимъ — скрытны, недовѣрчивы, а подъ-часъ дерзки; въ нравахъ ихъ есть что-то дикое и упорное.

Но, въ то же время, черемисы, подобно другимъ финскимъ наро-

дамъ, строго придерживаются патріархальной простоты и гостепріимства. Всякій проѣзжій, знакомый и незнакомый, можетъ идти къ нимъ прямо во дворъ, безъ всякаго спроса, и найдти тамъ кормъ для лошади, ночлегъ для себя и столъ, какой только позволяетъ имѣть черемису его скупость и крайняя невзыскательность.

Занятія черемисъ вполнѣ зависятъ отъ особенностей той природы, среди которой живутъ они: ихъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ низменная, холмистая мѣстность, изрѣзанная рѣками и рѣчками и покрытая непроходимыми болотами и безконечными лѣсами (*ремень*), надъ которыми все лѣто носятся несмѣтныя тучи мошекъ и комаровъ, и которые еще не оскудѣли ни звѣремъ, ни дичью. Немудрено поэтому, что черемисъ—безпечный, дурной и лѣнивый земледѣлецъ хозяйство содержитъ онъ грязно; пашней, сѣнокосовъ и огородовъ у него мало, едва хватаетъ на прокормленіе. За то онъ отличный и смѣлый охотникъ въ громадныхъ вѣковыхъ лѣсахъ. Звѣроловство и охота за дичью составляютъ главное занятіе почти всѣхъ луговыхъ черемисъ. По цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ бродятъ они по лѣсамъ и болотамъ, отыскивая волковъ, зайцевъ, рябчиковъ и проч.; не имѣя возможности укрыться тамъ отъ комаровъ и мошекъ, возвращаются оттуда домой съ опухшею и до нельзя изуродованной физіономіею.

Многіе черемисы, кромѣ охоты, занимаются рубкою деревьевъ, ихъ сплавомъ, выдѣлкою дугъ, колесъ, оглобель и рогожъ, а также гонкою смолы, бурлачествомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ; но они не имѣютъ никакого понятія о тѣхъ ремеслахъ, которыя доступны болѣе цивилизованнымъ народамъ.

Женщины черемисскія также небольшія мастерицы въ рукодѣльяхъ. Прядутъ за прялками, имѣющими видъ высокой тонкой палки, а ткутъ такъ странно и безурядно, что трудно и понять.

Черемисы, подобно вотякамъ, любятъ уединеніе и потому селятся обыкновенно въ лѣсахъ, или въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ поселеній. Деревни ихъ въ прежнее время строились безъ всякаго плана и сообщенія, такъ что, вошедши въ одинъ дворъ, можно было обойти другими дворами всю деревню.

Черемисскія селенія состоятъ обыкновенно изъ множества околодковъ, вытянутыхъ по оврагамъ, отчего каждый изъ нихъ носитъ названіе «кангеръ» (оврагъ), съ прибавленіемъ имени стрителя или мѣстнаго предмета, въ родѣ: «Ивановки», «Сосновки», «Каменки» и проч. Нѣсколько такихъ околодковъ вмѣстѣ составляютъ уже деревню или село. Избы въ этихъ околодкахъ расположены какъ попало, какъ кому пришло на умъ.

Деревни горныхъ черемисъ болѣе схожи съ русскими, и развѣ тѣмъ отличаются отъ послѣднихъ, что у горныхъ черемисъ каждый дворъ и огородъ обнесенъ частоколомъ и обсаженъ березами, весьма правильно и стройно, отчего деревни ихъ имѣютъ очень веселый видъ.

Избы луговыхъ черемисъ строятся съ двумя или тремя косящатыми окнами на улицу и по одному или по два во дворъ, какъ у русскихъ. Внутреннее устройство этихъ избъ также немногимъ отличается отъ устройства русской крестьянской избы. Печь дѣлается изъ битой глины, иногда безъ трубы, вмѣсто которой прорѣзывается въ потолкѣ надъ печью небольшое отверстіе, которое и служитъ для выхода дыма; отъ этого изба коптится и сильно нагрѣвается. На шесткѣ печки устраивается очагъ, надъ которымъ вѣшается чугунный котелъ, гдѣ варится пища. Окна въ избѣ маленькія, потолокъ набранъ изъ горбылей; кругомъ избы, съ двухъ сторонъ, широкія лавки, или просто чурбаны,—а съ третьей—нары. Въ переднемъ углу на столѣ постоянно находится большая чашка съ хлѣбомъ и жбанъ съ водою, часто перемѣняемою на свѣжую и холодную; это для даровато угощенія проѣзжихъ и прохожихъ.

Рядомъ съ избою, черезъ сѣни, устроивается другая изба, холодная, безъ печки, потолка и полу; въ ней въ зимнее время содержатся

мелкія домашнія животныя. У нѣкоторыхъ хозяевъ клѣти дѣлаются чистыя, въ родѣ горницъ, но позади нихъ или рядомъ пристроиваются скотные сараи.

По другую сторону двора ставится чуланъ, клѣть для лѣтняго опочиванія и чумъ (*кудо*).

«Кудо» имѣетъ видъ шалаша, построеннаго изъ бревенъ, съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма; чумъ этотъ безъ полу, ничѣмъ непроконопаченъ, съ лавками и чурбанами по сторонамъ, между которыми въ углу, противъ двери, поставленъ столъ, на которомъ всегда можно найдти, какъ и въ избѣ, большой хлѣбъ и жбанъ съ водою, какъ угощеніе для посѣтителей. *Кудо* въ лѣтнее время замѣняетъ у черемисъ кухню. Посреди него надъ разведеннымъ огнемъ виситъ котелъ, привѣшанный посредствомъ длиннаго деревяннаго рычага къ крышѣ. Въ немъ приготовляется пища и варится пиво. Зимняя изба за все лѣтнее время остается пустою и топится только для печенія хлѣба. *Кудо* же служитъ лѣтомъ опочивальнею, не смотря на ѣдкій дымъ отъ огня, отъ котораго черемисы постоянно страдаютъ глазными болѣзнями, а нерѣдко и совсѣмъ лишаются зрѣнія.

Необходимую принадлежность каждой черемисской деревни составляетъ также баня. Она строится обыкновенно на общій счетъ, одна на всю деревню, гдѣ нибудь у ручья. Бани эти курныя, и въ нихъ черемисы не моются, а только парятся, всѣ—отъ мала до велика.

Прочія дворовыя и домашнія принадлежности, а также земледѣльческія орудія, у черемисъ однѣ и тѣ же, что и у русскихъ.

Семьи черемисскія большія; раздѣлы у нихъ очень рѣдки. Управляетъ домомъ, обыкновенно, старшій членъ въ семьѣ, что не мѣшаетъ однако всякому другому взрослому прибѣгать къ кулачной расправѣ надъ каждымъ изъ младшихъ.

Въ каждомъ семействѣ, глава его—отецъ, либо за смертію его старшій сынъ или мать, имѣютъ огромное вліяніе на всѣхъ остальныхъ, и ихъ мнѣніе, желаніе или приговоръ принимается за законъ. Такихъ главъ, закоренѣлыхъ въ своихъ понятіяхъ, трудно убѣдить въ погрѣшимости жрецовъ, ворожей, знахарей или колдуновъ. Подъ вліяніемъ такихъ лицъ, старшіе въ семействѣ дѣйствуютъ на младшихъ убѣжденіями, разговорами и даже силою. Считаясь христіанами, они никогда не постятся и примѣшиваютъ семьянину христіанину втихомолку къ постному скоромное. Дѣти, въ особенности бывшія въ училищахъ, если не на работахъ, то, сидя дома, сильнѣе всего подвергаются этой передѣлочной работѣ и наконецъ для спокойствія семьи, впадаютъ въ прежнее положеніе, дѣлаются суевѣрными и за тѣмъ, какъ болѣе толковые въ письмѣ, обращаются нерѣдко въ *карты*. Женщины имѣютъ немалое вліяніе на семейство черемиса, который самъ безпрестанно въ отлучкѣ, за то женщины всегда дома и по своей неразвитости, малой общительности и затворничеству среди такихъ же родныхъ, главныя виновницы дурнаго воспитанія и направленія дѣтей. Скупость мужа и недостаточность средствъ жены дѣлаютъ ее небрежною къ хозяйству и чрезвычайно грубою къ постороннимъ. Немытая, грязная изба, дурное и скудное пропитаніе и такое же приготовленіе кушанья вліяютъ и на здоровье дѣтей, и вотъ одна изъ причинъ, почему черемисы, сравнительно съ другими, менѣе сильны и здоровы. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ *).

Къ женщинамъ относятся мужья и нерѣдко сыновья безъ особаго уваженія. Поэтому понятно, что рекрутъ, оставляя домъ, почти открыто даетъ дозволеніе женѣ на сожительство съ однимъ изъ родныхъ. На вопросъ напримѣръ: «Что, Марѳа, скучаешь по мужу»? можно получить въ отвѣтъ: «Развѣ у насъ мало и безъ него» **). Вообще сожительство женщины съ чужимъ не слишкомъ преслѣдуется. Точно

*) Фуксъ.

**) Фуксъ.

также женщины не имѣютъ права принимать прямого участія въ моленіяхъ, а могутъ лишь присутствовать сбоку. И это униженіе, какъ будто онѣ не достойны одинаково возносить свои молитвы, также отчасти доказываетъ ихъ положеніе въ обществѣ. Однажды мать, разсердившись на сына, отправилась на моленіе, гдѣ и встала позади всѣхъ. Въ это время пошелъ градъ столь сильный, что погасилъ жертвенникъ и произвелъ вмѣстѣ съ громомъ и молніею нѣкоторое смятеніе. Когда черемисы увидали позади себя молящуюся женщину, то все это несчастіе приписали ей и вѣроятно убили бы, еслибы не защитилъ ее сынъ. Но за то какъ онъ, такъ и мать, не обошлись безъ сильныхъ побоевъ *). Кулачная семейная расправа въ черемисскихъ семьяхъ дѣло очень обыкновенное, при чемъ она можетъ быть произведена каждымъ старшимъ надъ младшимъ. Всѣ подобныя недоразумѣнія происходятъ большею частью чрезъ женъ, взрослыхъ дѣтей, и кончаются отдѣленіемъ сына, который, за непокорность и непослушаніе главѣ семейства, отцу, лишается иногда самаго необходимаго для перваго обзаведенія.

Въ тѣхъ исключительныхъ семьяхъ, гдѣ мать по отношенію своему къ мужу имѣетъ право сказать слово, тамъ женитьба, рекрутство, заработки натурою и приданое, всегда рѣшаются съ ея мнѣнія, хотя главнымъ образомъ и тутъ, гдѣ вопросъ идетъ объ участи дѣтей, рѣшаютъ выгода, выкупъ, деньги и скупость.

Жена, остающаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, либо по уходѣ его на службу, сохраняетъ права, какъ старшая и домохозяйка, но только ради дѣтей; за неимѣніемъ мужа, отправляется въ домъ своихъ родителей, чтобы только не быть работницею.

По смерти отца, почти постоянно возникаютъ ссоры и тяжбы между братьями-крестьянами и возвращающимися со службы. Первые говорятъ, что они помогали и поддерживали домъ, а вторые, что они бывалые люди въ царской службѣ. Споры эти кончаются тяжбою о дѣлежѣ, продолжающеюся нѣсколько лѣтъ. Хозяйство въ это время приходитъ въ совершенный безпорядокъ, такъ какъ никто не желаетъ работать и поддерживать хозяйство на пользу другаго. Изба, амбары, лачуги, заборы разваливаются, растаскиваются, остается разоренное хозяйство, которое, при переходѣ къ солдату, ему не по силамъ, приходитъ еще въ худшее разорительное состояніе и наконецъ продается.

Пищу черемисы употребляютъ самую простую и грубую. Въ обыкновенные дни ѣдятъ: хлѣбъ ржаной (*кинда*) рѣшетный, недопеченный, липкій и безъ соли; щи изъ кислой капусты постныя; салму изъ овсяной муки (*ляшка*), и овсяную или гречневую кашу (*немерь*). Вообще черемисы очень неприхотливы въ ѣдѣ, въ особенности въ лѣсахъ на охотѣ, когда они, вмѣсто хлѣба, употребляютъ нерѣдко древесную кору и коренья, сосновыя и еловыя шишки, а вмѣсто мяса—бѣлокъ, сорокъ и галокъ. Вслѣдствіе дурнаго питанія черемисъ вѣчно голоденъ, блѣденъ и безсиленъ.

О постахъ они не имѣютъ понятія, и потому во всякое время года ѣдятъ что попало: свиное мясо, заячье, лошадиное и проч. Въ праздничные дни пекутъ гречневые блины, овсяныя лепешки и ватрушки, но все это безъ вкуса и неряшливо.

Квасъ никогда не варятъ, а пьютъ постоянно одну воду. Въ праздники варятъ пиво (*сыра*) — непроваренное, клейкое и отвратительное на вкусъ. Но больше пьютъ водку (*рака*), до которой большіе охотники. Пьянству они предаются съ какимъ-то остервенѣніемъ, и, напившись, становятся, обыкновенно, забіяками и буянами.

Одежда черемисъ—мужчинъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи и такихъ же портовъ. Рубахи, вышитыя красною и синею шерстью около шеи, по прорѣзу на груди, по окружности внизу, и на плечахъ и рукавахъ особыми черемисскими фигурками и заплетушками, ма-

*) Бурсъ.

стерской выдумки, оригинальнаго вкуса. Рубаха опоясывается въ будни — ремнемъ съ мѣдными и желѣзными пряжками, а въ праздникъ — краснымъ шерстянымъ поясомъ, съ кистями и завѣтными ремешками, вырѣзанными изъ шкуры какого нибудь жертвеннаго животнаго.

Поверхъ рубахи, въ лѣтнее время, носятъ бѣлые холщевые кафтаны съ откиднымъ воротникомъ, съ красною кумачевою оторочкою вокругъ подола и на рукавахъ. Балахонъ этотъ подпоясывается ременнымъ поясомъ, къ которому прикрѣпляются кожаный мѣшечекъ для табаку, огнива и трута. Луговаго черемиса всегда сопровождаетъ трубка, постоянная его спутница и защитница отъ комаровъ и мошекъ. Ноги свои обертываютъ лѣтомъ бѣлыми-же холщевыми онучами, высоко-до колѣнъ, и тщательно перевязываютъ ихъ бичевкою. Лапти носятъ съ узкими носками. На голову надѣваютъ войлочную шляпу, въ родѣ татарской и также бѣлаго цвѣта.

Зимою сверхъ рубахи носятъ сѣрый суконный кафтанъ, или обыкновенный овчинный полушубокъ, а на головѣ шапку. На ноги въ это время года надѣваютъ черныя суконныя онучи, также тщательно перевитыя до колѣнъ бичевками.

Женскій черемисскій костюмъ сложнѣе мужскаго и наиболѣе приближается къ старинному національному покрою.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: прежде всего взбиваютъ волосы, необыкновенно крѣпко, въ два пука: одинъ на темени, а другой на затылкѣ. Зачесавши волосы, перевязываютъ ихъ *рашмакомъ*—тканою шелкомъ тесьмою, шириною въ вершокъ. *Рашмакъ* охватываетъ голову кругомъ, повыше лба и ушей, до затылка. Затѣмъ надѣваютъ на голову *шикомаючъ*, родъ башлыка изъ холста, который широкимъ отверстіемъ надѣвается поверхъ волосъ на голову, а острымъ глухимъ концомъ спускается на спину. Шикомаючъ прикрѣпляется къ волосамъ жестяными пряжками и убирается въ одинъ или два ряда мѣдными бляхами, величиною въ одну копѣйку мѣди; посрединѣ шикомаюча, на затылкѣ, вышиваются узоры разноцвѣтными шерстями или даже шелками. Многія черемиски, вмѣсто шикомаюча, носятъ на головѣ *сороку*, т. е. высокую кичку, въ родѣ камилавки, значительно расширяющуюся къ верху, но сзади сплюснутую. *Сорока* обтянута темно-краснымъ сукномъ и украшена спереди, по срединѣ, бѣлымъ снуркомъ, въ видѣ скобокъ, обращенныхъ загнутыми концами внизъ.

Какъ сорока, такъ и шикомаючъ накрываются сверху бѣлымъ холщевымъ платкомъ, вышитымъ по краямъ красною шерстью; концы этого платка подвязываются подъ подбородкомъ.

Въ уши вдѣваются огромныя серьги, достигающія почти до плечъ и состоящія изъ мѣдныхъ витыхъ проволокъ, къ концамъ которыхъ и привѣшиваются, одна ниже другой, мѣдныя и серебряныя монеты и бусы.

Нѣкоторыя носятъ на головѣ еще *шарпанъ*, родъ полотенца, вышитаго по концамъ разноцвѣтными шерстями и шелками. *Шарпанъ* прикрываетъ голову на половину, а концы его продѣваются сквозь кольца, прикрѣпленныя около ушей, и свѣшиваются на плечи или завязываются подъ подбородкомъ.

На тѣло черемиски надѣваютъ рубахи, длиною до колѣнъ и вышитыя на груди и рукавахъ богатымъ узоромъ, разноцвѣтными шерстями. Рубашечная прорѣха застегивается на груди двумя или тремя пряжками, овальной формы, мѣдными или жестяными. Кромѣ того, на грудь надѣваютъ трехъ или четырехугольный кожаный нагрудникъ (*шаркема*), прикрѣпленный къ мѣдному кольцу, которое, въ свою очередь, пришито къ рубахѣ. *Шаркема* весь усыпанъ пришитыми къ нему старинными серебряными монетами, а нижній край его убранъ бѣлыми раковинами и змѣиными головками.

На шею надѣваются ожерелья, состоящія изъ шерстяной тесьмы, обшитой съ лицевой стороны бѣлыми перламутровыми пуговицами и

крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, раковинами и старинными монетами.

Рубаха женская подпоясывается низко подъ животомъ шерстянымъ поясомъ, увѣшаннымъ вокругъ множествомъ кистей и бахромы. Концы пояса висятъ сбоку, либо спереди, оканчиваясь опять кисточками и бахромкою.

Черемисы, съ малолѣтства, носятъ также порты, въ обыкновенное время бѣлые холщевые, а въ праздники надѣваютъ еще сверху суконные, чернаго или зеленаго цвѣта. Ноги высоко, до колѣнъ, обвертываютъ какъ можно толще, въ видѣ бревенъ, черными суконными онучами (*штыръ*), и крѣпко перевиваютъ ихъ толстыми шерстяными веревочками. По краямъ онучъ, съ боку, въ видѣ лампаса нашивается красная или синяя тесьма, за которую привѣшиваются мѣдныя или жестяныя бляхи (*теньжи*). Лапти носятъ онѣ небольшіе, съ узкими носками, сплетенные изъ мелкаго лыка и, по тонкости работы, называемые иногда *бисерными*.

Подобно мужчинамъ, и женщины надѣваютъ поверхъ рубахи холщевые балахоны или бѣлые суконные кафтаны, обшитые вокругъ подола, ворота и рукавовъ краснымъ кумачемъ. Кафтанъ подпоясывается суконнымъ поясомъ, съ мѣдными пряжками; концы такого пояса спускаются до колѣнъ и украшаются привѣсками, на манеръ дудочекъ, штукъ до десяти и болѣе.

Одежда дѣвицъ только тѣмъ отличается отъ костюма замужнихъ женщинъ, что первыя не носятъ ни сорочки, ни шикомаюча, и не взбиваютъ своихъ волосъ, а заплетаютъ ихъ въ одну косу, которую спускаютъ на спину и къ концу которой привѣшиваютъ разноцвѣтные лоскутки или металлическія бляхи. Голову повязываютъ платками разныхъ цвѣтовъ.

Не смотря на всю сложность черемисскаго костюма, онъ мало доставляетъ имъ удобствъ, а всего меньше—теплоты. Черемисъ объ этомъ и не заботится. Онъ ѣдетъ и идетъ, хотя-бы въ сильнѣйшій холодъ, въ томъ-же лѣтнемъ балахонѣ и часто съ открытою грудью. Вообще въ одеждѣ черемисъ, какъ и во всемъ ихъ домашнемъ быту, проглядываетъ крайняя безпечность и, кромѣ того, нечистота и неопрятность. Черемисы рѣдко мѣняютъ бѣлье, а многіе носятъ его до тѣхъ поръ, пока оно не расползется въ куски. Какъ сами, такъ и дѣти, всегда ходятъ въ затасканныхъ и полуизорванныхъ длинныхъ рубахахъ, поддернутыхъ на поясѣ, съ неумытыми лицами и руками.

Преданіями и пѣснями племя черемисское, не жившее исторической жизнью, весьма бѣдно. Пѣсенъ у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ, поютъ, что придетъ на умъ, или что попадется на глаза. Если лѣсомъ ѣдетъ—воспѣваетъ лѣсъ, полемъ—поле, болотомъ—болото и т. д. При этомъ никогда не прибѣгаетъ къ риѳмамъ, а самое содержаніе пѣсни, обыкновенно чрезвычайно короткое, растягиваетъ до безконечности крайне монотонными и всегда одинаковыми припѣвами въ родѣ слѣдующаго:

Ай, ой, ай, ай! ду-ду-ду! ой, дой, дой, дой!
Аяй-турэ! до-до, турэ!.. и проч.

Кромѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ любовныхъ пѣсенъ, въ каждой деревнѣ имѣется еще обыкновенно пѣсня, въ которой восхваляется эта-же самая деревня, въ родѣ слѣдующей:

«Изи Малмыжъ пэшъ моторъ юдоръ!» и проч.

т. е. «дѣвушки въ Малмыжѣ очень красивы».

Черемисинъ поетъ свою пѣсню заунывно, монотонно, подпершн голову рукою. Поетъ, поетъ,—и заплачетъ, хотя иной разъ пѣсня веселаго содержанія.

Національныхъ плясокъ у черемисъ также нѣтъ. Пляшутъ они подъ свои пѣсни на манеръ русскихъ: отдѣльно мужчины, отдѣльно женщины, при чемъ сходятся вмѣстѣ и расходятся, поднимая попе-

ремённо руки кверху, а иногда всѣ толкутся на одномъ мѣстѣ, подъ общее пѣніе. Замѣчательно при этомъ еще то, что, предъ начатіемъ пляски, черемисы крестятся и раскланиваются на обѣ стороны, тогда какъ не придерживаются этого обычая ни въ какихъ другихъ случаяхъ.

Любопытны также, по своей патріархальной простотѣ, музыкальные инструменты черемисовъ: пузырь, барабанъ и гусли. *Пузырь* состоитъ прежде всего изъ липовой дудки, длиною вершковъ въ 6; въ середину этой дудки вставляются двѣ маленькихъ костяныхъ дудочки, длиною до 3-хъ вершковъ, съ 7-ю дырочками по одной сторонѣ; къ одному изъ концовъ большой дудки придѣланъ коровій рогъ, а другой конецъ ея вставленъ въ бычачій надутый пузырь, съ боку котораго прикрѣпляется еще костяная дудочка. Эту послѣднюю пузырщикъ беретъ въ ротъ, дуетъ въ пузырь, потомъ охватываетъ его съ обѣихъ сторонъ руками и перебираетъ пальцами по дырочкамъ, что на маленькихъ двухъ дудочкахъ. — *Барабанъ* имѣетъ видъ лукошка, дѣлается изъ лубка и обтягивается съ обоихъ концовъ телячьею кожею, по которой и ударяютъ двумя небольшими палочками. — *Гусли* имѣютъ видъ трехугольнаго ящика, на который натягивается до 10 и болѣе струнъ. На гусляхъ играютъ, кладя ихъ на колѣни и перебирая пальцами по струнамъ.

По вѣроисповѣданію почти всѣхъ черемисовъ причисляютъ къ православнымъ; но, въ дѣйствительности, только очень ограниченное число изъ нихъ — христіане. Всѣ-же остальные черемисы частью магометане, частью идолопоклонники, частью придерживаются фетишизма или шаманской вѣры. Большинство-же упорно держится собственныхъ черемисскихъ вѣрованій, общихъ у нихъ съ нѣкоторыми другими финскими племенами, какъ-то: мордвою, вотяками и пермяками.

Правда, у черемисъ нѣтъ цѣльнаго систематическаго ученія, да и быть не можетъ, такъ какъ вся ихъ религія принаровлена къ жизни человѣка, а послѣдняя столь измѣнчива и разнообразна, что, по-неволѣ, имъ приходится многое прибавлять въ своемъ ученіи, многое отбрасывать и забывать. Но, не смотря на это, они сильно преданы своимъ вѣрованіямъ. Черемисы говорятъ: «нашу вѣру кончать, насъ кончать», и при этомъ увѣряютъ, «что отцы и дѣды ихъ съ клятвою завѣщали соблюдать всѣ обряды и почитать боговъ, иначе черемисы должны погибнуть». Вслѣдствіе такой преданности своимъ старинымъ вѣрованіямъ, черемисы до сихъ поръ удерживаютъ ихъ въ большей полнотѣ и съ болѣе яснымъ сознаніемъ, чѣмъ родственные имъ по религіи мордва и вотяки.

Необыкновенная преданность ихъ своимъ языческимъ вѣрованіямъ, можетъ быть, основывается на слѣдующемъ ихъ убѣжденіи: «Богъ одинъ, но люди вѣруютъ ему различно. Сколько языковъ на землѣ, столько и различныхъ вѣрованій. Каждый народъ имѣетъ свою вѣру, какъ каждое дерево въ лѣсу свои листья, и каждая вѣра равно угодна Богу, поэтому измѣнять своей вѣрѣ грѣшно и нельзя безъ наказанія».

Подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, черемисы признаютъ собственно два начала: *доброе* и *злое*. Представитель добраго начала: *Ошъ-Юма* — сѣдой Богъ. Юма — благое существо, сотворившее міръ и человѣка, и управляющее вселенной. О свойствахъ Юма, по представленіямъ черемисъ, можно судить по тѣмъ названіямъ, какія они придаютъ ему; Юма называется у нихъ: *большимъ, старымъ, творцомъ, святомъ, владыкою* и *вседержителемъ*.

Впрочемъ, понятія черемисъ о свойствахъ и качествахъ Юма близко подходятъ къ ихъ собственнымъ матеріальнымъ потребностямъ и занятіямъ. Такъ они воображаютъ, что ихъ Юма живетъ на небѣ въ прекрасной избѣ, и такой же работникъ, какъ и они сами, и имѣетъ огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ. Когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видать, а задній еще не вытя-

нулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юма съ своею семьею постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Хозяйство его, по величинѣ своей, требуетъ неусыпнаго надзора и постоянныхъ заботъ, что сильно отвлекаетъ Юма отъ земныхъ попеченій, такъ что онъ одно время совсѣмъ позабылъ о существованіи человѣчества, и вотъ по какому случаю снова вошелъ въ сношенія съ людьми. У Юма была прекрасная дочь, а жениховъ на небѣ не было; были только добрые духи. Юма былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скотину нужно было спускать на землю. Юма и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, спуститъ войлокъ, чтобы онъ доставалъ до земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: «дохъ, дохъ, дохъ!»—и спускаются лошади. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: «пируна, пируна, пируна!»—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: «ста, ста, ста!»—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: «батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой, я отпасла скотину!» Юма отворитъ небо, она взѣзетъ и стада идутъ назадъ. Дочь Юмы пасла-пасла скотину, спускалась, спускалась на землю а жениховъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Но разъ спустилась на лугъ и увидала молодца, поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ сказала жениху: «смотри, у меня отецъ-то Юма, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и увези меня, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ нибудь на колъ. Отецъ увидитъ дтотъ платокъ и будетъ тутъ искать меня, не найдетъ и скажетъ: знать умерла»! Такъ и сдѣлалось. Черезъ два года они пришли къ отцу на небо и сказали ему всю правду, помирились, а Юма задалъ большой пиръ. Приданаго за дочерью далъ много. Съ этихъ поръ только Юма и сталъ знакомъ съ людьми.

Представителемъ зла черемисы признаютъ *Кереметя*. Кереметь—страшное, злое существо, но также вѣчное и собезначальное Юмѣ, только меньшій братъ его. По понятіямъ черемисъ, Кереметь былъ прежде такимъ же добрымъ существомъ, какъ и Юма, которому онъ долженъ былъ повиноваться; но за гордость и непослушаніе Юма свергнулъ его съ небесъ.

Впрочемъ, черемисскія вѣрованія не даютъ яснаго понятія о богахъ ихъ, и самое происхожденіе Кереметя и отношенія добраго начала къ злому какъ-то неясны и объясняются у нихъ различно. Такъ, по одному преданію, Кереметь появился на свѣтъ только предъ началомъ міра и Юма сотворилъ его во гнѣвѣ своемъ. Когда не было еще ни неба, ни земли, а была только одна вода, Юма плавалъ на поверхности ея, сидя на бревнѣ, и задумалъ разъ сотворить міръ и человѣка. Но ему не съ кѣмъ было посовѣтываться объ этомъ дѣлѣ, отчего ему стало скучно, и онъ плюнулъ съ досады на воду. Изъ слюны его, на томъ мѣстѣ, куда она попала, образовалась высокая волна, которая сама собою подкатилась къ Юмѣ, и изъ нея вышелъ Кереметь, въ видѣ селезня, и спросилъ Юма, не хочетъ ли онъ имѣть его своимъ братомъ? Юма не согласился назвать Кереметя братомъ, а предложилъ ему быть лишь товарищемъ. Сильно желая сотворить сушу, Юма тутъ же приказалъ Кереметю-селезню нырнуть въ воду и достать изъ подъ нея земли, что тотъ и исполнилъ. Но, обидѣвшись на то, что его не хотѣли признать братомъ, Кереметь захотѣлъ самъ сдѣлать тоже, что и Юма, т. е. сотворить изъ принесенной земли сушу; но, не будучи равенъ Юмѣ силами, успѣлъ только исказить его твореніе. Нырнувши въ воду, Кереметь-селезень набралъ въ ротъ земли и отдалъ Юмѣ лишь часть ея, а остальную утаилъ у себя во рту. Когда Юма дунулъ на полученную частичку земли, то надъ водою распростерлась гладь и сушь, а Кереметь въ въ это время сталъ выплевывать на сушу оставшуюся во рту землю, отчего образовались на ней горы и овраги. Послѣ этого Юма началъ творить человѣка, а Кереметь, изъ зависти къ товарищу, сталъ мѣшать ему. Однакоже Юма добился своего, и когда тѣло человѣка

частыя и дальнія: тамъ нужно исправить, здѣсь пособить, въ другомъ мѣстѣ наказать кого-нибудь, вездѣ нужны глаза... Когда долго не бываетъ дождя, или случится что-нибудь въ этомъ родѣ,—черемисы говорятъ, что у котораго-нибудь Юмы коней не стало, всѣ изъѣздились или ноги себѣ исшаркали, что, слѣдовательно, нужно принести ему жертву изъ коней. Если-же эта жертва не будетъ принесена, то богъ непремѣнно будетъ раздраженъ и постарается причинить вредъ человѣку, все равно — злой этотъ богъ или добрый. Поэтому черемисы выбиваются изъ силъ, чтобы быть какъ можно аккуратнѣе въ отбываніи небесныхъ повинностей и не медлить долго съ жертвами.

Почти для каждаго бога опредѣлена у нихъ особая жертва. Такъ, самому Юмѣ они приносятъ жеребенка, преимущественно бѣлаго. Главному его помощнику — жеребца; остальнымъ помощникамъ—по лошади; матерямъ—по коровѣ; болѣе мелкимъ богамъ—по гусю или уткѣ; нѣкоторымъ-же богамъ приносятъ плоды, лепешки, водку и т. п.

Главныя заботы устремлены, разумѣется, на умилостивленіе злыхъ боговъ и преимущественно Кереметя. Черемисъ разбираетъ каждый свой шагъ, чтобы не обидѣть это опасное божество, толкуетъ каждый свой сонъ, каждую примѣту, совѣтуется со своими знахарями, чтобы только узнать, чѣмъ можно угодить Кереметю, какую жертву принести ему. Обожаніе Кереметя и составляетъ сущность всей ихъ религіи.

Кереметь принимаетъ въ жертву все, за исключеніемъ пѣгихъ животныхъ и свиней, которыхъ почему-то не долюбливаетъ.

Жертвы ему вообще обходятся дорого. Отъ него рѣдко можно отдѣлаться пивомъ, водкою или нѣсколькими лепешками. Онъ требуетъ по большей части лошади или коровы, а овецъ по нѣскольку штукъ за разъ. Вотъ какая жертва необходима въ крайнихъ случаяхъ этому злому богу: двѣ лошади, двѣ бычачьихъ головы, два барана, четыре селезня и двѣ утки, шесть восковыхъ свѣчей, шесть ватрушекъ, шесть орѣховъ, двѣнадцать стерлядей, полштофъ сладкой водки и полштофъ простой, непремѣнно за печатью, а то Кереметъ не приметъ,—такъ что жертва Кереметю обходится иногда одному черемису (отдѣльно взятому) рублей въ 50.

Назначеніе жертвы и исполненіе самаго обряда жертвоприношенія зависитъ отъ выборныхъ старшинъ, называемыхъ—*картами*, а у горныхъ черемисъ—*мужанами*. Карты—это представители божества, играющіе роль жрецовъ или священниковъ. Они назначаютъ родъ жертвы, читаютъ молитву на общественныхъ моленіяхъ, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, совершаютъ у некрещеныхъ черемисовъ браки и похороны, толкуютъ сны, гадаютъ и предсказываютъ удачи и неудачи. Карты получаютъ свое званіе не по наслѣдству, а по выбору. На ихъ должность выбираются старики лѣтъ подъ 60, отличающіеся опытностью и знаніемъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, примѣтъ, обрядовъ, таинственныхъ дѣйствій, симпатическихъ средствъ отъ болѣзней и т. п. Строгая, степенная жизнь также должна составлять ихъ достоинство. Кромѣ того, картъ долженъ быть ловокъ, находчивъ, боекъ на языкъ, умѣть и наружностью, и поступками, и рѣчью озадачивать толпу и внушать къ себѣ безграничное довѣріе.

Выбранный картъ и по одеждѣ отличается отъ прочихъ черемисъ. Онъ надѣваетъ бѣлый длинный балахонъ, безъ сборокъ, съ красною нашивкою на груди изъ кумача, а назади—съ черною изъ сукна, вершка въ три шириною и четверти въ полторы длиною. На голову надѣваетъ высокую молитвенную шапку изъ бересты, въ рукахъ держитъ рябиновый посохъ, составляющій необходимую его принадлежность.

Онъ входитъ въ близкія сношенія съ божествомъ и потому имѣетъ возможность въ точности знать его волю и желанія, а слѣдовательно можетъ также безошибочно опредѣлить, какой оно требуетъ себѣ

МОРДВА, ЧУВАШИ, ЧЕРЕМИСЫ.

ЗЫРЯНЕ.

жертвы. Свои откровенія отъ боговъ получаетъ большею частью посредствомъ вѣщихъ сновъ, вѣра въ которые очень сильно развита между черемисами. Иногда-же онъ прибѣгаетъ для узнанія воли божества къ гаданію. Беретъ 40 или больше камушковъ, ставитъ ихъ кучками или дѣлаетъ изъ нихъ дорожки, и по этимъ кучкамъ и дорожкамъ объясняетъ пришедшему пути къ тому или другому божеству, распредѣляя въ угодность ему разныя жертвы, или опускаетъ въ чашку, наполненную водою, мѣдныя или серебряныя монеты, и объясняетъ черемису, безмолвно слушающему, какая жертва угодна извѣстному богу. Особенно проницательные *карты* гадаютъ, въ этомъ случаѣ, на полушкѣ, стертой съ обѣихъ сторонъ и, по ихъ увѣренію, ниспосланной съ неба. Полушку эту кладутъ на столъ и начинаютъ читать какъ по писанному. Въ поволуніе эти гадатели бѣснуются и входятъ уже въ непосредственныя сношенія съ богами.

Черемисы питаютъ безусловную вѣру во всемогущую силу своего карта. Если карта обидѣть, то онъ можетъ испортить всякаго. Онъ возьметъ у человѣка, на котораго сердитъ, какую-нибудь вещь, лоскутъ отъ одежды, онучу, лапоть, что попадется ему подъ руку, и снесетъ въ лѣсъ; тамъ заткнетъ эту вещь въ дупло дерева, гдѣ живетъ Кереметъ, или закопаетъ въ землю, и человѣкъ начнетъ хворать, мучиться и чахнуть, такъ и изведется, если не умолитъ карта помочь ему или снять съ него порчу. На основаніи этой увѣренности въ чародѣйной силѣ картовъ, черемисы оказываютъ имъ безграничное уваженіе и исполняютъ безпрекословно, хотя и не съ особенною точностью, всѣ ихъ произвольныя назначенія жертвъ.

Мѣстомъ для жертвоприношеній служатъ небольшія липовыя, дубовыя или березовыя рощи, называемыя *кюсотами*, которыхъ почти при каждомъ черемисскомъ селеніи имѣется обыкновенно до четырехъ. Рощи эти посвящаются разнымъ богамъ и на разные случаи жизни, и всѣ содержатся съ особенною заботливостью и постоянно въ исправности, и въ чистотѣ, и почитаются священнымъ и неприкосновеннымъ мѣстомъ. Никто не смѣетъ срубить тамъ даже сучка съ дерева. Если кто-нибудь изъ шалости срубитъ въ кюсотѣ липу или березку, то черемисы сосѣдней деревни тотчасъ-же собираются въ этой рощѣ, приносятъ съ собою живаго гуся или утку, вырѣзываютъ у ней задъ и замучиваютъ ее до смерти. Ощипавши перья, кладутъ ее въ котелъ, поварятъ немного, потомъ вынутъ и вмѣстѣ съ прѣсными лепешками бросятъ въ огонь. Сами-же встанутъ на колѣна и произносятъ проклятіе на того, кто попортилъ рощу, говоря: «кто срубилъ то дерево, того найди и предай смерти, какъ эту утку или гуся»,—и затѣмъ расходятся по домамъ. Иноплеменники могутъ посѣщать кюсоты только съ нѣкоторыми предосторожностями. Если случится по какой нибудь надобности быть въ подобной рощѣ русскому, то онъ долженъ одѣться въ черемисское платье, чтобы Кереметъ не могъ узнать его и отличить отъ черемиса, иначе всѣ присутствующіе закричатъ пришедшему: «Не ходи сюда, бачка, мришь; эта нашъ вѣра». Разговоръ на русскомъ языкѣ также считается великимъ грѣхомъ; поэтому черемисъ, подходя къ кюсоту, старается еще издали заговорить по-черемисски, чтобы Кереметъ зналъ уже, что идетъ свой человѣкъ.

Жертвоприношенія бываютъ общественныя и частныя. Общественныя — имѣютъ своимъ предметомъ: урожай, народное здравіе, охраненіе деревень отъ пожаровъ, отъ скотскаго падежа и т. п. случаи, касающіеся цѣлаго общества или даже всего черемисскаго народа. На эти моленія сходятся въ одинъ кюсотъ жители всей деревни или же обитатели нѣсколькихъ селеній, даже уѣздовъ, хотя-бы разныхъ губерній, какъ напримѣръ — изъ смежныхъ уѣздовъ Вятской и Казанской губерній. Въ послѣднемъ случаѣ въ одинъ кюсотъ набирается отъ двухъ до пяти тысячъ человѣкъ. Но такія многочисленныя собранія черемисовъ бываютъ, обыкновенно, не болѣе одного раза въ годъ, а иногда даже чрезъ два, три или четыре года. Боль-

шею-же частью на общественныхъ моленіяхъ присутствуютъ только жители двухъ или трехъ сосѣднихъ деревень.

Обряды и обычаи при общественныхъ жертвоприношеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ: за недѣлю или за двѣ до моленія сходятся всѣ старики изъ нѣсколькихъ селеній въ одно, гдѣ уговариваются между собою объ общемъ жертвоприношеніи. Выбираютъ изъ среды себя картовъ и назначаютъ время и рощу, куда долженъ собраться народъ для моленія. Выбраннымъ картамъ даются деревянные значки или *бирки*, на которыхъ посредствомъ зарубокъ обозначается потребное количество съ каждаго селенія рогатаго скота, лошадей и проч. для принесенія въ жертву. Эти бирки передаются изъ одного селенія въ другое такъ скрытно, чтобы русскіе не узнали. Тамъ бирки переходятъ къ особымъ сборщикамъ, которые собираютъ по нимъ деньги, каждый съ своего селенія, на покупку скота для жертвы.

Въ назначенный день, и непремѣнно въ пятницу, какъ день праздничный у черемисъ, они снова сходятся изъ разныхъ селеній въ избранное мѣсто и приводятъ съ собою на продажу скотъ и птицъ. При покупкѣ дѣлается испытаніе скотинѣ: льютъ на спину ей холодную воду, и если при этомъ животное вздрогнетъ, то его тотчасъ покупаютъ; если-же нѣтъ, то оставляютъ въ сторонѣ, какъ непринятое богомъ.

Когда животныя уже накуплены въ потребномъ числѣ, тогда начинаютъ приготовляться къ самому обряду жертвоприношенія. Въ назначенный для моленія день, съ утра, каждый черемисъ надѣваетъ чистое бѣлье, лучшій кафтанъ и новыя лапти, берестовый колпакъ, беретъ съ собою палку, восковую свѣчу и сумку съ тремя овсяными лепешками, съ чашкою и ложкою, и отправляется на моленіе въ кюсотъ. Туда-же идутъ и карты и приводятъ съ собою жертвенныхъ животныхъ. На послѣднихъ надѣваютъ лычныя уздечки и привязываютъ каждое къ завѣтному дереву—дубу или березѣ. Во время самыхъ многочисленныхъ собраній, случающихся черезъ годъ или рѣже, въ кюсотъ на всеобщее моленіе приводится огромное количество жертвеннаго скота: головъ 80 однѣхъ лошадей, 50 — коровъ, 100—быковъ и телятъ, 150 — барановъ, 300 утокъ и проч. На обыкновенное-же общественное моленіе, самыхъ крупныхъ животныхъ приводятъ только по одной головѣ, болѣе мелкихъ—по парѣ, самыхъ-же мелкихъ—по двѣ пары и больше.

Размѣстивъ животныхъ подъ завѣтными деревьями, карты разстилаютъ посреди кюсота бѣлую кошму, на которую ставятъ буракъ пива, каравай хлѣба, нѣсколько кучекъ овсяныхъ лепешекъ и другіе съѣстные припасы, и предъ каждымъ изъ этихъ предметовъ зажигаютъ восковыя свѣчи.

Публика становится предъ кошмою, лицомъ къ востоку. Женщины обыкновенно не принимаютъ прямаго участія въ моленіи, а могутъ присутствовать лишь сбоку, въ качествѣ благоговѣйныхъ свидѣтельницъ высокой набожности своихъ мужей.

Когда все готово, картъ надѣваетъ шапку и произноситъ слѣдующую молитву во всеуслышаніе: «Большой хлѣбъ, мірское пиво приготовлены; золотая свѣча зажжена; подъ деревомъ предъ тобою стоитъ лошадь жемчужной шерсти, на шелковую узду пойманная, съ которой стороны тебѣ поставили ее, съ той съ удовольствіемъ потрепли ее и невозвратно прими».

По прочтеніи этой молитвы, картъ, а за нимъ и всѣ присутствующіе—обливаютъ каждое животное, начиная отъ головы до хвоста, холодною водой, приговаривая: «встрепли скотину». Если животное при этомъ вздрагиваетъ, то его, какъ угодное Юму, тотчасъ же кладутъ на землю, закалываютъ ножемъ, кровь выпускаютъ въ чашку изъ которой картъ кропитъ завѣтное дерево, трижды говоря: «на, возьми золотую кровь!»

Затѣмъ, разводятъ нѣсколько костровъ, изъ которыхъ каждый посвящается особому богу; надъ кострами вѣшаютъ котлы, въ ко-

торыхъ варатъ жертвенныхъ животныхъ. Въ это время всѣ присутствующіе произносятъ молитву, призывая Юму по разному, смотря по тому, какъ кому укажетъ картъ. Одинъ бормочетъ: «Сотня-кого-Юма, сотня-ханъ-кого Юма, сотня-пудерша!» А другой: «Тэменъ-кого-Юма, тэменъ-ханъ-кого-Юма, тэменъ-пудерша!» и т. д. «Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье, намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселье и радость, чтобы намъ жить въ довольствѣ, играть и смѣяться».

Сваривши мясо, часть его брасаютъ въ огонь, говоря: «Прими любезно!» послѣ чего картъ три раза обходитъ вокругъ огней, постукивая при этомъ обухомъ ножа объ обухъ топора. Всѣ присутствующіе становятся на колѣни. Тогда главный картъ кладетъ ножъ и топоръ, и произноситъ слѣдующую молитву: «Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ—въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотѣ и въ деньгахъ — счастіе дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорныя дай. Птицъ и звѣрей ловить—счастіе дай. Дай богъ счастіе взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастіе дай. Помоги, боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ весенняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ насъ жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно сядится, такъ намъ постоянно жить счастіе даруй».

Въ молитву эту часто вставляется слово «аминь». Кромѣ того, въ ней поименовывается иногда подробно, чего и сколько именно просятъ у бога: столько-то ржи, столько-то овса, ячменя, лошадокъ, коровъ, овецъ и проч.

По окончаніи молитвы всѣ присутствующіе пьютъ и ѣдятъ до отвалу, а остатки дѣлятъ между собою поровну и уносятъ домой.

Частныя жертвоприношенія совершаются въ особыхъ кюсотахъ, отдѣльными семьями или частнымъ лицомъ по случаю какого-нибудь семейнаго несчастія, болѣзни и т. п. Обряды при этомъ соблюдаются тѣ же, что и при общественныхъ жертвоприношеніяхъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь молятся одному какому нибудь богу и въ жертву приносится одно какое нибудь животное, или совсѣмъ мелкіе предметы, какъ напримѣръ: мука, кости, яица, перья и проч.

Особенно часто приносятся жертвы по причинѣ болѣзней, и не только въ кюсотахъ, но и на дому. Въ случаѣ болѣзни, черемисъ посылаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ къ карту — узнать, кто его мучитъ: *Чумбулатъ* или *Керемет*? Картъ, послѣ исполненія различныхъ фокусовъ и хитростей, говоритъ послѣднему, что больнаго мучитъ такой-то злой богъ. Посланный возвращается къ больному, затапливаетъ печку, приноситъ въ ковшѣ ржаной муки и бросаетъ въ огонь три щепотки ея; потомъ обращается къ помощнику злаго бога и говоритъ ему: «*Тулбодым-толмазе*, у тебя ноги долгія, самъ ты тоненькій, языкъ у тебя бойкій, поди скорѣе къ Керемету и скажи ему, что я обѣщалъ ему принести въ жертву лошадь, піамбару-корову, ширту-барана, а тебѣ — теленка». Затѣмъ, оставшуюся въ ковшѣ муку ставитъ въ клѣть — въ такое мѣсто, гдѣ бы никто ее не шевелилъ; это въ знакъ того, что данное Керемету обѣщаніе непремѣнно будетъ исполнено. Если больной вскорѣ послѣ того выздоровѣетъ, то дѣйствительно приноситъ Керемету обѣщанную жертву; если же невыздоровѣетъ, то родственникъ больнаго выводитъ лошадь на середину двора, и, какъ бы поддразнивая ею Керемета, подтверждаетъ свое обѣщаніе принести ее ему въ жертву, если только онъ постарается прекратить болѣзнь, и затѣмъ уводитъ лошадь обратно въ конюшню. Но когда болѣзнь и послѣ этой уловки долго не проходитъ, то варятъ пиво, сзываютъ сосѣдей, берутъ съ собою лошадь, и отправляются всѣ вмѣстѣ въ кюсотъ, гдѣ совершаютъ вышеописанный обрядъ жертвоприношенія.

Случается, что родственники больнаго, не смотря на все свое же-

ланіе поскорѣе помочь ему, по бѣдности, долго не могутъ пріобрѣсти обѣщанное Кереметю животное. Тогда они кладутъ въ кюсотѣ въ залогъ свои сошники, косы, топоры, серпы и тому подобные необходимые въ хозяйствѣ предметы, чтобы Кереметь былъ совершенно спокоенъ насчетъ исполненія даннаго ему обѣщанія. Другія дѣлаютъ иначе: разводятъ въ печкѣ огонь, накаливаютъ топоръ и потомъ втыкаютъ его въ верхній уголъ избы, а больному кладутъ въ руку серебряную монету, цѣлковый или полтинникъ, и, обращаясь къ злому богу, приговариваютъ: «На тебѣ—жди пожалуйста». Послѣ этого, бѣдный черемисъ озабачивается скорѣйшимъ пріисканіемъ лошадки, хотя бы подешевле; случается, что и украдетъ, или купитъ за безцѣнокъ хвораго жеребенка. Кереметь не слишкомъ разборчивъ въ этомъ случаѣ, лишь бы жертва хотя немного походила на лошадь. Если же черемисъ не можетъ пріобрѣсти и такой скотины, то приноситъ въ жертву Кереметю живаго зайца, говоря: «Вотъ тебѣ моя маленькая лошадка»! Еще чаще случается, что бѣдняки, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, приносятъ ему въ жертву вмѣсто настоящихъ лошадей—сахарныхъ коньковъ, разсчитывая въ этомъ случаѣ на разсѣянность Кереметя. Производствомъ подобныхъ пряниковъ, изображающихъ различныхъ животныхъ и называемыхъ *аргамаками*, черемисы занимаются съ упомянутою цѣлью весьма усердно.

Въ случаѣ появленія на дѣтяхъ оспы совершается особый обрядъ жертвоприношенія. Черемисъ покупаетъ три небольшія рыбки, печетъ три небольшія ржаныя лепешки, несетъ въ кудо, гдѣ варитъ все это въ котлѣ, и, вынувъ изъ него, кладетъ по рыбкѣ на каждую лепешку, обѣщая одну *оспенному старику*, другую — *оспенной старушкѣ*, а третью—*оспенному писарю*. Изъ рыбъ вынимаетъ внутренности и перья, и бросаетъ послѣднія въ огонь. Затѣмъ хозяинъ дома говоритъ: «Оспенный старикъ, оспенная старушка и оспенный писарь! вы пришли къ моимъ ребятамъ, дѣлайте свое дѣло, только не сдѣлайте имъ вреда. Я никогда васъ не забуду!» Затѣмъ рыбу съ лепешками съѣдаетъ все семейство.

Вообще жертвоприношенія у черемисъ весьма часты и совершаются по поводу почти всякаго мелкаго случая. Они куска не съѣдятъ безъ того, чтобы не принести какой нибудь жертвы тому или другому богу. Гдѣ бы черемисъ ни находился, въ дорогѣ ли, дома ли, въ лѣсу ли, на гумнѣ ли, онъ на всякомъ мѣстѣ, предъ вкушеніемъ пищи, непремѣнно отломитъ часть ея и броситъ на землю, и, отливъ туда-же немного пива, скажетъ: «смля»!—затѣмъ уже начнетъ ѣсть самъ. Слово «смля» означаетъ приблизительно тоже, что и русское «господи, благослови». «Смля» произносится почти предъ каждымъ глоткомъ и сопровождается бросаньемъ кусочка пищи, или отливаніемъ пива—въ честь какого нибудь бога.

Праздники и обряды.

Жертвоприношенія, какъ общественныя, такъ и частныя, совершаются главнымъ образомъ по случаю праздниковъ, которыхъ у черемисъ насчитывается очень много. Наиболѣе популярнымъ недѣльнымъ праздникомъ считается у нихъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, пятница—*кагарня*. День этотъ, кромѣ исполненія обыкновеннаго обряда жертвоприношенія, ознаменовывается еще пирушками и попойками. Работать же въ пятницу черемисы считаютъ за большой грѣхъ. Даже сѣно лошадямъ и прочему скоту не даютъ руками, а сталкиваютъ ногами; женщины также не топятъ печей и подаютъ всякое кушанье холоднымъ.

Годовые черемискіе праздники справляются также по пятницамъ, хотя бы они по настоящему-то приходились немного позже или раньше этого дня. Одинъ изъ такихъ праздниковъ происходитъ весною, предъ посѣвомъ хлѣбовъ и называется *Ага-Паремъ*. Онъ

собственно продолжается три дня, но такъ, чтобы главный средній день приходился все-таки на пятницу. Празднованіе начинается такимъ образомъ съ четверга. Наваривъ предварительно пива и приготовивъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, черемисы идутъ въ этотъ день сперва въ баню, гдѣ моются и надѣваютъ чистое бѣлье, затѣмъ все черемисское населеніе выходитъ на яровое поле, обставляетъ его восковыми свѣчами, раскладываетъ по немъ съѣстные припасы и разводитъ тутъ же нѣсколько костровъ. Послѣ этого совершаютъ обрядъ общественнаго моленія, по окончаніи котораго всѣ присутствующіе принимаются угощать другъ друга и веселиться, забавляясь разными играми. Между прочимъ, черемисы любятъ разыгрывать при этомъ импровизированныя комедіи, въ которыхъ представляютъ исправника, судью, становаго и прочихъ извѣстныхъ имъ провинціальныхъ властей, а также воровъ, пьяницъ и тому подобныхъ личностей, которыхъ упомянутыя власти тащатъ въ судъ и судятъ, затѣмъ приводятъ въ исполненіе свой приговоръ и, шутя, наказываютъ виновнаго. Другіе черемисы, не участвующіе въ представленіи, смотрятъ и радуются отъ души, изъявляя свое удовольствіе громкимъ задушевнымъ хохотомъ. Нангравшись, напившись и наѣвшись вдоволь, расходятся по домамъ, унося съ собою остатки съѣстныхъ припасовъ. На другой день всѣ собираются пировать къ карту, а на третій день картъ самъ ходитъ пировать по всѣмъ домамъ. Этимъ праздникъ заканчивается.

Самый большой черемисскій праздникъ, извѣстный подъ названіемъ — *сюрем*, празднуется около Петрова дня. Начинается онъ изгнаніемъ шайтана изъ всѣхъ черемисскихъ селеній. Обычай этотъ исполняется собственно наканунѣ праздника, въ четвергъ. Въ этотъ день, съ утра, всѣ идутъ въ баню, потомъ надѣваютъ чистое бѣлье и новое платье; затѣмъ всѣ черемисы, живущіе близъ назначеннаго для всеобщаго моленія кюсота, собираются верхами на лошадяхъ въ одно какое нибудь селеніе, заходятъ съ конца его, и съ шумомъ, въ страшномъ изступленіи, какъ бы опоенные опіумомъ, начинаютъ бить рябиновыми палками по стѣнамъ крайней избы, и при этомъ кричатъ что есть силы, надѣясь заставить шайтана очистить осажденный ими дворъ. По окончаніи этой продѣлки, заходятъ въ избу, отдыхаютъ, съѣдаютъ и выпиваютъ заранѣе приготовленное имъ угощеніе, и отправляются къ слѣдующей избѣ, гдѣ повторяютъ все вышесказанное, затѣмъ идутъ къ третьей и т. д., пока не обойдутъ всей деревни. Изъ нея уѣзжаютъ въ сосѣднее селеніе и тамъ, соединившись съ его жителями, продѣлываютъ то же самое. Выпроводивъ, такимъ образомъ, шайтана изъ своихъ деревень, черемисы раскладываютъ гдѣ нибудь въ полѣ костеръ, молятся ему и потомъ перепрыгиваютъ черезъ него, отряхая одежду, чтобы выжить изъ нея нечистую силу. Послѣ этого берутъ изъ костра горящую головню и втыкаютъ ее въ землю, воображая, что пронзаютъ ею сердце шайтана. Затѣмъ бросаютъ на деревья яица, думая этимъ удовлетворить надолго злато *сюрема*, т. е. шайтана, такъ чтобы ему уже незачѣмъ было возвращаться въ деревню. Если при этомъ яйцо ударится въ вершину дерева, то полагаютъ, что жертва дѣйствительно принята. По окончаніи всѣхъ подобныхъ продѣлокъ, расходятся по домамъ, и пируютъ на радостяхъ, что всѣ шайтаны прогнаны.

На другое утро идутъ въ кюсотъ на всеобщее моленіе, въ которомъ, какъ уже было сказано, участвуютъ одновременно жители нѣсколькихъ деревень и даже нѣсколькихъ уѣздовъ. По окончаніи моленія начинаютъ угощать другъ друга, что также было упомянуто, жертвеннымъ мясомъ и другими съѣстными припасами, а также пивомъ и водкою. Ѣдятъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно скоро, будучи увѣрены, что тотъ, кто скорѣе поѣстъ, скорѣе всѣхъ управится и съ сѣнокосомъ. Попировавъ въ кюсотѣ вдоволь, расходятся подъ вечеръ по домамъ.

На слѣдующій день запрягаютъ лошадей въ кибитки и телѣги, берутъ съ собою напитковъ и съѣстныхъ припасовъ, и ѣдутъ въ по-

ле, на лугъ. Совершивши тамъ обычный обрядъ моленія, начинаютъ справлять праздникъ *сабантуй*, состоящій главнымъ образомъ въ скачкѣ на лошадяхъ. Отличившіеся при этомъ особеннымъ удальствомъ, получаютъ въ награду отъ молодыхъ женщинъ носовые платки. Праздникъ этотъ продолжается еще дня два или три.

До окончанія полевыхъ работъ справляютъ праздникъ — *У-пугумушъ* — «новая каша». Приготовивъ, по обыкновенію, пива и вина и сваривъ побольше овсяной каши, сзываютъ сосѣдей. Хозяинъ дома, разставивъ все приготовленное на столѣ, надѣваетъ шапку и произноситъ молитву. Затѣмъ начинается угощеніе. Пока гости пьютъ и ѣдятъ, хозяинъ выходитъ на крыльцо и трубитъ въ деревянный рогъ, обвитый берестою. Этимъ онъ какъ бы даетъ знать кому-то, что уже отвѣдалъ новой каши, и съ этого времени до Михайлова дня каждый изъ черемисъ и утромъ, и вечеромъ трубитъ въ рогъ.

Въ Михайловъ день (8 ноября) справляютъ *кишлямъ-паремъ* — «праздникъ киселя». Въ этотъ день сосѣди сходятся въ одну избу, приносятъ съ собою каждый свои припасы и совершаютъ обрядъ поминовенія умершихъ, который будетъ описанъ ниже. По совершеніи этого обряда, принимаются за угощеніе, причемъ наблюдается слѣдующій порядокъ: сначала угощаетъ старшій всѣхъ и каждаго по очереди, потомъ другой, третій и т. д. до послѣдняго, принесшаго свои припасы. Подъ вечеръ молодежь ходитъ изъ дома въ домъ съ съ пѣснями и плясками.

Наканунѣ Новаго года у черемисъ бываетъ праздникъ *шарокъ-іолъ* — «овечья нога». Въ этотъ день, по совершеніи домашняго моленія, молодежь опять ходитъ толпами изъ двора во дворъ. Войдя въ избу, парни и дѣвушки разбрасываютъ по полу орѣхи и кричатъ хозяину, чтобы у него было столько же овецъ и ягнятъ, сколько орѣховъ. Затѣмъ идутъ въ хлѣвъ и хватаютъ за заднія ноги овецъ, какія попадутся въ темнотѣ, произнося «Юма, дай годовалыхъ ягнятъ». Послѣ этого хозяинъ угощаетъ пришедшую молодежь. На пиръ сходятся иногда и друзья хозяина, и дарятъ его кушакомъ или возжами, которыми, по ихъ понятію, они могутъ вытащить его изъ ада. Въ ночь того же дня дѣвицы и парни ходятъ на гумно, дѣлаютъ изъ сѣна бугорки и смотрятъ на слѣдующее утро, чей бугорокъ разнесло вѣтромъ: тому значитъ недолго жить, или та выйдетъ въ этотъ годъ замужъ.

Во время святокъ справляется собственно дѣвичій праздникъ — *Васли-кугузя*. Парни и дѣвицы сходятся въ одну избу и играютъ въ разныя игры, а пожилые пьютъ и ѣдятъ и любуются на забавы молодежи. Подъ вечеръ кто-нибудь наряжается *старикомъ Василіемъ* (Васли-кугузя) и *старухою* (кузя), и, войдя въ избу, гдѣ пируетъ молодежь, предугадываютъ каждому спрашивающему судьбу его.

Отпраздновавъ русскую масляницу — *эрню*, черемисы принимаются справлять свою на первой недѣли поста. Въ это время въ молитвахъ своихъ они просятъ, чтобы богъ далъ черемисамъ ленъ и конопель долгій, а русскимъ — покороче.

Черемисы почитаютъ и нѣкоторые изъ христіанскихъ праздниковъ, но съ соблюденіемъ своихъ обрядовъ. Такъ, въ первый день Пасхи, рано утромъ, мужчины идутъ въ баню мыться, а женщины тѣмъ временемъ принимаются за стряпню и разставляютъ все приготовленное на столѣ. Возвратясь изъ бани, хозяинъ дома читаетъ молитву: «Юма, дай здоровья, дай ѣсть и пить хорошенько, дай много хлѣба». Затѣмъ бросаетъ на полъ кусочекъ хлѣба и отливаетъ туда-же часть пива, послѣ чего всѣ присутствующіе, сказавъ «смля», принимаются ѣсть и пить. Все это происходитъ такъ быстро, что пока православные стоятъ еще за обѣднею, а черемисы ужь пируютъ, покуривая да попивая и покачиваясь изъ стороны въ сторону. На другой день Пасхи они всѣ уже работаютъ.

Рождество Христово празднуютъ шумно и весело, и непремѣнно въ пятницу. Если при этомъ Рождество Христово случится дня за

два или за три до пятницы, то такой годъ считается у нихъ неблагопріятнымъ, потому-что русакъ прежде ихъ празднуетъ; если-же оно приходится на другой или на третій день послѣ пятницы, тогда они считаютъ себя счастливѣе.

Всѣ праздники у черемисовъ сопровождаются сильнымъ разгуломъ. Пиво и вино во всѣхъ домахъ льются рѣкою, не смотря на то, что многимъ поѣсть нечего. Подгулявшіе старики и старухи, молодые мужчины и женщины, и даже дѣвушки и дѣти заканчиваютъ праздникъ, обыкновенно, пѣніемъ и пляскою.

Семейныя торжества у черемисовъ также не обходятся безъ кутежа и пирушки и сопровождаются множествомъ обрядовъ, часто нелѣпыхъ и давно уже утратившихъ свой смыслъ. Такъ, при рожденіи младенца, черемисы приглашаютъ нѣсколько бабъ-повитухъ; одна изъ нихъ, если родится мальчикъ, беретъ топоръ, кладетъ пуповину на полѣно и рубитъ ее, приговаривая: «Будь трудолюбивъ, будь трудолюбивъ!» и тутъ-же даетъ имя младенцу. Если-же родилась дѣвочка, то пуповина отрѣзывается на прялкѣ, со словами: «Будь прилежна до пряжи». Чтобы младенецъ былъ всегда здоровъ, отецъ его беретъ непочатый каравай хлѣба, отрѣзываетъ отъ него небольшой ломоть и кладетъ въ люльку, говоря: «Будь здоровъ, какъ этотъ хлѣбъ». Если послѣ этого младенецъ все-таки плачетъ постоянно, то отецъ беретъ его на руки и качаетъ, перебирая при этомъ разныя имена, до тѣхъ поръ, пока тотъ не замолкнетъ, и тогда даетъ новорожденному то имя, на которомъ онъ остановился плакать, предполагая, что настоящее-то имя и должно быть это, а не прежнее, отъ назначенія котораго онъ будто-бы и плакалъ. Если-же и это не помогаетъ, то приглашаютъ для нареченія новаго имени младенцу самаго карта, который принимается высѣкать огонь изъ кремня, произнося при этомъ также разныя имена и, наконецъ, даетъ младенцу то имя, въ моментъ произнесенія котораго высѣчется первая искра. Послѣ этого, по ихъ понятію, младенецъ уже непрежѣнно почувствуетъ себя прекрасно.

Затѣмъ, жизнь черемиса, до наступленія совершеннолѣтія, проходитъ почти безъ перемѣнъ и ни разу не сопровождается какими-нибудь особенными обрядами. Но какъ только стукнетъ черемисину лѣтъ 16 или 17, отецъ или близкій родственникъ его немедленно отправляется въ тотъ домъ, гдѣ ему понравилась дѣвица, свататься ее за сына и условливается съ ея родителями о днѣ рукобитія.

Въ назначенный срокъ отецъ жениха съ сыномъ и другими родственниками отправляется въ домъ невѣсты и сговаривается съ родителями ея о калымѣ и приданомъ. Послѣ этого выводятъ къ посѣтителямъ невѣсту, наряженную въ праздничную одежду, и спрашиваютъ ея согласія. Затѣмъ, сватья, ударивъ по рукамъ, садятся за столъ, а нареченную чету ставятъ передъ собою. Отецъ жениха отрѣзываетъ отъ каравая ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку, и, откусивъ отъ нихъ по кусочку, подаетъ родителямъ невѣсты, которые также откусываютъ по кусочку, въ знакъ начавшагося родства, и передаютъ обратно. Послѣ этого, отецъ жениха наливаетъ два деревянные ковша водки и подаетъ ихъ снова родителямъ невѣсты, которые, принявъ ковши, поздравляютъ свата съ началомъ дѣла и выпиваютъ предложенную имъ водку. Затѣмъ пьетъ и отецъ жениха со своими товарищами. Наконецъ передаютъ ломоть хлѣба съ ватрушкою жениху, который, откусивъ кусочекъ, отдаетъ своей невѣстѣ. По окончаніи этого обряда, нареченная чета подноситъ по ковшу водки всѣмъ присутствующимъ, послѣ чего невѣста отправляется на рѣку за свѣжею водою, варитъ въ котлѣ *ляшку* (овсяную салму) и ставитъ ее на столъ. Исполнивши все это, она поручаетъ своей подругѣ налить водки въ ковшъ, на черенокъ котораго навѣшиваетъ полотенце, ею самою сотканное, и подаетъ будущему свекру. Тотъ выпиваетъ водку, а полотенце прячетъ себѣ за пазуху. Потомъ невѣста угощаетъ водкою жениха. Затѣмъ, пріѣзжіе го-

сти, покушавъ *ляшки* и поблагодаривъ новую родню за угощеніе, уѣзжаютъ домой.

Спустя недѣли двѣ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ пирушекъ, братъ жениха, или самъ отецъ собираетъ наконецъ всю свою родню и выбираетъ изъ среды ея «тысяцкаго», «большаго карта», «меньшаго карта», «старшаго боярина», «средняго боярина», «младшаго боярина», дружку, свахъ, человѣкъ 10 или 30 поѣзжанъ и въ заключеніе музыкантовъ: пузырщиковъ, гусляръ и барабанщиковъ. Угостивъ всѣхъ ихъ *ляшкою*, пивомъ и водкою, онъ отправляется съ ними въ путь, съ музыкою, пѣніемъ и пляскою,—за невѣстою.

Но по дорогѣ заѣзжаютъ сначала къ одному какому-нибудь родственнику жениха, у котораго нѣсколько времени пируютъ; потомъ—къ другому, у котораго тоже происходитъ пирушка; затѣмъ — къ третьему, четвертому и такъ объѣзжаютъ всю деревню; иногда завертываютъ еще въ сосѣднія селенія, гдѣ продолжаютъ пировать безъ конца. Переѣздъ изъ деревни въ деревню совершается верхами на лошадяхъ, при чемъ каждый притворяется напившимся до нельзя, качаются во всѣ стороны, поютъ, орутъ во все горло подъ нестройные звуки барабановъ, гуслей и пузырей. Объѣхавши такъ нѣсколько селеній, добираются, наконецъ, и до невѣсты.

Приблизившись къ дому ея, весь поѣздъ останавливается на улицѣ предъ воротами, а дружка идетъ извѣщать хозяина о прибытіи свадебнаго кортежа. Вслѣдъ за этимъ всѣ поѣзжане устремляются во дворъ, сходятъ съ лошадей и съ шумомъ, пѣніемъ и пляскою подходятъ къ крыльцу. На встрѣчу имъ выходитъ отецъ невѣсты съ двумя кожаными сумками, въ которыя положены: курица, каравай хлѣба, двѣ лепешки и ватрушка, и отдаетъ сумки свату. Послѣдній выкладываетъ изъ нихъ все на столъ и передаетъ «большому карту» водку, для угощенія пріѣзжихъ. Пока «большой картъ» обноситъ всѣхъ водкою и пивомъ, «меньшой картъ» въ это время отрѣзываетъ отъ каравая ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку и подноситъ дружкѣ. Этотъ откусываетъ отъ нихъ по кусочку и передаетъ каждому изъ поѣзжанъ, которые повторяютъ то же самое.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ, ѣдятъ приготовленныя кушанья и затѣмъ идетъ пиръ съ музыкою и пляскою до тѣхъ поръ, пока отецъ невѣсты не скажетъ отцу жениха: «Ну сватъ! я велѣлъ веселиться; теперь вели невѣстѣ сварить салму и отправляйтесь!» Вслѣдъ затѣмъ отецъ благословляетъ невѣсту *палкою*, которую она должна впослѣдствіи воткнуть въ землю въ чумѣ или шалашѣ и хранить ее какъ святыню; палка эта будетъ разыгрывать роль шалашеваго Кереметя. По благословеніи невѣсты, сватъ беретъ ее за руку и усаживаетъ за столъ, и подчуетъ водкою и масломъ. Затѣмъ снова беретъ ее за руку и отдаетъ сыну, говоря: «Возьми дѣвицу въ свое семейство!» Послѣ этого женихъ уводитъ ее изъ избы, а за нимъ выходятъ и всѣ поѣзжане съ шумомъ и криками.

На дворѣ женихъ усаживаетъ невѣсту въ телѣгу, при чемъ она подаетъ ему полотенце, придерживая одинъ конецъ его пальцами. Вырвавъ полотенце, женихъ затыкаетъ его за поясъ и, прежде чѣмъ сѣсть на козлы, слегка стегаетъ свою нареченную три раза нагайкою, приговаривая: «Не зови съ собой Кереметя!» Въ заключеніе весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Впереди ѣдетъ дружка, за нимъ тысяцкій, далѣе карты, бояре и въ концѣ уже невѣста съ поѣзжанами. Женихъ сидитъ на козлахъ, обвѣшанный, какъ и всѣ поѣзжане, разными подарками отъ невѣсты, преимущественно полотенцами.

Подъѣхавъ къ воротамъ избы съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, поѣздъ останавливается, а дружка беретъ у невѣсты иголку, три раза проводитъ ею предъ воротами и, наконецъ, втыкаетъ ее въ верхушку воротнаго столба. Затѣмъ, по въѣздѣ всѣхъ во дворъ, дружка вбѣгаетъ въ избу, и, найдя тамъ женихова отца, хватаетъ его за ухо и говоритъ: «Я привезъ съ собою жемчугъ, который безъ

выкупу не отдается; что даришь?» Сначала отецъ объщаетъ ягненка, потомъ—теленка и т. д., о чемъ дружка каждый разъ докладываетъ невѣстѣ, которая не выходитъ изъ телѣги до тѣхъ поръ, пока не услышитъ, что ей дарятъ хорошаго жеребенка. Затѣмъ всѣ поѣзжане входятъ въ избу, съ пѣснями и пляскою. Здѣсь, по предложенію отца жениха, всѣ до послѣдняго откусываютъ по кусочку отъ хлѣба и ватрушки. Молодыхъ усаживаютъ за столъ, при чемъ женихъ садится на полу невѣстиной одежды, а если онъ не сполна внесъ выкупъ тестю за невѣсту, то долженъ еще сидѣть при этомъ непремѣнно въ шапкѣ. Дружка угощаетъ молодыхъ водкою, пивомъ и блинами.

Послѣ этого сватъ уводитъ невѣсту въ клѣть, гдѣ ей взбиваютъ волосы по бабьи, въ два пука, поверхъ которыхъ надѣваютъ «пикомачъ».

Наконецъ, ведутъ невѣсту, въ сопровожденіи всѣхъ поѣзжанъ на дворъ или на гумно; тамъ становится она на колѣни, а всѣ присутствующіе обходятъ вокругъ нея три раза, при чемъ картъ бросаетъ вверхъ—на клѣть или на овинъ — кусочки съѣстныхъ припасовъ, произнося слѣдующую молитву: «Юма, сохрани и благополучіе подай, дай избытокъ и богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько питокъ въ полотенцѣ, сколько листьевъ въ лѣсу, столько лѣтъ дай жить, играть и смѣяться». Затѣмъ всѣ пьютъ пиво и возвращаются въ избу.

Войдя въ комнату, молодые подносятъ отцу и матери по ковшу пива, поклонившись имъ въ ноги, послѣ чего женихъ угощаетъ всѣхъ мужчинъ, а невѣста —всѣхъ женщинъ. Потомъ, невѣста идетъ опять на рѣку, за свѣжею водою, снова варитъ салму и подчуетъ ею всѣхъ, начиная отъ свекра и свекрови.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ. Въ это время тысяцкій подноситъ самимъ молодымъ ковшъ пива, которое они выпиваютъ исподоволь, передавая другъ другу послѣ каждаго глотка. Послѣ этого женихъ опять встаетъ изъ-за стола и идетъ трепать по плечу всѣхъ сидящихъ, начиная съ отца, приговаривая: «до смерти буду звать тебя отцомъ», а подходя къ брату: «до смерти буду звать тебя братомъ». То-же самое повторяетъ по его примѣру и невѣста. Затѣмъ молодые падаютъ въ ноги и лежатъ до тѣхъ поръ, пока всѣ родственники не выпьютъ по ковшу пива. Вставши, одариютъ всѣхъ, кого рубахою, кого полотенцемъ, кого кафтаномъ или холстомъ, при чемъ не забываютъ и музыкантовъ—пузырщиковъ, гусляръ и барабанщиковъ. Послѣ этого начинается уже настоящій свадебный пиръ.

Въ брачномъ пиршествѣ обыкновенно принимаетъ участіе все населеніе деревни, безъ исключенія, отъ мала до велика. Всѣ идутъ сюда съ ранняго утра, и каждый несетъ съ собою свой буракъ съ пивомъ и свой каравай хлѣба. И тѣмъ и другимъ они подчуютъ другъ друга, сверхъ свадебнаго угощенія отъ самихъ хозяевъ, которые варятъ къ этому дню 6 или 7 печей пива, по 12 ведеръ съ печки, и покупаютъ 2 или 3 ведра водки, и все это количество напитковъ уберется до-чиста въ одинъ сутки.

Задолго еще до конца брачнаго пира всякій порядокъ исчезаетъ. Тутъ, по пословицѣ, «все идетъ по черемисски»: кто виновникъ торжества, кто почетнѣе изъ гостей, кто хозяинъ, кто молодые—разобрать трудно. Всѣ ходятъ, бурлятъ, шумятъ, стучатъ.

Кромѣ гостей, сидящихъ вокругъ стола, стоятъ еще между столомъ и печкою плотною кучею бабы и дѣвушки, въ ожиданіи очереднаго стакана пива и куска ѣды. Остальное пространство избы биткомъ набито званными и незваными посѣтителями разнаго пола и возраста. Многіе стоятъ еще по лавкамъ и, въ виду невообразимой толкотни, для большей устойчивости, держатся за шесты, привѣшанные къ потолку. Палати и печь также полны гостей, безцеремонно лежащихъ чуть не другъ на другѣ; между ними преобладаютъ по численности мальчишки. Однимъ словомъ, въ избѣ, грязной до-

нельзя и улитой пивомъ, пошевельнуться негдѣ, жара и духота невыносимыя! Но вотъ раздаются нестройные звуки музыки и среди всеобщей толкотни и давки начинается пляска, сопровождаемая общимъ хлопаньемъ въ ладоши. При этомъ каждый затягиваетъ, кто во что горазд, пѣсню, начинающуюся съ звуковъ: «ой, ай, ой» и оканчивающуюся тѣми-же самыми звуками. Что тутъ происходитъ, трудно вообразить! Иному охмѣлевшему черемису вдругъ придетъ въ голову, среди самаго разгара пиршества, мысль о гнѣвѣ Керемета, и онъ, въ умилостивленіе его, тотчасъ-же плеснетъ изъ стакана пивомъ въ потолокъ, откуда летятъ струи и брызги на головы всей компаніи, за нимъ повторяетъ то-же самое другой и третій, но раскураженной публикѣ совершенно нѣтъ до этого дѣла, и она своимъ чередомъ продолжаетъ пѣть, пить, ѣсть, смѣяться и плясать.

Бражничество продолжается цѣлый день и всю ночь до тѣхъ поръ, пока не покажутъ всей компаніи *гвоздя отъ бочки*—это значитъ, что пиво уже все выпито. Тогда черемисы говорятъ торжественно: «Сита-пита-ренъ!», т. е. «довольно, все кончено!» — и затѣмъ расходятся по домамъ.

На другой день, молодая несетъ въ избу новый буракъ пива, моетъ столъ, мететъ полы, вездѣ все прибираетъ, и затѣмъ снова собираются гости и пируютъ «до гвоздя».

У крещеныхъ черемисовъ свадьбы справляются по той-же программѣ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ отъ нея, что изъ дома невѣсты поѣздъ отправляется не прямо къ жениху, а заѣзжаетъ предварительно въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія. Все-же остальное изъ вышеописаннаго выполняется всѣми и повсюду съ нѣкоторыми лишь измѣненіями или пропусками.

Браки у черемисовъ не всегда бываютъ прочны. Разводъ несогласныхъ между собою супруговъ совершается даже съ особенною торжественностью. Объ этомъ заявляютъ прежде всего мѣстному начальству, при шести свидѣтеляхъ или, какъ говорятъ черемисы, «при шести глазахъ». Потомъ супруговъ связываютъ спинами вмѣстѣ посредствомъ опояски. Спустя нѣсколько времени, поясъ разрѣзывается, и супруги разбѣгаются въ противуположныя стороны, при чемъ нерѣдко одинъ изъ нихъ наровитъ толкнуть ногою другаго, приговаривая: «Если-де я тебѣ нехорошъ, такъ поди, ищи себѣ другаго!»

Особенно любопытны обряды, сопровождающіе смерть черемиса. Похоронные обряды ихъ основаны на томъ предположеніи, что мертвецъ имѣетъ тѣ-же потребности, какъ и живые люди, и что онъ и тѣломъ живъ, «только-де-невидно его». А такъ какъ смерть, по понятіямъ черемисовъ, является дѣломъ Керемета, вслѣдствіе чего человѣкъ умершій вступаетъ во власть злаго начала и самъ дѣлается страшнымъ и опаснымъ для живыхъ, то послѣдніе всячески стараются удовольствовать покойника всѣми средствами. Задобривая его изъ всѣхъ силъ, они чувствуютъ передъ нимъ такой-же страхъ, какъ предъ самимъ Керметемъ. На черемиса находитъ ужасъ, когда ему приснится во-снѣ покойникъ: послѣ этого онъ начинаетъ приносить богамъ жертвы, идетъ къ колдуну, чтобы какъ-нибудь оградить себя отъ мертвеца заклинаніями и волшебствомъ. По причинѣ этой боязни покойниковъ, черемисы стараются какъ можно скорѣе хоронить ихъ.

Еще при жизни больнаго, какъ скоро онъ почувствуетъ приближеніе смерти, сынъ его или родственникъ тотчасъ-же приноситъ ведро свѣжей воды, набираетъ ея немного въ ротъ и вспрыскиваетъ ею умирающаго, приговаривая: «Вода! выкупи больнаго и возьми себѣ на руки».

Лишь только больной испуститъ послѣдній вздохъ, сейчасъ-же кто-нибудь изъ его семьи идетъ уже сзывать сосѣдей для снаряженія его въ путь, но не входитъ къ нимъ въ домъ, а кличетъ подъ окнами. Тѣ собираются, плетутъ ивовые лапти, сколачиваютъ «домовище» (гробъ), и выносятъ покойника на дворъ на лубкѣ; тамъ обмы-

ваютъ его водою, обрѣзываютъ ногти у рукъ и ногъ, надѣваютъ на него рубаху, порты и балахонъ, обуваютъ въ бѣлыя онучи и въ новые лапти, опоясываютъ ремнемъ, къ которому съ правой стороны придѣлана желѣзная скобка для вкладки топора, а съ лѣвой—ножны для охотничьяго ножа; на руки надѣваютъ рукавицы или варежи, а на голову — шапку или шляпу, смотря по времени года. Затѣмъ опять вносятъ покойника на томъ-же лубкѣ въ избу, гдѣ кладутъ его въ передній уголъ на лавку и накрываютъ новиною.

Пока одни одѣваютъ покойника, другіе между тѣмъ пекутъ блины, и кончивъ это занятіе, ставятъ ихъ на лавку, поближе къ лицу покойника.

Когда всѣ будутъ въ сборѣ, старшій членъ семейства приноситъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ, налѣпляетъ ихъ вокругъ полѣна и ставитъ его на лавку. Окончивши это, зажигаетъ свѣчи, надѣваетъ шапку, становится у стола на колѣни и читаетъ молитву, прося Чембулата (повелителя ада) умилостивиться надъ умершимъ и помѣстить его въ свѣтлое мѣсто, а не въ темное. По совершеніи молитвы, наскоро ѣдятъ блины и затѣмъ выносятъ умершаго, все на томъ же лубкѣ, во дворъ, гдѣ опускаютъ его въ поставленный уже въ сани или телѣгу гробъ, на постланный въ немъ войлокъ и подушку. Послѣ этого въ пазуху покойнику кладутъ *азрекинды*—«смертныя лепешки» изъ сдобнаго тѣста, а въ карманъ—кошелекъ съ деньгами, говоря: «Откупи кровь свою отъ смерти». Сбоку — умершему кладутъ въ гробъ: мужчинѣ—трубку, ножъ, лыко, кочедыкъ, все это для работы, а женщинѣ—иголку, нитки и скроенную рубашку, чтобы и ей было чѣмъ заниматься на томъ свѣтѣ; съ другаго боку помѣщаютъ пару бѣлья на перемѣну, и розги, чтобы отгонять нечистыхъ духовъ. Кромѣ того, дѣлаютъ въ гробу, подлѣ головы покойника, маленькую дырочку, чтобы онъ могъ видѣть наружу. Наконецъ, одѣваютъ умершаго сверхъ всего кафтаномъ и закрываютъ гробъ крышкою. При этомъ никто не плачетъ и не прощается съ покойникомъ.

Прежде чѣмъ выѣхать со двора, сынъ или родственникъ скончавшагося берется за задокъ саней или телѣги и дергаетъ ихъ три раза, приговаривая: «Оставь свое счастье мнѣ и нашему дому!» Затѣмъ ѣдутъ на кладбище, причемъ никто не оглядывается, чтобы не вызвать новаго покойника. Прибывши на могилу, тотъ же родственникъ умершаго бросаетъ въ нее монету и говоритъ: «На, куни на эти деньги землю!» а каждый изъ провожающихъ кладетъ на гробъ блинъ, говоря: «Это тебѣ пригодится».

Предъ опущеніемъ гроба въ могилу, еще разъ вскрываютъ крышку его, открываютъ лицо покойнику и говорятъ: «Погляди еще на бѣлый свѣтъ»— и затѣмъ совсѣмъ уже заколачиваютъ крышку, спускаютъ гробъ въ могилу и зарываютъ. Послѣ этого зажигаютъ на ней три свѣчи, въ честь какихъ-то трехъ святыхъ братьевъ, а картъ читаетъ молитву, прося боговъ, чтобы они успокоили умершаго, чтобы онъ не шатался по свѣту и не мѣшалъ живымъ. Наконецъ, всѣ возвращаются въ деревню, и, вымывшись въ банѣ, расходятся по домамъ.

Оставшееся послѣ покойника платье, щепы отъ гроба, лубокъ и проч., какъ нечистое, выносятъ въ поле, бросаютъ тамъ или сожигаютъ.

Поминовеніе умершихъ совершается у черемисъ на седьмой и сороковой день по смерти, въ *Щолоковъ день*—на Страстной недѣлѣ, въ Радоницу, на Семикъ и дома во всякое время.

Наканунѣ седьмаго дня, въ домѣ покойнаго варятъ пиво и заготовляютъ водку, а въ самый день поминовенія приготовляютъ разные съѣстные припасы.

Къ вечеру седьмаго дня собираются родственники и знакомые, каждый съ своими припасами и съ своею восковою свѣчею. Всѣ припасы ставятъ у двери на лавку, надъ которою придѣлываютъ полку. На послѣднюю налѣпляютъ восковыя свѣчи, каждый смотря по количеству умершихъ въ его домѣ. Всѣ свѣчи зажигаются, и

по яркости ихъ пламени узнаютъ, каково родителямъ на томъ свѣтѣ. Если свѣчи обтекаютъ, это знакъ того, что покойникамъ плохо и они плачутъ.

Когда все готово, сынъ умершаго или родственникъ его беретъ штофъ водки, буракъ пива и ватрушку; закладываетъ лошадь въ телѣгу или сани, разстилаетъ въ нихъ войлокъ и подушку, и отправляется на кладбище приглашать покойника. Подъѣхавъ къ могилѣ, зоветъ усопшаго домой въ гости говоря: *Нелештунъ-кинель*! т. е. «вставай, поминки тебѣ!» Затѣмъ льетъ на могилу часть пива и водки, а остатки самъ выпиваетъ; ватрушку кладетъ также на могилу, приговаривая: *кочь, кочь, кочь*! т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь»! Послѣ этого произноситъ слѣдующую молитву: «При свѣтѣ ходи; ой батько! На чужую сторону ушелъ! Будь у тебя хлѣба и соли вдоволь, съ пріятелями дружно живи. Мы остались сиры и млады! рукъ отъ работы не отнимай; скотину не мучь, семейства не разстроивай. Вотъ тебѣ свѣчка! всегда при свѣтѣ ходи. Для тебя напекли ватрушекъ, яичницъ и блиновъ. Прими мое угощеніе: ѣшь, пей, да пѣсенки распѣвай»! По прочтеніи молитвы, возвращается домой, сидя на козлахъ и воображая, что позади его въ телѣгѣ или саняхъ сидитъ самъ покойникъ.

Всѣ домашніе и гости выходятъ встрѣчать умершаго, воображая также, что онъ входитъ съ ними въ избу. Сынъ умершаго или распорядитель поминокъ становится на колѣна, передъ полкою съ зажженными свѣчами, и читаетъ молитву, прося Чембулата предоставить покойному свѣтлое мѣсто и избавить его отъ всякихъ мученій. Послѣ этого каждый изъ присутствующихъ откладываетъ часть съѣстныхъ припасовъ въ особую чашку, говоря: «Шожо» т. е. пусть дойдетъ по назначенію». «Вамъ темно въ землѣ — пусть свѣтло будетъ! пусть лежащая надъ вами земля будетъ легкою! живите въ обиліи и сытости, не пивши, не ѣвши не ходите; сытно наѣвшись — гуляйте съ пѣснями и плясками, чтобы было шумно и весело вамъ»!

Затѣмъ, всѣ оставшіеся припасы съѣдаютъ сами, а чашку съ положенными въ нее кусками выносятъ на дворъ или на улицу и разбрасываютъ собакамъ, которыя собираются на поминки по чутью огромными стаями. Если при этомъ собаки будутъ ѣсть тихо и мирно, то замѣчаютъ, что покойнику «скучна жить;» а если собаки раздерутся и станутъ сильно грызться одна съ другою, то съ восторгомъ говорятъ, что «ему тамъ весело жить».

Возвратившись въ избу, всѣ начинаютъ пить и пировать, при чемъ сынъ или родственникъ умершаго надѣваетъ оставшуюся послѣ покойнаго одежду: рубаху, балахонъ, рукавицы и шапку и садится въ передній уголъ, изображая самаго усопшаго. Домашніе начинаютъ звать наряженнаго именемъ умершаго, отцомъ или братомъ, съ колѣнопреклоненіемъ подносятъ ему ватрушку и стараются угостить его какъ можно лучше. Будучи на-веселѣ, мнимо-умершій начинаетъ разсказывать окружающимъ разную небылицу о томъ, какъ онъ по смерти живетъ хорошо, видится со всѣми до него умершими, о себѣ же не велитъ тужить, а почаще поминать. Наконецъ, загробный гость напивается до того, что пускается въ пляску, во всей одеждѣ покойнаго, подъ игру пузырщика и стукъ барабана, при чемъ всѣ гости прихлопываютъ ему въ ладоши. Пиръ продолжается далеко за полночь. Каждый пируетъ до тѣхъ поръ, пока не догоритъ принесенная имъ свѣча; но если и послѣ этого идти домой все таки не хочется, то приносятъ новую свѣчу,—и такимъ образомъ продолжаютъ пировать «до гвоздя».

Упившись до нельзя, гости расходятся по домамъ, мнимо-умершій раздѣвается, а остатки отъ пиршества выбрасываютъ на лѣстницу, для непоминаемыхъ никѣмъ покойниковъ, со словами: «Это голодному, зяблому, бродячему».

На другой день мнимо-умершій, ту одежду, которую надѣвалъ наканунѣ, изображая отца или брата, тщательно стряхиваетъ, и, взявъ съ собою пива и съѣстныхъ припасовъ, отправляется прово-

жать покойника на кладбище; но, не доѣзжая до половины дороги, выпиваетъ все пиво, припасы разбрасываетъ и возвращается домой.

Любопытно также общее поминовеніе умершихъ въ «Щелоковъ» день.—Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, который называется у черемисъ *пель-конъ-кече*, «канунъ щелокова дня», они раскладываютъ на огородахъ огни, чтобы умершіе родственники руки погрѣли. Затѣмъ пекутъ блины, приготовляютъ изъ золы щелокъ, и все это ставятъ въ баню, воображая, что покойники въ эту ночь придутъ сюда мыться. На другой день, въ среду, черемисы сами пьютъ тамъ пиво, а блины еще не трогаютъ, въ томъ предположеніи, что можетъ быть, кто нибудь изъ покойниковъ вздумаетъ во второй разъ помыться.

Настоящее поминовеніе начинается собственно въ Великій четвергъ, который называется у нихъ *варъ-конъ-кече*—«злой Щелоковъ день». Въ этотъ день опять пекутъ блины, приготовляютъ лепешки, ватрушки, дѣлаютъ яичницу и налѣпляютъ восковыя свѣчи вокругъ полѣна, которое, вмѣстѣ съ съѣстными припасами, кладутъ на лавку. На столъ разстилаютъ рубаху, оставшуюся послѣ покойнаго, и ставятъ подлѣ нея, для угощенія умершаго, одинъ стаканъ съ пивомъ, другой съ водкой и ватрушку, приговаривая: *кочь, кочь кочь*, т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь».

Помянувъ каждый своихъ покойниковъ домашнимъ образомъ, всѣ, собираются потомъ въ одну чью либо избу, въ которой выбранный картъ зажигаетъ множество восковыхъ свѣчей и, ставши на колѣна, приглашаетъ мысленно всѣхъ покойниковъ принять участіе въ званомъ пиру, и затѣмъ громко произноситъ молитву, подобно той, какая читается при поминовеніи въ седьмой день. Послѣ этого всѣ принимаются ѣсть и пить, а оставшееся выбрасываютъ собакамъ, говоря «и вы собаки, помяните родителей». За тѣмъ идутъ всѣ поминать въ другой домъ, оттуда—въ третій и. т. д., пока не обойдутъ всей деревни.

Вообще черемисы охотники повеселиться, попить, поѣсть, а вѣрованія ихъ представляютъ къ этому множество случаевъ.

Признавая особыхъ боговъ почти для каждаго мелкаго предмета въ природѣ и жизни, они чрезъ это имѣютъ возможность обращать въ праздники такія обыденныя явленія въ хозяйствѣ, какъ случай отеленія коровы. Такъ, по поводу этого событія, хозяйка пять дней собираетъ молоко для угощенія, а на шестой день самъ хозяинъ беретъ ковшъ воды и плещетъ изъ него въ печку, прося коровьяго бога—*Вичэ-шачахша*, чтобы теленокъ выросъ съ печь, чтобы корова была суха и давала побольше молока; послѣ этого приноситъ въ жертву кашу съ масломъ и проситъ, чтобы у него было столько скота, сколько у коровы шерсти и чтобы одинъ конецъ стада былъ «въ оврагѣ, а другой—въ сараѣ».

Осенью, ежегодно, черемисы варятъ въ честь домоваго кашу изъ пива и крупы, пекутъ блины, и ставятъ все это въ подполье, прося дѣдушку сдѣлать домъ ихъ счастливымъ, а дворъ—на удивленіе прочимъ.

Вѣра въ нечистую злую силу между черемисами сильно развита. Они не только производятъ отъ Кереметя безчисленное множество злыхъ духовъ и обращаютъ въ подчиненіе имъ всѣхъ умершихъ людей, но переносятъ злую силу и на нѣкоторыхъ изъ живыхъ людей, называемыхъ *локтышями*, т. е. колдунами. Черемисы увѣряютъ, что колдунъ можетъ въ одну ночь, не смотря на ея краткость, пройти до 50 верстъ. Локтышь можетъ пустить порчу по вѣтру; попадетъ она въ человѣка—онъ заболѣетъ, въ скотину—падетъ, въ дугу—она сломается. Есть только одно хорошее средство противъ колдовства—рябина. Къ локтышю обращаются даже вмѣсто карта за совѣтомъ относительно жертвы какому нибудь богу, и по случаю всякихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ лечитъ больныхъ разными травами.

Ворожбою занимаются и женщины. Онѣ гадаютъ по разному;

нѣкоторыя щупаютъ пульсъ, другія смотрятъ въ глаза, третьи смотрятъ въ воду, болтая при этомъ разный вздоръ. Между прочимъ гадаютъ и на иглахъ. Для этого берутъ четыреугольную продолговатую дощечку; на одномъ концѣ ея кладутъ камешекъ, а на другомъ—кусочекъ угля. Потомъ привѣшиваютъ на нить иголку, и, держа ее за нитку надъ дощечкою, начинаютъ слегка раскачивать, между камешкомъ и углемъ. При этомъ предсказываютъ удачу или неудачу, смотря по тому, обо что ударится игла—о камешекъ или объ уголь.

По понятіямъ черемисъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, злою силою можетъ обладать каждый изъ нихъ, безъ исключенія. Такъ, если черемисъ имѣетъ на кого нибудь злобу, то онъ старается *испортить* врага; но это дѣлаетъ не самъ, а проситъ Кереметя, обѣщая ему принести за это въ жертву лошадь или другое животное. При этомъ самъ печетъ три лепешки, коптитъ надъ огнемъ мѣдный грошъ, который и подбрасываетъ къ дому того, на кого имѣетъ злобу, говоря: «у меня нѣтъ скотины, у него много, отними ее»! — Чтобы нанести ущербъ сосѣду, черемисинъ прибѣгаетъ еще къ слѣдующей продѣлкѣ: весною надѣваетъ рубаху, порты и балахонъ на изнанку лапти обуваетъ пятками впередъ, и такъ приходитъ въ полѣ къ своей пашнѣ, выкапываетъ съ корнемъ часть озимаго, и проситъ *шурта*, обѣщая ему что нибудь, чтобы растеніе въ его поляхъ было лучше, а у прочихъ хуже.

Злая сила призывается также *чрезъ присягу*, къ которой приводитъ черемисъ ихъ собственный картъ. Онъ кладетъ на полъ старую высохшую лутошку, отрѣзываетъ кусочекъ хлѣба и посыпаетъ его солью; потомъ ставитъ присягающаго на колѣна предъ лутошкою и говоритъ: «Юму и Кугужу боишься-ли? жену, дѣтей, скотъ имѣть желаешь-ли? жить на свѣтѣ хочешь-ли? Послѣ утвердительныхъ отвѣтовъ со стороны присягающаго на всѣ эти вопросы, картъ говоритъ ему: «о чемъ будутъ спрашивать, долженъ показать правду»! и даетъ присягающему кусочекъ хлѣба съ ножа такъ, чтобы онъ съѣлъ не касаясь. Затѣмъ картъ переводитъ его черезъ лутошку, послѣ чего ломаетъ ее чрезъ колѣно, приговаривая: «если покажешь неправду, сердце каменное у тебя будетъ, худо тебѣ будетъ, изсохнешь, какъ эта лутошка»!—Споры объ имуществѣ, скотѣ и проч. рѣшаются слѣдующимъ образомъ: спорящіе уходятъ на могилу; тамъ истецъ смѣриваетъ ростъ отвѣтчика и длину могилы, и становится на колѣна, послѣ чего слѣдуетъ повтореніе всѣхъ вышеприведенныхъ вопросовъ съ одной стороны и отвѣтовъ съ другой. Солгавшій при этомъ, по ихъ мнѣнію, непремѣнно умретъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

ПЕРМЯКИ.

Пермяки, когда-то весьма многочисленное племя, нынѣ считается въ числѣ не болѣе 60,000 душъ, живущихъ въ Пермской и частью въ Вятской губерніяхъ.

Новгородцы были первыми изъ русскихъ, познакомившихся съ Пермскою страною или Біармією, богатою солью, металлами и пушнымъ звѣремъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы обложили пермяковъ данью и построили въ ихъ землѣ городъ Вятку. До конца XV вѣка пермская земля оставалась полусвободною и продолжала торговать съ Русью. Іоаннъ III смѣстилъ послѣдняго пермскаго царя и послалъ для управленія своего намѣстника. Въ христіанство они были обращены въ XIV вѣкѣ св. Стефаномъ пермскимъ.

Живя отдѣльными группами и составляя совершенно отдѣльныя общины, они тѣмъ не менѣе уже совершенно обрусѣли и русскій элементъ въ нихъ совершенно преобладаетъ надъ первобытнымъ. Небольшіе остатки и признаки самобытности племени исчезаютъ весьма замѣтно, и уже очень недалеко то время, когда долженъ исчезнуть и послѣдній слѣдъ. Когда-то рослое и сильное племя, нынѣ пермяки едва достигаютъ средняго роста и обладаютъ почти ничтожною физическою силою. Пауль, въ своемъ сочиненіи «Les peuples de la Russie» приводитъ одинъ весьма замѣчательный примѣръ силы и долговѣчности одного семейства пермяковъ, которое сохранило свою кровь въ чистотѣ безъ всякой примѣси. Одинъ изъ членовъ этого семейства поднималъ телѣгу съ тяжестью 25 пудовъ муки и ставилъ ее на другую; онъ дожилъ до 115 лѣтъ, а отецъ его умеръ 112 лѣтъ.

Широкія плечи, короткая и тонкая шея, плоская грудь, короткія ноги, толстыя руки и широкая ступня придаютъ пермяку довольно безобразный видъ. Голова обыкновенно бываетъ маленькая и угловатая, а лобъ плоскій и крѣпкій. Замѣчательный контрастъ составляютъ жесткія руки, которыя по большой части тонки и съ хорошими пальцами.

Между пермяками довольно рѣзко различаются два типа. Одинъ съ свѣтлорусыми волосами съ рыжимъ оттѣнкомъ, широкое желтоватое лицо, сѣрые глаза, широкій приплюснутый носъ, толстыя губы и грубый подбородокъ. Другой типъ имѣетъ каштановые съ чернымъ оттѣнкомъ волосы, продолговатое смугласто цвѣта лице, каріе или черные глаза, прямой тонкій носъ, тонкія губы и острый подбородокъ.

Вообще, какъ мужскіе, такъ и женскіе типы не красивы; полуоткрытые глаза лишены всякаго выраженія, и только страсть или вообще какое нибудь внѣшнее впечатлѣніе придаетъ имъ на минуту жизнь. Прочія черты лица въ совокупности выражаютъ умственную ограниченность, чувственность и упрямство.

Въ молодыхъ лѣтахъ глаза пермяковъ имѣютъ болѣе живое выраженіе, но женщины почти лишены бровей и имѣютъ слабо развитую грудь. Головной уборъ у женщинъ тотъ же, что и у русскихъ; замужнія носятъ два гребня; незамужнія же одинъ.

Праздничная рубаха пермяковъ дѣлается изъ бѣлаго холста и

бумажнаго или шерстянаго воротника, вышитаго красными узорами; штаны изъ той же матеріи со складками на бедрахъ и чаще всего голубаго цвѣта. Въ холодное время носится обыкновенный бѣлый армякъ. Женщины по большой части носятъ русскій костюмъ, а въ торжественные дни надѣваютъ сарафаны и повойники. Одежда содержится дурно и не отличается чистотою. Вообще пермяки живутъ очень бѣдно и грязно.

Относительно здоровья слѣдуетъ замѣтить, что они довольно здоровы и легко переносятъ какъ суровый климатъ, такъ и тяжелыя работы, которыми занимаются. Господствующая болѣзнь у нихъ—скорбутъ происходящая отъ дурнаго питанія, а также разныя другія болѣзни, происходящія отъ дымныхъ и грязныхъ жилищъ, въ которыхъ живутъ пермяки.

Нравственность какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣвушекъ стоитъ на самой низкой степени.

Ограниченный въ своихъ умственныхъ способностяхъ, пермякъ отличается сварливостью, злостью и мстительностью между своими земляками, и въ то же время робостью съ посторонними.

Упрямство, настойчивость, скрытность и недовѣрчивость, при чрезвычайной тупости, составляютъ не маловажные недостатки пермяковъ. Люди съ свѣтлымъ здравымъ умомъ между ними рѣдки, но на разныя плутни есть много способности. Грамотности между ними почти не существуетъ вовсе. Въ пермскихъ имѣніяхъ гр. Строгонова едва 4 мужчины на 1000 человѣкъ и 2 женщины на 2000 человѣкъ грамотные.

Говоритъ пермякъ вообще мало, очень суевѣренъ, предается чувственности, пьянству и вообще всякой невоздержности, что замѣчается одинаково какъ между мужчинами, такъ и женщинами.

Повѣрья и предразсудки и другіе обряды у пермяковъ главнымъ образомъ почти тѣ же, что и у русскихъ. Мы немного остановимся на тѣхъ, которыя встрѣчаются исключительно только у однихъ пермяковъ. Такъ лѣшій, по мнѣнію пермяковъ, очень любитъ русскій листовой табакъ; чтобы задобрить его, стоитъ только снести, пачку табаку въ ближайшій лѣсъ и положить гдѣ нибудь на пень.

Когда кто нибудь въ домѣ умретъ, то его кладутъ не на столъ что считается большимъ грѣхомъ, а на лавку. Гробъ дѣлаютъ не иначе, какъ на улицѣ, и всѣ щепки и остатки дерева сжигаются. Когда покойникъ уже положенъ въ гробъ, ему кладутъ въ руки нѣсколько мѣдныхъ монетъ, а сверху на гробъ кладутъ красные поясочки, мочало и хлѣбъ или рыбный пирогъ. Провожающіе покойника садятся на его гробъ и поютъ разныя пѣсни, особеннымъ печальнымъ тономъ. Поясочки и другія вещи, лежащія на гробѣ, раздаютъ встрѣчнымъ на дорогѣ. Милостыню подаютъ не иначе какъ черезъ гробъ, а покойника какъ лѣтомъ, такъ и зимою отвозятъ на могилу не иначе какъ въ саняхъ, которыя бросаются на могилѣ; брать ихъ домой—значитъ будетъ еще покойникъ.

Поминки совершаются на могилахъ также, какъ и у русскихъ, съ тою только разницею, что обыкновенно на томъ мѣстѣ, гдѣ приходится голова покойника, вырываютъ ямку, наливаютъ въ нее брагу, приговаривая: «пей, пей, какъ ты прежде пивалъ».

Знахари играютъ ту же роль, что и у великоруссовъ; но у здѣшнихъ знахарей существуетъ особый родъ знахарства *«черъ эшванъ»* (вѣшать топоръ).

Заболѣвшій пермякъ, отправляясь къ знахаркѣ, беретъ съ собою въ узелокъ воскъ, мѣдныя деньги и шишку хмѣля. Колдунъ или колдунья свѣчу ставитъ къ образамъ, вынимаетъ нѣсколько каленыхъ угольковъ изъ печи, растираетъ хмѣль въ порошокъ, снимаетъ съ себя крестъ, беретъ топоръ, и вѣшаетъ его подобно безмѣну на снурокъ. Приведя его въ равновѣсіе, знахарка начинаетъ перебирать имена святыхъ, въ честь которыхъ находятся въ околодкѣ

церкви, и наблюдаетъ при имени какого святаго топоръ выйдетъ изъ равновѣсія. Положивъ топоръ на мѣсто и посмотрѣвъ на хмѣль и воскъ, знахарка объявляетъ посѣтителю какимъ средствомъ онъ можетъ получить желаемое, т. е. совѣтуетъ ему сходить въ церковь и поставить святому свѣчу величиною въ руку, въ цѣлый ростъ, смотря по тому, весь-ли человѣкъ болѣнъ, болятъ-ли у него руки или ноги, или велитъ отслужить по комъ нибудь панихиду.

Черъ-эшванныя свѣчи, приготовляемыя кругами въ видѣ веревочки, можно видѣть передъ образами во всѣхъ почти церквахъ, находящихся въ пермяцкихъ селеніяхъ.

Вообще въ религіозномъ отношеніи пермяки представляютъ уродливое подражаніе христіанамъ. Въ церковь они ходятъ очень рѣдко оттоваривась недосугомъ; многіе бывали въ церкви въ продолженіе всей своей жизни только два раза: одинъ при крещеніи, другой во время свадьбы. Говѣютъ и исповѣдываются весьма немногіе, а пріобщаются еще менѣе. Посты же, напротивъ, соблюдаютъ весьма строго, особенно старики и старухи. Молитвы знаютъ только самыя краткія, да и то читаютъ ихъ неправильно, искажая чуть ли не каждое слово. Вообще понятія ихъ о вѣрѣ самыя шаткія и темныя, почему не удивительно, что между ними не встрѣчается раскольниковъ.

Но если пермяки отстали отъ русскаго взгляда въ религіозномъ отношеніи, то далеко превзошли его своимъ суевѣріемъ. Нигдѣ въ Великоросіи колдуны, знахари и разные другіе шарлатаны не пользуются такимъ довѣріемъ какъ между пермяками.

Сами себя пермяки называютъ, также какъ и зыряне, коми; названіе же пермяковъ дано имъ русскими. Языкъ есть одна изъ отраслей чудскаго или финскаго и вообще бѣденъ; одно и то же выраженіе нерѣдко имѣетъ множество значеній; а многія русскія слова, вошедшія въ языкъ пермяковъ, приняли форму туземнаго языка. Такъ напримѣръ русское слово думать измѣнилось въ *думайтны*; балть, т. е. говорить—въ *баятны* и проч. По неимѣнію родовъ и по недостатку многихъ глаголовъ, пермяки вмѣсто мужскаго рода употребляютъ женскій и наоборотъ: *Мой баба пропавъ*, говоритъ напримѣръ пермякъ съ случаѣ смерти своей жены. Вообще же всѣ они понимаютъ русскій языкъ и почти всѣ говорятъ на немъ.

XVI. ВОГУЛЫ.

Вогулы принадлежатъ къ той отрасли финскаго племени, которая называется *угрскою*, заключающею въ себѣ и остяковъ, и родственною съ мадьярами или венграми. Они живутъ главнымъ образомъ въ Сибири, въ Тобольской губерніи, но часть ихъ есть и по сю сторону Уральскаго хребта въ Пермской губерніи.

Когда-то дикіе и безпокойные вогулы нынѣ отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ, хотя не лишеннымъ многихъ недостатковъ, какъ-то: жестокости и упрямства. Наиболѣе цивилизованные изъ вогуловъ отличаются ото всѣхъ прочихъ финскихъ племенъ веселостью и живостью характера. Они впрочемъ постепенно утрачиваютъ свой видовый типъ и смѣшиваются съ другими племенами.

Не ища никакого труда или работы, вогулъ въ то же время и не боится ихъ. По природѣ своей онъ охотникъ, и зимнее время, время охоты—для него настоящій праздникъ. Онъ преслѣдуетъ звѣря по цѣлымъ днямъ и, убивъ его, удовлетворяетъ имъ только свою потребность, а остальное прячетъ и продолжаетъ охоту, возвращаясь къ спрятанной добычѣ только по окончаніи. Лѣтомъ вогулъ предпочитаетъ ничего не дѣлать, и только крайняя необходимость существованія заставляетъ его переходить къ берегамъ рѣкъ для рыбной ловли и охоты на птицъ.

У вогуловъ нѣтъ ни пашень, ни огородовъ, и только немногіе изъ нихъ занимаются скотоводствомъ. Звѣриною же ловлею они занимаются со страстью, употребляя для охоты ружья, луки, стрѣлы и рогатины.

Вогулы, живущіе по р. Кондѣ въ Сибири ведутъ совершенно осѣдлую жизнь и до того обрусѣли, что ихъ нельзя отличить отъ русскихъ крестьянъ: тѣ же дома, та же одежда и рѣчь, и вся разница замѣчается только въ томъ, что, умѣя говорить по русски, эти вогулы не забыли и свой родной языкъ.

Въ Пермской губерніи тоже пріучаютъ вогуловъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію, но не имѣютъ успѣха: дремучіе лѣса и охота привлекаютъ вогула гораздо болѣе чѣмъ хлѣбопашество.

Вогулъ молчаливъ, и на лицѣ его рѣдко можно подмѣтить знаки удовольствія; даже во время танцевъ и возбужденія табакомъ и водкою его физіономія сохраняетъ свое обычное спокойствіе и угрюмость. Въ то же время вогулъ, въ противуположность остяку и самоѣду, почти никогда не жалуется ни на что; его сжатыя губы, глубокій и мрачный взглядъ рѣзко выражаютъ непреклонный характеръ.

Наиболѣе сохранили свой наружный типъ вогулы, живущіе въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ Пермской губерніи. Эти вогулы роста болѣе средняго, цвѣтомъ лица походятъ на сибирскихъ инородцевъ; волосы имѣютъ черные, часто кудрявые, узкіе глаза, небольшой, нѣсколько приплюснутый носъ, и значительно выдающіяся скулы. Нѣкоторые не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, у другихъ небольшіе усы, но борода такъ мала, что едва прикрываетъ подбородокъ или состоитъ изъ нѣсколькихъ волосковъ.

Одежда вогуловъ почти не отличается отъ платья русскаго крестьянина, а пища крайне не взыскательна; нѣкоторые изъ вогуловъ и нынѣ еще ѣдятъ конину. Приготовляется же пища чрезвычайно

неопрятно. Рыбу напримѣръ варятъ они вмѣстѣ съ внутренностями и чешуей въ котлахъ, которые никогда не моютъ. Сначала ѣдятъ наваръ, а потомъ грязными руками и рыбу.

Жилища ихъ также крайне неопратны. Оригинальна бываетъ дѣтская колыбель, устраиваемая слѣдующимъ образомъ: берутъ большую бересту длиною около аршина, а шириною около двухъ четвертей, закругляютъ края, перегибаютъ по серединѣ почти подъ прямымъ угломъ и подвѣшиваютъ къ потолку. Посадивъ въ эту корзину ребенка, привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ, и ребенокъ спитъ въ сидячемъ положеніи.

Въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ вогулы стоятъ очень низко. Живя въ отдаленіи отъ большихъ селеній, гдѣ есть церкви, и занимаясь рыбною ловлею и звѣриною охотою, они не имѣютъ возможности посѣщать церкви и исполнять христіанскія обязанности. Многіе доднѣ предаются шаманству и до сихъ поръ сохранили обряды этой религіи и между прочимъ принесеніе въ жертву богамъ лошадей.

Лѣность вогуловъ составляетъ главную причину ихъ бѣдности, а равнодушіе къ своему положенію поразительно. Часто случается, что къ семействѣ нечего ѣсть, а вогулъ куритъ себѣ трубку и играетъ въ карты.

При всѣхъ недостаткахъ у вогула есть и нѣкоторыя хорошія черты, между которыми выдаются состраданіе и гостепріимство. Передъ начальствомъ вогулы боязливы, между собою тихи, а съ промышленниками, пріѣзжающими къ нимъ за мѣхами и рыбою, даже хитры. Такъ, вогулъ съ разу не покажетъ промышленнику всего своего товара, а дѣлаетъ это постепенно, чтобы подзадорить покупатели. Но за то какъ только отвѣдаетъ онъ водки, то вся хитрость его тотчасъ же исчезаетъ, твердость пропадаетъ, онъ дѣлается мягкимъ и сговорчивымъ. Тутъ онъ выкладываетъ передъ покупателемъ все свое богатство и изъ за лишняго боченка водки продаетъ за безцѣнокъ дорогіе товары.

Въ жизни ихъ нѣтъ ничего выдающагося; свадебные обряды они совершаютъ безъ всякихъ церемоній, просто платя за жену отъ 10 до 30 рублей, а умершихъ погребаютъ въ лѣсахъ, кладя вмѣстѣ съ покойникомъ ножъ, огниво, табакъ, его лукъ и стрѣлы. Музыкальный инструментъ ихъ нѣчто въ родѣ балалайки съ шестью металлическими струнами. Подъ звукъ этого инструмента вогулы распѣваютъ свои пѣсни, въ которыхъ воспѣваютъ медвѣдя. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ пѣсенъ сохранились героическія преданія, въ которыхъ вспоминается о бывшемъ могуществѣ вогуловъ и ихъ прошедшемъ величіи.

И дѣйствительно, вогулы были нѣкогда сильнымъ племенемъ, которое вело войны съ сосѣдями и упорнѣе другихъ инородцевъ сопротивлялось русской власти. Они жгли русскіе города и села, уводили въ плѣнъ жителей, а перваго проповѣдника христіанства епископа Питирима, замучили до смерти. Только съ устройствомъ Пелымскаго острога въ 1593 году, обращеннаго въ 1693 году въ городъ, вогулы усмирились.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вогулы, которые быстро идутъ къ полному исчезновенію, не были первобытными жителями занимаемой ими нынѣ земли. По всей вѣроятности, другой народъ, болѣе образованный, жилъ здѣсь въ городахъ, и что вогулы и остяки пришли сюда уже позже, и весьма можетъ быть, что они явились сюда изъ мѣстъ, занятыхъ нынѣ башкирами.

Общее число вагуловъ доходитъ въ 3,000 душъ.

Въ заключеніе сюда же, къ финскому племени принадлежатъ еще лопари и самоѣды но о лопаряхъ будетъ говорено далѣе, когда мы будемъ описывать жителей тундръ.

СЕМИТИЧЕСКОЕ ПЛЕМЯ.

XVII. ЕВРЕИ.

Историческія черты; характеръ и домашній бытъ.

Евреи разселены по всему пространству Россіи какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; наиболѣе же всего они сосредоточены въ Привислянскомъ краѣ, сѣверо-и югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Общее число ихъ доходитъ до 2.330,000 душъ обоего пола. Евреи одинъ изъ самыхъ любопытныхъ народовъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ они служатъ представителями самаго древнѣйшаго типа. Они постоянно чуждались смѣшенія съ другими народами, а потому главнѣйшія, типическія черты сохранились между ними во всей цѣлости. Но цѣлость типа не спасла его отъ измельчанія. Евреи пережили много тяжкихъ столѣтій, гнетъ которыхъ положилъ свой роковой отпечатокъ на все ихъ существо, какъ физическое, такъ и духовное. Въ эпоху земной жизни Спасителя, Іудея находилась подъ властью римскихъ императоровъ, которые управляли ею посредствомъ своихъ прокураторовъ или намѣстниковъ. Положеніе евреевъ было очень бѣдственное. Корыстолюбивые и деспотическіе прокураторы угнетали народъ до такой степени, что иногда содержали даже шайки убійцъ и разбойниковъ, которые дѣлили съ ними добычу. Нерѣдко вспыхивали народныя возстанія, но они были подавляемы, и евреи переселялись толпами въ отдаленныя земли. Послѣдній римскій намѣстникъ, Гессій Флоръ, превзошелъ въ жестокости всѣхъ своихъ предшественниковъ и, доведенные до отчаянія евреи въ Палестинѣ, взялись за оружіе. Императоръ Неронъ послалъ для усмиренія возставшихъ войско подъ предводительствомъ Веспасіана, знаменитаго полководца того времени; но Веспасіанъ вскорѣ возвратился въ Римъ для того, чтобы принять самому императорскую корону, и поручилъ начальство надъ войскомъ сыну своему Титу. Титъ началъ осаду Іерусалима въ 70 году, во время праздника Пасхи, когда въ столицу Іудеи собралась со всѣхъ сторонъ громадная масса евреевъ. Осада эта сопровождалась всѣми ужасами голода. Кровли домовъ были покрыты умиравшими отъ голода женщинами и дѣтьми, а на улицахъ находили каждое утро до 500 человѣкъ, умершихъ голодною смертью. Только въ одни городскія ворота вынесли въ продолженіе шести недѣль 115,088 мертвыхъ, не считая тѣхъ, которые были похоронены своими родственниками.

Евреи, защищавшіеся со всѣмъ мужествомъ отчаянія, рѣшились спасти храмъ Соломоновъ или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Тысячи ихъ пали при защитѣ своей святыни. Римляне, приведенные въ ярость упорною защитою евреевъ, зажгли ворота, которыя вели во внутрь храма и, не смотря на желаніе Тита спасти великолѣпное зданіе, оно обратилось въ груды пепла и развалинъ. Множество евреевъ сами бросались на мечъ побѣдителей, не желая пережить паденія своего святилища и гибели народа. Въ продолженіе этой кровопролитной войны погибло болѣе милліона евреевъ отъ меча, голода и пламени; 67,000 оставшихся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ избрали для тріумфальной процес-

сіи Тита, другихъ заковали въ цѣпи и послали въ Египетъ для работы въ рудникахъ. Многихъ также разослали въ разныя римскія провинціи для боевыхъ игръ съ дикими звѣрьми. Послѣ паденія Іерусалима, евреи разсѣялись по всей землѣ, какъ въ христіанскихъ, такъ въ мусульманскихъ земляхъ, и начались ихъ непрерывныя, вѣковыя страданья. Нѣсколько разъ еще пытались они завоевать свою гражданскую независимость; но такъ какъ всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, то они старались уже только духовными средствами соединить всѣхъ разсѣянныхъ членовъ въ одно религіозное общество. Они раздѣлились на западныхъ и восточныхъ.

Западные — избрали себѣ духовнымъ главою патріарха, подъ названіемъ Наси; глава же восточныхъ евреевъ носилъ названіе Решъ-Гелута. Евреи твердо вѣрятъ еще и донынѣ, что Богъ возвратитъ ихъ когда нибудь въ отечество и что ихъ потомки возстановятъ храмъ Соломона.

Отсюда проистекаетъ ихъ приверженность къ нравамъ, привычкамъ, часто даже къ мѣстнымъ обычаямъ ихъ отечества, которыя они принимаютъ за религіозные законы. Опасеніе, чтобы не позабылось что нибудь изъ еврейскихъ религіозныхъ постановленій, побудило раввиновъ составить Талмудъ, который оконченъ около 425 года. Но мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось между народами, евреи терпѣли все большія преслѣдованія. Особенно времена крестовыхъ походовъ были самою грустною эпохою въ ихъ исторіи. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ ихъ преслѣдовали сильнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, евреи въ праздничные дни не должны были открывать своихъ лавокъ. Во время Страстной недѣли не смѣли показываться на улицахъ, чтобъ не встрѣчать христіанъ. Похороны, свадьбы и другія публичныя церемоніи евреи должны были отправлять такъ, чтобы этого не замѣчали христіане; въ христіанскіе посты они не должны были покупать говядины; даже гражданскій законъ запрещалъ христіанамъ ѣсть, пить, купаться и пр. вмѣстѣ съ евреями, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви. Они должны были носить одежду только изъ грубаго сукна, а изъ мѣховъ могли употреблять только телячью шкуру. Они не должны были играть въ кости и давать пирушки больше чѣмъ на двѣнадцать человѣкъ. Имъ запрещалось носить оружіе, и не только обиду, причиненную еврею, но даже убійство его можно было искупить небольшою суммою денегъ.

Богатство ихъ, наживаемое торговлею, возбуждало зависть, и многіе сильные пользовались ихъ положеніемъ для удовлетворенія своего корыстолюбія.

Въ Германіи, Конрадъ IV ведѣлъ арестовать многихъ богатыхъ евреевъ; Венцеславъ простилъ всѣ долги христіанъ евреямъ, если должники, смотря по состоянію, внесутъ ему отъ 15 до 30 процентовъ. Во Франціи, въ 1182 году, отняли у евреевъ все имущество и совершенно изгнали ихъ изъ страны. Филиппъ-Августъ, имѣя надобность въ деньгахъ для крестовыхъ походовъ, опять призвалъ ихъ во Францію, а при Людовикѣ IX ихъ, какъ товаръ, перепродовали изъ рукъ въ руки.

Въ Англіи положеніе ихъ было также не менѣе тяжелое. Они были обложены тамъ огромными налогами, для храненія которыхъ было даже устроено особое присутственное мѣсто, подъ названіемъ сокровищницы евреевъ. Эдуардъ I захватилъ въ свои руки всѣ имущества евреевъ и ведѣлъ имъ вслѣдъ затѣмъ оставить страну. 16,000 евреевъ покинули Англію, чтобы искать пріюта въ другихъ государствахъ, гдѣ подверглись новымъ преслѣдованіямъ.

Не менѣе страдали евреи изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Религіозный фанатизмъ особенно преслѣдовалъ ихъ въ Испаніи. Въ 1391 году, въ Севильѣ толпа черни, возбужденная проповѣдями архіепископа Небла, умертвила около 7,000 еврейскихъ семействъ, принудивъ другихъ отречься отъ своей религіи. То же самое повторялось и въ другихъ испанскихъ городахъ. 200,000 евреевъ пере-

шли дѣйствительно въ христіанство, но только наружно. Фердинандъ, учредивъ страшный инквизиціонный судъ, придалъ видъ законности конечному истребленію всѣхъ не-христіанъ, особенно евреевъ, такъ какъ богатства осужденныхъ инквизиціею конфисковали въ пользу казны,—и для евреевъ настала самая мрачная эпоха, которую можно назвать эпохою еврейскаго мученичества. Она окончилась катастрофою, единственною въ своемъ родѣ: въ 1492 году, Фердинандъ и Изабелла издали повелѣніе, чтобъ всѣ испанскіе евреи, въ числѣ 500,000 человѣкъ, оставили страну.

Въ восточной Европѣ евреи появились во время крестовыхъ походовъ и преимущественно въ Литвѣ и Польшѣ. Нѣкоторые изъ литовскихъ князей давали евреямъ даже многія льготы. Цвѣтущее время для нихъ было царствованіе Сигизмунда-Августа, который испрашивалъ для евреевъ льготы даже у сосѣднихъ государей. Такъ въ 1549 году онъ просилъ царя Ивана Васильевича о дозволеніи литовскимъ евреямъ свободно торговать въ Россіи, на что царь отвѣчалъ, что онъ и слышать не хочетъ о народѣ, который привозилъ въ Россію отраву для души и тѣла, продавалъ смертельный порошокъ, злословилъ противъ христіанъ и проч.

Впослѣдствіи, съ присоединеніемъ къ Россіи Литвы и Польши, въ составъ различныхъ національностей Россіи вошли значительною массою и евреи.

Были, впрочемъ, монархи, которые относились къ евреямъ человѣколюбивѣе и, подъ ихъ правленіемъ, евреи отдыхали отъ своихъ страданій. Но это было только временнымъ облегченіемъ. Гораздо чаще евреи влачили самое жалкое существованіе.

Съ реформаціею положеніе евреевъ нѣсколько облегчилось: такъ какъ Лютеръ, не смотря на свое нерасположеніе къ евреямъ, проповѣдовалъ въ отношеніи ихъ терпимость. Впрочемъ положеніе евреевъ улучшалось очень медленно и не во всѣхъ странахъ.

Въ XVIII вѣкѣ, евреевъ хотя не истребляли уже огнемъ и мечемъ, но положеніе ихъ все-таки было плачевно. Въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ имъ даже запрещалось оставаться на ночь; было множество общинъ, въ которыхъ имъ не позволяли селиться, и множество недоступныхъ еще для нихъ занятій и ремеслъ. Кромѣ того, еврей публично и безнаказанно подвергался всякаго рода насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока цивилизація между христіанами развилась на столько, что нашла нужнымъ взять этотъ несчастный народъ подъ свою могучую защиту. Лессингъ, Кругъ, фонъ - Ульменштейнъ и другіе писатели были первыми проповѣдниками человѣческихъ и гражданскихъ правъ евреевъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія объ эмансипаціи евреевъ появилось до 500 сочиненій, обратившихъ общее вниманіе на этотъ вопросъ. Парижскій университетъ предложилъ премію за лучшее сочиненіе объ улучшеніи положенія евреевъ, и три сочиненія удостоились этой преміи.

Поощренные заступничествомъ христіанъ, евреи подавали просьбу въ Національное Собраніе, во время засѣданія 4-го августа 1780 года, объ уравненіи ихъ правъ съ другими гражданами. Виконтъ Ноайль и герцогъ Монмаронси побудили Національное Собраніе принять эту просьбу, и съ тѣхъ поръ всѣ ограниченія и стѣсненія евреевъ исчезли во Франціи.

Наполеонъ I, 30 мая 1806 года, созвалъ собраніе еврейскихъ депутатовъ, для того чтобы лучше ознакомить массу французскаго народа съ религіозными началами евреевъ. Отвѣты депутатовъ чрезвычайно расположили императора и народъ въ пользу евреевъ,— и съ тѣхъ поръ евреи, поддерживаемые правительствомъ, занимаются тамъ земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, искусствами и военнымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ войнами и побѣдами Наполеона распространились и въ другихъ странахъ начала терпимости и свободы евреевъ.

Съ другой стороны, распространеніе образованія между евреями не мало способствовало также къ уничтоженію вѣковыхъ преградъ между ними и другими народами.

Въ этомъ отношеніи оказалъ громадную заслугу своимъ соплеменникамъ еврейскій ученый, Моисей Мельдельсонъ, р. въ Дессау въ 1729 году и ум. въ Берлинѣ въ 1786. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ, освободилъ духъ ихъ отъ обветшалыхъ вѣрованій, пробудилъ въ нихъ любовь къ научнымъ интересамъ и указалъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Чтобы содѣйствовать болѣе разумному пониманію религіозныхъ источниковъ, онъ старался сдѣлать священное писаніе общедоступнымъ. Такъ онъ перевелъ съ древне-еврейскаго на нѣмецкій языкъ Пятикнижіе Моисея, Псалмы и Пѣснь-пѣсней.

Переводъ этотъ произвелъ сильное дѣйствіе на евреевъ не только въ Германіи, но и въ Бельгіи, Голландіи, Франціи, Испаніи и даже Польшѣ. Старые раввины предали Мендельсона анаѳемѣ, но это не помѣшало успѣху его переводовъ. Евреи прозвали Мендельсона третьимъ Моисеемъ, за то, что онъ освободилъ ихъ отъ гнета отсталыхъ понятій, внушилъ христіанамъ лучшее мнѣніе о нихъ и проложилъ путь къ ихъ сближенію съ другими народами.

Одинъ изъ послѣдователей Мендельсоновой школы, еврей Якобсонъ, преобразовалъ еврейское богослуженіе, введя въ него нѣмецкую проповѣдь, молитвы и хоральное пѣніе.

Онъ много заботился объ училищномъ преподаваніи и, въ 1809 году устроилъ въ Кассельѣ нѣмецкую школу для дѣтей и еврейскую педагогическую семинарію. Также пожертвовалъ онъ 100,000 талеровъ на учрежденіе училища, куда принимали питомцевъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Такимъ образомъ, наступилъ періодъ *образованныхъ* раввиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началась война между ними и представителями стараго раввинизма. Борьба эта еще не окончена, но уже принесла свои плоды. Многія несовременныя, обрядовыя формы потеряли всякое значеніе у германскихъ евреевъ и они все болѣе и болѣе проникаются сознаньемъ, что конечная цѣль и единственное стремленіе ихъ религіи должны быть—преданность Богу и дѣятельная любовь къ человѣчеству. Вѣковая тьма, тяготѣвшая надъ еврейскимъ народомъ, разсѣялась, и можно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ образованія между евреями, исчезнутъ окончательно всѣ предразсудки относительно этого народа и презрѣніе къ нему, которое такъ унизительно для человѣческаго достоинства.

Продолжительное жалкое существованіе еврейскаго народа не могло не принести своихъ роковыхъ плодовъ и въ современномъ намъ евреѣ,— щедушномъ, одаренномъ скуднымъ запасомъ тѣлесныхъ силъ и подверженномъ разнымъ наслѣдственнымъ болѣзнямъ, трудно представить себѣ потомка современниковъ Авраама и другихъ патріарховъ, которые вели здоровую, патріархальную жизнь, среди благословенной природы ихъ родины.

Физіономія евреевъ вообще красива. Черные волосы, умные черные глаза, скорѣе съ мягкимъ чѣмъ съ блестящимъ взглядомъ, носъ орлиный или иногда правильный,—чрезвычайно бѣлые зубы и смуглый, матовоблѣдный цвѣтъ лица: вотъ отличительные признаки ихъ наружности. Но еврей узнается съ разу, изъ цѣлой толпы иноплеменниковъ, не по этимъ признакамъ, а по какому-то исключительно, ему свойственному, неуловимому, типическому отпечатку, которымъ проникнуто все его существо. Этотъ отпечатокъ встрѣчается какъ между образованными, такъ и между необразованными евреями, между богатыми и между бѣдными и во всѣхъ странахъ. Выраженіе лица еврея, осанка, каждая черта въ немъ дышетъ чѣмъ-

то робкимъ, мягкимъ, часто заискивающимъ и униженнымъ. Сквозь эту мягкость пробивается его врожденная страстность, обнаруживающаяся въ подвижности физіономіи, въ сильной жестикуляціи въ рѣзкихъ перемѣнахъ интонацій голоса и во взглядѣ, который, не смотря на его бархатистые переливы, способенъ иногда метать молніи.

Относительно наружности евреевъ слѣдуетъ, впрочемъ замѣтить что щедушность ихъ и слабость тѣлесныхъ силъ происходитъ не отъ одного историческаго вліянія, но также и отъ разныхъ, уже отъ нихъ самихъ зависящихъ, условій ихъ быта. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ то обстоятельство, что евреи женятся рано и почти всегда бываютъ обременены многочисленною семьею. Грудныхъ дѣтей выкармливаютъ сами матери, что рано истощаетъ ихъ силы и отзывается неблагопріятно на меньшихъ дѣтяхъ. Кромѣ того еврейскихъ мальчиковъ рано начинаютъ учить грамотѣ и всей еврейской книжной премудрости. Чуть только ребенокъ достигнетъ того возраста, когда станетъ способнымъ къ ученью, ему начинаютъ вбивать въ голову Талмудъ *), и онъ просиживаетъ въ школѣ надъ ученьемъ по цѣлымъ днямъ, такъ что наконецъ корпѣнье надъ книгами превращается у него въ привычку. Отъ этого развиваюся разныя болѣзни, какъ напримѣръ: геморой, золотуха, чахотка и глазныя, которыя передаются евреями по наслѣдству ихъ дальнѣйшимъ потомкамъ. Всѣ тѣлесныя упражненія, способствующія къ укрѣпленію тѣла, какъ напр. верховая ѣзда, охота и т. п., не только не въ обычаѣ между ними, но даже считаются неприличными.

Пища евреевъ, подверженная разнымъ религіознымъ ограниченіямъ и у бѣдныхъ часто не довольно питательная, также имѣетъ неблагопріятное вліяніе на развитіе ихъ физическихъ силъ.

У насъ, въ Россіи, въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья, евреи разнятся по климатамъ. Малороссійскія евреи не высоки ростомъ, но крѣпкаго сложенія и многими физическими чертами похожи на малоросовъ. Евреи, живущіе въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи, также крѣпкаго сложенія, но ростомъ выше малороссійскихъ. Волынскіе и польскіе евреи отличаются здоровымъ сложеніемъ, легкостью и красотою. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, напротивъ, они щедушнѣе чѣмъ гдѣ либо и мѣшковатѣе.

Перейдемъ теперь къ духовной сторонѣ евреевъ. И здѣсь, какъ въ отношеніи наружности, рѣзко сказались тѣ черты, которыми народъ этотъ обязанъ своему тяжкому прошлому.

Евреи вездѣ были пришельцами и гоненія часто заставляли ихъ переселяться изъ одной страны въ другую. Они постоянно должны были трепетать за свою жизнь или имущество.

---

*) Талмудомъ называется богословская книга евреевъ, составленная учеными раввинами. Послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма, равинъ Іегуда, опасаясь чтобы при увеличивающимся разсѣяніи евреевъ устный законъ, переданный имъ предками, не исказился и не пришелъ въ забвеніе, списалъ законы, существующіе по преданію. Онъ назвалъ трудъ свой Мисина. Но краткость Мисины сдѣлала ее вскорѣ недостаточною и текстъ ея допускалъ различныя толкованія. Ученые раввины прибавили къ ней свои поясненія, изданныя, подъ названьемъ Гемара (заключеніе). Мисина и Гемара составляютъ Талмудъ. Гемара заключаетъ въ себѣ толкованіе текста Мисины, разсужденія объ отдѣльныхъ постановленіяхъ, аллегорическіе разсказы и изреченія, замѣчанія о философіи, медицинѣ, естественныхъ наукахъ и географіи, анекдоты и характеристическіе очерки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гемара составляетъ какъ бы протоколы того, что раввины говорили и дѣлали въ кругу своихъ знакомыхъ, и друзей, и того чему учили въ школахъ. Встрѣчаемые въ Талмудѣ мнѣнія ученыхъ, не относящіяся до законовъ, называются, Гагада (сказаніе); собственно же законодательная часть извѣстна подъ названіемъ Галаха.

Большинство евреевъ считаютъ Талмудъ настоящею энциклопедіею всякой премудрости. Но онъ изобилуетъ запутанными умствованіями, неразрѣшенными дилеммами и нелѣпостями. Когда талмудисты запутаются въ своей схоластикѣ такъ, что не въ состояніи разрѣшить противорѣчащихъ талмудійскихъ задачъ, то разсѣкаютъ Гордіевъ узелъ словомъ: «тейку», что означаетъ: «надо подождать до прибытія пророка Иліи».

При такомъ тяжеломъ положеніи, всѣ ихъ духовныя силы были устремлены главнымъ образомъ на защиту себя отъ притѣсненій и на спасеніе своей жизни.

Понятно, что въ ихъ духовномъ существѣ отразился недостатокъ тѣхъ вліяній, которыя имѣютъ такое громадное значеніе въ духовномъ развитіи другихъ, болѣе счастливыхъ народовъ. Это замѣтно даже въ направленіи ихъ умственной дѣятельности.

Никто не станетъ отрицать, что евреи — народъ щедро одаренный умомъ, способностями къ различнымъ наукамъ. Но «у всѣхъ евреевъ одинаковый сехель», (умъ) говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. И дѣйствительно, ихъ умственная дѣятельность однообразна. Главная черта ихъ ума, практичность, заставляла ихъ всегда предпочитать такія науки, которыя могли быть имъ полезны въ ихъ положеніи. Такъ медицина была всегда въ рукахъ ихъ могучимъ орудіемъ.

Въ средніе вѣка уважали только ремесленника, къ научной же дѣятельности относились почти съ презрѣніемъ. Христіанскихъ врачей было мало, да и познанія ихъ были не обширны. Вѣчно угнетенный и презираемый, еврей вѣрно разсчитывалъ, что его медицинскія свѣдѣнія могутъ сдѣлать его необходимымъ для его гонителей и схватился за медицину какъ за спасительную силу. Этимъ объясняется предпочтеніе евреевъ и развившаяся въ нихъ способность къ этой наукѣ. Она давала имъ власть и значеніе даже при дворахъ королей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность благодѣтельнаго вліянія на участь ихъ сплеменниковъ. Такъ, еще во времена Саладина въ Египтѣ, еврей Майлюнида былъ лейбъ-медикомъ при его дворѣ. Еврей Элій Монтальто, лейбъ-медикъ королевы Маріи Медичи, былъ въ дружбѣ съ Генрихомъ IV. Даже папа Бонифацій IV имѣлъ лейбъ-медикомъ еврея Эгила де Монтальто, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его домашнимъ другомъ. Въ Россіи, при дворѣ царя Алексѣя Михаиловича былъ также врачъ изъ евреевъ Давіель. Если же въ настоящее время евреи перестали предпочитать эту научную отрасль другимъ, то это потому, что «другія времена — другіе нравы». Они не имѣютъ болѣе надобности въ томъ орудіи, которое прежде служило имъ могущественнымъ средствомъ къ защитѣ. Способность евреевъ къ математикѣ и математическимъ наукамъ также обусловливается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что они постоянно вынуждены были заниматься торговлею. Изощряя постоянно умъ свой надъ коммерческими комбинаціями, они выработали въ себѣ талантъ къ математикѣ, который переходилъ и переходитъ по наслѣдству къ ихъ потомкамъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что между евреями, какъ и другими народами, были также извѣстные философы, астрономы, географы и другіе ученые. Замѣчательно однако то обстоятельство, что практичный еврейскій умъ рѣдко достигаетъ геніальности. Между евреями очень много талантливыхъ, людей но очень мало геніальныхъ.

Своей разсѣянности по всему міру и отчасти также религіознымъ условіямъ обязаны евреи всѣмъ извѣстною способностью ихъ къ языкамъ. Кромѣ искаженнаго древне-нѣмецкаго языка, который употребителенъ между ними въ житейскомъ быту, — каждый еврей необходимо долженъ знать еще языкъ той страны, гдѣ живетъ. Маломальски-же образованный еврей изучаетъ еще древній еврейскій или библейскій языкъ, на которомъ читаются молитвы и написаны еврейскія религіозныя книги.

Характеръ евреевъ, какъ и умственное развитіе, представляетъ продуктъ тѣхъ-же печальныхъ историческихъ данныхъ. Уже цѣлыя столѣтія тяготѣютъ надъ ними обвиненія въ различныхъ дурныхъ свойствахъ, и самые ревностные защитники этого несчастнаго народа не рѣшаются отрицать этихъ свойствъ. Постараемся-же разсмотрѣть почему и откуда привились они и вкоренились въ цѣломъ народѣ.

Дѣло въ томъ, что взглядъ евреевъ на этотъ предметъ, вырабо-

танный вѣковыми страданіями, совершенно расходится съ нашимъ. Все то, что мы называемъ дурнымъ въ евреѣ, потому-что оно дѣйствительно дурно,—въ его глазахъ почти равняется добродѣтелямъ; этимъ-то самымъ дурнымъ свойствамъ обязанъ онъ главнымъ образомъ сохраненіемъ своего существованія и національности. Они помогали ему бороться съ тѣми, кто угнеталъ его; они тысячи разъ избавляли его отъ страданія и выручали отъ тяжкихъ бѣдъ, и онъ привыкъ цѣнить ихъ въ себѣ, какъ необходимыя орудія для борьбы. Начнемъ хотя съ извѣстной всѣмъ изворотливости еврейскаго ума. Евреи вообще высоко цѣнятъ умъ. «Только тотъ бѣденъ, у кого недостаетъ ума» (Медоришъ 41), гласитъ талмудическое изреченіе. «Гдѣ дуракъ сидѣлъ—тамъ надо вытереть стулъ», говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. Въ библіи слово «глупый» (кеиль) имѣетъ такое-же значеніе, какъ и «нравственно злой», а слово умный—тождественно съ словомъ «нравственно добрый». Но преобладающая черта еврейскаго ума—острота. Самый скупой еврей скорѣе рѣшится подать милостыню, чѣмъ отказаться отъ остраго словца. Изученіе Талмуда, вызывающее на разъясненія различныхъ темныхъ мѣстъ и запутанныхъ вопросовъ, еще болѣе развиваетъ эту остроту ума, которую обстоятельства, среди которыхъ жили евреи, превратили въ изворотливость и ни съ чѣмъ несравнимую гибкость. Кому случалось имѣть какія-нибудь дѣла съ евреемъ, тотъ непремѣнно испыталъ на себѣ эти черты еврейскаго характера. Еврей такъ увертливъ въ дѣлахъ и словахъ, что вы видите ясно, какъ день, что онъ проводитъ васъ и, все-таки, онъ ускользнетъ какъ угорь, и, какъ говорится, выйдетъ сухъ изъ воды. Для насъ эта изворотливость и уклончивость—противны. Но еврей видитъ въ нихъ орудіе ума,—орудіе, которое спасало его предковъ отъ важныхъ бѣдъ и которымъ потому онъ почти гордится.

Настойчивость и терпѣніе евреевъ въ преслѣдованіи ихъ цѣлей—изумительны. Еврей готовъ перенести всякія униженія, чтобы добиться желаемаго: онъ будетъ кланяться, низкопоклонничать, льстить, переносить презрѣніе, даже оскорбленія — но все это вовсе не потому, чтобы онъ былъ такъ глубоко развращенъ нравственно и лишенъ всякаго самолюбія. Напротивъ, евреи самолюбивѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Униженіе еврея происходитъ отъ того, что, съ одной стороны, онъ считаетъ себя — «потомка избраннаго Богомъ народа» —до такой степени выше христіанина, что никакія оскорбленія со стороны послѣдняго не въ состояніи умалить его достоинства; съ другой стороны, онъ считаетъ достиженіе цѣли великимъ умственнымъ торжествомъ; но убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, когда восторжествуетъ надъ вами, окажется тѣмъ самымъ умнѣе и, слѣдовательно, по его понятіямъ, выше васъ: «когда лисица въ случаѣ, ей должно кланяться» (месулла 16), говоритъ опять-таки талмудическое изреченіе, и еврей, кланяясь лисицѣ и унижаясь предъ нею, въ тоже время хохочетъ надъ нею въ душѣ, въ полной увѣренности, что будетъ, какъ говорится, и на его улицѣ праздникъ.

Относительно знаменитаго сребролюбія евреевъ — ясно, что оно вытекаетъ прямо изъ ихъ исключительнаго положенія. Народъ этотъ, всегда лишенный самостоятельности, гражданскаго и политическаго развитія, родины, правъ, словомъ всего, что краситъ жизнь другихъ народовъ, и вѣчно нуждающійся въ средствахъ къ оборонѣ отъ притѣснителей,—привыкъ видѣть въ презрѣнномъ металлѣ сильное орудіе и возлагать на него все свое упованіе*). Не мудрено, если въ нихъ развилась страсть къ наживѣ. Еврей любитъ деньги не только за то, что онѣ часто выручаютъ изъ бѣдъ и доставляютъ всѣ житейскія блага, но и за то, что видъ ихъ радуетъ его сердце.

Надо прибавить къ этому, что евреи тщеславны и хвастливы, не чужды высокомѣрія и надменности. Всѣ евреи страстно любятъ по-

*) И дѣйствительно, богатство евреевъ не разъ спасало имъ жизнь и доставляло имъ разрѣшеніе поселиться въ какой-нибудь странѣ.

хвалы, въ особенности отъ христіанъ, и, не смотря на то, что считаютъ себя лучше ихъ, стараются во многомъ подражать имъ.

Вообще, въ характерѣ евреевъ много противуположностей, какъ это часто видимъ мы и въ характерѣ отдѣльнаго лица, когда его духовное развитіе, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, шло ненормальнымъ путемъ. Обвиняютъ также евреевъ въ трусости. Не беремся рѣшить, на сколько справедливо это обвиненіе. Извѣстно только, что народъ этотъ всегда былъ поставленъ въ такое положеніе, что не имѣлъ возможности выработать въ себѣ геройскаго духа. Въ средніе вѣка евреямъ запрещалось даже носить оружіе. Впрочемъ, въ исторіи встрѣчаются не разъ примѣры ихъ храбрости, какъ напр.: въ VI вѣкѣ, они отстаивали Неаполь противъ осаждавшаго его Велисарія. Въ X столѣтіи евреи помогли христіанамъ изгнать богемскихъ разбойниковъ и за то получили право построить синагогу въ Прагѣ. Въ концѣ XIII вѣка во французской арміи было около 30,000 евреевъ. При осадѣ Праги шведами, въ 1648 году, евреи также отличились своею храбростью, и старая синагога ихъ въ Прагѣ еще донынѣ украшена знаменами, взятыми ими при этомъ случаѣ.

Въ новѣйшее время, при Наполеонѣ, евреи были даже генералами, полковыми командирами, кавалерами Почетнаго Легіона и т. п. Въ сраженіи при Ватерлоо, въ англійскомъ войскѣ отличились, по свидѣтельству Веллингтона, многіе еврейскіе офицеры.

Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ дурныя черты, приписываемыя евреямъ, развиты только въ необразованной средѣ. Въ отношеніи-же образованныхъ евреевъ, цивилизація сдѣлала свое дѣло, и они въ нравственномъ отношеніи стоятъ не только не ниже развитыхъ людей другихъ націй, но нерѣдко даже выше ихъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на вѣковыя угнетенія, въ еврейскомъ народѣ сохранилось много и свѣтлыхъ сторонъ, унаслѣдованныхъ ими отъ отдаленныхъ предковъ.

Къ числу ихъ надо отнести глубокую религіозность, которая всегда соединяла этотъ народъ крѣпкими узами въ одно цѣлое, чему онъ главнымъ образомъ обязанъ сохраненіемъ своей національности, не смотря на разсѣянность по всему земному шару между другими народами. Другую свѣтлую сторону еврейскаго характера составляетъ ихъ семейное чувство. Идеалъ еврея — домашній очагъ, жена и дѣти, тихое семейное счастіе и четыре аршина земли возлѣ отца и матери.

Даже самая страсть къ наживѣ сопряжена у нихъ, главнымъ образомъ, съ желаніемъ не только обезпечить существованіе своей семьи, но и доставить ей обиліе и роскошь. Семейство всегда было для еврея обильнымъ источникомъ его радостей и наслажденій. Еврейскіе родители нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ лишь-бы ни въ чемъ не отказывать своимъ дѣтямъ, и не страшатся никакой жертвы, лишь-бы доставить имъ лучшее положеніе въ жизни. Евреи рѣдко посылаютъ своихъ дѣтей работать на фабрики, гдѣ они чахнутъ. О маленькомъ ребенкѣ еврейская пословица говоритъ, что «это брилліантъ въ домѣ», а о матери говорится,—что «она должна имѣть широкій передникъ, для того, чтобы закрывать ошибки своихъ дѣтей». Любовь евреевъ къ своимъ дѣтямъ грѣшитъ только тѣмъ, что не всегда знаетъ мѣру, отчего еврейская молодежь бываетъ часто избалована и изнѣжена.

Въ добротѣ и милосердіи евреевъ можетъ убѣдиться всякой, кто захочетъ подробно изучить этотъ народъ и безпристрастно отнестись къ нему.

Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ существуетъ много благотворительныхъ учрежденій на счетъ обязательныхъ взносовъ, и развѣ только самый бѣдный еврей уклонится отъ своей обязанности въ этомъ случаѣ. Состоятельные-же евреи всегда помогаютъ не только своимъ бѣднымъ родственникамъ, но и чужимъ. Сердце еврея отъ природы очень впечатлительно, мягко, кротко и сострадательно. Въ

евреѣ легко возбудить участіе къ чужому горю, и надо сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не обращаетъ вниманія на различіе національностей. «Кто не смилуется надъ ближними, тотъ навѣрное не происходитъ отъ праотца Авраама» (Талмудъ, трак. Бецуа 32). Состраданіе евреевъ распространяется не только на людей, но и на животныхъ. Законъ предписываетъ имъ умерщвлять дозволенныхъ въ пищу животныхъ такимъ образомъ, чтобы они какъ можно менѣе страдали. Достаточно обратиться къ еврею съ выраженіемъ: это *цааръ баале хаимъ* (мученіе живаго существа), чтобы удержать его отъ жестокаго обращенія съ животными. Пословица «не бросай камень въ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду»—доказываетъ, что еврей умѣетъ помнить сдѣланное ему добро. Талмудъ караетъ неблагодарность въ сильныхъ выраженіяхъ, и у еврейскихъ лѣтописцевъ встрѣчаются часто очень иперболическія выраженія благодарности, когда они говорятъ о монархахъ, извѣстныхъ своимъ расположеніемъ къ евреямъ.

Умѣренность составляетъ также одну изъ добродѣтелей евреевъ. Между ними вовсе нѣтъ пьянства. «Живи въ субботу такъ-же просто, какъ и въ будни, чтобы тебѣ не нужно было обращаться къ чужой помощи»—гласитъ очень распространенная талмудическая поговорка, и евреи и въ послѣобѣденной молитвѣ молятъ Бога, чтобы онъ предохранилъ ихъ отъ необходимости поддерживать свою жизнь чужою благотворительностью.

Трудолюбіе евреевъ также не подлежитъ сомнѣнію, и они считаютъ трудъ почетнымъ.

Между ними много хорошихъ ремесленниковъ, хотя отчасти, съ одной стороны, привычка и надежда на болѣе скорое обогащеніе, съ другой — можетъ быть слабость тѣлесныхъ силъ заставляетъ ихъ предпочитать всякому другому занятію торговлю.

Надо упомянуть еще объ одномъ чудномъ дарѣ, который евреи унаслѣдовали отъ предковъ и сохранили какъ драгоцѣнный перлъ, не смотря на всю грязь и кровь, сквозь которыя прошло ихъ существованіе въ теченіи долгихъ вѣковъ. Мы говоримъ объ ихъ музыкальной способности. Между ними мало пѣвцовъ и пѣвицъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ слабаго сложенія, но много отличныхъ музыкантовъ, и въ новѣйшее время появились извѣстные композиторы.

Скажемъ въ заключеніе, что всѣ дурныя свойства евреевъ, какъ мы видѣли, обусловливаются, главнымъ образомъ, вынесенными ими бѣдствіями, которыя не могли-бы не исказить нравственной стороны и всякаго другаго народа. По этому можно смѣло сказать, что съ окончательнымъ освобожденіемъ евреевъ изъ-подъ гнета, тяготѣющаго надъ ними въ теченіе столѣтій, многія дурныя свойства ихъ характера должны постепенно исчезнуть сами собою, и этотъ умный, талантливый народъ займетъ въ средѣ образованныхъ народовъ такое-же мѣсто, какъ и другіе, тѣмъ болѣе, что евреи очень способны къ акклиматизаціи и прогрессу.

Указавъ въ общихъ чертахъ на типическія стороны характера еврейскаго народа, перейдемъ къ описанію его домашняго быта.

Жилища евреевъ, въ главныхъ чертахъ, ничѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ въ томъ краѣ, гдѣ они живутъ. Обыкновенно, помѣщеніе ихъ разгорожено на нѣсколько отдѣльныхъ коморокъ и у бѣдныхъ евреевъ довольно грязно. На стѣнахъ иногда висятъ плохія картины, изображающія сцены изъ библейской исторіи, рукописныя молитвы, украшенныя бордюрами, портреты знаменитыхъ раввиновъ и замѣчательныхъ лицъ изъ евреевъ.

Такъ какъ храмъ Іерусалимскій находится на востокѣ, то евреи часто вѣшаютъ на восточной сторонѣ своихъ домовъ, вставленный въ рамку и подъ стекломъ листъ бумаги—*мизрахъ*, исписанный текстами изъ Св. Писанія и украшенный эмблеммами: щитомъ Давида, состоящимъ изъ двухъ перекрещивающихся трехугольниковъ, львами, столбами и коронами. Евреи, во время молитвы, всегда становятся лицомъ къ этой сторонѣ. Впрочемъ, мизрахъ вѣшаютъ на

стѣну не потому, чтобы это предписывалъ законъ, но вслѣдствіе обычая. На дверяхъ же, форточкахъ и воротахъ своихъ домовъ евреи прибиваютъ пергаментные листы (мезуза) съ главами изъ Св. Писанія о единствѣ Божіемъ, что составляетъ уже предписаніе закона. Набожные евреи, при отдѣлкѣ домовъ своихъ, оставляютъ небѣленое и некрашенное пространство, величиною въ квадратный аршинъ, въ воспоминаніе разрушенія Іерусалима и храма.

Въ домахъ богатыхъ евреевъ бываетъ особая комната для празднованія праздника *скиноміи* или *кущей*. Такъ какъ въ этотъ праздникъ законъ запрещаетъ евреямъ ѣсть и пить подъ кровлею, то потолокъ въ этой комнатѣ и кровля надъ нею устроены такъ, что во время праздника ихъ снимаютъ и замѣняютъ дранками, переплетенными сѣльникомъ и другою зеленью. Не только богатые, но и бѣдные евреи имѣютъ много посуды, такъ какъ законъ запрещаетъ имъ готовить мясное кушанье въ той посудѣ, гдѣ варилось молочное, и наоборотъ.

У богатыхъ евреевъ есть еще особая посуда для праздника пасхи, потому что въ этотъ праздникъ они не могутъ употреблять ту посуду, въ которой готовилось что либо кислое. Бѣдные евреи обходятся въ этомъ случаѣ кое-какъ, чинятъ старую посуду, докупаютъ что-нибудь изъ новой и т. п.

Ни у одного народа пища не подчинена въ такой степени религіознымъ предписаніямъ какъ у евреевъ. Законъ запрещаетъ имъ ѣсть многихъ животныхъ, которыхъ называютъ нечистыми. Безъ сомнѣнія, Моисей, установивъ этотъ законъ, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду гигіеническую цѣль, сообразно съ понятіями его времени. Такъ мы видимъ, что онъ, какъ и впослѣдствіи Магометъ, запретилъ употребленіе свинины, пищи очень тяжелой для желудка и въ особенности вредной въ жаркомъ климатѣ. Вообще же, чистыми животными считаются только тѣ, у которыхъ раздвоенное копыто и которыя пережевываютъ пищу, а именно: коровы, быки, олени, козы, овцы и пр.

Изъ птицъ дозволены только однѣ ручныя: куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, воробьи и пр., всѣ же дикія запрещены безъ исключенія.

Изъ рыбъ евреи могутъ ѣсть только тѣхъ, которыя покрыты чешуею и имѣютъ плавники, какъ напр. щуки, лещи, лососи, семга и др. Тѣ же, у которыхъ гладкая кожа или у которыхъ нѣтъ плавниковъ, запрещены.

Запрещены также всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ саранчи. Поэтому, евреи не только не ѣдятъ раковъ и устрицъ, но когда готовятъ что нибудь изъ овощей, внимательно перебираютъ каждый листочекъ, чтобъ не попало какихъ либо червяковъ или насѣкомыхъ. На томъ же основаніи не ѣдятъ они и нѣкоторыхъ сортовъ грибовъ. Если лѣтомъ въ мукѣ или крупѣ заведется моль, то ее выбрасываютъ. Животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, закалываютъ въ горло гладкимъ и очень остро наточеннымъ ножемъ. Операція должна быть совершена очень быстро, чтобы животное какъ можно меньше страдало, въ противномъ случаѣ оно считается падалью и запрещеннымъ. У евреевъ существуютъ особые рѣзники, которые учатся этому искусству и получаютъ свидѣтельство отъ раввиновъ. Зарѣзавъ животное, рѣзникъ разсматриваетъ его внутренности, особенно легкія, чтобъ удостовѣриться, что оно не имѣло опасной болѣзни. Если же найдетъ признаки, доказывающіе, что не могло бы прожить года, считаетъ его не позволительнымъ, какъ падаль. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращается къ раввину.

Внутренности птицъ разсматриваетъ стряпуха, и если замѣтитъ какіе-нибудь признаки болѣзни, относитъ птицу къ раввину, который запрещаетъ или разрѣшаетъ употребленіе ее, по правиламъ, изложеннымъ въ законоучительныхъ книгахъ.

Запрещено также употреблять жилы изъ животнаго и нѣкоторыя части жира; это выниманіе жилъ требуетъ особаго искусства и тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ знающихъ это дѣло, вовсе не употребляютъ задней части животнаго, въ которой находятся эти жилы. Мясо моютъ до тѣхъ поръ, пока оно совершенно очистится отъ крови и солятъ, такъ какъ употребленіе крови, хотя-бы въ самомъ маломъ пріемѣ, строго запрещено самимъ Моисеемъ. Привычка никогда не употреблять крови произвела въ евреяхъ такое сильное отвращеніе къ ней, что одинъ видъ ея невыносимъ для нихъ.

Моисей, желая искоренить всѣ языческіе обычаи, которыми заразились евреи во времена египетскаго рабства, между прочимъ, запретилъ «варить козленка въ молокѣ его матери», такъ какъ язычники приносили въ жертву своимъ идоламъ такое блюдо. Талмудисты, не понимая настоящаго смысла Моисеева закона, со свойственою имъ строгостью, запретили на этомъ основаніи всякое смѣшеніе молочнаго съ мяснымъ. Постановленія Талмуда въ этомъ отношеніи доходятъ до нелѣпой мелочности; такъ, ежели напр., во время стряпни, молочное какъ нибудь попадетъ въ мясное, то кушанье считается уже не дозволеннымъ къ употребленію и выбрасывается. Даже посуда, въ которой произошелъ такой грѣхъ, не годится уже болѣе для стряпни. Послѣ молочной пищи еврей можетъ выполоскать ротъ и ѣсть мясное; но послѣ мяснаго, онъ не можетъ ѣсть молочнаго въ теченіе шести часовъ, срока, считавшагося достаточнымъ для сваренія пищи въ желудкѣ. Объ этомъ предметѣ существуетъ въ Талмудѣ пространный уставъ.

Напитки всѣ дозволены евреямъ кромѣ виноградnаго вина, которое въ древности было главнымъ предметомъ языческаго богослуженія. Но такъ какъ нынче нѣтъ въ Европѣ вина, которое употреблялось бы при языческомъ богослуженіи, то болѣе образованные евреи не придерживаются этого постановленія.

Изъ сказаннаго видно, что пища евреевъ довольно однообразна. Для придачи ей вкуса они употребляютъ различныя пряности, въ особенности же чеснокъ. Мужчины рѣдко занимаются стряпнею. Одинъ изъ древнихъ обычаевъ, установленный, по преданію пророкомъ Эздрою, предписываетъ евреямъ употреблять только домашній хлѣбъ, а потому всѣ еврейки отлично пекутъ его. Каждую пятницу и наканунѣ всякаго праздника еврейки готовятъ бѣлый хлѣбъ — *хала*, причемъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе.

При разныхъ праздникахъ *халы* эти имѣютъ особыя формы. Онѣ дѣлаются круглыя, въ видѣ лѣсенки, трехугольныя съ макомъ и проч. Для приварки готовятъ также, смотря по роду праздника, то лапшу, то родъ вермишелей, то большія, круглыя клецки и т. п.

Въ субботу евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ стряпаютъ онѣ въ пятницу передъ вечеромъ и ставятъ въ одномъ большомъ горшкѣ въ теплую печку, гдѣ онъ остается до слѣдующаго дня.

Кушанье это, называемое *шомитъ*, состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ припасовъ, а именно: каши, гороха, кугелей, — родъ пироговъ съ жиромъ и говядиною. Обычай готовить дешевыя кушанья на субботу заведенъ для того, чтобы въ этотъ день бѣдные не различались отъ богатыхъ. Говорятъ, будто въ старину евреямъ запретили готовить на субботу разныя кушанья, а дозволили только какое-нибудь одно; тогда евреи ухитрились помѣстить въ одномъ горшкѣ различныя кушанья, что осталось въ обычаѣ и донынѣ.

Еврейки особенно хорошо пекутъ разныя лакомства: изъ тѣста и яицъ съ медомъ, изъ рѣпы, изъ инбиря съ медомъ, также пряники изъ ржаной муки, разныя сахарники съ миндалемъ, варенье и т. п.

Праздничный обѣдъ отличается у народа отъ будничнаго тѣмъ, что въ праздникъ прибавляютъ рыбу и сладкое кушанье изъ моркови, пастарнаку и другихъ огородныхъ овощей съ медомъ и мясомъ,

называемое *цимесъ*. Въ постные дни, которыхъ не много у евреевъ, они ничего не ѣдятъ и не пьютъ.

Передъ печальнымъ днемъ разрушенія храма Іерусалимскаго они цѣлую недѣлю употребляютъ только молочную пищу.

Надо замѣтить, что евреи, вообще, очень умѣренны и воздержны въ пищѣ. Бѣдные доходятъ въ этомъ отношеніи до невѣроятной экономіи. Кушанья готовятся въ такихъ гомеопатическихъ пропорціяхъ, которыя немыслимы для всякаго другаго не южнаго народа, а для насъ русскихъ въ особенности. Такъ напр., въ бѣдной семьѣ, состоящей изъ 4 или 5 человѣкъ, еврейка ухитрится напитать всѣхъ супомъ, сваренным изъ $^1/_4$ ф. мяса изъ $^1/_2$ ф. мелкой плотвы. Изъ фунта или двухъ пшеничной муки она напечетъ 6 булокъ, на 3 обѣда, и отдѣлитъ еще немного муки на пирожное. Еврей, имѣющій дохода рубль или полтора въ недѣлю, бываетъ совершенно доволенъ въ свою субботу, такъ какъ не только у него хватитъ на праздничный обѣдъ въ этотъ день, но останется еще копѣекъ 5 на вино изъ изюма, которое употребительно при благословеніи трапезы.

Но замѣчательно то, что народъ этотъ, воздержный въ употребленіи пищи и напитковъ,—въ отношеніи одежды, напротивъ, во всѣ времена любилъ роскошь. Живой фантазіи евреевъ очень нравятся, какъ и вообще восточнымъ народамъ, яркія краски, пестрота, блескъ и пышность, «Достоинство Божіе—люди, достоинство людей — ихъ платье» (Дерехъ ерецъ сута, глава 10) говоритъ одно изъ изреченій Талмуда. Еврейскій языкъ выработалъ много синонимовъ для обозначенія слова платье. Библейскіе ораторы и поэты очень часто употребляютъ метафоры, доказывающія, что воображеніе евреевъ часто увлекалось великолѣпіемъ одежды.

Еврейскій законъ предписываетъ особое платье для субботнихъ и праздничныхъ дней: Талмудъ говоритъ, что ѣсть и пить слѣдуетъ ниже своего состоянія, но одѣваться нужно по своему состоянію. Въ другомъ мѣстѣ Талмуда говорится, что бѣднымъ должно давать платье, не освѣдомляясь нуждаются ли они въ нихъ и заслуживаютъ ли это. Раввинъ Іохананъ называлъ платье «мехабдута», что значитъ придающее почетъ. Талмудъ же вмѣняетъ ученымъ въ обязанность являться между людьми всегда въ опрятномъ и приличномъ платьѣ. И надо сказать, что евреи во всѣ времена такъ усердно слѣдовали въ этомъ отношеніи, предписаніямъ Талмуда, что проповѣдники ихъ не разъ принуждены были возставать противъ ихъ роскоши въ одеждѣ. «Относительно одежды всякій еврей играетъ роль богача», жалуется раввинъ Самуилъ Эдельсъ, въ началѣ XIII столѣтія. Еврейскія общины нерѣдко старались обуздать непомѣрную роскошь одежды строгими мѣрами.

Конечно, еврейское тщеславіе играетъ не маловажную роль въ этомъ случаѣ. Но иногда роскошь одежды бываетъ у евреевъ и дѣломъ расчета. Какъ бы то ни было, страсть эта сохранилась у нихъ донынѣ.

Въ особенности любятъ они драгоцѣнные каменья, золотыя вещи и яркіе цвѣта, въ чемъ всегда можно убѣдиться при видѣ богатой еврейки въ роскошномъ нарядѣ. У небогатыхъ евреекъ страсть эта проявляется тѣмъ, что онѣ навѣшиваютъ на себя все, что попадетъ имъ подъ руку, изъ дешевыхъ, блестящихъ или нарядныхъ вещей, какъ напр. мѣдныя брошки съ разноцвѣтными стеклушками, такія же цѣпочки, полиняныя ленты, бархатныя мантильи, въ ткани которыхъ уцѣлѣла только основа.

Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что видѣлъ, въ одной изъ южныхъ губерній, въ полѣ, еврейку, которая жала траву. На груди у ней былъ приколотъ букетъ изъ полиняныхъ и помятыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. И это въ такую пору года и въ такой странѣ, когда вокругъ нея было множество прелестныхъ живыхъ цвѣтовъ. Какъ бы ни была бѣдна еврейка, она никогда не рѣшится надѣть на себя простаго крестьянскаго платья.

Вообще надо сказать, что необразованные евреи, не смотря на свое пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ и къ блестящимъ украшеніямъ, не отличаются опрятностью въ одеждѣ.

Въ Россіи до 1845 года они носили особую довольно оригинальную одежду: длинное платье по старинной польской выкройкѣ, опоясанное чернымъ поясомъ, ермолку, сверхъ нее мѣховую шапку и башмаки. Къ этому надо прибавить пейсы т. е. длинные локоны, спускавшіеся по обоимъ вискамъ. Пейсы предписалъ имъ носить Моисей въ отличіе отъ язычниковъ. Женщины же носили на головѣ родъ тюрбана, а на ногахъ туфли, которыя шлепали при каждомъ шагѣ.

Въ 1845 году, правительство издало указъ, чтобы евреи одѣвались такъ, какъ и мѣстные жители. Молодые люди и въ особенности женщины, по своей склонности къ роскоши, обрадовались этому постановленію и даже постарались перещеголять мѣстныхъ щеголихъ и щеголей. Но старикамъ это нововведеніе не очень понравилось и многіе изъ нихъ еще и донынѣ не рѣшились замѣнить свои шелковые жупаны суконными сюртуками.

Это происходитъ отчасти оттого, что набожные евреи избѣгаютъ носить шерстяныя ткани, подозрѣвая примѣсь къ нимъ льняныхъ нитокъ, такъ какъ Моисей запретилъ евреямъ носить одежду изъ шерстяной матеріи пополамъ со льномъ. Раввины же запретили носить шерстяное платье, сшитое льняными нитками. Еврейскіе портные строго соблюдаютъ это при шитьѣ одежды для своихъ соотечественниковъ. Причину этого запрещенія еврейскіе ученые объясняютъ различно: одни полагаютъ, что Моисей желалъ отличить этимъ евреевъ отъ египтянъ, другіе же,—что шерсть и ленъ не надо смѣшивать вмѣстѣ потому, что они были свидѣтелями перваго смертоубійства въ мірѣ, такъ какъ жертвоприношенія Каина и Авеля состояли: перваго изъ льняныхъ стеблей, а послѣдняго изъ овцы.

Особенно смутила стариковъ евреевъ необходимость отказаться отъ ермолки. По восточному обычаю, они считаютъ что произносить имя Бога, читать молитвы, Св. книги и т. п. не прилично с обнаженною головою; а такъ какъ они очень часто молятся и читаютъ св. книги, то привыкли никогда не скидывать ермолки.

Впрочемъ нынче пейсы и ермолки встрѣчаются все рѣже. Всѣ евреи отращиваютъ бороду, только очень немногіе брѣютъ ее или подстригаютъ по модѣ.

Есть еще у евреевъ особая одежда, называемая *арбе-каифесъ*. Она состоитъ изъ длинной четыреугольной накидки съ вырѣзкою для шеи. Къ каждому изъ четырехъ концовъ ея привязаны особымъ образомъ шерстяныя или шелковыя нити въ воспоминаніе заповѣдей Божіихъ. У стариковъ она всегда бываетъ бѣлая шерстяная, съ синими полосами, въ подражаніе молитвенному покрывалу. Молодые же люди дѣлаютъ ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ обьемѣ.

Женатые евреи для утренней молитвы надѣваютъ молитвенное покрывало, называемое *талесъ*, изъ бѣлой шерстяной ткани съ синими по краямъ полосами и съ шерстяными кистями по концамъ. Кромѣ того, повязываютъ они на голову и на лѣвую руку повязки, *тафилемъ*, состоящія изъ маленькихъ, четыреугольныхъ, кожаныхъ коробочекъ, въ которыя вложены полоски пергамента съ написанными на нихъ словами Св. писанія объ исходѣ евреевъ изъ Египта и пр. Повязки эти прикрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи. Кожа, изъ которой дѣлаются эти коробочки, волокна, которыми онѣ сшиваются, ремни, которыми прикрѣпляютъ ихъ къ головѣ и къ лѣвой рукѣ и пергаментъ, на которомъ пишутъ исторію Исхода, приготовляются особымъ образомъ, при разныхъ обрядахъ. При вѣнчаньи, въ день отпущенія грѣховъ, въ синагогѣ, иногда въ Пасху, предъ чтеніемъ за столомъ молитвы, надѣваютъ евреи особую бѣлую полотняную одежду, называемую *китель*, одежда эта—смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, но живые получаютъ ее въ подарокъ отъ невѣсты при вѣнчаніи.

Обычаи, обряды; общественный бытъ. Караимы.

Еврейская религія догматически возстаетъ противъ суевѣрій, но евреи, строго исполняющіе всѣ ея предписанія въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ уклоняются отъ нихъ. Они вѣрятъ, какъ и другіе народы, въ предзнаменованіе, въ добрый и худой часъ, въ пагубную силу нечистыхъ духовъ и возможность устранить ихъ вліяніе посредствомъ заговоровъ и другихъ чаръ. Многіе предразсудки заимствовали они у народовъ, среди которыхъ живутъ. Такъ, русскіе евреи считаютъ понедѣльникъ несчастнымъ днемъ, встрѣчу со священникомъ худымъ предзнаменованіемъ, встрѣчу водоноса съ полными ведрами благопріятнымъ и т. п.

Толкованіе сновъ имѣетъ у евреевъ большое значеніе. Талмудъ не признаетъ положительнаго вліянія сновъ на судьбу человѣка, но не отрицаетъ знаменательности нѣкоторыхъ сновидѣній. По праздникамъ, читается въ синогогѣ особая молитва объ отвращеніи дурныхъ послѣдствій, которыя предзнаменуютъ дурные сны. Еврей, которому приснится подобный сонъ, посылаетъ утромъ за тремя друзьями и разсказываетъ имъ о своемъ горѣ. Они утѣшаютъ его по установленной формулѣ и читаютъ нѣкоторые стихи изъ Св. Писанія, приличные случаю. Постъ считается самымъ спасительнымъ средствомъ противъ дурныхъ послѣдствій зловѣщихъ сновъ.

При каждомъ новолуніи, еврей, а часто нѣсколько вмѣстѣ, творятъ молитву, всматриваясь въ луну; между прочимъ они произносятъ, подпрыгивая, слѣдующую фразу: «Прыгая, не достигаемъ тебя; такъ да не достигнутъ насъ враги наши». Этотъ обычай, напоминающій идолопоклонство, произошелъ оттого, что луна играетъ очень важную роль при вычисленіи еврейскихъ праздниковъ.

Надо полагать, что во время гоненія на евреевъ, когда каждая ночь грозила имъ рѣзней и грабежемъ въ многолюдныхъ городахъ, равнины подъзовались этимъ обычаемъ для того, чтобы хотя разъ въ мѣсяцъ собирать толпы евреевъ для общей охраны и защиты, а потому-то въ молитвѣ упоминается о «врагахъ».

Иногда, во время пожара нѣкоторые евреи употребляютъ для прекращенія его разныя таинственныя средства: нашептываютъ на булку, пишутъ неизвѣстные слова и знаки на клочкахъ бумаги и бросаютъ ихъ въ огонь и т. п.

При болѣзняхъ евреи прибѣгаютъ къ тѣмъ домашнимъ средствами, которыя употребляются мѣстными жителями. Они лечатся у своихъ цирюльниковъ и старыхъ бабъ, у татаръ и у еврейскихъ заговаривателей, называемыхъ *баалъ-шемъ*, которые, по мнѣнію ихъ, исцѣляютъ силою чистыхъ духовъ. Въ болѣзняхъ душевныхъ и нервныхъ, какъ напр. при сумашествіи, падучей болѣзни, спазмахъ, дѣтскихъ конвульсіяхъ и т. п. евреи рѣдко обходятся безъ татарина или *баалъ шема*; оба употребляютъ одинаковыя средства: курятъ разными травами, нашептываютъ, чертятъ круги и т. п. не мало важную роль играютъ также при такихъ продѣлкахъ луна и пѣтухъ.

Почти каждая старуха знаетъ какой нибудь заговоръ отъ зубной боли, лихорадки и худаго глаза. Если ребенокъ захворалъ—это значитъ, что на него посмотрѣла какая нибудь сосѣдка съ дурнымъ глазомъ; въ такомъ случаѣ знахарка или знахарь нашептываютъ на рубашку или шапочку ребенка; если знахарь зѣваетъ во время нашептыванья,—это означаетъ, что болѣзнь пройдетъ. Впрочемъ, ребенка постоянно берегутъ отъ дурнаго глаза. Если онъ красивъ, его нарочно называютъ: «мой арабъ», такъ какъ, по мнѣнію народа, прозвище имѣетъ вліяніе на судьбу ребенка; если у какихъ нибудь родителей дѣти умираютъ маленькими, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухою. Также прибѣгаютъ въ

подобныхъ случаяхъ къ помощи *баалъ-шемовъ*, которые имѣютъ своего рода средства къ продолженію жизни дѣтей. Кромѣ того, навѣшиваютъ дѣтямъ на шею разные талисманы, какъ напр. изображеніе на серебряной бляшкѣ одной изъ еврейскихъ буквъ, встрѣчающихся въ имени Іеговы, раковины, ртуть въ футлярчикѣ, талисманъ въ кругломъ футлярчикѣ, насываемый *мезузе*, а чтобы скорѣй прорѣзывались зубы у дѣтей, надѣваютъ имъ, оправленный въ серебро, волчій зубъ, съ тою цѣлью, чтобы дѣти терли имъ десны, что ускоряетъ прорѣзываньe зубовъ.

Если женщина безплодна, то она старается добыть корень, способствующій будто бы плодородію; о корнѣ этомъ упоминается въ древнихъ еврейскихъ книгахъ и, по мнѣнію одного толкователя, Рахиль выпросила такой корень у сестры своей Ліи.

Затѣмъ, перейдемъ къ обычаямъ и обрядамъ, которые въ употребленіи уевреевъ при рожденіи, свадьбахъ и похоронахъ.

У евреевъ въ обычаѣ всегда радоваться рожденію ребенка. Тотчасъ послѣ того, какъ появится на свѣтъ новорожденный, бабка, обыкновенно старуха, не обучавшаяся нигдѣ своему ремеслу, обводитъ мѣломъ кругъ на стѣнахъ той комнаты, гдѣ лежитъ мать ребенка. На всѣхъ же дверяхъ, окнахъ и печкахъ навѣшиваютъ лоскуты бумаги, на которыхъ написаны: 120-й псаломъ, изреченія изъ Св. Писанія и разныя кабалистическія имена. Это дѣлается для того, чтобы нечистые духи не могли проникнуть въ ту комнату, гдѣ лежитъ младенецъ съ матерью. Если новорожденный — мальчикъ, то на первой недѣлѣ, каждый вечеръ собираютъ маленькихъ сосѣднихъ мальчиковъ, даютъ имъ гостинцевъ, и они читаютъ молитвы въ комнатѣ родильницы. Въ суботу же вечеромъ, это дѣлаютъ взрослые, которыхъ приглашаютъ къ этому въ синагогѣ. Наканунѣ восьмаго дня взрослые люди также читаютъ молитвы всю ночь и, въ восьмой день раввинъ совершаетъ обрядъ обрѣзанія, причемъ даютъ младенцу имя.

При рожденіи дѣвочки не исполняютъ этихъ обрядовъ; только въ первую суботу отца приглашаютъ въ синогогу, и канторъ, при чтеніи пятикнижія, нарицаетъ имя новорожденной; у евреевъ даютъ имена дѣтямъ не иначе какъ въ честь покойныхъ родителей, родственниковъ или какихъ нибудь знаменитыхъ людей. Мужчины поздравляютъ мать только въ такомъ случаѣ, если новорожденное дитя мальчикъ. У богатыхъ и у бѣдныхъ евреевъ бываетъ въ этотъ день обѣдъ для гостей. Послѣ обѣда произносятъ благословеніе новорожденному, родителямъ, воспреемнику и пр.

Когда мать ребенка приходитъ въ первый разъ въ синагогу, канторъ произноситъ благословеніе ей, младенцу, и бабушкѣ.

Браки у евреевъ заключаются обыкновенно по согласію родителей обѣихъ сторонъ. Женихъ же съ невѣстою иногда даже не знаютъ другъ друга до свадьбы. Бракъ устраиваютъ *сваты* составляющіе особое сословіе. Они ведутъ списки всѣмъ холостымъ молодымъ людямъ и дѣвушкамъ, дѣлаютъ предложеніе родителямъ и сговариваются съ ними на счетъ условій, за что получаютъ опредѣленное вознагражденіе.

Евреи, исполняя законъ Моисея: «плодитесь и множьтесь», женились прежде чрезвычайно рано. Много также способствовали раннимъ бракамъ сваты, которые всегда не прочь зашибить деньгу. Религіозное рвеніе родителей и усердіе сватовъ доходили до того, что евреи, живущіе въ нашихъ, западныхъ губерніяхъ, выдавали иногда замужъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ за четырнадцати лѣтнихъ мальчиковъ. Послѣ свадьбы мужъ продолжалъ посѣщать школу, а жена играть въ куклы. Правительство принуждено было издать указъ, въ силу котораго евреи не могутъ вступить въ бракъ раньше совершенолѣтія.

Если родители согласны, то созываютъ родственниковъ и знакомыхъ; общественный писарь пишетъ на еврейскомъ языкѣ актъ, въ которомъ выставляетъ всѣ условія. Старшій изъ родственниковъ

читаетъ этотъ актъ въ слухъ и затѣмъ разбиваютъ какую нибудь глиняную посуду; невѣста рѣдко присутствуетъ при этомъ обрядѣ.

Собравшіеся поздравляютъ жениха и затѣмъ начинается угощеніе, но безъ особенныхъ торжествъ и молитвъ.

Въ субботу, предшествующую дню свадьбы, жениха приглашаютъ въ синагогу читать Пятикнижіе. Когда же онъ возвратится изъ синагоги домой, его поздравляютъ знакомые и родственники, что не обходится безъ угощенія. Въ ту же субботу вечеромъ къ невѣстѣ собираются замужнія женщины и дѣвушки. Музыка играетъ извѣстныя пьесы (земиросъ), а весельчакъ (бадхенъ) лицо, присутствующее при каждой свадьбѣ, импровизируетъ стихи на разговорномъ еврейскомъ языкѣ. Затѣмъ, каждая женщина танцуетъ съ невѣстою, послѣ чего начинаются общіе танцы и веселье. Вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанья, невѣста ходитъ въ сопровожденіи знакомыхъ женщинъ въ баню. Въ день вѣнчанья жениховъ и невѣста постятся съ самаго утра. Въ домѣ ея родителей собираются женщины. Начинается опять музыка, танцы и импровизація стиховъ, только съ тою разницею, что въ этотъ день импровизируютъ стихи уже не веселаго, а трогательнаго содержанія, такъ что слушательницы обыкновенно проливаютъ слезы. Къ жениху въ это утро собираются мужчины, и бадхенъ приноситъ ему съ музыкою подарки отъ невѣсты.

Подарки эти состоятъ изъ молитвеннаго покрывала и смертной рубашки, о которой мы уже говорили выше. Вручая подарки, бадхенъ декламируетъ стихи, послѣ чего женихъ съ гостями отправляется къ невѣстѣ. Она дожидается его, сидя на стулѣ, посреди комнаты. Женихъ, войдя, накидываетъ ей на голову бѣлую ткань, которая закрываетъ ей лицо, а старики осыпаютъ и невѣсту, и жениха горстями хмѣля или овса, причемъ приговариваютъ: «да умножится тысячами и миріадами».

Дружки жениха и невѣсты должны быть непремѣнно женатые и и даже недавно вступившіе въ бракъ. Дружки жениха надѣваютъ на него смертную рубашку и зажигаетъ два факела; бадхенъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. Каждый изъ нихъ возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты и благославляетъ ихъ по установленной формулѣ, послѣ чего отправляются туда, гдѣ происходитъ вѣнчанье.

Собственно вѣнчальный обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: жениха ставятъ подъ балдахинъ, выставленный подъ открытымъ небомъ, близъ синагоги, и родители невѣсты вмѣстѣ съ нею и шаферами обходятъ вокругъ жениха семь разъ; между тѣмъ канторъ поетъ старинные гимны. Затѣмъ, раввинъ, держа въ рукѣ бокалъ съ виномъ или медомъ, читаетъ молитвы, даетъ пить изъ бокала жениху и невѣстѣ, послѣ того женихъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо на указательный палецъ правой руки, причемъ произноситъ: «этимъ кольцомъ ты вступаешь со мною въ супружество, согласно закону Моисея и Израиля». Раввинъ громко читаетъ брачную запись (косуба), составленную на халдейскомъ языкѣ, потомъ произноситъ семь благословеній, причемъ держитъ въ рукахъ бокалъ, изъ котораго даетъ опять отпить жениху и невѣстѣ. Затѣмъ онъ разбиваетъ бокалъ въ знакъ того, что всѣ люди созданы изъ праха. Чтеніе молитвъ предъ вѣнчаніемъ, записи и благословенія можетъ совершить не раввинъ, но и другое лицо; необходимо только, чтобы при этомъ обрядѣ присутствовало десять взрослыхъ евреевъ.

Возвратясь домой, новобрачные ѣдятъ съ одной тарелки супъ, называемый золотымъ, а гости пируютъ.

По окончаніи обѣда, каждый присутствующій подноситъ новобрачнымъ какой-нибудь подарокъ; бадхенъ объявляетъ о каждомъ подаркѣ съ разными прибаутками и остротами, послѣ чего повторяютъ тѣ-же семь благословеній, какъ и при вѣнчаніи. Наконецъ невѣсту сажаютъ на стулъ посреди комнаты и почетные гости танцуютъ съ нею по-очереди. Затѣмъ начинается общая пляска. Надо замѣтить, что у евреевъ женщины не пляшутъ съ мужчинами, а каж-

дый полъ отдѣльно. Впрочемъ, этотъ восточный обычай все болѣе и болѣе выводится.

Въ первую субботу послѣ свадьбы знакомыя женщины собираются у новобрачной и провожаютъ ее въ первый разъ въ синагогу, такъ какъ еврейскія дѣвушки не посѣщаютъ синагоги. Если-же невѣста вдова и разведенная, то, кромѣ самаго обряда вѣнчанія, не соблюдаютъ никакихъ другихъ обрядовъ, и даже вся свадьба происходитъ безъ музыки.

Погребеніе совершаютъ слѣдующимъ образомъ: когда еврей опасно болѣнъ, раввинъ или какое-нибудь другое вліятельное лицо напоминаетъ ему о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе — завѣщаніе — и прочесть исповѣдь. При приближеніи послѣдней минуты, окружающіе умирающаго зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ приличные этому случаю стихи изъ Св. Писанія. Когда еврей умретъ, тѣло кладутъ на полъ, на солому, лицомъ къ верху, выпрямивъ пальцы рукъ и закрывъ вѣки. Затѣмъ закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и ставятъ въ головахъ свѣчу. Плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду въ знакъ того, что вблизи есть покойникъ.

Погребеніе есть дѣло благотворительности. Имъ занимаются члены братства погребателей, которое существуетъ въ каждомъ обществѣ и называется «святымъ братствомъ», такъ какъ члены его обязаны хоронить безъ малѣйшаго различія, какъ самыхъ богатыхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ. Лишь только извѣстятъ ихъ о смерти какого-нибудь еврея, они тотчасъ являются въ домъ покойнаго, омываютъ тѣло теплою водою, затѣмъ ставятъ его на ноги; три погребателя совершаютъ обрядъ очищенія, т. е. окачиваютъ покойника чистою водою, при чемъ произносятъ три раза: «*тогоръ, тогоръ, тогоръ*», т. е. чистъ, чистъ, чистъ. Въ это время родные умершаго, горюющіе о покойномъ, раздираютъ себѣ воротъ верхняго платья вершка на два и не зашиваютъ до окончанія дня гореванія. Этотъ обычай называется *крія* и основанъ на Св. Писаніи. Омывъ трупъ, погребатели одѣваютъ его въ смертную одежду. Прежде всего надѣваютъ рубашку съ длинными рукавами, которые зашиваютъ наглухо у оконечностей, потомъ очень длинные брюки, также зашитые внизу на-глухо, такъ-что руки и ноги бываютъ совершенно покрыты.

Поверхъ этого надѣваютъ китель, или смертную рубашку, полученную въ день свадьбы въ подарокъ отъ невѣсты.

Для тѣхъ покойниковъ, у которыхъ нѣтъ такой рубашки, и для женщинъ—шьютъ ихъ нарочно; рубашку опоясываютъ холстиннымъ пояскомъ, такъ что узелъ приходится спереди. Наконецъ, на мужчинъ надѣваютъ молитвенное покрывало и длинный холстинный колпакъ. Затѣмъ, покойника окутываютъ въ большое полотняное покрывало, концы котораго завязываютъ вверху и внизу, и развязываютъ только тогда, когда положатъ тѣло въ гробъ. Всѣ смертныя одежды должны быть бѣлыя, холстинныя, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго.

Умершихъ женщинъ моютъ и одѣваютъ женщины. Братство-же погребателей приступаетъ къ похоронамъ тогда уже, когда тѣло совершенно готово. Покойника везутъ до кладбища на лошадяхъ; но особеннымъ почетомъ считается у евреевъ, если тѣло несутъ на носилкахъ, на плечахъ, четверо евреевъ. Въ мѣстечкахъ, гдѣ живетъ много евреевъ, обычай этотъ въ употребленіи.

Въ вырытую могилу ставятъ нижнюю часть гроба или просто выстилаютъ ее досками. Два члена братства опускаютъ тѣло въ гробъ, затѣмъ развязываютъ саванъ, покрываютъ гробъ крышкою или просто досками и засыпаютъ землею. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возятъ тѣло умершихъ на лошадяхъ, обряды очищенія и одѣванія совершаютъ не въ домахъ, а въ особой комнатѣ, устроенной для этой цѣли на кладбищѣ, такъ какъ послѣ исполненія этихъ обря-

довъ, нельзя уже везти тѣло на лошадяхъ, а надо непремѣнно нести его на носилкахъ, на плечахъ.

По окончаніи погребенія одинъ изъ членовъ братства, отъ имени своего общества, родственниковъ умершаго и знакомыхъ проситъ у него прощенія, если, по невѣдѣнію, не исполнены всѣ требованія, соотвѣтственныя его чести. Послѣ того читаютъ молитвы.

Горюющихъ родственниковъ провожаютъ до дома, гдѣ они должны исполнить обрядъ гореванія, т. е. просидѣть семь дней босикомъ на постланномъ на землѣ тюфякѣ или на низенькой скамейкѣ. Обрядъ этотъ наблюдаютъ только самые близкіе родные: сынъ, дочь, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ и жена. Дальніе-же родственники не участвуютъ въ немъ. Горюющіе всѣ семь дней должны молиться и читать библію, а именно: книгу Іова, Іеремія и др. Родственники, сосѣди и пріятели каждый день навѣщаютъ и утѣшаютъ горюющихъ. Первый обѣдъ послѣ похоронъ приносятъ имъ сосѣди. Въ годовщину смерти родителей, наслѣдники постятся, зажигаютъ свѣчу въ синагогѣ, молятся при киотѣ, читаютъ установленную молитву, ходятъ на кладбище, раздаютъ милостыню для спасенія души умершаго и соблюдаютъ это каждый годъ до самой своей смерти.

Въ праздноваліи праздниковъ особенно выдаются на видъ глубокая набожность евреевъ, ихъ приверженность къ древнимъ религіознымъ постановленіямъ и теплое, семейное чувство. Всѣ ихъ праздники установлены еще въ библейскія времена, или въ ближайшія къ нимъ, и справляются точно также, какъ справляли ихъ за десятки столѣтій предки нынѣшнихъ евреевъ. Въ праздноваліи ихъ нѣтъ ничего веселаго и шумнаго, какъ-у другихъ народовъ. Еврей проводитъ торжественные праздничные дни патріархальнымъ образомъ, въ кругу своего семейства, въ чтеніи священныхъ книгъ и молитвъ.

Въ субботу отецъ и мать кладутъ свои руки на голову дѣтей и благословляютъ ихъ; мужъ, возвратясь домой изъ синагоги, при наступленіи субботы, привѣтствуетъ жену 31-ю главою притчей Соломона — гимномъ, возвѣщающимъ достоинство и славу «доблестной женщины». Всѣ члены семьи собираются вокругъ накрытаго стола, за скромную трапезу, которою, какъ мы уже сказали выше, въ главѣ о пищи, богатые не должны отличаться въ субботній день отъ бѣдныхъ.

Впрочемъ, Еврейскіе толкователи Моисеева закона запечатлѣли празднованіе субботы чрезвычайно мелочною строгостью. По этому поводу написанъ цѣлый уставъ, называемый субботнимъ. Запрещеніе работать въ этотъ день доходитъ у евреевъ до нелѣпости. Для набожнаго еврея въ субботу все грѣхъ. Если онъ ступитъ ногою въ рыхлую землю—грѣхъ, потому-что вытащить ногу требуетъ усилія. Если онъ нечаянно сломалъ соломинку, порвалъ волосъ, убилъ насѣкомое — также грѣхъ. Ѣзда въ субботу запрещена на томъ основаніи, что, пожалуй, ѣздокъ *сломитъ* вѣтку, для употребленія ея вмѣсто бича. Даже ходить пѣшкомъ въ субботу разрѣшено только въ границахъ двухъ верстъ отъ мѣста населенія.

Еврей можетъ нарушить субботній уставъ только ради спасенія жизни погибающаго.

Праздникъ Пасхи считается самымъ главнымъ изъ еврейскихъ праздниковъ. Его дожидаются съ нетерпѣніемъ, и въ послѣднюю предпраздничную недѣлю во всѣхъ еврейскихъ домахъ начинаютъ дѣятельно приготовляться къ нему*). Въ эту недѣлю моютъ и чистятъ все въ домѣ; даже такія вещи, которыя не употреблялись въ теченіе цѣлаго года, вынимаются изъ кладовыхъ и чулановъ и принимаютъ праздничный видъ. Вокругъ домовъ развѣшиваютъ на шестахъ и веревкахъ перины, шерстяныя одѣяла, бѣлье и другую одежду, для того чтобы провѣтрить все это. Матери выгоняютъ изъ до-

*) Это особенно замѣтно въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, гдѣ живетъ много евреевъ.

мовъ дѣтей, которыя мѣшаютъ имъ работать, и ребятишки, со смѣхомъ и гамомъ, валяются на соломѣ, выброшенной съ кроватей на улицу. А на улицѣ стоитъ столбомъ пыль и ярко сіяетъ весеннее солнце. Въ домахъ моютъ и скоблятъ полы и столы, бѣлятъ стѣны; на кухняхъ пекутъ опрѣсноки и разныя лакомства. Такъ какъ евреи въ недѣлю Пасхи не могутъ ѣсть хлѣба, замѣшаннаго на дрожжахъ, то эти опрѣсноки, или *мацы*, приготовляютъ изъ пшеничной муки и воды, не только безъ дрожжей, но даже и безъ соли. Въ этотъ великій праздникъ забота и печаль не должны никого томить, а потому богатые приглашаютъ къ себѣ бѣдныхъ; другимъ-же бѣднымъ даютъ сладкое вино и все, что нужно для празднованія праздника.

Но вотъ насталъ первый пасхальный вечеръ. Во всѣхъ еврейскихъ домахъ — миръ и тишина. На столѣ, накрытомъ чистою скатертью, ярко горятъ пять свѣчей. Мѣдные канделябры блестятъ какъ золотые. Подъ шелковою салфеткою лежатъ мацы, печеныя яица, плоды, медъ, сладкіе и горькіе овощи, рядомъ съ ними переплетенные и непереплетенные молитвенники, въ которыхъ разсказывается исторія Пасхи—исходъ евреевъ изъ Египта. Женщины и дѣти, разодѣтыя въ лучшія платья, сидятъ молча вдоль стѣнъ. Въ другой комнатѣ мужскіе голоса читаютъ исторію исхода изъ Египта, съ особенными традиціонными интонаціями голоса, свято соблюдаемыми при этомъ чтеніи. Всѣ дожидаются главы семейства, который запоздалъ въ синагогѣ.

Наконецъ онъ входитъ, и, при появленіи его, со всѣхъ сторонъ раздается привѣтъ: «Gut Iam Tow» (добраго праздника)! Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ. Сѣдой старикъ, съ выразительною еврейскою физіономіею, съ черными еще блестящими глазами, въ которыхъ свѣтится радостное чувство, обходитъ вокругъ стола, тихо читая молитву. Дойдя до приготовленнаго ему сидѣнья предъ столомъ, устланнаго коврами и подушками, онъ останавливается и надѣваетъ лежащую тутъ-же бѣлую смертную рубаху. Эта смертная рубашка, или саванъ, посреди яркаго освѣщенія, веселыхъ лицъ и всей праздничной обстановки, напоминаетъ пиры древнихъ египтянъ, когда, въ моментъ самаго разгара веселья, вносили въ пиршественную залу муміи предковъ, для напоминанія о томъ, что земное веселье и радость не вѣчны.

Надѣвъ саванъ, глава семейства садится на приготовленное для него почетное мѣсто. Одна изъ дочерей подноситъ ему тазъ и кружку съ водою и три раза обливаетъ концы его пальцевъ. Обычай этотъ сохраняется въ воспоминаніе того, что въ то время, когда еще горделиво высился іерусалимскій храмъ, іудейскіе священнослужители предъ каждымъ священнодѣйствіемъ омывали руки. Впрочемъ, каждый еврей—священнослужитель, такъ какъ онъ имѣетъ право освящать брачный союзъ, хоронить, связывать, расторгать и совершать всякое священнодѣйствіе, не принявъ священства. Надѣвъ саванъ, глава семейства наливаетъ бокалъ и произноситъ благословеніе надъ виномъ. Указывая рукою и глазами на лежащіе на столѣ три мацы, онъ говоритъ: «Такой хлѣбъ ѣли праотцы наши въ Египтѣ; кто голоденъ—пусть раздѣлитъ его съ нами; кто терпитъ нужду—пусть приметъ участіе въ нашей трапезѣ». Евреи произносятъ эту фразу, садясь за столъ въ первые два вечера Пасхи, и какой-бы бѣдный, неизвѣстный соотечественникъ ни зашелъ къ нимъ въ эти вечера, его принимаютъ радушно и, не спросивъ даже его имени, приглашаютъ раздѣлить трапезу.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ, раскрываютъ молитвенники и начинается чтеніе «Гагады» (Разсказъ объ исходѣ евреевъ изъ Египта).

Первую половину Гагады прочитываютъ до ужина, вторую же по окончаніи его.

Чтеніе заканчивается радостнымъ восклицаніемъ: «Теперь мы рабы, но въ будущемъ году мы будемъ свободны!»

Въ этомъ восклицаніи выражается вся сущность еврейской религіи—непоколебимое упованіе евреевъ въ лучшую будущность, под-

державшее этотъ народъ въ самые тяжкіе историческіе моменты его существованія.

Въ праздникъ Новаго года евреи читаютъ молитвы, въ которыхъ просятъ Бога объ уничтоженіи на землѣ всякаго зла и о соединеніи всего человѣчества въ одно царство любви и мира. Праздникъ Умилостивленія или отпущенія грѣховъ,—одинъ изъ великихъ дней у еврейскаго народа. Празднованіе его запечатлѣно мрачно-торжественнымъ характеромъ. Мѣсяцъ, въ который бываетъ этотъ праздникъ, называется мѣсяцемъ покаянія, потому что въ продолженіе его евреи изнуряютъ тѣло свое постомъ и очищаютъ души молитвою. Предъ наступленіемъ великаго дня они прощаютъ всѣ грѣхи другъ другу, ходятъ на кладбища, на могилы родителей и просятъ ихъ заступничества предъ Богомъ. Въ самый день праздника, въ полуденной молитвѣ описанъ обрядъ, совершавшійся нѣкогда въ Іерусалимскомъ храмѣ. Особенно характеристично то мѣсто, гдѣ говорится о томъ моментѣ, когда все, что только носитъ *талесъ* и *теориминъ*, повергалось ницъ, съ пламенной молитвою, и появлялся первосвященникъ. По словамъ поэта, онъ походилъ на:

«На балдахинъ, возвышающійся надъ обитателями высей;
На лучи, исходящіе изъ носильщиковъ божественной колесницы;
На тіацинтовые шнурки на концахъ платья;
На радужный цвѣтъ, сквозь облака пробивающійся;
На пышную одежду, въ которую Богъ облачилъ творенье;
На розу, возросшую въ райскихъ садахъ;
На бриліантовую діадему на царскомъ челѣ» и пр.

Праздникъ Кущей евреи справляютъ съ такою же торжественностію, какъ и въ древнія времена. Въ эти дни они не могутъ ѣсть подъ кровлею, а потому строятъ на дворахъ будки, въ которыхъ крыши замѣняются навѣсами изъ ельника. Внутреннія стѣны будокъ также убираются зеленью и плодами.

Праздникъ освобожденія отъ заклятаго врага евреевъ, Амана называемый также праздникомъ Эсфири, единственный изъ еврейскихъ праздниковъ, имѣющій болѣе веселый характеръ. Хозяйки пекутъ къ этому дню трехугольные пироги съ макомъ, называемые карманами Амана. Польскіе евреи устраиваютъ театральныя представленія, въ которыхъ Аманъ появляется обыкновенно на ходулякъ, затѣмъ, чтобы всѣ могли лучше видѣть его. Пьеса импровизируется, что даетъ случай еврейскимъ острякамъ выказать въ полномъ блескѣ свое остроуміе и юморъ.

Кромѣ этихъ праздниковъ, есть еще у евреевъ одинъ не періодическій, но который можно причислить къ народнымъ. Каждый, достаточный еврей обязанъ заказать для себя свитокъ Пятикнижія для чтенія въ синагогѣ, писанный на пергаментѣ. Такой свитокъ бываетъ обыкновенно въ три четверти аршина и стоитъ отъ ста до пятидесяти рублей и дороже. Пишется онъ древнимъ еврейскимъ, квадратнымъ шрифтомъ. Переписчики исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, потому что считаютъ его не ремесломъ, а священнымъ занятіемъ. Особенное вниманіе обращаютъ на корректуру, почему оригиналъ Св. Писанія сохранился у евреевъ десятки вѣковъ, безъ опечатокъ и измѣненій. Листы пергамента сшиваются овечьими жилами; къ обоимъ концамъ его прикрѣпляютъ палки съ ручками внизу и головками вверху, и на эти палки навертываютъ свитокъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда свитокъ готовъ, переписчикъ оставляетъ въ концѣ его нѣсколько недописанныхъ строчекъ. Хозяинъ свитка приглашаетъ къ себѣ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, и каждый, кто умѣетъ, пишетъ въ концѣ свитка одну букву; кто же не умѣетъ, за тѣхъ пишетъ переписчикъ, при чемъ всѣ присутствующіе жертвуютъ ему сколько нибудь денегъ. Приглашенныя на этотъ праздникъ женщины сшиваютъ листы пергамента овечьими жилами. Къ вечеру приносятъ изъ синагоги балдахинъ, подъ которымъ вѣнчаютъ, надѣ-

ваютъ на свитокъ шелковый чахолъ, серебряную корону и навѣшиваютъ разныя серебряныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженныя свѣчи, а мужчины окружаютъ балдахинъ; служитель синагоги вызываетъ каждаго по имени. Вызванный беретъ на руки свитокъ и такимъ образомъ его относятъ съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, которая всегда бываетъ по этому случаю ярко освѣщена и гдѣ обыкновенно уже дожидается процессія—толпа народа. Почетнѣйшія лица вынимаютъ изъ кивота стоящіе тамъ свитки и выходятъ на встрѣчу къ новому. Хозяинъ вноситъ свитокъ въ синагогу, при чемъ канторъ и собравшійся народъ поютъ псалмы; затѣмъ хозяинъ вставляетъ свитки въ кивотъ, а канторъ произноситъ благословеніе. По окончаніи церемоніи, знакомые провожаютъ хозяина на домъ съ музыкою, и праздникъ заканчивается пиромъ.

Впрочемъ, этотъ праздникъ случается очень рѣдко, такъ какъ только богатые евреи могутъ заказывать свитки; другіе же довольствуется общественнымъ; къ тому же хозяинъ новаго свитка вноситъ его иногда въ синагогу безъ всякой церемоніи, такъ какъ торжественность въ этомъ случаѣ не обязательна.

Карточныхъ игръ евреи не любятъ. Обыкновенно они играютъ въ карты только въ восемь дней праздника Макавеевъ, который бываетъ около декабря. Любимое ихъ препровожденіе времени чтеніе древнихъ легендъ. Впрочемъ, они охотно играютъ въ шашки и шахматы.

Танцы у евреевъ бываютъ очень рѣдко. Женщины танцуютъ только на свадьбахъ, мужчины также въ послѣдній день праздника кущей и иногда въ праздникъ Амана.

Пѣніе евреевъ отличается грустнымъ характеромъ и похоже на церковное. Они поютъ за столомъ въ субботу и праздничные дни.

Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ еврейскомъ обществѣ есть оркестръ, состоящій изъ скрипки, кларнета, контрабаса, иногда также прибавляютъ къ нимъ цимбалы, бубны и проч. Музыканты рѣдко знакомы съ правилами музыки, но при врожденномъ евреямъ музыкальномъ талантѣ исполняютъ пьесы съ самою гармоническою отчеливостью.

Они играютъ на свадьбахъ, также въ синагогѣ, при церемоніи вложенія новыхъ свитковъ, при чтеніи Пятикнижія, при зажиганіи свѣчей въ первую ночь праздника Макавеевъ и пр.

Евреи не имѣютъ раздѣленій на касты въ гражданскомъ смыслѣ, но въ духовномъ или, лучше сказать, въ синагогальномъ они дѣлятся на три разряда: *каганы, левиты* и *израили*. Каганы и левиты происходятъ изъ поколѣній Левія, третьяго сына Іакова, а именно: каганы отъ Аарона, а левиты отъ другихъ потомковъ Левія. И тѣ, и другіе пользуются въ народѣ разными преимуществами, состоящими въ почестяхъ по синагогальнымъ обрядамъ.

Израили же всѣ стоятъ на ровной степени и только превосходство умственныхъ способностей и нравственности доставляетъ имъ почетъ и уваженіе.

Въ отношеніи образованія евреи раздѣляются также на нѣсколько категорій. Къ первой степени принадлежатъ высоко-ученые (годолъ), превосходно-ученые (галонъ) — т. е. первостепенные евреи, отличающіеся въ познаніи богословія и пользующіеся высокимъ нравственнымъ уваженіемъ въ своемъ частномъ быту.

Ко второй категоріи принадлежатъ просто ученые (ласидамъ), отличные (муфлекъ) и пр.

Къ третьей — книжники (іодеа сефферъ), т. е. люди, не имѣющіе положительнаго значенія въ дѣлахъ религіи, но и не совершенно чуждые его. Этотъ классъ самый многочисленный, потому что почти каждый еврей получаетъ такое воспитаніе, которое даетъ ему право пользоваться этимъ званіемъ. И наконецъ неучи (амъ-га-арецъ), простаки (гедіотъ) т. е. такіе евреи, которые хотя и умѣютъ читать, а иногда даже и писать кое-какъ, но не имѣютъ никакихъ богословскихъ знаній: они не пользуются никакимъ почетомъ у народа, если

КАРАИМЫ.

КАРАИМЫ.

только не выкупаютъ своего невѣжества порядочнымъ богатствомъ и щедрыми благодѣяніями.

Впрочемъ, неучей евреевъ очень немного. Всякій отецъ, если только онъ не положительно нищій, старается дать образованіе своему сыну. Мальчиковъ начинаютъ обучать съ пяти и даже четырехлѣтняго возраста. Состоятельные родители приглашаютъ на домъ учителя *меламда*; дѣти же болѣе бѣдныхъ родителей посѣщаютъ еврейскія школы, называемые *хедерами*; въ этихъ школахъ учится обыкновенно не болѣе десяти или пятнадцати мальчиковъ. Способъ обученія совершенно своеобразный. Главный и почти исключительный предметъ обученія составляетъ Талмудъ — еврейская сокровищница всевозможной премудрости.

Еврейскій юноша въ теченіе многихъ лѣтъ корпитъ и чахнетъ надъ изученіемъ различныхъ хитросплетеній. Изъ этого выходитъ то, что молодой еврей, прошедшій весь курсъ въ еврейской школѣ хотя бы самымъ блистательнымъ образомъ — по окончаніи его, оказывается все-таки совершенно неподготовленнымъ ни къ какой дѣятельности кромѣ еврейскаго богословія, и его нельзя даже назвать образованнымъ въ европейскомъ значеніи этого слова. По выходѣ изъ школы, родители первымъ долгомъ — женятъ его, даютъ ему, смотря по своимъ средствамъ, какой нибудь капиталъ, — и молодой ученый хватается за излюбленное всѣми евреями занятіе — торговлю. Только въ такомъ случаѣ, если ему не повезетъ на этомъ поприщѣ и онъ претерпитъ полнѣйшее крушеніе въ торговыхъ дѣлахъ, пользуется онъ полученнымъ образованіемъ и поступаетъ, смотря по степени своихъ познаній, въ раввины, канторы, рѣзники, меламды и другія духовныя должности. Прежде еврейскія школы не были подчинены вліянію правительства и въ меламды поступали иногда лица, не имѣющія никакихъ свѣдѣній. Нынче же, еврейскія школы подчинены вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и отъ евреевъ требуютъ, чтобы они были въ состояніи выдержать экзаменъ для поступленія въ меламды.

Страсть евреевъ къ торговлѣ извѣстна всему свѣту; какимъ бы ремесломъ ни занимался еврей, онъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и торгашъ. Онъ вѣчно готовъ покупать, продавать, мѣнять и дѣлать разныя торговыя сдѣлки.

У насъ въ Россіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ много евреевъ, они, при своей настойчивости и изворотливости, обыкновенно умѣютъ прибирать въ руки всю мѣстную торговлю и держатъ этимъ крестьянъ въ зависимости, иногда даже разоряютъ ихъ такъ, что становятся настоящимъ бичемъ края. Одинъ изъ главныхъ и самыхъ пагубныхъ источниковъ ихъ вліянія на крестьянъ — представляетъ ремесло шинкаря и корчмаря. Еврей-шинкарь всегда привѣтливъ и ласковъ съ крестьяниномъ, какъ говорится, мягко стелетъ, — водитъ съ нимъ дружбу и отпускаетъ ему въ долгъ водку, отчего крестьянинъ пріобрѣтаетъ привычку къ пьянству.

Если же крестьянинъ не разоренъ, но ему нужда въ деньгахъ еврей охотно даетъ ему и денегъ въ займы, но разумѣется подъ закладъ вещей и подъ большіе проценты, что также тяжело отзывается на хозяйственномъ бытѣ крестьянина. Въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи почти всѣ шинки и корчмы содержатся евреями. Въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ они занимаются также ремесломъ факторовъ, т. е. коммисіонеровъ.

Стѣсненное и жалкое положеніе евреевъ, сгущенныхъ въ городахъ и привыкшихъ легкими средствами добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, создало совершенно особый классъ — факторовъ. Лицо это типическое, свойственное одному только еврейскому населенію. Факторъ служитъ посредникомъ между покупателемъ и продавцомъ.

Изъ ремесселъ евреи занимаются преимущественно часовымъ мастерствомъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, портняжнымъ ремесломъ

шапочнымъ, красильнымъ, столярнымъ, котельнымъ, кузнечнымъ, басоннымъ и пр.

Изъ промысловъ они въ особенности любятъ извозъ.

Во всѣхъ еврейскихъ обществахъ существовало съ давнихъ временъ управленіе, называвшееся *кагаломъ*, которое завѣдывало составленіемъ народныхъ переписей, сборомъ податей, отправленіемъ прочихъ повинностей, составленіемъ бюджета общественныхъ расходовъ, отысканіемъ источниковъ для нихъ, разборомъ распрей между евреями посредствомъ гласнаго судопроизводства и т. п. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе злоупотребленій нѣкоторыхъ кагальниковъ, управленіе это было уничтожено и евреи во всѣхъ своихъ дѣлахъ подчинены мѣстнымъ управленіямъ.

Не смотря на бѣдность быта, у евреевъ очень много благотворительныхъ учрежденій. Въ каждомъ, даже немногочисленномъ еврейскомъ обществѣ есть непремѣнно *братство погребателей*, существующее на счетъ единовременныхъ или годичныхъ пожертвованій. Въ вѣдѣніи общества состоитъ особое, собственное кладбище, гдѣ богатые евреи покупаютъ себѣ почетныя мѣста.

Въ каждомъ обществѣ есть также братство: «*хлѣбъ бѣднымъ*» (лехемъ эліонимъ). Доходъ этого братства состоитъ изъ постоянныхъ взносовъ его членовъ и другихъ добровольныхъ пожертвованій, какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ. Каждую недѣлю, особенно наканунѣ субботнихъ и праздничныхъ дней, староста братства раздаетъ бѣднымъ пособіе изъ этихъ пожертвованій.

Братство *Посѣщенія больныхъ* оказываетъ помощь бѣднымъ больнымъ евреямъ: доставляетъ имъ врачей, отпускаетъ безплатно лекарство и иногда содержитъ на свой счетъ семейство больнаго до его выздоровленія. Братство *Талмудъ-Тора* заботится о воспитаніи сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ евреевъ и доставляетъ имъ два раза въ годъ одежду лѣтнюю и зимнюю. Сиротъ, не способныхъ къ книжному ученію, общество отдаетъ въ науку къ ремесленникамъ. Братство *Гемилусъ-Хосодимъ* выдаетъ небогатымъ евреямъ для мелкихъ оборотовъ ссуды безъ процентовъ, подъ залогъ или подъ поручательство болѣе состоятельныхъ соплеменниковъ. Братство *Мальбишъ-арумимъ* и *гахнасасъ-кала*, т. е. одѣваніе нагихъ и вспомоществованіе невѣстамъ, существуютъ только въ многочисленныхъ обществахъ. Первое доставляетъ одежду бѣднымъ евреямъ, особенно зимою, второе же помогаетъ небогатымъ евреямъ при вступленіи въ бракъ. Кромѣ того, есть разныя духовныя братства, имѣющія исключительно благочестивыя цѣли.

У евреевъ всегда существовали различныя религіозныя секты, какъ это доказываютъ секты фарисеевъ и садукеевъ, о которыхъ говорится въ Новомъ Завѣтѣ.

Самая замѣчательная изъ существующихъ нынѣ сектъ — Караимы. Она возникла въ царствованіе халифа Альмансора. Поводомъ къ ея образованію было пристрастіе одного Решъ-Гелута *), который отставилъ извѣстнаго между евреями Анана бенъ-Давида отъ должности начальника школы и предпочелъ ему менѣе ученаго брата его. Ананъ сталъ проповѣдывать противъ раввиновъ и отвергнулъ всѣ раввинскія преданія. Его обвинили за то предъ халифомъ, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, и халифъ велѣлъ заключить его въ темницу. Ананъ разсказалъ своему товарищу, узнику, за что его преслѣдуютъ раввины, и утверждалъ, что вовсе не думалъ основывать новой религіи, но только хотѣлъ возстановить еврейскую въ ея первоначальной чистотѣ. Товарищъ посовѣтывалъ ему представить дѣло на судъ халифа. Ананъ дѣйствительно просилъ аудіенціи у халифа, и тотъ вскорѣ велѣлъ освободить его. Тогда Ананъ отправился въ Палестину, гдѣ пріобрѣлъ

*) Глава восточныхъ евреевъ.

много приверженцевъ, такъ что вскорѣ образовались цѣлыя общества караимовъ.

По мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Фирковичей, караимы суть татары, принявшіе законъ Моисея.

Караимы признаютъ истиннымъ только ученіе Моисея, отвергая всѣ талмудическія постановленія и преданія и большею частію держатся буквы Св. Писанія. Такъ у нихъ считается уже грѣхомъ разрѣзывать пищу въ субботу, потому что, по буквальному *смыслу библіи*, въ этотъ день запрещена всякая работа.

Прежде они даже не зажигали по субботамъ свѣчей, потому что въ второй книгѣ Моисея сказано: «не жите во всѣхъ вашихъ жилищахъ огня въ субботу». Но уже болѣе двухсотъ лѣтъ какъ это не соблюдается, такъ какъ караимскіе ученые имѣютъ право дѣлать религіозныя измѣненія, если они не противорѣчатъ буквальному смыслу библіи. Въ субботу караимы остаются цѣлый день на *одномъ* мѣстѣ, основываясь также на изреченіи Моисея: «да останется каждый на своемъ мѣстѣ и пусть никто не оставитъ его въ седьмый день».

Они занимаются преимущественно ремеслами, земледѣліемъ и торговлею. Отличительныя черты ихъ честность и прилежаніе. Они почти всегда готовы помочь нуждающемуся и обѣдняѣшему собрату и очень строго относятся къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Они очень богомольны, часто постятся и охотно предпринимаютъ путешествія въ Іерусалимъ къ гробомъ ихъ предковъ. Когда мальчику-караиму исполнится семь лѣтъ, его вводятъ въ храмъ, остригаютъ ему тогда въ первый разъ волосы и даютъ выпить немного вина. Для-омовенія и одѣванія покойниковъ караимы нанимаютъ людей, сами же не прикасаются къ трупу, и только тогда, когда онъ уже лежитъ въ гробу, сами относятъ его на кладбище, куда часто ходятъ молиться за умершихъ.

У караимовъ существуетъ особый родъ религіознаго посвященія. До семи лѣтъ мальчикъ воспитывается между женщинами,—съ восьмого же года его ведутъ въ синагогу, обрѣзываютъ тамъ впервые волосы и даютъ выпить вина. Торжество это, по возвращеніи домой, заключается угощеніемъ, и мальчикъ поступаетъ съ того времени на руки мужчинамъ.

Единственный духовный глава караимской общины есть ея *гахамъ*, который совершаетъ обрѣзаніе надъ дѣтьми, вѣнчаетъ и разводитъ, разбираетъ и рѣшаетъ семейныя распри и спорныя дѣла говоритъ проповѣди и проч.

Вообще караимы живутъ совершенно отдѣльно отъ раввинистовъ, не вступаютъ съ ними въ бракъ и чувствуютъ къ нимъ нерасположеніе.

Караимы образовались изъ помѣси татаръ съ евреями, что дало хорошіе результаты. Съ турецкимъ спокойствіемъ и положительностью соединился еврейскій духъ торговли, что образовало честныхъ купцовъ, между тѣмъ какъ талмудисты всецѣло преданы разнаго рода спекуляціямъ и для нихъ іезуитское правило «цѣль оправдываетъ средство» служитъ главнымъ руководствомъ въ жизни.

Магометане имѣли вліяніе не только на догматы религіи караимовъ, но и на внѣшнюю сторону ихъ богослуженія. Синагоги ихъ по устройству и почти совершенному отсутствію утвари представляютъ близкое подобіе мечети съ тою только разницею, что небольшая часть ея у самыхъ дверей огорожена и снабжена скамейками, чего нѣтъ въ мечетяхъ. Надъ этими отдѣленіями находятся галлереи, гдѣ за рѣшеткою красуются расфранченныя женщины. Остальная часть строенія совершенно какъ въ мечети пуста и устлана коврами, на которые караимы, какъ и магометане, ступаютъ не иначе, какъ босыми ногами. У внутренней стороны на небольшомъ возвышеніи стоятъ поставцы съ священными книгами.

Туфли, башмаки и сапоги снимаются у дверей синагоги и ставятся на полки шкафа, отчего передняя принимаетъ видъ башмачной лав-

ки. Въ самой синагогѣ всѣ стоятъ съ книгами въ рукахъ и усердно слѣдятъ за чтеніемъ библіи, которую читаютъ молящіеся по очередно. Отъ времени до времени раввинъ обращается съ молитвами и колѣнопреклоненіемъ по направленію къ поставцу съ священными книгами.

Одинъ очевидецъ, присутствовавшій въ синагогѣ при богослуженіи въ день «покаянія и примиренія», что бываетъ 20 сентября, описываетъ картину моленія слѣдующимъ образомъ:

«По случаю этого большаго праздника богослуженіе должно было продолжаться цѣлый день, отъ восхода до заката солнца.

«Замѣчательно, что всякій, входя въ синагогу, старается помѣститься возлѣ равнаго себѣ, отчего образуются различныя группы: въ одномъ мѣстѣ напримѣръ, вы видите одну только молодежь, въ другомъ напротивъ пожилыя и вліятельныя лица. Но чаще всего встрѣчаются группы изъ отца, окруженнаго своими, въ бархатъ и шелкъ наряженными, сыновьями. Караими, точно также какъ и татары и турки, безпредѣльно любятъ своихъ сыновей: даже въ синагогѣ безпрестанно разговариваютъ и шутятъ съ ними».

Одѣваются караимы совершенно по татарски, за исключеніемъ чалмы, которую многіе промѣняли на европейскія шляпы. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ наряда караимскихъ женщинъ, когда онѣ появляются на улицахъ. Ихъ чаще всего можно видѣть въ синагогѣ, куда онѣ отправляются по субботамъ, закутавшись въ огромныя шали. Когда же привратникъ запретъ за ними двери синагоги, онѣ сбрасываютъ свои покрывала и вмѣстѣ съ прекрасными черными глазами заблестятъ золото и жемчугъ ихъ нарядовъ. У всѣхъ на головахъ красныя фески, вышитыя золотомъ съ изреченіями изъ корана выложенными жемчугомъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ одну косу и обвиваютъ ее кругомъ головы, а у дѣвушекъ они висятъ въ безчисленномъ множествѣ косичекъ.

Туалеты молодыхъ женщинъ могутъ назваться простыми въ сравненіи съ нарядами замужнихъ женщинъ, которые рѣшительно поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: верхнее длинное платье, падающее на полъ длиннымъ шлейфомъ, у нихъ обыкновенно изъ бархата, большею частью фіолетоваго цвѣта. Впереди оно открыто и позволяетъ видѣть нижнее платье, нѣсколько короткое, изъ бѣлаго или пунцоваго атласа, все вышитое золотомъ. На груди настоящій панцырь изъ разныхъ золотыхъ монетъ, а на шеѣ жемчужное ожерелье.

Караимъ Моисей Бенціаци, жившій около 1570 года въ Константинополѣ, изложилъ вѣроученіе караимовъ въ книгѣ, называемой Маттэ Элогимъ. До крестовыхъ походовъ, караимы жили исключительно въ Палестинѣ, но во времена крестовыхъ походовъ начали переселяться въ разныя страны. Въ настоящее время въ Николаевѣ, Херсонѣ, Вильнѣ, Трокахъ, Поневѣжѣ и Луцкѣ живетъ до 500 караимовъ, въ Одессѣ около 410 и въ Крыму около 4000. Кромѣ того въ Галиціи около 150. Общества караимовъ живутъ также въ Константинополѣ и Іерусалимѣ.

XVIII. МОЛДАВАНЕ (РУМЫНЫ).

Народный характеръ и бытъ.

Молдаване (Румыны) составляютъ главную часть населенія, почти $^3/_4$ общаго итога, Бессарабской губерніи. Уѣзды: Кишиневскій, Ясскій, Сорокскій почти исключительно населены ими; въ Хотинскомъ уѣздѣ они перемѣшаны съ руссинами или русняками (какъ кажется первобытными жителями сѣверной Бессаріи), въ Бендерскомъ и Кишиневскомъ—съ пришельцами изъ разныхъ мѣстъ, приписанными къ обществамъ городовъ и селеній, по разрѣшенію правительства, въ видахъ заселенія пустыннаго края. Молдаване составляютъ племя, давно живущее въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ Бессарабіи; въ южные же уѣзды они переселились въ недавнее время, занимая мѣста, оставленныя кочевыми ногайцами.

Происхожденіе молдаванскаго племени до сихъ поръ составляетъ предметъ, не вполнѣ разрѣшенный историческими розысканіями. Съ одной стороны близкое сродство съ языками латинскаго корня, долгое пребываніе римскихъ легіоновъ въ странахъ при-Дунайскихъ, извѣстное стремленіе римлянъ къ колонизаціи (особенно мѣстъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи), самое названіе румуны (римляне), сохраняемое молдаванскимъ племенемъ, даютъ поводъ считать ихъ происхожденіе западнымъ.

Бессарабскіе молдаване говорятъ испорченнымъ латинскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью словъ славянскихъ. Языкъ ихъ имѣетъ корень латинскій и удержалъ въ своемъ основаніи болѣе оригинальности древняго римскаго, нежели итальянскій.

Наружность молдаванина-простолюдина носитъ на себѣ слѣды южнаго его происхожденія, смягченные славянскимъ типомъ. Молдаванинъ обыкновенно выше средняго роста, и сухаго, мускулистаго тѣлосложенія; большая ихъ часть имѣетъ темный цвѣтъ волосъ, выразительную физіономію, довольно правильный профиль, темные глаза, густые брови и усы. Движенія ихъ вялыя и неуклюжія, а походка медленная и тяжелая; грудь и шея у нихъ всегда открыты. Большая часть молдаванъ-простолюдиновъ носитъ длинныя до плечъ волосы, а бороды всегда брѣютъ. Нѣтъ возможности опредѣлить эпохи, съ которой началось бритье бородъ; извѣстно только то, что въ румынскихъ княжествахъ борода считалась въ числѣ привиллегій и ее могли носить исключительно бояре перваго класса.

Молдаванка большею частію выше средняго роста, стройна съ низко опущенными плечами и грудью, съ густыми темными волосами. Лицо ея не отличается правильностью: у нея низкій лобъ, замѣтно выдавшіяся скулы, острый носъ и вообще въ линіяхъ контура кривизна преобладаетъ надъ правильностью и округленностью. Смугловатый цвѣтъ кожи, темные, блестящіе, полные огня глаза, граціозныя, то лѣнивыя, то быстрыя, порывистыя и страстныя движенія придаютъ молдаванкѣ много особенности и прелести, свойственныхъ исключительно женщинамъ юга; но за то, какъ и вообще южныя женщины, молдаванки скоро старѣются и часто въ 30 лѣтъ женщина теряетъ всю грацію, всю прелесть молодости. Молдаванка

по природѣ добрая, но нрава пылкаго, и ея южная натура рѣзче выражается въ крайностяхъ женскаго характера, чѣмъ у женщинъ климата болѣе умѣреннаго. Молдаванка, выдвинутая счастливыми обстоятельствами въ чуждую ей высшую сферу, по своей впечатлительности, подвижности и переимчивости, способна скоро принять наружный лоскъ, который не дается молдаванину; но лоскъ этотъ не усвоивается ею,—онъ скоро тускнѣетъ и дѣлается безцвѣтнымъ.

Женщина-поселянка, предоставленная въ хозяйствѣ безпечностью мужа сама себѣ, всегда дѣлается разсчетливою и бережливою. Скромная, послушная и покорная мужу, какъ главѣ семейства, она, также какъ и малороссіянка, неуживчива съ посторонними.

Молдаванинъ-селянинъ съ семействомъ живетъ въ небольшой, опрятной, выбѣленной, чамурной или валькованной хатѣ (касса), которая строится изъ навознаго кирпича и небольшаго количества дерева.

Чамурныя строенія возводятся въ лѣсистыхъ мѣстахъ Бессарабіи; въ мѣстахъ же, гдѣ лѣсъ дороже, строятъ хаты валькованныя. Послѣднія отличаются отъ чамурныхъ тѣмъ только, что колья, вмѣсто хвороста, переплетаются соломою, напитанною чамуромъ.

Въ Буджакѣ, на югѣ области, гдѣ лѣса почти совсѣмъ нѣтъ, хаты дѣлаются изъ мѣстнаго плитняка или изъ землебитнаго кирпича.

Кругомъ кассы молдаванина, также какъ и у малороссіянъ, дѣлается всегда пристба (завалина); снаружи хата почти всегда выбѣлена (небѣленыя встрѣчаются довольно рѣдко), крыши крыты соломою, но больше камышемъ. Трубы на крышѣ дѣлаются только у зажиточныхъ; обыкновенно-же дымъ изъ печи, чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, идетъ прямо къ крышѣ, вслѣдствіе чего внутренность чердака (горе́шти) всегда покрыта толстымъ слоемъ сажи. Внутри хата молдаванина обыкновенно раздѣлена на сѣни, одну или двѣ комнаты и каморки — зимняго жилья хозяевъ. Стѣны комнаты всегда тщательно выбѣлены, а полъ ровно вымазанъ глиною.

Едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь столько чистоты въ обстановкѣ домашняго быта простаго класса людей, какъ у молдаванъ. Все опрятно, прибрано, выбѣлено. Въ углу комнаты, на востокъ, висятъ иконы, убранныя цвѣтами, нерѣдко искусственными, и драпированныя кускомъ бумажной или шелковой матеріи; подъ иконами, на полкѣ, лежатъ свѣчи и просфоры; съ боковъ висятъ, связанные, на-крестъ, небольшіе пучки перваго сжатаго хлѣба; тутъ-же прибиты къ стѣнѣ куски обоевъ, а далѣе развѣшаны лубочныя картины. Перекладина подъ потолкомъ унизана яблоками-домнештами (видъ яблоковъ) и звѣздчатыми небольшими тыквами, желтаго цвѣта. Тутъ-же въ углу пучки василька, высушивая который молдаванки-дѣвушки обращаютъ въ порошокъ и имъ посыпаютъ свои платья, отправляясь на чью-нибудь свадьбу или просто въ гости.

Во время сбора винограда потолокъ хаты убирается кистями его.

Подъ образами, во всю длину стѣны, находится широкій, мягкій диванъ, покрытый у зажиточныхъ хозяевъ богатыми коврами, а у небогатыхъ—простыми, но лучшими коврами собственнаго издѣлія, сдѣланными, какъ выражаются здѣшніе простолюдины, «прекрасными и умѣющими руками».

По дивану, вмѣсто спинки, къ стѣнѣ кладутъ подушки изъ красной или зеленой, большею частію шерстяной матеріи, набитыя сѣномъ. Около дивана къ окну поставленъ чистый столъ, покрытый ковромъ, клеенкою или полотномъ. Около стола два, три стула, тоже покрытые маленькими коврами.

Въ заднемъ углу ставится разукрашенный сундукъ, на которомъ въ порядкѣ положены ковры и подушки; это—«зестре»—приданое хозяйскихъ дочерей.

Сундуки зачастую пустые. Все это возвышеніе, приданое, покры-

то узорчатымъ шерстянымъ одѣяломъ, и чѣмъ оно выше, тѣмъ болѣе показываетъ трудолюбіе хозяйки и благосостояніе живущихъ въ домѣ.

Надъ диваномъ нерѣдко протянута жердочка, на которой развѣшанъ гардеробъ хозяевъ. Тутъ и чистенькія ситцевыя и шелковыя платья хозяйки и дочерей, шубки на мѣху, крытыя сукномъ и «кожокъ» (кожухъ) барбатула (мужа); все это защищено отъ пыли полотномъ.

Вообще хозяйки тщательно смотрятъ за комнатами, каждое утро ихъ выметаютъ и передъ праздниками мажутъ полъ и бѣлятъ стѣны.

Около хаты зажиточнаго селянина, въ мѣстахъ обильныхъ лѣсами, иногда устроивается небольшая хатка съ кладовою (кэсой), въ которой хранятся разныя хозяйственныя принадлежности. Тутъ-же дѣлается погребъ для храненія вина (кивница); вблизи хаты устроены большія изъ хвороста корзины, — «сосіакъ», въ которыхъ хранятся, отдѣленные отъ стебля, початки кукурузы; неподалеку отъ этого находится конюшня, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грубо чамуромъ; такая-же овчарня и другія хозяйственныя постройки, составляющія дворъ, который обносится невысокимъ плетнемъ или заборомъ, въ безлѣсныхъ мѣстахъ грубо выложеннымъ изъ лѣснаго камня. У нѣкоторыхъ впрочемъ его нѣтъ.

Одежда молдаванъ-простолюдиновъ въ многомъ схожа съ одеждою малороссіянъ, но въ ней также видно многое, заимствованное отъ турокъ. Повседневная мужская одежда состоитъ: лѣтомъ въ рабочее время—изъ соломенной шляпы съ широкими полями или смушковой шапки, изъ рубахи (камеша) и «измѣни» — нижняго платья, сдѣланнаго изъ грубаго холста домашняго издѣлія; на ноги лѣтомъ надѣваютъ лапти, сплетенные изъ листьевъ камыша, по молдавски изъ пăпури. Кромѣ того, лѣтомъ еще надѣваютъ «мáнту» — свитку, въ родѣ халата, длинную и широкую, такъ что, садясь верхомъ, ею покрываютъ и лошадь.

Рабочая женская одежда лѣтомъ состоитъ изъ рубахи грубаго домашняго холста, старой кацавейки и стараго платья. Ноги преимущественно не обуваются.

Праздничная мужская одежда состоитъ изъ такъ называемаго «интерéу», демикотоноваго, а у богатыхъ шелковаго кафтана, подпоясаннаго шерстянымъ кушакомъ (бріу) разныхъ цвѣтовъ.

Богатый селянинъ, сверхъ кушака, подпоясывается еще широкимъ ремнемъ, украшеннымъ пуговицами, крестиками и разными блестками. Шаровары носитъ демикотоновые, преимущественно синія и очень широкія, или изъ домашняго сукна, называемыя «берневишь»; сверхъ интерéу надѣвается «скутéйка» — куртка, или, вѣрнѣе, кацавейка изъ пестрой матеріи, подбитая мѣхомъ. Сапоги длинные съ высокими каблуками, подбитые передко мѣдью и разукрашенные на подборахъ различными фигурами.

Вообще каждый молдаванинъ-парубокъ (флакéу), т. е. не женатый, старается щегольнуть поясомъ, сапогами и пестротою своего наряда, въ которомъ онъ неуклюжъ, тяжелъ, неповоротливъ.

Праздничную женскую одежду составляютъ ситцевое, бумажное или шелковое платье подъ шею (рекія); сверхъ него кацавейка, подбитая мѣхомъ, опушенная снаружи, шириною вершка въ два, болѣе дорогимъ мѣхомъ, и изъ шелковаго или бумажнаго платка, наброшеннаго на голову и только подвязаннаго подъ подбородкомъ; эти платки (тульпăнъ) преимущественно пестрыхъ цвѣтовъ.

Замужнія женщины (фимéи) убираютъ свои волосы подъ платокъ, дѣвушки-же (фáты) ходятъ съ открытыми головами; онѣ заплетаютъ свои роскошные волосы или въ нѣсколько косъ, которыя спускаются по плечамъ, или въ одну косу, придерживаемую гребнемъ, разукрашеннымъ цвѣтными стеклушками.

Вообще молдаванки-поселянки охотницы щеголять; онѣ постоян-

но носятъ на пальцахъ множество колецъ (инелъ), на шеѣ разноцвѣтныя ожерелья (гормузъ) и въ ушахъ—блестящія серьги (шершеи).. Страсть молдаванокъ къ щегольству даетъ возможность странствующимъ по деревнямъ русскимъ мелкимъ торговцамъ сбывать имъ разныя блестящія женскія украшенія чуть-ли не за десятерную цѣну. Впрочемъ, надо отдать справедливость дѣвушкамъ-молдаванкамъ, что въ обыкновенные дни онѣ одѣваются просто, но чистенько, и даже съ кокетствомъ.

Зимняя мужская одежда состоитъ изъ ватной фуфайки (минтянъ), овчиннаго кожуха (кожохъ), изъ овчинныхъ-же шароваръ (менъшинь) и бараньей смушковой шапки. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою, молдаване ходятъ съ открытою шеею и грудью.

Зимнюю женскую одежду составляютъ обыкновенно: платье, кацавейка, подбитая мѣхомъ, и овчинный тулупъ. Старухи вообще повязываютъ голову, вмѣсто платка, бѣлымъ полотномъ.

Пищу простолюдина составляетъ преимущественно мамалыга, т. е. прѣсное тѣсто, приготовляемое особеннымъ образомъ изъ муки кукурузы (папушоя). Мамалыга замѣняетъ хлѣбъ и часто составляетъ собою всю кухню селянина; ее ѣдятъ по нѣскольку разъ въ день, причемъ не нужны ни вилка, ни ножикъ, ни ложка. При употребленіи мамалыги, молдаванинъ беретъ рукою кусокъ тѣста, мнетъ его въ ладони, послѣ чего обмакиваетъ его въ растопленное сало или масло, и затѣмъ въ овечій сыръ (брынза). Мамалыгу иногда замѣняетъ малай—тѣсто изъ смѣси кукурузной муки съ пшеничною.

Вообще надобно замѣтить, что молдаванинъ не прихотливъ и воздержанъ въ пищѣ; онъ совершенно покоенъ, если у него есть запасъ кукурузы для мамалыги, чтобы было чѣмъ утолить голодъ; но за то молдаванина можно упрекнуть въ нетрезвости. Онъ любитъ не только пьянство, но и процессъ самаго опьянѣнія, истребляя съ разстановкою, съ наслажденіемъ, на дружескомъ *сокотелло* (собственно значитъ—совѣтъ, рáда) необыкновенное количество вина и водки.

Въ семейномъ быту молдаванъ-поселянъ господствуетъ патріархальное уваженіе и подчиненность главѣ семейства. Слово «ты» употребляется только въ обращеніи съ невзрослыми; прочіе всѣ, даже супруги, говорятъ другъ другу «вы». Хозяинъ и господинъ въ домѣ — мужчина, и, послѣ обѣда, помолясь Богу, жена почти всегда первая цѣлуетъ мужу руку. Все хозяйство лежитъ на отвѣтственности жены; вообще молдаванки трудолюбивы и болѣе всего способствуютъ нѣкоторому изобилію или по крайней мѣрѣ достатку въ семейномъ кругу.

Многіе изъ поселянъ имѣютъ у себя корову, десятокъ-другой овецъ, пару лошадей или воловъ, а это ужь даетъ возможность удовлетворить даже не первой нуждѣ. Барбатулъ (мужъ) въ домашнее хозяйство почти не вмѣшивается, да его рѣдко и можно видѣть дома: онъ или на работѣ, или въ корчмѣ за литрой ракіу (водки), съ веселой компаніей, толкуетъ о треволненіяхъ моря житейскаго или о сильныхъ міра сего, или сидитъ дома на печи и дремлетъ.

Въ деревенскихъ собраніяхъ и компаніяхъ мужчины, какъ въ занятіи мѣстъ, такъ и при подчиваніи, пользуются преимуществами передъ женщинами. Даже въ церкви женщины вездѣ становятся позади мужчинъ, и только рѣдкая, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ, становится около алтаря, впереди мужчинъ; но вообще приступаютъ къ алтарю для причастія, приложиться къ кресту или иконѣ женщины послѣ мужчинъ. Впрочемъ, это понемногу выводится; но еще, кажется, долг будетъ существовать обычай цѣловать руки у старшихъ и вообще высшихъ лицъ, а также у начальниковъ, съ которыми молдаване-простолюдины робки и неловки, а другіе—подобострастно—искательны, точно такъ-же, какъ бываютъ надменны съ низшими себя.

Обычаи и предразсудки.

Молдаване всѣ безъ исключенія исповѣдуютъ православную вѣру. Простолюдины весьма набожны, строго соблюдаютъ посты и всѣ религіозные обряды, часто не понимая ихъ значенія.

Обычаи и обряды, сохраняемые молдаванскимъ простолюдиномъ, выражаютъ характеръ народа добраго, гостепріимнаго и привѣтливаго. Родины, крестины, свадьбы, похороны, новоселье и т. д. сопровождаются хлѣбосольствомъ; при всѣхъ случаяхъ хозяинъ созываетъ гостей, угощаетъ ихъ, а всѣ, въ свою очередь, являются съ хлѣбомъ-солью, съ подарками, съ добрымъ словомъ, привѣтомъ, поздравленіемъ или соболѣзнованіемъ, которыя всегда выражаются, по восточному обыкновенію, цвѣтистыми, часто риѳмованными поэтическими фразами.

По прошествіи трехъ дней послѣ рожденія ребенка, празднуютъ такъ называемый по молдавански—родинъ. Повивальная бабка созываетъ для этого сосѣдей и знакомыхъ на обѣдъ въ домъ родителей новорожденнаго. Гости являются на приглашеніе съ подарками, женщины приносятъ: горохъ, фасоль, огурцы, сливы, яблоки, виноградъ и проч.; мужчины даютъ деньги — мелкую серебряную или мѣдную монету, смотря по средствамъ, а главное — по богатству хозяина и его значенію.

Приходя въ домъ къ новорожденному, поздравляютъ отца и мать.

Собравъ подарки, устраиваютъ столъ, на которомъ устанавливаютъ разныя кушанья, вино и водку, и этимъ угощаютъ посѣтителей.

Черезъ недѣлю послѣ родинъ бываютъ крестины. Въ кумовья (куметры) приглашаются заранѣе почетныя лица деревни. Въ прежнее время приглашался только мужчина—кумъ, крестныхъ матерей не было; теперь же, вслѣдствіе сближенія съ русскими, и у молдаванъ стали вездѣ приглашать въ куметры и женщинъ.

Послѣ совершенія таинства, священникъ приглашается въ домъ родителей новорожденнаго, куда идетъ торжественно впереди всѣхъ.

Вечеромъ того же дня крестный отецъ обязанъ сдѣлать ужинъ у себя. Когда соберутся гости, то на столъ выставляются два графина вина; изъ одного пьютъ гости, а изъ другаго—хозяинъ.

На другой день послѣ крестинъ назначается торжественное умываніе ребенка, при которомъ обязаны участвовать кумовья. По окончаніи этого обряда дѣлается обѣдъ.

Свадебные обряды молдаванъ-простолюдиновъ весьма замѣчательны и интересны.

Молодой парубокъ избираетъ самъ себѣ невѣсту; родители въ это дѣло почти не вмѣшиваются, и не бываетъ случая, чтобы они заставляли насильно сына жениться на той, которая ему не по нраву, или принуждали выходить дочь за немилаго.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, которое хранится въ глубокой тайнѣ, выпытавъ отъ своей возлюбленной, что она готова отдать ему руку и сердце, женихъ объявляетъ объ этомъ своимъ родителямъ, которые стараются подробно и достовѣрно узнать все о будущей роднѣ *).

Когда родители согласны, то парень обращается къ родственнику, преимущественно къ своему крестному отцу, а за неимѣніемъ его—къ лицу постороннему, но вообще къ старому, почетному человѣку

Этотъ послѣдній, принявъ на себя обязанность и названіе старосты, приглашаетъ одного изъ почетныхъ хозяевъ той деревни, гдѣ

*) Нелишнимъ считаемъ прибавить здѣсь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи еще существуетъ обычай воровать себѣ невѣсть.

живетъ будущая невѣста, вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ домъ ея родителей и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, спрашиваетъ согласія ихъ.

Намѣреваясь выдать дочь замужъ, родители дѣвушки съ своей стороны избираютъ старостъ, вмѣняя имъ въ обязанность разузнать на мѣстѣ: о состояніи жениха, его поведеніи, занятіяхъ и пр. Получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія, родители дѣвушки дозволяютъ пріѣхать къ нимъ жениху, который является въ ихъ домъ въ сопровожденіи старостъ обѣихъ сторонъ. Молодыхъ людей знакомятъ офиціально, благословляютъ образомъ, послѣ чего невѣста цѣлуетъ у всѣхъ руки, не исключая и жениха. Тутъ-же идетъ трактатъ о приданомъ невѣсты, причемъ обязанность старосты заключается въ томъ, чтобы выспрашивать какъ можно болѣе. Затѣмъ приготовляется ужинъ, идетъ попойка, на дворѣ выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ *). Пирушка продолжается далеко за полночь. Во время пирушки накрывается отдѣльно столъ, на которомъ ставятъ двѣ тарелки: на одну изъ тарелокъ родители невѣсты кладутъ платокъ и кольцо, а на другую — женихъ кладетъ деньги. Затѣмъ отецъ подзываетъ дочь и говоритъ ей: «ступай и возьми, что тебѣ угодно». Невѣста, если ей нравится женихъ, беретъ деньги; тогда женихъ беретъ себѣ кольцо и платокъ, и такимъ образомъ совершается обрученіе. Пирушка, остановленная исполненіемъ этого обряда, снова продолжается.

На прощаніе назначается окончательный день, въ который рѣшится дѣло о свадьбѣ. Затѣмъ уже обѣ стороны отправляются въ городъ, гдѣ закупаютъ все необходимое для свадьбы, нанимаютъ цыганъ-музыкантовъ и пр.

Наканунѣ назначеннаго дня свадьбы, что бываетъ обыкновенно въ субботу, женихъ приглашаетъ къ себѣ всю молодежь изъ деревни и родственниковъ. По полученіи благословенія отъ своихъ родителей, онъ отправляется верхомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей въ домъ невѣсты. Позади поѣзда женихова ѣдутъ въ повозкахъ его родственники. Въ срединѣ повозокъ помѣщаются въ одной каруцѣ цыгане-музыканты, которые, въ продолженіи всей дороги до той деревни, гдѣ живетъ невѣста, наигрываютъ и распѣваютъ національныя молдаванскія пѣсни; молодежь же выказываетъ свое удальство въ скачкѣ.

Подъѣзжая къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, женихъ посылаетъ впередъ двухъ дружекъ извѣстить, что свадебный поѣздъ у деревни и чтобъ тамъ приготовились. Отецъ невѣсты, узнавъ сколько семействъ и холостыхъ ѣдутъ съ женихомъ, заботится о приготовленіи имъ квартиръ въ посторонніхъ домахъ.

Посланныхъ дружекъ встрѣчаетъ на порогѣ сама невѣста, въ присутствіи своихъ родителей. Послѣ привѣтствія, дружка невѣсты надѣваетъ жениху на голову большой калачъ, который тотчасъ-же, при громкихъ восклицаніяхъ, раздробляется его товарищами. Послѣ этого дружки невѣсты становятся по обѣимъ сторонамъ жениха и такъ сопровождаютъ его къ самому дому невѣсты, которая встрѣчаетъ его, окруженная родными. По приближеніи жениха къ невѣстѣ, одинъ изъ дружекъ, имѣющій даръ и способность говорить отчетливо и выразительно, произносить внятно народные стихи.

Послѣ этого привѣтствія, невѣста начинаетъ кропить своего суженаго водою (пучкомъ васильковъ), а дружкамъ даетъ по платку. Женихъ, въ благодарность ей, бросаетъ червонецъ. Затѣмъ пріѣхавшіе съ женихомъ расходятся по отведеннымъ имъ квартирамъ. Женихъ тоже имѣетъ отдѣльную квартиру у кого нибудь изъ будущей

*) У молдаванъ-простолюдиновъ ни одно празднество не обходится безъ выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ. Даже въ день Богоявленія, когда священникъ опускаетъ крестъ въ воду, нарочно готовые къ этому парубки съ ружьями, даютъ залпъ изъ нихъ, между тѣмъ какъ другая партія наѣздниковъ на перегонку скачетъ по всей деревнѣ, и кто первымъ пріѣдетъ къ назначенному мѣсту—получаетъ и надолго сохраняетъ потомъ званіе молодца (войникъ).

своей родни; къ нему вскорѣ собираются гости и устроиваютъ танцы, продолжающіеся до обѣда.

По окончаніи обѣда, женихъ, съ своими гостями, отправляется къ себѣ на квартиру, гдѣ продолжается танецъ джогъ; а между тѣмъ онъ посылаетъ шаферовъ съ подарками къ невѣстѣ. Подарки эти состоятъ изъ башмаковъ, чулокъ и разныхъ принадлежностей женскаго туалета; для ея отца куски сукна на контушъ (подъ шубы), сапоговъ и пр., а для матери — на платье матеріи и пр. и пр. При врученіи подарковъ, одинъ изъ дружекъ говоритъ опять привѣтствіе. Выслушавъ эту рѣчь и принявъ подарки, невѣста угощаетъ дружекъ и, въ замѣнъ полученныхъ отъ жениха подарковъ, посылаетъ ему свои, которые состоятъ преимущественно изъ мужскаго бѣлья и пр. мужскихъ принадлежностей. Вручая ихъ, шаферъ невѣсты сново говоритъ стихи.

Когда готовъ обѣденный столъ, насаженая мать беретъ невѣсту и приводитъ въ комнаты. Затѣмъ приготовляются къ прощанію и отъѣзду. Обрядъ этотъ сопровождается торжественностью.

Посреднѣ комнаты ставятъ два стула для родителей невѣсты; женихъ и невѣста, на постланномъ коврѣ, становятся передъ родителями на колѣни; присутствующіе встаютъ и одинъ изъ дружекъ говоритъ эртычуне (прощаніе), въ которомъ испрашивается у родителей прощеніе и благословленіе.

Во время чтенія эртычуне родители невѣсты и сама она обыкновенно плачутъ; по окончаніи чтенія наступаетъ сцена благословенія. Затѣмъ насаженая мать беретъ невѣсту изъ родительскаго дома и ведетъ ее въ церковь.

Впереди идетъ посаженый отецъ съ женихомъ и парубками; за ними насаженая мать съ невѣстою и ея подругами, а позади ихъ — музыканты. Родители невѣсты не провожаютъ своей дочери и не участвуютъ въ брачной церемоніи. Во время шествія играетъ музыка, а парубки по временамъ всѣ вмѣстѣ издаютъ неистовый, дикій, протяжный крикъ.

По окончаніи обряда, родственники и знакомые, присутствующіе здѣсь, осыпаютъ молодыхъ сѣменами и орѣхами, съ пожеланіемъ имъ счастія.

По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, на порогѣ дома встрѣчаютъ молодыхъ родители жениха съ поздравленіемъ.

Тѣмъ временемъ дружки опять отправляются по деревнѣ и просятъ гостей къ обѣденному столу. Во время этого обѣда одинъ изъ дружекъ съ калачемъ въ одной и тарелкою въ другой рукѣ, обходитъ гостей, даетъ каждому по крендели; присутствующіе за столомъ кладутъ на тарелку деньги. Деньги эти посаженый отецъ сосчитываетъ и, завязавъ въ платокъ, вручаетъ молодой, послѣ чего посаженая мать, взявъ подъ руку жениха и невѣсту, ведетъ ихъ въ брачную комнату, а между тѣмъ гости расходятся.

Каждый женатый молдаванинъ-селянинъ и каждая замужняя молдаванка хранятъ, какъ драгоцѣнность, обручальное кольцо. Умирающему надѣваютъ это кольцо на палецъ,ежели онъ снялъ его; и тотъ, кто обмываетъ тѣло усопшаго, что дѣлается всегда людьми посторонними, преимущественно бѣдными, тотъ беретъ это кольцо себѣ, вмѣстѣ съ кускомъ мыла, оставшимся отъ умовенія мертваго. Величайшимъ грѣхомъ считается покрывать покойнаго, особенно лицо, купленнымъ полотномъ для этого непремѣнно дѣлается полотно дома, которое обыкновенно припасаетъ каждая хозяйка, если можно, изъ своего или изъ купленнаго льна.

Въ старину мертвому надѣвали на голову шапку; но теперь этотъ обычай замѣнился тѣмъ, что шапка кладется возлѣ или чаще подъ голову покойнику.

Понятія молдаванъ-простолюдиновъ о будущей жизни заимствованы отъ турокъ, съ примѣсью преданій временъ языческихъ. При выносѣ мертваго тѣла, у воротъ стелется кусокъ отъ до 2-хъ до

3-хъ аршинъ новаго полотна или же коверъ, чрезъ который должна пройти погребальная процессія, и потомъ этотъ коверъ или полотно дарится какому нибудь бѣдняку. Значеніе этого обряда выражаетъ какой-то мостъ, чрезъ который душа умершаго должна пройти на тотъ свѣтъ. Въ погребальной процессіи впереди гроба несутъ живаго пѣтуха или курицу, и, по спускѣ тѣла въ могилу, этого пѣтуха или курицу перебрасываютъ черезъ могилу какому-нибудь бѣдняку, съ желаніемъ умершему легкаго воспаренія на небо.

На поминальномъ обѣдѣ по умершемъ, каждому присутствующему дается калачъ со свѣчою и двумя или тремя вѣтками, украшенными различнымо ягодами, также орѣхами, яблоками и пр., въ ознаменованіе райскихъ деревьевъ.

Священнику, присутствующему на поминкахъ, подается, кромѣ того, утиральникъ и баклажка вина, съ привязанною къ ней вѣткою, украшенною плодами.

На поминальныхъ обѣдахъ не употребляютъ свинины, чтобы не поминать покойнаго нечистымъ животнымъ.

Въ сороковой день по смерти дѣлаются поминки по умершемъ; день этотъ называется мошіи. Родственники покойнаго въ этотъ день приглашаютъ знакомыхъ на обѣдъ; покупается новый столъ и приборъ, какъ-то: миски, ложки, тарелки, чашки, графины и стаканы, и приготовляется полной костюмъ мужской или женскій, какой носило умершее лицо.

Когда наступаетъ время обѣда, накрываютъ столы; новый же столъ ставятъ отдѣльно поодаль отъ прочихъ и убираютъ его приборомъ, съ кушаньями и напитками. При этомъ приглашается бѣдный селянинъ, котораго одѣваютъ въ одежду, приготовленную съ память покойника (что впрочемъ теперь выводится).

Послѣ совершенія панихиды, приглашенные садятся обѣдать, но къ новому столу никто не прикасается; по окончаніи обѣда этотъ столъ дарится одѣтому въ платье покойника; даритель долженъ три раза приподнять уголъ стола, приговаривая за каждымъ разомъ: «на этомъ свѣтѣ тебѣ, а на томъ свѣтѣ такому-то» (поминая имя умершаго); затѣмъ присутствующіе переносятъ столъ въ домъ получателя, гдѣ также служится молебенъ.

Въ день поминанія усопшихъ, по выходѣ изъ церкви, на могилахъ служатъ панихиды и въ память умершихъ раздаютъ бѣднымъ кувшины съ виномъ, миски съ разными кушаньями и калачи со свѣчами.

Зажиточные поселяне иногда даютъ бѣднымъ живыхъ домашнихъ птицъ и даже животныхъ: вола, корову и овцу.

Поминающіе своихъ родственниковъ, послѣ паннихиды, угощаютъ другъ друга «коливою» (кутья), сдѣланною изъ ячменя и пшеницы съ изюмомъ, а также съ сушеными или свѣжими, смотря по времени, яблоками, грушами, сливами, виноградомъ и проч., которые, по мѣстному обычаю, приносятся въ церковь во время служенія панихиды.

Иные изъ особенной любви къ памяти умершаго, желая участвовать въ благотворительности и не имѣя для того достаточно средствъ, замѣняютъ недостатокъ ихъ собственнымъ своимъ трудомъ: строятъ на проселкахъ мосты или выкапываютъ около дорогъ колодцы. Вотъ почему каждый молдаванинъ, переѣхавши чрезъ новый мостъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ его не было, или напившись воды изъ вырытаго при дорогѣ колодца, непремѣнно скажетъ: «Бо да прости», т. е. Богъ да проститъ, подразумѣвая того, въ чью память построенъ мостъ или вырытъ колодезь.

Праздники рождественскіе немного чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ большихъ годовыхъ. У молдаванъ нѣтъ обыкновенія проводить канунъ Рождества, какъ это дѣлается въ Малороссіи или Польшѣ. Живущіе вблизи границъ Херсонской и Подольской губерній усвоили впрочемъ нѣкоторые обряды, освященные временемъ и принадлежащіе собственно славянскому племени. Такъ коляда на

ЦЫГАНЕ

МОЛДАВАНЕ

БОЛГАРЫ

СЕРБЫ

Лазарь Бо[illegible]ичъ Гуревичъ

первый день Рождества, путешествіе со звѣздою, щедровка на новый годъ—все это заимствовано изъ быта южноруссовъ

Вечеромъ наканунѣ новаго года молодежь, отъ 13 до 20 и болѣе лѣтъ, раздѣляется на партіи и ходитъ отъ дома къ дому, декламируя подъ окнами разныя легенды, въ которыхъ подчасъ трудно добиться толку. Изъ всей партіи выбирается одинъ развязный и бойкій «войникъ» (молодчикъ, боецъ), который декламируетъ страшную чепуху чрезвычайно быстро, отчетливо и безъ запинки: разсказы эти сопровождаются звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей, дружнымъ крикомъ послѣ каждой строфы, произнесенной деревенскимъ ораторомъ-говоруномъ. Рапсодіи этихъ на молдаванскомъ языкѣ очень много; всѣ онѣ отличаются легкостью, игривостію воображенія, и для молдававъ тогда только имѣютъ пріятность, когда разсказчикъ передаетъ ихъ съ особеннымъ выговоромъ, быстро и отчетливо. Рапсодисты молдаванскіе получаютъ обыкновенно въ вознагражденіе нѣсколько копѣекъ и калачъ, которыхъ всегда приготовляется достаточно при наступленіи праздниковъ.

Молдаванинъ-простолюдинъ, соблюдая всѣ священные обряды и постановленія православной церкви, примѣшиваетъ къ своему вѣрованію и вымыслы народнаго суевѣрія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ повѣрій:

Въ понедѣльникъ молдаванка ни за что не дастъ изъ дому огня, хлѣба, сыра, масла — словомъ ничего изъ собственнаго хозяйства, чтобы не обѣднѣлъ ея домъ. Въ этотъ же день она не будетъ ничего считать, чтобы не было въ домѣ пропажъ, и если кто вошедшій вздумаетъ что-либо считать изъ ея хозяйства, то, въ отвращеніе зла, она непремѣнно проворчитъ: «считай свои зубы».

Во вторникъ ничего не снуютъ, говоря, что въ этотъ день Богъ началъ основывать небо и землю. Въ субботу ничего не кроятъ, опасаясь, что тотъ, для кого будутъ кроить, непремѣнно скоро умретъ. Принесенную ночью воду молдаване будутъ пить не иначе, какъ бросивши прежде въ нее три горячихъ угля, потому что въ водѣ ночью сидитъ нечистый духъ, и горячіе уголья, брошенные въ воду съ молитвою, уничтожаютъ его вліяніе. Если пѣтухи поютъ ранѣе обыкновеннаго, то это служитъ признакомъ перемѣны погоды или тому, что по деревнѣ ходятъ злые люди.

Въ день Рождества Христова молдаване встаютъ какъ можно ранѣе и непремѣнно занимаются какою нибудь работою, напр. хозяинъ рубитъ дрова, пилитъ, долбитъ долотомъ, а хозяйка ткетъ, прядетъ или чешетъ ленъ, для того, чтобы цѣлый годъ легко работалось.

На св. Георгія, 23-го апрѣля, ночью, стерегутъ коровъ, иначе можетъ ихъ выдоить въ эту ночь вѣдьма и цѣлый годъ не будетъ у этихъ коровъ молока.

День святаго Фоки молдаване празднуютъ съ особенною торжественностію. Фокъ, по молдавански, значитъ огонь, и празднованіе этого дня они почитаютъ лучшимъ средствомъ предотвращенія отъ пожаровъ.

Среда на 4-й недѣлѣ Великаго поста и вся недѣля послѣ Духова дня посвящены празднованію русалокъ. Молдаванинъ въ эти дни ничего не работаетъ, а молдаванка до дня русалокъ старается набрать лекарственныхъ травъ, полагая, что съ этого дня теряется ихъ цѣлебность.

Повѣрья молдаванъ о русалкахъ весьма сбивчивы: одни приняли повѣрья о русалкахъ отъ малороссіянъ и считаютъ ихъ утопившимися молодыми дѣвицами; другія вѣрятъ, что дѣти, умершія до крещенія, превращаются въ русалокъ; но болѣе всего русалокъ представляютъ старыми, злыми женщинами, имѣвшими при жизни ихъ сношенія съ нечистымъ духомъ, но за измѣну ему, за ихъ вѣтряный нравъ и за любовь къ мужчинамъ, злой духъ осудилъ ихъ сидѣть на днѣ озеръ и болотъ.

Молдаване вѣрятъ также въ существованіе домоваго, добраго ду-

ха, который живетъ во всякомъ домѣ въ видѣ змѣи или ужа, и что онъ своимъ свистомъ даетъ знать хозяевамъ о какомъ нибудь счастливомъ событіи, которое должно случиться въ ихъ домѣ. Поэтому, чтобы не убить своего домоваго, они не убиваютъ ужей.

Знать свое будущее каждому любопытно; но мужчина до нѣкоторой степени самъ управляетъ своею будущею судьбою; будущность же молодой женщины, тѣмъ болѣе дѣвушки-поселянки, совершенно зависитъ отъ случая и отъ мужа, какой выпадетъ на долю ея. Поэтому въ дѣвушкѣ молдаванкѣ также развито желаніе скорѣе узнать своего суженаго, какъ и въ дѣвушкахъ другихъ мѣстъ. Средства, употребляемыя для этого, почти вездѣ одинаковы: молдаванки также выливаютъ воскъ и олово, подслушиваютъ подъ окномъ, и если услышатъ первое слово «мержь» (ступай), то ожидаютъ скораго замужества; а если услышатъ «шецъ» (сиди)—значитъ придется еще сидѣть въ дѣвкахъ. Выйдя ночью на дворъ, дѣвушка прислушивается, какое животное раньше отзовется, и если первая хрюкнетъ свинья, то ее ждетъ невзгода. Изъ мѣстныхъ особенныхъ гаданій извѣстны слѣдующія: дѣвушка беретъ пучекъ бусіока (василька) и красную нитку, выходитъ ночью на дворъ и, зажмуривъ глаза, отыскиваетъ палку, втыкаетъ ее въ землю и привязываетъ къ ней ниткою траву. Если на разсвѣтѣ дѣвушка замѣтитъ на травѣ росу, то значитъ, что она скоро выйдетъ замужъ. Наканунѣ дня св. Андрея или передъ новымъ годомъ, раздѣвшись, дѣвушка-молдаванка выбѣгаетъ на дворъ, и если ей на глаза попадется свѣжесрубленный сукъ дерева, то она скоро выйдетъ замужъ за молодаго, красиваго и богатаго; или, насыпавши около забора конопли, дѣвушка снимаетъ съ себя рубаху и три раза проводитъ ею по коноплѣ; если ей потомъ приснится хорошо принявшаяся конопля, то ее ждетъ счастіе; если же приснится конопля сухая или дурно принявшаяся,—то несчастье и проч.

Простолюдины-молдаване большіе охотники до музыки и плясокъ. Ни одна свадьба, ни одинъ почти праздникъ не обходится безъ вина, музыки и плясокъ. Любимый народный танецъ молдаванъ—джогъ. Онъ совершенно не похожъ на другіе народные танцы; въ немъ нѣтъ ни удали русскаго трепака или казачка, ни смысла хоровода или малороссійскаго танца.

Джогъ — нѣчто въ родѣ хоровода; его танцуютъ становясь въ кругъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, взявшись за руки, подъ звуки унылой и тоскливой музыки ходячаго артиста кобзаря-цыгана, вторящаго себѣ свистомъ, а иногда подъ звуки скрипки, въ тактъ, выдѣлываютъ конвульсивныя движенія не только ногами, дѣлая по два шага то вправо, то влѣво, но и руками, махая ими взадъ и впередъ, и даже животомъ, плечами и бедрами, сгорбивши часто спину, вытянувши шею и вытаращивши безъ выраженія глаза.

Молдаване имѣютъ очень много народныхъ пѣсенъ; слогъ нѣкоторыхъ изъ нихъ цвѣтистъ и роскошенъ, какъ природа Бессарабіи; за то многія пѣсни отличаются безсмыслицею припѣва, притомъ же большинство пѣсенъ начинается съ обращенія къ «фрунзы верди»—къ зеленому листу.

Молдаванинъ поетъ свою пѣсню грустнымъ, тяжелымъ, протяжнымъ напѣвомъ, нескончаемымъ, какъ вѣка пережитаго этимъ народомъ горя. Это не грусть удалой, широкой и могучей натуры, выражаемой напѣвомъ русской пѣсни, не тоскливый, трогающій душу, вызывающій слезу, мотивъ украинской народной думы; нѣтъ! это—напѣвъ безвыходнаго горя, убитаго самолюбія.

Въ народныхъ молдаванскихъ пѣсняхъ воспѣвается преимущественно или пастушеская любовь, или любовь чувственная, но вообще пѣсни этого отдѣла большею частію чрезвычайно бѣдны по содержанію. Лучшія изъ пѣсенъ, это—хоцскія или разбойничьи, а самый незначительный числомъ отдѣлъ пѣсенъ героическихъ.

XIX. ЦЫГАНЕ.

Кто не видѣлъ цыганъ? Кому не приходилось встрѣчаться съ съ этимъ непосѣдливымъ племенемъ? Кажется, нѣтъ народа на свѣтѣ, который бы пользовался такою извѣстностью, какъ цыгане.

Обыкновенно всѣ встрѣчаютъ цыганъ съ нѣкоторою боязнью и съ любопытствомъ. Дѣйствительно, жизнь цыганъ, ихъ привычки, самая наружность ихъ слишкомъ необыкновенны, чтобы не возбуждать въ насъ любопытства. Цыганъ и по характеру, и по наружности, и по образу жизни—по всему противуположенъ русскому человѣку. Оттого онъ рѣзко бросается въ глаза и невольно обращаетъ на себя наше вниманіе.

Прежде всего, откуда пришли цыгане? Но они сами не знаютъ, откуда они пришли. Какъ встрѣчаются отдѣльные люди, такъ называемые «непомнящіе родства», которые не могутъ сказать, гдѣ они родились и кто именно были ихъ родители, точно также существуетъ на бѣломъ свѣтѣ и цѣлое племя цыганское, забывшее гдѣ его родина, когда оно покинуло ее и есть ли гдѣ-нибудь на свѣтѣ родственный ему народъ. Сами себя цыгане называютъ «романами» т. е. *сынами жены*. Но это все, что могутъ они сказать о своемъ происхожденіи...

Если у самихъ цыганъ успѣло затеряться преданіе о ихъ родинѣ, то тѣмъ болѣе трудно другимъ рѣшить откуда они вышли и есть-ли гдѣ нибудь родственный имъ народъ. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній по разнымъ странамъ свѣта, между различными народами, цыгане успѣли отчасти измѣнить и свой языкъ, и свои привычки. Они невольно переняли многое отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ жили болѣе или менѣе долгое время; такъ что теперь трудно узнать, какой народъ болѣе другихъ похожъ на нихъ по наружности, по жизни и языку.

Однакоже большинство ученыхъ указываетъ на Индію, какъ на страну, гдѣ прежде жили цыгане. Въ Индіи и теперь есть племена, которыя ведутъ образъ жизни отчасти схожій съ цыганскимъ. Наружность же цыганъ болѣе всего подходитъ къ наружности индійцевъ. Но отъ какого именно племени индійскаго происходятъ цыгане—это до сихъ поръ не рѣшено окончательно.

Не зная навѣрное ни страны, ни племени, къ которымъ принадлежатъ цыгане, еще труднѣе, конечно, рѣшить самый важный вопросъ: что заставило ихъ покинуть свою родину и скитаться между чуждыми имъ народами.

Выходъ цыганъ изъ Индіи, во всякомъ случаѣ, совпадаетъ съ покореніемъ этой страны грознымъ азіатскимъ завоевателемъ—Тимуромъ-ханомъ. Это было въ 1408 году. Одни ученые говорятъ, что цыгане оставили свою родину, спасаясь отъ дикихъ полчищъ свирѣпаго Тимура. Другіе же ученые полагаютъ, что цыгане и на своей родинѣ всегда вели бродячій образъ жизни, занимаясь ворожбой, гаданіемъ, барышничествомъ и питая непріязнь къ остальнымъ племенамъ Индіи. Немудрено, что съ появленіемъ грозныхъ полчищъ Тимура въ Индіи, хитрые и ловкіе цыгане нашли нужнымъ для своей безопасности добровольно поступить къ нему на службу, въ качествѣ лазутчиковъ и поставщиковъ провіанта на его войска. Такъ какъ занятія эти были выгодны и во многихъ другихъ отношеніяхъ,

и вполнѣ соотвѣтствовали нравамъ и образу жизни цыганъ, то послѣдніе охотно оставили Индію, слѣдуя за войсками Тимура и продолжая служить ему лазутчиками и поставщиками. Такъ дошли они съ Тимуромъ до Закавказья, гдѣ и до сихъ поръ осталось ихъ значительное число. Вскорѣ послѣ смерти Тимура, двинулись изъ Азіи въ Европу другія воинственныя азіатскія племена—турки. Цыгане пошли и за ними опять въ качествѣ лазутчиковъ и поставщиковъ провіанта. Вмѣстѣ съ турками они проникли въ Египетъ и въ южную Европу — на Балканскій полуостровъ. Когда турки окончили свои завоевательные походы и поселились вокругъ нынѣшняго Константинополя, тогда осѣли и цыгане тутъ же — на Балканскомъ полуостровѣ, въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи.

Но многочисленному цыганскому племени, поселившемуся тутъ, вскорѣ показалось тѣсно; а потому они немедленно начали выселяться оттуда, распространяясь небольшими шайками по разнымъ европейскимъ государствамъ.

Таковы предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ о происхожденіи цыганъ.

Каждому можетъ придти на мысль, какъ могло это слабое и невѣжественное племя проникнуть во всѣ образованныя и сильныя европейскія государства? Немудрено, что съ помощью полчищъ Тимура и турокъ имъ удалось пройдти изъ Индіи, чрезъ всю Западную Азію, въ Египетъ и на Балканскій полуостровъ. Но какъ они могли пробраться сами, безъ всякой постронней помощи, въ самыя сильныя европейскія земли, напримѣръ, въ Германію, въ Англію, во Францію, въ Россію и проч.

Въ Германіи цыгане появились въ первый разъ на берегахъ р. Эльбы въ 1417 году. Пришли они сюда шайкою человѣкъ въ 300, полунагіе, голодные и покрытые корою грязи... Цыгане показали нѣмцамъ письмо, будто бы польскаго короля, въ которомъ онъ будто-бы рекомендуетъ ихъ нѣмцамъ за прекраснѣйшихъ людей. Письмо это, разумѣется, было поддѣльное. Однакоже нѣмцы повѣрили цыганамъ и добродушно пропустили ихъ къ себѣ. Придя во Францію, цыгане назвались христіанами, будто-бы наложившими на себя, за грѣхи своихъ отцовъ, обѣтъ странствованія по чужимъ землямъ. Французы, дѣйствительно, приняли цыганъ съ жалостью, какъ странниковъ, и прозвали ихъ «кающимися грѣшниками».

Въ Венгріи и Испаніи цыгане назвались египетскими христіанами, прогнанными изъ Египта турками. Поэтому испанцы прозвали ихъ египтянами, а венгерцы—фараповымъ отродьемъ.

При этомъ, смѣтливые цыгане, совсѣмъ неисповѣдывавшіе никакой вѣры, но наученные долгимъ опытомъ, всегда безъ всякихъ отговорокъ наружно принимали вѣру того народа, къ которому приходили. Какъ единовѣрцевъ своихъ еще охотнѣе пропускалъ ихъ къ себѣ всякій народъ.

Хитрые цыгане, придя въ Европу, сейчасъ подмѣтили также, что тутъ большимъ уваженіемъ пользуются разные графы, князья, герцоги и проч. И цыгане сейчасъ же назвали своихъ старшинъ графами, герцогами и даже королями, чтобы и ихъ также уважали. Такъ, они явились въ Швейцарію подъ предводительствомъ какого-то «египетскаго герцога Михаила». Въ Италію пришла подъ предводительствомъ «короля палестинскаго Андрея» большая шайка цыганъ, которая, какъ говорится въ одной старинной лѣтописи, «украла много лошадей».

Скоро подмѣтили они въ Европѣ и знакомыя имъ слабости людей—невѣжество, легковѣріе, любовь къ зрѣлищамъ, хвастливость и тому подобные недостатки европейскаго человѣка. И цыгане тотчасъ же принялись за ворожбу, гаданіе, танцы, лесть и за прочія занятія, хорошо знакомыя имъ можетъ быть еще въ Индіи. Все это примирило, а даже нѣсколько сблизило европейцевъ съ пришлымъ цыганскимъ племенемъ.

Но ни одинъ народъ не могъ примириться, конечно, съ ихъ бродячей жизнью. Цыгане никогда не были работниками, и, приходя въ какую-нибудь страну, они увеличивали только число ротовъ, а не рабочихъ рукъ. Нужно было кому нибудь кормить ихъ за ихъ танцы, ворожбу и тому подобныя безполезныя занятія. Поэтому всѣ правительства скоро начали принуждать ихъ къ работѣ, жить въ домахъ, а не въ палаткахъ. Но никакія принужденія не дѣйствовали на цыганъ, и они оставались по прежнему—танцорами, знахарями, пѣвцами, лошадиными барышниками и скитальцицами. За это упорство ихъ нерѣдко гнали изъ страны въ страну.

Но всего больше доставалось цыганамъ за ихъ ворожбу и гаданіе. Въ старину всѣ вѣрили въ колдовство, и, конечно, сами же обращались къ помощи знахарей. Но это занятіе, во всякомъ случаѣ, было очень опасно. Хорошо, если силѣ знахаря приписывалось какое нибудь счастливое или пріятное событіе. Тогда знахаря щедро награждали. Но если сваливали на него какое нибудь несчастіе или народное бѣдствіе? Тогда ужъ, конечно, ждала его неминуемая гибель. Опрадданій и доказательствъ при этомъ не принималось, такъ какъ знахарю приписывались невозможныя, нечеловѣческія силы. Вотъ почему въ прежнее темное время цыганъ, во многихъ земляхъ, нерѣдко жестоко наказывали за колдовство, сваливая на нихъ вину во всякомъ народномъ бѣдствіи, а иногда даже сожигали ... на кострахъ.

Всѣ эти притѣсненія и преслѣдованія цыганъ современемъ, разумѣется, прекратились, и ихъ стали пріучать къ осѣдлости и къ труду болѣе разумными и кроткими мѣрами.

Въ Россію цыгане пришли также изъ Молдавіи и Валахіи, а отчасти изъ Венгріи и Закавказья. Въ особенности увеличилось у насъ число цыганъ съ присоединеніемъ къ Россіи Бессарабской области, сосѣдней съ Молдавіею и Валахіею. Въ Бессарабіи и до сихъ поръ насчитывается ихъ до 16 тысячъ душъ. Вообще цыгане разселились у насъ преимущественно въ южныхъ губерніяхъ. Кромѣ Бессарабіи, они живутъ, напримѣръ, въ Крыму въ числѣ 8,000 тысячъ душъ. Много ихъ разселилось также по губерніямъ Херсонской, Харьковской, Воронежской и въ области Войска Донскаго. Но цыгане встрѣчаются и во всѣхъ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, главнымъ же образомъ въ Московской. Въ самой Москвѣ цыгане съ давнихъ поръ поселились въ значительномъ числѣ въ Грузинахъ и у Патріаршихъ прудовъ.

Въ настоящее время всѣхъ цыганъ считается въ Россіи около 50 тысячъ; но на самомъ дѣлѣ ихъ можетъ быть гораздо больше, такъ какъ перечислить все это бродячее племя весьма трудно.

Давно уже живутъ цыгане въ Россіи. Могли за это время присмотрѣться къ жизни болѣе удобной, чѣмъ ихъ собственная бродячая жизнь. Однакожъ они остались у насъ такими же, какими были, можетъ быть, еще ихъ индійскіе предки.

Почти вездѣ въ Россіи цыгане до сихъ поръ живутъ по своему, болѣе или менѣе одинаково. Только въ мелочахъ они должны были позаимствоваться отъ тѣхъ странъ и людей, среди которыхъ жили напр., въ одеждѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ и т. п. Но суть цыгана осталась повсюду прежняя. На самомъ дѣлѣ онъ до сихъ поръ тотъ же, какимъ и явился въ Россію: все также чуждается народовъ, непринадлежащихъ къ его племени, все также пренебрегаетъ трудомъ и все также ловокъ и хитеръ въ своихъ безполезныхъ, а иногда и вредныхъ для другихъ занятіяхъ.

Самая наружность цыганъ вполнѣ сохранилась до сихъ поръ. Лицо цыгана необыкновенно смугло, какого-то желто-бураго цвѣта, съ небольшимъ согнутымъ носомъ, правильнымъ ртомъ и необыкновенно бѣлыми зубами. Голова его покрыта густыми, жесткими и черными какъ смоль волосами; глаза—большіе, черные и свѣтятся то дикостью и боязнью, то хитростью и лукавствомъ, а гибкій и стройный станъ цыганъ обнаруживаетъ необыкновенную живость и лов-

кость этого племени, столь рѣзко отличающія ихъ отъ окружающихъ племенъ.

Изъ всѣхъ занятій, свойственныхъ народамъ осѣдлымъ, цыгане могли приноровиться только къ торговлѣ и нѣкоторымъ ремесламъ. Бродячая жизнь цыганъ въ особенности способствовала имъ занятію торговлею. При постоянныхъ переходахъ отъ одного народа къ другому, имъ можно было захватывать съ собою произведенія одной страны и обмѣнивать ихъ на произведенія другой. Бытъ цыгана всего ближе подходитъ къ быту странствующаго торговца или купца, закупающаго товаръ въ одномъ мѣстѣ и сбывающаго его — въ другомъ. Притомъ, цыгане вѣчно толкались между разными государствами, а потому не могли не присмотрѣться къ тѣмъ торговымъ сношеніямъ, какія всегда существуютъ между сосѣдними народами.

Дѣйствительно, всѣмъ извѣстна страсть цыганъ къ торговлѣ или мѣнѣ лошадьми. Долгій опытъ и навыкъ изловчилъ ихъ въ этомъ дѣлѣ даже болѣе, чѣмъ кого либо другого. Цыганъ не только знатокъ лошадей, но онъ еще умѣетъ выгодно сбывать ихъ. Но при этомъ замѣчательно, что лошадь почти единственный товаръ, которымъ торгуютъ цыгане. Это зависитъ можетъ быть отъ того, что товаръ этотъ всего ближе подходитъ къ бродячему быту цыганъ. Лошадь не требуетъ, для ея сохраненія, ни амбаровъ, ни другихъ зданій, которыхъ не можетъ имѣть скиталецъ — цыганъ. Маленькій клочекъ земли, покрытый хотя-бы тощею травою и помѣщающійся подъ открытымъ небомъ, вполнѣ достаточенъ для временнаго помѣщенія и прокормленія цыганской лошади. Кромѣ того, этотъ товаръ не требуетъ и перевозки для себя: лошадь охотно сама идетъ за убогой повозкою кочующаго цыгана.... Наконецъ она постоянно необходима и въ самомъ быту цыганскомъ, вотъ почему всѣ цыгане крѣпко и съ особенной любовью держатся почти единственнаго предмета своей торговли—лошадей.

Что же касается до ремеслъ, какими занимаются цыгане, то и они не многочисленны и не хитры. Собственно говоря, для всѣхъ бродячихъ цыганъ существуетъ только одно ремесло — это кузнечество.

Кузнечество и составляетъ, послѣ торговли лошадьми, занятіе почти всѣхъ цыганъ. Къ этому занятію какъ-бы призываетъ ихъ и тотъ неугасимый костеръ, который горитъ постоянно въ цыганскомъ шатрѣ. Да и по простотѣ своей, кузнечество сподручнѣе другихъ занятій для бродячаго цыгана. Мѣхи кузнечные, молотокъ и небольшая наковальня — немного займутъ мѣста въ его повозкѣ. Въ Бессарабіи и Крыму можно встрѣтить даже пѣшихъ цыганъ - ковалей, которые на себѣ носятъ всѣ принадлежности кузницы: вмѣсто наковальни несетъ онъ камень; съ боку прицѣплены щипцы и терпугъ; прибавьте къ этому — уголья, молотокъ и мѣхи изъ козьей шкуры шерстью вверхъ: вотъ и всѣ его снаряды. Съ такою кузницею цыганъ - коваль можетъ расположиться въ любомъ мѣстѣ, и тотчасъ же начать работу. При томъ самый матеріалъ для такого занятія — желѣзо—столь распространенный предметъ, что въ рѣдкой странѣ его нельзя добыть.

А главное, кузнечество такое ремесло, безъ котораго нельзя обойтись даже въ бродячемъ цыганскомъ быту, гдѣ постоянно требуется кузнецъ или для подковыванья лошадей, или для починки телѣгъ и проч.

Все это побудило цыганъ приняться за кузнечество. Но на этомъ кузнечномъ ремеслѣ кончаются почти всѣ ремесла цыганъ. Другими какими нибудь ремеслами они рѣдко занимаются. Да и самымъ кузнечнымъ дѣломъ, точно также, какъ и торговлею лошадьми, цыгане никогда не могли заняться какъ слѣдуетъ. Всякое занятіе, ремесло ли то́, или торговля, непремѣнно требуетъ постоянной и усидчивой работы. Цыганамъ же, которые большую часть времени проводятъ въ переходѣ съ мѣста на мѣсто и только изрѣдка принимаются за

работу, занятія эти не могутъ, конечно, приносить большихъ выгодъ.

Отсутствіе родины должно было имѣть большое значеніе для всего быта цыганъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій народъ, живущій постоянно только въ одной какой нибудь странѣ, всегда сживается съ нею на столько, что питаетъ непобѣдимую привязанность къ своей родинѣ.

Вѣчно скитаясь по чужимъ землямъ, цыгане не могли, разумѣется, привязаться ни къ одной странѣ. Имъ незнакома любовь къ родинѣ, которою отличаются всѣ осѣдлые и даже кочующіе народы, занимающіе все-таки одну какую нибудь страну. Точно также незнакомо цыгану и слово—«землякъ». Нѣтъ у него родины, нѣтъ и земляковъ. Поэтому для цыгана въ какой бы онъ странѣ ни находился,—одинаково чужды всѣ народы. Цыгане никогда ни съ какимъ народомъ не работали надъ общимъ дѣломъ, ни съ кѣмъ совмѣстно не трудились надъ устройствомъ чего либо полезнаго въ странѣ, не заботились о ея благѣ, словомъ, цыгане ни съ какимъ народомъ не связаны общими интересами, поэтому цыгане и не чувствуютъ никакой пріязни къ народамъ, непринадлежащимъ къ ихъ племени, хотя-бы и живущимъ съ ними въ одной странѣ. За то свое племя, свой народъ для нихъ дорогъ и пріятенъ. Цыгане всегда имѣли общія выгоды только между собою, и лишь между собою дѣлили они и общія нужды, радости и печали. Для цыганъ племя какъ-бы замѣняетъ и родину, и земляковъ, и все на свѣтѣ. Сходство въ языкѣ, въ наружности и обычаяхъ—вотъ что указываетъ имъ *своего* человѣка. И, не смотря на разсѣяніе цыганъ почти по всему лицу земли, они всетаки питаютъ какую-то необыкновенную любовь къ своимъ одноплеменникамъ. Сторонясь всѣхъ другихъ народовъ, цыганъ тѣмъ тѣснѣе жмется къ своему цыганскому племени. И нужно видѣть, какимъ восторгомъ и радостью разгораются ихъ глаза, когда они увидятъ своего одноплеменника, пришедшаго къ нимъ изъ какой нибудь далекой страны. Вотъ что разсказываетъ про московскихъ цыганъ одинъ англичанинъ, умѣвшій говорить по цыгански и пріѣзжавшій въ 1848 г. въ Москву проповѣдывать имъ Евангеліе: «Лишь только я появился (въ Марьиной рощѣ, гдѣ стоялъ цыганскій таборъ), цыгане высыпали изъ своихъ шатровъ и обступили меня; я привѣтствовалъ ихъ на языкѣ англійскихъ цыганъ, стоя въ коляскѣ. Вдругъ раздался крикъ удивленія и радости.... «О; какъ мы тебя любимъ!» воскликнули цыгане, принявъ этого англичанина, по его языку и наружности, за своего одноплеменника.

Сильная привязанность къ своему племени и отчужденность отъ всѣхъ другихъ народовъ и составляютъ, такъ сказать, корень всей цыганской жизни. Въ этой *племенной жизни* заключается также и *особенность* цыганскаго быта.

Для нихъ чужды не только всѣ страны и народы, но и всѣ ихъ обычаи; для нихъ не имѣютъ никакого значенія даже права и обязанности людей, непринадлежащихъ къ ихъ племени. Они подчиняются только своимъ обычаямъ, какіе сложились между ихъ племенемъ, и уважаютъ права только своихъ одноплеменниковъ. Напримѣръ, обмануть своего одноплеменника, или украсть у него что нибудь — цыгане считаютъ тяжкимъ и даже невозможнымъ проступкомъ; обмануть же какого нибудь иноплеменника для нихъ—ничего не значитъ.

Даже честь и достоинство человѣческое цыгане соблюдаютъ только между собою, между своими одноплеменниками. Если оскорбитъ или обидитъ цыгана какой нибудь человѣкъ, чуждый его племени, онъ даже и мстить ему не будетъ за это, все равно какъ не обращаетъ онъ вниманія на лай собаки. Развѣ только изъ за денежнаго вознагражденія онъ сочтетъ нужнымъ пожаловаться на него въ судъ. Когда же нанесетъ оскорбленіе цыгану его же одноплеменникъ,

тогда онъ на самомъ дѣлѣ обидится и будетъ мстить за это оскорбленіе безъ всякой корыстной цѣли.

Мы видѣли, что цыгане, при своей бродячей жизни, могли научиться только торговлѣ лошадьми да нѣкоторымъ немудренымъ ремесламъ. Даже и на эти промыслы они смотрятъ не какъ на полезные для всѣхъ, а какъ на выгодные только для ихъ племени. Поэтому обмануть при продажѣ лошади или какого нибудь издѣлія, и выпросить при этомъ лишнее—для цыганъ составляетъ даже главное дѣло.

Цыгане торгуютъ лошадьми преимущественно на ярмаркахъ. Отправляясь на ярмарку, они обыкновенно скупаютъ по деревнямъ изморенныхъ или порченныхъ лошадей, часто захватываютъ съ собою отставшихъ отъ обоза или забѣжавшихъ куда нибудь въ захолустье коней; всѣхъ ихъ они откармливаютъ иногда одними лишь лопухами, чтобы лошадь только казалась сытою; нерѣдко заливаютъ ее водкою, чтобы она была бодрѣе, подкрашиваютъ шерсть и т. п. Такихъ-то лошадей цыгане и ведутъ на ярмарку, стараясь вымѣнять ихъ на лучшихъ коней и получить при этомъ придачу.

Точно также ведутъ цыгане и другой свой промыселъ — кузнечество. У цыгана-коваля прежде всего матеріалъ для работы почти всегда некупленный. Переходя съ своимъ шатромъ съ мѣста на мѣсто, онъ обыкновенно захватываетъ съ собою по дорогѣ всякій кусокъ желѣза, выброшенный кѣмъ нибудь, какъ никуда негодная вещь, или плохо прибитый гвоздемъ къ какому нибудь сараю, колесу и т. п.; забираетъ съ собою, если попадется, даже крестъ желѣзный съ могилы. За то онъ и беретъ дешево за свою работу, почему многіе охотно идутъ къ нему съ заказами. Но работа цыганъ-ковалей все-таки плохая. Они занимаются ею больше для того, чтобы воспользоваться случаемъ выпросить что-нибудь. Чтобы получить что нибудь, собственно говоря — даромъ, цыгане прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ и средствамъ. Напр., на тѣхъ же ярмаркахъ, на которыхъ они сбываютъ своихъ лошадей, цыгане, выбравъ какое-нибудь людное мѣсто, разставляютъ тутъ столики и показываютъ на нихъ разные фокусы. Смотрѣть на эти штуки сходится обыкновенно большая толпа любопытныхъ, и многіе проигрываютъ имъ деньги.

Сюда же на ярмарки, въ особенности на малороссійскія, приходитъ за сборомъ подаяній множество цыганокъ-гадалокъ. Эти «седьмыя дочери седьмыхъ дочерей», какъ онѣ сами себя называютъ выбравъ людное мѣсто на ярмаркѣ, садятся рядами на корточки, и уже однимъ своимъ таинственнымъ видомъ привлекаютъ къ себѣ многихъ охотниковъ и охотницъ до ворожбы и гаданія. Другія же цыганки ходятъ по лавкамъ и возамъ, просто выпрашивая милостыню.

Также промышляютъ цыгане и цыганки по деревнямъ, во время своихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто.

Въ особенности ловко цыгане пользуются невѣдѣніемъ, суевѣріемъ, легковѣріемъ, хвастливостью и т. под. слабостями русскаго человѣка. Вѣритъ, напр., русскій человѣкъ въ колдовство, и цыганка готова наворожить ему съ три короба; любитъ русскій человѣкъ похвастаться, и цыганъ нахвалитъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, лишь бы далъ онъ за это денегъ, или же побьется съ нимъ «объ закладъ», что онъ де вотъ того-то не сможетъ сдѣлать и проч. Мало знаетъ, мало видѣлъ и читалъ русскій человѣкъ, и цыганъ, подмѣтивъ это, разскажетъ ему что нибудь такое, чего и быть никогда не могло, и т. д. Цыгане подмѣтили даже въ нашемъ простомъ народѣ непріязнь свекровей къ невѣсткамъ и стараются воспользоваться и этою слабостью русскихъ людей. Часто какая нибудь молодая цыганка съ распущенными волосами и исцарапаннымъ лицомъ съ плачемъ и воемъ ходитъ по крестьянскимъ дворамъ и жалуется на свекровь свою, что та будто-бы избила ее за то, что она не умѣетъ выпра-

шивать милостыни. Крестьянки наши навѣрное сжалятся надъ загнанною свекровью невѣсткою и что нибудь подадутъ ей.

Подобными слабостями людей, а также и разными общественными недостатками и пользуются цыгане, чтобы кормиться даромъ и жить на счетъ другихъ.

Успѣху всѣхъ цыганскихъ промысловъ, каковы-бы они ни были, много содѣйствуетъ также то, что цыгане ведутъ ихъ не въ одиночку, а соединившись вмѣстѣ — общинами или союзами. Даже на простое попрошайничество цыганъ рѣдко пускается одинъ, а обыкновенно вдвоемъ, втроемъ и т. д., при чемъ одни изъ цыганъ стараются какимъ нибудь способомъ привлечь къ себѣ побольше людей, или развлечь ихъ чѣмъ нибудь, а другіе, пользуясь этимъ, принимаются за выпрашиваніе, за гаданіе и проч.

Обыкновенно же цыгане пускаются на промыселъ цѣлымъ таборомъ, т. е. союзомъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Во время остановокъ, каждое семейство помѣщается обыкновенно въ своемъ отдѣльномъ шатрѣ, и большой таборъ состоитъ иногда шатровъ изъ сорока. Таборъ выбираетъ изъ себя начальника, или судью — «вайду». Его всегда можно узнать по наружному виду. Это обыкновенно мужчина среднихъ лѣтъ, всегда красивѣе другихъ и одѣтъ щегольски: длинные волосы его постоянно расчесаны и носитъ онъ въ рукахъ трость съ серебряною рукояткою и кисточками — это знакъ его достоинства. Вайда зорко смотритъ за таборомъ и никто безъ его позволенія не смѣетъ отлучиться съ мѣста стоянки. Къ своимъ начальникамъ цыгане вообще относятся съ какимъ-то благоговѣніемъ. Любя свое племя, они тѣмъ болѣе любятъ своего начальника, какъ живаго представителя этого племени.

Расположившись таборомъ гдѣ нибудь по близости города, или села, цыгане тотчасъ же отправляются на промыселъ: мужчины мѣнять лошадей, сбывать кузнечныя издѣлія и проч., а женщины просить милостыню, гадать и т. п. При этомъ всѣ члены табора дѣйствуютъ обыкновенно сообща, взаимно помогаютъ другъ другу и строго сохраняютъ свои тайны. Малѣйшее же несогласіе между ними вайда старается немедленно устранить. Онъ разбираетъ ихъ на основаніи ихъ обычаевъ, которымъ цыгане подчиняются безпрекословно. Все, набранное общими усиліями, цыгане дѣлятъ между собою.

Иногда входятъ въ связь между собою даже нѣсколько такихъ таборовъ, разсѣянныхъ часто по разнымъ губерніямъ. Напримѣръ, лошадиные барышники, расположившись отдѣльными таборами по границамъ двухъ или трехъ губерній, входятъ между собою въ тѣсное сношеніе и, пользуясь этимъ, быстро передаютъ лошадей съ одного конца на другой, за сотни верстъ.

Не смотря на ловкость и умѣнье цыганъ дѣйствовать сообща въ своихъ промыслахъ, общественный бытъ этого племени все-таки имѣлъ всегда самое простое устройство, какое встрѣчается только у самыхъ дикихъ народовъ, недодумавшихся даже до необходимости обладать какою нибудь страною и подчинить себѣ ея природу и произведенія.

Цыгане не только никогда не жили государствами, но и родоваго быта никогда не знали. Все племя цыганъ дѣлилось всегда прямо на семьи; въ семейномъ бытѣ и заключалось все ихъ общественное устройство. Поэтому глава цыганскаго семейства считаетъ себя не только отцомъ, т. е. кормильцемъ и воспитателемъ дѣтей, но и ихъ судьею и начальникомъ. Въ своемъ семействѣ онъ считаетъ себя полновластнымъ господиномъ, не только надъ дѣтьми, но и надъ женою, надъ матерью, надъ сестрами и прочими членами семьи, и въ управленіи надъ ними не подчиняется даже племенному начальнику. Такое общественное устройство встрѣчается только у самыхъ дикихъ народовъ.

Крайняя дикость проглядываетъ и во всемъ остальномъ бытѣ цыганъ. Ничего не понимая въ христіанской вѣрѣ, цыганъ обыкновенно охотно принимаетъ ее, но только лишь наружно. Онъ

даже и не различаетъ при этомъ, какую онъ принимаетъ вѣру: — для него всѣ вѣры одинаковы непонятны; онъ и смотритъ только, которая для него выгоднѣе. Не даромъ, у насъ въ Малороссіи сложилась поговорка про цыганъ, что они на вопросъ: къ какой вѣрѣ принадлежишь,—отвѣчаютъ будто-бы такъ: «А якой тоби, батечку, треба?» т. е. «къ какой тебѣ, батюшка, угодно?....

Понятно, что послѣ всего этого не можетъ быть много свѣту въ цыганской жизни. Всѣ цыгане крайне суевѣрны и на каждомъ шагу мерещатся имъ злые духи. Цыганъ не можетъ даже оставаться одинъ въ полѣ съ лошадьми. Какъ только наступаетъ ночная темнота, на него находитъ непобѣдимый страхъ и онъ во весь духъ пускается бѣжать безъ оглядки къ своему шатру, оставляя табунъ лошадей на съѣденіе волкамъ.... Точно также было-бы ошибочно думать, что цыгане сами не вѣрятъ въ ворожбу, или гаданіе, которыми они вводятъ въ обманъ другихъ людей. Ужь если болѣе ихъ образованный русскій человѣкъ — вѣритъ въ гаданіе, то полудикарь — цыганъ еще больше. Конечно онъ смѣется надъ этою ворожбою, которою вводитъ въ ясный обманъ всѣхъ иноплеменниковъ, но за то крѣпко вѣритъ въ то гаданье, которое совершаетъ для себя. Какая нибудь старая, дряхлая, безобразная цыганка садится къ костру, накуривается до одурѣнія табаку или напивается до безобразія водки, и, придя въ безпамятство и изступленіе, начинаетъ прорицать.... Этотъ-то бредъ обезумѣвшей старухи цыгане и слушаютъ со страхомъ и благовѣніемъ.

Въ семейной жизни цыганъ также немного чистоты, или свѣту. При заключеніи браковъ они не придерживаются почти никакихъ правилъ или обрядовъ. Мальчикъ лѣтъ 13—14 уже принимается самъ отыскивать себѣ подругу жизни, какую нибудь дѣвочку лѣтъ 11—12. Родственница ему, или нѣтъ эта дѣвушка, цыгану рѣшительно все равно. Испросивши согласіе ея отца, онъ на другой же день беретъ ее въ свой шатеръ.

Жену свою цыганъ держитъ въ полномъ подчиненіи себѣ и часто жестоко бьетъ ее. По обычаю всѣхъ полудикихъ племенъ, цыганскія женщины обыкновенно должны больше заботиться о мужьяхъ, чѣмъ о самихъ себѣ.

Воспитаніемъ дѣтей цыгане также не занимаются. Пріучивъ ребенка къ ловкости и обману, во всемъ остальномъ родители обыкновенно оставляютъ ихъ на произволъ судьбы и безъ всякаго присмотра. О чтеніи и письмѣ, разумѣется, и помину у нихъ нѣтъ.

Едва ли также есть на свѣтѣ народъ бѣднѣе цыганскаго племени. Не имѣя постоянной работы и проводя большую часть жизни въ переходахъ съ мѣста на мѣсто, цыгане не могутъ, конечно, получать и постоянныхъ или вѣрныхъ доходовъ. Цыгану приноситъ доходъ — случай, и, разъ пріобрѣтя что нибудь, цыганъ долженъ дожидаться уже другаго такого случая. При этомъ цыгане отличаются еще крайнею безпечностью, которая, такъ сказать, удвоиваетъ ихъ бѣдность. Цыганъ мало заботится не только о своемъ семействѣ, но и о самомъ себѣ. Безпечность—есть свойство уже всѣхъ кочующихъ и бродящихъ племенъ,— а цыганъ, тѣмъ болѣе.

Въ особенности бѣдны цыгане тамъ, гдѣ ихъ много скучивается въ одной мѣстности, какъ напр. въ Бессарабіи и Крыму. Самое лучшее жилище бессарабскаго, такъ называемаго «плащеватаго» цыгана, или «фараона»—это «бурдея». Цыганъ врываетъ въ землю четыре столба, обкладываетъ ихъ жердями, всѣ это обмазываетъ грязью; сверху кладетъ хворостъ и на него наваливаетъ землю—и «бурдея» готова. Въ этомъ жилищѣ, безъ полу, безъ оконъ, съ разведеннымъ костромъ посреди землянаго пола, и съ какой-то узкою щелью вмѣсто двери, и въ этомъ-то жилищѣ и помѣщается цыганъ со всѣмъ своимъ семействомъ на зиму. Такъ обстроены въ Бессарабіи нѣсколько цыганскихъ деревень, изъ которыхъ только одна считается богатою

МОРДОВКА. ЧЕРЕМИСКА. ЧУВАШКА. ФИННЪ.

ЕВРЕИ: КАРАИМЫ И ТАЛМУДИСТЪ

Лазарь Борисович Гуревичъ

—это *Межлеушье*. Но большинство цыганъ повсюду живутъ и зиму и лѣто въ шатрахъ, въ этихъ жалкихъ жилищахъ, изъ которыхъ каждому цѣна много-много *1 рубль*. Пойдетъ цыганъ зимою въ поле, выберетъ мѣсто, закрытое отъ холодныхъ вѣтровъ, обыкновенно гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса; раскопаетъ снѣгъ и ставитъ тутъ свою телѣгу, оглоблями вверхъ. Надъ телѣгой раскидываетъ шатеръ изъ какого нибудь грязнаго заплатаннаго полотна; накидывая его на жерди, поставленныя козлами такъ, чтобы передки телѣги съ оглоблями выходили наружу, а отверстія шатра къ югу. Телѣга служитъ постелью для главы семейства, а остальные члены семьи должны спать на голой землѣ, вповалку, какъ кому придется.

Посреди шатра разводятъ костеръ, огонь въ которомъ поддерживаютъ и день и ночь, чтобы отогрѣвать озябшіе члены.

Одежда бродячихъ цыганъ также неприхотлива. Дѣти цыганскія обыкновенно лѣтъ до 6 или 7 не носятъ никакой одежды и ходятъ совсѣмъ голыя, лѣтомъ или зимою—все равно. Для цыганенка даже ничего не значитъ пробѣгать съ полчаса или болѣе по снѣгу совершенно голымъ и осымъ. Отогрѣвшись въ шатрѣ у костра, онъ можетъ опять бѣгать по снѣгу столько же. Только въ самые сильные морозы цыганка-мать кладетъ ребенка въ подушки, которыхъ обыкновенно онѣ много имѣютъ съ этою цѣлью. Взрослые же цыгане ходятъ въ разныхъ лохмотьяхъ и обыкновенно съ открытою грудью. Цыганъ надѣваетъ на себя платье сильно уже поношенное и добытое гдѣ нибудь этовымъ. Сами они не шьютъ себѣ ничего, да и шить не умѣютъ. А что разъ надѣлъ на себѣ цыганъ, то и носитъ до тѣхъ поръ, пка платье само не свалится съ плечъ..

И все-то имущество бродячаго цыгана—невелико. Сбруя конская, куча разнаго лохмотья, лошадь да собака подлѣ шатра: вотъ и все его обзаведеніе.

На пищу цыганъ также не разборчивы. Пища эта вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ бродяжему быту. Они все ѣдятъ, что только попадется имъ подъ руку. Хлѣба они, конечно, сами никогда не пекутъ, а пользуются готовымъ — сборнымъ. Если есть обѣдъ, цыгане разсѣщаются вокругъ костра, и обѣдаютъ, по восточному, въ полулежачемъ положеніи. Если найдется при этомъ одинъ ножъ и одна ложка на все семейство, то цыгане счастливы. Посуды они никогда не моютъ, хотя-бы изъ нея только сейчасъ ѣла собака или свинья, которымъ они постоянно отдаютъ остатки отъ обѣда.

Точно также никогда не моютъ они ни лица, ни бѣлья, которое носятъ на себѣ, какъ-бы оно ни было грязно. Цыгана смочитъ дождикъ, обсушитъ солнце, а вѣтеръ сдуетъ съ одежды пыль, вотъ и все его умовеніе, или чищеніе. Неопрятность, какъ и безпечность, свойственна вообще всѣмъ бродячимъ и кочевымъ народамъ. Постоянно мѣняя мѣстожительства и помѣщаясь всегда на голой землѣ въ пыли и грязи, они, конечно, и не могутъ получить привычки къ чистотѣ и опрятности.

Цыгане всѣ, безъ исключенія, курятъ. Сидитъ, напримѣръ, у костра безобразная старуха - цыганка и непремѣнно съ трубкою въ зубахъ; идетъ съ кувшиномъ за водою молоденькая цыганка-дѣвушка также съ трубкою въ зубахъ; бѣгаетъ вокругъ шатра голый цыганенокъ лѣтъ 5—также съ трубкою, или папироскою во рту. Женщины—цыганки съ наслажденіемъ жуютъ и даже глотаютъ табакъ, не разбирая при этомъ ни листьевъ, ни стебельковъ. Мужчины-же цыгане обыкновенно курятъ изъ деревянной короткой трубки. Чѣмъ дольше служитъ эта трубка, чѣмъ больше пропиталась она табачнымъ сокомъ, тѣмъ дороже они цѣнятъ ее. Голодный цыганъ не только куритъ изъ такой трубку, но и съ наслажденіемъ, понемножку, грызетъ ее, лишь изрѣдка запивая горькій сокъ водою. Имѣя такую трубку, цыганъ можетъ ничего не ѣсть цѣлыя сутки....

Но особенно любитъ онъ водку. Когда цыганъ раздобудетъ много вина, онъ начинаетъ отъ радости кричать, пѣть, плясать, даже плакать, показывая обильными слезами, какъ ему хорошо.... Онъ хва-

таетъ тогда балайку, извлекаетъ изъ струнъ ея какіе-то бѣшенные звуки, и пляшетъ въ присядку до тѣхъ поръ, пока свалится....

Въ непритворномъ веселіи цыгана обыкновенно принимаетъ участіе не только семья, но и весь таборъ. И мужчины, и женщины (въ красныхъ шаляхъ, перекинутыхъ черезъ одно плечо), и дѣти—всѣ начинаютъ пѣть, плясать, хлопать въ ладоши и проч.

Нѣкоторыя кочевыя племена начинаютъ понемногу переходить къ осѣдлой русской жизни и принимаются за земледѣліе. Цыгане же все остаются тѣмъ-же чѣмъ и были, не смотря на то, что въ Россіи имъ даны права одинаковыя съ русскими.... Чтобы пріучить ихъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Бессарабіи, строили имъ большія новыя избы на казенный счетъ, давали даромъ плугъ, борону, разныя хозяйственныя принадлежности и денегъ въ ссуду безъ процентовъ. Но каждый разъ, какъ только пріѣзжали на повѣрку, въ домахъ не оказывалось ни плуговъ, ни боронъ, ни хлѣба, а часто и самихъ цыганъ не было уже на мѣстѣ.....

Къ нѣкоторой перемѣнѣ быта побуждаютъ ихъ пока лишь собственныя нужды. Голодная и холодная жизнь бродячихъ цыганъ, разумѣется, не проходитъ имъ даромъ. Правда, они не часто хвораютъ, но за то если разъ заболѣлъ цыганъ, то ужь рѣдко выздоравливаетъ. Лечатся они обыкновенно разными снадобьями собственнаго изобрѣтенья. Шафранъ, похлебка съ перцемъ и кровопусканіе—вотъ всегдашнія цыганскія лекарства, которыя быстро помогаютъ имъ отправляться на тотъ свѣтъ.

Между тѣмъ цыгане, страстно привязанные къ грубымъ удовольствіямъ жизни, боятся разстаться съ нею. Мысль о близости смерти наводитъ на цыгана непреодолимый страхъ. Какъ только родственники больнаго замѣтятъ, что лекарства не помогаютъ ему, что смерть близка,—тотчасъ-же поднимаютъ они отчаянный плачъ и вой. Женщины рвутъ на себѣ одежду и волосы. Самъ умирающій, въ приливъ лютой тоски и смертельномъ страхѣ, разражается страшными рыданіями и стонами.

Похороны цыганъ сопровождаются, обыкновенно, тѣмъ-же отчаяніемъ и дикимъ воплемъ. Только при погребеніи такого нибудь предводителя табора, цыгане соблюдаютъ тихую, торжественную церемонію. Съ благоговѣніемъ опускаютъ они въ могилу тѣло представителя ихъ племени, и лицо каждаго изъ участвовавшихъ въ этомъ цыганъ принимаетъ на довольно долгое время выраженіе какого-то таинственнаго раздумья.

Страхъ и слезы проглядываютъ даже въ веселіи цыганъ. Цыганъ пляшетъ порывисто, дико, какъ-то отчаянно и неутомимо. Пѣсни его отличаются также дикими, потрясающими вскрикиваніями и иногда раздирающими душу завываньями. Но кромѣ наклонности къ пѣнію и пляскѣ, цыгане отличаются также любовью и способностью къ музыкѣ. Какъ и во всемъ, цыганъ искренно и съ увлеченіемъ играетъ и на скрипкѣ только у себя дома, между своими одноплеменниками,—и послушайте здѣсь даже обыкновеннаго скрипача—цыгана: сначала онъ разгорается какимъ-то диким, страстнымъ огнемъ. Съ быстротою и неудержимою силой рвутся съ его скрипки звуки. Но постепенно скрипачъ какъ будто ослабѣваетъ; мало по малу, уныло и печально становится его игра. Тогда цыганъ даетъ полную волю слезамъ, и слезы эти мѣрно капаютъ на его открытую смуглую грудь.....

Цыганъ до сихъ поръ не былъ работникомъ и помощникомъ народу въ его трудовой жизни. Но онъ не потерялъ всѣхъ способностей къ этой работѣ. Напротивъ, необыкновенная смѣтливость и разнообразныя дарованія цыганъ могутъ сдѣлать ихъ весьма полезными работниками у насъ, какими они уже оказались во многихъ иностранныхъ государствахъ.

БОЛГАРЫ. *)

Историческій очеркъ судьбы болгаръ.—Ихъ переселеніе въ Россію.

Во многихъ мѣстахъ южной Россіи, преимущественно-же въ губерніяхъ Бессарабской и Екатеринославской, разсыпаны довольно многочисленныя колоніи болгъ, представляющія въ своей совокупности населеніе свыше девяноста тысячъ душъ обоего пола. Все это выходцы изъ Европейской Турціи, поселившіеся въ теченіи послѣднихъ полутораста лѣтъ въ пустынныхъ тогда еще мѣстностяхъ нашего юга и успѣвшіе, благодаря щедрой поддержкѣ и покровительству русскаго правительства достигнуть довольно значительнаго процвѣтанія.

Болгары составляютъ одно изъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ, живущихъ за предѣлами Русскаго государства. Въ числѣ отъ пяти до шести милліоновъ душъ обоего пола, болгары занимаютъ обширное пространство земли къ югу отъ р. Дуная, по сю и по ту сторону Балканскихъ горъ.

Въ числѣ другихъ славянскихъ племенъ болгары поселились на Дунаѣ съ давнихъ временъ, относительно которыхъ нѣтъ точныхъ историческихъ указаній. Какъ и всѣ славянскія племена, они составляли отдѣльныя, немногочисленныя родовыя группы, хотя и имѣвшія своихъ представителей власти, но не составляли одного цѣлаго въ политическомъ отношеніи, признавая номинально власть императоровъ греческихъ. Въ продолжительныхъ войнахъ болгаръ съ греками много разъ побѣда оставалась на сторонѣ грековъ и на сторонѣ болгаръ. Когда побѣждали болгары—они брали съ грековъ богатыя дани, неоднократно угрожая самой столицѣ ихъ Константинополю; когда побѣждали греки, они съ своей стороны ходили въ землю болгаръ, разоряли жителей и облагали ихъ тяжкими податями. Въ концѣ концовъ первенство осталось на сторонѣ грековъ и болгары подчинились имъ. Много, конечно, этому помогло и то обстоятельство, что греки, не смотря на свою слабость, въ это время были все-таки народъ образованный и отъ нихъ болгары должны были заимствовать образованіе; наконецъ чрезъ грековъ же утвердилась среди болгаръ и православная христіанская вѣра.

Уже въ одиннадцатомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. состоятельное болгарское царство по Дунаю пало и подчинилось власти греческихъ императоровъ. Только послѣ полутораста лѣтъ удалось болгарамъ избавиться отъ власти грековъ, снова возстановить болгарское царство, но не на долго. Скоро болгарское царство соединилось съ возникшимъ около этого времени (въ XIII столѣтіи) царствомъ сербскимъ, и съ нимъ вмѣстѣ было завоевано турками.

Съ тѣхъ поръ и до сего времени находится въ большомъ числѣ болгарскій народъ подъ владычествомъ турокъ. Много тяжелыхъ бѣдъ и всяческихъ притѣсненій пришлось за это время вынести этому, по истинѣ, мученику народу.

*) Этотъ очеркъ составленъ по Банитину (Дунайская Болгарія), и потому касается не только болгаръ, живущихъ въ Россіи, но и населяющихъ Турцію.

Эти-то вѣковыя страданія болгаръ отъ турокъ и были причиною, заставившею ихъ оставлять благодатныя страны Балканскаго полуострова, чтобы искать убѣжище въ степяхъ южной Россіи, подъ защитою единовѣрнаго и единоплеменнаго русскаго государства. Какъ и когда появились въ Русской землѣ впервые болгарскіе выходцы—съ точностію не извѣстно. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія говорятъ, что первые поселенцы-болгары пришли изъ Турціи въ 1752 году, въ числѣ 620 семействъ, съ цѣлію поселиться на земляхъ бывшаго польскаго королевства. Но, узнавъ, что тамъ земель свободныхъ для поселенія уже нѣтъ, они обратились къ русскому правительству съ просьбою принять въ свое подданство, почему и поселены были въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ ранѣе выселившимися также изъ Турціи сербскими выходцами. Другая, гораздо меньшая болгарская община вышла въ южную Россію между 1764 и 1769 годами вслѣдствіе манифестовъ о вызовѣ въ Россію заграничныхъ переселенцевъ, изъ коихъ небольшое число поселилось въ окрестностяхъ Кіева, а другая часть въ Черниговской губерніи. Съ 1769 г. начались значительныя переселенія болгаръ въ Бессарабію, хотя еще и не принадлежавшую Россіи, но уже находившуюся подъ ея защитою и покровительствомъ, гдѣ они поселились между прочимъ въ окрестностяхъ городовъ: Кишинева, Аккермана, Бендеръ и т. д. Но главнѣйшее выселеніе болгаръ произошло между 1801 и 1812 годами. Несчастія политическія и внутреннія бѣдствія Турецкой имперіи имѣли сильное вліяніе на это обстоятельство. Спасаясь отъ грабежа турецкихъ шаекъ, партіи болгаръ садились въ турецкихъ портахъ на корабли и пріѣзжали въ Россію искать новаго отечества. Императоръ Александръ I-й повелѣлъ оказывать поселенцамъ всякое пособіе и принимать мѣры къ ихъ водворенію. Для облегченія переселенія русское правительство приказало нанимать на казенный счетъ суда, на которыхъ и перевозились желающіе переселенцы въ Россію. Мѣры эти оказали самое благое дѣйствіе: въ 1819 году въ Бессарабіи уже строилось болѣе 24,000 болгарскихъ переселенцевъ. Въ этомъ же году былъ изданъ высочайшій манифестъ, которымъ дарованы болгарамъ, переселяющимся въ Россію, разныя льготы, земля для поселенія и т. д. и вмѣстѣ съ тѣмъ учреждено особое управленіе, которому поручено охраненіе ихъ интересовъ. Послѣ войны Россіи съ Турціей въ 1829 г. значительное число болгаръ (до 16,000 душъ) послѣдовало изъ Болгаріи за русскими войсками и поселилось на земляхъ, назначенныхъ для болгарскихъ поселеній. Послѣднее выселеніе болгаръ совершилось въ 1831 году, но число переселившихся въ это время не превышаетъ 3000 человѣкъ.

Переселившіеся въ Россію болгаре ведутъ жизнь сходную съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Обширныя и плодородныя земли, на которыхъ они поселены, даютъ имъ возможность заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ; многіе ведутъ торговлю, и въ Одессѣ, напримѣръ, и Кишиневѣ нерѣдко можно встрѣтить зажиточныхъ торговцевъ болгаръ. Но въ своемъ характерѣ, нравахъ и обычаяхъ они до сихъ поръ сохранили все чѣмъ отличаются ихъ единоплеменники въ турецкихъ земляхъ.

Наружность болгаръ, ихъ характеръ, одежда, пища, жилища и семейный бытъ.

Въ наружности своей болгары имѣютъ много общаго съ нашими малороссами. Большею частію они высокаго ростомъ, сухощавы и мускулисты; вообще среди нихъ встрѣчается гораздо болѣе сухихъ, чѣмъ полныхъ людей, которые попадаются лишь среди зажиточнаго купечества. Форма головы довольно разообразна; однако же чаще она заканчивается на затылкѣ острымъ уменьшеніемъ. Лицо по большей части имѣетъ красивую овальную фрму, лобъ немного нависшій

впередъ, разрѣзъ глазъ уже, чѣмъ у русскихъ, вслѣдствіе чего и самые глаза кажутся меньше. Вообще, благодаря ихъ мирному характеру и прошлой историческойсудьбѣ, въ ихъ наружности выражается гораздо болѣе добротность, чѣмъ мужества и энергіи. Брови очень густыя, волосы тѣ или русые. Часто встрѣчаются лица, выражающія необыкновенный умъ; но всѣ они носятъ отпечатокъ серьезности, твердости и плутовства — качества, составляющія отличительныя черты характеразаръ и много способствовавшія ихъ успѣхамъ въ земледѣліи, промышленности и ремесленныхъ занятіяхъ.

Женщины болгарскія средняго роста и въ молодости отличаются красивыми чертами лица; во многихъ мѣстахъ женщины особенно хороши. Ихъ черты лица не такъ красивы, но и прекрасны вполнѣ, станъ изященъ и граціозенъ. Но, къ сожалѣнію, перенятый, по всей вѣроятности, отъ турчанокъ обычай употребленія бѣлилъ и румянъ чрезвычайно портитъ ихъ свѣжія отъ природы лица. Черныя густыя брови дугою, смуглое лицо, легкій станъ, живость движенія, обычная у южной жены, черная или русая головка съ прядями необыкновенно длинныхъ волосъ — вотъ типъ болгарской дѣвушки. Особенно замѣчательны ихъ длинные волосы, которые у большей части ихъ буквально даютъ до пятъ.

Языкъ болгаръ имѣетъ значительное сходство съ русскимъ, особенно съ малороссійскимъ, хотя есть въ немъ многія отъ него отличія (отсутствіе неоконченнаго наклоненія, употребленіе членовъ и т. д.). Съ сербскимъ языкомъ болгарскій языкъ имѣетъ еще болѣе сходства, такъ что сербы и болгариномъ очень легко могутъ понимать другъ друга.

Какъ языкомъ, складомъ литературъ и въ одеждѣ болгары имѣютъ много общаго съ малороссіянами. Головѣ болгары носятъ *кубары*, шапки въ видѣ колпака изъ той или свѣтлой овчины, изъ подъ которой висятъ длинные волосы. Старые болгары стригутъ волосы, оставляя на макушкѣ пучекъ подобіе чупа у нашихъ малороссовъ. Болгары носятъ рубахи съ широкими рукавами, съ пестрыми вышивками на груди и на плечахъ; лѣтомъ — свѣтлыя широкія изъ льняной матеріи шаровары, которыя завязываются ниже колѣнъ красною шерстяною тесьмою, или кожанымъ ремнемъ; рубаха подпоясывается также краснымъ кушакомъ, къ которому привѣшивается съ лѣвой стороны спрятанный въ ножнахъ ножъ, годный для всякаго употребленія. Въ холодное время зажиточные люди носятъ камзолы, выложенные черными шнурками, или длинные кафтаны; какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаются обыкновенно изъ сукна; въ сильные же морозы это платье замѣняется овчинными тулупами, кафтанами съ башлыкомъ (какъ *кирея* у малороссовъ). Обувью служатъ башмаки или сапоги у зажиточныхъ; во время работы употребляются опанки — въ родѣ лаптей, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго куска необдѣланной кожи.

Одежда у болгарскихъ женщинъ чрезвычайно разнообразна. Вообще же болгарки заплетаютъ свои роскошные волосы, часто подкрашенные въ темный цвѣтъ, въ толстыя косы, которыя онѣ съ большимъ искусствомъ украшаютъ цвѣтами, медалями и лентами. Этотъ головной уборъ отличается, смотря по мѣстностямъ, разными особенностями у дѣвушекъ и замужнихъ. Но главный предметъ одежды болгарокъ, о которомъ онѣ особенно заботятся, это рубашка, которую покрываютъ обыкновенно роскошными вышивками на груди, плечахъ и оконечностяхъ рукавовъ, а вверху собираютъ широкими складками. Вышиваютъ онѣ разноцвѣтною шерстью или шелкомъ, и узоры этихъ вышивокъ такъ разнообразны, такъ красивы что имъ позавидовала бы любая изъ свѣтскихъ щеголихъ. Сверхъ этой изящной рубашки надѣвается юбка изъ плотной шерстяной матеріи, большею частью полосатой, домашняго приготовленія; на нее одѣвается, также изъ шерстяной матеріи, обшитый бахромою, фартукъ, а иногда и два: одинъ спереди, а другой сзади (какъ у малороссокъ *плахта* и *запаска*). Часто эти фартуки надѣваются прямо

на рубашку. Юбка и фартуки поддерживаются поясомъ, украшеннымъ обыкновенно большими кольцами или пальмообразными вѣтвями металлическими или перламутровыми. Обыкновенно эти пояса переходятъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ драгоцѣнныя вещи, такъ какъ дѣйствительно украшенія на нихъ бываютъ изъ литаго серебра или филиграновыя, съ эмалью и драгоцѣнными каменьями. Болгарскія женщины вообще любятъ украшенія всякаго рода: серьги, браслеты, кольца, а если не имѣютъ настоящихъ драгоцѣнностей, то замѣняютъ ихъ поддѣльными. Цвѣты составляютъ также неотъемлемую принадлежность женскаго туалета, да и мужчины охотно украшаютъ ими свои шляпы, отправляясь въ поле, въ церковь или на какой нибудь праздникъ. Розы, гвоздика, колокольчики и подсолнечники суть любимыя украшенія; тимьянъ же составляетъ всегдашнюю принадлежность туалета.

Дома болгары строятъ во многомъ сходные по наружности съ малороссійскими хатами. Но внутреннее расположеніе имѣетъ болѣе восточный характеръ, вѣроятно заимствованный у турокъ. Женщины имѣютъ всегда особую половину, куда посторонній посѣтитель не допускается. Впрочемъ женщины у болгаръ пользуются полною свободою и въ общихъ комнатахъ выходятъ для привѣтствія гостя. Изба, гдѣ принимаются посѣтители, или «свѣтлица», имѣетъ, по восточному обычаю, широкіе диваны, иногда сдѣланные изъ земли и всегда покрытые коврами; стѣны также увѣшаны коврами, «ручниками» (работою и приданымъ дочерей), часто тарелками, вокругъ которыхъ расположены пучки засохшихъ цвѣтовъ. Само собою разумѣется, что въ переднемъ или «красномъ» углу изобиліе святыхъ иконъ, передъ коими, какъ и у всѣхъ русскихъ, теплются одна или нѣсколько лампадокъ. У зажиточныхъ болгаръ есть комнаты, убранныя, какъ они говорятъ, «по русски», т. е. со столами, стульями и т. п., и вообще въ устройствѣ жилища они все болѣе и болѣе начинаютъ подражать русскимъ.

У болгаръ до сихъ поръ сохранился старославянскій обычай жить большими семьями или «задругами». Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ долго родителей, также внуки и правнуки, такъ что семейство иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Такимъ образомъ они составляютъ одно хозяйство, одну общину. Когда члены семьи такъ расплодятся, что въ главной избѣ имъ уже не хватаетъ мѣста, то выстраиваютъ особыя жилища во дворѣ; но всѣ подчиняются главному хозяину въ семьѣ, который зовется «дядо» или «домочина». Всѣ обязаны слушать дядо и свято исполнять его волю. Дядо долженъ смотрѣть за порядкомъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати, держать заработанныя семьею деньги и вообще заботиться о нуждахъ всей общины. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дядо собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Чтобы ни затѣвалъ дядо, онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ всей общинѣ, и при этомъ каждый, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, выражаетъ свое мнѣніе или неудовольствіе, и голосъ каждаго имѣетъ значеніе. Поэтому глава семейства у болгаръ не можетъ дѣйствовать во вредъ остальнымъ членамъ семьи. Вслѣдствіе такихъ отношеній, съ давнихъ поръ установившихся въ болгарской семьѣ и между хозяиномъ и домочадцами, дядо пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ. Онъ всюду занимаетъ первое мѣсто. Во время обѣда по правую его руку сидятъ мужчины, по лѣвую женщины, всѣ рядомъ и всегда размѣщаются по возрасту; за этимъ строго слѣдятъ старшіе и самъ дядо. Вообще болгары обращаютъ большое вниманіе на возрастъ: строго по возрасту распредѣляются работы, по возрасту даже женятся. Сначала женится обыкновенно старшій братъ, а послѣ него уже слѣдующій за нимъ; если старшій, по какой нибудь причинѣ совершенно не можетъ вступить въ бракъ, то женится опять таки сначала слѣдующій за нимъ по годамъ. При этомъ вступающій въ

ВОЛГАРЫ.

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

бракъ непремѣнно долженъ попросить на это позволенія у своего старшаго брата, и безъ его согласія бракъ не можетъ быть совершенъ даже и тогда, когда этого хотятъ родители. Тоже и съ дѣвушками: сначала выходитъ старшая, а потомъ младшая за нею.

Вся недвижимость, т. е. земля и дворъ, считается собственностію всей общины. На нее имѣютъ право и будущіе члены семьи; но всякій членъ, кромѣ того, можетъ имѣть и свою отдѣльную собственность. Когда всѣ дѣла улажены, тогда каждый можетъ располагать своимъ временемъ, идти на заработокъ, брать къ себѣ работу и всѣмъ, что онъ при этомъ получитъ, онъ можетъ распоряжаться безъ вѣдома дядо.

Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ распоряжается «баба» (бабушка), у которой находятся ключи отъ всего хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ баба — жена дядо или хозяина. Когда дядо вмѣстѣ съ остальными членами семьи уходитъ изъ дому на батрованье (т. е. на заработки), то хозяйка вполнѣ заступаетъ его мѣсто. При покупкѣ и продажѣ, при взятіи чего нибудь въ долгъ и при отдачѣ взятаго, она заключаетъ условія и всѣ ея договоры остаются священными для семьи и по возвращеніи хозяина, какъ будто бы распоряжалась не она, а онъ самъ. Вообще у болгаръ женщина пользуется большимъ уваженіемъ отъ мужчинъ, хотя на ней, какъ впрочемъ и вездѣ, лежитъ очень много обязанностей. Она завалена работою и не имѣетъ, можно сказать, ни одной свободной минуты. Если не въ полѣ, то она занята дома хозяйственными дѣлами; она то моетъ и чиститъ у колодца домашнюю утварь, бѣлье и т. д.; то краситъ и бѣлитъ свои ткани; то приготовляетъ обѣдъ для членовъ семьи, работающихъ въ полѣ или въ лѣсу; то сидитъ за своею прялкою или шитьемъ и починкою платья; то бѣжитъ заглянуть на загонъ, гдѣ пасется домашній скотъ. Женщина помогаетъ мужчинамъ даже въ постройкѣ хатъ, особенно мазанокъ, устраиваемыхъ изъ плетней и кольевъ. Замазываніе щелей глиною, бѣленье домовъ — составляютъ исключительно женскую работу. На женщинѣ же лежитъ уходъ за садомъ, который есть почти при каждомъ болгарскомъ домѣ. Впрочемъ, доходъ съ сада поступаетъ въ ея полное распоряженіе, и полученныя за проданные плоды деньги она прячетъ про черный день, покупаетъ для себя что нибудь изъ украшеній или просто нанизываетъ на нитку, которая замѣняетъ для нея ожерелье.

Обряды и обычаи, существующіе у болгаръ; повѣрья, праздники, игры и пѣсни.

Среди болгаръ сохранилось множество обычаевъ, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ языческихъ. Многіе изъ нихъ сильно напоминаютъ существующіе и среди насъ, русскихъ, что конечно объясняется нашимъ родствомъ съ болгарскимъ народомъ. Надобно впрочемъ сказать, что у болгаръ сохранилось гораздо болѣе языческихъ суевѣрій и обрядовъ, такъ какъ образованіе ихъ стоитъ гораздо ниже нашего. Эти обряды и суевѣрія сопровождаютъ, можно сказать, болгарина отъ колыбели и до могилы.

Каждый новорожденный встрѣчается у болгаръ родными какъ счастливое приращеніе семьи, а на безплодіе жены смотрятъ какъ на несчастіе, происшедшее, вѣроятно, отъ тайнаго оговора, и вслѣдствіе этого роженицу и дитя тщательно оберегаютъ отъ «злаго глаза» разнымъ колдовствомъ. Дитя еще во чревѣ матери подвергается разнымъ таинственнымъ заклинаніямъ, которыя имѣютъ назначеніе предохранить его отъ разныхъ болѣзней и бѣдствій во время жизни. Такъ беременныя женщины стараются достать чрезъ посредство бабки отъ какой-нибудь набожной женщины, бывшей въ Іерусалимѣ, кусочекъ веревки, которую іерусалимскіе св. отцы наматывали на извѣстный камень, служившій будто-бы Богородицѣ опорою, когда она почувствовала приближеніе родовъ. Этотъ талисманъ прикрѣп-

ляется къ тазу родильницы и способствуетъ къ благополучному разрѣшенію отъ бремени. Но еще болѣе, по мнѣнію болгаръ, помогаетъ слѣдующее средство: бабка бросаетъ съ разными нашептываніями въ блюдо, наполненное водою, какой-то корень, и когда наступаетъ рѣшительная минута, то мужъ опускаетъ руки въ эту воду и затѣмъ даетъ ее выпить женѣ. Послѣ благополучнаго разрѣшенія болгарки, бабка всевозможными заклинаніями и посредствомъ натиранія солью и окуриванія комнаты предохраняетъ мать и ребенка отъ вліянія нечистой силы. Кромѣ того, бабка кладетъ роженицѣ въ волоса кусокъ чесноку и кольцо, а на подушку—краснаго луку и кочергу, и закрываетъ ей лицо до самаго рта бѣлымъ платкомъ, чтобы избавить ее такимъ образомъ отъ безчестья. Благополучному прирощенію семейства бываютъ всѣ рады, и со всѣхъ сторонъ приносятся поздравленія какъ роженицѣ, такъ и ребенку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодежь танцуетъ вокругъ костра изъ соломы, лежавшей, въ воспоминаніе яслей Спасителя, подъ подушкою роженицы и вокругъ котораго молодая мать должна обойти предварительно три раза. На третій день послѣ родинъ воспріемница приноситъ бутылку вина, кусокъ сахару, стклянку масла, немного пшеницы и душистыхъ травъ, и изъ всей этой смѣси приготовляетъ съ помощью бабки ванну для новорожденнаго. Воспріемница мажетъ ребенка масломъ и бросаетъ въ ванну нѣсколько монетъ, которыя потомъ вынимаются и отдаются бабкѣ. День заключается небольшою пирушкою, на которой присутствующіе сосѣди приносятъ свои поздравленія.

Послѣ совершенія обряда крещенія, обыкновенно въ церкви, крестная мать передаетъ ребенка отцу, ожидающему его у дома съ новой рубашечкою, и говоритъ: «Нехристемъ передалъ ты мнѣ свое дитя, христіаниномъ возвращаю тебѣ его». Затѣмъ устраивается угощеніе, на которое приглашенные являются съ подарками для роженицы, крестной матери и баки. Хозяинъ даритъ имъ вибна, хлѣба, кушанья, а роженица даетъ каждой изъ женщинъ по красивому платку, который онѣ сейчасъ же вѣшаютъ за поясъ. На сороковой день послѣ церковной молитвы, мать несетъ ребенка къ крестной матери, которая даритъ ему яица или кусокъ сахару, а матери—немного хлѣба и соли и, въ дополненіе, наливаетъ ей въ башмаки воды, чтобы у ней было больше молока. Чтобы предохранить новорожденнаго отъ дурнаго глаза и всякаго призора, бабка прикрѣпляетъ къ шапочкѣ мальчика кусочекъ чесноку, а на чепчикъ дѣвочекъ—монету. Дѣти иногда до 5 лѣтъ не отнимаются отъ груди матери, но за то потомъ они предоставляются на волю Божію. Если дитя чего нибудь испугается, то бросаютъ въ блюдо съ водою горячіе уголья и даютъ ему эту воду пить, а бабка нашептываетъ въ это время разные приговоры.

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ дѣвушки (момы) въ длинные зимніе вечера собираются у домашняго очага. Работая и преимущественно прядя, онѣ напѣваютъ любимыя пѣсни. На эти вечеринки являются также и парни (момцы). Они шутятъ, разсказываютъ разныя вещи и расходятся иногда только поздно ночью. На подобныхъ же вечеринкахъ молодые люди знакомятся между собою, съ тѣмъ чтобы потомъ вступить въ бракъ.

Впрочемъ выборъ невѣсты не всегда предоставляется личному усмотрѣнію молодого человѣка; напротивъ, это считается скорѣе дѣломъ общесемейнымъ и, особенно среди крестьянъ, родители имѣютъ большое вліяніе на выборъ невѣсты. Физическая сила и трудолюбіе считаются главными качествами, будь даже дѣвушка не красива. Обыкновенно дѣвушки выходятъ замужъ въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Дѣвушка въ 25 лѣтъ отъ роду считается уже старою и можетъ разсчитывать выйдти замужъ только за вдовца. Парни женятся въ 20—25 лѣтъ; перешедшіе же за 30 лѣтъ женятся обыкновенно на молодыхъ вдовахъ. Переговоры съ родителями дѣвушки ведутъ чрезъ повѣренное лицо невѣсты. Приданое, также какъ и

сумма, за которую женихъ долженъ ее выкупить, обозначаются подробно. Впрочемъ денежные и вообще матеріальные разсчеты при заключеніи брака у болгаръ не играютъ такой роли какъ у другихъ народовъ. Когда согласіе со стороны жениха и невѣсты установится, сваты дѣлаютъ дѣвушкѣ формальное предложеніе, передаютъ ей отъ жениха кольцо и получаютъ такое же отъ нея. Затѣмъ женихъ и невѣста посылаютъ букеты знакомымъ дѣвушкамъ, которыя носятъ ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ видѣ головныхъ уборовъ.

Но случается иногда, что дѣвушка согласна принять сдѣланное предложеніе, но родители не соглашаются; въ такомъ случаѣ, если она рѣшится выйдти замужъ безъ согласія, то является съ молодымъ человѣкомъ въ домъ его родителей, которые выражаютъ свое согласіе принять въ свое семейство тѣмъ, что зажигаютъ огонь въ очагѣ и приглашаютъ ее сѣсть; послѣ этого женихъ не имѣетъ уже права отказаться отъ нея и она должна выйдти за него; но свадебныхъ подарковъ ни она, ни родители не получаютъ. Подобные браки называются пристанками.

Впрочемъ обрученіе въ обычаѣ вездѣ и слѣдуетъ за обмѣномъ колецъ и отсылкой букетовъ, и сопровождается веселыми пирами, на которыхъ вино льется рѣкою, раздаются веселыя пѣсни и тосты, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ. На этихъ пиршествахъ дѣвушки и молодые люди помѣщаются отдѣльно отъ женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ. Безъ музыки и танцевъ конечно дѣло не обходится. Изъ всѣхъ подарковъ, которые даритъ обыкновенно въ этотъ день женихъ невѣстѣ, наиболѣе интересуетъ ожерелье изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и цѣнность которыхъ опредѣляется при сватовствѣ. Если это ожерелье, а равно и прочія вещи, какъ-то: браслеты, серьги, поясъ, головные уборы, туфли — понравятся отцу невѣсты, то молодые люди могутъ считать себя обрученными. Во время пира подарки выставляются на показъ всѣмъ присутствующимъ, которые пьютъ за здоровье молодой четы. На другой день послѣ обрученія невѣста надѣваетъ на себя всѣ подарки и прогуливается по деревнѣ. Затѣмъ это повторяется каждое воскресенье и каждый праздникъ вплоть до самой свадьбы.

Свадьба рѣдко бываетъ въ скоромъ времени послѣ обрученія; большею частію откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ, особенно когда женихъ и невѣста молоды. Отецъ жениха всегда поможетъ ему въ постройкѣ дома, который, какъ мы уже говорили, обыкновенно строится на общемъ семейномъ дворѣ, а также въ покупкѣ пары быковъ и необходимыхъ домашнихъ животныхъ. Когда все въ порядкѣ, отправляютъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые объявляютъ, что все готово, и просятъ назначить день бракосочетанія, который обыкновенно назначается въ одинъ изъ воскресныхъ дней позднеи осени, когда меньше работы, такъ какъ свадебное торжество продолжается нѣсколько дней.

За недѣлю до свадьбы молодыя дѣвицы устраиваютъ танцы предъ домомъ жениха. Въ послѣднюю среду женихъ посылаетъ невѣстѣ различные наряды и «капа», чѣмъ болгарки чернятъ волосы и брови. Тогда же, или въ другой день послѣдней недѣли совершается обрядъ, называемый «засѣвки».

Въ назначенный день собирается множество гостей и родственниковъ въ домѣ жениха. Это бываетъ утромъ. Посреди стоятъ три скамьи, и на каждой изъ нихъ — по ситу и по корыту. Когда всѣ собрались, начинается пѣніе пѣсенъ, напѣвъ которыхъ особенно торжественъ и протяженъ. Вскорѣ изъ толпы выдѣляются три дѣвушки съ мукою, каждая подходитъ къ одному изъ корытъ и начинаютъ просѣвать муку подъ звуки пѣсни. Къ нимъ подходитъ мальчикъ, одѣтый по праздничному, бросаетъ соль въ каждую кучу муки и наливаетъ воду. Дѣвушки мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ хлѣбъ, сажаютъ въ печку и при этомъ поютъ. Когда хлѣбъ готовъ, женщины сажаютъ жениха на скамью, развязываютъ ему

поясъ, одинъ конецъ набрасываютъ на глаза черезъ голову, младшая сноха разламываетъ надъ его головою «меденникъ» (калачъ, намазанный медомъ) и вымазанными медомъ руками мажетъ его по лицу, приговаривая: «любите да жалуйте другъ друга, какъ пчела медъ». Затѣмъ оза разламываетъ калачъ на мелкіе куски и разноситъ всѣмъ гостямъ, которые тотчасъ запиваютъ его виномъ изъ серебряной чарки. Такія чарки можно найти у каждаго селянина; онѣ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ и передаются въ наслѣдство отъ отца къ дѣтямъ. Вечеромъ въ тотъ же день у жениха и невѣсты, у каждаго порознь, справляется вечеринка, которая, вѣроятно, поэтому и называется «раздѣльна вечеря». На этой вечеринкѣ женихъ прощается съ своими друзьями. Въ субботу дѣлается послѣдняя вечеринка въ домѣ невѣсты, причемъ угощаются, поютъ и танцуютъ.

Въ воскресенье справляется самая свадьба. Женихъ вмѣстѣ со своими гостями отправляется къ невѣстѣ, чтобы вести ее подъ вѣнецъ. Пришли они въ невѣстинъ домъ, но невѣста окружена роднею и стоитъ посреди комнаты, держа въ рукахъ рѣшето съ сѣменами. Комната заперта, ее даже стерегутъ, и, при приближеніи жениха, оттуда раздается пѣсня: «Откупайте сноху девери, дорога сноха, цѣнна она...» Девери бросаютъ нѣсколько монетъ привратникамъ, и двери отворяются. Въ эту минуту къ невѣстѣ подходитъ посаженая мать, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ вѣтвей, а свекровь серебряное украшеніе — и невѣсту подводятъ къ жениху. Затѣмъ имъ подаютъ поясъ, за который, кромѣ жениха и невѣсты, держится еще и деверь, а женщины при этомъ берутъ зажженныя свѣчи и поютъ пѣсни. Наконецъ, всѣ отправляются въ церковь, гдѣ долженъ совершаться обрядъ вѣнчанія.

Торжественное шествіе, во главѣ котораго идутъ сваты, крестный и крестная, деверь, знаменоносецъ отправляется послѣ церковной церемоніи на свадебный пиръ. Гости и родные идутъ въ этомъ шествіи съ палками, украшенными цвѣтами и плодами. На порогѣ дома молодыхъ встрѣчаетъ теща и посыпаетъ ихъ зернами хлѣба, а новобрачная цѣлуетъ у нея и у другихъ старшихъ женщинъ руки и получаетъ небольшіе подарки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда молодая входитъ на порогъ, ей кладутъ подъ мышки хлѣбы, а когда входитъ въ комнату, то даютъ на руки дитя, чтобы наглядно показать ей будущія ея материнскія обязанности. Молодые входятъ въ домъ по растянутому полотну и садятся за столъ, при чемъ опять начинается пированье. Послѣ обѣда молодые, въ сопровожденіи бабки, отправляются домой; послѣдняя идетъ съ ними затѣмъ, чтобы, убѣдившись изъ вѣрныхъ источниковъ въ невинности молодой, передать эту вѣсть оставшимся еще за столомъ близкимъ роднымъ, которые принимаютъ эту вѣсть съ проявленіями живѣйшей радости, провозглашаютъ тосты и стрѣляютъ изъ пистолета, а на другой день извѣщаютъ о томъ же всѣхъ знакомыхъ и посылаютъ имъ букеты. Но если вѣсть нерадостна, то всякое веселье прекращается и тотчасъ же выходятъ изъ-за стола. Виновная немедленно подвергается суду и возвращается родителямъ, которые обязаны прислать всѣ полученные подарки; бракъ же объявляется недѣйствительнымъ.

Если же все благополучно, то молодые только черезъ нѣсколько дней выходятъ изъ дому. Новобрачная должна еще исполнить различные обычаи, прежде чѣмъ будетъ принята въ число замужнихъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ появляется на дворѣ утромъ музыка и играетъ въ честь молодыхъ; потомъ приходятъ крестная мать съ матерью молодой и ведутъ ее, въ сопровожденіи женатыхъ мужчинъ, къ приготовленному посерединѣ двора мѣсту, гдѣ надѣваютъ ей на голову уборъ замужней женщины. Вся эта церемонія совершается обыкновенно подъ звуки военной музыки. Въ другихъ мѣстахъ — крестная мать новобрачной, въ сопровожденіи 20 или около того женщинъ, ведетъ молодую чету, закрытую покрываломъ, годъ молодое дерево, гдѣ мальчики снимаютъ съ нее покрывало, ко-

торое вѣшается на деревѣ; присутствующіе же начинаютъ вокругъ него танцы. Первый выходъ новобрачной бываетъ обыкновенно къ колодцу. За нею приходятъ обыкновенно замужнія женщины и ведутъ ее туда торжественно; пришедши на мѣсто, пожилыя женщины, выдѣляясь изъ толпы, обводятъ ее кругомъ него три раза и, вслѣдъ затѣмъ, она черпаетъ два ведра воды, которою ее и обливаютъ. Этимъ оканчиваются всѣ брачныя формальности, и молодая вступаетъ навсегда въ общество замужнихъ женщинъ.

Нравственность болгарскихъ дѣвушекъ, за немногими исключеніями, безупречна; супружеская вѣрность также соблюдается весьма строго и нарушеніе ея жестоко осуждается. Вдовы рѣдко выходятъ вторично замужъ; горожанки, овдовѣвши, ходятъ до конца жизни въ черной одеждѣ, хотя, по обычаю, трауръ обязателенъ только въ теченіи года. Если же умираетъ жена, то мужъ не бреется въ теченіи шести недѣль и носитъ на шляпѣ кусокъ темнаго сукна. Если онъ женится вторично, то въ день свадьбы отправляется на могилу своей жены и обливаетъ ее виномъ, такъ какъ, по общему повѣрью, кости сгараютъ отъ вина.

Когда болгаринъ чувствуетъ приближеніе смерти, и баба-знахарка объявляетъ ему, что помочь не въ силахъ, онъ спокойно и хладнокровно ожидаетъ послѣдней минуты и смиренно покоряется судьбѣ; мало онъ обращаетъ вниманія на плачъ жены, которая по обыкновенію воетъ въ такія минуты. По мнѣнію болгаръ, люди въ предсмертной агоніи видятъ ангеловъ. Умирающему обыкновенно вставляютъ въ руки зажженную свѣчу, крѣпко подвязываютъ нижнюю челюсть платкомъ и закрываютъ глаза. Лишь только пульсъ перестанетъ биться, всю посуду въ домѣ перевертываютъ вверхъ дномъ, для того, чтобы душа, исходящая изъ тѣла, не могла въ нее забраться и причинить безпокойство домашнимъ, оставшимся въ живыхъ. Затѣмъ, покойника моютъ, одѣваютъ въ новое платье и окуриваютъ ладономъ, ставятъ на грудь икону, а вокругъ свѣчи, а голову украшаютъ цвѣтами. Вскорѣ вокругъ покойника собираются всѣ его родные, пріятели и знакомые. Мужчины приносятъ свѣчи, а женщины кромѣ того и цвѣты. Всѣ прикладываются къ иконѣ и цѣлуютъ покойника. Въ это время въ комнатѣ раздаются обыкновенно причитанія и раздирающій душу плачъ женщинъ и другихъ родственниковъ. Въ этихъ причитаніяхъ покойнаго выставляютъ человѣкомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ достоинства и добродѣтели, и если у него есть жена и дѣти, то они предаются такому отчаянію, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ все свое счастье. «Охъ! Миланъ!» поетъ напримѣръ вдова:

Кто-то будетъ для насъ землю пахать?
Боже, Боже мой!
Кто-то будетъ хлѣбъ возить въ городъ?
Боже, Боже мой!
Кто-то будетъ теперь намъ дрова рубить въ лѣсу?
Боже, Боже мой!
Кто-то о насъ позаботится, какъ ты заботился?
Боже, Боже мой и т. д.

Если умираетъ женщина, то мужъ обыкновенно спрашиваетъ ее, долженъ ли онъ жениться для дѣтей, и по большей части умирающая благословляетъ его на второй бракъ. Тогда онъ снимаетъ съ руки обручальное кольцо и надѣваетъ на правую руку. До погребенія смотрятъ внимательно, чтобы ни человѣкъ, ни животное, въ особенности собака или кошка, не перешагнули чрезъ покойника, ибо въ такомъ случаѣ онъ можетъ превратиться въ вампира и принесетъ несчастье дому и всей деревнѣ. Поминки совершаются обыкновенно очень скромно и безъ всякихъ угощеній; приглашенные довольствуются обыкновенно нѣсколькими стаканами вина, чтобы помянуть душу усопшаго.

На другой день послѣ похоронъ, женщины ходятъ на могилу, поливаютъ ее виномъ и водою, раздаютъ пищу и напитки присутствующимъ мѣстнымъ бѣднякамъ и снова причитываютъ. На могилу ставятъ глиняную лампу въ деревянной посудинѣ и заботятся о томъ, чтобы она горѣла неугасимо въ теченіи трехъ лѣтъ: для этого на могилѣ строятъ нѣчто въ родѣ шкафчика или часовенки изъ дерева, камня или глины. Родные посѣщаютъ могилу на 3-й, 9-й, 12-й 20-й и 40-й день; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ. Въ 40-й день приносятъ 40 новыхъ восковыхъ свѣчей и, кромѣ того, всѣ бывшія при погребеніи. Во время всѣхъ этихъ посѣщеній жена кладетъ на могилу мужа вареный ячмень, рисъ и ставитъ кружку съ виномъ или «раки» (водка); мужья же приносятъ на могилы женъ пищу и напитки только въ дни поминовенія, или «задушницы». Задушницы справляются въ однихъ мѣстахъ три раза въ годъ, а въ другихъ пять разъ,—и притомъ всегда по субботамъ.

Среди болгаръ, какъ и среди другихъ южныхъ славянъ, сильно распространено повѣрье о томъ, что нѣкоторые покойники обращаются въ вампировъ. По общему мнѣнію, склонность къ вампирству наслѣдственная во многихъ семействахъ, но иногда она является и случайно. Часто также, по повѣрью болгаръ, люди обращаются въ злыхъ духовъ—злонамѣренными каменьщиками при постройкѣ домовъ. Дѣлается это такимъ образомъ: проходитъ человѣкъ мимо постройки, каменьщикъ измѣряетъ тѣнь шнуркомъ и закладываетъ этотъ шнурокъ въ фундаментѣ; послѣ этого несчастный, тѣнь котораго была измѣрена, обращается черезъ сорокъ дней въ злаго духа и безпокоитъ по ночамъ, пока не запоютъ пѣтухи, мирныхъ жителей. Черезъ девять дней послѣ погребенія умершій, обратившійся, по мнѣнію родственниковъ, въ вампира, покидаетъ свою могилу и занимается тѣмъ, что пугаетъ людей, или, выманивъ ихъ разными льстивыми рѣчами на улицу, колотитъ до полусмерти; неудовольствіе свое онъ заявляетъ шумомъ и трескомъ; затѣмъ летаетъ въ видѣ тѣни черезъ поля и луга, оставляя за собою слѣды крови; оскверняетъ иконы разными нечистотами; вызываетъ иногда на поединки самыхъ сильныхъ парней, которые, въ борьбѣ съ тѣнью, ломаютъ себѣ руки и ноги. Выдержавъ 40 дней въ качествѣ тѣни, вампиръ, по мнѣнію болгаръ, выходитъ совершенно изъ могилы и воплощается совсѣмъ въ человѣка, можетъ даже жениться, разумѣется, на чужой сторонѣ, гдѣ онъ неизвѣстенъ. Женившись, онъ относится очень спокойно къ женѣ и прочимъ членамъ семьи, только уходитъ по ночамъ, исполняетъ разныя работы и пожираетъ дохлыхъ буйволовъ и быковъ, а также высасываетъ кровь изъ всѣхъ коровъ, заболѣвшихъ какою нибудь болѣзнью. Оборотней-вампировъ или кровопійцъ, какъ ихъ называютъ, стараются обыкновенно изводить ядомъ, приготовленнымъ деревенскою знахаркою, или сожженіемъ; иногда разрываютъ могилы подозрѣваемыхъ въ вампирствѣ покойниковъ и вбиваютъ имъ въ грудь колъ или гвоздь, или прострѣливаютъ назквозь пулями и потомъ зарываютъ вновь. Есть еще средство, по мнѣнію болгаръ, избавляться отъ вампировъ: оно заключается въ томъ, чтобы подкарауливать ихъ на дорогѣ и неожиданно броситься съ освященною иконою въ рукахъ. При видѣ иконы, онъ перелетаетъ даже черезъ крыши и другія препятствія, и если не отставать отъ него, то можно душу его загнать наконецъ въ бутылку, наполненную любимымъ его напиткомъ; вслѣдъ затѣмъ бутылка быстро закупоривается пробкою, въ которой находится кусочекъ освященной иконы, и предается огню.

На плетневыхъ кольяхъ болгарскихъ жилищъ очень часто можно также видѣть повѣшанные черепа павшихъ лошадей. Это дѣлается въ виду того, что злые духи, являющіеся къ человѣку въ видѣ тѣни въ бѣлой одеждѣ, или въ видѣ заколдованной собаки, курицы съ цыплятами, охотно садятся на эти черепа и такимъ образомъ не переступаютъ черезъ заборъ двора.

Есть также повѣрье, что старухи, умирая, превращаются въ вѣдьмъ и въ видѣ красноватыхъ бабочекъ высасываютъ кровь изъ маленькихъ дѣтей. Поэтому едва только замѣтятъ подобную бабочку, то пускаются за нею и не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ.

Колодезная фея, занимающая въ повѣрьяхъ южнославянскихъ народовъ видное мѣсто, является у болгаръ подъ названіемъ самодивы въ разныхъ видахъ: то въ видѣ бѣлой кошки, то въ видѣ бѣлой козы или бѣлаго коня и т. д., и если кто имѣетъ несчастіе быть оцарапаннымъ ею, то умретъ навѣрно. Молодымъ мужчинамъ является она въ видѣ бѣлой женщины удивительной красоты, и горе тому, кто ей понравится: — ея поцѣлуй смертеленъ! Вообще, по понятіямъ болгаръ, въ лѣсахъ обитаютъ нимфы, заколдованныя животныя, бродятъ оборотни, медвѣди, въ которыхъ обратились собственно турки, поѣвшіе нѣкогда свинины. Разныя болѣзни болгары также приписываютъ вліянію духовъ, и потому, для предохраненія себя отъ нихъ, запасаются разными амулетами, которые добываютъ обыкновенно у священниковъ или бабокъ.

Всѣ эти обычаи и повѣрья суть явные остатки временъ давно минувшихъ, языческихъ. Въ другихъ же языческія преданія смѣшались съ христіанскими вѣрованіями, и это особенно замѣчается въ тѣхъ обрядахъ и повѣрьяхъ, которые сопровождаютъ различные праздники. Такъ, напримѣръ, празднованіе новаго года носитъ на себѣ всѣ черты язычества.

Новый годъ извѣстенъ у болгаръ подъ названіемъ «Сурваки» — праздникъ въ честь бога Сури, который прежде признавался богомъ изобилія и плодородія. Во времена дохристіанскія болгары посвящали первый день новаго года празднеству Сури, дабы онъ ниспослалъ плодородіе, счастіе и благодентствіе. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ между болгарами. Нужно только замѣтить, что празднованіе новаго года совершается не вездѣ одинаково.

Наканунѣ новаго года болгары не работаютъ. Молодыя дѣвушки приготовляютъ большія «плитіи» (пироги), во внутренности которыхъ вставляютъ маленькія отрыски дерева. Отрыски эти бываютъ конечно различные и по ихъ формѣ имъ даютъ наименованіе: дома, сада, мельницы, коня, курицы и т. д. къ ряду все, что составляетъ движимое и недвижимое имущество семьи. Кромѣ того, во внутренность пирога кладется старинная серебряная монета (бабка по болгарски), привязанная красною ниткою, — символъ счастья.

Вечеромъ всѣ члены семьи садятся около круглой «параліи» (стола), на которой поставлены кадильница съ ладономъ, сухіе овощи, пшеница и свѣчки. Дѣдо (т. е. старшій въ семьѣ) съ благоговѣніемъ беретъ кадильницу, читаетъ «Отче нашъ», ходитъ по всему жилищу со свѣчою и кадильницею и кадитъ «за здрове и добро». Восковая свѣчка, употреблявшаяся при этомъ, хранится во весь годъ; она, по повѣрью, имѣетъ цѣлительное свойство, поэтому зажигается когда заболѣетъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Послѣ этой церемоніи отецъ беретъ ножъ, разрѣзаетъ на нѣсколько кусковъ пирогъ и даетъ каждому по части. Тогда каждый смотритъ, что ему попалось въ часть. Самый счастливый въ этотъ годъ будетъ тотъ, кому попалась серебряная монета съ красною ниткою; за тѣмъ идетъ домъ, садъ и т. д. Если кому непопалось ничего или попалось, напримѣръ, кошка, садъ и т. д., — надъ тѣмъ смѣются.

Въ то же время на очагѣ ставится большой пень, горящій пламенемъ. Онъ горитъ въ честь бога Сура. Если пень продолжаетъ горѣть до утра — то хорошо, а если потухнетъ — это значитъ несчастье: въ продолженіи года кто-нибудь изъ домашнихъ умретъ. Парни и дѣвицы въ эту ночь не спятъ. До полночи они заняты разными гаданьями. Такъ, напримѣръ, берутъ почки древесныхъ отрысковъ и загадываютъ: почка означаетъ жениха; ее бросаютъ въ огонь и загадываютъ: женится ли парень такой-то? если почка раскроется и лопнетъ — хорошій знакъ; если нѣтъ, — то наоборотъ. По полуночи парни составляютъ четы или дружины, и отправляются изъ дома въ домъ

поздравлять хозяевъ «съ новымъ годомъ, съ веселымъ годомъ». Эти парни называются «суворкаре», а ихъ поздравленіе «суворканье». Каждый парень приготовляетъ себѣ для этого случая большую вѣтку, на которую навязываетъ красныя ниточки и «бабки».

Въ самой день новаго года первое дѣло для болгарина пойти въ церковь, чтобы «перекреститься», какъ говоритъ онъ, и попросить отъ Бога дохашняго счастія на весь наступающій годъ; затѣмъ онъ садится за торжественную трапезу, также сопровождаемую поздравленіями и припѣвами. Послѣ обѣда, подъ вечеръ, у молодежи начинаются игры и гаданья. Дѣвушки собираются въ заранѣе назначенный домъ. Наканунѣ еще онѣ снесли туда каждая что нибудь изъ своихъ украшеній: кольцо, серьги, браслетъ, перевязанные красною ниткою, по маленькой «киткѣ» (букетъ). Эти украшенія кладутся въ мѣдный сосудъ, полный водою, который въ продолженіи ночи выставляется на крышу дома. Простой народъ вѣритъ, что Лада, богиня супружескаго счастья, посылаетъ ночью своихъ подругъ «самодивъ», чтобы разсмотрѣть положенныя въ мѣдномъ сосудѣ вещи и назначить каждой ея счастье. Когда всѣ въ сборѣ, роковой сосудъ ставится посрединѣ комнаты и обрядъ начинается. Выбираютъ самую молодую, самую красивую изъ дѣвицъ, у которой волоса русые и глаза ясносиніе. Она представляетъ богиню Ладу. Представительница Лады съ завязанными глазами садится на большой стулъ и ждетъ окончанія припѣва, поющейся по этому случаю, особой пѣсни. Затѣмъ начинаетъ вытаскивать перстень.

Вытащенный изъ сосуда перстень принадлежитъ лицу счастливому; не только наступающій годъ, но и вся жизнь будетъ благоденственна. Припѣвы бываютъ большею частію алегорическіе.

По вынутіи всѣхъ вещей изъ сосуда развязываютъ глаза представительницѣ Лады и начинаютъ танцовать.

Въ день Крещенія или Богоявленія (6-го января) болгарскія матери растираютъ обыкновенно грудь своихъ дѣтей комьями снѣга, что, по народному повѣрью, укрѣпляетъ ихъ здоровье. Взрослые же стараются обливать другъ друга водою, а желающіе избавиться отъ этого—должны откупаться деньгами, которыя потомъ пропиваются въ шинкѣ сообща всѣми мужчинами.

8-го января у болгаръ называется «бабинъ день» и празднуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего рода вакханаліями. Женщины обходятъ все селеніе танцуя, кривляясь и оглашая окрестность веселыми пѣснями и смѣхомъ. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что замужнія женщины не танцуютъ вовсе, такъ какъ это считается предосудительнымъ. Въ этотъ же день беременныя женщины, которыя должны скоро разрѣшиться, отправляются съ букетами, съ чашками наполненными водою, съ мыломъ, полотенцами и разными подарками къ сельской бабкѣ и передаютъ ей дары, которые она обмываетъ по принятіи и отдаетъ давшимъ обратно для сушки. Послѣднія, просушивши, возвращаютъ назадъ бабкѣ и взамѣнъ получаютъ отъ нея нити красной шерсти и хлѣбъ съ солью, надъ которыми произносятся различные наговоры, и чѣмъ скорѣе она проглотитъ эти заколдованныя вещи, тѣмъ легче и скорѣе разрѣшится отъ бремени. Мужчины также одѣваются въ забавные костюмы и вообще проводятъ день въ кутежѣ. Масляница празднуется у болгаръ, какъ у русскихъ, обильнымъ угощеніемъ, пированьемъ и разными играми. Молодежь замаскировывается и ходитъ по селеніямъ, при чемъ собираетъ съ встрѣчающихся деньги, которыя и пропиваются сообща. Въ первый день масляницы молодые парни берутъ жерди, навязываютъ на нихъ огромные пучки соломы и, выходя съ ними за деревню, зажигаютъ ихъ и махаютъ этими пылающими факелами, описывая круги, пока они не потухнутъ, разсыпаясь дождемъ искръ. Это называется «самодивскій огонь», т. е. огнемъ для заклинанія духовъ.

День св. Георгія чрезвычайно чтится болгарами; онъ празднуется принесеніемъ овцы въ жертву, при чемъ кожа съ заколотыхъ овецъ идетъ

ТАБОРЪ КАВКАЗСКИХЪ ЦЫГАНЪ.

въ пользу священниковъ. Въ этотъ день заключаются обыкновенно контракты между хозяевами и работниками и вообще между нанимателями и наемщиками, преимущественно на годъ. Съ Вознесенья начинаютъ праздновать чрезъ каждые восемь дней «самовидскіе праздники» или праздники въ честь волшебницъ, господствующихъ надъ полями, лѣсами, водами и лугами. Ивановъ день (24-го іюня) ознаменовывается зажиганіемъ костровъ на возвышенностяхъ. Въ этотъ день дѣвушки забавляются разными играми и гаданьями: собираются, напримѣръ, по берегу ручья и бросаютъ вѣнки. Дѣвушка, вѣнокъ которой опередитъ другіе, будетъ счастлива и обязана устроить для своихъ подругъ въ Петровъ день пиръ съ музыкой и танцами.

Но самый шумный и веселый праздникъ у болгаръ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ — Святки. Только-что наступаетъ 20-е декабря, все поднимается на ноги, почти въ каждомъ домѣ бьютъ свиней (которыхъ вообще болгары держатъ въ большомъ количествѣ), дѣлаютъ колбасы, бѣлятъ избы желтой и бѣлою глиною, а кто позажиточнѣе—извѣстью; моютъ полы, стираютъ, метутъ и проч. Такая работа продолжается до самаго сочельника, день, съ котораго у нихъ и начинаются святки и продолжаются до 8-го января. Въ продолженіи этихъ 14 дней веселыя пѣсни хоровыя, звуки скрипокъ, волынокъ, свирѣлей несутся отовсюду и не умолкаютъ съ утра до утра.

Утромъ, наканунѣ Рождества женщины еще до восхода солнца идутъ на рѣку съ пѣснями, останавливаются у воды, плящутъ и наконецъ наливаютъ воду въ котлы, бросая туда сухіе цвѣты, пшеницу и ячмень. Возвращаются онѣ домой и замѣшиваютъ на этой водѣ хлѣбъ, въ которомъ обыкновенно запекаютъ золотую или серебряную монету. Отъ хлѣба этого вечеромъ каждый отломитъ кусочекъ, и кому достанется монета, тотъ будетъ самымъ счастливымъ въ семействѣ.

Когда начинаютъ печь хлѣбъ и готовить кушанье для вечера, старшій въ домѣ выходитъ на дворъ съ зажженною лучиною въ рукахъ; за нимъ идетъ вся семья также съ зажженною лучиною. Тутъ они поднимаютъ дубовое полѣно, снимаютъ шапки и читаютъ молитву: «Христосъ рождается, славите». Затѣмъ вносятъ дерево въ домъ, кладутъ его на огонь и опять читаютъ молитву: «Христосъ — са роди»; «истинно-са роди»: отвѣчаютъ, и вся семья цѣлуется другъ съ другомъ. Тутъ-же кто нибудь беретъ обгорѣлое полѣно и ударяетъ имъ о печь. Если посыплется послѣ перваго удара много искръ—это принимается за знакъ того, что этотъ годъ будетъ хорошій приплодъ лошадей; искры отъ втораго удара предсказываютъ плодовитость коровъ и т. д. Оставшійся кусокъ отъ дерева закапывается въ виноградникъ, чтобъ былъ урожай. По наступленіи вечера на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, ставятъ множество кушаньевъ, посреди ставится «боговица» (прѣсный хлѣбъ) съ запеченной монетою. Когда все готово, глава семейства беретъ кадильницу и кадитъ вокругъ стола, читая молитвы, потомъ ломаетъ горячую «боговицу» на мелкіе куски, которые обмакиваетъ въ медъ и раздаетъ всѣмъ по старшинству, а оставшимся медомъ мажутъ ворота, конюшни, хлѣвы и т. д. Лишь только отужинаютъ, какъ по домамъ начинаютъ ходить толпы парней и даже стариковъ, которые поютъ пѣсни, оканчивающіяся припѣвомъ «ой коледо, мой коледо». Поющихъ угощаютъ праздничнымъ пирогомъ и виномъ, и они отправляются далѣе.

Каждый вечеръ въ теченіи святокъ молодежь собирается на улицахъ селенія или въ домахъ пѣтъ пѣсни, играетъ и пляшетъ. Между болгарскими плясками самая употребительная и замѣчательная «горо», нѣчто въ родѣ нашихъ хороводовъ. Молодыя дѣвушки и парни составляютъ сперва цѣпь, взявшись другъ съ другомъ за руки. Цѣпь эта дѣлаетъ два шага впередъ и шагъ назадъ; темпъ ускоряется все болѣе и болѣе; оба крыла начинаютъ сближаться и образуютъ наконецъ кругъ, который опять разрывается съ тѣмъ, чтобы опять сомкнуться. Прелесть этого танца заключается въ красивомъ измѣ-

неніи фигуръ, которыя выдѣлываетъ цѣпь, и въ подвижности ея, съ которою они слѣдятъ за темпомъ музыки.

Что же касается болгарскихъ пѣсенъ, то болѣе новыя изъ нихъ отличаются веселымъ характеромъ и лиризмомъ. Въ нихъ воспѣваются прелести пастушеской жизни, горесть и радости любви, жизнь въ лѣсу и въ полѣ съ любимою подругою или съ милымъ сердцу другомъ. Весьма распространены также между болгарами пѣсни, въ которыхъ описываются подвиги гайдуковъ (удальцовъ, живущихъ въ Балканахъ и ведущихъ борьбу съ турками). Есть также пѣсни болѣе древняго происхожденія, въ которыхъ описываются подвиги героевъ и царей первыхъ временъ существованія Болгарскаго царства и временъ борьбы съ турками.

XXI. ГРЕКИ.

Греки, поселившіеся въ Россіи, сохранили болѣе или менѣе свой національный типъ, нравы и характеръ, и вообще не смѣшиваются съ тѣмъ русскимъ населеніемъ, среди котораго живутъ. И такъ какъ число ихъ въ Россіи весьма не велико въ сравненіи съ другими національностями, то мы здѣсь не будемъ останавливаться на этнографическомъ очеркѣ этого народа, а скажемъ только нѣсколько словъ о мѣстахъ, гдѣ они разселились.

Наибольшое число грековъ живетъ въ южной Россіи, гдѣ они живутъ въ городахъ, занимаясь торговлею. По деревнямъ наибольшее число живетъ въ Екатеринославской губерніи, гдѣ ихъ считается болѣе 33,000; затѣмъ въ Бессарабіи около 4,000; въ Херсонской губерніи до 4,000 и въ Таврической — 5,000. Кромѣ того, греки живутъ въ Черниговской губерніи 2,000 ч., изъ числа которыхъ 1,500 въ Нѣжинѣ, въ Подольской губерніи, въ Астраханской и наконецъ въ Закавказьѣ 5,000 человѣкъ. Сосредоточенные въ Петербургѣ и Одессѣ греки, составляющіе себѣ въ короткое время большія богатства, занимаются торговлею и всякаго рода спекуляціями, отличаясь ловкостью и беззастѣнчивостью во всякаго рода денежныхъ дѣлахъ.

Во внутренней и южной Россіи греки приняли костюмъ, а отчасти и обычаи малороссіянъ; живущіе же въ Крыму и Бессарабіи сохранили національный греческій костюмъ.

Къ греческимъ же поселенцамъ слѣдуетъ причислить свыше 1,000 человѣкъ арнаутовъ или албанцевъ, поселившихся въ Бессарабіи. Въ Греціи, Молдавіи и Валахіи, они обыкновенно занимаютъ разныя должности у господъ, въ Россіи же они занимаются мелкою торговлею и промышленностью. Это народъ довольно дикій по своимъ нравамъ и воинственный. Они легко отдаютъ себя въ распоряженіе каждаго, кто пожелаетъ воспользоваться ихъ услугами. Ихъ языкъ—смѣсь сербскаго и итальянскаго, имѣетъ весьма много шипящихъ звуковъ.

ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.

Татары вмѣстѣ съ башкирами, киргизами, чувашами, мещеряками, тептерями, бобылями и бессерменами принадлежатъ къ тюркскому племени. Они составляютъ три группы: восточную, крымскую и закавказскую. Кромѣ того, можно было-бы составить и четвертую — литовскую, которая впрочемъ постепенно исчезаетъ. Татары этой послѣдней группы были поселены въ Литвѣ, какъ плѣнные, великимъ княземъ Витовтомъ въ концѣ XIV вѣка. Впослѣдствіи онъ вызывалъ татаръ къ себѣ на службу, которые, женившись на полькахъ, принимали польскія фамиліи и составляли современемъ польско-татарскую смѣсь. Эта отрасль татаръ, какъ уже сказано выше, постепенно исчезаетъ.

Татары восточной группы живутъ по обѣимъ сторонамъ Волги; они населяютъ губерніи: Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую. Татары, живущіе на этомъ пространствѣ, составились изъ смѣси болгаръ, тюрковъ, татаръ, монголовъ и русскихъ славянъ.

Татары крымскіе представляютъ типъ монголо-татарскій или ногайскій; татары закавказскіе, отличаясь нѣсколько отъ другихъ татаръ, отчасти смѣшаны съ иранскимъ племенемъ; наконецъ, въ татарахъ сибирскихъ типъ монгольскій преобладаетъ. Всѣхъ вообще татаръ въ Россіи 1.472,500 душъ, изъ числа которыхъ огромнѣйшая масса болѣе 1.200,000 живетъ въ Европейской Россіи, а остальные въ Сибири и за Кавказомъ.

Представителями восточныхъ татаръ служатъ татары казанскіе, съ которыхъ мы и начнемъ очерки татарскихъ племенъ.

XXII. КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Татары принадлежатъ къ тюркскому племени, и доселѣ живущему на огромномъ пространствѣ юговосточной Европы и центральной Азіи. Казанскіе татары, населяющіе, въ числѣ 450,000 душъ, Казанскую губернію, за исключеніемъ трехъ ея уѣздовъ, составляютъ особую отрасль, совершенно отличную не только вообще отъ тюркскаго племени, но и отъ всѣхъ остальныхъ татаръ.—По той роли, какую они играли встарину на востокѣ Европы, и по оригинальности типа и характера этого племени, казанскіе татары издавна обращали на себя особое вниманіе этнографовъ и были, повидимому тщательно изслѣдованы во многихъ отношеніяхъ; но нельзя сказать, чтобы чрезъ это достаточно выяснился образъ и исторія этихъ загадочныхъ и крайне-своеобразныхъ представителей азіятскаго элемента въ Европѣ.

Происхожденіе казанскихъ татаръ весьма темно. Правда, въ ихъ наружности и языкѣ довольно ярко выступаетъ, тюркскій элементъ, но въ то же время въ нихъ замѣтны черты чисто монгольскія, а отчасти финскія, и прослѣдить постепенное образованіе этой народности—чрезвычайно трудно.

Предки казанскихъ татаръ, покорившіе въ XIII столѣтіи Прикамскую землю, вышли, какъ полагаютъ, изъ Кипчакской орды, образовавшейся къ этому времени на сѣверо-западѣ отъ Каспійскаго моря, между Ураломъ и Волгою. Большинство полчищъ, принадлежащихъ къ Кипчакской ордѣ, составляли татары, находившіеся вмѣстѣ съ другими тюркскими племенами подъ властью и предводительствомъ монголовъ. Отсюда—отъ Каспійскаго моря, вся эта разнохарактерная масса азіятскихъ кочевниковъ двинулась, почти одновременно, и на Русскую землю, черезъ рѣку Калку, и на земли, лежащія по рѣкѣ Камѣ и среднему теченію Волги.

Начиная съ V вѣка по Рож. Хр., вплоть до нашествія татаръ на юговосточную Россію, на Камѣ и по среднему теченію Волги, процвѣтало обширное и сильное болгарское царство. Границы его, равно какъ происхожденіе и языкъ самыхъ жителей, остались неизвѣстными. Полагаютъ, однако, что болгары принадлежали, подобно татарамъ, къ тюркскому племени, но не безъ примѣси финской и славянской крови; съ финнами и славянами они вели дѣятельныя, торговыя сношенія и частыя войны.

Съ окончательнымъ покореніемъ въ XIII вѣкѣ болгаръ татарами, послѣдніе переняли отъ побѣжденныхъ мусульманскую религію. Магометанство окончательно слило оба эти племени, образовавъ казанскихъ татаръ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ остальныхъ. На мѣстѣ прежняго болгарскаго царства возникаетъ царство Казанское, уже мало напоминавшее собою какъ болгарскую цивилизацію, такъ и Кипчакскую орду. Исторія Казанскаго царства извѣстна: она кончилась знаменитою осадою г. Казани войсками Іоанна Грознаго и заселеніемъ всего покореннаго края русскими переселенцами.

Въ настоящее время, казанскіе татары, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую отрасль между всѣми племенами, происшедшими отъ смѣшенія монгольской крови съ турецкою; нельзя въ такихъ свойствахъ не признать благотворнаго вліянія волжскихъ болгаръ, которые въ этомъ племени похоронили свою національность. По своимъ физическимъ особенностямъ, казанскіе татары принадлежатъ къ

числу красивыхъ породъ: они хорошо сложены, роста вообще средняго, широкоплечи, имѣютъ правильный продолговатый овалъ лица, прямой тонкій носъ, скулы ихъ выдаются слабо, разрѣзъ глазъ почти обыкновенный, уши тонкія, отстающія; волосы на бородѣ рѣдкіе и не покрываютъ всей нижней части лица, какъ у русскихъ, а ростутъ тонкимъ слоемъ лишь около нижней челюсти; широкая грудь и стройный станъ съ толстой и короткой шеей обнаруживаютъ силу и здоровье. Зажиточные татары, ведущіе беззаботную жизнь, подъ старость становятся дряблы и толстобрюхи. Между казанскими татарами нерѣдко попадаются типы: финскій, монгольскій, русскій, грузинскій, армянскій и кавказскій.

Татары всѣ носятъ короткія бороды и брѣютъ головы. Татарки отъ природы недурны, но по наружности нѣсколько отличаются отъ мужчинъ, подходя ближе къ монгольскому типу. Вообще, отъ покроя ли одежды, или вслѣдствіе недѣятельной жизни, онѣ очень неловки и неразвязны. Татарку преимущественно портитъ несчастный обычай густо намазывать лицо бѣлилами и румянами, сурмить брови и рѣсницы для того, чтобы глаза, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Въ довершеніе этого обезображиванія, женщины красятъ свои прекрасные зубы чернильно-орѣховымъ настоемъ, а ногти размалевываютъ отваромъ изъ череды и квасцовъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ представляется теперь красота татарки, между тѣмъ какъ арабской красавицѣ говаривали, какъ обыкновенный комплиментъ: «уста твои пунцовы, какъ генахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновая кость».

Татары — народъ способный, щедро надѣленный природою во всѣхъ отношеніяхъ. Они смѣтливы и расторопны, но не слишкомъ совѣстливы. Подобно всѣмъ побѣжденнымъ народамъ, они хитры, плутоваты и, можетъ быть, по природѣ наклонны къ воровству. Впрочемъ, это относится только къ мелкимъ торговцамъ изъ татаръ; крупные же торговцы-татары извѣстны своею добросовѣстностью. Точно также поступающіе въ услуженіе въ русскіе дома въ качествѣ кучеровъ, лакеевъ или дворниковъ, скоро пріобрѣтаютъ довѣріе хозяевъ своею исправностью и готовностью на всякое дѣло.

Казанскій татаринъ — достойный потомокъ древнихъ болгаръ: его стихія—торговля. Земледѣлія онъ не любитъ; лишь только заведется у него хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ же пускается въ торговлю, и, при извѣстныхъ качествахъ татаръ, многіе изъ нихъ быстро обогащаются. Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ не очень высоко,—гораздо ниже русскаго. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, татары вовсе не занимаются земледѣліемъ: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ или вотякамъ въ годовое владѣніе за деньги, или изъ половины. Татары на все хороши, только-бы не пахать: этого занятія они не выдерживаютъ, чему виною отчасти ихъ религія, приковывающая женщинъ къ дому, вслѣдствіе чего татарину, за неимѣніемъ помощниковъ, приходится постоянно работать одному, въ то время, какъ у русскихъ—женщины составляютъ немалое подспорье въ работахъ. Эта праздность, которой предаются татарскія женщины, можетъ быть терпима развѣ у купцовъ, но никакъ не у хлѣбопашцевъ, которые, не будучи въ силахъ удовлетворить чрезъ это занятіе всѣмъ потребностямъ семьи, должны пріискивать другіе способы пропитанія. Изъ полевыхъ работъ, даже бѣдныя татарки участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и уборкѣ сѣна, между тѣмъ какъ русскія женщины весьма часто пашутъ и боронятъ.

Занятія татарокъ большею частью ограничиваются мелочнымъ хозяйствомъ, пряденіемъ и тканьемъ; есть, впрочемъ, изъ нихъ золотошвейки; онѣ дѣлаютъ красивыя тюбетейки или ермолки и ичеги—спальные сапоги. Богатыя же татарки живутъ совершенно по восточному, исключительно для лѣни. Чѣмъ богаче и именитѣе татаринъ, тѣмъ болѣе скрываетъ онъ женъ своихъ. Жизнь богатой татарки

можетъ служить доказательствомъ, что скука и бездѣятельность заставляютъ толстѣть и жирѣть. Рукодѣліемъ она никакимъ не занимается; развѣ только въ старости иногда кое-что дѣлаетъ въ хозяйствѣ; молодыя же исключительно заняты своимъ желудкомъ и нарядами. Дѣти, одежда и частая ѣда — единственное ихъ развлеченіе.

Казанскіе татары до сихъ поръ сохраняютъ еще много самобытнаго и характеристическаго: они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ племенъ, крѣпко держатся своихъ обычаевъ и преданій. Воспоминаніе древней славы болгарскаго народа, какъ видно, еще не изгладилось совсѣмъ изъ ихъ памяти и слышится въ прозвищѣ «бургалрыкъ», которое иногда даютъ себѣ казанскіе татары. Въ самой Казани татары живутъ въ двухъ отдѣльныхъ слободахъ — въ Старой и Новой татарской; конечно, въ эту часть города они вытѣснены были побѣдителемъ.

Селенія татарскія представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ. Встарину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ оградою. По улицамъ тянулись заборы съ калитками и воротами, а главныя строенія скрывались внутри ограды. Теперь не только въ городахъ строятся по планамъ, а есть и деревни правильно выстроенныя. Но и тутъ татаринъ старается сколько возможно скрыть свое жилище отъ глазъ прохожаго: окна его избы обращены по большей части внутрь двора, а съ улицы передъ низенькой своей избенкой онъ насадитъ крыжовника или другихъ какихъ-нибудь густо растущихъ кустовъ. Тѣснота улицъ, небрежность построекъ, грязь и безчисленное множество собакъ, выпроваживающихъ проѣзжаго, составляютъ отличительный признакъ татарскихъ деревень. Поля кругомъ дурно воздѣланы, мѣстность открыта, однообразна. Въ сторонѣ гдѣ нибудь виднѣется иногда кой-какая роща или дерево—мѣсто татарскаго кладбища.

Крестьянскій домъ, всегда однобразный по внутреннему устройству, раздѣляется на двѣ половины — чистую и грязную; между ними находятся сѣни, предназначенныя для домашняго богомолья. Чистая половина, т. е. передняя изба, также раздѣляется на два отдѣленія, мужское и женское; въ каждое изъ этихъ отдѣленій ведетъ особая дверь. Вмѣсто стульевъ и скамеекъ по стѣнамъ обѣихъ половинъ расположены широкія нары, переполненныя пышными пуховиками и подушками, задернутыми ситцевыми занавѣсками. Полъ у мало-мальски исправнаго татарина покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или цыновкою. Печь бѣлится нѣсколько разъ въ году. Въ нее вмазывается котелъ для варенія пищи. На печи же стоятъ мѣдные вылуженные или жестяные кувшины: одинъ мужу, другой — женѣ. Законъ запрещаетъ имъ умываться изъ одной посуды. За печью — тазъ для умыванія и два полотенца: одно для рукъ, другое для ногъ. Остальное убранство комнаты — шкафъ съ посудой и чайнымъ приборомъ. Татары очень любятъ фарфоръ, особенно ярко раскрашенный: не отголосокъ-ли это вкуса древнихъ болгаръ? Нѣсколько сундуковъ, обитыхъ жестью и расписанныхъ такими же яркими цвѣтами, бухарскіе ковры и зеркало на видномъ мѣстѣ — заканчиваютъ убранство комнатъ.—Задняя изба назначается для производства разныхъ работъ и содержится вообще черно; здѣсь въ окнахъ, даже у достаточныхъ людей, вмѣсто стеколъ часто вставлены бычачьи пузыри. Въ этихъ избахъ за печкой всегда оставляется уголокъ, гдѣ сидитъ за занавѣской хозяйка, когда бываютъ гости.

Въ городахъ наружный видъ татарскихъ домовъ ни чѣмъ не отличается отъ другихъ городскихъ. Но внутри домовъ только у самыхъ богатыхъ татаръ однѣ лишь парадныя комнаты убраны на европейскій ладъ: мягкою мебелью, зеркалами, канделябрами, занавѣсками, коврами, шитыми скатертями и цвѣтами на окнахъ, да и то больше на показъ, чѣмъ для потребности. Во внутреннихъ же, жилыхъ покояхъ преобладаетъ азіатскій вкусъ, съ его низкими ди-

ванами по стѣнамъ, на которыхъ сидятъ татарки, поджавъ свои ноги.

Въ татарскихъ избахъ съ виду кажется все чистымъ и прибраннымъ, но большинство татаръ нельзя однако похвалить за чистоту и опрятность. У нихъ постоянно случается, что въ одной и той же посудѣ стирается грязное бѣлье и подается кушанье. Чистоплотности отъ татаръ также, кажется, можно было-бы ожидать, вслѣдствіе частыхъ омовеній, предписываемыхъ имъ закономъ; но на дѣлѣ бываетъ далеко не то: у нихъ чаще, чѣмъ у какого нибудь другаго племени встрѣчаются разныя накожныя болѣзни, порождаемыя неопрятностью, а также парши на головѣ отъ грязныхъ тюбетеекъ, непропускающихъ головныхъ испареній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ самъ татаринъ, такъ и домъ его, насквозь пропитаны какимъ-то особеннымъ запахомъ отъ бараньяго сала, которое они постоянно употребляютъ въ пищу, въ видѣ приправы къ разнымъ кушаньямъ.

Гастрономическій вкусъ татаръ — все мучнистое, все жирное и сладкое. Обыкновенная пища татарина-поселянина состоитъ въ слѣдующемъ: *толканъ*—мука вареная въ водѣ съ солью; болтушку эту ѣдятъ утромъ вмѣсто чая. За обѣдомъ подаютъ *салму* — мучные шарики, иногда съ мясомъ, разваренные въ водѣ; лепешки изъ гречневой муки. Вечеромъ опять варятъ «толканъ». По праздникамъ лакомятся лошадинымъ мясомъ или бараниною.

Самый общительный татаринъ не станетъ съ русскимъ ѣсть мяса; надо, чтобы животное было заколото татариномъ, который, перерѣзывая горло, произноситъ молитву: *бисъ-милякъ* (во имя Божіе). Часто случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собою курицу или кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить; если же принесенная птица живая, то татаринъ тутъ же самъ закалываетъ ее съ молитвою — *«бисъ-милякъ»!* — Уходя за скотиною въ татарскомъ хозяйствѣ весьма тщателенъ и примѣрно чистъ. Ихъ вареныя сливки — *каймакъ* — очень вкусны. Они запасаются ими на зиму, замораживая ихъ въ большихъ кадкахъ, и ѣдятъ за тѣмъ разогрѣтыми. Впрочемъ, это дѣлается большею частью въ домахъ зажиточныхъ татаръ.

Богатые татары преимущественно ѣдятъ лапшу, пельмени, жаркое, жирныя лепешки (съ чаемъ), пироги съ зелеными огурцами и сухіе плоды. До разныхъ овощей татары весьма большіе охотники: они воздѣлываютъ ихъ съ любовью, запасаясь ими на зиму. Татары, живущіе въ Казани, почти совсѣмъ не ѣдятъ конины. Это невкусное мясо въ употребленіи только у деревенскихъ жителей, которымъ продаютъ на убой, обыкновенно старыхъ, еле-живыхъ лошадей.

До чаю всѣ вообще татары страстные охотники; быть можетъ, это потребность желудка послѣ ихъ жирныхъ обѣдовъ. Но замѣчательно, что пристрастіе къ чаю и ко всему сладкому не уничтожаетъ въ нихъ, какъ въ русскихъ крестьянахъ, склонности къ винѣ. Не смотря на заповѣдь пророка и запрещеніе муллъ, татаринъ любитъ выпить, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ не вино, а бальзамъ (попросту — настой травъ на винѣ).

Трактирная жизнь татарину очень по сердцу; въ этомъ, можетъ быть, проявляется здѣсь любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіи дня 10—15 бутылокъ у татарина не считается гастрономическимъ подвигомъ. За пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни, или слушаетъ органъ, куратъ табакъ, а у себя въ домѣ курить не позволяется. Пьяные татары не такъ скоро ссорятся, какъ русскіе; за то ужъ если случится драка, то унимается она не скоро.

Одежда у татаръ восточная, а на востокѣ не придерживаются въ покроѣ одежды формы, указываемой самою природою, т. е. конструкціи человѣка. Тамъ чѣмъ одежда шире, тѣмъ лучше. Голая выбритая голова татарина непремѣнно покрыта ермолкой — *тюбетейкой*.

Сверхъ тюбетейки, смотря по времени года, надѣвается—зимой — бѣлая поярковая шляпа, лѣтомъ — малахай, конусообразная покрышка изъ бѣлаго войлока. Муллы, мудериссы (учителя) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ сверхъ ермолки бѣлую *чалмд*. Рубашка татарская — длинная, съ широкими рукавами, съ большимъ отложнымъ воротникомъ — шьется изъ бѣлаго холста, синей крашенины, китайской нанки или же изъ ситцу. Отличительная черта татаръ состоитъ въ томъ, что они никогда не подпоясываютъ своихъ рубахъ. Штаны носятъ широкіе, длинные, запущенные концами въ сапоги или подъ онучи. Ноги обуваютъ большею частью въ лапти, и только городскіе, да живущіе по Волгѣ и Камѣ обуваются въ высокіе сапоги, поверхъ которыхъ надѣваютъ галоши, или, скорѣе, башмаки, изъ черной или зеленой кожи съ загнутыми вверхъ острыми носками и съ разными фигурками по краямъ прорѣза. Поверхъ рубашки носятъ *зилянъ*—камзолъ безъ рукавовъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полушелковой канфы. Затѣмъ, пропорціонально степени мороза, идутъ — халатъ, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ и, наконецъ, шуба. Казанскіе купцы-татары поверхъ зиляна надѣваютъ обыкновенно нанковый и суконный камзолъ съ рукавами, похожій покроемъ на русскій купеческій кафтанъ; за пазухой его всегда лежитъ шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то богатый татаринъ носитъ много цѣнныхъ украшеній: кольца съ алмазами, толстую золотую цѣпь, опоясывается ременнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными разной формы бляхами, которыя охватываютъ дородную талію какого нибудь богача. Богатые, сверхъ того, щеголяютъ тюбетейками, вышитыми золотомъ и жемчугомъ, шапками, опушенными дорогимъ бобромъ.

Татарки любятъ наряжаться еще въ большей степени. Одежда ихъ состоитъ изъ ситцевой или шелковой рубашки, доходящей до пятъ, съ яркими нашивками по краямъ и съ широкими оборками по подолу. Обкладки и оборки по подолу непремѣнно находятся у всякой, какъ ни была бы груба и дешева рубашка и какъ ни стара была бы женщина. Послѣ рубашки непремѣнная принадлежность костюма—нагрудникъ съ позументами, унизанный серебряными монетами. Богатыя закрываютъ грудь лифомъ изъ шелковой или парчевой матеріи. Подъ рубашкою носятъ шальвары, но не всѣ и не всегда. На голову бѣдныя повиваютъ узорчатыя по концамъ полотенца, а богатыя надѣваютъ шелковыя, въ видѣ повязки, съ дорогою бахрамою, позументами и драгоцѣнными камнями, или же бархатныя шапочки, отороченныя соболемъ. Сверхъ всего, онѣ покрываются длиннымъ вуалемъ изъ тюля. Ноги обертываютъ въ тонкія полотенца, а поверхъ надѣваютъ сафьянные *ичеги*—ботинки, вышитыя шелками или золотомъ. Бѣдныя обуваются въ лапти и онучи; послѣднія дѣлаются иногда изъ козлиной кожи. Поверхъ рубашки, какъ и мужчины, татарки носятъ два камзола, изъ коихъ нижній, зилянъ, безъ рукавовъ, изъ шелковой матеріи, обшитый по краямъ галуномъ и съ карманомъ на боку; верхній камзолъ дѣлается изъ парчи, съ очень длинными рукавами. Вмѣсто камзола теперь, впрочемъ, чаще носятъ просто халатъ изъ парчи, шелковой матеріи или изъ китайки съ длинными съуживающимися къ концамъ рукавами; халатъ этотъ накидывается на голову и служитъ, такимъ образомъ, вмѣсто чадры. Богатыя женщины носятъ, кромѣ того, много украшеній: въ ушахъ—дорогія серьги, на шеѣ—ожерелья, на рукахъ — браслеты; на каждый палецъ надѣваютъ золотыя кольца съ каменьями; въ густыя и длинныя косы вплетаютъ монеты, которыя служатъ неизбѣжнымъ и любимымъ украшеніемъ татарскихъ женщинъ. Черезъ лѣвое плечо надѣваютъ богато убранную каменьями и моне-

КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ

СИБИРСКІЕ И ВОЛЖСКІЕ ТАТАРЫ

Лазарь Борисовичъ Гуревичъ

танмъ превязь, къ концемъ которой прикрѣпляется маленькая су мочка, куда кладется текстъ изъ Корана или амулетъ.

Казанскіе татары исповѣдуютъ магометанскую религію, которая раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ секты—сунпитовъ и шіитовъ. Здѣшніе татары—сунниты.

Догматы корана слѣдующіе: вѣра во единаго Бога, недопускающая даже его изображенія; вѣра въ ангеловъ и пророковъ, взятыхъ изъ Библіи и талмуда, и вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, адъ, рай и въ предопредѣленіе или фатализмъ.

Ученіе корана слишкомъ обширно и, въ то же время, очень мелочно, обивчиво и противорѣчиво для того, чтобы его можно была передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Обрядовая сторона исламизма заключается въ молитвѣ, постѣ раздачѣ милостыни, странствованіи въ Мекку, въ совершеніи брака, погребеніи и т. д. Съ молитвою соединено омовеніе, имѣющее религіозное значеніе. Мыться и потомъ молиться—называется *творить намазъ*. Намазъ совершается пять разъ въ сутки: *утромъ* предъ восходомъ солнца съ 12 поклонами; *въ полдень*—съ 30 поклонами; *за часъ предъ захожденіемъ солнца*—съ 12 поклонами; *тотчасъ по захожденіи* солнца—съ 15 поклонами; и наконецъ, *вечеромъ*, часовъ въ 8 или 10—съ 29 поклонами. Каждый разъ предъ молитвою магометанинъ омывается, т. е. очищаетъ предъ Богомъ сперва тѣло водою, а потомъ душу молитвою. Самое обмываніе дѣлается въ извѣстномъ порядкѣ. Магометанинъ усердно исполняетъ этотъ обрядъ молитвы не только у себя дома, но и въ путешествіяхъ, гдѣ есть малѣйшая возможность творить намазъ. На пароходахъ, въ вѣтряную и сырую погоду, всякій ихъ видалъ полущущихся на палубѣ.

Мечети казанскія бухарскаго стиля. Онѣ состоятъ изъ длиннаго двухъ-этажнаго каменнаго дома, въ среднѣ котораго подымается высокій и тонкій минаретъ. Въ нижнемъ этажѣ лавки, а въ верхнемъ производится богослуженіе. Верхняя часть раздѣляется надвое: въ первой оставляются туфли и стоятъ тѣ, которые считаютъ себя недостойными быть въ главной храминѣ.

Молитва мусульманина вся заключается въ восторженныхъ воззваніяхъ къ Богу. Въ мечети молящіеся стоятъ или сидятъ скромно, тихо съ ничѣмъ невозмутимымъ вниманіемъ.

Чрезъ своихъ муллъ татары получаютъ почти все свое образованіе. Муллы учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, за ничтожную плату — деньгами или натурою: мукою, медомъ, чаемъ, хлѣбомъ и т. под. Школы находятся при мечетяхъ и содержатся, обыкновенно, на счетъ подаяній богатыхъ татаръ. Мальчикъ выучивается здѣсь арабскому языку и изучаетъ коранъ. Въ знаніи корана заключается все образованіе магометанина, какъ религіозное, такъ и умственное. Другихъ знаній коранъ не допускаетъ; онъ говоритъ правовѣрному о небѣ, и о землѣ съ большими подробностями. Въ этой книгѣ весь міръ мусульманина, и въ самомъ дѣлѣ, коранъ не только предписываетъ гражданскія и семейныя отношенія, но исходитъ до мелочей — посуды и т. п. Татаринъ отдаетъ сына въ ученье, когда тому минетъ 7 или 8 лѣтъ. Курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Въ теченіи этого времени учитель обыкновенно объясняетъ своимъ ученикамъ разныя татарскія книги, изданныя въ Казани, большею частью изъясненія на коранъ въ стихахъ и прозѣ, знакомитъ ихъ съ нѣкоторыми гражданскими книгами, какъ-то: «наставленіе въ торговлѣ» Мухамеда-Эффенди и проч. Тѣ мальчики, которые готовятся въ муллы оканчиваютъ иногда свое образованіе въ Бухарѣ, а въ послѣднее время и въ Египтѣ. Знаніе арабскаго языка, необходимо татарину, чтобы разумѣть коранъ, а также чтобы щеголять высокимъ и ученымъ слогомъ, который состоитъ въ прибавленіи арабскихъ словъ къ татарскимъ; татары занимаются еще персидскимъ и бухарскимъ языками, необходимыми для торговыхъ сношеній съ восточными народами. Учитель и вмѣстѣ мулла не живетъ въ училищѣ, а для

надзора избираетъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Обращеніе съ учениками вполнѣ зависитъ отъ характера и пониманія своего дѣла учителемъ; поэтому тѣлесное наказаніе и сажаніе учениковъ въ подполье не есть рѣдкость. По заведенному обычаю, завтракъ въ 8 часовъ утра и обѣдъ въ 6 часовъ вечера изготовляются по жребію однимъ изъ учениковъ. Ученье идетъ круглую недѣлю, начинаясь каждый день съ разсвѣтомъ, и только въ четвергъ, въ полдень до утра субботы, оно прекращается.

Татарскія дѣвочки также обучаются чтенію и письму, по большей части у своихъ матерей, либо у женъ муллъ и имъ подобныхъ женщинъ. При этомъ дѣвочки обучаются и вышиванью золотомъ сапожковъ и тюбетеекъ.

Вообще первая ступень образованія — грамотность—достаточно распространена между татарами; мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Татаринъ, незнающій грамоты, презирается своими соплеменниками и, какъ гражданинъ, не пользуется уваженіемъ. Въ 1802 году основана была въ Казани татарская типографія, благодаря которой у нихъ имѣется теперь множество книгъ на восточныхъ языкахъ. Русскихъ же книгъ на татарскій языкъ почти не переводятъ; со времени основанія типографіи переведены только нѣкоторыя по распоряженію начальства, какъ напримѣръ: объ оспопрививаніи, о мнимо умершихъ, и т. под. Высшій предѣлъ умственнаго развитія татаръ до сихъ поръ составляетъ подробное изученіе полнаго алкорана на арабскомъ языкѣ, выше чего, въ силу магометанства, ничего быть не можетъ.

Сильное движеніе грамотности и распространеніе восточной письменности между казанскими татарами имѣли огромное вліяніе на утвержденіе среди нихъ магометанской религіи. Магометанство же, въ свою очередь, сильно вліяетъ на ихъ обычаи, нравы, языкъ, литературу, характеръ и типъ. Особенное значеніе въ татарскомъ быту имѣютъ ихъ религіозныя торжества или обряды, между которыми первое мѣсто занимаютъ праздники «Рамазанъ» и «Курбанъ».

Рамазанъ — мѣсячный постъ, установленный въ память дарованія правовѣрнымъ корана. Во время рамазана магометанинъ обязанъ ежедневно, отъ восхода солнца до вечера, воздерживаться отъ принятія всякой пищи и питья. Впрочемъ, ночью-же, при свѣтѣ благосклонной луны, татары наѣдаются и напиваются до-сыта. Тотчасъ по закатѣ солнца, казанскіе татары толпами идутъ въ трактиры. Больнымъ и находящимся въ дорогѣ разрѣшается поститься въ другое время, или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. Для земледѣльческаго класса рамазанъ, когда онъ приходится въ рабочую пору, бываетъ крайне изнурителенъ. Въ знойный лѣтній день пахарь не смѣетъ освѣжить себя глоткомъ воды, или сколько нибудь подкрѣпить силы пищею. Въ продолженіи всего поста въ мечетяхъ совершается служба, при чемъ вся масса молящихся относится къ ней съ величайшихъ благоговѣніемъ.

Курбанъ — праздникъ жертвоприношенія, установленный въ память жертвоприношенія Авраамова. Начало этому празднику опредѣляютъ по новолунію, спустя два мѣсяца послѣ рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ переходящій. Продолжается онъ 11 дней. Наканунѣ курбана соблюдается постъ, т. е. воздержаніе отъ всякой пищи вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца, татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго каждый домохозяинъ, кто-бы онъ ни былъ, придя домой, самъ закалываетъ какое нибудь животное, при чемъ оно предварительно кладется головою къ Меккѣ. Мелкихъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, должно быть не меньше, чѣмъ число членовъ семейства, а крупныя—въ родѣ коровы, лошади или верблюда, приносятся въ жертву вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанное на части жертвенное мясо кладется въ особо-приготовленномъ для этого котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи каждый

членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ получаютъ по куску вареного мяса съ бульономъ.

Этими двумя праздниками оканчиваются религіозныя торжества татаръ. Религія ихъ обязываетъ еще совершить странствованія въ Аравію—въ Мекку. Богатые казанскіе татары ежегодно туда отправляются черезъ Москву и Одессу. Поклоненіе это обходится имъ не менѣе 1,000 руб. сер. Побывавшіе въ Меккѣ пользуются особымъ уваженіемъ; за городомъ еще встрѣчаютъ здѣшніе татары возвращающагося изъ святого путешествія.

Частная жизнь татаръ находится также подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ религіи. Коранъ опредѣляетъ почти каждый шагъ правовѣрнаго; въ семейномъ быту его имѣютъ также мѣсто многіе чисто религіозные обряды, сопровождающіе всю жизнь магометанина, начиная отъ его рожденія и оканчивая погребеніемъ.

При рожденіи младенца присутствуетъ обыкновенно бабка. На 3-й или 4 день приглашается мулла, который беретъ младенца на руки и, произнося молитву, даетъ ему имя. За тѣмъ слѣдуютъ посѣщенія родильницы знакомыми женщинами, при чемъ каждая приноситъ ей на зубокъ деньги, какъ у русскихъ, и сверхъ того чаю или сахару, сколько кто можетъ, а новорожденнаго дарятъ рубашками, тюбетейками и т. под. По прошествіи 3-хъ или 5-ти лѣтъ (только не въ четный годъ, иначе, по предразсудкамъ татаръ, ребенокъ долженъ преждевременно умереть), кто нибудь, по выбору муллы, обрѣзываетъ ребенка, а самъ мулла читаетъ при этомъ молитву.

Женитьба татарина находится еще въ большой зависимости отъ ученія магометанской религіи. Коранъ вмѣшивается почти во всѣ мелочныя подробности брака и не опускаетъ безъ вниманія даже калыма, т. е. денежнаго вознагражденія, платимаго женихомъ за невѣсту ея родителямъ. Но особенность мусульманскаго брака заключается въ многоженствѣ, освящаемомъ ихъ религіей. Коранъ говоритъ правовѣрнымъ: «берите себѣ въ супружество изъ женщинъ таковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре».

На основаніи ученія корана, татаринъ разомъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ и неограниченное число наложницъ. Въ дѣйствительности, однако, очень немногіе даже изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной. Вторую жену обыкновенно берутъ только тогда, когда первая состарится. Нѣкоторые купцы женятся на очень молоденькихъ женщинахъ изъ Бухаріи, а бухарцы, пріѣзжая лѣтомъ на нижегородскую ярмарку, берутъ себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ молоденькихъ и бѣдныхъ поселянокъ за большой калымъ, такъ какъ здѣшніе татары потомъ не охотно женятся на этихъ вдовицахъ. Въ настоящее время, впрочемъ, такія бухарскія свадьбы составляются гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Татаринъ можетъ жениться на двухъ сестрахъ, но не прежде, какъ первая умретъ. Два родныхъ брата также могутъ быть женаты на двухъ сестрахъ.

Свадьбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ (аучи). По закону, запрещено жениху видѣть невѣсту прежде чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Послѣ такого смотрѣнія посылается съ предложеніемъ свата, а положительный отвѣтъ объявляется обыкновенно при первомъ посѣщеніи жениха. Въ случаѣ согласія, тотчасъ-же договариваются о калымѣ. Калымъ платится по состоянію; въ Казани у богатыхъ татаръ онъ доходитъ до 1,000 руб. сер.; половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ приданное, другая половина послѣ свадьбы удерживается родителями невѣсты на случай развода.

Со дня помолвки женихъ не ходитъ въ домъ невѣсты, но посы-

лаетъ ей, въ счетъ калыма, подарки: наряды, вещицы изъ серебра или золота и проч., смотря по состоянію.

За недѣлю до свадьбы начинаются свадебные пиры, которые происходятъ ежедневно поочереди — у родныхъ жениха и невѣсты: одинъ день собираются однѣ женщины въ домѣ невѣсты, а на другой—одни мужчины въ домѣ жениха. Невѣста, по обычаю, не участвуетъ даже въ женскихъ пирахъ, а женихъ все время не показывается въ домѣ невѣсты. Свадебные праздники и пиры чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги, на ковры, разостланные на полу, смотрятъ другъ на друга, безконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ волчьимъ аппетитомъ. Пиръ, впрочемъ, только и состоитъ въ безпрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится гостямъ это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что нибудь невѣстѣ, если, впрочемъ, имѣетъ на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, за которымъ подаются пироги, пилавы, жаркія и пирожныя—всего до 20 блюдъ, всѣ прежирныя и ни одно не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ, до разсвѣта. Подобнымъ-же образомъ пируютъ и мужчины. Поужинавши, татары и татарки начинаютъ на разные тоны откашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина или хозяйку. Въ самый день свадьбы женихъ присылаетъ невѣстѣ въ подарокъ кадку меду и кадку топленаго коровьяго масла для свадебнаго пира, который начинаетси съ приходомъ муллы. На этомъ пиру присутствуютъ одни только мужчины. При появленіи муллы, каждый изъ гостей подходитъ къ нему и, въ знакъ уваженія, по принятому обычаю, жметъ его руку обѣими руками. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости намазываютъ того и другаго на хлѣбъ и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ; за этой лакомой закуской слѣдуетъ ужинъ, подобный вышеописанному. Поужинавши, гости, сидя, откашливаются, потомъ встаютъ и на разостланную скатерть кладутъ деньги въ подарокъ невѣстѣ. Сборъ этотъ называется «шербетомъ», оттого, что встарину онъ клался въ кубокъ съ шербетомъ и отдавался невѣстѣ. Во время свадебнаго пира ни невѣсту, ни жениха не пускаютъ въ ту комнату, гдѣ пируютъ гости: невѣста сидитъ въ это время въ приготовленной спальнѣ, а женихъ стоитъ за дверьми, въ сѣняхъ. Собранный подарокъ отъ гостей, или *шербетъ* относитъ невѣстѣ отецъ ея и, возвратясь, говоритъ, что дочь его деньги приняла, т. е. другими словами—согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца его. Здѣсь нужно замѣтить, что, въ виду отсутствія жениха и невѣсты при этомъ обрядѣ, отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ имъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія; поэтому мулла обращается къ послѣднимъ съ вопросами, какъ-бы къ самимъ жениху и невѣстѣ; если-же нѣтъ отцовъ, то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

По окончаніи предварительнаго спроса, мулла читаетъ молитву.

Затѣмъ мулла говоритъ. Такой-то (отецъ невѣсты) соглашаешься-ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ) тому-то въ замужество, по правиламъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, за такого-то, сына такого-то?» Отвѣтъ: «Согласенъ —выдаю».—«Ты, такой-то (отецъ жениха), довѣренный со стороны сына своего, соглашаешься-ли взять такую-то, дочь такого то, при такомъ-то количествѣ калыма — въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру».

Этимъ опросомъ родителей брачущихся оканчивается обрядъ вѣнчанія. Послѣ отъѣзда всѣхъ гостей, сваха отводитъ жениха въ спальню, гдѣ дожидается его невѣста, и запираетъ ихъ. Въ этой

комнатѣ сидятъ мужъ съ женою четыре дня, не выходя ни на минуту, и къ нимъ, кромѣ свахи, въ это время никто не ходитъ.

По истеченіи четырехъ дней, мужъ уѣзжаетъ домой, а молодая жена остается у отца, часто на годъ и болѣе; мужъ къ ней только ѣздитъ по временамъ; за это время онъ изыскиваетъ способы сдѣлаться самостоятельнымъ главою и независимымъ дѣятелемъ. По достиженіи этой цѣли, татаринъ увозитъ свою жену, вмѣстѣ съ прижитыми дѣтьми, къ себѣ на домъ.

Отъѣздъ замужней татарки изъ родительскаго дома также сопровождается нѣкоторыми обрядами и обычаями.

Разводъ супруговъ дозволенъ кораномъ; для этого нужно только взять у муллы разводное письмо, а женѣ сказать: *талыкъ* (затылокъ). При этомъ, если мужъ бросаетъ жену, то весь калымъ остается въ ея пользованіи; если же жена захочетъ развестись, то возвращаетъ половину, сохраняющуюся у ея родителей со времени помолвки. Жена имѣетъ право требовать развода, когда мужъ неисполняетъ закона, ходитъ въ кабакъ, воруетъ и проч.

При разводѣ, который совершается очень легко, существуютъ слѣдующіе обычаи: мужъ, удаливши жену, обязанъ давать ей содержаніе въ теченіи $4^1/_2$ мѣсяцевъ. По смерти его, жена, съ которою онъ развелся, имѣетъ право на полученіе $^1/_2$ части имѣнія. Если мужъ, разведенный съ женою, захочетъ жениться на ней же во второй и даже третій разъ, то можетъ получить разрѣшеніе на это лишь въ томъ случаѣ, когда жена послѣ перваго и втораго развода была замужемъ за кѣмъ нибудь другимъ, хотя на самое короткое время. Въ четвертый разъ на той же женщинѣ жениться уже не позволяется ни въ какомъ случаѣ.

Дѣти невольницъ пользуются одинаковыми правами по наслѣдству, и мужское поколѣніе наложницъ получаетъ по общему правилу вдвое больше, чѣмъ дѣти женскаго пола отъ законной жены.

О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ такъ называемый *намозльный судъ*, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трунъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій и на наши православныя митарства. У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души надшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочія же скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары по усопшимъ дѣлаютъ частые поминки.

Когда татаринъ сильно занеможетъ, то призываетъ муллу; онъ читаетъ 36-ю суру изъ алкорана (о воскресеніи мертвыхъ). Когда муллы нѣтъ, то это же дѣлаетъ какой-нибудь старикъ или старуха. Во время чтенія отходной, умирающаго постоянно окликаютъ съ тѣмъ, чтобы напоминать ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета его пророка».

Умершаго кладутъ на столъ ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Затѣмъ омываютъ тѣло. Послѣ этого накрываютъ его тремя саванами: одинъ отъ шеи до колѣнъ, другой во весь ростъ, а третій кладется поверхъ двухъ нижнихъ и завязывается у головы и ногъ. Женщинъ, кромѣ того, пеленаютъ отъ головы до ногъ; волоса ихъ распускаются по сторонамъ, а лица закрываютъ особымъ холстомъ. Весь этотъ обрядъ надъ умершими совершаютъ женщины, которыя затѣмъ удаляются. Далѣе, тѣло покойника кладется на лубокъ. Татары долго тѣла покойниковъ не держатъ въ домѣ, всего лишь 12 часовъ, и русскій трехдневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается, не смотря на то, что на татарскій языкъ переведена брошюрка «О литаргіи». Если смерть воспослѣдовала утромъ, то покойника хоронятъ вечеромъ, а если вечеромъ, то на другое утро. Покойника выносятъ на кладбище на томъ же лубкѣ; несутъ его на плечахъ необыкновенно скоро, останавливаясь только предъ мечетями для прочтенія коротенькой молитвы.

Въ могилѣ выкапывается сбоку нишь или устраивается сводъ,

куда и кладутъ покойника на правый бокъ, головой къ Меккѣ Затѣмъ нишь и могила зарываются.

Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. Во время похоронъ женщины читаютъ на дому алкоранъ и подаютъ милостыню. Муллу за совершеніе обряда дарятъ деньгами или натурою: лошадью, коровою. Платье покойника и его алкоранъ отдаютъ татарскому пономарю.

Поминовеніе состоитъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому алкоранъ, что продолжается шесть недѣль, также какъ и раздача милостыни. Подаянія эти большею частью дѣлаются на томъ основаніи, что по алкорану воздается всякому въ небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые и родственники приглашаются на обѣдъ; тоже бываетъ въ 7-й, 40-й дни и черезъ годъ.

Кладбище татарское представляетъ довольно печальный видъ. Это безпорядочно изрытое поле, покрытое продолговатыми кочками; на нѣкоторыхъ изъ нихъ положены плиты, а иныя могилы обнесены четырехугольнымъ срубомъ, въ родѣ маленькаго домика, или просто частоколомъ. Надъ могилами часто сажаютъ березки. Иногда памятники имѣютъ видъ столбовъ съ квадратнымъ основаніемъ; на нѣкоторыхъ же могилахъ плиты врываются въ землю стоймя, какъ на аравійскихъ кладбищахъ. У богатыхъ на памятникахъ дѣлаются надписи. Надписи эти на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу.

Къ народнымъ нерелигіознымъ торжествамъ татаръ относятся ихъ общественные праздники—*Собанъ* и *Джуюнъ*.—Сабанъ (плугъ или соха)—праздникъ весны и земледѣлія. Въ деревняхъ его справляютъ предъ началомъ весеннихъ работъ, какъ только сойдетъ снѣгъ съ полей; въ Казани сабанъ празднуется нѣсколько позже, когда вода сойдетъ съ луга (на берегу озера Кабана), на которомъ обыкновенно справляется этотъ пиръ. Празднованіе сабана продолжается недѣлю, съ пятницы до пятницы. Въ это время татары, отъ мала до велика, собираются на какомъ-нибудь лугу для игръ; здѣсь они борются, скачутъ, бѣгаютъ въ перегонку. Въ числѣ не только зрителей, но участниковъ бываетъ много русскихъ. Женщины татарскія, закутанныя въ свои халаты, сидятъ гдѣ нибудь въ сторонѣ въ кибиткахъ и смотрятъ на собанъ издали; аристократки же даже и не ѣздятъ.

Джуюнъ—праздникъ, установленный, какъ видно, въ честь женскаго пола. Въ самой Казани джуюнъ не празднуется, а справляется онъ подъ разными названіями во многихъ деревняхъ Казанской губерніи. Праздникъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ джуюна, тенбера, качалджара, биктау и проч. Продолжается онъ въ теченіи семи пятницъ, послѣ сабана, обыкновенно — въ іюлѣ мѣсяцѣ. Преданіе приписываетъ установленіе этого праздника одному богатому татарину, имѣвшему много дочерей и незнавшему какъ сбыть ихъ съ рукъ, т. е. выдать замужъ. Чтобы помочь горю, отецъ придумалъ, наконецъ, вполнѣ европейскій способъ: онъ задалъ въ полѣ пиръ, созвалъ на него всю молодежь, сюда же вывелъ и своихъ дочерей... Пиръ этотъ, вѣроятно, понравился татарамъ и они исправно повторяютъ его до сихъ поръ. Джуюнъ бываетъ гораздо болѣе оживленъ, чѣмъ сабанъ. На джуюнъ собирается до тысячи человѣкъ и болѣе. Мужчины поютъ пѣсни, пляшутъ подъ національную музыку курачей (музыкантовъ), играющихъ на самодѣльныхъ скрипкахъ казачка, камаринскую и другія энергическія пѣсни. Танцы хотя и запрещены кораномъ, но здѣсь законъ пересиливается обстоятельствами и обычаемъ. Женщины сидятъ въ это время въ кибиткахъ, куда подаютъ имъ разныя лакомства, продающіяся по близости въ нарочно устроенныхъ для этого праздника палаткахъ и шалашахъ. Татарки также подтягиваютъ мужчинамъ при пѣніи веселыхъ пѣсенъ. Хотя женщины и тутъ не выходятъ изъ своихъ кибитокъ, но, во всякомъ случаѣ, праздникъ этотъ составляетъ открытое отступленіе отъ ма-

гометанскаго обычая—держать своихъ женщинъ постоянно взаперти, отдѣльно отъ мужчинъ. Во время празднованія джуона представляется единственный случай для знакомства мужчинъ и женщинъ между собою, а слѣдовательно можно предположить, что не всѣ татарскія свадьбы устраиваются черезъ свахъ, а есть вѣроятно и такія, которыя совершаются вслѣдствіе обоюднаго влеченія.

Въ татарахъ много склонности къ восточной роскоши. Не говоря уже о людяхъ со средствами, но и какой нибудь деревенскій житель, бѣднякъ-пахарь, когда случится у него копѣйка, непремѣнно къ весеннимъ праздникамъ одѣнетъ свою жену въ шелкъ, накупитъ ей разныхъ бездѣлушекъ, которыя ихъ же братья-татары развозятъ по селамъ.

Что касается до пѣсенъ татарскихъ, то онѣ двоякаго рода: чисто народныя и искуственныя, литературныя. Здѣсь нужно замѣтить, что, благодаря развитію грамотности и самостоятельнаго печатнаго дѣла среди казанскихъ татаръ, у нихъ успѣла сложиться своя литература, хотя и далеко неботатая. Татары больше заняты заводами и торговлею, чѣмъ умственною дѣятельностью; да и восточно-магометанское направленіе этого племени не могло также много способствовать развитію въ нихъ склонности къ отвлеченнымъ занятіямъ. Однакоже въ литературѣ казанскихъ татаръ встрѣчаются изрѣдка самостоятельныя произведенія, между которыми пѣсни занимаютъ не послѣднее мѣсто. Какъ эти литературныя, такъ и чисто-народныя пѣсни казанскихъ татаръ носятъ на себѣ особенный отпечатокъ чего-то полувосточнаго, полу-славянскаго, или скорѣе полу-русскаго.

Страсть и любовь — составляютъ главную и почти единственную тему татарскихъ пѣсенъ. Плясовыя же ихъ пѣсни взяты отъ русскихъ.

Что касается до музыки татарскихъ пѣсенъ, то она также напоминаетъ русскую, но отличается большимъ количествомъ переходовъ съ ноты на ноту.

Казанскіе татары—городскіе—всѣ хорошо знаютъ по русски, но татарки и жители глухихъ деревень, знающія нашъ языкъ—большая рѣдкость. Русскому языку они не учатся, а узнаютъ его только изъ ежедневныхъ сношеній съ русскими.

Вообще татары до крайности отторгнуты отъ нашей жизни и ея интересовъ. Христіанъ они считаютъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа, и за то, что они ѣдятъ мясо свиньи, питающейся всякой падалью. Богослуженіе наше, по ихъ понятіямъ, заключается только въ колокольномъ звонѣ и поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ.

Городскіе татары и татарки иногда посѣщаютъ балы, маскарады, театры. Въ театрахъ татарки сидятъ обыкновенно въ ложахъ, позади своихъ мужей, съ опущенными вуалями. На балахъ онѣ откидываютъ свои вуали, при чемъ невольно бросается въ глаза полуиспуганный видъ ихъ лица. Выносятъ-ли татары изъ театра и общественныхъ собраній какое нибудь живое впечатлѣніе и живую мысль—неизвѣстно, да и крайне сомнительно.

Русскій элементъ очень мало коснулся татаръ. Магометанство до сихъ поръ обособляетъ ихъ отъ господствующаго племени. Они почти совсѣмъ не участвуютъ въ общественной жизни русскихъ: ихъ не занимаютъ и не интересуютъ вопросы, дорогіе каждому русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ татаръ проглядываетъ та же особенность, не смотря на то, что мѣсто жительства должно было-бы, кажется, связывать ихъ интересы съ интересами общими, т. е. русскими. Важнѣйшіе и вліятельнѣйшіе по связямъ и по состоянію татары живутъ «въ свой Казань бульна корошъ городъ», гдѣ поселились отдѣльно и составляли до послѣдняго времени свое городское общество. Небогатые сельскіе обыватели находятся еще въ большемъ соприкосновеніи съ господствующимъ народонаселеніемъ и тѣснѣе связаны съ нимъ въ своихъ интересахъ; но богатые татары, и по торговымъ своимъ дѣламъ, и по связямъ, держатся больше средне-азіатскихъ государствъ и вообще востока.

XXIII. СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ.

Къ востоку отъ казанскихъ татаръ, на обширныхъ равнинахъ Западной Сибири, между русскими деревнями, разбросаны, въ разныхъ направленіяхъ по большимъ дорогамъ, селенія сибирскихъ татаръ, издавна получившихъ здѣсь осѣдлость. Многочисленное тюрко-татарское племя, игравшее долгое время важную роль въ судьбахъ Европы и Азіи, распространилось въ теченіи вѣковъ почти по всему Старому Свѣту. Извѣстный татарскій лингвистъ Мирза-Казем-Бекъ, во введеніи къ турецко-татарской грамматикѣ, изданной въ Казани, не безъ чувства нѣкоторой гордости и въ то же время не безъ основанія замѣчаетъ, что языкъ тюркскій, состоящій изъ множества нарѣчій, слышится во многихъ странахъ Азіи—между 31° и 60° сѣверной широты и 32° и 110° восточной долготы, а также въ значительной части Европы и даже въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣверной Африки...

Родиною и главнымъ мѣстомъ разселенія тюрко-татарскаго племени всегда была Азія. Правда, татары никогда не были коренными обитателями обширной сѣверной полосы азіатскаго материка-Сибири, но они долго были и здѣсь, какъ и въ восточной Европѣ единственными обладателями разныхъ частей Сибирской низменности.

Въ настоящее время татарскія племена въ Сибири разселены почти по всѣмъ ея губерніямъ преимущественно же въ Тобольской Томской и Енисейской, въ числѣ около 90000 душъ обоего пола, не считая разныхъ мелкихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Восточной Сибири и болѣе или менѣе уже затерявшихся среди многочисленныхъ инородческихъ племенъ и русскихъ поселеній.

Сибирскіе татары раздѣляются на нѣсколько племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями и представляющихъ нѣкоторыя отличія какъ въ образѣ жизни, такъ и въ обычаяхъ, а отчасти и въ наружности. Собственно татары живутъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ; въ Енисейской же губерніи татары, извѣстны частью подъ именемъ сагайцевъ, называющихъ сами себя «сагай» и сохранившихъ татарскій типъ болѣе другихъ единоплеменныхъ имъ сосѣдей; въ той же губерніи кочуютъ татары-качинцы, получившіе это названіе отъ рѣки Качи, впадающей въ Енисей, и называющіе сами себя «Каштарбасъ». У всѣхъ качинцевъ сохранился татарскій обликъ, но на нихъ замѣтно уже сильное вліяніе монгольскаго типа, а Палласъ нашелъ у качинцевъ много сходства—въ наружности, въ одеждѣ и нравахъ съ сосѣдями ихъ—калмыками. Еще болѣе удалившееся отъ тюркскаго типа татарское племя, представляютъ въ Енисейской губерніи Кайбалы, называющіе сами себя «Кайба» и неизбѣжавшіе, по мнѣнію Кастрена, сильнаго вліянія ихъ сосѣдей—самоѣдовъ и остяковъ. Въ Енисейской же губерніи, по верховьямъ рѣки Чулыма, обитаютъ кизильскіе татары, сами себя называющіе «кизи», т. е. люди; кизильцы почти вполнѣ сохранили татарскій типъ. Вліянію русскихъ, хотя не исключительному, наиболѣе подверглись чулымскіе татары, составляющіе одну отрасль съ кизильцами и обитающіе по низовьямъ рѣки Чулыма, въ Томской губерніи; нѣкоторые изъ чулымскихъ татаръ совсѣмъ обрусѣли, переженились на русскихъ и позабыли свой родной языкъ.

Что же касается до мелкихъ татарскихъ племенъ, обитающихъ въ Восточной Сибири, каковы *каргасы*, *ариты* и *сойоты*, то они

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КАЗАНИ.

болѣе приближаются къ монголамъ и манчжурамъ, чѣмъ къ татарамъ, и составляютъ, можетъ быть, переходную ступень къ якутамъ, представляющимъ ничто иное, какъ окончательно омонголившихся татаръ.

Языкъ сибирскихъ татаръ, по настоящее время, составляетъ тюркское нарѣчіе, хотя, можетъ быть, отъ вліянія особенностей сибирской природы, а отчасти отъ смѣшенія съ коренными обитателями Сибири, значительно разнится отъ языка другихъ татаръ, напримѣръ крымскихъ, оренбургскихъ и касимовскихъ. Сибирскіе татары иногда вовсе не понимаютъ многихъ словъ, употребляемыхъ даже сосѣдними съ ними казанскими татарами.

По-русски почти всѣ сибирскіе татары, даже обитающіе въ глухихъ мѣстностяхъ, говорятъ болѣе или менѣе свободно, исключая развѣ женщинъ и дѣтей.

Вообще, если на нѣкоторыхъ изъ сибирско-татарскихъ племенъ отразилось русское вліяніе, то это благодаря лишь нѣкоторымъ особенностямъ ихъ исторіи, а отчасти и вслѣдствіе исключительныхъ условій жизни въ Сибири. Прежде всего нужно замѣтить, что татары въ Сибири никогда не могли считать себя побѣдителями русскихъ, какъ это было долгое время въ Европейской Россіи; наоборотъ, въ Сибири русскіе всегда были въ положеніи побѣдителей татаръ. Одно это уже могло безповоротно утвердить въ нихъ вѣру въ превосходство русскихъ. Съ другой стороны, глушь края и дикая, бродячая жизнь разныхъ раздробленныхъ мелкихъ племенъ, окружавшихъ татаръ и населявшихъ Сибирь до завоеванія ея русскими, не могли способствовать развитію въ татарахъ ни промышленныхъ, ни гражданскихъ качествъ, а слѣдовательно и устойчивости въ политическомъ или этнографическомъ отношеніи.

Въ настоящее время минуло почти три вѣка со времени покоренія сибирскихъ татаръ, и надо сознаться, что большинство татарскихъ племенъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, живя все время среди русскихъ, до сихъ поръ далеки отъ сліянія съ ними въ одну національность. Нельзя, конечно, вполнѣ утверждать, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, чтобы русская народность не имѣла рѣшительно никакого вліянія въ духовной жизни татаръ и не вліяла также на ихъ нравы, но, во всякомъ случаѣ, татары до сихъ поръ, даже въ Сибири, составляютъ свой особый міръ, живутъ совершенно чуждыми намъ интересами и руководятся въ общественной жизни совсѣмъ иными побужденіями, упорно придерживаясь своихъ нравовъ, своего общественнаго и домашняго быта. Все это относится преимущественно и исключительно къ татарамъ магометанамъ.

Магометанство въ Сибири распространено было еще Кучумомъ; позднѣе оно поддерживалось главнымъ образомъ изъ Бухаріи, гдѣ и тогда уже, во времена Кучума, былъ центръ мусульманской образованности. Главными проводниками исламизма въ жизнь татарскихъ племенъ въ Сибири, какъ и вездѣ, были школы, устраиваемыя при каждой мечети, гдѣ сословіе улемовъ и муллъ разыгрывало роль народныхъ учителей. Изъ архивныхъ дѣлъ тобольскихъ архіереевъ видно, что на Барабѣ были примѣры обращенія крещеныхъ татаръ въ магометанство даже въ позднѣйшее время, въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, выходцами муллами изъ Тары и другихъ мѣстъ.

Большинство сибирскихъ татаръ, обитающихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка.

На рѣдкіе примѣры обращенія магометанъ-татаръ въ христіанство надобно смотрѣть, даже въ Сибири, какъ на исключительные случаи.

Дѣти у татаръ-христіанъ довольно часто умираютъ безъ крещенія, что, впрочемъ, неудивительно при обширности земель, на которыхъ разбросаны татарскія кочевья. При этомъ, конечно, не нужно забывать и того, что сибирскіе татары-христіане никогда не только

не видѣли, но и не слышали никакихъ книгъ на своемъ языкѣ, ни религіознаго, ни свѣтскаго содержанія, ни даже богослужебныхъ.

Сибирскіе татары, потомки когда-то воинственныхъ сподвижниковъ Кучума, въ настоящее время вообще всѣ далеко не отличаются прежней бойкостью и смирно живутъ въ своихъ деревушкахъ. Едва ли въ преданіяхъ ихъ сохранилась память о томъ, что такое были ихъ предки.

По наружности, сибирскіе татары, а въ особенности мусульмане, обитающіе въ Тобольской губерніи, довольно живо напоминаютъ тюркскій обликъ и рѣзко отличаются отъ всѣхъ инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Сибирскіе татары тѣлосложенія крѣпкаго, лицомъ смуглы и сухощавы, росту нѣсколько меньше средняго, походка ихъ медленная, неровная, колеблющаяся, станъ прямой, части тѣла довольно пропорціональныя. Господствующій цвѣтъ волосъ въ бородѣ, усахъ, бровяхъ и на головѣ — черный. Глаза каріе, почти черные, продолговатые; носъ прямой, довольно широкій; брови густыя, дугообразныя; губы толстыя; зубы чрезвычайно бѣлые; лобъ низкій, прямой, лицо круглое. Вообще наружность мужчинъ довольно красива.

У Барабинскихъ татаръ и у племенъ, обитающихъ еще восточнѣе, лицо имѣетъ болѣе монгольское очертаніе, выражающееся главнымъ образомъ въ узкомъ разрѣзѣ глазъ, въ сильномъ развитіи скулъ, въ рѣдкости волосъ въ бородѣ и усахъ, и въ сутуловатости.

Крещеные татары носятъ длинные волосы, подстриженные въ кружокъ. Между ними есть не мало мужчинъ съ совершенно русскою физіономіей, но отлично говорящихъ по татарски. Это вполнѣ обрусѣвшіе татары, перечислившіеся въ крестьяне.

Вообще наружность татарскихъ племенъ въ Сибири довольно значительно разнообразится, смотря по типу ихъ сосѣдей.

Физіономія татарскихъ женщинъ также вообще красива. Черты лица у нихъ довольно правильныя и пріятныя; цвѣтъ лица гораздо бѣлѣе, чѣмъ у мужчинъ. Волосы совершенно темнаго цвѣта и довольно длинные; формы тѣла округлыя, мягкія, оконечности пропорціональныя, гибкія; плечи нѣсколько отброшенныя назадъ, а животъ — выдающійся впередъ. Очень портитъ наружность нѣкоторыхъ татарокъ сильное развитіе скулъ, а также глазная болѣзнь, господствующая между сибирскими татарами, какъ послѣдствіе ихъ вѣчно курныхъ жилищъ.

Женщины у татаръ, особенно достигшія 30-ти лѣтняго возраста, отличаются большею дородностію, чѣмъ мужчины.

По нравамъ, характеру и способностямъ сибирскіе татары-мусульмане ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ волжскихъ татаръ. Крещеные же сибирскіе татары и язычники, по характеру, гораздо простодушнѣе своихъ мусульманскихъ единоплеменниковъ; они довѣрчивы, кротки и феноменально честны. Про сагайцевъ, напр., разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: у одного изъ зажиточныхъ русскихъ колонистовъ сгорѣла въ домѣ книга, въ которой записаны были всѣ долги кругомъ задолжавшихъ ему сагайцевъ. Какъ-то упала свѣча отъ иконы, когда въ комнатѣ никого, не было, и сожгла книгу. Русскій колонистъ, знавшій только общій итогъ своихъ одолженій татарамъ, пришелъ въ ужасъ. Дѣлать нечего поѣхалъ онъ по всѣмъ сагайскимъ улусамъ и сталъ разспрашивать, нѣтъ ли въ нихъ кого изъ его должниковъ. Должники явились. Колонистъ предложилъ вопросъ: — сколько каждый долженъ? Всякій отвѣтилъ такъ, какъ могъ припомнить. На основаніи этого у кредитора составилась новая книга, по которой общій итогъ долговъ, къ изумленію колониста, оказался совершенно вѣрнымъ съ итогомъ прежней книги...

Хотя умственныя способности сибирскихъ татаръ вообще неразвиты, но во всякомъ случаѣ, по природѣ, это очень умное племя. Сверхъ того, они крайне апатичны; въ нихъ упорно еще держатся восточные нравы. Сельское хозяйство, напримѣръ, они могутъ еще вести въ большихъ размѣрахъ работниками но не личнымъ тру-

домъ. Сибиряки крестьяне говорятъ, что татары хорошіе работники лучше русскихъ, но лѣнивы. День, два проработаетъ хорошо, а на третій—никуда негоденъ. Это происходитъ, можетъ быть, и оттого, что они безсильнѣе русскихъ и скоро утомляются.

По занятіямъ, сибирскіе татары раздѣляются на хлѣбопашцевъ, ясачныхъ и служилыхъ (казаковъ).

Всѣ вообще занятія по части домашняго хозяйства у сибирскихъ татаръ, какъ и у прочихъ, лежатъ исключительно на женщинахъ. Лѣтомъ дѣятельность ихъ простирается и за предѣлы избы. Во время полевыхъ работъ только старухи (курукаякъ) да маленькія дѣти (угланъ) остаются дома. Все остальное татарское населеніе цѣлые дни работаетъ въ полѣ—на сѣнокосѣ, или на пашнѣ. Не смотря на это, земледѣліе у нихъ самое ничтожное, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ деревняхъ и вовсе нѣтъ никакого. У русскихъ они переняли земледѣліе лишь въ той степени, какая обусловливалась крайнею необходимостью; дальнѣйшему же развитію хлѣбопашества мѣшала отчасти лѣнь и безпечность татаръ, а отчасти и другія неблагопріятныя условія. Сравнительно больше занимаются хлѣбопашествомъ татары Ишимскаго, Ялуторовскаго, Канскаго и Курганскаго округовъ. Огородничество у нихъ также находится въ младенческомъ состояніи. Произведенія своихъ огородовъ (багца) татары никогда не пускаютъ въ продажу, заготовляя ихъ только для собственнаго употребленія.

Скотоводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности, какъ татаръ-хлѣбопашцевъ, такъ и ясачныхъ, особенно въ южной полосѣ Западной Сибири. Разводимый ими скотъ—преимущественно: лошади, коровы, овцы и изрѣдка козы,—большею частью не крупный, но крѣпкаго сложенія. Не смотря на обширныя и богатыя растительностью мѣстности, на которыхъ поселились татары, скотоводство ихъ все-таки не особенно процвѣтаетъ.

О лошадяхъ татары вообще больше заботятся, чѣмъ о другомъ какомъ нибудь скотѣ. И это не даромъ. Извозничество, напримѣръ составляетъ одно изъ любимыхъ занятій татаръ. Рѣдкій изъ живущихъ по большимъ трактамъ не занимается извозомъ, поверстно отъ одной станціи до другой, а также подряжаясь на перевозку казенныхъ и частныхъ купеческихъ кладей. Болѣе бѣдные татары нанимаются къ другимъ зажиточнымъ извозщикамъ и за извѣстную плату гоняютъ ихъ тройки.

Ѣзда татарская имѣетъ особенный характеръ. Кучера они, большею частью, замѣчательно плохіе. Татаринъ часто едва въ состояніи запречь лошадей. Сбруя у него самая дрянная, веревочная, которая разъ десять порвется, на пространствѣ одной станціи въ десять верстъ; нѣтъ даже кнута, чтобы иногда подогнать лошадей; онъ замѣняетъ его ивовымъ прутомъ или просто палкою.

За то сибирскій татаринъ лихой наѣздникъ. На спинѣ лошади татаринъ держится лучше, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Онъ ходитъ тяжело, переваливаясь; въ сѣдлѣ же сидитъ такъ ловко, какъ будто это было его естественное положеніе. Трезвый, мертвецки пьяный, бодрый, сонный—верхомъ на лошади онъ равно безопасенъ отъ всякаго несчастія. Это зависитъ отчасти отъ привычки, отчасти и отъ нѣжныхъ, дружественныхъ отношеній между конемъ и всадникомъ. Лошадь у татаръ отнюдь не вьючное животное, а лучшій другъ и спутникъ во всѣхъ похожденіяхъ. Почти у каждаго зажиточнаго татарина есть любимая лошадь, которая ему дороже жены и всего на свѣтѣ; которую онъ ежедневно гладитъ, ласкаетъ и бережетъ какъ зѣницу ока. Съ своей стороны и лошадь охраняетъ всячески своего господина и именно въ минуты его слабости. Такъ всѣ татары единодушно утверждаютъ, что хорошая лошадь никогда не отойдетъ отъ своего хозяина, если онъ отъ сна или съпьяну свалится съ нея—случай у татаръ чрезвычайно рѣдкій.

Наиболѣе распространенный промыселъ между сибирскими татарами-мусульманами составляетъ торговля. Они издавна имѣютъ

сношеніе съ хивинцами, ташкентцами, бухарцами и киргизами. Предметъ ихъ торговли: бухарскія шелковыя ткани, бумажныя и шерстяныя матеріи, чай, изюмъ, урюкъ, киргизскія лошади, бараны, шерсть, войлокъ, кожа и сало. Сбываютъ все это или на ярмаркахъ, или въ постоянныхъ небольшихъ торговыхъ помѣщеніяхъ (кибитъ), каковыя и имѣются въ Петропавловскѣ, Семипалатинскѣ, Тюмени, Курганѣ и Тобольскѣ.—Какъ и между волжскими татарами, такъ и между сибирскими, есть множество особаго рода мелкихъ промышленниковъ —разнощиковъ (базурганъ). Лѣтомъ во многихъ, даже самыхъ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ можно встрѣтить не одного татарина-базургана, у котораго найдется въ его небольшомъ узелкѣ-первымъ дѣломъ—чай, а затѣмъ сѣрныя спички и вакса, духи, помада, мыло, зеркальца, стальныя перья, перочинные ножики, мелкія вещицы изъ дамскаго туалета, иглы, нитки, наперстки, свѣжіе и сушеные фрукты, неростущіе въ Сибири, а нѣкоторые заносятъ въ глухіе сибирскіе городки и русскія книги, да иногда еще довольно дѣльныя,—и въ добрый часъ! Хотя черезъ татаръ, только бы просвѣтиться сибирякамъ!

Между сибирскими татарами много есть также охотниковъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не занимается охотою, какъ исключительнымъ промысломъ. Большая часть татаръ предпочитаютъ охоту безъ собаки. Винтовка (кырлымыдокъ), круглая деревянная пороховница, кожаный кошелекъ съ дробью и пулями, такой же патронташъ, и домашняго издѣлія ягдташъ, сплетенный изъ тонкихъ бичевокъ:—вотъ и всѣ охотничьи снаряды татарина; охотятся преимущественно за дичью, бѣлками и бурундуками. Барабинскіе татары ходятъ также на волковъ и лисицъ и ловятъ горностаевъ.

Но сибирскій татаринъ не останавливается на перечисленныхъ выше промыслахъ и занятіяхъ,—онъ усердно занимается еще рыбною ловлею на сибирскихъ рѣкахъ и озерахъ. Это и понятно. Сибирскіе татары народъ бѣдный. Хлѣбопашество у нихъ, какъ мы видѣли, ничтожное; скотоводство также въ плачевномъ состояніи, исключая немногихъ мѣстностей и лишь нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ скотопромышленниковъ-капиталистовъ. У иного же татарина едва имѣется лошаденка да корова. Только и надежды, что на звѣриный промыселъ; только и пропитанія, что рыбная ловля. Но и эти фундаментальныя занятія даютъ имъ немного; солить рыбу, напр., и приготовлять икру сибирскіе татары не большіе мастера, и потому сбываютъ ее большею частью только свѣжую, преимущественно въ ближайшихъ къ ихъ жилищамъ городахъ, а также по сосѣднимъ русскимъ деревнямъ.

Татары Тобольскаго, Ялуторовскаго и Канскаго округовъ, между прочимъ, промышляютъ ловлею піявокъ. Промыселъ этотъ тоже не послѣднее дѣло; для нѣкоторыхъ бѣдняковъ—это единственный источникъ дохода. Ловятъ піявокъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда устроиваютъ дѣло гораздо проще: залѣзетъ татаринъ въ озеро и сидитъ себѣ тамъ, пока всего его не облѣпятъ піявки; выйдя изъ озера, онъ приноситъ на себѣ массу живаго товару... Татарки ближайшихъ къ городамъ юртъ и живущія въ самыхъ городахъ зарабатываютъ порядочныя денги, занимаясь припусканіемъ піявокъ къ больнымъ, изъ коихъ многіе предпочитаютъ этихъ татарокъ даже русскимъ цирюльникамъ.

Татарки-мусульманки въ Сибири, какъ и у насъ въ Казани, мастерицы также въ рукодѣліяхъ: онѣ умѣютъ отлично шить, вышивать шелками и золотомъ, ткать, валять сукна и войлоки и. т. под. Впрочемъ, издѣлія ихъ, какъ и у казанскихъ ихъ единоплеменицъ, рѣдко назначаются для продажи. Самыя рукодѣлія татарскихъ женщинъ не столько отличаются вкусомъ, сколько поражаютъ пестротою и тщательностью отдѣлки самыхъ мельчайшихъ подробностей работы.

Общественный бытъ сибирскихъ татаръ находится вообще на низкой ступени цивилизаціи, не выдѣляясь особенно надъ уровнемъ об-

щественнаго развитія прочихъ сибирскихъ племенъ. Татары сибирскіе толко нѣкоторые ведутъ осѣдлый образъ жизни; остальные же придерживаются еще кочеваго или бродячаго быта. Послѣдній свойственъ преимущественно татарамъ, населяющимъ сѣверные и восточные округа Тобольской, Томской и Енисейской губерній. При этомъ, большинство сибирскихъ татаръ не оставило и родоваго быта. Земля напримѣръ, очень часто находится у нихъ въ родовомъ владѣніи; въ этомъ случаѣ ни малѣйшій клочекъ ея не можетъ быть отчуждаемъ ни отдѣльнымъ родичемъ, ни даже цѣлой деревней, безъ согласія старѣйшихъ членовъ всего рода. Но, въ тоже время, каждый родичь и всякая деревня, входящая въ составъ извѣстнаго рода, имѣютъ право пользоваться родовой землей вездѣ, гдѣ пожелаютъ лишь бы только другой не занялъ этого мѣста прежде. Звѣроловство и рыбная ловля точно также составляютъ общее право всѣхъ родичей, кочующихъ или бродящихъ на извѣстномъ пространствѣ земли.

Земля есть единственная недвижимая собственность у большей части сибирскихъ татаръ. Все прочее ихъ имущество, не исключая и главнаго—юрты, есть *движимое*. Послѣднее составляетъ исключительную собственность того, кому оно принадлежитъ. Впрочемъ, если по смерти родича не окажется наслѣдниковъ, то и движимое имущество его поступаетъ также въ собственность всего рода.

Деревни сибирскихъ татаръ, примѣнительно къ положенію о крестьянствѣ, дѣлятся на волости (улусы), во главѣ которыхъ стоятъ «князья» или «башлыки» (старшины). Татарскій башлыкъ, или князь обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не очень богатъ. Управленіе этихъ башлыковъ сильно напоминаетъ патріархальныя времена, а въ кочевьяхъ какихъ-нибудь кизильцевъ или качинцевъ можно встрѣтить даже нѣчто близко напоминающее совѣщательныя собранія краснокожихъ индѣйцевъ. Если, напримѣръ, зажиточному татарину захочется обдѣлать какое нибудь дѣльце при помощи своихъ князей, то онъ не долго думая, приглашаетъ ихъ къ себѣ въ юрту для совѣщанія и приличнаго случаю угощенія, на что тѣ не замедлятъ явиться въ полномъ составѣ Вошедши въ юрту, князья важно усаживатся вокругъ очага и, скрестивъ руки и ноги, курятъ свои трубки въ таинственномъ молчаніи. Взгляды ихъ также мрачны, какъ ихъ лица и одежда. Самъ хозяинъ неторопливо пригововляетъ баранину, сыръ, яица и. т. под. и варитъ въ котелкѣ надъ очагомъ «айранъ». Затѣмъ снимаетъ этотъ котелокъ, айранъ разливаетъ въ бутылки, наконецъ вынимаетъ изъ сундука завѣтный кубокъ.... Это послѣднее обстоятельство вызываетъ нѣкоторое движеніе доселѣ въ безмолвномъ и недвижномъ совѣщательномъ собраніи: члены его начинаютъ выбивать пепелъ изъ трубокъ, покашливать и помѣшивать огонь въ очагѣ; каждый старается чѣмъ нибудь заявить свое присутствіе... Наконецъ, завѣтный кубокъ отправляется по рукамъ, бутылка за бутылкой опоражниваются, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и жирная баранина, и сыръ, и яица, запеченныя до твердости камня. Но такъ какъ присутствующіе большею частью князья, то, сохраняя нѣкоторое достоинство, они не пьютъ айрана черезъ мѣру. Во всякомъ случаѣ, послѣ этого совѣщанія, хозяину уже ничего не стоитъ добиться желаемыхъ милостей отъ князей.

Волости сибирскихъ татаръ обыкновенно немноголюдны. Въ самой большой изъ нихъ не наберется и двухъ тысячъ душъ обоего пола; за то волость эта растянута часто на протяженіи верстъ трехсотъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всего 100 или 200 душъ обоего пола. Деревушки татарскія по большей части также маленькія и бѣдныя; въ иной дворовъ восемь или десять. Нѣкоторыя-же деревни и вовсе существуютъ только по названію; жители ихъ давно уже разъѣхались по другимъ деревнямъ.

Наши сибирскіе крестьяне обыкновенно называютъ татарскія деревни и даже дома татарскіе съ принадлежащими имъ строеніями—

юртами. Но слово «юртъ», на самомъ дѣлѣ, имѣетъ болѣе обширное значеніе: «юртъ» съ татарскаго языка значитъ «владѣніе», «страна», «земля»; на основаніи этого царство Кучума и называлось «сибирскимъ юртомъ». Собственно-же деревня у татаръ носитъ названіе—«аулъ», а домъ «уй».

Деревни и самые дома сибирскихъ татаръ – мусульманъ, въ особенности зажиточныхъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ жилищъ нашихъ волжскихъ татаръ.

Гораздо своеобразнѣе живутъ сибирскіе крещеные татары и язычники, а отчасти и бѣдняки изъ мусульманъ. Деревни этихъ татаръ дѣлятся обыкновенно на зимнія и лѣтнія, то есть на постоянныя жилища и лѣтнія кочевья.

Зимній аулъ состоитъ обыкновенно изъ одного или двухъ чрезвычайно неправильныхъ рядовъ избенокъ, частью безъ оградъ, частью безъ крышъ или же съ земляными крышами. Избенки эти часто ничто иное, какъ деревянные шалаши съ двумя узенькими окнами, затянутыми пузыремъ. Между ними, и то только въ болѣе зажиточныхъ деревняхъ, гордо высятся два-три порядочные дома съ тесовыми крышами. Но это роскошь, которую позволяютъ себѣ немногія деревни. Въ этихъ порядочныхъ домахъ можно найдти совершенно русскую обстановку, а если хозяинъ мусульманинъ, то, сверхъ того, и татарскую. Среди этихъ зимниковъ можно иногда встрѣтить и лѣтнія татарскія юрты, т. е. войлочные или у бѣдныхъ берестяные шалаши, огороженные жердями и полузасыпанные навозомъ. Бѣдняки, не смотря на страшные холода, живутъ иногда и зиму, и лѣто въ берестяныхъ юртахъ, поэтому и переселяются съ ними—въ зимніе аулы.

Внутреннее убранство — какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ юртъ, также весьма не затѣйливо. Двери въ нихъ всегда выходятъ на востокъ; прямо противъ двери въ каждой юртѣ находится нѣчто въ родѣ дивана, сложеннаго изъ мягкихъ войлоковъ,—это ложе хозяина и хозяйки юрты; тутъ-же, противъ входа, у крещеныхъ татаръ помѣщаются, гдѣ нибудь на стѣнкѣ, и образа. Направо отъ входа устраивается женское, а налѣво мужское отдѣленіе. Кругомъ, по стѣнамъ юрты, подѣланы нары или просто узкія полки, заваленныя, на мужской половинѣ, конской сбруей, ящиками и сундуками, а на женской — чашками, самоварами и другой хозяйственной утварью. На женской-же половинѣ нерѣдко помѣщается *чувалъ* или каминъ, битый изъ глины, съ трубою; иногда-же чувалъ этотъ сложенъ просто изъ камней, прямо посрединѣ юрты, въ кружокъ, и надъ нимъ продѣлано дымовое отверстіе въ крышѣ. Чувалъ обыкновенно топится и день, и ночь, и угасаетъ развѣ тогда, когда всѣ обыватели юрты погрузятся въ глубокій сонъ и некому подложить дровъ. Дымитъ онъ иногда нестерпимо. Тепла отъ него также немного: всѣ обитатели зимника и день, и ночь въ тулупахъ. Это, впрочемъ, неособенно безпокоитъ сибирскаго татарина: онъ съ одинаковымъ удобствомъ спитъ въ своемъ зимникѣ почти совершенно голый; собьется съ него тулупъ во время сна, охватитъ сзади морозомъ, заиндевѣетъ спина, онъ повернется спиною къ огню,—и кончено дѣло. Кочевникъ - татаринъ, даже въ самые трескучіе морозы, ѣздитъ часто безъ шапки, да и зачѣмъ она ему, когда онъ носитъ огромные, почти до плечъ, волосы.... Только ноги свои онъ бережетъ, онѣ постоянно у него въ мягкихъ бурятскихъ унтахъ, по татарски—«маймакъ».

Юрты обыкновенно страшно грязны и у многихъ такъ ветхи, что вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ сквозь бересту и щели. Все взрослое населеніе ихъ очень часто валяется на полу, въ повалку, совершенно опьяненное водкой или айранамъ. Подлѣ огня ползаетъ нѣсколько голыхъ ребятишекъ, и, плача отъ голоду, протягиваютъ свои рученки къ висящему надъ нимъ котлу. Вокругъ него-же похаживаютъ и собаки, сильно виляя хвостомъ, въ недеждѣ, что изъ него перепадетъ что-нибудь и на ихъ долю. Къ довершенію картины

телята и овцы, испуганные иной разъ бурей или грозою, просовываютъ свои головы въ дверь, и повторяютъ это такъ часто, просятся въ юрту такъ жалобно, что хозяйка вынуждена бываетъ отвести и имъ уголокъ...

Одежда крещеныхъ татаръ и язычниковъ представляетъ всевозможную смѣсь; костюмъ ихъ частью русскій, частью татарскій, частью-же инородческій. У русскихъ они успѣли позаимствовать главнымъ образомъ женскій нарядъ. Одежда сибирскихъ татаръ-мусульманъ ничѣмъ не отличается отъ костюма нашихъ волжскихъ татаръ.

Пища сибирскихъ татаръ-мусульманъ также сильно напоминаетъ кухню казанскаго татарина. И здѣсь употребляются тѣ же самыя—жирныя, мучнистыя, съ обильной примѣсью сладкаго необыкновенно тяжелыя—блюда.

Крещеные татары и язычники ѣдятъ все, что придется. До мучнистыхъ блюдъ они не большіе охотники, да у нихъ недостаетъ и припасовъ, необходимыхъ для этого рода кушаній. Часто у кочевника-татарина и хлѣба нѣтъ, и онъ пробивается безъ него, питаясь мясомъ и рыбою.

Гораздо болѣе самобытности представляютъ напитки сибирскихъ татаръ, какъ мусульманъ, такъ и крещеныхъ. Сибирскіе татары, подобно волжскимъ, страстные охотники до чая, и кромѣ «фамильнаго», продаваемаго обыкновенно самими-же татарами, употребляютъ еще чай — называемый кирпичнымъ, поступающій въ продажу въ плотной массѣ, въ видѣ кирпичей или плитокъ.—Предъ употребленіемъ кирпичнаго чая, татары толкутъ его въ небольшой ступкѣ и, въ измельченномъ видѣ, насыпаютъ въ чайникъ; заваривши чай кипяткомъ, даютъ ему нѣсколько времени попрѣть на самоварѣ. Небогатые разваривaютъ кирпичный чай въ кувшинахъ, поставленныхъ на огонь, на чувалѣ. Чашки для кирпичнаго чая употребляются у татаръ безъ блюдцевъ и безъ ручекъ, похожія на наши полоскательныя чашки, только небольшихъ размѣровъ. Настоявшійся въ кувшинѣ или чайникѣ чай наливаютъ въ чашки прямо съ гущей и потомъ разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами.

Къ числу напитковъ сибирскихъ татаръ относится также кумысъ, приготовленный изъ кобыльяго молока,—это единственный крѣпкій напитокъ, допускаемый татарскимъ благочестіемъ; но онъ между татарами гораздо менѣе распространенъ, нежели между киргизами, и не можетъ идти ни въ какое сравненіе по своему достоинству съ кумысомъ послѣднихъ. Для этого татарамъ сибирскимъ недостаетъ степей и того скотоводства, какія есть у киргизовъ.

Гораздо въ большемъ употребленіи у сибирскихъ татаръ «айранъ», также крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ татары и «аракой», т. е. водкой, перегоняемый изъ кумыса. Хлѣбная водка у нихъ также въ большомъ ходу, даже между мусульманами, которые и въ Сибири оправдываютъ свое неравнодушіе къ ней тѣмъ, что водка не извѣстна была во времена Магомета а потому и не могла быть запрещена имъ

Семейные обряды и обычаи сибирскихъ татаръ—мусульманъ точно также не представляетъ никакихъ отличій отъ обычаевъ и обрядовъ прочихъ ихъ единовѣрцевъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ семейно-обрядовой жизни крещеныхъ татаръ и татаръ-язычниковъ, бытъ которыхъ сложился при полномъ отсутствіи всесильнаго вліянія ислама и носитъ на себѣ гораздо болѣе самобытныхъ чертъ древней татарской народности.

У чулымскихъ татаръ, кизильскихъ и проч. существуетъ оригинальный обычай, по которому родители условливаются между собой о бракѣ дѣтей еще тогда, когда послѣднія едва вышли изъ пеленокъ. Татаринъ, желающій современемъ женить малолѣтняго еще сына на дочери, также еще малолѣтней, одного изъ своихъ знакомыхъ или

пріятелей, непремѣнно впрочемъ изъ другаго какого-нибудь племени,—беретъ жену и ближайшихъ своихъ родственниковъ, садится на коня и отправляется съ ними въ улусъ маленькой невѣсты. При этомъ онъ захватываетъ съ собою ведра два или три айрана или водки, новую китайскую трубку (ганзу) и китайскій-же курительный табакъ.

Прибывъ въ улусъ отца невѣсты, оригинальные сваты входятъ толпой въ его юрту и, послѣ обычныхъ привѣтствій и нескончаемыхъ житейскихъ разговоровъ за чуваломъ, чрезъ мѣру заболтавшійся отецъ жениха, наконецъ, поднимается съ мѣста и обращается къ хозяину юрты съ слѣдующей оффиціальной рѣчью: «Если вода притечетъ на твое мѣсто, я, сдѣлавшись крѣпкою плотиною, лягу; если вѣтеръ подуетъ на твое мѣсто, я стѣною стану; если ты мнѣ свистнешь, я, сдѣлавшись собакою, прибѣгу; если ты не ударишь меня по головѣ, то я, войдя въ твой домъ, сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ». Послѣ этого отецъ жениха прямо объясняетъ о цѣли своего прихода. Затѣмъ онъ кладетъ подлѣ чувала трубку, набитую китайскимъ табакомъ, и на нѣкоторое время удаляется изъ юрты. По возвращеніи, онъ осматриваетъ оставленную имъ трубку, и если найдетъ ее незакуренной, то, считая это за отказъ, садится на коня и со всѣми родственниками уѣзжаетъ во свояси. Если-же, напротивъ, замѣтитъ, что изъ трубки курили, то остается въ юртѣ невѣсты и продолжаетъ церемонію сватовства. Онъ вынимаетъ привезенную съ собой чарку и наливаетъ ее айраномъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ его родственниковъ набиваетъ новую трубку табаку, а другой беретъ желѣзными щипцами горящій уголь или даже цѣлую головню изъ чувала, и всѣ трое остаются нѣкоторое время въ безмолвномъ ожиданіи. Наконецъ, отецъ невѣсты, выразивъ словесно свое согласіе на бракъ дочери, выпиваетъ у перваго айранъ изъ чарки, потомъ беретъ трубку изъ рукъ втораго и затѣмъ закуриваетъ ее отъ головни, которую держитъ въ щипцахъ третій изъ родственниковъ жениха. Послѣ этого начинается угощеніе, во время котораго отецъ жениха усердно принимается торговать невѣсту на скотъ, на платье, на мягкую рухлядь и пр. Цѣна за невѣсту колеблется у нихъ, считая на деньги, между 5 и 15 рублями. Это первообразъ того «калыма», какой издавна практикуется, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, у всѣхъ прочихъ татаръ. Въ платежѣ калыма, у сибирскихъ татаръ принимаются въ разсчетъ, обыкновенно, не качества невѣсты, а состояніе жениха. Калымъ не требуется только за вдову и за прогнанную или бѣжавшую отъ мужа жену. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты нѣсколько бумажныхъ платковъ.

Какъ только просватанный женихъ — ребенокъ подростетъ, онъ начинаетъ ѣздить то и дѣло въ улусъ невѣсты, живетъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ и помогаетъ отцу своей сужженой во всѣхъ домашнихъ работахъ. Въ продолженіи этого времени онъ дѣлается тамъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Кромѣ такихъ одиночныхъ посѣщеній запросто, женихъ обязанъ еще вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и ближайшими своими родственниками дѣлать три раза въ годъ оффиціальные визиты своей невѣстѣ и каждый разъ привозить съ собою подарки (арча). Арча эта состоитъ изъ табаку, вина, сушенаго кислаго сыра, масла и свѣжаго воловьяго и бараньяго мяса. Визиты дѣлаются весною, по наступленіи осени и среди зимы.

Свадьбы у нихъ празднуются не прежде, какъ по достиженіи женихомъ и невѣстою 17-ти лѣтняго возраста, и непремѣнно лѣтомъ.

Когда настанетъ день свадьбы, женихъ еще разъ пріѣзжаетъ съ своими родными и родственниками въ улусъ невѣсты и еще разъ задаетъ тамъ пиръ. По окончаніи этого пира, женихъ беретъ за руку невѣсту, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: «Яксы, бала, чорь»,

КАЗАНСКІЙ КРЕМЛЬ.

т. е. хорошо, дочь, поѣзжай. Затѣмъ всѣ поѣзжане садятся верхами и отправляются въ церковь, гдѣ брачный обрядъ совершается по уставу православной церкви.

Послѣ церковнаго благословенія брака, многіе изъ крещеныхъ татаръ считаютъ еще необходимымъ отпраздновать бракъ по своимъ стариннымъ обрядамъ. По выходѣ молодыхъ изъ церкви, родственники тотчасъ-же разводятъ ихъ опять по юртамъ родителей, назначая при этомъ время, когда свадьба должна быть отпразднована по настоящимъ, стариннымъ обрядамъ. Когда этотъ срокъ наступитъ, молодой съ ближайшими родственниками (исключая отца и матери) сѣдлаютъ коней и отправляются, наконецъ, за молодою женою, везя съ собою неизбѣжный айранъ, подарки, съѣстные припасы и одного или двухъ живыхъ быковъ. По прибытіи въ улусъ молодой, начинается пиръ. Посреди улуса колятъ и варятъ быка въ котлахъ, а снятую съ него кожу разрѣзываютъ на нѣсколько ремней. Около полудня всѣ уже сидятъ здѣсь въ кружкахъ и пируютъ вплоть до слѣдующаго утра. Молодые парни играютъ при этомъ на балалайкѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда занимаются скачками. Наградою лучшимъ скакунамъ бываютъ ремни, вырѣзанные изъ шкуры вышеупомянутыхъ быковъ. Около полудня слѣдующаго дня снова происходитъ посреди улуса такой-же пиръ, по окончаніи котораго новобрачную одѣваютъ въ самый лучшій ея нарядъ: шелковый кафтанъ обшитый мишурою и бахрамою, и шапку изъ чернобурой лисицы съ, шелковой верхушкой и шелковой кистью. Молодой въ это время надѣваетъ обыкновенно суконный кафтанъ, обшитый какимъ нибудь мѣхомъ. Разряженныхъ молодаго и молодую вводятъ, ближайшіе ихъ родственники, въ юрту молодой и сажаютъ ихъ на лавку, покрытую коврами, а противъ нихъ становятся два хора пѣсенниковъ, заранѣе приготовленныхъ. Держа въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали, въ видѣ занавѣсокъ, оба хора стоятъ предъ молодыми и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящій предъ молодымъ, поетъ о томъ, что онъ пріѣхалъ взять прекрасную молодую, а хоръ со стороны послѣдней сопротивляется этому, требуя подарковъ и угощенія.

Наконецъ, отецъ молодой выпиваетъ чарку айрана, подавая этимъ знакъ всѣмъ присутствующимъ послѣдовать его примѣру. Между тѣмъ, одинъ изъ пѣсенниковъ хора со стороны молодой, говоритъ ей слѣдующее наставленіе: «Поѣдешь ты къ человѣку, назначенному отцомъ; даннаго тебѣ коня не изнуряя, не останавливаясь, доѣзжай до мѣста, отцомъ-матерью назначеннаго, и живи счастливо, мирно».

Послѣ этого молодые обходятъ всѣ юрты ближайшихъ родственниковъ и прощаются съ ними. Въ это время впереди нихъ непремѣнно ѣдутъ пѣсенники, держа въ рукахъ развернутыя шали и желая много счастья молодымъ; сзади ихъ слѣдуютъ прочіе поѣзжане. Въ каждой юртѣ повторяется то же самое, что и у отца молодой. Возвратясь еще разъ въ юрту молодой, новобрачные прощаются съ родителями ея, получаютъ ихъ благословеніе и наконецъ отправляются въ улусъ молодаго.

Они ѣдутъ верхами на самыхъ лучшихъ коняхъ, убранныхъ въ самую лучшую сбрую. Впереди молодыхъ, по-прежнему, ѣдутъ пѣсенники съ развернутыми шалями, а позади—человѣкъ до 200 народу обоего пола, верхами, съ колокольчиками и бубенчиками.

Спустя немного, отправляются за ними отецъ и мать молодой съ ближайшими родственниками. Предъ самымъ улусомъ молодаго, процессію останавливаютъ молодые парни и дѣвушки, которымъ молодая бросаетъ колечки, серьги и т. под.... Въ самомъ улусѣ для молодыхъ уже построена новая юрта, въ которой еще никто не жилъ. У сибирскихъ татаръ почти общее правило: какъ только сынъ женился, то ему сейчасъ-же отводится особая юрта и особый зимникъ если только, разумѣется, позволяютъ это средства. Приблизясь къ юртѣ молодого, поѣзжане съ пѣснями объѣзжаютъ ее три раза, и наконецъ останавливаются предъ входомъ. Нѣсколько человѣкъ берутъ лошадей молодыхъ за поводья, а отецъ и мать молодаго встрѣ-

чаютъ новобрачныхъ у входа съ чаркою айрана, который выпиваютъ, впрочемъ, поѣзжане. Слѣдующій за тѣмъ пиръ и увеселенія тѣже самые, какіе происходили и въ улусѣ молодой.

Подлѣ юрты новобрачныхъ ночью зажигаютъ костеръ, предъ которымъ, между прочими свадебными играми и увеселеніями, молодой долженъ бороться съ родственниками своей невѣсты и одержать побѣду. Послѣ отъѣзда гостей молодые отправляются въ приготовленную для нихъ юрту.

Въ прежнее время, въ первую брачную ночь исполнялся еще обрядъ поклоненія молодой солнцу. Въ эту ночь, на зарѣ приходила родственница и выводила новобрачную изъ юрты, накладывала на нее покрывало, подъ которымъ она, склоняясь какъ можно ниже, должна быть ходить по всѣмъ роднымъ и, переходя изъ юрты въ юрту, кланяться солнцу. Полагаютъ, что обрядъ этотъ вынесенъ татарами изъ Персіи, гдѣ женщины и донынѣ приписываютъ таинственную силу солнечному свѣту, думая, что съ помощью заклинаній и обрядовъ солнечный лучъ можетъ развить плодородіе въ неимѣющей дѣтей замужней женщинѣ.

Въ каждомъ семействѣ, такимъ образомъ, всѣ женатые братья должны имѣть свои отдѣльныя жилища, но имущество не дѣлятъ, ѣдятъ за однимъ столомъ, ведутъ общее хозяйство и живутъ согласно и дружно. Что-же касается до того, что мужья иногда выгоняютъ своихъ женъ, то это у татаръ столь-же обыкновенно, какъ и то, что жены убѣгаютъ отъ своихъ мужей.

При похоронахъ, даже крещеные татары удержали также множество языческихъ обрядовъ. Могилы на ихъ кладбищахъ роются, обыкновенно, съ востока на западъ. Умершихъ мужчинъ хоронятъ въ ящикахъ, женщинъ обертываютъ шелковой матеріей, а дѣтей — берестовой корой. Тѣло покойника кладутъ на спину, а лицо и глаза обращаютъ на востокъ. Въ могилу ему кладутъ съѣстные припасы и льютъ айранъ. На самой могилѣ закалываютъ любимую лошадь покойника, мясо которой съѣдаютъ, а черепъ надѣваютъ на палку, поставленную въ головахъ могилы. Тутъ-же разводятъ костеръ, около котораго пируютъ три дня: пьютъ, ѣдятъ, плачутъ, курятъ, угощаются — все вмѣстѣ.

Сибирскіе татары предъ прочими своими единоплеменниками отличаются болѣе живымъ нравомъ и большей прирожденной любознательностью. Сибирскій татаринъ съ большимъ наслажденіемъ слушаетъ болтовню татарскихъ краснобаевъ, разсказывающихъ въ свободное отъ работъ время, для потѣхи своихъ невзыскательныхъ слушателей, разные quasi-забавные анекдоты, напримѣръ, «про смѣшнаго татарина», или «про какого-то плутоваго купца». Есть между ними и любители — историки, повѣствующіе, впрочемъ, весьма сбивчиво, о томъ, какъ царь Кучумъ воевалъ съ казаками, и какъ его Богъ наказалъ и лишилъ царства за гордость и несоблюденіе поста.

Лѣтомъ, въ знойный день, степнякъ-татаринъ, окончивъ свои домашнія занятія, спитъ въ это время гдѣ нибудь подъ юртою или въ юртѣ. Въ аулѣ все тихо и только кое-гдѣ въ холодкѣ слышенъ говоръ женщинъ, которыя сидятъ и починиваютъ — кто рыболовныя сѣти, кто изорванную одежду мужа, кто — что. Подлѣ нихъ въ лубочныхъ или деревянныхъ люлькахъ лежатъ грудныя дѣти; нѣсколько поодаль бѣгаютъ дѣти, что побольше. Но вотъ, вдали послышался топотъ лошади, а потомъ и привѣшанный къ ней бубенчикъ. Житель степей, у котораго слухъ, послѣ зрѣнія, считается едвали не лучшимъ достоинствомъ человѣка, сейчасъ просыпается. Но пока онъ успѣлъ протереть свои заспанные глаза и поправить хоть сколько нибудь свои всклоченные волосы, бубенчикъ все ближе и ближе, и вотъ предъ самой его юртою слѣзаетъ съ коня его старинный знакомый, сопровождаемый цѣлою ватагою загорѣлыхъ и оборванныхъ дѣтей. Это пріѣзжій гость изъ сосѣдняго улуса.

Сейчасъ-же оба пріятеля отправляются въ юрту, на сцену поя-

вляется айранъ, и завязывается самый одушевленный, самый бойкій разговоръ о всѣхъ новостяхъ, какія только кому изъ нихъ удалось узнать. При этомъ, кто нибудь изъ собесѣдниковъ—или гость, если онъ считаетъ себя человѣкомъ дѣльнымъ, или хозяинъ—непремѣнно поговорятъ о своемъ писарѣ степной думы, и тотъ и другой навѣрное скажутъ, что очень хорошо учить дѣтей грамотѣ, потому что «бичигчилъ кизы кебъ бледдыръ ульгуверды» (грамотный человѣкъ много знаетъ законовъ).

Иногда прохладный вечеръ вызываетъ всѣхъ изъ юртъ на улицу. Старики, всѣ знакомые и даже родственники между собой сходятся въ кружки. Начинаются опять толки о разныхъ новостяхъ дня, заливаемые отъ времени до времени кумысомъ или айраномъ. Между тѣмъ собирается молодежь: кто съ полевыхъ работъ, кто съ охоты, кто съ рыбной ловли, кто послѣ осмотра своихъ стадъ и табуновъ. Подгулявшіе старики раззадориваютъ своихъ дѣтей и внуковъ показать свое удальство, и вотъ тѣ начинаютъ скачки. Послѣ этого, снова попойка и громкія пѣсни раздаются иногда цѣлую ночь.

До пѣсенъ татары, вообще, большіе охотники, особенно изъ не мусульманъ. Правда, вся пѣсня сибирскаго татарина иногда заключается въ трехъ-четырехъ строкахъ, которыя онъ не поетъ, а тянетъ, и которыхъ ему хватаетъ на девять на десятъ верстъ дороги. Но между этими безсодержательными и безсвязными подъ часъ фантазіями степняка-татарина о разныхъ встрѣчныхъ предметахъ, прозвучитъ иногда сильная нота старинной и богатырской пѣсни, довольно еще распространенной въ Сибири. Татарскія богатырскія пѣсни изображаютъ смѣлыми чертами дѣянія какого нибудь прославнаго витязя, заставляютъ его побѣждать не только людей, но и боговъ, и заключаютъ, обыкновенно, тѣмъ, что непобѣдимый герой добываетъ наконецъ себѣ жену и спокойно доживаетъ съ ней до глубокой старости.

Колоссальное въ представленіи — главная характеристическая черта этихъ пѣсенъ. Въ нихъ постоянно также придается внутренняя жизнь всему существующему въ природѣ: каждой рыбѣ, птицѣ, кусту, камню;—по татарской пѣснѣ, каждое бревно одарено чувствомъ, горюетъ и радуется.

По древнѣйшимъ чародѣйнымъ представленіямъ татаръ, сила магіи, т. е. *мудрость*, ставится выше силы меча; такъ герой ихъ отправляется въ далекія земли за мудрымъ совѣтомъ, и не одинъ *непобѣдимый* побѣждается слабой женщиной, только силою *мудрости* или волшебства. Пѣснь, по понятіямъ татаръ, есть высшее выраженіе мудрости, и нѣтъ въ природѣ существа, которое-бы могло противустоять ей.

Замѣчательно, что почти въ каждой татарской пѣснѣ упоминается о томъ, что люди, т. е. татары, первоначально жили въ одномъ изъ уголковъ земли на берегу *Бѣлаго моря*, у подошвы высокой горы.

Пѣсни татаръ нерѣдко проникнуты глубокой грустью. Вообще, меланхолія далеко не чужда этому племени.

Вотъ одна изъ пѣсень, распѣваемыхъ сибирскими татарами:

«Былъ одинъ татаринъ, по имени Тьенаръ Кусъ, и было у него много юртъ, много народа и много скота. И было ему не мало уже лѣтъ, когда онъ взялъ себѣ жену молодую и прекрасную. Тьенаръ Кусъ любилъ ее, но она, казалось ему, не любила его, а потому онъ и рѣшился испытать ее. Вотъ онъ однажды и отправился въ степь, будто-бы осматривать скотъ свой, и, отъѣхавъ немного отъ юрты свалился нарочно съ сѣдла и лежитъ себѣ какъ мертвый. Пастухи его, видя, что господинъ ихъ лежитъ на землѣ недвижимъ, бросились въ юрту и разсказали о случившемся домашнимъ. Услыхавъ это, жена его вскочила тотчасъ-же на лошадь и, прискакавъ къ лежащему, начала надъ нимъ плакать. Но Тьенаръ Кусъ недовѣрялъ слезамъ своей жены и все лежалъ недвижимъ. Въ отчаяньи жена выхватила кинжалъ изъ ноженъ и сказала: «Не встанешь ты, Тьенаръ Кусъ, и я не хочу больше жить на землѣ. Никогда не скажутъ

люди, что жена Тьенаръ Куса рыскала вдовою, отыскивая себѣ другаго мужа. Нѣтъ, не разстанусь я съ тобою, мой супругъ и владыка!» Тьенаръ Кусъ и тутъ не поднялся. И она, вонзивъ кинжалъ себѣ въ грудь, упала подлѣ него мертвая. И стало жаль Тьенаръ Кусу, что онъ подозрѣвалъ ее въ холодности, и всю жизнь свою оплакивалъ онъ затѣмъ вѣрную жену свою».

Сибирскіе татары очень часто сопровождаютъ свое пѣніе игрой на *кобысъ* и *джатыганъ*—родъ балалайки съ тремя и семью струнами. Впрочемъ, и эти незатѣйливые инструменты, кажется, заимствованы ими у остяковъ.

Между русскими и татарами-мусульманами въ Сибири установились тѣже недовѣрчивыя отношенія, что и въ Европейской Россіи. Правда, сибирякъ-крестьянинъ болѣе ласковъ съ татариномъ, чѣмъ европейскій его соотчичъ, но это только любезность за любезность, не болѣе. Всякаго татарина, знакомъ онъ или нѣтъ, русскіе зовутъ въ Сибири «другомъ», но это только потому, что такъ принято и вошло уже между русскими въ обычай издавна, такъ-же, какъ и названіе татарокъ «сестрами». Вообще-же русскіе смотрятъ на татаръ съ видомъ превосходства, не вѣря въ добрыя стороны ихъ нравовъ. Съ своей стороны, и татары соблюдаютъ наружно ласковость и гостепріимство по отношенію къ русскимъ, въ душѣ-же скрываютъ недовѣрчивость, сомнѣніе и опасеніе какой нибудь западни, разставленной хитрымъ, по ихъ мнѣнію, умомъ русскихъ.

Однако, живя долгое время между русскихъ и находясь постоянно въ ближайшихъ сношеніяхъ съ ними, татары сибирскіе не могли не усвоить себѣ постепенно много русскаго. О крещеныхъ татарахъ и шаманахъ мы уже не говоримъ: они съ каждымъ годомъ теряютъ всякую черту своей народности. Но и татары—мусульмане многое внесли даже въ свою домашнюю жизнь, занятое ими отъ русскихъ. Нынѣ, напримѣръ, и въ Сибири далеко не всѣ татарскія женщины находятся въ такомъ загнанномъ и замкнутомъ состояніи, какъ этого требовали прежніе обычаи татаръ; многія изъ нихъ уже не прячутся отъ мужчинъ и живутъ съ мужьями по человѣчески, въ семьѣ своей имѣютъ право голоса и даже иногда управляютъ всѣмъ домомъ. Нерѣдкость также встрѣтить въ Сибири и татаръ—мужчинъ, совершенно чуждыхъ мусульманскихъ предразсудковъ и блистательно доказывающихъ свои способности ни въ чемъ не отстать отъ русскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже не считаютъ за грѣхъ замѣнять русскимъ армякомъ или полушубкомъ свой обычный костюмъ, любятъ говорить по русски даже между собою, учатъ дѣтей своихъ иногда русской грамотѣ,—словомъ, многіе изъ нихъ уже не имѣютъ никакихъ международныхъ предразсудковъ. Такое отношеніе сибирскихъ татаръ къ русскимъ, конечно, доказываетъ, что если они не могутъ совершенно слиться съ русскими, по различію съ ними въ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, то совершенно могутъ составлять съ ними одно гармоническо — цѣлое въ гражданскомъ отношеніи.

XXIII. КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и бытъ.

Татары, извѣстные подъ именемъ «крымскихъ», населяютъ, въ числѣ 276 т. душъ обоего пола, Крымскій полуостровъ и часть степей къ сѣверу отъ Перекопскаго перешейка.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ число крымскихъ татаръ достигало, можетъ быть, нѣсколькихъ милліоновъ, и знаменитое Крымское ханство, простиравшее свою гибельную власть на днѣпровскія, и даже приволжскія земли, играло немаловажную роль на всемъ юговостокѣ Европы. Повелители Крымской орды, знаменитые Гиреи, были въ свое время столь могущественны и грозны, что дружбы ихъ домагались въ одно время русскіе, поляки и турки, пока, наконецъ, Екатерина II не положила окончательно предѣла господству татаръ на югѣ Россіи.

Въ настоящее время, какъ это было отчасти и встарину, населеніе Крымскаго полуострова представляетъ пеструю и разнообразную картину, какую трудно найдти въ другой европейской странѣ. На небольшомъ пространствѣ въ 476 квад. миль здѣсь встрѣчаются, кромѣ русскихъ, нѣмцы-колонисты, евреи-караимы, цыгане, евреи, армяне, греки, болгары и проч... Но какъ не велико количество этихъ пришлыхъ племенъ, все таки главное вниманіе обращаютъ на себя коренные жители полуострова, татары, которые далеко превышаютъ численностью всѣ прочія народности вмѣстѣ взятыя и составляютъ главное населеніе Крыма.

Крымскіе татары хотя и всѣ принадлежатъ къ тюрко-монгольскому племени, но вездѣ, однако, они сохранили свой первобытный типъ. Если вспомнить, сколько народностей прошло черезъ Крымъ и со сколькими изъ нихъ приходилось вступать въ соприкосновеніе крымскимъ татарамъ, то вполнѣ будетъ понятно все то разнообразіе въ ихъ наружности, какимъ поражается теперь глазъ случайнаго наблюдателя. Если, напримѣръ, доискаться до происхожденія татарскихъ пастуховъ на Чатырдагѣ, то въ жилахъ ихъ найдешь, можетъ быть, больше киммерійской, нежели тюркской или монгольской крови.

Крымскіе татары по наружности и занятіямъ представляютъ, въ настоящее время, три степени, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой; ихъ можно раздѣлить на степныхъ татаръ или ногаевъ, горныхъ татаръ и южнобережныхъ или приморскихъ.

Только въ остаткахъ ногайскаго племени, населяющаго сѣверныя равнины полуострова и уѣзды по ту сторону Перекопскаго перешейка, во всей чистотѣ сохранился монгольской типъ. Здѣсь татары невелики ростомъ и сутуловаты; цвѣтъ лица у нихъ темножелтый нерѣдко переходящій въ мѣдно-красный; носъ небольшой и почти всегда сплюснутый; скулы сильно выдавшіяся; по большей части темные глаза съужены и косо обращены кверху; уши большія и оттопыренныя; волосы на головѣ черные, борода весьма рѣдкая.

Горные татары, обитающіе на сѣверныхъ склонахъ крымскихъ горъ и въ долинахъ, къ нимъ примыкающихъ, во многомъ отличаются отъ ногайцевъ. Они высоки ростомъ, хорошо сложены, ловки

и сильны; цвѣтъ лица у нихъ болѣе свѣтлый, приближающійся къ цвѣту кавказскаго племени; глаза большіе и темные; волосы и борода густые и черные. Вообще наружность этихъ татаръ красива.

Татары же, живущіе на южномъ берегу Крыма, положительно представляютъ смѣсь тюрко-монгольской съ греческой, а можетъ быть и съ римскою кровью. Кромѣ того, крымскіе татары, какъ извѣстно, покупали себѣ въ жены черкешенокъ, а также похищали полекъ и русскихъ. Эта смѣсь типовъ, столь различныхъ между собой, и послужила къ улучшенію и облагороженію татарской породы въ южномъ Крыму, гдѣ сталкивались болѣе образованныя народности и гдѣ съиздавна поселились высшіе и богатѣйшіе классы татарскаго общества. Южные татары высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нихъ смуглый, какъ у всѣхъ южныхъ жителей; лицо овальное, продолговатое и очень пріятное; носъ прямой, нерѣдко римскій или греческій; волосы и глаза совершенно черные. Въ южномъ Крыму попадаются татары и татарки съ такими античноправильными и прекрасными чертами лица, что невозможно на нихъ смотрѣть безъ восхищенія, и ужь, конечно, татарскаго въ нихъ всего меньше.

Вообще, всѣ горные татары—народъ рослый, статный, красивый и, благодаря беззаботной жизни и прекрасному горному воздуху, пользуются отличнымъ здоровьемъ.

Однако же, нельзя сказать того же о татарскихъ женщинахъ. Онѣ чрезвычайно рано старѣются и нерѣдко подвержены свойственнымъ ихъ полу болѣзнямъ. Причины тому лежатъ отчасти въ ихъ безотрадномъ семейномъ положеніи, а главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, далеко не безвредномъ, что всѣ онѣ слишкомъ рано становятся матерями — нерѣдко 13 — 14 лѣтъ. Крымскія татарки не вездѣ также отличаются красотою. Правда, чадра ихъ, или головное покрывало, придаетъ всѣмъ имъ нѣкоторую интересность: глаза, любопытствующіе взглянуть сквозь узкую щель чадры, кажутся очень черными и выразительными, но это только кажется, на самомъ же дѣлѣ большинство татарокъ прегрубаго и некрасиваго типа лица. Только въ южномъ Крыму встрѣчаются женщины въ высшей степени красивыя, съ лицомъ совершенно европейскимъ и бѣлымъ; послѣднее зависитъ отчасти отъ того, что онѣ не работаютъ на солнечномъ жару и даже на улицу не выходятъ съ открытомъ лицомъ, почему совсѣмъ не загораютъ.

Характеръ общественной жизни татаръ выражается и въ наружномъ видѣ ихъ деревень. Всѣ татарскія селенія расположены въ лощинахъ; въ этомъ сказывается можетъ быть привычка прежняго степняка-татарина прятаться отъ взоровъ казака. Дома здѣсь не скученные, какъ въ русскихъ селахъ, а разбросаны въ безпорядкѣ и отдѣлены другъ отъ друга если не садомъ, то огородомъ, или просто пустыремъ. Вокругъ деревни, большею частью, примыкая къ самымъ усадьбамъ, лежатъ поля и сѣнокосы. Поля эти, въ свою очередь, обнесены, почти у каждаго хозяина, плетнемъ, а иногда каменною оградою или канавою.

Только въ горахъ, по тѣснотѣ мѣста, дома въ татарскихъ деревняхъ стоятъ не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, хотя также разбросаны въ безпорядкѣ. Въ этихъ селеніяхъ низкія татарскія сакли, обыкновенно, плотно примыкаютъ одною стѣною къ горѣ, такъ что, сходя съ послѣдней, можно легко взойти на домъ, совсѣмъ того не замѣчая.

Жилище татарское — сакля — не вездѣ строится одинаково: на южномъ берегу Крыма татары дѣлаютъ себѣ дома изъ грубыхъ полевыхъ камней, смазываютъ ихъ и оштукатуриваютъ глиною. А на сѣверномъ склонѣ горъ, и особенно въ степяхъ, татарскіе дома строятся изъ крупныхъ самодѣльныхъ кирпичей, приготовляемыхъ изъ смѣси глины съ соломою и провяленныхъ въ теченіи 5 или 6 дней на солнцѣ или вѣтрѣ. Вообще постройка сакли незамысловата. Два

работника выводятъ стѣны изъ самодѣльныхъ кирпичей дня въ три. Часто сакли бываютъ плетеныя, тоже обмазанныя глиною.

Всѣ дома татарскіе узки и длинны, и всегда выбѣлены снаружи известью. Крыша только у богатыхъ дѣлается изъ красной черепицы. По большей же части крыши на домахъ плоскія, земляныя, чуть-чуть только покатыя въ одну сторону, для стока дождевой воды. Устроиваются онѣ такъ: на стѣны сакли кладутся плоскія стропила, края которыхъ далеко выступаютъ за внѣшнюю линію стѣнъ. Концы этихъ стропилъ опираются снаружи на тонкіе деревянные стволы, врытые въ землю, на подобіе колоннъ. Стропила накрываютъ плетенкою изъ ивовыхъ вѣтвей, и на эту плетенку насыпаютъ землю съ мелкимъ щебнемъ. По краямъ крыши земля обыкновенно прорастаетъ травою, нерѣдко тутъ красуется и цвѣтокъ; а посрединѣ крыши земля утаптывается и уравнивается посредствомъ инструмента, въ родѣ катка, постоянно находящагося на крышѣ. Тутъ же красуются одинъ или два глиняныхъ шалаша, имѣющихъ видъ бобровой постройки—это татарскія трубы; онѣ дѣлаются изъ ивовой плетенки, хорошо вымазанной и выштукатуренной глиною. Можетъ быть, вслѣдствіе такого устройства трубъ, пожаровъ въ татарскихъ деревняхъ почти никогда не бываетъ.

Крыша у татаръ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ у насъ. Прежде всего она служитъ сушильнею. Здѣсь всегда можно видѣть бѣлье, плоды, печенья, вывѣшанныя на ней для просушки; сюда же собираются люди для всякаго рода работъ, для разговоровъ; здѣсь же и гостей принимаютъ. Интересный видъ представляютъ, иногда, различныя группы татаръ, расположившихся на крышахъ въ своихъ пестрыхъ и довольно живописныхъ костюмахъ.

Въ окна вставляютъ стекла только самые богатые татары, или живущіе въ сосѣдствѣ съ русскими и нѣмецкими колоніями; у истыхъ же татаръ такихъ затѣй не водится. Они, просто-на-просто, вставляютъ въ окно рѣшетку изъ тонкихъ спицъ и заклеиваютъ ее масляною бумагою, да иногда вставятъ въ середину этой бумаги маленькое стеклышко, какъ зрачекъ въ глазу: это больше для удовлетворенія любопытства прекраснаго пола. Иногда же окна закрываются просто деревянною задвижкою, что имѣетъ, конечно, нѣсколько мрачный видъ. Но татарамъ и не нужно особеннаго свѣта въ дому: ихъ домашнія занятія несложны и немногочисленны — лежать на войлокѣ.

Дверь сакли всегда обращена на югъ. Порогъ дѣлается очень высокій, а самая дверь — низкая, такъ что для того, чтобы войдти въ домъ, надобно низко нагибаться и высоко поднимать ноги.

Внутри домъ раздѣленъ на три части: прямо противъ входа находится кухня, изъ нея ведутъ двери направо и налѣво, т. е. въ мужскую половину и въ женскую.

Кухня устроивается очень просто. Очага нѣтъ, а огонь разводятъ на хорошо утоптанномъ земляномъ полу; надъ нимъ поднимается *чело* и *тяга*; послѣдняя, постепенно съуживаясь кверху, выходитъ на крышу въ трубу.

Въ комнатѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе печь. Комнатная печь устроивается довольно оригинально. Это шести или восьмисторонняя пирамидка, кверху съуживающаяся и покрытая сверху куполомъ: все это сдѣлано изъ необожженнаго кирпича. Дымовая труба выходитъ въ сторону и соединяется съ кухонною тягою. Куполъ или колпакъ надъ печкою украшается различными фигурами и цвѣтною глиною.

Надъ челомъ печки устроивается выступъ; на немъ, въ видѣ украшенія или для того, чтобы было ближе подъ рукою, кофейникъ изъ желтой мѣди съ крышкою и короткимъ рыльцемъ, на мѣдномъ же подносѣ; вокругъ кофейника чашки, тоже изъ желтой мѣди, съ изогнутыми ручками. Все это очень чисто вычищено и блеститъ какъ золото.

Стѣны комнаты обыкновенно чисто оштукатурены, но у очень

немногихъ выбѣлены, а въ рѣдкихъ случаяхъ размалеваны первобытною живописью, изображающею стволы деревьевъ съ развѣтвленіями, оканчивающимися или козлиною головою, или исполинскою птицею, или какимъ-то необыкновеннымъ плодомъ. Все это очень пестро и ярко, но лишено всякаго вкуса и изящества.

Потолка въ саклѣ вовсе нѣтъ. Чтобы скрыть непривлекательный видъ балокъ и перекладинъ, на нихъ развѣшиваютъ одежду и бѣлье. Для этого употребляется, обыкновенно, весь наличный гардеробъ хозяевъ, не исключая никакой части костюма. На самыхъ же перекладинахъ, поверхъ нихъ, наваленъ разный домашній скарбъ: непочатая кудель, коробъ съ пряжею, связка шерсти, кнуты, веревки, ножи, топоръ и т. п.

Полъ комнаты весь устланъ войлокомъ; на немъ, вдоль стѣны съ полкою, лежатъ подушки, одна на другой, въ видѣ турецкаго дивана. Подушки въ наволочкахъ съ бѣлыми и темными прямолинейными узорами. Сверху онѣ накрыты шерстяною, домотканною коричневою матеріею. Вдоль другихъ стѣнъ поставлены сундуки, голубые и красные, съ черными или бѣлыми желѣзными переплетами; они покрыты сверху такою же матеріею, какъ и подушки, а у очень богатыхъ—дорогими персидскими коврами. У бѣдныхъ совсѣмъ подушки не складываются въ видѣ дивана, а просто лежатъ въ углу, покрытыя ситцевымъ одѣяломъ. У богатыхъ же одѣяла дѣлаются изъ толстой турецкой шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ. Кромѣ подушекъ и сундуковъ, другой мебели въ татарской саклѣ нѣтъ.

На женской половинѣ комната имѣетъ приблизительно тотъ же видъ; только здѣсь красуется, сверхъ того, колыбель, расписанная всевозможными красками—изобрѣтеніе бахчисарайскихъ токарей.

Въ саклѣ татарской постоянно соблюдается чистота и порядокъ; войлокъ, постланный на полу, часто выколачивается и вывѣтривается. Вообще, гдѣ участвуютъ руки и глазъ татарки, тамъ все дѣлается исправно и обстоятельно. Это относится одинаково какъ къ бѣднымъ, такъ и къ богатымъ татарскимъ семействамъ, съ тою лишь разницею, что у бѣдныхъ всего меньше и все дешевле, и комната только одна — въ правой части сакли, а въ лѣвой — печь и кухня, все-таки отдѣленныя другъ отъ друга перегородкою.

На дворѣ тоже чистота, благодаря немалому участію женщинъ въ устройствѣ и этой части татарскаго обиталища. Дворъ всегда огороженъ или каменною стѣною, или плетнемъ, обмазаннымъ снаружи глиною.

Для скота внутри двора не строятъ ни хлѣвовъ, ни сараевъ, и, довольствуются простымъ навѣсомъ, да и тотъ далеко не у всѣхъ имѣется, такъ какъ скотъ большею частью держатъ зимою въ полѣ, на подножномъ корму. Птичники во дворахъ попадаются чаще.

На ночь скотъ вездѣ загоняютъ или во дворъ, или въ особые загоны. Это дѣлается главнымъ образомъ для того, чтобы заготовлять *кизякъ*, которымъ татары отапливаютъ свои сакли.

Въ татарской деревнѣ всегда есть нѣсколько колодцевъ, а у степныхъ татаръ—подлѣ каждаго дома свой колодезь, изъ котораго поднимаютъ воду колесомъ въ бурдюкахъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Татары всегда и все сами строятъ себѣ, равнымъ образомъ — и деревенскія мечети. Мечеть въ деревнѣ стоитъ всегда особнякомъ. Постройка ея незамысловата; она мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной сакли, и строится, по большей части, изъ грубаго известковаго камня, съ кровлею изъ красной черепицы. Вмѣсто минаретовъ дѣлаютъ каменную лѣстницу, которая ведетъ къ площадкѣ, часто ничѣмъ неогороженной. Сюда входитъ самъ мулла, или *мазинъ* (такъ называютъ крымскіе татары своихъ муэззиновъ), и пять разъ въ день извѣщаетъ правовѣрныхъ, что часъ молитвы наступилъ. Городскія мечети гораздо красивѣе: ихъ строятъ изъ камня съ рѣзными карнизами. Минаретъ высокій, нерѣдко доходитъ до 7 саженъ и оканчивается шпицемъ съ двурогою луною. Аршина на 4 ниже

ВИДЪ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ КАЗАНИ.

шпица сдѣланъ балконъ, окружающій шпицъ и на него выходъ изъ башенки минарета.

Крымскіе татары питаютъ замѣтную наклонность къ внѣшнему блеску и роскоши, въ чемъ обнаруживается тѣсное родство ихъ, по качествамъ и свойствамъ натуры, съ востокомъ. Въ этомъ отношеніи они больше имѣютъ сходства съ турками, чѣмъ напримѣръ съ волжскими татарами, стремленіе которыхъ къ востоку скорѣе искусственное, чисто тенденціозное, основанное не на характерѣ народа, а на національныхъ традиціяхъ и преданіяхъ мусульманства. На особенную близость крымскихъ татаръ къ востоку указываетъ также ихъ одежда. Татары одѣваются красиво, иногда даже живописно. Обыкновенный костюмъ крымскаго татарина составляютъ: куртка, широкіе шальвары, стянутые поясомъ, и баранья шапка или красная феска на головѣ.

Куртка шьется изъ особенной турецкой матеріи съ разводами, у богатыхъ—изъ шелковой, а у бѣдныхъ—изъ бумажной. Куртка эта надѣвается сверхъ рубахи, и застегивается спереди металлическими пуговицами, мѣдными или серебряными, а у небогатыхъ—деревянными, обтянутыми тою же матеріей. Рукава куртки дѣлаются узкіе и короткіе; они доходятъ только до локтей и также застегиваются на пуговицы посредствомъ петлей изъ снурковъ. Куртка, сверхъ того, часто бываетъ обшита по воротнику и бортамъ серебряными галунами или золотыми снурками въ нѣсколько рядовъ. Отъ локтей до кисти видны рукава рубашки.

Широкіе шальвары надѣваются сверхъ куртки и у таліи стягиваются поясомъ различной ширины какого нибудь яркаго цвѣта, исключая зеленаго. Зеленый цвѣтъ, какъ преобладающій въ раю Магомета и вслѣдствіе этого почитаемый священнымъ, предоставляется носить только лицамъ высшаго духовенства и прямымъ потомкамъ Магомета.

Шапка весьма изящной формы дѣлается изъ бараньяго мѣха, вышиною въ одинъ футъ или въ полфута, съ краснымъ, сафьяннымъ или суконнымъ донышкомъ. Фески приготовляются вязанныя, безъ швовъ, съ цѣльнымъ непришитымъ донышкомъ; обыкновенно ихъ перерабатываютъ на фабрикахъ, гдѣ фески и получаютъ такой видъ, какъ будто онѣ сдѣланы были изъ цѣльнаго куска суконной матеріи.

Феску и шапку крымскій татаринъ не снимаетъ даже въ комнатѣ, и разстается съ ними только тогда, когда ложится спать.

Зажиточные татары носятъ шерстяные чулки, въ которыхъ и входятъ въ комнату; сверхъ нихъ надѣваютъ мягкія, желтыя *мешты*—сафьянныя туфли съ острыми, загнутыми къ верху носками; а сверхъ этой первой обуви надѣваютъ еще калоши или кожаные башмаки на желѣзныхъ подковахъ. Низшій классъ носитъ сандаліи, т. е. лапти, сдѣланныя изъ бараньей невыдѣланной кожи; ноги подъ лапоть обертываютъ зимою толстымъ сукномъ, а лѣтомъ—грубымъ полотномъ. Лапоть прикрѣпляется къ ногѣ веревочками или тонкими кожаными ремешками, перевитыми вокругъ ноги крестообразно до самыхъ колѣнъ.

Сверхъ куртки татары надѣваютъ *чекмень*, длинный кафтанъ съ башлыкомъ и очень широкими рукавами; чекмень дѣлается изъ грубаго домашняго сукна коричневаго цвѣта. Татары хлѣбопашцы очень часто употребляютъ этотъ кафтанъ вмѣсто мѣшковъ. Нужно татарину хлѣбныхъ зеренъ или овощей насыпать, онъ скидаетъ съ себя чекмень, связываетъ рукава и полы, насыпаетъ въ этотъ импровизированный мѣшокъ зерна, протыкаетъ подъ узелъ палку и, взваливши себѣ на спину, несетъ куда слѣдуетъ. Зимою, вмѣсто чекменей, татары носятъ тулупы, съ которыми не разстаются въ это время года ни днемъ, ни ночью. Тулупы у нихъ двоякаго рода: одинъ короткій, домашній, по формѣ напоминающей кавалерійскій полушубокъ; другой—дорожный, длинный и широкій.

Татарскихъ мальчиковъ съ четырехлѣтняго возраста одѣваютъ,

какъ взрослыхъ; а до тѣхъ поръ татарченокъ бѣгаетъ въ курточкѣ съ узенькими рукавами, надѣтой сверхъ длинной рубашенки, и въ мохнатой шапкѣ, а иногда съ голой, бритой и синей головенкой гладкой какъ пузырь, на макушкѣ которой развѣвается хохолокъ, словно у краснокожаго индѣйца.

Женскій костюмъ нѣсколько сходенъ съ мужскимъ. Татарки носятъ шерстяныя домотканыя рубашки, съ открытой шеей и съ короткими рукавами до локтей. Сверхъ рубахи надѣваютъ широкіе шальвары, стянутые на поясѣ и собранные на снурокъ у щиколки; отъ колѣнъ до щиколки ихъ обшиваютъ краснымъ кумачемъ. Поверхъ шальваръ надѣваютъ юбку, тоже шерстяную, и передникъ, собственной работы, иногда очень неискусной.

Сверхъ этого надѣваютъ лѣтомъ бешметъ, длинный кафтанъ изъ бумажной матеріи, на пестрой подкладкѣ; онъ доходитъ до колѣнъ и шьется въ обтяжку, съ узкими короткими рукавами, доходящими до локтей. Края его обшиваются галунами или серебряными снурками въ нѣсколько рядовъ. Изъ подъ бешмета виднѣются только концы шальваръ, обшитые кумачемъ и мѣшками падающіе на ступни. Бешметъ стягивается вокругъ таліи серебрянымъ поясомъ, ширина котораго различна, смотря по богатству женщины или дѣвушки Концы пояса уже, чѣмъ середина, и застегиваются спереди круглою серебряною пряжкою, украшенною гранатами или разноцвѣтными, по большей части поддѣльными, каменьями. Только у самыхъ бѣдныхъ пояса шелковые или льняные. Подъ поясъ на кафтанъ часто надѣваютъ сложенную угломъ цвѣтную шаль такимъ образомъ, что уголъ ея виситъ назади чуть не до пятъ.

Зимою, поверхъ бешмета, надѣваютъ *друбе* — шубку, преимущественно красной или зеленой матеріи, съ стоячимъ воротникомъ, и съ узкими рукавами; длина шубки различна: у молодыхъ — до колѣнъ, а у старыхъ—до пятъ. Рукава этой шубки дѣлаются съ обшлагами, очень красиво вырѣзанными, и украшаются по шву металлическими пуговками; края шубки также обшиваются галуномъ или снурками, а иногда мѣхомъ и широкимъ позументомъ по швамъ.

При выходѣ изъ дома, сверхъ всего надѣваютъ еще *феред̀же*, суконную накидку, розоваго или зеленаго цвѣта съ короткими рукавами; при недальнихъ отлучкахъ со двора, феред̀же набрасываютъ на голову, вмѣсто чадры или покрывала.

Обувь женская также нѣсколько разнообразнѣе мужской. Зимою въ комнатѣ татарки носятъ такія же туфли, какъ и мужскіе мешты поверхъ которыхъ при выходѣ надѣваютъ также галоши или *катыры*. Лѣтомъ обуваются въ *термики*, или папучи — полуботинки съ острыми носками, расшитые золотомъ и серебромъ. Когда на дворѣ грязно, то, кромѣ туфлей и галошъ, носятъ еще деревянные башмаки. Они дѣлаются изъ легкаго дерева, обыкновенно изъ чернаго тополя; прежде всегда вырѣзывается подошва, верхняя сторона которой усаживается гвоздиками, чтобы нога не скользила; подъ передній и задній конецъ подошвы придѣлывается деревянная ножка, дюймовъ въ 6 или 8 вышиною. Къ серединѣ подошвы прикрѣпляется широкій ремень, въ видѣ перехвата, въ который и вставляется нога. Въ этихъ галошахъ можно ходить по глубокой грязи и незапачкать обуви; привычные въ нихъ свободно бѣгаютъ; они только хлябаютъ на ногѣ, но не спадаютъ. Богатыя щеголихи носятъ деревянные башмаки весьма изящной формы, полированные, украшенные рѣзьбою и инкрустаціей изъ перламутра, серебра и разноцвѣтнаго дерева.

Костюмъ дѣвушекъ такой же какъ и у замужнихъ женщинъ, исключая головнаго убора. Замужнія татарки раздѣляютъ волосы на головѣ на обѣ стороны на двѣ пряди, и завертываютъ ихъ на вискахъ въ два пучка, называемые *зелифами*; назади волосы остаются незаплетенными и висятъ по спинѣ расспущенные.

Сверхъ такой прически, женщины носятъ *чалму* изъ длиннаго, аршина въ 4, холщеваго полотенца. Для этого наматываютъ его

крестообразно на голову такъ, что одинъ конецъ виситъ по спинѣ и прикрываетъ распущенные волосы, а другой конецъ обвитъ вокругъ головы и запрятанъ такъ, что не выскальзываетъ, даже при большой работѣ; во весь день головной уборъ татарки остается на мѣстѣ, какъ она не нагибается, какъ ни хлопочетъ.

Дѣвушки же татарскія заплетаютъ волосы на множество тонкихъ косичекъ, иногда очень длинныхъ, и онѣ висятъ у нихъ по плечамъ и по спинѣ. Верхнюю часть головы дѣвушки покрываютъ красною фескою, такою же, какъ у мужчинъ, но красиво убранною. По срединѣ плоскаго донышка пришивается металлическая пуговица, къ которой придѣлывается кисть изъ золотыхъ нитокъ или шнурковъ; кисть эта по донышку разсыпается звѣздою. По сторонамъ феска расшита золотомъ, или просто мишурою. По краямъ ея нашиваются червонцы, а у бѣдныхъ бронзовыя или мѣдныя монеты, только серебряныхъ не любятъ; иногда монеты эти не пришиты, а висятъ по краямъ фески нанизанныя на нитки, спускаясь на лобъ и вокругъ всей головы. Дѣвушки особенно щеголяютъ фесками; чѣмъ она наряднѣе, тѣмъ больше чести приноситъ дѣвушкѣ, потому что нарядъ этотъ всегда собственной работы Кромѣ того, дѣвушки носятъ множество золотыхъ или мѣдныхъ монетъ на груди и на шеѣ въ видѣ ожерелья и нагрудника; чѣмъ больше монетъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ красивѣе кажется татаркамъ.

Всѣ женщины носятъ также разныя украшенія на рукахъ: серебряныя кольца, браслеты изъ стекляруса или изъ серебрянныхъ нитокъ. Женщины ногайцевъ отличаются въ этомъ случаѣ отъ прочихъ татарокъ тѣмъ, что носятъ тяжелое серебряное кольцо, продѣтое въ лѣвую ноздрю. Татарки южнаго берега и горныя не любятъ такого украшенія.

Всѣ наряды и украшенія татарки предназначаются исключительно для дома, потому что съ 17-тилѣтняго возраста каждая татарка, какъ-бы она ни была наряжена, при выходѣ на улицу непремѣнно должна набросить на себя чадру, по крымски — *мараму* — длинное, бѣлое холщевое покрывало, которое живописно покрываетъ ея стройную фигуру, охватывая весь костюмъ и голову и оставляя отъ лица открытыми только глаза.

Можетъ быть, вслѣдствіе того же тепличнаго прозябанія красоты татарокъ, онѣ охотно прибѣгаютъ, при свойственномъ имъ кокетствѣ и, при неизбѣжномъ въ ихъ положеніи, заслужить расположеніе мужа, къ самымъ грубымъ косметическимъ средствамъ. Въ комнатѣ, въ особенности такой мрачной, какъ татарская, всякія притиранія, даже топорной работы, не такъ замѣтны, какъ на улицѣ, гдѣ марама даетъ, однако, возможность татаркѣ совершенно прикрывать всѣ ея косметическія продѣлки. Различныя притиранія и крашенія обратились у татарокъ въ какой-то догматъ красоты, безъ котораго не обходится ни одна женщина, какъ бы она ни была красива, сама по себѣ, безъ этихъ аляповатыхъ, и всегда уродующихъ средствъ. У многихъ отъ природы прекрасные черные или темнорусые волосы, но татарка до тѣхъ поръ не примется заплетать ихъ, пока не выкраситъ ихъ въ яркій лисій цвѣтъ. Той же красной краскою малюютъ онѣ себѣ ладони, пальцы и ногти на рукахъ и ногахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ употребляютъ особенную краску — *кну* — порошокъ изъ растенія, приготовляемый на востокѣ. Щеки себѣ татарки бѣлятъ и румянятъ, на лбу кладутъ блескъ, а брови густо сурмятъ, дѣлая при этомъ такого же цвѣта точку на переносицѣ.

Необходимую принадлежность татарскаго костюма, какъ женскаго, такъ и мужскаго, составляютъ также кожаныя сумочки, заключающія въ себѣ серебряные ящички, въ которыхъ, въ свою очередь, спрятаны молитвы, нарочно для каждаго написанныя. Эти сумочки, имѣющія значеніе амулетовъ, мужчины носятъ на особыхъ перевязкахъ на груди, или на спинѣ, а дѣвушки вплетаютъ въ косы. Ни одинъ изъ носящихъ молитву не только не знаетъ ея наизусть,

но и не можетъ ее прочесть; они силу приписываютъ написаннымъ словамъ, а не смыслу ихъ.

О костюмѣ татаръ, равно какъ и о жилищѣ ихъ, нужно вообще замѣтить, что они постоянно содержатъ и то, и другое въ порядкѣ, чистотѣ и опрятности; рѣдко можно увидѣть на татаринѣ разорванное платье, хотя и весьма часто съ заплатами.

Но если татаринъ такъ причудливъ и отчасти даже изященъ въ выборѣ своей внѣшней обстановки, то далеко нельзя сказать того же о взглядахъ татаръ на качества и свойства употребляемой ими пищи. Ни у одной народности нельзя встрѣтить такой невзыскательности, неумѣнья и безвкусія въ приготовленіи пищи, какъ у крымскихъ татаръ. Небрежность и неопрятность играетъ также значительную роль въ дѣлѣ татарской ѣды.

Крымскими татарами употребляются въ пищу слѣдующія кушанья: хлѣбъ, обыкновенно, перекисшій, черезчуръ крутой и дурно выпеченый; *пилавъ* изъ пшена и баранины; *катыкъ*, т. е. скисшееся, свернувшееся и, потомъ прокипяченное, а иногда еще и просоленое молоко, по большей части—овечье, что-то въ родѣ нашего кислаго молока или творогу, но на вкусъ русскихъ совершенно негодное, у крымскихъ же татаръ весьма любимое.

Изрѣдка, въ какихъ-нибудь особенныхъ случахъ, татары приготовляютъ: *шашлыкъ* — жареную на вертелѣ мелкими кусками баранину; *чирчиръ-бурекъ* или *чубурекъ*, т. е. жареные на бараньемъ салѣ пирожки съ начинкой изъ рубленой говядины; *голубцы* въ виноградныхъ листьяхъ, облитые, вмѣсто сметаны, катыкомъ. Самымъ же роскошнымъ блюдомъ считаются щи, сваренныя изъ разныхъ овощей и фруктовъ и изъ различнаго мяса; чѣмъ разноколибернѣе составъ этого удивительнаго блюда, тѣмъ выше оно цѣнится.

Всякое кушанье у татаръ, обыкновенно, переварено и пережарено до-нельзя, и все обильно приправляется бурдючнымъ жиромъ (сало изъ хвоста крымскаго барана), стручковымъ перцемъ, лукомъ и чеснокомъ, который татары поглощаютъ въ огромномъ количествѣ такъ что ихъ одежда и дома насквозь пропитываются острымъ запахомъ этого овоща и нестерпимо разятъ для непривычнаго обонянія.

Мясо татары рѣдко употребляютъ и не имѣютъ обыкновенія солить его. Обыкновенно, они заготовляютъ на зиму: *какачъ*—вяленую на солнцѣ баранину, и *пастырму* — тоже вяленую говядину. Верблюжье мясо всѣ охотно употребляютъ. Конину ѣдятъ только ногайцы и приготовляютъ ее такъ же, какъ дѣлали это еще предки ихъ.

До различныхъ лакомствъ татары, а въ особенности татарки, большіе охотники. Самое высокое и дорогое лакомство для нихъ составляетъ *каймакъ*—жирныя, маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ кипяченаго овечьяго молока, во время приготовленія брынзы (овечьяго сыра). Каймакъ или вареныя овечьи сливки ѣдятъ преимущественно застывшія, холодныя, когда онѣ имѣютъ вкусъ сальной свѣчи. Какъ лакомство, употребляютъ также сладкіе пирожки съ начинкой изъ фруктовъ и овощей, а нерѣдко съ молодой крапивой, вареной въ молокѣ. Весьма распространенное лакомство составляетъ также *бекмезъ* — жидкая фруктовая пастила. Но если крымскій атаринъ пожелаетъ полакомиться на-славу, то беретъ ломтикъ хлѣба, макаетъ его сперва въ бекмезъ, потомъ въ каймакъ, затѣмъ въ медъ, въ коровье масло, и, положивъ сверху всего кусочекъ соленаго стручковаго перцу, проглатываетъ эту невообразимую смѣсь съ истиннымъ наслажденіемъ... Татарки, сверхъ того, лакомятся рагатъ-лукумомъ, халвою, изюмомъ и ля-бляблею (сладкимъ горохомъ).

У крымскихъ татаръ существуетъ также много національныхъ напитковъ, преимущественно прохладительныхъ, къ числу которыхъ относится *шербетъ* или *чарденка*—кислый фруктовый отваръ или просто бекмезъ, разбавленный водою, напоминающій фруктовый

квасъ. Самымъ же распространеннымъ прохладительнымъ напиткомъ служитъ *язьма*, это — катыкъ или кислое овечье молоко, разбавленное водою, вслѣдствіе чего получается жидкость ѣдко-кислаго, отвратительнаго, гнилаго вкуса. Не смотря на это, язьма составляетъ любимое питье татаръ, ихъ національный квасъ, и считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для утоленія жажды.

Употребленіе вина строго запрещено кораномъ для всѣхъ мусульманъ; но большинство крымскихъ татаръ вполнѣ убѣждено, что водка не есть вино, а потому и пьютъ всѣ хлѣбные хмѣльные напитки не хуже гяуровъ.

Лишь степные татары составляютъ исключеніе въ этомъ случаѣ; они нетолько строго воздерживаются отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ, но считаютъ грѣхомъ даже употребленіе винограда, изъ котораго, однакожъ, сами приготовляютъ вино, которое, впрочемъ, тотчасъ же сбываютъ съ рукъ и продаютъ въ Симферополѣ.

Нужно вообще замѣтить, что крымскіе татары гораздо умѣреннѣе въ употребленіи пищи чѣмъ напитковъ.

Отличительныя черты характера, свойственныя татарамъ всѣхъ трехъ вѣтвей, суть: лукавство, скрытность, лѣнь, безпечность, робость и хвастливость.

Въ частныхъ отношеніяхъ между собою татары донынѣ сохранили патріархальную простоту, уравнивающую, по крайней мѣрѣ наружно, бѣдняка съ богатымъ и знатнаго съ незнатнымъ. Рабочіе кто бы они ни были — все равно, не стѣсняясь, входятъ въ домъ своего хозяина, будь онъ самъ бей, и, отдавъ ему съ обычной важностью привѣтствіе, спокойно садятся, хотя-бы въ присутствіи постороннихъ посѣтителей, рядомъ съ хозяиномъ (канакъ-беемъ) по турецки на диванъ и съ достоинстомъ ѣдятъ все, что поставлено для гостей.

Но подобная простота нравовъ нисколько не исключаетъ въ средѣ татаръ общественныхъ отношеній, основанныхъ на корысти, на низкопоклонствѣ. Правда, они живутъ въ своихъ деревняхъ, повидимому мирно, безъ ссоръ и дракъ, но дружнаго единенія между ними нѣтъ, и сильнѣйшій всегда стремится подчинить себѣ слабѣйшаго. Эта же черта характеризуетъ и ихъ семейныя отношенія, гдѣ отецъ и мужъ — полновластный владыка надъ женою и дѣтьми.

Татарамъ не чужды понятія правды и добра, но понятія эти слишкомъ темны и узки. Всѣмъ извѣстна честность ихъ между собою; сдѣлки у нихъ заключаются на словахъ, безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ. Воръ у нихъ также всѣми презираемъ и есть явленіе очень рѣдкое. Воровство между ними даже совсѣмъ почти не практикуется, такъ что двери въ домахъ остаются постоянно, даже ночью, незапертыми, а зерновой хлѣбъ, зарытый на дворѣ, остается тамъ до употребленія совершенно неприкосновеннымъ. Но въ то же время, человѣкъ, который ловокъ и можетъ болѣе или менѣе тонко всякаго провести и надуть, не только иновѣрца, но и своего брата татарина, пользуется у нихъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ дѣлецъ и умница. Поэтому всѣ сельскія власти у нихъ, самимъ же міромъ избираемыя, отъявленные міроѣды и плуты, они же и первые богачи въ деревнѣ.

Понятія татаръ о гостепріимствѣ весьма своеобразны. Гостепріимство оказываютъ они всякому путешественнику, хотя-бы и иновѣрцу, и каждая бездѣлица, принадлежащая гостю, почитается святыней, до которой никто не дотронется. Принимаютъ они гостя радушно; татарка тотчасъ начинаетъ суетиться и хлопотать; приготовляетъ ему постель, сидѣнье; подаетъ трубку и табакъ, а черезъ нѣсколько минутъ появляется и кофе. При этомъ, за свое гостепріимство татары, даже бѣдные, никогда не требуютъ платы; но всѣ одинаково охотно принимаютъ подарки, состоящіе изъ табаку или

денегъ, и отъ нихъ гость почти всегда услышитъ слова: «дай мнѣ то, что ты любишь». Если даже просто побывать на короткое время въ гостяхъ хотя-бы у какого нибудь татарскаго бея, и, за оказанный имъ радушный пріемъ, предложить ему рубль то это нисколько не смутить дворянина-мусульманина, а напротивъ — онъ приметъ этотъ рубль съ большимъ удовольствіемъ и даже не безъ достоинства, какъ должную дань уваженія къ его особѣ.

Спокойствіе въ манерахъ и нѣкоторая важность въ движеніяхъ составляютъ вообще отличительную черту крымскаго татарина. Чтобы ни дѣлалъ татаринъ, онъ дѣлаетъ это съ нѣкоторымъ врожденнымъ достоинствомъ; во время молитвы онъ ничѣмъ не отвлекается; войдя въ кофейню, онъ медленно садится, поджавъ ноги, на разостланномъ на полу войлокѣ или коврѣ, держа длинный чубукъ во рту,—и съ важнымъ лицомъ принимается за чашку кофе и пьетъ его малыми глотками, тихо и важно.... Если онъ занимается поденною работою у чужихъ, то и въ этомъ случаѣ работаетъ также спокойно и важно.

Веселость у нихъ проявляется порывами, по большей части только въ минуты отдыха. Тогда всѣ они собираются въ кружокъ, физіономіи ихъ оживляются, слова такъ и сыплются, смѣхъ не умолкаетъ, и идутъ безконечные разговоры о разныхъ предметахъ. Трубка — составляетъ необходимое условіе татарскихъ бесѣдъ, которыя продолжаются иногда нѣсколько часовъ сряду, и даже послѣ долговременной утомительной охоты, не смотря на усталость, они толкуютъ до полуночи. Но лишь только наступитъ часъ работы, говорливость моментально исчезаетъ и смѣняется молчаніемъ, серьезнымъ выраженіемъ лица и медленными, лѣнивыми движеніями.

Можетъ быть, ни въ одной мѣстности въ Россіи не способствуютъ такъ сильно всѣ обстоятельства быстрому развитію промышленности и народного богатства какъ въ Крыму, а между тѣмъ нигдѣ нѣтъ такой поголовной бѣдности какъ между крымскими татарами.

Правда, сѣверная степная часть Крымскаго полуострова немного разнится по своей природѣ и климату вообще отъ нашихъ южныхъ степей; но какъ и послѣднія, она представляетъ всѣ удобства для занятія хлѣбопашествомъ и, въ особенности, скотоводствомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Южная же часть Крыма, защищенная горами отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера и открытая благодатнымъ южнымъ вѣтрамъ, приносящимся съ моря, пользуется теплымъ и мягкимъ климатомъ и справедливо можетъ носить названіе «русской Италіи». Здѣсь успѣшно ростетъ виноградъ, лавровыя и оливковыя деревья, кипарисы, гранаты, однимъ словомъ — всѣ произведенія Средней Италіи. Проѣзжія дороги идутъ тамъ черезъ фруковые сады и орѣховые лѣса; осенью деревья покрыты зеленью и цвѣты благоухаютъ на открытомъ воздухѣ, а Черное море, съ его прозрачной синевою, круглый годъ не перестаетъ плескаться, ласкаясь къ прекрасному берегу..... Недаромъ этотъ берегъ издавна привлекалъ къ себѣ множество поселенцевъ даже изъ неменѣе роскошныхъ по природѣ странъ Европы.

Къ числу занятій татаръ относятся: садоводство, виноградничество, табаководство, огородничество, скотоводство, а главнымъ образомъ—хлѣбопашество.

Не смотря на всѣ выгоды разведенія въ Крыму плодовъ, овощей и нѣкоторыхъ колоніальныхъ растеній, — татары, по отсутствію предпріимчивости и по унаслѣдованной привычкѣ, предпочитаютъ поддерживать свое существованіе хлѣбопашествомъ. Но и это главное занятіе татаръ находится у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи, хотя климатъ и почва въ высшей степени благопріятствуютъ хлѣбопашеству.

Нечего и говорить, что татары оказываются вполнѣ безпомощными противъ такихъ бичей земледѣлія въ Крыму, какъ недостатокъ воды и частыя засухи, саранча, весеннія утренники, болѣзни винограда и т. под. Правда, крымскіе татары, наравнѣ съ турками и

другими восточными народами, могутъ назваться мастерами орошенія и фантановъ. У нихъ можно встрѣтить фонтаны и на дорогахъ, и въ деревняхъ, и даже на горахъ; но все это устроено больше для кейфа мѣстныхъ жителей, а не для хозяйственныхъ потребностей. Земледѣльческій участокъ иного татарина часто обращается въ пустыню отъ недостатка воды, а хозяину его все-таки лѣнь взяться за заступъ. Неудивительно поэтому, что, въ случаѣ засухи, сотни татарскихъ семей въ этомъ благодатномъ краю терпятъ голодуху, не менѣе какихъ-нибудь ирландцевъ.

Садоводствомъ татары занимаются въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на то, что въ Крыму садъ довольно умѣренныхъ размѣровъ, при одномъ,—двухъ работникахъ, часто даетъ одну,—двѣ тысячи годоваго дохода. Но если татарину удалось обзавестись десяткомъ грецкихъ орѣшинъ, онъ уже не пашетъ и не жнетъ и считаетъ положеніе своего семейства вполнѣ обезпеченнымъ, потому что отъ продажи орѣховъ у него остается достаточно денегъ для удовлетворенія его ничтожныхъ потребностей. Въ существующихъ татарскихъ садахъ ухода за деревьями, разумѣется, нѣтъ никакого.

Огородничество и табаководство также ограниченное и существуетъ только въ предѣлахъ мѣстныхъ потребностей, при томъ же дѣломъ этимъ исключительно занимаются женщины.

На татарскихъ женщинахъ вообще лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы. Жена татарина колетъ дрова, таскаетъ топливо, носитъ воду, ходитъ за скотомъ, гоняетъ его въ поле, прядетъ, ткетъ и шьетъ на себя и всю семью, печетъ хлѣбы и работаетъ не только на мужа, но и на всѣхъ его работниковъ. А мужъ все больше сидитъ, сложивши калачикомъ ноги, да покуриваетъ, и не будь въ домѣ его жена-работница, онъ терпѣлъ-бы нужду въ самомъ необходимомъ. Вообще, крымскій татаринъ не мастеръ зашибить копѣйку и не имѣетъ въ этомъ отношеніи ничего общаго съ своими казанскими и симбирскими единоплеменниками.

Причиной этому, кромѣ вліянія климата, а можетъ быть и близкаго сосѣдства турокъ, служитъ также отсутствіе среди крымскаго населенія дѣятельнаго русскаго элемента. Колонизація Крыма русскими только еще въ зародышѣ. Самая лучшая часть его — южные берега—до сихъ поръ украшались только элегантными дачами русскихъ вельможъ, не преслѣдующихъ, конечно, на первомъ планѣ, экономическихъ цѣлей. Правда, помимо этой колонизаціи, въ Крыму устроено было правительствомъ нѣсколько малороссійскихъ поселеній; но поселенія эти, по своей малочисленности и разобщенности съ русскими, сами стали отчасти подражать татарамъ въ дѣлѣ обработки земли. Впрочемъ, хозяйство русскихъ здѣсь во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ у татаръ, и это даетъ уже нѣкоторое понятіе о благотворности будущей русской колонизаціи для крымскаго татарскаго населенія

Если ко всему вышесказанному прибавимъ частыя выселенія татаръ въ Турцію и вслѣдствіе этого постепенное уменьшеніе въ Крыму рабочихъ рукъ, — то намъ вполнѣ будетъ понятно жалкое экономическое положеніе «Русской Италіи» и ея мусульманскихъ обитателей.

Скотоводство у крымскихъ татаръ, у этихъ потомковъ знаменитыхъ скотоводовъ-кочевниковъ, находится теперь въ плачевномъ состояніи, не смотря на обиліе пастбищъ въ Крыму и на отличную породу крымскаго скота. Лошади крымскія—часто дорого-цѣнимыя верховые иноходцы; рогатый скотъ некрупный, но крѣпкій, красивый и выносливый; при этомъ, содержаніе лошадей и скота въ Крыму почти ничего не стоитъ при полной возможности держать скотъ круглый годъ на подножномъ корму. Не смотря на все это, большинство татаръ держитъ лошадей и крупнаго скота всего по 2—3 штуки, да овецъ по столько-же.... Большія стада имѣются только у очень богатыхъ татаръ, преимущественно же у русскихъ скотопромышленниковъ.

Изъ татарина, когда-то самостоятельнаго скотовода, выработался теперь особый типъ батрака-пастуха, извѣстный подъ названіемъ «чабана».

Пастушеская жизнь особенно развита среди горныхъ татаръ, и тамъ-то *чабанъ* представляетъ очень распространенный типъ и играетъ чуть-ли не первенствующую роль въ дикихъ ущельяхъ и долинахъ крымскихъ горъ, въ особенности на горѣ Чатырдагѣ. Крымскія горы большею частью состоятъ изъ покрытыхъ травою хребтовъ, называемыхъ татарами «яйлами». И какъ швейцарцы гонятъ весною рогатый скотъ на горы, такъ и татары взбираются съ своими овцами на яйлы и остаются тамъ цѣлое лѣто. На горахъ этихъ пасутся преимущественно овцы, вѣроятно потому, что движеніе по нимъ съ крупнымъ рогатымъ скотомъ неудобно, къ тому же на яйлахъ трава очень короткая, болѣе удобная для овецъ, чѣмъ для крупнаго скота.

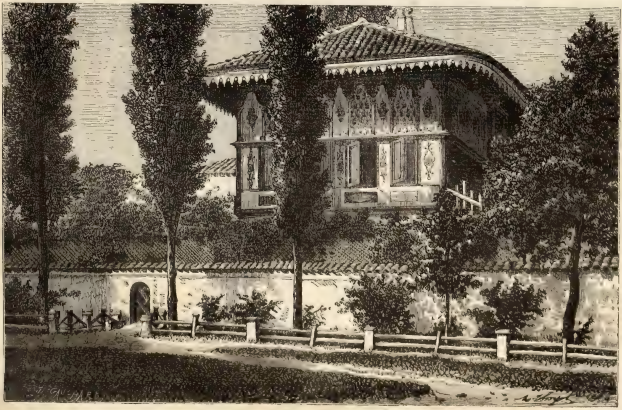
Чабаны составляютъ особый классъ—пастуховъ овецъ. Въ южныхъ степяхъ между чабанами можно встрѣтить даже и русскихъ пришельцевъ изъ какой-нибудь Курской губерніи, перенявшихъ этотъ родъ занятія вѣроятно отъ татаръ.

Вслѣдствіе установившагося въ Крыму обычая — держать скотъ и зиму, и лѣто на подножномъ корму, чабаны проводятъ большую часть времени года въ степи или въ горныхъ долинахъ, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ жилищъ. Сообразно съ этимъ выработалась и вся ихъ бытовая обстановка. Одѣваются они въ овчинную куртку, въ овчинные штаны, а сверхъ этого носятъ еще овчинный полушубокъ; обуваются въ буйволовые сандаліи, шапки носятъ остроконечныя, бараньи, и глубоко надвигаютъ ихъ на голову. У чабана ножъ за поясомъ, черезъ плечо — широкая черная перевязь, на которой въ черномъ футлярѣ, хранятся молитвы Магомету, молитвы, которыхъ ни одинъ чабанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ изъ нихъ не рискнетъ выйдти на пастбище. Чабаны—это загорѣлые, закаленные, здоровенные пастухи, одичалые, крайне-суевѣрны, но смѣлые и въ извѣстныхъ случаяхъ — рѣшительные. Они привычны къ особенностямъ степной и горной природы, довольны своимъ образомъ жизни, котораго не оставляютъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и отличаются любовью къ овцеводству и своеобразною заботливостью объ овцахъ.

Чабаны не держатъ своихъ стадъ, но нанимаются всегда артелью въ пастухи къ какому-нибудь богатому татарину или русскому скотопромышленнику. Къ стаду въ двѣ тысячи головъ нанимаются обыкновенно пять чабановъ. Одинъ изъ нихъ атаманъ, т. е. староста, другой—кашеваръ. На кашеварѣ лежитъ также обязанность являться, разъ или два въ недѣлю, въ хозяйскую экономію за полученіемъ припасовъ для чабановъ. Если у одного хозяина имѣется нѣсколько *отаръ*, т. е. стадъ овецъ, то чабаны и атаманы каждой отары подчинены главному овчарю, который избирается тоже изъ чабановъ.

Не смотря на спеціальныя качества и преимущества чабана, онъ стоитъ хозяину недорого. При хозяйскихъ харчахъ атаманъ получаетъ въ годъ отъ 40—60 рублей, а прочіе чабаны отъ 30—50 р.; кашеваръ довольствуется 12—20 рублями въ годъ. Если же стадо состоитъ изъ однѣхъ простыхъ овецъ, неулучшенной породы, какъ это бываетъ постоянно у горныхъ татаръ, то плата чабанамъ производится не деньгами, а натурою, и въ этомъ случаѣ они не наемщики, а скорѣе — пайщики хозяина. Вознагражденіе имъ производится слѣдующимъ образомъ: атаманъ получаетъ отъ хозяина, на себя и на чабановъ, два раза въ годъ, по одной овцѣ съ каждыхъ тридцати, и по два пуда муки на каждую сотню овецъ. Разсчетъ этотъ дѣлается 23 апрѣля и 26 октября. Кромѣ того, онъ можетъ готовить себѣ *брынзу*, т. е. овечій сыръ, для чего атаманъ отдѣляетъ отъ стада, въ началѣ августа, отъ 200 — 300 овецъ, пасетъ ихъ отдѣльно двѣ недѣли, для доенія, и готовитъ брынзу на цѣлый годъ для себя и прочихъ чабановъ, отдавая и хозяину извѣстную часть

УЛИЦА ВЪ БАХЧИСАРАѢ.



БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

ея. При подобномъ способѣ вознагражденія, у каждаго чабана накопляется въ годъ отъ 16 до 20 овецъ, которыхъ онъ держитъ при хозяйскомъ стадѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ у него образуется собственное маленькое стадо, которое онъ можетъ отдѣлить отъ хозяйскаго и сдѣлаться самостоятельнымъ скотоводомъ.

При каждомъ стадѣ, управляемомъ чабанами, непремѣнно находится нѣсколько особой породы собакъ-овчарокъ, которыхъ чабаны держатъ на свой счетъ, если получаютъ плату натурою, а если деньгами, то на счетъ хозяина. Собаки эти необыкновенно свирѣпы, на высокихъ ногахъ, поджарыя, лохматыя, съ длинными челюстями, почти всѣ бѣлыя, а глаза словно кровью налитые. Назначеніе ихъ — подгонять къ стаду отставшихъ овецъ, не допускать къ нимъ незнакомыхъ людей и защищать стадо отъ нападенія волковъ, которые появляются въ большомъ количествѣ, въ особенности тогда, когда въ лѣсахъ лежитъ глубокій снѣгъ. Обязанности свои овчарки исполняютъ иногда даже черезчуръ усердно; онѣ страшно злы и сильны, и въ одиночкѣ разрываютъ волка, а при случаѣ и человѣка. Только чабанъ умѣетъ укрощать этихъ свирѣпыхъ псовъ и командовать ими, съ помощью какого-то гоготанья, свиста и энергическихъ словъ.

При движеніи стада къ водопою или обратно, впереди идетъ атаманъ; за нимъ нѣсколько козъ, которыя замѣняютъ собою сигнальную трубу, такъ какъ ревутъ благимъ матомъ при появленіи волка или при видѣ другой какой-нибудь опасности. Овцы глупы, и въ подобныхъ случаяхъ молчатъ, поэтому слѣдуютъ цѣлымъ стадомъ, непосредственно за козами; по сторонамъ стада идутъ прочіе чабаны, а сзади кашеваръ съ собаками и съ парою воловъ, запряженныхъ въ фуру, нагруженную разными припасами, въ числѣ которыхъ находятся: ржаной хлѣбъ, пшено, кукурузная мука, соль, а также—войлокъ, кизякъ, котелокъ для приготовленія пищи, ложки и проч. Впрочемъ, подобныя передвиженія стадъ съ чабанами и ихъ имуществомъ происходятъ только въ степяхъ. Горные же чабаны живутъ въ шалашахъ, врытыхъ въ землю. Тамъ у нихъ находится и все ихъ обзаведеніе: сырные котлы, овчины, сѣдла, потники, войлоки, съѣстные припасы и прочее. Вокругъ такого шалаша пасутся овцы.

Когда степное стадо останавливается въ полдень, или ночью, кашеваръ съ возомъ помѣщается въ центрѣ отары, а вокругъ ея располагаются чабаны съ собаками, при чемъ, въ жаркое время дня, овцы, по врожденному инстинкту, лежатъ или стоятъ, сбившись въ кучу и наклонивъ голову.

Хорошимъ чабаномъ въ Крыму очень дорожатъ. Нерѣдко въ степи и на горахъ стадамъ угрожаютъ разныя опасности, напримѣръ: пожаръ степи, вьюга и т. п. Въ этихъ-то критическихъ случаяхъ опытный чабанъ и оказывается необходимымъ; тутъ онъ прилагаетъ къ дѣлу всю свою ловкость и знаніе. Огонь на степи въ лѣтнее время при вѣтрѣ распространяется съ такою силою, что легко можетъ обхватить все стадо. Чабанъ, замѣтивъ огонь въ какой-нибудь сторонѣ степи и предвидя опасность, не теряя времени, зажигаетъ противуположное пространство, невдалекѣ отъ стада, по вѣтру, такъ, что въ одно время стадо находится между двумя огнями; затѣмъ, чабанъ, ни мало не медля, перегоняетъ стадо на выжженный имъ участокъ, и этимъ предотвращаетъ опасность: первоначальный огонь, достигнувъ черты убѣжища, изготовленнаго чабаномъ, не можетъ уже проникнуть къ стаду.

Въ зимнее время, въ случаѣ, если поднимется мятель и застигнетъ стадо въ открытой степи, то чабанъ старается, какъ можно скорѣе, загнать отару въ одинъ изъ загоновъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ степи. Загоны эти состоятъ изъ непокрытаго пространства, огороженнаго земляною насыпью. Во все продолженіе вьюги, чабанъ гоняетъ овецъ по загону; этою постоянною бѣготнею овцы предохраняются отъ массы снѣга, падающаго на нихъ, сваливаютъ его на землю и притаптываютъ тотчасъ ногами. Иногда, во

время необыкновенной продолжительной вьюги, овцы натаптываютъ такъ много снѣгу, что подъ конецъ спиною достаютъ до самаго верха земляной насыпи загона, имѣющей высоту двухъ аршинъ. Между тѣмъ стадо спасено.

Чабанамъ извѣстны многія простыя средства леченія овецъ, составляющія обыкновенно ихъ секретъ. Напримѣръ, при укушеніи овцы волкомъ, они раскаляютъ кость и прижигаютъ ею рану. — Иглообразныя сѣмена степныхъ растеній, ковыля и метлицы, часто проникаютъ, чрезъ руно и кожу, въ животъ овецъ, отчего овца болѣетъ, теряетъ аппетитъ и, наконецъ, ежели не будетъ подана помощь, издыхаетъ. Хорошій чабанъ, узнавъ по примѣтамъ причину недуга, прилагаетъ особенное стараніе къ отысканію вкравшихся сѣменъ и, тщательно вынимая ихъ, нерѣдко спасаетъ овцу отъ гибели.

Чабанъ знаетъ въ лицо каждую овцу, каждаго барана; при утренней и вечерней повѣркѣ, онъ, обыкновенно, не считаетъ овецъ, *переглядываетъ* ихъ, и тотчасъ замѣчаетъ, если нѣтъ одной, двухъ, десяти и т. д. Когда наступитъ время сбора овечьяго молока для приготовленія брынзы, чабаны принимаются въ извѣстные часы дня доить овецъ. Съ этою цѣлью чабанъ снимаетъ овчинную куртку, засучиваетъ рукава рубахи по локоть и, пропуская мимо себя овецъ по одиночкѣ, грубо хватаетъ каждую одною рукою за заднія ноги и приподнимаетъ кверху, а другою рукою, сильнымъ нажатіемъ, выдавливаетъ молоко изъ вымени разомъ въ поставленный на землю ушатъ. Занятіе это одинаково мучительно, какъ для овецъ, такъ и для ихъ патроновъ. Во время доенія овецъ съ чабана льется потъ градомъ.

При всей своей грубости въ обращеніи съ овцами, чабаны питаютъ къ нимъ своеобразную привязанность и заботятся о нихъ какъ отцы. Атаманъ наблюдаетъ обыкновенно за всею отарою. Отара, въ свою очередь, дѣлится на группы, какъ полкъ на батальоны, и каждый изъ этихъ второстепенныхъ отрядовъ имѣетъ своего отца-командира. Главный врагъ чабана, недающій ему покоя ни днемъ, ни ночью, — волкъ. Нерѣдко такимъ образомъ является и человѣкъ. Это происходитъ вслѣдствіе своеобразныхъ понятій чабановъ о чести и общественной нравственности. Къ благосостоянію стада своего хозяина, каждый чабанъ считаетъ своею обязанностью относиться съ полнѣйшею добросовѣстностью; но украсть овцу изъ отары другаго владѣльца—признается у нихъ неменьшимъ удальствомъ. Подобнымъ продѣлкамъ много помогаетъ знакомство чабановъ съ порядками въ каждой отарѣ, а также ущелья и трущобы горъ, гдѣ похищенная добыча находитъ себѣ надежный пріютъ; обычай этотъ, вѣроятно, составляетъ остатокъ прежней «баранты» и заставляетъ чабана держать ухо востро противъ своихъ сосѣдей—товарищей по ремеслу.

О правильномъ уходѣ за овцами и объ улучшеніи породы ихъ, между чабанами, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Они сильно заражены предразсудками и привычками, часто препятствующими даже поддержанію стада въ обыкновенномъ его видѣ. Овецъ держатъ въ хлѣвахъ и кормятъ сѣномъ только въ сильную зимнюю мятель или когда степь бываетъ покрыта очень глубокими снѣгами. Въ обыкновенную же погоду, зимою, овцы сами выкапываютъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга передними ногами. Чрезъ это надѣются сберечь сѣно, которое, вслѣдствіе степныхъ пожаровъ, истребленія саранчею и дороговизны рабочихъ рукъ, стоитъ иногда очень дорого.

Множество предразсудковъ постоянно отвлекаютъ вниманіе чабановъ отъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія несчастій. Такъ, по убѣжденію чабана, для предотвращенія грозы, достаточно связать ноги черному волу и, бросивъ его въ грязное болото, уйдти не оглядываясь. Животное это вскорѣ начнетъ ревѣть и умолять пророка о спасеніи; милостивый заступникъ также не замедлитъ, и сейчасъ же появится солнце, и ливень прекратится. Отъ

засухи или бездождія стоитъ только закопать живаго вола, приговаривая, что онъ отдается въ жертву землѣ, требующей у Аллаха воды; если послѣ этого дождь всетаки не пойдетъ, то необходимо закопать еще одного вола, но уже съ двумя хлѣбами, прикрѣпленными къ рогамъ.

Зимою, когда работы полевыя окончены, и у каждаго заводятся лишнія деньженки, общественная жизнь татаръ нѣсколько оживляется. Всю зиму большинство татаръ ровно ничѣмъ не заняты, всю зиму они наслаждаются кейфомъ, водкою и бузою (татарскимъ пивомъ) музыкою и пѣніемъ. Все это они получаютъ за весьма умѣренныя цѣны въ спеціальныхъ по этой части заведеніяхъ—бузнѣ, кофейной и кабакѣ. Татары любятъ общество, любятъ быть въ гостяхъ, убить время въ разговорѣ, но не принимаютъ гостей у себя, поэтому домашніе пиры и бесѣды бываютъ у нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ-то: во время свадьбы, обрѣзанія, похоронъ и проч. Домъ, въ особенности небогатаго мусульманина. какъ жилище его жены и дочерей, не представляетъ удобства для веселыхъ мужскихъ пирушекъ. Оттого-то татаринъ ищетъ развлеченія внѣ дома, въ общественномъ заведеніи, устроенномъ, обыкновенно, въ азіятскомъ вкусѣ.

Музыкою и пѣніемъ услаждаютъ татаръ цыгане. Татары презираютъ ихъ, какъ падшее племя, въ отношеніи религіозномъ—недоразвитое, половинное (по мнѣнію крымскихъ татаръ, всѣхъ религій въ мірѣ—семьдесятъ семь съ половиною: половинка эта приходится на долю цыганъ), и созданное изъ омерзительнаго вещества, въ противуположность имъ самимъ, слѣпленнымъ изъ чистѣйшей пшеничной муки. Не смотря на это, они охотно слушаютъ цыганскую музыку и пѣніе, и съ полною вѣрою обращаются въ трудныхъ случаяхъ къ ихъ колдуньямъ за совѣтомъ, леченіемъ и ворожбою. Упражняются цыгане больше въ національныхъ татарскихъ пѣсняхъ, и музыка ихъ часто напоминаетъ кошачье мяуканье, не то визгъ поросенка. Искуснѣйшіе артисты знакомятъ татаръ и съ европейскою музыкою — польками, кадрилями и проч., составляя изъ всего этого какія-то неслыханныя попури. Инструментовъ немного — свирѣль, скрипка и всеоглушающій барабанъ—дѣло рукъ самихъ виртуозовъ.

Увеселенія татаръ немногосложны. Азартная игра въ карты, борьба и скачки—составляютъ обыкновенное ихъ развлеченіе. Борьбою развлекаются по большой части на свадьбахъ. Публика становится въ кружокъ, посрединѣ помѣщаются два джигита; они наклоняются другъ къ другу и бе́рутъ одинъ другаго за кушаки. Музыка начинаетъ какой нибудь маршъ, и оба джигита начинаютъ переминаться на мѣстѣ, изловчаться, тянуть другъ друга за кушаки, стараясь повалить одинъ другаго и возбуждая тѣмъ неописанный восторгъ въ зрителяхъ. Когда одинъ изъ противниковъ оказывается вдругъ сваленнымъ на землю, взрывъ дикихъ восклицаній привѣтствуетъ побѣдителя.

Скачки для татаръ составляютъ высшее наслажденіе. На губернскія скачки они собираются даже изъ отдаленныхъ городовъ и деревень, заранѣе навѣшивая на своихъ лошадей различныя амулетки, съ цѣлью обезпечить за собою побѣду надъ соперниками. Даже женщинамъ дозволяется бывать на скачкахъ, и онѣ, въ качествѣ зрительницъ, собираются на нихъ во множествѣ, становятся въ бѣлыхъ марамахъ гдѣ нибудь поодаль, въ длинную шеренгу, представляя изъ себя какъ бы сплошную линію полотна.

Для горныхъ татарокъ во время различныхъ празднествъ самое любимое удовольствіе составляютъ качели и танцы.

Танцы производятся по большей части подъ національную татарскую музыку, состоящую изъ *сазы* (скрипки), *зурны* (свирѣли) *дире* (бубенъ) и турецкаго барабана. Сазы или скрипки—трехструнныя; во время игры ихъ упираютъ не въ подбородокъ, а на колѣно, и пилятъ на нихъ смычкомъ собственнаго издѣлія.

Иногда крымскіе татары пляшутъ и подъ пѣніе, въ особенности

подъ любимую свою пѣсню «Варылячъ» Танцамъ ихъ нужно отдать полную справедливость—одно па искуснаго плясуна-джигита стоитъ всего татарскаго музыкальнаго репертуара. Ничего живѣе, выразительнѣе и граціознѣе этого танца не встрѣтить ни у одной народност и въ предѣлахъ Россіи. Пляска татаръ чисто мимическая и исполняется скорѣе общими положеніями тѣла и движеніями рукъ, чѣмъ ногами.

Дѣти съ восьмилѣтняго возраста, какъ мальчики такъ и дѣвочки, также участвуютъ въ танцахъ; но замужнимъ женщинамъ пляски дозволены только до сорокалѣтняго возраста. Танцы татаръ исполняются, подобно европейскимъ, сообразно съ переходами мелодіи; но у татаръ мужчины никогда не пляшутъ вмѣстѣ съ женщинами, и въ этомъ состоитъ огромное различіе ихъ танца отъ европейскаго.

Пѣснями татары крымскіе чрезвычайно бѣдны. Время богатства и блеска восточной поэзіи у крымскихъ мусульманъ уже прошло, и это доказывается бѣдными остатками стихотвореній, которыя до сихъ поръ живутъ въ народѣ, но едва заслуживаютъ названія поэзіи. Въ свободное время татары занимаются больше разсказами о *джинахъ* злыхъ духахъ, каковы напримѣръ: *обуры* (вѣдьмы), *диви* (духи гиганты), *пери* (нѣжныя и прекрасныя женщины), *мюнкиръ-венекиры* (вызыватели мертвыхъ) и проч.

Между крымскими татарами существуетъ также множество разныхъ легендъ и преданій о богатыряхъ разбойникахъ и кладахъ. Крымскій полуостровъ весьма богатъ замѣчательными явленіями природы какъ напримѣръ таинственными горными пещерами, оврагами и горами, поражающими чрезвычайно прихотливою формою своихъ частей и игрою природы въ ихъ общемъ расположеніи; не менѣе богатъ Крымъ и памятниками искусства—древними замѣчательными монументами, развалинами храмовъ и башенъ, гробницами усопшихъ татарскихъ шейховъ, составляющихъ теперь, подъ названіемъ *азизовъ* святыню для евпаторійскихъ татаръ, съ особеннымъ благовѣніемъ относящихся къ ихъ могиламъ. Все это нашло себѣ различное толкованіе въ безчисленныхъ легендахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ.

Содержаніе же собственно пѣсенъ у крымскихъ татаръ весьма бѣдно, да онѣ и малочисленны. Напѣвъ ихъ чрезвычайно монотонный, тягучій, изрѣдка переходящій въ размѣръ болѣе оживленный.

Между пѣснями про славный Бахчисарай, про любовь и разныя житейскія радости, обращаютъ на себя особенное вниманіе грустныя обращенія къ родинѣ, сложенныя въ позднѣйшее время татарами, выселившимися въ крымскую кампанію въ предѣлы Турціи. Пѣсни эти почему-то весьма распространены между теперешними обитателями Крыма—собратами выселившихся; содержаніе этихъ пѣсень исполнено слезъ и жалобъ на горькое житье-бытье на чужбинѣ.

Крымскіе татары, исповѣдуя одинаковую съ волжскими татарами магометанскую вѣру суннитскаго толка, и строго соблюдая чисто обрядовую сторону этой религіи, многихъ положеній корана все-таки не соблюдаютъ или же толкуютъ превратно. Причиной этому служитъ отчасти малое знакомство ихъ съ кораномъ, что объясняется, въ свою очередь, безграмотностью. Въ этомъ отношеніи крымскіе татары никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ волжскими татарами, у которыхъ безграмотность считается позоромъ для истиннаго мусульманина и между которыми грамотность распространена почти поголовно, даже въ средѣ деревенскихъ жителей и женщинъ. У крымскихъ же татаръ грамотные очень рѣдки.

Правда, публичныхъ школъ въ Крыму не имѣется, но за то, по мусульманскому обычаю, при каждой мечети мулла обязанъ, за извѣстное умѣренное вознагражденіе, обучать всякаго желающаго, хотя бы и взрослаго, татарской грамотѣ, корану и арабскому языку, какъ это дѣлается у казанскихъ татаръ. Въ Крыму же этотъ обычай если и практикуются, то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Причиной тому служитъ отчасти бѣдность крымскаго татарина. Изъ трехъ-че-

тырехъ крымскихъ деревень, развѣ одинъ только татаринъ въ состояніи платить муллѣ за обученіе своихъ сыновей,—и въ этомъ случаѣ отдаютъ на выучку муллѣ обыкновенно 13-ти лѣтнихъ мальчиковъ, а до того времени говорятъ: «дитя молодъ и неразуменъ».

Отъ природы татары очень любопытны; если ихъ поразитъ что-нибудь новое, небывалое, они до тѣхъ поръ не успокоиваются, пока не узнаютъ того, чего знать хотятъ. Это могло бы еще служить для нихъ одной изъ побудительныхъ причинъ выйдти изъ обычной лѣнивой неподвижности и равнодушія; но за отсутствіемъ всякихъ другихъ благопріятныхъ условій, и эта способность глохнетъ въ татарахъ.

Даже муллы, для которыхъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ выгодно развитіе среди татаръ охоты къ ученію, и они немного дѣлаютъ въ этомъ отношеніи. Мусульманское духовенство въ Крыму, вообще, имѣетъ слабое вліяніе на своихъ прихожанъ. Муллы выбираются изъ среды самой паствы, и выбираются далеко не вслѣдствіе ихъ особенной набожности или благочестія, а также и не за хорошія познанія, въ которыхъ большинство муллъ смыслитъ небольше самаго послѣдняго пастуха-татарина. Можетъ быть поэтому татары въ южномъ Крыму довольно равнодушны къ религіи и не отличаются ни фанатизмомъ, ни нетерпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ южный Крымъ время отъ времени пробираются изъ Турціи разные подозрительные миссіонеры съ цѣлію поддерживать въ татарахъ исламъ, возбуждать въ нихъ фанатизмъ и, между прочимъ, собирать съ нихъ деньги на какое-то, якобы религіозное дѣло... При этомъ нерѣдко случается, что татары, вмѣсто почетнаго пріема и приношеній, которыя, пожалуй, навлекли бы на нихъ бѣду, преспокойно перевязываютъ пришельцевъ и, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отправляютъ ихъ въ станъ...

Не смотря на скромную роль духовенства въ средѣ крымскихъ мусульманъ и на его, въ сущности, ничтожную дѣятельность на пользу интересовъ мѣстнаго населенія, крымскіе муллы все-таки не церемонятся съ правовѣрными и дѣлаютъ съ своихъ прихожанъ весьма значительные поборы. Можетъ быть никакое духовенство въ мірѣ не получаетъ такого большаго содержанія, какъ крымскіе муллы.

Духовенство при каждой мечети въ Крыму составляютъ, обыкновенно, слѣдующія лица: *хатимъ* (кіятибъ), *имамъ* и *мазинъ* (муэзинъ). Имамы или муллы отличаются отъ остальныхъ правовѣрныхъ покроемъ свой одежды. Муллы опоясываютъ шальвары поясомъ зеленаго цвѣта; по верхъ всего носятъ синіе, или голубые плащи съ стоячимъ воротникомъ. Голову покрываютъ бѣлою чалмою, а *хаджи-муллы*, т. е. муллы побывавшіе въ Меккѣ и удостоившіяся поклониться священной каабѣ, носятъ чалму зеленаго цвѣта. Нужно кстати замѣтить, что заповѣдь о посѣщеніи Мекки и Медины, обязательная для всякаго мусульманина, исполняется въ Крыму почти однимъ только духовенствомъ, такъ какъ дороговизна путешествія въ Аравію, по карману развѣ только мулламъ, а отнюдь не такимъ бѣднымъ мусульманамъ какъ крымскіе татары-хлѣбопашцы, которымъ и мечтать о Меккѣ не приходится.

Источникомъ содержанія крымскаго духовенства служатъ слѣдующія доходныя статьи: во 1-хъ, *вакуфы*, или вакуфныя земли т. е. принадлежащія духовенству. Вакуфовъ считается въ Крыму до 30 тысячъ десятинъ, предоставленныхъ въ полное владѣніе духовенства.

Во 2-хъ, ишуръ, т. е. десятая часть всякаго дохода, которая должна быть отдаваема, по корану, въ пользу бѣдныхъ и духовенства; подать эта, главнымъ образомъ, поступаетъ, конечно въ пользу духовенства, такъ какъ проходитъ прежде всего чрезъ его руки и вносится плательщиками—зажиточными татарами—весьма исправно, хотя и не безъ остроумныхъ оговорокъ.

Въ 3-хъ, *зіакетъ*, или подать, отдаваемая по предписанію корана, въ пользу бѣдныхъ и духовенства въ видѣ извѣстнаго про-

цента съ движимаго имущества: со всего денежнаго наличнаго капитала, цѣнныхъ вещей, рогатаго скота, верблюдовъ и лошадей. Червонцы, украшающіе фески и грудь татарскихъ дѣвушекъ, также не изъяты отъ этой подати.

Въ 4-хъ *фитыръ* — подать, взимаемая, по предписанію корана, опять въ пользу бѣдныхъ и духовенства съ каждой мусульманской души обязательно, по большей части натурою: съ наиболѣе богатыхъ — финиками, съ остальныхъ — изюмомъ, пшеницей и даже ячменемъ. Опрѣдѣленные размѣры-фитыра — 48 фунтовъ.

Въ 5-хъ, доходы отъ курбанъ-байрама, — праздника, справляемаго въ 70-й день послѣ перваго байрама. Доходы эти состоятъ изъ остатковъ жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ утромъ въ первый день курбанъ-байрама. Всякій хозяинъ долженъ принести въ этотъ день за каждую живую душу своего семейства барана или овцу; даже для бѣдныхъ обязательно въ настоящемъ случаѣ принесеніе жертвы, съ тою лишь льготою, что семеро бѣдныхъ могутъ, сложившись вмѣстѣ, принести одно крупное животное — корову или лошадь. Едва-ли не большая часть мяса и кожъ всѣхъ жертвенныхъ животныхъ идетъ въ пользу духовенства, меньшая-же бѣднымъ, хотя по закону вся предназначается для бѣдныхъ. — Въ настоящее время кожи иногда сами хозяева продаютъ, но часть вырученныхъ денегъ отдается все-таки духовенству; такъ что, по вычисленію нѣкоторыхъ изслѣдователей быта крымскихъ муллъ, курбанъ-байрамъ даетъ духовенству по крайней мѣрѣ 20,000 руб. въ годъ, если принять во вниманіе количество мусульманскаго населенія въ Крыму и положить на долю духовенства только половину всѣхъ кожъ животныхъ, приносимыхъ въ день курбанъ-байрама.

Присоединивши къ означеннымъ статьямъ дохода духовенства плату за разныя требы, какъ-то: обрѣзаніе, заключеніе браковъ, похороны, отчитываніе больныхъ, что въ большомъ ходу у крымскихъ татаръ, и проч., получимъ въ результатѣ, во всякомъ случаѣ, довольно почтенную цифру доходовъ крымскихъ муллъ. Объяснить такое обиліе источниковъ содержанія крымскаго духовенства не трудно: въ прежнее время, большая часть вышеозначенныхъ податей и налоговъ, не смотря на предписанія корана, шла въ пользу крымскихъ хановъ, а съ уничтоженіемъ ихъ, подати эти естественно перешли почти цѣликомъ въ руки ловкихъ муллъ и муфтіевъ.

Религіозные обряды и празднества у крымскихъ татаръ совершенно одинаковы съ тѣми, что у волжскихъ татаръ; поэтому распространяться о нихъ въ настоящемъ очеркѣ было бы излишне. Семейные же обряды и обычаи крымскихъ татаръ довольно своеобразны и носятъ на себѣ чисто мѣстной отпечатокъ.

Послѣдствія всякаго варварскаго быта обрушиваются прежде всего едва ли не на женщинъ, въ особенности въ мусульманскомъ мірѣ. Женщина всегда и вездѣ первая несетъ на себѣ всѣ невыгоды умственной неразвитости и дикости народа; такъ и въ средѣ крымскихъ татаръ, до сихъ поръ остающихся, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій, на степени развитія какого нибудь полукочеваго народа. Въ особенности варварскіе обычаи сопровождаютъ роды татарки, на которые приглашается, какъ и вездѣ, повивальная бабка. Роженицу держатъ, обыкновенно, подъ лоханкой, и притомъ постоянно въ сидячемъ положеніи. Сверхъ того, повивальная бабка считаетъ непремѣннымъ долгомъ постоянно встряхивать ее — съ благой цѣлью, разумѣется облегчить и ускорить разрѣшеніе. Усердіе этой бабки простирается часто до того, что она привязываетъ подъ мышки несчастную страдалицу къ потолку и дергаетъ ее снизу вверхъ, что есть мочи.... Неудивительно, что многія не выдерживаютъ этой звѣрской операціи и на ней же испускаютъ духъ.

Зато любовь татарки къ своимъ дѣтямъ не знаетъ границъ; любовь эта, впрочемъ, чаще всего выражается въ разныхъ примѣтахъ. Суевѣрныя до крайности, вѣрующія, что и вѣдьмы враждуютъ про-

тивъ дѣтей, и злой духъ немилостивъ къ нимъ, и человѣкъ можетъ сглазить ихъ на смерть,—татарки со дня рожденія обвѣшиваютъ своихъ дѣтей разнаго рода молитвами, зашитыми въ вощанкахъ, амулетками и другаго рода предметами, въ родѣ синихъ бусъ, змѣиныхъ головокъ, клещей отъ морскаго рака, мѣдныхъ монетъ и т. п. въ полномъ убѣжденіи отклонить этими средствами вліяніе враждебныхъ силъ.

Замѣчательно, что между татарскими мальчиками въ Крыму многіе остаются необрѣзанными, единственно по той причинѣ, что отцы ихъ, по бѣдности, не въ состояніи сдѣлать приличный *синетъ-той* (свадьбу обрѣзанья), а исполнить важнѣйшій догматъ религіи безъ приличнаго угощенія почти ничего не значитъ. Поэтому, нѣкоторые татары запаздываютъ съ обрѣзаньемъ лѣтъ до 30, и такихъ наберется, можетъ быть, не одна тысяча. Исходъ изъ такого непріятнаго положенія получается отчасти въ слѣдующемъ обычаѣ: на обрядъ обрѣзанья дѣтей богатыхъ мусульманъ собирается, обыкновенно большое число мальчиковъ, неимѣющихъ отцовъ, а также и взрослыхъ бѣдныхъ, гдѣ всѣ они и получаютъ обрѣзаніе, такъ сказать въ счетъ угощенія отъ конакъ-бая (хозяина дома). На пирахъ этихъ присутствуютъ, обыкновенно, родственники и знакомые хозяина, мулла, читающій во время обряда молитвы, и цюрульникъ, совершающій самое обрѣзаніе. Но, не смотря на щедрое содѣйствіе богатыхъ людей, многіе татары въ Крыму такъ и умираютъ необрѣзанными, избѣгая въ зрѣломъ возрастѣ подвергать себя этой мучительной операціи. Въ этомъ случаѣ, мулла при погребеніи тѣла мусульманина, умершаго безъ выполненія столь важнаго обряда, обязанъ поломать покойнику на рукахъ и на ногахъ мизинцы для того, чтобы на томъ свѣтѣ онъ былъ узнанъ и принятъ какъ мусульманинъ.

Особенный отпечатокъ на семейную жизнь мусульманъ кладетъ постановленіе корана о бракѣ. По корану, всякій мусульманинъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, хотя зажиточные татары и муллы почему-то предпочитаютъ этому числу цифру семь. Большинство же крымскихъ татаръ, какъ это бываетъ и у всѣхъ другихъ мусульманъ, женится по недостатку средствъ только на двухъ, а многіе и на одной. Для такихъ бѣдняковъ какъ крымскіе татары, въ отношеніи къ многоженству особенно стѣснителенъ всеобщій мусульманскій обычай, по которому каждая жена должна имѣть особую комнату и особой столъ, приготовляемый ею самою, что доступно, разумѣется, только для болѣе или менѣе зажиточныхъ людей.

Татары рѣдко женятся ранѣе 30 лѣтняго возраста; дѣвушки же татарскія выходятъ замужъ гораздо раньше, иногда 15 и даже 13 лѣтъ. Отецъ выдаетъ свою дочь замужъ, не спрашивая на то ея согласія, и нерѣдко за человѣка, котораго та и въ глаза не видала до свадьбы. Женихъ, какъ и у волжскихъ татаръ, вноситъ за невѣсту ея родителямъ калымъ или выкупъ. Размѣры калыма колеблются между 25 и 1,000 руб., иногда выкупъ уплачивается скотомъ или вещами. Калымъ играетъ въ Крыму особенную роль, благодаря тому обстоятельству, что здѣшніе татары, отчасти по бѣдности, отчасти по врожденному отвращенію къ труду, не особенно гнушаются экстраординарными средствами къ пропитанію. Наиболѣе недостаточные родители охотно выдаютъ своихъ дочерей за богатыхъ, но завѣдомо порочныхъ и ненадежныхъ въ отношеніи къ жизни людей, когда судьба просватанной дѣвушки, при извѣстной легкости развода у мусульманъ, уже рѣшена, лишь бы только на этотъ разъ получить за нее побольше выкупу. Этой спекуляціей чадолюбивые родители поправляютъ свое состояніе....

Со своей стороны невѣста приноситъ въ даръ жениху около 20 вышитыхъ платковъ. Вышитые платки—это важная часть приданнаго; женихъ очень часто условливается заранѣе, сколько платковъ невѣста приготовитъ къ свадьбѣ. Во все время идутъ переговоры о калымѣ, что иногда длится цѣлый годъ, невѣста только и дѣлаетъ, что вышиваетъ съ своими подругами платки и полотенца.

Случается иногда, что назначенный родителями невѣсты выкупъ бываетъ такъ великъ, что жениху нѣтъ возможности выплатить его. Тогда онъ чрезъ знакомую или родственницу заранѣе условливается съ невѣстой, подъѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, сажаетъ съ собою на лошадь и вмѣстѣ съ нею скачетъ прочь. При этомъ считается необходимымъ, чтобы она закричала раза три и звала на помощь.

На слѣдующій же день женихъ является къ отцу, снова возобновляетъ съ нимъ переговоры о выкупѣ, которые, обыкновенно, очень скоро оканчиваются къ полному удовольствію жениха, вслѣдъ затѣмъ является мулла для прочтенія молитвъ, и бракъ считается законнымъ.

Обрядъ заключенія брака у крымскихъ татаръ тотъ же, что и у волжскихъ, при чемъ характеристическимъ явленіемъ служитъ то обстоятельство, что не только вся процедура сватовства, но и самый обрядъ бракосочетынія происходитъ въ отсутствіи невѣсты.

Передъ началомъ свадебнаго торжества, въ домѣ, гдѣ долженъ происходить пиръ, моютъ, чистятъ, бѣлятъ и устанавливаютъ вещи въ порядокъ. Стѣны сакли украшаются вышитыми платками, войлоки разстилаются вездѣ новые, на подушки надѣваются новыя наволочки; все получаетъ праздничный видъ. Торжество начинается, обыкновенно съ вечера какого-нибудь дня, и длится сутокъ трое, непрерывно, а иногда дольше недѣли, съ перерывомъ на одинъ только субботній день. Гости раздѣлются на три группы — пожилыхъ мужчинъ, юношей и женщинъ, пирующихъ каждая въ отдѣльнымъ домѣ, а иногда въ нѣсколькихъ домахъ. Женихъ прощается съ холостой жизнью въ кругу своихъ товарищей, а невѣста въ кругу подругъ. Каждой группой избирается свой распорядитель, распоряжающійся музыкой и угощеніемъ. На немъ же лежитъ еще одна очень важная обязанность: онъ собираетъ съ гостей приношенія въ пользу новобрачныхъ. Размѣръ этихъ приношеній назначается имъ же самимъ, и горе тому гостю, который отказался-бы почему либо въ точности исполнить это требованіе! Съ такимъ вольнодумцемъ распорядятся какъ на большой дорогѣ: если нѣтъ при немъ денегъ, снимутъ съ него всю одежду и, въ заключеніе, выгонятъ съ позоромъ изъ собранія. Цифра этой своеобразной пошлины бываетъ иногда довольно солидная—рублей 50 и болѣе съ каждаго гостя! Впрочемъ, размѣръ ея всегда соглашается съ состояніемъ новобрачныхъ и нисходитъ для бѣдныхъ до одного рубля и даже до полтинника. Подобные поборы за угощеніе въ пользу хозяевъ происходятъ не на однихъ только свадебныхъ пирахъ, но и на другихъ семейныхъ торжествахъ, какъ напримѣръ—по случаю обрѣзанія и т. под.

Когда гости собрались, ихъ подчуютъ кофемъ; музыканты начинаютъ свои убійственныя экзерциціи. Пожилые мужчины курятъ и бесѣдуютъ, развалившись на подушкахъ, а молодежъ—пляшетъ, исключая молодыхъ, которые обязаны въ теченіи всѣхъ долгихъ дней свадьбы сидѣть неподвижно въ углу — женихъ, храня глубчайшее молчаніе, невѣста безпрерывно — воя... Въ такомъ порядкѣ время проходитъ до ужина, подаваемаго не ранѣе ночи. Гости, невидѣвшіе во весь вечеръ ничего, кромѣ кофе, накидываются на ужинъ какъ голодные волки. Послѣ ужина является, наконецъ, буза и водка, и тогда-то начинается ужь настоящій пиръ; вино (хлѣбное, а не виноградное) льется рѣкою, дымъ отъ трубокъ стоитъ въ саклѣ столбомъ. Пиръ кончается, обыкновенно, тѣмъ, что всѣ гости, мертвецки напившись, валятся съ погъ и часто тутъ же засыпаютъ.

На слѣдующій день снова повторяется тоже, опять объяденіе, куреніе табаку и пьянство, и такъ до послѣдняго дня свадьбы, когда въ домъ жениха прявозятъ наконецъ невѣсту.

Гости жениха выѣзжаютъ ей на встрѣчу верхами и лишь только завидятъ маджару съ невѣстой, тотчасъ же вся кавалькада несется впередъ. Тутъ начинается настоящая джигитовка. Нѣкоторые изъ всадниковъ, желая показать свое искусство въ верховой ѣздѣ, бросаютъ поводья, ударяютъ ногайкой по лошади и, припавъ къ лукѣ,

съ гиканьемъ мчатся по дорогѣ. Никто не хочетъ отставать, и потому скачка бываетъ самая отчаянная.

Между тѣмъ на встрѣчу имъ подвигается маджара съ невѣстой; передъ нею ѣдутъ верхами два молодые джигита рядомъ, держа въ рукахъ длинные шесты, между которыми растянута шаль или огромный платокъ, прикрѣпленный двумя противоположными краями къ верхнимъ концамъ двухъ шестовъ. Поѣздъ невѣсты состоитъ часто изъ нѣсколькихъ маджаръ; въ переднихъ сидятъ старухи — родственницы невѣсты, а сама невѣста—въ послѣдней.

Всадники во всю скачь подлетаютъ къ маджарамъ, откуда старухи костлявыми руками помахиваютъ пестрыми, бумажными платками. Лучшіе и искуснѣйшіе изъ наѣздниковъ, первые прискакавшіе къ мѣсту, получаютъ изъ рукъ старухъ по платку. Счастливцы тотчасъ-же привязываютъ подарки къ лошадинымъ уздамъ, и снова начинается скачка, еще отчаяннѣе первой. За счастливцами гонятся остальные поѣзжане, стараясь отнять у нихъ платки; при этомъ не жалѣютъ ни лошадей, ни собственной головы. Нѣкоторые увертываются съ такой отвагой и такимъ искусствомъ, что успѣваютъ отбиваться отъ погони, и, доскакавъ до выѣзда въ деревню, мгновенно спрыгиваютъ съ коней и съ торжествомъ показываютъ платокъ. Тутъ дарятъ имъ еще платокъ, часто вышитый самою невѣстою. Но эта награда рѣдко кому достается, такъ какъ татары всѣ отличные наѣздники и уберечься отъ погони трудно.

При въѣздѣ въ деревню, къ поѣзду присоединяются музыканты, до тѣхъ поръ игравшіе въ домѣ жениха. Поѣздъ двигается по деревнѣ шагомъ, впереди идутъ музыканты, съ барабаномъ, скрипкой и зурнами (свирѣлями). Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и звуковъ музыки, поѣзжане и сами музыканты приходятъ по временамъ въ экстазъ и оглашаютъ воздухъ дикимъ взвизгиваніемъ....

У первыхъ же домовъ деревни жители устраиваютъ для поѣзда баррикаду: кладутъ бревно, поливаютъ маджару, и изъ за нея встрѣчаютъ поѣзжанъ ружейными и пистолетными выстрѣлами. Тогда начинаются переговоры съ засадою. Выходятъ оттуда парламентеры и объявляютъ, что пропуску нѣтъ, развѣ заплатятъ 500 рублей. Обѣ стороны нѣсколько времени торгуются, прибавляютъ уступаютъ, и, наконецъ, дѣло кончается тѣмъ, что пропускаютъ за 5 рублей. По дорогѣ еще встрѣчаются остановки, но здѣсь отдѣлываются гораздо дешевле нѣсколькими копѣйками.

Маджара съ невѣстой подъѣзжаетъ, наконецъ, къ самому дому жениха и останавливается какъ можно ближе къ низенькой двери сакли. Предъ этимъ изъ дому всѣ мужчины уходятъ и становятся поодаль отъ маджары; нѣкоторые даже обертываются къ ней спиной, чтобы не видѣть невѣсты. Молодые джигиты, ѣхавшіе впереди маджары съ платкомъ на шестахъ, передаютъ его женщинамъ и тоже отходятъ въ сторону. За то старухи начинаютъ ужасно суетиться; онѣ переговариваются, условливаются, мечутся въ маджарѣ, и разстилаютъ въ ней платокъ, полученный отъ джигитовъ; послѣ этого невѣста, закутанная съ головы до ногъ въ *мараму* или бѣлое покрывало, медленно поднимается въ маджарѣ и ложится на разостланныя для нея носилки. Старухи сейчасъ же берутъ платокъ за всѣ края и поднимаютъ его вмѣстѣ съ невѣстою. Сходя съ телѣги хилыя и неловкія старушенки нерѣдко падаютъ вмѣстѣ съ своей драгоцѣнной ношею, при чемъ невѣста получаетъ иногда значительные ушибы, стукаясь головой объ колесо или о землю; но ничто не можетъ заставить старухъ отказаться отъ ихъ права вносить невѣсту въ домъ жениха.

Когда невѣста внесена, такимъ образомъ, на женскую половину сакли, всѣ мужчины опять входятъ въ домъ, и снова начинается музыка, угощеніе и пиръ до полуночи.

Положеніе женщины въ татарской семьѣ — самое безотрадное. Мы уже видѣли, что татары взваливаютъ на своихъ женъ самыя тяжелыя домашнія работы. Помимо этого, они держатъ ихъ въ со-

вершенномъ отчужденіи отъ всего свѣта. Войдти въ саклю татарина можно только въ присутствіи хозяина; если же его нѣтъ дома, то надобно посидѣть или у воротъ, или у входа въ домъ, дожидаясь его возвращенія. При появленіи же чужаго мужчины въ самой саклѣ, хотя-бы и въ присутствіи хозяина, женщины тотчасъ же уходятъ на свою половину, или за неимѣніемъ ея въ кухню. Для прислуживанья гостю остается одна только старуха. Нужно ужь быть близко знакомымъ съ татариномъ, чтобы жена и дочери его не убѣгали отъ гостя и даже прислуживали ему; но никогда все-таки онѣ не вступятъ съ нимъ въ разговоры. Таково отношеніе татарскихъ женщинъ къ постороннимъ мужчинамъ, все равно—къ гяурамъ, или правовѣрнымъ. Только въ байрамъ Новаго года (котерласъ байрамъ), женщины въ Крыму, какъ и у волжскихъ татаръ, веселятся вмѣстѣ съ мужчинами на загородныхъ гуляньяхъ. Во все-же остальное время онѣ скрыты отъ постороннихъ глазъ, четырьмя стѣнами, или же непроницаемой для чуждаго взора «марамой».

Будучи заключены, обычаемъ и закономъ, въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ домашней жизни, татарки всѣ страдаютъ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ и изыскиваютъ всевозможныя средства, чтобы проникнуть во внѣшнюю общественную жизнь, которая имѣетъ для нихъ какую-то особенную прелесть и служитъ предметомъ постояннаго удивленія. Онѣ по цѣлымъ днямъ поглядываютъ въ окно на кривую и узкую улицу, чтобы удовлетворить своему жадному любопытству и этимъ хотя нѣсколько разогнать несносную скуку вѣчной домашней жизни. Всякій посторонній человѣкъ, проходя мимо татарской сакли, если въ ней есть окна со стеклами, всегда замѣтитъ нѣсколько паръ черныхъ женскихъ глазъ направленныхъ на него съ крайнимъ любопытствомъ, но съ приближеніемъ путника глаза эти быстро изчезаютъ за матовымъ отблескомъ стекла. Точно также, подходя къ полуотворенной двери татарскаго дома, посторонній мужчина еще издали увидитъ нѣсколько женскихъ головъ въ бѣлыхъ повязкахъ, въ родѣ чалмы, и въ красныхъ, расшитыхъ золотыми монетами фескахъ, изъ подъ которыхъ роскошно вьются безчисленныя косички курчавыхъ волосъ; но не успѣетъ онъ сдѣлать пяти шаговъ, какъ смутное видѣніе пропадаетъ во внутренности дома.... Изрѣдка случается бывать нѣкоторымъ татаркамъ въ гостяхъ у христіанскихъ женщинъ, и тогда удивленію мусульманокъ нѣтъ конца; все въ комнатѣ привлекаетъ ихъ вниманіе; когда же дѣло доходитъ до нарядовъ, то изумленіе ихъ достигаетъ такой степени, что онѣ стоятъ неподвижно, съ полуоткрытыми ртами, и только время отъ времени тихо произносятъ: «Алла, Алла» (Боже, Боже!..).

Обращаніе татаръ съ женами—крайне грубое, исключающее всякую внимательность или чувство великодушія къ слабѣйшему полу. Жена находится въ совершенномъ подчиненіи мужу и онъ считается полнымъ властелиномъ ея. Каждый день, послѣ утренней молитвы, канакъ-бей (хозяинъ дома) закуриваетъ трубку и, поджавъ ноги, садится противъ печи. Проходитъ четверть часа — онъ ничего не говоритъ, только моргаетъ своими узенькими глазами и куритъ. Когда выкуритъ трубку, онъ начинаетъ поминутно обращаться къ женѣ съ приказаніями подать хлѣба, воды, чесноку, или катыку, что она тотчасъ и исполняетъ. Потомъ онъ опять куритъ, и молча, съ серьезнымъ лицомъ, сидитъ прислонясь къ печкѣ. Пройдетъ еще полчаса — онъ спрашиваетъ у жены, что дѣлаетъ корова или лошадь, и жена въ бурную погоду должна выйдти изъ дому, чтобы принести отвѣтъ своему повелителю, который продолжаетъ грѣть ноги и курить. Большая часть зимы проходитъ для мужчинъ въ подобномъ бездѣйствіи; ни до какихъ домашнихъ работъ они зимою и недотрогиваются, во всемъ полагаясь на своихъ женъ. Только когда истощится у татарина весь скудный запасъ его продовольствія, онъ поднимется самъ и сходитъ не дальше какъ къ одному изъ своихъ сосѣдей, большею частью къ русскому государственному

крестьянину, чтобы занять у него четверть ржи, которую долженъ возвратить впослѣдствіи съ процентами, или даже работою въ лѣтнее время.

Мужей своихъ татарки называютъ не иначе, какъ *мѣсяцемъ*. Называть поименно — не запрещено, но считается не уважительнымъ. *Ай газюмъ* — «мѣсяцъ глазъ моихъ», говоритъ татарка своему деспоту-мужу...

Положеніе масульманской женщины становится особенно невыносимымъ вслѣдствіе широкихъ постановленій корана о свободѣ развода между супругами, постановленій, повидимому уравнивающихъ положеніе обѣихъ сторонъ, но на дѣлѣ безобидныхъ только для мужчинъ. Постановленія эти совершенно одинаковы, какъ у крымскихъ, такъ и у волжскихъ татаръ.

При такихъ условіяхъ брачной жизни, нельзя ожидать отъ супруговъ семейныхъ добродѣтелей, и мусульмане ими не особенно отличаются. По отзыву самихъ татаръ, вѣрность ихъ женъ «катыка» не стоитъ; вѣрность мужей стоитъ, конечно, не дороже.... При этомъ, общество и духовенство смотритъ на вѣроломство супруговъ сквозь пальцы, такъ какъ святость брака у мусульманъ почти лишена всѣхъ нашихъ общественныхъ, религіозныхъ и юридическихъ гарантій.

По смерти мужа, положеніе женщины становится едва-ли не болѣе безотраднымъ, чѣмъ при его жизни. Жена наслѣдуетъ всего $^1/_{20}$ часть изъ его скуднаго имущества, но и при полученіи этой ничтожной доли вынуждена играть самую жалкую и подчиненную роль. Родственники мужа и кади (судья) являются, обыкновенно, въ домѣ покойнаго, ѣдятъ, пьютъ и дѣлятъ его имущество безъ всякаго участія со стороны жены, которая даже не имѣетъ права жаловаться на замѣчанную несправедливость и обязана хладнокровно смотрѣть, какъ растаскиваютъ добро, частію ею нажитое, платья ею сотканныя и сшитыя, и при этомъ должна еще употребить всѣ усилія, чтобы какъ можно болѣе приличнымъ образомъ угостить своихъ грабителей.... Нужно еще прибавить, что дѣлежъ имущества, происходитъ обыкновенно въ самый день похоронъ и часто сопровождается ссорами и драками, особенно если дѣло происходитъ въ отсутствіи кади и на все это только-что осиротѣвшая женщина, грустная, убитая горемъ, также должна смотрѣть спокойно.

Обряды и обычаи, соблюдаемые крымскими татарами при погребеніи умершихъ, также отличаются нѣкоторыми особенностями. Въ болѣзняхъ татары рѣдко лечатся даже домашними средствами. Только въ самыхъ упорныхъ недугахъ татары рѣшаются прибѣгать къ отчитыванію муллъ, прикладыванію къ больнымъ частямъ тѣла различныхъ «дуа» — молитвъ или изреченій изъ корана и къ содѣйствію «джинджи»—знахарей, практикующихъ съ помощью самаго заурядnаго шарлатанства и поступающихъ, иной разъ, въ особенности съ беременными женщинами, чрезвычайно безчеловѣчно. Немудрено поэтому, что среди крымскихъ татаръ встрѣчаются нерѣдко жалкіе калѣки, прозябающіе главнымъ образомъ въ Бахчисараѣ, въ качествѣ нищихъ.

Самые обычаи при погребеніи умершихъ тѣсно связаны съ представленіями татаръ о загробной жизни вообще. По ихъ понятіямъ, душа праведника оставляетъ человѣческое тѣло тихо и безъ боли; душа же грѣшника покидаетъ тѣло только послѣ долгой и упорной борьбы, сопровождаемой жестокими страданіями. Душу изъ тѣла отзываетъ *ангелъ смерти*, который тотчасъ же передаетъ ее съ рукъ на руки другому ангелу, для препровожденія ея къ двумъ другимъ геніямъ испытателямъ, спеціально занимающимся приготовленіемъ душъ къ лучшей жизни и къ вѣчнымъ наслажденіямъ рая. Во все продолженіе этого приготовленія и испытанія, т. е. во время самаго погребенія и довольно долгое время спустя послѣ погребенія, душа остается еще въ тѣлѣ, хотя уже и безжизненномъ. Испытаніе заканчивается самой трудной экзерциціей: душу прово-

дятъ по *Сарытъ* — т. е. по мосту, проведенному надъ адомъ; мостъ этотъ тоньше самой тонкой волосинки и острѣе лезвія самой острой сабли. Понятно, что праведникъ пройдетъ по сарытѣ легко и свободно, а грѣшника ждетъ неминуемая гибель. Когда испытаніе кончится, такимъ образомъ, въ пользу испытуемаго, душа его тотчасъ же улетаетъ на небо, гдѣ она остается до страшнаго суда, а тѣло, между тѣмъ, вкушаетъ уже, не выходя изъ могилы, всѣ удовольствія и наслажденія рая Магомета. Но если умершій оказался недостойнымъ небесной награды, то его тѣло подвергается въ могилѣ страшнымъ мукамъ и ядовитымъ уязвленіямъ 99 семиглавыхъ драконовъ, а душа возвращается на землю, гдѣ скитается, не находя нигдѣ успокоенія, и потомъ низвергается въ седьмой ярусъ преисподней. Адъ, по понятіямъ татаръ, состоитъ изъ 7 ярусовъ, населенныхъ чудовищными людьми, какихъ только могла изобрѣсть восточная фантазія.

Суевѣрные и брезгливые, татары не любятъ долго возиться съ покойниками. Не успѣетъ кто либо изъ нихъ скончаться, какъ его уже тащатъ на кладбище. При такомъ варварскомъ обычаѣ, весьма возможны случаи погребенія живыхъ людей, и, вѣроятно, случаи эти нерѣдки, такъ какъ были уже не разъ обнаружены примѣры подобныхъ похоронъ.

Въ назначенный для похоронъ день, собираются въ домъ покойнаго всѣ родственники и знакомые его. Умершаго сажаютъ на подушку, прислонивъ спиною къ стѣнѣ; на ноги ему надѣваютъ чулки, туфли; тѣло обертываютъ бѣлымъ саваномъ, а на голову надѣваютъ ермолку съ длинной бѣлой кистью. Въ сторонѣ ставятъ хлѣбъ, кружку съ водой, кисетъ съ табакомъ и трубку. Женщины вокругъ завываютъ, ломаютъ руки, бьютъ себя въ грудь, причитаютъ, царапаютъ лицо и т. п. Когда всѣ гости собрались, мертваго бережно поднимаютъ и бережно, не разстроивая костюма, несутъ на рукахъ, или сажаютъ на маджару, запряженную волами, и везутъ шагомъ; нѣкоторые ѣдутъ верхомъ. Родственники несутъ вещи, стоявшія въ саклѣ подлѣ тѣла покойнаго; женщины идутъ за маджарой, съ плачемъ и горькими рыданіями, между которыми постоянно слышны слова «Аллахъ, Аллахъ». Мулла тихо идетъ впереди. Только молодые люди иногда горячатъ лошадей и скачутъ изъ стороны въ сторону, но, укротивъ коней, опять присоединяются къ шествію.

Пріѣхавъ на кладбище, останавливаются не въ далекомъ разстояніи отъ приготовленной могилы. Покойника очень осторожно спускаютъ въ могилу, сажаютъ его тамъ лицомъ къ востоку, прислонивши спиною къ одной изъ стѣнъ, обложенной досками, а ноги протягиваютъ въ углубленіе, вырытое въ противуположной стѣнѣ; затѣмъ поправляютъ складки савана; подлѣ кладутъ хлѣбъ, ставятъ кружку съ водой, трубку съ табакомъ и огниво, и при этомъ постоянно приговариваютъ: «ловко ли тебѣ? хорошо ли сидѣть»?

Такое положеніе даютъ тѣлу для того, чтобы умершій могъ сохранить почтительную и приличную позу, когда будетъ отвѣчать ангеламъ-испытателямъ на внушительные вопросы касательно его вѣры и поведенія на землѣ. Продовольствіе же ставится въ могилу въ виду того, что участь покойника пока еще не рѣшена, и что, до окончанія испытанія, ему во всякомъ случаѣ придется самому о себѣ позаботиться.

Когда покойникъ усаженъ въ могилу и поставлено все нужное подлѣ него, тогда берутъ заранѣе приготовленныя доски и кладутъ ихъ надъ покойникомъ въ наклонномъ положеніи, образуя надъ нимъ нѣчто въ родѣ навѣса. Одинъ конецъ досокъ упирается въ землю подлѣ ногъ, а другой — надъ головой въ стѣну могилы, такъ что покойникъ сидитъ какъ въ шалашѣ. Когда все готово, родственники принимаются зарывать его, при этомъ всѣ плачутъ и громко причитаютъ, даже мужчины голосятъ какъ бабы. Только мулла во все время остается спокоенъ и, неподвижно стоя въ головахъ могилы, продолжаетъ читать молитвы....

Насыпавъ надъ покойникомъ холмикъ и поставивъ на него каменную плиту торчкомъ, всѣ присутствующіе отходятъ на нѣкоторое разстояніе отъ могилы, кромѣ муллы, который остается на прежнемъ мѣстѣ. Припавъ лицомъ въ землѣ, мулла начинаетъ читать молитвы вслухъ и потомъ громко спрашиваетъ: «что ты подѣлываешь»? Мгновеніе спустя, отвѣчаетъ самъ-же, только измѣненнымъ голосомъ: «сижу и дожидаюсь ангела-испытателя». — «Доволенъ-ли ты своими похоронами?» — «Доволенъ. Но молитесь побольше за меня, я много грѣшилъ». — «Видѣлъ-ли ты такихъ-то и такихъ-то — что они подѣлываютъ? — «Имъ далеко еще до блаженства, нужно больше молиться и за нихъ». Отвѣты эти выслушиваются съ глубочайшимъ вниманіемъ и принимаются за отвѣты покойника, при чемъ каждый смекаетъ уже, какой вкладъ надобно ему дать въ мечеть и сколько придется заплатить муллѣ, чтобы онъ побольше помолился за умершаго родственника или знакомаго.

По возвращеніи домой, гости садятся за приготовленный заранѣе обѣдъ, состоящій изъ хлѣба, сыра, одного или двухъ цѣликомъ зажаренныхъ барановъ и изъ неизбѣжныхъ пилава и катыка; очень часто на поминкахъ фигурируетъ и водка. Такіе-же пиры устраиваютъ въ 3 день, въ 9 день, черезъ 3 мѣсяца и черезъ 3 года.

Кладбище у крымскихъ татаръ имѣетъ тотъ-же видъ, и у волжскихъ: такое-же голое, унылое мѣсто, безъ тѣни и зелени, съ неправильными грудами камней, торчкомъ покрывающихъ неровную мѣстность. Форма памятниковъ въ Крыму болѣе груба и однообразна чѣмъ въ Казани, но надписи на нихъ составлены въ томъ-же духѣ Могила муллы здѣсь отличается тѣмъ, что въ головахъ ея ставится плита или труба, верхъ который обдѣланъ въ видѣ головы въ чалмѣ, а въ ногахъ утверждается шестъ съ пестрыми лоскутками и съ придѣланной къ нему чашечкой, для приношеній на мечеть отъ людей набожныхъ.

Мусульманство до того вошло въ плоть и кровь татаръ, что отчасти успѣло уже стереть въ этомъ племени многія чисто національныя черты, и теперь трудно было-бы искать среди нихъ какихъ нибудь оригинальныхъ самобытныхъ обычаевъ или обрядовъ; все имѣетъ своимъ источникомъ религію и ею же поддерживается. Точно также мало найдется у татаръ и празднествъ, происхожденіе которыхъ можно было-бы приписать чисто народнымъ обычаямъ, неимѣющимъ никакой связи съ религіозными вѣрованіями и обрядами мусульманъ. Всѣ празднества у крымскихъ татаръ чисто религіозныя, какъ и у волжскихъ ихъ единоплеменниковъ. Нѣкоторою оригинальностью отличаются только малые праздники, менѣе популярные среди мусульманъ, чѣмъ ихъ три большихъ праздника — Рамазанъ-Байрамъ, Курбанъ-Байрамъ и Катерласъ-Байрамъ.

Особенно замѣчателенъ праздникъ, установленный въ честь пророковъ и справляемый въ *ашеръ*-аѣ (мѣсяцъ кушанья). На этомъ праздникѣ нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія христіанскихъ племенъ, долгое время жившихъ въ Крыму совмѣстно съ татарами. Въ ашеръ-аѣ, крымскіе софты или семинаристы получаютъ отъ муфтія (высшаго духовнаго лица) дозволеніе обходить дворы всѣхъ мусульманъ и пѣть священные *илляги* или гимны Магомета и Якубъ-Пейгамбера (Іоанна крестителя). Въ каждой медрессе собирается такимъ образомъ до 200 софтъ. Они дѣлятся на партіи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой значекъ и направляется въ свой, заранѣе опредѣленный, округъ деревень. Партіи софтовъ обходятъ всѣхъ мусульманъ и собираютъ за пѣніе «илляговъ» все безразлично: платки, полотенца, яица, пшеницу, куръ и проч.

Въ иллягахъ воспѣваются различные предметы, поучительнаго свойства, напримѣръ: доброта пророка Магомета, гнѣвъ Аллаха на дерзкихъ и непослушныхъ предъ родителями софтовъ, и т. под. Илляги поются хоромъ и возбуждаютъ обыкновенно, рыданія у женщинъ и чрезвычайно сильно дѣйствуютъ даже на пожилыхъ мужчинъ. Вслѣдствіе этого, софты принимаются съ особеннымъ раду-

шіемъ и каждый бѣднякъ съ удовольствіемъ жертвуетъ имъ послѣднее свое имущество.

Не менѣе замѣчателенъ также праздникъ *кефериша*, справляемый крымскими татарами черезъ каждыя 25 лѣтъ. Онъ справляется собственно въ Бахчисараѣ и установленъ ради посвященія нѣкоторыхъ правовѣрныхъ въ классъ торговцевъ и въ различные ремесленные цехи; до этого посвященія каждый ремесленникъ и торговецъ считается какъ-бы не признаннымъ и неутвержденнымъ въ своей профессіи. На празднествѣ посвященія присутствуетъ самъ «нагибъ»—лицо, происходящее по прямой линіи отъ Магомета. Званіе это передаются старшему сыну. Нагибъ живетъ на счетъ мусульманъ и играетъ у нихъ немаловажную роль. Однакоже, власть и отличія его званія мало извѣстны, такъ какъ онъ живетъ въ глуши, въ какой-то татарской деревнѣ.

Всѣ бахчисарайскіе ремесленники и торговцы предъ днемъ кефериша соединяются въ артели, числомъ до десяти. Каждая артель избираетъ себѣ старосту, который дѣятельно собираетъ съ членовъ ея сахаръ, куръ, овецъ, кофе, фрукты, разныя закуски, бузу, водку и тому подобные припасы для предстоящаго пиршества.

Все это свозится въ день кефериша въ Вофудскій садъ въ Бахчисараѣ; туда-же собирается и публика и духовенство, со всѣхъ сторонъ, верхами, въ маджарахъ и разныхъ другихъ экипажахъ. Садъ устилается коврами и подушками. Площадка сада покрывается лучшимъ ковромъ съ особеннымъ сидѣньемъ по серединѣ для нагиба, а по сторонамъ—для двухъ его ассистентовъ. Позади нагиба помѣщаются въ нѣсколько рядовъ высшія духовныя лица, а за ними въ перспективѣ сидятъ посвящаемые, съ цвѣтными перевязками черезъ плечо. Остальныя мѣста въ саду занимаетъ публика, среди которой виднѣются и христіане, а въ особенности—греки.

Празднество начинается молитвою одного изъ муллъ, который становится на коврѣ передъ нагибомъ и громко произноситъ: «Магометъ я привелъ къ тебѣ избранное стадо, посвящающихъ себя на торговлю.» Затѣмъ мулла вызываетъ однаго изъ посвящаемыхъ, становится по лѣвую его сторону, беретъ лѣвой рукой за лѣвое ухо, а ладонью правой своей руки ударяетъ его по бритой головѣ такъ, что ударъ направляетъ посвящаемаго прямо къ нагибу, у котораго онъ и цѣлуетъ руку. Такому же ухорванію и толчкамъ подвергаются и всѣ остальные посвящаемые, послѣ чего начинается ѣда и попойка, продолжающіяся до поздней ночи.

Какъ крымскіе татары ни дичатся русскихъ, но изъ всѣхъ національностей, съ которыми имъ приходится сталкиваться, они съ наибольшею терпимостью относятся къ «казакамъ», какъ они называютъ всѣхъ русскихъ. Грековъ же, евреевъ и армянъ они терпѣть не могутъ. При всемъ томъ расположеніе, которое они намъ оказываютъ, отзывается скорѣе неискренностью и страхомъ, объясняемымъ сознаніемъ нашей силы и невольнымъ къ ней уваженіемъ. Между тѣмъ нѣкоторое добродушіе характера и отсутствіе фанатизма въ религіи наклонность къ почитанію нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ и памятниковъ и, наконецъ, вполнѣ уже окрѣпшая любовь къ осѣдлой жизни—все это не можетъ не представлять хорошихъ задатковъ для окончательнаго сближенія крымскихъ татаръ съ русскою народностью.

XXV. БАШКИРЫ.

Характеръ и бытъ.

Башкиры, съ незапамятныхъ временъ, обитаютъ въ юговосточной части Европейской Россіи, на обширныхъ и привольныхъ степяхъ: между Ураломъ, Волгою и Каспійскимъ моремъ. По послѣдней ревизіи численность башкирскаго племени, въ пяти смежныхъ губерніяхъ, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и Самарской, вмѣстѣ съ мещеряками и тептерями доходила до 1.037,000 душъ обоего пола.

О происхожденіи башкирскаго народа, за отсутствіемъ историческихъ указаній на это, толкуютъ различно. Гумбольдтъ и Штраленбергъ признаютъ башкиръ за народъ финскаго племени, только современемъ принявшій монгольскій типъ. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отдѣльную отрасль такъ называемой угрской группы или большой алтайской семьи. Нѣкоторые же историки производятъ ихъ отъ болгаръ. Есть, наконецъ, писатели, отводящіе башкирамъ среднее мѣсто между финскимъ и татарскимъ племенами.

Наше простонародье, кажется, всего вѣрнѣе называетъ башкиръ *татарами* и вообще не отличаетъ ихъ отъ татаръ. Сосѣди башкиръ, киргизы, называютъ ихъ *истякъ* (остякъ), что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія башкиръ отъ финскаго племени. Сами же себя башкиры называютъ словомъ «башкуртъ».

Послѣднее названіе производятъ отъ татарскихъ словъ: башъ-голова и *куртъ*—пчела или вообще насѣкомое. По мнѣнію однихъ, это названіе намекаетъ на страсть башкиръ къ пчеловодству, а по, мнѣнію другихъ — на неряшливость и нечистоплотность этого племени. Дѣйствительно, вѣчно оборванному и лѣнивому башкиру едва ли не чаще приходится имѣть дѣло съ «головными насѣкомыми», чѣмъ съ трудолюбивыми пчелами. Слово «башкуртъ» производятъ также отъ татарскаго *башка — юртъ* — отдѣльный народъ, и отъ слова, означавшаго на древнемъ, вышедшемъ изъ употребленія джагатайскомъ языкѣ—*волкъ, грабитель.* Послѣдній эпитетъ также имѣлъ за себя много основаній въ прежнемъ образѣ жизни башкиръ.

Свѣденія о башкирахъ заходятъ въ очень отдаленныя времена. Еще арабскіе и персидскіе писатели IX—XIII вѣка упоминаютъ о башкирахъ какъ о самостоятельномъ народѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «мадьяръ» или «бадшгардовъ». Путешественники XIII вѣка, посѣщавшіе страну башкиръ, прилегающую къ Волгѣ и Уралу, находили башкирскій языкъ вполнѣ тождественнымъ съ мадьярскимъ. По этой причинѣ они называли пріуральскія башкирскія степи *«Великою Венгріею».* На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей можно, кажется, безошибочно отнести башкиръ къ татарскому или тюркскому племени. Полагаютъ, что башкиры и мадьяры или угры вошли въ Европу въ V столѣтіи, подъ общимъ именемъ гунновъ и другихъ народовъ. Собственно мадьяры или венгры, какъ часть башкирскаго народа, оставили при-уральскую страну около 884 года, вслѣдствіе притѣсненій отъ восточныхъ печенѣговъ, и поселились въ нынѣшней Венгріи. Оставшіеся же при

Уралѣ башкиры заняли вскорѣ ту территорію, какую они занимаютъ и по настоящее время, именно мѣстность между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Урала.

Занявши страну, сосѣднюю съ древними волжскими «булгарами», башкиры вскорѣ должны были подчиниться имъ. Въ 1236 году, при нашествіи татаръ на восточную Европу, башкиры покорены были Батыемъ. Можетъ быть вслѣдствіе своего близкаго родства съ завоевателями, башкиры не только были пощажены ими и сохранили за собой всѣ свои прежнія права, но и получили отъ татаръ преимущества предъ прочими покоренными ими народами, въ отличіе отъ которыхъ имъ были даны тамги (знаки) и названіе тюбъ (волостей).

Впослѣдствіи башкиры вошли въ составъ казанскаго татарскаго царства. Съ покореніемъ Іоанномъ Грознымъ Казани и Астрахани, должна была пасть и Башкирія. Правда, страна эта оставалась въ это время еще неприкосновенной; но лишенныя поддержки со стороны одноплеменныхъ имъ казанцевъ и астраханцевъ и тѣснимые сосѣдними кочевыми народами, преимущественно хищными киргизами, башкиры вскорѣ вынуждены были сами обратиться къ русскому правительству съ просьбою принять ихъ подъ свое подданство. Избранные по этому случаю депутаты отъ башкиръ отправились въ Москву, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, на лыжахъ. Іоаннъ Грозный принялъ ихъ милостиво и согласился включить башкиръ въ число подвластныхъ ему народовъ, обложивъ ихъ ясакомъ.

Глядя на нынѣшнихъ башкиръ, трудно представить себѣ, что еще такъ недавно они составляли сильный и воинственный народъ; черезъ какія-нибудь сто лѣтъ нельзя и узнать этого буйнаго и отважнаго народа... Еще недавнія сказанія про силу и воинственный духъ башкиръ кажутся теперь просто невѣроятными: такъ сильно измѣнилось это племя подъ вліяніемъ русской культуры и новыхъ условій жизни.

По типу лица башкиры не представляютъ рѣзкаго отличія отъ татарскаго племени вообще. Таже круглая, довольно большая голова, круглое и смуглое лицо, сѣрые или каріе, большею частію плоскіе и довольно узкіе глаза, прямой и небольшой лобъ, оттопыренныя большія уши, короткая рѣдкая борода, по большей части темнорусая. Выраженіе лица у башкиръ не только не безобразно, но нерѣдко даже очень красиво. Ходячія изображенія башкиръ съ звѣрскимъ монгольскимъ лицомъ, съ выдавшимися скулами и косыми глазами—далеко не вѣрны.

Ростъ башкиры имѣютъ большею частью средній, сложеніе не очень крѣпкое; но тѣмъ не менѣе они довольно сильны и способны переносить большія лишенія. Въ работѣ они, по общему отзыву, трудолюбивы и аккуратны, но *не споры*, т. е. не имѣютъ той выдержки и умѣлости, какая замѣтна у русскихъ. Поэтому заработная плата башкирамъ полагается меньше, нежели русскимъ крестьянамъ, а урочную работу они выполняютъ по крайней мѣрѣ на треть дольше въ сравненіи съ послѣдними. Вообще башкиры исполняютъ, напр. на золотыхъ пріискахъ и заводахъ-большею частью чисто механическій трудъ: рубятъ и возятъ дрова, приготовляютъ уголь, доставляютъ руду и проч. Также даютъ имъ такія работы, при которыхъ требуется аккуратность безъ особеннаго умѣнья, напр. на золотыхъ пріискахъ имъ нерѣдко поручаютъ конецъ промывки, такъ называемую головку, гдѣ золотой песокъ отдѣляется отъ марганца и другихъ металлическихъ примѣсей. При этомъ у башкиръ замѣчательно развиты органы чувствъ. Днемъ и даже ночью они въ состояніи различать предметы на недосягаемомъ для насъ растояніи, равно какъ уловить звуки, далеко недолетающіе еще до нашего уха. Вообще, организмъ башкиръ въ высшей степени приноровленъ къ своеобразной степной жизни и закаленъ противъ всѣхъ стихійныхъ невзгодъ. Въ этомъ смыслѣ здоровье ихъ можно считать очень хорошимъ. Башкиры не знаютъ, что такое простуда или неудобоваримая пища. Если же они замѣтно вымираютъ отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней,

то причиной этому, конечно, далеко не деликатность ихъ тѣлеснаго сложенія, а вѣрнѣе нищета и крайне тяжелая жизненная обстановка вообще.

Нравственныя качества башкиръ весьма непривлекательны, что вполнѣ объясняется историческими условіями ихъ жизни. Они лѣнивы, склонны къ праздности, легковѣрны, подозрительны и скрытны.

Праздность и лѣнь, конечно, есть слѣдъ ихъ недавняго кочеваго быта, а легковѣрность обусловливается ихъ крайней неразвитостью Наиболѣе серьезные пороки ихъ состоятъ въ конокрадствѣ въ тяжбахъ ихъ между собою и со всѣми сосѣдями. Любовь къ сутяжничеству иногда проявлялась у нихъ въ курьезныхъ формахъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что очень часто случалось, какъ два башкира-противника отправлялись въ городъ на далекое разстояніе, на тяжбу другъ съ другомъ, изъ экономическихъ разсчетовъ—въ однихъ саняхъ и на одной лошади, для раззоренія одинъ другаго, такъ сказать, на общій счетъ...

При всемъ томъ башкиры до наивности добры, услужливы и въ высшей степени переносливы. Это—дѣти природы, несчастные, забитые, кроткіе и едва ли способные на какія бы то ни было рѣзкія, мстительныя выходки. Вообще башкиры очень смирны, и съ ними, какъ съ дѣтьми, можно дѣлать все, что угодно. Отъ воспоминаній объ ихъ прежней политической независимости и воинственности не осталось и слѣдовъ.—Полуголодные, едва существующіе изо дня въ день, запуганные и забитые башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика.

Между тѣмъ умственныя качества башкиръ далеко не безотрадны; ихъ можно считать людьми очень способными. Они не только обладаютъ здравымъ смысломъ, но предусмотрительны и находчивы и не лишены нѣкоторой доли остроумія и изобрѣтательности. Башкиры вообще склонны къ занятіямъ, при которыхъ требуется разнообразіе пріемовъ и личное соображеніе. Есть основаніе надѣяться, что при иныхъ условіяхъ исторической жизни, они не были бы хуже, напримѣръ, одноплеменныхъ имъ венгерцевъ.

Образъ жизни и занятія башкиръ различны и обусловливаются мѣстными удобствами, климатомъ и естественными произведеніями. Главное ихъ занятіе и богатство заключается въ скотоводствѣ. Когда-то у башкиръ было много разнаго скота, а на привольныхъ пастбищахъ паслись несмѣтные табуны лошадей; но это время миновало для нихъ безвозвратно. Теперь сплошь и рядомъ бываетъ, что у башкира нѣтъ ни лошади, ни овцы, ни коровы; а у кого скотъ еще имѣется, у тѣхъ онъ съ каждымъ годомъ вымираетъ... Въ настоящее время скотоводствомъ занимается собственно незначительная часть башкиръ, которые придерживаются еще полукочеваго быта.

Къ числу занятій башкиръ относятся также лѣсные промыслы, извозъ, пчеловодство, охота, между прочимъ—соколиная, а также рыбная ловля и работа на заводахъ и рудникахъ; хлѣбопашество прививается къ нимъ очень туго, да и выше перечисленные промыслы находятся у нихъ, такъ сказать, еще въ зачаткѣ. Напримѣръ, извозный промыселъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ башкиры занимаются имъ, возможенъ, быть можетъ, только для нихъ однихъ. Они ѣздятъ безъ дорогъ, по непроходимымъ лѣсамъ, дебрямъ и горнымъ ущельямъ, по извѣстнымъ только имъ однимъ мѣстностямъ. При этомъ, конская упряжь у башкиръ—ямщиковъ самого допотопнаго устройства: она вся состоитъ изъ одного мочальнаго хомута, часто еще несоотвѣтвующаго размѣрамъ конской шеи. Уложивъ небольшую кладь въ узенькія санки и запрягши въ нихъ нѣсколько лошадей гусемъ, башкиръ садится самъ на переднюю изъ нихъ верхомъ, и скачетъ по извѣстному ему направленію цѣликомъ дебрями и буераками, управляя всѣми лошадьми заразъ—крикомъ, свистомъ и энергическимъ размахиваніемъ мочальнымъ кнутомъ... Вообще, экономическое положеніе башкиръ чрезвычайно тяжелое. Сплошь и

рядомъ все имущество башкира заключается въ дырявой рубахѣ и лаптяхъ. Можно встрѣтить даже такихъ, которые лѣтомъ ходятъ (на работахъ) совсѣмъ безъ рубахи, босые, съ непокрытой головой, прикрывъ нижнюю часть тѣла дырявыми тряпками, взамѣнъ панталонъ; зимою, прямо на голое тѣло надѣвается верхняя одежда — халатъ, или армякъ. Многія взрослыя дѣвушки ходятъ также безъ рубахъ; вся одежда ихъ заключается въ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ башкиръ и зимой, и лѣтомъ держатся совершенно голыми. Не менѣе скудно бываетъ и ихъ питаніе, въ особенности зимою. Лѣтомъ еще, при подножномъ кормѣ скота, продовольствіе ихъ идетъ порядочно; но съ наступленіямъ зимы большинство башкиръ, равно какъ и ихъ скотъ, начинаютъ голодать, и тогда встрѣчаются жилища, обитатели которыхъ по нѣскольку дней не видятъ рѣшительно ничего съѣстнаго, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ истощенныя фигуры. Многіе довольствуются лепешками изъ толченаго проса, или лебеды, испеченными въ золѣ и похожими съ виду на засушенную глину, съ отвратительнымъ промозглымъ запахомъ и непріятнымъ вкусомъ. Другое, болѣе лакомое блюдо—болтушка изъ воды съ мукой или отваръ проса въ водѣ. Нужно, конечно, быть башкиромъ, чтобы безропотно переносить такую бѣдность и мириться съ ней. Замѣчательно, что, не смотря на всѣ лишенія и недостатки, нищихъ-попрошаекъ между башкирами вовсе не встрѣчается.

Къ числу многихъ причинъ жалкаго экономическаго положенія башкиръ относится прежде всего ихъ переходное состояніе отъ полу-кочеваго къ осѣдлому образу жизни. Не отрѣшившись вполнѣ отъ праздности и лѣни кочеваго народа и не освоившись въ достаточной степени со всѣми требованіями осѣдлаго, земледѣльческаго быта, башкиры подвергаются, наравнѣ со многими другими инородцами, многимъ невзгодамъ. Обладая пятнадцати-десятиннымъ надѣломъ, способнымъ достаточно обезпечивать крестьянина—хорошаго работника, умѣющаго взяться за дѣло, башкиры съ этимъ надѣломъ неминуемо попадаются въ кабалу и бѣдность, потому что ихъ система хозяйства, скотоводство и лѣсные промыслы требуютъ несравненно болѣе обширныхъ угодій и настоящаго приволья. Полудикарямъ-башкирамъ, отказавшимся вслѣдствіе этого отъ скотоводства и непривыкшимъ къ земледѣлію по необходимости пришлось прибѣгнуть къ продажѣ земли, и разныя лица начали скупать у нихъ огромныя пространства земли за самую дешевую цѣну. Даже въ послѣдніе годы, башкирскія земли покупались по полтинѣ и по рублю за десятину, въ то время, какъ даже годовая арендная плата была гораздо выше этой цѣны. Понятно, что такой порядокъ могъ существенно подорвать экономическое положеніе башкиръ. Сверхъ того, по неимѣнію запасовъ продовольствія на зимнее время, башкиры принуждены бываютъ еще осенью брать муку у русскихъ крестьянъ или промышленниковъ въ счетъ будущихъ заработковъ. Такимъ образомъ они закабаляются на заводы, золотые пріиски, или на полевыя работы. Словомъ, многіе изъ башкиръ нерѣдко оказываются совершенно въ безвыходномъ положеніи. Не мудрено поэтому, что въ нѣкоторыхъ башкирскихъ селеніяхъ, во время эпидемій, въ теченіи года вымираетъ половина населенія.

Въ прошломъ столѣтіи правительство полагало, что башкиры по своимъ привычкамъ болѣе склонны къ военному званію, чѣмъ къ сельскому труду, и потому въ 1786 году сборъ съ нихъ ясака былъ прекращенъ, а изъ нихъ самихъ набрано иррегулярное войско, главная обязанность котораго заключалась въ содержаніи кордоновъ на Оренбургской линіи, а иногда и въ участіи во внѣшнихъ войнахъ.

Такъ, въ 1812-мъ году изъ башкиръ и мещеряковъ сформировано было 30 казачьихъ полковъ для участія въ дѣйствіяхъ противъ французской арміи; въ Крымскую кампанію были высланы во внѣшнюю службу 4 пяти-сотенныхъ башкирскихъ казачьихъ полка. Къ сожалѣнію, войско это не приносило никакой особой пользы и не об-

наружило особой воинственности, и потому 14 мая 1863 года было Высочайше утверждено положеніе объ обращеніи башкирскаго войска въ гражданское вѣдомство. Отъ прежней воинской славы осталось за башкирами только прозвище «сѣверныхъ амуровъ», данное имъ французами, за особенность ихъ вооруженія, состоявшаго между прочимъ изъ лука и колчана со стрѣлами... Старые—воины башкиры впрочемъ, и до сихъ поръ съ гордостью щеголяютъ между своими однодеревенцами нашивками и значками, которые остались имъ отъ прежней службы.

Башкиры, по обширности занимаемыхъ ими земель и по своему положенію на отдаленной восточной окраинѣ Европейской Россіи, долго оставались подъ исключительнымъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизовъ, и потому до сихъ поръ сохранили въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочеваго быта. Въ этомъ только и состоитъ отличіе ихъ отъ казанскихъ и другихъ единоплеменныхъ имъ татаръ. Правда, въ настоящее время башкиры живутъ уже среди осѣдлаго населенія. Ихъ окружаетъ пестрая смѣсь племенъ: русскіе, малороссы, бѣлоруссы, мещеряки, чуваши, мордва, тептяри, татары и отчасти калмыки и киргизы, и рѣдкія селенія башкиръ представляются островками среди моря русскихъ и инородческихъ поселеній. Поэтому башкиры не могли уже не усвоить нѣкоторыхъ привычекъ осѣдлой гражданской жизни. Въ настоящее время, они, собственно говоря, всѣ уже имѣютъ дома и живутъ деревнями. Однако, можетъ быть, только половина изъ нихъ живутъ постоянно въ домахъ; остальные же каждое лѣто покидаютъ деревни и переселяются въ степи, гдѣ и кочуютъ въ войлочныхъ шалашахъ или кибиткахъ, называемыхъ *кошъ*. Осѣдлые башкиры постоянно живущіе въ деревняхъ, обыкновенно ничѣмъ не отличаются отъ казанскихъ татаръ хлѣбопашцевъ, какъ по устройству жилищъ, такъ и по хозяйству и даже по благосостоянію. Что же касается до полукочевыхъ башкиръ, то бытъ ихъ значительно разнится отъ татарскаго.

Прежде всего, деревни башкиръ, какъ полукочевыхъ, такъ даже и вполнѣ осѣдлыхъ, по своему внѣшнему виду, отличаются отъ татарскихъ деревень какой-то неоконченностью, или полуразрушенностью. На одномъ дворѣ недостаетъ, напримѣръ, воротъ, на другомъ—крыши на избѣ, на третьемъ бросаются въ глаза полуразрушенныя хозяйственныя пристройки. Вообще, всѣ башкирскія деревни носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ отсутствія домовитости и любви къ своему жилищу со стороны ихъ хозяевъ, чего нельзя сказать про казанскихъ татаръ.

По внутреннему устройству и убранству, жилища осѣдлыхъ башкиръ совершенно сходны съ избами казанскихъ татаръ. У полукочевыхъ же башкиръ внутреннее устройство жилищъ скорѣе напоминаетъ кибитку киргиза, чѣмъ жилье хотя-бы и татарина-поселянина. Посреди подобной башкирской избы, часто неимѣющей ни крыши, ни пола, устроенъ *чувалъ*, родъ камина, съ прямой трубой и съ широкимъ отверстіемъ для горѣнія дровъ. Съ одной стороны чувала вмазывается котелъ, подъ которымъ поддерживается постоянный огонь и въ которомъ варятъ пищу и стираютъ бѣлье или, вѣрнѣе, грязныя лохмотья... Вокругъ стѣнъ, увѣшанныхъ конской сбруей, оружіемъ и стрѣлами, помѣщаются иногда сундуки, а также перины, подушки и одѣяла, если только они имѣются. Два или три окна, прорѣзанныя въ одной изъ стѣнъ, заклеиваются очень часто, вмѣсто стеколъ, буйволовымъ пузыремъ, едва пропускающимъ свѣтъ. Грязь въ избѣ непроходимая. При употребленіи пищи башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которыя замѣняются руками; къ тому же, употребленіе бани и мыла до сихъ поръ не привилось къ нимъ; оттого опрятность и чистоплотность представляются добродѣтелями неслыханными въ семействахъ башкиръ, и въ ихъ платьѣ и бѣльѣ разводится несмѣтное количество плотоядныхъ насѣкомыхъ.

Въ описанныхъ жилищахъ, башкиры дрогнутъ и голодаютъ въ продолженіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Подъ конецъ зимы они бро-

дятъ по деревнямъ, какъ тѣни, изнуренные, оборванные и апатичные, съ одной надеждой на наступающее лѣто. Но башкиръ совершенно преображается, когда семейство его, съ первымъ проблескомъ весны, потянется въ *коши*. На лѣтней кочевкѣ башкиръ отдыхаетъ на славу; ѣстъ баранину, пьетъ кумысъ или молоко, и ни о чемъ не думаетъ. Сборы бываютъ не долги. Запрягаютъ лошадь въ арбу, или навьючиваютъ верблюда, забираютъ домашнюю рухлядь, берутъ одну или двѣ подушки, грязный войлокъ или черную кошму, двѣ пары рубахъ для хозяина, халатъ изъ китайки для жены, одну или двѣ ложки и кунякъ (ведро) вотъ и все! Молодые башкиры и башкирки, надѣвъ на себя лучшее платье, ѣдутъ впереди верхами, погоняя табуны лошадей и стада скота. Прибывъ на поляну, выбранную для кочевки, иногда верстъ за сто отъ деревни, башкиры устраиваютъ наскоро *коши* или войлочныя кибитки, на подобіе киргизскихъ. На круглыя деревянныя рѣшетки, укрѣпленныя въ землѣ, натягиваютъ войлокъ, оставляя отверстіе вверху шалаша, для выхода дыма. Посреди кибитки разводятъ костеръ,—и жилище готово. Привязавъ жеребятъ и отпустивъ стада на подножный кормъ, башкиры предаются праздности и лѣни.

Раннимъ утромъ встаютъ, прежде всего, башкирки, доятъ коровъ, моютъ посуду и осматриваютъ стада. Затѣмъ поднимаются старики, накидываютъ на себя халаты и выходятъ изъ кибитокъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Немного спустя, они собираются въ палатку какого нибудь зажиточнаго башкира попить любимаго кумысу. Отъ него идутъ къ другому башкиру и продолжаютъ распивать освѣжающій напитокъ, подъ звуки курая (дудки) или подъ пѣніе башкирскихъ пѣсенъ про подвиги *отисъ и дидовъ*...

Черезъ какія-нибудь 2 или 3 недѣли башкиръ и узнать нельзя. Къ нимъ возвращаются врожденная веселость и живость. Просыпаются въ нихъ старые инстинкты и склонности; появляется отвага, юморъ изобрѣтательность и живость въ движеніяхъ, даже самый наружный видъ ихъ измѣняется. Только въ кошахъ и можно узнать, что такое башкиръ по природѣ.

Однако, скоротечность лѣта напоминаетъ и кочующимъ башкирамъ о близости суровой зимы, и они волей-неволей принимаются за рубку дровъ, за гонку смолы и дегтя, и за сѣнокосъ. Тутъ же, вблизи кошей, обыкновенно, расположены бываютъ и ихъ пашни.

При этомъ, очень часто оказывается, что у одного недостаетъ топора, у другого нѣтъ сохи или бороны.....

Съ наступленіемъ заморозковъ, обыкновенно поздней осенью, башкиры возвращаются опять въ свои деревни, голодать и дрогнуть до наступленія слѣдующей весны.

Но далеко не всѣ башкиры, даже изъ наиболѣе богатыхъ, пользуются этими лѣтними кочевками. Самые зажиточные изъ башкиръ уже вполнѣ освоились съ домашнимъ комфортомъ и не думаютъ ни о какихъ переселеніяхъ. Наиболѣе же б[illegible]ные изъ нихъ не имѣютъ земли для кочевокъ и принуждены копошиться все лѣто подлѣ своихъ полуразвалившихся избъ, или же тянутся, вмѣсто кошей, на заводы и пріиски....

Одежда башкиръ, даже по названію, почти тождественна съ обыкновеннымъ татарскимъ костюмомъ. Мужчины носятъ тѣ же длинныя рубахи съ откладными воротниками, тотъ же чекмень (кафтанъ), халаты и широкіе шальвары. Голову покрываютъ низкой войлочной шляпой съ загнутыми вверхъ полями. На ногахъ носятъ ичиги съ калошами, а бѣдные—лапти. Зимою носятъ тулупы и шапки, отороченныя мѣхомъ.

Женскій костюмъ также мало отличается отъ татарскаго. Башкирки носятъ холщевыя рубашки, вышитыя вокругъ ворота и рукавовъ алаго цвѣта нитками. Сверхъ рубашки надѣваютъ платье—родъ кафтана, зимою съ рукавами, а лѣтомъ безъ рукавовъ; платье это увѣшивается вокругъ ворота и на груди серебряными монетами. Подобно татаркамъ, башкирскія женщины носятъ шальвары.

На ноги надѣваютъ или сафьянные башмаки на высокихъ каблучкахъ, или же лапти, смотря по состоянію. Дѣвушки ходятъ съ открытой головой, а замужнія башкирки надѣваютъ на голову *кожбовъ*—шапочку, унизанную мелкимъ краснымъ бисеромъ. Но самый щегольской нарядъ—это *калябашъ*, шлемообразная чешуйчатая шапка, съ длиннымъ и широкимъ хвостомъ, сплошь увѣшаннымъ серебряными монетами. Цѣна калябашу доходитъ иногда до 1000 рублей. Какъ рѣдкость, онъ встрѣчается только въ немногихъ богатыхъ домахъ и переходитъ отъ матери къ замужнимъ дочерямъ по наслѣдству.

Національную пищу башкиръ, какъ и у казанскихъ татаръ, составляютъ преимущественно жирныя и мучнистыя кушанья. *Чуръпаря*, маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, сваренные въ маслѣ или водѣ. *Баламыкъ*, отваръ варенаго мяса съ мелко натертымъ саломъ или «крутомъ». *Крутъ*, засушенный творогъ, въ родѣ сыру. *Бишъ-бармакъ*, искрошенное мясо съ кусочками тѣста, сваренное въ маслѣ или водѣ. Бишь-бармакъ ѣдятъ пригоршней, отчего онъ и получилъ свое названіе—«бишъ-бармакъ», что значитъ въ переводѣ—пять пальцевъ. Къ числу башкирскихъ кушаній относятся также обыкновенныя татарскія блюда: *каймакъ*, *салма*, *катыкъ* и проч. Любимая пища башкиръ—лошадиное мясо и баранина Изъ напитковъ наиболѣе употребительны: чай, кумысъ и «айранъ».

Башкиры очень гостепріимны и подчуютъ своими національными яствами всякаго гостя безъ разбора, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ и какого бы онъ званія или сана ни былъ. По сѣтитъ его торговецъ, чиновникъ или начальникъ кантона (башкирской волости), башкиръ рѣжетъ и жаритъ цѣлаго барана, на истребленіе котораго сходятся и всѣ сосѣди хозяина. При этомъ, башкиры никогда не снимаютъ шапокъ передъ гостемъ, будь онъ даже ихъ начальство; они съ достоинствомъ подаютъ ему руку и разговариваютъ, какъ равный съ равнымъ.

Религія башкиръ, какъ и у всѣхъ татаръ,—мусульманская. Духовенство ихъ подчинено оренбургскому муфтію. По обыкновенію всѣхъ мусульманъ, башкиры имѣютъ при каждой мечети школы, въ которыхъ муллы занимаются обученіемъ дѣтей. Однако, мусульманская грамота мало приноситъ пользы башкирамъ.

Религіозныя празднества и народныя увеселенія у башкиръ тѣ-же самыя, что и у татаръ. Посты и праздники рамазана и курбанъ-байрама они исполняютъ, хотя менѣе фанатично, чѣмъ казанскіе татары, но съ соблюденіемъ тѣхъ-же обрядовъ и обычаевъ, что и у послѣднихъ. Изъ народныхъ празднествъ башкиры, подобно казанскимъ татарамъ, совершаютъ праздникъ *сабанъ*, въ началѣ весны, предъ выселеніемъ въ коши, и праздникъ *зіинъ* или джіинъ, лѣтомъ, во время кочевокъ. Оба торжества эти справляются: первый—гдѣ-нибудь въ полѣ, близь деревни, а второй — на мѣстахъ кочевокъ. Празднества сопровождаются, какъ и у прочихъ татаръ, объяденіемъ, питьемъ кумыса или бузы, пѣніемъ пѣсней и скачками или борьбою съ призами. Побѣдитель получаетъ какой-нибудь разшитый платокъ изъ рукъ лучшей женщины или дѣвушки, и награждается возгласами толпы: «мердясь! мердясь!» (исполать, браво!). По окончаніи состязанія, участвовавшіе въ немъ молодые джигиты ходятъ по всѣмъ дворамъ, съ пожеланіемъ хозяевамъ хорошаго урожая и всего лучшаго въ жизни, за что получаютъ въ каждой избѣ угощеніе бузою, катыкомъ, баламыкомъ и проч. Во время празднества джіина, совершаемаго на мѣстѣ кочевки, сюда съѣзжаются, какъ на ярмарку, торговцы сластями и плодами, и даже виномъ и водкою, что, впрочемъ, въ послѣднее время преслѣдуется мѣстною администраціею.

Семейные обряды и обычаи башкиръ также напоминаютъ соотвѣтствующіе татарскіе обычаи. Заключеніе брака у башкиръ

основано также на взносѣ со стороны жениха выкупа за невѣсту или *калыма*. Цѣнность выкупа опредѣляется, обыкновенно, состояніемъ жениха, и заключается у самыхъ бѣдныхъ въ возѣ дровъ или сѣна, а у самыхъ богатыхъ цѣнность калыма достигаетъ иногда до 3,000 рублей. Сватовство начинается, очень часто, въ то время, когда женихъ и невѣста еще не вышли изъ пеленокъ. Сватъ со стороны жениха, обыкновенно ближайшій родственникъ его, отправляется къ отцу невѣсты и, спросивъ о здоровьѣ деревенскихъ стариковъ, поговоривъ, затѣмъ, о томъ о семъ, объявляетъ подъ конецъ о цѣли своего посѣщенія. Если послѣдуетъ согласіе со стороны отца невѣсты, то свата немедленно угощаютъ чаемъ, котораго онъ выпиваетъ чашекъ 10 или 15, потомъ подчуютъ бишь-бармакомъ, при чемъ хозяинъ дома долженъ подавать свату кусочекъ мяса собственными пятью пальцами; вслѣдъ за тѣмъ угощаютъ опять чаемъ.

Обрядъ вѣнчанія и свадебное торжество совершается у башкиръ одинаково съ татарами.

Вообще, родство этихъ двухъ тюркскихъ племенъ очень близкое, какъ по происхожденію, такъ и по всѣмъ этнографическимъ признакамъ: по языку, по физическому типу, по одеждѣ, жилищамъ, пищѣ и по народнымъ обычаямъ и обрядамъ. Все отличіе башкиръ отъ татаръ въ настоящее время заключается отчасти въ образѣ жизни а также въ степени матеріальнаго благосостоянія; но все это объясняется болѣе низкимъ уровнемъ развитія башкиръ. Указываютъ также на большую свободу, которою пользуются башкирскія женщины, на отсутствіе у послѣднихъ обычая закрывать лица, на отсутствіе въ самихъ башкирахъ склонности къ осѣдлости, труду и домовитости, но и это все составляетъ такіе признаки, которые не даютъ права раздѣлять оба эти народа на два совершенно различныхъ племени, и которые легко сглаживаются подъ вліяніемъ постепеннаго развитія народа.

Вѣроятно, вслѣдствіе крайне-тяжелой матеріальной обстановки и весьма слабаго умственнаго развитія башкиръ, численность этого племени, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается. Безъ сомнѣнія, часть башкиръ, при этомъ, слилась и продолжаетъ до сихъ поръ сливаться съ русскою народностью; остальная-же часть, по неимѣнію силъ и средствъ выдержать конкурренцію съ окружающею болѣе развитою народностью, неминуемо обречена на вымираніе. Въ этомъ отношеніи участь башкирскаго народа столь-же печальна, какъ и судьба многихъ другихъ, уже окончательно вымершихъ инородцевъ. Но для башкиръ есть еще много времени впереди, и если всѣ мѣры за это время направлены будутъ тѣми, отъ кого это зависитъ, къ ускоренію и облегченію сліянія ихъ съ господствующею націею, то башкирская народность можетъ еще, такъ сказать, продолжиться въ общей жизни съ великимъ русскимъ народомъ, въ сліяніи съ которымъ и заключается единственное спасеніе для всѣхъ полудикихъ, инородческихъ племенъ въ Россіи.

XXVI. МЕЩЕРЯКИ.

Прошлая судьба мещеряковъ. Современный бытъ ихъ.

Мещеряки или мещера — турко-финское племя или, лучше сказать, отчасти отатарившееся, отчасти обрусѣвшее финское племя, уцѣлѣвшее нынѣ только въ Уфимской, Пермской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ, въ количествѣ около 140,000 душъ обоего пола. Въ прежнее-же время мещера населяла такъ называемую Мещерскую область, въ составъ которой входила часть нынѣшней Рязанской губерніи къ сѣверу отъ рѣки Оки, сѣверные уѣзды Тамбов-

БАШКИРЫ.

КИРГИЗЫ.

ской и западные уѣзды Пензенской, гдѣ мещеряки уцѣлѣли и донынѣ. Независимо отъ этого мещера обитала въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Пензенской и Симбирской, по правую сторону Волги, откуда этотъ народъ бѣжалъ въ Башкирію, вслѣдствіе разрушенія русскими Казанскаго царства. Такимъ образомъ, съ давнихъ поръ одна часть мещеры подпала подъ вліяніе и власть татаръ, а другая — подъ вліяніе русскихъ, вслѣдствіе чего и нынѣшніе мещеряки представляютъ два совершенно различныхъ между собою типа—обрусѣвшей и отатарившейся мещеры. Такъ, пензенскіе мещеряки (которыхъ считается свыше 30,000 душъ) совершенно обрусѣли, утратили свой языкъ и говорятъ только по-русски, подобно своимъ русскимъ сосѣдямъ, исповѣдуютъ православную вѣру, однимъ словомъ, весьма мало отличаются отъ русскихъ крестьянъ, кромѣ удержанія за собою названія мещеряковъ и легкихъ оттѣнковъ произношенія, напримѣръ, употребленія звука *ц* вмѣсто *ч*, и можетъ быть нѣкотораго различія въ чертахъ лица. Такимъ образомъ, пензенскіе мещеряки находятся въ послѣдней степени обрусѣнія и скоро исчезнутъ также безслѣдно, какъ исчезли ихъ соплеменники другой части Мещерской области, въ которой можно однако-же встрѣтить слѣды обрусѣнія мещеры. Такъ, въ Рязанской губерніи, жители сѣверной части Спасскаго уѣзда, по теченію р. Пры, называютъ себя мещеряками, хотя уже ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

Жилище мещеряковъ составляетъ: черная изба, холодныя сѣни, вышка, клѣть, конюшня, сарай, баня и т. д. Избы у мещеряковъ строются различно, но вообще должно замѣтить, что въ дворахъ мещеряковъ много различныхъ пристроекъ, а въ домахъ замѣтно отсутствіе чистоты и опрятности. Въ избѣ и свиньи съ поросятами, и овцы съ ягнятами, и коровы съ телятами; валяется всякій хламъ отчего въ избахъ сырость и тяжелый воздухъ.

Одежда мужская—лѣтняя, обыкновенно, состоитъ изъ бѣлой холстяной рубахи, съ краснымъ оподольникомъ, и краснымъ-же, шитымъ бумагою, косымъ воротомъ, и изъ бѣлыхъ-же штановъ. Затѣмъ идетъ зипунъ изъ черной шерстяной матеріи, собственнаго издѣлія; бѣлыя, посконныя онучи и лапти. Въ зимнее время къ описанной одеждѣ прибавляется полушубокъ и тулупъ, суконныя онучи и шапка съ высокимъ, плисовымъ верхомъ о четырехъ углахъ. Молодыя дѣвушки, лѣтъ до 15, носятъ длинныя, бѣлыя рубахи, съ воротомъ шитымъ шерстью или бумагою, красною и другихъ цвѣтовъ; рубаху подпоясываютъ поясомъ, съ плетями на концахъ, довольно низко, и, перепуская ее вдвое, дѣлаютъ пазуху или, по ихъ, *пазицу*. Сверхъ рубахи надѣваютъ такъ называемый *чупрунъ*, который шьется изъ бѣлаго, тонкаго, неваленаго сукна, съ распашкою напереди, длиною нѣсколько ниже колѣнъ; бока, рукава, полы и подолъ чупруна обкладываются красными или зелеными лентами изъ такого-же сукна. Дѣвушки въ этомъ возрастѣ стригутъ маковку, голову подвязываютъ холщевыми, на подобіе полотенцевъ, платками, а въ праздникъ ситцевыми; на ногахъ носятъ бѣлыя онучи и лапти; голени-же обертываютъ черными, шерстяными, тонкими онучами, называемыми *повилами*; въ ушахъ носятъ большіе, съ проволочными кольцами серьги. Одежда замужнихъ женщинъ, обыкновенно, состоитъ изъ такой-же длинной рубахи, какую носятъ дѣвушки, и суконной, толстой понявы, которая бываетъ длиною не болѣе одного аршина; на ногахъ носятъ лапти, онучи и повилы; на головахъ-же носятъ особый уборъ, въ видѣ роговъ, которыя покрываются бѣлымъ, холщевымъ платкомъ, называемымъ ушникомъ.

Не смотря на значительное обрусѣніе, мещеряки Пензенской губерніи до сихъ поръ сохранили много старинныхъ обычаевъ и обрядовъ, которые не соблюдаются у окружающаго ихъ великороссійскаго населенія, хотя очевидно, что многіе изъ этихъ обычаевъ происхожденія славянскаго.

При рожденіи младенца, мещеряки замѣчаютъ время мѣсяца. Напримѣръ, по ихъ мнѣнію, если младенецъ родился въ началѣ мѣсяца, то это значитъ, что младенецъ проживетъ долго, если-же въ концѣ, то умретъ скоро. Мещеряки особенно радуются рожденію мальчика; при рожденіи, хозяинъ рѣжетъ барана, поросятъ, куръ берутъ водки, однимъ словомъ, готовятся къ пиру; при рожденіи-же дѣвочки, только богатые пируютъ. Въ крестные отцы беретъ, обыкновенно, изъ чужаго дома, а въ крестныя матери изъ своихъ родственниковъ, именно изъ сестеръ, племянницъ и т. д. У кого дѣти часто умираютъ, родители стараются брать такого кума и куму, у которыхъ много живыхъ крестниковъ, думая, что жизнь младенца зависитъ отъ выбора кумовьевъ. Мещеряки причащаютъ младенцевъ послѣ каждыхъ шести недѣль, и матери особенно хлопочутъ о томъ, чтобы не выпускать, какъ онѣ говорятъ, младенца изъ шести недѣль.

Первоначальный сговоръ къ свадьбѣ происходитъ между парнемъ и дѣвушкой на игрищахъ и посидѣлкахъ и потому браки у мещериковъ рѣдко происходятъ по принужденію. Условившись между собою, парень проситъ отца просватать извѣстную дѣвушку. Если дѣло идетъ на ладъ, отецъ жениха покупаетъ вина, поитъ отца невѣсты и родственниковъ ея, сохраняя впрочемъ дѣло въ тайнѣ. Затѣмъ идетъ къ священнику и проситъ благословенія начинать сватанье. Выбравъ кого нибудь поопытнѣе изъ родственниковъ невѣсты, или *схожатаго*, онъ посылаетъ его въ домъ невѣсты съ формальнымъ предложеніемъ о сватовствѣ. Выпивъ и угостивъ родителей, схожатый начинаетъ свое дѣло такъ: «Я къ вамъ пришелъ, дядюшка и тетушка! Я купецъ, у васъ, слышалъ я, есть товаръ». «Есть родимый, да дорогъ»; отвѣчаетъ мать невѣсты. «Намъ такого и нужно, отвѣчаетъ съ своей стороны схожатый: мы люди не простые». Тутъ съ обиняковъ дѣло переходитъ на прямой разговоръ о сватовствѣ. Мать невѣсты объявляетъ цѣну своей дочери, которая простирается иногда до нѣсколькихъ десятковъ рублей, да требуетъ еще полушубокъ, зипунъ, онучи и лапти; уговариваются также сколько женихъ обязанъ привезти въ домъ невѣсты вина: одно ведро на столъ и одно подъ столъ, или два ведра на столъ и столько же подъ подъ столъ (подъ столъ вино назначается для дома невѣсты, а на столъ идетъ на угощеніе гостей). Уладивши на первый разъ дѣло, схожатый идетъ домой. Къ нему подходитъ отецъ жениха и распрашиваетъ его о сватовствѣ. Если все улажено хорошо, схожатый и отецъ жениха идутъ въ домъ невѣсты для рукобитья. На рукобитье опять приноситъ вино, уговариваются о клажѣ (т. е. платѣ жениха и о приданомъ), даютъ другъ другу руки и схожатый разнимаетъ ихъ; такимъ образомъ полагается начало свадьбѣ. Надобно замѣтить, что отецъ невѣсты во время всѣхъ этихъ переговоровъ старается держаться въ сторонѣ, предоставляя все дѣло главнымъ образомъ на усмотрѣніе жены. Онъ говоритъ, указывая на нее: «вонъ съ ней говорите; это не нашъ, а ее товаръ». Чрезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья бываетъ *запой*. Въ назначенный день въ домѣ невѣсты собираются ея родственники; отецъ жениха собираетъ также своихъ, беретъ съ собою хлѣба, пироговъ, поросенка, часть говядины, блиновъ, вина ѣдетъ въ домъ невѣсты, гдѣ бываетъ пиръ, который и называется запоемъ; во время запоя невѣста сидитъ въ вышкѣ и не показывается гостямъ; жениха на запоѣ не бываетъ также. Случается, что послѣ запоя пронесется слухъ, что невѣста имѣетъ какіе либо недостатки, которые ранѣе скрывались. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣсты беретъ рубль или два, и ѣдетъ въ домъ невѣсты, объявляя, что онъ хочетъ посмотрѣть невѣсту, платя за это безчестье. Мать торгуется и, потомъ, за извѣстную плату соглашается показать невѣсту и дѣйствительно показываетъ. Если невѣста окажется дѣйствительно съ недостатками, отецъ жениха, пріѣхавъ домой, посылаетъ схожатаго къ невѣстѣ съ отказомъ.

Наканунѣ свадьбы съ жениха берутъ деньги слѣдующимъ по-

рядкомъ отецъ жениха идетъ къ схожатому и говоритъ ему, что нынѣ слѣдуетъ отдать деньги за невѣсту. Схожатый идетъ къ невѣстѣ и говоритъ отцу ея, чтобы онъ готовился. Спустя нѣкоторое время, отецъ жениха собираетъ своихъ родственниковъ, которые съ схожатымъ, отцомъ жениха и матерью его идутъ вмѣстѣ въ домъ невѣсты, со всѣмъ нужнымъ для пированья. Погулявши въ домѣ невѣсты, родственники жениха идутъ домой, а выбранный дружка остается и беретъ у дѣвушекъ рубаху для жениха, заплативъ за нее по состоянію жениха нѣсколько рублей. Въ день свадьбы схожатый отвозитъ отъ жениха невѣстѣ шубу, зипунъ, онучи, лапти и велитъ имъ готовиться къ поѣзду. Передъ поѣздомъ родители жениха благословляютъ его, послѣ чего всѣ поѣзжане, посидѣвши немного, молятся, и испрашиваютъ благословенія у родителей жениха къ поѣзду. Выйдя на дворъ, дружка три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ и говоритъ: кто съ нами, тотъ садись въ сани, а кто не съ нами, тотъ поди прочь. Затѣмъ съ разными церемоніями отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ начинается подчиванье виномъ всей компаніи. По окончаніи подчиванья, жениха и невѣсту выводятъ изъ-за стола и сажаютъ въ разныя телеги или сани; дружко опять обходитъ поѣздъ съ иконой и поѣздъ отправляется. Послѣ вѣнчанія молодыхъ уводятъ въ церковную караулку, гдѣ на новобрачную надѣваютъ женскій уборъ и уѣзжаютъ домой. При въѣздѣ въ домъ стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружья; это дѣлается для предохраненія молодыхъ отъ порчи колдунами, которые, вслѣдствія выстрѣла, теряютъ память, и потому колдовство ихъ не можетъ уже дѣйствовать. На крыльцѣ молодые встрѣчаются родственниками, обсыпаются хмѣлемъ и входятъ въ избу по разостланному холсту. Молодыхъ усаживаютъ на лавкѣ: жениха въ шапкѣ, а невѣсту подъ покрываломъ. Дружко взлѣзаетъ на лавку, обходитъ молодыхъ три раза, каждый разъ ударяя голову жениха о голову невѣсты и приговариваетъ: «сколько у меня пинечковъ, столько за вами сыночковъ, сколько въ лѣсу кочекъ, столько бы у васъ дочекъ»; затѣмъ снимаетъ съ жениха шапку, а съ невѣсты покрывало, и идетъ съ свахою въ клѣть нагрѣвать постелю для молодыхъ, разостлавъ по ней кушакъ, которымъ былъ подвязанъ. На другой день молодые ѣдутъ звать родственниковъ невѣсты въ гости къ жениху и пиръ продолжается дня два. Черезъ недѣлю отецъ невѣсты дѣлаетъ пиръ у себя и зоветъ родственниковъ жениха; этотъ пиръ называется *отпиръ*. Молодая недѣли черезъ три ходитъ въ гости къ матери, гдѣ обыкновенно гоститъ недѣль шесть. Мещеряки всегда стараются брать невѣсту изъ своего села или въ сосѣднемъ же мещерякскомъ; брать же жену въ дальнемъ селѣ или не мещерякскомъ, считается безчестьемъ.

Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ замѣчаются у мещеряковъ и при смерти и погребеніи. Такъ во время сопровожденія покойника въ церковь, мужчины слѣдуютъ около гроба повязанные бѣлыми платками, а женщины идутъ не въ дальнемъ разстояніи отъ гроба и всѣ плачутъ въ голосъ, причитывая каждая свое. Въ сороковой день совершаютъ поминки, на которые приглашаютъ родственниковъ и духовенство. Послѣ панихиды женщины выходятъ во дворъ къ воротамъ и плачутъ, провожая покойника на небеса, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, до 40 дней душа покойника еще пребываетъ на землѣ, въ своемъ домѣ. Въ дни, назначенные для поминовенія, на могилы приносятъ блины, пироги, брагу, яйца и т. д., вырываютъ небольшую ямку и кладутъ туда по немногу всего съѣстного, остальное съѣдаютъ сами.

Мещеряки вообще довольно религіозны, хотя религіозность ихъ болѣе ограничивается соблюденіемъ внѣшней стороны христіанскаго ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, среди нихъ распространено много суевѣрій, впрочемъ общихъ съ коренными русскими.

Въ характерѣ своемъ мещеряки не представляютъ какихъ нибудь рѣзкихъ особенностей; они довольно смышлены, въ послѣднее время охотно заботятся объ образованіи своихъ дѣтей. Главный ихъ про-

мыселъ—земледѣліе; а у пензенскихъ мещеряковъ есть свой промыселъ—битье конопляпаго масла.

Отатарившіеся мещерики сохранили кажется еще менѣе своихъ національныхъ особенностей, чѣмъ мещеряки—христіане. Всѣ они исповѣдуютъ магометанскую религію и вообще относятся очень ревностно къ исполненію предписаній своего закона.

Мещеряки—магометане живутъ на земляхъ, составлявшихъ нѣкогда собственность башкирцевъ и считаются ихъ *«припущенниками»*. Они народъ совершенно осѣдлый, живутъ деревнями въ хорошо устроенныхъ домахъ на русскій образецъ. Главный промыселъ ихъ хлѣбопашество и скотоводство. Мещеряки здоровы, крѣпко сложены, опрятны, одѣты чисто. Одежда ихъ таже, что и у татаръ, тюбитейка, бѣлая войлочная шляпа лѣтомъ, а зимой мерлушковая шапка или овчинный малахай, рубаха холщевая или ситцевая длиною ниже колѣнъ, широкіе шаровары, бешметъ, халатъ или азямъ изъ сукна или болѣе легкой матеріи. Жены и дочери мещеряковъ также одѣваются опрятно: ситцевая съ многими оборками внизу рубашка, бешметъ и кожбакъ т. е. нагрудникъ изъ серебряныхъ монетъ разной величины составляютъ обыкновенный ихъ костюмъ. Какъ на особенность можно указать на то, что у мещеряковъ, не въ примѣръ другимъ магометанамъ, женщина пользуется значительною свободою; въ мещерякскихъ деревняхъ нерѣдко можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ на игрищахъ, чего нельзя встрѣтить въ другихъ мусульманскихъ селеніяхъ.

XXVII. ТЕПТЯРИ.

Тептяри-магометане и Тептяри-язычники.—Характеръ, обряды и обычаи.

Тептяри не представляютъ какого нибудь обособившагося типа, а, есть помѣсь татаръ и финскихъ народцевъ: черемисъ, чувашей, вотяковъ и мордвы. Они живутъ въ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской, преимущественно на земляхъ прежде принадлежавшихъ на правѣ собственности башкирцамъ.

Тептяри въ настоящее время раздѣляются собственно на два разряда: тептярей-татаръ и тептярей язычниковъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ племени въ настоящее время есть лица принявшіе христіанскую вѣру. Сообразно этому дѣленія на магометанъ и язычниковъ и въ ихъ образѣ жизни, въ нравахъ, обычаяхъ, существуетъ значительная разница. Тептяри магометане подверглись сильному вліянію татаръ или, лучше сказать, совершенно отатарились. Но, исповѣдуя магометанскую религію, тептяри, кажется, не имѣютъ о ней надлежащаго понятія и не въ состояніи объяснить какой нибудь изъ самыхъ обыкновенныхъ религіозныхъ обрядовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что религія тептярей состоитъ только въ наружныхъ формахъ. Богослуженіе они совершаютъ въ мечетяхъ, въ которыя женщины не имѣютъ права входить. Языкъ тептярей-татаръ, татарскій; одежда также татарская.

Тептери-татары вообще любятъ пощеголять нарядомъ и похвастаться хорошею вещью, хотя бы она была воровская или взятая на время у сосѣда. Если тептяръ идетъ въ гости, особенно къ женипой роднѣ и, если у него нѣтъ собственнаго приличнаго платья, онъ, не стѣсняясь, отправляется къ сосѣду, вымѣниваетъ тамъ платье,

даетъ ему хорошія деньги, часто не много меньше того, что стоитъ вещь и, получивъ платье, съ радостію идетъ домой. Точно также нерѣдко собираетъ со всей деревни и нарядную сбрую для лошади для поѣздки въ гости, и также за деньги. Добрая хозяйка ни въ чемъ не отстаетъ отъ мужа. Она точно также собираетъ почти по всей деревнѣ свой костюмъ, гдѣ платокъ гдѣ рубашку, и точно также, тѣмъ или другимъ способомъ, платитъ за прокатъ. Потомъ румянится и бѣлится. Разрядившись такимъ образомъ, она садится съ своимъ супругомъ въ сани или телѣгу, смотря по времени года, наполненныя перинами и подушками, и отправляется въ гости: оба веселы, счастливы, имъ нѣтъ дѣла до того, что, возвратившись домой, они за все должны платить, и платить не мало. Такъ какъ деньги у тептяръ бываютъ рѣдко, особенно же запасныя, то онъ отдаетъ сосѣду землю, часто еще незасѣянную и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ труда обработывать ее. Если сосѣдъ несоглашается взять невспаханную землю, а въ гости ѣхать нужно, то онъ готовъ отдать и вспаханную и засѣянную землю, лишь-бы тотъ далъ ему свое платья.

Селенія тептярей-татаръ бѣдны, неопрятны; улицы узкія, кривыя; дома—это по большей части ветхія избушки безъ сѣней, окна безъ рамъ, просто затянутыя пузыремъ; только зажиточные имѣютъ двѣ сколько нибудь сносныя избы, а между тѣмъ деревни расположены въ лѣсу и часто на собственной землѣ тептярей находится лѣсъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что внутри домъ содержится опрятно. Войдите въ самую бѣдную избушку, и тамъ всегда найдете вымытый полъ, выбѣленную печку, чистый столъ, нары и лавку. Зажиточные тептяри, имѣющіе двѣ избы, одну называютъ горницей; устройство избы вездѣ совершенно однообразное; кругомъ стѣнъ нары, въ переднемъ углу столъ, около стѣнъ развѣшаны полотенца съ концами, вышитыми красной бумагой или даже шелкомъ; на нарахъ положенъ коверъ, а въ углахъ разставлено нѣсколько сундуковъ, на которыхъ чуть не до потолка навалены перины и подушки. Сундуки часто очень хороши и довольно дороги, но загляните въ сундукъ и тамъ окажется какая нибудь никуда негодная уже вещь. У задней стѣны въ избѣ стоитъ шкафъ съ чайной посудой; иногда цѣлая полка занята чайниками; невольно подумаешь, для чего такое множество чайниковъ, но когда присмотришься внимательнѣе, то окажется, что изъ нихъ одинъ, много два, годны къ употребленію, а другія—который безъ бока, который безъ носа, третій совсѣмъ безъ дна,—но всѣ они разставлены такъ тщательно у стѣны, что издали кажется, что всѣ они цѣлы. Таже самая исторія и съ чайными чашками. Подлѣ печи на особо сдѣланномъ мѣстѣ красуется самоваръ, чисто вычищенный, а у богатыхъ даже два, а рядомъ съ нимъ мѣдный умывальникъ, въ видѣ кувшина и мѣдный тазъ.

Не смотря на счастливую мѣстность и почти вездѣ достаточное количество полевыхъ и лѣсныхъ угодій тептяри все-таки весьма часто сидятъ безъ хлѣба. Пріѣзжайте когда угодно въ тептярскую деревню и вы всегда увидите у воротъ какого-либо дома человѣкъ десять, а если деревня большая, то и больше тептярей; они преспокойно сидятъ и нѣжатся на солнцѣ, а что дѣлается въ полѣ, имъ нѣтъ дѣла. А между тѣмъ, употреби они хотя незначительный трудъ, земля давала-бы обильный плодъ; вѣдь только и нужно, что вспахать да посѣять. Да и не однимъ хлѣбопашествомъ они могли-бы заняться: у нихъ подъ бокомъ озеро полное рыбой, у нихъ кругомъ лѣсъ. Чего-бы кажется недоставало жить имъ безбѣдно, такъ нѣтъ: спросите у любого тептяря, зачѣмъ онъ дома, а не работаетъ въ полѣ, и онъ навѣрное найдетъ какую нибудь отговорку: или скажетъ, что болѣнъ, или что у него нѣтъ лошади, не на чѣмъ работать, а у другаго есть лошадь, такъ соха на два дома одна,—сегодня не его очередь. Спросите отчего онъ дома, когда могъ-бы идти хотя въ лѣсъ охотиться, онъ скажетъ что порохъ дорогъ, а навѣр-

но не знаетъ даже цѣну ему и никогда не справлялся. Спросите отчего не рыбачитъ,—отвѣтъ готовъ,—снастей нѣтъ.

Но взамѣнъ недостатка трудолюбія тептяри имѣютъ замѣтную склонность къ торговлѣ, какъ къ труду болѣе другихъ легкому. Сколотивъ какъ - нибудь, а иногда просто укравши, какъ - нибудь пять рублей, тептярь идетъ въ городъ, покупаетъ разныхъ мелочей: иголокъ, булавокъ, тесемокъ и т. п. Подговоривши себѣ товарища съ лошадью, такой торговецъ ѣдетъ по деревнямъ; гдѣ можно украсть—украдетъ, гдѣ можно надуть—надуетъ. Поторговавши въ одной деревнѣ, они отправляются далѣе; прійдетъ время обѣдать, наши торговцы выбираютъ какой - нибудь домъ побогаче, преспокойно въѣзжаютъ во дворъ, распрягаютъ лошадь, даютъ ей хозяйскаго корму, а сами идутъ въ избу, садятся за столъ и просятъ обѣдать. Добрая хозяйка рада не рада, а угощаетъ незваныхъ гостей. Боже сохрани обидѣть отказомъ такого торговца: онъ найдетъ случай отомстить — подведетъ конокрадовъ или что-нибудь другое да сдѣлаетъ. Послѣ обѣда и отдыха купцы отправляются далѣе и дарятъ хозяйкѣ, въ знакъ благодарности, иголку, либо вещичку, которой красная цѣна 2 коп. Объѣхавъ такимъ образомъ нѣсколько деревень и распродавъ свой товаръ, торговецъ возвращается домой, наживши рубль на рубль. Но онъ не поѣдетъ опять за товаромъ, а покупаетъ чаю, сахару, моханины (конскаго мяса), покушаетъ до сыта, ляжетъ на пуховики и цѣлый день распиваетъ чай. Вотъ тутъ-то предложите ему какой-нибудь трудъ, хотя-бы на самыхъ выгодныхъ условіяхъ,—онъ откажется. Онъ не разсчитываетъ на завтра, ему нѣтъ дѣла до будущаго.

Нельзя сказать, чтобы тептяри были сплошь бѣдняки; встрѣчаются между ними и зажиточные. Но нравственная сторона богатыхъ, ничѣмъ не лучше бѣдняковъ: они также лѣнивы и плутоваты. Это и не мудрено, такъ какъ богатство наживается не трудомъ, а больше плутнями и воровствомъ. Обезпечивъ себя небольшимъ капиталомъ, тептярь можетъ уже жить бариномъ. Напримѣръ, сосѣду вздумается напиться чаю, — дома его нѣтъ, купить не - на - что, онъ идетъ къ богатому, проситъ его и даетъ ему въ обмѣнъ свою полосу земли, часто уже засѣянную. Нужно платить подать, а денегъ нѣтъ, и ѣдняки цѣлыми толпами идутъ къ зажиточному сосѣду просить денегъ и тутъ-то отдаютъ ему въ аренду сѣнокосы, озера, поля за самую дешевую плату. Сколько-нибудь зажиточный тептярь самъ работать уже не станетъ ни зачто; трудъ онъ считаетъ равнымъ тѣлесному наказанію: еслибъ его кто-нибудь насильно заставилъ работать, то онъ считалъ-бы себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, и навѣрное жаловался - бы. Привычки тѣ же, что у богатаго, что у бѣднаго: если первый не согласится идти воровать самъ, то очень радъ купить что-нибудь краденое, особенно, если можно извлечь изъ этого выгоду. Кромѣ лѣни и воровства, этихъ главныхъ качествъ тептярей-татаръ, есть еще одно—страсть къ ябедничеству. Стоитъ только поссорится изъ-за чего нибудь двоимъ сосѣдямъ—они сейчасъ идутъ судиться.

Во многихъ отношеніяхъ противоположныя черты характера и быта представляютъ тептяри-язычники, не составляющіе, впрочемъ столь опредѣленнаго типа, какъ тептяри - магометане или точнѣе татары. Это зависитъ, конечно, прежде всего оттого, что они произошли, какъ уже было сказано выше, изъ смѣси черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ, почему и въ вѣрованіяхъ, и въ характерѣ они представляютъ какую - то странную смѣсь отличительныхъ чертъ этихъ послѣднихъ народцевъ.

Наружность ихъ вообще непривлекательна: небольшой ростъ худо сложенное тѣло, угловатыя формы, продолговатое лице, маленькіе вѣчно красные глаза, тонкій голосъ, рыжіе, большею частію, волосы, всегда выстриженные, клинообразная борода; во взглядѣ видны хитрость и недовѣрчивость. Исповѣдуя языческую религію, кромѣ Бога, котораго они считаютъ существомъ высшимъ обитаю-

щимъ на небѣ, признаютъ еще власть надъ собою злаго духа—Кереметя, и убѣждены, что всѣ несчастья, какія испытываетъ человѣкъ, совершаются по волѣ Керемети. О загробной жизни они имѣютъ иамыя сбивчивыя понятія. Но они вѣрятъ, что и за гробомъ человѣкъ живетъ, почему съ умершимъ кладутъ древесную вѣтвь, чтобы ему было чѣмъ, какъ они говорятъ, отгонять собакъ, которые на томъ свѣтѣ будутъ его кусать. Религіозные обряды ихъ состоятъ въ жертвоприношеніи, совершаемомъ разъ въ годъ въ честь Кереметя.

Тептяри-язычники кротки, смирны, не любятъ ссоръ, но если разъ поссорятся, то мстятъ цѣлую жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ честность ихъ считается, у живущихъ съ ними, неподкупною. Они трудолюбивы въ высшей степени и вмѣстѣ бережливы и даже скупы, по отношенію къ издержкамъ на себя. Земледѣліе у нихъ находится сравнительно въ хорошемъ состояніи. У рѣдкаго не найдется во всякое время запаснаго хлѣба. Нищій между тептярями - язычниками такая же рѣдкость, какъ богатый — между тептярями-татарами. Скота они держатъ также довольно и имѣютъ за нимъ хорошій уходъ. Селенія ихъ опрятны, улицы широкія, прямыя, дома большіе, удобные; у каждаго почти хозяина по двѣ избы и по нѣсколько пристроекъ. Но въ домашнемъ быту за то тептяри-язычники далеко не такъ опрятны какъ тептяри-татары: здѣсь они довели простоту до крайности. Въ ихъ избахъ сильное зловоніе; скотъ и птица живутъ вмѣстѣ съ хозяевами. Отъ этой неопрятности зависитъ, вѣроятно, сильное развитіе среди нихъ глазныхъ болѣзней. Особенно же между женщинами подъ старость рѣдко можно встрѣтить съ здоровыми глазами.

Изъ числа обычаевъ тептярей-язычниковъ, можно упомянуть обычаи при совершеніи свадьбы. Согласно имъ, каждый женихъ обязанъ непремѣнно украсть свою невѣсту, хотя-бы въ этомъ не предстояло ни малѣйшей надобности. Молодой человѣкъ, задумавъ жениться, высматриваетъ себѣ невѣсту. Выбравъ по сердцу, ухаживаетъ за ней нѣсколько времени и сговариваетъ сбѣжать съ нимъ.

Пока влюбленные ведутъ переговоры, приговляются къ побѣгу, родители какъ той, такъ и другой стороны, хотя и знаютъ объ этомъ, но, если находятъ, что партія подходящая, то притворяются, что ничего не замѣчаютъ и даютъ имъ полную свободу, и родители жениха, кромѣ того, приготовляются къ свадьбѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ дѣвушка покидаетъ навсегда родительскій домъ, выходитъ въ назначенное время на условленное мѣсто. Счастливый женихъ встрѣчаетъ ее, сажаетъ въ тѣлегу или сани и увозитъ домой. На другой день родители невѣсты пускаются въ погоню, обыкновенно зная напередъ, куда дѣвалась дочь, и идутъ прямо въ домъ жениха. Тамъ встрѣчаютъ ихъ какъ дорогихъ гостей, дѣлаютъ условіе о количествѣ калыма и когда кончатъ торгъ,—начинается пиръ. Какъ скупъ тептярь въ обыкновенное время, такъ добръ онъ въ это время и вообще на праздникѣ: т утъ кто-бы ни пришелъ—каждый гость; всѣхъ онъ напоитъ и накормитъ.

Всѣхъ тептярей, какъ мусульманъ, такъ и язычниковъ считается до 130,000 душъ обоего пола.

XXVIII. Ч У В А Ш И.

Въ русскихъ лѣтописяхъ впервые о чувашахъ упоминается по случаю построенія у устья рѣки Суры города Васильсурска въ 1524 году. Во время движенія русскаго войска къ этому мѣсту оно имѣло бой, при чемъ побито было много чувашей. Болѣе основательно говорится о нихъ, по поводу основанія города Свіяжска въ 1561 го-

ду, когда чувашей «привели къ правдѣ». До этаго времени они находились въ полнѣйшемъ порабощеніи татаръ, состоя въ зависимости отъ татарскихъ князей и мурзъ, что продолжалось вплоть до принятія ими крещенія въ 1743 году.

Во время монголо-татарскаго владычества и основанія за тѣмъ казанскаго царства, при распространеніи ислама, чуваши очутились въ полной зависимости побѣдителей, сдѣлались даже крѣпостными князей и мурзъ, въ угоду коихъ приняли нѣкоторые наружные обряды мухаммеданъ. Съ водвореніемъ русскихъ, они причислены къ христіанству. Не смотря на все эти переходы, чуваши нынѣ сохранили въ себѣ очень много первороднаго, своеобразнаго, что разумѣется не могло бы быть, еслибъ существовала болѣе тѣсная связь съ финскимъ либо татарскимъ племенемъ.

Чуваши въ преданіяхъ сохранили мало; они толкуютъ смутно, и то самые разумные, объ общемъ происхожденіи своемъ отъ мужчины и женщины, о всемірномъ потопѣ, о смѣшеніи языковъ, коихъ насчитываютъ до 77, но изъ нихъ главныхъ только 6: татарскій, чувашскій, черемисскій, мордовскій, калмыцкій и русскій. Они говорятъ, что пришли изъ за чернаго моря и изъ за далекихъ горъ. Своимъ предкомъ, родоначальникомъ, они считаютъ чуваша.

Свыкаясь съ физіономіею чуваша, всматриваясь въ ея отдѣльныя черты и сравнивая ихъ съ другими народностями казанской губерніи, нельзя не придти къ заключенію, что выдающіяся скулы, узкій разрѣзъ глазъ и покатый назадъ лобъ суть непремѣнныя признаки чувашскаго типа. Лицемъ они смуглы, глаза каріе или черные, лобъ узкій, носъ тонкій разнаго очертанія, зубы бѣлые, роста средняго, походка тяжелая переваливающаяся, при сильномъ маханіи рукъ. Волосы у нихъ темно-русые, усы и борода густые, ровные, свивающіеся иногда въ видѣ пряди. У женщинъ узкій разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы еще больше замѣтны, чѣмъ у мущинъ.

Одежда мущинъ совершенно схожа съ русскою.

Женская одежда болѣе разнообразна, при чемъ многія мѣстности имѣютъ свои характеристическія оттѣнки одежды, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ предметамъ всеобщей носки, легко признать чувашку.

Селенія чувашскія имѣютъ свой особый имъ принадлежащій видъ, имѣющій свое историческое происхожденіе вслѣдствіе монгольскаго нашествія и непріязненнаго обращенія съ ними вслѣдъ за признаніемъ ими русскаго подданства. Желая избѣгнуть всякихъ столкновеній и сохранить свое имущество и женъ, чуваши удалялись съ болѣе открытыхъ мѣстъ, гдѣ нѣсколько столѣтій сряду занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и поселялись въ дебряхъ и лѣсахъ, вдали отъ проѣзжихъ на глубинѣ овраговъ и возлѣ проточной воды.

Избы ихъ внутри, отъ постоянной копоти, какъ бы покрыты глянцемъ. Полъ не кладется, а дѣлается изъ битой глины, имѣя видъ, какъ стѣны и всѣ остальныя предметы внутренности, совершенно черный. Другой мебели кромѣ наръ, шириною въ ростъ человѣка, нѣтъ; подъ нарами устраиваютъ подполье, для храненія болѣе цѣнныхъ вещей и другихъ принадлежностей.

Чуваши въ общей сложности народъ зажиточный, представляя въ этомъ случаѣ рѣзкую противоположность съ татарами. Между ними почти нѣтъ нищихъ, по крайней мѣрѣ ихъ рѣдко можно встрѣтить въ чувашской деревнѣ, а исправный платежъ податей доказываетъ какъ состоятельность, такъ и порядочность распредѣленія ихъ жизни между отдыхомъ и занятіями. Рѣдкій изъ крестьянъ не имѣетъ у себя въ амбарѣ годоваго запаса хлѣба, притомъ если не больше, то онъ уже считается бѣднѣйшимъ между односельцами, изъ коихъ многіе хранятъ еще дѣдовскій хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе какъ бѣдный, такъ и богатый одѣваются одинаково неприхотливо—въ онучи и лапти, и единственнымъ признакомъ степени ихъ состоятельности служитъ большей или меньшей величины дворъ съ разной постройкой и въ особенности большое число анбаровъ, ульевъ и разная скотина.

ВНУТРЕННОСТЬ СУЛТАНСКОЙ ЮРТЫ.

КИРГИЗСКІЙ СУЛТАНЪ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЮРТѢ.

Не смотря на то, что чуваши живутъ разбросанно своими семьями и дворами, ведутъ жизнь аккуратную и неприхотливую, нельзя отвергать, чтобы они не любили общества, не ходили бы сами въ гости и не принимали бы къ себѣ. Въ свободное отъ занятій время, особенно по вечерамъ, они засиживаются другъ у друга до поздней ночи и выкуривая трубку за трубкою, сидятъ хозяинъ и его досъ т. е. человѣкъ которому онъ далъ обѣтъ неразрывной дружбы, либо хорошій знакомый, родственникъ, разсказывая все то, что недавно видѣли и слышали въ городѣ, на базарѣ, разсуждая объ урожаѣ и сбытѣ хлѣба и даже о торговлѣ, кто ею занимается. Занимающіеся торговлею и болѣе присмотрѣвшіеся къ лучшей жизни соблюдаютъ опрятность и чистоту и потому не только ихъ избы ни чѣмъ не отличаются отъ опрятныхъ и чистыхъ русскихъ избъ, но и посуда кіотъ или божница, содержатся въ щеголеватомъ видѣ. У такихъ крестьянъ можно найти и русскую баню.

Русскіе всѣхъ чувашей зовутъ Васильями Ивановичами причемъ преданіе говоритъ, что іеромонахъ Пуцекъ-Григоровичъ, впослѣдствіи казанскій митрополитъ, обращавшій чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій; воспріемникомъ же былъ діаконъ Иванъ Афанасьевичъ, получившій потомъ мѣсто въ одномъ изъ чувашскихъ приходовъ.

Чуваши смотрятъ на свою жену, какъ на человѣка, котораго они должны любить, какъ на существо имъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ подчиненное и способное быть не только подспорьемъ мужа, но и трудиться въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ. Отъ этого нигдѣ вѣроятно женщины не работаютъ такъ усердно дома и въ полѣ, какъ у чувашъ; нигдѣ онѣ не ѣздятъ такъ лихо верхомъ, какъ тамъ, за то также этотъ двойной трудъ не остается безъ хорошихъ вознагражденій, какъ для дома, такъ и для жены. Украшенія и наряды женщинъ, сообразно вкусу чувашъ отличаются не только своимъ числомъ, но и богатствомъ, и еслибъ чувашамъ была извѣстна цѣнность драгоцѣнныхъ камней, если бы они въ своей глуши имѣли понятіе о другихъ украшеніяхъ, то вѣроятно бы все это неминуемо появилося на рукахъ, шеяхъ, въ ушахъ и на головѣ ихъ женъ.

Ученіе чувашскихъ дѣтей и распространеніе грамотности идетъ довольно туго и къ народу не привилась еще вполнѣ сознательная охота къ обученію дѣтей.

Вообще нельзя сказать, чтобы дѣло обрусѣнія не шло впередъ много вспомоществуемое новымъ поколѣніемъ, для котораго русскій языкъ тоже самое, что для татарскаго арабскій т. е. щегольство рѣчи. Но ежегодный процентъ приращенія развитія между чувашами идетъ медленнѣе, нежели какъ слѣдовало бы этаго ожидать, судя по успѣхамъ учениковъ. Они не только показали способность къ развитію, но въ будущемъ обѣщаютъ гораздо больше, выказывая хорошія призванія къ той или другой отрасли дѣятельности. Такъ появились священники изъ чувашъ, болѣе значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя и всѣ они ни въ чемъ не уступаютъ русскимъ напротивъ того, какъ только они успѣли стряхнуть съ себя вѣковой мохъ угнетенія, дикости и затворничества, во многихъ случаяхъ чуваши выказывались очень способными и не менѣе смѣтливыми, чѣмъ русскій крестьянинъ. Между ними появился даже писатель Михайловъ на русскомъ языкѣ, который помѣщалъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ рядъ интересныхъ статей о своихъ собратіяхъ и удостоился даже быть членомъ сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

Чуваши рѣдко ссорятся между собою и далеко не мстительны, но выведенные изъ терпѣнія похожи на звѣря, который рвется и мечется во всѣ стороны, не зная какъ и чѣмъ причинить наибольшій вредъ обидѣвшему. Въ прежнее время ихъ мщеніе заключалось въ томъ, что они вѣшались на дворѣ обидѣвшаго. Тогда пріѣзжалъ судъ, начиналось слѣдствіе и нескончаемыя притѣсненія не только хозяину

того дома, гдѣ совершилось преступленіе, но и цѣлой деревнѣ. Такое несчастіе называлось у нихъ сухою бѣдою.

Какъ не прихотливы ихъ желанія на земномъ поприщѣ, такъ одинаково они просты для посмертной жизни. По понятіямъ чувашъ, добродѣтельные люди будутъ наслаждаться счастіемъ въ будущей жизни въ свѣтлой и удобренной странѣ. У нихъ будутъ красивые дома, хорошій скотъ, много товаровъ, столько же хлѣба, богатая одежда и вдоволь пива и меду. Ихъ ожидаетъ вѣчная жизнь, постоянное довольство, веселье и всякія наслажденія.

Напротивъ того, недобродѣтельнаго человѣка ожидаетъ полнѣйшій физическій и душевный недостатокъ. Ему предстоитъ жить въ аду, въ котлообразной безднѣ, среди постоянныхъ мученій, которыя уже начинаются по пути слѣдованія въ эту бездну.

Выборъ невѣсты въ полной мѣрѣ зависитъ отъ жениховъ, но не отъ ихъ родителей. Изъ нихъ болѣе осторожные и благоразумные не ограничиваются тѣмъ, что увидятъ только дѣвушку; нѣтъ многіе изъ нихъ желаютъ знать ихъ образъ мыслей, ихъ способность хозяйничать и потому уговариваютъ своихъ односелокъ, пригласить дѣвушку къ себѣ на гулянье,

ЧУВАШИ.

напримѣръ въ семикъ. Дѣвушку заманиваютъ, угощаютъ на счетъ жениха пряностями, въ то время, какъ онъ ее высматриваетъ и вслушивается въ ея разговоръ. По отъѣздѣ ея, женихъ обязанъ угостить тѣхъ односелокъ, которыя сдѣлали ему такое одолженіе. Другіе же, увидѣвъ дѣвушку, отправляются въ ея деревню, какъ бы покупать хлѣбъ, либо другой товаръ для отца или брата и во время своего разговора, высматриваютъ дѣвушку, которая въ это время подаетъ пиво и прислуживаетъ при закускѣ. Наконецъ есть рѣдкіе случаи, что прибѣгаютъ къ свахамъ или сватамъ. Убѣдившись, что дѣвушка соотвѣтствуетъ требованіямъ, начинается сватанье и вскорѣ послѣ того бываетъ и свадьба, обыкновенно въ періодъ отъ Петрова до Ильина дня, т. е. во время хлѣбнаго цвѣта, когда у чувашенина считается за грѣхъ, заниматься какою либо работою, за исключеніемъ драть лыки. Невѣстъ по большей части выбираютъ изъ другихъ деревень по той причинѣ, что чуваши, селясь по семействамъ и родоначальникамъ, всѣ между собою въ родствѣ, но тамъ, гдѣ это родство уже очень отдалилось, гдѣ деревня считаетъ свыше 100 дворовъ, тамъ случается, что чуваши берутъ себѣ въ жены изъ той

же деревни, что бываетъ однакожъ рѣже, такъ какъ этимъ нарушается свадебный обрядъ, т. е. длинные поѣзды изъ деревни въ деревню.

Обрядная сторона брака состоитъ изъ множества обычаевъ какъ чисто чувашскихъ, такъ и заимствованныхъ у русскихъ и другихъ сосѣдей.

Черезъ недѣлю, три недѣли и полгода, молодые посѣщаютъ родителей и родственниковъ молодой. Каждый разъ поѣздъ увеличивается числомъ сопутствующихъ лицъ. Посѣщенія эти сопровождаются безпрерывнымъ угощеніемъ, причемъ пиво и вино играютъ самую важную роль. Въ третій разъ тесть даритъ своей дочери лошадь, корову, улья или что иное и затѣмъ самъ ѣдетъ въ гости къ молодымъ гдѣ продолжаются угощенія до 3 и болѣе дней. По истеченіи мѣсяца послѣ свадьбы, молодая надѣваетъ сарпанъ, родъ тонкаго полотенца, вышитаго по краямъ и концамъ, которымъ чувашскія женщины накрываютъ свою голову повседневно.

Согласно прежнимъ извѣстіямъ чуваши язычники имѣли по нѣсколько женъ; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ жена чувашей цѣнится по ея работѣ, то случалось прежде, что лѣнивыхъ мужъ выгонялъ изъ своего дома, какъ ненужную вещь, не заботясь ни сколько о ея существованіи. За тѣмъ въ силу того же начала, чтобы имѣть работящую помощницу, чуваши женились вслѣдъ за тѣмъ на другихъ; со времени же сближенія съ татарами, принявъ отъ нихъ многое наружное, они могли также найти удобнымъ и непротивузаконнымъ имѣть нѣсколько женъ, нѣсколько работницъ. Теперь это можетъ быть, какъ рѣдкое исключеніе, у некрещенныхъ.

Разрѣшеніе женщинъ отъ бремени необыкновенно легко, что происходитъ какъ отъ хорошаго ихъ тѣлосложенія, такъ и отъ безпрерывнаго движенія и работы среди семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ. По рожденіи ребенка у некрещеныхъ чувашъ, болѣе зажиточныхъ, не медля посылаютъ за іомсею, родъ знахаря, который, умывъ ребенка, въ корытцѣ, разбиваетъ надъ головою новорожденнаго два яйца, потомъ отрываетъ пѣтуху голову и все выбрасываетъ за ворота, въ знакъ изгнанія шайтана. Далѣе дѣлаются какія то заклинанія надъ водою, чтобы предсказать судьбу ребенка и потомъ іомся даетъ ему имя. Послѣ сего передается ребенокъ бабкѣ. Другая женщина, какъ бы крестная мать, принимаетъ его, надѣваетъ на него рубашку и отдаетъ матери.

Одѣваютъ, содержутъ и воспитываютъ дѣтей слѣдующимъ образомъ: дитя завертывается въ тряпки, подсыпанныя мелко истолченою древесною гнилушкою. Потомъ укладываютъ его въ лубки, дабы руки и ноги были прямы и завязываютъ, оставляя лицо открытымъ.

Мать питаетъ младенца грудью; соски или рожки вовсе неупотребляются. По истеченіи 4 или 5 мѣсяцевъ, перестаютъ пеленать, одѣвая ребенка въ рубашенку съ краснымъ воротникомъ и начинаютъ давать въ пищу пережованный хлѣбъ съ яйцами и молокомъ пока ребенокъ не начнетъ ходить. Во время занятій матери, она опоясываетъ ребенка веревкою, конецъ которой привязываетъ къ крюку такъ, чтобы ребенокъ имѣлъ возможность ползать кругомъ себя, не трогая тѣхъ предметовъ, которые могутъ ему причинить вредъ. Какъ только прорѣжутся зубы, его сажаютъ за общій столъ и кормятъ яшкою. Въ остальное время онъ ѣстъ довольно крѣпкій сыръ, приготовленный изъ творогу. Кафтаны суконные и лапти дѣти надѣваютъ, когда начинаютъ бѣгать. Дѣвочки, кромѣ кафтановъ носятъ балахоны. Дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ помогаютъ матери прясть. Этотъ же возрастъ, во время лѣтнихъ работъ, остается дома, смотрѣть за птицею и кормить ее, загонять скотъ и помогать старикамъ. Отъ 10 лѣтъ мальчики начинаютъ боронить, плести лапти и стеречь табуны. Въ 14 и 15 лѣтъ выѣзжаютъ пахать, ѣздятъ зимою за дровами, привыкаютъ къ домашнему мастерству и справляютъ по силамъ всякую работу. Въ 18 лѣтъ ихъ считаютъ уже взрослыми. Дѣ-

вушки 12 лѣтъ помогаютъ матери вышивать, а къ 15 годамъ уже ткутъ, моютъ бѣлье и готовятъ пищу.

Дочерей выдаютъ за мужъ очень поздно, иногда 30 лѣтъ, тогда какъ мужу едва минуло 20 лѣтъ. Дѣлается это для того, чтобы имѣтъ жену крѣпкую, здоровую и работящую.

По смерти чувашина одна изъ родственницъ разбиваетъ надъ его головою два яйца, а старшій изъ родственниковъ отрываетъ голову пѣтуху и все это бросается за ворота злымъ духамъ, которыхъ просятъ не препятствовать покойнику перейти мирно на тотъ свѣтъ.

Чувашскіе похороны сопровождаются слѣдующими обрядами. Умершій немедленно выносится на дворъ и омывается; зимою это дѣлается въ избѣ. За тѣмъ его одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ гробъ въ шапкѣ и въ рукавицахъ; за щеки кладутъ табакъ и деньги, а уши, ноздри, ротъ затыкаютъ шелкомъ, для того, чтобъ при допросѣ на томъ свѣтѣ, ему можно было отвѣчать: «ничего не слыхалъ, ничего не видалъ». Прежде хоронили ихъ на другой же день что впрочемъ и теперь также нерѣдко дѣлается, по тѣснотѣ избъ. Такъ какъ чуваши вѣрятъ въ продолженіе жизни на небесахъ, при тѣхъ же потребностяхъ, какъ на землѣ, то, до прихода священника они кладутъ подъ покойника въ гробъ, на обзаведеніе на томъ свѣтѣ, все то, чѣмъ онъ занимался при жизни. Мужчина получаетъ съ собою тавлинку и табакъ, нѣсколько вина, пива; если былъ плотникъ то топоръ, если пузырщикъ—то пузырь и другія принадлежности, а также и деньги, иногда значительныя суммы. Женщинамъ кладутъ иглы, нитки, ленъ, холстъ и проч. Ихъ также одѣваютъ въ парадное платье съ шапкою на головѣ и въ рукавицахъ. Если умершій былъ очень безобразенъ при жизни, чего чуваши боятся, то гробъ крѣпко закрывается, иногда желѣзными обручами. Бывали случаи что покойниковъ прибивали подъ сердцемъ, а также ноги гвоздями къ гробу, полагая лишить его возможности вставать и пугать людей. При выносѣ покойника изъ избы, ему кидаютъ вслѣдъ зажженное тряпье или обливаютъ раскаленный камень водою, выражая этимъ желаніе, чтобы онъ одинаково быстро перешелъ на тотъ свѣтъ, какъ улетучивается дымъ.

Покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, но даже и лѣтомъ, тащутъ на саняхъ и съ колокольчиками на кладбище. Тамъ вырываютъ яму, становятъ два кола у изголовья и въ ногахъ и на нихъ свѣчи. Направленіе могилы отъ запада къ востоку. Затѣмъ родственники начинаютъ прощаться съ покойникомъ, прося поклониться всѣмъ роднымъ, его опередившимъ, послѣ чего зарываютъ могилу. По окончаніи сего присутствующіе ѣдятъ и пьютъ пиво, бросая кусочки и отливая пиво на могилу. За тѣмъ начинаются поминки, кончающіяся всегда общимъ опьяненіемъ. Платье покойника относится въ амбаръ и хранится тамъ на случай, еслибъ оно ему понадобилось при возвращеніи домой. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, чуваши моются, переодѣваются, признавая свое платье нечистымъ отъ прикосновенія къ покойнику и наконецъ снова угощаются.

Всѣ эти похоронные обряды, сохранились у чувашей, не смотря на введеніе христіанства.

XXIX. КИРГИЗЫ.

Историческій очеркъ и народный характеръ.

Киргизы—это въ высшей степени любопытный и довольно многочисленный народъ, до сихъ поръ удержавшій патріархальный пастушескій бытъ номадовъ и сохранившій, почти въ первобытной чистотѣ, типическія черты «степняковъ-хищниковъ», или, по выраженію нашего простаго народа, «*азіятовъ*», игравшихъ такую важную роль въ судьбахъ древней Руси и имѣвшихъ безспорное вліяніе на складъ общественной и семейной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, бытъ и нравы кочевниковъ-киргизовъ представляютъ для русскаго глубокій интересъ, помимо того политическаго значенія, какое получило для Россіи въ послѣднее время вообще все населеніе средней Азіи.

Киргизы кочуютъ, со своими кибитками и стадами, по безпредѣльнымъ степямъ Средней Азіи, простирающимся отъ р. Урала и Каспійскаго моря до горъ Алтайскихъ, Алатау, и Тянь-Шаньскихъ или Небесныхъ, и отъ южныхъ границъ Западной Сибири до независимыхъ ханствъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Киргизскія степи занимаютъ болѣе 40,000 квадратныхъ миль т. е. вчетверо превосходятъ пространство Франціи. Къ нимъ нужно еще прибавить обширныя астраханскія степи, лежащія между Волгой и Каспійскимъ моремъ, гдѣ обитаетъ Внутренняя или Букеевская орда киргизовъ, водворившихся здѣсь въ 1772 году и выселившихся изъ сибирскихъ степей вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ съ сосѣдними киргизскими племенами.

Всего киргизовъ насчитывается до 2,000,000 душъ.

Происхожденіе этого народа довольно темно. Едва ли можно производить киргизовъ отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніи. Смуты и войны могли разбрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи разноплеменныхъ, бездомныхъ скитальцевъ, бродившихъ съ своими стадами по глухимъ трущобамъ азіятскихъ горъ, не подчиняясь никому и цѣлые вѣка не складываясь въ государство. Названіе киргизовъ лучше всего намекаетъ на первопачальное происхожденіе ихъ.

Имя «киргизъ» производятъ отъ соединенія двухъ словъ: *киръ*—степной и *гизъ*—человѣкъ (степной человѣкъ). Но это названіе принадлежитъ собственно небольшому племени киргизовъ, кочующему въ Небесныхъ горахъ, въ долинѣ р. Чу, такъ называемымъ «бурутамъ» или дикокаменнымъ киргизамъ. Частые набѣги этого отважнаго племени на сибирскую пограничную линію дали поводъ русскимъ ошибочно распространить названіе киргизовъ на всѣхъ кочевниковъ средне-азіатскихъ степей. Между тѣмъ большинство киргизовъ до сихъ поръ называетъ сами себя словомъ «казакъ», что значитъ на монгольскомъ языкѣ: бродяга, свободный скиталецъ. Это имя искони принадлежало всѣмъ киргизамъ и, со временемъ, перешло и на русскій бездомный и бродячій людъ. Не только киргизы сами себя называютъ казаками, но и сосѣдніе съ ними народы, какъ напримѣръ—китайцы, бухарцы и другіе называютъ ихъ также сло-

вами: хасакъ, кайсакъ и т. под., откуда и произошло болѣе вѣрное названіе киргизовъ—«киргизъ-кайсаки».

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались несмѣтныя монгольскія орды подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, разрушавшія все на своемъ пути и наводнившія вскорѣ всю аралокаспійскую низменность. Здѣсь монгольскій элементъ почти совершенно поглотилъ мѣстныхъ жителей. Однакоже, казаки, слившись съ монголами, не образовали изъ себя цѣльнаго новаго *народа*, а остались, по прежнему, разрозненными, независимыми племенами, сохраняя свой прежній бытъ и свои привычки. Этому много способствовалъ обычай монголовъ—не нарушать независимости покоренныхъ ими народовъ. Они дали только каждому киргизскому роду своего правителя, особое названіе и знакъ (тамгу), для отличія отъ другихъ родовъ.

Русскія лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о киргизахъ въ 1537 году.

Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ народъ. Онъ называлъ казацкую орду *«ключемъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ»* и считалъ присоединеніе киргизовъ къ Россіи необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее и въ Индіи. Съ этою цѣлью, Петръ Великій далъ порученіе бывшему въ персидскомъ походѣ старшему переводчику, изслѣдовавшему пути въ Индію, Тевкелеву, постараться, *«не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона»*, присоединить киргизовъ къ русскому подданству. Но за смертію Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи оставались забытыми до 1730 года, когда одинъ изъ хановъ киргизскихъ, тѣснимый сосѣдними джунгарами, калмыками, и особенно башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Послѣ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу тѣмъ же Тевкелевымъ, значительная часть «казаковъ» признала свою зависимость отъ Россіи.

Съ того времени, многочисленные киргизскіе роды, побуждаемые внутренними смутами и раздорами, одинъ за другимъ, переходили въ русское подданство. Но вражда между ними, бунты и даже набѣги ихъ на русскія пограничныя линіи не прекращались до послѣдняго времени, чему въ особенности много способствовало враждебное Россіи вліяніе Хивы и другихъ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствъ, гдѣ бунтовщики-киргизы всегда находили убѣжище и радушный пріемъ. Хивинскіе муллы проникали съ торговыми караванами въ киргизскія степи и возбуждали кочевое населеніе во имя религіи и пророка противъ русскихъ. Эти муллы и хаджи распространили въ XVII столѣтіи мусульманство между всѣми киргизскими племенами. Впрочемъ, утвержденію исламизма въ киргизскихъ степяхъ не мало способствовало и само русское правительство, издавая, въ теченіи XVIII столѣтія, указы о постройкѣ мечетей въ киргизскихъ степяхъ и поставляя при нихъ указныхъ муллъ. Дѣлалось это конечно, съ благой цѣлью — содѣйствовать распространенію между киргизами мирной, осѣдлой жизни; но результаты оказывались при этомъ противуположнаго свойства.....

Киргизы раздѣлаются на множество племенъ. Главнымъ образомъ они дѣлятся на три орды, изъ которыхъ каждая ведетъ свой родъ отъ особаго родоначальника — одного изъ трехъ сыновей монгольскаго правителя Алачь-хана. На востокѣ киргизскихъ степей, у сибирско-китайской границы кочуетъ такъ называемая Большая орда (Улу—юзъ); между Ураломъ и Аральскимъ моремъ обитаетъ Малая орда (Кичи—юзъ), которая, въ сущности, есть самая большая. Между Малой и Большой ордой находится Средняя орда (Урта—юзъ). Отъ этихъ трехъ киргизскихъ родовъ, называющихъ себя общимъ именемъ—«казаки», значительно разнится собственно киргизское племя, кочующее со своими стадами въ Тяньшаньскихъ горахъ и извѣстное подъ названіемъ «кара-киргизовъ» (черныхъ киргизовъ), «бурутовъ» или дикокаменныхъ киргизовъ (по мѣсту жительства),

Внутренняя или Букеевская орда причисляется къ Малой ордѣ и также носитъ названіе «казаковъ».

Языкъ киргизовъ представляетъ нарѣчіе тюркотатарскаго языка но съ значительной примѣсью монгольскаго элемента.

У киргизовъ довольно сильно развито чувство любви къ своему родному языку и, вообще, къ своей національности и исторіи. Киргизъ, даже хорошо знающій русскій языкъ, не будетъ говорить на судѣ по русски, а объясняется съ судьями непремѣнно чрезъ переводчика.

Въ физическомъ отношеніи киргизовъ характеризуютъ: короткое тучное тѣло, широкое, плоское лицо, сильно выдавшіяся скулы, узкіе черные глаза, приплюснутый носъ, выдвинутый впередъ ротъ и короткая, рѣдкая бородка клиномъ. Волосы на головѣ брѣютъ, и на верхней губѣ выдергиваютъ особыми щипчиками, или подбриваютъ. Кожа самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная отъ смугложелтаго до чернаго цвѣта угля. Ноги у всѣхъ киргизовъ кривыя, какъ говорится, *колесомъ*; походка медленная, развалистая; вообще, по недостатку навыка, они неспособны къ пѣшей ходьбѣ.

За то киргизы неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать полъ-сутокъ и болѣе на перемѣнныхъ лошадяхъ. Киргизъ привыкаетъ къ верховой ѣздѣ съ самаго ранняго дѣтства. Онъ какъ-будто приростаетъ къ сѣдлу и разстается съ нимъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, входитъ въ палатку или сидитъ въ ней. Внѣ юрты онъ постоянно на сѣдлѣ. Нужно ли ему загнать отбившуюся отъ стада корову или овцу, побывать у сосѣда, или поговорить съ прохожимъ,— киргизъ выполняетъ все это, сидя въ сѣдлѣ. Онъ ѣдетъ верхомъ на лошади за 100—200 верстъ только для того, чтобы попить съ пріятелемъ кумыса. Ноги, кажется, совершенно излишнее для нихъ орудіе. Лошадь составляетъ какъ-бы часть ихъ организма. У киргизовъ и пляски никакой не существуетъ, хотя до музыки и пѣнія они большіе охотники.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ киргизскій аулъ, вездѣ, на всемъ пространствѣ горизонта, вы увидите этихъ забавныхъ центавровъ, скачущихъ или мѣрно двигающихся впередъ и назадъ, высоко сидящихъ на спинахъ коренастыхъ лошадокъ. Подъѣхавъ ближе, различишь уродливую мѣховую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги и толстую, длинную нагайку, трясущуюся въ полусогнутыхъ рукахъ всадника съ монгольскимъ типомъ лица.... Удивительно тонкій слухъ и необыкновенная зоркость глазъ—отличительная черта киргиза. Онъ ясно видитъ и слышитъ на громадныхъ разстояніяхъ. Память у него превосходная! Малѣйшій знакъ на горизонтѣ, чуть замѣтная горка, ручей, камень, дерево, слѣдъ,—у него отпечатлѣвается въ головѣ какъ на географической картѣ. Онъ ѣдетъ по степи за сотни верстъ всегда кратчайшимъ путемъ, не боясь заблудиться.

Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ едва разберешь впечатлѣнія отъ 30-ти градусовъ мороза или отъ 30 градусной жары. Голодъ и жажду они выдерживаютъ долго, терпѣливо, безъ малѣйшихъ жалобъ, не выражая ничѣмъ своихъ мученій; но за то, дорвавшись до пищи, они ѣдятъ невѣроятно много, заѣдая кусками мяса такіе же куски жира и обратно.

Умъ у киргиза хитрый и лукавый; любопытства — не оберешься Новости — страсть степнаго номада. Лѣтомъ ему нечего дѣлать и онъ ѣдетъ въ степь или, лучше сказать, гуляетъ по степи. На горизонтѣ чуть замѣтно обрисуется фигура всадника.... Киргизъ посмотритъ туда сквозь свои, косо-прорѣзанные, но невѣроятно зоркіе глаза, и если его неудовлетворитъ эта рекогносцировка, онъ поскачетъ по направленію къ всаднику... «На хабаръ?» — что новаго? спроситъ онъ у него, сдѣлавъ для того карьеромъ нѣсколько верстъ Но онъ ѣхалъ не даромъ: встрѣченный киргизъ—такой же праздн-

ный кочевникъ, какъ и его любопытный товарищъ—разскажетъ все, что видѣлъ особеннаго, и все, что слышалъ новаго. Узнавъ другъ у друга всѣ новости, киргизы скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстной цѣлью—разсказать все слышанное. Не пройдетъ и дня, какъ во всѣхъ сосѣднихъ аулахъ узнаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ или стахъ верстахъ оттуда проѣхало столько-то всадниковъ о дву-конь; узнаютъ съ фотографической точностью костюмъ всадниковъ, отличительные ихъ признаки; узнаютъ, что у рыжей кобылы разсѣчено ухо, а у другой лошади—бѣлая отмѣтина на правой ногѣ; узнаютъ тамъ же, изъ самаго достовѣрнаго источника, что проѣхавшіе всадники смотрѣли какъ-то странно, что это агенты хивинскаго хана, и что старый *Джеримъ-падишахъ**)—«полъ государя» боленъ, очень боленъ, теперь умираетъ, и чтобы не было какой бѣды отъ хановъ, имъ смиренныхъ... Подобно всѣмъ жителямъ далекаго востока, киргизы страстно любятъ болтать о политикѣ. Они, пожалуй, убьютъ на это цѣлый день, разнообразя лишь изрѣдка главную тему какимъ-нибудь дѣтскимъ разсказцемъ или простодушными сплетнями про своихъ султановъ и біевъ. Принимая гостя у себя въ юртѣ, киргизъ усаживаетъ его у чувала и начинаетъ разспрашивать самомалѣйшія подробности: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, зачѣмъ, какая у него есть родня, что стоитъ лошадь, одежда, сбруя, оружіе, что слышалъ, кого встрѣтилъ? и т. д. и т. д., Бойкая рѣчь киргиза готова длится два—три часа сряду. Слушать гостя сбѣгается иногда весь аулъ, и чѣмъ больше гость краснобаитъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ.

Вообще говоря, это народъ добрый, наивный и, въ тоже время, плутоватый, смѣлый — съ азіатами и проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ къ русскимъ. Увидавъ русскаго, киргизъ становится пасмуренъ и неразговорчивъ, но, познакомившись съ нимъ поближе, онъ часто дѣлается его закадычнымъ пріятелемъ. Всѣхъ, кто изучалъ жизнь киргизовъ, вѣроятно, поражали ихъ превосходныя семейныя качества. Едва ли кто нибудь видѣлъ, чтобы киргизъ билъ свою жену или дѣтей. Особенно они нѣжны къ дѣтямъ. Поэтому столь прославленная склонность киргизовъ къ убійству и хищничеству едва-ли составляетъ ихъ врожденное качество: это, скорѣе случайный порокъ, обусловленный ихъ прежнимъ кочевымъ бытомъ. Но, какъ всѣ неразвитые народы, киргизы вспыльчивы; ссоры и драки между мужчинами повторяются очень часто, такъ что трудно встрѣтить хотя одного человѣка безъ знаковъ на лицѣ или головѣ полученныхъ въ какой нибудь стычкѣ.

Самая ужасная и господствующая изъ страстей киргизовъ — это мщеніе. Между ними никакая обида не можетъ быть заглажена иначе, какъ равною или большею обидою. Если обиженный умеръ, то право мщенія переходитъ къ сыну его и ближайшимъ родственникамъ, и пока родъ обиженнаго не истребится, обидчикъ не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Но и это, очевидно, есть легко-искоренимый порокъ—наслѣдство прежняго степнаго самосуда, порокъ, постепенно обращающійся теперь, со введеніемъ въ степи болѣе правильнаго суда, въ забавное сутяжничество.

Киргизы несомнѣнно храбры, только по своему, по степному. Они нападаютъ всегда неожиданно, врасплохъ, и при этомъ натискъ ихъ бываетъ стремителенъ: они несутся въ атаку съ гикомъ, воплемъ, дикими восклицаніями, и вдругъ вся эта буря, налетѣвъ на каре, при первомъ залпѣ разсыпается дождемъ во всѣ стороны, и если имъ не удалось овладѣть добычей съ перваго натиска, они уже не прибѣгаютъ къ новымъ попыткамъ.

Одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ киргизскихъ нравовъ составляетъ гостепріимство. Кто бы ни пріѣхалъ къ киргизу, по дѣлу-ли, или просто шатаясь праздно изъ аула въ аулъ, можетъ всегда разсчитывать найти у него самый радушный пріемъ. Всякій,

*) Такъ называютъ киргизы генерала Кауфмана.

ищущій гостепріимства, называетъ себя «джолаучи» (проѣзжающій) и имѣетъ право войти во всякую юрту. Слѣзая съ лошади и удерживая поводъ въ рукѣ, «джолаучи» садится сперва на землю, подлѣ двери юрты. Хозяинъ обязанъ выйти и попросить его къ себѣ въ кибитку. Если джолаучи пріѣхалъ ночью, то хозяйка обязана встать, развести огонь и накормить пріѣзжаго. Богатый киргизъ ставитъ нарочно для гостей отдѣльную кибитку и держитъ при ней особую прислугу. Принявъ гостя у себя въ юртѣ и предложивъ ему самое почетное мѣсто за чуваломъ, подлѣ сундуковъ, обвѣшанныхъ коврами или росписными кошмами, киргизъ усердно принимается угощать его. Онъ накладываетъ на ладонь своей лѣвой руки, до оконечности четырехъ пальцевъ, кучку *бишь-бармаку*, кусочковъ говядины съ саломъ, и пятымъ пальцемъ искусно вдвигаетъ ихъ въ разинутый ротъ гостя. Это знакъ особенной почести, какой удостоивается только почетный гость, отличаемый, обыкновенно, по внѣшнему виду, т. е. по платью. Гость, съ своей стороны, долженъ отплатить хозяину и всѣмъ присутствующимъ такою же любезностью и, въ знакъ особенной вѣжливости, посылаетъ иногда нѣсколько кусочковъ говядины женѣ киргиза, сидящей поодаль, за сундуками и мѣшками съ имуществомъ. Послѣ этого хозяинъ подаетъ гостю ковшъ съ кумысомъ; гость прихлебываетъ изъ него и передаетъ остатки хозяину—это тоже знакъ благовоспитанности со стороны гостя. Разспрашивать «джолаучи» о новостяхъ можно только накормивъ его; поэтому проѣзжій, насытившись, складываетъ руки и принимаетъ спокойную позу, показывая этимъ, что онъ сытъ и готовъ сообщить все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Киргизъ скорѣе самъ подвергнется опасности, нежели допуститъ ее до своихъ *кунаковъ* (гостей), кто-бы они ни были. Подъ защитою этого гостепріимства, наши промышленники могли и въ прежнее время вести торговыя дѣла даже внутри степей. Сами киргизы, разсчитывая на гостепріимство соплеменниковъ, отправляются въ самую дальнюю дорогу безъ всякихъ запасовъ для себя и для лошади Въ этомъ случаѣ они гарантированы строгимъ судомъ бія за всякое нарушеніе правилъ гостепріимства.

Киргизы вообще понятливы и воспріимчивы. При первомъ удобномъ случаѣ они скоро выучиваются русскому языку. Но наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ—пастушескій бытъ—составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ переходу ихъ къ осѣдлой, гражданской жизни.

Жизнь киргизовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, обусловливалась средствами ихъ существованія—скотомъ. Скотъ даваль и даетъ имъ все: пищу, одежду, матеріалъ для жилища и деньги. Понятно, слѣдовательно, что киргизъ привыкъ цѣнить свой скотъ наравнѣ съ жизнью, и что даже и мѣрою служитъ ему тотъ же скотъ (въ торговлѣ единицею цѣнности служитъ у нихъ баранъ, соотвѣтствующій одному рублю). «Малъ джанъ аманлы?» *какъ состояніе скота и души?* обращаетъ киргизъ обычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу. И замѣчательно, скотъ у него поставленъ ранѣе души. Только получивъ удовлетворительный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ, вопрошающій еще разъ спрашиваетъ: «бала аманъ ба?» *здорово-ли семейство?* Встрѣчаясь на дорогѣ, киргизы привѣтствуютъ другъ друга: «ат лау аманъ-ба?» *хорошо-ли провожаешь лошадь?*.. Скотъ вездѣ у нихъ на первомъ планѣ. Чье-либо богатство киргизъ опредѣляетъ числомъ лошадей или овецъ. «Большой человѣкъ, хорошій человѣкъ, много имѣетъ денегъ—тысяча лошадей будетъ!» говоритъ киргизъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *а* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*. Почемъ покупалъ *бязь* (бумажная матерія) въ нынѣшнемъ году? спросите вы у киргиза. — «За барана давалъ зимою купецъ штука (т. е. бязи)».

Понятно, что киргизъ, обязанный многимъ въ своемъ существованіи скоту, и дорожащій имъ выше всего, подчиняетъ всѣ условія своей жизни соображеніямъ о прокормленіи и размноженіи своихъ

стадъ. Потребность находить для нихъ кормъ заставляетъ киргиза *кочевать*.

По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ оказывается, что для такого огромнаго количества скота, какое необходимо киргизамъ въ ихъ быту, не нашлось-бы подходящихъ пастбищъ и не хватило-бы ни чьихъ рукъ для заготовленія сѣна, чтобы продержать весь этотъ скотъ на готовомъ корму цѣлый годъ, или даже одну только зиму! Каждый мало-мальски зажиточный киргизъ, живущій только «безъ нужды», держитъ нѣсколько сотенъ головъ крупнаго и мелкаго скота, а самые богатые считаютъ свой скотъ не головами, а *стадами*, *косяками* и *табунами*! Понятно, что такія стада въ состояніи вытравить въ нѣсколько дней самое тучное и обширное пастбище, а удержать ихъ на болѣе или менѣе долгое время на одномъ мѣстѣ — значитъ обречь ихъ на вѣрный голодъ и вымираніе. Если-же присоединить къ этому многочисленность киргизскихъ семействъ, то будетъ совершенно понятно, почему этимъ кочевникамъ необходимо приволье, обширныя, пространныя степи.

Что-же касается до природы той мѣстности, которую занимаетъ изстари киргизское племя, то характеръ ея тоже неминуемо приводитъ скотовода къ кочевому образу жизни.

За недавно упраздненною, сибирско-оренбургскою пограничною линіею, «широко пораскинулась» настоящая, безграничная, киргизская степь. Ровно, непривѣтливо, однообразно идетъ она къ югу, на многія сотни верстъ, лишенная, лѣтомъ, отъ палящихъ 40-градусныхъ жаровъ, почти всякой растительности, и окованная, впродолженіи долгой зимы, 30-градусными морозами.

Изрѣдка только встрѣтится въ степи такой ручей, въ омутахъ котораго вода держится даже лѣтомъ, — и куда какъ ярка покажется зелень вокругъ его, по сравненію съ бурою, высохшею травою степи. Только тутъ и можно встрѣтить людей и животныхъ. Здѣсь мѣстность оглашается криками и говоромъ, а за предѣлами ея, гдѣ солнце жгло и убило растенія, лежитъ пустыня, тихая, безмолвная, едва обитаемая низшими животными. Въ центральныхъ-же частяхъ степи вся почва состоитъ изъ песку или красной глины, пропитанной солью.

Только на востокѣ и юго-востокѣ киргизская степь упирается въ высокіе горные хребты: Тарабагатайскій и Алатау, увѣнчанные вѣчными снѣгами и изрѣзанные роскошнѣйшими долинами и склонами. Понятно, что киргизы, кочующіе близь этихъ горъ, высоко цѣнятъ горныя долины, какъ отличныя мѣста для кочевокъ. Но и этихъ роскошнѣйшихъ пастбищъ слишкомъ мало для громадныхъ стадъ киргизскаго народа, да и мѣста эти, по высотѣ ихъ положенія, далеко не всегда бываютъ доступны для кочевокъ, такъ какъ глубокіе снѣга и страшные морозы царствуютъ здѣсь въ продолженіи всей зимы.

Вышеупомянутая измѣнчивость и непостоянство степной природы и разбросанность на огромныхъ разстояніяхъ удобныхъ для пастбищъ мѣстъ, невольно заставляютъ киргиза-скотовода, даже владѣющаго незначительнымъ количествомъ скота, переходить съ нимъ въ теченіи года съ мѣста на мѣсто.

Но не нужно думать, чтобы кочевникъ-киргизъ вполнѣ и слѣпо подчинялся окружающей его природѣ. Напротивъ, онъ пользуется ею по извѣстному, обдуманному плану, съ глубокимъ и вѣрнымъ разсчетомъ, по выработанной многими поколѣніями системѣ. «Дерево стоитъ на одномъ мѣстѣ и питается тѣмъ, что вокругъ его находится, а вольная птица летитъ туда, гдѣ ей лучше», говоритъ киргизская пословица.

Прежде всего киргизу необходимо для его многочисленныхъ стадъ выбрать «зимовку»—*кзеу*. Выборъ зимовки требуетъ большаго знанія. «Кзеу» должна заключать въ себѣ мѣстность луговую и степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью, солонцеватую траву, а лошади и коровы любятъ чернотравіе; при этомъ, нужно еще наблюдать, чтобы зимовка не могла быть за-

носима слишкомъ глубокимъ снѣгомъ, или покрываема гололедицею, такъ какъ скотъ, въ этомъ случаѣ, не въ состояніи будетъ добывать себѣ подножный кормъ; съ этою цѣлью киргизъ выбираетъ мѣстность покатую къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, которые сдували-бы излишній снѣгъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что скотъ у киргизовъ, подобно имъ самимъ, какъ нельзя болѣе *приноровленъ* къ степи; дикій пылъ, неустрашимость и невѣроятная выносливость — составляютъ отличительныя качества ихъ лошадей, верблюдовъ, воловъ и барановъ. Пользуясь этимъ, киргизъ иногда ловко обходится съ зимовкою, хотя-бы она и неудовлетворяла всѣмъ требованіямъ настоящее «кзеу»; онъ на одно и то-же пастбище пускаетъ сперва лошадей, которые срываютъ верхушку травы; потомъ ходитъ здѣсь рогатый скотъ, который довольствуется серединою растеній, затѣмъ тутъ-же пасутся бараны, съѣдающіе остатки травъ.

Какъ только весеннее солнце сгонитъ снѣга, киргизъ поднимаетъ свою юрту, «ломаетъ» ее, навьючиваетъ со всѣмъ имуществомъ на верблюдовъ, и, въ сопровожденіи чадъ и домочадцевъ, начинаетъ *кочевать*, т. е. отыскивать мѣста для корма скота или «лѣтовки». Придя на какое-либо мѣсто, онъ занимаетъ его до тѣхъ поръ, пока окрестная трава не будетъ вытравлена скотомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, всегда по дугообразной линіи, для того, чтобы не пришлось послѣ идти по вытравленной дорогѣ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ «зимовкѣ».

Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножнаго корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Богатые киргизы въ теченіи года дѣлаютъ со своими стадами болѣе 2,000 верстъ! Но чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ будутъ менѣе. Тѣ-же киргизы, которыхъ имущество состоитъ всего изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые *джетаки*, «лежащіе», остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Киргизскія семьи никогда не кочуютъ одиноко, а всегда цѣлыми родами. При патріархальномъ складѣ жизни, киргизы помнятъ самое дальнее родство, и считаютъ близкимъ человѣкомъ каждаго, кто, по степной, очень сложной и подробной генеалогіи, происходитъ отъ одного съ ними родоначальника. Родственныя узы, сплочивая многолюдные роды въ одно цѣлое, даютъ имъ средства охраняться общими силами противъ грабежей и отгоновъ скота со стороны сосѣдей (баранта). Съ другой стороны, необходимость не группироваться на одномъ мѣстѣ, чтобы не вытравливать кормъ для скота, заставляетъ кочующіе аулы одного и того-же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стадъ. Такимъ образомъ, киргизскій родъ, начавшій кочевать, двигается по степи широкою линіею, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилію подножнаго корма.

Теперь въ степи установилось неписанное, но признаваемое всѣми кочевниками право извѣстныхъ родовъ на опредѣленныя зимовки и на опредѣленное направленіе лѣтнихъ кочеваній. Но въ прежнее время, въ особенности за обладаніе хорошею зимовкою, происходили кровопролитныя стычки между разными родами.

«Зимовки» избираются киргизами преимущественно въ степяхъ. Раннюю весну и позднюю осень, т. е. самое дождливое время года, они проводятъ также въ степи. Лѣтомъ-же они, обыкновенно, стоятъ лагеремъ въ горахъ, и тутъ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, поднимаются иногда до уровня снѣговой линіи.

Кочевой бытъ киргизовъ, какъ и всякій другой патріархальный бытъ, лишенный высшаго государственнаго или общественнаго строя, держится *родовымъ бытомъ*, въ которомъ слабое, неразвитое племя полудикарей находитъ для себя твердую опору и почерпаетъ иногда неистощимую силу и живучесть. Чтобы понять, что такое киргизскій *родъ* и что значитъ для кочевника *родовая община*, необходимо привести здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ ея.

*

Прежде всего, необходимо замѣтить, что киргизы дѣлятъ себя на два сословія: *акъ-сіюкъ*—«бѣлая кость», и *кара-сіюкъ*—«черная кость». «Бѣлою костью» величаютъ себя султаны и манапы, т. е. начальники киргизскихъ волостей и предводители родовъ, производящіе себя отъ потомковъ великаго завоевателя, Чингисъ-хана. «Черною костью» именуется остальной киргизскій людъ, т. е. чернь, неимѣющая ясныхъ доказательствъ своего прямаго происхожденія отъ великаго завоевателя.

У киргизовъ раздѣляются на роды или образуютъ родовыя группы собственно только «бѣлая кость», султаны (у казаковъ) и манапы (у кара-киргизовъ). Народъ-же, «черная кость», только принимаетъ на себя родовое названіе того манапа или султана, подъ покровительствомъ котораго онъ находится или чью власть признаетъ. Случается, что отдѣльныя семейства переходятъ отъ одного манапа къ другому, и въ этомъ случаѣ они мѣняютъ названіе своего рода. Но такіе случаи, нужно замѣтить, бываютъ очень рѣдки, такъ какъ киргизы крѣпко держатся своего рода; даже плѣнные киргизы сохраняютъ названіе своего рода, который часто замѣняетъ для нихъ собственное имя.

Начальникомъ рода (союза дальнихъ родственниковъ) служитъ султанъ или манапъ, званіе котораго получается по праву рожденія.

Прочность родоваго союза основывается прежде всего на общности экономическихъ интересовъ всѣхъ сородичей. Связь между членами одного и того же рода, въ экономическомъ отношеніи, самая тѣсная. У киргизовъ владѣніе землей общинное. Каждый родъ и отдѣлъ имѣютъ свой опредѣленный участокъ; на этомъ пространствѣ каждый изъ родовичей можетъ имѣть свои пашни, лѣтовки и зимовки; но родъ ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ другаго отдѣла не занималъ ихъ земель. Особенно жаркіе споры бывали у нихъ изъ за-зимовокъ.

Общинный характеръ родоваго союза проявляется также въ складчинахъ сородичей на нѣкоторыя общественныя нужды и увеселенія. Такъ, знаменитыя киргизскія тризны по умершемъ отбываются всегда цѣлымъ родомъ; даже нѣкоторыя изъ свадебныхъ увеселеній справляются на счетъ всего отдѣленія.

Въ частности, родъ служитъ для киргизъ прибѣжищемъ во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдахъ. Родъ даетъ ему безопасность отъ враговъ; въ случаѣ обиды кого нибудь изъ родовичей, за него вступается весь родъ (посредствомъ баранты), или же въ лицѣ родоправителя.

Въ случаѣ голода, падежа скота, неурожая и тому подобныхъ несчастій, киргизъ также получаетъ помощь отъ своего рода: ему даютъ нѣсколько барановъ, лошадей, коровъ, или «капъ» (2-3 пуда) хлѣба. То же бываетъ при уплатахъ штрафовъ по рѣшеніямъ біевъ, т. е. судей когда приговоры ихъ оказываются обременительными для отдѣльнаго лица. «Кунъ» или выкупъ за преступленіе, совершенное однимъ родовичемъ, всегда выплачивается цѣлымъ родомъ. Если убійство совершитъ султанъ или манапъ, то «кунъ» платится за него также всѣмъ родомъ, по раскладкѣ на кибитку.

Иногда случается, что при перекочевкахъ съ зимовокъ на лѣтовки, когда приходится проходить земли чужихъ родовъ, киргизъ отстаетъ отъ своихъ, или его задерживаетъ на дорогѣ между чужими какое нибудь несчастіе. Въ такомъ случаѣ, киргизъ шлетъ о томъ извѣстіе къ родовичамъ, и получаетъ отъ нихъ помощь, которая заключается, напримѣръ, въ присылкѣ вьючнаго скота, что и даетъ ему возможность снова присоединиться къ своимъ.

Родовой, общинный духъ проникаетъ даже въ частныя отношенія киргизовъ. Сколько бы одноаульцевъ ни пришло въ кибитку киргиза, въ какое-бы то ни было время, всякій получаетъ отъ него по кусочку баранины или другаго яства, и это не по требованію извѣстныхъ правилъ гостепріимства, а по праву родства. Бѣдняки, въ праздничные дни, присутствуютъ при убоѣ скота богатаго родовича, при этомъ получаютъ отъ него небольшія части баранины и другія яства; час-

то они сопровождаютъ богатаго кочевника при его выѣздахъ, какъ рой пчелъ свою матку, и въ этомъ случаѣ содержатся на его счетъ.

Родовая связь у киргизовъ весьма сильна. Киргизъ рѣдко сознается въ преступленіи, хотя бы улика была на лицо, въ полной увѣренности, что его одноаульцы скорѣе согласятся сложиться и заплатить за хищничество «кунъ», чѣмъ выдать родича-преступника. Киргизъ не имѣетъ права даже взять жену изъ своего рода, такъ какъ это считается уже кровосмѣшеніемъ. При сборищахъ киргизовъ на праздники, всѣ однородцы считаются какъ бы за одного человѣка— одни хозяевами, а прочіе-гостями. При этомъ, самыми почетными изъ гостей считаются, обыкновенно, наиболѣе удаленные роды, такъ какъ право гостепріимства распространяется преимущественно на чужихъ, постороннихъ людей.

Дорожа своимъ родомъ, киргизъ питаетъ къ нему безграничное почтеніе въ лицѣ всѣхъ представителей его. Нигдѣ нѣтъ такого глубокаго повиновенія и уваженія къ старшимъ въ родѣ, какъ у киргизовъ. Особенно характерно проявляется это уваженіе въ случаяхъ полученія киргизомъ какой нибудь экстраординарной прибыли чрезъ личную доблесть. Такъ, отправляясь на охоту артелью или обществомъ, киргизы всегда отдаютъ лучшаго звѣря или лучшую птицу изъ пріобрѣтенной добычи старшему изъ участвовавшихъ на промыслѣ; но если встрѣтится имъ, на возвратномъ пути, еще болѣе старый родовичъ, то получившій лучшую часть добычи долженъ отдать ее встрѣтившемуся родовичу. Точно также, полученный на бѣгахъ, въ борьбѣ или на другомъ какомъ нибудь состязаніи призъ никогда не присвоивается себѣ побѣдителемъ, а отдается старшему въ его родѣ. Побѣдитель на скачкахъ отдаетъ старшему родовичу не только самый призъ, но и лошадь, выигравшую оный. Этимъ киргизы какъ бы хотятъ возвратить роду часть той помощи, какую они получаютъ чрезъ него.

При всемъ томъ, у киргизовъ нѣтъ оффиціальнаго неравенства. Даже султаны и манапы, чтобы не оскорбить народнаго чувства, принимаютъ всѣхъ одинаково. Киргизъ идетъ къ высшему себя по сословію или по службѣ свободно, входитъ въ его кибитку и располагается какъ ему удобнѣе: на корточкахъ, полулежа на локтѣ, либо избираетъ себѣ изголовьемъ колѣни сосѣда,—и говоритъ при этомъ обо всемъ, какъ равный съ равнымъ.

Такова родовая связь киргизовъ и ея сила. Опираясь на родовое начало, на содѣйствіе всѣхъ родичей и на дѣятельную помощь, поддержку, киргизъ дѣлается хозяиномъ въ пустынѣ, среди многочисленныхъ враждебныхъ племенъ, и можетъ даже богатѣть здѣсь и размножаться. Родовая связь даетъ ему возможность быстро сплотиться и давать немедленный отпоръ всякому враждебному дѣйствію со стороны окружающихъ хищническихъ племенъ. Но за то, внѣ родовой связи, кочевникъ какъ-то теряется, обезличиваются и мало по малу становится совершенно безпомощнымъ. Киргизъ, почему-либо отбившійся отъ своего рода, быстро бѣднѣетъ, «Трудно жить между чужими», говорятъ киргизы. Родовой, общинный союзъ—это сила, на которой только и можетъ держаться кочевой бытъ ихъ.

Что касается до дикости нравовъ и хищничества, то все это едва ли можно считать послѣдствіемъ родовой сплоченности киргизовъ. И то и, другое есть скорѣе необходимый результатъ ихъ пастушескаго кочеваго быта. Въ прежнее время хищничество составляло почти единственное средство, съ помощью котораго полудикарь-кочевникъ, не имѣвшій понятія о трудѣ, могъ поправлять свое разстроенное хозяйство и даже размножать свои стада. Такое средство заключалось въ знаменитой *«барантѣ»*, удержавшейся нынѣ только въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ частяхъ киргизской степи.

Впрочемъ «баранта» была простымъ хищничествомъ только по отношенію къ неодноплеменникамъ. Относительно же одноплеменниковъ «баранта» есть, скорѣе, довольно сложный степной законъ,

обставленный многочисленными условіями и оговорками, и основанный на обычномъ правѣ.

Сущность баранты заключается въ хищническомъ отгонѣ скота или табуна лошадей, соединенномъ, очень часто съ разграбленіемъ аула. Киргизъ, потерпѣвшій отъ кого нибудь обиду или оскорбленіе, старается набрать себѣ дружину и отправляется съ нею на поискъ. Барантовщики высматриваютъ стада непріятельскія, подкрадываются къ нимъ въ ночное время, и внезапно, воровски, съ дикимъ пронзительнымъ визгомъ, кидаются на табуны и угоняютъ ихъ къ своимъ жилищамъ. Такъ барантовали малыя партіи. Но часто набѣги производились нѣсколькими стами и даже тысячами наѣздниковъ, т. е. цѣлыми родами. Въ этомъ случаѣ баранту назначаетъ родоначальникъ. Нападеніе совершается открыто, въ знойный полдень или на разсвѣтѣ, когда все спитъ или отдыхаетъ, для того чтобы застать непріятеля врасплохъ. Грабительству тутъ нѣтъ предѣла! Изступленные, полунагіе, съ дикими воплями, они истребляли все и не давали пощады ни полу, ни возрасту. Юрты разграблялись, скотъ угонялся, а люди и пастухи избивались.

Наѣздники, отличившіеся на барантѣ удальствомъ и храбростью пріобрѣтали весьма почетное названіе — *«батырей»*. При дѣлежѣ захваченнаго на барантѣ имущества, «батыръ» получалъ большую часть, даже не дожидаясь общаго дѣлежа, производившагося по извѣстнымъ правиламъ между всѣми родичами.

Такъ какъ для кочевника скотъ есть все, то нанесеніе вреда послѣднему составляетъ самое высшее оскорбленіе для киргиза, оскорбленіе, которое, въ свою очередь, даетъ и ему право барантовать противъ оскорбителей. Вслѣдствіе этаго, барантовщики подвергаются такому же раззоренію отъ ограбленныхъ, составляя, такимъ образомъ, взаимною барантою, длинную цѣпь злодѣйствъ, раззорительныхъ для народа и ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ.

Баранта прекращалась только зимою; но съ наступленіемъ весны, удальцы снова садились на коней и толпами мчались на грабежъ, вооруженные пиками и «чеканами» (топорами на длинныхъ рукояткахъ)...

Энергическія дѣйствія нашего правительства уничтожили среди степей этотъ ужасный обычай, немало способствовавшій вырожденію кочевыхъ племенъ. Но въ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстахъ обычай этотъ еще имѣетъ между киргизами своихъ почитателей.

Своеобразный взглядъ кочевника на способъ пріобрѣтенія имущества не менѣе характерно проявляется въ другомъ, противуположномъ барантѣ, обычаѣ, такъ называемомъ «тамырствѣ» (обычай дружиться, отъ слова «тамыръ» — другъ). Обычай этотъ удержался въ полной силѣ до настоящаго времени. Желающіе подружиться обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, причемъ даютъ клятву быть навсегда въ дружбѣ. Дружба эта заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый изъ двухъ тамыровъ имѣетъ право во всякое время пріѣхать къ другому тамыру и объявить ему *калау*, т. е. свой выборъ: это значитъ, что все, чтобы онъ ни выбралъ, тамыръ обязанъ отдать ему. Преимущественно «калау» падаетъ на хорошихъ скакуновъ, беркутовъ, ястребовъ, борзыхъ собакъ, ковры, мѣха и т. под. Если послѣдуетъ отказъ въ выдачѣ калау, то дружба разрывается, и никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта, угонъ лошадей и убійства. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, киргизы прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ: выдавъ «калау», киргизъ, по праву тамырства, старается поскорѣе объявить свой выборъ, падающій часто на тотъ же самый предметъ, а иногда и на болѣе цѣнный... Кто въ этомъ случаѣ перехитритъ другъ друга, тотъ и остается въ выгодѣ... Таковъ обычай тамырства!

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ, рисующихъ наклонности «степняка-кочевника» относится также соколиная охота, перенія-

КИРГИЗЫ

БАШКИРЫ

Лазарь Борисовичъ Гуревичъ

тая у киргизовъ ради забавы и нашими старинными князьями и боярами. «Соколиная охота» не составляетъ для киргизовъ промысла или занятія, которому они предавались бы отъ нужды; напротивъ, охота эта составляетъ, по большей части, времяпрепровожденіе богатыхъ киргизовъ, ихъ національное, обычное развлеченіе отъ монотонной жизни пастуха-кочевника,—развлеченіе, которому праздный апатичный азіатъ предается со всею пылкостью хищника... Поэтому и можно сказать, что «соколиная охота» составляетъ скорѣе народный обычай, нежели промыселъ киргизовъ.

Для каждаго звѣря у киргизовъ имѣется особая охотничья птица, такъ что ихъ насчитывается до семи породъ. Напримѣръ, на волковъ и лисицъ киргизы ходятъ съ беркутами; на горныхъ козъ, драхвъ и лебедей охотятся съ соколами; съ помощью ястребовъ бьютъ утокъ, гусей, стрепетовъ, и проч.

Сами киргизы рѣдко занимаются дрессировкой для охоты хищныхъ птицъ; эту черную работу исполняютъ, обыкновенно, наши волжскіе татары и башкиры. Татаринъ по цѣлымъ недѣлямъ носитъ хищную птицу на палкѣ по зарямъ, не кормитъ и не даетъ ей спать, надѣваетъ ей на лапы ремни, завязываетъ колпачкомъ глаза и продолжаетъ эти экзекуціи до тѣхъ поръ, пока птица совсѣмъ перестанетъ дичиться и станетъ по первому зову прилетать къ рукѣ за кускомъ. Тогда татаринъ или башкиръ везетъ птицу въ степь и продаетъ киргизу.

Киргизъ дорого даетъ за охотничью птицу. Хорошій беркутъ цѣнится въ 5—6 верблюдовъ, соколъ—въ 1 или 2 верблюда, ястреба и кончики — дешевле.

Замѣчательна любовь кочевника къ этимъ воздушнымъ, пернатымъ хищникамъ. Киргизъ уже не мучаетъ птицу; черезъ двѣ-три недѣли хищникъ возмужаетъ у него,—перья покроются глянцемъ и глазъ «заиграетъ»... Киргизъ кормитъ его вдоволь, холитъ, гладитъ его, носитъ по степи, словомъ возится съ нимъ, какъ нянька. И птица, въ свою очередь, не остается равнодушной къ своему патрону.

Но высшее наслажденіе для киргиза начинается тогда, когда онъ отправляется съ своимъ орломъ или беркутомъ на охоту. Предъ этимъ онъ дня 2—3 совсѣмъ не кормитъ птицу. Затѣмъ киргизъ сѣдлаетъ свою коренастую лошадку, садится верхомъ, помѣщаетъ рядомъ, на лукѣ, голоднаго хищника, накрывъ ему глаза колпачкомъ, — и оба катаются по степи... Завидитъ кочевникъ лису или сайгака, сейчасъ же сдернетъ колпакъ съ пернатаго хищника, приподниметъ на рукѣ такъ, чтобы онъ видѣлъ звѣря—и пускаетъ на свободу... Тяжело взмахнетъ крыльями проголодавшійся орелъ, и пойдетъ на кругахъ, все выше и выше... Киргизъ глазъ съ него не спускаетъ. Но вотъ «пернатый хищникъ» нацѣлилъ на звѣря, и, сложивъ крылья, стрѣлой падаетъ внизъ... У киргиза замеръ духъ! Но беруктъ уже сдѣлалъ свое дѣло: запустивъ когти одной лапы въ голову лисицы, а когти другой—въ ея крестецъ, беркутъ выклевываетъ ей глаза и сильными ударами клюва въ голову убиваетъ ее или ослабляетъ настолько, что восхищенный киргизъ, примчавшись во весь духъ, безъ труда уже доканчиваетъ пораженіе звѣря. Послѣ этого кочевникъ не налюбуется на своего «пернатаго товарища», холитъ, гладитъ его и даетъ ему лучшій кусокъ изъ добычи, кусокъ лисьей печени...

О хорошей, удалой птицѣ молва пробѣгаетъ по всей степи. Киргизы ѣдутъ за 100 — 200 верстъ и больше, чтобы посмотрѣть на нее, полюбоваться ея удалью, какъ она лисицъ и волковъ матерыхъ хватаетъ, словно зайцевъ, и душитъ въ когтяхъ... Удивленію ихъ нѣтъ конца! За то и хозяинъ цѣнитъ такую птицу дороже своего скота и жилища...

Киргизы охотятся на звѣрей и съ борзыми туркменскими собаками (*«тазами»*); но собаки эти дурно содержатся и вовсе не воспитываются для охоты.

Вышеописанныя наклонности киргизовъ составляютъ, конечно, крупные пороки, но, во всякомъ случаѣ, не прирожденные имъ, а навѣянные прежнимъ хищническимъ бытомъ, — пороки, подъ вліяніемъ русской цивилизаціи, все болѣе и болѣе сглаживающіеся и даже совсѣмъ исчезающіе. Въ настоящее время, киргизъ-кочевникъ въ сущности, уже выродился и имѣетъ больше задатковъ для мирнаго гражданскаго развитія, нежели для хищническаго быта. Правда, познанія и навыкъ киргизовъ къ гражданской жизни еще не на столько велики, чтобы они могли тотчасъ же перейдти къ ней; но этого, конечно, нельзя и требовать отъ нихъ; хорошо уже и то, что въ нихъ есть несомнѣнные задатки для постепеннаго перехода къ слѣдующей, высшей степени цивилизаціи.

Свѣдѣнія киргизовъ касаются, главнымъ образомъ, узкой сферы пастушескаго быта. Киргизъ знаетъ на небѣ Полярную звѣзду (*темиръ-казыкъ* — желѣзный гвоздь), которая указываетъ ему дорогу въ степи, Большую Медвѣдицу, по которой онъ опредѣляетъ время ночи, Венеру (*караванъ-джылдызъ* — звѣзду каравановъ), подымающую его въ дальній путь. Знаетъ также привычки и свойства своихъ животныхъ и разныя благопріятныя и неблагопріятныя условія кочевокъ.

Но, кромѣ того, киргизамъ извѣстны и многія изъ условій осѣдлаго быта. Киргизъ умѣетъ приготовить себѣ всѣ вещи, нужныя для домашняго обихода. Всякому матеріалу, который даетъ имъ скотъ, они могутъ придать форму, удобную для личнаго употребленія. Они умѣютъ валять кошмы и войлоки, ткать армячину, выдѣлывать кожи, мѣха, замшу, приготовлять «сабы» (кожанные мѣхи для храненія кумыса), «чембары» (кожаные штаны), «яргаки» (шубы изъ телячьихъ шкуръ), «турсуки» и «бурдюки» (мѣшки изъ конскихъ и овечьихъ кожъ), «кебежи» (сундуки изъ сырыхъ коровьихъ кожъ), шить сапоги и платье, дѣлать арканы, конскую сбрую, молоть муку и проч., и знакомы отчасти съ кузнечнымъ, плотничнымъ и красильнымъ мастерствами. Остальныя же вещи, какъ-то: домашнюю посуду, разныя матеріи и металлическія вещи — они получаютъ, по большей части, изъ Россіи и среднеазіатскихъ ханствъ. Но и вышеперечисленныхъ ремеслъ и свѣдѣній киргизовъ достаточно, чтобы составить прочное основаніе для ихъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія.

Къ хлѣбопашеству киргизы пока переходятъ только вслѣдствіе крайней необходимости, потерявши, напримѣръ, весь свой скотъ и сдѣлавшись «джетаками (лежащими, некочующими). Такихъ обездоленныхъ кочевниковъ, вслѣдствіе прежней баранты и разныхъ стихійныхъ бѣдствій, весьма часто посѣщающихъ киргизскую степь, накопилось уже множество, и они, волей-неволей, образовали особый классъ — «игинчи» — пахарей. Понятно, что положеніе этихъ подневольныхъ пахарей не могло сдѣлаться особенно завиднымъ. Во первыхъ, для истаго киргиза, «игинча» — пахарь — слово презрительное, означающее самаго послѣдняго, самаго низкаго человѣка. Одно уже это обстоятельство не можетъ служить особеннымъ поощреніемъ для киргиза къ земледѣльческому труду. Къ тому же киргизы ѣдятъ хлѣба мало и неохотно, и потому самые «закромы хлѣба» также не могутъ для нихъ представлять особенной прелести. Сверхъ того, неумѣнье взяться за дѣло, отсутствіе навыка къ земледѣлію и вообще привычки къ труду, и, наконецъ, постепенное распаденіе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, родоваго общественнаго быта, — все это ставитъ пахаря-киргиза въ самое ужасное положеніе. Покопавшись кое-какъ вмѣсто сохи допотопной лопатой у своей пашни, и оросивъ ее, по обыкновенію всѣхъ среднеазіатцевъ, тощимъ каналомъ («арыкомъ») *), киргизъ-«игинчи» больше уже не знаетъ никакихъ заботъ

*) Искусственно проведенная вода составляетъ для осѣдлыхъ среднеазіатцевъ, вслѣдствіе особыхъ условій природы, такой же источникъ благосостоянія, какъ скотъ у кочевниковъ. Владѣть большимъ «арыкомъ» — ирригаціоннымъ кана-

КИРГИЗСКІЙ СУЛТАНЪ, ЕГО ЖЕНЫ И ПѢВЕЦЪ.

о своей землѣ, и, предоставивъ все дѣло собственному его теченію, едва успѣваетъ собрать даже затраченныя сѣмена. Селится онъ также на манеръ своихъ отцовъ и братьевъ кочевниковъ — въ кибиткахъ. Но юрта не домъ; она не предназначалась для земледѣльца и въ высшей степени непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, холодъ, повсемѣстныя лохмотья и вѣчные больные,—вотъ обыкновенные аттрибуты некочующихъ киргизовъ или «джетаковъ».

Многіе изъ этихъ «игинчи» или пахарей доходили до такой крайности, что продавали своихъ дѣтей въ азіатскихъ владѣніяхъ за какой-нибудь «капъ» хлѣба, чтобы только имѣть возможность продлить свое существованіе. Образовавъ особый, довольно многочисленный классъ нищихъ (*байгушей*), они ходили толпами по нашимъ линейнымъ селеніямъ, городамъ и крѣпостямъ, въ грязныхъ рубищахъ, съ дѣтьми—большею частью—нагими, выпрашивая милостыню, или же пускаясь въ хищничество. Въ настоящее время, «байгуши» нанимаются въ работу къ русскимъ земледѣльцамъ, а также занимаются на заводахъ и пріискахъ, или же служатъ въ пастухахъ (*кончи*) у богатыхъ киргизовъ.

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы подобное положеніе киргизовъ—пахарей было естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ перехода ихъ къ осѣдлому быту. Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество условій, при которыхъ и кочевникъ можетъ сдѣлаться — и дѣлался—прилежнымъ, зажиточнымъ земледѣльцемъ. Но, во всякомъ случаѣ, несчастный примѣръ «игинчей», служа какъ бы подтвержденіемъ взглядовъ кочевниковъ, не особенно располагаетъ послѣднихъ къ подражанію имъ. И дѣйствительно, жизнь большинства кочевниковъ, по сравненію съ положеніемъ пахарей, представляется просто раемъ.

Въ торговлѣ киргизы также не принимаютъ непосредственнаго участія, хотя сношенія ихъ съ Россіей и азіатскими странами производятся довольно дѣятельно, конечно азіатскимъ способомъ — съ помощью верблюдовъ или посредствомъ, такъ-называемыхъ, «караванов». Драгоцѣнныя качества верблюда, этого «корабля пустыни», даютъ возможность переходить съ товаромъ даже безводныя и безтравныя пустыни киргизскихъ степей. Караванные пути пересѣкаютъ киргизскую степь во всѣхъ направленіяхъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Когда ѣдешь по степи, то на сѣрожелтой ея поверхности пути эти вездѣ раскинулись темными лентами, проторенными копытами верблюдовъ и тяжелыми колесами азіатскихъ товарныхъ арбъ.

Многіе изъ киргизовъ разводятъ верблюдовъ спеціально для караваннаго найма; богатые кочевники держатъ съ этой цѣлью сотъ по пяти верблюдовъ. Вожаками верблюдовъ въ караванахъ или «чапарами» служатъ также киргизы. Вожаки, или чапары, въ караванѣ подчиняются обыкновенно «караванъ-башѣ» (караванному старшинѣ), избираемому изъ среды купечества. Караванъ-баша разбираетъ распри между чапарами, принимаетъ нужныя мѣры для безопаснаго слѣдованія каравана, развѣдываетъ о киргизскихъ родахъ, кочующихъ близъ дороги —дружественные они, или враждебные, и по общему совѣщанію съ чапарами, располагаетъ ходомъ каравана, назначаетъ ночлеги и остановки.

Движеніе каравана въ степи представляетъ чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разнымъ товаромъ, идутъ обыкновенно, одинъ за другимъ, гуськомъ, или, по караванному выраженію, «ниткой». Для этого ихъ привязываютъ одинаго къ другому посредствомъ особыхъ уздечекъ, состоящихъ изъ веревочки, прикрѣ-

---

ломъ, для азіата-земледѣльца значитъ быть богатымъ. Вслѣдствіе этого, самое землевладѣніе въ Средней Азіи основано на правѣ «оживленія», т. е. по мѣстному закону, только тотъ имѣетъ первоначальное право на обладаніе землей, кто ее оросилъ, оживилъ. Этотъ взглядъ отчасти проникъ и къ киргизамъ.

пленной къ концамъ маленькой палочки или кости, продѣтой въ носовой хрящъ верблюда. При остановкѣ на кормежку нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и онъ тотчасъ становится на колѣни; въ это время безъ труда снимаютъ съ него вьюкъ, а самаго его пускаютъ на подножный кормъ. Утромъ, по слову: «чокъ»! верблюдъ опять становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу въ особую раму, прикрѣпленную къ его спинѣ и обшитую войлокомъ.

Поставляя верблюдовъ подъ караваны и служа вожаками ихъ, киргизы въ самой торговлѣ не принимаютъ никакого участія. Караванная торговля почти вся находится въ рукахъ среднеазіатскихъ купцовъ и отчасти русскихъ. Въ торговомъ отношеніи киргизъ зависитъ отъ другихъ. Болѣе всѣхъ прижимаютъ киргизовъ туркестанскіе жители — *сарты*. Сартъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, непремѣнно торгашъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ по натурѣ, онъ неутомимъ въ надуваніи ближняго и въ накапливаніи денегъ. Трусливый по характеру, сартъ не побоится рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ дастъ ему барышъ. Совершенно равнодушно отправится онъ съ караваномъ черезъ всѣ среднеазіятскія трущобы и пустыни въ Москву, Нижній Новгородъ, Семипалатинскъ, или въ Индію, зная хорошо, что трущобы эти и пустыни заселены кругомъ хищными племенами, у которыхъ грабежи почти единственное средство къ существованію. Понятно, что для такихъ отважныхъ барышниковъ, каковы сарты, болѣе другихъ добродушный и наивный — киргизскій народъ представляетъ неистощимый источникъ наживы. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ ауловъ непремѣнно появляется переносная юрта прикащика какого нибудь сарта. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, прикащикъ беретъ за свой товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоящей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени, этотъ долгъ сберется по ауламъ, и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются въ мѣста жительства сартовъ для нагула.

Не мудрено, что сами киргизы не принимаютъ никакого участія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и не хлопочутъ много ни о какихъ перемѣнахъ въ быту или улучшеніяхъ. Потребности кочевника чрезвычайно просты и однообразны. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ коровъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно счастливою. Киргизъ счастливъ, если у него есть скотъ для прокормленія, кибитка для защиты отъ непогоды, постель для сна и жена для услуги. При подобномъ состояніи, даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Привольно беззаботно ему живется тогда! Онъ веселъ и гордъ, любуясь своими жирными баранами и десяткомъ — другимъ маленькихъ, горбоносыхъ, кадыкастыхъ лошадокъ. Кругомъ его раздолье, такое же широкое, какъ мать его — степь. Если же состояніе его будетъ выше, то у киргиза всетаки не явится ни одной новой потребности; онъ станетъ только ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкентскія или китайскія сѣдла, вмѣсто грубыхъ и жесткихъ киргизскихъ; заведетъ двѣ «сабы», вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты *тикеметами* (росписными кошмами и коврами) вмѣсто простыхъ кошемъ; однимъ словомъ, количество потребностей останется тоже, но, съ увеличеніемъ его состоянія, киргизъ станетъ улучшать только качество потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ, и богатыхъ кочевниковъ почти однѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостью. Киргизъ, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы его состояніе

позволяло ему продолжать кочевой образъ жизни и чтобы, въ противномъ случаѣ, не обратиться — чего боже упаси — въ «джетака» или пахаря.

Жилище.

Становища или аулы киргизовъ стоятъ въ степи чрезвычайно рѣдко одинъ отъ другаго, такъ что по жилищамъ кочевниковъ путешественникъ не можетъ опредѣлить направленіе своего пути, какъ по нашимъ селеніямъ. Лишь въ кои-вѣки доберешься въ необозримой степи до такой прогалины или ложбины, гдѣ вблизи ручья невысыхающаго и лѣтомъ, прячась за «борханомъ» (бугромъ) и тростниками, пріютились эти невзрачные аулы, состоящіе изъ сплотившихся группами юртъ, покрытыхъ потемнѣвшими войлоками. Непривычному человѣку юрты, съ перваго раза, покажутся кучками насыпной земли. Замѣтить такой аулъ издали чрезвычайно трудно. Гораздо скорѣе можно добраться до него по особенному аульному запаху. Воздухъ вокругъ жилища кочевника пропитанъ запахомъ скотскаго навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характеристическій запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами.

Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, повидимому совершенно безплодныхъ степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачекъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая свои мозолистыя ноги и ныряя всѣмъ корпусомъ въ воздухѣ...

Въ ближайшихъ къ аулу частяхъ степи, раскинулись стада барановъ, будто разсыпанныя по ней кучи камешковъ. А еще ближе къ аулу—пасутся лошади и рогатый скотъ.

Около самыхъ юртъ бродятъ худыя, злѣйшія собаки, съ стоячими ушами, кидающіяся съ остервененіемъ на всякаго человѣка, непохожаго на киргиза. Нѣкоторыя изъ нихъ, забравшись въ середину какого нибудь остова павшаго животнаго, съ сердитымъ ворчаньемъ обгладываютъ на немъ бахромки мяса... Заслышавъ проѣзжихъ, онѣ съ недоумѣніемъ выберутся изъ костяка и вспугнутъ тѣмъ цѣлую стаю сорокъ и другихъ пернатыхъ спутниковъ степняка-кочевника. Гдѣ нибудь въ сторонѣ, на «барханѣ», сидитъ огромной орелъ-стервятникъ, гордо слѣдящій за проѣзжими. Женщины-киргизки повылѣзутъ изъ юртъ, въ своихъ высокихъ головныхъ уборахъ изъ грубаго коленкора. Прикрывъ глаза рукою, онѣ будутъ стоять у юртъ и смотрѣть съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжающихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не пропадутъ за горизонтомъ. Совершенно голыя, до невѣроятности грязныя, вывалявшіяся въ навозѣ дѣти, сидѣвшіе, пока путешественники были недалеко, внутри юртъ, пугливо забившись по угламъ, теперь выбѣгутъ въ степь, замахаютъ руками, закрмчатъ, запищатъ и пошлютъ вслѣдъ за путешественниками стаю волкообразныхъ собакъ, съ поднятою на спинѣ шерстью. Сами же хозяева кибитокъ, пожилые киргизы, праздно снующіе верхомъ взадъ и впередъ вокругъ ауловъ, завидѣвъ путешественника, непремѣнно поскачутъ къ нему на встрѣчу, чтобы спросить: «что на свѣтѣ новаго»?

Каждый аулъ состоитъ изъ десяти или пятнадцати юртъ, расположенныхъ неподалеку одна отъ другой и занятыхъ семействами кровныхъ родичей. Первое мѣсто занимаетъ юрта главы аула—отца или дѣда—кровныхъ родичей. Рядомъ съ его юртой помѣщаются юрта *бай-баче*, т. е. его первой жены и такая же юрта для *токелъ* («безрогихъ», т. е. неимѣющихъ вліянія на мужа—младшихъ женъ).

Всѣ дѣти живутъ въ кибиткахъ своихъ матерей. Взрослые же сыновья имѣютъ каждый свою юрту. Какъ только сынъ женится, ему сейчасъ ставятъ отдѣльную юрту, недалеко отъ отца, и надѣляютъ его скотомъ, вычитая при. этомъ, уплаченный за его жену калымъ: чѣмъ больше у него женъ, тѣмъ меньше у него имущества; но онъ очень часто дополняетъ его барантой. Каждый изъ женатыхъ сыновей ставитъ подлѣ своей юрты, въ свою очередь, кибитки для своихъ женъ и т. д. Все это расположено группами по строгому порядку старшинства членовъ рода, огорожено общей тростниковой загородкой и составляетъ «аулъ». Начальникъ его есть старшій между кровными родственниками, — ихъ отецъ или дѣдъ. Скотъ всѣхъ членовъ аула пасется вмѣстѣ, на общемъ пастбищѣ.

Рядомъ съ этимъ ауломъ помѣщается другой подобный же аулъ, члены котораго состоятъ въ близкомъ родствѣ съ членами перваго. Дальше располагается третій аулъ, члены котораго также находятся въ родствѣ съ двумя первыми, и т. д. Нѣсколько такихъ ауловъ, связанныхъ близкимъ родствомъ и имѣющихъ каждый свои стада и табуны, составляютъ вмѣстѣ «улусъ», начальникомъ котораго служитъ «аксакалъ», т. е. старшій во всемъ союзѣ близкихъ родственниковъ.

За нѣсколько верстъ отъ этого улуса располагается другой подобный же улусъ, всѣ члены котораго состоятъ въ дальнемъ родствѣ съ членами перваго улуса. Нѣсколько такихъ улусовъ вмѣстѣ составляютъ отдѣльный родъ, кочующій по степи широко-раздвинувшейся линіей, и состоящій подъ главенствомъ султана или манапа.

Переносное жилище киргиза «кибитка» или «юрта» (*үй*) въ высшей степени приспособлено къ его походной жизни и напоминаетъ собою остовъ животнаго, или, вѣрнѣе, *грудную клѣтку.*

Каждая юрта состоитъ изъ деревяннаго *остова* и войлочной покрышки. Остовъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ три части; верхнюю, нижнюю и среднюю.

Деревянный остовъ, для прочности, обтягиваютъ сверху веревочками и широкими тесьмами. Затѣмъ его покрываютъ кошмами, лѣтомъ бѣлыми, а зимою — сѣрыми, въ два ряда. Чагаракъ, или верхній кругъ, остова имѣетъ отдѣльную покрышку изъ особой кошмы; онъ составляетъ дымовое отверстіе въ юртѣ (*тюндюкъ*) и служитъ въ тоже время вмѣсто окна.

Вполнѣ собранная юрта, покрытая кошмами и обтянутая веревочками и тесьмами, стоитъ такъ прочно, что если встать на нее взрослому человѣку, то она не покачнется, и ее можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто, нисколько не нарушая взаимнаго отношенія частей.

Разбирается юрта еще легче. Ее разъединяютъ на составныя части, навьючиваютъ на верблюдовъ и, такъ сказать, «по суставамъ» перевозятъ на новое мѣсто.

Юрта, занимающая, сравнительно, ничтожное пространство (3—4 сажени въ поперечникѣ и 2 — 3 сажени въ вышину) должна вмѣстить въ себѣ всѣ необходимые въ домашнемъ быту покои: столовую, гостинную, спальную, кладовую и проч. Поэтому, здѣсь все разсчитано, соображено, всему опредѣлено свое мѣсто, какъ въ пчелиномъ ульѣ; каждая вещь, каждый членъ семейства или гость знаютъ, гдѣ ему сѣсть или лечь. Оттого, въ сравнительно ничтожномъ помѣщеніи юрты, небогатый киргизъ ухитряется нерѣдко помѣститься съ двумя женами, со всѣми ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ, и тутъ-же собирается иногда до 50 человѣкъ гостей.

При входѣ въ юрту, на первомъ планѣ, составляющемъ ея заднюю часть, бросаются въ глаза въ порядкѣ уложенные сундуки и кожанные тюки, завернутые въ ковры или узорчатыя кошмы («тикеметы»). Тамъ сложено все богатство киргиза, и по количеству этихъ сундуковъ и тюковъ можно съ перваго раза составить вѣрное поня-

тіе о состояніи хозяина. Передъ этими сундуками всегда сидитъ самъ хозяинъ или сидятъ почетные гости. Середину юрты занимаетъ очагъ.

Лѣвая сторона ея завѣшана пологомъ, который на день подбирается за «ууки», а ночью опускается, отдѣляя, такимъ образомъ, спальню хозяина отъ домочадцевъ и гостей. Тутъ помѣщается деревянная, изрѣдка желѣзная кровать, или просто постельные войлоки, убираемые на день куда-нибудь въ уголъ. Правая сторона юрты загорожена стѣнкою или ширмою, сплетенною изъ особаго растенія, называемаго «чіемъ» (родъ соломы). Ширма эта непремѣнно вышита разноцвѣтною шерстью или шелкомъ. За этою ширмою помѣщается кладовая. Тамъ хранятся всѣ продовольственные запасы и домашняя посуда. Мясо сырое и копченое виситъ тутъ-же на стоячихъ желѣзныхъ палкахъ съ крючками, или просто на сучковатыхъ шестахъ. Вѣшаютъ мясо высоко, оберегая его отъ собакъ, которыхъ киргизы никогда не кормятъ.

Между кладовою и стѣнкою изъ сундуковъ и тюковъ, въ самой задней части юрты, у небогатыхъ киргизовъ помѣщается, обыкновенно, жена хозяина, ея дочери и маленькія дѣти.

Полъ юрты весь устилается войлокомъ или пестрыми кошмами.

Внутренняя сторона юрты, для украшенія, обшивается иногда кусками сукна, расположенными симметрически въ видѣ своеобразныхъ узоровъ. «Чагаракъ» или деревянный кругъ вверху юрты и косяки дверей также украшаются красками, рѣзьбою, костью, мѣдью и зеркальцами.

Внѣшняя сторона юрты, въ видѣ украшенія, обкладывается по краямъ кусками кошмы, обшитой сукномъ.

Дверь юрты закрывается, обыкновенно, опускнымъ войлокомъ. Дверь эта носитъ характерное названіе: *ишъ киръ месъ*, т. е. «собака не войдетъ».

Одежда киргизовъ не сложна. Киргизъ носитъ распашную рубашку изъ «бязинной» (бумажной) матеріи, *чамбары*, т. е. штаны изъ козлиной или овечьей кожи; кожаные сапоги, шитые жилами, на одной подметкѣ, безъ рантовъ и безъ стелекъ, съ двойными деревянными каблуками Поверхъ рубашки надѣваютъ халатъ изъ желтой или сѣрой армячины. Опоясываются ремнемъ съ мѣдными или серебрянными бляхами; къ нему привѣшиваютъ кожанную сумку (*калту*), въ которой хранится огниво и рогъ (*насымъ*) съ нюхательнымъ табакомъ. На бритой головѣ носятъ тюбетейку, сверхъ которой надѣваютъ конусообразную, войлочную шляпу, съ загнутыми вверхъ полями.

Зимою носятъ овчинныя шубы и *ярлаки*, т. е. халаты изъ козлиной или телячьей шкуры, шерстью вверхъ; грудь оставляютъ по большей части открытою. Вмѣсто шляпъ надѣваютъ *малахаи*, т. е. овчинныя, крытыя сукномъ, конусообразныя шапки съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади—опущенными внизъ.

Національное вооруженіе киргизовъ составляютъ: пика, «чеканъ» (топоръ на длинной рукояткѣ), лукъ со стрѣлами, кривая сабля и изрѣдка старинное ружье съ фитилемъ.

Одежда богатыхъ киргизовъ сохраняетъ, въ сущности, тотъ-же покрой, но блещетъ серебромъ, золотомъ, шелкомъ, галунами, бархатомъ, дорогими мѣхами, сафьяномъ и т. п. роскошью. При этомъ киргизы страстно любятъ чины, ордена и жалованные кафтаны.

Женщины киргизскія въ одеждѣ немногимъ разнятся отъ татарокъ. Дѣвушки киргизскія (*кызъ*) заплетаютъ волосы въ мелкія косички, соперничая ихъ количествомъ, и носятъ на головѣ шапочки или фески. Замужнія-же киргизки (*катимъ*) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя распускаютъ по плечамъ, обвертывая ихъ иногда бязью, т. е. бѣлою бумажною матеріею. Головной уборъ замужней женщины состоитъ изъ конусообразной шапки, вышиною въ полъ-аршина, называемой *джемлукъ*. Уборъ этотъ накрывается сверху кускомъ бѣлаго коленкора, концы котораго висятъ сзади; спереди-

же, на лбу, джавлукъ вышивается шелкомъ или унизывается корольками, змѣевиками, бусами и т. п.

Остальной костюмъ киргизокъ почти совершенно такой-же, какъ и у татарокъ. Даже бѣлила, румяна и сурьма получаются ими, вѣроятно, изъ одного источника съ послѣдними.

Пища кочевника весьма неприхотлива. Не смотря на многочисленныя стада, какими располагаетъ онъ, мясо, противъ всякаго ожиданія, не составляетъ его обыденнаго кушанья и лишь изрѣдка появляется на столѣ только болѣе зажиточныхъ киргизовъ. Даже баранину ѣдятъ ежедневно лишь самые богатые изъ кочевниковъ, Конина-же составляетъ рѣшительно для всѣхъ ихъ лакомство. Мясо верблюдовъ ѣдятъ еще рѣже, такъ какъ рѣжутъ ихъ только въ случаѣ неизбѣжной ихъ смерти, напримѣръ, вслѣдствіе старости болѣзни, увѣчья и т. п.

Такая воздержность кочевника отъ употребленія мясной пищи весьма понятна. Скотъ нуженъ ему не столько для пищи, сколько для удовлетворенія всѣхъ потребностей кочеваго быта. Скотъ служитъ киргизу не столько своимъ мясомъ, сколько своею кожею, шерстью и волосомъ. Изъ кожъ киргизъ готовитъ себѣ платье и почти всю свою домашнюю утварь, а шерсть служитъ у него главнымъ матеріаломъ для постройки жилища и, кромѣ того, идетъ ему также на платье и на разныя другія домашнія принадлежности, замѣняя подъ-часъ дерево, пеньку, ленъ и пр. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, кочевникъ долженъ тщательно беречь и размножать свой скотъ, а отнюдь не истреблять его, и киргизъ хорошо понимаетъ, что съѣшь онъ лишняго барана или лошадь изъ своего стада, то какъ разъ придется ему обратиться въ «джетака» или пахаря.

Вотъ почему главную пищу киргизовъ составляетъ молоко и — что всего неожиданнѣе—просо. Эти два вещества киргизы употребляютъ въ разнообразныхъ формахъ, какъ нельзя болѣе приноровленныхъ къ ихъ походной, кочевой жизни.

Изъ молока, преимущественно овечьяго или козьяго, киргизы приготовляютъ *куртъ*, т. е. сыръ, довольно питательный, но очень сухой и твердый, некрошащійся и непортящійся, занимающій очень мало мѣста, однимъ словомъ, весьма удобный для дороги. Изъ просяной поджареной муки киргизы готовятъ себѣ *толканъ*, т. е. болтушку съ водою. Одна—двѣ горсти такой муки, разбавленныя водою, достаточны въ день для одного человѣка. Выпивъ такой болтушки, киргизъ считаетъ себя совершенно сытымъ.

Національный киргизскій напитокъ составляетъ знаменитый *кумысъ*, приготовляемый изъ кобыльяго молока. Едва ли кто такъ умѣетъ приготовлять кумысъ, какъ киргизы, чему не мало способствуютъ раздолье киргизскихъ степей и качество ихъ скота. Предназначенное для кумыса молоко сливаютъ сперва въ кожанный мѣшокъ (сабу), гдѣ оно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, тщательно и часто взбалтывается особой палкой— «пекенемъ». Для закваски, въ новую сабу кладутъ копченную лошадиную жилу; старая же обдержанная саба сама по себѣ служитъ закваской для молока. Отъ частаго взбалтыванія и закваски, молоко постепенно приходитъ въ броженіе, и въ концѣ концовъ получается напитокъ, чрезвычайно питательный, освѣжающій и слегка опьяняющій. Киргизы употребляютъ кумысъ въ огромномъ количествѣ, какъ русскіе пьютъ брагу. Изъ коровьяго молока киргизы приготовляютъ *айранъ*, тоже родъ кумыса, но далеко уступающій послѣднему по качеству. Въ большомъ также употребленіи между ними *арака*, перегнанная изъ кумыса водка и, наконецъ, *буза*, брага изъ просяной муки.

Чай пьютъ только очень богатые киргизы. Но для гостей напитокъ этотъ считается необходимымъ угощеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ чаю подаютъ *достарханъ*—сладости, главнымъ образомъ орѣхи, миндаль, фисташки, кишмишъ и немного сахару. Все это

разсыпается на полотенце, состоящее изъ куска полотна, ситцу или канауса.

Кирпичный чай гораздо болѣе распространенъ между киргизами, нежели обыкновенный, и они пьютъ его совершенно также, какъ и сибирскіе татары.

Киргизы всѣ мусульмане, на сколько это совмѣстно съ ихъ любовью къ свободѣ и страстью къ пастушеской жизни. Они исповѣдуютъ магометанскую вѣру сунитскаго толка, но въ нихъ незамѣтно фанатизма и нетерпимости, присущихъ усерднымъ послѣдователямъ корана. По роду ихъ кочевой жизни, они и мечетей держатъ немного, да имъ рѣдко приходится и молиться въ нихъ. Въ званіе ахуновъ, имамовъ и муллъ киргизы избираютъ, обыкновенно, казанскихъ татаръ, или сартовъ, которыхъ утверждаетъ въ этихъ должностяхъ оренбургскій муфтій.

Объ руку съ муллами у киргизовъ есть и *баксы*, истолкователи судьбы, представители прежнихъ вѣрованій въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и чуть ли послѣдніе не пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ по сравненію съ первыми. «Баксы» занимаются ворожбою леченіемъ. Главнымъ орудіемъ, при этомъ, служитъ у нихъ музыкальный инструментъ, родъ скрипки съ разными металлическими побрякушками, изъ котораго они извлекаютъ смычкомъ дикіе звуки, распѣвая непонятныя слова и вызывая духовъ, причемъ кривляются, какъ шаманы, бросаются въ огонь, тычутъ себя ножами.

Вообще, въ киргизскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ можно до сихъ поръ замѣтить слѣды шаманства, когда-то распространеннаго во всей сѣверной полосѣ Азіи. Киргизы доселѣ поклоняются видимымъ предметамъ изъ міра физическаго. Уединенно стоящее въ степи дерево, гигантскій камень, одиноко выдвинутый на необозримой равнинѣ, горная пещера съ ключемъ чистой воды, могилы «батырей», все это служитъ у нихъ предметомъ поклоненія. Ни одинъ киргизъ не проѣдетъ мимо могилы «батыря», не слѣзши съ коня и не отправивши намаза, причемъ оставляетъ обитающему тутъ духу какую нибудь умилостивляющую жертву, лоскутъ одежды, либо хоть клокъ конскихъ волосъ, привѣшивая это на воткнутыхъ вокругъ кольяхъ.

Обряды же собственно мусульманскіе, какъ то посты, молитвы, омовенія, посѣщеніе Мекки—исполняются ими не такъ охотно.

Образъ жизни, праздники и обряды.

Киргизскій день начинается съ восходомъ солнца. Едва блеснетъ первый лучъ свѣта, какъ мулла, или кому случится проснуться раньше, затягиваетъ *азанъ* (призывъ на молитву). Сейчасъ же открываются двери всѣхъ юртъ и проснувшіеся обитатели идутъ къ водѣ для совершенія «намаза». Послѣ омовенія читается первая молитва въ юртѣ или на дворѣ. Жены обязаны къ этому времени убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, который состоитъ, большею частью, изъ «кужи», просяной похлебки. Если средства позволяютъ, то прибавляютъ въ котелъ съ кужей—молока, курдючнаго сала, конской колбасы или айрану. Если есть остатки отъ ужина, то они подаются тутъ же. Вообще киргизъ любитъ въ это время поѣсть плотно.

По окончаніи завтрака, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ, со словами *Алла-акъ-беръ*, всѣ встаютъ и каждый идетъ къ своему дѣлу: женщины доятъ скотъ предъ угономъ его въ поле, мужчины же, по обыкновенію, идутъ гулять. Подоивъ скотъ и отпустивъ его въ поле, женщины принимаются готовить запасы провизіи—айранъ, кумысъ и проч. Дѣти въ это время собираютъ дрова и носятъ воду. Молодыя дѣвушки готовятъ себѣ приданое, валяютъ кошмы, вышиваютъ по нимъ разные узоры, снуютъ тесьмы. Вообще киргизскимъ женщинамъ гулять некогда, а потому въ аулѣ днемъ рѣдко слышны разговоры или пѣсни.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ весь день, прерываемый изрѣдка молитвами, которыя совершаютъ только мужчины. Обѣденнаго времени у киргизовъ не полагается, за отсутствіемъ обычая *обѣдать*. Это время сутокъ они проводятъ большей частью въ дорогѣ или перекочевкахъ, и потому привыкли въ продолженіи дня удовлетворять свой голодъ по дорожному, хотя бы и находились на мѣстахъ стоянокъ. Кто захочетъ поѣсть или, вѣрнѣе, заморить голодъ, тотъ самъ угощается въ юртѣ, въ кладовой, гдѣ находится постоянный запасъ разной провизіи: кужи, айрана, кумысу, бузы и проч.

Киргискій аулъ оживаетъ только къ вечеру, когда скотъ пригоняется домой. Какъ только пригоняютъ барановъ, хозяйка съ дочерьми входитъ въ свои стада *и на глазъ опредѣляетъ*, весь ли скотъ дома. Ошибки въ этомъ случаѣ очень рѣдки. Затѣмъ начинаютъ доить овецъ, коровъ, козъ и проч. Сначала подпускаютъ къ маткамъ сосуновъ, для того чтобы они отсосали; послѣ этого, прячась за сосуновъ, идутъ сами киргизки съ кожанными подойниками и, быстро оттолкнувъ сосуна, принимаются за доенье. Но молока киргизы получаютъ мало. Даже коровы приносятъ имъ гораздо больше пользы, какъ рабочій и вьючной скотъ. Киргизъ не можетъ не ѣздить верхомъ,—это его привычка, потребность, какъ у осѣдлаго жителя—ходить пѣшкомъ. Поэтому бѣдные киргизы, за неимѣніемъ лошадей, очень часто кочуютъ на коровахъ, ѣздятъ верхомъ на нихъ и, кромѣ того, питаются ихъ молокомъ. Но при этомъ, разумѣется, самымъ полезнымъ и необходимымъ для кочевника животнымъ остается всетаки овца, которая его кормитъ, одѣваетъ и даетъ матеріалъ для жилища.

По уборкѣ скота, вся семья приступаетъ къ ужину, который состоитъ изъ той же «кужи», иногда съ небольшимъ количествомъ сала. Если при этомъ случится киргизу ѣсть мясо, то онъ тщательно обгладываетъ каждую косточку, такъ что послѣ киргиза и собакѣ нечѣмъ поживиться. У богатыхъ киргизовъ подается чашка съ мяснымъ бульономъ; ее подаютъ сначала старшему, и отъ него она обходитъ уже всю собравшуюся публику. Затѣмъ слѣдуютъ кумысъ и айранъ, и наконецъ читается *бата* — пожеланіе хозяину всего хорошаго.

Хотя ужинъ этимъ совершенно заканчивается, но долго еще видны огни чрезъ «тюндюки» и слышны говоръ и пѣсни изъ ауловъ. Во всѣхъ юртахъ ведутся разговоры, разсказываются сказки. Старики, посѣдѣвшіе въ барантахъ, вспоминаютъ о своей молодости и возбуждаютъ духъ дѣтей разсказами о своихъ подвигахъ. Тутъ же поются пѣсни и играютъ въ разныя игры, преимущественно въ кости.

Ложатся спать около полуночи. Раньше, чѣмъ хозяйка ляжетъ, она обязана затушить огонь и закрыть тюндюкъ (дымовое отверстіе), чтобы нечистая сила не безпокоила обывателей.

Молодые джигиты уходятъ въ это время въ степь пасти табуны лошадей, которыя на ночь не пригоняются въ аулы. Скотъ же, собравшійся вокругъ юртъ, оберегаютъ ночью дѣвушки, съ помощью собакъ. Киргизка до самой зари выкрикиваетъ пѣсни, чтобъ ими отпугивать отъ стада волковъ, и нужно имѣть большую привычку, чтобы заснуть подъ этотъ крикъ и пѣсни.

Такимъ образомъ, вся тяжесть ежедневныхъ работъ лежитъ у киргизовъ на женщинѣ, всегда грязной и еще болѣе неопрятной, чѣмъ ея мужъ. Киргизка съ дѣтства пріучается ѣздить верхомъ на лошади и должна потомъ справлять всю свою жизнь за мужчину всѣ домашнія работы. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скотъ и смотрѣть за нимъ, обшивать семью,—все это лежитъ на обязанностяхъ женщины. Киргизы-мужчины ничего недѣлаютъ. Только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтовокъ, да пасутъ изрѣдка лошадей въ отгонныхъ табунахъ; все же остальное время проводятъ въ *гуляньи* по степи. Проснувшійся мужъ потребуетъ ѣсть; поѣстъ —сядетъ на лошадь, возьметъ ястреба или ружье, и отправится на охоту или поѣдетъ къ сосѣду въ

КИРГИЗСКІЕ ПОХОРОНЫ.

гости. А въ это время, жена, хотя бы и беременная, должна разобрать юрту, навьючить ее на верблюдовъ, разсадить на вьюки дѣтей, и, прицѣпивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсте, гдѣ опять ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой къ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ опять отправляется гулять по степи, въ надеждѣ натолкнуться на какое-нибудь развлеченіе, въ родѣ свадьбы, разбора дѣлъ біемъ, поминокъ, драки и т. под. На свадьбѣ онъ посмотритъ на игры, на судѣ онъ послушаетъ, на поминкахъ перепадетъ ему что-нибудь отъ угощеній, а въ дракѣ онъ приметъ чью-нибудь сторону. Или вспомнитъ онъ какое-нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты его обдѣлили, и отправится къ бію выскивать недоданное. Однимъ словомъ, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе. Жена же его не можетъ оторваться отъ юрты; уйди она — и все хозяйство киргиза пропало.

Такая жизнь легла тяжелымъ бременемъ на женскую половину киргизскаго народа. Киргизка въ 25 лѣтъ уже старуха. Вообще, она занимаетъ въ жизни кочевниковъ гораздо низшее мѣсто въ сравненіи съ мужчиною. Жена ѣстъ отдѣльно отъ мужа, который посылаетъ ей остатки съ своего стола. За убійство женщины «кунъ» платится вдвое менѣе.

Не смотря на это, киргизскія женщины не проводятъ жизни взаперти, подобно прочимъ своимъ единовѣркамъ. Киргизка пользуется полною свободой, не удаляется отъ мужчинъ и не закрываетъ себѣ лица. Цѣнія заслуги и познанія женщинъ въ хозяйствѣ, мужчины предоставляютъ имъ главное распоряженіе въ домѣ и очень часто сами прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого, киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка дома, но и какъ членъ общества. На сходкахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопросамъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣніе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣніемъ мужчинъ.

Народныя празднества у киргизовъ, исключая религіозныхъ мусульманскихъ праздниковъ, всѣ имѣютъ основаніе свое въ пастушескомъ кочевомъ бытѣ и довольно многочисленны, такъ какъ у киргизовъ даже важные случаи изъ частной жизни богатаго кочевника празднуются всенародно, цѣлыми родами. Главныя изъ киргизскихъ народныхъ празднествъ справляются ранней весною, по случаю выступленія съ зимовокъ на лѣтовки, и поздней осенью, когда киргизы рѣжутъ скотъ и заготовляютъ мясо для домашняго обихода на зиму.

Въ день выступленія съ зимовокъ на кочевки, съ восходомъ солнца, всѣ молодые люди аула, нарядившись въ праздничное платье, садятся на лучшихъ коней, выбираютъ молодую, красивѣйшую женщину и вручаютъ ей знамя, состоящее изъ шеста съ привязаннымъ къ нему цвѣтнымъ платкомъ. Женщина или дѣвушка слѣдуетъ съ этимъ знаменемъ верхомъ на лошади, впереди каравана, къ избранному мѣсту кочевки, въ сопровожденіи толпы юношей и дѣвицъ, при пѣсняхъ, скачкахъ и разныхъ играхъ. А за ними тянутся навьюченные верблюды съ юртами и пожитками, и гонятъ стада скота, разсыпаннаго по степнымъ равнинамъ. Достигнувъ мѣста первой лѣтовки, пожилыя киргизки начинаютъ устанавливать юрты, а молодежь снова принимается за скачки, бѣги, борьбу и прочія національныя киргизскія увеселенія, которыя будутъ описаны ниже. Дѣти, въ это время, ходятъ по юртамъ, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны, за что имъ даютъ кусочки курту, баранины и другихъ яствъ. Вообще праздникъ этотъ напоминаетъ татарскій «сабанъ».

Поздней осенью, когда киргизы уже возвратились на мѣста зимовокъ, они назначаютъ день, когда рѣжутъ скотъ и приступаютъ къ заготовленію мяса на зиму. Это обстоятельство сопровождается народнымъ празднествомъ, скачками, борьбой и прочими киргизскими увеселеніями. Каждый въ этотъ день зарѣжетъ хоть одного

барана. Бѣдные, у которыхъ нѣтъ скота, пристроиваются къ богатымъ и всегда получаютъ отъ нихъ небольшія части мяса. Мясо, собранное въ этотъ день, обыкновенно солятъ, коптятъ, дѣлаютъ изъ него колбасы и проч. Все, заготовленное такимъ образомъ, носитъ названіе *сугумъ*, часть котораго каждый долженъ отдать султану или манапу. Каждый родъ отбываетъ эту повинность по раскладкѣ народомъ на кибитку. Во время лѣтнихъ перекочевокъ, султаны также получаютъ *шибагу* (вареное мясо) со всѣхъ ауловъ, лежащихъ на пути ихъ перекочевокъ.

Народныя киргизскія празднества сопровождаютъ также, какъ уже было упомянуто выше, всѣ болѣе или менѣе важные случаи изъ частной жизни каждаго киргиза, начиная съ факта его рожденія и кончая похоронами и поминками.

Роды женщины у киргизовъ обставлены варварскими условіями. Киргизка работаетъ до самыхъ родовъ. Въ случаѣ же трудныхъ родовъ, киргизы бросаютъ въ огонь кусокъ бараньяго жиру и, пока онъ горитъ, молятся Богу, чтобы онъ облегчилъ страданія роженицы. Если случается при этомъ обморокъ, то киргизы бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ ударяютъ нѣсколько разъ ее самою, чтобы выгнать изъ нея *албасты-басу* — злаго духа. Или выбираютъ для этого лошадь съ свѣтлыми глазами, приводятъ ее въ кибитку и наклоняютъ мордой къ больной, чтобы напугать этимъ злаго духа. Иногда прибѣгаютъ и къ мусульманскимъ амулеткамъ, т. е. исписаннымъ какой нибудь молитвой изъ корана бумажкамъ, которыя проглатываютъ вмѣстѣ съ водою. Во время самыхъ родовъ, роженицу привѣшиваютъ за мышки къ *тюндюку* (дымовому отверстію) для того, чтобы роды были легче. Всякая старуха считается при этомъ знающей акушеркой.

Если родится мальчикъ, то родители устроиваютъ праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь аулъ; праздникъ сопровождается, обыкновенно, скачками, борьбою и прочими киргизскими увеселеніями. Въ случаѣ же рожденія дѣвочки празднества не бываетъ, такъ какъ, по понятіемъ киргизовъ, дѣвочки не приносятъ счастія въ жизни. «Долго соль не береги, говоритъ киргизская пословица, — обратится въ воду; долго дочь не держи — обратится въ рабыню».

Имя новорожденному даетъ мулла. Прежде ребенокъ получалъ, обыкновенно, языческое имя своего родителя или какого нибудь близкаго родственника, прославившагося храбростью или наѣзничествомъ. Но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, благодаря усилившемуся вліянію муллъ.

Новорожденнаго киргизы купаютъ ежедневно въ соленой водѣ, послѣ чего каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ саломъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпли суставы малютки. Особенно оберегаютъ его отъ дурнаго глаза, и каждая киргизка знаетъ множество средствъ противъ этого. По прошествіи 40 дней, рубашку, которую не снимали съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки для того, чтобы собака, съѣдая жирную, засаленную рубашку, приняла на себя и всѣ будущія болѣзни ребенка.

Не раньше, какъ чрезъ годъ по рожденіи, ребенку брѣютъ голову и обрѣзаютъ ногти. Когда ребенку минуло два-три года, его уже начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая для этого на сѣдлахъ удобные ящики, называемые *«культурмарчь»* или «ачамай». Лѣтъ 7 или 12 мальчика обрѣзываютъ, послѣ чего устраивается праздникъ съ неизбѣжными скачками, борьбою и проч.

Невѣстъ для своихъ сыновей киргизы высватываютъ въ то время, когда послѣдніе лежатъ еще въ люлькѣ. Вообще, для киргиза *выборъ свата* гораздо важнѣе, чѣмъ выборъ невѣсты. На ея лѣта и красоту не обращаютъ особеннаго вниманія, лишь бы сватъ былъ богатъ и хорошъ. При этомъ зажиточный киргизъ старается всегда породниться съ равнымъ себѣ по роду и знатности; напримѣръ, «бѣ-

лая кость» не женится на «черной». Выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, киргизъ, отецъ жениха, развѣдываетъ предварительно о его намѣреніяхъ и затѣмъ уже посылаетъ къ нему сватовъ. Чѣмъ богаче отецъ жениха, тѣмъ онъ больше долженъ послать этихъ сватовъ; иногда ихъ отправляется цѣлая свита, человѣкъ изъ 10 или 15-ти.

Отецъ невѣсты принимаетъ ихъ съ нѣкоторой церемоніей, лѣтомъ — въ отдѣльной кибиткѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, а зимою — въ юртѣ сосѣда, но никогда у себя дома. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется *кудатусерг*. Сваты должны условиться съ отцомъ невѣсты о калымѣ.

«Калымъ» (выкупъ жениха за невѣсту) сохранился въ киргизскихъ степяхъ въ первобытномъ видѣ. Цѣна его основана на «кунѣ», на платѣ за убійство женщины.

При заключеніи условія о «калымѣ», лошади очень часто замѣняются баранами и тогда каждая лошадь считается за 6 барановъ. Самое условіе скрѣпляется *батой* (молитвой), т. е. всѣ присутствующіе проводятъ руками по лицу. Иногда «бату» прочитываетъ приглашаемый на этотъ случай мулла.

По заключеніи условія о калымѣ, отецъ невѣсты устраиваетъ для сватовъ праздникъ съ неизбѣжными скачками, бѣгами и прочими играми, на которыя сходятся его знакомые и родственники, а преимущественно женщины и дѣвушки, каждая съ своими запасами провизіи.

Черезъ нѣсколько времени по приглашенію особыхъ *кудачакручи* (сватовъ приглашателей), отправляются къ отцу жениха сваты со стороны отца невѣсты за полученіемъ части условленнаго калыма. Въ день пріѣзда этихъ сватовъ отецъ жениха устраиваетъ имъ праздникъ, но не такой шумный, какъ въ аулѣ отца невѣсты, потому что, какъ говорятъ киргизы, — «невѣста еще у отца». Подарки со стороны отца жениха бываютъ также не очень богаты, такъ какъ ему приходится еще уплачивать часть калама.

Чаще всего случается, что въ этотъ пріѣздъ сватовъ уплата калыма совсѣмъ не производится, такъ какъ отецъ жениха, основываясь на киргизской пословицѣ: «все, что получаешь, есть богатство, а все, что отдаешь, есть несчастіе» и ссылаясь на разныя неблагопріятныя приметы, отдѣлывается только тѣмъ, что отдариваетъ сватовъ за подарки его сватамъ.

Обмѣнявшись, такимъ образомъ, подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія, т. е. 12—15 лѣтняго возраста. Въ слѣдующую затѣмъ весну, женихъ, въ сопровожденіи человѣкъ 4 или 5 своихъ сверстниковъ, ѣдетъ въ аулъ невѣсты. Онъ везетъ за собою часть калыма и подарки.

Не доѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ, по крайней мѣрѣ, за четверть версты сходитъ съ лошади, которую и отправляетъ съ товарищами въ ауль, самъ же остается въ степи. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ о пріѣздѣ жениха, передаютъ лошадь дѣвушкѣ, родной сестрѣ невѣсты или близкой ея родственницѣ, которая впослѣдствіи получаетъ за это подарокъ отъ жениха, называемый *ат-баилыгъ*, т. е. за привязку лошади.

Узнавъ о пріѣздѣ жениха, женщины и дѣвушки аула, исключая близкихъ родственницъ невѣсты, выѣзжаютъ верхами встрѣчать жениха, захвативъ съ собою съѣстные припасы.

Между тѣмъ, въ аулѣ невѣсты, на значительномъ разстояніи отъ ея юрты, ставятъ для жениха отдѣльный *«кошъ»*, т. е. небольшую походную кибитку. Женщины приводятъ сюда жениха уже послѣ заката солнца, такъ какъ въ аулѣ невѣсты онъ не можетъ показываться днемъ. По понятіямъ киргизовъ, молодой человѣкъ долженъ совѣститься того, что онъ женихъ. Войдя въ свою кибитку, женихъ дѣлаетъ женщинамъ новые подарки — *чатыръ-байгазы*, за приго-

товленіе кибитки. Въ тотъ же вечеръ онъ посылаетъ отцу невѣсты за воспитаніе дочери, лучшую изъ своихъ лошадей, а матери, за вскормленіе невѣсты, лучшаго верблюда — *сутъ-аки* (плата за молоко).

Первый входъ жениха въ кибитку невѣсты называется *исыкъ-ачу* — «открыть двери». Войдя въ кибитку, женихъ дѣлаетъ три раза «тажимъ» (поклонъ): первый — умершимъ праотцамъ невѣсты, второй — главѣ дома, третій — матери невѣсты. Затѣмъ женихъ садится у двери, не доходя до очага, подлѣ котораго помѣщается мать невѣсты; она справляется у жениха о состояніи его «скота и души», потомъ даетъ ему молока и, съ словами: «дѣти играйте и веселитесь», уходитъ въ свое отдѣленіе за сундуки и тюки. Войдя за занавѣсъ къ своей невѣстѣ, женихъ здоровается съ нею, говоря *исенъ-сычъ*—«здорова-ли?» Невѣста нѣкоторое время должна молчать, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, называемый *суйлестру*, т. е. за принужденіе къ отвѣту. Вслѣдъ за тѣмъ другая женщина получаетъ отъ него подарокъ *тюсенъ-сапу*, т. е. за приготовленіе постели. Послѣ этого жениха и невѣсту оставляютъ въ покоѣ.

На слѣдующій день женихъ потихоньку уходитъ изъ юрты невѣсты въ свою палатку, но немного спустя, женщины опять приводятъ его въ юрту невѣсты, и такъ продолжается 7 дней.

Возвратившись послѣ этого въ аулъ своего отца, женихъ, чрезъ нѣсколько времени, опять ѣдетъ съ товарищами къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ невѣсты. На этотъ разъ, кромѣ условленной части калыма, женихъ везетъ съ собою кошмы для юрты, лошадь для угощенія и два верблюда: *бикъ-якши* и *якъ-якши*, т. е. по верблюду въ голову поѣзда съ приданымъ невѣсты и въ заключеніе его. Однако, и въ этотъ пріѣздъ жениху не скоро удается получить невѣсту. Чтобы подольше попировать на его счетъ, свадьбу откладываютъ со дня на день, отговариваясь неготовностью приданаго. Иногда приходится жениху отдуваться своимъ карманомъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ послѣдній день предъ выдачей невѣсты, назначается свадебный пиръ — *той*. Въ немъ принимаютъ участіе родственники и знакомые жениха и невѣсты. Празднество сопровождается угощеніемъ, пѣснями, скачками, борьбой и прочими увеселеніями. Для пѣсенъ дѣвушки усаживаются полукругомъ, а противъ нихъ становятся джигиты, выбирая каждый ту, которая ему нравится. Сначала поетъ мужчина, восхваляя въ импровизаціи свою возлюбленную. Ему отвѣчаетъ дѣвушка, также импровизируя. Когда одна пара кончитъ, начинаетъ пѣть другая. Гости расходятся поздно ночью. Въ этотъ вечеръ, на невѣсту, вмѣсто обычной фески, надѣваютъ женскій головной уборъ — «джавлукъ».

На утро молодые уѣзжаютъ въ аулъ отца жениха. Ихъ провожаютъ мать и братъ невѣсты. При этомъ невѣста везетъ съ собою приданое, размѣры котораго зависятъ или отъ особаго уговора съ отцемъ жениха, или соотвѣтствуютъ цѣнности калыма, но всегда, впрочемъ, бываютъ меньше послѣдняго.

Пока молодые ѣдутъ съ приданымъ, отецъ жениха выставляетъ въ своемъ аулѣ богато убранную юрту и готовится встрѣчать гостей. Молодая, войдя въ юрту, беретъ кусокъ сала и бросаетъ въ огонь чтобы онъ ярче горѣлъ; затѣмъ всѣ усаживаются, кромѣ отца жениха, который не долженъ входить въ юрту молодыхъ. Сама молодая помѣщается за занавѣской и принимаетъ отъ родственниковъ и знакомыхъ жениха подарки и сама ихъ отдариваетъ. Послѣ этого гостямъ подаютъ «достарханъ», угощеніе изъ разныхъ сладостей. У дверей юрты рѣжутъ, въ это время, барана, голову котораго вносятъ въ юрту и выбрасываютъ чрезъ «тюндюкъ» (дымовое отверстіе), чтобы дымъ хорошо выходилъ. Въ заключеніе начинается пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе родственники и одноаульцы жениха. Празднество сопровождается неизбѣжными скачками, борьбой, бѣгами

и проч., и продолжается иногда три дня, послѣ чего молодой окончательно поселяется въ кибиткѣ своей жены.

Религіозная сторона погребенія у киргизовъ общая для всѣхъ мусульманъ и обусловливается закономъ ислама. Обычная же сторона киргизскихъ похоронъ имѣетъ свои церемоніи.

Какъ только умеръ киргизъ, всѣ родственники выходятъ изъ кибитки и поселяются въ отдѣльной юртѣ. О смерти киргиза извѣщаютъ по всѣмъ сосѣднимъ ауламъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, и всякій обязанъ пріѣхать въ аулъ, гдѣ жилъ умершій, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Для этого въ аулѣ умершаго выставляется особая юрта, куда и кладутъ тѣло покойнаго, предварительно обмывъ его и завернувъ въ бѣлую бязь.

Жены умершаго собираются въ сосѣднюю юрту; онѣ надѣваютъ особый головной уборъ съ черными покрываломъ, обозначающимъ трауръ, и садятся спиной ко входу въ юрту. Тутъ начинается вой со всевозможными причитаньями. Въ знакъ особой печали, вдовы царапаютъ себѣ щеки до крови, что дѣлается очень ловко и безъ малѣйшей жалости къ своей собственной особѣ. Женамъ умершаго помогаютъ въ причитаньяхъ прибывшія женщины съ дѣтьми. Каждая, ни съ кѣмъ не здороваясь, спокойно входитъ въ юрту и тотчасъ присоединяется къ общему вою. Въ то время, когда женщины, въ юртѣ вдовъ, плачутъ и рвутъ себѣ щеки, всѣ прибывшіе мужчины заходятъ въ кибитку, гдѣ лежитъ умершій, и, совершивъ надъ его тѣломъ молитву, молча собираются также въ особой юртѣ. Когда гости собрались и все уже готово къ погребенію, тѣло умершаго кладутъ на чистую кошму и въ сопровожденіи муллы, родственниковъ и знакомыхъ несутъ къ могилѣ. Въ аулѣ остаются только женщины.

Хоронятъ покойниковъ по близости воды, на дорогахъ, для того, чтобы пріятели, родные и почитатели могли чаще имѣть случай исполнить молитву надъ умершимъ. Самое погребеніе совершается по мусульманскому закону. Но въ то время, когда начнутъ зарывать тѣло умершаго, родственники его, по киргизскому обычаю, принимаются рвать на небольшіе куски заранѣе заготовленныя матеріи такъ, чтобы всѣмъ хватило по куску. Какъ только могила зарыта, всѣ садятся вокругъ ея и читаютъ бату, по окончаніи которой сидятъ нѣкоторое время спокойно, въ ожиданіи *джартышъ* — (раздачи кусковъ). Вслѣдъ затѣмъ каждый получаетъ, сообразно его званію и состоянію, извѣстный кусокъ матеріи. Надъ могилой, послѣ этого, ставятъ памятникъ. Вѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженаго кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты. Съ могилы всѣ ѣдутъ обратно въ аулъ умершаго, гдѣ происходитъ угощеніе. Женщины угощаются отдѣльно; вдовы же не имѣютъ права не только ѣсть, но даже и угощать другихъ, и ѣдятъ только ночью.

Но главная почесть покойнику отдается въ самый большой киргизскій праздникъ, въ день *аша* — тризны, которая справляется ровно черезъ годъ послѣ смерти.

Все время между смертью и «ашемъ», киргизы употребляютъ на разныя приготовленія къ тризнѣ. Прежде всего, со дня смерти покойнаго, на кибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій былъ мужчина, и черный, если — женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіи всего года. Затѣмъ, всѣмъ любимымъ лошадямъ покойнаго подрѣзываютъ хвосты и пускаютъ на цѣлый годъ въ пастьбище, предназначая ихъ на закланіе въ день «*аша*».

Весь этотъ годъ, до самаго дня «аша», жены покойнаго обязаны поддерживать свои щеки въ окровавленномъ видѣ. Онѣ должны также аккуратно начинать и оканчивать каждый день, въ продолженіи всего года, воемъ и причитаніемъ, въ чемъ имъ всегда находятся усердныя помощницы. Плачъ этотъ имѣетъ характеристическій напѣвъ, такъ что, слыша его, всегда узнаешь, гдѣ живетъ вдова.

Особенно заботятся киргизы объ угощеніи въ день аша. Хлопоты

объ этомъ продолжаются цѣлый годъ, такъ какъ тризна обходится очень дорого и приготовленія къ ней весьма сложны. Хорошій «ашъ» стоитъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей, и на него собирается до 15 тысячъ народа! Чтобы принять, увеселить, а главное — накормить мясомъ всю эту толпу, въ особенности съ такимъ желудкомъ, какъ у киргизовъ, нужно употребить для этого не мало хлопотъ и заручиться огромными средствами. Между тѣмъ тризна неизбѣжна. Ею опредѣляется слава умершаго и уваженіе къ нему. О большихъ ашахъ говорятъ нѣсколько лѣтъ, слагаютъ про нихъ пѣсни и вообще прославляютъ, умершаго и его родственниковъ. Какъ же уклониться отъ подобной чести, хотя бы и пришлось послѣ этого разссориться? Къ счастію киргизовъ, тризна у нихъ составляетъ, если не національное торжество то, во всякомъ случаѣ, *родовое празднество.* Поэтому, въ издержкахъ и приготовленіяхъ къ киргизскому ашу принимаетъ участіе, обыкновенно, весь родъ покойнаго. Каждый родовичъ обязанъ хоть разъ въ годъ посѣтить юрту умершаго для совершенія баты, а главное, долженъ привезти съ собой подарокъ, сообразный съ достоинствомъ умершаго. Не пріѣхать — значитъ нанести кровную обиду всему роду. До исполненія киргизомъ этого обычая, никто изъ родственниковъ покойнаго не можетъ посѣщать его. Если какая нибудь крайность помѣшаетъ быть на батѣ самому, то онъ долженъ послать для этого другаго киргиза и передать черезъ него подарокъ.

Подъѣзжая къ аулу умершаго, исправный киргизъ посылаетъ когонибудь впередъ извѣстить семейство умершаго, что онъ пріѣхалъ прочитать бату. Одинъ изъ семейства выходитъ встрѣчать пріѣзжаго, а женщины, пріодѣвшись, садятся въ юртѣ, по обѣимъ сторонамъ входа, и начинаютъ плачъ, продолжая его до тѣхъ поръ, пока гость не исполнитъ баты и не уговоритъ ихъ замолчать. Послѣ этого, онъ вручаетъ семейству подарокъ, халатъ, кусокъ матеріи, лошадь, корову, верблюда, или барана и т. под. Все это собирается и хранится отдѣльно и должно быть употреблено на предстоящій ашъ.

За мѣсяцъ или за два до аша, родственники умершаго разсылаютъ приглашеніе родамъ, непремѣнно чрезъ ихъ вождей, принять участіе въ тризнѣ. Въ тоже время приступаютъ къ выбору мѣста для сбора гостей, сортируютъ скотъ для угощенія и для разныхъ призовъ, опредѣляютъ заранѣе роль каждаго отдѣла и подъ-отдѣленія въ родѣ, а также мѣру и характеръ участія ихъ въ расходахъ на тризну. Затѣмъ приступаютъ къ устройству самаго празднества. На мѣстѣ, избранномъ для отправленія аша, ставятъ почетнымъ гостямъ отдѣльныя юрты, число которыхъ доходитъ иногда до 1000. Остальные же гости должны размѣститься въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ. При этомъ, для порядка, заранѣе опредѣляютъ: какіе отдѣлы и подъ-отдѣленія какихъ гостей принимаютъ, такъ что уже каждый заранѣе знаетъ свое мѣсто.

Всѣ юрты размѣщаются по огромному кругу. Въ серединѣ ставятъ палатку, гдѣ каждый изъ гостей, въ теченіи аша, обязанъ прочитать бату по умершемъ. Невдалекѣ отъ этой палатки, ставятъ другую большую юрту, надъ которой выставляютъ флагъ умершаго и въ которой помѣщается старшая жена покойнаго, съ ея дѣтьми. Она должна выть и причитать здѣсь и утромъ, и вечеромъ. По другую сторону молитвенной палатки ставится юрта безъ знамени, для младшихъ женъ покойнаго. Въ обѣихъ этихъ юртахъ поселяются также родственницы женъ, размѣщаясь по родству съ ними. Обыкновенно, обѣ юрты раздѣляются на двѣ половины: открытая предназначена для вдовъ и старыхъ женщинъ, а молодыя и дѣвушки помѣщаются за перегородкой. Женщины живутъ въ этихъ юртахъ во все время аша, занимаются разговорами и помогаютъ вдовамъ причитывать и плакать, когда тѣ устанутъ. Если у умершаго есть взрослая дочь, то она поетъ пѣсню, разсказывая въ ней болѣе замѣчательные случаи изъ жизни умершаго. Мужчины размѣщаются по юртамъ почетныхъ гостей и по кибиткамъ прикочевавшихъ киргизовъ, группируясь по родамъ отдѣламъ и подъ-отдѣленіямъ.

Праздникъ аша продолжается семь дней.

Первые шесть дней, всѣ помѣстившіеся не въ палаткахъ почетныхъ гостей, а въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ, питаются чѣмъ Богъ послалъ. Почетнымъ же гостямъ отпускаютъ для ежедневнаго продовольствія на каждую юрту по два барана въ день. Болѣе почетнымъ присылаютъ, кромѣ того, рису, чаю, орѣховъ, кумысу и проч., одѣляютъ ихъ также кониной, такъ какъ это мясо считается лакомствомъ. Въ послѣдній же день аша, въ счетъ собранныхъ подарковъ продовольствуется уже весь народъ, т. е. не только живущіе въ выставленныхъ юртахъ, но и тѣ, которые живутъ по кибиткамъ прикочевавшихъ ауловъ. Для прокормленія ихъ заготовляютъ вареное мясо еще до наступленія аша; варятъ мясо въ теченіи нѣсколькихъ дней. Обыкновенно приходится рѣзать 20 — 30 лошадей и до 1000 барановъ. Заготовленное такимъ образомъ мясо сохраняется до седьмаго дня аша и роздается наканунѣ, вечеромъ шестаго дня.

Кромѣ угощенія, во время аша каждый день бываютъ какія-нибудь игры, состязанія, скачки, и, наконецъ, въ утро послѣдняго, седьмаго дня, ашъ завершается большой скачкой-*байгой*, которая собственно и составляетъ славу тризны. Состязанія, въ теченіи аша, идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день, обыкновенно, проходитъ въ сборѣ и размѣщеніи гостей.

Во второй день назначается стрѣльба въ имбу, китайскую монету. Имба привязывается за три нитки къ верхушкѣ трехъ-саженной мачты. Всадники должны сбить имбу пулею или стрѣлою на полномъ скаку. Сбившій имбу, получаетъ ее въ призъ себѣ, при восклицаніяхъ народа.

На третій день устроивается скачка трехъ-лѣтнихъ лошадей (*кунаковъ*). Скачутъ дѣти на разстояніи 20-30 верстъ. Призовъ выставляется 9, большею частію мелкихъ; первый призъ состоитъ, обыкновенно, изъ верблюдовъ; послѣдній—изъ двухгодовалаго жеребенка. Въ тотъ же день устраивается *кызъ-качаръ*-«скачка за дѣвушкою». Молодыя дѣвушки и молодые джигиты собираются группами верхомъ на коняхъ. Одна изъ лучшихъ наѣздницъ выскакиваетъ и мчится впередъ; за нею гонится избранный товарищами лучшій джигитъ. Если онъ успѣетъ догнать красавицу, то цѣлуетъ ее, усаживаетъ къ себѣ на лошадь и тихимъ шагомъ возвращается съ нею обратно, при общихъ восторженныхъ привѣтствіяхъ. Если же погоня его не удалась, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, быстро поворачиваетъ назадъ, и тогда лихой джигитъ долженъ, въ свою очередь, поскорѣе спасаться отъ нея; ловкая наѣздница, догоняя джигита, что есть силы бьетъ его нагайкой, и иногда, при общемъ восторгѣ присутствующихъ, сбиваетъ ему шапку. Послѣ этого, провалившагося джигита прогоняютъ съ поля состязанія нагайками.

Въ четвертый день происходитъ *союшъ*—поединокъ на пикахъ. Для поединка выбираются два ловкіе джигита, непремѣнно изъ различныхъ родовъ и неродственники между собою. Соперники надѣваютъ на себя кольчугу, нѣсколько халатовъ, голову обвязываютъ платками, и, такъ какъ побѣда доставляетъ славу всему роду побѣдителя, то имъ даютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Бойцы вооружаются длинными шестами съ тупымъ концомъ. Народъ размѣщается вокругъ, оставляя арену для бойцовъ, которые выѣзжаютъ на нее съ противуположныхъ сторонъ. Цѣль поединка — выбить противника изъ сѣдла; но такъ какъ киргизы всѣ отличные наѣздники, то дѣло это трудное. Поэтому, соперники наровятъ или убить одинъ другаго, или нанести противнику такой ударъ въ бокъ или лицо, чтобы ему уже нельзя было драться. Если же при этомъ у одного изъ бойцовъ выбьютъ глазъ, то это ничего, дозволяется перевязать глазъ и, если боецъ желаетъ, можетъ снова вступить въ бой. Отказъ въ этомъ равносиленъ пораженію. Ярость и азартъ бойцовъ въ поединкѣ на пикахъ всецѣло сообщаются зрителямъ, страсти родовъ разгораются,

и тутъ достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать всеобщую свалку въ народѣ. Побѣжденнымъ въ поединкѣ считается только убитый или выбитый изъ сѣдла. Призомъ за такую битву служитъ 1 верблюдъ и 8 лошадей, но большею частію 2 или 3 верблюда. Въ тотъ же день происходитъ иногда борьба киргизскихъ батырей. Два силача выходятъ въ однихъ шароварахъ, перетянутыхъ кушаками, и измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный пріемъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равныя. Поэтому борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ, гиканьемъ. Тогда-который нибудь изъ борцовъ, уловивъ удобную минуту, отбрасываетъ противника въ сторону, или, приподнявъ, осадитъ такъ крѣпко, что заставитъ его упасть. Иногда побѣжденный и послѣ этого не сдается, и тогда оба противника валяются по землѣ, покуда который нибудь не осилитъ.

Въ пятый день происходитъ скачка четырехъ-лѣтнихъ лошадей. Призы небольшіе. Разстояніе до 50 верстъ въ оба конца. Въ тотъ же день повторяется иногда *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкой.

Шестой день весь проходитъ въ приготовленіяхъ къ большой скачкѣ—«байгъ», и въ назначеніи призовъ, число которыхъ бываетъ обыкновенно 15. Вечеромъ, какъ уже было упомянуто, роздаютъ вареное мясо народу.

Седьмой день составляетъ сущность аша и обходится дороже всѣхъ дней. Въ этотъ день призы назначаются огромные. Иногда одинъ первый призъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: краснаго товару на 100 рублей, 30 верблюдовъ, 100 лошадей, 30 коровъ и 500 барановъ. Нерѣдко для перваго приза выставляется цѣлая юрта, убранная коврами и шелковыми тканями, и при ней 500 куницъ и 300 лошадей. Бываютъ и такія байги, на которыхъ первый призъ состоитъ изъ 100 верблюдовъ, 100 лошадей, 100 коровъ, 100 барановъ, 100 рублей, 100 кокановъ, 100 аршинъ сукна, 100 аршинъ шаи (канауса) и 100 концовъ маты. Слѣдующіе призы изъ числа 15 значительно меньше. Послѣдній призъ составляютъ 2 или 3 лошади. Такая непомѣрная разница между первымъ и прочими призами заставляетъ всѣхъ бить на первенство и прибѣгать съ этой цѣлью ко всевозможнымъ уловкамъ.

Киргизы готовятъ лошадей къ байгѣ 3 и 4 мѣсяца. Все это время ихъ поятъ лошадинымъ молокомъ, кормятъ только овсомъ, туго стягиваютъ животъ, окутываютъ теплой войлочной попоной, чтобы возбудить испарину, и ежедневно, утромъ и вечеромъ дѣлаютъ имъ проѣздки. Для этого мальчики лѣтъ 9—10 скачутъ на нихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая разстояніе. Эти же мальчики учавствуютъ потомъ и въ самой байгѣ, въ качествѣ наѣздниковъ. Имъ кладутъ, вмѣсто сѣдла однѣ попоны, и чтобы мальчикъ могъ вынести весь карьеръ, его перетягиваютъ кушакомъ крестообразно.

Во избѣжаніе путанницы при раздачѣ призовъ, разстояніе назначаютъ огромное, отъ 80—100 верстъ въ оба конца. При этотъ скачка происходитъ не по кругу, а въ прямомъ направленіи, по степной дорогѣ. Число участвующихъ скакуновъ всегда произвольно.

Скачка верхъ наслажденія для киргиза! Онъ смотритъ на нее съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Хозяину также лестно отличиться скакуномъ. Молва о хорошей лошади разносится далеко по степи. Да и по самому свойству киргизскаго быта, бѣгунцы имѣютъ у нихъ важное значеніе и нерѣдко выручаютъ киргиза изъ опасности, спасая ему жизнь. Поэтому понятно то лихорадочное нетерпѣніе, съ какимъ всѣ киргизы ждутъ байги.

Въ назначенный часъ, завѣдующій байгой — «гайдавши», имѣющій при себѣ на всякій случай нѣсколько перемѣнныхъ лошадей и наблюдающій за правильностью скачки, подаетъ сигналъ сбора, разъѣзжая передъ зрителями и трубя въ «сурну», деревянную трубу съ рѣзкимъ, невыносимымъ звукомъ. Когда наѣздники собрались, они проѣзжаютъ разъ или два передъ зрителями, которые любуют-

ея скакунами и предсказываютъ имъ успѣхъ или неуспѣхъ, но при этомъ пари никогда не держатъ. Затѣмъ по знаку «гайдавши», всѣ бѣгунцы крупной рысью отправляются до заранѣе выбраннаго мѣста, съ котораго долженъ начаться бѣгъ. Мѣсто это назначается въ разстояніи 40 — 50 верстъ, такъ что лошадямъ приходится пробѣжать въ одинъ пріемъ, туда и обратно, отъ 80 — 100 верстъ! Достигнувъ назначеннаго мѣста «гайдавши» устанавливаетъ бѣгунцовъ рядомъ и наблюдаетъ, чтобы не выѣхалъ кто-нибудь впередъ; затѣмъ пускаютъ всѣхъ бѣгунцовъ разомъ...

Едва только завидитъ толпа мчащихся всадниковъ, какъ приходитъ просто въ изступленіе! Крики или, лучше сказать ревъ оглушительный наполняетъ воздухъ и разносится далеко по степи!

Но при всей замѣчательной выносливости и неутомимости киргизскихъ лошадей, только немногіе скакуны могутъ выдержать эту необычайно дикую скачку на такомъ огромномъ разстояніи. Большая часть лошадей гибнетъ, не проскакавъ и половины разстоянія до флага. А если которыя и приходятъ, то лучшія только легкой рысью, а прочія — шагомъ. Случается, что наѣздники идутъ пѣшкомъ и погоняютъ лошадь, лишь бы она добрела до цѣли... Можетъ быть ни одна лошадь и не доскакала бы до нея, если бы, по киргизскому обыкновенію, имъ не помогли и не дотащили до флага. Чтобы выиграть первый призъ, киргизы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, даже къ насилію. Особенно популярнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается *кутерьма*. Человѣкъ 20 родственниковъ хозяина лошади выѣзжаютъ верхомъ на встрѣчу ей, верстъ за 20 — 30 отъ флага, и, выждавъ своего протеже, на всемъ скаку снимаютъ съ него мальчика, чтобы облегчить лошадь; затѣмъ человѣкъ пять подхватываетъ ее за *чумбуры* (аркана), и, скача впереди тянутъ ее за собою, а остальные родственники, слѣдуя съ боку, понуждаютъ лошадь впередъ крикомъ, визгомъ и нагайками. Такимъ образомъ, въ скачкѣ, мало по малу, принимаетъ участіе почти весь собравшійся народъ; одни скачутъ, чтобы помочь лошади дотащиться до мѣста, другіе это дѣлаютъ изъ любопытства, и какъ тѣ, такъ и другіе сопровождаютъ скачку произительнымъ крикомъ, визгомъ, гиканьемъ, гамомъ...

Если впереди скачетъ одна лошадь, безъ этихъ провожатыхъ, то ее, не стѣсняясь, останавливаютъ, мальчика сбиваютъ, а иногда даже убиваютъ.... Однимъ словомъ, принимаются всѣ мѣры, законныя и незаконныя, чтобы только выиграть первый призъ! За то многія изъ доскакавшихъ до флага лошадей падаютъ тутъ же, другія едва волочатъ ноги... По обычаю, существовавшему до занятія края русскими, было принято давать призъ, даже если лошадь сама и не дошла до флага, а привезли ее голову...

Этой скачкой завершается ашъ, и гости уже прямо ѣдутъ по домамъ, не заѣзжая въ юрты. Случается, что наслѣдники покойнаго, воздавъ ему честь, возвращаются домой пѣшими.

Музыка киргизовъ почти вся заключается въ «сурнѣ», деревянной трубѣ, имѣющей величину и форму кларнета, въ узкій конецъ которой вставляется гусиное перо. Этотъ инструментъ, издающій пронзительный звукъ, употребляется по большей части въ дорогѣ; кромѣ того есть струнный инструментъ, въ родѣ нашей балалайки. На войнѣ и барантѣ «сурна» замѣняетъ сигнальный рожокъ. Богатыя киргизы непремѣнно имѣютъ каждый своего *сурнчаги*, который разгоняетъ ихъ думы, наигрывая пѣсни о славныхъ подвигахъ ихъ самихъ и ихъ предковъ.

Пѣсни киргизскія, распѣваемыя чрезвычайно монотоннымъ и тосклывымъ голосомъ, состоятъ обыкновенно изъ импровизацій, въ которыхъ разсказывается о подвигахъ батырей, о взаимныхъ распряхъ киргизскихъ племенъ и родовъ, о свободѣ, о завоеваніяхъ русскихъ и т. под.

КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.

За чертою области войска Донскаго начинается кавказскій край, то есть широкій перешеекъ протянувшійся отъ Чернаго до Каспійскаго моря и ограниченный съ сѣвера областью Донскаго войска и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. По характеру своему этотъ перешеекъ самою природою раздѣленъ на три характеристичныя отдѣльныя части: *Предкавказье,* — продолженіе равнинныхъ степей южной Россіи; *Кавказъ* — горный хребетъ съ своими отрогами, протянувшійся на тысячу верстъ отъ Тамани до Баку, и наконецъ *Закавказье* — лежащее по южную сторону хребта до государственныхъ границъ.

Сѣверная часть Предкавказья есть степь безлѣсная и почти безводная, всѣ рѣчки которой бѣдны водою, весьма дурнаго качества и въ лѣтнее время почти всѣ высыхаютъ. Хотя во всѣхъ поселеніяхъ, расположенныхъ по теченію этихъ рѣчекъ, господствуетъ постоянный смрадъ отъ гніющей воды, видъ жителей однако здоровый, изъ чего можно заключить, что въ гигіеническомъ отношеніи вода эта не производитъ дурныхъ послѣдствій.

Зимою морозы доходятъ здѣсь до 20°; вьюги и мятели свободно гуляютъ по степи и самый путь держится съ декабря до начала марта.

По мѣрѣ движенія на югъ степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала вдали виднѣются деревья, самая мѣстность дѣлается волнистою; это — возвышенная плоскость, перерѣзанная балками и оврагами. Съ Георгіевска и Пятигорска мѣстность дѣлается еще разнообразнѣе: появляются рѣчки, лѣса, рощи и вообще страна становится видимо плодороднѣе. Эта вторая полоса имѣетъ слишкомъ 800 верстъ длины и на ней лежатъ обширныя равнины, Кубанская, Закубанская, Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ отличительную принадлежность и характеристику этой мѣстности.

Хотя близость снѣговыхъ горъ и бываетъ причиною, что на высокихъ плоскостяхъ этой части морозы доходятъ до 20°, тѣмъ не менѣе полоса эта, обильная лѣсомъ, наполнена фруктовыми деревьями, между которыми не рѣдкость встрѣтить черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградъ. Урожаи здѣсь громадные, а трава высотою въ ростъ человѣка.

Кавказскій хребетъ съ его отрогами составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій діагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: сѣверную и южную. Съ кабардинскихъ полей кавказскій хребетъ представляетъ поразительно художественный видъ. Вѣчно снѣжныя вершины его ярко рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ, и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то туманно-синій и бѣлый. Начинаясь у Анапы, горы идутъ въ юговосточномъ направленіи, и изъ общаго пространства края въ 8,000 квадратныхъ миль занимаютъ 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Сѣверная или передняя гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, называющихся *Черными* горами; за ними почти параллельно идутъ болѣе высокія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, а въ срединѣ пролегаетъ главный Кавказскій хребетъ. По южную сторону главнаго хребта опять тянутся голыя, крутыя и обрывистыя горы, а еще далѣе за ними лѣсистыя, отъ подножія которыхъ и начинается *Закавказскій* край. Высочайшія вершины Кавказскаго хребта суть: *Казбекъ*, поднимающійся на 16,546 футовъ, и *Эльбрусъ*—на 18,571 футъ.

Отъ горы Барбало въ главномъ хребтѣ отдѣляется вѣтвь въ сѣверовосточномъ направленіи, извѣстная подъ названіемъ Андійскаго хребта. Треугольное пространство, ограниченное Андійскимъ хребтомъ, главнымъ кавказскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, есть Дагестанъ. Онъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ и каменистыхъ.

Все Закавказье, то есть пространство по южную сторону Кавказскаго хребта до самой турецкой и персидской границъ, за исключеніемъ небольшихъ частей, наполнено горами. Горы, наполняющія это пространство, извѣстны подъ именемъ Малаго Кавказа.

Племенной составъ жителей Кавказскаго и Закавказскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Въ сѣверозападной части Кавказскаго перешейка по обѣимъ сторонамъ хребта — живутъ *адыге* или *черкесы*. Отъ предгорій Эльбруса до верховій Сунжи — живетъ тоже племя подъ названіемъ *кабардинцевъ*. По берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ черкесами живутъ *убыхи*; далѣе *абхазцы*; южнѣе кабардинцевъ — *осетины*; по бассейну Сунжи — *чеченцы*, а въ сосѣдствѣ съ ними — *кумыки*; Дагестанъ занятъ аварскимъ племенемъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *лезгинскаго*.

Въ Закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкаютъ *сванеты*, а все пространство на югъ отъ Абхазіи, отъ Чернаго моря и почти до сліянія рѣки Куры съ Алазанью, занято племенемъ картвельскимъ или грузинскимъ, къ которому кромѣ *грузинъ* принадлежатъ: *имеретинцы*, *мингрельцы* и *гуріицы*. Нѣкоторые къ грузинскому же племени относятъ: *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуровъ*. Часть ахалцыхскаго уѣзда и уголъ между Курою и Араксомъ, равно какъ и вся возвышенная плоскость Малаго Кавказа, населенны *армянами*, перемѣшанными съ другими племенами. Между грузинами и армянами поселились *персіяне* и *татары*.

Таковы главныя племена и народности Кавказскаго перешейка. Но необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ дробятся на множество отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало сношеній съ сосѣдями. Такая раздѣльность объясняется характеромъ природы. Кавказскаго края. Значительная высота горныхъ хребтовъ дѣлаетъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та бываетъ доступна только въ теченіи двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время года глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются, и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговыя завалы, сильные и порывистые вѣтры, свирѣпствующіе на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдями невозможнымъ. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта единенность и замкнутость суть единственныя причины, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ неодинаковые нравы и обычаи и даже говорятъ особымъ нарѣчіемъ, нерѣдко трудно понимаемымъ сосѣдями-одноплеменниками.

Описаніе народовъ Кавказа мы начнемъ съ черкесовъ, которые въ прежнее время занимали Черноморское побережье и склоны Кавказскаго хребта. Съ покореніемъ Кавказа большинство черкесскихъ племенъ удалилось въ Турцію, а оставшіяся въ небольшомъ числѣ выселены изъ горъ на плоскость.

XXX. ЧЕРКЕСЫ ИЛИ АДЫГЕ.

Характеръ, бытъ и религія.

До полнаго покоренія Кавказа, Черноморскій кавказскій берегъ, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина Кабардинской плоскости были заняты племенемъ, которое, по завоеваніи всего Кавказа, отчасти удалилось въ Турцію, а частью было выселено изъ горъ на плоскость. Племя это черкесы, которые сами себя называютъ адыге, что на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени означаетъ островъ. Происхожденіе названія черкесъ объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ Чера и Кеса, по преданіямъ бывшихъ, будтобы, первыми родоначальниками адыгскаго народа; другіе говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами; наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ «саръ-кясъ», что означаетъ сорвиголова, головорѣзъ. Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападеній котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе черкесъ, оно стало однако у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ

КАБАРДИНЕЦЪ.

ГРУЗИНСКІЕ ТИПЫ.

слово адыге, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкесскаго народа, которыя не отличаются другъ отъ друга ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкесское племя (адыге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями, какъ то: кабардинцы, живущіе въ Большой и Малой Кабардѣ; бесленеевцы, мохошевцы, хатюкойцы, темиргоевцы, абадзехи, шапсуги, бжедухи, убыхи и разныя другія болѣе мелкія племена.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда тревожна, всегда взволнована; постоянно какой нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или наконецъ, появленіе въ горахъ шейха (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призрѣнія, безъ воспитанія и религіи, и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, кромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля-ли или у своихъ,—все равно: въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Обычай мстить за кровь, или кровомщеніе, было необузданное чувство и вмѣстѣ обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ каждаго черкеса.

При совершеніи кровомщенія не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровомстникъ (зе-пій) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейству, зажигалъ ночью сакли, крадъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпріимчивый кровомстникъ, въ теченіи короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидившее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Для кровомщенія нѣтъ ни дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятки ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его кровомстникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ; что при немъ воздвигнуты были храмы, постановлены священники (шогени), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (шехникъ), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ лѣсистаго кургана.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человѣчеству, и потому примѣшали къ своимъ религіозномъ вѣрованіямъ понятіе о многобожіи, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда,

въ началѣ XVIII столѣтія, въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкесскаго народа, особенно бывшихъ жителей морскаго прибрежья и гористыхъ ущелій. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ.

Вообще жители морскаго прибрежья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламизма.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ.

Будучи чрезвычайно впечатлителенъ, черкесъ легко увлекается но весьма скоро и приходитъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками онъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говоритъ смѣло и рѣзко то, что думаетъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломенъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему ни пришлось поплатиться. Съ необычайною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою.

Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общею молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало, и за тѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ, за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомыслiемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ нашихъ крѣпостей.

Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ страннымъ образомъ соединялись: любовь къ пріобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Не смотря на видимое легкомыслiе, черкесъ обладаетъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывается твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, счи-

тается у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ которымъ они переносятъ боль, доходитъ до такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

Одежда черкеса состоитъ изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой галуномъ и прикрывающей бритую его голову; изъ бешмета, черкески, ноговицъ и сафьянныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ.

На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиваются гнѣзда для патроновъ, помѣщаемыхъ въ *газырях*, т. е. деревянныхъ гильзахъ. На поясѣ привѣшивается жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная разнаго рода вещами, дозволяющими всаднику вычистить оружіе, не слѣзая съ лошади.

Оружіе черкеса состоитъ изъ винтовки, пистолетовъ, кинжала и шашки. Послѣднее оружіе черкесъ очень любитъ и владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Шашка остра, какъ бритва, и страшна въ рукахъ наѣздника, потому что ударъ его почти всегда бываетъ смертеленъ, кинжалъ всегда за поясомъ, даже въ домашнемъ быту.

Все это отличается хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ особенности чевяки, то есть обувь безъ подошвы.

На послѣднюю черкесы обращаютъ особенное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, передъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу подобно перчаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выждать, лежа, пока они высохнутъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки впослѣдствіи подшиваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому; ничто на немъ не брячало, не болталось, а это было весьма важно во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шашка, поконвшаяся въ сафьянныхъ *чахвахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ буроч-номъ чахлѣ, не блестѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратора, не ржалъ въ засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и составленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затянутыхъ пузыремъ. Плотно запираемыя ставнями, окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ: главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настежь лѣтомъ и зимою; на ночь двери запирались и закалачивались изнутри деревянными клиньми, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устроено было полукруглоеили четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкія, низкія кровати, покрытыя войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю мебель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ арба, запрягаемая парою воловъ, — его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, становилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то кокошна тарелокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣстѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ.

Хозяинъ, его жены и взрослыя дѣти имѣли свое отдѣльное помѣщеніе; но постороній человѣкъ не проникалъ въ эти отдѣленія, по-

священныя исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человѣкъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сакли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичижъ* — пріемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества и лучшая его часть шла у черкеса на убранство этой комнаты.

Устройство кунахской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкесскихъ домовъ; только камышевыя цыновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

Гостепріимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священною особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнью, даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику войти въ первую встрѣтившуюся ему саклю — и онъ подъ защитою: онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

Красота черкешенокъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ; правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкесскихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ»—говоритъ очевидецъ—«можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкесскія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представительницами прекраснѣйшаго бѣлаго, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредитъ оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимаетъ также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлаетъ то, что грудь красавицы не развивается, слѣдовательно, красота женщины теряетъ многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе пшакафтанъ (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожаннаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки. Знатныя дѣвушки шьютъ иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшиваютъ его серебрянными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бываетъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвается сверхъ рубашки, подъ верхнюю одежду, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростомъ дитяти перемѣняется и надѣвается съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствуетъ развитію груди и дѣлаетъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣсняетъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарываетъ кинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлаетъ это съ особенною осторожностью, чтобы не захватить тѣла и сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставится молодому въ большое безчестіе. Разсказываютъ, что

послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь выростаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носятъ корсетовъ;оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкесскій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ, съуженныхъ къ низу, шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ бязи (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По таліи рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкою. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьянные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повитъ бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вьются всегда распущенные по плечамъ волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки.

Черкесскія дѣвушки очень цѣломудренны, нѣ смотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ также довольно строга; но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть фаворита. Это служило вывѣскою достоинства женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ, и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то, что позволялось женщинѣ, то считалось во всѣ времена постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ всѣ мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы со множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна, щепокъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ что только половина изъ нихъ имѣли рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехъ-тысячнаго сборища абадзеховъ, для однаго набѣга на нашу линію, достигли до рѣки Лабы не болѣе тысячи человѣкъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, выменяемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище, и между ними не встрѣчалось пакожныхъ болѣзней. Во всѣхъ же сословіяхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти всѣ домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣлкихъ тазахъ и содержалисвою одежду въ исправности и чистотѣ.

Но жилище было не для мужчины, который рѣдко бывалъ дома, а обыкновенно проводилъ время въ набѣгахъ разбояхъ.

Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще ничего не дѣлалъ. Въ минуты совершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ ножемъ палочку или напѣвалъ пѣсню. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспотичны, а отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности.

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему

Кабардинка.

или проститься съ нимъ—нельзя.—По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкать дѣтей своихъ при постороннихъ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко. Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ, и тогда обидчикъ платилъ пеню изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были дозволительны. Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣзывалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполнѣ предоставлены своеволію мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ и просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію.

Изъ увеселеній черкесы знали танцы, музыку и пѣніе.

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, гекко—слагатели народныхъ пѣсенъ. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть пѣвцомъ и заниматься этого рода профессіею, хотя знаніе народныхъ пѣсенъ вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Разъѣзжая по ауламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождается никакими особенными церемоніями. При рожденіи младенца его оставляли одинъ сутки на воздухѣ безъ всякаго призрѣнія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, даритъ счастливому отцу корову лошадь или овцу, смотря по состоянію, приноситъ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы, и получаетъ за то право дать имя новорожденному. Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена Бесленей, Убыхъ и другія.

Давшій имя ребенку, у нѣкоторыхъ племенъ черкесскаго народа считается какъ-бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На принесенныя имъ кушанья затѣвается пирушка, которая собственно и обозначаетъ семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный есть первенецъ, то отецъ мужа снимаетъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку съ околышемъ изъ смушекъ, повязываетъ ей голову косынкою и даритъ молодыхъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

По прошествіи года, новорожденному мужскаго пола подносятъ оружіе, и если онъ его принимаетъ, то это считается признакомъ его воинственности, составляетъ истинное наслажденіе для родителей и часто служитъ поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитываютъ дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтняго возраста находится при матери, а послѣ этого поступаетъ въ распоряженіе отца, который учитъ его владѣть ножемъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князь и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдаютъ мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка*, и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣтаетъ всѣ права кровнаго родства, а потому понятно, отчего такъ много является лицъ желающихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считается у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становится роднымъ своему воспитаннику, но часто случается, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считаютъ себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли

часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка можетъ видѣть молодыхъ людей, которые въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцовала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускаются. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнаетъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватается. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствуютъ дочери выбирать жениха, но случается нерѣдко, что, давъ слово одному, способствуютъ и другому, болѣе богатому и знатному въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка разъ похищенная, становится женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляетъ неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежитъ къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ рѣшаться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала по праву первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться.

Сутки, проведенные дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ отнять ее и дѣло обыкновенно кончается третейскимъ судомъ который назначаетъ калымъ (выкупъ), слѣдуемый въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось-бы заплатить, если-бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случается и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливаются, что когда у одного выростетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не видавшіе другъ друга, исполняютъ волю своихъ родителей.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходятъ смотрины и обрученіе.

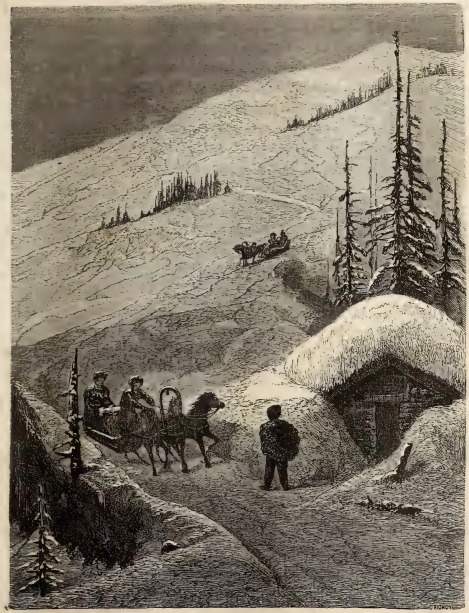
Въ назначенный день женихъ является въ домъ невѣсты и проводитъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количествомъ яствъ, вина, пляскою и пѣніемъ.

Съ наступленіемъ вечера, подруги наряжаютъ невѣсту, выводятъ ее къ пирующимъ и ставятъ противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигаютъ невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приблизятся другъ къ другу, тогда гасятъ огонь въ комнатѣ и соединяютъ ихъ руки. Въ этомъ собственно и состоитъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствуютъ.

Послѣ обрученія женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о калымѣ, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты.

Каждый черкесъ женится внѣ своего дома; невѣста привозится обыкновенно въ домъ уважаемаго человѣка, гдѣ и совершается бракосочетаніе. Затѣмъ, если мужъ новобрачной имѣетъ родителей или старшаго брата, то удаляется въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщаетъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволяется видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на сви-



ВЕРШИНА СУРАМА.

СУРАМСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

данiе, какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ застанетъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинаетъ въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивать ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдается въ первые дни женитьбы. Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствiи другихъ считается предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Когда черкесъ умираетъ, то въ саклю сходятся всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакиваютъ его, бьютъ себя въ грудь и голову, царапаютъ лицо и тѣмъ выказываютъ свою горесть. Такiя знаки глубокой печали оставляютъ на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случается часто, что синiя пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокiя раны на изувѣченныхъ мѣстахъ долгое время свидѣтельствуетъ о горести постигшей семейство.

Всѣ женщины аула считаютъ своею обязанностiю приходить въ саклю умершаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящiе начинаютъ свой протяжный вопль, не доходя дома, съ плачемъ входятъ въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, остаются тамъ недолго. Плачъ посѣтителей прекращается только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленiемъ тѣла къ погребенiю.

Жители прибрежья Чернаго моря, и вообще не магометане, не сопровождали похоронъ никакими религiозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою, засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятiямъ ихъ, каменья, положенные на могилѣ покойнаго, «помогутъ ему затушить вѣчный огонь въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующiе на похоронахъ возвращаются въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилаютъ цыновку, кладутъ на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщаютъ оружiе и кисетъ съ табакомъ. Желающiе приходятъ во всякое время оплакивать покойника, набиваютъ трубку даровымъ табакомъ, и, покуривая ее проводитъ, такъ время сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонiя продолжается, смотря по состоянiю родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяцъ, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные не успѣваютъ приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжающихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванiя существовалъ прежде и между черкесами магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкiя изъявленiя горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина-черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который вмѣстѣ съ своими учениками и помощниками, моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ и извѣстнаго подъ именемъ *кефина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и приготовляютъ къ погребенiю старухи.

Со дня смерти родственники чуждаются увеселенiй, сохраняютъ печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носятъ его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченiи года, причемъ первая во все время траура не можетъ спать на мягкой постели; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ плакать о смерти жены, и если высказываетъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергается всеобщимъ насмѣшкамъ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или большія поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Суровая, но величественная природа породила въ горцахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья—своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы разсказываютъ, что существуютъ богини покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какимъ-то тремъ божественнымъ сестрицамъ (тхашерейихъ-шерейрхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Среди суевѣрія черкесскаго народа особенно важную роль играютъ гадальщицы и колдуньи, или вѣдьмы. Гаданьемъ обыкновенно занимаются старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгаютъ несчастные влюбленные.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждаютъ удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдуютъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называютъ удде, признаютъ ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бываютъ чаще. Онѣ находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгоду. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствію дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія нѣтъ возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣютъ способность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Въ заключеніе сказаннаго о суевѣріи черкесскаго народа нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу муллы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ.

Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносятъ, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ суреты — какъ они называютъ картины — съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же стараются соскоблить или замарать ихъ.

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебѣ покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?....

XXXI. АБХАЗЦЫ ИЛИ АЗЕГА.

Характеръ страны и народный бытъ.

Хребетъ Кавказскихъ горъ, постепенно удаляясь отъ Чернаго моря, даетъ мѣсто прекраснѣйшимъ, плодороднымъ равнинамъ. Обнаженныя горы и скалистый берегъ, пересѣкаемый множествомъ ущелій, не давятъ здѣсь путника. Напротивъ, онъ видитъ передъ собою вѣчно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самые высокіе отроги горъ, спускающіеся къ морю и покрытые большою растительностію.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенемъ азега, которое, подобно черкесамъ, подраздѣляется на множество мелкихъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Всего въ абхазскомъ населеніи можно считать около 200,000 душъ.

Занимая пространство верстъ на 30 въ ширину и около 120 верстъ въ длину, Абхазія составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья, по богатству и разнообразію природы. Здѣсь есть горы, съ покрытыми вѣчно снѣжными вершинами, и вѣчно зеленѣющія долины, бездонныя пропасти съ шумными водопадами, непроходимые дѣвственные лѣса со множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, и, наконецъ, Черное море — съ гаванью Сухумомъ, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, вы встрѣтите въ апрѣлѣ цвѣтущія деревья чая и другія тропическія растенія.

Равномѣрное распредѣленіе тепла и обиліе влажности дѣлаютъ почву весьма плодородною, отличающеюся разнообразіемъ и грандіозностію растительности. Рядомъ съ сосною въ Абхазіи растетъ маслина, шелковичное и чайное дерево.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и по склонамъ горъ, въ особенности около Сухума, растетъ буковое дерево и лавръ, сохраняющіе зелень круглый годъ. Въ казенномъ саду Сухума растутъ въ грунтѣ и даютъ цвѣты камеліи и мирты.

Богатая, производительная сила природы даетъ средство расти винограду въ большомъ изобиліи и почти безъ всякаго ухода. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на большія деревья, и, въ такомъ видѣ онѣ, сами собою, достигаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ абхазца по уходу за виноградомъ, который всетаки выходитъ хорошаго качества. Приготовленное, самымъ первобытнымъ способомъ, изъ такого винограда, вино, въ особенности извѣстное прежде подъ именемъ бомборскаго, а теперь выдѣлываемое въ селеніи Лехне (Соукъ-су), вывозится въ значительномъ количествѣ и имѣетъ хорошій сбытъ въ Крыму.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ея плодами. Стада рогатаго скота, табуны лошадей и отары овецъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, то подымаясь на горныя возвышенности, убѣгая отъ лѣтняго зноя долинъ, то спускаясь въ ущелья и равнины подъ защиту горъ и лѣса отъ зимней стужи и непогоды.

Та-же лѣнь препятствуетъ абхазцу заняться, какъ слѣдуетъ, и земледѣліемъ. Онъ не спѣшитъ, съ наступленіемъ весны, взяться за плугъ или соху, чтобы вспахать свое поле и засѣять его; онъ даже не имѣетъ и понятія, что такое плугъ. Воздѣлываніе своего участка земли онъ производитъ или просто заступомъ, или сохою, съ особымъ деревяннымъ лемешомъ, составляющимъ исключительное изобрѣтеніе и принадлежность только одной Абхазіи. Вырубивъ дерево съ изогнутымъ пенькомъ, туземецъ заостряетъ пенекъ клиномъ, «къ длинному концу придѣлываетъ приспособленіе изъ веревокъ для тяги, и такимъ орудіемъ, съ помощію буйволовъ, бороздитъ землю.

Поступая такимъ образомъ, абхазецъ не боится неурожая. Онъ знаетъ, что жена его, на которой лежатъ всѣ тяжелыя работы, вскопаетъ такимъ способомъ, и кое-какъ, около его дома пол-десятины а на этой пол-десятинѣ Богъ даруетъ ему столько кукурузы и гомію (родъ проса), что его будетъ слишкомъ достаточно на годовую порцію всей его семьи.

Богатая природа Абхазіи должна-бы была служить источникомъ богатства, довольства и даже роскоши для ея жителей, но, въ дѣйствительности, она служитъ для туземца лишь причиною крайней бѣдности. Увѣренный въ ея производительности, абхазецъ предается крайней лѣни. Онъ или, вѣрнѣе, его жена засѣваетъ поле въ такомъ скудномъ количествѣ, что, при огромныхъ урожаяхъ, едва можетъ прокормить свое семейство до новаго хлѣба.

Абхазецъ въ теченіе года работаетъ много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлею, преимущественно у устья горныхъ рѣкъ, изобилующихъ лососиною, которая жарится, обыкновенно, на вертелѣ и составляетъ весьма лакомую пищу. Лѣтомъ, около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, вертясь колесомъ. Жители Абхазіи пользуются этимъ временемъ, выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ, лодкахъ, выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, охватываютъ довольно большое пространство длинною сѣтью, съ поплавками на верху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять въ водѣ вертикальное положеніе. Въ средину охваченнаго пространства въѣзжаютъ два-три каюка и ловцы бьютъ баграми находящихся въ немъ дельфиновъ, жиръ которыхъ продается туркамъ и грекамъ. «Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому-что каюки иногда тонутъ подъ тяжестью добычи и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась въ водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана».

Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи. Населеніе не сосредоточивается въ дружныхъ, скученныхъ жильяхъ, а, напротивъ того, каждая сакля, со своими незатѣйливыми службами и небольшими огородами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня, не смотря на то, что абхазцы живутъ небольшими группами, отъ пяти до десяти семействъ, разсыпается по холмамъ и косогорамъ на значительное разстояніе, и оттого мѣстность принимаетъ видъ огромнаго и великолѣпнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко когда идетъ мимо жилья, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строенія.

Дома въ Абхазіи похожи на плохо устроенную корзину, въ которой сучья деревьевъ до такой степени дурно переплетены между собою, что образуютъ множество отверстій, въ которыя можно просунуть кулакъ. Сплетя себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клѣтушку, накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузными листьями или, наконецъ, папоротникомъ, абхазецъ считаетъ, что построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Передъ дверью онъ дѣлаетъ небольшой навѣсъ; внутри, у одной изъ стѣнъ—очагъ съ такою-же плетеною трубою, и сакля готова. Въ ней онъ проваляется кое-какъ зиму, лежа около очага на войлокѣ или буркѣ, и лучшаго помѣщенія онъ не желаетъ и не ищетъ. Постройка такой сакли стоитъ одной коровы. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая—для женщинъ, или большая для людей, меньшая — для скота. Съ двухъ сторонъ, по стѣнамъ сакли, ставятся длинныя, деревянныя скамьи, изъ которыхъ на одной лежитъ перина или войлокъ: — это мебель сакли. Посрединѣ, на земляномъ полу, раскладывается костеръ и служитъ для обогрѣванія семейства; надъ костромъ виситъ желѣзная цѣпь съ крючкомъ, для поддерживанія котла. Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны, отсвѣчивается ночью на деревьяхъ красноватымъ цвѣтомъ и, смѣшиваясь съ міріадами свѣтляковъ, искрящихся въ землѣ, представляетъ издали довольно фантастическую картину. Въ углахъ стоятъ сундуки, преимущественно краснаго цвѣта, окованные желѣзомъ и заключающіе въ себѣ все фамильное имущество; возлѣ нихъ стоитъ кадка съ кислымъ молокомъ, любимымъ напиткомъ туземца. На дырявыхъ стѣнахъ, надъ нарами, виситъ оружіе: ружье въ чехлѣ, шашка и кинжалъ; тутъ-же приклеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, изображающая черта съ двумя рогами и глупо растопыренными руками, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надъ головами протянута веревка, черезъ которую перекинуты платья и разнаго рода тряпки.

Неподалеку отъ такого дома видна еще клѣтушка или корзина, величиною до одной кубической сажени—это амбаръ абхазца. Онъ сплетенъ также изъ сучьевъ и поставленъ на четырехъ столбахъ, до одной сажени высотою. Послѣднее необходимо для предохраненія небольшихъ запасовъ хлѣба отъ истребленія его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточныхъ и извѣстныхъ дворянъ отличаются нѣсколько большимъ удобствомъ. Жилища такого рода составляютъ два строенія: большое—асасайра (гостиная) и малое—ашхора. Вообще, жилище абхазца бѣдно и не чисто, а сами жители крайне нечистоплотны; даже богатые абхазцы не очень заботятся о чистотѣ въ одеждѣ, въ домѣ.

Одежда абхазца весьма близко подходитъ къ черкесской, но абхазецъ чисто и щегольски никогда не одѣвается. На немъ почти всегда надѣта оборванная, вѣчно дырявая подъ мышкою черкеска, сшитая изъ грубаго сукна домашняго приготовленія; узкое, короткое нижнее платье, съ ноговицами другаго цвѣта, остроконечная шапка, всегда прикрытая башлыкомъ, и рыжая бурка — вотъ и весь его костюмъ. Жители селеній, ближайшихъ къ Мингреліи, носятъ иногда мингрельскія и имеретинскія шапочки, но предпочитаютъ, впрочемъ, свой національный костюмъ. На ногахъ, не всегда однако-же, туземецъ носитъ пастолы — обувь, средняя между русскимъ лаптемъ и турецкимъ башмакомъ. Пастолы изготовляются изъ сырой кожи, прикрѣпляются къ ногѣ ремнями и вооружены шпорою. Князья носятъ черныя или красныя черкесскія чевяки.

Абхазецъ вооруженъ кинжаломъ, который носитъ за поясомъ, шашку — у бедра, ружье—за плечами; а на поясѣ онъ надѣваетъ пороховницу и металлическій ящичекъ, въ которомъ онъ носитъ сало для слазыванія пуль.

Цвѣтъ лица его смуглый, ростъ средній, волосы черны и перепутаны, вся фигура костиста и сухощава; большинство мужчинъ брѣетъ головы. Жители Сухума и его окрестностей имѣютъ цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый.

Красота мужчинъ въ Абхазіи преобладаетъ надъ красотою женщинъ, тогда какъ у абазинъ наоборотъ. Тамъ женщины и дѣвушки прекрасны въ полномъ значеніи этого слова; онѣ рослы и стройны до очарованія. Здѣсь между женщинами встрѣчается много лицъ замѣчательной красоты.

Турки, скупая горскихъ красавицъ, предпочитали всѣмъ другимъ абазинокъ и черкешенокъ.

Женщины въ Абхазіи, какъ и вездѣ, гораздо чистоплотнѣе и опрятнѣе мужчинъ. Исполняя всѣ полевыя и черныя работы, и занимаясь всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, абхазки одѣты въ чистое ситцевое платье, покроемъ своимъ подходящее къ европейской одеждѣ, и бѣлыя покрывала.

Абазины вообще не имѣли привычки скрывать своихъ женщинъ, но въ Абхазіи помѣщики и князья, придерживаясь магометанскому обычаю, скрываютъ своихъ женъ отъ посторонняго глаза и показываютъ даже и врачу ручку своей больной жены не иначе, какъ сквозь прорѣзанное въ ширмѣ отверстіе. Жены-же простыхъ крестьянъ показываются довольно свободно, а молодыхъ дѣвушекъ и вовсе не прячутъ.

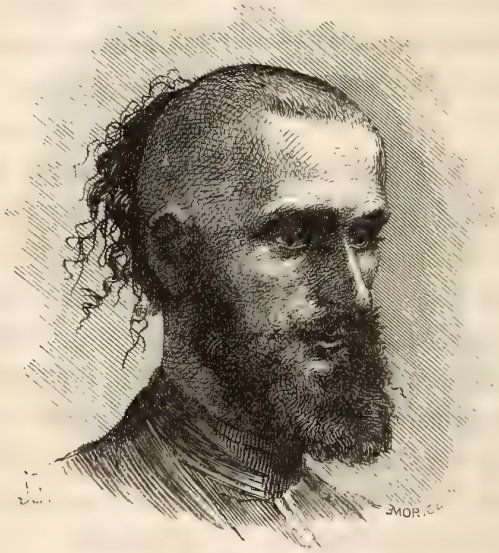
Незамужнія женщины у крестьянъ не закрываютъ свои лица и черные, острые глаза; а замужнія, хотя и обязаны закрываться, но-при встрѣчѣ съ мужчиною, показываютъ только желаніе прикрыть себя платкомъ или руками, но на дѣлѣ не исполняютъ и этого. Всѣ женщины заплетаютъ волосы въ косу и повязываютъ голову платкомъ, носятъ шали или греческія курточки и обуваются въ аккуратно сшитые чевяки собственной работы. Женщина-абхазка ловко ѣздитъ верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, потому-что объ экипажахъ

кромѣ своей неуклюжей, двухъ-колесной арбы, абхазецъ не имѣетъ понятія.

Красивыхъ женщинъ въ Абхазіи мало, и онѣ вообще весьма скоро старѣются. Въ нихъ нѣтъ граціи, деликатности, нѣжности и свободы. Отъ тяжелыхъ работъ, которыя исполняетъ женщина въ домашнемъ быту, она огрубѣла, а постоянно висящая надъ нею власть мужа, который имѣетъ надъ женою право жизни и смерти, сдѣлала то, что во всѣхъ ея движеніяхъ и поступкахъ выказывается что-то робкое, нерѣшительное.

Въ прежнее время турки въ большомъ числѣ вывозили абхазскихъ женщинъ, и вывезли лучшіе типы. На долю абхазца осталась посредственность, весьма скоро старѣющаяся.

Подобно черкесамъ, абхазцы сжимаютъ грудь молодыхъ дѣвушекъ особымъ корсетомъ.



АБХАЗЕЦЪ.

Религія и обычаи.

Все народонаселеніе абхазскаго племени, въ религіозномъ отношеніи, дѣлится на три части: православныхъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ, или людей, не исповѣдующихъ никакой религіи, а поклоняющихся божествамъ, ими самими созданнымъ.

У жителей собственно Абхазіи точно также остались слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ, господствовавшихъ надъ ихъ страною. Какъ христіанинъ, такъ и магометанинъ, одинаково исполняютъ только наружные обряды своей религіи, да и тѣ въ искаженномъ видѣ; въ сущность своей религіи ни одинъ абхазецъ никогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

При всѣхъ усиліяхъ, турки, во время владѣнія краемъ, не могли совершенно изгладить изъ памяти народа воспоминаніе христіанства, но магометанская религія хотя, и не имѣла въ краѣ значительнаго успѣха, все-таки поколебала христіанство.

Православную вѣру теперь исповѣдываютъ всѣ члены владѣтельнаго дома, за исключеніемъ одного бѣднаго и небольшаго семейства, живущаго въ Пицундскомъ округѣ и придерживающагося исламизма. Между дворянами седьмая или восьмая часть христіане, а остальные магометане. Изъ крестьянъ — пятая часть христіанъ, пятая — магометанъ, а три пятыхъ язычники. Изъ этого видно, что магометанское ученіе, въ свою очередь, не нашло много ревностныхъ послѣдователей, и господствующею религіею въ странѣ всетаки осталась языческая, къ которой принадлежитъ и теперь большая часть народонаселенія.

Какъ правила христіанской религіи плохо исполняются туземцами, также точно исполняется ими и коранъ Магомета. Рѣдко абхазецъ ходитъ въ православную церковь, а еще рѣже показывается въ мечети. Абхазецъ-христіанинъ не считаетъ грѣхомъ подкараулить гдѣ-нибудь, въ скрытномъ мѣстѣ, и убить человѣка изъ-за пустой мести, по нѣскольку лѣтъ не быть на исповѣди и у св. причастія, и ѣсть постное только при недостаткѣ скоромнаго. Съ другой стороны, абхазецъ-магометанинъ ѣстъ съ большимъ аппетитомъ свинину, пьетъ вино, не соблюдаетъ постовъ, не терпитъ многоженства, но за то позволяетъ себѣ мѣнять женъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, совершаетъ намазъ тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится въ обществѣ уважаемаго имъ турка.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся къ религіи, что она ни въ какомъ отношеніи не налагаетъ различія между жителями.

Въ одномъ и томъ-же семействѣ можно встрѣтить весьма часто и христіанина, и магометанина, живущихъ между собою въ совершенномъ согласіи. Мусульманинъ не чуждается брака съ христіанкою, и послѣ того каждый сохраняетъ свою религію. Во многихъ семействахъ часть дѣтей слѣдуетъ христіанскому ученію, другая — магометанскому, безъ всякихъ семейныхъ раздоровъ.

Такое тѣсное сближеніе двухъ противоположныхъ религій, во избѣжаніе соблазна и разныхъ недоразумѣній, заставило христіанъ и магометанъ праздновать вмѣстѣ Рождество Христово, Пасху, Духовъ день, совершать байрамъ, поститься въ рамазанъ и великій постъ.

Суевѣріе и языческіе обряды проявляются во всѣхъ праздникахъ, гдѣ жертвоприношенія, какъ главный догматъ религіи, составляютъ непремѣнную принадлежность.

Св. Георгій пользуется особымъ почтеніемъ между всѣми абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ виноградньмъ сокомъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвоприношенія Св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка.

Абхазцы, всѣхъ исповѣданій, вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія и передъ иконами монастырей Пицундскаго и Иллорскаго, не избѣгнетъ наказанія. На этомъ основана у нихъ и клятва въ важныхъ случаяхъ.

Въ народѣ укоренилось безчисленное множество суевѣрій и предразсудковъ, неразрывныхъ съ понятіями людей невѣжественныхъ, грубыхъ и дикихъ.

Гонитъ-ли пастухъ свое стадо на лѣто въ горы, или спускаетъ ихъ оттуда осенью—онъ, по народному обычаю, приноситъ жертву Афѣ (богъ грома, молніи и вообще всѣхъ атмосферическихъ явленій), закалываетъ барана, прося бога предохранить его стада отъ громоваго истребленія. Мясо принесенной жертвы употребляется въ пищу лицомъ, приносившимъ жертву. Случится-ли въ Абхазіи засуха — народъ обращается съ просьбою къ дѣвушкамъ добыть имъ дождя. Одѣвшись въ лучшія свои платья и раздѣлившись на три части, дѣвушки идутъ тогда къ рѣчкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, а третья занимается приготовленіемъ куклы, въ видѣ женщины. Затѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ за поводъ узды, двѣ становятся съ боковъ эшака, для поддерживанія куклы, а остальныя, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака, и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту.

— Воды дашь! воды дашь! поютъ они хоромъ, воду дождевую маргаритку красную, сынъ владыки (или владѣтеля жаждетъ немного воды, немного воды). (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мыкрыдѣ апшъ ахъ, и на дыздышвойтъ дзы-хучикъ, дзы-чучикъ).

У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ ее на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и, въ такомъ видѣ, пускаютъ его по теченію воды. Потомъ заставляютъ эшака выкупаться въ той-же рѣчкѣ, и какъ онъ всегда противится этому, то дѣвушки вгоняютъ его хлыстами. Переплывъ рѣку и выйдя на противоположный берегъ, эшакъ почти всегда начинаетъ ревѣть, что принимается за хорошій признакъ, и дѣвушки увѣряютъ себя, что дождь непремѣнно будетъ, и радостно возвращаясь домой, поютъ народныя пѣсни.

Подобно сосѣдямъ своимъ, черкесамъ, абхазцы признаютъ суще-

ствованіе различнаго рода духовъ и вѣрятъ въ существованіе духа покровителя горъ.

Суевѣріе народа обезпечило существованіе женщинъ — гадальщицъ, ворожей и знахарокъ. Такая старуха есть въ каждомъ аулѣ: она и лекарка, сваха, бабка и гадальщица. Онѣ лучшія посредницы во всѣхъ горскихъ любовныхъ похожденіяхъ. Передать тайну юной горянки предмету ея страсти — молодому наѣзднику; добыть травки силотворной или питья, зелья приворотнаго, на случай, еслибы понадобилось завербовать чье-нибудь сердце, это ихъ дѣло.

Придавая большое значеніе гаданію, абхазцы вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ и водяныхъ. Послѣдніе носятъ названіе дзызла и водятся въ омутахъ, рѣкахъ и особенно подъ мельницами.

Абхазецъ вообще грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломенъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ.

Ума у абхазцевъ немного, и къ тому-же они мало способны къ умственному развитію; но у нихъ много практическаго смысла, и тотъ небольшой кругъ понятій, который имъ доступенъ, разработанъ ими отлично.

Вся цѣль, вся жизнь абхазца направлена, по большей части, на пріобрѣтеніе, по возможности даровое, какихъ-либо вещественныхъ выгодъ. Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе въ самыхъ мелочныхъ размѣрахъ, и отсутствіе честнаго труда и любознательности. Воровство считается молодечествомъ и удальствомъ. Самымъ лучшимъ человѣкомъ въ краѣ считается тотъ, кто произвелъ болѣе разбоевъ и убійствъ. Вся слава состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, изъ одной засады въ другую, воровать имущество неосторожныхъ лицъ, ихъ скотъ, а при удачѣ и самихъ поселянъ, для продажи въ неволю.

— Ты еще, кажется, ни одной лошади не съумѣлъ украсть, говоритъ часто въ укоръ дѣвушка молодому парню — ни одного плѣннаго не продалъ.

— Помоги тебѣ Богъ, говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, — помоги тебѣ Богъ этою шашкою пріобрѣсти много добычи и днемъ, и ночью.

Характеръ абхазца глубоко испорченъ. Не смотря на эту испорченность, на многія безнравственныя черты въ народѣ, нельзя все-таки отрицать въ немъ извѣстной доли благородства.

Князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны.

Вообще абхазцы держатъ себя свободно, говорятъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Гордость и сознаніе собственнаго достоинства проглядываютъ во всѣхъ движеніяхъ абазинскаго племени, которое отличается большою суровостью и воинственностью.

Не смотря на нѣкоторую наружную свободу, предоставленную женщинѣ, она, въ полномъ смыслѣ, раба своего мужа и, въ крестьянскомъ быту, выполняетъ всѣ тяжелыя работы. Какъ въ Абазіи, такъ и въ Абхазіи одинаково смотрятъ на женщину, которая, въ глазахъ мужа, не болѣе, какъ старшее въ домѣ рабочее животное, о которомъ можно гораздо менѣе заботиться, чѣмъ о лошади. Женщина не знаетъ ласкъ ни мужа, ни сыновей, которые, по большей части, со дня рожденія, отрываются отъ груди матери и отдаются на воспитаніе въ чужія руки, въ чужой домъ, и даже внѣ своей родины. Чувство сыновней любви не можетъ развиться въ такихъ дѣтяхъ, и она неизвѣстна абхазцамъ. Жена не можетъ вступать съ мужемъ въ разговоръ, пока ее не спросятъ; не имѣетъ права сидѣть при немъ и при постороннемъ лицѣ; не получаетъ даже отъ мужа непосредственныхъ приказаній, а всегда черезъ кого-нибудь другаго. Услыша голосъ мужа издали, она обязана выйти къ нему на встрѣчу

Pl. 14

и ожидать его стоя, держать его коня, разсѣдлать и присмотрѣть за нимъ.

Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ — принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Подобная измѣна влечетъ за собою или смерть отъ руки мужа, или продажу въ неволю. Если гдѣ и встрѣчается измѣна, то въ приморскихъ мѣстечкахъ, гдѣ всегда находятся такія почтенныя старушки, которыя помогаютъ своимъ пріятельницамъ водить за носъ мужей.

Въ нравственномъ отношеніи женщина стоитъ всетаки неизмѣримо выше мужчины. Послѣдній знаетъ это, и, не смотря на то, что оказываетъ презрѣніе женщинѣ, онъ внутренно гордится ея нравственною чистотою.

Не связанный никакими особенными понятіями о религіи, абхазецъ видитъ въ бракъ средство избавиться отъ труда и передать его женѣ. Въ силу такой точки зрѣнія на бракъ въ Абхазіи установился обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домѣ, какъ жену. Мужчина, съ дозволенія родителей, беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею, какъ съ женою, но женится на ней только тогда, когда она выкажетъ свои способности быть хорошею хозяйкою. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе. Хотя большинство абхазцевъ, въ строгомъ смыслѣ, и не принадлежитъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, они всетаки не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою. Бываютъ случаи семейной жизни съ двумя женами, но тогда вторая жена поступаетъ въ домъ не иначе, какъ съ согласія первой, которая и остается хозяйкою въ домѣ.

Обычай не позволяетъ абхазцу говорить родителямъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; скромность-же запрещаетъ самому искать себѣ невѣсту или объясняться съ нею. Молодой человѣкъ повѣряетъ тайну желанія жениться одному изъ своихъ родственниковъ, или-же родители, или родственники молодаго человѣка сами вывѣдываютъ отъ него эту тайну.

Получивъ согласіе, родители стараются пріискать невѣсту. Если она въ одной и той-же деревнѣ, то, желающій жениться, зная ее хорошо, встрѣчаясь на гуляньяхъ и народныхъ праздникахъ, заявляетъ родителямъ, нравится-ли она ему или нѣтъ. Если-же невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то молодой человѣкъ отправляется туда подъ видомъ путника. Онъ старается придти въ домъ родителей невѣсты поздно вечеромъ, подъ видомъ запоздалаго гостя, котораго, по установившемуся обычаю гостепріимства, принимаютъ со всѣмъ радушіемъ, не спрашивая, кто онъ, куда и откуда идетъ.

Гость для абхазца считается особою священною: былъ-ли то другъ (достъ) или недругъ—онъ одинаково находилъ защиту и безопасность подъ крышею дома того хозяина, къ которому пріѣхалъ.

Есть еще оригинальная черта въ душѣ абхазца: будучи гостепріименъ, абхазецъ не любитъ вечернихъ странниковъ и посѣтителей. Подъѣзжайте къ саклѣ абхазца вечеромъ и просите пріюта,— хозяинъ навѣрно всѣми средствами будетъ стараться отдѣлаться.

Молодыя дѣвушки Абхазіи замѣняютъ обыкновенно въ семействѣ прислугу, и потому молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ подъ видомъ гостя, можетъ хорошо и легко разсмотрѣть избранную его родителями невѣсту и высказать о ней свое мнѣніе.

Бракъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній въ семейной жизни абхазца. Правда, родственники замужней женщины защищаютъ ее отъ произвола мужа, но защита эта слаба и ничтожна. Мужъ можетъ прогнать свою жену, когда ему вздумается, и взять себѣ другую. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ развестись съ такою женою, которая часто и продолжительно болѣетъ, или такою, которая не родитъ ему сына. Въ первомъ случаѣ, переселившись опять

къ своимъ родственникамъ, она, по выздоровленіи, не теряетъ еще права возвратиться въ домъ мужа; но во второмъ—такой возвратъ рѣдко бываетъ возможенъ. Мужъ, во время отсутствія жены, беретъ себѣ другую, живетъ съ нею, приживаетъ дѣтей, и случается, что если первая жена рѣшится возвратиться къ мужу, то застаетъ дома цѣлое чуждое ей семейство.

Впрочемъ, подобное происшествіе никого изъ семьи не поражаетъ: она остается и мужъ живетъ съ обѣими. Такіе случаи одинаково встрѣчаются какъ у христіанъ, магометанъ, такъ и у язычниковъ.

Въ домашней жизни все почти хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Весь тяжкій и грязный трудъ, какъ собственно въ Абхазіи, такъ и въ горахъ, исполняютъ женщины. Мужъ знаетъ винтовку, кинжалъ да шашку, а жена все остальное. Если бы даже случилось, что убогая крыша сакли абазина протекла, то наѣздникъ скорѣе рѣшится погибнуть отъ дождя и сырости, чѣмъ запачкать руки въ глинѣ и замазать дыру въ крышѣ.

АБХАЗЕЦЪ.

Абхазецъ не родится, не женится и не умираетъ безъ выстрѣла и звона шашки. Никогда мужъ не зналъ о предстоящей и скорой прибыли въ семействѣ. Обычай народа сдѣлалъ это обстоятельство тайною для мужа. Жена тщательно скрывала отъ него беременность и, своимъ разрѣшеніемъ, готовила ему пріятный и неожиданный сюрпризъ. Чувствуя приближеніе родовъ, женщина тихо вставала съ постели, зажигала огонь, прокрадывалась къ винтовкѣ мужа, снимала ее со стѣны и стрѣляла въ дверь сакли. По числу дыръ пробитыхъ въ двери можно собрать точныя свѣденія о числѣ потомства каждаго абхазца.

Поцѣловавъ жену, которая только въ этомъ случаѣ имѣла законное право на ласку, мужъ вскидывалъ на плечо винтовку и отправлялся за бабкой. Втолкнувъ послѣднюю въ свою саклю, будущій отецъ новорожденнаго оставался за порогомъ, ожидая слабаго призывнаго голоса родильницы. Съ первымъ призывомъ жены, мужъ бросался въ саклю и останавливался на порогѣ.

— Отвага или красота? спрашивалъ онъ бабку.

— Отвага, отвѣчала та.

Мужъ спѣшилъ къ женѣ, цѣловалъ ее, щедро дарилъ бабку, а самаго себя поздравлялъ съ сыномъ.

Но если случалось, что на вопросъ его бабка отвѣчала: красота,—что означало рожденіе дочери, то онъ обязанъ былъ или поцѣловать бабку, или откупиться отъ сладости поцѣлуя, по преимуществу весьма ветхой старухи.

Не оказывая впрочемъ ни сыну, ни дочери особыхъ ласкъ, онъ въ душѣ гордится сыномъ и презираетъ дочь.

Въ семейномъ быту власть родительская неограниченна. Уваженіе къ отцу и старшимъ составляютъ исключительную черту народнаго характера и семейной жизни. Взрослый и даже женатый сынъ не имѣетъ право садиться въ присутствіи отца и старшаго брата. Вообще младшій обязанъ всегда уступить старшему лучшее мѣсто, въ почетномъ углу дома, а въ толпѣ пропускать его. Отецъ не отвѣ-

чаетъ ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка. Въ этомъ отношеніи абхазцы совершенно сходны съ черкесами. Отецъ и здѣсь не долженъ ласкать дѣтей: ласка считается выраженіемъ слабаго характера. Отъ этого отецъ является въ семействѣ человѣкомъ угрюмымъ, суровымъ, властелиномъ гордымъ и деспотичнымъ. Если злоупотребленія родительской власти случаются не часто, то причиною тому обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства. Между князьями и дворянами обычай этотъ, во всѣхъ племенахъ абхазскаго народа, былъ явленіемъ обыкновеннымъ, а простой народъ также придерживался этого при возможности и средствахъ.

По понятію абхазцевъ, дитя, отданное на воспитаніе, до совершеннолѣтія не должно знать своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, а отцу и матери приласкать его считается большимъ неприличіемъ и даже порокомъ.

Отданный на воспитаніе мальчикъ оставался въ чужомъ домѣ до четырнадцатилѣтняго возраста и затѣмъ, съ разными церемоніями, возвращался въ домъ родительскій.

Въ домѣ, гдѣ бываетъ покойникъ, собираются мужчины и женщины, садятся вокругъ гроба, проводятъ всю ночь въ пѣніи разныхъ пѣсень, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже зачастую ругаютъ умершаго, и когда одни изъ присутствующихъ плачутъ, другіе смѣются и поютъ.

Въ то время какъ всѣ присутствующіе веселятся, поютъ и смѣются, жена покойнаго, чтобы не потерять всякое уваженіе въ народѣ, обязана оплакивать мужа, съ выраженіями отчаянія и самоистязанія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпится не малое число мужчинъ и женщинъ, пріѣзжающій на похороны останавливается, слѣзаетъ съ лошади и проситъ увѣдомить вдову о своемъ пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько времени изъ дома слышится громкій плачъ, дверь отворяется и, рыдая и заливаясь слезами, выходитъ жена покойнаго. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго или неутѣшной вдовы, окружаютъ и поддерживаютъ ее. Волосы ея распущены и на ней надѣта длинная, черная шерстяная рубашка съ открытою грудью; лицо, грудь и руки исцарапаны и избиты до крови.

Выслушавъ выраженіе участія и скорби, которыя принимаетъ пріѣзжій въ постигшемъ ея горѣ, вдова вводитъ его въ комнату, гдѣ плачъ и рыданіе, сопровождаемые ударами въ лицо и грудь, снова возобновляются съ удвоенною силой и продолжаются до тѣхъ поръ, пока вдова не придетъ въ изнеможеніе. Эти сцены должны повторяться съ каждымъ новымъ пріѣзжимъ до самыхъ похоронъ.

Между абхазцами, даже и христіанами, до сихъ поръ поддерживается обычай хоронить умершихъ по лѣсамъ или близъ дорогъ, или близъ домовъ, но не въ церковной оградѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ, семейство умершаго обязано совершить поминки по немъ. На поминки собирается множество народа, они продолжаются не менѣе трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ всѣ живутъ на счетъ родственниковъ умершаго. Поэтому, какъ бы въ покрытіе издержекъ и расходовъ, каждый гость обязанъ сдѣлать посильный подарокъ. Онъ приноситъ то, чѣмъ богатъ: оружіе, сукно, холстъ, матерію, лошадей, скотину, барановъ, домашнюю птицу, зерно и проч.

Поминки происходятъ почти всегда на открытой полянѣ, гдѣнибудь по близости деревни.

На третій день поминокъ назначается скачка, которою и заканчивается тризна по умершемъ. Въ скачкѣ принимаютъ участіе исключительно мальчики отъ 12 до 14 лѣтняго возраста. На лошадяхъ, осѣдланныхъ черкескими сѣдлами, но безъ подушекъ, для того чтобы не сидѣть, а стоять въ стременахъ, скачутъ они на значительное разстояніе отъ 30 до 50 верстъ, туда и обратно, по мѣст-

ности чрезвычайно пересѣченной. Состязающихся въ скачкѣ почти всегда сопровождаетъ огромная толпа любителей и охотниковъ. Скачущіе могутъ побуждать своихъ лошадей крикомъ, гикомъ и гопаньемъ, не касаясь лошади плетью. Вся ватага, состоящая часто болѣе чѣмъ изъ сотни всадниковъ, несется черезъ бугры и рытвины по полямъ и по лѣсу, на гору и подъ гору, думая только объ одномъ, какъ бы придти первому и получить призъ часто весьма не цѣнный.

Рѣдко такая скачка обходится безъ несчастія. Мальчики падаютъ съ лошадей, убиваются до смерти и за однѣми поминками слѣдуютъ другія, на которыхъ повторяется снова та же бѣшеная скачка.

Вдова умершаго, по обычаю абхазцевъ, можетъ выйдти замужъ за роднаго брата покойнаго, если на то существуетъ обоюдное согласіе. Но если согласія этого нѣтъ и вдова остается въ затруднительномъ положеніи относительно матеріальнаго благосостоянія, то въ Абхазіи существуетъ прекрасный обычай, по которому жители аула всегда помогутъ ей посѣять и убрать хлѣбъ и обезпечутъ ея существованіе. Забота о бѣдныхъ развита въ народѣ и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ общественной жизни абхазца. Здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ мы привыкли видѣть въ другихъ мѣстахъ, и бѣдные всегда получаютъ пособіе отъ общества.

XXXII. НОГАЙЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Ногайцы живутъ въ Ставропольской губерніи, по Кубани, между Лабою и Кубанью и на Кумыкской плоскости. Ихъ считается болѣе 80,000 душъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ.

Неудобство земель причиною того, что, какъ закубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за скотомъ. Бѣдные, не имѣющіе его, идутъ лѣтомъ въ заработки, и тысячи ихъ расходятся по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія — все это дѣлаетъ плоскія и измозженныя ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ

напримѣръ, кара-ногайцы, едишкульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Карiе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы; за кирпичъ чая готовы возстать на самаго близкаго родственника. Корыстолюбiе ихъ не высказывается въ стремленiи къ прiобрѣтенiю прилежанiемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желанiи нажить все легчайшимъ способомъ—воровствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнивы до высочайшей степени, они проводятъ большую часть времени въ праздности: сидятъ въ кибиткахъ или разъѣзжаютъ въ степи по ауламъ.

Гостепрiимство хотя и считается у нихъ добродѣтелью, но безъ разсчета ногаецъ не испечетъ чурека для гостя и очень часто обокрадетъ его точно также, какъ и гость не стѣснится обокрасть хозяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или ленты—это такiя вещи, которыя составляютъ предметы желанiя однаго и зависти другаго.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскiй человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не можетъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ вареное пшено, небольшiя пышки, вареныя въ салѣ, и бишбармакъ—кушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и то только богатые. Пьютъ бузу, приготовляемую изъ пшена, и аракъ—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти кумыса.

Ногаецъ можетъ быть очень воздержанъ въ пищѣ, въ теченiи даже нѣсколькихъ дней; можетъ довольствоваться одною пышкою или чурекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнивы, но кара-ногайцы и едишкульцы отличаются особою лѣностiю и неспособностiю къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности: по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Каждое извѣстiе съ быстротою молнiи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствiе правильныхъ занятiй породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и кляузамъ.

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы.

Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ: они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка: но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружiя. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только для защиты своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ, и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятiя о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращенiе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности.

По образу жизни ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногiе изъ ногайцевъ живутъ въ земляно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ сакляхъ; но за то почти всѣ, за исключенiемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ базы, окопанные кругомъ и обнесенные ими просто глиняными или глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ кото-

рыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Вверху кибитки сдѣлана отдушина для прохода дыма; въ ненастную погоду она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую арбу еще скорѣе укладываютъ хурда-мурда, т. е. домашнюю рухлядь, и семейство готово въ ходъ.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырья кибитки. Тогда дѣти кара-ногайца, голыя или въ однѣхъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчившись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ окоченѣвшія свои руки.

Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ мятелей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада, и изъ богатаго, ногаецъ на другой день дѣлается такимъ же байгушемъ (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣми женщинами и, даже, младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ сектамъ: сунитской и шіитской.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю.

Будучи сходны съ прочими кавказскими племенами по религіи, ногайцы сходны съ ними по суевѣрію и предразсудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ за невѣсту отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ; мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія

ведутъ къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія.

Похищеніе невѣстъ изъ дома родителей считается большимъ удальствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты вправѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногайцемъ. Обрученные часто растутъ, не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать невѣсту; но оставаться съ нею наединѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ. Самая свадьба не сопровождается нынѣ ни какими характеристическими особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ.

НОГАЕЦЪ.

По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разныя цвѣта и называемую *куймe*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его не много, а въ противномъ случаѣ снаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста — дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ кибитку, *отауй*, а если выходитъ за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье провизжитъ передъ невѣстою домра — двухструнная балалайка, туземный цѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искусство. Затѣмъ арба сопровождается не только родственниками и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степе-

*

ни достаточности брачущихся зависитъ многочисленность ихъ свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляютъ исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою невѣсту въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное, какъ и сама степь, гдѣ они кочуютъ.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на жену.

При рожденіи ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустые котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія.

Новорожденному дается имя отцомъ или кѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужскаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей.

Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусные въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники, съ послѣднимъ его вздохомъ, тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи.

Отовсюду собирается огромная толпа, особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и своимъ раздирательнымъ стономъ, крикомъ, и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горесть съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя затѣмъ обычные стихи изъ корана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздаются постоянный плачъ и рыданія. Затѣмъ по окончанія оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немногимъ болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

Часто мужчины, родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Эта шапка снимается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневняго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ питьѣ и ѣдѣ.

У кара-ногайцевъ, послѣ смерти покойника, обмываютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Поэтому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ, привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ въ сопровожденіи родственниковъ-мужчинъ, ѣдущихъ верхомъ, и женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ, покойника кладутъ на арбу, везутъ на кладбище,

ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

устроенное непремѣнно на курганѣ, для того, чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ воспоминаютъ только одни похвальныя качества умершаго. По прочтеніи духовнымъ лицомъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачъ необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачъ этотъ продолжается не болѣе полчаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Пока женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ кружокъ, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ маханъ (вареная баранина), запивая его шорбомъ (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и аракомъ (родъ водки дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько возыханій о покойномъ, и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ и его, не обмывая, зашиваютъ окравленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки открываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачъ женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи, принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти замужъ, а родственники снять трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ, и черной шапки у мужчинъ.

XXXIII. СВАНЕТЫ ИЛИ ШАНЫ.

Религіозный и семейный бытъ народа.

По сосѣдству съ абхазскимъ племенемъ и на востокъ отъ него, въ верховьяхъ р. Ингура и его притоковъ, поселились сванеты, народъ до сихъ поръ еще мало извѣстный, по крайней ограниченности извѣстныхъ о немъ этнографическихъ свѣдѣній.

Часть сванетовъ, поселившаяся въ верховьяхъ р. Цхенис-Цхали и бывшая прежде подвластною владѣтелямъ Мингреліи, называется Дадіановскою Сванетіею. Остальное населеніе, размѣстившееся по верховьямъ Ингура и многочисленнымъ его притокамъ, раздѣляется на Вольную и Княжескую Сванетію.

Страна эта есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и представляетъ собою ущелье, обнесенное со всѣхъ сторонъ горами и простирающееся въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, съ населеніемъ до 11 т. душъ.

Суровость скалъ и самаго ущелья иногда смѣняется разнообразными видами богатой растительности на небольшихъ полянкахъ, попадающихся при впаденіи въ Ингуръ его притоковъ. Здѣсь ростетъ мелколиственная пальма, каштанъ, стройный букъ и высокоподымающіяся хвойныя породы лѣса, а подъ ними пріютились рододендронъ, остролистъ и т. п.

Замкнутая въ котловинѣ Кавказскаго хребта, Сванетія считается однимъ изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Кавказа, какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и относительно нравовъ ея жителей. Въ то-

пографическомъ отношеніи Сванетія занимаетъ центральное положеніе въ западномъ Кавказѣ до того уединенное, замкнутое, что страна эта представляется какъ бы отдѣльнымъ островомъ среди цѣлаго океана горъ. Такая замкнутость имѣла и имѣетъ большое вліяніе на характеръ, нравы и обычаи народа. Сванетъ также недоступенъ и дикъ, какъ и природа его окружающая. Доступъ въ Сванетію возможенъ только въ теченіи короткаго лѣта и почти прекращается въ теченіи продолжительной зимы.

Въ Сванетіи, какъ и во всякой горной странѣ, много климатическихъ особенностей, въ зависимости отъ которыхъ находится и земледѣліе ея жителей. Склонные къ земледѣлію, сванеты содержатъ свои поля очень чисто и въ нихъ плевела попадаются весьма рѣдко

Сванетія болѣе населена и лучше обработана, чѣмъ многія изъ горскихъ владѣній. Ничтожность промышленности заставила народъ обратиться къ единственному источнику пропитанія и богатства— хлѣбопашеству, и надо сказать, что трудъ землевладѣльца вознаграждается достаточно, хотя сванетъ крайне лѣнивъ и потому бѣденъ.

Домъ сванета каменный и состоитъ изъ большой двухъ-этажной постройки, выбѣленной и съ окнами въ видѣ бойницъ.

Сванеты любятъ строить свои дома на выдающихся холмахъ около скалистыхъ обрывовъ, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ окружающею мѣстностію. Деревни ихъ раскинуты по терассамъ, на склонахъ горъ, и, по мѣрѣ удаленія въ горы и возвышенія надъ уровнемъ моря, они все болѣе скучиваются.

Домъ широкимъ своимъ бокомъ прилегаетъ къ четыреугольной высокой башнѣ, съ четырехъ сторонъ которой устроены въ самомъ верху ея амбразуры, а надъ амбразурами выступаютъ изъ стѣны небольшіе своды. Башни раздѣляются на нѣсколько этажей, но не составляютъ принадлежности домовъ всей Сванетіи, и тамъ, гдѣ туземецъ не имѣетъ надобности скрываться подъ ихъ защитою, башни не строятся.

Верхній этажъ дома отдѣляется отъ нижняго бревенчатымъ поломъ; такіе же полы разграничиваютъ на нѣсколько этажей и башню. Толстыя доски, съ вырубленными въ нихъ ступенями, замѣняютъ лѣстницы, по которымъ производится сообщеніе нижняго этажа съ верхнимъ какъ въ жиломъ домѣ, такъ и въ башняхъ. Съ наружной стороны къ дому приставлена такая же лѣстница, которая верхнимъ своимъ концомъ прислоняется противъ верхняго этажа къ деревянному балкону. Въ случаѣ нападенія, сванетъ втаскиваетъ эту лѣстницу внутрь, забиваетъ двери изъ нижняго этажа въ верхній, и тогда домъ его обращается въ крѣпость. Полъ въ домѣ сванета каменный, комнаты просторны, но стѣны и потолки лоснятся отъ копоти и черны какъ уголь. Топка производится въ очагѣ, расположенномъ посреди комнаты и не имѣющемъ дымовой трубы.

Сванетъ живетъ зимою въ нижнемъ этажѣ своего дома и загоняетъ туда же свой скотъ, а на лѣто переселяется въ верхній этажъ.

Внутри комнаты бѣдно, и при самомъ входѣ въ домъ, на пеньковыхъ веревкахъ, виситъ небольшой ящикъ (кубъ), сдѣланный въ видѣ домика, гдѣ хранится сыръ и свѣжее молоко.

Почти около каждаго дома есть огородъ, гдѣ сѣютъ коноплю и горохъ; четыреугольныя и даже квадратныя пашни, здѣсь и тамъ, раскинуты около деревни и обнесены изгородью.

Подлѣ дома устроены небольшіе сквозные деревянные амбары, крытые соломою, для сохраненія кукурузы, и часто, въ предохраненіе отъ сырости и мышей они, не касаясь пола, стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ.

Свободное время, а въ особенности праздники, сванетъ проводитъ въ стрѣльбѣ и попойкѣ. Попойки бываютъ днемъ и ночью то у одного, то у другаго. Обыкновенно домъ хозяина наполняется народомъ, который размѣщается гдѣ попало: кто на землѣ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ въ видѣ креселъ и диванов съ рѣзными спинками Женщины тутъ-же пекутъ хлѣбъ на шиферныхъ плитахъ, утверж-

денныхъ на каменныхъ или желѣзныхъ столбахъ; мясо варится въ чугунныхъ котлахъ, повѣшенныхъ въ саклѣ на желѣзныхъ крючьяхъ.

Пища сванета проста и неразнообразна. Она состоитъ изъ хлѣба, испеченаго изъ ржаной муки въ видѣ комковъ и безъ дрожжей; до чрезвычайности соленаго сыра и арака—родъ водки, которую гонятъ изъ проса.

Существенныя увеселенія сванетовъ состоятъ въ сходбищахъ и пляскахъ. Пѣсни ихъ грубы, суровы и состоятъ въ прославленіи войны, народныхъ героевъ и охоты. По большой части онѣ риѳмованы и заимствованы у имеретинъ.

Дикая и суровая природа Сванетіи сдѣлала и обитателей ихъ не менѣе суровыми; они являются какимъ-то остаткомъ древняго человѣчества, до котораго не коснулась ни одна пылинка просвѣщенія. Всѣ жители чрезвычайно привязаны къ своей родной почвѣ, и многіе изъ нихъ рѣдко посѣщаютъ сосѣдей.

Черты лица сванета напоминаютъ горныхъ грузинъ. Жители, въ особенности Княжеской Сванетіи, болѣе чѣмъ средняго роста, стройны и излишнюю толстоту считаютъ за порокъ, какъ слѣдствіе невоздержной жизни. Имѣя здоровой видъ, сванеты по большой части бѣлокуры, брѣютъ бороду, но оставляютъ усы, волосы стригутъ въ скобку и сзади немного подбриваютъ. Женщины также бѣлокуры и рѣдко встрѣчаются съ темнорусыми волосами, глаза голубые, носъ прямой, продолговатый, ротъ небольшой и вообще окладъ лица довольно правильный. Природа надѣлила сванетовъ значительною физическою силою, хорошими умственными способностями и быстрымъ соображеніемъ, но кругъ свѣдѣній ихъ чрезвычайно ограниченъ, какъ и языкъ ихъ. Не имѣя своей письменности, они употребляютъ грузинскія письмена.

Можно сказать, что всѣ сванеты крещены, но далеко нельзя сказать, что всѣ они христіане. Нужно много усилій и значительное время для того, чтобы очистить отъ языческаго элемента религіозныя и нравственныя ихъ воззрѣнія. Но въ Сванетіи сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ среди другихъ горскихъ племенъ, потому что въ основаніи религіозныхъ возрѣній этого народа лежатъ все таки истины христіанскаго ученія, хоть и въ искаженномъ видѣ.

Въ настоящее время христіанство обратилось у сванетовъ въ чистое идолопоклонство. Они уважаютъ сохранившіеся образа, приписываютъ каждому изъ нихъ какое нибудь особое свойство и почитаютъ Спасителя, Богородицу, св. Георгія и архангела Гавріила. При видѣ иконы, на лицѣ сванета выражается благоговѣніе; но молясь, онъ не крестится и не снимаетъ шапки; считаетъ себя недостойнымъ, какъ грѣшникъ, поцѣловать икону, а при видѣ ея чмокаетъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ея воздухъ.

Съ потерею письменности, народъ потерялъ способность и умѣнье читать священныя книги, утратилъ настоящій смыслъ религіи, а неграмотные священники, передавая изустно своимъ дѣтямъ обряды религіи, искажали ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе.

Въ Сванетіи очень много храмовъ: даже въ самой незначительной деревнѣ находится ихъ по нѣскольку. Особенно нацолнена ими Вольная Сванетія.

Церкви построены изъ грубо-вытесаннаго пористаго камня и покрыты тесомъ. Онѣ содержатся весьма неопрятно. Самый обрядъ богослуженія совершается только однимъ сословіемъ духовенства. Существованіе среди народа особаго класса духовенства принесло ту важную услугу, что оно ревниво оберегало свою, хотя и искаженную, религію отъ вторженія всякихъ постороннихъ ученій. Слѣдствіемъ того было, что сванеты, не смотря на соблазнъ и примѣръ нѣкоторыхъ изъ князей, остались чуждыми магометанскому ученію, пытавшемуся проникнуть къ нимъ съ сѣвернаго Кавказа. Такое противодѣйствіе со стороны духовенства значительно облегчило впослѣдствіи крещеніе почти всѣхъ сванетовъ, такъ что въ 1865 году считалось только 300 душъ некрещенныхъ жителей..

Ни одеждой, ни образомъ жизни, духовенство не отличается отъ мірянъ.

Не смотря на значительный упадокъ христіанства, слѣды его остались въ отправленіи сванетами немногихъ годовыхъ и, въ значительномъ числѣ, церковныхъ празднествъ. Великій постъ въ большомъ уваженіи среди народа. Во все время поста жители не ѣдятъ ничего мяснаго, а употребляютъ въ пищу горохъ, бобы и разныя овощи.

Сванеты до чрезвычайности суевѣрны: вѣрятъ въ разныя примѣты и сновидѣнія, и охотники толковать ихъ. Они обращаютъ вниманіе на различныя предзнаменованія. Сванетъ не пойдетъ иначе на грабежъ, какъ сначала попробуетъ счастія выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то остается дома, съ убѣжденіемъ, что не будетъ ему удачи въ предпріятіи.

Всѣ они отличные стрѣлки до такой степени, что убить птицу не въ голову считается промахомъ. Дурная погода внушаетъ народу особый страхъ. Появленіе незнакомца во время дождя или посѣщеніе имъ въ такую погоду ихъ церкви, принимается жителями какъ знакъ не беснаго гнѣва. Чтобы не накликать себѣ дождя или грозы во время похода, не слѣдуетъ, по понятію туземца, говорить между собою. Для этого сванеты обыкновенно ходятъ другъ за другомъ, поютъ духовныя пѣсни про себя и такъ тихо, чтобы передній не слыхалъ задняго и обратно.

Съ наступленіемъ дождливой погоды, они дѣлаются неразговорчивы и прибѣгаютъ къ гаданію.

Нравственная сторона характера представляетъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Сванетъ чрезвычайно впечатлителенъ, помнитъ добро, признателенъ и всегда веселъ. Онъ гостепріименъ, радушенъ, но любитъ попрошайничество и требуетъ вознагражденія за каждую незначительную услугу. Сванеты цѣломудренны, вѣрны своему слову и клятвѣ, но за то горды, мстительны, скрытны и суевѣрны въ высшей степени. Гордость не мѣшаетъ имъ имѣть о себѣ самое низкое понятіе. Туземецъ не скрываетъ своего невѣжества и своихъ пороковъ, и при этомъ сознается, что у него нѣтъ рѣшимости и силы воли, чтобы исправить себя.

Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ враговъ; у нихъ нѣтъ единства дѣйствія.

Вообще характеръ сванета весьма непостояненъ: онъ то занимается хлѣбопашествомъ, то, бросивъ его, пускается въ торговлю, то ищетъ пропитанія въ одномъ грабежѣ. Въ немъ нѣтъ воинственности, нѣтъ отваги и того молодечества, которое внушаетъ презрѣніе къ опасности. Онъ не нападаетъ явно, но за кустомъ и камнемъ выжидаетъ противника, захватываетъ добычу тайкомъ и спасается безъ оглядки въ своихъ неприступныхъ горахъ.

Удивительное искусство ходить по горамъ и тропамъ скоро и много и терпѣніе въ перенесеніи трудовъ въ дорогѣ доставляютъ ему полную защиту отъ преслѣдованія и наказанія. Огромныя трещины горъ наполняются снѣгомъ, сглаживающимъ всѣ пропасти; порывистые вѣтры свирѣпствуютъ съ ужасною силою, а смѣлый сванетъ, надѣвъ на ноги большія деревянныя тхеламзаури и вооружись длиннымъ остроконечнымъ шестомъ, отправляется на разсвѣтѣ въ путь. Гдѣ для другаго нѣтъ никакой возможности пройти, тамъ сванетъ, безъ особой усталости, сдѣлаетъ до 70-ти верстъ въ сутки, перенесетъ на себѣ тяжелые вьюки и пройдетъ черезъ глубокіе снѣга и страшныя пропасти съ такимъ же хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ-бы гулялъ по своему двору. Во время пути онъ можетъ оставаться безъ пищи два и даже три дня, а при случаѣ съѣстъ за однимъ обѣдомъ трехдневную порцію.

Костюмъ сванета мало чѣмъ отличается отъ костюма имеретинца и мингрельца.

Будучи некрасива, женщина къ тому же и нечистоплотна, но любитъ рядиться въ серебряные или мѣдные чапрасты (грудное укра-

шеніе), и пуговицы изъ этихъ-же металловъ составляютъ любимѣйшее ея украшеніе.

По понятію сванета, красавица та, которая имѣетъ широкія плечи, маленькія ножки, полную грудь и тонкій станъ. Для сбереженія стройности стана, нѣкоторыя обшиваютъ дѣвушекъ, на десятомъ году отъ рожденія, сырою кожею отъ бедръ до груди. Въ такомъ положеніи дѣвушка остается до брачнаго ложа, и тогда женихъ разрѣзываетъ эту шнуровку кинжаломъ.

За жену сванетъ, по обычаю, долженъ заплатить 60 коровъ, — цѣна весьма большая и при значительномъ скотоводствѣ, а потому каждый предпочитаетъ взять ее силою, и часто за одну женщину, за право обладать ею, перерѣжутся предварительно множество претендентовъ. Тотъ-же недостатокъ прекраснаго пола вызвалъ и другой, не менѣе странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчинѣ, то онъ ищетъ случая привязать пулю къ ея головному убору и, высказавъ этимъ способомъ притязаніе на нее, убиваетъ мужа и беретъ понравившуюся женщину къ себѣ.

Послѣ сговора и уплаты калыма, невѣста переходитъ въ домъ жениха. Тамъ молодыхъ сажаютъ, священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты. Произнося сначала «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», а потомъ: «слава Отцу, и Сыну и Святому Духу», поздравляетъ молодыхъ — и свадьба окончена.

Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть только одну жену; но если-бы ему захотѣлось жениться на другой, то это весьма легко исполнить: стоитъ только прогнать первую жену. Въ случаѣ смерти мужа, жена переходитъ къ его брату, и если переживетъ его, то ко второму, третьему и т. д., въ томъ случаѣ, если они холосты; но если братья умершаго женаты, то она свободна и вольна выйдти замужъ за постороняго. Въ послѣднемъ она не можетъ встрѣтить затрудненія, потому что женщины въ Сванетіи очень рѣдки, и нѣтъ такой старухи-вдовы, которая бы, послѣ смерти мужа, тотчасъ-же не нашла себѣ другаго, и очень часто молодаго.

Жена находится въ полномъ распоряженіи мужа. Онъ ея повелитель и судья, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть женщины. Спрашивать сванета о здоровьѣ жены, значитъ обидѣть его, и самому сдѣлать неприличный поступокъ; одни родственники могутъ спросить мужа о здоровьѣ жены, да и то не при постороннихъ. Мужъ считаетъ за стыдъ сидѣть вмѣстѣ съ женою и, вообще, неохотно говоритъ съ нею.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ, она пользуется нѣкоторою свободою и отличается непринужденностью при обращеніи съ посторонними. Въ противность всѣмъ горскимъ женщинамъ, сванетки легко вступаютъ въ разговоръ, шутятъ, прислуживаютъ и кокетничаютъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ, составляютъ хороводы, поютъ, пляшутъ, нисколько не стѣсняясь и не дичась ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на существо нечистое.

Сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало—отъ гнуснаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ существовалъ между богатыми и бѣдными, между дворянамм и крестьянами, и былъ вызванъ убѣжденіемъ, что убійство дѣвушекъ вознаграждается рожденіемъ сына; а сванеты, по своему положенію, нуждались въ мужскихъ рукахъ и, какъ всѣ неразвитыя племена, давали предпочтеніе мальчику передъ дѣвочкою. Обычай этотъ былъ такъ распространенъ, что можно было встрѣтить семейство, въ которомъ родители убили до пяти новорожденныхъ дѣвочекъ.

При жизни отца и братьевъ, женщина не имѣетъ права на выдѣлъ какой бы то ни было части изъ имѣнія; убить женщину считается низкимъ, а прекрасный полъ пользуется этимъ и принимаетъ участіе во всѣхъ ссорахъ и рѣзнѣ. Стоитъ только женщинѣ, безъ покрывала, съ рас-

пущенными волосами, броситься въ толпу враждующихъ, какъ кровопролитіе тотчасъ-же прекращается. Сванетъ, скрывшійся отъ преслѣдованія въ женскомъ отдѣленіи дома, или прикоснувшійся до женщины рукою, остается невредимымъ. Никакое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ болѣе убійство, не можетъ быть совершено въ присутствіи женщины. Ихъ посредничество принимается въ ссорѣ; но женщины не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ процессахъ. Церковь считается осквернённою, если женщина войдетъ въ нее: она можетъ входить въ предѣлъ, но не дальше. Столь презрительный взглядъ на женщину до такой степени укоренился въ средѣ сванетовъ, что сами женщины убѣждены въ томъ, что образа не вынесутъ ихъ присутствія.

Когда молодая жена родитъ въ первый разъ ребенка, тогда отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало—исключительный нарядъ замужней женщины. Во время родовъ и послѣ ихъ, женщина, въ теченіи 40 дней считается нечистою и оставляется на произволъ; прикоснуться къ ней въ это время, пока священникъ не окропитъ ее водою, значить осквернить себя. Самое окропленіе производится издали, при помощи палки.

Родившійся ребенокъ считается до крещенія также нечистымъ. Крещеніе младенца производится весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ: въ однихъ обществахъ оно ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія; въ другихъ младенца погружаютъ въ воду и помазываютъ муромъ изъ орѣховаго масла. Обрядъ этотъ исполняетъ крестный отецъ. Есть и такія общества, у которыхъ крещеніе замѣняется тѣмъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули: одну за себя, другую за него.

Сванеты, особенно въ сѣверныхъ частяхъ владѣній, открыто пользуются правомъ сильнаго, для котораго жизнь человѣка не имѣетъ никакого значенія.

Убить человѣка за самую ничтожную вещь или плату, ничего не значитъ. Христіанская религія, принятая во второй разъ народомъ, пока еще не принесла плодовъ. Въ Вольной Сванетіи трудно найти человѣка, который бы не совершилъ нѣсколькихъ убійствъ. Оттого въ Сванетіи съ давнихъ временъ враждуютъ деревня противъ деревни, общество противъ общества. Сванетъ въ домѣ и внѣ дома боится встрѣтится съ кровоместникомъ. Какъ только садится солнце, онъ, боясь нападенія, загоняетъ свой скотъ и запираетъ ворота. Ночью онъ почти никогда или очень рѣдко выѣзжаетъ изъ дому.

Сванетъ строитъ крѣпкое жилье съ массивною оградою, съ единственною цѣлью дать своему семейству убѣжище во время нападеній. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ закладываетъ и забиваетъ нижнюю дверь, служащую для прохода скота, снимаетъ лѣстницеобразную доску отъ верхнихъ дверей, по которой обитатели входятъ и выходятъ, и все семейство, запасшись провіантомъ, запирается въ многоэтажной башнѣ. Изъ дому въ домъ открывается стрѣльба, часто продолжающаяся по нѣскольку недѣль; люди и животныя одинаково подвергаются выстрѣламъ.

Во время подобной засады, дозволяется только постороннимъ свободный входъ въ оба враждующіе дома для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою и для принятія мѣръ къ примиренію враждующихъ. Съ объявленіемъ мира, если случилось смертоубійство, то выборные опредѣляютъ цѣну крови, но это не мѣшаетъ получившему плату, отправить, при удобномъ случаѣ, на тотъ свѣтъ виновнаго въ смертоубійствѣ, а полученную плату бросить ему на дворъ. Эти раждебныя соотношенія довели сванетовъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, а когда воздѣлываетъ землю, то братъ или другой родственникъ оберегаетъ его со взведеннымъ куркомъ у ружья. За то ни одинъ сванетъ не разстается съ оружіемъ, и малѣйшая обида или ссора оканчивается выстрѣломъ.

Своеобразный характеръ сванетовъ выразился и въ похоронномъ обрядѣ. Каждый имѣетъ на кладбищѣ или въ церковной оградѣ свой участокъ; занимать чужой участокъ не допускается, а неимѣющіе его хоронятся внѣ ограды. Въ самой церкви и у стѣнъ ея похороны строго воспрещены; дѣти моложе трехъ лѣтъ зарываются въ домѣ или во дворѣ. На общемъ кладбищѣ не хоронятъ незаконнорожденныхъ, умершихъ неестественною смертію, и тѣла разлагающіяся вслѣдъ за кончиною. Въ дурную погоду не хоронятъ вовсе: покойникъ долженъ пролежать, пока не прояснится, и если дождь продолжителенъ, то вся деревня, помимо воли родныхъ, относитъ покойника и хоронятъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ.

Если въ первую недѣлю послѣ похоронъ пойдетъ дождь, то покойника вынимаютъ изъ могилы и относятъ дальше: если это все не поможетъ прекращенію дурной погоды, то трупъ бросаютъ просто въ яму и, не зарывая его землею, закладываютъ досками и наваливаютъ камни.

Умершаго обмываютъ, брѣютъ, надѣваютъ на него платье, обрѣзываютъ ногти и, давъ въ руки свѣчи, кладутъ въ деревянный гробъ, Вся деревня собирается на похороны; приходятъ даже и тѣ, которые были во враждѣ съ покойнымъ.

Открывается обрядъ оплакиванія: толпа раздѣляется на кучки, которыя однѣ за другими входятъ въ домъ, становятся передъ покойникомъ на колѣна и начинаютъ голосить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи существуетъ оригинальный обычай устраивать оплакиваніе при жизни мнимаго покойника. Приготовивши пиръ, хозяинъ сзываетъ гостей, укутывается какъ покойникъ и, ставъ въ углу, остается въ неподвижномъ состояніи. Родные подходятъ къ нему по очереди и, съ громкими воплями и рыданіями, выхваляютъ доблести воображаемаго покойника.

Послѣ оплакиванія слѣдуетъ выносъ: впереди ведутъ быка, корову или теленка, которые потомъ передаются священнику; затѣмъ слѣдуетъ мезаре съ колокольчикомъ, потомъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Присутствующіе подвигаются сзади медленно, въ извѣстномъ порядкѣ: мужчины, снявъ шапки, а женщины—лечаки. Плачъ пѣніе молитвъ, съ акомпаниментомъ балалайки, сливаются въ одинъ общій гулъ.

На кладбищѣ во время отпѣванія всѣ становятся на колѣни. Самое отпѣваніе состоитъ въ одномъ произнесеніи словъ: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу» и въ прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ, не принадлежащихъ, впрочемъ, исключительно этому случаю.

По окончаніи погребенія, всѣ отправляются въ домъ умершаго, гдѣ обѣдаютъ и напиваются. Родственники носятъ траурное черное платье; мужчины отращиваютъ бороды, на 6 или 7 мѣсяцевъ; дворяне носятъ трауръ два года, крестьяне менѣе. Мужчины не ѣдятъ мяса двѣ недѣли, а женщины иногда нѣсколько лѣтъ. Круглый годъ, за обѣдомъ и ужиномъ, оставляютъ на столѣ блюда для покойника, какъ бы ожидая его прихода, а каждую субботу относятъ на могилу хлѣбъ, аракъ и сыръ, дѣлающіеся достояніемъ священника, которому отдаютъ и все платье покойника послѣ общихъ поминокъ, дѣлаемыхъ въ концѣ года.

Если случится, что сванетъ умретъ вдали отъ родины, то родственники употребляютъ все стараніе, чтобы перенести его останки на свое кладбище. Если же онъ похороненъ, то довольствуются соблюденіемъ весьма оригинальнаго обычая, происхожденіе котораго основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ.

Однажды бывшій въ Кутаисѣ сванетъ заболѣлъ, былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать имъ тѣло покойника, но какъ оно было уже похоронено, то въ просьбѣ этой имъ было отказано. Тогда сваneты подошли къ кровати, на которой скончался ихъ одноземецъ; ставши передъ ней на колѣни, они шептали какія-то слова и оплакивали умершаго;

потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала его голова, вылили бутылку водки, выкопали небольшую яму, и посадили въ нее пѣтуха (для женщины сажаютъ курицу). Затѣмъ взяли съ могилы горсть выкопанной земли, завязали ее въ узелокъ, и, послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на чонгурѣ, напѣвая погребальную пѣсню и никому не отвѣчая на дѣлаемые имъ вопросы.

По ихъ понятію, этихъ обрядовъ совершенно достаточно, чтобы душа покойника переселилась въ пѣтуха. Они спѣшили отнести ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали надъ пѣтухомъ и землею оплакиваніе и поминки, какъ бы надъ самимъ покойникомъ.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Начиная отъ восточнаго берега Чернаго моря и почти до слія-нія р. Куры съ Алазанью, все пространство между главнымъ хребтомъ и сѣверными скатами хребтовъ Аджарскаго и малаго Кавказа занято племенемъ картвельскимъ, или грузинскимъ.

При вступленіи въ подданство Россіи, картвельское племя раздѣлялось на четыре самостоятельныя части: собственно Грузію, или Грузинское царство, Имеретію, Мингрелію и Гурію, управлявшіяся отдѣльными самостоятельными владѣльцами.

Грузинская народность сохранилась въ Имеретіи и Мингреліи гораздо лучше, чѣмъ въ самой Грузіи. Въ этихъ частяхъ почти все населеніе принадлежитъ исключительно къ одному картвельскому племени, тогда какъ въ Грузіи народонаселеніе въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Причиною тому историческая судьба Грузинскаго царства, подвергавшагося значительнымъ и частымъ раззореніямъ.

Такая пестрота населенія Грузіи была причиною того, что картвельская народность, въ территоріальномъ отношеніи, перемѣшалась съ другими народностями и, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи и Мингреліи, удержала, однако же, свою особенность въ нравахъ и обычаяхъ.

Мы сначала опишемъ собственно грузинъ, а потомъ мингрельцевъ, имеретинцевъ и гурійцевъ.

ГРУЗИНЫ

МИНГРЕЛЬЦЫ ИМЕРЕТИНЦЫ

Лазарь Гервичъ

XXXIV. ГРУЗИНЫ.

По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали они кажутся неправильною насыпью или грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи напротивъ того, всѣ строенія тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ, собственно, ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, нарушитъ ли онъ удобство другихъ, или займетъ дорогу. Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ, Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются въ глазахъ всѣхъ и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ.

Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, суть необходимыя пристройки къ дому.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится изъ плетня, съ двумя отдѣленіями: одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и заднія стѣнки приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый, колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ дарбази—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (дедабодзи), служащій опорою всему дому.

Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточиваются въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ барбази же разводится огонь или устраивается углубленіе, выложенное камнемъ, небольшой очагъ, служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ азарпеши, небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежитъ и что стоитъ. Другой сосудъ—кула, т. е. кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго дерева, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула—сосуды, изъ которыхъ, по преимуществу, пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ — это турій рогъ, часто

оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противуположной входу стѣнѣ сакли, устроена большая нишь, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе тахты (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною мутакою (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, и кидобани (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ; въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и, вмѣстѣ съ пламенемъ костра, составляетъ все освѣщеніе сакли.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ деревенскаго. Почти каждый домъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристраиваются различнаго вида и величины дома сосѣдей; здѣсь, также какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерея, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилье состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго, что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ залою. Полъ или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья, или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ.

Въ комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахты), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницею.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверзстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода, дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню, часто причиняющую угаръ.

Простая баранья шапка грузина, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на-бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи шнуркомъ съ кисточками и, по привычкѣ общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣвается чоха, которой рукоховъ мужикъ никогда не закидываетъ за плечи. Икры его всегда обтянуты кожаными онучами; въ нихъ запущены концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ.

Обыкновенно употребляются шкуровые лапти, а въ торжественныхъ случаяхъ сапоги изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. Поверхъ всего надѣвается мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди.

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и неохотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ, новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ. когда самъ женится, бываетъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. д.

Костюмъ женщинъ очень живописенъ, но мы его не описываемъ ибо на рисункѣ это видно нагляднѣе.

Грузинъ любитъ попировать, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣстъ очень мало, часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чехи закинуты за плечи. Передъ обѣдающими растянута супра (скатерть), преимущественнаго синяго цвѣта, съ разными фигурами, неотличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: эстрагонъ, крессъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или лаваши—тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ величинъ: поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ вилки, а ножъ у каждаго неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго, подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный бозбашъ—супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, и чихиртма—мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, употребляются грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала приготовляется нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизелемъ и прочими сластями и кислотами.

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь отъ материнскихъ сосцевъ переходятъ прямо къ лапкѣ бурдюка (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина несвойственнаго его возрасту; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу.

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщило

грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предаются увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на свадьбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ пляшутъ и также пьютъ женщины.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога. Продолжителенъ кутежъ веселой компаніи, и только хранѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье.

По походкѣ и одеждѣ идущаго можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ онъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашеные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры, иногда всѣ серебряныя, составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ, считаетъ невѣжливымъ поклониться первому: онъ ждетъ, пока не поклонится ему первымъ князь. Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Съ самаго ранняго утра грузинъ оставляетъ свою саклю и проводитъ почти весь день въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ туземцы переливаютъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ кавказскомъ городѣ есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Дѣятельность эта публичная и общественная; здѣсь ремесленникъ занимается своимъ дѣломъ при всемъ честномъ народѣ: вы съ улицы видите, какъ валяютъ тѣсто у булочника, какъ лошадь подковываютъ, какъ обтачиваютъ новый ножикъ, какъ починиваютъ старые сапоги, какъ брѣютъ намыленную голову цирюльника. Лавки и мастерскія совершенно открыты для взоровъ праздныхъ наблюдателей, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ, покуривая трубку и любуясь на кузнеца, загоняющаго гвозди въ конское копыто, на портнаго, починивающаго грязные шаровары, или, наконецъ, на булочника, окончившаго свою утреннюю работу и собирающагося отдохнуть. Сложивъ въ кучу нѣсколько лавашей, онъ преспокойно ложится на нихъ, какъ на подушкахъ, и скоро засыпаетъ. Отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, обильный потъ спящаго струится по лавашамъ; но праздный зритель, грузинъ, не стѣсняется этимъ: будитъ его, покупаетъ одинъ изъ лавашей и, безъ всякаго отвращенія, употребляетъ въ пищу. Словомъ, жизнь грузина уличная и вполнѣ азіятская. Туземцы весь свой день, отъ восхода и до заката солнца, проводятъ на улицѣ.

Днемъ остаются дома только однѣ женщины. Грузинка, славящаяся красотою, занимается своимъ туалетомъ и разношиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета.

Не смотря на рабское положеніе и отчужденность въ семействѣ, грузинскія женщины въ высшей степени безпечны и невозмутимо лѣнивы. Всѣ труды по хозяйству лежатъ здѣсь на попеченіи мужа, а жена, даже и бѣдная, думаетъ только о томъ, какъ бы нарядиться въ праздникъ. Но это равнодушіе къ труду туземной женщины происходитъ не изъ организаціи ея натуры, большею частію живой и дѣятельной, но изъ боязливой ревности мужчины выводить жену свою, черезъ участіе ея въ своихъ занятіяхъ внѣ дома, на позорище нѣсколькихъ чужихъ глазъ.

Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Онѣ готовы въ тихомолку покотничать, не весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ, напримѣръ, сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ, подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ все населеніе выходитъ изъ саклей и кучами распола-

АНАНУРЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

гается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ, въ лѣтнюю пору, видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудовъ, разряженныя дѣвушки, собравшись въ кружокъ при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ, жизнь немногимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ курси (родъ большаго ящика изъ рамъ покрываемаго одѣяломъ), подъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ очага, употребляютъ мангалъ, а у бѣдныхъ просто глиняную чашку, наполненную углями.. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ—онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли владѣтелямъ мангала, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники.

Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ, въ компаніи съ туземною музыкою, пройтись по базару, посмотрѣть на кулачный бой или самому въ немъ участвовать. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе употребляемая—прыганіе черезъ спину другаго.

Когда наступаетъ срокъ родить, мужъ посылаетъ дать знать о томъ родственникамъ и знакомымъ. Мало по малу со всѣхъ концевъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что, при родахъ нечистая сила, въ образѣ; змѣя, старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего *ами*, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ. дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Въ защиту отъ такого чудовища, подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса, окружаютъ освященною сѣтью.

Не смотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Чтобы облегчить страданія родильницы,— если бы таковыя случились,— бабка запасается на всякій случай, она опытная и бывалая, разными снадобьями.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей, вмѣстѣ со стономъ больной, наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница: умираетъ, а всетаки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!..

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери. Съ того момента, какъ раздастся крикъ

новорожденнаго, никто изъ вновь пришедшихъ навѣстить родильницу или новорожденнаго младенца не допускается къ нимъ ранѣе какъ по прошествіи часа со времени прихода.

Грузины вѣрятъ въ существованіе злаго вѣтра, который пристаетъ къ людямъ, отправляющимся ночью чрезъ рѣки, или вообще чрезъ воду. Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ, находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденныхъ. На этомъ основаніи пріѣзжіе никогда ранѣе часа не впускаются къ родильницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату.

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь.

Рожденіе сына, въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей, и выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи его на свѣтъ. Тотчасъ-же дается праздникъ дзеоба, т. е. рожденіе сына. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о пріятной новости, и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные и знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца отъ всякихъ покушеній *ами* принимаются мѣры.

Для этого учреждается ночная стража (гамисъ-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности отъ змія».

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто право не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій, по преимуществу, изъ платка и четокъ.

Наканунѣ свадьбы шаферъ собираетъ молодыхъ людей (макари) и, вмѣстѣ съ ними, ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить то-же самое. Баня для грузинъ—это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ банею, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безразличія, будетъ-ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося мушу, т. е. носильщика, и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители усѣвшись въ кружокъ и разостлавъ на полу коверъ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодъ. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ; въ баню собираются цѣлыми партіями собственно для того, чтобы покутить на славу, и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсенъ, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ баню и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче, и звучнѣе. Полунагія грузинки часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; тамъ же моется и женихъ наканунѣ свадьбы.

На время свадьбы женихъ принимаетъ названіе мепе (царь), а невѣста именуется дедопали (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадается на пути,— овца, корова, курица — все рѣжется въ честь мепе, который обязанъ платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ сазандара (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой свадьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему

къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или-же выражающее какое-либо качество.

Мальчикъ ростетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для обученія рукодѣлію и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылавшихся собирать хорошенькихъ дѣвицъ съ порученіемъ для гарема шаха.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ, или изъ духовныхъ лицъ, или-же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, появляться *сіа*—списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой сіа.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другаго родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, а отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Хороша-ли невѣста или дурна—женихъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *эртаджала*—обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное зятю. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина: онъ ждетъ кого-то.

Между тѣмъ одного изъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Посланный принимаетъ названіе махаробели—вѣщатель радости.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), говоритъ онъ.

А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему. Но она поступитъ въ распоряженіе мепе (женихъ) не иначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея наставницѣ.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха, и приглашаютъ его въ комнату невѣсты. Войдя туда съ открытою головою, онъ молча садится подлѣ невѣсты съ правой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ правую ея руку и, вручивъ ее жениху, произноситъ рѣчь.

Обрядъ вѣнчанія совершаетъ священникъ той церкви, къ приходу которой принадлежитъ невѣста *).

*) Городскія свадьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невѣсты, а ѣздитъ прямо въ цер-

Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но тотъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говоритъ, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тесть обвязываетъ крестъ шелковою матерією и дѣлаетъ подарокъ, пастырю церкви.

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или деньгами, или вещами, цѣнность которыхъ въ самомъ бѣдномъ семействѣ доходитъ отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, какой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Изъ дома невѣсты пирущіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чапракомъ лошади или на убранной и устланной коврами арбѣ. Сопровождающіе гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непремѣнно справа, иначе по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. Оба жениха спѣшиваются, садятся за импровизованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями.

Въ домѣ жениха, свекровь встрѣчаетъ молодую также сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази — главную комнату. Ее обводятъ вокругъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣна невѣсты сажаютъ мальчика — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи....

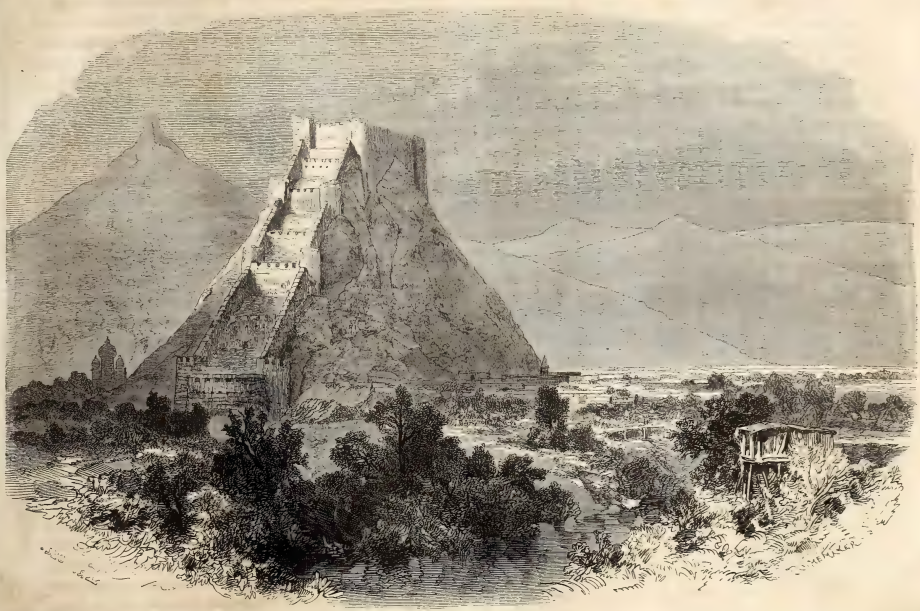
Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другаго дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать,—она требуетъ платы. Расплатившись съ нею, молодые входятъ въ спальню, въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованію, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ хмиль-гасацеми — подарка за разговоръ, и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если на другой день подадутъ полустаки — сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые условились жить мирно, въ согласіи и любви, и довольны другъ другомъ.

— Когда участники недовольны свадьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

ковъ, куда привозитъ невѣсту шаферъ. Въ день свадьбы въ домѣ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаются разговорами, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣдніе, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры (дайра—горшокъ, обтянутый кожею). По мѣрѣ прибытія гостей, онѣ садятся на тахту и принимаются за вареньи и разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку, съ акомпаниментомъ всеобщаго хлопанья въ ладоши—необходимымъ условіемъ этого танца.



ГОРІЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави*— подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебряную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

Празднованіе свадьбы окончено. Казалось-бы, молодымъ предстоитъ веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ свекрови.

Бездѣтная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ вмѣсто своей жены, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Бездѣтная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

Каждый изъ праздниковъ имѣетъ у грузинъ свою особенность, исключая праздникъ Рождества, который не отличается у грузинъ никакими особенностями. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго года самый доходный для торгующихъ сластями. Каждая хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу, и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупательницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома, поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство: такъ заведено изстари, и грузинъ слѣдуетъ этому обычаю безпрекословно, вѣря, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушится порядокъ, то и въ будущемъ году, въ соотвѣтствующій день, произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ табля, онъ укладываетъ хлѣбы счастія, ставитъ чашку меду и четыре горящія свѣчи нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнаты, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастіе.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

Въ день Крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Іордань съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (сахнисъ—саквети), охотникъ свои прадѣдовскія шашки и кинжалы. Все это погружается, вмѣстѣ съ крестомъ, въ воду. Молодые несутъ

сосуды для святой воды; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе съ кувшинами за водою ждутъ съ нетерпѣніемъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «Во Іорданѣ крещающуся», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ, или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или, доплывъ до половины, возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при этомъ направить своихъ лошадей такъ, чтобы онѣ грудью встрѣтили волны, только-что освященныя крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воды, бѣжитъ къ своему дому, стараясь не уступить никому первенства, быстро взбирается на крышу сакли, гдѣ, черезъ отверзтіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба. Подъ отверзтіемъ подносятъ закваску люди, нарочно для того остающіеся дома.

Грузины строго соблюдаютъ только первую половину поста; въ это время они говѣютъ и постятся; во вторую же половину мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

Празднованіе Пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Мужчины, въ день Вознесенія, занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за-городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы; медленно и спокойно течетъ рѣка Кура; кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ чадрахъ, въ разныхъ мѣстахъ покрываютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы; въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами*—длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней, во весь опоръ пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ въ слѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всѣ глаза смотрятъ назадъ и, на лету, ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ. Громы рукоплесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (Святая гора). На одномъ изъ ея уступовъ стоитъ монастырь св. Давида, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе разсказываетъ, что св. Давидъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцевъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. Тоже преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ былъ причиною ея беременности.

Св. Давида потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка?—Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя.

Несчастная внезапно почуствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила камень. Камень этотъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ квашетской церкви, получившей отъ него и свое

названіе. Въ возмездіе за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытіе на горѣ источника, вода котораго имѣла бы силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

По понятію грузинъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и преимущественно, старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби*, т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана или, какъ грузины называютъ, тартаръ, имѣющій необыкновенно большіе глаза и страшные зубы; изо рта у него выходитъ дымъ чадящій; глаза у него огненные. Каждая вѣдьма, представляясь тартару, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе собою жертву, и чѣмъ больше камешекъ, тѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ кудесничествъ.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья, извѣстнаго подъ именемъ квинтила. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ намазываютъ своимъ зельемъ первый, попавшійся имъ подъ руку, предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылетѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше всего онѣ любятъ путешествовать на кошкахъ, которыхъ хватаютъ у грузинъ.

Чтобы предохранить себя отъ посѣщенія вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесятилѣтняго старца до пятилѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и заклинаніи, состоящемъ въ повтореніи словъ: ари-урули-урули-урули кудіанеби (фраза непереводимая, но выражающая проклятья, обращенныя къ кудіанебамъ). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверзтія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, кудіанеби дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣетъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый чіакокона, и забираются въ тѣ дома, которыя не были ограждены вѣтками шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія аа гору Ялбузъ. Войдите въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательные: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватали непріязненные ѣздоки-кудіанеби.

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь Амиранъ, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный песъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, если бы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія.

XXXV. ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ.

Отличительныя черты народа.

Область Имеретіи имѣетъ три различныхъ климата. Возвышенныя мѣста, равнины и небольшія плоскости на горахъ, примыкающихъ къ главному Кавказскому хребту, имѣютъ климатъ умѣренный. Природа здѣсь величественна, но угрюма; съ горъ, поросшихъ высокими соснами, березами и чинарами, сбѣгаютъ шумные водопады; рожь, ячмень и овесъ составляютъ главныя произведенія земли; виноградъ попадается рѣдко и не вызрѣваетъ. Подымаясь еще выше къ главному хребту, встрѣтимъ вѣчную осень и зиму. Большая часть населенія живетъ въ долинахъ, между горами, подъ защитою лѣсовъ и пользуется пріятнѣйшимъ и теплымъ климатомъ. Здѣсь растетъ сарачинское пшено, шелковица, виноградъ и множество разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Третья полоса, составляющая собственно бассейнъ Ріона — жаркая, влажная и поражающая своею растительностію. Здѣсь двѣ весны. Трава, выженная солнцемъ во время лѣта, снова растетъ и покрывается цвѣтами осенью. Здѣсь туземецъ живетъ даромъ, не снискивая себѣ пропитанія въ потѣ лица.

Оттого въ нижней, подгорной Имеретіи, женщины не занимаются никакой земледѣльческой работой. Въ полѣ работаютъ мужчины, не смотря на свою лѣнь. Женщины же, послѣ жатвы, выходятъ на поля и подбираютъ оставшіеся на нивѣ колосья, которые и жертвуютъ или въ пользу церкви, или причта. Напротивъ того, въ верхней или горной Имеретіи, въ мѣстахъ гористыхъ и суровыхъ, гдѣ земля не такъ плодородна или недостаточна для продовольствія, по малому ея количеству, особенно въ Рачѣ, работаютъ все одни женщины, а мужья ихъ отправляются на заработки къ сосѣдямъ.

Природа большей части равнины Имеретіи очаровательна, а растительность и еще того больше. Многія мѣста утопаютъ въ зелени и цвѣтахъ, рѣдкихъ даже въ оранжереяхъ, а здѣсь имѣющихъ значеніе простаго хвороста, которымъ огораживаютъ сады, или плетутъ курятники.

Роскошная растительность видна повсюду; слышится запахъ азалей и миндаля; плющъ и боярышникъ выглядываютъ изъ-за зелени.

Съ наступленіемъ ночи, картина принимаетъ еще болѣе фантастически-очаровательный видъ, когда весь лѣсъ наполняется маленькими, порхающими вокругъ огоньками. Міріады летающихъ мушекъ съ фосфорическими, свѣтящимися желудками, какъ будто лампадки, наполняютъ весь воздухъ и лѣсъ.

Онѣ храбро усаживаются на гривы лошадей, на спину ямщика, залетаютъ въ экипажъ, и, рѣя повсюду и описывая свѣтящіяся голубоватыя линіи, даютъ путнику волшебный видъ на яву.

Жилища имеретинскихъ князей, большею частію каменныя, покрытыя тесомъ или дранью, со многими службами для помѣщенія прислуги, строятся въ два этажа. Имеретинскія деревни, монастыри и церкви раскинуты на горахъ и по холмамъ, между обширными и тучными полями. Имеретинъ, точно также, какъ мингрелецъ и гуріецъ, любитъ просторъ, хочетъ, чтобы подъ рукою, около его дома, была пашня, виноградники, шелковица и фрукты. Обширный дворъ

имеретина обсаженъ деревьями; поодаль отъ дома небольшая пристройка—абечели, амбаръ для проса, гоми, кукурузы и ячменя, а у помѣщиковъ, сверхъ того, кухни, конюшни, овчарни и проч. Отъ этого деревни тянутся на большое пространство, и часто одна деревня сливается съ другою. Вся Нижняя Имеретія составляетъ, можно сказать, одно громадное селеніе, гдѣ жители, окруженные со всѣхъ сторонъ садами, живутъ какъ на дачахъ.

Имеретинъ, даже и небогатый, не живетъ въ саклѣ съ плоскою крышею, но имѣетъ досчатый домъ, крытый тесомъ или соломою; крыша имѣетъ остроконечный видъ, и, спускаясь низко, образуетъ надъ стѣнами навѣсъ, подъ которымъ, обыкновенно вокругъ всего дома, устраивается балконъ.

Балконы бываютъ большею частію широки, украшаются рѣзьбою, столбами и составляютъ лучшую часть помѣщенія туземца, въ особенности когда бываютъ обвиты виноградными лозами. Балконъ—лучшая пріемная для гостей и любимое помѣщеніе для семейства. Тутъ постоянно можно видѣть и работающихъ женщинъ и играющихъ дѣтей, и разряженныхъ въ праздничные дни имеретинокъ.

Имеретинъ не сидитъ поджавши ноги, какъ грузинъ, но сидитъ на креслахъ и скамьяхъ, хотя первобытнаго и грубаго устройства.

Онъ не пьетъ вина азарпешею и кулою, а пьетъ его изъ глинянаго или оловяннаго бокала. Имеретины очень любятъ роскошь, но пользуются ею страннымъ образомъ. Женщины одѣваются въ богатѣйшія платья, а ходятъ босикомъ; полы устилаютъ отличными коврами, а стѣны кое-какъ побѣлены. Конечно, все это относится до людей средняго и бѣднаго класса населенія. Богатые имеретины живутъ несравненно лучше и чище своихъ бѣдныхъ собратій.

Имеретинки большею частію брюнетки и притомъ стройны, но не выдѣляются своею красотою передъ мужчинами, которые, если не превосходятъ ихъ, то и не уступаютъ имъ въ красотѣ. Мужчины преимущественно средняго роста; въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности. Почти всѣ мужчины носятъ или бороду, или усы, причемъ къ послѣднимъ они имѣютъ особое влеченіе. Туземецъ страшный защитникъ не только своихъ усовъ, но и каждаго отдѣльнаго ихъ волоса; нѣкоторые оставляли службу изъ-за того только, что приходилось сбрить усы. «Какой же совѣстливости ожидать отъ человѣка, говорятъ имеретины, у котораго нѣтъ ни бороды, ни усовъ».

Имеретины закручиваютъ и завертываютъ на ночь свои усы въ саулваши—особаго рода наусники.

Будучи добръ, ласковъ, обходителенъ, имеретинъ невѣжественъ и страстный охотникъ до процессовъ и тяжбъ всякаго рода. Среди населенія явились подъячіе, ябедники и законники, которыхъ всѣ боятся, которымъ низко кланяются и ищутъ всѣ знакомства и расположенія, какъ людей полезныхъ и до нѣкоторой степени необходимыхъ. Такіе люди пользуются извѣстностію, обираютъ добродушныхъ поселянъ и живутъ на ихъ счетъ припѣваючи. Это благосостояніе крючкотворцевъ заставило многихъ молодыхъ людей, даже и хорошихъ фамилій, добиваться должности писца, какъ почетнаго званія, при помощи котораго каждый разсчитываетъ на лишнюю копѣйку, на вѣрный источникъ дохода.

Разсчеты ихъ болѣе чѣмъ вѣрны, потому что ни одинъ поселянинъ не пройдетъ мимо присутственнаго мѣста безъ того, чтобы не завернуть туда, не взять какой-нибудь справки или не попросить написать просьбу.

Пріѣхавъ на базаръ и выручивъ хорошіе барыши отъ продажи своихъ продуктовъ, крестьянинъ не прокутитъ ихъ, не купитъ обновы, а зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. «На что тебѣ она скажетъ ему добрый человѣкъ, односелецъ».—«Какъ на что? отвѣтитъ онъ—это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, не-

дорогаго, абаза (20 коп.) за три съ листа?»—«Какъ не быть,—ихъ много. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу». — «А какъ недавно! мѣсяца три будетъ; тогда отказали, а теперь можетъ быть и не откажутъ».—«Почему-жъ не откажутъ?—А потому, что у насъ начальникъ новый. Авось не откажетъ; а откажетъ, такъ пойду жаловаться. Губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а тамъ подамъ просьбу въ сенатъ; а сенатъ откажетъ, тогда утопнусь или надѣну на шею сабли (крученая веревка, изображающая висѣльную петлю) и опять пойду къ намѣстнику».

Не смотря на столь большую охоту къ сутяжничеству, имеретины, въ сущности, весьма добродушны и честны.

Одѣваясь совершенно по грузински, имеретинъ носитъ на головѣ папанаки—небольшую плоскую шапочку. Папанаки—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, вершка въ два ширины и полтора длины. На головѣ онъ поддерживается тесьмою, пришитою по угламъ и задѣваемою за подбородокъ. Прикрывая только маковку головы, папанаки носится, однакоже, во всякое время года. На ногахъ туземецъ носитъ сапоги съ высокими каблуками, подбитыми подковами, и съ длинными носками, загнутыми вверхъ. Вся подошва его обуви, часто, сплошь, начиная отъ выемки, и неисключая носковъ, подбита мелкими гвоздями, что необходимо для спуска и подъема на горы.

Имеретинки носятъ лечаки и тавса-крави, вышитую серебромъ по темномалиновому бархату. Богатые носятъ кать-нбу, родъ кацавейки съ открытыми рукавами, темно-малиноваго бархату и опушенную куницею; изъ-подъ кать-нбы виднѣется архалукъ изъ розоваго канауса, обшитый вдоль въ два ряда серебрянымъ галуномъ, съ серебряными застежками сверху до низу и перетянутый широкою лентою, касающеюся двумя концами своими носковъ. Роскошныя косы красавицъ переплетаются и перевиваются иногда розовымъ шелкомъ.

Имеретинки отличныя наѣздницы; онѣ садятся на коня также скоро, какъ мужчины, ѣздятъ на мужскихъ сѣдлахъ, и въ состоянiи дѣлать верхомъ значительные переѣзды. За то женщина сочтетъ за безчестiе, если ей предложатъ сѣсть на катера. Причина та, что въ прежнее время безнравственныхъ женщинъ сажали на катера или на осла, и возили публично по селенiю, подвергая тѣмъ тяжкому наказанiю.

Сосѣдняя съ Имеретiею — Мингрелiя, по характеру мѣстности, раздѣляется: на горную и низменную.

Климатъ верхней Мингрелiи пріятенъ, повсюду здоровъ, и почва плодородна; Нижняя же Мингрелiя, болѣе поросшая лѣсомъ, изобилуетъ болотами и топями никогда невысыхающими, и потому климатъ ея нездоровъ и тяжелъ, даже для самихъ туземцевъ: горячка, цынга и лихорадки существуютъ въ этихъ мѣстахъ почти постоянно.

Природа такъ обильно расточаетъ свои блага, что мингрельцу предстоитъ только одинъ трудъ: собирать въ свою житницу то, что дастъ ему почва, безъ всякаго труда и заботъ съ его стороны.

Если взглянуть на Мингрелiю съ высоты птичьяго полета, то она представится сплошнымъ густымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадаются пространства, покрытыя кустарникомъ и папоротникомъ. Но болѣе пристальный взглядъ обнаружитъ, что большая часть пространства, кажущагося лѣсомъ, покрыта виноградными и фруктовыми садами, скрывающими въ себѣ жилища туземцевъ, разбросанныя на значительномъ между собою разстоянiи, такъ что одна какая-нибудь деревушка тянется на нѣсколько верстъ. Каждый имѣетъ близъ и вокругъ своей сакли виноградникъ, пашни и пастбища. Селенiя представляютъ почти неразрывную связь между собою.

Смастеривъ себѣ кое-какъ и наскоро хижину, подъ тѣнью гигантскаго орѣшника, туземецъ ожидаетъ только, когда созрѣютъ его плоды, и собираетъ ихъ часто такое количество, что на вырученныя

отъ продажи деньги можетъ легко просуществовать цѣлый годъ. Этотъ же орѣшникъ или чинаръ защищаетъ его жилище отъ вѣтра. и дождя, а подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство туземца.

Растительность вообще такъ богата, что можно подъѣхать къ деревнѣ, въ которой считается до 200 домовъ, и видѣть передъ собою только одинъ домъ. Такое богатство природы способствуетъ сохраненію жителями первобытнаго состоянія младенчествующихъ племенъ. Лѣнь, развитая до высшей степени, сдѣлала мингрельца способнымъ только вспахать себѣ поле, да сшить одежду; но многіе изъ нихъ ходятъ босыми зимою и лѣтомъ. Часто въ Редутъ-Кале приходятъ мингрельцы, принося на продажу куръ, зелень, орѣхи, каштаны и т. п,, зимою при 3° и 5° мороза. Отправляясь на рынокъ босикомъ, мингрелецъ несетъ подъ мышкою клочекъ сѣна; останавливаясь на мѣстѣ для продажи своего товара, онъ бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобы нога не примерзла къ камнямъ, другую поднимаетъ, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажу; тогда, подобравъ сѣно, онъ идетъ дальше.

На небольшомъ пространствѣ Мингреліи, можно встрѣтить и море, и горы значительной высоты, и долины зеленѣющія безконечными виноградниками, и гряды скалъ увѣнчанныя замками и храмами. Тутъ есть и нѣжные плоды роскошнаго юга, и дары суроваго сѣвера. Вся Мингрелія представляетъ собою непрерывный садъ, въ которомъ около каждаго дерева вьется виноградная лоза съ тяжелыми гроздьями. Перекидываясь часто съ дерева на дерево, виноградныя лозы образуютъ естественныя качели, на которыхъ женщины, сидя, качаются.

Мингрельцу построить домъ ничего не стоитъ. Необходимо только выкопать въ землѣ яму, глубиною аршина въ два, а шириною какую вздумается, и обложить стѣны ея камнемъ; въ одной стѣнѣ, обращенной къ скату, сдѣлать входъ, и тогда вода не потечетъ внутрь дома; все выкопанное пространство раздѣлить на двѣ половины: на одной—супруга и семейство, на другой—лошадь и рогатый скотъ; обѣ половины покрыть землею,—и хата готова.

Обрубокъ дерева и доска, вмѣсто стола, служатъ мингрельцу мебелью; двѣ, три чашки изъ чинароваго дерева и глиняные кувшины составляютъ всю его посуду.

Вся усадьба мингрельца состоитъ изъ сакли или шалаша и двухъ-трехъ амбарчиковъ, также плетеныхъ, огороженныхъ заборомъ изъ колючки, представляющей непроницаемую защиту отъ звѣря и человѣка.

Подлѣ дома устраивается иногда скотный дворъ,—это просто большой огороженный лугъ, наполненный домашними животными.

Такъ туземецъ жилъ изстари, такъ онъ живетъ и теперь. Въ холодную пору на очагѣ среди комнаты, на земляномъ полу, горитъ постоянный огонь. Топливомъ запасаются безъ всякаго разбора, такъ что жители очень часто срубаютъ на дрова фруктовыя деревья, строевой лѣсъ и все, что только не составляетъ въ ихъ глазахъ особой необходимости для другихъ хозяйственныхъ потребностей.

Мингрельцы имѣютъ черты лица нѣжныя и болѣе женственныя; мужской красоты въ нихъ нѣтъ, за то типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящнѣйшихъ въ свѣтѣ; даже женщины изъ крестьянскаго сословія и тѣ поражаютъ своею красотою. Въ Мингреліи нѣтъ особаго типа; здѣсь одинаково попадаются и брюнетки, и блондинки. Правда онѣ не такъ красивы, какъ сосѣдки ихъ, гурійки, но стройный ростъ, умныя, выразительныя лица, миловидныя головки, длинные и шелковистые волосы, вьющіеся по плечамъ, и правильныя роскошныя формы тѣла—приковываютъ вниманіе. Движенія ихъ смѣлы, граціозны, страстны и выказываютъ вполнѣ окружающую ихъ природу.

Мингрелецъ, мужчина, чрезвычайно способенъ, воспріимчивъ, упрямъ и мстителенъ, но въ обращеніи скроменъ и вкрадчивъ; на мингрельца слишкомъ трудно положиться и повѣрить ему на слово,

тогда какъ гургецъ, напротивъ того, гордится выполненіемъ даннаго обѣщанія. Воровство, сильно развитое въ Мингреліи,—главный порокъ, глубоко проникнувшій въ среду народа и составляющій исключительную особенность мингрельцевъ.

Воровство преимущественно распространяется на скотъ, и въ особенности, на лошадей, и въ этомъ отношеніи мингрельцы ловки до чрезвычайности: они не могутъ равнодушно смотрѣть на чужаго коня, особенно когда тотъ гуляетъ на свободѣ. Туземный конокрадъ употребляетъ множество ухищреній для укрытія похищенной лошади. Конокрадствомъ занимались почти всѣ сословія, не исключая духовенства. Занятіе это доведено здѣсь до степени художества.

Богатые мингрельцы носятъ темносинюю чуху, всю отороченную и изукрашенную золотыми галунами. Чуха надѣвается сверхъ блѣдно-голубаго шелковаго архалука; на голову надѣваютъ также папанаку, обшитую золотомъ. Мингрельскія и гурійскія женщины катьибъ не носятъ, а вмѣсто лечака въ Мингреліи употребляютъ тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Женщины простаго званія ходятъ въ ситцевыхъ и холщевыхъ платьяхъ грузинскаго покроя, а на головѣ носятъ большой платокъ, закрывающій все лицо, кромѣ глазъ и носа.

МИНГРЕЛЬСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ.

Небольшое пространство Гурія, лежащее на берегу Чернаго моря и составляющее Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи, имѣя весьма много общаго съ сосѣдними ей Мингреліею и Имеретіею, отличается вредностью своего климата. Вся страна покрыта густыми лѣсами, во многихъ мѣстахъ непроходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности: трава и деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Пахатное поле въ нѣсколько лѣтъ зарастаетъ такъ густо, что обращается въ лѣсъ. Кукуруза своимъ ростомъ закрываетъ всадника, и самые нѣжные плоды и растенія встрѣчаются въ лѣсу въ естественномъ видѣ; шелковичныхъ деревьевъ цѣлыя лѣса.

За то климатъ повсюду сырой и почва болотистая, такъ что почти въ каждой деревнѣ встрѣчаются люди въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы такъ велика, что если въ саклѣ начнутъ разводить на землѣ огонь, то онъ часто тухнетъ отъ притока къ нему грунтовой воды, и потому, чтобы предупредить это, туземцы въ землю подъ очагомъ врываютъ глиняный горшокъ, стѣны котораго не

БЕРЕГЪ РІОНА.

пропускаютъ влажность. Домъ гурійца деревянный, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ въ потолкѣ, замѣняющимъ и трубу, и окно; посреди комнаты разложенъ очагъ, который и грѣетъ, и кормитъ гурійца. Дымъ выходитъ частію въ потолочное отверзстіе, частію въ двери. У высшаго класса строятся дома европейской архитектуры.

Типъ гурійцевъ значительно отличается отъ типа имеретинъ и мингрельцевъ. Причиною такого измѣненія одного и того же грузинскаго племени было вліяніе природы и сосѣдство турецкихъ племенъ, съ которыми гурійцы роднились и были въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ продажу невольниковъ. Такихъ похожихъ на испуганныхъ птичекъ, граціозныхъ, ребятишекъ, такую мужественную красоту мужчинъ, и такой изящный тонкій профиль женщинъ, трудно найти и на Кавказѣ. Своею манерою и граціею гурійки очень похожи на южныхъ италіянокъ. Господствующая черта характера гурійца—необыкновенная подвижность, страстность, живость, любопытство и увлеченіе.

Гурійцы чрезвычайно привѣтливы и горды. Будучи разсудительны и хитры, они вѣрны данному слову. Гдѣ дѣло касается народной гордости, семейства или личности, тамъ гуріецъ крайне вспыльчивъ и раздражителенъ. Поступокъ или слово, на которое другой не обратилъ бы вниманія, вызываетъ часто у гурійца неудовольствіе и кончается нерѣдко кровавою развязкою. Гуріецъ набоженъ до фанатизма, исполняетъ самымъ строгимъ образомъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ такіе обряды, которые кажутся странными для христіанина. Считая непростительнымъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ, въ ту же среду или пятницу, продать туркамъ чужихъ и даже своихъ собственныхъ дѣтей, или убить человѣка. Молясь усердно въ церкви, онъ условливается съ товарищами на разбой и грабежъ.

Всѣ гурійцы храбры, хорошіе стрѣлки и отличные пѣшеходы въ отношеніи дальности и скорости переходовъ. Гурійцу не составляетъ никакого труда пройти, напримѣръ, въ полтора сутокъ изъ Озургетъ до Кутаиса, что составляетъ разстояніе около 190 верстъ по прямому пути.

Гуріецъ корыстолюбивъ, но не для наживы, а для исполненія своихъ прихотей; простой крестьянинъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы только доставить себѣ предметъ роскоши.

Гурійская женщина такъ хороша собой, и походка, ея такъ граціозна что достаточно взглянуть вечеромъ при закатѣ солнца на дѣвушку, идущую съ кувшиномъ воды на головѣ, чтобы помириться и съ ея синимъ ветхимъ платьемъ, и съ ея красными, также не первой молодости, шальварами. Красота женщинъ была побудительною причиною къ плѣно-продавству, которое существовало даже въ 1850 годахъ, не смотря на всю бдительность нашей кордонной стражи.

Гурійскія женщины скромны, ласковы, привѣтливы и замѣчательной красоты, впрочемъ много теряющей отъ чрезмѣрнаго употребленія бѣлилъ, румянъ и сурьмы. Онѣ любятъ наряды преимущественно яркихъ цвѣтовъ и самыхъ дорогихъ тканей, но обращаютъ болѣе вниманія на внѣшнюю роскошь и наружныя украшенія. Бѣлье не считается важною частію одежды и пренебрегается гурійками, лишь бы только верхнее платье отличалось пышностію и великолѣпіемъ.

Гурійская женщина пользуется большею свободою, чѣмъ въ Грузіи; мужчины, въ разговорахъ съ женщинами, весьма вольны, не стѣсняются въ выраженіяхъ даже съ матерью и сестрами и допускаютъ рѣчи, предосудительныя по мнѣнію европейцевъ. Мужчины, а въ особенности юноши, имѣютъ свободный доступъ въ семейство, доступъ тѣмъ болѣе легкій, чѣмъ менѣе ревнивъ глава семейства. Въ отсутствіи мужа, жена принимаетъ только женщинъ, но въ присутствіи мужа посѣщенія бываютъ безпрерывны.

Гуріецъ одѣвается въ куртку съ патронами и серебряными галу-

нами; изъ-подъ куртки видна часть элеги (жилета), сверхъ котораго надѣваетъ еще зубани (тоже родъ жилета). Онъ носитъ узкіе донельзя шаровары, обшитые серебряными галунами; ноги въ ноговицахъ и коротенькихъ кожаныхъ сапожкахъ съ проплетенными подошвами. Широкій шелковый турецкій платокъ охватываетъ его талію; на головѣ—башлыкъ.

Военные доспѣхи гурійца и боевыя принадлежности никогда не разлучаются съ нимъ. Сверхъ кушака, на ременномъ широкомъ поясѣ, служащемъ и хранилищемъ денегъ, виситъ дчурмушъ-оглы, гдѣ лежатъ: кресало, трутъ, пули и форма для ихъ отливки; матара, кожаный складной сосудъ для питья; пороховница изъ верблюжьей кожи съ красивою рѣзьбою; ножикъ, мѣдная сальница, кожаная солонка; навощенный холстъ—липа, чтобы въ темную ночь освѣтить дорогу; веревка для связыванія плѣнныхъ; шомполъ со вдѣланными въ него маленькими щипцами для огня, и длинный кисетъ со вложеною въ него маленькою трубочкою. Если ко всему этому прибавить, что у него за кушакомъ заткнуты кинжалъ, карабинъ и пистолетъ, сверхъ которыхъ привязанъ патронташъ, да въ рукахъ онъ держитъ винтовку—тогда будетъ полная картина гурійца.

Таковы отличительныя черты каждой изъ трехъ народностей; въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на свойства имъ всѣмъ общія.

Обычаи, праздники и суевѣрія.

Со временъ глубокой древности, жители Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, точно также какъ и Грузіи, сохранили уваженіе къ правамъ гостепріимства и заботятся о путникѣ. Лишь только путникъ подъѣзжаетъ къ дому, какъ хозяинъ спѣшитъ его встрѣтить, и если это случится ночью, то выходитъ къ гостю съ факеломъ въ рукѣ, торопясь снять съ него башлыкъ и бурку.

Едва пріѣзжій сойдетъ съ лошади, какъ слуги указываютъ ему саклю, въ которой онъ располагается, какъ дома. Спустя нѣсколько минутъ, является сынъ или ближайшій родственникъ хозяина, и предлагаетъ гостю свои услуги, чтобы омыть ему ноги. Тотъ, конечно, отказывается; тогда вносятъ скамейку или супру, съ трапезой и входитъ самъ хозяинъ, привѣтствуя гостя.

Туземцы любятъ покушать и сытно, и жирно. На супрѣ, означающей въ буквальномъ переводѣ скатерть и замѣняемой описанною выше длинною и легкою скамейкою, кладется нѣсколько хлѣбовъ и ставятся самыя разнообразныя кушанья. Между ними занимаетъ первое мѣсто гомія—кушанье, похожее на нашу пшенную кашу. Гомія приготовляется безъ соли, подается горячей и составляетъ легкую и пріятную приправу къ соленымъ кушаньямъ, какъ-то сыру и рыбѣ.

Приготовленныя въ изобиліи и самаго разнообразнаго вида кушанья изъ каплуновъ и цыплятъ, которыми особенно славится Мингрелія по всему южному Кавказу, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ при угощеніи. Пироги съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобіо—родъ крупной чечевицы съ перцомъ, чуреки изъ кукурузы,—все это приносится и подается за столомъ. О винѣ и говорить нечего:—въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи въ немъ нѣтъ недостатка; разныхъ сортовъ и изъ разныхъ садовъ, оно льется рѣкою въ стаканы, бокалы, азарпеши и турьи рога, которые быстро осушаются до дна. Къ концу обѣда въ Гуріи подается самое лакомое блюдо, молочная каша съ корицею и сахаромъ. Разнаго рода фрукты: виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы и гранаты, тутъ же сорванные съ дерева, подаются въ видѣ десерта, для лакомства съ избыткомъ насыщенныхъ желудковъ.

Кости, оглоданныя зубами болѣе почетныхъ гостей, и остатки отъ цыплятъ не пропадаютъ: ихъ передаютъ съ главнаго стола низшему классу гастрономовъ, выжидающихъ съ жаднымъ вниманіемъ чтобы кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего швырнулъ имъ ногу отъ

цыпленка или кусокъ какого нибудь кушанья. Принимая этотъ подарокъ, какъ знакъ высокой снисходительности и вниманія, получающій встаетъ, низко раскланивается и снимаетъ шапку.

Встрѣчая и отправляя большую часть праздниковъ совершенно сходно съ грузинами, жители Имеретіи, Мингреліи и Гуріи придали нѣкоторымъ изъ нихъ своеобразный характеръ, и, кромѣ того, установили у себя нѣкоторые собственно имъ принадлежащіе такъ сказать, мѣстные праздники. Такъ новый годъ — время полнаго разгула въ Гуріи. Гурійцы часто выносятъ на продажу самыя необходимыя вещи для того только, чтобы на вырученныя деньги гулять весь день новаго года, и тотъ, кто по бѣдности не въ состояніи отпраздновать надлежащимъ образомъ, считать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Наканунѣ новаго года въ семействѣ, гдѣ только есть свинья, убиваютъ ее и приготовляютъ кушанье.

Съ вечера наканунѣ новаго года населеніе деревень, кромѣ женъ и дѣтей, выселяется на площадь, гдѣ и проводитъ всю ночь въ играхъ, пѣсняхъ, стрѣльбѣ изъ ружей, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія утра, когда начинается особая церемонія взаимныхъ поздравленій.

Въ первый день великаго поста, женщины Гуріи приготовляютъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ, величиною въ глазъ, кладутъ ихъ на тарелку окруженную зажженными восковыми свѣчами, молятся Богу и просятъ, чтобы оспа не повредила тому, кого посѣтитъ. Шарики бросаются потомъ въ воду. Тѣ, у кого не было еще оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не шьютъ, потому что, по народному повѣрью, сколько зубьевъ въ гребнѣ, сколько кто увидитъ буквъ въ книгѣ, или сколько кто сдѣлаетъ швовъ, столько будетъ у того рябинъ и пятенъ на тѣлѣ.

На Ѳоминой недѣлѣ имеретины занимаются игрою въ мячъ. Мячикъ, употребляемый для игры, приготовляется величиною въ арбузъ, обшивается галунами и представляетъ не только простую или невинную забаву, но и составляетъ предметъ народнаго уваженія и даже суевѣрія. На второй день Ѳомина воскресенья народъ дѣлится на двѣ части. Раздается звукъ буки (трубы), и священникъ въ облаченіи выноситъ мячъ на серебряномъ блюдѣ. Мячъ бросается въ средину однимъ изъ старшихъ почетныхъ въ родѣ лицъ, обѣ стороны бросаются къ мячу, спорятъ между собою, стараются завладѣть имъ и донести до назначеннаго мѣста; честь и слава той сторонѣ, которой, достанется мячъ: она будетъ имѣть круглый годъ изобиліе и удачу во всемъ. Конечно, каждый желаетъ такого счастія, а потому споръ и свалка бываютъ жестокіе. Мячъ перебрасывается товарищами изъ рукъ въ руки: то скрывается въ толпѣ, то вновь появляется при всеобщемъ крикѣ и шумѣ. Часто, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусковъ и раздается домохозяевамъ. Получившій кусочикъ мячика увѣренъ, что храненіе такого кусочка доставитъ дому изобиліе урожай и прочее. Разсказываютъ, что имеретинскіе цари выдумали эту забаву для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ.

Уваженіе къ старшимъ сохранилось въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи во всей первобытной силѣ. Взрослый сынъ не сядетъ безъ особаго разрѣшенія передъ отцомъ; точно также молодой человѣкъ, находясь въ обществѣ со старикомъ или человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, не сядетъ, пока не получитъ приглашенія. Дѣти хотя и обѣдаютъ съ своими родителями, но точно будто гости, участвующіе въ трапезѣ по особому приглашенію; ни одно громкое или нескромное слово не можетъ быть произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или старшихъ.

Старшій братъ, въ особенности если онъ послѣ смерти отца заступаетъ мѣсто главы семейства, пользуется уваженіемъ не только братьевъ и сестеръ, но и матери, которая, покоряясь его волѣ и распоряженіямъ, сохраняетъ только за собою право на услуги и почтеніе старшаго ея сына. Въ Гуріи эта особенность доведена до такой тонкости, что младшіе члены семейства считаютъ своею обя-

занностію не только повиноваться отцу или брату, но даже прислуживать имъ на равнѣ сослугами.

Семейное начало, основанное на уваженіи старшихъ, перешло и въ общество, отразившись на отношеніяхъ владѣтеля къ его подданнымъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ.

Въ Мингреліи относительно привѣтствія существуетъ совершенно особый обычай. Тамъ, при встрѣчѣ князя или дворянина съ крестьяниномъ, послѣдній до тѣхъ поръ не поклонится, пока князь или дворянинъ не скажетъ ему: здравствуй!

При встрѣчѣ же двухъ равныхъ лицъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя хотятъ оказать другъ другу взаимную вѣжливость и учтивость, существуетъ опять новый этикетъ: каждый старается уступить другому честь перваго поклона. Встрѣтившіеся, просятъ другъ друга, настаиваютъ, взаимно умоляютъ кланяться первымъ, но учтивость и благопристойность требуютъ, чтобы каждый не менѣе упорно отказывался отъ подобной чести. Послѣ жаркихъ споровъ, продолжающихся обыкновенно нѣсколько минутъ, спорящіе одновременно кланяются другъ другу и разъѣзжаются или расходятся спокойно.

Часто случается, что встрѣтившіеся поспорятъ—поспорятъ между собою, да такъ и разойдутся не поклонившись, показывая этимъ что въ высшей степени воспитаны и обладаютъ равною вѣжливостью.

Въ религіозныхъ понятіяхъ всѣхъ трехъ народностей много наивнаго и дѣтскаго. Имеретины, напримѣръ, не считаютъ грѣхомъ принять ложную присягу, если она производится не по ихъ древнему обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ; такую присягу они называютъ русскою присягою. Явный воръ, неоднократно изобличенный въ своемъ дурномъ поведеніи и пойманный съ поличнымъ, принимаетъ ложную присягу безъ всякаго страха и угрызеній совѣсти, потому что предварительно онъ успѣлъ забѣжать въ домъ и, вынувъ изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ.

У имеретинъ есть обычай: въ случаѣ спора за право владѣнія какимъ либо участкомъ земли, одна изъ тяжущихся сторонъ беретъ въ руки образъ и обходитъ съ нимъ спорный участокъ; этимъ способомъ доказывается принадлежность его обходящимъ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ полосы, о которыхъ никогда не было дѣла и которыя составляли неотъемлемую собственность постороняго лица. Поэтому начался споръ, драка, и что же обнаружилось? что господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей пашни, думали что велѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не согрѣшатъ передъ Богомъ, присягая что идутъ по своей собственной землѣ.

Такія странности проявляются весьма часто и указываютъ на какія-то оригинальныя и дѣтскія понятія народа, считающаго себя весьма религіознымъ. Что туземцы преданы вѣрѣ и тверды въ ней— это не подлежитъ сомнѣнію.

Постъ соблюдается весьма строго и ни одинъ изъ дней поста не нарушается скоромною пищею; церкви посѣщаются народомъ весьма часто, но все это дѣлается по привычкѣ и безъ всякаго сознанія.

Употребляя различнаго рода хитрость для принятія ложной присяги, туземецъ сохраняетъ спокойствіе духа до первой болѣзни и въ особенности, если она случится вскорѣ послѣ ложной клятвы. Тогда, приписывая свою болѣзнь наказанію, ниспосланному тѣмъ образомъ передъ которымъ онъ ложно присягнулъ, больной призываетъ къ себѣ священника и признается ему во всемъ, а пріобрѣтенную несправедливою присягою вещь возвращаетъ своему противнику.

Отсутствіе яснаго пониманія началъ религіи породило глубочайшее суевѣріе и толки всякаго рода самые нелѣпые.

Никто не сомнѣвается въ существованіи колдуновъ и вѣдьмъ и

въ способности ихъ портить людей, нагонять падежъ скота и прочія невзгоды.

Туземцы больше всего боятся порчи отъ глаза, во избѣжаніе чего носятъ амулеты, а новорожденнаго долгое время не показываютъ никому изъ постороннихъ.

Суевѣріе, вкоренившееся въ народѣ, перешло и въ обычай, которымъ, напримѣръ, въ Гуріи сопровождается рожденіе ребенка.

Родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, накидываютъ сѣна и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка такъ, чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Родится сынъ—радуются, веселятся и стрѣляютъ, а родится дочь—ничего не бываетъ. Кто первый скажетъ отцу: «у тебя родился сынъ», тому дѣлаютъ подарокъ.

По окончаніи стрѣльбы, родильницу переводятъ въ другую убранную комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее нечистый духъ, и завѣшиваютъ парчевымъ занавѣсомъ. Подъ подушки кладутъ раковины. До благополучнаго разрѣшенія до бремени, родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго разсвѣта. Едва разнесется вѣсть о рожденіи дитяти, какъ всѣ знакомые спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ разныхъ животныхъ и костюмы. Собравшіеся пьютъ, веселятся и тѣшатся.

ИМЕРЕТИНКА.

Въ Мингреліи и Гуріи существуетъ также обычай усыновленія взрослыхъ лицъ. Человѣкъ, питающій особое уваженіе къ какой либо женщинѣ, можетъ просить ее, чтобы она усыновила его. Въ Гуріи, какъ усыновляющая, такъ и усыновляемый, передъ совершеніемъ обряда нѣсколько дней постятся и затѣмъ усыновляемый сосетъ грудь у нареченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Въ Мингреліи предварительный постъ не составляетъ необходимости. Здѣсь усыновляющая и усыновляемый призываютъ священника и нѣсколькихъ свидѣтелей. Усыновляемый становится на колѣна, усыновляющая раскрываетъ грудь, а священникъ читаетъ надъ ними приличную этому случаю молитву. Затѣмъ усыновляемый беретъ въ ротъ сосокъ нареченной матери, которая одну ногу ставитъ ему на спину, какъ бы для большаго скрѣпленія родства. Это родство высоко уважается мингрельцами и гурійцами, и никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ этого ни между лицами совершившими этотъ обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. По окончаніи обряда, пируютъ празднуя свое новое родство.

Впрочемъ, въ настоящее время, обычай этотъ ослабѣваетъ и замѣняется родствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ молочнаго. У туземцевъ еще и до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе другимъ, безъ различія сословія, гдѣ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подаркомъ къ родителямъ, которые вознаграждаютъ ихъ подарками вдвое и втрое большими.

Молочное родство считается священнѣйшимъ и воспитатели предпочитаютъ воспитанника своимъ дѣтямъ; нигдѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ въ Гуріи.

Говоря объ обычаяхъ, нельзя пройти молчаніемъ особенно характеристическаго, оплакиванія умершаго и обряда погребенія, одинаково соблюдаемыхъ всѣмъ картвельскимъ или грузинскимъ племенемъ. Конечно соблюдаемые при этомъ обычаи нельзя назвать тождественными въ подробностяхъ, но нижеслѣдующій разсказъ представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ особенностей, какія замѣчаются какъ у грузинъ и гурійцевъ, такъ у имеретинъ и мингрельцевъ — это, такъ сказать, общая картина похоронъ.

Со смертію одного изъ членовъ семейства, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, дѣлаются приготовленія къ публичному оплакиванію. Присутствующіе ближайшіе родственники, родители, братья, разсылаютъ во всѣ концы письма къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго съ извѣщеніемъ о постигшемъ ихъ несчастіи и съ приглашеніемъ на оплакиваніе, продолжающееся иногда нѣсколько дней и даже цѣлую недѣлю, смотря по достоинству и званію умершаго, по числу оплакивающихъ лицъ, близости или дальности ихъ мѣстожительства.

Пока не соберутся родственники или же не получится извѣстіе, что такіе-то не могутъ пріѣхать, покойникъ, не смотря на жаръ, остается въ домѣ непохороненымъ иногда очень долго и въ особенности это чаще всего случается въ Гуріи. Кромѣ родныхъ и друзей, созываются также и сосѣди, которые, кромѣ оплакиванія, исполняютъ при этой церемоніи нѣкоторыя, собственно для этого случая, установленныя должности.

Обойдя съ горестными восклицаніями всѣ комнаты дома и вещи покойнаго, посѣтитель идетъ къ себѣ домой или возвращается во вторую комнату, гдѣ собрались родственники, но возвращается непремѣнно другимъ путемъ, отнюдь не входя въ тѣ комнаты, въ которыхъ уже былъ. Родственники также могутъ уходить домой, но обязаны каждый день, утромъ и вечеромъ, приходить и поплакать вмѣстѣ съ ближайшимъ родственникомъ покойнаго, съ тѣми же почти причитаніями, какъ и въ первый разъ.

Изъявленіе сожалѣнія зависитъ отъ краснорѣчія плакальщика, которому присутствующіе отвѣчаютъ также пронзительнымъ воемъ. Отъ этого въ комнатѣ, но мѣрѣ накопленія посѣтителей, раздается раздирающій душу плачъ, невольно заставляющій разчувствоваться и самаго безчувственнаго человѣка. По окончаніи плача, всѣ выходятъ изъ комнатъ и прихлопываютъ три раза дверями. Не успѣла одна толпа родственниковъ окончить свое оплакиваніе, какъ на горѣ появляется другая толпа, еще большая, оглашающая своимъ крикомъ и рыданіемъ всю окрестность. Съ увеличеніемъ числа оплакивающихъ увеличиваются крики и рыданія.

Когда всѣ родственники окончатъ свой очередной плачъ и прежде чѣмъ приступятъ къ выносу покойника изъ дому, начинается плачъ всеобщій. Каждый старается перекричать своего сосѣда и отличиться плачемъ: шумъ, крикъ и неистовыя движенія наполняютъ комнату. Родственники плачутъ и кричатъ отъ чистаго сердца, отъ скорби; а сосѣди бьютъ себя въ грудь и рвутъ волосы, бьются головою объ стѣну, можно сказать, по обязанности, по извстари заведенному обычаю. Тѣ, которые, при жизни покойнаго, были въ разладѣ съ нимъ и даже ненавидѣли его, теперь до крови царапаютъ себѣ лице и грудь, рвутся, чтобы броситься въ воду, показываютъ

видъ, что намѣрены убить себя какимъ-либо оружіемъ, и мечутся такъ, что два человѣка едва въ состояніи удержать ихъ. Они брасятся, просятъ не держать, пустить ихъ, и умоляютъ, чтобы дозволили прекратить несносную для нихъ жизнь. Они бросаются къ гробу и не дозволяютъ поднять его, чтобы вынести изъ дому: такова сила обычая.

Съ разнаго рода затрудненіями удается вынести умершаго изъ дому и тогда у гурійцевъ передъ гробомъ является человѣкъ, которому даютъ сулис—сагзали, (путевую провизію для души, состоящую изъ кувшина съ виномъ и печенаго хлѣба. Провизію эту необходимо нести прямо на кладбище, отнюдь не оглядываясь ни разу назадъ, иначе сулис—сагзали недостигнетъ своего назначенія. Гурійцы убѣждены, что душа человѣка, оставляя тѣло и отправляясь въ дорогу, имѣетъ нужду въ провизіи. По вѣрованію туземца, послѣ смерти человѣка душа остается на землѣ въ теченіи 40 дней и нуждается въ пищѣ точно также, какъ все живущее на землѣ; съ переселеніемъ же послѣ этого срока на небо, она, забывая все земное, отвыкаетъ мало по малу и отъ пищи. Отъ этого родственники умершаго, въ теченіи 40 дней, во время обѣда и ужина оставляютъ для покойнаго особую порцію, и, отдавая ее нищему, думаютъ, что она чудеснымъ образомъ достигнетъ до умершаго.

Въ Имеретіи при выносѣ покойника изъ дому разбиваютъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Самые близкіе родственники разуваются и идутъ за гробомъ босые, хотя бы въ это время былъ снѣгъ или морозъ.

Возвращаясь съ кладбища, въ воротахъ дома умываютъ руки виномъ съ водою и потомъ садятся за столъ, исключая близкихъ родственниковъ. За обѣдомъ подаютъ постныя кушанья и это постничанье продолжается, для близкихъ родственниковъ, 40 дней. Члены семейства умершаго постятся обыкновенно круглый годъ: не ѣдятъ въ это время сладкихъ блюдъ и фруктовъ, а иногда отказываются навсегда отъ тѣхъ блюдъ, какія любилъ покойный.

Начиная съ пятнадцатаго дня послѣ похоронъ, самые близкіе родственники надѣваютъ трауръ и носятъ его въ продолженіи года, а иногда и болѣе; дальніе же родственники носятъ по 15 или 40 дней, или до перваго торжественнаго храмоваго праздника.

Во время траура носятъ самое грубое черное платье, не брѣютъ бороды, не стригутъ волосъ, избѣгаютъ общества и развлеченія члены же семейства часто запираются въ темную комнату, въ которой скончался покойный.

Въ седьмой и сороковой день совершаютъ *гамотирили* (выплакиваніе или послѣднее оплакиваніе). Родственники собираются на кладбище и около могилы ставятъ столъ, разстилаютъ на немъ ковры, а на нихъ кладутъ платье покойнаго, надъ которымъ снова плачутъ и рыдаютъ. Спустя нѣсколько времени совершаются агапи (поминки). Пригласивъ духовенство, родныхъ, друзей и знакомыхъ, закалываютъ нѣсколькихъ быковъ, или коровъ, овецъ и куръ, при чемъ въ Гуріи окрашиваютъ куриныя яйца въ красной цвѣтъ. Послѣ панихиды, духовенство благословляетъ приготовленныя яства и всѣ принимаются за обѣдъ. Священникамъ, и особенно духовнику умершаго, подаются лучшія кушанья и по нѣскольку красныхъ яицъ. Порціи эти, священникамъ поданныя и называемыя аршиви, довольно велики, такъ что священники отсылаютъ часть ихъ къ своимъ семействамъ.

Въ черноморскомъ бассейнѣ встрѣчаются и русскія поселенія скопцовъ и молоканъ, которые, разумѣется, сохранили русскую характеристику. Мы прилагаемъ здѣсь только рисунокъ.

XXXVI. ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

Сѣверный и южный скаты главнаго Кавказскаго хребта, верховья рѣкъ Арагвы, Аргуна, Алазани, Іоры и Эрцойское ушелье населены тушинами, пшавами и хевсурами, составлявшими особый округъ, простиравшійся до 3,932 квадр. верстъ съ населеніемъ около 32,000 душъ.

Основываясь на томъ, что въ языкѣ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ слышится древній грузинскій языкъ, сохранившійся даже въ ихъ книгахъ священнаго писанія, многіе считаютъ ихъ народомъ грузинскаго происхожденія.

Хевсуръ сложенъ непропорціонально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный носъ, сѣрые или каріе глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляютъ типъ хевсура. Онъ грубъ, надмѣненъ, придирчивъ, гордъ и безпеченъ, уважаетъ только храбрыхъ и считаетъ себя выше всѣхъ народовъ. Низкая шапка его опушена баранымъ мѣхомъ; на ней нашиты кресты изъ красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана кускомъ полосатой матеріи или тряпки, концы которой висятъ на бокъ въ родѣ кокардъ; синяя или красная чеха съ короткими разрѣзными рукавами и сборками на нихъ, съ нашитыми также, на груди и плечахъ, красными крестами, составляютъ его костюмъ. Подъ чехой надѣтъ архалукъ и рубашка; шаровары короткіе и узкіе, обшитые тесьмою; сапожки, вязаные изъ разноцвѣтной шерсти и, кромѣ того, хучи или бандули, кожаные башмаки съ проплетеннымъ низомъ.

До 16-ти лѣтъ хевсурскія дѣвушки очень милы и стройны, но изнурительныя работы, неопрятность и грубая пища дѣлаютъ ихъ въ 25 лѣтъ уже старухами. Послѣднія крайне безобразны и, по выраженію очевидца, напоминаютъ кіевскихъ вѣдьмъ.

Хевсурки носятъ довольно красивую одежду. Черная шаль охватываетъ ихъ голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги. Заплетенные волосы, обогнувъ щеки и уши, связываютъ на затылкѣ.

Почти всѣ женщины курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой; въ 30 лѣтъ онѣ начинаютъ нюхать.

Пшавецъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; круглое лицо, каріе глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на головѣ оставляется чубъ, похожій на тотъ, какой носятъ малороссіяне. Походка пшава важная, характеръ добродушный. Пшавецъ чрезвычайно дикъ и, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ, дѣлаетъ все, что ему захочется, не имѣя никакого понятія о стыдливости. Пшавскія женщины большею частію блондинки, миловидны, не такъ скоро старѣются, какъ у хевсуровъ, но за то скоро тучнѣютъ.

Хевсуры называютъ пшавовъ жирными дойными коровами и притѣсняютъ ихъ. Претензіи хевсуровъ на пшавовъ, предъявляемыя въ судахъ, бываютъ сколько же смѣшны, столько и нелѣпы.

Въ настоящемъ своемъ мѣстопребываніи, въ сосѣдствѣ тушинъ и хевсуровъ, пшавы живутъ только весною и лѣтомъ, потому что имѣютъ тамъ свои сѣнокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевываютъ на далекое разстояніе отъ своихъ жилищъ, туда, гдѣ находятъ болѣе подножнаго корма для своихъ стадъ.

Многіе пшавы сознаютъ, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить свой образъ жизни они не рѣшаются изъ одной приверженности къ старинѣ и примѣру отцевъ.

Пшавъ одѣвается въ черную чеху съ небольшими откидными

ТИПЫ РУССКИХЪ МОЛОКАНЪ НА КАВКАЗѢ.

рукавами, зеленый или синій архалукъ и широкіе шаровары изъ чернаго или бураго сукна собственнаго приготовленія. На ногахъ носитъ каламяны изъ сыромятной кожи. На головѣ круглая войлочная шапочка; на поясѣ кинжалы, а на большомъ пальцѣ правой руки желѣзное острое кольцо.

Женщины одѣваются почти также, какъ и грузинки. Бѣлое покрывало на головѣ, красная рубаха и шальвары; обувь таже, что и у мужчинъ.

О храбрости тушинъ разсказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость, считая ее дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но про тушинъ въ центрѣ самаго Дагестана, въ Аваріи и другихъ мѣстахъ, сложены и поются пѣсни. Тушинъ рѣшится лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ; но если бы это случилось какимъ нибудь образомъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то онъ умретъ въ тяжкой неволѣ, какъ говорится, со славою, но не согласится быть вымѣненнымъ на непріятельскую плѣнную дѣвушку.

Вѣрность этихъ народовъ была причиною того, что грузинскіе цари всегда имѣли при себѣ тѣлохранителей изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ. По востребованію ихъ, они шли на войну подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ пастырей.

Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь замыкается въ желѣзо. На голову надѣваетъ чачкани (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна—короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала. Обыкновенное ружье въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры и щитъ, въ защиту отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дополняютъ его вооруженіе. Пика, какъ оружіе, есть принадлежность стариковъ, точно также какъ и стрѣлы.

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствахъ защиты сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляютъ все ихъ оружіе. Всѣ три народа эти дрались всегда храбро, и получить рану въ тылъ считается весьма постыднымъ.

На уступахъ скалъ едва доступныхъ, по узкимъ тропинкамъ, какъ орлиныя гнѣзда, повисли хевсурскія деревни, выстроенныя изъ дерева или плитняка безъ извести и въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами. Башни, построенныя на извести, очень рѣдки въ Хевсуріи, а тѣ, которыя есть, составляютъ особую надежду на ихъ защиту.

Селенія пшавовъ, разбросанныя въ долинахъ и по скатамъ горъ, не многолюдны. Дома пшавовъ сколочены на скорую руку, а землянки едва виднѣются надъ поверхностью земли.

Внутренность дома не затѣйлива и состоитъ изъ одной, часто обширной комнаты. Она темна, стѣны ея покрыты копотью и облѣплены паутиною. Посреди комнаты видѣнъ очагъ или, скорѣе, костеръ выстланный плитнякомъ, въ которомъ разведенъ огонь. Вокругъ него собирается вся семья немытая и нечистая.

Въ одномъ углу комнаты стоятъ корова, лошадь и телята; въ другомъ—плетеныя носилки съ соломою. Растянувшись на нихъ, спитъ глава семейства, прикрывшись буркою или нагольнымъ тулупомъ. Прочіе члены семьи спятъ у огня: по одну сторону мужской полъ, а по другую женскій.

Пшавы очень нечистоплотны. Дома ихъ не болѣе какъ хлѣвы, никогда не выметаемые и служащіе жилищемъ одновременно для людей и для скота. Пшавецъ валяется на пыльныхъ войлокахъ, разостланныхъ на навозѣ. Платье на пшавцѣ нечисто, сально и рубашка снимается только тогда, когда, обратившись въ клочки, сама свалится съ плечь. Пшавецъ не разбираетъ пищи и ѣстъ всякую мерзость.

Мужчины любятъ бывать въ обществѣ и посѣщать другъ друга. Гостепріимство у этихъ народовъ развито до высшей степени, и гость, кто-бы онъ ни былъ, считается священною особою.

Туземецъ проводитъ время среди разсказовъ о геройскихъ по-

двигахъ предковъ, безпрерывнаго куренія и бряцанія на пандурѣ, сопровождаемаго дикими пѣснями. Въ такомъ положеніи отецъ поучаетъ семью или разсказываетъ ей случаи изъ житейскаго опыта. Онъ разсказываетъ о народныхъ повѣрьяхъ, о примѣтахъ, которыя долженъ знать каждый, чтобы избѣжать многихъ невзгодъ въ жизни.

Браки вообще не имѣютъ прочнаго основанія.

Женщина считается рабою, съ нею обходятся чрезвычайно грубо, безъ всякой нѣжности и привязанности. Мужъ можетъ прогнать жену во всякое время, хотя бы черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и безъ всякихъ поводовъ со стороны послѣдней. Мужъ говоритъ просто, что она ему не нравится, или что дурная хозяйка. Поступокъ этотъ не порочитъ женщины: она отправляется въ домъ родительскій и скоро выходитъ замужъ за другаго.

У пшавовъ прогнанной и забракованной женѣ выдается самтцнебро, т. е. пять коровъ, а забракованному жениху родители невѣсты должны выдать за безчестіе 16 коровъ, если только передъ отказомъ дочь ихъ была обручена съ нимъ. У тушинъ мужъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, можетъ обрѣзать женѣ руку и носъ, и въ такомъ видѣ отправить ее къ родителямъ, или же, прогнавъ просто, налагаетъ срокъ, раньше котораго она не можетъ выдти замужъ за другаго.

По установившимся мѣстнымъ законамъ туземцевъ важнѣйшими уголовными преступленіями считаются: смертоубійство, прелюбодѣяніе и воровство. Всѣ три вида этого рода преступленій почти всегда сопровождаются кровомщеніемъ. Оскорбленіе чести женщины у тушинъ всегда влечетъ за собою кровомщеніе.

За оклеветаніе въ невѣрности жены у другаго, обиженный рѣжетъ корову у обидчика, отсылаетъ свою жену къ ея родителямъ, а тѣ требуютъ обидчика къ суду и взыскиваютъ съ него 60 коровъ; если обидчикъ публично сознается въ своей клеветѣ, то мужъ беретъ жену обратно, а обидчика удовлетворяетъ за убитую корову.

Кровомщеніе существуетъ у всѣхъ трехъ поколѣній этихъ народовъ. У хевсуровъ и тушинъ, какъ бы ни было совершено убійство, т. е. нечаянно или съ намѣреніемъ, убійца подлежитъ кровомщенію. Родственники убитаго хевсура предаютъ огню все имущество убійцы, скрывающагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣднюю деревню, которая принимаетъ его подъ свое покровительство.

У пшавовъ и хевсуровъ, каждый мѣсяцъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, убійца присылаетъ семейству убитаго по одному барану. На четвертый годъ, черезъ своихъ родственниковъ, онъ проситъ принять въ плату за кровь 280 барановъ и 70 коровъ. Если плата принята, то онъ можетъ возвратиться въ свою деревню, но не избавляется отъ мщенія.

Трудно увѣрить хевсура въ томъ, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ. Народъ болѣе всего уважаетъ Бога войны и сына Божія, но никто не можетъ объяснить истинныхъ догматовъ своей религіи. Постороннему человѣку опредѣлить религію этихъ народовъ еще труднѣе. Уважая крестъ Господень, покланяясь св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу и другимъ святымъ христіанской церкви, они въ то же время почитаютъ своихъ собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ, боговъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Водворевіе здѣсь христіанской религіи надо отнести къ незапамятнымъ временамъ царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впослѣдствіи ученіе Магомета имѣло сильное вліяніе и на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для защиты христіанства тушины должны были вести безпрестанную борьбу съ мусульманскими горцами, и хотя съ твердостію и успѣхомъ отстаивали свою независимость, но воинственный звукъ оружія сталъ заглушать голосъ проповѣдниковъ

Евангелія. Духовенство грузинское не въ состояніи было поддержать падающее христіанство, въ особенности когда прекратилось сообщеніе съ Тушетіею, окруженною врагами.

Въ Тушетіи не стало священниковъ, богослуженіе прекратилось церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротѣвшихъ христіанъ, безъ наставниковъ религіи, какъ стадо, лишенное пастыря.

Хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ нельзя назвать язычниками, потому что они вѣруютъ въ истиннаго Бога и его святыхъ; но ихъ нельзя назвать и христіанами, потому что они слишкомъ далеки отъ догматовъ христіанской церкви. Сами себя они называютъ христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ считаютъ бусурманами и обижаются, если назвать ихъ нехристями.

Смѣсь вѣрованій не мѣшала однако же тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, самимъ по себѣ, быть увѣренными, что они исповѣдуютъ христіанскую религію и принадлежатъ къ греческой церкви. Изъ грузинскихъ церквей, въ прежнее время, имъ посылался ежегодно, подъ видомъ мура, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядамъ своимъ, при крещеніи. Младенца, умершаго до крещенія, поливали въ гробѣ елеемъ и окропляли святою водою. Всѣ три поколѣнія вѣрили въ существованіе рая и ада и содержали нѣсколько постовъ въ году.

Вообще вѣрованія ихъ весьма неопредѣленны и шатки. Суевѣріе отражается въ обычаяхъ, соблюдающихся при рожденіи а смерти.

Чувствуя приближеніе родовъ, беременная женщина обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей сачехи—шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданіе больной.

На другой день послѣ родовъ, больной приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ нею сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у хевсуровъ мѣсяцъ, у пшавовъ 40 дней, а у тушинъ шесть недѣль.

Выдержавъ этотъ карантинъ, женщина возвращается къ своему семейству.

Существующее между горцами суевѣрное обыкновеніе не прикасаться къ беременнымъ женщинамъ и къ родильницамъ перешло и на покойниковъ. Поэтому избѣгаютъ того, чтобы больной скончался въ самомъ домѣ. Замѣтивъ приближеніе кончины, родственники больнаго выносятъ его тотчасъ же или въ сѣнцы, или просто на дворъ, гдѣ онъ и умираетъ.

На четвертый день послѣ кончины является священникъ. По окончаніи послѣдняго обряда оплакиванія, онъ беретъ въ руки зажженную свѣчу и произноситъ надъ усопшимъ молитвы. Съ покойника снимаютъ оружіе и относятъ на кладбище, гдѣ, выложивъ могилу досками или плитнякомъ, опускаютъ въ нее тѣло безъ гроба, воздвигнувъ на немъ насыпь безъ креста и надписей. По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души усопшаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ гостей угощаютъ вареной бараниной, слоеными лепешками, пивомъ и водкой.

Въ день похоронъ назначается скачка и стрѣльба въ цѣль на призы. Родственники во время поминокъ стараются угостить на славу; гости объѣдаются бараниною и напиваются пивомъ, а многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана. Напившись и наѣвшись, народъ расходится по домамъ съ веселымъ шумомъ.

XXXV АРМЯНЕ.

Армяне разсѣяны по всей имперіи, но главное число населенія ихъ, конечно, находится на Закавказьѣ, и преимущественно группируется около Арарата и у истоковъ Аракса, т. е. въ мѣстности, занимаемой нѣкогда Великою Арменіею, которой часть принадлежитъ въ настоящее время Россія, а часть Турціи.

Арменія представляетъ возвышенную плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. По срединѣ этой плоскости стоятъ покрытые вѣчными снѣгами Большой и Малый Араратъ.

Не смотря на то, что Арменія находится на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и южною Испаніею, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ широтамъ Европы—отъ полярнаго до знойнаго.

Армяне занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ селеніяхъ Александропольскаго и Ахалцыхскаго уѣздовъ сѣютъ чалтыкъ, разводятъ хлопчатую бумагу и марену, а въ уѣздѣ Елизаветпольскомъ занимаются преимущественно скотоводствомъ. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ воспитываютъ шелковичныхъ червей, гонятъ водку и выдѣлываютъ вино тамъ, гдѣ есть средство къ разведенію винограда.

Перемѣшавшись въ Закавказьѣ съ другими народностями, армяне поселились въ Грузіи, составляютъ значительную часть населенія Тифлиса и, кромѣ того, живутъ поселеніями въ Ахалцыхѣ и его окрестностяхъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ, Ставрополѣ, Георгіевскѣ. Они же поселились близъ Ростова-на-Дону и основали тамъ особый городъ Нахичеванъ; въ Астрахани и въ Крыму также много армянъ. Словомъ сказать—народъ этотъ разсѣянъ по всему Кавказу и Закавказью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ, какъ бы оторванные отъ своихъ единоплеменниковъ, съ которыми, какъ выходцы изъ чужихъ странъ, они, въ дѣйствительности, имѣютъ мало общаго. Такъ, на Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочно-Окопскаго укрѣпленія, есть селеніе Армавиръ, населенное армянами, вышедшими изъ Черкесіи въ 1838 году и утратившими совершенно армянскую народность.

Поселившихся между татарами армянъ нѣтъ возможности подводить подъ одну и ту же категорію съ тѣми изъ ихъ единоплеменниковъ, которые составляютъ образованный классъ, разбросанный по всѣмъ частямъ свѣта, и даже съ тѣми, которые населяютъ города Грузіи. Армяне мусульманскихъ провинцій, кромѣ религіи, въ образѣ жизни весьма мало отличались отъ татаръ. Кучка ямъ, покрытыхъ землею, расположенныхъ безъ всякаго порядка и раздѣленныхъ между собою грудами навоза или смрадными, гніющими лужами; дорожки, извивающіяся то около, то черезъ крышу этихъ ямъ, замѣняющихъ дома, составляютъ общій видъ большей части армянскихъ селеній. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нижней полосѣ, сады и рощи своею зеленью прикрываютъ безобразіе и грязь, въ которыя погружены селенія. Армяне, точно также, какъ и татары, жили въ землянкахъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ, нисколько не стѣсняясь отправленіями и привычками этихъ животныхъ. Въ такой землянкѣ армянина и хлѣвъ, и скотный дворъ, и мѣсто воспитанія его поколѣнія. Здѣсь и насѣстъ для куръ и крикливыхъ пѣтуховъ, составля-

ющихъ ночью весьма непріятное общество. Міріады самыхъ разнообразныхъ и гадкихъ насѣкомыхъ привѣтствуютъ посѣтителя у самаго входа въ саклю.

Семейство армянина и самъ онъ довольствуются пучкомъ травы, горстью лобіи (фасоль) и кускомъ черстваго хлѣба, не въ слѣдствіе недостатка, а по причинѣ присущей этой націи—благоразумной бережливости. Обыкновенную ихъ пищу составляетъ такой же хлѣбъ, какъ и у грузинъ, состоящій изъ прѣсныхъ лепешекъ. Зажиточные ѣдятъ пловъ, шашлыкъ, зелень и коренья.

Находясь въ подданствѣ различныхъ государствъ, и разбросанное, можно сказать, по всему земному шару, армянское племя, подвергаясь въ слѣдствіе того различному климату, образу жизни и занятій, утратило свою общую типичность. Средній ростъ, плотное тѣлосложеніе съ развитымъ туловищемъ и толстою шеею, мускулистыя руки, смуглое съ рѣзкими чертами лицо, живые глаза, орлиный съ горбомъ носъ, черные волосы, полныя губы, красивые, бѣлые, но, рѣдкіе зубы—вотъ отличительныя черты армянъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь сидячую и питаются преимущественно рисомъ, подъ старость дѣлаются тяжелыми—жирѣютъ.

Хитрость составляетъ отличительную черту характера армянина; любостяжаніе влечетъ къ обману, и для многихъ даръ слова служитъ средствомъ скрывать свои мысли; они льстятъ и въ привязанности своей непостоянны—человѣкъ не нужный больше забывается весьма скоро. Армяне вообще понятливы и охотно слѣдятъ за образованіемъ; въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ не имѣютъ соперниковъ. Они терпѣливы, смѣтливы, умѣренны до скупости и отлично умѣютъ предвидѣть, какое предпріятіе выгодно и какое нѣтъ.

Грузинскіе армяне, составляющіе большую часть городскаго населенія, по характеру своей дѣятельности, принадлежатъ исключительно къ торговому сословію, которое стремится къ одной цѣли—удовлетворенію своего корыстолюбія. Страсть къ деньгамъ и желаніе нажиться дѣлаетъ армянъ хитрыми, пронырливыми, умѣющими удивительно хорошо соображаться съ обстоятельствами, когда нужно обмануть, услужить, искать порученій, усердно исполнить ихъ, лишь бы только осуществить надежду на выгоды, часто даже неповолительныя.

Черные волосы армянокъ, живые и черные глаза, очерченныя иногда прекрасными рѣсницами и бровями, дѣлаютъ ихъ довольно привлекательными и красивыми; впрочемъ, это встрѣчается рѣдко, и только до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды и не успѣли растучнѣть, но, къ сожалѣнію, то и другое весьма скоро становится ихъ принадлежностію. Женщины-армянки лѣнивы, неповоротливы, неловки въ походкѣ, имѣютъ часто кривыя ноги, что происходитъ частію отъ азіатскаго обычая сидѣть поджавши ихъ подъ себя, а частію отъ завертыванія въ тряпки ногъ малолѣтнихъ дѣтей.

Женщины считаютъ грѣхомъ смѣяться и шутить съ посторонними; онѣ носятъ покрывала, никогда не снимаютъ ихъ, и даже спятъ съ закутанной головой, такъ что только видны одни глаза.

Понятіе о стыдливости женщинъ у армянъ зашло такъ далеко, что женщина съ ногъ до головы закутывается въ чадру «и во что-то въ родѣ хомута или намордника, высушивающаго до костей нижнюю часть лица».

Армянки страшно любятъ богатыя украшенія, шелковыя, яркихъ цвѣтовъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ, цвѣтные каменья и кашемирскія шали пестрыхъ цвѣтовъ. Головной уборъ ихъ составляютъ шелковый платокъ и расположенныя со вкусомъ цвѣтныя ленты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, дѣвушки до замужества носятъ *тавсакрави и лечаки*, прикрѣпленный булавкою къ первой и перекинутый за плечами на спину. Ниже тавсакрави вокругъ лба подвязывается нитка съ нанизанными на ней серебряными или золотыми деньгами, а иногда даже вплетается въ длинныя косы, ниспадающія на плечи. Такую цѣпочку но-

ВИДЪ ГОРОДА ШУШИ.

сятъ и замужнія женщины, надѣвая ее на шею въ видѣ ожерелья. Будничный нарядъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ похожъ на халатъ, приготовляемый изъ красной бумажной матеріи и надѣваемый сверхъ рубашки; халатъ не застегивается и изъ подъ него виднѣются шальвары изъ красной шелковой и бумажной матеріи.

Въ Шушѣ старое поколѣніе женщинъ, бѣдный городской классъ и поселянки ходятъ довольно безобразно. Голова ихъ закутана множествомъ *лечаковъ*, а сверху накинутъ *чаргатъ*—большой красный шелковый платокъ, къ концу котораго прикрѣпляется серебряная или золотая цѣпь. Цѣпью этой держится вся головная и тяжелая повязка. Изъ подъ повязки выглядываютъ одинъ или нѣсколько рядовъ голландскихъ червонцевъ. Сверху шушинская армянка надѣваетъ *нимтане*, что-то въ родѣ *чохи*, съ короткими рукавами и двумя разрѣзами, сдѣланными сзади, начиная отъ поясницы до самаго низу. Подбородокъ и ротъ закрыты бѣлымъ платкомъ у молодыхъ, а краснымъ—у старухъ и носящихъ трауръ. Подъ *нимтане* онѣ надѣваютъ широкую и длинную рубашку изъ *алиши*—шелковая ткань туземнаго приготовленія, и преимущественно красная.

Довольно широкій кушакъ охватываетъ талію женщины поверхъ *нимтане*, а при выходѣ на улицу армянки накидываютъ на себя бѣлую чадру, закрывающую все, кромѣ глазъ и ногъ.

Женщины проводятъ всю свою жизнь въ заботахъ о хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей; онѣ безвыходно остаются въ своемъ домѣ и ведутъ жизнь затворническую.

Семейная жизнь у армянъ въ большомъ почетѣ и имѣетъ характеръ патріархальный. Армяне, по мнѣнію многихъ, принадлежатъ къ числу народовъ самыхъ мирныхъ, у которыхъ пороки есть только слѣдствіе защиты и противудѣйствія насилію, которому такъ часто подвергался этотъ народъ. Байронъ увѣряетъ, что трудно найти другой такой народъ, какъ армяне, котораго лѣтописи были бы такъ мало запятнаны преступленіями. Армяне принадлежатъ къ числу практическихъ дѣятелей; они страстны къ торговлѣ и банкирскимъ оборотамъ. Вся торговля нашего Закавказья находится въ рукахъ армянъ; въ Турціи въ рукахъ армянъ сборъ государственныхъ доходовъ; при помощи денегъ они имѣютъ значительное вліяніе на дѣла правительствъ турецкаго и персидскаго. Армяне корыстолюбивы и всю свою жизнь употребляютъ преимущественно на пріобрѣтеніе выгодъ, хотя бы и незначительныхъ, чтобы сколотить копѣйку.

Въ домашней жизни армянинъ скупъ и еще скупѣе въ личныхъ сношеніяхъ съ другимъ; достать у армянина деньги можно только за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе, могущее вознаградить его, въ случаѣ иска, сторицею. Эта темная черта народнаго характера выкупается пожертвованіями на общественную пользу, на учрежденія общеполезныя и религіозныя.

Скорбя глубоко о паденіи своего отечества, лишившагося съ давнихъ поръ своей самобытности и самостоятельности, любя горячо свою родину, богатый и бѣдный армянинъ одинаково охотно жертвуютъ на поддержаніе своей національности и престарѣлыхъ соотечественниковъ: училища, госпитали и многія другія общественныя заведенія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертвованій.

Считая колыбелью своею тотъ край, откуда распространился родъ человѣческій послѣ потопа, и принадлежа къ послѣдователямъ Христа, армяне образовали совершенно отдѣльную армяно-грегоріанскую церковь, рѣзко отличающуюся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Догматы армяно-грегоріанской церкви не согласуются вполнѣ ни съ ученіемъ православія, ни съ правилами римско-католической церкви. Къ числу послѣдователей послѣдней принадлежитъ весьма небольшое число армянъ, живущихъ въ Закавказьѣ.

Армяне весьма набожны, и ничто не въ состояніи заставить ихъ отступить отъ строгаго соблюденія постовъ. При постоянной, умѣренной и «постной жизни, вообще деревенскій армянинъ съ монастырскою стойкостью соблюдаетъ всѣ посты, доведенные у нихъ до умерщ-

вленія плоти; обрядовая часть его вѣрованій доведена до безукоризненной точности».

Прошедшая исторія армянскаго народа доказала, что христіанская религія не могла быть поколеблена никакими преслѣдованіями, никакими истязаніями. Едва ли, кромѣ армянъ, есть на свѣтѣ другой народъ, который бы съ такою же стойкостью и единодушіемъ вынесъ на своихъ плечахъ христіанство и защитилъ его отъ всякаго порабощенія иновѣрцами-мусульманами. Во времена ханскаго правленія, армяне не могли свободно совершать обрядовъ богослуженія, не имѣли права звонить въ колокола, безъ платежа за то значительной подати, а потому народъ, за неимѣніемъ колоколовъ, призывался къ слушанію божественной литургіи или стукомъ въ деревянную доску, или голосомъ *жамкара*—родъ нашего звонаря.

— «Пожалуйте въ церковь!» кричалъ онъ обыкновенно съ крыши дома или какого-либо возвышенія, призывая жителей къ молитвѣ.

Во время божественной литургіи, армянинъ не снимаетъ шапки, потому что въ Азіи скидывать шапку и обнажать бритую голову есть знакъ величайшаго пренебреженія; но за то, входя въ церковь, они скидаютъ башмаки. Толкуя о правильности этого дѣйствія по своему, они говорятъ, что Богъ, призывая Моисея къ купинѣ, приказалъ ему снять не шапку, а башмаки.

Хотя армяне приняли христіанство съ давнихъ временъ, но въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ ихъ сохранились еще до сихъ поръ языческіе обряды.

Между многими армянами распространено поклоненіе солнцу, которое, на армянскомъ языкѣ, выражается словомъ *аревъ*. Какъ бы то ни было, но и до сихъ поръ есть еще лица, которыя называютъ себя *ареваради*—сынами солнца. Умирающій всегда кладется лицомъ къ востоку, точно также дѣлаютъ съ умершимъ, когда кладутъ его въ гробъ. Самое погребеніе почти всегда совершается передъ захожденіемъ солнца. Армяне признаютъ *Анаиду*—богиню мудрости и славы, которая, по мнѣнію многихъ, покровительствовала армянскому царству. Въ честь ея были построены храмы въ Эриазѣ, Ани, Покаванѣ и многихъ другихъ городахъ. Цари воздвигали ей золотыя и серебряныя статуи. Ежегодно, во время лѣта, когда цвѣтутъ розы, армяне праздновали день этой богини и торжество это называлось *вартавар*. Въ этотъ день они украшали въ честь богини храмы, статуи, публичныя зданія и даже самихъ себя. Нынѣ, въ честь той же богини, армяне украшаютъ цвѣтами алтари и, по совершеніи литургіи, окропляютъ народъ розовою водою.

Армяне точно также суевѣрны, какъ и грузины. Они вѣрятъ въ возможность искупленія грѣха или болѣзни жертвою. Такъ, больные даютъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, пожертвовать церкви домашнихъ животныхъ, и кровь этихъ животныхъ льется непремѣнно у стѣнъ церкви, а мясо дѣлится между священнослужителями.

По своему характеру, армянки до чрезвычайности мнительны и суевѣрны. Въ дни невзгодъ и разнаго рода непріятностей, онѣ посѣщаютъ запустѣлые храмы или пещеры, ходятъ къ вѣковымъ священнымъ деревьямъ и, совершивъ моленіе, привязываютъ къ дереву или прибиваютъ гвоздемъ къ стѣнѣ пещеры лоскутъ своей одежды, въ полной увѣренности, что подобными дѣйствіями молитва и просьба ихъ будетъ скорѣе услышана. Въ случаѣ зубной боли, вколачиваютъ гвозди въ пороги и стѣны храмовъ. Если женщина желаетъ имѣть мужественнаго и храбраго сына, то приготовляетъ собственными руками лукъ и стрѣлу и вѣшаетъ ихъ или въ храмѣ, или въ пещерѣ.

Желая продлить жизнь любимаго ребенка, армянка стрижетъ его волосы въ день какого-либо праздника и обрѣзки ихъ кладетъ передъ образомъ, прося Творца объ исполненіи ея желанія. Бездѣтныя женщины, подобно грузинкамъ, обходятъ на колѣняхъ три раза кругомъ церкви, обматывая ихъ стѣны нитками изъ хлопчатой бумаги и усердно вѣрятъ, что отъ такого обвиванія разрѣшится ихъ неплодіе.

КУРДИСТАНСКІЙ КНЯЗЬ.

Понесетъ ли убытки или заболѣетъ мужъ—армянка даетъ обѣщаніе принести какое-либо жертвоприношеніе извѣстному святому, если домъ ея избавится отъ той или другой бѣды. Едва мужъ выздоровѣлъ, какъ жена торопится исполнить данное обѣщаніе. Неимѣніе, по большей части, никакой личной собственности, лишаетъ ее возможности пожертвовать своимъ имуществомъ. И вотъ, не смотря на грязь и холодъ, босикомъ, она отправляется собирать подаяніе и на весь сборъ, не утаивая ни копѣйки, покупаетъ своему патрону свѣчку. За то заболѣй отъ такой прогулки жена, армянинъ ни за что не позоветъ доктора, а посылаетъ къ знахарю мѣдную монету и призываетъ его къ больной.

Въ двухъ верстахъ отъ Ахалцыха есть развалины древняго монастыря. Время изгладило названіе его изъ памяти людей, которыхъ влечетъ теперь туда источникъ чистой и прѣсной воды. Преданіе говоритъ, что источникъ этотъ имѣлъ цѣлебную силу: стоило только умыться этой водою и оставить какой-либо кусочекъ ненужной вещи, чтобы освободиться отъ одержимаго недуга и переселить его въ опущенную вещь. Толпы богомольцовъ по праздникамъ собираются къ этому источнику, пьютъ его воду и развѣшиваютъ на развалинахъ монастыря кусочки разныхъ вещей. Послѣ праздника, спустившись въ одну изъ окрестныхъ долинъ, армяне пируютъ: пьютъ, ѣдятъ и пляшутъ подъ звуки чонгури и пѣсни сазандара.

У армянъ женихъ не знаетъ своей невѣсты: ее выбираютъ родители или ближайшіе родственники. Обыкновенно, когда родители вздумаютъ женить сына, тогда выбираютъ сватами кого либо изъ родственниковъ и отправляютъ ихъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль свата принимаетъ на себя священникъ, который приходитъ въ домъ невѣсты съ зажженною свѣчею, и если родители согласны на бракъ, то принимаютъ отъ него свѣчу.

Женихъ, узнавшій о такомъ приключеніи, совершающемся помимо его воли, старается разузнать стороною о свой суженой и, при помощи разспросовъ у постороннихъ, составляетъ довольно смутное понятіе о своей будущей женѣ. Онъ узнаетъ только объ ея имени, красотѣ, но при такомъ развѣдываніи характеръ и воспитаніе дѣвушки остаются для него тайною.

Армянинъ не можетъ жениться на родственницѣ до седьмаго колѣна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ развестись съ женою. Получивъ согласіе на бракъ, отецъ, родственники и знакомые жениха отправляются въ домъ невѣсты. Имъ предшествуютъ часто музыканты и всегда молодые люди, которые несутъ, на огромныхъ подносахъ, кушанье, вино, двѣ восковыя свѣчи и подарки невѣстѣ: кольцо, серебряный поясъ и непремѣнно нѣсколько монетъ, нашиваемыхъ невѣстою на платье и головной уборъ. Съ своей стороны, невѣста дѣлаетъ различные подарки родственникамъ жениха. Священникъ зажигаетъ принесенныя двѣ свѣчи и совершаетъ обрядъ обрученія, по большей части въ отсутствіи жениха и невѣсты.

По обычаю армянъ, дѣвушка не приноситъ своему будущему супругу никакого приданнаго, кромѣ небольшаго количества вещей, собственно необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Приданое невѣсты преимущественно составляетъ: постель, бѣлье, платье, умывальница, мѣшокъ для соли и шерстяной чемоданъ; люди достаточные прибавляютъ и еще что нибудь. Напротивъ того, женихъ вноситъ извѣстную плату отцу невѣсты и, за нѣсколько дней до свадьбы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправляетъ отца и родственниковъ, которые и относятъ въ домъ невѣсты съѣстное, вино, сахаръ, конфекты, барана, подвѣнечное платье и двѣ свѣчи для вѣнчанія, при чемъ посѣтители остаются у невѣсты на всю ночь и пируютъ вмѣстѣ съ ея отцомъ.

Въ день свадьбы вдоль по улицамъ деревни или города отправляютъ хоръ музыкантовъ, число которыхъ не велико: два барабанщика, съ большимъ и малымъ барабаномъ, и нѣчто въ родѣ клар-

нетиста съ камышевою дудочкою. Этотъ оркестръ, играя маршъ собственнаго сочиненія, часто далеко не музыкальный, заходитъ въ каждый домъ и проситъ хозяина съ семействомъ пожаловать на свадьбу къ такому-то.

Съ восьмаго часа вечера начинается сборъ гостей, при чемъ маленькія дѣти сѣютъ муку, а приходящіе дарятъ деньги; мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ и дѣвушекъ. На полу, устланномъ коврами и поджавъ подъ себя ноги, размѣщаются гости обоихъ отдѣленій и слушаютъ музыку: двухъ скрипачей и двухъ пѣсенниковъ, утѣшающихъ ихъ безъ умолку татарскими и персидскими пѣснями.

Армяне любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ; подъ тактъ своихъ оглушающихъ оркестровъ, или *зурначей*, получившихъ свое названіе отъ *зурны*—особаго вида рожка. Кромѣ рожка, въ армянскомъ оркестрѣ состоятъ: волынка, скрипка, бубенъ и барабанъ. Все это пищитъ, скрипитъ и стучитъ немилосердно, между тѣмъ какъ тактъ, усердно отбиваемый турецкимъ барабаномъ, сливаясь съ этою адскою мелодіею, производитъ ужасное дѣйствіе на уши непривычныхъ слушателей.

При началѣ музыки и подъ тактъ хлопанья въ ладоши выходитъ на средину молодая женщина. Она двигается плавно, умѣя придать своимъ движеніямъ граціозность и привлекательность. Оживленные взгляды, мимика рукъ и стройная прямая талія говорятъ въ пользу танцующей. Обойдя кругъ, она останавливается противъ одной изъ подругъ, и та должна, смѣнивъ ее, продолжать начатую пляску.

Послѣ дѣвицъ выходитъ мужчина; при появленіи его, музыка перемѣняетъ тихій тактъ на скорый, и пляска дѣлается живѣе; движенія пляшущаго быстры и сопровождаются особенно трудными вывертываніемъ ногъ, то на самыхъ пальцахъ, то на каблукахъ, требующихъ большой силы и навыка, хотя при томъ не замѣтно усилій и нѣтъ необыкновенныхъ прыжковъ; руки пляшущаго также тутъ участвуютъ, но онъ держитъ ихъ какъ человѣкъ, готовый боксировать.

По окончаніи пляски является мать новобрачнаго. Она выходитъ съ большимъ мѣднымъ блюдомъ, на которомъ положены двѣ тонкія и продолговатыя лепешки, а на нихъ горячіе угли, посыпанные ладономъ. Старуха три раза обходитъ новобрачныхъ, сидящихъ на лошадяхъ, ломаетъ лепешки въ куски и бросаетъ ихъ подъ ноги лошадямъ. Круговой обходъ дѣлается въ память умершихъ родственниковъ, а брошеніе лепешекъ подъ ноги лошадей въ знакъ того, чтобы на поляхъ молодой четы всегда былъ хорошій урожай.

Послѣ ужина, обыкновенно начинающагося въ четвертомъ часу по полуночи, гости расходятся. На другой день, часу въ десятомъ утра, на дворъ жениха приводятъ двухъ или трехъ барановъ и нѣсколько куръ. Новобрачный однимъ ударомъ долженъ отсѣчь голову барану; то же самое дѣлаютъ шафера съ остальными баранами и курами, и немедленно отправляютъ ихъ на кухню. Вечеромъ приглашаются на ужинъ всѣ гости, бывшіе наканунѣ на свадьбѣ.

По выходѣ замужъ, молодая закрываетъ свое лицо платкомъ, оставляя открытыми только глаза и носъ; при встрѣчѣ съ посторонними, она прячетъ свое лицо въ чадру или платокъ. Кромѣ мужа, сестеръ и малолѣтнихъ дѣтей, она не можетъ ни съ кѣмъ говорить—тестю и тещѣ отвѣчаетъ знаками, а мужъ не долженъ называть ее по имени. Когда, вскорѣ послѣ свадьбы, въ домѣ случится кто-нибудь изъ почетныхъ гостей, молодая подноситъ ему чашу вина и цѣлуетъ его руку; а если онъ останется ночевать, то въ прежнее время молодая обязана была омыть ему ноги.

XXXVIII. ОСЕТИНЫ.

Характеръ, бытъ и религія.

Осетины, въ числѣ около 76,000 душъ, занимаютъ частью Владикавказскую плодородную плоскость, а частью горы въ окрестностяхъ Казбека.

Осетины сами себя называютъ иронами, то есть происшедшими отъ Ира; но кто такой былъ Иръ — народъ не можетъ объяснить себѣ этого. Въ прежнее время, по словамъ народа, къ осетинамъ переселялось много разнаго рода людей: грузинъ и горцевъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія персіянъ на сѣверную покатость горъ.

Сѣверная часть Кавказскаго хребта, гдѣ поселились осетины, изрѣзана многими ущельями, носящими разныя наименованія, которыми обозначаются и жители этихъ ущелій. Отъ этого-то и произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ обществъ, имѣющихъ одинъ общій языкъ, но нѣкоторые оттѣнки въ характерѣ и нравахъ. Такимъ образомъ, между осетинами есть множество обществъ, жители которыхъ носятъ названія: дигорцевъ, алагирцевъ, куртатинцевъ и тагаурцевъ.

Не смотря на свою суровость во многихъ мѣстахъ, климатъ Осетіи, кромѣ мѣстъ, изобилующихъ болотами, здоровъ и имѣетъ хорошее вліяніе на человѣческій организмъ, отражающееся на долголѣтіи и крѣпости туземца. Столѣтній возрастъ считается въ Осетіи почти обыкновеннымъ. Горный воздухъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье жителей.

Суровая природа сдѣлала дигорцевъ неустрашимыми, физически сильными и отличными ходоками по горамъ, гдѣ они занимаются охотою. Они высоки ростомъ, владѣютъ даромъ слова и хорошими умственными способностями; природный здравый умъ ихъ видѣнъ на каждомъ шагу. Дигорецъ гостепріименъ, честенъ, гордъ, вѣренъ въ словѣ и клятвѣ, предпріимчивъ, но упрямъ, мстителенъ и скрытенъ. Лицомъ онъ смуглъ, голову брѣетъ, но носитъ бороду, которую подбриваетъ. Дигорцы болѣе опрятны и относительно болѣе трудолюбивы чѣмъ всѣ остальныя поколѣнія осетинъ, и никогда не считались воинственнымъ племенемъ. Занимаясь болѣе земледѣліемъ и имѣя немного скота, они почти никогда не пускаютъ его въ продажу, но изъ овечьей шерсти дѣлаютъ хорошія бурки, которыя и продаютъ или на линіи, или въ Имеретіи. Алагирецъ, напротивъ того, неповоротливъ; глаза его, безжизненные и вялые, внушаютъ мысль о коварствѣ и наглой трусости, скрытыхъ подъ личиною мнимаго великодушія. Племя это своенравно, въ высшей степени вспыльчиво, способно изъ пустяковъ нашумѣть, накричать и надѣлать разнаго вздору. Алагирцы чужды, впрочемъ, кляузничества, и характера весьма добраго, въ особенности если приласкать ихъ.

Тагаурцы отличаются наибольшею гордостію между всѣми племенами осетинскаго народа. Считая своимъ родоначальникомъ Тагаура, по преданію наслѣдника армянскаго престола, который будто бы бѣжалъ въ горы, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ братьевъ, они причисляютъ себя къ высшему сословію осетинъ, и потому народъ ихъ ненавидитъ.

Самый честный, прямой и откровенный народъ — куртатинцы. Они глубоко преданы русскимъ и слѣпо вѣрятъ, что имъ не будетъ

оказано несправедливости. Вообще всѣ осетины народъ преданный нашему правительству и весьма усердные исполнители его распоряженій. Усердіе это и прилежаніе не распространяется однако на ихъ домашнюю жизнь.

Никто меньше осетина не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, а текущій день онъ проводитъ въ праздности и лѣни, сидитъ дома у дымящагося костра, съ трубкою во рту, или спитъ, бродитъ по горамъ, какъ дикій козелъ, не желая ничего пріобрѣтать и предоставивъ свое незатѣйливое хозяйство на попеченіе женъ.

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности.

Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества, и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: она стоитъ цѣну того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову; другой — въ овцу и проч. Эта малоземельность была причиною того, что часть осетинъ переселилась на южный склонъ главнаго хребта и добровольно отдала себя въ кабалу грузинскимъ помѣщикамъ.

Утесы и горы Осетіи неспособны къ земледѣлію, и потому туземное населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ. Получая хлѣбъ отъ сосѣдей, осетины доставляютъ имъ, взамѣнъ того, рогатый скотъ, барановъ, лошадей, извѣстныхъ своею силою и прекраснымъ ходомъ по горамъ. Но промышленность эта совершенно ничтожна и едва удовлетворяетъ насущной потребности. Правда, въ мѣстахъ низменныхъ, равнинныхъ, почва, до чрезвычайности плодородная, могла бы вознаградить трудъ обильнымъ урожаемъ, но и тамъ осетинъ, будучи стѣсненъ въ поземельной собственности и владѣя небольшими участками, мало пользуется ея дарами. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Дигоріи, жители имѣютъ подъ рукою многія средства къ благосостоянію, но, по своей безпечности и лѣни, они ограничиваются изготовленіемъ и запасомъ самаго необходимаго въ домашнемъ быту. Единственная ихъ промышленность — медъ, сбываемый въ Моздокѣ, Владикавказѣ и по казачьимъ станицамъ. Медъ дигорскихъ пчелъ отличается ароматомъ, вкусомъ и бѣлизною; но дигорцы въ умѣньѣ добывать его оказываются плохими пчеловодами.

Всѣ осетины весьма жадны до денегъ, которыя однакоже они стараются пріобрѣсти не для употребленія, не для улучшенія своего быта, а для храненія взаперти; богатый и бѣдный одинаково ходятъ почти голые, въ лохмотьяхъ. Всеобщая бѣдность царствуетъ между осетинами. Праздность неразлучна съ ними; неопрятность присуща народу. На вопросъ о причинѣ этихъ бѣдствій, осетинъ глубокомысленно отвѣчаетъ, что онъ бѣденъ отъ неурожая хлѣба, большинство котораго идетъ на приготовленіе араки (родъ водки), безъ которой они жить не могутъ. Осетины говорятъ, что они праздны по неимѣнію хлѣбопашныхъ мѣстъ; это правда; но справедливо и то, что иногда вблизи аула видны большія поляны, которыя могли бы быть воздѣланы, но остаются необработанными по безпечности осетинъ.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся осетинскіе ауды, по преимуществу обширные и многолюдные. Живописныя жилища разбросаны безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ, такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля — зашумѣли вьюги, и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа и тутъ являетъ для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ безчисленными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, вол-

НУХИНСКАЯ ДОЛИНА.

съ полкою виситъ оружіе, бурки, башлыки; а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичъ* — кладовую съ съѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разставлены въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, и разбросаны желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота— главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана, или, наконецъ, просто обрубокъ, треногa и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія, и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены прочнымъ тыномъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные картофелемъ, рѣпкою, кукурузою и другою зеленью.

Одежда осетинъ, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ покроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, убраннымъ серебрянымъ или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка съ баранынмъ околышемъ; шаровары изъ простого сукна или изъ сукна, приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ чевяки или надѣваетъ башмаки некрашеной кожи съ подошвами; а чтобы лучше держаться на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко-плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шашка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглые щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою посрединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ, и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки или, лучше, ермолки, другія—болѣе бѣдныя—покрываются просто платкомъ, а дѣвицы завлетаютъ косы, но безъ лентъ.

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь) съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказочному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ. Говоритъ онъ своимъ дѣтямъ о Вацилѣ (или Уацилѣ), какомъ-то лѣсномъ божествѣ; говоритъ и о покровительствѣ Уастырджи (св. Георгія), спасавшаго охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины: до такой степени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометан-

ствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ, число которыхъ простирается до 51,590 душъ; магометанъ—14,434 душъ и язычниковъ. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни наконецъ язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ сунитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ множенство. Сколько правительство ни старалось внушать осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались поперемѣнно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга—вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей, но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давида, проведшаго четыре года въ плѣну у осетинъ и присмотрѣвшагося къ быту ихъ, осетины «исполняли въ концѣ прошлаго вѣка великій постъ, но поповъ не имѣли; они не крестились, а поклонялись козловой кожѣ, которую почитали вмѣсто Ильи пророка, и ей молились».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами, значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все также.

Ни чѣмъ не заинтересованные въ необходимости убѣдиться въ чистотѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ земляным поломъ и съ однимъ крошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чужомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь.

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, лѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитают Михаила Архангела, пророка Илію — какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца — какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастія и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждыхъ родовъ; въ честь ея осетины назвали пятницу — майрамъ-бонъ и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатокъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папахи; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему лоскутками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство; но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостію другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и дзуаровъ — безчисленныхъ духовъ, покровителей всего хорошаго и добраго. Имъ они приносятъ молитвы, прося объ урожаѣ, удачной охотѣ и проч.

Праздники, обряды, семейная жизнь.

Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, больше частію совпадающіе съ нашими.

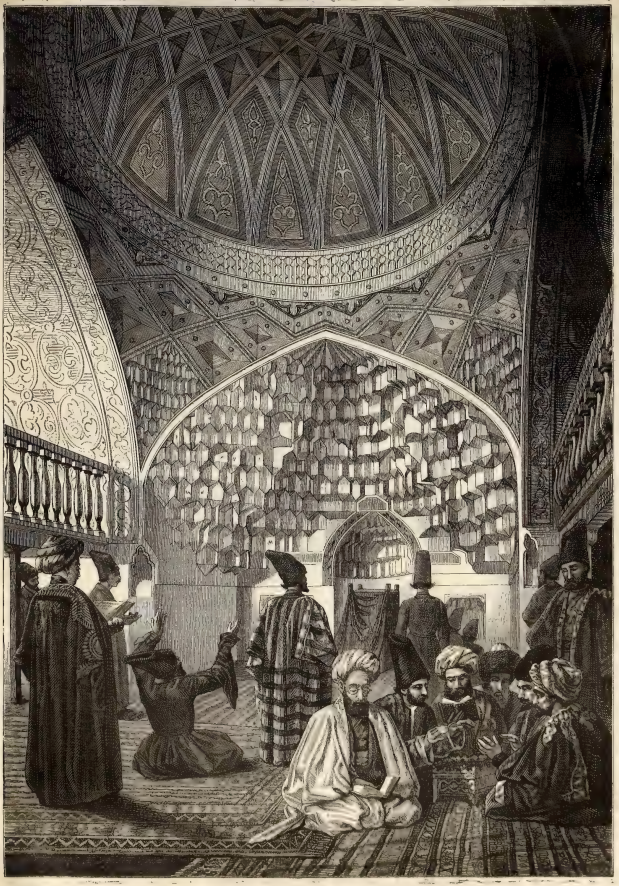
Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ того, народъ празднуетъ ночь въ честь шайтана — злой силы, или дьявола.

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ноғ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ новый день, и празднуется одновременно съ нами. Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ.

Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (пацурсъ-мархо).

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Вы-

НАЗАРЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВЕРЕЩАГИНЪ



ТАТАРСКАЯ МЕЧЕТЬ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

бирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *уастырджи*, въ честь св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лагти-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщина не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдовательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасанъ*—сборъ травъ,—считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того у осетинъ бываетъ праздникъ въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ Уацилы, или Вацилы осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею, и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи, продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ.

Громовой ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва Иліи. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, которая послѣ молніи и удара грома падаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ—показываетъ себя какъ бы навожденною и распѣваетъ непонятныя пѣсни.

Главное мѣсто празднества св. Иліи происходитъ на одной изъ горъ, гдѣ живетъ главный жрецъ этого святаго *дзуаръ-лагъ*, что значитъ святой человѣкъ. Онъ же и гадаталь.

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покровителей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздниковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ въ честь кого празднуютъ.

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каждый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ-покровителей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не признаются другими аулами и племенами.

Слѣпая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣритъ и боится прогнѣвить его, изъ одного простаго страха, что эта неодушевленная вещь отмститъ за оскорбленіе, въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ него потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ-тайнѣ имъ уважаемыми.

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко прибѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа

при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между осетинами. Осетины вѣрятъ тоже въ русалокъ и въ существованіе богини воды.

Многоженство въ обычаѣ осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по осетински, *крадз*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалака (однодворца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ*— состояніе, подходящее къ крестьянскому быту.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха невѣсты или исподволь, пока растетъ дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуетъ. Женихъ беретъ себѣ въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатить выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себѣ невѣстъ безъ всякаго выкупа, что притомъ же считается особенной честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или платитъ значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершенно съ согласія невѣсты и сдѣлано съ большимъ удальствомъ: иначе пойманный часто платится жизнію, а боками—всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупа, поступаютъ въ домъ невѣсты работникомъ и часто только послѣ восьми-лѣтняго служенія женихъ пріобрѣтаетъ себѣ право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перезрѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра выкупа—съ другой лишали осетина возможности заплатить законный, кальмъ за нѣсколькихъ женъ; поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными, отъ которыхъ происходили незаконныя дѣти или *кавдасарды*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себѣ. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ пріобрѣтали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьмилѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые

люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десятилѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Основою семейнаго быта у осетинъ служитъ уваженіе къ старшимъ и вообще людямъ пожилыхъ нѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непремѣнно своею обязаннестью вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество съ оружіемъ въ рукахъ составляютъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены, если имѣетъ къ тому средства, и потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ—онъ не обидится; но назвать его усъ—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта—принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они одни и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ, и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно «на лаг»,—что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но еслибы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать пять лѣтъ она уже совсѣмъ старуха. Лицо ея обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, онѣ очень часто называютъ другъ друга не собственными именами, а нарицательными: савъ-гизъ (черная дѣвка, одно изъ почтенныхъ именъ), бабизъ (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весь-

ма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если у выгнанной женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденнаго сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ попировать на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, причемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи—въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три маслянихъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самые близкіе родственницы уводятъ ее изъ женскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при ропахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой твердости, что какъ бы ни были мучительны роды родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмы въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожденнаго, и хлопочутъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію. Но увы! и эта надежда исчезла: хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца: дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее ирадъ (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные аппетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шашки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ уз-

КУРДЪ. АРМЯНИНЪ. ОСЕТИНЪ

ЧЕЧЕНЕЦЪ. ЛЕЗГИНЪ

Лазарь Борисовичъ Гуревичъ

Лазарь Борисовичъ Гуревичъ

наетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ.

Въ этомъ случаѣ муллы поступали для себя болѣе практично. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

О воспитанія дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченіи матери; но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновеніе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ.

Для сохраненія гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно. Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея ежедневную пищу. Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ —длинной витой узелъ, похожій на жгутъ, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятію осетинокъ, это способствуетъ выростанію и удлиненію волосъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется непохороненнымъ. Поэтому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христіане, живущіе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсью своихъ обычаевъ; а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по-языčески.

Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. Поэтому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи въ день смерти совершался обрядъ хоранга, или большія поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласія наслѣдниковъ; на вырученныя деньги покупали вина, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленныя изъ нихъ кушанья съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ, живущимъ въ сосѣднихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатей). Послѣдняго снабжаютъ самою лучшею лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ сосѣднихъ ауловъ матзигой—такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе—покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи—кто черкеску, шашку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ сосѣднихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и аробъ, и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣсколько человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ попеременно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки «са-а-а»; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре

человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню ада-дай, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ чтобы показать свое сострадание къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетьми этими они бьютъ себя по открытой головѣ такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками, и кровь льется изъ задней части головы.

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя руками. Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ лицо ихъ раздувается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону.

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый карагъ — оплакиваніе, поддерживаемое общимъ рыданіемъ присутствующихъ. Присутствующіе, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ дли покрова умершаго, такъ и на содержаніе его вдовы. По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу, и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ печальной процессіи, непосредственно за арбою, на которой везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула, и при пѣніи «ада-дай», бьютъ себѣ обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ тоже самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженіи и на конѣ, принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, тѣмъ медленнѣе подвигается процессія, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиваніе. Покойника ставятъ подаль отъ мѣста погребенія. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣсню и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ.....

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ пороху и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершій человѣкъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то наоборотъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, челитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлію, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ.

Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и съ важностію требуетъ коня покойнаго, для совершенія обряда бахи-фалдисть — жертвованія лошади въ честь покойника.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовыми навсегда, отрѣзаютъ себя волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный полу-

чаетъ для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убитъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, онѣ принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ придѣлывается шаръ.

Послѣ закрытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана, смотря по состоятельности осиротѣвшаго семейства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый кабакъ—стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти саженъ длины. Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается маданих-истъ—такъ сказать—ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться.

Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіи трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается мадани-истъ. Каждый приглашенный на истъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, вареники съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіи первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуріямъ.

XXXIX. КУРДЫ.

На приложенной хромолитографіи, вмѣстѣ съ арменіномъ и осетиномъ, изображенъ курдъ. Эта народность принадлежитъ къ иранской рассѣ и живетъ въ Азіятской Россіи въ весьма ограниченномъ числѣ, въ частяхъ губерній: Эриванской, Бакинской и въ пограничныхъ частяхъ Кутаисской. Всего считается ихъ въ Закавказьѣ до 11,000 душъ, изъ которыхъ около двухъ третей кочующихъ, и только одна треть осѣдлыхъ. По незначительной числительности ихъ въ предѣлахъ Россіи, они не заслуживаютъ подробнаго описанія, почему мы ограничимся нѣсколькими словами.

Ученые приписываютъ курдамъ древнее кавказское происхожде-

ніе. Нынѣ они населяютъ долину Тигра и Евфрата, и окрестности озера Ванъ. Большинство этого воинственнаго племени ведетъ кочевую жизнь; если нѣкоторые и живутъ осѣдло въ домахъ, то это только во время зимы; лѣтомъ же начинаютъ кочевать; да и самыя зимнія жилища ихъ, состоящія по большей части изъ землянокъ, занесенныхъ въ зимнее время снѣгомъ, непостоянны, а также переносятся съ мѣста на мѣсто. Хотя они умѣютъ прекрасно искусственно орошать землю, тѣмъ не менѣе, какъ всѣ горскіе народы, весьма мало занимаются хлѣбопашествомъ. Главное богатство ихъ состоитъ въ стадахъ скота, состоящихъ изъ коровъ, буйволовъ, барановъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Овечье молоко составляетъ ихъ любимую пищу, а курдистанскіе бараны, въ громадномъ числѣ, идутъ на пищу жителямъ Константинополя и другихъ городовъ сирійскаго побережья; фабричной промышленности, разумѣется, никакой не существуетъ, кромѣ самыхъ грубыхъ предметовъ для собственной необходимости.

Наружный видъ курдовъ красивъ; красивыя же женщины встрѣчаются весьма рѣдко. Страсть къ грабежу и хищничеству преобладаетъ у нихъ надъ всѣми другими качествами; кромѣ того они мстительны.

Большинство курдовъ принадлежитъ къ суннитскому толку; но вообще они плохіе мусульмане, и обряды ихъ весьма различаются отъ тѣхъ, которыхъ придерживаются турки или персы. Нѣкоторые курды, исповѣдующіе христіанство, почти всѣ несторіане. Что же касается до курдовъ-язычниковъ, то они называютъ себя іезидами. Они вѣруютъ въ Бога, Іисуса Христа и Богородицу, но къ этимъ догматамъ они присоединяютъ множество понятій, чуждыхъ какъ христіанству, такъ и магометанству. Они вѣруютъ, напримѣръ, въ дьявола. Священныхъ книгъ у нихъ нѣтъ никакихъ, умершихъ хоронятъ съ множествомъ палочекъ, чтобы они могли отгонять отъ себя злыхъ духовъ. Старухи находятся у нихъ въ большомъ почитаніи. Полагаютъ, что живущихъ въ Малой Азіи іезидовъ насчитывается до одного милліона душъ. Въ Эриванской губерніи ихъ не наберется болѣе нѣсколькихъ сотенъ. Другая языческая секта признаетъ своимъ богомъ Алія; послѣдователи ея называются кизильбашами, по названію употребительнаго между ними головнаго убора. Наконецъ, еще одна языческая секта поклоняется высокимъ деревьямъ, скаламъ и другимъ выдающимся предметамъ природы.

Курдскія женщины, живущія въ предѣлахъ Россіи, отличаются некрасивостію и неопрятностію, хотя они очень усердны въ хозяйствѣ. Кромѣ того, они очень ревнивы, и рѣдкій изъ курдовъ имѣетъ болѣе одной жены. Курдскій женскій костюмъ очень живописенъ, а танцы женщинъ очень выразительны.

XL. ЧЕЧЕНЦЫ.

По сосѣдству съ осетинами и на востокъ отъ нихъ поселилось чеченское племя. Чеченцы называютъ себя *нахче*, т. е. народъ, и названіе это относится одинаково до всѣхъ племенъ и поколѣній, говорящихъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Наружная деликатность и вѣжливость есть отличительная черта характера чеченцевъ. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга или отдаютъ «селямъ»; знакомые же привѣтствуются пожатіемъ руки, и всегда правою. Въ языкѣ ихъ не существуетъ, подобно другимъ народамъ, ни изысканныхъ ругательствъ, ни бранныхъ словъ. Въ минуты гнѣва, самою употребительною у нихъ бранью считается какое-нибудь пожеланіе, въ родѣ того: чтобы тебѣ голову сняли! чтобы тебя пушкою убило, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, чеченецъ произноситъ: «джалій корне» (собачій сынъ), что считается большимъ оскорбленіемъ. Если въ настоящее время чеченскій лексиконъ увеличился новыми ругательствами, то они большею частію заимствуются отъ сосѣдей-иноземцевъ.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ отличаются полнымъ уваженіемъ къ женской стыдливости, составляющей достоинство дѣвушки. Чеченецъ считаетъ недостойнымъ себя не только оскорбить чѣмъ нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію, и, какъ увидимъ ниже, за подобнымъ поступкомъ слѣдуетъ весьма серьезная раздѣлка. Вообще, въ характерѣ народа много гордаго и самолюбиваго.

Подобно черкесамъ, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и вѣрили въ широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая съ трудомъ свое отечество, чеченецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться подъ свое родное одѣяло — такъ называютъ они свои лѣса. Даже отправляясь на богомолье, туземецъ сохраняетъ присутствіе духа только до тѣхъ поръ, пока его провожаютъ родные.

Чеченцы считаютъ себя народомъ, избраннымъ самимъ Богомъ, но для какой именно цѣли они предназначены и избраны, — объяснить не могутъ. Вслѣдствіе такой самоувѣренности, они полагаютъ, что ни во взглядѣ на жизнь, ни въ своихъ мнѣніяхъ и приговорахъ, ошибиться не могутъ. Отъ этого у нихъ часто проявляется недовѣріе ко всему, сказанному нами, ко всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, клонящимся прямо въ ихъ пользу. Мнительность и подозрительность, а вслѣдствіе того большая осторожность и предусмотрительность видны во всемъ томъ, что исходитъ прямо отъ самого народа. Они ласковы, по собственному ихъ выраженію, только потому, чтобы не подать подозрѣнія о склонности къ воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нѣтъ возможности. Онъ васъ любитъ, какъ брата, но горсть серебра — и онъ готовъ отдать васъ въ самыя адскія руки.

Какъ всѣ полудикіе народы, и чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ, и весьма склонны къ мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой сте-

пени развитія, чеченецъ легковѣренъ, впечатлителенъ, быстръ на знакомство и всегда веселъ. Одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ. Подъ веселостію у него часто скрывается чувство мести за обиду. Въ минуты увлеченій, во время споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбѣжно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную вражду и мщеніе.

Умственное развитіе чеченцевъ далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость, а главное—безпрерывныя насилія и вѣчная война. Чеченецъ богато одаренъ умственными способностями, но, къ сожалѣнію, и онѣ получили фальшивое направленіе при той обстановкѣ, при которой онъ развивался.

Многіе обычаи гостепріимства придаютъ полудикому населенію нѣкоторый видъ благородства. Гостепріимство развито въ значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны и, не смотря на дикость нравовъ, являются утонченно вѣжливыми хозяевами и гостями. Шамиль, стараясь развить въ народѣ шпіонство и доносы, сильно поколебалъ въ подвластныхъ ему племенахъ строгое наблюденіе обычая гостепріимства.

Гостепріимство чеченца, говоритъ Пассекъ, далеко ниже того, какъ привыкли воображать: безъ разсчета чеченецъ не испечетъ теперь гостю чурека (хлѣба), не зарѣжетъ барана, и было нѣсколько примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, а хозяинъ обиралъ своихъ гостей.

Въ тѣхъ же обществахъ, которыя не были подъ властью Шамиля, гостепріимство и до сихъ поръ осталось на высокой степени своего развитія. Въ такихъ племенахъ, хозяинъ считаетъ великимъ для себя стыдомъ позволить обидѣть и даже арестовать человѣка, переступившаго порогъ его сакли, хотя бы онъ былъ даже преступникъ.

Чеченецъ одѣвается безъ всякихъ затѣй, все по мѣркѣ, все къ мѣсту, и ничего лишняго. Сшитый изъ желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія чекмень или чуа, плотно и въ обтяжку охватываетъ его гибкую талію; бешметъ или архалукъ его бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи. Чеченецъ носитъ суконныя шаровары, суживающіяся къ низу, а чевяки или мачи, приготовленные изъ сыромятной лошадиной кожи, составляютъ его обувь. Чевяки плотно охватываютъ ногу такъ, чтобы обрисовать ее—это щегольство.

Желающіе блеснуть чевяками, надѣваютъ ихъ, подобно черкесамъ, не прежде, какъ достаточно размочивъ въ водѣ. Нѣкоторые носятъ кожаные чирики—родъ башмаковъ, иногда безъ подошвы, а иногда подъ нихъ подшивается подошва изъ буйволовой кожи. Зимою туземецъ облекается въ полстяные теплые чевяки, похожіе на валенки. На головѣ чеченецъ носитъ папаху, представляющую родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, обращенной шерстью во внутрь, съ завороченными наверхъ краями, образующими мѣховой околышъ, или куртей. Нарядное платье свое чеченцы обшиваютъ узкимъ галуномъ, приготовленнымъ дома, довольно прочно и красиво.

Одежда чеченскихъ женщинъ довольно живописна, хотя мало отличается отъ обыкновеннаго татарскаго женскаго костюма. Онѣ носятъ одноцвѣтныя, краснаго или синяго цвѣта, длинныя рубашки, доходящія до колѣнъ, съ длинными же рукавами и цвѣтными надплечіями. Поверхъ рубашки надѣваютъ бешметъ, или архалукъ, широкія шальвары, подвязанныя у чевякъ, и на ногахъ чевяки. Зимою женщины носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ у нѣкоторыхъ племенъ чеченскаго народа считается большимъ срамомъ. Костюмъ женщинъ отличается большею чистотою и опрятностію. На головѣ онѣ носятъ небольшія шапочки, разукрашенныя монетами и другими

блестящими бездѣлушками; большинство же повязываетъ голову длинными бѣлыми платками, но покрывалъ въ горахъ по большей части не носятъ вовсе, лица своего не скрываютъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Въ богатыхъ семействахъ одежда женщинъ отличается своею роскошью и изысканностію.

Обыкновенную пища у чеченца составляютъ: просяная лепешка и сыскиль, кукурузный хлѣбъ, который ѣдятъ часто съ биремомъ. Биремъ давнишнее квашенное и соленое молоко, безпрестанно разводимое то водою, то молскомъ, съ приправою соли. Прочія блюда составляютъ: ахигъ—варенная кукуруза, лапша, молоко свѣжее (ширъ) и кислое (шаръ), творогъ, масло, пшеничныя лепешки, у которыхъ верхняя корка покрывается толстымъ слоемъ сала, блины, употребляемые на свадьбахъ и похоронахъ, и джи-жикъ—мясо въ различныхъ видахъ, и преимущественно баранина, изъ которой приготовляютъ довольно вкусный бульонъ, весьма часто приправляемый сметаною и чеснокомъ. Чеченцы не ѣдятъ горячаго и, сваривъ бульонъ, разводятъ его холодною водою, если не желаютъ ждать, пока онъ остынетъ. Кромѣ того варятъ фасоль, бобы, а теперь входитъ въ употребленіе картофель. Для гостя чеченецъ подаетъ шашлыкъ, калтъ-детты—сыръ, перемѣшанный съ топленнымъ масломъ, и калмыцкій чай.

Чеченцы очень умѣренны въ пищѣ, точно также какъ во снѣ. Несмотря на то, что весьма сильны и ловки, они ѣдятъ очень мало и часто довольствуются чурекомъ съ кускомъ бараньяго сала или сыра. Дома чеченцы ѣдятъ раза два или три, но понемногу. Мужъ ѣстъ всегда отдѣльно отъ жены, которая не осмѣлится сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, безъ особаго приглашенія. Пищу приготовляютъ, тогда, когда приходитъ время ѣсть, и при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы не было остатковъ. Приличіе требуетъ, по окончаніи ѣды, оставлять всегда что-нибудь на блюдѣ. Передъ ѣдою и послѣ умываютъ руки и полощатъ ротъ.

Чеченскіе аулы или селенія вообще растянуты на значительное разстояніе; сакля отъ сакли отдѣляется садомъ, огородомъ, дворомъ, а иногда и пашнею. Селенія строятся неправильно, каждый дворъ отдѣльно, и раскидываются по предгорьямъ, въ лѣсу, вдали отъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; но въ горахъ, напротивъ того, селенія ихъ незначительны и часто состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ предупрежденіе отъ нападеній, нѣкоторые изъ ауловъ, подобно тому какъ наши казачьи станицы, окружены валомъ и плетнемъ съ частоколомъ.

Жилища нѣкоторыхъ чеченскихъ племенъ, составляющихъ Ингушевскій округъ, состоятъ преимущественно изъ старыхъ каменныхъ башенъ, сложенныхъ изъ камня, безъ цемента и имѣющихъ нѣсколько ярусовъ. Башни эти построены преимущественно на выступахъ скалъ или на оконечностяхъ гребней, словомъ на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго не годны. Въ одной такой башнѣ живетъ почти всегда нѣсколько семействъ, занимающихъ верхніе этажи, а нижніе предназначаются для помѣщенія скота. Живя совокупно въ одной башнѣ и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, семейства раздѣлены между собою капитальными стѣнами и помѣщеніе каждаго выходитъ въ общій корридоръ, составляющій принадлежность каждой башни. Кромѣ жилыхъ башенъ, въ горскомъ аулѣ встрѣчаются нерѣдко башни оборонительныя со множествомъ амбразуръ, имѣющихъ форму треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній.

Двѣ или три жилыхъ башни, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ аулъ, группирующійся, какъ мы сказали, или до оконечностей гребней, или на выступахъ скалъ, и преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ.

Чеченское селеніе, напротивъ того, часто тянется въ длину версты на три или на четыре, хотя весь аулъ состоитъ не болѣе какъ

изъ ста домовъ. Всѣ строенія деревянныя, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, и съ плоскими крышами.

Домъ чеченца обмазанъ съ обѣихъ сторонъ глиною и выбѣленъ внутри него относительно чисто, опрятно и свѣтло. Въ стѣнахъ сдѣланы окна безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ вѣтра, преимущественно сѣвернаго, оттого и двери обращены всегда на югъ или востокъ.

Дверь свою чеченецъ почти никогда не запираетъ, и потому сильный сквозной вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ, которыхъ бываетъ по двѣ или по три въ каждомъ домѣ.

Сакля нагрѣвается каминомъ, чаще очагомъ, надъ которымъ сдѣлана труба, проходящая сквозь крышу. Вдоль внутреннихъ стѣнъ сакли идутъ лавочки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: посуды ковры, одѣяла, подушки и прочая рухлядь. Въ одномъ углу комнаты стоитъ корзина съ зерновымъ хлѣбомъ, а въ другомъ кадка съ водою, составляющія почти единственную мебель сакли. Одна изъ комнатъ сакли предназначается для пріема гостей и носитъ названіе кунахской. На убранство и чистоту этого помѣщенія каждый хозяинъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ кунахской можно встрѣтить двѣ-три скамейки, лучшія изъ всѣхъ, какія только есть въ домѣ, широкій сундукъ, покрытый ковромъ, и полъ комнаты, устланный бѣлыми войлоками. Здѣсь, вмѣсто очага, устраивается непремѣнно каминъ, а сбоку его у маленькаго окошечка, на почетномъ мѣстѣ стоитъ кровать туземнаго издѣлія. Въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно около дверей, виситъ нѣсколько бычачьихъ шкуръ, на которыя правовѣрные становятся при совершеніи молитвы или намаза. Стѣны кунахской утыканы деревянными колышками и на нихъ въ одномъ мѣстѣ развѣшано оружіе, въ другомъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышко, въ третьемъ глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, также схваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки. Все это почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ, и чѣмъ больше развѣшано такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепріимнѣе считается кунахская. Каждый домъ имѣетъ почти всегда дворъ, огороженный плетнемъ.

Близъ дома строятся помѣщенія для скота; а если недалеко отъ аула протекаетъ рѣчка, то многіе хозяева имѣютъ свои мельницы, или на самой рѣчкѣ, или на проведенной изъ нея канавѣ.

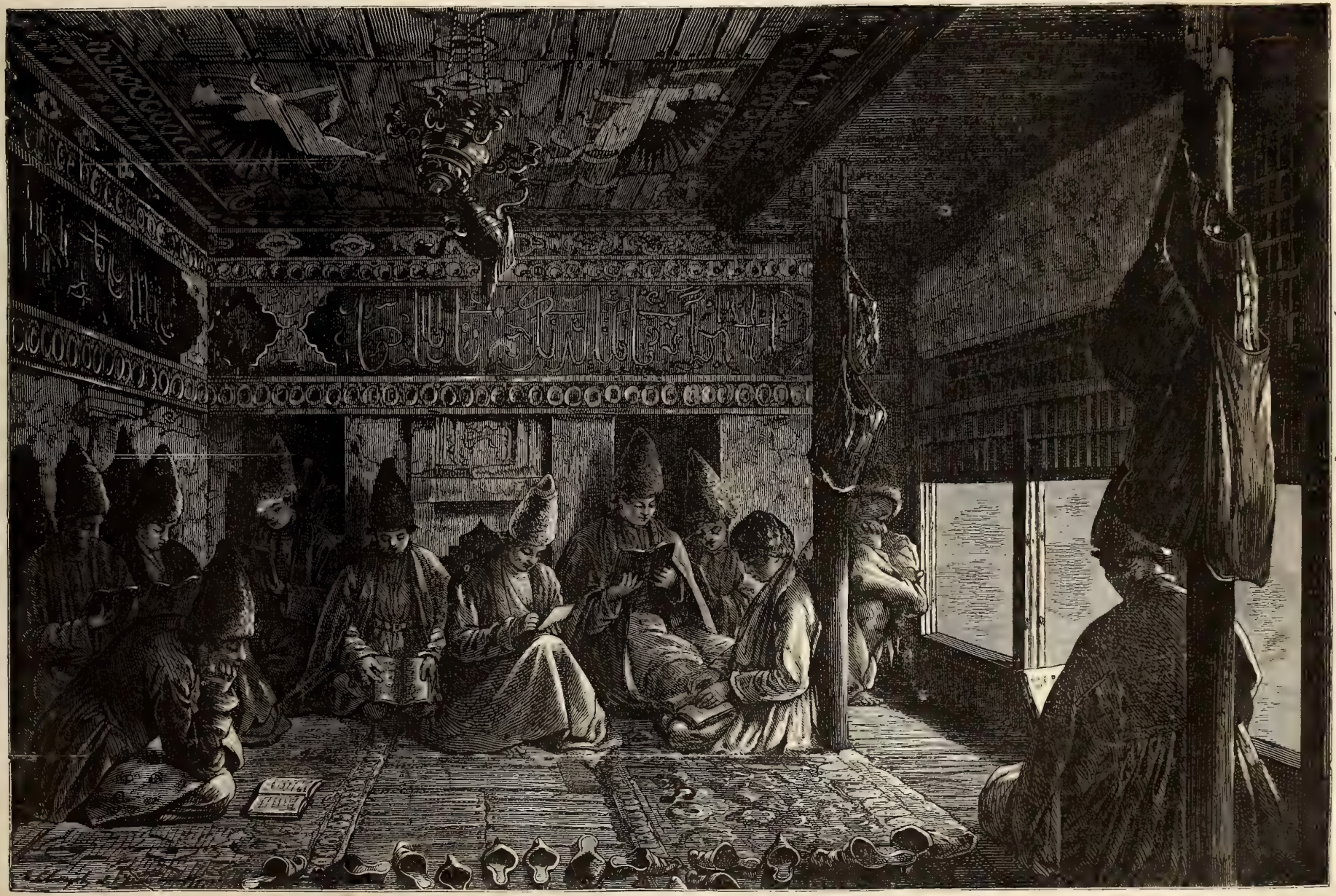
Почти у каждаго дома есть свой огородъ, въ которомъ засѣвается преимущественно: лобія, бобы, тыква рѣдко огурцы, чеснокъ и лукъ; подлѣ огорода есть небольшой клочекъ земли, засѣваемый нынѣ табакомъ, иногда огурцами и дынями. Въ нѣкоторыхъ аулахъ разведены небольшіе сады, но за то во всѣхъ аулахъ кукуруза засѣвается въ изобиліи.

Изъ всего своего помѣщенія чеченецъ больше всего любитъ кунахскую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей.

Господствующая религія чеченцевъ магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христіанами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротивъ того, жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и развалины древнихъ храмовъ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ странѣ, исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію.

Трудно опредѣлить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религію, но съ достовѣрностію можно сказать, что различныя племена этого народа принимали эту религію, разновременно и во всякомъ случаѣ водворилась она у нихъ не ранѣе начала прошлаго столѣтія.

До появленія Шамиля духовенство въ Чечнѣ было бѣдно и невѣжественно. Все преимущество чеченскаго духовенства надъ прихожанами заключалось въ посредственномъ знаніи грамоты, которая дѣлала ихъ необходимыми для многихъ нуждавшихся въ составленіи разныхъ письменныхъ документовъ. Эта необходимость и давала



ТАТАРСКАЯ ШКОЛА ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

имъ еще нѣкоторое значеніе въ народѣ. При поступленіи въ духовное званіе не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знаніе грамоты. Церковное богослуженіе магометанской религіи не требуетъ никакой подготовки; оно состоитъ въ дневныхъ молитвахъ, извѣстныхъ почти каждому.

Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности чеченскаго духовенства былъ крайне ограниченъ. Не получая никакихъ особенныхъ доходовъ съ прихожанъ, а имѣя за то большой запасъ свободнаго времени, духовенство посвящало его торговлѣ и хлѣбопашеству. Въ Чечнѣ каждый мулла получалъ, по примѣру своихъ прихожанъ, опредѣленный участокъ земли, которымъ и кормился.

Съ водвореніемъ въ Чечнѣ власти Шамиля, послѣдній хотя и значительно поднялъ духовенство въ глазахъ народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующимъ.

Муллы въ Чечнѣ по-прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространеніи истинъ магометанскаго ученія и чистоты религіи, сколько хлопотали о поддержаніи суевѣрія въ народѣ. Къ нимъ прибѣгали за помощью чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисманъ, приворожить къ себя возлюбленную или возлюбленнаго.

Получая за это приношеніе или подарокъ изъ нѣсколькихъ барановъ, муллы не отказывались отъ исполненія такихъ просьбъ и вообще старались поддержать религіозное суевѣріе въ народѣ, увѣряя его, что коранъ открываетъ имъ все темное и скрытое.

Случалась-ли засуха,—жители спѣшили къ муллѣ, и просили его отыскать въ книгѣ такой день, въ который можетъ быть назначена церемонія для добыванія дождя.

Самъ Шамиль прибѣгалъ нерѣдко къ подобному шарлатанству, распространяя въ народѣ слухъ о томъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ.

Вообще Шамиль старался дѣйствовать на религіозное чувство народа внѣшнею обрядностію религіи и выказывалъ себя чрезвычайно религіознымъ и чистосердечно преданнымъ мюридизму.

Чеченецъ чрезвычайно суевѣренъ: онъ не броситъ напримѣръ, яичной скорлупы въ огонь, боясь, что куры не станутъ нести яицъ или вовсе переведутся; онъ никогда не выбрасываетъ костей, а старается сжечь ихъ, вѣря, что выбрасываніе ихъ непріятно Богу.

Чеченцы вѣрятъ, что можно сглазить человѣка, и, въ противодѣйствіе тому, имѣютъ амулеты, въ которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изреченія изъ корана.

Умопомѣшательство и идіотизмъ чеченцы приписываютъ знакомству съ джинышами. Джиныши—духи, которые, по понятію народа составляютъ средину между ангелами и духами зла, но связь съ которыми человѣка не приводитъ къ доброму и кончается почти всегда умопомѣшательствомъ.

Суевѣріе, существующее въ народѣ, частію перешло и въ дурную сторону характера туземца.

Чеченецъ не затруднится дать несправедливое показаніе или ложную присягу. Онъ не считаетъ это преступленіемъ и вѣритъ чистосердечно, что присягнуть ложно не составляетъ грѣха, если только присягающій, во время обряда, не положитъ пальца на коранъ или перевернетъ газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего, а курить табакъ, по понятію чеченца, грѣхъ тяжкій, потому что табакъ—дѣло нечистое.

Запрещеніе курить табакъ принадлежитъ къ числу установленій, изобрѣтенныхъ Шамилемъ, который вообще преслѣдовалъ роскошь, пляски, музыку и пѣніе, стараясь замѣнить его однимъ постояннымъ напѣвомъ: ля- илляхи-иль-Алла! (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотритъ на нее свысока. Мужъ почти никогда не раздѣляетъ съ женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если разсказываетъ о своемъ наѣздничествѣ,

удальствѣ и удачѣ, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того, чтобы, порисовавшись передъ нею, возбудить къ ней удивленіе и еще большую къ себѣ покорность. О дѣлахъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе секретныхъ, чеченецъ не станетъ никогда говорить съ женою.

Рабское положеніе женщины кладетъ на нее и рабскіе отпечатки. На лицѣ женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости.

Чувственная отъ природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполнѣ и до послѣдней степени. Въ такихъ случаяхъ для нея нѣтъ ни предѣловъ, ни ограниченій. Подъ вліяніемъ страсти, молодая дѣвушка не стѣснится въ глухую ночь пробраться къ саклѣ того, кому рѣшилась отдаться.

Чтобы завладѣть храбрымъ джигитомъ, чтобы достигнуть своей цѣли, дѣвушка употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, пускаетъ въ ходъ всѣ свои чарующія знанія, волшебство, созданное суевѣріемъ народа, и нерѣдко прибѣгаетъ къ гаданію, какъ къ средству узнать заранѣе будущую свою судьбу и предстоящее счастіе.

Пришедшая въ домъ мужчины дѣвушка, по обычаю, становится его женою. Никто не въ правѣ расторгнуть этого брака, и родными волею или неволею остается согласиться и пожелать молодымъ счастья; тогда задаютъ пиръ—и дѣло кончено.

Супружескія отношенія отличаются согласіемъ, чему отчасти способствуетъ полная покорность женщины. Будучи чрезвычайно ревнивымъ, чеченецъ зорко слѣдитъ за поведеніемъ своей жены, и нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки и преслѣдуются весьма строго.

Хотя мужъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ посягнуть на жизнь своей жены, но, убѣдившись въ ея невѣрности, онъ можетъ въ наказаніе изуродовать ее, отрѣзать носъ или ухо, или же просто развестись съ нею. За прелюбодѣяніе замужней женщины у чеченцовъ существовало страшное наказаніе: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщенія. Отъ воли мужа зависѣло однакоже предать жену народному суду или ограничиться простымъ разводомъ и прогнаніемъ отъ себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была дѣвушка, то долженъ былъ жениться или также его ожидала смерть.

Туземцы большіе охотники мѣнять женъ, т. е. разводиться съ прежними и брать новыхъ.

Со дня замужества, чеченская женщина дѣлается самою неутомимою работницею своего семейства, не имѣетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при всемъ этомъ къ чести женщинъ надо сказать, что онѣ содержатъ свое простое и незатѣйливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мужчина, въ свободное отъ воинственныхъ занятій время, проводитъ его праздно, безпечно, весело и, не смотря на окружающую его бѣдность, былъ всегда доволенъ собою. Призадуматься о своемъ положеніи, склонить голову на руку, считалось малодушіемъ. Надежда на свою силу, ловкость и проворство дѣлали чеченца разгульнымъ, но не порождали въ немъ стремленія къ улучшенію своего быта.

Въ образѣ жизни, между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ нѣтъ почти никакой разницы, развѣ только та, что богатый одѣвается нѣсколько лучше, да владѣетъ болѣе богатымъ оружіемъ.

Не видя вокругъ себя ничего лучшаго противъ своего собственнаго положенія, привыкнувъ, со дня своего рожденія, къ окружающимъ его красотамъ и богатству природы, чеченецъ или проводитъ праздно время въ своей кунахской, или, сидя на заборѣ, стругаетъ палочку, чиститъ оружіе, то шилъ поршни (обувь изъ сыромятной кожи), шелъ въ гости или, наконецъ, вскочивъ на коня, рыскалъ по дикимъ гребнямъ горъ безъ всякой видимой цѣли.

Конь, ружье и шашка—вотъ его гордость и жизнь; пашня, посѣвъ и покосъ—единственная забота житейская. Чеченцы вообще

склонны къ праздности, и жизнь ихъ была до невѣроятности однообразна, скучна, безчувственна и совершенно безплодна для души и сердца. Въ то время, когда жены таскаютъ на себѣ вязанки дровъ, сѣно, тяжелые кувшины съ водою работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчины сидятъ у дверей своихъ хижинъ, которыя всегда настежь зимою и лѣтомъ, или около мечети, слушаютъ и разсказываютъ новости.

Вся дѣятельность ихъ, и все почти занятіе, состояло въ пяти намазахъ.

Оставаясь цѣлые дни въ бездѣйствіи, чеченцы, какъ и вообще всѣ горцы, съ необыкновенною жадностію принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ отправляются въ дальнія путешествія, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, и пускаются на самыя безсмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій была, въ свое время, одною изъ побудительныхъ причинъ къ хищничеству.

Таково положеніе чеченца въ семейномъ быту, но не таково положеніе чеченской женщины.

Женщины, напротивъ того, отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и самыя тяжелыя работы, не исключая полевыхъ.

За всѣ свои труды жена подчинена мужу, какъ своему полновластному господину, въ присутствіи котораго никогда не садится и съ которымъ не раздѣляетъ стола. При разговорахъ мужъ и жена не называютъ другъ друга по имени.

Отецъ есть глава семьи, и воля его священна для жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ держитъ себя весьма серьезно; но онъ полновластенъ надъ сыновьями только въ періодъ ихъ малолѣтства.

Мать, никогда и ни въ какомъ возрастѣ, не имѣла никакой власти надъ дѣтьми. Во многихъ случаяхъ она не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вкладываетъ въ человѣка, какъ къ виновницѣ его существованія. Восьмилѣтній сынъ часто обращается съ матерью съ большимъ пренебреженіемъ и даже цинизмомъ.

Чеченцы, считая дѣтей даромъ Божіемъ, никогда не бьютъ и не бранятъ ихъ, особенно съ тою цѣлію, чтобы не запугать и не сдѣлать съ малолѣтства робкими; но за то впадаютъ въ другую крайность, предоставляя самимъ обстоятельствамъ развитіе дѣтскаго характера и буйныхъ страстей, заключающихся въ ихъ бурной природѣ.

Если дѣти иногда слишкомъ надоѣдаютъ матери и огорчаютъ ее, то она плачетъ, но не тронетъ, не ударитъ ихъ.

Отецъ хотя и обращается съ ними сурово и молчаливо, но не внушаетъ тѣмъ къ себѣ никакого уваженія. Дѣти не называютъ его отцомъ, а величаютъ собственнымъ именемъ, иногда даже шутовскимъ; слова: мать и отецъ не существуютъ въ семейномъ быту чеченца. Сами родители бываютъ часто виновниками развитія дурныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ.

Отецъ часто подбиваетъ сына на воровство и хищничество. Когда, напримѣръ, созрѣваютъ фрукты, то мальчишки, вмѣстѣ съ взрослыми, какъ бы ученики съ опытными наставниками, собираются по ночамъ на воровство фруктовъ въ садахъ сосѣдей. Предпринявъ предварительно мѣры къ огражденію себя отъ поимки, они рвутъ плоды, а потомъ общею компаніею отправляются куда нибудь въ поле, гдѣ скрытно лакомятся наворованнымъ.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, мужъ уѣзжаетъ изъ дому и предоставляетъ ухаживать за родильницей родственницамъ или знакомымъ женщинамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ родовъ, такъ дней черезъ пять, мужъ возвращается домой и не обращаетъ никакого вниманія ни на жену, ни на новорожденнаго, причемъ съ первою онъ даже долгое время не разговариваетъ, въ особенности если жена имѣла несча-

стіе подарить мужа дочкою, а не сыномъ. Рожденіемъ дочери отцы бываютъ крайне недовольны и радуются, когда родится сынъ. Появленіе на свѣтъ младенца мужскаго пола часто служитъ поводомъ къ пиршеству и угощеніямъ въ домѣ отца. Рожденіе мальчика, хотя бы и отъ гаурской плѣнницы, считалось всегда хорошимъ предзнаменованіемъ для семейства. Такъ, одна изъ женщинъ, бывшихъ въ плѣну, вмѣстѣ съ княгинями Чавчавадзе и Орбеліани, разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ. Едва только жители аула узнали объ этомъ, какъ тотчасъ же на дворѣ раздались выстрѣлы, возвѣстившіе о рожденіи младенца мужскаго пола, въ честь котораго зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, младенцу даютъ имя съ нѣкоторою торжественностію.

Дѣти ростутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до четырехъ-лѣтняго возраста они ходятъ почти нагіе. Съ наступленіемъ четырехъ-лѣтняго возраста ихъ одѣваютъ въ рубашки, а впослѣдствіи даютъ и шаровары, зимою же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

Весь костюмъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее бѣлье; послѣднее, одинъ разъ уже надѣтое, не снимается до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ накожныя болѣзни и заводитъ миріады насѣкомыхъ.

Женитьбы, совершаемой обыкновеннымъ способомъ, всегда предшествуетъ сговоръ или сватовство. Случалось, въ прежнее время, что родители, еще во время младенчества своихъ дѣтей, обѣщались породниться другъ съ другомъ и, въ залогъ калыма, давали пулю, газырь черкески или нѣсколько денегъ. Дѣти, подростая, мало по малу свыкались съ своимъ положеніемъ.

Желая засватать дѣвушку, родители жениха засылаютъ сватовъ, которые и дѣлаютъ предложеніе родителямъ дѣвушки выдать ее замужъ. Если родители ея согласны, то призываютъ дѣвушку и спрашиваютъ: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашиваніе составляетъ только форму, требуемую обычаемъ. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ безпрекословно волю родителей, а если и высказываетъ протестъ, то на него не обращаютъ никакого вниманія, развѣ имѣется въ виду другой, болѣе выгодный женихъ или дѣвушка чувствуетъ видимое отвращеніе къ сватающемуся. Когда согласіе на бракъ состоится, то женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и нѣсколькихъ рублей денегъ.

Въ случаѣ отказа родителей выдать свою дочь за человѣка ищущаго ея руки, народный обычай даетъ средство получить дѣвушку и помимо воли ея родителей, съ согласія ея брата. Стоитъ только брату, во время пирушки или обѣда, выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, дѣлающимъ ей предложеніе, и принять отъ него подарокъ: тогда сестра его считается засватанною, и онъ обязанъ принудить отца выдать ее именно за того, съ кѣмъ пилъ за ея здоровье. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду. Впрочемъ, къ такому страннному обычаю прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже рѣшительно нѣтъ никакой надежды получить руку дѣвушки по прямому согласію ея родителей.

Чеченскія свадьбы совершаются рано: дѣвушка выходитъ замужъ какъ только исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и самое позднее въ пятнадцать; молодые люди женятся съ наступленіемъ семнадцатилѣтняго возраста. Часто домашнія работы, которыя всѣ лежатъ на обязанности женщины, заставляли родителей, изъ личныхъ выгодъ, удерживать дочь долгое время въ семействѣ и отказывать женихамъ, что было весьма невыгодно для Шамиля, при безпрерывной войнѣ, и нарюнетребляшедонаселеніе въ значительной степени. Для

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ БОГАТАГО ТАТАРИНА.

искорененія этого зла, имамъ принялъ на себя наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ.

По народному обычаю, молодой человѣкъ, сдѣлавшись женихомъ, пріобрѣтаетъ уже нѣкоторыя права надъ своею будущею невѣстою. Онъ можетъ отказаться отъ нея, или, по ея просьбѣ, дозволить ей выйти за другаго; но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволенія или согласія жениха освободить ее, или чтобы женихъ, заплативъ калымъ, взялъ ее въ жены. Этимъ послѣднимъ правомъ молодые люди нерѣдко пользовались. Разсердившись на свою невѣсту или имѣя въ виду болѣе выгодную свадьбу, молодой человѣкъ нарочно оттягивалъ неопредѣленное положеніе засватанной дѣвушки, и часто, считаясь женихомъ въ одномъ, сватался въ другомъ семействѣ и, получивъ согласіе, сочетался бракомъ съ тою дѣвушкою, съ которою намодилъ болѣе выгоднымъ. Впрочемъ, родители первой невѣсты, захѣтивъ уклоненіе жениха, могли сами отказать ему. Подъ предлогомъ того, что дочь молода, или необходима для работы въ семействѣ, отецъ отвозилъ жениху сдѣланные подарки, возвращалъ калымъ, и тогда дѣвушка, сдѣлавшись свободною, вольна была избрать себѣ другаго.

За четыре дня до свадьбы, невѣсту отводятъ въ домъ родственниковъ жениха, и въ этотъ день ее наряжаютъ, бѣлятъ, румянятъ и выщипываютъ часть бровей, съ цѣлію подравнять ихъ. Нарядъ ея отличается тою изысканностью, которая возможна только по средствамъ и достатку родныхъ, выдающихъ ее замужъ.

По обычаю, женихъ отправляетъ за невѣстою, на арбѣ, какую-нибудь бойкую старуху, отличающуюся своимъ острымъ языкомъ, и съ нею человѣкъ тридцать молодежи, извѣстныхъ своею удалью. Весь этотъ поѣздъ, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами. Отшучиваясь и обороняясь какъ кто умѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ дому, и у дверей комнаты невѣсты встрѣчаютъ одного изъ ея родственниковъ, который запираетъ передъ ихъ носомъ дверь и требуетъ подарка. Кинжалъ въ руки привратника — и завѣтная дверь растворяется; но тамъ ожидаетъ цѣлая толпа женщинъ, которыя встрѣчаютъ пріѣзжихъ иглами, булавками и ножницами. На нихъ рвутъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что многіе выходятъ изъ комнаты безъ рукавовъ и полъ платья. Натѣшившись и нашумѣвшись вдоволь, заключаютъ мировую, — и всѣ садятся за угощеніе.

Послѣ угощенія невѣсту сажаютъ на арбу, часто закрытую, и отвозятъ въ домъ жениха, который, по обычаю, долженъ находиться въ это время въ отсутствіи. Толпа односельцевъ сопровождаетъ церемоніальный поѣздъ невѣсты.

Въ саклѣ жениха, въ ожиданіи пріѣзда невѣсты, происходитъ суматоха: варятъ мясо, пекутъ хлѣбъ, убираютъ саклю.

Извѣстіе о томъ, что вдали показалась процессія, производитъ еще большую суматоху въ домѣ. Каждый спѣшитъ привести свое занятіе къ концу, бѣгаютъ, шумятъ, а на порогѣ сакли стелятъ что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходѣ изъ арбы.

Невѣста сходитъ съ арбы. Ловкій джигитъ бросаетъ ей подъ ноги въ одинъ мигъ снятую съ себя черкеску, и получаетъ отъ невѣсты, за такое вниманіе, подарокъ: обыкновенно азіятской собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входитъ въ саклю, и если нѣтъ мужчинъ, то садится; ее встрѣчаютъ радушно съ хлѣбомъ-солью. Вдругъ, среди пира, одинъ изъ присутствующихъ вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ, и въ мигъ пуля сидитъ въ стѣнѣ сакли; за первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, потомъ третій, четвертый, и пули сыплятся во всѣ стороны изъ ружей и пистолетовъ. Чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значитъ, болѣе приверженцевъ у молодаго, и тѣмъ краше его невѣста. Звуки выстрѣловъ смѣняются ударами въ бубенъ, тазы, и бойкая лезгинка,

сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, выходитъ на сцену и завладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ. Не смотря на всѣ усилія, Шамиль не могъ вывести пляску, которая, въ такіе дни какъ свадьба, продолжалась въ теченіи цѣлаго дня; въ ней одинаково принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Въ теченіи трехъ дней происходитъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха; затѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія.

На другой день, или нѣсколько дней спустя, послѣ окончанія всѣхъ брачныхъ церемоній, молодая, которая въ это время ничего не работала, не выходила изъ своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, должна идти первый разъ по-воду, и послѣ того уже вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождаютъ ее съ пѣснями и музыкою на рѣку, гдѣ молодая, проколовъ нѣсколько блиновъ иглою или булавкою, бросаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за однимъ въ воду, и затѣмъ уже черпаетъ ее кувшиномъ. Когда она ставитъ кувшинъ съ водою къ себѣ на голову, раздаются выстрѣлы.

Въ первое время послѣ свадьбы, молодая не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ, не только въ присутствіи постороннихъ, но и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ ее только по вечерамъ и ночью. Говорить съ отцомъ своего мужа и близкими родственниками, а также видѣться и посѣтить свою мать, она можетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня замужества.

Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ его послѣдній часъ, тогда посылаютъ за муллою, который читаетъ надъ нимъ ясинъ — отходную молитву.

Во время чтенія, женщины громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо, рвутъ волосы, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не скончается. Съ его смертію, женщинъ тотчасъ же выгоняютъ изъ комнаты, или силою заставляютъ прекратить оплакиваніе, какъ выраженіе скорби, совершенно противное духу магометанской религіи.

Мулла, между тѣмъ, приготовляетъ умершаго къ погребенію. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску, береть кувшинъ воды и омываетъ тѣло, которое потомъ и обвертываетъ нѣсколькими кусками полотна или бѣлой шерстяной матер и; иногда же обвертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываютъ на головѣ и ногахъ.

Положивъ вату въ ротъ, глаза и уши умершаго, мулла завязываетъ саванъ двумя нешироками полосами холста, надъ головою умершаго, а другою ниже ногъ его. Приготовленное къ погребенію тѣло остается на постели, и родственники тихо его оплакиваютъ.

Печальное извѣстіе о кончинѣ скоро разносится по ауламъ, и всѣ сосѣди изъ окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спѣшатъ къ саклѣ умершаго, при чемъ мужчины-родственники покойнаго обязаны привезти съ собою барана или принести деньги семейству умершаго, иначе оно прекратитъ съ ними всякую родственную связь.

Похороны составляютъ для женщинъ настоящій праздникъ, потому что только по этому случаю имъ дозволяется собираться изъ другихъ ауловъ и составлять свое общество. Отправляясь въ домъ умершаго, онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать.

Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокругъ вдовы или матери умершаго и начинаютъ плакать, причемъ вдова царапаетъ себѣ лицо до крови.

Затѣмъ входятъ въ комнату по одному или по два мужчины, молча опускаются они на колѣни передъ вдовою, не произносятъ никакого утѣшительнаго слова и раздираютъ до крови свой лобъ.

Съ появленіемъ крови на лицѣ, встаютъ и, молча, съ поникшею головою, выходятъ на открытый воздухъ.

Поздно вечеромъ возвращаются по домамъ посѣтители, а тѣ, ко-

торые пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются ночевать у семейства покойника. Такимъ образомъ, собирается въ домъ семейство покойника каждый день около двухсотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня, а иногда и цѣлую недѣлю.

Положивъ покойника на арбу, его отвозятъ или относятъ на могилу, согласно требованія мусульманской религіи въ самый день его смерти. Исключеніе дѣлается въ случаѣ неожиданной, скоропостижной смерти, и тогда умершаго хоронятъ въ теченіи трехъ дней, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ умершимъ, тогда какъ при продолжительной болѣзни, предшествовавшей кончинѣ, прощаніе это совершается при посѣщеніи больнаго.

Послѣ погребенія на самомъ кладбищѣ происходитъ угощеніе. Если въ это время кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непремѣнно вынесутъ ему на-встрѣчу чего-нибудь съѣстнаго. Блины составляютъ почти у всѣхъ непремѣнную принадлежность стола во время поминокъ.

На другой день послѣ погребенія, родственники устраиваютъ похоронный пиръ, для котораго рѣжутъ много скотины и барановъ.

Надъ убитымъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, ставился особый знакъ, съ разноцвѣтнымъ флагомъ и съ необыкновенною торжественностію, въ которой участвовали всѣ жители аула.

Нигдѣ не находились въ такомъ почетѣ могилы убитыхъ въ сраженіи съ русскими, какъ въ воинственной Чечнѣ и во всѣхъ остальныхъ владѣніяхъ, подвластныхъ Шамилю.

Безпрерывная и энергическая война, происходившая въ Чечнѣ, причинила ей большія потери. Существованіе множества кладбищъ на равнинѣ и въ горахъ, на высотахъ и по ущельямъ, остались теперь безмолвными свидѣтелями множества павшихъ жертвъ, надъ которыми виднѣются многочисленныя группы памятниковъ съ копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженныхъ копьями и развѣвающихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Вся Чечня — Большая, Малая и Нагорная — наполнены этими нѣмыми памятниками потерь горцевъ и ихъ отчаянной борьбы съ русскими. Всѣ эти памятники придаютъ странѣ какой-то грустно-величественный характеръ. Подъ ними схоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди, потому что народъ не каждому убитому ставилъ подобный памятникъ; а чтобы имѣть право на этотъ почетный знакъ, составлявшій высочайшую награду смѣлому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ. Церемонія вооруженія такого копья съ флюгеромъ на могилѣ шагида была чрезвычайно величественна и разсчитана такъ, чтобы въ каждомъ присутствующемъ возбудить храбрость и самоотверженіе.

Шамиль хорошо понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ подобная церемонія на духъ чеченцевъ, поощрялъ и поддерживалъ эти обряды. Въ Ичкеріи почти при каждомъ аулѣ есть цѣлыя группы шагидовъ, вѣющихъ своими азноцвѣтными флюгерами. Самъ имамъ, какъ бы въ примѣръ другимъ, поставилъ памятникъ съ великолѣпнымъ шагидомъ нѣкогда знаменитому въ Чечнѣ наибу Шуаинъ-муллѣ.

Могилы умершихъ пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ. Отправляясь на работу, они заходятъ на кладбище поклониться праху родственника. Возвращаясь же съ работы, если съ покосу, то кладутъ на могилу клочекъ травы, а при уборкѣ хлѣба или при посѣвѣ—сыплютъ на могилу зерна.

XLI. ЛЕЗГИНЫ.

Характеръ страны и народа.

Собственно говоря, слово лезгинъ неизвѣстно туземцамъ, и ни одно мельчайшее общество не называетъ себя этимъ именемъ. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, слово лезгинъ на турецкомъ языкѣ означаетъ «горскій житель».

Это есть общее названіе, не принадлежащее исключительно какой-либо націи. Другіе говорятъ, что лезгинъ значитъ разбойникъ, хотя и неизвѣстно на какомъ языкѣ. Наконецъ, третьи называютъ многія общества, населяющія Дагестанъ, тавлинцами.

Первое мѣсто въ Дагестанѣ, по числу населенія или, лучше сказать, по единоплеменности, принадлежитъ аварскому племени.

Аварское племя дробится на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впослѣдствіи подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Самую сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ Салатавія или Салатау. Салатавцы народъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ рыжими волосами и голубыми глазами. Они считались всегда народомъ хищнымъ, энергичнымъ и кровожаднымъ.

Непосредственно къ Салатавіи примыкаетъ Гумбетъ, а къ югозападу отъ Гумбета—лежитъ Андія. Андійцы говорятъ своимъ особымъ языкомъ, народъ воинственный и считались однимъ изъ храбрыхъ въ Дагестанѣ. Андійцы разводятъ овецъ, и по своему достоинству андійскія бурки славятся не только въ Дагестанѣ, но и среди сосѣднихъ племенъ, и уступаютъ въ достоинствѣ только абхазскимъ и кабардинскимъ.

Непосредственно къ гумбетовцамъ примыкали койсобулинцы, а рядомъ съ ними лежитъ Аварское ханство.

У восточнаго истока Андійскаго Койсу, по сосѣдству съ тушинами, занимающими котловину западнаго истока этой рѣки, поселилось общество Дидо, или Цунта, народъ неуклюжій, грубый и дикій, Дидойцы сами себя называютъ цеза, т. е. орлы, хотя съ виду вовсе не похожи на нихъ. «По виду, говоритъ Н. И. Вороновъ, они гораздо правильнѣе цунта, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ; ихъ угодья—альпійская луговая полоса горъ». Дидойцы живутъ въ котловинѣ, образуемой двумя снѣговыми хребтами.

Большая часть народонаселенія Дагестана принадлежитъ къ аварскому или лезгинскому племени, населяющему почти всю западную часть его.

Провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю, вслѣдствіе долгаго тамъ владычества персіянъ, утратили во многомъ первобытный характеръ, смѣшались съ персіянами и отличаются нѣсколько въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ отъ жителей горъ.

Что касается до языка, то едва-ли найдется такой край, въ которомъ бы, подобно Дагестану, на столь незначительномъ пространствѣ, было-бы такое разнообразіе нарѣчій.

Почти каждое общество, владѣніе и даже селеніе или аулъ—имѣ-

ПРАЗДНИКЪ У БОГАТАГО ЗАКАВКАЗСКАГО ТАТАРИНА.

ютъ свое нарѣчіе, а нѣкоторые аулы говорятъ даже языкомъ, непонятнымъ для сосѣдей. Такъ напримѣръ, селеніе Инухъ, Дидойскаго общества, состоящее только изъ 30 семействъ, и селеніе Арчи, въ 170 дворовъ, находящееся въ Казикумскомъ округѣ, говорятъ каждое на особомъ языкѣ, понятномъ только имъ однимъ.

Сами дагестанскіе горцы не могутъ опредѣлить положительной границы между племенами и обществами, и никто прежде не зналъ съ достовѣрностію, гдѣ кончаются владѣнія одного общества и начинаются другаго, потому что не находилось охотниковъ спорить за голыя, безплодныя скалы и за хребты горъ, пересѣкающіе ихъ владѣнія по всѣмъ направленіямъ. Камни же, на которыхъ можетъ держаться земля для посѣвовъ, или лоскутъ лужайки, поросшей травою, были причиною нескончаемыхъ споровъ и даже убійствъ.

Лѣсъ составляетъ рѣдкость въ горахъ Дагестана и крайне бережется жителями. Какъ драгоцѣненъ лѣсъ, можно судить изъ того, что въ Аваріи однимъ изъ жестокихъ наказаній было разореніе нѣсколькихъ комнатъ у провинившагося. Хотя дома тамъ всѣ каменные, но лѣсъ необходимъ для балокъ, настилки потолка и для дверей, и обыкновенно проходилъ годъ, два и даже нѣсколько лѣтъ, пока разоренный соберется со средствами, чтобы отстроить свой домъ. Вотъ причина, по которой въ Дагестанѣ разореніе нашими войсками селеній составляло существенное наказаніе для жителей.

Сложенные изъ бревенъ и камня, и охваченные огнемъ, дагестанскіе дома превращаются въ груды мусора, который несравненно труднѣе и убыточнѣе разобрать и употребить на постройку сакли, чѣмъ заготовить новый матеріалъ. Съ разореніемъ дома, горецъ становился нищимъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны и березы, растутъ на крутыхъ и высокихъ скалахъ, пересѣкаемыхъ глубокими ущельями, ловомъ сказать, въ такихъ трущобахъ, изъ которыхъ добываніе его крайне затруднительно, часто сопряжено съ опасностями жизни, а зимою и положительно невозможно. Лѣсъ растетъ на такихъ мѣстахъ, что врядъ-ли когда нибудь будетъ возможно имъ пользоваться.

Хлѣбопашество, отъ постоянныхъ вторженій непріятеля и неимѣнія удобной земли, находится въ весьма плачевномъ положеніи. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ удовлетворительно только на низменностяхъ, въ ущельяхъ и на покатостяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу, южные склоны песчаны и неплодородны. Скалистая природа причиною того, что во многихъ мѣстахъ горцамъ приходится присыпать земляныя площадки и обработывать ихъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли недостаетъ даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпаютъ землю, смѣшанную съ каменемъ. Присыпка эта производится такъ: параллельно къ отлогой горѣ выстраивается, по возможности, длинная, каменная стѣна на глинѣ, вышиною отъ 1 до 2 саж., а шириною въ полсажени. Пространство между стѣною и отлогостію горы засыпается землею, взятою съ той же горы и утрамбованною; она-то и составляетъ площадь или пахатное поле горца. Нѣсколько такихъ площадокъ, устроенныхъ на одной и той же горѣ, уступами въ видѣ лѣстницы орошаются весьма искусно водою, проводимою изъ рѣкъ и родниковъ, и дѣлаютъ довольно сносный урожай.

Скотоводство также находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Рогатый скотъ мелкій и худой. Хозяинъ не заботится объ уходѣ за нимъ, и совершенно равнодушно смотритъ, какъ его скотъ худѣетъ и едва волочитъ ноги.

Овецъ держатъ въ значительномъ количествѣ, большею частію только богатые, а бѣдные имѣютъ по нѣскольку штукъ и круглый годъ содержатъ на подножномъ кормѣ, подъ надзоромъ пастуховъ, напитыхъ цѣлымъ ауломъ. Лошади мелки, некрасивы, но сносны въ ѣздѣ; ихъ держитъ не всякій. Для перевозки тяжестей на вьюкахъ по горамъ, держатъ эшаковъ, или мелкихъ ословъ, которые подни-

мают отъ 3 до 5 пудовъ груза. Этакъ чрезвычайно сноснивъ, хозяинъ почти его не кормитъ въ теченіи года, и онъ самъ себѣ отыскиваетъ пищу и въ навозѣ, и подъ снѣгомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана жители занимаются садоводствомъ, и въ садахъ встрѣчаются яблоки, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы, черешни, грецкіе орѣхи, инджирь и миндаль. Плоды эти большею частію потребляются на мѣстѣ, или продаются и вымѣниваются на другія произведенія земли, въ ближайшихъ городахъ, или же на издѣлія жителей тѣхъ селеній, которыя не занимаются садоводствомъ.

Всѣ дагестанцы, за немногими исключеніями, магометане-сунниты, но въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Ахты находится селеніе Мескенджи, населенное магометанами-шіитами. Вначалѣ существовала довольно сильная вражда между этими двумя селеніями, доходившая употребленія оружія и кровопролитія. Послѣ значительной потери, оба селенія, имѣя равныя силы, заключили между собою условіе и поклялись ненавидѣть другъ друга въ душѣ, но никогда не ссориться между собою. Условіе это соблюдается не только свято между жителями обоихъ селеній, но даже ахтинцы не позволяютъ сосѣдямъ обижать мескенджинцевъ и обратно.

Среди джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ исповѣдуютъ христіанскую религію ингилойцы, принадлежащіе къ грузинской народности, но порабощенные лезгинами при водвореніи послѣднихъ на земляхъ нѣкогда принадлежавшихъ Грузіи. Хотя нѣкоторые изъ ингилойцевъ и вынуждены были принять исламъ во за то многіе, въ теченіи трехъ столѣтій, не забыли вѣры предковъ. Они соблюдали посты въ установленные дни, молились въ стѣнахъ старыхъ церквей, хранили у себя, какъ святыню, евангеліе, чаши и прочіе священные предметы, и, для совершенія разныхъ требъ тайно приглашали къ себѣ грузинскихъ священниковъ изъ ближайшаго Сигнахскаго уѣзда.

Переодѣвшись въ лезгинскій костюмъ, пробирались по ночамъ пастыри церкви въ дома ингилойцевъ, гдѣ крестили ихъ дѣтей и совершали другія таинства.

Будучи мусульманами, лезгины придерживаются въ большинствѣ суннитскаго толка, а ихъ суевѣріе и вообще обряды весьма сходны съ тѣмъ же у другихъ сосѣдей ихъ и въ особенности чеченцевъ. Поэтому въ настоящемъ очеркѣ мы объ этомъ говорить не будемъ, а остановимся только на наиболѣе характеристичныхъ сторонахъ быта.

Не смотря на всеобщую бѣдность и неопрятность, горецъ смотритъ гордо и весело. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, преимущественно средняго роста, сухощавъ, смуглъ и черноволосъ. Суннитъ бреетъ голову, шіитъ же пробриваетъ широкую полосу, отъ лба до затылка и до самой шеи, оставляя только съ боку головы, подлѣ ушей, длинныя пряди волосъ. Обѣ секты ровно подстригаютъ бороду и весьма рѣдко брѣютъ ее; мюриды носили бороду треугольникомъ. Люди, имѣющіе значеніе въ обществѣ, и почетные старики красятъ бороду и ногти хной въ шафранный цвѣтъ. Джаро-бѣлаканцы имѣютъ черты лица весьма пріятныя, носъ умѣренный, губы небольшія, волосы гладкіе. Они стройны, цвѣтъ кожи у мужчинъ смуглъ, у женщинъ—бѣлъ и нѣженъ.

Горецъ вспыльчивъ, мстителенъ и помнитъ обиду долго, смышленъ, хитеръ, лукавъ, корыстолюбивъ и охотникъ до клятвъ.

Вообще въ характерѣ горца есть много хорошаго, но за то есть много и дурнаго, и послѣднее едва-ли не превышаетъ первое. Народъ обладаетъ большими умственными способностями, но употребляетъ ихъ на дурные поступки. Прикинувшись святошею, человѣкомъ благонамѣреннымъ и добродѣтельнымъ, онъ дѣлаетъ это такъ ловко, что часто приводитъ въ смущеніе и обманываетъ своихъ земляковъ. Всѣ человѣческіе недостатки и пороки особенно рельефно высказываются здѣсь потому, что никто не считаетъ нужнымъ скры-

ДЕРБЕНТЪ

вать ихъ отъ посторонніхъ, никто не стыдится своихъ слабостей. Все это, конечно, происходитъ отъ необразованности и невоспитанія. Единственное образованіе, которое получаютъ дѣти, есть умѣнье читать коранъ и его толкованія. Рѣдко можно встрѣтить лицъ, занимающихся ремесломъ, но и эти лица самоучки. Желаніе пріобрѣсти легкимъ способомъ средство къ пропитанію сдѣлало горца вкрадчивымъ, приторно-льстивымъ и завистливымъ. Если онъ не видитъ, что вы можете быть ему полезны, онъ держитъ себя относительно васъ гордо; но если онъ разсчитываетъ на васъ, надѣется получить какую-либо выгоду, то унижается до того, что не только обнажитъ передъ вами бритую свою голову, но будетъ цѣловать руки, не отличая раба отъ господина или гяура отъ мусульманина. Если при этомъ разсчеты его окажутся невѣрными, и человѣкъ, на содѣйствіе котораго онъ разсчитывалъ, окажется безсильнымъ для осуществленія его корыстолюбивыхъ видовъ, то онъ, какъ бы въ отмщеніе за свое напрасное униженіе, отплачиваетъ ему презрѣніемъ, бранью и насмѣшками. Зависть горца не имѣетъ границъ, и изъ-за нея онъ готовъ причинить всевозможное зло даже и ближайшему своему родственнику.

Движенія горца мягки и быстры, походка рѣшительная и твердая, словомъ, во всемъ видна гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Особенно, если онъ богатъ, обвѣшанъ оружіемъ, блестящимъ серебромъ, если на немъ надѣтъ богатый лезгинскій нарядъ: чоха, обшитая серебряными галунами, шелковый архалукъ, широкія шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками и черная баранья шапка, да если ко всему этому онъ сидитъ на добромъ конѣ, то нельзя не любоваться его рыцарскимъ видомъ. Къ сожалѣнію, богатство и опрятность въ одеждѣ весьма рѣдко встрѣчаются между горцами.

На сколько костюмъ лезгина отличается отъ костюма чеченца, видно изъ приложеннаго рисунка. Поэтому мы здѣсь не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ.

На сколько костюмъ мужчины приноровленъ къ тому, чтобы обнаружить всѣ физическія достоинства, на столько же костюмъ женщины неудобенъ, неловокъ, скрадываетъ всю ея красоту и стройность.

Драгоцѣнности и украшенія женщинъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перстняхъ, дѣлаемыхъ изъ серебра и не лишенныхъ нѣкотораго вкуса. Имѣя по большей части видъ полулунія, серьги цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ тяжелѣе, а потому онѣ не только оттягиваютъ уши, но встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны тяжестью серегъ. Браслеты точно также массивны, дѣлаются на подобіе той желѣзной витой цѣпи, которая употребляется часто на лошадиныхъ уздечкахъ, запонки ихъ имѣютъ видъ большихъ печатей и надѣваются часто по три штуки, и такъ, чтобы запонки находились въ одной линіи. Нѣкоторыя носятъ янтарныя четки, а люди бѣдные дѣлаютъ ихъ изъ гороху и бобовъ.

Утромъ и въ обѣденную пору мужчина не прихотливъ, но за то требуетъ отъ хозяйки, чтобы ему былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ обыкновенное время, днемъ, горцы не ѣдятъ ничего теплаго только въ холодное время они употребляютъ теплую пищу. Возставъ отъ сна, онъ завтракаетъ или, лучше сказать, пьетъ воду, смѣшанную съ поджаренною пшеничною мукою; во время обѣда ѣстъ, что случится, а иногда ограничивается однимъ чуреком или толокномъ, къ которому прибавляетъ немного молока, сыворотки или просто воды; вечеромъ же хозяинъ требуетъ, чтобы былъ приготовленъ хинкалъ. Самую употребительную пищу горца составляетъ чуреки, хинкалъ, кукуруза и проч. Хозяйка береть ячменую, кукурузную или, очень рѣдко, пшеничную муку и мѣсить тѣсто, изъ котораго приготовляетъ круглыя лепешки и нѣчто въ родѣ широкой лапши.

Кукурузу ѣдятъ вареную съ солью. Отправляясь изъ дому или въ походъ, горецъ беретъ съ собою чуреки и муку, поджаренную на сковородѣ; за неимѣніемъ и этого, въ случаѣ продолжительнаго похода, онъ довольствуется нѣсколькими листьями растенія, похожаго

на щавель. Мясо и курдюки сала занимаютъ почетное мѣсто въ жизни горца. Изъ продуктовъ этого рода приготовляются кушанья только у самыхъ богатыхъ, или во время роскошныхъ обѣдовъ. Мясо составляетъ рѣдкость въ пищѣ бѣднаго жителя, и варится только тогда, когда пожелаетъ того глава семейства, безъ разрѣшенія котораго жена не смѣетъ распоряжаться въ хозяйствѣ и самою бездѣлицею. Въ то время, когда жена вѣшаетъ на огонь котелъ, мужъ, лѣниво развалившись возлѣ камина или очага, указываетъ ей на висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы. Она подаетъ ему, а онъ, не нарушая своего спокойствія, отрѣзаетъ сколько нужно и, повертѣвъ его предъ огнемъ, чтобы опалить шерсть, рѣжетъ на куски и, сосчитавъ ихъ, опускаетъ съ молитвою въ котелъ собственноручно.

Хозяйки дома пользуются этимъ случаемъ, и передъ тѣмъ, какъ снять котелъ съ очага, собираютъ ложкою весь жиръ, образовавшійся на верху навара. Жиръ этотъ выливается потомъ въ чашки и, застывшій, употребляется для намазыванія головъ правовѣрныхъ послѣ бритья, для смазыванія рукъ, ногъ, кожаной обуви, а иногда, смѣшанный съ толокномъ, составляетъ лакомство для дѣтей, мало знакомыхъ со вкусомъ мяса.

Употребляютъ въ пищу иногда и конину, но лошадь свою хозяинъ рѣжетъ только тогда, когда она заболѣетъ такъ, что ей не остается прожить болѣе четверти часа; быковъ рѣжутъ только извѣстные богачи, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Пьютъ бузу и угощаютъ ею гостей. Буза противный, но опьяняющій напитокъ; она приготовляется изъ ячменнаго солода.

Какъ умѣренъ въ пищѣ горецъ въ обыкновенное время, такъ, напротивъ того, въ гостяхъ онъ съѣдаетъ огромное количество, чему способствуютъ, конечно, и сами хозяева.

Въ гостѣ каждый видѣлъ собственное развлеченіе, источникъ новостей, которыя могъ сообщить пріѣзжій и удовлетворить любопытство хозяина. Всѣ такія новости сносились потомъ въ общую кучу, на аульной сходкѣ, и дѣлались достояніемъ всѣхъ ауловцевъ.

Большую часть лезгинскихъ ауловъ окружаютъ голыя скалы, приближаясь къ которымъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ, видна скученная масса сѣрыхъ, каменно-деревянныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна надъ другою, безъ внутреннихъ дворовъ. Изъ каждой клѣтушки глядитъ нѣсколько миніатюрныхъ отверстій, то круглыхъ, то четырехъ-угольныхъ—это окна безъ рамъ, переплетовъ и безъ стеколъ. Они служили нѣкогда и амбразурами, такъ что брать съ боя кучку сѣроватыхъ сакель аула было все равно, что брать крѣпость. Улицы ауловъ Дагестана чрезвычайно извилисты, узки, круты и состоятъ часто изъ ступенекъ, образуемыхъ изъ безпорядочно набросанныхъ каменьевъ, острыхъ и неровныхъ. При встрѣчѣ двухъ человѣкъ въ такой улицѣ, имъ трудно разойтись иначе, какъ повернувшись бокомъ; а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкою. Причиною такой тѣсноты улицъ бываетъ часто сбоку обрывъ въ нѣсколько саженъ, не дозволяющій сдѣлать ихъ болѣе широкими. Грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность ауловъ; даже общественныя зданія, какъ напримѣръ мечети, содержатся неопрятно. Всѣ дома построены сжато: одинъ прилѣпленъ къ другому.

Стараясь укрыть свои дома отъ непогоды, жители, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагали свои деревни на такой мѣстности, которая могла бы представить наиболѣе выгодъ при оборонѣ отъ вторгающагося непріятеля. Отъ этого деревни ихъ или спустились въ глубокіе овраги, гдѣ прикрываются нависшими скалами, то тянутся не вдоль подошвы горъ, а по скату ея, и лѣпятся одна надъ другою въ видѣ амфитеатра, или, наконецъ, пріютились на такой крутой возвышенности, что доступъ къ ней весьма затруднителенъ.

Мѣста ауловъ, доступныя непріятелю, закрывались каменною стѣ-

ЛЕЗГИНЪ ХАДЖИ МУРТУЗЪ.

ною съ бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стѣну замѣнялъ простой плетень изъ хвороста, перевитаго въ два ряда и вооруженнаго колючками. Въ стѣнѣ, окружающей аулъ, располагались ворота, для выѣзда въ поля или сосѣдніе ауды; со сторонъ же, не подверженныхъ непріятельскому нападенію, ни воротъ, ни стѣнъ не было.

Въ послѣднее время горцы, и въ особенности даргинцы и мехтулинцы, стали устраивать сторожевыя башни, на подобіе нашихъ казацкихъ вышекъ. Башни эти строились на такихъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть окружающую мѣстность на значительное разстояніе, и занимались днемъ и ночью карауломъ изъ ближайшихъ ауловъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, сакли и всѣ надворныя службы строятся изъ камня и глины, а другія просто сложены изъ камня безъ глины. При недостаткѣ камня строятъ изъ нежженаго кирпича, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ плетутъ изъ хвороста, обмазаннаго внутри и снаружи глиною.

Строеніе горца разгораживается и въ верхнемъ этажѣ на отдѣльныя продолговатыя комнаты, величина которыхъ совершенно зависитъ отъ произвола хозяина, и бываетъ отъ четырехъ до двухъ саженъ въ длину и отъ пяти до трехъ арш. въ ширину. Въ одной такой комнатѣ помѣщается все семейство хозяина, въ другихъ женатые сыновья, каждый отдѣльно, и затѣмъ всѣ прочія помѣщенія служатъ складомъ грушъ, яблокъ, разныхъ овощей и другихъ произведеній сельскаго быта. Тутъ же въ углу наложены серпы, топоры, кирки, шерстяныя веревки, ремни и прочее.

Окна дѣлаются въ стѣнѣ, выходящей на дворъ, весьма малы и не имѣютъ стеколъ, а закрываются изнутри ставнями или рамами со сквозною рѣшеткою, иногда съ узорчатою рѣзьбою, выкрашенною яркими цвѣтами. Двери, хотя и двухстворчатыя, но, по большей части, очень низки, притворяются съ внутренней стороны и не имѣютъ запоровъ.

Одна изъ комнатъ оставляется свободною, лучше другихъ убранная и покрытая паласами, или коврами; она называется кунахскою и служитъ для пріема гостей.

Нѣтъ дома сколько нибудь зажиточнаго горца, въ которомъ бы не было подобія балкона—навѣсъ, поддерживаемый стойками, утвержденными въ землѣ. Внутренность же жилища имѣетъ сходство съ жилищами и другихъ горцевъ.

Горецъ спитъ на полу, стаскиваетъ туда тюфяки и подушки, раздѣвается до-гола, не снимаетъ только папахи, и прикрывается одѣяломъ изъ бумажной набойки, подложенной баранью шерстью. На балконѣ ставятъ деревянную, грубой работы, кровать, на которой всегда лежитъ тюфякъ и подушка, на которыхъ отдыхаетъ лѣтомъ хозяинъ въ теченіи дня.

Столбы, подпирающіе потолокъ и часть стѣнъ, увѣшиваются оружіемъ, большими овчинными шубами, новыми и старыми, и маленькими ночными папахами изъ бараньей шкуры; неподалеку отъ двери, на поперечной стѣнѣ, висятъ два мѣдные таза, которые часто во время пирушекъ служатъ музыкальными инструментами и подносами.

Общественный и семейный бытъ.

Жизнь горца проходитъ однообразно, скучно и, по большей части, безплодно. Повсюду видно какое-то наводящее тоску спокойствіе, и въ цѣломъ селеніи не замѣтно никакого движенія, не слышно ни пѣсни, ни музыки—точно все вымерло подъ вліяніемъ деспотическаго гнета Шамиля, преслѣдовавшаго всякое проявленіе веселости. Горецъ проводилъ свое время или въ кунакской среди гостей,

или на общественной сходкѣ. Гостепріимство между лезгинами развито не менѣе, чѣмъ у другихъ горскихъ народовъ.

Въ каждомъ селеніи есть непремѣнно гудекань, или площадка съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, подъ которымъ въ назначенные дни собирается сельское общество для совѣщаній, и гдѣ, за отсутствіемъ его, ежедневно съ утра и до вечера сидятъ бѣлобородые старцы, поучающіе молодежь, занятые серьезнымъ разговоромъ или передачею другъ другу новостей. Многіе приходятъ сюда съ самаго ранняго утра, какъ только будунъ (помощникъ муллы) призоветъ народъ къ молитвѣ.

Проснувшись раньше всѣхъ, передъ утреннею зарею, будунъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на-распѣвъ, предупреждаетъ правовѣрныхъ.

Призывъ будуна служитъ сигналомъ къ потягиванію, ворочанію съ бока на бокъ и зѣванію, передающихся изъ одной сакли въ другую. Женщины торопливо вскакиваютъ съ своей постели и, нашептывая молитву, снимаютъ со стѣны мѣдные или деревянные тазы такой величины, что два человѣка могутъ свободно усѣстся въ нихъ. Наливъ въ нихъ нагрѣтую воду, чета правовѣрныхъ полощится въ тазахъ и, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь, ограничивается обливаніемъ семи членовъ. Вѣдные, не имѣющіе подобныхъ тазовъ, спѣшатъ въ куллу *), общественную ванну, устроенную подлѣ мечети, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ своихъ сараяхъ.

Торопливо окончивъ, послѣ тѣлеснаго очищенія, утреннюю молитву, только нѣкоторые изъ мужчинъ, преимущественно люди пожилые и старики, принимаются за чтеніе корана; всѣ же остальные закутываются въ свои сагулы—широкія, длинныя безъ рукавовъ шубы, и засыпаютъ, предоставляя женщинамъ хлопотать по хозяйству. Послѣдніе принимаются за ежедневныя работы.

Зимою, во время сильныхъ морозовъ, никто не показывается на улицѣ, пока не проглянетъ солнце; но едва оно покажется, какъ все населеніе, отъ мала до велика, высыпаетъ на крыши сакель, стараясь подставить свои бока подъ согрѣвающіе лучи солнца.

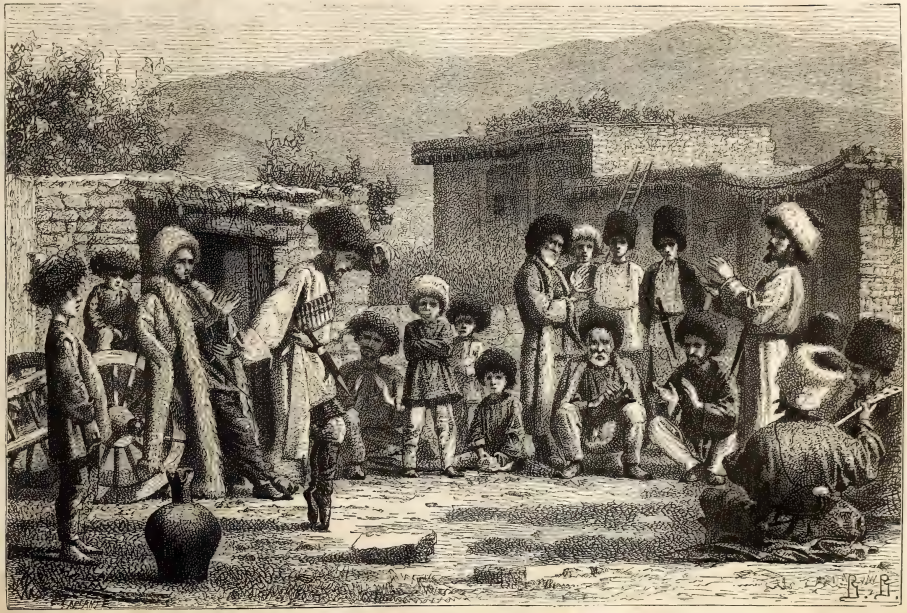
Солнечная теплота располагаетъ горцевъ къ пріятнымъ занятіямъ, состоящимъ исключительно въ самоочищеніи и изгнаніи изъ своего костюма насѣкомыхъ.

Въ такое время дня и при солнечномъ освѣщеніи, почти на каждой крышѣ можно видѣть группы сидящихъ и полулежащихъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, занимающихся разсматриваніемъ своего костюма.

Горецъ, почувствовавшій надоѣдливаго насѣкомаго, въ какой бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папахи, отъ лѣтняго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣсняясь ни мѣстомъ, гдѣ открылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ гдѣ самъ находится, ни чѣмъ бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ повальный обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ же всенародно наказывается. Послѣ этой операціи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогноцируя съ тою же цѣлію заповѣдныя части своего туалета или держа разостланную на колѣнахъ свою рубаху и оставаясь по поясъ ничѣмъ не покрытою, немедленно оставляетъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье.

Подобное занятіе женщины тѣмъ болѣе интересно, что она, во время владычества Шамиля и господства шаріата, оставаясь по

*) Куллою называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни или подлѣ мечети, и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія.



ЛЕЗГИНКА.

поясъ совершенно голою, старалась закрыть свое лицо, чтобы не соблазнить правовѣрныхъ мужскаго пола.

Одновременно съ этимъ, на крышѣ сосѣдней сакли, туземецъ, смотрясь въ зеркало, выщипываетъ на бородѣ и щекахъ волосы, или производитъ ту же операцію надъ товарищемъ, лежащимъ къ верху лицомъ. Дочь заботливо осматриваетъ волосы своей матери и для этого кладетъ ея голову на свои колѣни, или осматриваетъ рубаху своего отца, который, надѣвъ на голое тѣло овчинную шубу, занимается осматриваніемъ своего папаха. Болѣе религіозные люди, перебирая четки и поднявъ къ верху лицо, съ закрытыми глазами, безсознательно, нашептываютъ молитву; наконецъ нѣкоторые, растянувшись во всю длину, сладко дремлятъ подъ лучами зимняго солнца.

Тихо въ воздухѣ, еще тише въ аулѣ; каждый занятъ своимъ дѣломъ на столько, что, повидимому, никто не рѣшится перемѣнить мѣста или нарушить пріятное для него занятіе, исключительно посвященное собственному тѣлесному очищенію. Такова картина мирныхъ занятій горца. Въ прежнее время однообразіе это нарушалось изрѣдка бранною жизнью. Тогда случалось, что извилистые переулки и крутыя околицы селенія наполнялись толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные жарили на открытомъ воздухѣ шашлыкъ, другіе стоятъ возлѣ, третьи сидѣли или бродили вокругъ своихъ коней. Всѣ они одѣты бывали въ буркахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами за поясомъ. Одежда ихъ не отличалась ни тонкостію, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ руки на-крестъ или взявшись за рукоять кинжала, или наконецъ, опершись на ружье, стоялъ такъ гордо, какъ будто былъ властителемъ вселенной, попираемой его ногою.

Вся толпа эта собиралась, бывало, съ разныхъ сторонъ послѣ ночнаго набѣга, и если случалось, что привозила съ собою русскаго плѣннаго, то онъ становился предметомъ всеобщаго любопытства: его щупали, осматривали и разспрашивали о мастерствѣ какое онъ знаетъ, о числѣ русскихъ войскъ и намѣреніи ихъ. Нѣкоторые кичились своею храбростію и прославляли свою независимость.

«Съ тѣхъ поръ, говорили они, напримѣръ, какъ солнце блеститъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе вздумали удержать рѣшетомъ Койсу нашу; пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики.... милости просимъ! Хотя бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не вынести бы вамъ назадъ пары языковъ, чтобы разсказать своимъ о горскомъ угощеньѣ. У насъ мало мѣсто подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами».

Въ домашнемъ быту лезгины чрезвычайно неопрятны, носятъ бѣлье и платье до износа и перемѣняютъ его или, лучше сказать, замѣнятъ новымъ только тогда, когда оно, какъ говорится, свалится съ плечъ. О мытьѣ бѣлья они не имѣютъ понятія, и запаса платья, на случай перемѣны, не имѣютъ; оттого къ одеждѣ ихъ или постели невозможно прикоснуться: тамъ цѣлый рой вшей. Новое платье шьютъ тогда, когда старое такъ изорвется, что носить его уже нѣтъ возможности. Но прежде чѣмъ надѣть новый платокъ или рубаху, хозяйка кладетъ ихъ въ котелъ, примѣшиваетъ туда золы и сала и, такимъ образомъ, превращаетъ свой новый костюмъ въ грязную сальную тряпку, которую и надѣваетъ затѣмъ на свое тѣло. Предварительная операція эта производится потому, что если женщина надѣнетъ чистый новый платокъ или рубаху, то злые языки скажутъ: «она чиста оттого, что владѣтельница ихъ никогда не видитъ въ глаза мяса или курдючьяго сала». На основаніи такого правильнаго взгляда, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ грязнѣе и сальнѣе она одѣвается. Только нѣсколько ауловъ, какъ напримѣръ, Ирганай, Могохъ и Карату, не слѣдуютъ этому закону и отличаютъ-

ся своею опрятностію въ одеждѣ. Населеніе этихъ ауловъ одѣвается довольно чисто, даже щеголевато, но за то про нихъ сосѣди отзываются съ большою насмѣшкою.

Тяжелыя работы, лежащія на женщинѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣлаютъ то, что онѣ развиваются очень неправильно и скоро старѣются, сохраняя только надолго прекрасныя и полныя страсти глаза—неотъемлемое сокровище каждой.

Вся жизнь лезгинки есть трудъ, и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимся въ аулъ двухъ-трехъословъ, навьюченныхъ ношею, за ними съ большею ещо ношею, тащится женщина, имѣющая, кромѣ того, за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любаго дюжаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина.

Женщина въ Дагестанѣ есть ни что иное, какъ самка для вынашиванія дѣтей, и рабочій скотъ, не имѣющій ни минуты отдыха.

Въ домашнемъ быту горца женщина и ишакъ одинаково нагружаются. Горянка такъ привычна къ тяжелой работѣ, что, при транспортировкѣ провіанта для нашихъ войскъ, многія изъ нихъ добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своихъ плечахъ, на разстояніи до тридцати верстъ, кули муки въ три пуда вѣсомъ, и притомъ по трудно доступнымъ дорогамъ.

Разграниченіе въ положеніи мужчины и женщины дѣлается съ самаго ранняго возраста. Часто можно видѣть девятилѣтнихъ дѣвочекъ, возвращающихся съ рѣки съ огромными кувшинами воды, тогда какъ мальчики тѣхъ же лѣтъ, а иногда и болѣе взрослые, ничего не дѣлаютъ. Не удивительно послѣ того, что женщины старѣются весьма скоро и дѣлаются горбатыми до такой степени, что въ въ каждомъ аулѣ можно встрѣтить нѣсколько старухъ, ходящихъ на четверенькахъ. Помочь женѣ въ ея работѣ мужъ считаетъ дѣломъ постыднымъ, и даже въ случаѣ болѣзни жены онъ ни за что не станетъ исполнять ея работы, а обратится съ просьбою къ сосѣдкамъ распорядиться и позаботиться о его хозяйствѣ.

Смерть жены дѣлаетъ горца ничимъ въ полномъ значеніи этого слова. Но, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ однако же оказываетъ при жизни полное презрѣніе своей женѣ. Имя женщины служитъ самымъ позорнымъ, браннымъ словомъ; назвать горца женщиною—значитъ оскорбить его глубоко и рисковать поплатиться за то жизнію.

Неуваженіе къ женщинѣ простирается до того, что, встрѣчаясь съ нею, мужчина привѣтствуетъ ее словомъ кошкильды—тѣмъ же самымъ, которое онъ скажетъ каждому встрѣчному не магометанину, а слѣдовательно и гяуру. Встрѣчая гостя, жена принимаетъ его такъ, какъ принимаетъ его у насъ лакей. Если мужа нѣтъ дома, то она немедленно даетъ знать о пріѣздѣ гостя и затѣмъ исполняетъ все, что мужъ ей прикажетъ. Въ отсутствіе мужа, жена не имѣетъ права подчивать гостя мясомъ, хотя бы онъ былъ самый почтенѣйшій, близкій и дорогой. Въ присутствіи гостя жена становится въ самомъ отдаленномъ углу сакли, не принимаетъ участія въ разговорѣ, отвѣчаетъ только на вопросы мужа и ожидаетъ приказаній.

Даже и въ такомъ случаѣ, когда мужъ любитъ свою жену, она все-таки исполняетъ обязанность слуги, пріобрѣвшаго расположеніе господина своею хорошею нравственностію. Она пользуется тогда до нѣкоторой степени его ласкою и восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ своего властелина Прировнять съ собою жену и поставить женщину наравнѣ съ мужчиною—это недоступно понятію горца. При разработкѣ на Гунибѣ дорогъ, жители отказались ходить

ШЕМАХА.

ЛЕЗГИНСКІЙ АУЛЪ.

на работу, и, какъ оказалось впослѣдствіи, потому только, что поденная плата за работу мужчинамъ была положена наравнѣ съ женщинами. Если участь женщины въ настоящее время до нѣкоторой степени сносна, такъ это у джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Мужъ обходится съ нею ласковѣе, допускаетъ ее до разговора съ собою, обѣдаетъ вмѣстѣ съ женою, и она, не нося покрывала, часто не отворачивается отъ постороннаго. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ праздности мужчины.

Всѣ развлеченія въ дагестанскомъ аулѣ оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца, и тогда все народонаселеніе закупоривается въ своихъ саклях, группируясь вокругъ тлѣющаго въ очагѣ или каминѣ кизяка и рѣдко одинокаго полѣна дровъ.

Въ ожиданіи ужина, правовѣрные отъ нечего-дѣлать перебираютъ свои грязныя четки и нашептываютъ молитву.

Несчастныя, грязныя и оборванныя лезгинскія дѣти страдаютъ отъ холода и голода, и вечеромъ, съ жадностію посматривая на котелъ и кипящую въ немъ воду, ожидаютъ остатковъ ужина.....

Только самые чадолюбивые отцы допускаютъ къ совмѣстному ужину своихъ дѣтей, но и тогда лучшій кусокъ принадлежитъ все-таки главѣ семейства.

Въ этомъ отношеніи въ характерѣ горца встрѣчается странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное противорѣчіе. Онъ любитъ своихъ дѣтей пламенно и неограниченно, но, по принципу, что въ семействѣ онъ глава, что все остальное ниже его, отецъ держитъ своихъ дѣтей въ отдаленіи, не обращаетъ вниманія на ихъ наружность, одежду и не допускаетъ ихъ къ присутствію за общимъ столомъ.

Нравственный и физическій гнетъ, тяготѣющій надъ женщиною, заглушилъ въ ней всякое проявленіе самостоятельности характера, но не могъ заглушить страстной ея натуры. Въ этомъ случаѣ женщина осталась вѣрною себѣ, и строгая нравственность не составляетъ отличительной черты женщины горянки. Пылкость южной натуры, а въ особенности корыстолюбіе, дѣлаютъ ихъ весьма податливыми на соблазнъ. Сознавая, что мужъ ея неограниченный властелинъ, что онъ глава, начальникъ, повелитель, судья, защитникъ и обвинитель, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть, жены-горянки, подъ вліяніемъ своей впечатлительной натуры, далеко не прочь отъ любовныхъ похожденій; скрытно отъ мужа, она весьма часто предается разврату въ полномъ значеніи этого слова. Склонность къ разврату не стѣсняетъ ее въ выборѣ возлюбленнаго она очень легко и скоро сводитъ свои интриги съ неправовѣрными или гяурами.

Молодая жена, вступая въ домъ родителей мужа, дѣлается помощницею своей тещи, старающейся свалить всѣ работы на невѣстку, такъ что та не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Теща, помыкая ею, заставляетъ испытывать тѣ же страданія, которыя сама вынесла въ молодости. Стараясь возстановить сына противъ его жены, теща заставляетъ его обходится съ своею невѣсткою точно такъ же, какъ отецъ его во время-оно обходился съ нею. Эти совѣты матери-тещи, къ несчастію, не остаются безъ послѣдствія и не рѣдко исполняются буквально. Разсердившись на жену, мужъ, безъ всякой видимой причины и за какіе-нибудь пустяки, бьетъ ее до полусмерти, и часто, въ порывѣ бѣшества и необузданности гнѣва, рубитъ ее кинжаломъ, стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и если несчастная женщина не успѣетъ уклониться отъ наносимыхъ ударовъ разсвирѣпѣвшаго мужа, то падаетъ жертвою ничѣмъ неограниченнаго его своеволія. Тотъ горецъ считается добрымъ еще мужемъ, который швыряетъ въ свою жену первою попавшеюся ему подъ руки вещью, какъ, напримѣръ, башмакомъ, щипцами, чашкою и т. п. Натѣшившись вдоволь, мужъ еще сѣчетъ на жену и жалуется на свое положеніе.

Подобныя ссоры не рѣдкость и составляютъ едвали не ежедневное явленіе. Крики и вопли ежедневно слышны въ аулѣ, часто привлекаютъ цѣлыя толпы народа, приходящаго полюбоваться на раздирающія сцены семейной жизни горца.

Горцы, достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Стариками, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти.

Рожденіе сына даетъ еще нѣкоторыя, впрочемъ, весьма незначительныя, права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастіе быть безплодною или привычку рождать дочерей, то окончательно теряетъ къ себѣ всякое уваженіе и любовь мужа, который, чтобы досадить ей еще болѣе, женится на другой. Но если всѣ эти средства не помогаютъ и, по несчастію для первой, вторая жена родитъ сына, тогда старшая жена дѣлается служанкою молодой своей соперницы—и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Безусловная вѣра въ предопредѣленіе или фанатизмъ проявляются у горцевъ въ полной силѣ. Мусульманинъ, или, лучше сказать горецъ-фанатикъ, часто страдая какою-либо болѣзнію, не лечится, основаясь на томъ, что его жизнь и здоровье нисколько не зависятъ отъ воли человѣка.

— Если Богу угодно, говоритъ онъ, чтобы я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, то мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы.

Произнося такія слова, многіе изъ туземцевъ были совершенно справедливы, потому что медицинскія познанія ихъ докторовъ были крайне ограничены и лекарства мало дѣйствительны.

Умершаго стараются похоронить какъ можно скорѣе. Тотчасъ послѣ кончины, родственники посылаютъ въ мечеть за носилками и за длиннымъ овальнымъ корытомъ, въ которомъ омываютъ его тѣло. Обмывавшій покойника получаетъ часть его одежды, а другая принадлежитъ кадію или мулѣ. Послѣ омовенія, покойнику чистятъ ногти, а если умершая женщина или дѣвица, то ее бѣлятъ, румянятъ, чернятъ брови и рѣсницы. Обернувъ три раза чистымъ полотномъ, тѣло кладутъ на носилки, привязываютъ къ нимъ веревками, покрываютъ мужчину черною буркою, а женщину одѣяломъ или какою-нибудь матерію, и относятъ на кладбище, гдѣ опускаютъ въ могилу безъ гроба, въ одномъ только саванѣ.

Со дня похоронъ, надъ могилою умершаго устраивается палатка или навѣсъ изъ войлока, въ которомъ помѣщается мулла или опытный мунталлимъ (ученикъ, читающій по найму коранъ въ теченіе 8-ми, а у богатыхъ и до 40 дней со дня погребенія). Во все время, пока стоитъ на могилѣ палатка, жители каждый день ходятъ, послѣ утренняго и вечерняго намаза, помолиться о покойномъ.

Вообще горцы уважаютъ память усопшихъ. Весьма часто они выдерживали упорный бой съ нашими войсками для того только, чтобы подобрать тѣла убитыхъ своихъ товарищей и не оставить ихъ въ рукахъ непріятеля.

Памятники надъ могилами ставятъ только богатые; бѣдные же ограничиваются каменными плитами съ надписью имени умершаго, года его смерти и изреченія изъ корана. Тѣ-же, которые не могутъ, по своей бѣдности, поставить и такой плиты, ставятъ въ головѣ и ногахъ могилы небольшіе острые камни. Надъ могилами убитыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ ставятся точно такіе же знаки, какъ и въ Чечнѣ. Могилы людей, замѣчательныхъ по своей святой жизни, огораживаютъ заборомъ и непремѣнно сажаютъ дерево, на вѣтвяхъ котораго каждый прохожій вѣшаетъ, въ знакъ своего уваженія, цвѣтной лоскутъ матеріи, часто отрывая его отъ своего платья. Въ праздникъ по ночамъ на подобныхъ могилахъ зажигаются свѣтильники.

БАКИНСКІЕ ЖИТЕЛИ.

ГОРОДЪ БАКУ.

КОЧУЮЩІЕ НАРОДЫ.

XLII. ЛОПАРИ.

Характеръ, одежда, пища.

На самомъ крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Ледовитаго океана живетъ бѣдное и немногочисленое племя лопарей, предки которыхъ, какъ и предки многихъ другихъ народовъ, населяющихъ нынѣ Европу, вышли изъ Азіи. Надо полагать, что лопари недобровольно выбрали для жительства эти безпріютныя, скудно одаренныя природою мѣста, а что ихъ загнали туда болѣе многочисленные азіатскіе выходцы. Въ настоящее время племя это живетъ въ Россіи въ сѣверной части Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Въ Русской Лапландіи считается до 2,180 душъ обоего пола; въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ они живутъ только въ трехъ сѣверныхъ приходахъ, въ числѣ до 1,200 душъ обоего пола.

Наружность лопарей отличается своеобразнымъ типомъ. При взглядѣ на коренного лопаря, прежде всего поражаетъ уродливое сложеніе его большой головы, которая выдается кверху угломъ, суживаясь съ обѣихъ сторонъ. Затылокъ неокругленный, а заостренный. Лобъ широкій, глаза каріе, которые вѣчно слезятся отъ дыма и снѣга; скулы вдавленныя, носъ правильный, ротъ—искривленный жалобнымъ выраженіемъ, подбородокъ длинный и кривой, цвѣтъ лица буроватый, волосы, большею частью свѣтлорусые, густые и щетинистые, падаютъ на лобъ неровными прядками. Есть впрочемъ лопари и съ черными, лоснящимися волосами. Борода рѣдкая; у нѣкоторыхъ она вовсе не растетъ, какъ и усы, и голова покрыта струпьями. Болѣзнь эта бываетъ часто наслѣдственна.

Лопари малорослы, хотя нѣсколько выше самоѣдовъ, но, вслѣдствіе суровой жизни, сложенія крѣпкаго и проворны. Они говорятъ по-русски понятнѣе, чѣмъ самоѣды, но вставляютъ въ рѣчь посторонніе слоги, не имѣющіе никакого смысла, и цѣлыя слова на своемъ природномъ языкѣ.

Лопари, живущіе въ приморскихъ погостахъ, вслѣдствіе сношеній съ русскими, пріѣзжающими на промыслы, до такой степени утратили свой коренной типъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ русскихъ. Особенно бросается въ глаза это на молодомъ поколѣніи Воронежской волости. Только въ лопаряхъ Терскаго берега не замѣтно этого перерожденія. Вліяніе суровой природы, посреди которой живетъ лопарь, сильно отразилось на его характерѣ. Онъ смотритъ на все съ мрачной стороны и даже физіономія его запечатлена выраженіемъ грусти. Онъ привыкаетъ съ дѣтства къ невозмутимой тишинѣ окружающихъ его громадныхъ снѣжныхъ пространствъ, и эта тишина рано сроднается съ его душою и настраиваетъ ее на мирный ладъ. Миролюбіе—отличительная черта характера лопаря. Онъ готовъ многое вынести, отъ многаго отказаться, лишь-бы жизнь его шла мирно и однообразно въ своей обычной колеѣ. Онъ чрезвычайно тихъ, терпѣливъ, добродушенъ и довѣрчивъ, уступчивъ; но стоитъ только хорошенько затронуть его—и онъ выказываетъ такую энергію, которую трудно заподозрить въ немъ. Онъ выходитъ

тогда изъ своего всегдашняго равнодушія и становится свирѣпъ въ гнѣвѣ и непримиримъ во враждѣ.

Лопари даже не чужды воинственной отваги. Это доказываютъ сохранившіеся еще до-нынѣ между ними разсказы о воинственныхъ подвигахъ ихъ предковъ, которые нападали на норвежцевъ, приставшихъ къ Мурманскому берегу.

Преступленій между ними почти нѣтъ; крупныхъ кражъ также. Данное слово держатъ они свято. Честность ихъ такъ велика, что русскіе промышленники, уѣзжая домой по окончаніи рыбныхъ промысловъ, поручаютъ имъ надзоръ за своими становищами, въ амбарахъ которыхъ остается иногда на нѣсколько сотъ пудовъ трески, палтусины, семги и пр. про запасъ для весеннихъ промысловъ. Въ этихъ же амбарахъ хранятся и рыболовныя снасти на нѣсколько сотъ рублей. Лопарь стережетъ все это семь мѣсяцевъ за самое пустое вознагражденіе, и промышленники, возвратясь, находятъ всегда все въ цѣлости.

ЛОПАРСКАЯ ѢЗДА НА ОЛЕНЯХЪ.

Вообще, въ отношеніи къ русскимъ, лопари очень добродушны и гостепріимны, а между собою выказываютъ другъ къ другу почти братское участіе.

Самый крупный недостатокъ лопарей — пьянство, которое даже не считается у нихъ порокомъ. Пьютъ всѣ, во всякое время и въ поѣздѣ.

Также не чужды они мелкихъ обмановъ и плутовства; но надо замѣтить, что всѣ хорошія свойства лопарей врожденныя, а недостатки привились къ нимъ вслѣдствіе сношеній ихъ съ русскими промышленниками и торгашами.

Лопарки трудолюбивы, домовиты и большія мастерицы шить одежду, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятны и иногда упрямы. Онѣ до такой степени пугливы, что громкій, неожиданной стукъ или крикъ производитъ во всемъ организмѣ нервное разстройство, часто доводящее ихъ до бѣшенства.

Селенія лопарей, или погосты состоятъ изъ нѣсколькихъ шалашей, называемыхъ вѣжами. Такъ какъ лѣтомъ лопари перекочевываютъ къ берегамъ моря для ловли рыбы, то у нихъ есть зимніе и лѣтніе погосты. Кромѣ того, лопарь строитъ иногда вѣжу на берегу какого нибудь озера, куда заѣзжаетъ ловить рыбу послѣ лѣтняго промысла.

Вѣжа похожа на самоѣдскій чумъ съ тою только разницею, что не перевозится съ мѣста на мѣсто, а потому и устройство ея прочнѣе. Обыкновенно лопарь строитъ вѣжу подлѣ какой-нибудь скалы или большаго камня для защиты отъ вѣтра. Онъ начинаетъ съ того, что вколачиваетъ въ землю два столба, которые соединяетъ перекладиною. Это основаніе вѣжи. Стѣны ея состоятъ изъ вколоченныхъ въ землю жердей. Образуемое ими круглое пространство съуживается кверху и заканчивается остріемъ для выхода дыма. Жерди обкладываютъ сверху хворостомъ и сосновыми или еловыми вѣтвями, а сверхъ вѣтвей дерномъ. Въ сторонѣ вѣжи, выходящей на югъ, продѣлываютъ отверстіе, въ которое вставляютъ сколоченную кое-какъ изъ досокъ опускную дверь, такъ что входъ въ вѣжу похожъ на входъ въ ловушку и притомъ устроенъ такъ нескусно что при малѣйшей неосторожности опускная дверь можетъ пришибить входящаго. Земляной полъ покрытъ хворостомъ, поверхъ котораго разстилаютъ оленьи мѣха, служащіе постелями. Четыре балки, расположенныя крестообразно, раздѣляютъ внутренность вѣжи на девять отдѣленій. Въ трехъ первыхъ, ближайшихъ къ выходу, лежатъ дрова, кожи и различные домашніе снаряды. Въ томъ изъ среднихъ отдѣленій, которое приходится подъ дымовымъ отверстіемъ, грубо выложенъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, вокругъ котораго обыкновенно сидитъ вся лопарская семья. Направо отъ него, — отдѣленіе хозяина съ хозяйкою, а налѣво — другихъ членовъ семьи. Три заднія отдѣленія служатъ кладовыми для съѣстныхъ запасовъ. Въ перекладины вбиты крючья, къ которымъ привѣшены на цѣпочкахъ котлы для варки пищи. Прямо противъ двери на полкѣ стоитъ мѣдный или деревянный образъ, и тутъ же около него разная хозяйственная утварь, а на полу подъ образомъ чанъ съ водою, подлѣ котораго виситъ безмѣнъ. Мѣсто это называется чистымъ, въ немъ питаютъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія, хотя тутъ же лютъ помои, бросаютъ кости рыбъ и пр. Зимою, передъ вѣжею устроиваютъ небольшія сѣни изъ снѣга.

Кромѣ вѣжи, лопари живутъ такжъ въ тупахъ. Такъ называютъ небольшія, очень низенькія хижины, построенныя изъ тонкихъ бревенъ, съ земляною крышею.

Въ тупѣ два-три маленькія окошечка, въ которыя вставлены стекольныя рамы. Полъ выстланъ расколотыми пополамъ тонкими бревнами. Тупа отапливается очагомъ въ родѣ камина, сложеннымъ изъ камней, смазанныхъ глиною. Дымъ выходитъ въ дощатую трубу, возвышающуюся надъ кровлею.

Въ нѣкоторыхъ погостахъ есть курныя и даже бѣлыя избы. Послѣднія посреди вѣжъ и тупъ кажутся настоящими дворцами; но ихъ очень немного. Постройка избы тяжелая и трудная работа для лопарей, такъ какъ у нихъ нѣтъ пилъ, а только топоры, притомъ же роскошь эта доступна для нихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много лѣса. При бѣлой избѣ есть также вѣжа, но уже служащая кухнею.

Около каждаго лопарскаго жилья непремѣнно есть небольшая клѣтушка, родъ амбара, въ которомъ лопарь хранитъ главное свое богатство, а именно: шкуры убитыхъ имъ пушныхъ звѣрей и рыбу. Большею частью клѣтушки эти строятъ на высокихъ столбахъ, затѣмъ чтобы въ нихъ не могли забраться ни лисица, ни волкъ.

Общій видъ лопарскаго погоста наводитъ тоску. Иногда онъ такъ занесенъ снѣгомъ, что еслибы не дымъ, выходящій изъ вѣжъ, и не собачій лай, то можно бы подумать, что вовсе нѣтъ жилья.

Внутри вѣжъ бросается въ глаза нечистоплотность, почти всегда нераздѣльная съ грубостью понятій и бѣдностью.

Хозяйственной утвари вообще мало. Удобствъ никакихъ. Низенькій, хохлатый, закопченный дымомъ лопарь, закутанный съ головы до ногъ въ мѣха, встрѣчающій васъ, почесываясь, у двери, напоминаетъ скорѣе медвѣдя, вылѣзшаго изъ своей берлоги, нежели человѣческое существо. Но и въ этомъ грустномъ бытѣ можно найти хорошее, и недаромъ существуетъ пословица, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, за то внутри ея скрывается часто золото—миръ.

Одежда лопаря похожа на самоѣдскую. Онъ носитъ такую же малицу, какъ и самоѣдъ, т. е. родъ мѣшка изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, сшитой оленьими жилами, безъ разрѣза, а только съ отверстіемъ для головы. Лопари называютъ эту одежду *печокъ*. Печокъ надѣвается поверхъ овчиннаго тулупа. Нижняя одежда изъ грубаго холста. Въ большіе морозы надѣваютъ подъ печокъ рубашку изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу. На головѣ у лопаря теплая шапка, подбитая и опушенная россомашьимъ или лисьимъ мѣхомъ. Иногда шапка украшена множествомъ фарфоровыхъ пуговокъ и кусочками цвѣтнаго сукна. На ногахъ длинные сапоги изъ шкуры оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ, съ загнутыми кверху острыми и длинными носками, называемые *ярами*. Сапоги эти довольно красивы, такъ какъ мѣхъ состоитъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ, которыя чередуются между собою. Яры всегда пришиваются къ брюкамъ изъ выдѣланной оленьей кожи. Подъ сапогами шерстяные чулки или сукно, плотно обвитое вокругъ тѣла тесмою. Иногда вмѣсто яровъ надѣваютъ *каныги* — башмаки съ острымъ носкомъ. На рукахъ шерстяныя варежки, а сверхъ нихъ длинныя рукавицы изъ невыдѣланной оленьей шкуры.

Лѣтняя, верхняя одежда называется—*юпа*. Она шьется изъ толстаго сукна, на-подобіе голландской рубашки, со стоячимъ воротничкомъ, защищающимъ на морскомъ берегу отъ вѣтра и въ тундрѣ отъ комаровъ. На головѣ валеный колпакъ, имѣющій форму сахарной головы, черный съ краснымъ подбоемъ. Въ будни носятъ его наружу черною стороною, а по праздникамъ красною. На ногахъ—*нюх-и-яки*, т. е. длинные сапоги изъ выдѣланной, оленьей кожи, съ мягкою подошвою, на которую насыпаютъ внутри траву, ситникъ, а на рукахъ—шерстяныя руковицы. Юпу подтягиваютъ ремнемъ, на которомъ виситъ ножъ, огниво съ трутомъ и непремѣнно мѣшечекъ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, украшенный иногда мелкимъ бисеромъ.

Женщины зимою носятъ также печокъ, а подъ нимъ суконную юпу. Лѣтомъ же сарафаны пестрядинные, выбойчатые и даже ситцевые и рубашку изъ грубаго холста. На головѣ красный кумачный или штофный повойникъ, похожій фасономъ на повойники поморокъ съ холстиннымъ подзатыльникомъ. Иногда повойникъ и подзатыльникъ вышиты бисеромъ. Лопарки любятъ щегольство, которое проявляется у нихъ въ видѣ оловянныхъ и мѣдныхъ колецъ на рукахъ и такихъ же серегъ большаго размѣра, но въ особенности щеголяютъ онѣ крестомъ, который надѣваютъ сверхъ рубашки.

Зажиточныя носятъ его на серебряной цѣпочкѣ. Дѣвушки одѣваются такъ же какъ и женщины, только вмѣсто повойниковъ повязываютъ голову пестрымъ или краснымъ бумажнымъ платкомъ, на шею надѣваютъ онѣ ожерелья изъ разноцвѣтныхъ бусъ, биссера и мѣстнаго жемчуга. Всѣ женщины носятъ на ремнѣ ножъ и игольникъ со всѣми принадлежностями для шитья. У хозяекъ, кромѣ того, виситъ на ремнѣ ключъ.

Лопари, живущіе въ холодномъ климатѣ и проводящіе жизнь въ

безпрерывномъ трудѣ, принуждены употреблять большое количество пищи, но они не могутъ быть разборчивы въ этомъ отношеніи.

Рыба и оленина—главные продукты, доставляемые имъ природою въ этихъ почти лишенныхъ растительности мѣстностяхъ. Впрочемъ лопари привыкли нынче къ хлѣбу, который покупаютъ у поморовъ. Сами же не пекутъ его, такъ какъ это невозможно при устройствѣ ихъ очаговъ. Рыбу ѣдятъ они свѣжую и вяленую. Любимое ихъ кушаньеназывается рока, т. е. похлебка изъ вяленой рыбы, съ мучною подболткою. Также приготовляютъ они родъ кашицы на рыбьемъ отварѣ изъ ржаной муки, поподламъ съ сосновою корою. Эта кора употребляется бѣдными лопарями и отчасти предохраняетъ ихъ отъ цынготной болѣзни. Изъ ржаной муки дѣлаютъ они рѣзку, т. е. пекутъ полусырыя лепешки, которыя потомъ рѣжутъ на кусочки и ѣдятъ, обмакивая въ уху или горячую воду. Также пекутъ родъ пироговъ изъ ржаной муки. Но самыми лакомыми кушаньями считается медвѣжатина и простокваша изъ ланьяго молока, въ которую кладутъ траву василекъ. Въ постные дни питаются кромѣ рыбы ягодами, брусникою, воронцемъ и морошкою.

ТИПЫ РУССКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

Живущіе на Терскомъ берегу лопари ѣдятъ и въ постные дни куропатокъ, которыхъ тамъ изобиліе и которыхъ они называютъ летучими рыбами. Оленье и птичье мясо жарятъ у огня, воткнувъ на желѣзный прутикъ, и также варятъ изъ него щи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопари ѣдятъ не только всякую рыбу, но хищныхъ звѣрей и птицъ. Мужчины, жен-

щины и даже дѣти пьютъ много водки. Чай же употребляютъ больше такъ называемый лопарскій, т. е. какую-то траву, имѣющую довольно пріятный вкусъ. Впрочемъ тѣ, которые позажиточнѣе, пьютъ и настоящій чай.

Религія и бытъ

Лопари до половины XVI столѣтія были язычниками. Но въ этомъ столѣтіи инокъ Соловецкаго монастыря, Ѳеодоритъ, удалившійся изъ любви къ пустынножительству къ берегамъ рѣки Колы построилъ здѣсь монастырь. Познакомясь съ жившими въ окрестности лопарями, онъ началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, переведъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы и распространилъ между ними понятіе о христіанствѣ. Въ то же время, другойпроповѣдникъ св. Трифонъ, просвѣтилъ христіанствомъ лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ, и построилъ въ этомъ краю первый христіанскій храмъ во имя Пресвятой Троицы. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1533 году и тогда же крестили всѣхъ новообращенныхъ лопарей. Трифонъ устроилъ здѣсь монастырь и самъ принялъ иночество.

Вскорѣ христіанство распространилось по всей странѣ, такъ что въ 1526 году лопари Кандалакской губы, пріѣхавъ въ Москву, просили у новгородскаго архіепископа, Макарія, антиминса и священника для построенной ими церкви. Въ 1532 году просили у Макарія священниковъ Кольскіе лопари. Макарій исполнилъ ихъ желаніе,— и прибывшіе сюда священники крестили многихъ лопарей, жившихъ за мысомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Св. Носа.

Вскорѣ приняли крещеніе Терскіе лопари, жившіе по рѣкѣ Поноѣ. Въ 1581 году была дана грамота на учрежденіе церковнаго причита при Поноѣской церкви. Но впослѣдствіи лопари въ дѣлѣ христіанства были предоставлены совершенно на произволъ судьбы и потому не могли ознакомиться ни съ догматами христіанской религіи, ни даже ея обрядовою стороною. Имъ неизвѣстны даже самыя главныя молитвы. Церквей въ Лапландіи очень мало. Священникъ обязанъ разъ въ годъ объѣзжать всѣ погосты, но онъ рѣдко застаетъ дома лопарей, постоянно занятыхъ зимою пушнымъ, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Иные не видятъ его по нѣсколько лѣтъ.

Вслѣдствіе ихъ кочевой жизни, родившіеся часто остаются по нѣсколько лѣтъ безъ крещенія, а умершихъ хоронятъ безъ церковнаго обряда. Правда, что лопари наблюдаютъ посты и теплятъ свѣчи въ своихъ часовняхъ, но они исполняютъ это какъ обычай, едва понимая его значеніе. Одно уже то, что лопарки носятъ поверхъ рубашки символъ христіанства—крестъ—и стараются щеголять имъ одна передъ другою, доказываетъ какъ грубы ихъ понятія въ этомъ отношеніи. Въ настоящее время, впрочемъ, при волостяхъ устраиваются церкви и школы.

Несмотря на то, что лопари считаются христіанами, между ними сохранилось еще и до-нынѣ много языческихъ вѣрованій.

Въ языческія времена у нихъ не существовало никакихъ храмовъ или капищъ, но были идолы: каменные и деревянные. Каменные состояли просто изъ камней въ ихъ натуральномъ видѣ, или деревянные — изъ обрубковъ дерева, корни котораго обрѣзывали такъ, что они имѣли видъ человѣческой головы. Этихъ идоловъ называли сейдами. У лопарей существовало повѣрье, что боги присутствуютъ тамъ, гдѣ величественна природа, а потому они ставили сейды преимущественно на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ, но всегда на открытомъ воздухѣ. Иногда на одномъ мѣстѣ стояло по нѣсколько такихъ идоловъ, изображавшихъ цѣлую семью боговъ: самый большой былъ главою семьи, поменьше его женою, а остальные — дѣтьми и работниками. Лопари чрезвычайно почитали этихъ идоловъ и приносили имъ въ жертву части животныхъ. Мѣсто вокругъ идола считалось священнымъ. Беременнымъ женщинамъ запрещено было подъ

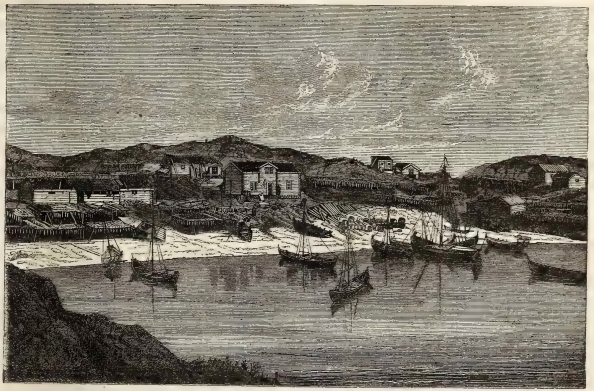
ЛОПАРИ.

КАЛМЫКИ

Digitized by Google

опасеніемъ смерти приближаться къ этимъ мѣстамъ. Мужчины также не дерзали подходить къ нимъ безъ жертвъ.

Ужасъ къ священнымъ мѣстамъ былъ такъ великъ, что еще и нынѣшніе лопари христіане стараются обѣгать ихъ. Въ ихъ окрестностяхъ никто не селится и не ловятъ птицъ. Когда же ловятъ рыбу, то наблюдаютъ безмолвіе и не берутъ съ собою женъ и собакъ. Особенно боятся этихъ мѣстъ лопарки.



ВАДЗЕ—ПОГРАНИЧНЫЙ СЪ НОРВЕГІЕЮ ЛАПЛАНДСКІЙ ГОРОДЪ.

Еще уцѣлѣло у лопарей вѣрованіе въ духовъ горъ и воды. Они воображаютъ и донынѣ, что можно продать душу этимъ богамъ и получить за то власть надъ другими людьми въ различныхъ случаяхъ жизни. Этимъ богамъ приносятъ дань или ту же жертву. Лопари, живущіе въ глубинѣ страны, взбираются для этого на высокую гору, выбираютъ лучшаго оленя и молятся до тѣхъ поръ, пока выбьются изъ силъ, затѣмъ убиваютъ оленя и остаются здѣсь ночевать. Смотря по сну, какой увидятъ, и по вытекшей изъ оленя крови, заключаютъ о томъ—уменьшатся ли или увеличатся ихъ стада. Приморскіе же лопари приносятъ въ жертву духу водъ маленькую лодочку, нагруженную жемчугомъ, серебромъ и другими веществами, которую спускаютъ въ море. Иногда мореплаватели вылавливаютъ изъ воды такія лодочки.

Обо всѣхъ явленіяхъ природы у лопарей, какъ и надо ожидать, образныя понятія. Такъ они видятъ въ сѣверномъ сіяніи души своихъ умершихъ родственниковъ, поднимающіяся на небо. Нѣкоторыя лопарки до такой степени прозорливы въ этомъ случаѣ, что различаютъ даже въ какой именно части сіянія находятся ихъ отцы, братья, мужья и пр.

Про полевыхъ мышей, странствующихъ большими стадами, лопари думаютъ, что онѣ валятся на землю изъ облаковъ, и потому не дѣлаютъ имъ никакого вреда.

Вѣрованье въ лѣшихъ и водяныхъ сильно распространено. Лопарь любитъ потолковать объ этихъ таинственныхъ существахъ, увлекающихъ его воображеніе за недостаткомъ умственной дѣятельности, и на этотъ счетъ ходитъ много разсказовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ говорятъ, будто лѣшій ходитъ въ красномъ колпакѣ и съ дубиною въ правой рукѣ. Иной лопарь разсказываетъ, какъ лѣшій гнался за нимъ, а если не за нимъ, такъ за его дѣдомъ или прадѣдомъ.

Вода, по мнѣнью лопарей, населена кромѣ рыбъ чертями и, разумѣется, главное мѣстопребыванія ихъ омуты. Около такихъ мѣстъ не закидываютъ даже сѣтей.

Лопари славились еще въ древности своимъ искусствомъ въ колдовствѣ. Когда появилась комета въ 1584 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный выписалъ изъ Лапландіи колдуновъ, для объясненія этого явленія. Въ настоящее время вѣра въ колдуновъ нисколько не ослабѣла. Лопари воображаютъ, что колдунъ можетъ вызвать дождь, разговаривать съ духами, призывать и прогонять насѣкомыхъ и пр. Единственное спасеніе отъ нихъ—громъ, который уничтожаетъ колдуновъ. Еслибы его не было, то они извели-бы своимъ чародѣйствомъ весь свѣтъ. При покражѣ какой нибудь вещи или при другомъ подобномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ помощи колдуна. Онъ не употребляетъ никакихъ заклинаній, но бьетъ въ волшебный барабанъ который ничто иное какъ овальной формы ящикъ, обтянутый съ одной стороны кожею; къ нему привязано множество веревокъ и разныхъ побрякушекъ. На кожѣ изображены небесныя свѣтила, звѣри, птицы и разные волшебные знаки. Колдунъ кладетъ на нее кольцо и начинаетъ колотить по ней мохнатымъ оленьимъ рогомъ. Кольцо подпрыгиваетъ и, смотря по тому, на какой упадетъ знакъ, колдунъ узнаетъ какой ему дать отвѣтъ. Иногда колдунъ во время гаданья прибѣгаетъ къ обмороку, и лопари убѣждены, что въ это время душа его блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ то, что онъ хочетъ узнать.

Существуютъ еще между лопарями такіе искусники, которые будто бы умѣютъ напускать по вѣтру разныя болѣзни. Всѣ боятся ихъ и потому оказываютъ имъ уваженіе и почетъ. Къ нимъ же обращаются для излеченія напущенной болѣзни. Лопари думаютъ также что эти знахари могутъ дѣлать добро и зло, какъ на землѣ, такъ и на водѣ.

Отъ наружныхъ ранъ лопари лечатся сосновою сѣрою; отъ коросты моются отваромъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную кровь дикихъ оленей. Чаще всего прижигаютъ больное мѣсто зажженною губкою, которую держатъ на тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока треснетъ кожа.

Когда лопарь охотится на медвѣдя, то, прежде чѣмъ выстрѣлить, обращается къ нему съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, медвѣдь, не нападалъ первый, такъ какъ ружье можетъ осѣчься, рука дрогнуть и т. п. Послѣ чего, по убѣжденію лопаря, благодарный за эту вѣжливость медвѣдь, никогда не рѣшится напасть первый на человѣка.

Новорожденнаго ребенка кладутъ нагаго въ колыбель, выдолбленную изъ древеснаго обрубка и похожаго формою на ткацкій челнокъ, и покрываютъ мѣхомъ. Сверху же перетягиваютъ веревками. Колыбели вѣшаютъ въ шалашахъ и на древесныхъ сучьяхъ. Во время перекочевки мать несетъ колыбель на спинѣ.

При крещеніи родители дарятъ малюткѣ лань, которую клеймятъ особымъ клеймомъ. Какъ лань, такъ и приплодъ ея, остаются на всю жизнь собственностью ребенка.

Лопари вступаютъ въ бракъ обыкновенно съ согласія родителей; но бываютъ случаи самовольныхъ браковъ, хотя чрезвычайно рѣдко. Къ такимъ бракамъ относятся съ большимъ презрѣніемъ. Обыкновенно же родители сами выбираютъ жениху невѣсту.

При сватаньѣ и свадьбѣ строго соблюдается множество старинныхъ обычаевъ.

Отецъ жениха, взявъ порядочный запасъ вина, идетъ съ сыномъ въ тотъ погостъ, гдѣ живетъ невѣста. Придя въ ея вѣжу, онъ читаетъ передъ дверью молитву; ему говорятъ въ отвѣтъ: «аминь», и онъ входитъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Выступивъ впередъ, лопарь вынимаетъ флягу съ виномъ и, наливъ стаканъ, подаетъ отцу невѣсты, а если нѣтъ отца, то старшему въ семьѣ. Тотъ не отказывается, а спрашиваетъ: «А что, первая рюмка не завяжетъ?» Гость отвѣчаетъ ему, что онъ можетъ выпить ее и не исполнить его просьбы. Хозяинъ вѣжи выпиваетъ тогда рюмку и возвращаетъ ее гостю. Тотъ подноситъ другую рюмку хозяйкѣ, которая также выпиваетъ ее. Затѣмъ опять слѣдуетъ рюмка хозяину, послѣ чего всѣ усаживаются — и начинается сватовство, оканчивающееся обыкновенно тѣмъ, что отецъ невѣсты говоритъ: «Хорошо, мы подумаемъ».

ТИПЫ НОРВЕЖСКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

Отказъ считается безчестьемъ, и оскорбленная сторона взыскиваетъ какъ за безчестье, такъ и за выпитое вино. Въ случаѣ же согласія, отецъ невѣсты посылаетъ съ этимъ извѣстіемъ къ отцу жениха своего сына, послѣ чего женихъ пріѣзжаетъ со всею своею роднею.

У лопарей женихъ обязанъ, такъ сказать, купить невѣсту, и даетъ за нее условленное число оленей и шкуръ пушныхъ звѣрей. Иногда онъ обязуется прослужить нѣсколько лѣтъ тестю. Обо всѣхъ этихъ статьяхъ торгуются, причемъ отецъ невѣсты старается запросить какъ можно больше; но, разъ сойдясь въ условіяхъ, строго выполняетъ ихъ.

Наканунѣ свадьбы, женихъ съ своими родными ѣдетъ къ вѣжѣ невѣсты, гдѣ уже собрались всѣ ея родственники. Дверь заперта на задвижку, и жениха не пускаютъ. Онъ начинаетъ стучаться, приговаривая: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Это повторяется до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго раза изъ вѣжи слышится сердитый, заспанный голосъ: «Кто это тамъ бродитъ по ночамъ?» Вслѣдъ затѣмъ дверь отворяютъ до половины, и въ отверстіе появляется голова родственника невѣсты, исполняющаго роль свата. «Не вижу, не вижу, что за люди пришли», говоритъ онъ, щуря глаза. Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ. Сватъ третъ имъ одинъ глазъ и прищуриваетъ другой, за что получаетъ опять полтинникъ, на этотъ разъ уже отъ жениха.

Но ему мало этого. Онъ говоритъ, что горло болитъ — ему дарятъ платокъ; далѣе, что озябъ — ему даютъ водки. Братъ невѣсты въ свою очередь, также продѣлываетъ всю эту исторію. «У насъ улетѣла птичка, говоритъ наконецъ отецъ жениха, такъ мы пріѣхали посмотрѣть, не здѣсь-ли она спряталась». Послѣ того дверь отворяютъ, и гости входятъ въ вѣжу гуськомъ, держа другъ друга за плечи. Женихъ начинаетъ топать, но его осаживаютъ возгласами «тпру!» Послѣ этого вся родня жениха усаживается на лавки, гдѣ уже сидитъ вся родня невѣсты, но ея самой нѣтъ. Отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ и будятъ его, слегка постукивая пальцами по головѣ. Онъ протираетъ глаза и говоритъ, чтобы ему дали на очки, на починку головы и пр. То же дѣлаетъ и вся родня невѣсты, которую женихъ обязанъ одарить. Разыгравъ всю эту комедію, выводятъ невѣсту подъ покрываломъ и усаживаютъ на постель. «Не та-ли это птица, которую вы ищите?» говорятъ родные невѣсты, указывая на нее. Тогда настаетъ очередь свахи просить подарка и, получивъ его, она поднимаетъ покрывало. «Та самая», отвѣчаютъ гости. Шаферъ невѣсты беретъ ее за руку и подводитъ къ жениху. «Попробуемъ, хороши-ли у вашего сокола когти?» приговариваетъ шаферъ и, положивъ руку невѣсты въ руку жениха, начинаетъ похлопывать его. — «Ого, у вашего сокола хороши когти», говоритъ онъ въ заключеніе. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, который та тотчасъ же повязываетъ на голову, и затѣмъ уѣзжаетъ домой. Родные же его остаются — и начинается пиръ.

На другой день всѣ опять собираются въ домѣ невѣсты и, помолясь Богу, идутъ въ церковь, иногда за 300 верстъ. Послѣ свадьбы новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ, и тутъ начинается пиръ во всемъ разгарѣ, на который всякій приноситъ то, что у него есть съѣстнаго и водку. На свадьбѣ прыгаютъ черезъ шесты, играютъ въ гусекъ, разсказываютъ разныя басни, поютъ и пляшутъ. Игра въ гусекъ — нѣчто въ родѣ шахматной: играютъ тринадцатью камушками, изображающими гусей и лисицу.

Повеселясь и погуливъ вдоволь, свадебный поѣздъ отправляется въ погостъ отца новобрачной, гдѣ она остается съ мужемъ. По прошествіи года, тесть и теща награждаютъ зятя оленями и одеждою, и онъ уѣзжаетъ съ женою въ свой погостъ, гдѣ и устраиваетъ себѣ вѣжу. Иногда же поселяется у отца и живетъ вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь всѣмъ, наравнѣ съ нежонатыми сыновьями.

Увеселенія лопарей не разнообразны. Въ воскресные дни молодые люди выходятъ изъ тупъ и вѣжей на открытый воздухъ, для игръ. Старики садятся тутъ же и бесѣдуютъ между собою, причемъ слушатель шевелитъ губами такъ-же, какъ разсказчикъ. Обыкновенныя игры: прыганье черезъ шесты, борьба и игра въ мячъ. Поютъ также

пѣсни, но пѣнье лопарей непріятно, такъ какъ у нихъ хриплые голоса. Иногда пляшутъ подъ пѣнье.

Зимою лопари занимаются оленеводствомъ и пушнымъ промысломъ, но въ началѣ весны изо всѣхъ погостовъ внутри страны перекочевываютъ къ морю для ловли рыбы. Перекочевка эта совершается въ кережкахъ, легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, которыхъ лопарь погоняетъ возгласами: «ги! го! ге»! Вѣжи и тупы остаются безъ надзора, какъ оттого, что не боятся воровъ, такъ и оттого, что въ нихъ и взять нечего. Хозяйственный скарбъ увозится съ собою. Стада оленей большею частью остаются бродить на произволъ судьбы. Въ случаѣ, если волки, россомахи и медвѣди потаскаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то хозяинъ всегда вознаградитъ эту убыль дикими оленями. Длинныя вереницы кережекъ мчатся къ условленному мѣсту, при чемъ лопарь ѣдетъ, не разбирая пути. Дорога вездѣ лежитъ для него бархатнымъ ковромъ, а заблудиться не боится онъ оттого, что ему хорошо знакомы страны свѣта: онъ знаетъ, что въ той сторонѣ, съ которой не растетъ на каменьяхъ мохъ—сѣверъ, а на противуположной, съ которой камни одѣты мохомъ,—югъ, и соображается съ этимъ. Хорошо для лопаря то, что, отправляясь въ путь, онъ не долженъ запасаться кормомъ для оленей, такъ какъ они отыскиваютъ сами чутьемъ мохъ подъ снѣгомъ, а когда хотятъ пить, то ѣдятъ снѣгъ.

Во время перекочевки, лопарямъ не разъ случается ночевать на открытомъ воздухѣ, такъ какъ жилье въ этой странѣ рѣдко. Въ такомъ случаѣ, они огораживаютъ кережками извѣстное пространство и, набравъ хворосту, разводятъ огонь. Они дѣлаютъ это очень проворно и искусно, такъ какъ у каждаго лопаря непремѣнность при себѣ огниво, березовый трутъ, который хранится въ костяномъ футлярѣ, кусочекъ сѣры и нѣсколько обломковъ коры смолистыхъ деревьевъ. Всѣ ложатся вокругъ огня, закутанные въ мѣховые одежды и, зарывшись въ снѣгъ, спятъ такъ-же спокойно и крѣпко, какъ на пуховикахъ.

ЛОПАРСКАЯ ВѢЖА.

Иногда ночью залаютъ собаки: это значитъ, что къ оленямъ подкрадывается волкъ. Проснувшись, лопарь встаетъ, убиваетъ хищника изъ винтовки,—и снова крѣпко засыпаетъ.

На слѣдующее утро снова пускаются въ путь. Кережки тянутся

длинными вереницами, за ними слѣдуютъ навьюченные олени. Лопари и лопарки идутъ подлѣ кережекъ, весело разговаривая между собою. Между ними снуютъ дѣти, рѣзвясь и играя. Рядъ кережекъ тянется версты на двѣ. Позади него идутъ домашніе олени, сопровождаемые нѣсколькими десятками малорослыхъ, косматыхъ, лапландскихъ собакъ. Прибывъ къ мѣсту лѣтнихъ промысловъ, лопари живо устраиваются въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ и принимаются за работу.

На Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, гдѣ лопари нанимаются работниками къ русскимъ промышленникамъ, послѣдніе, по окончаніи промысловъ, угощаютъ ихъ обѣдомъ, на которомъ главную роль играетъ норвежскій ромъ. Иногда въ одномъ становищѣ, въ одинъ день, бываетъ у разныхъ хозяевъ до пяти и шести такихъ обѣдовъ, Лопарь, страстно любящій спиртные напитки, непремѣнно явится на каждый изъ нихъ, а въ промежуткахъ, отъ избытка восторга, повалявшись, покувыркается по землѣ.

Лопари любятъ заводить съ русскими тѣсную дружбу. Часто лопарь, чтобы укрѣпить ее, мѣняется съ русскимъ крестомъ, причемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Обычай этотъ старинный.

Способъ погребенія лопарей скорѣе языческій, чѣмъ христіанскій хотя, конечно, языческіе обычаи исполняютъ тайно. Покойника хоронятъ безъ гроба, иногда въ одеждѣ, иногда же нагаго.

Замѣчательныхъ стрѣлковъ хоронятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносили жертвы богамъ.

Прежде покойниковъ просто клали на землю и обкладывали каменьями, но нынче зарываютъ въ землю, насыпаютъ сверху курганъ, и кладутъ на него сани, полозьями вверхъ, а подъ ними немного пищи и утвари.

Иногда кладутъ въ могилу также орудія, которыми работалъ умершій: топоръ, весло, удочки и т. п. Похоронный пиръ дѣлаютъ чрезвычайно рѣдко.

На ѣздовыхъ оленяхъ покойнаго никто не имѣетъ права ѣздить.

Относительно умственнаго развитія, лопари стоятъ на очень низкой ступени. Вся цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добывать насущное пропитаніе, и всѣ силы ихъ ума устремлены, главнымъ образомъ, на средства къ удовлетворенію этой потребности. Лопарь постоянно занятъ мыслью о томъ, какъ-бы ему искуснѣе перехитрить какого-нибудь звѣря, такъ что у него не остается времени для другихъ помышленій. Какъ всѣ дикіе и полудикіе народы, лопарь прельщается тѣмъ, что поражаетъ его чувственность, разсудокъ же его бездѣйствуетъ.

Впрочемъ, онъ интересуется тѣмъ, что происходитъ внѣ круга его жалкой жизни, и путешественника, пріѣхавшаго въ какой-нибудь погостъ, обыкновенно встрѣчаютъ разспросами о томъ: здоровъ-ли Государь, живъ-ли губернаторъ, все-ли въ краю миръ.

Лопари не знаютъ грамоты, но употребляютъ вмѣсто буквъ клейма. До сихъ поръ въ лопарскихъ селеніяхъ никогда не было никакихъ школъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ десятилѣтіе, отъ 1857 до 1867 года, обучались грамотѣ изъ лопарей въ кольскомъ приходскомъ училищѣ: 3 ч. муж. пола и 1 жен. пола. Нынче хотятъ завести школы при приходскихъ церквахъ, которыя строятъ въ нѣкоторыхъ зимнихъ лопарскихъ погостахъ. Сами лопари начинаютъ уже сознавать пользу грамотности для своихъ дѣтей, и надо надѣяться, что, съ распространеніемъ ея, смягчится грубость ихъ быта.

Лопари говорятъ различными нарѣчіями, но разница между ними не велика. Она состоитъ, главнымъ образомъ, въ примѣси иностранныхъ словъ, смотря по тому, съ какимъ народомъ приходится имъ чаще имѣть сношенія: финскимъ, норвежскимъ или русскимъ.

У лопарей есть своего рода героическія поэмы о богатыряхъ. Замѣчательно то, что богатыри эти всегда имѣли дѣло съ русскими, и всегда одолѣвали ихъ.

Лопари рѣшаютъ вопросы, относящіеся до внутренняго порядка ихъ быта, на мірскихъ сходкахъ. Каждый лопарь, имѣющій тупу или вѣжу, можетъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, но молодежь не пользуется правомъ голоса. Уважается только мнѣніе старшихъ. Наибольшее значеніе имѣетъ голосъ такого богача, который помогаетъ міру, внося иногда повинности за отлучившагося изъ своихъ мѣстъ и помогающаго въ другихъ нуждахъ. Обсуждаемые вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ споровъ, обидъ, воровства и т. п., собираютъ особыя сходки, на которыхъ производятъ судъ. Наказанія состоятъ въ уплатѣ вознагражденія за обиду.

Отецъ, какъ глава семейства, имѣетъ право отдѣлять часть дѣдовскаго имущества и закладывать его. Если сынъ не пожелаетъ жить вмѣстѣ съ родителями и отдѣлится противъ ихъ воли, то отецъ ничего не даетъ такому.

Лопари, жившіе прежде на границахъ Россіи съ Норвегіею и Финляндіею, подпавъ съ X вѣка подъ вліяніе сильныхъ сосѣдей русскихъ, шведовъ и датчанъ, платили всѣмъ троимъ дань, отчего ихъ и называли двоеданными и троеданными лопарями. Тѣ изъ нихъ, которые жили на границахъ Финляндіи, съ присоединеніемъ ея къ Россіи, вошли въ составъ Россійскаго государства и въ настоящее время живутъ въ самой сѣверной части Лапландіи.

Есть еще племя лопарей, говорящее совершенно особымъ нарѣчіемъ и исповѣдующее лютеранскую вѣру. Лопари эти называются фильманами или финеманами, и кочуютъ по тундрамъ на пространствѣ 300 верстъ отъ города Колы на западъ до границъ Финляндіи и Норвегіи. Они владѣютъ огромными стадами оленей, иногда до тысячи головъ. Отечество ихъ — Финляндія и норвежская провинція Финмаркенъ.

У нихъ черные волосы, каріе глаза, смуглый цвѣтъ лица съ румянцемъ на щекахъ. Они гостепріимны и цѣломудренны, но недовѣрчивы, угрюмы и мстительны. Въ отношеніи умственнаго развитія стоятъ ниже другихъ лопарей.

Они носятъ печокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, яры, а на головѣ шапки, въ родѣ кучерскихъ, изъ синяго сукна съ краснымъ околышкомъ.

Лѣтомъ носятъ одежду изъ бѣлаго сукна. Вообще бѣлый цвѣтъ считается щегольствомъ, и печокъ изъ бѣлыхъ оленей—праздничнымъ нарядомъ. Живутъ они въ кувасахъ. Такъ называютъ палатки конусообразной формы изъ грубаго сукна, натянутаго на жерди. Грязь и духота въ такой палаткѣ невообразимыя. Пространство ея въ діаметрѣ двѣ съ половиною сажени и полторы сажени вышины, а въ ней спитъ семья, числомъ иногда до десяти человѣкъ; тутъ же и собаки.

На концахъ жердей развѣшаны оленье, китовое или тюленье мясо, шкуры, одѣяла, хомуты и пр. Посреди очагъ, надъ которымъ всегда виситъ котелокъ со снѣгомъ.

Фильманы ѣдятъ оленье и тюленье мясо, рыбу и китовый жиръ—все въ сыромъ видѣ и несоленое. Ѣдятъ также лепешки изъ ржаной муки и очень любятъ кофе, который пьютъ два раза въ день.

XLIII КАЛМЫКИ.

Устройство быта и занятія.

Калмыки ведутъ полудикій образъ жизни, кочуя съ большими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами лошадей по неудобнымъ для земледѣлія степямъ, простирающимся по низовьямъ Волги до Астрахани, а также въ Донской области и на Кавказѣ. Общее число ихъ доходитъ до 100,000 душъ. Главное занятіе калмыковъ состоитъ въ скотоводствѣ. Народъ этотъ монгольскаго происхожденія и исповѣдуетъ буддійскую религію.

Въ физіономіи калмыка рѣзко сказывается монгольскій типъ; отличительныя черты его: смуглое, широкое и плоское лицо съ выдающимися скулами, широкій приплюснутый носъ, небольшіе черные глаза съ косымъ разрѣзомъ и очень часто косые и блестящіе, наконецъ черные какъ смоль жесткіе волосы.

Кочующіе ближе къ Волгѣ калмыки коренасты и приземисты, но степняки отличаются высокимъ ростомъ и стройнымъ, красивымъ тѣлосложеніемъ.

Устройство калмыцкаго быта основано на родовомъ началѣ. Исходнымъ пунктомъ этого устройства служитъ *хотонъ*, т. е. собраніе ближайшихъ родственныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ, какъ напр. дѣдъ, сыновья, внуки, племянники и т. п. Правителемъ хотона считается старѣйшій въ семействѣ.

Нѣсколько хотоновъ, находящихся между собою въ болѣе отдаленномъ родствѣ, составляютъ *аймакъ*. Тотъ изъ хотонныхъ старшинъ, который происходитъ по прямой линіи отъ главы перваго хотона, называется *зайсаномъ* и управляетъ цѣлымъ аймакомъ. Собраніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, называется родомъ. *Улусомъ* называется часть народа заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Владѣтель улуса называется *нойономъ*.

Вліяніе этого устройства отразилось въ характерѣ народа: калмыкъ свято чтитъ не только своего нойона, т. е. владѣтеля улуса, къ которому принадлежитъ, но и нойоновъ другихъ улусовъ. Онъ входитъ въ кибитку владѣтеля точно такъ же какъ въ кумирню, т. е. не иначе, какъ съ правой стороны и, при входѣ, берется сперва лѣвою рукою за дверную перекладину, а потомъ касается ею лба. Выходя же изъ кибитки нойона, пятится задомъ. При всякомъ торжественномъ случаѣ и при семейныхъ празднествахъ, онъ подноситъ нойону дары. Несоблюденіе этого обычая для него немыслимо. Къ жрецамъ, называемымъ гелюнгами, калмыкъ относится также съ большимъ уваженіемъ, слѣпо вѣритъ въ ихъ ученость и также охотно дѣлаетъ имъ приношенія.

Но въ своей семьѣ онъ является полнымъ ея главою и держитъ всѣхъ своихъ домочадцевъ въ строгомъ повиновеніи и почтительности. Изъ этого происходитъ рабская покорность дѣтей къ родителямъ и почтительное обхожденіе младшихъ со старшими. Въ старину виноватаго въ неповиновеніи къ отцу или матери, въ грубости и дерзости къ родственникамъ и старшимъ по званію и лѣтамъ, нака-

зывали нагайками и, выпачкавъ ему лицо сажею, водили съ таганомъ на шеѣ по хотону, вокругъ каждой кибитки.

Молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ явиться передъ отцомъ или матерью въ нетрезвомъ видѣ, не сядетъ при старшихъ, поджавъ ноги, что считается большою фамильярностью, а присядетъ на колѣни, крѣпко упершись пятками въ землю; явиться предъ старшими безъ пояса для него такъ же немыслимо, такъ какъ у калмыковъ быть безъ пояса считается почти тѣмъ же, чѣмъ у насъ быть въ халатѣ.

Положеніе женщины у калмыковъ лучше, чѣмъ у племенъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру. Женщина не закрываетъ лица отъ посторонніхъ, можетъ свободно разговаривать, танцовать и играть съ мужчинами въ различныя игры, и молится вмѣстѣ съ ними въ кумирнѣ. Она полная хозяйка въ домѣ; но все, что выходитъ за черту домашняго хозяйства, долженъ приготовить для нея мужчина. Она не сѣдлаетъ коня, и никто, ни даже самъ владѣлецъ, не имѣетъ права передать даже простой женщинѣ своего коня, съ тѣмъ чтобы она подержала его за повода. Мужчина, хотя бы самъ владѣтель, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойти съ своего коня, долженъ самъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ сѣдла. Отъ подчиненія женщины нельзя отказаться. Если женщина поднесетъ гостю чашку теплой арзы, только что выгнанной ея трудами, то отказъ считается жестокою обидою всему дому. Женщину нельзя бить ни рукою, ни палкою, ни передъ бурханами *). Понятно, что въ ежедневномъ быту правила это не всегда исполняются. Полудикій калмыкъ соблюдаетъ учтивость и церемонность только при народныхъ собраніяхъ, также съ посторонними и особенно съ богатыми сопленниками. Но въ своей семьѣ онъ откладываетъ всякія церемоніи въ сторону и частенько бьетъ жену за всякую оплошность: если напр. чай не готовъ во-время, или обѣдъ не вкусенъ, мало арзы и т. п.

*) Статуэтки, изображающія буддійскія божества.

Калмыки мужественны и отважны. Обращаясь съ дѣтства около лошадей, они страстно любятъ наѣздничество и отличаются въ этомъ искуствѣ чрезвычайною смѣлостью и ловкостью.

Калмыцкія женщины также хорошія наѣздницы; часто, когда брату или отцу некогда, молодая дѣвушка, вооружась арканомъ, носится на конѣ по степи, отыскивая отставшую за ночь отъ табуна дикую лошадь. Даже калмыцкіе мальчики отличаются удалью въ наѣздничествѣ и часто выдѣлываютъ на конѣ такія ловкія штуки, которымъ у насъ позавидовалъ бы любой вольтижеръ.

Чистоплотность не принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ калмыцкаго быта, но нельзя и ожидать ея при грубости понятій этого народа и при его неосѣдломъ образѣ жизни. Впрочемъ, нельзя также сказать, чтобы чистота не имѣла уже вовсе никакого значенія въ глазахъ калмыка.

Калмыцкія женщины, которыя вообще большія рукодѣльницы, любятъ даже щеголеватость въ украшеніи своихъ жилищъ и вещей, служащихъ для домашняго обихода.

Въ жилищахъ людей богатыхъ и въ особенности такихъ, которые, вслѣдствіе частыхъ посѣщеній городовъ и знакомства съ русскимъ бытомъ, успѣли уже усвоить привычку къ нѣкоторому удобству, не рѣдко встрѣчается не только чистота, но даже роскошь

Калмыки любятъ повеселиться въ свободное время, о чемъ свидѣтельствуетъ множество различныхъ игръ, которыя въ обычаѣ у нихъ.

Говоря вообще, народъ этотъ, несмотря на нѣкоторую необузданность и дикость, добродушенъ, миролюбивъ въ житейскихъ сношеніяхъ, гостепріименъ, сильно преданъ своей религіи и властямъ, и привязанъ къ старинымъ обычаямъ, что впрочемъ не исключаетъ въ немъ способности къ образованію.

Калмыки, принужденные часто переселяться съ мѣста на мѣсто, живутъ въ разборныхъ шатрахъ, называемыхъ кибитками, устрой-

ство которыхъ сходно съ описаннымн уже шатрами другихъ кочевниковъ.

Сыновья всегда разставляютъ свои кибитки вокругъ отцовской которая въ отличіе отъ другихъ называется большою. Жены сыновей не стрянаютъ отдѣльно, а вся семья ѣстъ изъ общаго котла въ большой кибиткѣ. Иногда около нее набирается до десяти и болѣе малыхъ кибитокъ, образующихъ болѣе или менѣе правильный кругъ. Промежутки между ними загораживаютъ плетеньмъ заборомъ, въ родѣ кибиточныхъ рѣшетокъ, только по тоньше и по выше. Съ одной стороны забора продѣлываютъ дверь. Зимою заборъ съ надвѣтренной стороны завѣшиваютъ войлокомъ.

Просторный дворъ, остающійся такимъ образомъ посреди̇нѣ, служитъ загономъ для верблюдовъ, рогатаго скота и барановъ.

Это-то собраніе кибитокъ, со всѣмъ что находится въ нихъ и называется *хотономъ*.

Установивъ кибитку и обвѣсивъ ее кошмами, калмыцкая хозяйка врываетъ въ нее снаружи флюгеръ, состоящій изъ лоскута бумажной или шелковой матеріи, съ начертанными на ней таинственными молитвами и только тогда уже приступаетъ къ внутренней уборкѣ жилья.

Прежде всего устраиваетъ она около стѣны противоположной двери самое священное мѣсто въ жилѣ, называемое *большимъ бараномъ*. Для этого она складываетъ на землю въ одну груду вьючные снаряды, попоны и ковровые мѣшки, покупаемые въ Астрахани у персіянъ. Въ такихъ мѣшкахъ хранятся верблюжьи недоуздки обшитые разноцвѣтнымъ сукномъ и употребляемые только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Сверхъ этого ставитъ она сундуки съ хорошею одеждою и прикрываетъ ихъ коврами. Затѣмъ помѣщаетъ на этомъ пьедесталѣ святыню—бурханный ящикъ, на которомъ ставитъ вынутыя изъ него литыя и лѣпныя изображенія бурхановъ.

Предъ бурханами ставитъ она миніатюрный рѣзной столикъ, раскрашенный и мѣстами позолоченный, и на немъ серебряныя и мѣдныя чашечки съ жертвами, т. е. съ пшеницею, крупою, водою и различными куреніями. Наконецъ, втыкаетъ въ землю предъ бурханами рѣзной или точенный остроконечный шестъ и надѣваетъ на него пустую серебряную чашечку; въ эту чашечку кладутъ или вливаютъ ту часть кушанья или напитка, которая, при общей трапезѣ, должна быть первымъ кускомъ старшаго въ семьѣ.

Покончивъ съ устройствомъ *большаго барана*, хозяйка принимается за постель, которая обыкновенно помѣщается какъ разъ противъ двери, такъ что при входѣ въ кибитку, бросается первая въ глаза. Собравъ складную кровать, вышиною не болѣе полу аршина, она постилаетъ на нее вмѣсто матраца войлочныя попоны, которыми во время дороги покрываютъ верблюдовъ, а въ головахъ и въ ногахъ кладетъ по кожанной подушки. Попоны эти дѣлаются изъ чистаго, бѣлаго войлока простегиваются разными узорами и обшиваются по краямъ краснымъ, синимъ или чернымъ сукномъ. Въ подушкѣ, лежащей въ головахъ, хранится чистое бѣлье, другая же—набивается разнымъ хозяйственнымъ тряпьемъ. Лѣтомъ хозяйка прикрываетъ постель легкимъ покрываломъ канковымъ, китайчатымъ или даже шелковымъ, смотря по достатку, зимою же—теплымъ одѣяломъ, подбитымъ овчиною, лисьимъ или другимъ мѣхомъ. Наконецъ, раскидываетъ она надъ постелью въ видѣ балдахина пологъ, красиво обшитый сверху фестонами. Иногда подъ пологомъ бываютъ еще особыя занавѣски.

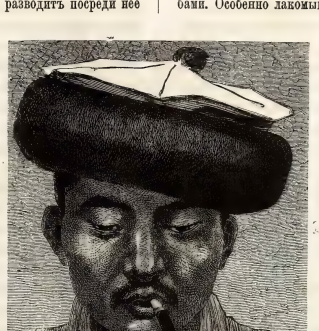
Подлѣ нижняго конца кровати хозяйка ставитъ ящикъ или сундукъ, въ который прячетъ лучшіе съѣстные припасы и вино, а на сундукѣ разставляетъ лучшую посуду; мѣсто это называется *малый баранъ*. Вся правая сторона кибитки, начиная отъ *малаго барана* и до самой двери устанавливается разнымъ хозяйственнымъ скарбомъ.

Сундуковъ у калмыцкой семьи бываетъ не болѣе двухъ, трехъ,

но они очень изящной отдѣлки и лакированные. Для того, чтобъ они не портились, ихъ обвязываютъ войлоками.

Покончивъ съ уборкою кибитки, хозяйка разводитъ посреди нее огонь изъ кизяка т. е. конскаго навоза, надъ которымъ ставитъ таганъ съ котломъ для приготовленія пищи—и новоселье готово. Огонь посреди кибитки горитъ почти постоянно. Вокругъ него любятъ грѣться старухи; къ нему же подползаютъ и маленькіе ребятишки, которыхъ матери, уходя на работу, привязываютъ, какъ собачонокъ, къ ножкамъ кровати именно на такомъ разстояніи, чтобъ они могли подползти къ огню, но не попасть въ него.

Пища калмыковъ такая же грубая какъ и весь ихъ бытъ. Они очень любятъ мясо «махань», т. е. говядину, баранину, конину и верблюжину: послѣдніе два рода мяса считаются большимъ лакомствомъ. Ѣдятъ также и маленькихъ звѣрковъ, которые водятся въ степяхъ во множествѣ. Мясо они никогда не жарятъ, но всегда варятъ или вялятъ, а на зиму сушатъ. Свиней не держатъ, потому что при кочевомъ бытѣ это совершенно невозможно; но свинину ѣдятъ съ удовольствіемъ. Самыми роскошными, праздничными блюдами, доступными только достаточнымъ людямъ, считается мясо молодыхъ животныхъ, какъ напр. молоденькаго барашка или жеребенка. За столомъ же богатаго калмыка въ праздничные дни подается иногда откормленная кобылица или молоденькій верблюженокъ, которыхъ приготовляютъ различными способами. Особенно лакомымъ кускомъ считается барашекъ и верблюженокъ.



КАЛМЫКЪ.

Когда гонятъ арьянъ, т. е. вино изъ молока, то остающуюся послѣ перегонки гущу сцѣживаютъ въ холстинные мѣшки, гдѣ изъ нея образуется родъ творога; когда онъ отвердѣетъ, его разрѣзываютъ ломтями и сушатъ на солнцѣ. Этотъ кислый сыръ называемый *бозо*, неоцѣнимъ для калмыка въ дорогѣ, такъ какъ утоляетъ его жажду въ безводныхъ мѣстахъ.

Главную же усладу калмыка составляетъ кирпичный чай. Его рѣжутъ кусочками и варятъ въ кипяткѣ вмѣстѣ съ солью, масломъ и молокомъ коровьимъ или овечьимъ,—богатые же съ верблюжьимъ; потомъ процѣживаютъ сквозь волосяное сито въ *домбо* и пьютъ изъ чашекъ.

Такъ какъ мука у калмыковъ покупная, то хлѣбъ у нихъ далеко не такъ употребителенъ, какъ у осѣдлыхъ народовъ.

Всѣ—и богатые и бѣдные—калмыки, чтобы не слишкомъ тратиться на покупку кирпичнаго чая, сбираютъ лѣтомъ конскій щавель и вѣтки дикой ежевики, которыя сушатъ и въ кусочкахъ развариваютъ въ водѣ вмѣсто чая. Калмыки, какъ и киргизы, никогда не пьютъ сырой

воды. Только больные употребляютъ иногда въ видѣ лекарства чистый кипятокъ безъ всякаго настоя.

Жажду калмыкъ удовлетворяетъ арьяномъ или кумысомъ.

Арьяномъ называется перебродившее коровье или овечье молоко, а кумысомъ—кобылье.

Лѣтъ до десяти смуглый, загорѣлый калмыченокъ бѣгаетъ въ самомъ первобытномъ костюмѣ, даже безъ рубашенки, спасаясь зимою отъ холода подъ овчинною родительской постели; но мѣрѣ же того, какъ мальчикъ подростаетъ, костюмъ его становится полнѣе.

Полнаго костюма мы не будемъ описывать, ибо это видно изъ приложеннаго рисунка.

Каждый калмыкъ держитъ, смотря по достатку, болѣе или менѣе многочисленныя стада овецъ, рогатаго скота, косяки лошадей и болѣе или менѣе ограниченное число верблюдовъ. Уходъ за всѣми этими животными требуетъ много труда и составляетъ главное занятіе калмыковъ.

Занятія скотовода сопряжены въ калмыцкихъ степяхъ съ большими хлопотами и лишеніями.

Главную его заботу составляютъ колодцы. Ихъ надо очищать, по крайней мѣрѣ, черезъ двое сутокъ въ третьи для того, чтобы ихъ не заносило пескомъ, отливать изъ нихъ старую, застоявшуюся воду и укрѣплять ихъ стѣнки для того, чтобы они не обсыпались.

Зимою же уходъ за табуномъ сопряженъ еще съ большимъ трудомъ и лишеніями. По открытой степи часто крутитъ мятелица—и испуганныя лошади разбѣгаются въ разныя стороны.

Въ это время съ ними ничего уже не подѣлаешь,—и ихъ оставляютъ на произволъ судьбы до утра. Поутру, хозяинъ, не найдя табуна тамъ, гдѣ оставилъ его вечеромъ, отправляется отыскивать его. Отыскать необходимо, потому что табунъ составляетъ главное достояніе калмыка; но какъ найти разбѣжавшихся коней, когда свѣжій пушистый снѣгъ давно уже занесъ слѣды ихъ?

Табунщикъ кидается на земь, разгребаетъ снѣгъ рукавами тулупа, роется руками въ разныхъ мѣстахъ и, пробившись иногда нѣсколько часовъ, находитъ наконецъ конскіе слѣды. Обрадованный этимъ открытіемъ, онъ ѣдетъ въ ту сторону, но вдругъ слѣдъ снова пропадаетъ. Приходится опять слѣзть съ лошади и отыскивать его тѣмъ же порядкомъ; такимъ-то образомъ калмыкъ скитается иногда по степи нѣсколько сутокъ безъ хлѣба, почти безъ сна и часто безъ отдыха. Счастливъ онъ еще, если натолкнется по дорогѣ на чужой хотонъ, гдѣ всегда радушно примутъ гостя. Онъ заѣдетъ въ него, утолитъ голодъ, отогрѣется и отдохнетъ. Если же онъ заѣдетъ въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ по близости кочевья, то иногда такъ оголодаетъ, что, найдя табунъ, отрѣзываетъ голову первому встрѣчному жеребенку или кобылицѣ и, срубивъ часть шеи, сосетъ жиръ, остальное же все бросаетъ, потому что не въ чемъ ни сварить, ни испечь, а съ собою везти неудобно.

И при всѣхъ этихъ лишеніяхъ и тяжелыхъ трудахъ, калмыкъ не обезпеченъ отъ нищеты: иногда, за недостаткомъ подножнаго корма, погибаетъ весь его скотъ,—и тогда онъ совершенно разоренъ.

Калмыцкія женщины работаютъ не только не меньше, но еще больше мужчинъ. Онѣ доятъ коровъ, овецъ и кобылицъ, что требуетъ не мало времени, такъ какъ есть хозяйства, въ которыхъ бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, такое же число коровъ и до двухсотъ овецъ. Кромѣ того, женщины занимаются изготовленіемъ кумыса, арьяна, вина и кизяка для топлива, прядутъ шерсть, валяютъ кошмы, вьютъ арканы, чинятъ кибитки, шьютъ кожаную посуду, занимаются обработкою дикой конопли, которая растетъ вездѣ, по степямъ лѣтняго и зимняго кочевья, также обработкою корня, называемаго тушмуть, изъ котораго выдѣлываютъ очень хорошую желтую краску и пр. Вѣдные калмыки нанимаются косить сѣно у богатыхъ, поступаютъ также въ гребцы на мелкихъ судахъ, подряжаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, и

ходятъ на работу къ откупщикамъ и владѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Мастерства очень развиты у калмыковъ. Во всѣхъ улусахъ есть живописцы и лѣпщики, большею частію гелюнги, занимающіяся выдѣлкою священныхъ статуэтокъ.

Есть также въ улусахъ столяры, плотники, слесаря, кузнецы, токари, литейщики, оружейники, портные, сапожники, скорняки и даже мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Но произведенія ихъ промышленности рѣдко выходятъ за черту роднаго улуса. У калмыковъ всякое мастерство переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку и т. д.

Къ числу занятій калмыковъ надо причислить также охоту, хотя нѣкоторые виды ея составляютъ скорѣе забаву. Самая старинная и любимая охота ихъ за сайгаками; кромѣ того, охотятся они за кабанами. Для птичьей охоты дрессируютъ соколовъ, ястребовъ и балабановъ. Съ соколами ловятъ дикихъ гусей и драфу; съ ястребами — также дикихъ гусей и цаплей, съ соколами же—цаплей и лебедей.

Калмыкъ очень любитъ также травить зайцевъ и бить волковъ. На волковъ охотятся иногда съ собаками, но чаще всего убиваютъ ихъ просто нагайками, сидя на конѣ.

Калмыкъ владѣетъ нагайкою такъ искусно, что она часто превращается въ рукѣ его въ такое же могучее орудіе защиты или нападенія, какъ сабля или даже винтовка. Есть различные роды ударовъ нагайкою, начиная отъ легкаго удара по сѣдлу, который только подзадориваетъ коня, до такого, который причиняетъ смерть. Все зависитъ отъ того въ какую часть тѣла ударитъ оконечность нагайки. Чтобы положить волка, калмыкъ пригоняетъ ударъ такъ, чтобы хватить концомъ ея звѣря по самой оконечности носа, но не вдоль а поперегъ. Для того, чтобы захватитъ волка живаго, наѣздникъ наровитъ ударить его по спинной кости такимъ образомъ, чтобы нагайка обвилась по боку и конецъ ея прохватилъ брюхо. Смертельный ударъ человѣку тотъ, когда конецъ нагайки ударитъ въ високъ. При встрѣчѣ въ степи съ воромъ, угоняющимъ чужой табунъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, калмыкъ употребляетъ ударъ нагайкой по колѣну, для того чтобъ сшибить его съ сѣдла. Ударомъ этимъ онъ долженъ владѣтъ очень искусно для того, чтобы не убить человѣка. У калмыковъ есть даже по этому поводу слѣдующая поговорка: «Плохой тотъ табунщикъ, который не собьетъ и не положитъ замертво волка его безпокоившаго».

Нагайка въ глазахъ калмыка почти волшебное орудіе. Когда нѣкоторые хотоны, никогда небывавшіе на Волгѣ, прикочевали къ берегамъ ея раннимъ лѣтомъ, во время хода по рѣкѣ тарани — кочевники изумленные и обрадованные обиліемъ рыбы принимались бить ее съ сѣдла нагайками, воображая что наловятъ ее такимъ способомъ.

Религія, обычаи, увеселенія.

Калмыцкіе жрецы или гелюнги, ведутъ безбрачную жизнь и пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ, тѣмъ болѣе что обладаютъ нѣкоторыми познаніями. Они занимаются медициною, астрономіею, къ которой примѣшиваютъ астрологію, живописью, каллиграфіею, какъ искусствомъ переписки духовныхъ книгъ, составленіемъ календаря, гадаютъ по звѣздамъ и, смотря по результату своихъ гаданій, назначаютъ счастливые или несчастливые дни. Воспитаніемъ дѣтей также исключительно занимаются гелюнги. Ученость ихъ, конечно, представляетъ смѣсь отрывочныхъ, устарѣлыхъ свѣдѣній съ различными суевѣріями, но народъ слѣпо вѣритъ, какъ въ медицинскія пособія, такъ и въ астрологическія предвѣщанія. Если гелюнгъ предскажетъ какому нибудь калмыку, что ему грозитъ несчастный день, то калмыкъ ни зачто не останется въ своей кибиткѣ, а, запас-

шись провизіею, уѣдетъ на нѣсколько дней въ табунъ, гдѣ и проведетъ весь опасный для него періодъ времени. Кромѣ астрологовъ есть еще колдуны изъ простыхъ калмыковъ называемые *задычи*. Народъ вѣритъ, что они могутъ нагнать и разогнать дождевыя тучи, распространить при безоблачномъ небѣ тѣнь, вызвать дождь и грозу или усмирить бунтующія стихіи.

Кумирни, называемыя *гурулами*, помѣщаются или въ кибиткахъ или въ собственно для нихъ выстроенныхъ зданіяхъ. Если кто пожелаетъ отпраздновать какой нибудь торжественный праздникъ у себя въ хотонѣ, то можетъ не только пригласить къ себѣ гелюнговъ, но даже перевезти на свой счетъ бѣлый хурулъ на время моленія.

Походныя хурульныя кибитки убираются роскошно но, далеко уступаютъ въ великолѣпіи выстроеннымъ кумирнямъ какъ напр. на калмыцкомъ базарѣ или въ селѣ Тсомешкѣ. Прямо противъ входа въ хурульную кибитку, стоитъ столикъ съ литыми статуйками, изображающими бурхановъ и передъ ними серебряныя чашечки съ жертвами и куреньями. Около нихъ лежатъ живые или высушенные цвѣты и павлиньи перья. По сторонамъ бурхановъ висятъ картины изъ буддійской миѳологіи. Сверху спускается надъ бурханами небольшой, но роскошно убранный пологъ и занавѣсы изъ разноцвѣтныхъ матерій. Вдоль кибитки, отъ входа до бурханнаго столика, постланы двѣ узкія полосы ковровъ, предъ которыми стоятъ длинные, низкіе и узкіе столики. На коврахъ садятся жрецы и кладутъ на столики свои книги и инструменты, употребляемые при богослуженіи, а именно: раковины, изъ которыхъ выдуваютъ только одну ноту, колокольчики, мѣдныя тарелочки, небольшіе рога и трубы и другія трубы очень длинныя; тутъ же, къ вколоченному листу, прикрѣпляютъ ручныя литавры, въ которыя бьютъ палкою, изогнутою въ видѣ вопросительнаго знака. При торжественномъ богослуженіи гелюнги надѣваютъ высокіе, желтые, шерстяные колпаки, въ родѣ нашихъ башлыковъ, но безъ лопастей; на задней части колпака, идетъ по шву во всю длину *ея*, гребень изъ красной шерстяной матеріи. Иногда же, вмѣсто этихъ шапокъ на голову гелюнги надѣваютъ парики изъ конскихъ волосъ; заплетенная коса виситъ на спинѣ. Парикъ придерживается богато украшенною повязкою въ родѣ кокошника, охватывающаго всю голову. Богослуженіе совершается торжественно; и жрецы, и народъ молятся съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. По временамъ жрецы поютъ довольно согласно, иногда безъ аккомпанимента, иногда же съ аккомпаниментомъ оркестра, издающаго оглушительные дикіе звуки. Особенно рѣзко дѣйствуетъ этотъ оркестръ на непривычное ухо, потому что переходитъ совершенно внезапно отъ самыхъ оглушительныхъ къ самымъ слабымъ звукамъ. Въ хурулъ входитъ не иначе какъ съ правой стороны, хотя бы пришлось при этомъ обойти всѣ хурульныя кибитки. Входящій обязанъ снять у двери шапку, положить земной поклонъ, поднять руки къ небу, затѣмъ коснуться ими земли и наконецъ дотронуться до дверной перекладины; только тогда можетъ онъ переступить черезъ порогъ святилища. Калмыки молятся стоя и по временамъ дѣлаютъ земные поклоны. Изъ хурула выходятъ, обратясь лицомъ къ бурханамъ.

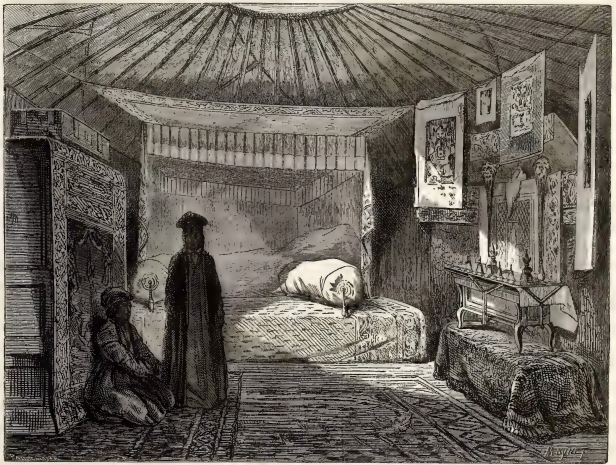
Самый торжественный изъ калмыцкихъ праздниковъ называется *цоганъ-сара*, т. е. бѣлый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ года; его празднуютъ въ мартѣ. Богослуженіе въ хурулѣ начинается ночью, наканунѣ праздника. Надо сказать, что калмыки особенно чтутъ небо, солнце и луну, и народъ, въ ожиданіи солнечнаго восхода, толпится около мѣста, занятаго жрецами. Въ тотъ моментъ, когда солнце появится на горизонтѣ, жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ, выносятъ изъ хурула изображеніе божества *Окунъ-тенгри*, прикрѣпленное къ высокому шесту, и обходятъ съ нимъ торжественной процессіей вокругъ кибитокъ. Народъ падаетъ ницъ и молится. Праздникъ продолжается двѣ недѣли съ ряду, но при этомъ не бываетъ ни борьбы, ни скачекъ, составляющихъ обычныя увеселенія

калмыковъ. Въ продолженіи праздника калмыки поздравляютъ знакомыхъ, и даже совершенно незнакомые между собою, при встрѣчѣ, привѣтствуютъ другъ друга.

Другой годовой праздникъ называемый *зула* справляется въ концѣ нашего ноября. Калмыки празднуютъ имъ начало зимы и день ихъ новаго года.

Третій праздникъ называемый *юрлосъ* приходится около первыхъ чиселъ іюня; но это празднество скорѣе народное, чѣмъ религіозное, —народъ празднуетъ окончаніе зимы и благополучный переходъ на лѣтнее кочевье.

Въ концѣ сентября, или въ началѣ октября, когда калмыки уже переберутся на зимнее кочевье, совершается жертвоприношеніе въ честь солнца. Праздникъ этотъ называется *Галисейнымъ*.



ВНУТРЕННОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ КИБИТКИ.

При моровыхъ язвахъ и другихъ народныхъ бѣдствіяхъ, за исключеніемъ скотскаго падежа, гелюнги также совершаютъ торжественныя богослуженія, съ цѣлью умилостивить высшее существо, причемъ выносятъ изъ хурулабурхановъ и обносятъ ихъ съ торжественной процессіею вокругъ ставки.

Когда въ калмыцкой семьѣ родится ребенокъ, посылаютъ въ ближайшій хурулъ пригласить гелюнга-астролога. Тотъ заглядываетъ въ свою книгу и сообразно съ ея указаніями, назначаетъ изображеніе какого божества должно быть вложено въ тѣльникъ, изъ какой матеріи и какого цвѣта долженъ быть сшитъ самый тѣльникъ и въ какой день должно надѣть его на ребенка, принося предварительно жертву бурхану.

Тѣльникъ остается на младенцѣ только одинъ день; затѣмъ его подвязываютъ къ люлькѣ.

Имя ребенку назначаетъ также гелюнгъ. У калмыковъ бываютъ иногда два имени: одно священное, другое скорѣе родъ прозвища, дается отцомъ. На прозвища калмыки не разборчивы; называютъ ребенка по какой нибудь мѣстности или по первому встрѣчному, какъ напр. маіоръ, купецъ и т. п. День, въ который дается имя ребенку считается очень торжественнымъ и сопровождается разными обрядами.

Мать кормитъ ребенка грудью цѣлый годъ. На придѣланномъ къ люлькѣ обручѣ всегда висятъ раковинки и другія бездѣлушки ради забавы ребенка и съ цѣлью изощрять его зрѣніе; отъ этого обычая происходитъ то, что всѣ почти калмыки при хорошемъ зрѣніи немного косоваты. Устройствомъ люльки обусловливается также другой физическій недостатокъ, свойственный всѣмъ калмыкамъ: всѣ они кривоноги, т. е. ноги ихъ выгнуты наружу. Это происходитъ оттого, что въ калмыцкой люлькѣ дѣлается для чистоты родъ деревяннаго желоба, прикрываемаго мягкимъ конскимъ волосомъ и ребенокъ лежитъ въ ней почти со скрещенными ногами. По прошествіи года, его вынимаютъ изъ люльки. Когда ребенку минетъ лѣтъ пять, ему начинаютъ подстригать волосы, оставляя неприкосновенными тѣ, которые ростутъ на вискахъ.

Простые калмыки даже богатые, не учатъ дѣвочекъ грамотѣ. Только дочери нойоновъ учатся по калмыцки и по русски. Прежде простые калмыки не учили грамотѣ и сыновей, кромѣ тѣхъ, которыхъ назначали въ гелюнги. Они говорили даже, что какъ только появился на свѣтъ черный чертежъ, то у всѣхъ людей души почернѣли. А нынѣ понятія измѣнились, и восьмилѣтняго калмыченка отецъ отдаетъ на выучку къ гелюнгу. Мальчикъ живетъ на полномъ содержаніи у гелюнга, который учитъ его калмыцкой грамотѣ, оспопрививанію очень распространенному между гелюнгами и иногда употребляетъ для нѣкоторыхъ услугъ, какъ напр. поручаетъ ему пріймать коня, пасти барановъ, и т. п. Ученье продолжается года два или три и обходится не дорого. Отецъ дѣлаетъ кой-какіе подарки гелюнгу, и, если достатокъ позволяетъ, платитъ рубля два или три, только тогда когда отдаетъ мальчика гелюнгу и когда береттъ отъ него. Съ десяти лѣтъ калмыченку начинаютъ подбривать волосы кругомъ головы и выбриваютъ часть лба. Онъ помогаетъ отцу въ работѣ, подчищаетъ вмѣстѣ съ нимъ колодцы, пасетъ барановъ, сгребаетъ лѣтомъ сѣно и пріучается переносить холодъ, зной и всякія лишенія. Дѣвочка помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ и въ свободное время учится шить, плести тесемки, позументы и вышивать шелками и золотомъ. Когда дѣвочкѣ исполнится тринадцать или четырнадцать лѣтъ, а мальчику пятнадцать, надъ ними совершаютъ обрядъ отсѣченія висковъ. Для этого приглашаютъ гелюнговъ и послѣ короткой молитвы передъ бурханами, вводятъ сына или дочь въ кибитку старшихъ родственниковъ съ материной стороны и тамъ обрѣзываютъ мальчику или дѣвочкѣ первородные волосы на вискахъ, къ которымъ еще никогда не прикасались ножницы. Послѣ этого обряда дѣвочка считается уже дѣвицею невѣстою, а мальчикъ юношею. Она начинаетъ прихорашиваться, рядится въ бешметъ, надѣваетъ на бекрень высокую шапку и подумываетъ о женихахъ; а молодой человѣкъ съ восторгомъ бросаетъ хворостину, которою погонялъ барановъ, и вооружившись вмѣсто нея нагайкой или винтовкою достигаетъ наконецъ своей давно желанной цѣли становится лихимъ табунщикомъ. Съ этого же времени родители начинаютъ заботится и о женитьбѣ сына. Если молодому калмыку нравится какая нибудь дѣвушка, онъ никогда не смѣетъ сказать объ этомъ отцу, а говоритъ тихонько матери, которая уже настраиваетъ отца свататъ за сына именно эту дѣвушку. Разузнавъ о характерѣ невѣсты и получивъ согласіе ея родителей, устроиваетъ отецъ жениха сговоръ, сопровождаемый разными обрядами и церемоніями.

Послѣ сговора далеко еще до свадьбы. Иногда она бываетъ чрезъ годъ, иногда же черезъ два и даже болѣе, пока дѣвушкѣ исполнится, по крайней мѣрѣ шестнадцать лѣтъ и родители ея соберутся со средствами приготовить все, что нужно для дочери. Въ продолженіи этого времени, невѣсту навѣщаютъ изрѣдка или женихъ или его родители. Передъ свадьбою гелюнгъ опять совѣщается со своею астрологическою книгою и назначаетъ счастливый день для брачнаго обряда. Отецъ жениха извѣщаетъ объ этомъ родителей невѣсты и вскорѣ послѣ того, забравъ различныхъ запасовъ и подарковъ, отправляется всею семьею къ будущимъ родственникамъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ начинается пирушка и продолжается цѣлыя сутки. На слѣдующій день, родители жениха сговариваются о томъ какой цѣнности подарки должны они поднести почетнымъ лицамъ, владѣльцу, зайсангамъ, ближайшимъ родственникамъ невѣсты, особенно уважаемымъ знакомымъ и т. п. Иногда при этомъ даже торгуются.

Порѣшивъ и этотъ вопросъ, женихова семья отправляется домой, и глава ея опять ѣдетъ на ярмарку или въ городъ, гдѣ закупаетъ все, что нужно для полнаго устройства калмыцкаго дома.

Невѣстины родители обязаны только устроить кухню, постель и снабдить дочь различною одеждою. Затѣмъ отецъ жениха ѣдетъ въ хурулъ и приглашаетъ къ себѣ въ хотонъ гелюнга-астролога, который ставитъ въ кибиткѣ будущихъ молодыхъ изображеніе бурхана, опрыскиваетъ ее масломъ смѣшаннымъ съ молокомъ и поетъ священные гимны.

Въ этотъ разъ, онъ назначаетъ даже время дня, въ которое долженъ быть совершенъ брачный обрядъ.

Совершеніе брака происходятъ съ разными церемоніями и сопровождаются пирушками.

Религія предписываетъ калмыкамъ единоженство, а гелюнгамъ даже вовсе запрещаетъ жениться.

У степныхъ калмыковъ, крѣпко привязанныхъ ко всѣмъ старинным обычаямъ, строго соблюдающихъ всѣ религіозныя постановленія, никогда не бываетъ больше одной жены. Но тѣ, которые кочуютъ ближе къ Волгѣ, часто имѣютъ по двѣ и даже по нѣсколько женъ. Невѣстъ своихъ они похищаютъ. Впрочемъ, похищеніе это дѣлается не только съ согласія дѣвушки, но часто и ея родителей.

Причина этого обычая—желаніе сократить расходы на излишнія пиршества.

У калмыковъ существуетъ разводъ; но надо имѣть важныя причины къ нему. Если развода требуетъ жена, то должна представить свое требованіе на судъ родныхъ, и оно можетъ быть уважено только въ такомъ случаѣ, если у супруговъ нѣтъ дѣтей. Мужъ не обязанъ подчинять свое требованіе о разводѣ суду родственниковъ. Онъ имѣетъ право требовать расторженія брака даже въ такомъ случаѣ, если жена его плохая хозяйка. Гелюнги употребляютъ всѣ средства, чтобы примирить супруговъ, но отказать въ разводѣ не могутъ.

Обрядъ развода сопровождается жертвоприношеніемъ, послѣ котораго слѣдуетъ небольшое угощеніе. Разведенную жену провожаютъ приличнымъ образомъ въ хотонъ ея родителей и возвращаютъ ей все ея приданое.

Если она пожелаетъ, то имѣетъ полное право вступить во второй бракъ. Дѣтей же оставляютъ отцу или отдаютъ матери, смотря по уговору.

Любимѣйшія потѣхи калмыковъ: борьба, конскія скачки и ловля неукомъ (дикихъ лошадей).

Борьба въ обычаѣ и у другихъ сосѣднихъ съ ними племенъ, какъ напр. у киргизовъ, татаръ, башкировъ и пр., но ни у одного народа не отличается она такою торжественностью и порядкомъ какъ у калмыковъ.

Какъ всѣ полудикія племена, они высоко цѣнятъ личную силу и слава перваго борца имѣетъ въ глазахъ ихъ громадное значеніе.

Имя побѣдителя пріобрѣтаетъ извѣстность не только между одноплеменниками въ самыхъ отдаленныхъ улусахъ, но и между окрестными народами: татарами, киргизами и пр.

О времени борьбы дается заранѣе знать народу и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо враждебныя партіи: партію владѣльца и партію гелюнговъ.

Каждая сторона тайкомъ отъ другой представляетъ владѣльцу списокъ своихъ борцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, обязанныхъ защищать права выбравшей ихъ партіи. Владѣлецъ съ своей стороны назначаетъ призы въ награду побѣдителямъ. Партія гелюнговъ выбираетъ по своему усмотрѣнію на все время борьбы главу, долженствующаго распоряжаться всѣмъ, относящимся до игры.

Въ обоихъ враждебныхъ станахъ борьбѣ предшествуетъ генеральная проба.

Къ назначенному сроку изо всѣхъ кочевьевъ улуса несутся по степи къ опредѣленнымъ пунктамъ участвовавшіе уже въ бояхъ богатыри и новички, страстно желающіе отличиться своею ловкостію и молодечествомъ. Въ мѣстахъ назначенныхъ для пробы все приходитъ въ оживленіе. Борцы готовятся къ бою различными упражненіями: кидаются со всѣхъ ногъ о земь, вытягиваютъ руки и ноги, размахиваютъ ими, валяются по песку, чтобы пріучить тѣло къ ушибамъ и царапинамъ, спятъ на голой землѣ, подложивъ подъ себя жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи, и борются другъ съ другомъ. Тотъ удалецъ, который побѣдитъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый номеръ, дающій ему право начать борьбу. Генеральная проба производится у каждой партіи украдкою отъ другой и противная партія подсылаетъ шпіоновъ, мужчинъ и женщинъ, старающихся подсмотрѣть все, что дѣлается у противни ковъ и вызнать имена первыхъ борцовъ. Въ самый день борьбы, каждая партія отправляется по одиночкѣ, подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, въ хурулъ. Процессія эта очень торжественна: борцы идутъ по парно и, подойдя къ хурулу длинною линіею, выстраиваются въ одну шеренгу; затѣмъ, снявъ шапки, становятся на колѣни и кладутъ земные поклоны съ пламенною молитвою бурханамъ о покровительствѣ.

Мѣстомъ арены бываетъ обыкновенно очищенная отъ травы площадка; около нея стоятъ кибитки, въ которыхъ помѣщаются на одной сторонѣ владѣлецъ и его сторонники, а на противуположной — представители противной партіи: старшіе гелюнги со своими почетными гостями. По остальнымъ сторонамъ площадки толпятся жители, также раздѣлившіеся на двѣ партіи, и, съ замираніемъ сердца, ожидаютъ начала боя. Владѣлецъ подаетъ сигналъ: въ одно мгновеніе ока въ шумной толпѣ водворяется мертвая тишина, и на аренѣ появляются два бойца, закутанные съ ногъ до головы въ бѣлыя простыни. Сопровождающіе ихъ секунданты сдергиваютъ съ нихъ простыни — и со всѣхъ сторонъ раздаются восторженные крики. Борцы сражаются полунагіе; весь ихъ костюмъ состоитъ изъ широкихъ бѣлыхъ шальваръ, далеко не доходящихъ до колѣнъ. Они низко кланяются владѣльцу, касаясь руками земли, затѣмъ умываютъ руки пескомъ и начинаютъ медленно шагать по аренѣ, сильно размахивая руками. Вотъ они останавливаются другъ противъ друга, и каждый старается схватить противника рукою, но тотъ ускользаетъ, какъ угорь. Наконецъ, одному изъ нихъ удается вцѣпиться въ врага — и начинается отчаянная борьба. Борцы безпрестанно мѣняютъ позы, переплетаются руками и ногами, стискиваютъ другъ друга въ желѣзныхъ объятіяхъ, силятся сшибить ударами ноги одинъ другого, приподнимаются на носки и прибѣгаютъ къ различнымъ дозволеннымъ хитростямъ.

Вотъ одинъ изъ бойцовъ, схвативъ противника за обѣ руки, приподнимаетъ надъ собою и повергаетъ на земь. Но тотъ упалъ не спиною, а грудью. По уставамъ борьбы это не означаетъ еще, что

онъ побѣжденъ. Противникъ наступаетъ на него правою ногою и употребляетъ всѣ силы, чтобы перевернуть его на спину. Но поверженный отчаянно защищается и вдругъ, увернувшись изъ подъ противника, вскакиваетъ на ноги и снова бросается на него. Крики «ура» безпрестанно раздаются въ толпѣ, то въ той, то въ другой сторонѣ, смотря по тому, чья сторона осиливаетъ. Женщины и дѣвушки съ жаромъ слѣдятъ за всѣми измѣненіями борьбы и поощряютъ ловкость и находчивость громкими одобреніями. Иногда борьба продолжается очень долго, иногда же, напротивъ, оканчивается очень скоро; во все продолженіе ея, секунданты зорко слѣдятъ за борцами, наблюдая, чтобы ни одинъ изъ нихъ не прибѣгнулъ къ какому-нибудь недозволенному уставомъ маневру, что считается большимъ позоромъ и сопровождается денежною пенею. Случается, что борцы падаютъ въ обморокъ. Секунданты тотчасъ же прекращаютъ бой, обливаютъ страждущаго водою и даютъ ему время отдохнуть, чтобы онъ могъ собраться съ новыми силами.

Побѣда, кромѣ славы, доставляетъ побѣдителю и существенныя выгоды. Онъ получаетъ не только назначенный призъ, но владѣлецъ дѣлаетъ ему хорошій подарокъ, какъ напр.: косякъ лошадей, полную экипировку или даетъ порядочную сумму денегъ. Жители также дарятъ ему: кто халатъ, кто лошадь, кто деньги, смотря по средствамъ, и устраиваютъ въ честь его пиръ.

Калмыцкія скачки не отличаются ничѣмъ отъ обыкновенныхъ киргизскихъ скачекъ. Калмыки, такъ же какъ и киргизы, подготовляя лошадей къ скачкѣ, меньше кормятъ ихъ, такъ что онѣ становятся тощими и сухопарыми. Для скачки назначаютъ дистанцію отъ двадцати до пятидесяти, и иногда даже до семидесяти верстъ.

Наѣздники съ утра, а иногда наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, ѣдутъ шагомъ къ назначенному урочищу и оттуда несутся всѣ разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжкѣ пункта, гдѣ ихъ уже дожидаетъ толпа зрителей. Владѣлецъ посылаетъ къ этому пункту довѣреннаго человѣка, который, въ условленную минуту, разстанавливаетъ наѣздниковъ въ линію и подаетъ сигналъ къ начатію скачки. Между тѣмъ, на всемъ пространствѣ дистанціи, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены дозорные пикеты, извѣщающіе владѣтеля о происходящемъ телеграфическими маневрами. Маневры эти, или такъ называемое *маяченье*, состоятъ въ поворотахъ, круженіяхъ направо и налѣво и другихъ условныхъ движеніяхъ. Въ степи, при извѣстномъ освѣщеніи, очень легко можно различать предметы на далекомъ разстояніи, и каждый дозорный повторяетъ маневры своего товарища; слѣдующій за нимъ передаетъ ихъ другому; тотъ, въ свою очередь, третьему и т. д. Такимъ образомъ, извѣстіе доходитъ до владѣльца въ очень короткое время. Побѣдителямъ на скачкахъ дарятъ деньги, одежду или лошадей. Тѣхъ же, которые менѣе отличились, надѣляютъ какими-нибудь дешевыми полезными вещами. Удальство и ловкость калмыковъ въ наѣздничествѣ выказываются особенно въ полномъ блескѣ при ловлѣ дикихъ лошадей (неуковъ).

Каждый нойонъ, приглашая гостей, считаетъ почти обязанностью доставить имъ это развлеченіе: наѣздники пригоняютъ цѣлый табунъ совершенно дикихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ, по указанію гостя, ловитъ любую лошадь. Заломивъ на бекрень шапку и подтянувшись, выѣзжаетъ калмыкъ въ табунъ, держа въ лѣвой рукѣ укрюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлею. Въ табунѣ обыкновенно гораздо болѣе матокъ, чѣмъ жеребцовъ, и при нихъ молоденькія лошадки. Матки, оберегая дѣтей, даютъ всаднику дорогу, и онъ пускается въ погоню за указаннымъ конемъ. Тотъ пытается увернуться, мечется то въ одну сторону, то въ другую, и прибѣгаетъ къ хитрости, стараясь скрыться между другими лошадьми. Но наѣздникъ, приникнувъ къ сѣдельной лукѣ, мчится во весь опоръ по его слѣдамъ, не теряя его изъ вида. Вотъ онъ уже настигаетъ коня; еще нѣсколько сажень—и онъ накинетъ на него

арканъ, но не тутъ-то было! Конь взмахнулъ хвостомъ, тряхнулъ ощетинившеюся гривою и пропалъ изъ вида. Наконецъ наѣзднику удается накинуть арканъ на бѣшенаго скакуна, и тотъ въ изумленіи останавливается на мѣстѣ, какъ вкопанный. Затѣмъ начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы вырвать арканъ изъ рукъ, взвивается на дыбы, крутитъ головою, визжитъ, припадаетъ къ землѣ, бьетъ копытами, изгибается задомъ и передомъ и дѣлаетъ бѣшенные скачки. Но калмыцкій наѣздникъ не выпуститъ изъ руки аркана и всегда одержитъ верхъ въ этой отчаянной борьбѣ. Дикому коню спутываютъ на нѣсколько мгновеній ноги ремнемъ, пропускаютъ сквозь зубы конецъ веревки и, опутавъ ею около брюха, закрѣпляютъ концы на спинѣ. Конь приходитъ въ бѣшенство, мечется по степи, куда глаза глядятъ, кидается изъ стороны въ сторону, брыкается, бьетъ передними и задними ногами, стараясь сбросить съ себя сѣдока, но, наконецъ, выбивается изъ силъ, покоряется своей участи и начинаетъ слушаться поводьевъ. Несмотря на это невольное подчиненіе, окончательное укрощеніе дикаго коня довольно опасное дѣло, требующее много отваги и ловкости. Конь, почувъ на себѣ сѣдло, какъ будто упрочивающее силу и власть человѣка надъ нимъ, дѣлаетъ отчаянныя попытки, чтобы возвратить себѣ свободу. Онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло; наѣздникъ долженъ сохранить все присутствіе духа, чтобы удержаться на бѣшеномъ животномъ.

Кромѣ борьбы, конскихъ скачекъ и укрощенія дикихъ лошадей у калмыковъ употребительны еще другія забавы, болѣе спокойнаго характера. У нихъ есть игры, присвоенныя только извѣстнымъ временамъ года, и такія, въ которыя играютъ круглый годъ.

Пляска калмыковъ лучше киргизской и башкирской; по крайней мѣрѣ въ ней есть какой-нибудь смыслъ. Пляшутъ или по-очередно, сперва мужчины, потомъ женщины, или всѣ вмѣстѣ.

Калмыкъ предъ кончиною посылаетъ за гелюнгомъ, молится бурханамъ, приноситъ имъ жертвы, и если у него есть семейство, благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями бурхановъ, яли маленькими литыми бурханами, которыхъ носятъ на груди. Какъ скоро больной скончается, всѣ переходятъ изъ этой кибитки въ другую, и при умершемъ остаются только гелюнги. Они моютъ тѣло и, обвернувъ полотномъ, кладутъ на постель или на коверъ у постели, покрывъ бѣлымъ покрываломъ. Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. Только на третій день входятъ въ кибитку въ первый разъ родственники покойнаго и прощаются съ нимъ, наклоняясь надъ ногами его такъ, что касаются ихъ лбомъ. Способъ погребенія бываетъ различный. Тѣла почетныхъ лицъ: нойоновъ, старшихъ гелюнговъ и задючей сожигаютъ; простыхъ же зарываютъ въ землю. Сожженіе происходитъ на четвертый день.

Время дня, въ которое долженъ быть сожженъ трупъ, назначаетъ гелюнгъ-астрологъ. Покойника одѣваютъ въ полную его одежду, но безъ оружія, затѣмъ сажаютъ на коверъ или на широкій холстъ, причемъ подгибаютъ ему ноги такъ, какъ будто онъ сидитъ съ поджатыми ногами. Предъ выносомъ тѣла подводятъ къ кибиткѣ его любимаго коня совсѣмъ осѣдланнаго, но безъ подушки и безъ чепрака. Конюхъ держитъ лѣвою рукою подъ уздцы коня, а въ правой нагайку покойнаго. Тѣло выносятъ четыре человѣка на рукахъ на холстѣ или на коверѣ. Родственники, друзья и гелюнги провожаютъ умершаго. За тѣломъ ведутъ коня.

Не доходя до мѣста, гдѣ должно совершиться сожженіе, конюхъ останавливается и, дождавшись окончанія церемоніи, отводитъ коня въ хурулъ, какъ жертву бурхану.

Прибывъ къ назначенному мѣсту, выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре около нея, и накладываютъ въ нихъ дровъ. Въ среднюю яму ставятъ большой котелъ и сажаютъ въ него трупъ. Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, и костры зажигаютъ. Котелъ раскаляется до-красна, и надъ кострами подымаются клубы чернаго

дыма. Когда они разсѣятся и послѣднія головни погаснутъ и истлѣютъ, въ котлѣ не остается уже больше ничего, кромѣ горсти пепла. Пепелъ такъ и оставляютъ въ котлѣ и надъ нимъ сооружаютъ памятникъ. Калмыцкіе памятники строятъ такъ: къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и жертвенными куреньями, обводятъ все это круглою кирпичною стѣною. Потолокъ образуетъ внутри сводъ, укрѣпленный снаружи разными украшеніями въ китайскомъ стилѣ. Дверь дѣлаютъ съ восточной стороны и запираютъ на замокъ. Когда памятникъ готовъ, въ немъ совершаютъ моленія и приносятъ жертвы. Обрядъ плача продолжается трое сутокъ, время же траура—семь недѣль.

Въ теченій этихъ семи недѣль, близкіе родственники покойнаго не ѣдятъ мяса, безпрестанно молятся Богу, не показываются никому изъ постороннихъ и остерегаются даже, чтобы не убить какъ нибудь мухи или комара, такъ какъ этотъ грѣхъ можетъ пасть на душу покойника. Каждую недѣлю совершаютъ поминки по немъ. Въ пятидесятый день совершаютъ седьмое и послѣднее моленіе по усопшемъ, и трауръ оканчивается.

Разъ въ году, въ день памяти покойнаго, справляютъ тризну по немъ, которая начинается моленіями и заканчивается пиршествомъ и скачками.

Женщинъ, хотя бы и почетныхъ зайсанговъ, младшихъ гелюнговъ и простыхъ калмыковъ хоронятъ въ землю, обвертывая тѣло полотномъ; но все, что касается до чествованія праха, у бѣдныхъ людей соблюдается точно такъ же, какъ и у богатыхъ.

У калмыковъ, отставшихъ отъ старинныхъ обычаевъ, случается иногда, что тѣло вовсе не хоронятъ, а просто бросаютъ въ степи безъ молитвы.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

XLIV. ОСТЯКИ.

Наружный видъ.—Нравы и бытъ.

По свидѣтельству историка Миллера, остяки появились впервые въ Тобольской губерніи въ 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермію въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь притѣсненія со стороны завоевателей и принужденія бросить свою вѣру, удалилось на берега Оби. И понынѣ остяки въ числѣ 23,000 душъ населяютъ губерніи Тобольскую и Томскую, и живутъ преимущественно по берегамъ рѣкъ Иртыша, Оби, Енисея и притокамъ ихъ. Хотя въ точности не извѣстно происхожденіе остяковъ, но есть нѣкоторыя историческія данныя, на основаніи которыхъ можно почти съ достовѣрностію отнести ихъ къ восточной вѣтви финскаго племени. Въ древности остяки назывались «Арьяхи» что значитъ по остяцки «много человѣковъ», отъ «ярь»—много и «хо»—человѣкъ. Когда ихъ покорили татары, они стали называться «хандихо», отъ слова «ханъ»—государь и «хо»—человѣкъ, т. е. государевы люди. Татары же называли остяковъ презрительнымъ именемъ «уштяки», что означаетъ грубыхъ, невѣжественныхъ людей, въ родѣ варваровъ. Когда русскіе покорили татаръ, то передѣлали на свой ладъ слово уштякъ и, подъ именемъ остяковъ, внесли это племя въ свои росписи. Языкъ остяцкій дѣлится на четыре нарѣчія: обдорское, югорское, кодское и сургутское. Въ обдорскомъ много словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; въ югорскомъ—вогульскихъ; въ кодскомъ — татарскихъ; а въ сургутскомъ—всѣхъ этихъ нарѣчій. По этому можно судить, какъ языкъ остяцкій бѣденъ.

Въ наружности остяка нѣтъ ничего рѣзко выдающагося. Онъ большею частію средняго роста съ большой головою, съ узкими черными глазами, съ сжатымъ лбомъ, съ выдавшимися скулами, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ. Кожа у нихъ грязновато-смуглая, грудь широкая и приподнятая, волосы черные, жесткіе и всклоченные. Они очень неопрятны и поэтому черепъ у нихъ почти всегда оголенъ. Нѣкоторые изъ нихъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы. Отъ врожденной вялости борода у нихъ рѣдко бываетъ, а если и выступаетъ щетиною, то они ее выдергиваютъ. Вообще мужчины имѣютъ видъ пасмурный, смотрятъ изъ подлобія, а женщины—болѣзненный. Выдающаяся черта характера остяка—честность и добродушіе. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запретъ двери просящему убѣжища; охотно подѣлится своей добычею; богатый считаетъ своимъ долгомъ помочь бѣдняку. Дѣти природы,—остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы, услужливы и гостепріимны. Между ними нѣтъ ни воровъ, ни убійцъ; здѣсь воровство—какъ исключительный случай: никто никогда не запираетъ своего имущества, даже нерѣдко оставляютъ его среди тундръ.

По образу жизни, остяковъ слѣдуетъ раздѣлить на осѣдлыхъ и бродячихъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по берегамъ р. Иртыша, гораздо развитѣе прочихъ племенъ и живутъ на русскій ладъ; на нихъ замѣтно отразилось русское вліяніе; они промышляютъ скотоводствомъ, земледѣліемъ и мѣновой торговлею, и весьма немного занимаются рыбною и звѣриною ловлею. Бродячія племена остяковъ

занимаютъ пространство по берегамъ рѣкъ Оби, Таза, Енисея и преимущественно у послѣдняго и притокамъ его. Они занимаются исключительно рыбной и звѣриной ловлею и совсѣмъ незнакомы съ промыслами осѣдлыхъ жителей.—Несомнѣнно, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, народъ остяцкій былъ весьма многочисленъ, что доказывается множествомъ городковъ, представляющихъ нынѣ развалины; онъ управлялся нѣсколькими независимыми князьями, воевавшими между собою. Императрица Екатерина II утвердила двухъ князей. Нынѣ у остяковъ только одинъ князь Матвѣй Ивановичъ Тайпанъ, проживающій въ городѣ Обдорскѣ.

Иртышскіе остяки утратили окончательно свою самобытность; въ языкъ ихъ вошло много словъ русскихъ и татарскихъ. Всѣ они христіане и управляются русскими властями. Бродячіе же остяки—язычники; они распадаются на множество племенъ или родовъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который заботится о сохраненіи порядка и согласія въ родѣ, и производитъ судъ и расправу; недовольные имъ жалуются князю. По промысламъ остяковъ можно раздѣлить на двѣ группы: оленеводовъ и рыболововъ. Послѣдніе живутъ крайне бѣдно. Бѣдность эта происходитъ не по винѣ самаго остяка, а потому, что его всячески притѣсняютъ и эксплуатируютъ купцы-барышники. Бѣдному остяку никогда не приходится пользоваться плодами своихъ трудовъ; такъ напримѣръ, лучшую рыбу забираютъ у него обдорскіе, березовскіе и тобольскіе купцы-кулаки. Пользуясь слабостью остяка къ водкѣ, они даютъ ему ее въ долгъ, весьма недоброкачественную, съ разными одуряющими подмѣсями, и когда остякъ выпьетъ этого зѣлья, опьянѣетъ,—тогда купецъ-кулакъ вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку и за ничто отбираетъ у него все, что могло-бы дать ему хорошій заработокъ. Понятно, законъ преслѣдуетъ подобное злоупотребленіе; но, не взирая на законъ, безсовѣстные торговцы всегда находятъ случай продать остякамъ это губительное зѣлье по непомѣрнымъ цѣнамъ. Всѣ остяки поголовно пьютъ водку, не исключая женщинъ, и даже поятъ ею дѣтей.

Кромѣ водки, остяки страстно любятъ табакъ и употребляютъ его во всѣхъ видахъ:— и курятъ, и жуютъ, и нюхаютъ его въ огромномъ количествѣ. Остяки-оленеводы бродятъ со стадами оленей по берегамъ Ледовитаго моря и занимаются тамъ морскою ловлею, бьютъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей. Когда настаютъ холода, они удаляются въ лѣса. Каждый родъ держится отдѣльно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ своего старшины. Всѣ промышленники сходятся въ концѣ декабря въ Обдорскѣ на ярмаркѣ. Въ послѣднее время число оленеводовъ стало замѣтно уменьшаться вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ самоѣдами. Въ Обдорскѣ остяки обмѣниваютъ свои произведенія, какъ-то: пушной товаръ, готовое платье изъ оленя, оленину, мерзлыхъ осетровъ, мамонтову кость и. т. п. на муку, печеный хлѣбъ, табакъ, горшки, котлы, кожу, иголки, мѣдныя пуговицы и кольца, бусы и много другихъ бездѣлокъ.

Звѣриный промыселъ ведется остяками далеко не съ такою страстью, какъ рыбный; онъ необходимъ имъ только для взноса ясака и для платы за забранный хлѣбъ въ казнѣ. Ясакъ уплачивается изъ вырученныхъ отъ продажи звѣриныхъ шкурокъ денегъ, или же богатыми шкурками пушного звѣря. Взносъ ясака въ каждомъ родѣ лежитъ на обязанности старшины.

Что касается до рыбнаго промысла, то, какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище, т. е. ставитъ чумъ. Чумъ ставятъ такъ: 60 кольевъ втыкаютъ въ землю, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобы оставалось отверстіе для выхода дыма; потомъ обшиваютъ чумъ вареной берестою. Вскрытія рѣкъ не ждутъ, а пробиваютъ пешнями размокнувшій ледъ, запускаютъ сѣти и, дрожа отъ наслажденія, впиваются въ первую трепещущую рыбу, которую ѣдятъ живьемъ. Когда остякъ на-

ловитъ рыбы, утолитъ свою жажду и голодъ, онъ беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ со словами: «Принеси дровъ, раскладывай огонь—будемъ жить весело».

Все лѣто на Оби раздается уханье и стонъ остяковъ-рыболововъ, которые ловятъ рыбу и сѣтями, и вершами, и удочками; готовятъ ее и въ запасъ и на продажу. И боготворятъ остяки свою кормилицу—Обь съ ея унылыми, однообразными берегами, наводящими грусть на человѣка непривычнаго, незнакомаго съ грозной природою сѣвера. При первыхъ заморозкахъ, по первому снѣгу, рыболовы вытаскиваютъ свои лодки и принимаются за зимнія работы: за изготовленіе нартъ, лыжъ и охотничьяго оружія, или же отправляются въ тайгу, т. е. лѣсъ, на звѣриную ловлю.

На женщинахъ остяцкихъ лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы; у нихъ женщина безпрекословная, забитая раба. Обращаются, съ ними остяки крайне грубо; за малѣйшее ослушаніе или медленное выполненіе работы, онѣ подвергаются жестокимъ побоямъ состороны своихъ сожителей. Остякъ въ юртѣ у себя сидитъ цѣлый день поджавши ноги, куритъ и жуетъ табакъ, и глядитъ на огонекъ требуя только услугъ отъ своей рабыни-жены. Кромѣ работъ по домашнему хозяйству, остячки занимаются выдѣлкою холста, шитьемъ, вязаньемъ, колятъ дрова. И все это дѣлается ими безпрекословно, съ полнѣйшею покорностью судьбѣ, которая будто обрекла ихъ на это рабство съ самой колыбели. Дѣтямъ даютъ воспитаніе суровое, пріучаютъ ихъ съ самаго ранняго возраста къ тяжелымъ работамъ. Съ 12 лѣтъ остяцкія дѣти умѣютъ уже стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, ставить чумы и проч. Послушаніе дѣтей къ родителямъ сохраняется строго, но не по долгу, а изъ страха.

Иртышскіе обрусѣвшіе остяки, какъ уже было сказано выше, ведутъ осѣдлый образъ жизни и живутъ въ избахъ на-подобіе русскихъ. Другіе изъ нихъ переняли многое отъ татаръ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ устройствѣ жилищъ.

Остяцкія селеньица разбросаны въ 20, а иногда и въ 50 верстахъ одно отъ другаго, отъ 3 до 20 юртъ или хижинъ. Онѣ всегда строятся въ лѣсахъ по близости рѣкъ. Юрта—это бревенчатая изба съ сѣнями. Въ углу, близъ двери, битый изъ глины татарскій чувалъ, въ которомъ всегда горитъ огонекъ. Возлѣ стѣнъ—нары, какъ у татаръ, съ настланными на нихъ «тагарами», т. е. рогожами, довольно искусно сплетаемыми изъ травы; одно окно,—у богатыхъ со стекломъ, у бѣдныхъ пузырчатое или съ вставленной въ него льдиною. Въ такой хижинѣ живетъ иногда до пяти семействъ, и каждому отгорожено на нарахъ особое мѣсто. Остяки живутъ въ своихъ селеніяхъ только зимою. Едва въ началѣ іюня вскроется ледъ, остякъ собираетъ все свое имущество, складываетъ его на длинныя и глубокія лодки, по двѣ вмѣстѣ спаромленныя, и отправляется на Обь и другія большія рѣки. Тамъ живетъ онъ въ берестяныхъ шалашахъ до сентября, занимаясь рыбной ловлею.

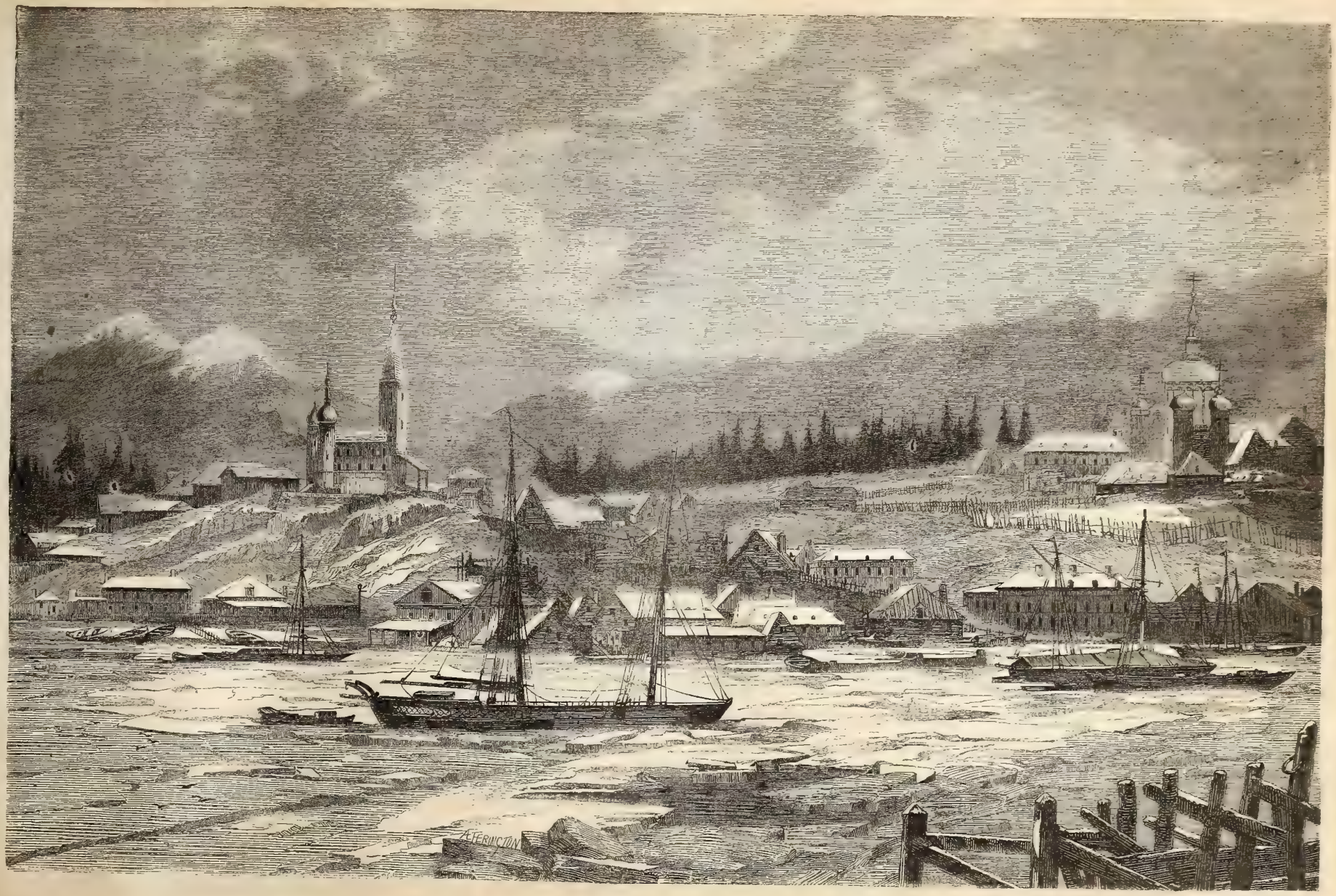
Обыкновенная пища остяковъ—рыба: сырая, мерзлая, вареная и сушеная; оленина сырая и вареная. Хлѣба ѣдятъ мало. Но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ «салыкъ»—похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лучшая пища ихъ «варка»—рыбьи брюшки и кишки, уваренныя до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и «позёмы», т. е. хребты москуновъ, провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Остяки строгаютъ сырую рыбу ножемъ и съ жадностью пожираютъ огромное количество этихъ стружекъ. Строганина, приготовленная изъ тонкихъ стружекъ лучшей рыбы, составляетъ не только любимое блюдо сибирскихъ инородцевъ, но отъ него не откажутся даже и образованные обитатели Сибири. Что касается до употребленія мерзлой сырой рыбы въ зимнее время, то это свойственно всѣмъ кореннымъ обитателямъ Восточной Сибири. Многіе упрекаютъ остяковъ за употребленіе крови животныхъ, но дѣлается это

совсѣмъ не изъ кровожадности, какъ думаютъ нѣкоторые, даже ученые, а просто иногда въ силу необходимости. Извѣстно, что кровь животныхъ служитъ лекарственнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ напримѣръ отъ скорбута, которому весьма подвержены всѣ жители крайняго сѣвера, вслѣдствіе дурныхъ условій жизни.

Перейдемъ теперь къ одеждѣ остяковъ. Остяцкая одежда очень оригинальна и вполнѣ приспособлена къ жестокости климата на крайнемъ сѣверѣ. «Малица» шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, въ видѣ мѣшка и длиною до колѣнъ, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами, и съ отверстіемъ для головы; внизу опушка изъ собачьяго или волчьяго мѣха. Надѣвается она прямо черезъ голову и подпоясывается широкимъ кожанымъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными пуговками, какъ чешуею, и съ мѣдной пряжкою. Къ поясу привѣшивается съ боку ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и кожаная сумочка съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ. «Парка» похожа на малицу и тоже изъ оленьихъ шкуръ, но шьется шерстью наружу. Въ большіе морозы остяки еще надѣваютъ такъ называемый гусь», также шерстью вверхъ и съ пришитою къ нему шапкою. Зимою обувь состоитъ изъ «чижей»—длинныхъ чулокъ изъ молодой оленины, шерстью внизъ, а сверхъ чижей надѣваютъ «пимы», сапоги изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ. Лѣтомъ они носятъ «лѣтній гусь», который шьется изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, и «неговай»—сапоги изъ выдѣланной оленьей кожи. Обрусѣвшіе же остяки носятъ лѣтомъ русскія рубахи и шаровары, а зимою вышеописанный костюмъ, къ которому ихъ пріучилъ суровый климатъ сѣвера. Женщины носятъ холщевыя рубахи, унизанныя стеклярусомъ на груди и вышитыя по подолу разноцвѣтными шерстями; однорядки холщевыя, ситцевыя и шелковыя; голову покрываютъ, какъ татарки, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахрамою, называемымъ «вокшимъ». Имъ окутываютъ и лицо. Зимою же носятъ онѣ оленью шубу, шерстью внизъ, съ частыми завязками спереди; эта шуба унизывается кисточками и побрякушками. Обувь та же, какъ и у мужчинъ. Остячки татируютъ себѣ руки, накалывая на нихъ иглою изображенія птицъ, звѣрей, узоры. Волосы заплетаютъ сзади въ двѣ косы. У конца каждой привѣшена покромка изъ сукна, длиною до колѣнъ, съ нанизанными на ней металлическими кружками, бляхами и побрякушками.

Изъ остяковъ нѣкоторые крещены; но громадныя разстоянія и кочевая жизнь ихъ лѣтомъ много препятствуютъ распространенію между ними христіанства. Вообще число крещеныхъ остяковъ не свыше 2000 д. обоего пола, и то, въ дремучихъ тайгахъ и на неизмѣримыхъ тундрахъ, при непрерывномъ обращеніи съ язычниками, —они только по имени христіане.

У язычниковъ каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ, называемыхъ «божьи юрты». Каждый изъ идоловъ имѣетъ свое назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе—хорошему лову, третьи—охраняютъ въ путешествіи. Остяки имѣютъ верховное божество «торыма», властителя вселенной, живущаго на небѣ и котораго, по ихъ религіознымъ понятіямъ, нельзя утруждать никакими просьбами. Но въ помощь ему дано множество божествъ, добрыхъ и злыхъ. Одни изъ нихъ были въ древнія времена вытесаны изъ дерева, другія вылиты изъ мѣди, даже изъ золота. Многія изображаютъ людей, другія звѣрей и птицъ. Были идолы, занесенные сюда даже со временъ св. Владиміра, изъ земли Новгородской и Перміи, при крещеніи ея въ XIV столѣтіи св. Стефаномъ. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: «Золотой мужикъ», вылитый изъ золота; онъ сидѣлъ въ чашѣ, въ которую наливали воды и пили ее съ вѣрою, что это отвращаетъ несчастіе. «Рача»—идолъ рачевскихъ юртъ. «Обскій старикъ»,—божество рыбъ, съ безобразнымъ лицомъ и рогами, жестянымъ носомъ и стекляными глазами. На него было надѣто нѣсколько остяцкихъ малицъ, а сверху кафтанъ изъ краснаго сукна. У ногъ его лежали лукъ со стрѣлами, копье и кольчуга. Онъ



ГОРОДЪ БЕРЕЗОВЪ.

нисходилъ въ водную бездну, имѣя власть отпускать столько рыбы, сколько кто этого заслуживалъ. «Большая баба»—деревянный идолъ, сидѣвшій на сѣдалищѣ, подъ древней березою, близъ деревни Бѣлозерской. «Главный идолъ», въ дремучей тайгѣ Пелымскаго края, увезенный туда въ 1712 году изъ остяцкой земли въ началѣ проповѣди Св. Евангелія остякамъ. «Елань»—Меркурій остяцкихъ боговъ, деревянный идолъ съ вырѣзаннымъ лицомъ, обернутый въ красное сукно и въ собачьей шапкѣ. Есть тоже у остяковъ домашніе боги, юртовые идолы, которыхъ они мажутъ рыбьимъ жиромъ, приговаривая «ѣшь, ѣшь». Остяки боготворятъ между прочимъ горы, камни, ручьи, большія деревья. Мѣсто около нихъ священно, тоже, что «табу» у островитянъ Южнаго океана. Тутъ не смѣютъ напиться воды, коснуться дерева, вырвать травки, чтобы не прогнѣвить божества. Приношеніе жертвъ (въ Березовскомъ округѣ) происходитъ такимъ образомъ: убиваютъ оленя стрѣлами, по знаку, данному шаманомъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе ѣдятъ сырое мясо и пьютъ теплую кровь застрѣленнаго животнаго. Близъ Бѣлаго острова, на Ледовитомъ океанѣ, есть песчаная отмель, куда обдорскіе самоѣды и остяки съѣзжаются для отправленія идольскихъ обрядовъ. Для общенія съ водными божествами остяки—язычники купаются въ морѣ, бросаютъ въ волны кусокъ мѣди, или металлическія деньги, топятъ оленей.

Обрусѣвшіе остяки справляютъ русскіе праздники, а у язычниковъ-остяковъ сохранилось весьма немного своихъ празднествъ. Празднество «эленя» происходитъ у нихъ всегда ночью, съ предварительнымъ заклинаніемъ шамана, и сопровождается плясками.

Когда цѣлый родъ обращается за совѣтомъ къ богу, тогда необходимъ шаманъ. Для убѣжденія толпы, что богъ дѣйствительно говоритъ устами своими, шаманъ навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начинаетъ шевелиться, это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Такой обрядъ никогда не происходитъ безъ жертвы, состоящей изъ нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ заколетъ оленя, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствующими, часть его идетъ шаману. О шаманахъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Присяга считается у остяковъ весьма важнымъ священнымъ дѣйствіемъ. Для приданія бо́льшаго торжества, во время произнесенія клятвы, кладутъ руку на голову медвѣдя и произносятъ слѣдующія слова: «Пускай сожретъ меня медвѣдь, если я клянусь ложно!»

Почти каждый остякъ имѣетъ два имени: остяцкое—выражающее что либо замѣченное при его рожденіи: летѣвшую птицу, камень, лѣсину; другое имя — русское. При самомъ рожденіи погружаютъ младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ грознаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. По прошествіи мѣсяца, ребенка кормятъ уже стертою въ видѣ порошка вареною рыбою; чуть покажутся зубы—даютъ сырое оленье мясо и сырую рыбу.

Остяки переняли, какъ и многое другое, у татаръ обычай «калыма», т. е. платы за невѣсту. Калымъ не вездѣ одинаковъ, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Обдорскѣ за богатую дѣвушку даютъ отъ 50 до 100 оленей. У бѣдныхъ цѣна отъ 20 до 25 оленей. Остяки могутъ брать по нѣскольку женъ; но въ настоящее время многоженство встрѣчается все рѣже и рѣже по причинѣ значительности выкупа. Пока калымъ не весь уплаченъ, невѣста живетъ у отца, но женихъ можетъ пріѣзжать къ ней. Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ; желающій жениться, идетъ къ отцу дѣвушки и говоритъ: «Я хочу жениться на твоей дочери». Начинается торгъ. Затѣмъ, если сошлись въ цѣнѣ, женихъ идетъ къ невѣстѣ, которая сидитъ подъ покрываломъ, и приноситъ къ ней съ товарищами котелъ съ разными нарядами и уходитъ; невѣста откидываетъ покрывало и пересматриваетъ дары, при чемъ, если находитъ ихъ недостаточными, выбрасываетъ все изъ котла и са-

дится по-прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками-свахами. Женихъ съ товарищами входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Невѣста можетъ браковать подарки по нѣсколько разъ, женихъ снова все собираетъ и уноситъ къ себѣ для дополненія. Все это происходитъ молча съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она, пересмотрѣвши ихъ, укладываетъ все въ порядкѣ въ котелъ и садится на свое прежнее мѣсто. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло ладится, остается въ томъ же чумѣ. Свахи снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ же женихъ съ невѣстою цѣлуются, бракъ считается совершившимся — и женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ. Что касается до церковнаго обряда брака, то онъ совершается гораздо позже, иногда даже черезъ два-три года послѣ вышеописаннаго. Пѣсенъ на свадьбахъ не поютъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается.

Остяки необыкновенно заботливо обращаются съ больными; такъ напримѣръ, если есть больной въ родѣ, нѣсколько семействъ не ходятъ на промыселъ, сидятъ возлѣ него, въ увѣренности, что отъ этого ему будетъ легче. Потомъ, когда время уйдетъ, работа не сдѣлается, и остякъ останется съ пустымъ карманомъ и голоднымъ желудкомъ, онъ всѣмъ разсказываетъ: «Вотъ тутъ мужикъ болѣлъ, ну все и сидѣлъ подлѣ». И на вопросъ — зачѣмъ такъ дѣлалъ,—онъ отвѣчаетъ: «Да какъ же, ушелъ всѣ — больной хуже, и пришелъ всѣ — и больной лучше».

Похоронные обряды совершаются такъ: тѣло покойника оберты ваютъ въ бересту, зарываютъ въ землю съ тою одеждою, въ которой умеръ, и съ охотничьими вещами покойника,—лукомъ, стрѣлами, ножемъ. Кромѣ того, въ могилу кладутъ все необходимое для ежедневнаго быта: топоръ, сѣти, рогъ съ табакомъ и проч. Нарту же, въ которой привезли покойника, оставляютъ на его могилѣ, а оленя закалываютъ. Иногда тутъ же хоронятъ и его собаку. Остяки питаютъ большую привязанность къ собакамъ; при жизни крайне берегутъ ихъ. Собака — ихъ всегдашній спутникъ, они считаютъ ее своимъ лучшимъ другомъ; поэтому родные покойника, желая сдѣлать ему пріятное, зарываютъ рядомъ съ нимъ его вѣрнаго друга. При похоронахъ дозволяется плакать только женщинамъ, а мужчины обыкновенно говорятъ при этомъ: «Полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ». Остяки при похоронахъ царапаютъ себѣ лицо до крови, выдергиваютъ свои волосы и бросаютъ ихъ на умершаго, вѣруя, что душа его придетъ черезъ шесть недѣль узнать, какъ о ней сожалѣли живые. Жена, по смерти мужа, обтесавъ бревешко на-подобіе человѣка, одѣваетъ его въ мужнину одежду, ставитъ на нарахъ на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ покойникъ, подчуетъ его любимымъ кушаньемъ, ночью кладетъ спать съ собою и цѣлуетъ, думая что душа мужа видитъ всѣ ея ласки и угожденія. Эту куклу держатъ годъ, а иногда и болѣе; потомъ зарываютъ въ землю съ плачемъ и сожалѣніемъ, полагая, что по прошествіи этого срока тѣло уже сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось его безсмертіе. Трауръ для жены полагается годъ, а для дѣтей — три года.

Женщины у остяковъ не имѣютъ правъ на наслѣдство, но сыновья обязаны содержать мать и сестеръ, такъ какъ къ нимъ переходитъ во владѣніе все имущество послѣ смерти отца. Послѣ бездѣтныхъ и безродныхъ имущество умершаго переходитъ къ тому, кто его воспиталъ, или къ тому, кто съ нимъ вмѣстѣ жилъ.

Грамоты у остяковъ нѣтъ. Въ дѣлахъ же административныхъ они употребляютъ «тамгу», вѣроятно заимствованную ими у татаръ. Съ купцами разсчитываются «бирками», т. е. нарѣзами на палочкѣ. Эту палочку раскалываютъ пополамъ. Одна часть ея остается у купца, другая—у остяка. При разсчетахъ на обдорской ярмаркѣ, обѣ половинки складываются, и если нарѣзки пришлись къ нарѣзкамъ,—остякъ уплачиваетъ долгъ всегда исправно.

XLV. БУРЯТЫ.

Между инородцами, обитающими въ Сибири, буряты, по многимъ даннымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они съ незапамятныхъ временъ населяютъ мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область вплоть до китайской границы.

Что касается до происхожденія бурятъ, то безошибочно можно сказать, что они потомки монголъ; это отчасти подтверждается и тождествомъ языка ихъ съ китайскими монголами, равно какъ и тождество образа жизни указываетъ на то, что два эти народа суть только вѣтви одного и того-же племени.

Численность бурятскаго населенія простирается до 190,000, которое занимаетъ всю страну отъ запада къ востоку на 1,000 верстъ. Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, болѣе или менѣе сблизились съ русскими, ведутъ большею частію осѣдлую жизнь. Буряты-же, живущіе на востокъ отъ Байкала, напротивъ того, недовѣрчиво относятся къ русскимъ и ревностно стараются сохранить свою національность.

Буряты, подобно монголамъ, имѣютъ цвѣтъ кожи коричнево-бронзовый, лицо широкое и плоское, носъ небольшой и приплюснутый, глаза у нихъ маленькіе, косо расположенные, большею частію черные, уши большія и далеко отстоятъ отъ головы; ротъ большой; борода рѣдкая; волосы на головѣ черные. Принадлежащіе къ духовному званію подстригаютъ волоса на передней части головы, а сзади носятъ косу, въ которую, для большей густоты, нерѣдко вплетаютъ конскіе волосы. Росту буряты средняго или малаго, но крѣпко сложены.

Характеръ бурятъ отличается скрытностью. Они обыкновенно миролюбивы и кротки, но злы и мстительны, когда ихъ оскорбятъ. По отношенію къ своимъ родичамъ, они сострадательны и никогда не откажутся помочь бѣдному. Не смотря на внѣшнюю грубость и неразвитость, между бурятами въ высшей степени развита любовь къ ближнему, честность и справедливость; и хотя это въ большинствѣ случаевъ ограничивается только предѣлами своей одноулусной семейно-родовой общины, но есть также между ними и такія личности, у которыхъ эти прекрасныя качества простираются на всѣхъ людей безъ исключенія, къ какой бы они націи ни принадлежали.

По образу жизни буряты дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Осѣдлыхъ бурятъ не болѣе 16-ти тысячъ. Они усвоили много русскихъ обычаевъ и мало отличаются отъ нихъ по образу жизни. Кочевники же живутъ иначе, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Что касается до общественнаго быта бурятъ, то они придерживаются и понынѣ первобытной родовой общины. По широкой степи оазисами разбросаны группы восьмиугольно-круглыхъ юртъ. Кругомъ — жердяныя загороди, а въ загородкахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія, большею частію перенятыя изъ русско-крестьянскаго домохозяйства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства.

Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частію видъ круга. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе

юртъ съ разными пристройками Въ одной изъ такихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ буратъ, старикъ со старухою, иногда съ какими-нибудь сиротами-сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ женою и съ дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца *). У всего этого единокровнаго, семейно-родоваго круга, пашни, покосы, утуги, скотъ—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ; вообще при всякой «жарениѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ, вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр., его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ,—и тутъ опять, въ одной общей загороди посреди нѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородихъ, живутъ болѣе отдаленные родственники и называемые уже «сосѣдями». Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ и повторяютъ ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины.

Русскіе сибирскіе крестьяне говорятъ про бурятъ: «Да у братскихъ не по нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣлятъ всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ». И это дѣйствительно такъ: если напр., въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то буряты всѣхъ сосѣднихъ, одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣсняясь, идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, жиръ—по ровнымъ частичкамъ.

*) Буряты часто уже строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ.

Надо отдать справедливость бурятамъ, что они гораздо болѣе способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ наши русскіе сибирскіе крестьяне. Но самое замѣчательное выраженіе артельнаго начала представляетъ такъ называемая *аба*—большая звѣропромышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ.

Аба—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя *аба* была въ 1870 году. Обыкновенно съ осени собираются буряты человѣкъ до 1,000—1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собою лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все это складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ всѣ изъ одного и того-же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостою и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *выситъ ее на руку*, возметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ точно-ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкою на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику—главному общему артельному старостѣ и судьѣ—по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще, вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ а согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ. Въ случаѣ

споровъ или, вообще, какого нибудь нарушенія артельнаго согласія судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда когда сходятся всѣ въ какомъ-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь, то, на собраніи всей артели, берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее по серединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья, старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгери-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука, стрѣлою вверхъ, въ воздухъ надъ самою шапкою: если стрѣла упадетъ на шапку значитъ—обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто либо изъ артельщиковъ что нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь членъ артели выходитъ и получаетъ ее при всѣхъ. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хоть даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ добытые звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся по-ровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣропромышленная, облавная артель, называемая *абою*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ о ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ.

Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ. Такъ, во всѣхъ улусныхъ общинахъ, безродные сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ собственнымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ всякаго спросу, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и сродичи, одноулусники, за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ.

У бурятъ никогда не существовало рабства; они и до сихъ поръ не нанимаютъ по рядѣ въ работники своихъ же бурятъ, особенно одноулусныхъ, однородныхъ, а нанимаютъ на сроки за условную плату русскихъ. А свои работники—безсемейные бѣдняки буряты—считаются не слугами, а равноправными членами семьи.

Во главѣ бурятскаго управленія стоитъ тайша, онъ же и начальникъ *степной думы* (въ родѣ нашего волостнаго правленія). Въ степной думѣ всѣ начальствующія лица — старосты, старшины, десятники, сборщики податей и проч.—некрещеные буряты. Расходы на *суланъ* (мірской сходъ) падаютъ на ясачныхъ, такъ называютъ крещеныхъ бурятъ.

Единственное богатство бурятъ составляетъ скотоводство. Стада состоятъ изъ коровъ, лошадей и овецъ (овцы почти всѣ бѣлыя съ черными головами). Стада, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, пасутся по степи; только молодой скотъ во время суроваго времени года остается въ юртахъ вмѣстѣ съ хозяевами. Буряты почти не имѣютъ свиней и домашней птицы, для которыхъ необходимо было-бы заготовлять зимніе запасы.

Забайкальскіе буряты рѣдко занимаются земледѣліемъ; но если и имѣютъ небольшія поля, то орошаютъ ихъ искусственнымъ образомъ, отъ чего они большею частію получаютъ хорошіе урожаи, между тѣмъ какъ русскіе часто жалуются на неурожаи вслѣдствіе засухи. Буряты же, по эту сторону Байкала, напротивъ того, много занимаются земледѣліемъ, которому они научились у русскихъ.

Главный промыселъ бурятъ — скотоводство; звѣроловный промыселъ у нихъ распространенъ менѣе чѣмъ, напримѣръ, у тунгусовъ.

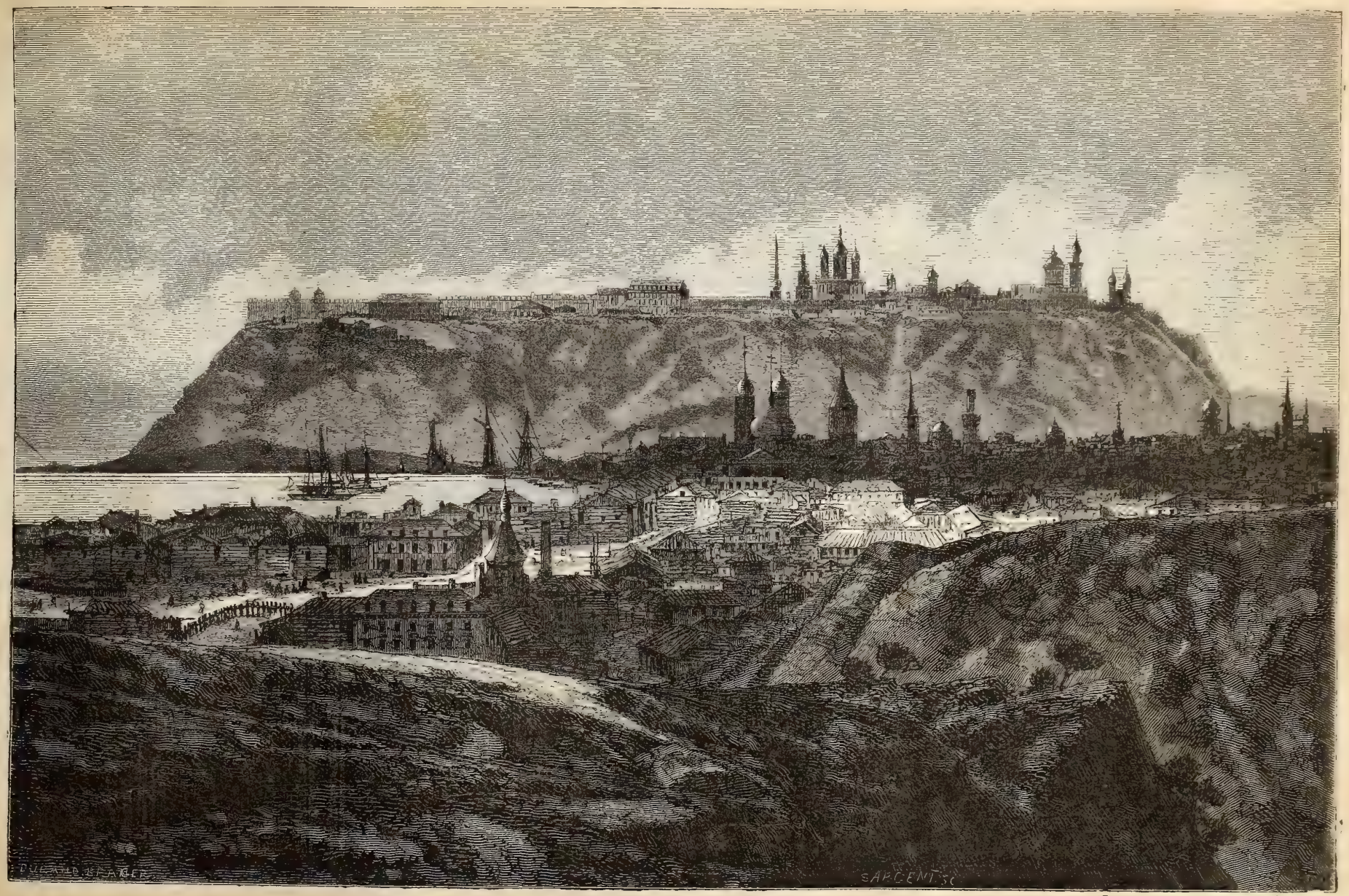
Что касается до занятій, то они распредѣлены между мужчинами

и женщинами такъ: мужчины присматриваютъ за пасущимся скотомъ, строятъ юрты и приготовляютъ хозяйственныя принадлежности—стрѣлы, луки, сѣдла и другія части конской сбруи. Они искусные кузнецы, сами отдѣлываютъ металлы въ маленькихъ ручныхъ печахъ и довольно щеголевато убираютъ ими конскую сбрую. Женщины занимаются приготовленіемъ войлоковъ, выдѣлываніемъ кожъ, плетеніемъ веревокъ изъ конскихъ волосъ, дѣлаютъ изъ жилъ нитки, кроятъ и шьютъ всевозможную одежду себѣ и мужьямъ своимъ и, какъ монголки, искусно вышиваютъ тонкіе узоры на одеждѣ и обуви.

Положеніе женщинъ у бурятъ—самое печальное: въ семьѣ она чисто рабочее животное, поэтому рѣдко встрѣчаются между ними здоровыя женщины. Сморщенное лицо, костлявыя руки, неловкая походка, тупое выраженіе глазъ и грязными плетями свѣшивающіяся косы—вотъ ея обыкновенный видъ. Женщина, по бурятски *изги*, взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ бурятской общинѣ рабою въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она все въ юртѣ дѣлаетъ—и коровъ или кобылъ доитъ, и дарусунъ, т. е. водку, гонитъ, и шубы и турсуки берестяные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и проч. *Басаганъ* же, дѣвушка, не только не раба, но пользуется особенной любовью, почетомъ, подарками, воспѣвается въ пѣсняхъ, какъ подруга «налагаира хубунъ»—хорошихъ парней.

Жилища большей части забайкальскихъ бурятъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ. Онѣ бываютъ отъ 15 до 25 футовъ (отъ $6^1/_2$ до 11 арш) въ поперечникѣ и чаще всего имѣютъ форму островерхую. Эти юрты дѣлаются изъ жердей, воткнутыхъ въ землю, оконечности которыхъ вверху сходятся; самыя же жерди обтянуты большею частію внутри нѣсколькими рядами войлока. Наверху находится отверстіе для дыма, которое можетъ быть закрыто крышкою; входъ въ юрту, представляющій низкую, часто деревянную дверь, всегда обращенъ къ югу. Полъ этого жилища составляетъ очищенная отъ травы земля, на которой стоитъ юрта; по серединѣ ея подъ отверстіемъ, сдѣланнымъ вверху, находится очагъ, обыкновенно состоящій изъ четыреугольнаго деревяннаго ящика, выложеннаго внутри глиною. По стѣнамъ идетъ возвышеніе, на которомъ спятъ обитатели юрты и стоятъ различныя хозяйственныя принадлежности, сундуки и шкафы, служащіе для храненія одежды, украшеній и проч., тутъ же всегда находится небольшой жертвенный столикъ, на который ставятъ изображеніе боговъ, жертвенные сосуды, благовонныя свѣчи.

Нынѣ большая часть бурятъ, оба пола, начали носить для нижняго бѣлья мужской крестьянскій костюмъ, т. е. рубаху и штаны русскаго покроя, у женщинъ всегда изъ синей *дабы*; а сверхъ этихъ атрибутовъ надѣвается національный костюмъ: иногда мужчины, поверхъ лѣтней или зимней одежды, надѣваютъ *курму* (родъ кофты съ рукавами); моду эту они заимствовали отъ китайцевъ. Нѣкоторые буряты носятъ суконныя шинели (синія или черныя), съ коротенькимъ краганомъ и съ разрѣзомъ назади для удобства при верховой ѣздѣ; покрой дыгила и шубы ламъ (духовныхъ лицъ) отъ простыхъ бурятъ отличается тѣмъ, что у первыхъ они походятъ на обыкновенный халатъ съ открытымъ воротомъ; у прочихъ же бурятъ на груди нашиты узкія полосы чернаго, краснаго или синяго сукна или плиса, въ нѣсколько рядовъ вдоль и поперегъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ; нашивка эта, по формѣ, напоминаетъ чертежъ какого нибудь кариза. Верхняя одежда стягивается въ таліи кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ, и кисетъ для табаку. Буряты никогда не разлучаются съ маленькой металлической трубкою, называемой ганзою. Шапка или шляпа у нихъ часто украшена красной кистью, сдѣланной изъ шелку, крашеныхъ конскихъ волосъ или изъ перьевъ. Шапки эти у богатыхъ бурятъ имѣютъ круглую форму, въ подражаніе китайскимъ. Мужчины головы брѣютъ, но не часто, оставляя на вер-



ГОРОДЪ ТОБОЛЬСКЪ.

хушкѣ хохолъ, который заплетаютъ косою. Ламы же брѣютъ всѣ волоса. Въ конецъ косы, для красоты, вплетаютъ шелковую или бумажную кисть. Впрочемъ, ношеніе косы не составляетъ религіознаго догмата, а обычай.—Крещеные буряты стараются по возможности подражать въ костюмѣ русскимъ, за что ихъ и величаютъ—*хараманутъ*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «черный лѣшій», такъ какъ словомъ *манутъ* (лѣсной чортъ) буряты втихомолку называютъ русскихъ.

Женская одежда много похожа на мужскую, но только болѣе украшена. Такъ напр. кафтанъ у женщинъ часто имѣетъ цвѣтную оторочку, а на спинѣ вставки краснаго цвѣта. Чѣмъ богаче бурятка, тѣмъ болѣе на немъ маржанъ въ серебряной оправѣ (красныхъ корольковъ изъ коралла), серебряныхъ привѣсъ замысловатой формы и даже серебряныхъ монетъ. Женщины отпускаютъ себѣ волосы какъ можно длиннѣе:—это считается у нихъ красотою; если волосы рѣдки, то женщины прибавляютъ къ нимъ фальшивые локоны, часто сдѣланные изъ конскихъ волосъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ толстыя косы, которыя висятъ по сторонамъ головы и часто бываютъ соединены одна съ другою металлическими кольцами; самыя косы спрятаны бываютъ въ чахлахъ изъ чернаго бархата, съ украшеніями изъ малахита, коралла, перламутра, серебра, латуни, раковинъ и проч. Кромѣ того, для наряда употребляются серьги, часто весьма большія и тяжелыя, ожерелья и перстни. На головѣ женщины носятъ уборъ, въ родѣ обруча съ маржанами, а бѣдныя—съ китайскими корольками, приготовленными изъ какой-то мягковатой массы, подъ цвѣтъ коралла, въ посеребренной или даже желѣзной оправѣ; уборъ этотъ очень рѣдко снимается съ головы.—Костюмъ дѣвушки отличается тѣмъ, что она не носитъ *уджи* (безрукавой курмы) и головнаго убора, которые составляютъ принадлежность костюма замужнихъ женщинъ. Общая принадлежность костюма какъ женщины, такъ и дѣвушки,—красная лента черезъ плечо, вершка въ 2 или $2^1/_2$ шириною, завязанная у пояса бантомъ и съ опущенными концами. Она надѣвается черезъ лѣвое плечо. Къ щегольству же должно отнести ручныя кольца, всегда серебряныя и притомъ массивныя; у нѣкоторыхъ на обѣихъ рукахъ можно насчитать съ полдесятка широкихъ, часто съ вырѣзанными печатями колецъ. Дѣвушки убираютъ голову иначе, чѣмъ замужнія женщины. Онѣ заплетаютъ волосы въ множество косъ, часто до 20, которыя откидываются назадъ и доходятъ нерѣдко до икръ; сверхъ того косы эти украшаютъ онѣ кораллами, серебряными монетами, мѣдными и свинцовыми пластинками, шелковыми кисточками и проч.—Женщины также, какъ и мужчины, курятъ табакъ и на поясѣ всегда имѣютъ трубку, кисетъ и приборъ для добыванія огня.

Пища бурятъ обусловливается ихъ кочевою жизнью. Она состоитъ: изъ мяса всякаго рода, преимущественно же изъ жирной баранины, которую жарятъ на рожнахъ; молока въ разныхъ видахъ, кирпичнаго чая съ молокомъ или *затураномъ* *), *сараны* **)—это главная ихъ пища, а затѣмъ уже хлѣбъ. Соли буряты употребляютъ очень мало, большею частію только прибавляютъ ее для вкуса въ чай. Кромѣ соли, въ чай прибавляютъ *гуджиру*, отчего чай, по ихъ мнѣнію, дѣлается *мягче*, вкуснѣе. Самоваръ—это уже роскошь, а всегда варятъ чай на своемъ очагѣ, въ чугунной чашѣ. Въ этой же чашѣ варятъ всякую пищу. Посуду не чистятъ, а такъ слегка обтираютъ какой нибудь грязной тряпкою. Вилокъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ руками. Коровъ бьютъ для мяса, перерѣзывая имъ горло; барана же колятъ такъ: зажавши ему ротъ, чтобы не кричалъ, кладутъ его на спину и держатъ; затѣмъ одинъ изъ бурятъ постепенно разрѣзаетъ ему вдоль животъ. Сдѣлавши достаточное отверстіе, про-

*) Мука, поджаренная на бараньемъ салѣ или маслѣ.

**) Луковица полевой лиліи: копается она раннею весною и осенью; тогда она бываетъ очень сладкая; кромѣ того, осенью же, вынимается она изъ мышиныхъ гнѣздъ: мыши запасаютъ ее на зиму.

совываютъ руку и сжимаетъ сердце. Кровь собираютъ въ сосуды и употребляютъ ее въ пищу подъ названіемъ «шекши». У каждаго бурята и бурятки непремѣнно на поясѣ, вмѣстѣ съ *ганзою* *), огнивомъ, табачнымъ кисетомъ, виситъ ножъ. Этимъ ножомъ буряты взявши кусокъ мяса въ зубы и придерживая его лѣвою рукою, правою ловко отрѣзаютъ подлѣ самой губы, снизу вверхъ. Надо удивляться ловкости и проворству, съ какими они дѣйствуютъ этимъ ножемъ, не отрѣзая вмѣстѣ съ мясомъ ни губы, ни носа.

Табакъ курятъ всѣ — мужчины и женщины и даже пятилѣтнія дѣти изъ мѣдной ганзы.

Первоначальная религія бурятъ *шаманизмъ*, т. е. вѣрованіе въ духовъ, называемыхъ *онгонами*; онгоны, по понятію бурятъ, владычествуютъ надъ стихіями, горами, рѣками и проч., и покровительствуютъ человѣку. Буряты-шаманисты вѣрятъ, что шаманы достигаютъ вѣдѣнія тайнъ онгоновъ и могутъ предсказать судьбу каждаго человѣка. Въ концѣ XVII столѣт. забайкальскіе буряты приняли буддизмъ; часть же бурятъ, живущая по сю сторону Байкала, осталась вѣрною шаманизму. Слѣдовательно, по вѣроисповѣданію буряты дѣлятся на ламаитовъ, или, что тоже, буддистовъ, и шаманистовъ. Первые имѣютъ особое жреческое сословіе — ламъ; а послѣдніе не имѣютъ его, т. е. въ смыслѣ особой организованной касты. Ламы отличаются нѣкоторымъ образованіемъ: они обязаны знать въ совершенствѣ разныя ученія сочиненія, кромѣ того отъ нихъ требуется практическое и теоретическое знаніе медицины. Каждый лама долженъ знать тибетскій языкъ, который считается священнымъ нарѣчіемъ, ибо всѣ священныя книги, хотя бы и писанныя на монгольскомъ языкѣ, переведены съ тибетскихъ. Ламамъ воспрещено вступать въ бракъ. Они имѣютъ громадное вліяніе на свою паству и, пользуясь этимъ, нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируютъ бѣдныхъ бурятъ и не мало препятствуютъ сближенію ихъ съ русскими.

Кромѣ своихъ языческихъ праздниковъ, буряты празднуютъ день св. чудотворца Николая съ немеиьшей торжественностью, потому что глубоко почитаютъ этого угодника. У забайкальскихъ жителей сильно распространено чествованіе св. Николая, равно какъ и св. Иннокентія, иркутскаго чудотворца. Особенно чтутъ буряты св. Николая въ дни памяти этого угодника 6 декабря и 9 мая. 9-го мая, разряженные пестро и роскошно, старые и малые, мужчины верхомъ на лошадяхъ, буряты несутся къ православному храму поклониться своему обожаемому «Миколѣ» (они иначе не могутъ произнести имя Николай). При входѣ въ храмъ, буряты идутъ къ продавцу свѣчей, и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чело ладонями, читаютъ обыкновенно — «омъ — манибау — мехомъ», что значитъ «Господи, помилуй» — съ обращеніемъ «хутухту Микола» — (святый Николай); за тѣмъ они наперерывъ спѣшатъ къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ учащенными поклонами. Этого мало: нѣкоторые достаточные буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святителя на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гуляніе, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Буряты чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лишней чашки *араки*. Буряты не пьютъ изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ

*) Небольшая мѣдная трубка, преимущественно изъ желтой мѣди иногда вылитая вмѣстѣ съ чубукомъ, т. е. цѣльная.

БУРЯТА.

ТУНГУЗЫ.

(аяга), вывозимыхъ изъ Китая, которыя по формѣ своей похожи на наши блюдца. Въ такой чашкѣ можетъ вмѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два пріема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое «мэнду» (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятомъ и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чествуется какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святаго бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а бурятъ, истребившій водки вдвое болѣе,—никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха-бѣда дотащиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начинаются приготовленія—и черезъ нѣсколько часовъ въ юртѣ идетъ пиръ на славу. Такъ встрѣчается и провожается праздникъ св. Николая забайкальскими монголо-бурятами- ламаитами.

При рожденіи ребенка въ бурятской семьѣ, соблюдаются слѣдующіе обряды: родитель, приглашая къ себѣ ламу, проситъ его сдѣлаться *найджіемъ*, т. е. духовнымъ наставникомъ новорожденнаго младенца. Лама, разсмотрѣвъ астрономическія буддійскія книги, говоритъ напр.: «сынъ родился въ лѣто древеснаго коня, имѣющаго 4-й зеленый родимый знакъ мынгэ» *). Потомъ назначаетъ ему имя, и со дня рожденія его, въ продолженіи одного года читаетъ разныя книги, между прочимъ Банзаракца, чтобы быть новорожденному долголѣтнимъ и добродѣтельнымъ.

Буряты допускаютъ многоженство, но этимъ пользуются только зажиточные. Вторая жена должна во всемъ повиноваться первой женѣ, какъ матери, и этимъ самымъ не нарушается миръ домашняго очага. Часто буряты высватываютъ невѣстъ своимъ сыновьямъ, когда тѣ находятся еще въ малолѣтствѣ, а это впослѣдствіи ведетъ къ ссорамъ и разводамъ. Женившійся обязанъ выплатить отцу невѣсты—*калымъ* преимущественно скотомъ. Плата эта, смотря по званію и состоянію родителей невѣсты, бываетъ иногда очень велика и уплачивается нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ развода, калымъ возвращается, и это служитъ поводомъ къ нескончаемымъ тяжбамъ. Случается и такъ, что воруютъ замужнихъ женщинъ, конечно съ ихъ согласія,—и тогда новая тяжба. Кровавой мести нѣтъ у бурятъ, и все можетъ кончиться сдѣлкою, если только обѣ стороны сойдутся въ условіяхъ.

Ламы, какъ мы уже говорили выше, занимаются, помимо своей духовной обязанности, леченіемъ тѣлесныхъ недуговъ; иногда къ ихъ помощи прибѣгаютъ и русскіе. Будучи знакомы съ народной медициною, они иногда лечатъ удачно, но не задумываются также и въ случаѣ неудачнаго леченія; тогда они прибѣгаютъ ко всевозможному шарлатанству: и къ отчитыванію, и къ нашептыванію, и къ разнаго рода заклинаніямъ. Чѣмъ богаче больной, тѣмъ больше усердствуютъ ламы въ шарлатанствѣ. Но когда, не смотря ни на какія ихъ штуки, для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его попеченію родныхъ. Тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадакомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголъ юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ, т. е. бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его, или просто,

*) Мынгэ—девять знаковъ, означающихъ качества лѣтъ и дней въ буддійскихъ календаряхъ.

закопать въ землю. Послѣ того лама, со всею своею прислугою, идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища бурятъ бываютъ большею частію по близости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юрты; значительныхъ бурятъ вообще и ламъ—въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ. Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепелъ въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы.

По прибытіи ламы на кладбище, онъ отыскиваетъ то мѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенными молитвами онъ беретъ конецъ снурка, привязаннаго за голову лягушки, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ оронго, а третій углубляетъ черту остріемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа, иглы и проч., и каждымъ изъ нихъ ковыряетъ землю внутри обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ, такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ; это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы, иначе мертвецъ встаетъ и будетъ тревожить родныхъ, являясь ночью въ ихъ юрты. Ламы, по возвращеніи съ кладбища, усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (т. е. молебствіе), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни поютъ, пьютъ и ѣдятъ безъ устали, другіе приготовляютъ необходимыя принадлежности для могилы. Изъ нихъ главныя—это лоскуты разноцвѣтныхъ матерій; эти лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатый бурятъ платитъ 81 барана; человѣкъ средняго состоянія 21, даже самый бѣдный не получаетъ могилы даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей справляются они въ теченіи 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза:—въ 3, 7 и 49 день. При томъ поставляется за правило, чтобы первая жертва принесена была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается. Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ того они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за всѣ труды при поминкахъ. Сколь ни тяжки условія, но семейство покойнаго бываетъ рады, если только этимъ отдѣлывается.

По совершеніи религіознаго обряда, родные дѣлаютъ пиръ и угощаютъ пріѣзжихъ гостей.

Надъ могилою умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный срубъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краскою и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками и ленточками и шелковыми или бумажными лоскутами, съ написанными на нихъ молитвами, для упокоенія души умершаго. Украшеніе памятника зависитъ отъ состоянія. За погребеніе ламамъ даютъ, смотря по состоянію,—богатые отдаютъ шубу покойника, лошадь, до 10 головъ разнаго скота, также даютъ и деньгами. Бѣдные даютъ—кто что можетъ. Родные поминаютъ умершаго ежегодно въ полнолуніи бѣлаго мѣсяца (на полнолуніе каждаго мѣсяца у

ламаитовъ бываетъ полное служеніе по ихъ вѣрѣ) и дѣлаютъ поминки по покойнымъ.

Нерѣдко ламы-тайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чужую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душою избраннаго ею человѣка, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи начинаются новыя жертвоприношенія, новые искупы, новые обѣты и гурумы, пожирающіе все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Остается сказать нѣсколько словъ о забавахъ бурятъ. Буряты страстные охотники до картежной игры; иногда они совершенно разоряются, благодаря этой страсти. Играютъ они въ три листка и въ монгольскіе дурачки. За неимѣніемъ картъ, прибѣгаютъ къ старинной національной игрѣ въ *шагайки* (бараньи лодышки). Кости эти, взявъ въ руку, бросаютъ на полъ и, по расположенію ихъ, заключаютъ, по принятому въ игрѣ условію, о выигрышѣ или проигрышѣ.

Въ улусахъ, въ лѣтнее время, особенно во время праздниковъ, устраивается борьба, лошадиные бѣги, стрѣльба изъ лука. Знать бурятская сидитъ на войлокахъ, поджавши ноги и попивая *араки*, а охотники стараются передъ ними отличиться. Отличившимся выдается небольшая награда въ видѣ бумажнаго платка, полукирпича чаю, цѣлковый и проч. Но тутъ болѣе всего дѣйствуетъ самолюбіе и гордость побѣдителя, на котораго обращаются взоры степныхъ красавицъ, передъ которыми онъ рисуется по своему. Для борьбы бойцы выходятъ совершенно нагими. Бойцы, какъ пѣтухи, косятся другъ на друга, подходятъ медленно, потирая руки землею, которую время отъ времени схватываютъ съ полу, и затѣмъ, улучивъ минуту, когда противникъ проглазѣетъ, кидаются на него, схватываются съ нимъ и стараются неожиданно сбить его съ ногъ сразу. Но если противники равносильны, то борьба продолжается очень долго. Потъ льетъ градомъ, кости хрустятъ, жилы напрягаются и наконецъ обезсиленный, запыхавшійся борецъ въ изнеможеніи падаетъ, — и противникъ, вставая съ него, торжественно окидываетъ взоромъ собраніе и медленно идетъ къ своей одеждѣ. Ему подносятъ араки и подзываютъ къ себѣ старики, чтобы похвалить, а иногда дать небольшой подарокъ. Противникъ, при общемъ смѣхѣ, исчезаетъ съ арены, но все-таки остается на празднествѣ. Даровое араки приманиваетъ охотниковъ изъ дальнихъ улусовъ. Сюда же являются пѣвцы, и монотоннымъ голосомъ поютъ свои импровизаціи, восхваляя силу борцовъ, степныхъ красавицъ, быстрыхъ коней и проч. Иногда поются пѣсни, переходящія устно изъ рода въ родъ.

XLVI. ЯКУТЫ.

На дальнемъ востокѣ Сибири живутъ якуты, занимающіе пространство по Ленѣ и ея притокамъ, и къ востоку отъ Лены по Алдану и Колымѣ. Далѣе якуты встрѣчаются небольшими улусами у Удскаго Острога, Охотскаго порта и сѣверныхъ притоковъ Охотскаго моря. На крайнемъ сѣверѣ границы якутъ доходятъ до устья рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы.

Область, которой Якутскъ служитъ главнымъ административнымъ центромъ, имѣетъ 71,358 квадратныхъ миль, или 3,452,656 квадратныхъ верстъ. На такое громадное пространство Якутской области приходится всего 221,977 душъ населенія, изъ числа которыхъ 111,198 мужскаго пола, 112,779 женскаго. Жители области состоятъ изъ русскихъ и якутовъ.

Якуты представляютъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ. Въ Якутскѣ несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — якуты; всѣ няньки — якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Даже тунгузы и ихъ жены, живущіе въ пустынѣ между Якутскомъ и Охотскомъ, говорятъ весьма чисто по якутски. По русски же многіе якуты весьма плохо понимаютъ.

Якуты, занимающіе большую часть Якутской области, не суть первобытные обитатели этой страны; они пришельцы съ юга. Всѣ согласны въ томъ, что якуты татарскаго происхожденія, но никто исторически не доказалъ, какіе татары и когда переселились на берега рѣки Лены: судя по тому, что они далеко распространились по области и размножились, можно только съ достовѣрностію полагать, что они живутъ здѣсь давно.

Якуты вообще небольшаго роста, съ калмыцкимъ типомъ лица. Глаза у нихъ большею частію черные или темнокаріе, малые и узкіе; носы у нихъ частію искривленные, а большею частію широкіе и сплюснутые; волосы черные какъ смоль, жесткіе и щетинистые. Ростомъ они довольно высоки. Мужчины всѣ ходятъ остриженные, съ небольшими косами на затылкахъ, и голобородые; они въ молодые годы выдергиваютъ изъ бороды волосы щипцами. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, малымъ ростомъ, менѣе грубыми чертами и широкими лицами.

Якуты народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство его заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ якутамъ почти все необходимое для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ въ безконечныхъ лѣсахъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ русскимъ, заохотили и пристрастили якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества пріученные къ лишеніямъ всякаго рода и въ нихъ закаленные, якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

У якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы *), родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей, обтяну, тыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяева стадъ запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна; съ наступленіемъ зимы переходятъ якуты въ свои теплыя юрты. Это родъ хижинъ изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими квадратными отверстіями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбьи пузыри, а иногда пропитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ глиняный полъ опускается внизъ обыкновенно на два или на три фута и плотно убивается, у богатыхъ—поднимается и выстилается досками. Дверь дѣлается по срединѣ и всегда къ востоку. Вдоль стѣнъ устраиваютъ изъ лежачихъ шестовъ широкія лавки, похожія на низкія полати, которыя вмѣстѣ служатъ и кроватями, и, по числу жильцовъ, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій.

По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится *чувалъ*, родъ очага или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варки пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуетъ безпорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ, сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышею и кормятся сѣномъ а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей. Лошади-же остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальныхъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія.

Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однакожъ они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое-гдѣ русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни древесные стволы. Равномѣрно и чувалъ, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что, вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ якута относительно удобства жизни, такъ что онъ спокойно проводитъ продолжительную ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса. День заключаетъ нерѣдко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольяхъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ пред-

*) На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими листами, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый и издали уподобляются исполинскимъ холстиннымъ шатрамъ.

пріятіяхъ, — иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Жилища якутовъ разбросаны одно отъ другаго на весьма большія разстоянія.

Послѣ долгаго странствованія въ якутскихъ селеніяхъ, путешественники возвращаются домой съ тяжелымъ запахомъ, которымъ не только одежда, но и сами они сильно пропитываются въ туземныхъ юртахъ, гдѣ рядомъ съ хозяевами, за перегородкою, всегда помѣщается зимою всякій домашній скотъ. Отъ тяжелаго запахая кутскихъ юртъ можно освободиться не иначе какъ послѣ неоднократнаго провѣтриванья и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бываютъ почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ селеній. Не говоря уже о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко пристаетъ къ деревянной посудѣ и костянымъ издѣліямъ якутовъ.

Всѣ якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, какъ князьки, такъ и простолюдины, и зимою, и лѣтомъ ходятъ въ однихъ и тѣхъ же національныхъ охабняхъ, застегиваемыхъ въ одинъ рядъ, а иногда и въ два ряда гладкими мѣдными пуговицами, въ одинаковыхъ мѣховыхъ шапкахъ—*чабакахъ*—съ широкими на затылкахъ и на ушахъ отводами, въ кожаныхъ узкихъ штанахъ (*сутуры*), и въ такой же обуви, называемой *торбасами*. Князьки отличаются отъ прочихъ богатымъ, суконнымъ, а иногда и бархатнымъ костюмомъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами. На шею надѣваютъ галстуки изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы, по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; у нихъ близъ ладони дѣлается прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, высовываютъ руку, если нужно что нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье дѣлается изъ замши, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ; къ нему надѣваютъ такъ называемыя сутуры, простирающіяся до пятокъ и привязываемыя ремнями къ исподнему платью, на которомъ для того дѣлаются кольца. На голыя ноги надѣваютъ заячьи головки, а сверху торбасы изъ оленьихъ или лошадиныхъ лапъ. Подъ колѣномъ и повыше лодыжки они перевязываются ремнями.

Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе; въ ушахъ носятъ онѣ преогромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя въ продолженіи времени нерѣдко разрѣзываютъ ухо. На шею надѣваютъ серебряное ожерелье шириною въ палецъ, на руки — заручавья. Во время праздниковъ, на голову подъ шапку надѣваютъ повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покрытые серебряными чеканенными пластинками. Таковые же ремни нерѣдко висятъ и спереди. Шапка такая же какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея бываетъ вышитъ серебромъ. Шапокъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ не снимаютъ, а встрѣтившись другъ съ другомъ, говорятъ: капсе, т. е. разсказывай.

Вмѣсто серебряныхъ поясовъ, многіе мужчины и женщины носятъ широкіе шелковые кушаки. Торбасы (сапоги) у всѣхъ бываютъ обвиты ремнями, а у богатыхъ, кромѣ ремней, украшаются около колѣнъ серебряными узорами съ бисеромъ.

Праздничные охабни или темно-зеленаго, или синяго цвѣта, у многихъ подбиты мѣхами, и всегда съ красными суконными прошвами на полахъ и подолахъ, на рукавахъ и воротникахъ; а у бѣдныхъ охабни изъ толстаго бѣлаго сукна съ красными же, или большею частію съ черными плисовыми прошвами. Длиною охабни всегда нѣсколько ниже колѣнъ, рукава у плечъ очень широкіе, а пониже умѣренные. Задъ всегда бываетъ съ прорѣзомъ, обшитымъ также красными или черными полосами; прорѣзъ обыкновенно дѣлается съ подола до самого пояса, или кушака, чтобы удобнѣе ѣздить верхомъ, ибо верховая ѣзда въ быту якутскомъ необходима какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Зимою, сверхъ шубы и зипуна, надѣваютъ якуты еще другую шубу, шерстью вверхъ, называемую *саналкъ*. Эта шуба дѣлается по

большей части изъ шкуръ тарбагана (сурка). Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды, и для себя, и для мужей, и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляютъ иногда обыкновенныя, а большею частію сдѣланныя изъ скотскихъ жилъ. Всегдашнее рабочее платье у бѣдныхъ якутовъ изъ коровьихъ и телячьихъ кожъ.

Пища якутовъ состоитъ изъ кобыльяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ —высочайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топленый, свѣжій и испортившійся. Видя все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Чтобы увеличить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, они берутъ внутреннюю часть сосновой коры, а еще чаще лиственичной, оскабливаютъ ее, толкутъ мелко, мѣшаютъ съ рыбою, мукою, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на розмазню, и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ такъ называемое якутское масло, родъ сыра или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно вкусную пищу.

Высшее благо и высочайшее наслажденіе почитаетъ якутъ въ ѣдѣ: жирную говядину и топленое масло предпочитаютъ всему. Въ разговорахъ между собою нерѣдко вспоминаютъ о томъ, когда и гдѣ ѣли жирную говядину. Ѣдятъ и съ радости, и съ печали; больной на смертномъ одрѣ не откажется отъ жирнаго куска.

ЖЕНЩИНА ЯКУТКА.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ Лена, якуты идутъ на острова и тамъ бьютъ и ѣдятъ кротовъ, выгнанныхъ водою изъ норъ и спасающихся на деревьяхъ. Случилось однажды, что весь островъ потопило водою; якуты забрались на юрту, развели огонь и начали ѣсть кротовъ; между тѣмъ наплыла большая льдина, снихнувшая юрту съ мѣста: якуты вскочили на льдину, забравъ кротовъ. Тридцать верстъ несло ихъ по рѣкѣ, пока льдина не пристала къ берегу; во все время они ѣли кротовъ, и послѣ друзьямъ своимъ о томъ разсказывали, какимъ блаженствомъ наслаждались они и въ какомъ страхѣ были въ одно и то же время.

Мясо составляетъ главнѣйшую пищу ихъ, и чѣмъ оно жирнѣе, тѣмъ лучше; потомъ молоко, въ разныхъ измѣненіяхъ. Если отелится корова или кобыла, то у мокраго еще дѣтенка вырѣзываютъ изъподъ копыта хрящикъ и съѣдаютъ его сырымъ; это считается величайшимъ лакомствомъ. Вообще якуты славятся обжорствомъ: самаго тощаго якута въ двѣ недѣли можно откормить какъ лошадь.

Якуты ѣдятъ часто полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое мясо. Какъ мясо, такъ и рыбу они употребляютъ большею частію безъ соли и всегда безъ хлѣба. Самое любимое ихъ кушанье составляетъ конина. Многіе якуты, не бывавшіе въ Якутскѣ, хлѣба вовсе не знаютъ; а если и случается имъ покупать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и немного. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку якуты называютъ однимъ именемъ: *бурдукъ*. Бѣдные употребляютъ большею частію кислое молоко съ брусникою, также звѣриное мясо и кровь закалываемыхъ животныхъ.

Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается прогорклый жиръ, и неумѣренное употребленіе его якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Одинъ путешественникъ, Симпсонъ, призвалъ къ себѣ въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла. Каждому дали по пуду мяса, а масло велѣли пить или ѣсть ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ; послѣдній вначалѣ одолѣвалъ своего товарища. «У него зубы хороши, сказалъ старикъ, но съ помощью святыхъ (и онъ перекрестился) я его скоро догоню».

Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ своихъ гостей подъ надзоромъ секретаря. Когда же онъ чрезъ два часа возвратился, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ.

Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, три или четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли, и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

При каждой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ женихъ, другаго невѣста — и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе.

Всѣ вообще якуты особенно любятъ пить *кумысъ*, приготовляемый изъ лошадинаго молока. Въ этотъ любимый всѣми татарскими племенами напитокъ, для большей пріятности и питательности, они прибавляютъ нетопленаго масла. Лѣтомъ, для питья якуты носятъ съ собою кумысъ въ кожаныхъ сумахъ. Отъ долгаго употребленія его въ это время они очень толстѣютъ. Достаточные якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай, изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ имѣются даже самовары и довольно хорошій чай.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и притомъ самый крѣпкій, какой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьяненіе, которое иногда, ежели якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью якутовъ, ставятъ водку и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

Вѣру якуты исповѣдуютъ христіанскую, но исполняютъ только одни наружные ея обряды, продолжая вѣрить своимъ шаманамъ и придерживаясь языческихъ суевѣрій.

Въ юртахъ держатъ они деревянныхъ болванчиковъ съ корольковыми глазами, обшитыхъ берестою; но этимъ домашнимъ пенатамъ поклоненія никакого не воздаютъ, а во время ѣды говядины все лицо идоловъ вымазываютъ жиромъ.

Солнце и огонь почитаютъ болѣе всего, и признаютъ ихъ за существа живыя, которыя могутъ имъ дѣлать что захотятъ, а потому послѣднему всегда приносятъ жертву, бросая въ огонь предъ начатіемъ ѣды лучшій кусокъ и также отливая на него нѣкоторую часть изъ питья. Если при этомъ случаѣ на огнѣ щелкнетъ, то это предвѣщаетъ большое несчастіе, во избѣжаніе котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Солнцу же никакихъ жертвъ не приносятъ, потому что не видятъ отъ него зла.

Нѣкоторые якуты, равно и тунгусы, живущіе въ Якутской области и исповѣдующіе христіанство, благочестивы и оказываютъ почтеніе священникамъ, какъ служителямъ божіимъ; заранѣе приготовляются къ ихъ встрѣчѣ, очищаютъ для нихъ свои жилища, омываютъ всякую посуду, постятся, постилаютъ и въ жилищахъ и на дорогѣ лучшее сѣно, выходятъ къ нимъ на встрѣчу, кланяются имъ въ ноги, просятъ у нихъ наставленій и слушаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. По прибытіи къ якутамъ, священники обыкновенно исполняютъ требы: крестятъ младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, исповѣдываютъ и, по усмотрѣнію, пріобщаютъ св. Таинъ, отпѣваютъ умершихъ, давно уже похороненныхъ, вѣнчаютъ брачущихся вокругъ чистаго стола, на которомъ полагаются крестъ и евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаютъ малые обыкновенные, металлическіе кресты со шнурками.

Большинство, однако, придерживается шаманства, которое болѣе всего, конечно, поддерживается жрецами этой религіи—*шаманами*.

Главныя черты якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходительность и скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непремѣнно передаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Страсть якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу или доносъ,—они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за пустяковъ.

Необходительность и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ, впрочемъ, весьма разительную противуположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ, изъ разбросанныхъ, на огромномъ разстояніи, жильѣ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

При первомъ взглядѣ на якутовъ, можетъ показаться, что они ни о чемъ не думаютъ, между тѣмъ они только притворяются, а на самомъ дѣлѣ все знаютъ, что имъ нужно и можно знать по своему положенію. Они очень осмотрительны, внимательны ко всему и догадливы; почти никогда не даются въ обманъ русскимъ; а русскіе, напротивъ, бываютъ ими обманываемы, принимая ихъ притворство за искренность. Якуты очень пристрастны къ хлѣбному вину, къ табаку, къ игрѣ въ карты, къ борьбѣ и пляскѣ, къ разсказамъ и баснямъ, въ которыхъ герои у нихъ слывутъ «желѣзными». Якуты курятъ табакъ изъ своихъ складныхъ трубокъ, играютъ въ карты до самозабвенія и проигрываютъ другъ другу послѣднія деньги, скотъ и вещи.

Лѣность ихъ чрезвычайна, а гордость князцевъ выходитъ изъ предѣловъ; въ прежнія времена при князцѣ, ѣдущемъ верхомъ, было нѣсколько скороходовъ; теперь это обыкновеніе вывелось отчасти. Страсть къ воровству и картежной игрѣ повальна; тутъ и мошенникъ считается человѣкомъ умнымъ. Плутни старшинъ довели якутовъ до крайности: они содержатъ бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затрудняютъ имъ способы идти въ городъ пріобрѣсть что нибудь работою, а чрезъ то дѣлаютъ ихъ вѣчными своими работниками. По древнему обычаю, якутъ до тѣхъ поръ не можетъ привести жены своей отъ тестя домой, пока не выплатитъ ему *калыма*, или условленной цѣны, уплата которой продолжается иногда нѣсколько лѣтъ.

ЯКУТСКАЯ НАРТА.

Хотя якуты, по христіанскому закону, и не должны имѣть болѣе одной жены, однакоже рѣдкіе изъ нихъ не имѣютъ двухъ, на что наши священники смотрятъ сквозь пальцы, употребляя только одно увѣщаніе къ соблюденію одноженства.

Обычай женить дѣтей еще въ малолѣтствѣ существуетъ и между якутами, однакоже нѣкоторые молодые люди находятъ сами себѣ невѣсть. Въ этомъ случаѣ, съ согласія родителей, посылается сватъ къ отцу невѣсты и договаривается о калымѣ и приданомъ, которое бываетъ всегда въ половину противъ калыма; въ то же число включается и лошадиное мясо. По окончаніи договора, спрашиваютъ у невѣсты, согласна ли она выйти за такого-то замужъ? Молчаніе невѣсты означаетъ согласіе. Тогда утверждается договоръ и назначается время для пріѣзда жениха, что обыкновенно бываетъ зимою, чтобы мясо не портилось, и въ первыхъ числахъ рожденія новой луны. Съ женихомъ пріѣзжаютъ обыкновенно родственники его и друзья, безъ женщинъ, съ подарками, состоящими въ скотѣ, конскомъ мясѣ и нѣкоторой части калыма. По пріѣздѣ, жениховъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ съ матерью — по лѣвую, шаманъ сидитъ уже на отцовской кровати. Обрядъ начинается возліяніемъ: женихъ становится на правое колѣно и льетъ на огонь топленое масло, потомъ, приподнявъ шапку, киваетъ трижды головою. Тогда шаманъ провозглашаетъ чтобы онъ,

былъ зятемъ счастливымъ и прижилъ бы съ женою своею множество дѣтей, размножилъ бы скотоводство и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. По окончаніи церемоніи, женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ своимъ поѣздомъ, пробирается къ невѣстиной кровати, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать, или въ той же юртѣ, или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа. По прошествіи трехъ сутокъ, гости разъѣзжаются, отдавши часть калыма и получивши отъ невѣсты часть приданаго и полное носильное платье для жениха и его отца. Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ мать женихова гоститъ столько же и выполняютъ тѣ же самые обряды, но не получаетъ въ подарокъ платья. Въ продолженіи того времени, какъ выплачивается калымъ, невѣста живетъ въ домѣ отца, но женихъ ѣздитъ къ ней когда ему угодно, и пользуется всѣми супружескими правами.

Когда калымъ будетъ совершенно выплаченъ, невѣста препровождается въ домъ жениха своими родственниками, при чемъ соблюдаются слѣдующіе обряды. Когда процессія приблизится къ юртѣ жениха (юрта строится новая), родственники завѣшиваютъ у невѣсты лицо горностаями, между тѣмъ два человѣка отправляются въ юрту женихова отца. При входѣ имъ подаютъ по кружкѣ кумысу, мѣрою около четверти ведра. Порядокъ требуетъ, чтобы они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіею и ѣдутъ къ юртѣ жениха *). Невѣста при входѣ становится на правое колѣно, кладетъ на огонь масло, и дѣлаетъ три поклона; сидящій же тутъ шаманъ говоритъ тѣ же слова, какъ и прежде жениху. Послѣ того всѣ идутъ къ тестю и пируютъ. На другой день молодую вводятъ къ свекру въ юрту на поклонъ, затѣмъ отецъ ея отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится возлѣ женихова отца, надѣваетъ на него новую шапку, и, бросивъ часть изъ присланнаго масла на огонь, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ, чтобы они изливали свои милости на вновь сочетавшихся. По окончаніи заклинанія, принесшимъ подарки подаютъ по кружкѣ кумысу, и они уходятъ. Вечеромъ собираются уже къ отцу жениха мужчины и женщины, и пируютъ при различныхъ играхъ: бѣганіи, борьбѣ, прыганіи и конскихъ скачкахъ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ выставляются обжоры, которыя съѣдаютъ невѣроятное количество мяса и выпиваютъ фунтовъ по десяти и болѣе топленаго масла съ кусками жиру, стараясь каждый превзойти своего соперника.

На третій день начинаются взаимные подарки, и если они хоть немного не удовлетворяютъ ожиданія, то новые родственники остаются на всю жизнь врагами. При бракахъ разсматривается только родство по мужскому колѣну, женское въ уваженіе не принимается; нисходящая линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Но, съ другой стороны, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже дядя можетъ жениться на родной племянницѣ.

Когда языческіе обряды кончатся, то новобрачные вѣнчаются въ первый пріѣздъ священника въ ихъ улусъ. Случается нерѣдко, что женихъ и невѣста расходятся, прижившіи уже нѣсколько дѣтей. Бываетъ также, что якутъ беретъ и другую жену при жизни первой, но въ этомъ случаѣ бракъ совершается при однихъ языческихъ обрядахъ.

Якуты, а по преимуществу якутки, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ по своему: обнимая, нюхаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только

*) Этотъ обрядъ соблюдаютъ и буряты.

немногіе якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ русскими, изрѣдка выражаютъ свою пріязнь къ нимъ поцѣлуями.

Обряды при родахъ и похоронахъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Когда родится дитя мужескаго пола, то по зову отца собираются къ нему подъ вечеръ родственники и друзья, ѣдятъ убитую для этого случая скотину, а отецъ даетъ младенцу имя. При рожденіи же дочерей никакихъ праздниковъ не бываетъ.

Крещеніе совершается по пріѣздѣ священника въ улусъ.

Если якутъ умретъ, его въ тотъ же день и хоронятъ, положивши съ нимъ пары двѣ изъ его платья и убитую верховую лошадь съ приборомъ. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносятъ заборомъ, на столбы вѣшаютъ нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ объѣзжаютъ могилу на лошадяхъ три раза по теченію солнца. Ближніе родственники къ могилѣ не приближаются, но, стоя, въ отдаленіи до трехъ разъ производятъ жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую потому что умершихъ они почитаютъ съѣденными дьяволомъ, а домы ихъ, съ тѣхъ поръ, жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладется съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшаютъ разодранный бубенъ; вообще съ умершимъ кладутъ говядину и масло, полагая, что ему въ томъ будетъ нужда. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ теперь оставлены. Священникъ отпѣваетъ умершаго въ могилѣ.

Зимою якуты всѣ почти дни и вечера проводятъ въ бесѣдахъ, въ разсказахъ басенъ и въ карточной игрѣ предъ своими комельками, поворачиваясь съ боку на бокъ; а жены ихъ, которыя вообще весьма трудолюбивы, занимаются въ это время разными рукодѣліями.

Зимою на голомъ земляномъ полу въ юртахъ передъ комельками вертятся всегда полунагіе и совсѣмъ нагіе ребятишки, которые, при появленіи русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, и смотря ни на какой морозъ.

Привычка къ холоду изумительна въ якутахъ. Они не берутъ съ собою въ самыя дальнія зимнія путешествія ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время путешествій якутъ носитъ своё обыкновенное платье, причемъ ночи проводитъ подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попон служитъ ему постелью, а деревянное сѣдло подушкою. Мѣховой куртkою, которая днемъ служила ему платьемъ и которую онъ снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ свои плечи и спину, а переднею частью тѣла, почти совершенно раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до пота, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія. Вотъ все, что нужно якуту, чтобы не замерзнуть, во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. «Безчисленное множество разъ видѣлъ я, говоритъ Врангель, какъ якуты спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при 20° мороза. Короткая куртка свалилась съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженно тѣло спящаго покрыто было толстымъ слоемъ инея».

Къ такой терпѣливости якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. У нихъ трои сутки или болѣе, по нѣсколько разъ въ день, натираютъ новорожденныхъ младенцевъ снѣгомъ или обливаютъ холодною водою съ слѣдующею поговоркою: «терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу — стерпишь стужу». Якуты не имѣютъ обыкновенія тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей: кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки или въ корыта на бересту, съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху прикрываютъ ихъ какими нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не укачиваютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачъ и вопли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе ростетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда уже и родители

ЯКУТСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

одѣваютъ ихъ въ платье изъ кожи коровьей или какой нибудь звѣриной, а по праздникамъ—въ синія рубашки.

Въ лѣтнее время якуты занимаются скотоводствомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею, въ началѣ и концѣ зимы — ловлею бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ, а частію и соболей. Немногіе лишь обработываютъ землю и сѣютъ въ маломъ количествѣ ячмень, да и то по настоянію земскаго начальства.

ЯКУТСКАЯ КОЛДУНЬЯ.

Будучи по природѣ переимчивы, якуты дѣлаютъ по заказу и на продажу нѣкоторыя довольно красивыя вещи, особенно гребни, шкатулки, ящики изъ мамонтовой кожи съ рѣзьбою, употребляя для того только одинъ ножъ. Якуты, кромѣ своей одежды, шьютъ искусно узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ и плетутъ изъ длинной травы ситки, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Способностью къ ремесламъ якуты превосходятъ всѣ сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе и на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Ихъ желѣзныя издѣлія, отъ качества ли матеріала или превосходной обработки, не лопаются, качество, котораго не имѣютъ даже лучшія англійскіе топоры. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожею; для прочности же ихъ сковываютъ жестяными полосами.

Говоря короче, они ловкіе мастера почти во всемъ: они искусные плотники и печники; деревянные дома строятъ такъ чисто и такъ

плотно, что хоть бы лучшему мастеру. Изъ мамонтовой кости они очень хорошо дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія. Въ городѣ Якутскѣ мебель работаютъ исключительно якуты; при недостаткѣ въ инструментахъ. трудности побѣждаютъ терпѣніемъ, и за все это они получаютъ самую ничтожную плату; можно сказать что работаютъ изъ одного только пропитанія. Якутки хорошія швеи кухарки и работницы.

Вообще о якутахъ можно сказать, что они чрезвычайно остры и переимчивы. Скоро выучиваются читать и писать, и склонны къ художествамъ. Между ними былъ даже одинъ живописецъ, котораго работа видна и теперь во многихъ домахъ и церквахъ.

Богатство якутовъ состоитъ въ огромныхъ стадахъ рогатаго скота и въ значительномъ количествѣ лошадей. Лошади имъ служатъ для дальнихъ переѣздовъ и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волы, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводьевъ, привязываемыхъ за деревянныя кольца, продѣваемыя въ ноздри животныхъ.

Якутскія лошади остаются на холодѣ даже въ то время, когда замерзаетъ ртуть. Ходя въ это время подъ открытымъ небомъ, онѣ разрываютъ копытами снѣгъ для добыванія себѣ пищи, состоящей въ это время изъ остатковъ побитой морозомъ осенней травы. Эти животныя, до невѣроятности пріученныя къ лишеніямъ всякаго рода, мѣняютъ шерсть, какъ и всѣ другія звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда свѣжіе и сильныя, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся путешествій питаются исключительно сухой полусгнившей травою. Онѣ до глубокой старости сохраняютъ зубы и несравненно долѣе остаются молодыми, чѣмъ наши лошади; круглымъ числомъ лошадь здѣсь служитъ 30 лѣтъ.

Звѣриная ловля есть вторая статья ихъ промышленности. На ловлю соболей отправляется немного якутовъ, по причинѣ отдаленности тѣхъ мѣстъ, гдѣ соболи водятся, отъ якутскихъ жилищъ. Богатые посылаютъ бѣдныхъ, давши имъ ружье, пороху и свинцу, да для пропитанія нѣсколько лошадей, коровъ и масла.

Самымъ лучшимъ промысломъ почитается тотъ, если работникъ добудетъ 20 соболей; всего же больше занимаются стрѣляніемъ бѣлки и ловлею лисицъ. Многіе изъ якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ тунгусовъ, ламутовъ, юкагировъ, получаютъ пушныхъ звѣрей разными обманами отъ этихъ простодушныхъ людей. Сначала стараются ихъ задолжить чѣмъ нибудь, напр. съѣстнымъ въ голодное время и проч, послѣ сего бѣднякъ дѣлается уже ихъ вѣчнымъ должникомъ, и хоть чувствуетъ всю тягость, отъ того происходящую, но переноситъ терпѣливо. Тѣ же изъ якутовъ, которые для торговли пробираются въ Удской край, мало того что совершенно обираютъ пьяныхъ тунгусовъ, но, разъѣзжая по звѣроловнымъ мѣстамъ вынимаютъ попавшагося въ ловушки звѣря. Когда же придетъ время тунгусу платить ясакъ, якутъ снабжаетъ его пушными звѣрями, у него же взятыми, и оставляетъ опять своимъ должникомъ.

Надо замѣтить, дикари рубятъ звѣрей безъ пощады, отчего промыслы съ каждымъ годомъ уменьшаются.

Кромѣ означенныхъ промысловъ, якуты доставляютъ въ Якутскъ на убой скотъ и продаютъ кущамъ коровъ и кожи для обшивки тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ Охотскъ, Колыму и далѣе. Земледѣліемъ рѣшительно ни одинъ якутъ не занимается, хотя ярица и поспѣваетъ, а гималайскій ячмень могъ бы родиться очень хорошо, что доказано опытомъ близъ Якутска.

Digitized by Google

XLVII. ТУНГУСЫ И ЮКАГИРЫ.

Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII вѣка подъ этимъ именемъ отъ остяковъ. Жизнь тунгусовъ не измѣнилась и до настоящаго времени; теперь, какъ и прежде, встрѣчаются между ними 1) занимающіеся скотоводствомъ и даже хлѣбопашествомъ; 2) занимающіеся рыбнымъ промысломъ и ѣздящіе на собакахъ,—и 3) собственно оленные или кочевые тунгусы.

Образъ жизни осѣдлыхъ тунгусовъ совершенно различенъ отъ кочевыхъ. Осѣдлые тунгусы имѣютъ въ своихъ поселеніяхъ небольшія постройки, примѣняясь къ удобствамъ нашихъ крестьянскихъ домовъ и нѣсколько прихотливой отдѣлки; кромѣ общаго семейнаго помѣщенія, вы найдете у каждаго тунгуса отдѣльную, чистую комнату, собственно для пріема почетнаго гостя. Печи, соображаясь съ родомъ приготовленія пищи, считаются ненужными, и онѣ замѣняются обыкновенно камельками, тщательно обмазанными и выкрашенными глиною. Въ окнахъ, за неимѣніемъ на сѣверѣ Сибири стеколъ, употребляются слюда и очищенные нерпичьи пузыри, а въ случаѣ необходимости вставляется толстый ледъ. Вообще хозяйство осѣдлыхъ тунгусовъ приближается къ русскому сельскому быту, даже въ отношеніи скотоводства, не смотря на то, что весьма немногіе изъ нихъ привыкли къ этому роду занятій. Вѣроятно, понимая всѣ преимущества, которыми пользуются исключительно люди, постоянно живущіе на мѣстѣ, осѣдлые тунгусы охотно улучшаютъ бытъ свой, и такимъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе кочевыхъ инородцевъ. Одежда ихъ заключается въ оленьихъ шкурахъ, пріобрѣтаемыхъ ими мѣною на разные припасы у оленныхъ тунгусовъ главное продовольствіе—рыба съ примѣсью жира морскихъ звѣрей, промысловъ которыхъ составляетъ первое богатство прибрежныхъ населеній.

Наконецъ есть тунгусы сидячіе, не имѣющіе оленей и домашняго хозяйства; образъ жизни ихъ, при недостаткахъ, которые они претерпѣваютъ, заслуживаетъ состраданія. Жилища ихъ состоятъ большею частію изъ такихъ землянокъ или юртъ, помѣщеніе въ которыхъ въ зимнее время можетъ быть допущено только при тяжелыхъ условіяхъ того животнаго состоянія, въ которомъ эти люди остаются по причинѣ нищеты. Одежда пріобрѣтается ими отъ оленныхъ тунгусовъ въ видѣ подаянія, а дневную пищу ихъ составляетъ рыба, добытая въ теченіи дня; въ случаѣ же неулова рыбы, нерѣдко бываетъ, что они по нѣскольку дней остаются безъ продовольствія. Все ихъ достояніе состоитъ въ шести или осьми собакахъ, съ помощію которыхъ они переѣзжаютъ съ одной рѣчки на другую для рыбной ловли, единственно поддерживающей ихъ существованіе.

Только одна крайняя нужда можетъ заставить тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ, потому что тунгусъ—кочевникъ со всею страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто, и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ по русски или якутски. Своею безаботностію и веселостію, подвижностію, ловкостію и остротою, пріятностію и веселымъ юморомъ, тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ: мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, кислаго, непривѣтливаго якута, и по-

тому тунгуса можно назвать французомъ тундры и лѣса. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, ибо хитеръ и пронырливъ. Одежда тунгуса очень соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ то же время показываетъ его легкомыслiе. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а изъ тѣхъ же шкуръ шьетъ себѣ особый костюмъ, обыкновенно изукрашенный бусами, полосками сукна и конскими волосами, и на столько узкiй, что едва можно застегнуть, ибо по тунгусской модѣ нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ тунгусъ носитъ татарскую ермолку, всю унизанную бусами. Короткiя, доходящiя до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, точно также украшены полосками изъ бусъ; на плечахъ виситъ ожерелье изъ бусъ съ мѣшечкомъ съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая длинную косу, красиво унизана оловянными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенiя тунгуски очень искусно нашиваютъ сухожильями сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья сначала дѣлятся на волокна нужной толщины, потомъ размачиваются во рту, пока не утянутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваются ладонью на правомъ колѣнѣ. Признакомъ работящей женщины можетъ служить лоснящееся, покрытое клеемъ мѣсто на кожаныхъ панталонахъ. Работая, она куритъ крѣпкiй табакъ, и такъ какъ онъ на столько же дорогъ, на сколько дуренъ, то къ нему постоянно примѣшиваются мелкiя, постоянно свѣжiя сосновыя стружки. Сильно затянувшись, тунгуска выпускаетъ клубы дыма изъ носа.

Когда тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу (при этомъ онъ сидитъ такъ гордо на своемъ оленѣ, какъ будто они созданы другъ для друга) или отправляется на охоту за дичью по болотамъ, тогда естественно онъ снимаетъ нѣкоторыя украшенiя, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромокаемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. Для этой цѣли набираютъ жиръ въ ротъ и мелкими брызгами вспрыскиваютъ кожу.

Охотничьи снаряды тунгуса необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожаный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ вяленаго мяса, собака, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга: вотъ-все, что нужно маленькому, некрасивому, съ выдающеюся челюстью, съ желтымъ, полосами нататуированнымъ, лицомъ тунгусу для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи, въ 5 футовъ длиною и 4 дюйма шириною, имѣютъ видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ какъ стрѣла носится по ослѣпительно бѣлой поверхности и защищаетъ, какъ и якутъ, свои глаза отъ отраженiя снѣга весьма красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ частою сѣтью.

Само собою разумѣется, что вѣчно-кочующему оленному тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, коптитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго тунгуса по внутреннему расположенiю похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею, и такой величины, чтобы оно быстро прогрѣвалось каминомъ изъ битой глины.

Относительно пищи и питья тунгусы вовсе неразборчивы, и пьютъ и ѣдятъ, что попадается. Одно изъ любимыхъ ихъ кушанiй состоитъ изъ неперевареннаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя; прибавивъ къ нему ягодъ, они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или вѣтрѣ. Тунгусы очень много употребляютъ кирпичнаго чая; они изъ него съ жиромъ и ягодами приготовляютъ густую кашицу. Отъ этого нездороваго кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ.

Весьма немногiе тунгусы обратились въ христiанство, большею же

ТУНГУЗСКІЙ ХРАМЪ НА АМУРѢ.

частію они по-прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости: тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у остяковъ и самоѣдовъ, такъ и у тунгусовъ на женщину смотрятъ какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20 или за 100 сѣверныхъ оленей, или же женихъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить жену продолжительной кабалою. Многоженство здѣсь допускается, но немногіе могутъ себѣ позволить роскошь имѣть двухъ женъ.

Въ Восточной Сибири тунгусы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники не разъ имѣли случай подивиться тунгуской ловкости и веселости. Пріѣхавъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и повѣшаны на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ: оно само позаботилось о своемъ кормѣ. За тѣмъ мужчины, ушедшіе съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ лиственницъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы кладутся на расчищенномъ для костра мѣстѣ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоею, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, вкось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Такъ какъ тунгусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то очевидно они мастерски къ этому приладились.

Спокойно сидя на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любуется игрою пламени, освѣщающаго то исполинскіе стволы деревьевъ, то блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ веселыхъ тунгусовъ, которые водятъ его подъ мелодическіе звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивится ловкости тунгусовъ въ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ, и роздать по нѣскольку глотковъ водки. Двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ то время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изо всей силы машетъ лежащій на землѣ тунгусъ.

Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно въ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой игрѣ.

Какъ и всѣ другіе сибирскіе кочевники, тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ различныя ярмарки, которыя бываютъ въ громадной области ихъ кочевьевъ — въ Киренскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Читѣ и крайне печальномъ Охотскѣ. Очевидно, что на этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣ же, ибо и продукты, и потребности кочевниковъ почти вездѣ одинаковы. Тунгусъ страстно любитъ водку, и нерѣдко пьянѣетъ послѣ перваго стакана; онъ отдастъ за одинъ стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй стаканъ не пожалѣетъ послѣдней своей верхней одежды (саннаякъ). Понятно что русскіе любятъ такихъ кліентовъ, и что многимъ тунгусамъ изъ-за водки пришлось сдѣлаться *промышленниками*. Православные торговцы пушнымъ

товаромъ, лучше всѣхъ своихъ купцовъ въ мірѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ тунгусамъ — язычникамъ съ большимъ запасомъ водки.

Отъ тунгусовъ перейдемъ къ сосѣдямъ ихъ — юкагирамъ.

Дома обрусѣвшихъ юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большей части изъ одной комнаты. Въ ней всегда на лѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ русскихъ избахъ печи, помѣщается чувалъ, или очагъ, гдѣ безпрерывно горитъ огонь для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда юкагировъ соотвѣтствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ парки, камлейки, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ и на паркахъ дѣлается у нихъ откидной воротникъ изъ соболя или россомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротникъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда сшивается изъ шкуръ оленьихъ выпоротковъ, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица юкагиры почти совершенно сходны съ русскими. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое довольно правильное лицо и удивительная, особенно у женщинъ, бѣлизна тѣла, составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни юкагировъ видѣнъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось во всей чистотѣ радушное гостепріимство, какъ равно и нѣкоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ русскими, на которыхъ смотрятъ они какъ на своихъ поработателей, между юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой или старый, играетъ на скрипкѣ или на балалайкѣ *). У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсень есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но впослѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще юкагиры при пѣніи импровизируютъ не только слова пѣсенъ, но и самые напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсенъ юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается при томъ о соловьѣ, сизокрыломъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ и другихъ предметахъ, нынѣ юкагирамъ совершенно не извѣстныхъ. Можетъ быть, эти понятія принесены сюда предками юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія страны, хотя туземцы разсказываютъ много чудеснаго о похожденіяхъ своихъ предковъ. Мужчины воспѣваютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней бѣдной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удаляться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры,

*) Странно, что при такой общей наклонности юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; но крайней мѣрѣ Врангелю не удалось замѣтить ничего подобнаго.

гдѣ водятся другіе сибирскіе звѣри. Время переправы оленей чрезъ Анюй составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и юкагиры съ такимъ же боязливымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого животнаго, съ какимъ земледѣльцы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются черезъ рѣки, весною и осенью, но, по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тянутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго сибирскаго

ШАМАНЪ И ШАМАНКА.

лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ или ловить петлями; но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда эти животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда

и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

Охота на оленей весьма подробно описана въ путешествіи Врангеля, изъ котораго приведемъ слѣдующія подробности.

Когда мы пріѣхали въ Плотбище, говоритъ Врангель, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ рѣки Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми табунами, но 200 и по 300 головъ каждый, на такіе отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго притока, выбирая мѣсто, гдѣ противулежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табунъ стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ, отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются въ табунъ и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противуположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, гибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табунъ весьма многочисленъ и придетъ въ безпорядокъ, поколка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностію жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе

собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчтонеобыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью поверхность рѣки — все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ОЛЕНЕЙ.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъгнить, а напротивъ въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Другое занятіе юкагировъ состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ. Берега рѣкъ обставлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, кляпцовъ и пастинокъ всякаго рода, для собелей, россомахъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ, которые, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Каждый трудолюбивый юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіи зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ восьмой или девятой ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго

скрѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкотрыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманный механизмъ заслуживаетъ удивленія. Онѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походкѣ и силѣ каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что кажется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

XLVIII. КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы, древнѣйшіе обитатели полуострова Камчатки, въ настоящее время значительно уменьшились численностью вслѣдствіе огромнаго процента смертности между ними и отъ постояннаго вторженія свирѣпыхъ сосѣднихъ племенъ, особенно коряковъ и ламутовъ, или тунгусовъ, привлекаемыхъ въ ихъ страну богатыми пастбищами, которыми изобилуетъ западная часть полуострова. Кромѣ этого, они настолько утратили свой первобытный характеръ, по причинѣ сліянія своего съ русскими и ссыльными другихъ націй; что, говоря о нихъ, не можетъ быть и рѣчи, какъ о народѣ самобытномъ. Они почти совсѣмъ отстали отъ туземныхъ нравовъ и обычаевъ, которые даже успѣли и позабыть, не усвоивъ, впрочемъ, окончательно русскихъ нравовъ, хотя они у нихъ могутъ считаться господствующими. Появленіе первыхъ русскихъ, проникнувшихъ въ Камчатку, произошло въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII; это были казаки изъ Якутска, поселившіеся около устья рѣкъ Камчатки, Тыгила и Большой. Въ короткое время число этихъ поселенцевъ быстро возросло, вслѣдствіе чего въ Камчаткѣ образовали особое управленіе всѣмъ краемъ, которое позднѣе было перенесено въ Петропавловскъ, и подчинено военному губернатору. Послѣ Крымской кампаніи 1854 года Петропавловскъ пересталъ быть столицей Камчатской области, которая въ настоящее время входитъ въ составъ Приморской области, вновь созданной, главный городъ которой Владивостокъ. Одновременно съ Приморской областью была образована область Амурская, по договору, заключенному съ Китаемъ въ 1858 году. Россія обязана пріобрѣтеніемъ этой огромной территоріи проницательному уму тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири, Муравьева, возведеннаго за это въ графское достоинство, съ прибавленіемъ къ титулу его «Амурскаго». Собравъ наиболѣе точныя и необходимыя свѣдѣнія о новомъ краѣ чрезъ посредство одного опытнаго моряка, энергичнаго Невельскаго, Муравьевъ задумалъ пройти Амуръ на судахъ вплоть до самаго его устья. Смѣлая попытка его удалась. Тогда онъ, прежде всего, учредилъ на лѣвомъ берегу рѣки казачьи пикеты, а затѣмъ устроилъ небольшія колоніи, которыя теперь простираются уже до праваго берега р. Уссури и по этой рѣкѣ.

Русское правительство, въ видахъ наибольшаго распространенія земледѣлія въ Камчаткѣ и увеличенія народонаселенія, вымиравшаго отъ оспенной эпидеміи, сочло необходимымъ посылать время отъ времени въ эту область поселенцевъ съ береговъ р. Лены, которые и основывали мало по малу небольшія деревни.

Камчатка, по своему географическому положенію, на краю континента и по суровости своего климата имѣетъ почву неблагопріятную для занятія земледѣліемъ; цѣпь вулканическихъ горъ, идущая вдоль всего полуострова, дѣлаетъ почву безплодною, а на восточной оконечности его образуются такія массы снѣга, что онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже никогда не таятъ. Поэтому только западныя долины и мѣстность возлѣ р. Камчатки, пользующіяся болѣе теплымъ климатомъ въ сравненіи съ другими частями полуострова, удобны для воздѣлыванія картофеля и нѣкоторыхъ другихъ овощей.

Здѣсь только олени находятъ безъ большаго труда, подъ легкимъ слоемъ снѣга, мохъ, необходимый для ихъ пропитанія. Запасъ сѣна на зиму, при подобныхъ условіяхъ, почти невозможенъ, а вслѣдствіе этого и скотоводство не можетъ процвѣтать въ этой суровой странѣ.

Изъ 6,000 жителей Камчатки не болѣе 2,000 туземцевъ, а остальные русскіе. Коренные камчадалы, т. е. тѣ, которые въ небольшомъ числѣ говорятъ, худо-ли, хорошо-ли, на своемъ родномъ языкѣ, должны считаться коренными обитателями Восточной Сибири, хотя наружность ихъ носитъ на себѣ замѣтный отпечатокъ монгольской рассы. Всѣ они православные и вмѣстѣ съ религіею усвоили себѣ языкъ русскій и русскіе нравы.

ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ ПОРТЪ ВЪ КАМЧАТКѢ.

Камчадалы характера мягкаго и добраго; тѣлосложенія слабаго; живутъ крайне бѣдно вслѣдствіе упадка промышленности и небрежности ихъ въ занятіи рыбной ловлею, которое могло бы обогатить ихъ, а также и вслѣдствіе постоянно возрастающей у нихъ страсти къ произведеніямъ цивилизованныхъ странъ, какъ-то: къ табаку, чаю, къ европейскимъ нарядамъ. Благодаря этой страсти къ предметамъ роскоши, они постоянно въ долгу у купцовъ-барышниковъ, которые обманываютъ ихъ на каждомъ шагу. Отчасти долгіэти дѣлались и потому, что въ прежнее время доставка предметовъ первой необходимости изъ Восточной Сибири черезъ портъ Аянъ обходилась страшно дорого. Чтобы имѣть понятіе о цѣнахъ на предметы первой необходимости, доста-

точно будетъ сказать, что въ 1843 году пудъ пшеничной муки стоилъ въ Петропавловскѣ 14 руб., ячмень 4 руб., рисъ — 4 руб., свѣчи — 20 руб. пудъ, сахаръ — 60 руб., ситецъ отъ 60 до 90 к. за арш. Съ пріобрѣтеніемъ нами Амурской области цѣны на все значительно понизились.

Коряки и ламуты, или тунгусы — кочевники съ каждымъ годомъ все въ большемъ числѣ прибываютъ въ Камчатку со своими стадами; но камчадалы не соперничаютъ съ ними въ этомъ промыслѣ, а добываютъ себѣ пропитаніе главнымъ образомъ рыбной ловлею и охотою. Они употребляютъ въ пищу мясо животныхъ и птицъ несравненно меньше, чѣмъ эти кочевники, и довольствуются по большей части рыбою и молочными продуктами, можетъ быть даже и въ видахъ экономіи пороха и свинца и во избѣжаніе утомленія, всегда сопряженнаго съ охотою. Лѣса Камчатки изобилуютъ всякаго рода звѣремъ; охота на пушныхъ звѣрей бываетъ чрезвычайно прибыльна зимою; она и служитъ для туземцевъ главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ торговли. Камчадалы занимаются съ любовью разведеніемъ и воспитаніемъ собакъ, которымъ живется у нихъ несравненно лучше чѣмъ прочимъ домашнимъ животнымъ, какъ напр. лошадямъ и быкамъ. Камчатскія собаки закалены въ далекихъ путешествіяхъ и, не смотря на дурныя дороги и неровную почву, бѣгутъ безъ-устали большія пространства. Онѣ мало отличаются отъ крестьянскихъ дворовыхъ собакъ; но камчадалы совершенно передѣлали на свой ладъ этихъ жи-

ѢЗДА НА СОБАКАХЪ ВЪ КАМЧАТКѢ.

вотныхъ: они пріучили ихъ и къ иной пищѣ и къ иному обращенію и къ своеобразному способу дрессировки. Изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки лучше и по быстротѣ бѣга; онѣ такъ горячи, что часто на бѣгу повреждаютъ себѣ члены и отъ чрезмѣрныхъ усилій шерсть ихъ нерѣдко бываетъ покрыта потомъ и кровью. Онѣ очень сильны: четыре собаки могутъ везти троихъ людей вмѣстѣ съ ихъ багажемъ и дѣлаютъ отъ 30 до 40 верстъ въ день по дурнымъ дорогамъ и до 80 верстъ по хорошей дорогѣ. Если даже въ Камчатку когда-нибудь проникнетъ образованіе и жители ея сдѣлаются болѣе развитыми, нежели теперь, всетаки мѣстныя и климатическія условія не измѣнятся и заставятъ всегда предпочитать ѣзду на собакахъ всякой другой ѣздѣ. Привязанность и любовь камчадаловъ къ своимъ собакамъ также велика, какъ въ иныхъ странахъ къ лошадямъ; за хорошихъ собакъ платятъ очень дорого. Способъ воспитывать и дрессировать собакъ спеціально для ѣзды и для упряжи не могъ не остаться безъ вліянія на развитіе природныхъ качествъ у этихъ животныхъ. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, съ длинными ушами, съ острой мордою, съ широкой спиною, съ большой головою и живымъ темпераментомъ. Какъ только онѣ начинаютъ смотрѣть на свѣтъ (при появленіи на свѣтъ), ихъ держатъ въ темныхъ ямахъ до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками, и такъ какъ видъ новыхъ предметовъ поражаетъ ихъ и даже наводитъ нѣкоторый страхъ на нихъ, то онѣ и рвутся впередъ и тащатъ изо всѣхъ силъ неприхотливый экипажъ камчадала. Затѣмъ ихъ опять сажаютъ въ темную яму и повторяютъ вышеописанную операцію до тѣхъ поръ, пока онѣ поймутъ то, что отъ нихъ требуется. Возки привязываютъ къ ошейнику, потому что собакъ можно запречь только какъ нибудь врасплохъ и то съ нѣкоторой уловкою, при этомъ они начинаютъ выть и отбиваться изо всѣхъ силъ и продолжаютъ это во все время, пока ихъ запрягаютъ. Но какъ только собаки пускаются въ дорогу, онѣ умолкаютъ и бѣгутъ съ такой быстротою, что приходится удивляться ихъ необыкновенной силѣ и ловкости, особенно въ мѣстахъ опасныхъ, гдѣ онѣ бѣгутъ съ чрезвычайной быстротою и часто заставляютъ хозяина выпрыгивать изъ саней, иначе онъ рискуетъ сломить себѣ шею. Хорошая собака-проводникъ необходима въ дорогѣ: отъ нея требуется только послушаніе и хорошее чутье. Если у упряжной собаки ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединяется еще и сила, тогда ей цѣны нѣтъ. Камчадалъ садится обыкновенно на передокъ саней, вытянувъ ноги; кнутъ онъ употребляетъ весьма рѣдко, иначе собаки перегрызутся; съ ними можно обходиться и безъ кнута: онѣ понимаютъ голосъ хозяина. Эти полезныя животныя пользуются отдыхомъ и свободою только во время короткаго лѣта, которое онѣ проводятъ по берегамъ рѣкъ, питаясь рыбою, которую онѣ умѣютъ ловить съ замѣчательной ловкостью. Когда онѣ ужъ сыты, тогда довольствуются только однѣми рыбьими головами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ собакъ собираютъ домой съ подножнаго корма, и чтобы посбавить съ нихъ жиру, даютъ имъ ѣсть очень мало: зимою ихъ кормятъ только соленой, сушеной и гнилой рыбою. Отъ такой пищи онѣ дѣлаются голодными и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными въ ѣздѣ, но весьма мало привязанными къ своимъ хозяевамъ.

Камчадалы говорятъ на трехъ нарѣчіяхъ и раздѣляются на нѣсколько группъ или племенъ.

Такъ прежде всего внутри полуострова и по рѣкѣ Камчаткѣ живутъ камчадалы — потомки древнѣйшихъ туземцевъ этого края. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они говорятъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, а въ другихъ на своемъ родномъ, но до крайности исковерканномъ языкѣ.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ камчадаловъ — курильцевъ изъ Большерѣцка, которые живутъ въ разныхъ деревушкахъ въ западной ча-

сти полуострова, начиная отъ южной оконечности его почти совсѣмъ необитаемой и вплоть до 55 градуса широты. Эти племена почти всегда говорятъ на своемъ національномъ языкѣ, но съ незначительною примѣсью русскихъ словъ. Камчадалы, живущіе въ восточной части полуострова Камчатки, искажаютъ свой языкъ примѣсью курильскихъ словъ, которыя исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Наконецъ послѣднее племя камчадаловъ, называемое пенсинскими, разбросано по разнымъ деревушкамъ сѣверной части Камчатки. Это племя сохранило употребленіе туземнаго языка во всей его первобытной чистотѣ, за исключеніемъ сѣверной окраины, гдѣ уже слышится примѣсь корякскихъ словъ.

XLIX. Ч У К Ч И.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконечности Азіи, отъ Чаунской губы до Берингова пролива съ одной стороны, и отъ рѣки Анадыра и верховьевъ Сухаго Анюя до Ледовитаго моря, съ другой.

Изъ всѣхъ племенъ сѣверной Азіи, чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ шкуръ; чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствіе жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ безпрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги русскихъ значительно ослабили эти междусобія и сблизили враждовавшія племена.

Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и

долго не имѣли никакихъ сношеній съ чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя русскимъ, чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества; но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе и нынѣ приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, къ русскимъ, для выгоднѣйшихъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно юкагирамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ русскими.

Чукчи переходятъ съ мѣста на мѣсто; но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Они собираютъ запасы, и только скудость пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность чукчей къ осѣдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда чукчей, широкая, неуклюжая кухлянка и длинныя мѣховыя шаровары, приспособлены къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій саная̀хъ (родъ кафтана, или стариннаго фрака) соотвѣтствуютъ безпрестанной движимости тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью.

Въ прежнія времена чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и нагорныя страны и поселились на берегахъ моря.

Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на осѣдлыхъ или береговыхъ, и на оленныхъ или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржевые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребраxъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно прямa. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ круглое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухнею, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ребра и великія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Пища чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться

должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодныя, а взаключеніе съѣдается даже большой кусокъ смерзшагося снѣга. Врангелю часто случалось видѣть, что, при 30° и болѣе мороза, чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Одинъ богатый старшина пригласилъ къ себѣ Врангеля, который такимъ образомъ описалъ трапезу чукчей.

«Я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь чукчей; но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ описаннымъ выше образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ чукчей! Жена и семнадцатилѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ, волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли *) и, прибавивъ къ тому порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набилъ себѣ въ ротъ мясо съ китовымъ жиромъ, превознося ломанымъ русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовлять китовый жиръ такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посѣщеніе, спѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣриваніе. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ чукотскихъ старшинъ, и по его житью можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ чукчей. Удивительно, какъ, при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ этотъ остается сильнымъ и здоровымъ».

Главное занятіе береговыхъ жителей составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличиться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно выползаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Этотъ способъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою до тѣхъ поръ, пока не покрывается весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается это средство.

*) Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не любятъ и не употребляютъ соли.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ чукчей хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, а жиръ иногда служитъ вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишекъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ чукчи орудіе, употребляя его вмѣсто пешни для ломки льда и рытья замерзшей земли; но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ вѣковой торговли съ оленными чукчами, передающими ихъ русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ льдовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей — родъ сѣтей, изъ длинныхъ и узкихъ ремней, съ камнями, или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и, запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ — копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не по парно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе колымскихъ и камчатскихъ.

Сначала они переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и, намѣнявъ тамъ мѣховъ и моржевыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ.

Мѣха, привозимые чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржевые ремни и клыки, и все, что чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санные полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружіе и американскія одежды, но какъ такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ-то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголъ, мѣдной, жестяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но, вслѣдствіе запрещенія правительства, эти предметы не являются открыто въ оборотѣ, а вѣроятно только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ чукчей, собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена изъ за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки пріѣзжаютъ сюда многочисленными толпами, частію на соба-

ЧУКЧИ.

САМОЯДЫ.

Лаз[illegible]ичъ

кахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ эти народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянные полозья для саней, которые съ выгодою сбываются чукчамъ на мѣха. Различіе одеждъ, физіономій и пріемовъ пріятно разнообразитъ и оживляетъ видъ торга.

Самый ходъ ярмарки описывается Врангелемъ слѣдующимъ образомъ:

«Февраля 10-го собрались русскіе купцы и чукотскіе старшины въ крѣпость, къ коммисару, прослушать правила, которыя должны быть наблюдаемы при торгѣ и, съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Послѣднее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 17 лисьихъ и 20 куньихъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить извѣстную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

«Февраля 11-го, когда коммисаръ собралъ съ чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершилось въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе *) о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Русскіе и другіе посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъестественная сила схватываетъ русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною, безпорядочною толпою, въ ряды чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшитъ первый подойдти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются русскіе. Обвѣшанные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однѣхъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ: онъ тотчасъ вскакиваетъ и, съ не покрытою головою и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью русскихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копья, у саней своихъ и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ *); если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, даетъ имъ на торгѣ большое преимущество передъ русскими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

*) Къ сожалѣнію, шаманское богослуженіе чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

*) На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ безпорядочной смѣси русскихъ, чукотскихъ, якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

«Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, чукчи начинаютъ обратный путь, а русскіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга сибирская мятель налетитъ на Островное, — оно исчезнетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтущій торговый городъ».

На ярмаркѣ же въ Островномъ видѣлъ Врангель и забавы чукчей, которыя описываетъ онъ такимъ образомъ:

«Старшина Макомокъ пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтители ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные клыка. По данному знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять этимъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

«Послѣ того бѣгали въ запуски — въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому что чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое одобреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоящее изъ вареной оленины, разрѣзанной на мелкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ, и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

«На другой день большое общество чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разноцвѣтнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вмѣсто музыки, нѣсколько чукчей нѣли отрывисто, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танецъ, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, не посвященные въ таинства чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакоже, что онѣ дѣлали дѣйствительно нечеловѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача, предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно приглашая меня посѣтить ихъ отчизну».

Многіе чукчи крещены, но и крещеные они остаются язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія.

Вообще крещеные чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ напр., не смотря на крещеніе, богатые чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они

по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается со своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто свирѣпы. Такъ напримѣръ, сохранилось у нихъ противуестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Такъ отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками. которые при этомъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще пріобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ чукчами.

Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Коченъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Коченъ былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы и можетъ быть побои*), не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Коченъ, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ, добровольно пожертвовать своею жизнію. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась, съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Когда кочующія племена получатъ осѣдлость и наставленія, и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать—тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь христіанство.

---

*) Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отмѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

L. КОРЯКИ.

Коряки—непосредственные сосѣди чукчей-кочевниковъ сѣвера, одного съ ними происхожденія и имѣютъ съ ними сходство почти во всѣхъ отношеніяхъ. Они пользуются сообща и нельзя сказать, что безъ зависти, звѣриной ловлей и пастбищами, обиліе которыхъ завлекло въ послѣднее время ламутовъ далѣе Камчатки. Коряки относятся къ этому общему пользованію дарами природы менѣе завистливо, чѣмъ чукчи, которые дошли уже до Пенжинскаго пролива.

Лицо у коряковъ по большей части круглое, иногда, впрочемъ, можно встрѣтить и продолговатыя лица, но только между мужчинами; цвѣтъ кожи у нихъ темно-желтый, но у женщинъ нѣсколько нѣжнѣе и бѣлѣе. Носъ не кажется особенно приплюснутымъ, потому что скулы не особенно выдаются, иногда даже встрѣчаются мужчины съ орлинымъ носомъ. Лобъ скорѣе высокій, чѣмъ низкій. Подбородокъ по большей части круглый у всѣхъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ острый. Глаза узкіе и почти всегда темные. Уши немного отстоятъ отъ головы, ротъ большой, губы красныя и не очень толстыя. Верхняя губа нѣсколько удлинена и придаетъ лицу нѣкоторое выраженіе. У коряковъ почти нѣтъ бороды: они даже почти совсѣмъ безбородые, и вырываютъ бороду, когда она ростетъ; волоса у нихъ черные, блестящіе, прямые, густые и мягкіе. Женщины отличаются красотою и густотой волосъ, которые онѣ заплетаютъ въ двѣ косы; мужчины стригутъ волоса очень коротко и оставляютъ рости только одинъ кружокъ вокругъ головы. Очень рѣдко мужчины носятъ длинные волоса: въ такомъ случаѣ они ихъ заплетаютъ.

Коряки по своему сложенію существенно отличаются отъ своихъ западныхъ сосѣдей—тунгусовъ. Они не походятъ на ламутовъ ни гибкостью оконечностей, ни узкими плечами. Коряки обыкновенно средняго роста, хорошо сложены и сильны. Женщины у нихъ маленькаго роста, толстыя; и, какъ почти у всѣхъ сибирскихъ жительницъ, руки и ноги у нихъ отличаются изяществомъ формъ. Не смотря на различное устройство головы и туловища между ними и ихъ западными сосѣдями, коряки и чукчи составляютъ съ одной стороны переходъ къ ущлѣвшимъ сосѣднимъ народцамъ юга (камчадаламъ, гилякамъ и курильцамъ), а съ другой стороны—къ народамъ востока — эскимосамъ и алеутамъ, которыхъ считаютъ японскаго происхожденія.

Обычай татуированія менѣе распространенъ между коряками, нежели чукчами; онъ только въ употребленіи у замужнихъ женщинъ, которыя надѣются сгладить съ помощью его слѣды времени.

Кромѣ своего роднаго языка, очень, впрочемъ, бѣднаго и господствующаго въ сѣверо-восточной Сибири, коряки изрѣдка говорятъ на языкѣ чукчей, отчасти знакомомъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ. Русскіе съ береговъ Тыгила должны говорить на корякскомъ языкѣ: имъ необходимо знать его для заключенія торговыхъ сдѣлокъ, равно какъ для колымскихъ жителей необходимо понимать языкъ чукчей. Корякскій языкъ неблагозвучный; но такъ какъ онъ бѣденъ словами, то ему научится не трудно.

Коряки, подобно чукчамъ, раздѣляются по мѣсту жительства и

образу жизни на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Послѣдніе подраздѣляются на четыре племени, говорящія разными нарѣчіями. Кочевники говорятъ на своемъ особомъ нарѣчіи.

Коряки, живущіе по берегамъ рѣкъ, кочевники, которые, благодаря постояннымъ войнамъ съ чукчами, разорились, лишились своихъ стадъ и впали въ страшную нищету. Образомъ жизни они похожи на камчадаловъ. Постоянныя сношенія съ русскими и камчадалами значительно измѣнили ихъ первобытный характеръ.

Согласно указаніямъ одного извѣстнаго ученаго, и мы раздѣлимъ осѣдлыхъ коряковъ слѣдующимъ образомъ:

Племя — каментзэсъ, поселившееся по сѣверному берегу Пенжинскаго пролива въ числѣ 230 душъ, живетъ въ землянкахъ, въ которыя входъ, служащій въ то же время и трубою, устроенъ на крышѣ. Они еще язычники, и отъ природы характера безпокойнаго, свирѣпаго и кровожаднаго, но, тѣмъ не менѣе, платятъ подати русскому правительству. Существуя исключительно охотою на звѣрей и морскихъ животныхъ, они очень искусны въ этомъ промыслѣ; ловля морскихъ звѣрей требуетъ особой ловкости и сноровки; на морскую охоту они отправляются на маленькихъ лодочкахъ, называемыхъ байдарками, которыя очень легки и могутъ быть переносимы по сушѣ. Это племя коряковъ извѣстно также своимъ искусствомъ въ кузнечномъ мастерствѣ.

Другое племя, называемое паллентзесъ, живетъ въ семи деревняхъ, въ сѣверо-западной части Камчатки, по берегамъ Пенжинскаго залива. на разстояніи 400 верстъ отъ предъидущаго племени, въ числѣ 870 душъ. Въ сѣверной части полуострова они только по имени христіане, отличаются грубыми нравами и говорятъ на томъ же нарѣчіи, какъ и предъидущее племя коряковъ. Въ деревняхъ, расположенныхъ въ южной части Камчатки, они приняли христіанство и достигли нѣкоторой степени развитія. Ихъ образъ жизни и промыслы почти тѣ же, что и у прочихъ прибрежныхъ жителей: между прочимъ у нихъ замѣтны попытки къ разведенію скотоводства и садоводства. Рыбная ловля производится такъ-же какъ у камчадаловъ, т. е. самымъ первобытнымъ способомъ. Обиліе рыбы въ рѣкахъ чрезвычайное. Бѣлые медвѣди пожираютъ ее тысячами, а остатки, бросаемые ими, распространяютъ въ воздухѣ отвратительный запахъ.

Третье племя — укинтзесъ — въ числѣ 410 душъ, живетъ въ шести деревняхъ сѣверо-восточной Камчатки; первобытные нравы сохранились только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ ближе къ сѣверу. Они всѣ христіане, жилища ихъ похожи на жилища вышеописаннаго племени, и занимаются съ успѣхомъ скотоводствомъ и огородничествомъ. Добываютъ себѣ пропитаніе весьма прибыльной охотой на моржей и тюленей, которыхъ въ изобиліи водится на сосѣднемъ островѣ Карагачѣ. Прекрасный тюленій мѣхъ играетъ главную роль въ костюмѣ коряковъ.

Четвертое племя осѣдлыхъ коряковъ, называемое — олуторзесъ — живетъ въ деревняхъ, разбросанныхъ вплоть до земли осѣдлыхъ чукчей. Живя по большей части въ земляныхъ юртахъ, они тѣмъ не менѣе носятъ одежду богато отдѣланную. Благодаря суровому климату страны, ихъ единственный промыселъ составляетъ рыбная ловля и охота, произведенія которыхъ служатъ для нихъ предметомъ обмѣна на все необходимое для ихъ существованія. Они выдѣлываютъ также въ большомъ количествѣ чемоданы изъ моржевой кожи, работа которыхъ отличается изяществомъ, и также множество красивыхъ вещицъ изъ моржевыхъ клыковъ, которыя свидѣтельствуютъ о большой способности этого народа къ разнаго рода ремесламъ. Изъ всѣхъ осѣдлыхъ корякскихъ племенъ олуторзесы имѣютъ наиболѣе правильное сложеніе: они высокаго роста, стройны и лицо ихъ выразительно и пріятно. Нравы ихъ имѣютъ большее сходство съ нравами кочевыхъ коряковъ и чукчей, тогда какъ рус-

ское вліяніе болѣе замѣтно на корякахъ, живущихъ въ южной части полуострова Камчатки; изъ нихъ почти всѣ христіане.

Коряки — кочевники, говорящіе на особомъ нарѣчіи, отличаются главнымъ образомъ отъ четырехъ вышеописанныхъ племенъ тѣмъ, что все ихъ существованіе зависитъ отъ оленеводства. Оленеводство было главной причиною сохраненія ихъ народности и древнихъ обычаевъ. Сѣверный кочевникъ имѣетъ весьма ограниченныя жизненныя потребности; есть у него кое-что, чѣмъ онъ можетъ утолить свой голодъ — онъ и счастливъ, и благословляетъ свою судьбу. У осѣдлыхъ же коряковъ, добывающихъ себѣ пропитаніе охотою, мы видимъ совершенно иное: если охота неудалась,—имъ нечего обмѣнять на зимніе съѣстные припасы, и тогда они принуждены питаться рыбою вмѣсто говядины, къ которой они уже привыкли. Вслѣдствіе неудачной охоты они дѣлаютъ долги, или идутъ въ батраки, утрачиваютъ такимъ образомъ свою независимость, забываютъ свои первобытные нравы и обычаи и національныя привычки.

Лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ этого зла служитъ оленеводство, которое обезпечиваетъ кочевниковъ вполнѣ въ матеріальномъ отношеніи. Коряки постоянно переходятъ огромныя пространства и остаются въ каждой мѣстности столько времени, пока въ ней не истощится кормъ для ихъ стадъ и пушный звѣрь для охоты; если мѣстность окажется неблагопріятною, они тотчасъ уходятъ оттуда со всѣми своими стадами и домашнимъ скарбомъ, и отправляются искать лучшаго убѣжища. Коряки-кочевники не знаютъ настоящей нужды; голодать имъ никогда не приходится; мѣновая торговля идетъ хорошо, подати русскому правительству платятъ они исправно и относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Корякъ-кочевникъ отличается удивительной неприхотливостью: олень снабжаетъ ихъ одеждою и шкура его служитъ также кровлею для ихъ жилищъ. Юрта, или чумъ, есть ни что иное, какъ круглая или четырехугольная палатка безъ всякихъ затѣй, покрытая тонкими дощечками, лѣтомъ обтянутыми кожею, а зимою недубленными оленьими шкурами. Простая обитая кожею дверь сдѣлана для входа. Верхняя часть юрты остается открытою для пропуска свѣта и выхода дыма; нижняя часть юрты имѣетъ отъ 4 до 6 саженъ въ діаметрѣ. Внутри юрты есть нѣсколько отдѣленій, увѣшанныхъ оленьими шкурами, которыя замѣняютъ собою постель, такъ-же, какъ и у чукчей. Почетное мѣсто находится въ самомъ отдаленномъ углу отъ входа. На ночь постели покрываются мягкими пушистыми шкурами, въ сосудѣ, на подобіе — лампы, жгутъ рыбій жиръ, отъ котораго жаръ и духота въ юртѣ становятся настолько сильными, что обитатели ея вынуждены спать совершенно голыми.

Мужчины носятъ зимою длинную одежду, обращенную шерстью внутрь; а лѣтомъ ту же одежду только не изъ мѣха, а изъ кожи; у женщинъ одежда такого же покроя, только нѣсколько шире и достаетъ только до колѣнъ. Къ этой одеждѣ онѣ одѣваютъ еще родъ кофты безъ рукавовъ, но сверхъ плечъ. Мужчины не носятъ этого дополнительнаго костюма. Мѣховые сапоги у женщинъ весьма тщательной работы и нерѣдко бываютъ украшены фальшивыми бусами. Зимніе сапоги шьются изъ недубленой оленьей шкуры, или, вѣрнѣе изъ оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ. Коряки носятъ также мѣховые чулки, обращенные шерстью внутрь, а лѣтомъ носятъ обувь, изготовляемую изъ сушеной травы. Праздничная одежда, особенно у женщинъ, отличается богатою отдѣлкою. Вся одежда, которую мы описали, носится безъ всякаго нижняго бѣлья. Головной уборъ состоитъ изъ одного только капишона.

Каждый ребенокъ при рожденіи получаетъ въ приданое извѣстное число оленей, которыхъ мѣтятъ, равно какъ и ихъ потомство особымъ знакомъ на ушахъ. Новорожденныхъ дѣтей матери носятъ на спинѣ, запеленанныхъ въ кожаный мѣшокъ, и носятъ ихъ такимъ образомъ, пока они научатся ходить; тогда на ребенка надѣ-

ваютъ платье особаго покроя, а на шестомъ году его одѣваютъуже какъ взрослаго.

На женщинѣ лежитъ все домашнее хозяйство, кромѣ того она обшиваетъ всю семью и занимается выдѣлкою оленьихъ шкуръ. На обязанностяхъ мужчины лежатъ всѣ тяжелыя работы по дому и внѣ дома. Молодые парни часто проводятъ лѣто со своими стадами далеко отъ юртъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, для болѣе удобнаго занятія рыбной ловлею; пастухамъ приходится питаться одними только кореньями или отъ звѣриной охоты, которая у сѣверныхъ кочевниковъ простирается и на морскихъ животныхъ, а преимущественно на тюленя, по причинѣ огромнаго количества жира, добываемаго изъ него. Добываніе лѣса для топлива сопряжено съ большими трудностями: нерѣдко корякамъ приходится пройдтись верстъ десятокъ и достать только немного мелкаго кустарника. Кромѣ всего этого, мужчины занимаются изготовленіемъ байдарокъ и саней, оружія для охоты, рыбной ловлею и мѣновой торговлею. Коряки ежегодно платятъ ясакъ пушнымъ звѣремъ и, кромѣ того, обязаны содержать почтовое сообщеніе съ Камчаткой.

Браки у коряковъ заключаются съ большими трудностями. Желающій жениться долженъ предварительно сдѣлать подарки своему будущему тестю; если подарки приняты, тогда женихъ поступаетъ въ услуженіе къ отцу своей невѣсты, и на него взваливаютъ самыя тяжелыя работы: заставляютъ пасти оленей и ухаживать за ними, добывать дрова и т. п. Съ невѣстою своей онъ никогда не говоритъ, да ее никто и не спрашиваетъ о согласіи, ея дѣло только повиноваться отцовской волѣ. Если женихъ нравится отцу невѣсты, тогда онъ за нѣсколько лѣтъ неутомимой работы—иногда испытаніе продолжается лѣтъ десять—отдаетъ ему въ награду свою дочь, весьма непривлекательную, благодаря ея крайней нечистоплотности. Въ случаѣ женихъ не нравится, ему отказываютъ безъ дальнихъ разсужденій, и тогда его многолѣтній тяжелый трудъ пропадаетъ ни за грошъ. Когда отецъ изъявитъ свое согласіе на бракъ, тогда въ юртѣ устраиваютъ особое отдѣленіе для новобрачныхъ, и наканунѣ дня свадьбы будущіе родственники жениха вмѣстѣ съ гостями приходятъ невзначай и начинаютъ бить жениха хлыстами. Если онъ терпѣливо переноситъ удары, то это доказываетъ, что онъ будетъ съ покорностью переносить всѣ жизненныя невзгоды, и тогда только, безъ соблюденія какихъ либо церемоній, его ведутъ къ женѣ, и бракъ считается совершеннымъ.

Многоженство допускается у коряковъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ только что описанныхъ формальностей всякій разъ, когда корякъ вздумаетъ вновь жениться: поэтому, по большей части, они довольствуются одной женою. Когда у коряка нѣсколько женъ, то у каждой изъ нихъ имѣется своя отдѣльная постель, и всегда одна какая нибудь жена пользуется правами старшей, а всѣ остальныя ей подчинены. Случаи ревности весьма рѣдки: всѣ жены коряка живутъ между собою въ добромъ согласіи и любятъ одного общаго мужа. Весьма понятно, что, вслѣдствіе тѣхъ трудностей, съ какими сопряженъ бракъ у коряковъ, супружеская невѣрность строго наказывается. Невѣрная жена выгоняется изъ дому вмѣстѣ съ ея дѣтьми, которыя теряютъ право на наслѣдство ихъ отца, а жена получаетъ обратно только своихъ оленей, данныхъ ей въ приданое. Слѣдуетъ еще сказать и то, что жена, уличенная въ невѣрности, крайне рѣдко выходитъ замужъ вторично. Корякъ можетъ выгнать изъ дому жену, не отдавая никому въ этомъ отчета; но подобные случаи бываютъ крайне рѣдко: коряки рѣшаются на такой поступокъ только по весьма важной причинѣ. Дѣвушки, дурнаго поведенія безпощадно убиваются ихъ отцами.

Наслѣдственность чрезвычайно строго соблюдается у коряковъ. Приданое жены остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія перваго ребенка; тогда только женино стадо оленей переходитъ во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Когда бракъ бываетъ без-

дѣтнымъ, тогда общія стада переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ родственникамъ. По смерти отца, дочери получаютъ всѣхъ оленей, родившихся отъ тѣхъ, которые были даны имъ при рожденіи; братья дѣлятъ остальное имущество между собою на равныя части. Вдова пользуется пожизненно приплодомъ отъ своихъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; но послѣ ея смерти это приданое переходитъ къ сыновьямъ, которые при каждомъ дѣлежѣ должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. На случай какихъ нибудь недоразумѣній, все должно рѣшаться по однажды установленнымъ правиламъ. Въ семьѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, овдовѣвши, или будучи холостякомъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату вдовцу не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Когда корякъ женится на вдовѣ, или на разведенной женѣ, онъ не исполняетъ никакихъ предварительныхъ домашнихъ работъ, бракъ заключается тотчасъ по обоюдномъ соглашеніи относительно условій, предлагаемыхъ обѣими сторонами. Все это служитъ доказательствомъ простоты и чистоты нравовъ этого народа, живущаго еще въ младенчествѣ.

Въ семейной жизни, какъ мужья и какъ отцы, — коряки отличаются нѣжностью чувствъ. Отъ природы они добры, честны и справедливы. Гостепріимны до неразсчетливости: другу своему они отдаютъ послѣдній грошъ. Темперамента они по большей части живаго, любятъ поострить, надѣлены отъ природы здравымъ смысломъ, горячимъ воображеніемъ и иногда отпускаютъ весьма удачныя остроты. Но если ихъ обидѣть, — тогда они не скоро забудутъ нанесенной имъ обиды и при случаѣ отомстятъ за нее. Вообще въ нихъ хорошія качества берутъ верхъ надъ дурными, но, тѣмъ не менѣе, всякій мало-мальски образованный человѣкъ невольно отталкивается отъ нихъ по причинѣ ихъ крайней нечистоплотности, перешедшей всѣ границы; невозможно безъ полнѣйшаго отвращенія смотрѣть на приготовленіе ихъ пищи; одежда ихъ съ головы до ногъ усѣяна разными скверными насѣкомыми; съ самого дня рожденія они никогда не моются; только случайно какъ нибудь выкупаются въ водѣ, упавши напр. въ рѣку.

Административное управленіе у коряковъ весьма несложное: старшій въ юртѣ разбираетъ всѣ споры и несогласія, и его рѣшенію всѣ должны подчиняться; также точно чинятъ судъ и расправу старшины въ каждомъ племени; у кочевыхъ коряковъ такихъ старшинъ восемь. Коряки очень ловки въ ѣздѣ, они пробираются на нартѣ, или на четверкѣ оленей по самымъ опаснымъ дикимъ мѣстамъ, наблюдая за своими стадами, иногда довольно многочисленными, или охотясь за пушнымъ звѣремъ. Лѣтомъ они пасутъ своихъ оленей въ горахъ, чтобы доставить имъ лучшій кормъ на богатыхъ пастбищахъ. Число коряковъ кочевниковъ въ Гижигинскѣ и Петропавловскѣ простирается до 1750 человѣкъ; если къ нимъ прибавить еще 1000 душъ, бродящихъ на границѣ земли Чукчей, тогда будетъ 2750 кочевниковъ обоего пола, что составитъ вмѣстѣ съ осѣдлыми коряками населеніе отъ 4000 до 4500 душъ.

Коряки отличаются силою и здоровьемъ и живутъ по большей части до глубокой старости; но постоянное житье ихъ въ курныхъ землянкахъ губительно отражается на зрѣніи — почти всѣ они страдаютъ отъ воспаленія глазъ. Большую смертность между коряками причиняютъ эпидеміи, хотя и рѣдкія, но за то необыкновенно злокачественныя, какъ напр. оспа, корь, лихорадки. Эпидеміи эти были бы не столь ужасны, если бы коряки не боялись такъ употребленія воды и были бы чистоплотнѣе. За больными коряки ухаживаютъ съ соболѣзнованіемъ и никогда не отказываютъ имъ ни въ лекарствахъ, ни въ религіозномъ утѣшеніи; но какъ только они убѣдятся, что всѣ средства безсильны спасти больнаго, они безпощадно убиваютъ его, если онъ не въ силахъ покончить самъ съ собою. Убиваютъ его потому, чтобы избавить отъ злаго духа. Этотъ варварскій обычай

КОРЯКИ

Лазарь Борисович Лурье

выводится понемногу изъ употребленія, подъ вліяніемъ христіанской религіи.

Коряки вѣруютъ, что по смерти настанетъ новая жизнь, подобно жизни на землѣ. Эта вѣра раздѣляется и другими азіятскими народами, болѣе ихъ образованными. Мертвыхъ сожигаютъ вмѣстѣ съ ихъ оленями, которыхъ предварительно убиваютъ, съ санями, съ оружіемъ и домашней утварью, для того чтобы дымъ поднимался къ небу одновременно съ духомъ умершаго, и чтобы умершій, явившись на тотъ свѣтъ, имѣлъ бы все подъ рукою, что необходимо для жизни кочевника. Погребеніе, совершенное инымъ образомъ, считается коряками позорнымъ для умершаго. На могилѣ, или, вѣрнѣе, на кострѣ убиваютъ всѣхъ приведенныхъ туда оленей; тѣхъ изъ нихъ съѣдаютъ, которые не обречены на сожженіе; домой съ могилы возвращаются не раньше, когда трупъ умершаго совершенно истлѣлъ.

Коряки-кочевники еще не обращены въ христіанство. Они придерживаются шаманской религіи, въ которой перемѣшаны боязнь съ благоговѣніемъ къ добрымъ и злымъ духамъ. Добрый духъ, называемый ими Апапель (что означаетъ древній), властитель и творецъ вселенной, почитается коряками какъ верховное существо; но такъ какъ они увѣрены, что онъ предоставляетъ людямъ самимъ бороться противъ злыхъ духовъ, поэтому къ нему рѣдко обращаются съ какими-либо просьбами. Все богослуженіе у нихъ имѣетъ одну только цѣль умилостивленія злыхъ духовъ, дабы они не могли вредить людямъ. Коряки, подобно чукчамъ, вѣрятъ въ присутствіе злаго духа въ каждомъ жилищѣ. Люди, наиболѣе одаренные отъ природы, исполняютъ обязанности священниковъ, знахарей и лекарей; всѣ ихъ обряды совершаются съ одинаковыми церемоніями, какъ у тунгусовъ. У коряковъ, какъ и у чукчей, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ олень играетъ первую роль. Между хищными животными волкъ пользуется у нихъ особымъ почетомъ, какъ служитель демона: его никто не смѣетъ ни убивать, ни даже стрѣлять въ него; шкура его употребляется при совершеніи нѣкоторыхъ священныхъ обрядовъ. Коряки склонны къ самоубійству, думая, что оно избавляетъ ихъ отъ мучительныхъ болѣзней и другихъ бѣдъ, которыя они приписываютъ кознямъ злыхъ духовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность блаженствовать и пользоваться милостями добраго духа въ загробной жизни.

LI. КУРИЛЬЦЫ, ИЛИ АЙНОСЫ.

Одного происхожденія съ камчадалами, но связанные болѣе тѣсными узами съ гиляками, курильцы живутъ на островахъ того же имени и сѣверной части острова Сахалина. По численности своей это самое незначительное племя; въ настоящее время отъ этого народа осталось всего только нѣсколько сотенъ людей обоего пола.

Курильцы отличаются продолговатымъ и плоскимъ лицомъ, темной бородою и темными волосами, но такими густыми и длинными, что они покрываютъ все тѣло. Они очень угрюмы и склонны къ самоубійству. Потребности ихъ весьма ограничены, и они удовлетворяютъ ихъ насколько это возможно при ихъ бродячемъ образѣ жизни, вдоль острововъ, образующихъ цѣпь Курильскихъ и на которые они отправляются на своихъ челнокахъ, называемыхъ байдарками. Жилищъ постоянныхъ не имѣютъ, но живутъ въ земляныхъ, или юртахъ, построенныхъ изъ плувучаго лѣса, годныхъ только для зимняго жилья, и покидаютъ ихъ лѣтомъ.

Айносы, или курильцы, могутъ назваться кочевниками; на своихъ байдаркахъ они постоянно снуютъ съ мѣста на мѣсто и всего точнѣе, было бы назвать ихъ «морскими кочевниками». Любимое мѣсто ихъ экскурсій островъ Парамуширъ, самый большой изъ Курильскихъ острововъ. Они ежегодно занимаются мѣновой торговлею; главный промыселъ ихъ составляетъ торговля камчатскими бобрами.

Какъ русскіе поданные они живутъ на островѣ Сахалинѣ.

LII. ГИЛЯКИ.

Гиляки, или гилемы, или, какъ они сами называютъ себя,—килены, еще очень недавно были совершенно самобытнымъ народомъ, но въ настоящее время, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, живущими на Амурѣ, стали забывать свой родной языкъ и измѣнять своимъ прежнимъ нравамъ и обычаямъ. Русское вліяніе съ невѣроятной быстротою распространилось между гиляками, и можно безошибочно сказать, что въ весьма недалекомъ будущемъ и это племя войдетъ въ составъ тѣхъ народовъ, которые испытали на себѣ превосходство европейской цивилизаціи, почти всегда благодѣтельное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующее разрушающимъ образомъ на первобытные нравы и на коренной духъ національности.

По всей вѣроятности, гиляки одного происхожденія съ своими сосѣдями—курильцами. Они живутъ по берегамъ Амура, начиная отъ самаго устья рѣки и на протяженіи 200 верстъ по верховью ея; затѣмъ по берегамъ этой рѣки, по направленію къ сѣверу на протяженіи 100 верстъ, и къ югу вплоть до мыса Лазарева, и также по низовью р. Уссури и на островѣ Сахалинѣ. Первое селеніе гиляковъ на Амурѣ—Уктаръ; здѣсь они живутъ въ сообществѣ съ мангутами, а въ селеніи Керехѣ живутъ исключительно одни только гиляки. Вдоль береговъ Амура расположено до сорока гилякскихъ деревушекъ, и еще съ десятокъ ихъ можно встрѣтить къ сѣверу и къ югу отъ устья Амура, изъ которыхъ Колъ находится въ 25 верстахъ отъ Петровска (наз. прежде Петровское-Зимовье).

Все пространство земли, занимаемое гиляками, окружено и съ сѣвера и съ запада племенами тунгусовъ, среди которыхъ они сами кажутся пришельцами. Русскіе совершенно неправильно подразумѣваютъ подъ общимъ названіемъ гиляковъ всѣ племена гиляковъ и тунгусовъ, живущія по низовью Амура. Гораздо болѣе основанія предполагать, что гиляки никто иные, какъ тшангъ - мао-дзи, (т. е. люди съ длинными волосами) — китайцы.

Образъ жизни гиляковъ весьма схожъ съ тунгусами, живущими по низовью Амура. Какъ народъ, добывающій себѣ пропитаніе исключительно рыбной ловлею и охотою, они и по развитію своему ни въ чемъ не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ только наружности и языка, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ тунгускимъ языкомъ; языкъ гиляковъ замѣчателенъ множествомъ слоговъ.

Гиляки болѣе крѣпкаго сложенія, чѣмъ тунгусы. Лицо у нихъ широкое, или, вѣрнѣе сказать, четырехугольное, глаза маленькіе, по большей части черные или темно-каріе, но менѣе выразительны, чѣмъ у послѣднихъ. Ротъ крошечный, а губы необыкновенно толстыя, даже безобразныя. Носъ маленькій, толстый и вздернутый; брови чрезвычайно густыя и рѣзко очерченныя. Волоса черные, густые и у большинства вьющіеся; борода гораздо гуще, чѣмъ у тунгусовъ.

Доброта составляетъ отличительную черту гиляковъ; при этомъ они трудолюбивы, энергичны и питаютъ гораздо большую любовь къ независимости, чѣмъ тунгусы. Нельзя сказать, чтобы у гиляковъ не было примѣси чужаго элемента, это становится особенно замѣтнымъ въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ мангутами и около устья Ангуна, гдѣ живутъ тунгусы, въ прежнее время независимые отъ китайцевъ, и съ которыми они вели больше мѣновой торговли, нежели платили имъ дань. Въ настоящее время гиляки окончательно подчинены русскимъ.

Одежда гиляковъ и ихъ маленькія лодочки имѣютъ сходство съ мангутами и голдами (см. тунгусовъ, живущихъ на Амурѣ), съ тою только разницею, что гиляки украшаютъ свою одежду рыбьей чешуею. Женская одежда и головной уборъ совершенно такіе же, какъ у тунгусовъ, а равно и зимнее жилище. Огнестрѣльное оружіе весьма рѣдко можно встрѣтить у гиляковъ. Главную и любимую пищу ихъ составляетъ рыба, и нѣтъ въ мірѣ націи болѣе искусной и страстной въ рыбной ловлѣ, какъ гиляки. Что касается до ремеслъ, то въ рѣзьбѣ на деревѣ гиляки довольно искусны. Они не зовутъ другъ друга по фамиліи, но придерживаются американскаго обычая (у нѣкоторыхъ народцевъ) называть разными прозвищами. Кровавая месть въ ходу въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда еще не успѣла проникнуть христіанская религія. Многіе изъ гиляковъ уже приняли христіанство, но нѣкоторые придерживаются шаманства и весьма тщательно скрываютъ своихъ идоловъ. Мертвыхъ не хоронятъ въ гробахъ, какъ у тунгусовъ, а сожигаютъ.

LIII. АМУРСКІЕ ТУНГУЗЫ.

Чтобы покончить съ инородцами сѣверной Азіи, необходимо привести еще орочонъ и манегровъ, живущихъ по рѣкамъ Амуру и Уссури и принадлежащихъ къ тунгузскому племени. Амуръ принадлежитъ къ величайшимъ рѣкамъ въ свѣтѣ; отъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни до моря течетъ онъ на протяженіи 3,000 верстъ. Бассейнъ его охватываетъ до 38,000 квадр. миль; Амуръ со всѣми своими притоками, есть рѣка преимущественно тунгузская, т. е. населенная тунгузскими племенами, такъ какъ только страна, лежащая при устьѣ его, населена другимъ народомъ, такъ называемыми гиляками, который принадлежитъ уже къ курильскому племени.

Отъ соединенія Шилки и Аргуни до устья Кумары на протяженіи отъ 600 до 650 верстъ живутъ тунгузскія племена, извѣстныя подъ именемъ «орочонъ» и «манегровъ». Орочоны различаются главнѣйшимъ образомъ отъ манегровъ тѣмъ, что они употребляютъ для ѣзды оленей, манегры же лошадей. Надобно замѣтить, что вліяніе Китая на одежду, равно какъ на нравы и обычаи этого народа, тѣмъ болѣе бросается въ глаза, чѣмъ далѣе спускаешься внизъ по рѣкѣ.

Орочоны и манегры большею частію маленькаго роста, рѣдко превышающаго средній, и вообще худощавы; руки и ноги очень тонки, что особенно, при далеко выдающемся у дѣтей животѣ, непріятно поражаетъ глазъ. Плоское лицо, на которомъ нерѣдко возвышается довольно острый большой носъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами и маленькіе черные или каріе, нѣсколько заспанные глаза съ рѣдкими рѣсницами, волосы черные и гладкіе, борода короткая—характеризуютъ орочонскую физіономію.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося до колѣнъ, мѣховаго или кожанаго камзола, подъ которымъ обыкновенно носятъ короткое или длинное, похожее на халатъ, исподнее платье, купленное у китайцевъ, или сдѣланное дома изъ китайской хлопчатой бумаги на китайскій образецъ. Рубашки носятъ рѣдко и то преимущественно тѣ изъ орочоновъ, которые получили ихъ отъ русскихъ. Бедра они одѣваютъ парою очень коротких брюкъ, большею частію кожаныхъ, между тѣмъ какъ ноги обуваютъ въ сапоги, доходящіе до половины икръ, съ нѣсколько загнутыми на пяткахъ подошвами изъ оленьей и лошадиной кожи, мѣхомъ наружу. На остальную часть ноги надѣваютъ узкія, похожія на чулки, панталоны, изъ кожи или хлопча то-бумажной матеріи, которыя почти отъ лодыжекъ доходятъ до половины лядвеи, такъ что закрываютъ нижній край брюкъ и верхній край сапогъ. У манегровъ попадаются иногда и китайскіе сапоги съ толстыми бумажными или войлочными подошвами, у которыхъ красиво вышитыя голенища не обтянуты ремнями, но свободно доходятъ до нижняго края узкихъ панталонъ. Камзолъ опоясываетъ кожанымъ, тканымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ, который обыкновенно застегивается пряжкою и заключаетъ въ себѣ различныя вещи, необходимыя для повседневнаго употребленія. Здѣсь находятся: мѣшечекъ для табаку, мѣсто для кремня и огнива, кошелекъ для трубки, желѣзная игла для прочистки трубки, уховертка, щипчики для вырыванія волосъ изъ бороды, красивые денежные кошельки и тому подобныя вещи, которыя

почти всѣ китайскаго производства. Очень часто недостаетъ въ уборѣ того или другаго предмета; но никогда не лишенъ онъ курительнаго снаряда и ножа.

Волосы на головѣ мужчинъ большею частію подстригаются на лбу и вискахъ и заплетены въ длинную, сзади висящую, косу обвязанную лентами и кожанными ремешками, иногда заключающую въ себѣ вплетенную въ нее кипарисную кору и банты *). Только у нѣкоторыхъ орочоновъ нѣтъ косы, и тогда небритые волосы висятъ свободно на затылкѣ и на щекахъ. Головной уборъ состоитъ изъ дома приготовляемыхъ полукруглыхъ мѣховыхъ и кожаныхъ шапокъ, украшенныхъ на верхушкѣ шелковою кистью, и еще чаще изъ китайскихъ войлочныхъ шапокъ. На большомъ пальцѣ правой руки почти всѣ мужчины постоянно носятъ кольцо изъ кости, дерева и пр., которое первоначально служило для натягиванія лука, но и нынѣ, когда лукъ все болѣе и болѣе вытѣсняется огнестрѣльнымъ оружіемъ, находится во всеобщемъ употребленіи и нерѣдко находитъ себѣ приложеніе при кулачныхъ бояхъ. Изъ украшеній мужчины носятъ на кистяхъ рукъ кольца изъ желтой мѣди. Бороду и усы носятъ только старики и пожилые люди, бакенбарды и иногда бородку старательно вырываютъ.

Одежда женщинъ почти совершенно подобна мужской; только камзолы ихъ длиннѣе, доходятъ иногда до лодыжекъ и бываютъ украшены большею частію разноцвѣтными полосами. Поясъ никогда не заключаетъ въ себѣ ножа, но почти всегда курительный снарядъ,— послѣднее потому, что женщины и даже дѣти любятъ куреніе почти такъ же, какъ и мужчины. Волосъ онѣ не стригутъ, но разчесываютъ посреди головы отъ лба до затылка и заплетаютъ въ двѣ косы, которыя кладутъ кольцомъ около головы и связываютъ концами на лбу или затылкѣ посредствомъ бантовъ, украшенныхъ вплетеннымъ въ нихъ жемчугомъ, кипарисною корою и проч.

Хотя орочоны и манегры имѣютъ постоянныя осѣдлыя жилища, но большею частію они кочуютъ, на недалеко простирающейся окружности и въ одинаковыя времена года опять возвращаются на прежнія, заранѣе избранныя ими мѣста. Лѣтомъ держатся они преимущественно береговъ Амура и его притоковъ. Зимою часто удаляются въ лѣса, не оставляя, впрочемъ, совершенно рыбной ловли, и занимаются преимущественно охотою. При этихъ переселеніяхъ, нагружаютъ своими бѣдными пожитками орочоны оленей, манегры лошадей, и эти животныя, вмѣстѣ съ большимъ или меньшимъ количествомъ собакъ, суть единственныя домашнія животныя, которыми владѣютъ эти народы.

Ихъ жилища состоятъ изъ наскоро построенныхъ и легко разружаемыхъ конусообразныхъ юртъ изъ березовой коры.

Внутри юрты находится посреди сдѣланный изъ земли очагъ, т. е. мѣсто, гдѣ разводятъ огонь, при чемъ незамѣтно другаго устройства, кромѣ похожаго на яму углубленія. По стѣнамъ юрты находятся кругомъ скамейки, служащія ночью постелями. На землѣ разостланы толстыя одѣяла изъ оленьяго или лосиннаго войлока, покрытыя иногда красиво вышитыми мѣховыми ковриками, на которыхъ и сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Мѣсто противъ входа въ задней части юрты называется *«маллу»*; оно назначается для гостей, и женщины не должны на него никогда вступать; направо и налѣво находятся мѣста, называемыя *бе*, на которыхъ сидятъ равно мужчины и женщины. Каждый гость приглашается хозяиномъ тотчасъ сѣсть, и какъ-скоро это исполнено, ему подаютъ закуренную трубку, которую гость, покуривъ нѣсколько, передаетъ сосѣду, который, въ свою очередь, поступаетъ такъ же, что продолжается до тѣхъ поръ, пока трубка не погаснетъ.

*) Этотъ маньчжурскій обычай со времени ихъ владычества надъ Китаемъ перешелъ и къ китайцамъ, равно какъ и ко всѣмъ остальнымъ народамъ, состоящимъ подъ властію китайской имперіи.

Въ каждой юртѣ находятся, кромѣ того, одна или нѣсколько колыбелей; большею частію люльку образуютъ два связанные листа древесной коры, наклоненные болѣе или менѣе одинъ къ другому. Изъ этого выходитъ довольно плоское продолговатое корыто, дно котораго состоитъ или изъ кожи, мѣха, или же изъ коры; отъ средины каждаго верхняго края и отъ точекъ соединенія обоихъ листовъ идутъ, числомъ четыре, крѣпкія веревки, связывающіяся надъ люлькою и держащія ее на воздухѣ, когда концы ихъ бываютъ привязаны къ жердямъ юрты. Посредствомъ удлиненія и сокращенія этихъ веревокъ даютъ обѣимъ половинкамъ колыбели болѣе или менѣе наклонное положеніе, такъ что находящійся въ колыбели ребенокъ, по волѣ родителей, или сидитъ, или лежитъ. Часто края, или внѣшнія стороны колыбели увѣшаны китайскими монетами, мѣдными пластинками и пр., ударяющимися другъ о друга при качаніи колыбели; также употребляютъ дѣтскія погремушки, состоящія изъ связанныхъ въ одинъ узелъ зубовъ и костей разнаго рода.

Въ то время, какъ мужчины ловятъ рыбу и охотятся, женщины обязаны заботиться о всѣхъ остальныхъ занятіяхъ: онѣ ставятъ и снимаютъ юрты, разгружаютъ оленей или лошадей, приготовляютъ кушанье, дубятъ кожи, шьютъ платья, приготовляютъ кору и пр. Шьютъ женщины желѣзными иголками и нитками, приготовляемыми изъ оленьихъ и лосиныхъ жилъ.

Рыбная ловля въ то время года, когда рѣки не покрыты льдомъ, составляютъ главную вѣтвь промышленности орочоновъ и манегровъ, хотя они и зимою, при помощи прорубленныхъ во льду отверстій, умѣютъ снабжать себя свѣжею рыбою. Сѣти видишь рѣдко и, притомъ, преимущественно у орочоновъ, заимствовавшихъ ихъ у русскихъ.

Охота, которая лѣтомъ бываетъ только случайная, зимою составляетъ главное занятіе орочоновъ и манегровъ. Тогда разсыпаются они большею частію малыми и большими группами по лѣсамъ и возвращаются, послѣ неопредѣленнаго срока, съ полученною добычею назадъ въ свои юрты, чтобы вскорѣ снова разойтись. Предметы охоты суть: бѣлки, соболи, куницы, серны, олени, лоси, лисицы, россомахи и иногда медвѣди. Существовавшіе у нихъ съ древнѣйшихъ временъ луки и стрѣлы теперь почти совершенно вытѣснены ружьями, заимствованными у русскихъ или у китайцевъ. Русскія ружья, находимыя особенно у орочоновъ, совершенно сходны съ употребляемыми у сибирскихъ крестьянъ и всѣ снабжены кремневымъ замкомъ; стволъ большею частію малаго калибра, назначенный для пульки величиною съ горошину, и рѣдко случается видѣть у нихъ ружья и для болѣе крупныхъ пуль. На охотѣ пользуются они, какъ и сибиряки, такъ называемыми сошками, которыя здѣсь нерѣдко придѣланы къ переднему концу ствола. Фитиль дѣлается изъ иновыхъ лыкъ, сплетенныхъ или свернутыхъ въ веревку, и охотникъ, чтобы можно было его на охотѣ зажечь всякую минуту, носитъ постоянно съ собою длинный, тлѣющій древесный трутъ, насаженный на желѣзный буравчикъ который, при помощи деревянной ручки, втыкается между верхнимъ платьемъ и поясомъ охотника.

Такъ какъ порохъ и свинецъ добываютъ орочоны и манегры мѣною и, притомъ, только случайно могутъ получить объ эти вещи, то они у нихъ очень цѣнятся, и рѣдко можно найти такого, который бы разрядилъ ружье, не будучи увѣренъ въ томъ, что онъ вѣрно попадетъ въ цѣль. Ихъ ловкость въ стрѣльбѣ вообще очень велика.

Мясо добытыхъ на охотѣ оленей, сернъ, лосей и проч. сушится точно также, какъ рыба и икра осетровъ; послѣдняя сохраняется въ видѣ скатанныхъ шариковъ и очень не вкусна.

Такъ какъ орочоны и манегры, какъ народъ кочевой, промышляющій только охотою и рыбною ловлею, стоятъ еще на очень низкой степени развитія, то объ ихъ образованіи можно сказать только очень мало. Изъ идоловъ путешественники видѣли только одного, называемаго «тшево», и то въ одной только юртѣ. Это былъ гладкій,

круглый обрубокъ дерева, представлявшій лицо съ двумя большими вычерненными глазами, широкимъ ртомъ и надрѣзаннымъ носомъ и висѣвшій на одной изъ жердей юрты, привязанный шнуркомъ за верхнюю выдающуюся часть. На этой выдающейся передней части были прикрѣплены шесть рядовъ маленькихъ, сшитыхъ нитками, трехугольныхъ кусочковъ мѣха, которые, вися съ обѣихъ сторонъ лица, казалось, представляли локоны; подъ подбородкомъ было нѣчто въ родѣ шеи, снабженной по сторонамъ зарубками и частію покрытой большимъ кускомъ мѣха, представляющимъ бороду. Сзади юртъ нерѣдко бросаются въ глаза жерди, стоящія поодиночкѣ и связанныя по три, на которыхъ на ниткахъ висятъ небольшіе свертки бересты, заключающіе въ себѣ или представляющіе собою образы божества; но ближайшее ихъ значеніе еще неизвѣстно. На деревянныхъ подмосткахъ, поставленныхъ для вѣшанія сухой рыбы и мяса, висятъ пучки конскаго волоса, обрывки матерій, плечныя лопатки оленей и другихъ животныхъ; иногда здѣсь же видишь положенныя на доски жертвы богамъ, состоящія изъ рыбы и мяса. Религіозные обряды, равно какъ у сибирскихъ тунгусовъ, якутовъ и одной части бурятъ совершаются такъ называемыми шаманами, которые суть жрецы, гадатели и вмѣстѣ съ тѣмъ врачи. Амулетами, или талисманами считаются у нихъ, кажется, зубы и когти различныхъ звѣрей. Ихъ носятъ на поясахъ и шейныхъ повязкахъ, между тѣмъ какъ больное мѣсто они лечатъ ихъ изображеніями, вырѣзанными большею частію на деревѣ. У хромыхъ людей видѣлъ г. Герстфельдъ на больномъ мѣстѣ висячія ножки и бедра, сдѣланныя изъ дерева; у больныхъ грудью замѣчалъ онъ на шеѣ висящую деревянную, на подобіе сердца, штучку и проч. Больные глаза, что, кажется, у нихъ часто встрѣчается, защищаютъ они тонкими, сплетенными изъ конскаго волоса повязками — *сараптши*. Всѣ орочоны и манегры, кажется, владѣютъ одною только женою, на которой женятся нерѣдко ранѣе эпохи возмужалости; жена у нихъ является въ качествѣ работницы. Умершіе обыкновенно закапываются въ землю по близости юртъ, и надъ мѣстомъ погребенія выстраиваютъ маленькій, низенькій четырехугольный домикъ или же только покрышку, держащуюся на нѣсколькихъ жердяхъ и защищающую, наподобіе зонтика, могильное мѣсто отъ дождя и солнца. Могильные домики нерѣдко украшены рѣзною работою, представляющею лошадиныя головы и проч.

На протяженіи отъ устья Кумары до устья Уссури живутъ по Амуру тунгузскіе народы, отличающіеся какъ отъ орочоновъ и манегровъ, такъ и отъ другихъ близкихъ по происхожденію племенъ при истокѣ Уссури, во многихъ отношеніяхъ и вообще, кажется, стоящія на высшей степени развитія. Отъ орочоновъ и манегровъ отличаются они главнѣйшимъ образомъ болѣе высокимъ и крѣпкимъ станомъ, худощавымъ, овальнымъ лицомъ съ острымъ выдающимся носомъ и менѣе широкими щеками. Языкъ ихъ, кажется, не смотря на туземное, глухое горловое произношеніе, мягче, нежели у обоихъ названныхъ нами народовъ. Большею частію они имѣютъ постоянныя жилища, занимаются болѣе или менѣе садоводствомъ, и китайское вліяніе на нихъ замѣтно болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Амурѣ, въ одеждѣ, образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

Отъ Кумары до устья Зеи, на пространствѣ около 200 верстъ, берега Амура населены такъ же рѣдко, какъ и въ области орочоновъ и манегровъ. Мѣстами только встрѣчаются коническія юрты, покрытыя берестою или даже просто тростникомъ, жители которыхъ живутъ совершенно такъ же, какъ манегры, имѣя единственными домашними животными собакъ и иногда лошадей. Кромѣ того, находишь у нихъ дома, стоящіе поодиночкѣ или по два и по три вмѣстѣ. Вблизи этихъ постоянныхъ жилищъ пасутся рогатый скотъ и табуны лошадей. У нихъ уже есть тяжелыя двухколесныя телѣжки, съ колесами, вертящимися вмѣстѣ съ осью. Дома, окруженные садами, въ которыхъ разсаживаютъ овощи и всякую зелень, тамъ и

сямъ поля, преимущественно засѣянныя пшеницею, изъ которой мѣстные, не-кочующіе жители пекутъ хлѣбъ, неизвѣстный орочонамъ и манегрямъ встрѣчаются нерѣдко.

Населеннѣйшая часть и центральный пунктъ цивилизаціи на Амурѣ встрѣчается внизъ отъ *устья Зеи*, и только на небольшомъ пространствѣ отъ 60—70 веретъ. Здѣсь, на самомъ берегу и въ небольшомъ разстояніи отъ него, стоятъ 25 — 30, болѣе или менѣе значительныхъ селеній, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ. Посреди, на правомъ берегу Амура, лежитъ городъ Сахалинъ-Ула-Хотонъ (у манчьжуровъ), или Гелонгкіанъ-шенъ (у китайцевъ), т. е. Амуръ-городъ, мѣсто жительства губернатора, или начальника надъ войсками, хотя столицею китайскаго охраннаго округа Гелонгкіанъ считается городъ Цицикаръ. Селенія, состоящія изъ 10 до 40 50 и иногда до 100 домовъ, построены или на возвышенномъ краю берега, въ тѣни вѣтвистыхъ деревъ, или лежатъ на плоскихъ, песчаныхъ островахъ и полуостровахъ, между печальными ивовыми кустами. Городъ, выше котораго, въ маломъ растояніи, на правомъ берегу, находится родъ гавани для небольшихъ военныхъ судовъ, съ пристроенною къ ней батареею, простирается по берегу на 3 версты и около 2—3 верстъ внутрь страны. Надъ однообразными крышами домовъ выдаются нѣсколько паръ палокъ съ флагами, почти такихъ же, какія стоятъ на ламайскихъ храмахъ, и деревянная изгородь, окружающая жилище губернатора и имѣющая въ одинаковыхъ разстояніяхъ высокія и низкія отдѣленія, похожія на зубчатую стѣну. Одинъ изъ храмовъ, которыхъ довольно много замѣтно въ городѣ, стоитъ довольно близко къ берегу и рѣзко противорѣчитъ своимъ краснымъ полосатымъ куполомъ сброжелтой массѣ всѣхъ другихъ домовъ. Внутри и между этихъ селеній господствуетъ довольно одушевленная жизнь. Двуколесныя, нагруженныя мѣшками телѣги, везомыя быками, двигаются медленно по дурнымъ дорогамъ. Сады и поля заняты работниками, и между ними на лугахъ пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей. По рѣкѣ скользятъ быстрыя рыболовныя лодки, между тѣмъ какъ большія суда, мачты которыхъ украшены флюгерами и длинными вымпелами, а нижняя часть покрыта рогожами, медленно плывутъ по теченію или же, посредствомъ длинной веревки, тянутся вверхъ по рѣкѣ людьми, идущими по краю берега. *Отсюда до хребта горъ, пересѣкаемаго въ нижнихъ частяхъ своихъ Амуромъ* (между устьями Нюмёна, или Буреи и Сунгари), на полосѣ отъ 350 до 400 верстъ находятся точно также, какъ вверхъ по Зеѣ, только разсѣянно стоящія хижины и коническія юрты. Хижины стоятъ опять по двѣ и по три вмѣстѣ, преимущественно на правомъ берегу Амура, и подлѣ нихъ сады и загородки для рогатаго скота и лошадей. Эти животныя, впрочемъ, становятся все рѣже. Юрты видишь опять чаще и иногда большими группами какъ направо, такъ и налѣво; ихъ конусообразная жердяная постройка покрыта листами бересты, корою хвойныхъ деревъ, тростникомъ или хворостомъ, или переплетена наподобіе корзины ивовыми прутьями, или же наконецъ состоитъ изъ чаще, нежели обыкновенно, поставленныхъ другъ подлѣ друга деревянныхъ жердей, безъ всякой другой покрышки. Подлѣ нихъ возвышаются подмостки для сушенія рыбы, какъ у орочоновъ и манегровъ, съ которыми эти обитатели юрты нерѣдко сходствуютъ по одеждѣ и образу жизни, хотя образованіе ихъ тѣла приближаетъ ихъ къ даурійцамъ, обитателямъ хижинъ.

Жители селеній и одиноко стоящихъ домовъ одѣваются почти такъ же, какъ китайцы. Мужчины носятъ длинные халаты синяго и рѣже бѣлаго цвѣта и сверхъ нихъ куртки, похожія на жилеты, затѣмъ употребительное у китайцевъ нижнее платье и сапоги съ толстыми картонными подошвами. Голова на переди и по сторонамъ острижена; назади носятъ они длинную косу; покрывается голова китайскими шляпами и шапками. Мѣховую и кожаную одежду видишь почти только у одной части обитателей юртъ, между тѣмъ

АЙНОСЫ И ГИЛЯКИ.

ШАМАНЪ И ШАМАНКА.

Digitized by Google

какъ остальные одѣваются по-китайски. Женщины появляются въ длинныхъ, похожихъ на халаты, достигающихъ до колѣнъ одеждахъ, большею частію изъ синей бумажной матеріи, съ короткими и широкими рукавами и, сверхъ того, нерѣдко ниспадающею до бедръ шелковой, покрытой узорами «курмою». Волосы у нихъ со всѣхъ сторонъ зачесываются на затылокъ и заплетаются въ толстую косу, которая свертывается на подобіе башни, съ узломъ на концѣ, и придерживается высокою гребенкою, украшенными жемчугомъ головными булавками или бантами съ цвѣтами. Серьги, кольца и браслеты, служащіе украшеніемъ, дѣлаются очень искусно и съ большимъ вкусомъ изъ благородныхъ металловъ. Трубки и опахала находятся въ употребленіи у обоихъ половъ; но за то видишь у однихъ мужчинъ поясъ, съ привѣшанными къ нему футляромъ для ножа и палочки для ѣзды, табачнымъ кисетомъ, мѣшечкомъ для трута и т. п. Малолѣтнихъ дѣтей матери носятъ съ собою на спинѣ; изъ болѣе взрослыхъ дѣвочки имѣютъ такія же платья, какъ и матери, а мальчики до 6 и 7 лѣтняго возраста ходятъ съ открытою верхнею частію тѣла и съ панталонами до пояса.

Хижины, какъ одиноко стоящія, такъ и тѣ, которыя въ сложности составляютъ деревни, окружены почти всегда большимъ дворомъ, въ который входишь посредствомъ двери; изгородь дѣлается изъ перпендикулярныхъ, часто другъ подлѣ друга поставленныхъ столбовъ или изъ болѣе рѣдкихъ, переплетенныхъ и связанныхъ взаимно ивовыми прутьями жердей. Между садами, производящими бобы, табакъ, тыквы и другія растенія, стоитъ домъ по срединѣ двора; онъ построенъ изъ дерева и глины, длиною въ нѣсколько саженъ и почти столько же въ ширину, имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ сажени высоты и покрытъ кровлею изъ гладкаго остриженнаго тростника и соломы.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ жителей этой области Амура, кромѣ ламайскихъ міаосъ (храмовъ), находящихся только въ городѣ и военныхъ сторожевыхъ постахъ, даютъ нѣкоторое понятіе устроенные снаружи многихъ домовъ шкафики и рамки. Эти шкафы и рамы, замѣчаемые особенно въ сосѣднихъ городу селеніяхъ, заключаютъ въ себѣ китайскія и маньчжурскія надписи и идоловъ, передъ которыми стоятъ жаровни съ курящимися ароматами. Кромѣ того, передъ многими домами видишь на дворѣ, противъ входа, четырехугольныя деревянныя ширмы, вышиною и шириною въ нѣсколько футовъ на той сторонѣ этихъ ширмъ, которая обращена къ двери, на особенныхъ устроенныхъ на землѣ подмосткахъ, находится подвижная, вертящаяся жердь. Во время службы эта жердь поднимается и прислоняется къ ширмамъ. Верхній конецъ ея украшенъ черепами хищныхъ животныхъ, флагами, обрывками матерій, конскими волосами и проч., а передъ нею стоитъ столикъ съ жертвенными сосудами и курильницами. Присутствующіе молятся, лежа распростершись на землѣ и приложивъ къ ней лица.

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

Оканчивая этнографическіе очерки народовъ Россіи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ среднеазіатскихъ народахъ, которые нынѣ, при движеніи Россіи въ глубь Средней Азіи, дѣлаются нашими непосредственными сосѣдями и частью составляютъ подданныхъ нашего Туркестанскаго края.

Бухара и Хива суть два главные центра гдѣ группируются эти народы, составъ которыхъ весьма разнообразенъ. Населеніе этихъ двухъ ханствъ самое смѣшанное и состоитъ главнымъ образомъ изъ киргизъ, персіянъ, туркменъ, сартовъ или таджиковъ и узбековъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ типахъ.

LIV. ТАДЖИКИ.

Таджики, живущіе у насъ, сосредоточены главнымъ образомъ въ Зарафшанскомъ округѣ; о нихъ то мы и будемъ говорить.

Таджики имѣютъ три названія: общее — «таджикъ», частное для выходцевъ изъ Мерва — «тадъ» и бранное «сартъ», или «сасыкъ-сартъ»

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *таджъ* и *ли*, т. е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили *корону*. Туркмены называютъ таджиковъ тадъ.

Объясненія туземцевъ слова «сартъ» состоитъ изъ уподобленій сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и проч. «Сасыкъ-сартъ» (тухлый сартъ) кричитъ каракалпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣздники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: «таджикъ-сартъ», при чемъ слово сартъ выговоритъ съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: «таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ — когда бранимъ его».

Городъ есть настоящее мѣстожительства таджика, и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостатокъ мѣстъ внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ — извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіятскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давитъ домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома выростаютъ двухъ этажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ — и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіятскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣстъ

для построекъ въ городѣ заставляетъ таджиковъ, помимо ихъ собственнаго желанія, селиться въ кишлакахъ и въ этомъ случаѣ они избираютъ для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караванными дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

Таджики одинаковы только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы говорятъ совершенно вѣрно: *«всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ»*. Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, китай, катаганъ и т. п. Таджикъ же на такой вопросъ скажетъ: я бухарецъ, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азіи принято, вѣлось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ.

Таджики Заравшанской долины не выражаютъ собою какой нибудь установившійся типъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать, замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ Заравшанскомъ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргелана, Андиджана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи стекались таджики при заселеніи округа послѣ послѣдней катастрофы (120 лѣтъ тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые, имѣя свои типичные отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами, а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины округа, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Таджики второй группы—цѣлъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладаютъ люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черные, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татариномъ). Ихъ брови бываютъ прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ окладистой до того, что называется клиномъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе къ какой помѣси, европейской, авганской и проч., принадлежитъ таджикъ и переходитъ отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ «топоромъ».

Еврейскія и персидскія черты преобладаютъ въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіянъ, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикомъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполнѣ поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служитъ земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ роскошь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семействъ таджиковъ этой группы.

Кровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ арійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличитъ его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утерявъ свой арійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торгашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ узбекъ, скопивъ деньги, въ большей части случаевъ, дѣлается джаляб-сатаромъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); пріобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и прибавитъ къ своему имени эпитетъ «бай» (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно ткетъ; онъ выдѣлываетъ мату, бузъ, и рѣдко—алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузъ почти не ткетъ; онъ берется за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большаго искуства; онъ производитъ: адрясъ, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей: второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ муллъ и не посылаетъ—развѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунеядство, зашибаніе ни за что денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медрессе.

Таджики принадлежатъ къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ оффиціально, принадлежитъ вообще все населеніе округа, исключая евреевъ.

Среднеазіятцы, тѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія «ученый среднеазіятецъ» будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ среднеазіятцу. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религіозный *«фанатизмъ среднеазіятца»* пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религіозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такіе особы и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость; тѣмъ болѣе въ Средней Азіи. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваютъ на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать, они не понимаютъ фанатическаго состоянія человѣка. Бывшій рьяный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и

начинаютъ записывать расположеніе *невѣрныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ—передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ модніе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсъ его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени...

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ намазовъ, хожденія въ мечеть, если видитъ, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждаго своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упущеній въ отношеніи вѣры. Масса не прочь уклониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямаго наблюденія, существованіемъ раисовъ), не посылать своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачею, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одномъ изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался—слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большомъ ходу у туземцевъ. Имамы разсказываютъ слѣдующее: до прихода русскихъ, когда существовала должность раиса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ раисовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много—много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась — прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они разсказываютъ передъ народомъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы разсказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли,—а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ разсказчикъ, иногда съ плачемъ разсказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ, внимательно смотрятъ на жестикуляцію разсказчика, но

какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и разсказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ — оканчиваютъ свой разсказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ разсказчика — это правда, но смотрятъ на него, какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и безплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Тѣмъ не менѣе и чернь, и муллы, и кущы жаждутъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медрессе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ вступить съ кафирами русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ умирать оружіемъ этотъ священный пылъ духовенства. Сарбазы перекололи на дворѣ медрессе. Тилла-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: «наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными». По азіятски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запустѣніи. О благолѣпіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; изсякнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемыя на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣстъ, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ (мечеть и медрессе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности и священности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медрессе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою илатою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже куфическими буквами и на кожѣ газели.

Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6000 святыхъ; однако ничего у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, такъ небрежно, какъ наполненныя прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религіозною цѣлью.

Г. Гребенкину, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, приходилось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: «вы русскіе, сильнѣе насъ и если бы приказали намъ перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны».

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа,

*) На коранѣ впрочемъ видно что-то похожее на слѣды крови.

занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при пѣрвой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они сознаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточиватъ свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ — несообразно съ ихъ натурой, требующей большаго круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подъ силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашетъ.

Имѣя возможность дешево пріобрѣсть работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ рукокодитъ ими и занимается посторонними дѣлами. Самъ таджикъ обработываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковые таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

Въ Средней Азіи вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастерскихъ на широкую ногу, съ затратою большаго капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими размѣрами, разбивается по рукамъ, не сгруппировывается въ одномъ мѣстѣ.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и. что весьма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе пріемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ.

Если дать таджику-*усту* (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту не отойдетъ отъ образца. Таджикъ перемѣняетъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополеваго дерева, заказанный русскимъ мастеровымъ Самарканда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 а иногда и дешевле.

Таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчь и мыла, тюрнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало.

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ немыслимъ, кромѣ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольку чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджи-

*) Льютъ колокола (въ Катта-Курганѣ), плиты и проч.

ка, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ на сколько хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣрнѣе—торгашемъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ—исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ деньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яица, деревянныя ложки, витки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но за то на вырученныя деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручитъ плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получитъ барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастьѣ открываетъ свою лавочку, а не то — становится джалялъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товару на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носитъ товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а разъѣзжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многіе изъ одержимыхъ маніею быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не достигнувъ завиднаго положенія «бая»; многіе отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣновъ раззоряются въ конецъ; ихъ мѣста занимаютъ другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардекеровъ (работниковъ) и проч., съ затаенною мыслію опять когда нибудь быть торгашемъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ — довольство весьма незначительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

Купецъ-таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ съумѣетъ обернуть его разъ десять и даже больше.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, суетливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнивой, беззаботной; объ крайности въ ней уживаются какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе—что онъ до крайности дѣятеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ, другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполнѣ преданномъ разсчету, дѣлу. Какъ объяснить происхожденіе этой видимой разноглясицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣетъ извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, напримѣръ, что-либо пріобрѣсть, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствуетъ ни устали, ни жары, ни холода, и—что особенно странно—онъ дѣлается безстрашнымъ, дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которою онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги пріобрѣтены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превра-

щается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ безсмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такія минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка....

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его отдыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорятъ: таджикъ апатиченъ, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Зарафшанскомъ округѣ, произвелъ людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и безпощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ, — все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повліяла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожащую передъ властями и вліятельными людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагу, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спроситъ: не можетъ ли онъ, напримѣръ, разсказать ему сказку, до которыхъ таджики охотники, то онъ поклянется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыхалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его разспрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, «для забавы», и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполнѣ, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьевъ и даже разскажетъ то, что слушателю вовсе неинтересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачаститъ ходить, будетъ приводить своихъ пріятелей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахару и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему пріятелю хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (пріятелемъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ пріятелей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства громко будетъ разсказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не зналъ, гдѣ бы усадить его, чѣмъ бы получше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ разсказчика съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицомъ, котораго расположеніе слѣдуетъ записывать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожалуй — и прибыльнымъ. Разсказчикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, прота-

гиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете, что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: «видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюра, какъ онъ сжалъ мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя». Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для окружающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюрей находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ льстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говоритъ ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ посторонними, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говоритъ. Любовь таджиковъ къ комплиментамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч., весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличитъ его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взамѣнъ его, выставитъ десять такихъ же ложныхъ показаній и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ и сторонъ дѣла доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвинетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ изворачиваться путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣдился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявитъ, что онъ *бишара*, не имѣетъ на что купить себѣ лепешку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотрятъ какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ заработывать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они —торговцы—и больше ничего!

Жизнь ближняго таджики (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызеніями совѣсти—немыслимо для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унизившаго себя этимъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка —для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка,— такъ разсуждаютъ среднеазіятцы. Палачъ, на рукахъ котораго ири бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ, и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того пріучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлалъ необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякоеноползновеніе къ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба немыслима, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не разстается такъ спокойно съ жизнію, какъ среднеазіятецъ. Мы видѣли, говоритъ г. Гребенкинъ, приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное равнодушіе, совершенная покорность постигшему —вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдст-

віе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть вокругъ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазіятскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ права отнимать ее у него. Пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненныхъ, изувѣченныхъ язвами; одинъ взглядъ на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ощупывали разможженныя свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: «не заживетъ!» Ни стона, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевныя страданія, то самое образовало изъ него труса, неспособнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лицо смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войнъ въ Средней Азіи достаточно убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *сартъ*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: «мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки—дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими? «Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджики всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какимъ то наносимымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарыть прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріятелемъ; но, узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Игра, пари сильно увлекаютъ таджиковъ. Въ каждомъ городѣ Зарафшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все; они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бачей... Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣдныхъ же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держатъ пари за кого нибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ среднеазіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сеиды) или должностью (казіи, муллы, имамы и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и неботатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства—на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаши и земледѣльцы всегда находятся въ зависимости отъ капитала. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцовъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, томаши, то станетъ очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ средне-азіятскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого купечество имѣетъ и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ) — за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, прикрываясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кяфировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы боровшихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, пріобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радекхонекъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медрессе, выходятъ или муллами, или муфтіями и мирзами.

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократія ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званыя томаши, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ зайдетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда осчастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всѣмъ разсказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила «особа», хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ осчастливленный хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнаютъ о пріѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но взойти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограничиваются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особой, и кланяясь въ поясъ, произносятъ *ассалямъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: *«алей-кумъ-ассалямъ»*. Получивъ отвѣтъ, таджикъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ среднеазіатскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ... Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головой и протягиваетъ руку. Почтенный такою явною, публично выраженною благосклонностью, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и, не разгибаясь, пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотрятъ на эту сцену съ умиленіемъ, а осчастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непремѣнно двое или трое потрепютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держать

стремя и вкладываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой — помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадью и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣшиваютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотрятъ не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, копошится. Идутъ разсказни, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклонъ всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины — сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, разспрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ дружкѣ, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ канаусъ и матерію *фарене*. Только и слышатся возгласы, да вздохи; «хаиръ, хай!..

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ рекомме лавкамъ, чайнымъ, парикмахерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрятъ въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ.

Праздникъ, для всѣхъ, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезенъ: всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ поджидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непремѣнно купитъ себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ — застежку, но все же купитъ что нибудь. А чуть позволяютъ средства, онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день.

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмитъ брови подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халатъ, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой по нѣсколько разъ, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма навернута на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, закинувъ голову къ верху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги они никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ на-

пускаетъ на себя еще больше снѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно посматривая на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это время въ лавку войдутъ старыя, уважаемыя лица, онъ непремѣнно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить — неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе разсматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достаткахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикующаго по косточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обновку, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое самолюбіе, намозоливъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ прибавленіями противъ дѣйствительности, разсказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: «хаиръ! хаиръ!» и временами прибавлять: «да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей». А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похожденія своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не даютъ никому покоя своими разсказами, а имъ другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служитъ оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и провожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, щеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветъ на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчасъ же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствѣ его, какъ мусульманина: «пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ», говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пищѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ, его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

LV. У З Б Е К И.

Узбекъ и киргизъ по мнѣнію г. Гребенкина одно и тоже, но цѣльный киргизскій типъ въ Заравшанскомъ округѣ встрѣчается только между кипчаками и ктаями. Остальные же узбеки приняли въ себя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ словъ: *Узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ господинъ. Но такъ какъ слово *бекъ* "не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное, нужно допустить, что «узбеками» они назвали себя уже послѣ покоренія Средней Азіи. Если толкованіе происхожденія названія «узбеки» вѣрно, то во всякомъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелаютъ и съумѣютъ имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ рукахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіянъ, или хотя и узбековъ, но которые уже не признаютъ родовой связи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные, амлякдары, мирзы и проч. — это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоитъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глупыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разшалывались, эмиръ рѣжетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азіи, а слѣдовательно и нашего Заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и упирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира — по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Музаффаръ усмирилъ ихъ и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Прежде узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и миноговъ. Беки такихъ крѣпостей не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожиловъ, весь Міанканъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими кишлаками. Въ мирѣ они не жили между собой и не оста-

УЗБЕКИ.

САРТЫ.

вляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны разсказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ бархапахъ, срывались. Можно насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возставшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Ктаи и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: разсказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, возстать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для возстанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктаи и другіе узбеки возставшихъ родовъ говорятъ «эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или «ирани», и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди ихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько можно убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ.

Болѣе сильные роды удержали еще старинныя преданія о своемъ бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питаютъ презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачатся по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говоритъ, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой разсказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвастовству: не выдаютъ одни богаи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продаютъ дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ даютъ больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство, — для среднеазіатца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевыя (въ нѣкоторыхъ семействахъ и пахапье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, приготовляютъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткутъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы и проч. и проч. Кромѣ того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудѣ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или сноситъ снопы на хирманы (токъ), провѣваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—волъ, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мущина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ разъѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ разсчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена на свои заработки, на выручку отъ пряжи, продажи кокономъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ всѣхъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ-заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

Самые богатые узбеки донашиваютъ свое платье до обращенья въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдаютъ его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взросломъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ свою будущую помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущаго своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Матъ и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самыя пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и какъ кошки царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго раза можно подумать, такъ какъ о ревности азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Мужъ по узбекски значитъ *иркекъ* — самецъ; слово иркекъ одинаково примѣняется къ быку, собакѣ и т. п. Несогласія между женами одного иркека происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены побольше имѣть вліянія на хозяйство иркека, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій платокъ отъ самца, а другая — худшій. «Мнѣ все равно — любитъ-ли меня мужъ, или нелюбитъ, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой иркекъ — онъ любитъ меня» — такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ женщинахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые имѣя по нѣсколько женъ, (наприм. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола. Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только оффиціально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15—20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; зачастую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріятели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, встрѣчается впрочемъ не во всѣхъ узбекскихъ родахъ. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти ростутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвушкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или заработываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у отца въ работникахъ, т. е. заработываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, но формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается «фатиха», но «никахъ» (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать сожительство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожительствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака*—далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтится, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отвернуться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, неизвѣстно; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорятъ слѣдующее: кто хочетъ жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія заравшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лицо отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно формулировано такъ: «женщина не можетъ показывать свое лицо, руки и ноги (голыя) тому, за кого она можетъ выйти замужъ»; Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ее среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточки, оборотясь къ мущинѣ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иркекъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей—таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ по-поламъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ кишлакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ

и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполнѣ естественное сожительство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатитъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности жениховъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ получилъ согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ масляхатъ, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы фатиха, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родовитости ихъ. Калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе въ зараванскомъ округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ невѣсты, или тратой на угощенія, дѣлаемыя родственниками невѣсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители невѣсты не получаютъ отъ жениха ни копѣйки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о калымѣ.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), гребешковъ мѣдныхъ серегъ, колецъ, лентъ, матъ на рубашки и разныхъ другихъ туземныхъ матерій, а также и фаренги (русскихъ и англійскихъ) лакомства также играютъ роль: дарятъ сѣру для жеванія, изюмъ, урюкъ, медъ, куски сахару и т. п. Иногда дарятъ мясо, баранину, сало, рисъ, горохъ и другой зерновой хлѣбъ. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ калыма. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще извѣстное количество денегъ родителямъ невѣсты или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, ишаковъ и верблюдовъ.

Когда родители невѣсты получили уже отъ жениха или его родныхъ нужное по уговору количество калымнаго взноса, назначается день *никахъ-тоя* — день свадьбы.

По извѣстному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть невѣсту; но въ зараванскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою невѣсту, но зачастую и живетъ съ ней какъ съ женою.

Свадьба совершается у отца невѣсты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачущихся, заключается у казія (обыкновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внесъ за *такую-то столько-то*. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной ѣды), молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а невѣста — женой. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же невѣсты — ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молитву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бываютъ и *кемпыръ* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, женихъ и невѣста выбираютъ себѣ дружекъ. Первый — изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая—изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отъ джичившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе или *томаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невѣсту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно сидятъ почетныя женщины, въ меньшей — молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи дружекъ и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодаго. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжатъ, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодаго, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ кушаньями, лепешками, сластями, а онѣ занимать его разговорами. Разговоры бываютъ обыкновенно очень сальные и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу кстати, что сальности, которыя говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва-ли когда могутъ быть произнесены самыми отпѣтыми мужчинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10—30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставятъ неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатые; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ которой находится брачная постель, убирается всѣмъ приданымъ невѣсты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши, и ичеги. При восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходитъ до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; причемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значитъ; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которыя, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ прини-

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

мается во вниманіе: жилъ-ли мужъ съ женою будучи еще ея женихомъ; о сожительствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: «жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной,—все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена она свободна» и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ черезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодаго; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домѣ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужняя узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четырехъ дѣтей.

Во все время раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

Лазарь Борисовичъ Гуревичъ

Народы, населяющіе Россію, столь разнообразны по своимъ типамъ, костюмамъ, нравамъ и обычаямъ, что описаніе ихъ и наглядное изображеніе всегда возбуждало интересъ, и въ началѣ настоящаго вѣка было нѣсколько заграничныхъ изданій, которыя, по тогдашнему состоянію художественной техники, были весьма несовершенны, а кромѣ того во многихъ случаяхъ и фантастичны. Къ тысячелѣтію Россіи было въ первый разъ сдѣлано великолѣпнѣйшее изданіе «Les Peuples de la Russie» Паули съ роскошными хромолитографіями и при томъ сдѣланными на основаніи болѣе вѣрныхъ этнографическихъ данныхъ. Но изданіе это, даже и въ первое время его появленія, по цѣнѣ своей и роскоши, было недоступно для публики, нынѣ же, когда цѣна нѣсколькихъ экземпляровъ, оставшихся въ продажѣ, дошла едва не до 200 руб. за экземпляръ, можно сказать, что оно совершенно недоступно. Дѣлать вновь подобное изданіе въ Россіи невозможно; но составить альбомъ въ меньшихъ размѣрахъ, исполненный однако хорошо, и издать его не такъ роскошно съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтеніе его сдѣлать вполнѣ доступнымъ для публики, приняло на себя Картографическое Заведеніе Ильина.

Въ альбомѣ «НАРОДЫ РОССІИ» будутъ хромолитографированы слѣдующіе типы русскихъ народовъ:

1) Великоруссы. 2) Малороссы. 3) Бѣлоруссы. 4) Поляки. 5) Латыши. 6) Литовцы. 7) Вотяки. 8) Зыряне. 9) Финны. 10) Мордва. 11) Черемиссы. 12) Евреи. 13) Цыгане. 14) Молдаване (Румыны). 15) Крымскіе татары. 16) Казанскіе, симбирскіе и сибирскіе татары. 17) Башкиры. 18) Киргизы. 19) Осетины. 20) Армяне. 21) Грузины. 22) Имеретинцы. 23) Мингрельцы. 24) Гурійцы. 25) Чеченцы. 26) Лезгины. 27) Кабардинцы. 28) Курды. 29) Якуты. 30) Тунгузы. 31) Гиляки. 32) Айно. 33) Бурята. 34) Калмыки. 35) Самоѣды. 36) Юраки. 37) Остяки. 38) Чукчи. 39) Каряки. 40) Камчадалы. 41) Бухарцы. 42) Хивинцы. 43) Туркмены. 44) Сарты и 45) Узбеки.

Къ этимъ хромолитографіямъ приложенъ и текстъ съ описаніемъ нравовъ, образа жизни и обычаевъ поименованныхъ народностей. Въ текстѣ кромѣ того гравюры, изображающія типы, сцены, замѣчательные города Россіи и другія заслуживающія вниманія мѣста.

Приступая къ изданію, Картографическое Заведеніе считаетъ долгомъ заявить, что оно слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было притязаній на научный характеръ «Живописнаго Альбома». Уже самое названіе показываетъ, что главная цѣль состоитъ въ живописномъ воспроизведеніи народныхъ типовъ Россіи; текстъ же не болѣе какъ дополненіе къ рисункамъ и написанъ въ самой популярной формѣ съ цѣлью ознакомить съ наиболѣе характерными этнографическими чертами различныхъ племенъ. Объемъ описаній и степень интереса ихъ должны быть, конечно, весьма различны и зависѣть отъ тѣхъ этнографическихъ особенностей, которыя присущи каждому племени. Чѣмъ племя наиболѣе отличается отъ славянскаго, тѣмъ описаніе его можетъ показаться интереснѣе; для племенъ же славянскихъ, этнографическій бытъ которыхъ болѣе или менѣе извѣстенъ каждому изъ русскихъ, для заинтересованія читателя потребовался бы цѣлый научный трактатъ, который не подходилъ бы уже подъ предпринятый трудъ. Этимъ объясняются тѣ рамки, въ которыя включенъ текстъ «Живописнаго Альбома».

Путешествіе въ Индію и на Цейлонъ, Грандидье, съ рис., ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к., вѣс. за 4 ф.

Западный Суданъ, Мажа, съ рис., ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., перес. за 4 ф.

Подъ тропиками, Аппуна, ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р., вѣс. за 3 ф.

Путешествіе Дю-Шалью во внутреннюю Африку, ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., вѣс. за 2 ф.

Чрезъ Сибирь въ Австралію и Индію, Руссель Киллуга, ц. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Венгрія и ея жители. Петерсона. Цѣна 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р., перес. за 2 ф.

Русскій въ Америкѣ, Владимірова, ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Африкѣ и Индіи, Скальковскаго, ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Въ странѣ ига и свободы, Скальковскаго, ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., вѣс. за 2 ф.

Воздушныя путешествія Глешера, Фламмаріона, Фонвіеля и Тиссандье, съ рис., ц. 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Среди дикарей. У американскихъ индѣйцевъ, Кэтлинъ. **У австралійскихъ дикарей**, Перронъ Даркъ, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р., перес. за 2 ф.

Современная Черногорія, Фриллея и Влохити, съ картою и рис., ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Дунайская Болгарія, Канитца, съ картою, ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Востокъ и Западъ. Англія и страна жемчуга, Жаколью. ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Испанія, ея роскошь и нищета. Имбера, съ рис., ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Страна милліардовъ (Германія), Тиссо, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р., перес. за 2 ф.

Кохинхина, Атакама и Измаилія Съ рис., ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Полюсъ, тропики и атмосфера. Съ рис., ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Парижъ. Его органы, отправленія и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка. М. Дюканъ. Два тома, ц. 6 р., въ перепл. 6 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Альпійскій міръ. Чуди, съ рис., ц. 4 р. 50 к., къ перепл. 5 р., перес. за 3 ф.

Малайскій Архипелагъ. Уэлласа. Съ рис., ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Какъ я отыскалъ Ливингстона, путешествіе и приключенія Стэнли внутри Африки. Съ рис., ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Швейцарскія Альпы. Берленша. Съ рис., ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

…нія и Австралія, Кристмана и Оберлендера, ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., перес.

…, Максимова. **Плаваніе русскаго корвета «Аскольдъ»**. Ц. 2 р., въ …0 к., перес. за 3 ф.

…ешествіе Бовуара въ Австралію и на островъ Яву. Ц. 1 р. 50 к., … перес. за 4 ф.

…Европѣ, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р., перес. за 3 ф.

…ерокъ. Съ рис., ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р., перес. за 2 ф.

…сточныхъ нравовъ, Вамбери, ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.,

…

3. Изданія, выходящія по подпискѣ.

1. **Подробный географическій атласъ всѣхъ частей свѣта.** Отъ 2 выпусковъ, выходитъ по подпискѣ. Вышло 12 выпусковъ. Цѣна каждаго по 1 руб. за 2 фунта. При подпискѣ, сверхъ стоимости, вносится 1 р. Послѣдній выпускъ разосланъ безплатно.

2. **Альбомъ Государыни Императрицы.** Выходитъ по выпускамъ. В… выпусковъ. Цѣна каждому по 5 руб., вѣс. за 20 фунт.

2. **Всемірная географія.** Элизе Реклю.

Это роскошное иллюстрированное изданіе, выходящее въ Парижѣ литерозом… реводится въ Россіи съ корректурныхъ листовъ и появляется отдѣльными том… одному въ годъ. По выходѣ въ свѣтъ одного тома, открывается подписка на слѣ… Подписная цѣна 6 рублей за томъ. Къ русскому изданію прилагаются большія … которыя, по выходѣ всѣхъ томовъ, составятъ подробный географическій атла… отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 8 рублей.

Донынѣ вышли слѣдующіе томы:

Томъ I. **Грецiя. Сербія. Румынія. Болгарія. Черногорія. Турція. И… Португалія. Италія.** 764 стран. и 80 рисунковъ.

Томъ II. **Франція.** 668 страницъ и 70 рисунковъ.

Томъ III. **Швейцарія. Австро-Венгрія. Германія.** 832 страницы и 72 рис…

Томъ IV. **Бельгія. Голландія. Великобританія.** 753 стран. и 78 рисунков…

На V и VI томы, въ которые войдутъ **Скандинавскія государства и Россія** Европейская, такъ и Азіатская, открыта подписка по 6 р. за томъ. …сываться можно какъ на оба тома, такъ и на одинъ.

Дешевыя изданія для дѣтскаго чтенія, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

1. **Начало русскаго царства.** С. Павловича. Съ 12 большими рисунками . . . . . Ц. 25 к. съ пер…
2. **Русская земли отъ Ярослава до Татарскаго погрома.** Съ рисунками . . . . . » 25 » »
3. **Послѣдніе дни Спасителя.** Съ рисунками . . . . . » 20 » »
4. **День и ночь въ Севастополѣ** . . . . . » 20 » »
5. **Соль и гдѣ ее берутъ** . . . . . » 10 » »
6. **Чай и его польза** . . . . . » 10 » »
7. **Книжка для чтенія.** Съ рисунками . . . . . » 40 » »
8. **Геройская смерть Данилова.** Съ рисунками . . . . . » 20 » »
9. **Равнины и пустыни.** Съ рисунками . . . . . » 15 » »
10. **Луговыя и песчаныя степи.** Съ рисунками . . . . . » 20 » »
11. **Горы и горная природа.** Съ рисунками . . . . . » 20 » »
12. **Подвиги русскихъ войскъ** . . . . . » 20 » »
13. **Бой подъ Плевной** . . . . . » 20 » »
14. **Житіе св. угодниковъ** 25

ВОЙНА 1877—1878 ГГ.

БОЛЬШОЕ И РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Подъ редакціею Генералъ-Маіора Зыкова.

Разработать исторію послѣдней кампаніи по силамъ только одному правительству, на что потребуется весьма значительный трудъ и очень много времени. Но врядъ ли можно отрицать, что крайне необходимо теперь же дать такое систематическое описаніе нынѣшней кампаніи, которое было бы вполнѣ доступно пониманію не однихъ только военныхъ людей, но каждаго человѣка, сколько нибудь интересующагося дѣломъ, за которое проливалась кровь русскаго солдата и для успѣха котораго шли трудовыя копѣйки русскаго народа.

Такого рода систематическое изложеніе минувшей кампаніи предпринято подъ редакціею генералъ-маіора Зыкова.

Цѣль описанія заключается въ томъ, чтобы систематически изложить всѣ военныя дѣйствія такимъ образомъ, чтобы дѣла ни одной части войскъ не ускользнули отъ читателей; чтобы каждый извѣстный подвигъ, совершенъ ли онъ начальникомъ части или простымъ рядовымъ, былъ занесенъ на страницы описанія, и чтобы каждый, даже вовсе не посвященный въ тайны военной науки, могъ ясно уразумѣть картину военныхъ дѣйствій, понять значеніе описываемаго дѣла и чрезъ то достойно оцѣнить доблесть нашего солдата и его ближайшаго начальника — всегда бывшаго во главѣ солдатъ — русскаго офицера.

Текстъ сопровождается картами, планами, рисунками разныхъ мѣстъ, пройденныхъ нашею арміею, сценами боевыми и бытовыми и въ особенности портретами главныхъ начальниковъ и лицъ, отличившихся какими-либо подвигами. Все изданіе обнимаетъ собою слѣдующіе отдѣлы:

1) Историческій очеркъ войнъ Россіи съ Турціею за свободу славянъ, поводы и причины послѣдней войны и приготовленія къ ней. Переходъ за границу.

2) Дѣйствія русскихъ до переправы и переправа черезъ Дунай.

3) Взятіе Никополя и движеніе къ Плевнѣ.

4) Первый Забалканскій походъ отряда генерала Гурко и обратное движеніе его по сю сторону Балканъ.

5) Дѣйствіе подъ Плевною отъ 7-го іюля до 28-го ноября, по день сдачи Османа-паши.

6) Дѣйствія на Шипкѣ отъ возвращенія изъ-за Балканъ отряда генерала Гурко до взятія генераломъ Радецкимъ въ плѣнъ турецкой арміи Весселя-паши.

7) Дѣйствія Рущукскаго Наслѣдника Цесаревича отряда съ сформированія его до конца кампаніи.

8) Общій переходъ русскихъ за Балканы и движеніе къ Константинополю.—Санъ-Стефанскій миръ.

Въ текстѣ помѣщено болѣе 160 рисунковъ, картъ и плановъ. Все сочиненіе составляетъ два большихъ тома формата съ ¹/₄ долю листа.

Получать можно въ редакціи «Досугъ и Дѣло» при картографическомъ заведеніи г. Ильина, на углу Большой Мастерской и Гофскаго проспекта, домъ № 11—43, въ книжномъ магазинѣ и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна за **два тома 6 руб., съ перес. 7**

Каждый подписчикъ получаетъ изданны
ленія, большой портр
въ Зимницѣ.